

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Северо-Западный
ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ.

130 миль
1918 г.

№ 3

*Скелет
1 Мроз...*

12. С...
1777 62
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ

СЕРГЕЙ ВОЙТИКОВ

**ЗАГОВОР В ПОЛЕВОМ
ШТАБЕ РЕВВОЕНСОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ**

АРМИЯ И ВЛАСТЬ

07
Ввод. № 1227
1918 г.

КОРНИЛОВ
ВАЦЕТИС
ТУХАЧЕВСКИЙ

АРМИЯ И ВЛАСТЬ

АРМИЯ

ЗАГОВОР В ПОЛЕВОМ
ШТАБЕ РЕВВОЕНСОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ

И

**СЕРГЕЙ
ВОЙТИКОВ**

ВЛАСТЬ

**КОРНИЛОВ
ВАЦЕТИС
ТУХАЧЕВСКИЙ**

1905—1937

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 82-8
ББК 84(2)
В65

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

Рецензенты:

к. и. н. М.Ю. Морукон,
к. и. н. М.С. Свидзинская

Войтиков С.С.

В65 Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905—
1937 / Сергей Войтиков. — М.: Центрполиграф, 2016. — 784 с.

ISBN 978-5-227-06574-2

Армия — вечная проблема любой власти. Как сохранить боеспособность вооруженных сил и не быть свергнутым? Этот нелегкий вопрос должен постоянно задавать себе любой правитель, хорошо усвоивший истину, что корона представляет собой головной убор, который снимается исключительно вместе с головой. В настоящей книге рассматриваются идеи военной диктатуры и Большого Генерального штаба в Российской империи и СССР со времен создания Совета государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича Младшего и до ликвидации «антисоветского военно-троцкистского заговора» в годы сталинского террора. Ключевым сюжетом книги явилось легендарное дело «Ставка» 1919 г. Особого отдела ВЧК, находящееся на хранении в Центральном архиве ФСБ России. В июле 1919 г. был арестован главнокомандующий всеми вооруженными силами республики Вацетис, а с ним — с десяток его ближайших сотрудников. Почему старые большевики ненавидели Троцкого? Чего опасалось высшее большевистское руководство государства Советов? В чем был виновен главком? Почему отдал на заклинание своего спасителя Ленин? Какотреагировал «вождь Красной армии» Троцкий? Что выгадал Дзержинский? На эти и другие острые вопросы отвечает московский историк Сергей Войтиков.

**УДК 82-8
ББК 84(2)**

ISBN 978-5-227-06574-2

© С.С. Войтиков, 2016
© «Центрполиграф», 2016
© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2016

*Татьяне Александровне и Сергею Николаевичу Войтиковым
с пожеланием крепкого здоровья и благодарностью
за неизменную поддержку всех моих начинаний*

ВВЕДЕНИЕ

Армия — вечная проблема любой власти. Как сохранить боеспособность вооруженных сил и не слететь? Этот нелегкий вопрос должен постоянно задавать себе любой правитель, хорошо усвоивший истину, что корона представляет собой головной убор, который снимается исключительно вместе с головой.

В настоящей книге рассматриваются идеи военной диктатуры и Большого Генерального штаба в Российской империи и СССР со времен создания Совета государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича Младшего¹ и до ликвидации «антисоветского военно-троцкистского заговора» в годы сталинского террора. Ключевым сюжетом книги явилось легендарное дело «Ставка» 1919 г. Особого отдела ВЧК, находящееся на хранении в Центральном архиве ФСБ России.

3 сентября 1927 г. на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) уже окончательно проигравший борьбу за власть «Красный Бонапарт» Лев Троцкий и его победитель Иосиф Сталин припоминали друг другу прошлые ошибки и разногласия. В частности, речь зашла о стратегических планах Красной армии летом 1919 года:

[И.В.] Сталин: Я утверждаю, я об этом заявлял в печати и никто (Троцкий. — С. В.) не опровергал, что в самых важных случаях Гражданской войны, когда дело шло об основных врагах, о Деникине и о Колчаке, основные военные вопросы решались у нас (в большевистском ЦК. — С. В.) без Троцкого.

[Л.Д.] Троцкий: Да разве я могу опровергать всю клевету против меня? Где? Каким путем? Издадим всю переписку с Лениным, она у меня подбрана. <...>

[И.В.] Сталин: ...Вопрос стоял в Политбюро так: двигаться ли дальше Уфы, прогнав Колчака за Урал и оставив за собой Урал, или остановиться на линии Уфы, оставив Урал в руках Колчака, и пере-

бросить войска на юг. Троцкий высказывался за приостановку наступления в районе Уфы и, стало быть, за оставление Урала в руках Колчака. Политбюро высказалось против этого плана, считая, что план Троцкого означал бы помощь Колчаку, и постановило продолжать наступление на Колчака, прогнав его за Урал. В связи с этим Политбюро (формально — Центральный комитет. — С. В.) решило заменить главкома [И.И.] Вацетиса, который был тогда сторонником плана Троцкого, другим главкомом — [С.С.] Каменевым² — и послать на фронт новых работников. С того времени Троцкий был совершенно «отшит» от Восточного фронта. Вацетиса заменили Каменевым, послали на Восточный фронт новых людей и ликвидировали таким образом Колчака против [воли] Троцкого»³.

В данном контексте И.В. Сталин подал события, связанные с одним из наиболее загадочных эпизодов Гражданской войны — «заговором в Полевом штабе Реввоенсовета Республики».

Парадоксально, но Л.Д. Троцкий в эмиграции представил события, связанные с «заговором в Полевом штабе», в том же самом контексте. Из эпохального труда о генеральном секретаре ЦК: «Когда [С.С.] Каменев обязался, не приостанавливая наступления на Урале, дать Южному фронту несколько дивизий и сдержал обещание, его авторитет, естественно, повысился за счет авторитета Вацетиса, который продолжал упорствовать, когда его ошибка обнаружилась полностью. [И.Т.] Смилга, [М.М.] Лашевич и [С.И.] Гусев предложили... назначить Каменева главнокомандующим. Успехи Восточного фронта подкупили Ленина и сломили мое сопротивление. Но тут в события вмешался эпизод, смысл которого остается не вполне ясным для меня и сейчас»⁴.

Что же известно об этом «заговоре», весь «смысл» которого якобы был не вполне ясен «второму вождю революции»? Как установил украинский исследователь Я.Ю. Тинченко, по обвинению в измене арестовали главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики бывшего полковника И.И. Вацетиса, [исполняющего обязанности] начальника Полевого штаба бывшего генерала Ф.В. Костяева⁵, ряд их сотрудников — нескольких выпускников старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии (генштабистов 1917 г.). За арестом последовала охота на весь выпуск. Ни Вацетис, ни Костяев, ни генштабисты серьезно не пострадали, хотя в тюрьме последних держали по полгода и более. Основываясь на позднейших показаниях одного из генштабистов, Я.Ю. Тинченко датировал арест Вацетиса 25 июня 1919 г. Зная, что официально главкома сместили только 8 июля, Я.Ю. Тинченко, вероятно, счел достаточно достоверным рассказ брата управляющего делами Совета народных комиссаров (СНК, Совнарком) В.Д. Бонч-Бруевича генерала Михаила Бонч-Бруевича⁶ (в воспоминаниях которого, кстати, много искажения фактов) об имевшем якобы место

разговоре генерала с И.И. Вацетисом, в ходе которого последний будто бы заявил, что он продолжал руководить войсками, находясь в заключении⁷. Однако из письма И.И. Вацетиса председателю Совнаркома, «вождю» большевиков, основателю и бессменному члену Центрального комитета (ЦК) партии, В.И. Ленину от 21 октября 1921 г. выясняется, что главком был 8 июля арестован и сразу же изолирован⁸. Следовательно, нуждается в уточнении даже хронология арестов. Также Я.Ю. Тинченко, основываясь на документах Государственного архива Службы безопасности Украины, выдвинул тезис об аресте большей части генштабистов 1917 г. — около 80 человек. Цифра выглядит убедительно: в июне 1918 г. в Генеральный штаб перевели 133 генштабиста 1917 г. (см. приложение к док. № 2.1.1), а по состоянию на 15 ноября 1919 г. общим отделением Оперативного управления Полевого штаба насчитывалось 426 генштабистов, из них «выпуска 1917 года» — всего 67 человек (15,7%)⁹. Однако Я.Ю. Тинченко не учел то обстоятельство, что генштабистов 1917 года «взяли» по разным делам. Так, из ответа Управления делами Особого отдела ВЧК выясняется, например, что бывший начальник разведывательного отделения штаба 7-й армии генштабист В.Ф. Тарасов¹⁰ был арестован как друг и ближайший сослуживец расстрелянных активных участников по делу «Петроградского заговора Авенариуса и Люндеквиста». Тарасов «жил вместе с Авенариусом; знал о симпатиях Люндеквиста к белым и сам выказывал симпатию к белым (показания Люндеквиста)»¹¹. А генштабиста 1917 г. В.Г. Зиверта, как установили А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров, и вовсе арестовала в 20-х числах сентября 1919 г. не Всероссийская, а Московская ЧК¹². Небольшое уточнение: фактически Зиверт уже был от руководящей работы отстранен: 19 сентября 1919 г. приказом по Полевому штабу «состоящий в распоряжении Полевого штаба... генштаба Владимир Генрихович Зиверт прикомандировывается к разведывательному отделению с сохранением содержания, получаемого им по должности консультанта Регистрационного управления РВСР»¹³.

Не ранее 23 июля 1919 г. один из руководителей советской военной контрразведки И.П. Павлуновский¹⁴ «сострипал» (так выразились авторы «Империи ГРУ»¹⁵) и представил В.И. Ленину «Доклад по делу о белогвардейской организации в Полевом штабе Революционного военного совета Республики». Павлуновский доложил, что группа лиц в составе четырех генштабистов, как установило следствие, ставила перед собой следующие задачи: установление связи со штабами Деникина и Колчака; свержение Советской власти путем внутреннего переворота; захват аппарата управления армии в свои руки под видом воссоздания Генштаба. Павлуновский доложил, что группа находилась на начальной стадии формирования и успела «лишь частично приступить» к реализации намеченных задач, а потому ее деятельность не отразилась на боевых действиях Красной

армии; с установлением связи группы со штабами Колчака и Деникина, которую, судя по добытым (выбитым?) у арестованного преподавателя Академии Генштаба РККА Ю.И. Григорьева показаниям, предполагалось установить «недели через две», положение могло измениться¹⁶. В ходе предварительного следствия причастность Вацетиса к белогвардейской организации не была установлена, и дело о нем передали во ВЦИК. Президиум ВЦИК 7 октября 1919 г. признал Вацетиса «крайне неуравновешенным, неразборчивым в своих связях» человеком, окруженным компрометирующими его элементами. Признав вину Вацетиса недоказанной, а заслуги первого главкома «бесспорно крупными», Президиум ВЦИК передал его в распоряжение военного ведомства¹⁷. Такая хронология выстраивается по сборнику «В.И. Ленин и ВЧК» 1987 г., на который в основном и опираются исследователи.

Могильную плиту на события, связанные с «заговором в Полевом штабе», наложили доклады на I съезде особых отделов И.П. Павлуновского и управляющего делами ВЧК Г.Г. Ягоды¹⁸ от 22 декабря 1919 г. и 3 января 1920 г.¹⁹ Полевой штаб ни в одном из них не назван, зато сказано, что контрреволюционная организация «Национальный центр» использовала для своих целей аппараты Главного управления военно-учебных заведений (ГУ ВУЗ), Главного военно-инженерного управления (ГВИУ), Центрального управления по снабжению армии (ЦУС), Штаба ж.-д. войск; имела сильные связи в Военно-законодательном совете (ВЗС), Всероссийском главном штабе (ВГШ) и «некоторых главках и центрах»; «почти во всех органах [военного] управления сидели белогвардейцы» (Павлуновский)²⁰. Объяснение простое: арест людей, чья виновность была весьма сомнительной, проще всего было подать в контексте видного дела — таковым и стало дело «Национального центра». Историки только в начале 2000-х гг. осознали, что корпус генштабистов отнюдь не был единым²¹, а в 1917—1919 гг. для любого партийного работника были, напротив, «одним миром мазаны» все военные специалисты. Поэтому в докладе Ф.Э. Дзержинского на заседании Московского комитета РКП(б) от 24 сентября 1919 г. вопрос о подготовке военного переворота в Ставке в контексте арестов членов «Национального центра» и сотрудников Штаба Добровольческой армии Московского района (см. док. № 2.3.13) даже не упомянут. Особый отдел ВЧК и его руководители подвергались жесткой критике со стороны главы военного ведомства, у них появился шанс отомстить лично Троцкому и поднять свою значимость — если в армии повсюду враги (по заявлению Павлуновского, в конце 1918 г. «контрреволюционная организация [в армии]... окончила свое строительство»²²; Ягоды — «раскрытые крупные белогвардейские организации, „Национальный центр“ и др., показывают, до какой степени контрреволюция внедрилась в наш военный аппарат»²³), то и

значимость особых отделов должна вырасти — перед ними «стоит тройная задача. Во-первых, борьба с персональным предательством, во-вторых, фронтовой контрреволюцией и, в-третьих, с технической контрреволюцией»²⁴. С точки зрения «связи» «Национального центра» и «заговора в Полевом штабе» представляют интерес наблюдения историков спецслужб: «Имеющиеся материалы не позволяют однозначно говорить о связи между разведывательными органами А.И. Деникина, А.В. Колчака, Н.Н. Юденича и антисоветским подпольем в Москве, Петрограде и других городах»²⁵. Какая уж тут связь между главкомом и генштабистами «Красной Ставки» — с агентами Деникина?

Над подоплекой событий «заговора» в постсоветский период ломали голову биографы Троцкого В.Г. Краснов и В.О. Дайнес, исследователи кадров военного ведомства (С.Т. Минаков, Я.Ю. Тинченко), специалисты по истории разведки (А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров) и др. Считают, что «заговор» имел место С. Остряков, Е.И. Белов и И.А. Дорошенко, публицисты Л.М. Млечин, Н.С. Черушев и С.Т. Минаков. Исследователь А.А. Зданович в историографической части своей статьи о «заговоре» дает оценки работам С. Острякова, Е.И. Белова и И.А. Дорошенко, Л.М. Млечина и Н.С. Черушева. По мнению исследователя, «С. Остряков не только подтверждает наличие заговора, но и указывает на связь заговорщеской группы с французской и польской миссиями, а также с антисоветским подпольем в Москве. Следовательно, «офицерскую организацию» смело можно назвать шпионской, что и было сделано Е.И. Беловым и И.А. Дорошенко в статье «Создатель советской военной контрразведки». Л.М. Млечин в книге «Русская армия между Троцким и Сталиным» искал факты о противостоянии этих лидеров РКП(б). Естественно, по меткому замечанию А.А. Здановича, «эпизод с арестами в Ставке летом 1919 г. как нельзя лучше подходил для решения поставленной задачи». Н.С. Черушев, не вводя в научный оборот новых фактов, сделал одиозный вывод: «...компетентные органы уже в те годы предпринимали меры, чтобы показать свою полезность делу революции, где надо и не надо размахивая карающим мечом»²⁶.

В параграфе «Слухи о военном заговоре в Красной армии» исследования о советском военном руководстве 1920-х гг. С.Т. Минаков ограничивается пересказом трех документов сборника 1975 г. «В.И. Ленин и ВЧК» и позднейшими мемуарами Троцкого. Ссылка на единственный документ неточна: РГВА, ф. 33987 (в фонде секретариата председателя Реввоенсовета Республики три описи, тысячи дел и миллионы документов). С.Т. Минаков пишет, что один из участников контрреволюционной группы (скорее всего, имеется в виду состоящий для поручений при главкоме Е.И. Исаев) заявил, что группа планировала «создать сильный „Генеральный штаб, ко-

торый влияет на все отрасли жизни страны в целях ее военной мощи, независимо от того, кто стоит во главе правления“», войдя для этого в контакт со служившими у Деникина и Колчака выпускниками Николаевской военной академии²⁷. С.Т. Минаков считает июльские аресты кульминацией событий, начавшихся в мае 1919 г. и связанных с белогвардейской организацией в Петрограде, изменами ряда военных специалистов и сдачей нескольких фортов на подступах к Петрограду²⁸. Следует сразу заметить, что в Петрограде действительно действовала контрреволюционная организация, однако к делу «Ставка» она никакого отношения не имела.

Остальные исследователи (И. Дойчер, В.Г. Краснов и В.О. Дайнес, А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров, Я.Ю. Тинченко) считают обвинения главкома и его соратников *фальсификацией*, но расходятся в определении ее причин.

Апологету главы военного ведомства Троцкого Исааку Дойчеру показалось, будто бы арест Вацетиса (и, соответственно, его сотрудников) был задумкой И.В. Сталина. Арест главкома, предположил Дойчер, должен был в очередной раз унижить Троцкого²⁹. На наш взгляд, такое объяснение — результат поздней (1929) положительной мемуарной оценки Троцким Вацетиса: «Вацетис был предприимчив, активен, находчив... В противоположность другим военным академикам он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение. В то время как прочие „спецы“ больше всего боялись переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИК»³⁰. Версия И. Дойчера представляется малоубедительной хотя бы потому, что отношения Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики и председателя РВСР длительное время были до крайности натянутыми: лишь после того, как в декабре 1918 г. после бестактности Л.Д. Троцкого главком едва не собрался покончить жизнь самоубийством, а В.И. Ленин и Я.М. Свердлов попросили в телеграмме Л.Д. Троцкого наладить взаимоотношения с И.И. Вацетисом³¹, председатель РВСР изменил тактику в отношении своего основного подчиненного. Вряд ли арест И.И. Вацетиса мог бы унижить Л.Д. Троцкого, хотя (отдадим должное Троцкому) предположение И. Дойчера о заступничестве второго за первого полностью подтверждается источниками³². Тот факт, что ситуацией воспользовался И.В. Сталин, отнюдь не означает, что за арестом главкома стоял именно этот член Политбюро ЦК РКП(б)³³.

Я.Ю. Тинченко выдвинул, на первый взгляд, достаточно аргументированную версию подоплеку ареста сотрудников Полевого штаба — необходимость найти виновных в неудачах Красной армии летом 1919 г.³⁴ Кстати, именно эту версию можно назвать «официальной»: даже в 1922 г. на «процессе организаторов Донской повстанческой

армии» помощник комиссара Штаба РККА А.Р. Орлинский³⁵ (представитель общественного обвинения на процессе) упомянул «эпоху 1919 г., когда был открыт врагам наш Южный фронт». И добавил: «Важность дела не только в том, чего достигли и чего фактически совершили обвиняемые, а в той атмосфере, которую они создали»³⁶. Вероятно, «заговор в Полевом штабе» стал для большевиков чем-то вроде «судебного прецедента».

А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров связали события «заговора» (по сборнику «В.И. Ленин и ВЧК») и арест технического создателя центрального аппарата советской военной разведки и военной контрразведки, консультанта Регистрационного управления генштабиста Георгия Теодори. Авторы «Империи ГРУ» выдвинули две версии. Вторая более простая: сам председатель ВЧК Феликс Дзержинский, ободренный легкостью, с которой ему удалось в начале 1919 г. увести у военного ведомства контрразведку³⁷, решил повторить этот номер и с военной разведкой. К сожалению, авторы «Империи ГРУ» не учли заявление М. Алексеева, рассмотревшего июльские события в контексте истории органов руководства советской разведкой: аресты в Полевом штабе привели «к созданию специальной комиссии для проведения чистки разведорганов»³⁸. Таким образом, А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоров поменяли причину со следствием. Первая версия этих исследователей более сложна и несколько приближена к действительности: смерть в начале 1919 г. председателя ВЦИК (главы Советского государства), руководителя Секретариата ЦК и члена ЦК РКП(б) Свердлова разрушила баланс сил в большевистской верхушке. Пока все логично. В итоге, по мнению А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова, «малоавторитетный в партийной элите», но занимавший ключевой в период Гражданской войны пост Троцкий фактически занял место Свердлова, что вызвало «ревность» к нему двух других большевистских лидеров — кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) и председателя Петросовета Г.Е. Зиновьева и Сталина. Они использовали Дзержинского для травли Троцкого: с одной стороны, под арестом оказался «близкий» Троцкому Вацетис, а с другой — военная разведка перешла из центрального аппарата управления РККА в систему органов ВЧК³⁹. Здесь логика идет вразрез с фактами. Во-первых, практический вес Свердлова в рядах партийных организаторов был едва ли не выше, чем у Ленина: после смерти председателя ВЦИК председатель СНК расписался в том, что в руках Свердлова было сконцентрировано руководство советским и партийным аппаратом⁴⁰. Во-вторых, исследователи, очевидно, базировались на следующем тезисе из монографии замечательного исследователя начального этапа истории советского военного строительства М.А. Молодцыгина: Троцкий в заявлении ЦК РКП(б) (март 1919 г.) подчеркнул, что «компартия не монолит, прежде всего, в ее руководящем звене. Если все признавали лидером Ленина, то за второе место шла борьба

между Троцким, Зиновьевым и Сталиным. Лидер умело пользовался этим, выступая в роли примирителя, борца за единство». Это высказывание Троцкого в *тщательно отредактированном* им документе⁴¹ — относиться к нему надо предельно осторожно. Троцкий, которого в партии никогда не считали своим, по определению не мог занять место Свердлова. Ленин, поскольку конкуренты во власти ему были не нужны, следуя принципу «разделяй и властвуй», систематически стравливал ближайших «товарищей» по Центральному комитету⁴². Позиции Сталина вплоть до 1922 г. Ленин укреплял прежде всего для сдерживания властных амбиций Троцкого⁴³. Совершенно не понятно, какую выгоду летом 1919 г. мог извлечь из перестановок в высшем военном руководстве Зиновьев: ни один из его сторонников даже не был введен в состав Реввоенсовета Республики⁴⁴. Относительно военной контрразведки вопрос был решен еще при жизни Свердлова — в январе 1919 г., причем тогда это был вопрос настолько частный, что Троцкий не то что ради этого не бросил Южный фронт и не примчался в столицу, но даже не считал нужным телеграфно поучаствовать в возникшей дискуссии. Это притом, что 31 декабря 1918 г. на приезде в Москву Троцкого лично настаивал Дзержинский. В итоге совместное заседание руководства Полевого штаба (начальник Регистрационного управления большевик Семен Аралов⁴⁵, первый консультант Регистрационного управления генштабист Георгий Теодори, зам. заведующего Отделом военного контроля Регистрационного управления большевик В.Х. Штейнгард) и ВЧК (Ф.Э. Дзержинский и председатель Особого отдела М.С. Кедров⁴⁶) состоялось в отсутствие председателя РВСР — председательствовал Дзержинский. Отдел военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (ОВК) подвергся мощной критике Кедрова, не желавшего оставления военной контрразведки в ведомстве Троцкого. Штейнгард даже не смог возразить на замечание Кедрова: в Отделе военного контроля якобы «очень мало» большевиков⁴⁷. 6 января председатель Особого отдела ВЧК М.С. Кедров изъял Отдел военного контроля из структуры чекистских органов⁴⁸, а к концу января 1919 г. РВСР признал таковое изъятие как совершившийся факт: соответствующее постановление 6 февраля утвердил ВЦИК⁴⁹. Как видим, к смерти Свердлова и «заговору в Полевом штабе» описанные А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоровым события прямого отношения не имеют.

В.Г. Краснов и В.О. Дайнес продвинулись дальше остальных: они впервые связали с арестом Вацетиса и нескольких его сотрудников дискуссии в высшем политическом и военном руководстве о стратегических планах летом 1919 г. Исследователи ввели в научный оборот ряд документов Троцкого и фрагмент обнаруженных ими показаний арестованных генштабистов. Вместе с тем, имевшиеся у исследователей источники позволяют лишь отчасти осветить одну

из нескольких причин ареста главкома — а именно стратегические разногласия в военно-политической верхушке. К тому же не всегда понятно, на чем исследователи базировались и какие конкретно документы цитировали⁵⁰. Книга В.Г. Краснова и В.О. Дайнеса фактически представляет собой аннотированную публикацию документов Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории. Трудности в работе с ней создает отсутствие легенд публикуемых документов и ссылок на источники и литературу.

А.А. Зданович в статье «Был ли заговор в Полевом штабе?» впервые ввел в научный оборот неизвестные ранее документы уголовного дела Георгия Теодори и архивно-следственного дела «Ставка» 1919 г. (ЦА ФСБ России), а также несколько документов РГВА. А.А. Зданович впервые показал, кто инициировал дело и сделал вывод: «Все, что происходило в Ставке, включая и арест Вацетиса, — это урок, преподанный Лениным своему оппоненту Троцкому»⁵¹. Вместе с тем, объем статьи не позволил А.А. Здановичу воссоздать обстановку в Ставке и причины арестов в ней в полном объеме. Настораживает следующее заявление исследователя: «Нет смысла анализировать протоколы допросов подследственных по делу «Ставка»: они сообщали чекистам существо своих разговоров, содержавших в том числе и варианты давления на главкома Вацетиса в целях продвижения своих соучеников по Академии Генерального штаба (выпуска 1917 г.) на высокие командные должности в Красной армии взамен старых генштабистов, не способных якобы руководить войсками, а также прогнозы о своей участи в случае победы белогвардейцев»⁵². Настораживает в том плане, что, по заявлению на допросе генштабиста Николая Доможирова⁵³, «началась подготовка к установлению... связи, которая, необходимо сказать, была и велась давно... с Колчаком и Деникиным, с теми политическими партиями, которые существуют подпольно в Москве, с духовенством (патриарх Тихон и Новгородский архиерей Арсений), с существующими в Москве почти всеми подпольными иностранными консульствами»⁵⁴. Вместе с тем, по делу «Ставка» не был допрошен ни один из тех, с кем будто бы встречались генштабисты.

В научном плане представляется важным исследование дела «Ставка» в широком контексте идей бонапартистских и военной диктатуры в России с начала XX в. и вплоть до окончательной ликвидации «генеральской» альтернативы И.В. Сталиным в 1930-х гг. Исторический контекст помогают воссоздать труды по истории военной контрреволюции в России А.Л. Сидорова⁵⁵, Г.З. Иоффе⁵⁶, В.Д. Поликарпова⁵⁷; органов государственной безопасности И.И. Васильева⁵⁸, А.А. Здановича⁵⁹, О.И. Капчинского⁶⁰, С.В. Леонова⁶¹, Д.С. Новоселова⁶² и др. Естественно, появились и сочинения момента, объем коих не прямо пропорционален значению⁶³.

В данной книге: раскрыты бонапартистские замыслы Троцкого в контексте эволюции идеи военной диктатуры в России с начала XX в., проанализирован террор Троцкого в отношении старых большевиков в Красной армии, изучена борьба Троцкого с Лениным в ЦК РКП(б) в 1918 — начале 1919 г. и результаты этого противостояния в 1919—1921 гг. (*часть первая*); воссозданы личность главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики Иоакима Вацетиса и «коллективный портрет» ответственных сотрудников Оперативного отдела Наркомвоена и Полевого штаба в 1918—1919 гг.; исследованы механизм принятия высшим большевистским руководством решения о чистке «Красной Ставки» и ход арестов, противостояние партийных вождей в вопросах стратегии, реакция Троцкого на аресты его подчиненных и влияние дела «Ставка» на расстановку сил в Политбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовете Республики (*часть вторая*); прослежены судьбы арестованных генштабистов и, сквозь призму биографии М.Н. Тухачевского, показана судьба идеи «Большого Генерального штаба» в Советской России и СССР в 1920—1930-х гг. (*часть третья*).

Опубликованные источники по делу «Ставка» представлены мемуарами, документальными публикациями, материалами периодической печати (статьями и интервью из газет «Правда», «Известия ВЦИК», «Известия Наркомвоена»).

Единственные мемуарные свидетельства, в которых достаточно подробно дан контекст дела главкома, оставил брат управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича генерал М.Д. Бонч-Бруевич. В мемуарах много дез- и направленной информации, что сильно усложняет работу с ними. Так, с невероятной ложью описана первая встреча с И.И. Вацетисом, однако интересно описание окружения главкома: «заменявшие прежних адъютантов многочисленные порученцы, такие же вертлявые и нагловатые, как и их предшественники; откормленные вестовые с тупыми лицами былых денщиков; купеческая роскошь гостиной, превращенной в приемную главкома; подозрительное количество пустых бутылок в прихожей»⁶⁴. Символично, что статья М.Д. Бонч-Бруевича, цитату из которой мы привели, взята из сборника «Сказание о Гражданской». Пустые бутылки кочевали из одного «сказания» о главкоме в другое. Эта история очень напоминает «дело», по которому был позднее расстрелян Б.М. Думенко. Заметим, что многочисленные воспоминания Михаила Бонч-Бруевича, как, впрочем, и не менее многочисленные воспоминания его брата Владимира, сходны в одном: все они содержат исключительно направленную информацию, которую, впрочем, можно и должно проверять на основании других источников.

Ценные сведения о стратегических разногласиях, связанных со сменой главкома, содержатся в очерках С.И. Гусева⁶⁵, воспоминаниях И.И. Вацетиса (опубликованных частично), К.Х. Данишевского⁶⁶,

С.С. Каменева⁶⁷, «воспоминаниях» и «научных трудах» Л.Д. Троцкого.

Иоаким Вацетис оставил два варианта мемуаров⁶⁸ — написанные в августе—октябре 1919 г. в заключении и значительно более поздний вариант, подготовленный на закате «коллективного руководства». Первый вариант мемуаров бывшего главкома опубликован примерно на треть⁶⁹, а потому большую ценность представляет подлинник из личного фонда (РГВА, ф. 39348). Второй вариант воспоминаний более полный, но и менее объективный, он появился не ранее 1927 г. и носит явную антитроцкистскую направленность.

Воспоминания Иоакима Вацетиса — источник в чем-то уникальный. Если несколько упрощенно, мемуаристы в своих произведениях либо опускают некоторые подробности (наиболее яркий пример — воспоминания Феликса Юсупова с заявлениями а-ля: «был случай, но рассказывать не буду»), либо нагло искажают факты (наиболее показательны в нашем случае воспоминания Льва Троцкого, Владимира и Михаила Бонч-Бруевичей), либо описывают все как есть, но сопровождают факты своей «интерпретацией», от которой при анализе источника следует попросту избавиться. Вацетис относился к тому редкому типу людей, которые не умели не то что врать, но даже лукавить. Выражение о том, что «язык на то и дан человеку, чтобы грамотно скрывать свои мысли», не про первого советского главкома. Как только он заикнулся о написании мемуаров во времена Сталина, его немедленно взяли, прекрасно зная: *там будет всё!* Интерпретация фактологии в воспоминаниях имеет место: Вацетис был из тех, кто понимал, что именно происходило с ним и вокруг него, — но сильно постфактум. Воспоминания главкома появились вследствие, вероятно, не только желания обессмертить свое имя, поделиться накопленным опытом, что свойственно всем историческим деятелям, взявшимся за перо, но и стремления Вацетиса убедить самого себя в том, что партийные боссы не обвели его вокруг пальца, не использовали и не выкинули на свалку, как это и получилось на самом деле. О наиболее важном: о Ленине. Во время июльского выступления левых эсеров 1918 г. вождь оказался в изоляции в Кремле и единственной частью, на которую он смог опереться, оказались латышские стрелки во главе с Вацетисом. Левые эсеры разбиты. Вацетиса вызывали и наградили... деньгами! (Сумма символическая.) «Аргумент»: мы-де пока не имеем возможности наградить вас по-иному! Несколько поколений историков, не вдумавшись в суть эпизода, пишут о том, что Вацетис в 1918 г. был у Ленина в фаворе. А теперь по порядку. Если бы Вацетис спас Троцкого, который не отличался чувством такта (если не сравнивать с Зиновьевым и Сталиным), ничего удивительного мы бы тут не нашли. Но Вацетис спас Ленина, а вождю чувство такта отказывало лишь тогда, когда известнейший советский «литератор» громял своих политиче-

ских оппонентов. Казалось бы, действительно: ордена Красного Знамени еще не было. Но: изобретательный вождь мог лично вручить Вацетису специально для него разработанную «красную революционную ткань» (как тут не вспомнить культовый фильм «Офицеры»!) или поручить сделать это какому-нибудь видному военному большевику (идеально подходил романтически настроенный член Высшего военного совета Н.И. Подвойский⁷⁰), постановлением Совнаркома выразить благодарность латышам и персонально Вацетису. Однако тут — деньги.

Сергей Гусев, Карл Данишевский и Сергей Каменев, дополняя друг друга, описали конфликт вокруг стратегии глазами противников Троцкого и Вацетиса. Троцкий, будучи политиком, акцентировал внимание читателей на позиции по данному вопросу членов ЦК РКП(б).

Сам Лев Троцкий в мемуарах выдвинул два предположения о возможных причинах ареста Вацетиса (с оговоркой — «ничего серьезного за этими обвинениями не крылось»): неосторожные разговоры с «двумя-тремя молодыми офицерами» и чтение биографии Наполеона Бонапарта «на сон грядущий»⁷¹ («предположения» Троцкого — намеренное искажение фактов). В фундаментальном научно-фантастическом сочинении о генеральном секретаре ЦК РКП(б) — ВКП(б) Троцкий осветил события, связанные с «заговором в Полевом штабе», сделав акцент на разногласиях в стратегических вопросах и не забыв высказать предположение, что за фигурой Дзержинского стоял, *видимо*, Сталин⁷². Попутно Л.Д. Троцкий ненавязчиво подчеркнул свою правоту по отдельным стратегическим вопросам в пику В.И. Ленину и большинству ЦК РКП(б) и, кроме того, полностью и частично ввел в научный оборот ряд документов по «копиям с копий», заботливо снятым по его заказу в Советской России и СССР до 1926 г., в т. ч. под руководством «аккуратно»⁷³ сохранившего ленинские записки на заседаниях Совета народных комиссаров и Совета рабочей и крестьянской обороны Э.М. Складанского, который, между прочим, утонул в 1925 г. при катании на лодках в Америке при весьма странных обстоятельствах — ушли три лодки, вернулись две.

Естественно, все мемуаристы преследовали две цели: показать собственную правоту и не сказать ничего лишнего (за исключением Троцкого, которому было еще важно выставить в неприглядном свете Сталина). Поэтому относиться к их сочинениям следует с особой осторожностью, проверяя факты документальными свидетельствами, и прежде всего — неопубликованными протоколами заседаний ЦК РКП(б) и его Политбюро и Оргбюро, а также опубликованными протоколами заседаний Реввоенсовета Республики⁷⁴.

Документальные сборники, в которых дан исторический контекст событий «заговора», — это прежде всего упоминавшийся «В.И. Ленин и ВЧК», а также вышедшие в постсоветский период сборники

о председателе ВЧК Дзержинском, «Архив ВЧК», переписки большевистского руководства, протоколов заседаний Реввоенсовета Республики и более поздних стенограмм заседаний ЦК и Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), поскольку в них зафиксировано припоминание друг другу прошлых грехов Сталиным и Троцким⁷⁵.

На подоплеку событий, вошедших в историографию в качестве «Заговора в Полевом штабе», проливают свет, главным образом, неизвестные ранее документы пяти архивов — Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ), Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО).

Неопубликованные источники делятся на несколько больших групп, из которых основные: чекистские документы (протоколы допросов, доклады руководителей ВЧК и ее Особого отдела), документы высшего руководства партии и государства (заявления, доклады и резолюции на них В.И. Ленина, Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина), организационно-распорядительные документы и переписка руководителей военного ведомства и Полевого штаба, следственные дела Революционного военного трибунала Республики — РВТР, воспоминания.

Показания подследственных — и главным образом генштабиста Н.Н. Доможирова от 8 июля 1919 г. — по делу о «заговоре в Полевом штабе» являются ценным источником о настроениях в главном командовании Красной армии. Правдивость конкретно доможировских «показаний» вызывает серьезные сомнения: описание попытки склонить к заговору *пьяного* главкома выглядит не очень убедительно, а в эпизоде, когда Ф.В. Костяев якобы разъясняет назначенному командующим 15-й армией Н.Н. Доможирову, что он сможет поднять армию, есть весьма сомнительный момент. В армию для этого нужно «назначить и члена РВС армии такого, который бы действовал в известном направлении». Предполагалось, что таковым может стать племянник главкома Эрнест Вацетис⁷⁶. Однако Костяев никак не мог предположить, кого назначат: руководящих лиц такого уровня назначал РВСР, если не Совнарком, в крайнем случае (из области фантастики) это могло сделать Политическое управление РККА, действовавшее на правах отдела ЦК РКП(б) и ни в коей мере не подчиненное главкому.

Ключевым моментом показаний стало «пьянство» главкома⁷⁷. Политический прием, прекрасно известный по крайней мере с 491 г. до нашей эры, когда по аналогичному обвинению принудили к самоубийству спартанского царя Клеомена. Легенда о пьянстве И.И. Вацетиса берет свое начало с весеннего 1919 г. расследования по обвинению племянника Иоакима Вацетиса Эрнеста и генштабиста

Евгения Исаева в спекуляции. Документы по этому делу подтверждают и факт крайнего недоверия к главкому К.Х. Данишевского — именно он выступил инициатором следствия над Эрнестом Вацетисом и Евгением Исаевым⁷⁸. 30 апреля И.И. Вацетис в заявлении члену Революционного военного трибунала Республики (РВТР) С.И. Аралову просил истребовать все полученные от советского правительства Латвии запасы вина, хранившиеся на учете интенданта армии Латвии⁷⁹. Сведениями о том, поступило ли вино в распоряжение Полевого штаба или нет, мы не располагаем, однако для рождения легенды о пустых бутылках и этого было вполне достаточно. Также обращает на себя внимание тот факт, что «ахиллесова пята» главкома — его племянник — была задета еще весной 1919 г. Заметим, что покупку вина главком организовал для хотя бы частичного восполнения отсутствия медикаментов в Полевом штабе: свирепствовала испанка, медикаментов не хватало и закупки вина были сделаны, чтобы хоть как-то поддержать военнослужащих и сотрудников, а также членов их семей⁸⁰. Хотя сведения, подтверждающие факт распространения гриппа именно в Полевом штабе, в распоряжении исследователей отсутствуют, эпидемии в Серпухове имели место. 12 января 1919 г. Костяев и Аралов подписали приказ по Полевому штабу — по принятию ряда мер «в виду появления в г. Серпухове эпидемий сыпного и возвратного тифа и оспы»⁸¹. Даже РВСР в приказе от 15 января 1919 г. специально остановился на этом факте: «В виду начавшихся заболеваний сыпным тифом и оспой в войсковых частях и учреждениях Серпуховского гарнизона, как следствия сильной эпидемии этих заразных болезней, развившихся среди рабочих и населения, и принимая во внимание, что местные гражданские власти не в силах справиться с эпидемией без военного ведомства, объявить г. Серпухов и его фабричный район на военном положении»⁸². Ходатайства об увольнении в отпуск по болезни к апрелю 1919 г. приняли, по выражению Ф.В. Костяева, «массовый характер» — генерал был вынужден ввести 5-процентную норму подобных отпусков⁸³. По состоянию на 2 июня, как отметил в приказе по Полевому штабу Ф.В. Костяев, в штабе «в настоящее время вполне здоровых [сотрудников] нет; слабость, неврастения, малокровие — обычные явления почти у всех сотрудников штаба, почему вновь предписываю врачевным комиссиям штаба определять необходимость длительных отпусков (двух-трехмесячных. — С. В.) только в безусловно необходимых случаях» (когда состояние здоровья «сильно понижено по сравнению с состоянием здоровья других сотрудников»)⁸⁴. При этом во многом распространение эпидемий в Полевом штабе было связано с антисанитарией: 29 декабря 1919 г. начальник Полевого штаба констатировал, что «некоторые из сотрудников... повидимому, еще недостаточно знакомы с основными правилами чистоты и опрятности, вследствие чего [они] крайне загрязняют помещения, разбрасывая повсюду окурки и заплывая полы и стены, а

главное — загрязняют уборные». Это нарушает «общественную чистоту» и угрожает безопасности «в смысле заражения»⁸⁵.

Рассказ, полученный чекистами от генштабиста Н.Н. Доможирова, который затем пересказывал в своих воспоминаниях генерал М.Д. Бонч-Бруевич, легко опровергнуть материалами сборника о И.И. Вацетисе, из которых следует, что у главкома было... категорическое неприятие спиртного!⁸⁶

Организационно-распорядительные документы и переписка руководителей военного ведомства и Полевого штаба позволяют уточнить персональный состав арестованных по делу «Ставка»; датировку событий и судьбы арестованных генштабистов. Отложившиеся в делах председателя РВСР Л.Д. Троцкого и его заместителя Э.М. Склянско-го материалы также содержат сведения о положении заключенных и ходатайства за них членов семей (см. док. № 3.1.1—3.1.6), свидетельства о реакции на аресты видных большевистских деятелей — в частности, третьего председателя ВЦИК М.И. Калинина (см. док. № 3.1.4). Всероссийский «староста» в числе многочисленных ходатаев принимал и тех, кто приходил по делам арестованных. Известно, что с октября 1919 по 1 января 1920 г. Калинин принял 350 таких ходатаев и столько же заявлений получил представитель ВЧК во ВЦИК. Толку, правда, было мало: как указано в «Справке канцелярии председателя ВЦИК т. Калинина о приеме посетителей...», «по делам арестованных ответы получаются слабо и дел законченных — немного»⁸⁷.

Особо следует отметить два доклада об обстановке в Полевом штабе А.А. Антонова (см. док. № 2.2.6, 2.2.7). Если первый его доклад от 3 января 1919 г. (см. док. № 2.2.6) составлен после достаточно беглого знакомства с делами Полевого штаба, то второй от 12 января (см. док. № 2.2.7) содержит подробный анализ обстановки в штабе. Документ свидетельствует о том, что атмосфера в «Красной Ставке» не могла не беспокоить большевистское руководство.

Следственные дела РВТР прямого отношения к делу «Ставка» не имеют, но в них содержатся важные сведения о чрезвычайных происшествиях, имевших место в Полевом штабе к моменту раскрытия дела. В частности, именно из документов трибунала выясняется подоплека «пьянства» главкома И.И. Вацетиса.

Восстановить атмосферу деятельности Военной академии РККА в 1920-х гг., и в частности службы в ней М.Н. Тухачевского и его взаимоотношений с А.А. Свечиным⁸⁸, позволяют протоколы заседаний партбюро Военной академии РККА за 1920—1930-е гг.⁸⁹

В качестве приложений к каждой главе предлагаются в подавляющем большинстве специально впервые выявленные автором для настоящей книги документы РГАСПИ, РГВА и ЦАОПИМ. Археографическая подготовка документального приложения проведена в соответствии с Правилами издания исторических документов в СССР (М., 1990).

При подготовке иллюстративного ряда использованы также документы Центрального московского архива-музея личных собраний (ЦМАМЛС), выявленные нами совместно с к.и.н. В.А. Арцыбашевым.

Первое издание данного исследования под названием «Троцкий заговор в Красной Ставке» вышло в издательстве «Вече» в 2009 г. В настоящем издании внесены ряд исправлений, переработаны старые главы и включены новые. Автор выражает признательность за замечания всем участникам научного обсуждения книги, и лично — д.и.н. М.И. Мельтюхову, М.В. Страхову. Отдельная благодарность за развернутую рецензию⁹⁰ д-ру философии В.В. Каминскому (г. Ашдод, Израиль) — автору оригинальной монографии «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной армии» (СПб., 2011), и редакционной коллегии журнала Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета «Новейшая история России», которая сочла возможной публикацию рецензии через четыре года после выхода первого издания данной книги.

Отдельные фрагменты книги были опубликованы, см.: «Идея военной диктатуры и ее практическое воплощение в 1918 г. (из истории становления советской политической системы)» (Российский политический менталитет: Образ власти в глазах общества XX в.: Матер. XI всерос. науч.-практ. конф. 18—19 мая 2007 г. М.: РУДН, 2007. С. 56—63); «К следствию над Ставкой» (Военно-исторический архив. 2009. № 7. С. 46—59); «Троцкий и заговор в Красной Ставке» (М., 2009); «Документы Михаила Тухачевского о подготовке коммунистического командного состава, и в частности „Красного Генерального штаба“ (1919—1921 годы)» (Военно-исторический архив. 2009. № 11. С. 51—62); «Генштабисты 1917 года на защите революции» (Военно-исторический архив. 2011. № 11. С. 78—104); «Троцкий в Свяжске» (Военно-исторический архив. 2014. № 11. С. 156—173); «Партия, власть и террор. Два неизвестных заседания ЦК РКП(б) 1918 г.» (Военно-исторический архив. 2015. № 3. С. 74—88); «Необходимо теперь же создать Генеральный штаб III Коммунистического интернационала...». Идея Большого Генерального штаба в Красной армии от отца-основателя ГРУ Георгия Теодори до Маршала Советского Союза Михаила Тухачевского» (Военно-исторический архив. 2015. № 11. С. 99—121; № 12. С. 120—144, в плане на 1-й и 2-й выпуски 2016 года).

Автор приносит свои извинения Поморскому государственному университету и лично д.и.н. В.И. Голдину: подготовить расширенное издание книги оказалось делом более легким, нежели оформить статью о создании РВСР для традиционной конференции указанного университета по истории Гражданской войны на Севере.

Автор выражает благодарность руководству и сотрудникам РГАСПИ, РГВА, ГА РФ, ЦАОПИМ, ЦГАМО, ЦМАМЛС, РГБ, ГПИБ, НСБ Главархива Москвы — и лично: д.и.н., проф. А.С. Сени-

ну (*Историко-архивный институт РГГУ*); д.и.н., проф. М.В. Ходякову (*Санкт-Петербургский государственный университет*); к.и.н. М.С. Астаховой, к.и.н. Г.В. Горской, И.Н. Селезневой, к.и.н. Т.В. Царевской, к.и.н. В.Н. Шепелеву и отдельно А.Ю. Клименко (*РГАСПИ*); В.Н. Кузеленкову, В.Л. Воронцову, В.И. Коротаеву, Л.Н. Сахаровой, к.и.н. К.А. Абрамяну, Н.А. Буриной, Н. Мурзовой, Д.Г. Узенкову, А.Д. Силаеву, Л.Ф. Царевой (*РГВА*); Л.С. Наумовой, Л.Л. Носыревой, А.А. Черемихиной, Л.П. Стрельцовой (*ЦАОПИМ*); Н.А. Демидовой (*ЦГАМО*), к.и.н. А.Н. Солопову (*ЦМАМЛС*); Е.С. Гордяк, Л.Н. Кастюк (*НСБ Главархива Москвы*).

В процессе работы автора консультировали по различным вопросам О.А. Гришина, Т.Н. Осина, к.и.н. Л.Н. Селиверстова, Н.А. Тесемникова, д.и.н. А.А. Зданович, к.и.н. В.В. Поликарпов, к.и.н. М.М. Горинов, к.филос.н. В.С. Ещенко, к.и.н. О.И. Капчинский, к.и.н. С.В. Карпенко, Д.С. Богданов.

Автор выражает глубокую благодарность рецензентам книги к.и.н. М.Ю. Морукову и к.и.н. М.С. Свидзинской.

Эта книга не была бы написана, если бы не мои учителя — д.и.н. Н.С. Тархова, д.и.н. Т.Г. Архипова, К.К. Миронова, к.и.н. А.В. Крушельницкий.

Многое дали автору беседы с Ю.Н. Моруковым и д.и.н. А.Н. Пономаревым — замечательными историками, к сожалению, ушедшими из жизни.

ПРОЛОГ

«Указать вождям армии... на... глубоко отрицательные последствия безрассудной военно-полевой вакханалии». Троцкий, Свяжск и «дело» Михаила Пантелеева

По мнению западных политологов и историков, советская политическая система зиждилась на четырех ключевых политических институтах: большевистской партии, бюрократическом аппарате, «тайной полиции» (органах ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД) и Красной армии⁹¹. Даже весной 1922 г., когда советские вооруженные силы успели изрядно сократить, один из большевистских лидеров — Г.Е. Зиновьев — констатировал на XI съезде РКП(б): *«Большевистская партия остается единственной организованной общественной (курсив Зиновьева. — С. В.) силой наряду с Красной армией (подчеркнуто мной. — С. В.)»*⁹². Летом же 1918 г., когда большевистская партия меньше года удерживала власть в своих руках и только в июле избавилась от своих временных «попутчиков» — левых эсеров, ВЧК делала свои первые шаги, а многотысячная масса государственных служащих занималась поиском квартир в Москве⁹³, Красная армия и более чем двухтысячный центральный аппарат ее управления, во главе которого стоял с марта 1918 г. народный комиссар по военным делам (наркомвоен) и председатель Высшего военного совета, член Центрального комитета РКП(б) Л.Д. Троцкий, играли крайне важную роль среди политических институтов Советской России.

Любопытна оценка Л.Д. Троцкого, данная «умеренным антисемитом» германским представителем в РСФСР Карлом фон Ботмером (он в составе германской делегации имел аудиенцию у Троцкого в Наркомвоене 25 июня 1918 г.): «Типичный представитель своей нации, с гривой волос; в глазах — ум, решительность и лукавство»⁹⁴.

Как высший военный руководитель Л.Д. Троцкий, которого даже генерал А.А. Брусилов⁹⁵ признал «по энергии, уму и организаторским

способностям» несомненно «выдающимся человеком»⁹⁶, смог в краткий промежуток времени из конгломерата разрозненных и сокращенных при его предшественниках — членах Комитета по делам военным и морским В.А. Антонове-Овсенко⁹⁷, Н.В. Крыленко⁹⁸ и П.Е. Дыбенко⁹⁹ и впоследствии и. д. наркома по военным делам и лидере коллегии Наркомата по военным делам Н.И. Подвойском — центральных военных органов создать мощный аппарат, способный организовать всестороннее обеспечение нарождавшейся Красной армии. Л.Д. Троцкий научился ценить военных специалистов, которые, вначале с крайним недоверием восприняв очередного «гражданского министра», вскоре в свою очередь начали ценить экстравагантного, но прагматичного наркома. Л.Д. Троцкий, с одной стороны, достаточно серьезно «прижал» большевистских и тем более левоэсеровских комиссаров, с другой — не разуверил их в том, что военкомы являлись «дулом револьвера», приставленным к вискам бывших офицеров (собственно, разуверить и не пытался, и не смог бы, если бы задался соответствующей целью на данном этапе). Л.Д. Троцкий сам стал — вместе со своим заместителем Э.М. Склянским, без году неделя в партии (никем и ничем не подтвержденный стаж с 1913 г.), но уже в 1917 г. позволявшему себе менторский тон в общении с заслуженными партийцами¹⁰⁰, — третьей стороной в взаимоотношениях большевиков и комиссаров в центральном аппарате управления РККА¹⁰¹.

Заметим, что отнюдь не случайно в своей статье 1938 г. бывший председатель Высшего военного совета привел вопрос, который ему традиционно задавали корреспонденты в конце 1920-х — 1930-е гг., в следующей формулировке: «Почему Троцкий не использовал свое временно *военный аппарат* (курсив мой. — С. В.) против Сталина?»¹⁰² Вопреки митинговым заявлениям большевистских вождей 1920-х гг. и сложившимся в западной и новейшей отечественной историографии представлениям, никаким «строителем/вождем Красной армии» Троцкий не был — и он это осознавал лучше, чем кто бы то ни было. Троцкий, повторимся, воссоздал и приспособил под свои политические задачи военный аппарат, и главным образом — центральный, подавив февралистские тенденции писарей и прочего технического аппарата, обласкав и, где это было целесообразно, застрашав обе силы: бывших генералов и офицеров, с одной стороны, военных комиссаров — с другой.

В настоящем прологе предпринята попытка взглянуть на военно-организаторскую деятельность Л.Д. Троцкого глазами военных партийцев. Под военными партийцами понимаются старые большевики, занимавшие в армии посты от военных комиссаров (иногда командиров) полков до членов революционных военных советов (военных советов) армий и фронтов. Соответственно, в эту категорию попадают все большевики из политотделов, из нее исключаются члены и кандидаты в члены ЦК РКП(б), исполнявшие в реввоенсоветах фронтов

и армий функции «пожарных» и входящие в высшее большевистское руководство.

Поскольку, в отличие от своего непосредственного предшественника, и. д. наркома Н.И. Подвойского, Л.Д. Троцкий прекрасно понимал, что порядок в центральном аппарате управления РККА не гарантировал военные успехи, в августе 1918 г. председатель Высшего военного совета лично отправился на Восточный фронт, на котором в это время, по образному выражению В.И. Ленина, решалась судьба революции. Отправился укреплять, с одной стороны, боевой дух нарождавшейся армии, с другой — свой собственный, на тот момент достаточно скромный для члена ЦК РКП(б) и его Бюро, авторитет в партии.

Заметим тут, что в эпохальном сочинении «Сталин» Л.Д. Троцкий сетовал: «Оглядываясь на три года Гражданской войны и просматривая журнал непрерывных своих поездок по фронту, я вижу, что мне почти не пришлось сопровождать победоносную армию, участвовать в наступлении, непосредственно делить с армией ее успехи. Мои поездки не имели праздничного характера. Я выезжал только на неблагоприятные участки, когда неприятель прорывал фронт и гнал перед собой наши полки. Я отступал с войсками, но никогда не наступал с ними. Как только разбитые дивизии приводились в порядок и командование давало сигнал к наступлению, я прощался с армией для другого неблагоприятного участка или возвращался на несколько дней в Москву, чтобы разрешить накопившиеся вопросы в центре (Сталин поступал с точностью наоборот. — С. В.). Так за три года мне ни разу — буквально — не удалось видеть счастливые лица солдат после победы или вступать с ними в занятые города»¹⁰³.

Впервые о деятельности Л.Д. Троцкого в Свияжске выпустил в 1924 г. статью один из его злейших недоброжелателей — С.И. Гусев¹⁰⁴, который в 1918 г. приехал вместе с наркомом на Восточный фронт в составе трибунала, затем занимал ключевые посты в армии и ее центральном аппарате управления, на определенном этапе направляя работу Реввоенсовета Республики, а впоследствии, в 1920-х гг., участвовал в наступлении «большинства ЦК» на Л.Д. Троцкого при малейшей к тому возможности¹⁰⁵.

Во время написания статьи «Свияжские дни» С.И. Гусев, будучи членом Центрального комитета РКП(б) и членом Комиссии ЦК по обследованию состояния текучести состава и состояния снабжения армии, активно критиковал Л.Д. Троцкого и сыграл чуть позднее важную роль в обновлении высшего военного руководства Советского Союза с последующим заламыванием рук «вождю Красной армии». Естественно, основной задачей статьи Гусева было не восхваление Троцкого, а превознесение собственных заслуг в деле организации и руководства Восточным фронтом. Тем не менее историческая справедливость заставила Гусева сказать на данном этапе

внутрипартийной борьбы немало лестных слов в адрес Троцкого, высоко оценить вклад председателя Высшего военного совета в организацию обороны Свияжска и спасение «социалистического отечества» в летние дни 1918 г.

Л.Д. Троцкий взял статью С.И. Гусева на вооружение и в написанной в эмиграции книге «Моя жизнь» построил главу «Месяц в Свияжске» на положительных аспектах из статьи своего врага, дополнив их собственными впечатлениями из атмосферы фронтовой жизни¹⁰⁶. Естественно, Л.Д. Троцкий с легкостью записал самого С.И. Гусева в сторонники И.В. Сталина¹⁰⁷, к числу коих в годы Гражданской войны он, кстати, не принадлежал. В 1919 г. два старых большевика, осознавших «себя», по Максимилиану Волошину, «державной осью государства» (иные, собственно, в Революции не выживали) — Гусев со Сталиным, имели серьезные разногласия в военных вопросах, причем в ходе дискуссионной переквалификации переходили на личности.

28 июля 1918 г., находясь в Казани, главнокомандующий войсками Восточного фронта И.И. Вацетис и член революционного военного совета фронта К.Х. Данишевский доложили председателю Высшего военного совета Л.Д. Троцкому: «Зарегистрированы части, которые героически дрались и понесли громадные потери — таких очень немного, пока две. Зато большинство совершенно не желает рисковать жизнью и, пользуясь безнаказанностью массы, бежит от опасности, бросая артиллерию и войсковое имущество» (см. док. № 2.2.1). Главком полагал, что «постепенно фронт крепнет» (см. док. № 2.2.1), и не чуял беды. Как показали последующие события, оптимизм был, мягко говоря, не вполне оправданным.

6 августа, как указал в своем очерке «Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь» большевик В.К. Путна¹⁰⁸, «разрозненные остатки и без того слабых наших отрядов бежали на северо-запад из Казани, павшей под ударом чехов и белогвардейцев. Бежали так, как бегут после поражения, кажущегося последним и непоправимым... Но небольшая кучка красных, упорно цепляясь за каждую складку местности, к тому же вначале не столь сильно преследуемая белыми, торжествовавшими свою победу в Казани, осела в подмосковных окопах на левом берегу Волги и у Свияжска — на правом»¹⁰⁹. В 1926 г., когда В.К. Путна писал свой очерк, Л.Д. Троцкий был одним из вождей Объединенной оппозиции и потому о его вкладе в строительство Красной армии ни один «правоверный», т. е. правомерно колебавшийся вместе с «генеральной линией партии», большевик вспоминать права не имел. Поэтому в очерке обтекаемо говорилось: «Через пару дней после падения Казани к Свияжску потекли эшелоны подкреплений»¹¹⁰ — вроде как сами по себе. В действительности «течение эшелонов» было частью масштабного процесса формирования из совокупности самых разнообразных воинских «частей» настоящих вооруженных сил РСФСР и организации снабжения этих частей из центра.

В ночь на 8 августа в Москве был сформирован легендарный поезд Л.Д. Троцкого¹¹¹, по выражению самого председателя Высшего военного совета — «летучий аппарат управления» армией. 8 августа Л.Д. Троцкий направил главнокомандующему войсками Восточного фронта И.И. Вацетису следующую телеграмму: «Постигшая Вас частичная неудача нисколько не уменьшает ни моего уважения к Вашей энергии, ни моей веры в Ваш близкий успех. Направляюсь к Вам, чтобы оказать Вам всестороннее содействие в работе»¹¹². В тот же день был объявлен приказ председателя Высшего военного совета и наркома по военным делам РСФСР со следующим предупреждением: «...врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет»¹¹³. На станцию Свияжск поезд Л.Д. Троцкого прибыл 10 августа¹¹⁴.

В поезде главы военного ведомства находились секретариат, типография с собственной газетой «В пути», телеграфные станции и радио, электрическая станция, а также «библиотека, гараж и баня»¹¹⁵. По признанию Троцкого, «поезд был так тяжел, что шел с двумя паровозами. Потом пришлось разбить его на два поезда. Когда обстоятельства вынуждали стоять на каком-нибудь участке фронта, один из паровозов выполнял обязанности курьера, [а] другой всегда стоял под парами. Фронт был подвижный, и с ним шутить нельзя было»¹¹⁶. Поезд стал по сути автономным подразделением центрального аппарата управления РККА, надолго «пережившим» своего наркома в советских вооруженных силах: «летучий аппарат» расформировали только в 1928 году. Поезд в научной литературе оценивается отнюдь не однозначно. Размышляя по итогам многолетнего исследования начального этапа советского военного строительства над этим своеобразным военно-управленческим явлением, Ю.И. Кораблев писал: «Слов нет, были изъяны в таком своеобразном способе руководства. Бывало и так, что поезд вносил разноречивость в оперативное руководство, поскольку о своих распоряжениях и действиях» Троцкий «не всегда и не сразу ставил в известность командование и реввоенсоветы фронтов и армий (добавим от себя — и товарищей по высшему руководству РККА. — С. В.). По словам К.Х. Данишевского, члена РВС Восточного фронта, прибытие всегда выглядело партизанским наскоком на тот или другой боевой участок, хотя сам Троцкий беспощадно боролся с партизанщиной. Однако... создается убеждение, что в поезде Троцкого было больше плюсов, чем минусов. Благодаря постоянному нахождению на фронтах, председатель досконально знал обстановку и положение в войсках... (последнее предложение — о ситуации, которая начала складываться с осени 1918 года. — С. В.)»¹¹⁷.

В поезде заседал Военно-революционный трибунал в составе старых большевиков П.Г. Смидовича и С.И. Гусева (оба упомянутых нами военных деятеля, как видим, попали в подчиненное председателю Высшего военного совета положение, с чем крайне амбициоз-

ный ленинец С.И. Гусев не смирился до конца своих дней), а также начальника управления военных сообщений Восточного фронта В.А. Жигмунта, которого Л.Д. Троцкий по непонятной причине велел в своих мемуарах представителем Наркомата путей сообщения Жизмундом¹¹⁸.

Характеризуя свияжскую командировку Л.Д. Троцкого, мы считаем исторически справедливым выделить из состава поездного секретариата М.С. Глазмана. 6 сентября 1924 г., узнав о самоубийстве Глазмана после получения им известия об исключении из рядов РКП(б), председатель РВСР написал статью памяти стенографиста, в которой указал: «Глазман был приглашен стенографом в наш военный поезд в августе 1918 г., т. е. в том самом месяце, когда этот поезд сформировался для похода на Казань. С тех пор мы с Глазманом почти не разлучались. Его жизнь и его работа — а жизнь Глазмана исчерпывалась работой — протекали на моих глазах. Он стал моим ближайшим сотрудником. Авторитет этого маленького, болезненного человека, со спокойными движениями и слабым, всегда ровным голосом, признавался всеми. Это был авторитет нравственной силы, революционного долга, честности, высшего бескорыстия. Даже стенографическая работа Глазмана получила силою обстоятельств характер подвига: в течение трех лет ему приходилось стенографировать преимущественно в вагоне, на полном ходу поезда. Вот я и сейчас вижу эту хрупкую спину, согнувшуюся над вагонным столиком. Вагон качает так, что трудно устоять на ногах перед свисающей с потолка картой. Глазман прирос к стулу, движений его маленькой, сухощавой руки почти не видно, но он весь — одно напряжение. И так — часами, иногда днем, иногда ночью, чаще — днем и ночью. <...> Глазман был не только стенограф, секретарь — он был солдат революции, и не в переносном, а в самом прямом и точном смысле этого слова. Он хорошо знал употребление винтовки, маузера, парабеллума. Немало поручений приходилось ему выполнять в огне и под огнем. В особо трудные часы, когда из поезда высаживалась вся команда, чтобы заткнуть какую-либо дыру, Глазман спрашивал: „Разрешите мне отправиться с командой“. И хоть трудно было оставаться без Глазмана, но и отказать нельзя было. Неуклюже сидела папаха на этой небольшой, всегда коротко остриженной голове, трехлинейная винтовка казалась слишком большой для его роста... Медленно, как бы флегматично, сходил Глазман со ступенек вагона, а через неделю или две возвращался обратно»¹¹⁹. Тут еще следует заметить, что стенографистов у Троцкого, как видно, хватало и без Глазмана.

«Общее состояние Свияжской группы войск, превращенной затем в 5-ю армию, в начале августа» 1918 г. С.И. Гусев «кратко» определял в своей статье следующим образом: «...неверие в свои силы, отсутствие инициативы, пассивность во всей работе и отсутствие дисциплины сверху донизу»¹²⁰. «...Борьба разрасталась, — констатировал в

своем очерке В.К. Путна. — Ширилась на юге и западе. Охватила восток Чехословакии, захватила Урал и Поволжье. Белогвардейцы скапливались в захваченной чехами Казани, скапливались, как быстро нарастающая гроза, чтобы последним ударом разразиться над зажатой в пределах Московии времен нашествия Батюся советской землей. Напор белогвардейщины так быстро нарастал и свирепел, что казалось — вот-вот Москва окажется под угрозой осады. Казалось, что если упругость красного фронта в ближайшие дни не усилится, очаги революции окажутся раздавленными белогвардейской стопой. В эти, пожалуй, тягчайшие для нас дни (август 1918 г.) у маленького, сверкающего ослепительно белыми стенами строений, сидящего, как на подносе — на холме, городка в смертельной схватке с врагом Красная армия впервые обнаруживает стойкость, о которую разбивается блестящий по замыслу маневр белогвардейщины»¹²¹. Л.Д. Троцкий, который, будучи одним из ведущих партийных литераторов, владел пером на порядок лучше В.К. Путны, написал в своих воспоминаниях: «Под Казанью можно было на небольшом пространстве обозревать многообразие факторов человеческой истории и почерпать аргументы против трусливого исторического фатализма, который во всех конкретных и частных вопросах прикрывается пассивной закономерностью, обходя ее важнейшую пружину: живого и действующего человека. Многого ли в те дни не хватало для того, чтобы опрокинуть революцию? Ее территория сузилась до размеров [великого княжества Московского]. У нее почти не было армии. Враги облегали ее со всех сторон. За Казанью наступала очередь Нижнего [Новгорода]. Оттуда открывался почти беспрепятственный путь на Москву»¹²².

Из очерка В.К. Путны: «В район Свияжска, на симбирское и сызранское направления, было переброшено множество красных отрядов из тыла и с других фронтов, был объявлен первый призыв в Красную армию бывших унтер-офицеров, а затем и офицеров, усилен подвоз питания и огнеприпасов. Наши силы, подпираемые эшелонами из тыла, росли, но разрозненные действия не давали эффекта. Для планомерного руководства действиями советских войск под Казанью 12 августа в час дня был образован Военный совет Казанского участка Восточного фронта с объединением войск, действующих в двух группах по правому и левому берегам Волги, в одну армию, наименованную 5-й»¹²³. Факты из воспоминаний В.К. Путны уточняют и дополняют документы РГАСПИ.

Военный совет Казанского участка Восточного фронта в составе военного руководителя генштабиста 1917 года П.М. Майгура¹²⁴, комиссара при нем П.А. Кобозева, начальника штаба Благовещенского, комиссара штаба С.И. Гусева был организован приказом Наркомвоена «для руководства действиями советских войск под Казанью» не 12, а 11 августа 1918 г. Временно исполняющим должность начальника службы связи стал Р.А. Петерсон¹²⁵. 14 августа все руководство Ка-

занского участка прибыло в Свияжск и приступило к исполнению своих обязанностей. Прежде всего выпустило приказ № 1 по войскам 5-й армии Восточного фронта¹²⁶ за подписями «командарм Майгур» и «политком С. Гусев»¹²⁷. В соответствии с приказом, членом Военно-революционного совета Казанской группы Восточного фронта и политическим комиссаром при командующем армией назначался А.П. Розенгольц¹²⁸, который впоследствии стал одним из наиболее преданных соратников Л.Д. Троцкого; начальником левобережной группы войск Казанского участка Восточного фронта — Ф.П. Смирнов, а правобережной группы — бывший секретарь Троцкого, художник С.В. Чикколини¹²⁹, отличавшийся творческим потенциалом и патологической жестокостью. Кроме того, инспектором артиллерии Казанского участка был назначен один из будущих вождей т. н. «военной оппозиции 1919 года», целью которой было снятие ненавистного старым большевикам и высокомерного Л.Д. Троцкого с руководства РККА, В.М. Смирнов¹³⁰; заведующим артиллерийской частью — в обозримом будущем ближайший товарищ Ворошилова В.И. Межлаук¹³¹; начальником снабжения Казанского участка — видный советский государственный деятель П.Г. Смидович, заведующим транспортной частью — бывший комендант Петропавловской крепости и по сути первый советский чекист Г.И. Благонравов (все — коммунисты)¹³².

По воспоминаниям С.И. Гусева, «снабжение армии находилось в беспорядочном состоянии: всего было вдосталь, нехватка была разве [что] в артиллерии (и то лишь в начале), но организация питания частей серьезно хромала. Штаб был малочислен и состоял из усердных, честных, но слабых работников. Политический отдел, разведка, трибунал состояли из работников, которые еще не имели никакого опыта в работе, частенько попадая впросак»¹³³. Что характерно, в воспоминаниях С.И. Гусева командный состав и штабные работники характеризовались как самые обыкновенные растяпы, а в воспоминаниях Л.Д. Троцкого появился на редкость неправдоподобный тезис о повсеместной измене. Якобы «неприятель знал, куда бить, и почти всегда действовал наверняка», что «обескураживало» его как наркома. И привел как пример совсем уж сомнительный рассказ: «Вскоре по приезде я посетил передовые батареи. Размещение орудий показывал мне опытный артиллерийский офицер с обветренным лицом и непроницаемыми глазами. Он попросил разрешения отойти, чтоб отдать приказание по телефону. Через несколько минут после этого два снаряда легли вилкой в пятидесяти шагах, третий упал совсем рядом. Я едва успел лечь, меня обдало землей. Артиллерист стоял неподвижно в стороне, бледность проступила сквозь загар. Станным образом я не заподозрил ничего, кроме случайности. Только года два спустя я вспомнил внезапно всю обстановку до мельчайших подробностей, и мне стало неопровержимо ясно: артиллерист был враг и по телефону, через какой-то промежуточный пункт, указал прицел не-

приятельской батарее. Он рисковал вдвойне: попасть вместе со мною под снаряд белых или быть расстрелянным красными. Мне неизвестно, что с ним случилось»¹³⁴. Во всей этой правдоподобной сцене последнее предложение выглядит, заметим, особенно правдоподобно. Зачем летом 1920 г. Троцкому понадобилось вспоминать столь незначительный эпизод его насыщенной жизни на фронте, остается тайной, окутанной мраком.

Основной заслугой Л.Д. Троцкого старый большевик С.И. Гусев, всегда относившийся к наркому по военным делам с дурно скрываемыми ревностью и завистью, но бывший в эти дни в его команде — не зря до революции он приятельствовал с ближайшим товарищем Троцкого в ЦК РКП(б) Я.М. Свердловым, постарался представить значительные улучшения «в материальной части» (постановку на должную высоту снабжения армии, скорейшее формирование Волжского флота и воздушной флотилии), не пренебрегнув поерничать: последние меры якобы имели для взятия Казани, «пожалуй, даже большее значение, чем моральный подъем 5-й армии»; «впрочем», и для организации Волжского флота и военной флотилии, — заметил Сергей Иванович, — пришлось потратить немало сил на внедрение дисциплины в личный состав их»¹³⁵ (этим занимался сам Гусев после отъезда наркома). Троцкий, впрочем, действительно придавал организации снабжения армии особое значение, о своих успехах в этом вопросе с особой гордостью писал в своих т. н. воспоминаниях¹³⁶.

По воспоминаниям С.И. Гусева, «армию мы застали... в состоянии сильного развала», что было следствием падения Казани и беспорядочного отступления, а также [того обстоятельства], что большевики «еще не сумели к этому времени придать нашей армейской организации планомерность, стойкость и законченность»¹³⁷. Общее число красноармейских отрядов, сражавшихся под Казанью, известно довольно приблизительно. По свидетельству С.И. Гусева: «Считалось, что в обеих группах [войск] было до 15 тыс. бойцов, — цифра потолочная. Вероятно, было значительно меньше. А отдельных частей (полков) было несколько десятков»¹³⁸. По данным Л.Д. Троцкого, красноармейских частей насчитывалось «не больше 25 000—30 000 человек»¹³⁹, но, судя по всему, это цифры с учетом пополнений, подошедших уже после приезда наркома.

По воспоминаниям С.И. Гусева, «среди... многочисленных полков были некоторые, оставшиеся от старой армии (главным образом латышские), по несколько сот человек, а были полки партизанского характера, нередко в несколько десятков штыков (напр[имер], 4-й Латышский [стрелковый] полк, в котором, ввиду его полной деморализации, пришлось предать трибуналу председателя и члена полкового комитета — оба коммунисты). Остальные части, хотя и сражались, но вяло, и нередко бегали пред немногочисленным, но активным и лучше организованным неприятелем»¹⁴⁰. Вслед за С.И. Гусевым особо

выделил 4-й Латышский полк в своих воспоминаниях и Л.Д. Троцкий. По его определению, этот «полк из[о] всех полков раздерганной по частям дивизии» был «худшим. Стрелки лежали в грязи под дождем и требовали смены, [которой] не было. Командир полка вместе с полковым комитетом прислали мне заявление, что если полк не сменят тотчас же, то произойдут „последствия, опасные для революции“. Это была угроза. Я вызвал в вагон командира полка и председателя полкового комитета. Они угрюмо стояли на своем. Я объявил их арестованными. Начальник связи поезда, нынешний комендант Кремля (Рудольф Августович Петерсон. — С. В.), разоружил их в моем купе. В вагоне, кроме нас двоих, никого не было: вся команда дралась на позициях. Если б арестованные воспротивились или если б полк вступился за них и снялся с позиции, положение могло бы стать безнадежным. Мы сдали бы Свяжск и мост через Волгу. Захват моего поезда врагом не мог бы, конечно, остаться без влияния на армию. Дорога на Москву была бы открыта. Но арест прошел благополучно. В приказе по армии я сообщил о предании командира полка революционному трибуналу. Полк не покинул позиций. Командира приговорили только к тюрьме»¹⁴¹. Комиссара, прошу читателей обратить на это внимание, ни отправлять в тюрьму, ни расстреливать Троцкий вроде бы не стал. (Или судьбу комиссара Троцкий «случайно» позабыл?)

Даже С.И. Гусев не мог не признать, что «приезд т. Троцкого внес решительный поворот в положение дел. В поезде т. Троцкого на залуственную станцию Свяжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы. С первых же дней и на загроможденной тыловыми обозами бесчисленных полков станции, где ютились политотдел и органы снабжения, и в расположенных впереди (верстах в 15-ти) частях армии почувствовали, что произошел какой-то крутой перелом»¹⁴².

Л.Д. Троцкий философствовал в своих воспоминаниях: «Судьба революции... в наиболее критические моменты зависела от одного батальона, от одной роты, от стойкости одного комиссара, т. е. висела на волоске. И так изо дня в день»¹⁴³. Однако в данную красивую фразу было обложено реальное содержание военно-организаторской деятельности председателя Высшего военного совета. Л.Д. Троцкий занимался на Восточном фронте тем же, чем, по его выражению, в центре, в Секретариате ЦК, занимался Я.М. Свердлов: «...во что бы то ни стало [обеспечивал] завтрашний день революции».

Эффективнее всего, как бы ни пытался доказать обратное С.И. Гусев, оказались действия Л.Д. Троцкого в области установления армейской дисциплины. «Жесткие методы т. Троцкого для этой эпохи партизанщины, самовольщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были... наиболее всего целесообразны и необходимы, — вспоминал впоследствии С.И. Гусев. — Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех

25 дней, которые т. Троцкий провел в Свяжске, была проделана огромная работа, [превратившая] расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и [подготовившая эти части] к[о] взятию Казани»¹⁴⁴. Сам Л.Д. Троцкий не без удовольствия цитировал эти слова и в своих посланиях в большевистские Центральный комитет и Центральную контрольную комиссию, и в посланиях своим сторонникам 1920-х гг., и в своих эмигрантских воспоминаниях¹⁴⁵.

Л.Д. Троцкий оценивал впоследствии свияжский месяц в свойственной ему манере — без ложной скромности: «Положение под Казанью стало тем временем неузнаваемым. Пестрые отряды сложились в правильные части», в которые «вливались рабочие-коммунисты Петрограда, Москвы и других мест. Полки крепили и закалялись. Комиссары получили в частях значение революционных вождей, непосредственных представителей [пролетарской] диктатуры. Трибуналы показали, что революция, находящаяся в смертельной опасности, требует высшего самоотвержения. Сочетанием агитации, организации, революционного примера и репрессии был в течение нескольких недель достигнут необходимый перелом. Из зыбкой, неустойчивой, рассыпающейся массы создалась действительная армия. Наша артиллерия имела явный перевес. Наша флотилия распорядилась на реке. Наши летчики господствовали в воздухе. Я уже не сомневался, что мы вернем Казань»¹⁴⁶.

Основания для такой оценки у наркома, безо всякого сомнения, имелись, ведь даже С.И. Гусев был вынужден отдать должное своему недругу: «За 25 дней была проделана огромная работа», хотя «для того, чтобы превратить эти части 5-й армии в действительно боевые части (скажем, такие, какими они были, когда переваливали через Урал [с гордостью намекнул Гусев на свою руководящую роль. — С. В.]), нужно было проделать работу не меньшую, если не большую. Главный результат 25-дневного сидения на станции Свяжск — это тот, что части, отступавшие и бе[ж]авшие от неприятеля, части, почти сплошь терпевшие от этого поражения, были превращены в части, смеющиеся и умеющие побеждать, в части, поверившие в себя, в части, усвоившие основы воинской дисциплины и отказавшиеся от партизанщины»¹⁴⁷. Далее Гусев не преминул добавить, что обучены эти части «были плохо, командный состав имели весьма слабый, ошибок делали великое множество и победы свои покупали безмерно дорогой ценой»¹⁴⁸. Это был камень в огород главнокомандующего войсками Восточного фронта И.И. Вацетиса (будущего первого советского главнокома) и начальника его штаба — генштабиста 1917 г. П.М. Майгура: с Вацетисом Гусев находился на ножах, по крайней мере, с декабря 1918 г.

Отметим, что 22 августа 1918 г., за шесть дней до решающего наступления В.О. Каппеля и драки в поле под Свяжском, за 19 дней до взятия Казани, В.И. Ленин вместе с ближайшим товарищем Л.Д. Троц-

кого в большевистском ЦК Я.М. Свердловым, вняв стонам саратовских товарищей, едва не убрали Л.Д. Троцкого из Свяжска. Председатель Совета народных комиссаров отправил главе военного ведомства телеграмму о «крайне опасных» колебаниях на фронте под Саратовом вследствие измены, пусть и «вовремя» пресеченной. «Мы считаем абсолютно необходимой Вашу поездку туда, — заявили Ленин и Свердлов и подсластили свое заявление лестью: — Ибо Ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию»¹⁴⁹. Повод, действительно, был железный: с 12 часов 30 минут до 13 часов 5 минут В.И. Ленин вел переговоры по прямому проводу с уполномоченным Наркомата продовольствия в Саратовской губернии А.К. Пайкесом и политическим комиссаром 4-й армии Д.Ф. Зориным, которые сообщили об отсутствии в армии обмундирования, снаряжения, снарядов, а также о тщетных обращениях в Наркомат по военным делам. Кроме того, Пайкес и Зорин доложили Ленину о раскрытии и ликвидации контрреволюционного заговора, организаторы которого планировали разоружить Уральскую дивизию, арестовать штаб армии и политического комиссара¹⁵⁰. Ленин пообещал Пайкесу сразу переговорить с военным руководством обо всех его требованиях, советовал «времено... назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»¹⁵¹. О необходимости немедленного обеспечения 4-й армии вождем мировой революции тут же переговорил по телефону с креатурой Я.М. Свердлова в ведомстве Л.Д. Троцкого, заведующим Оперативным отделом Наркомвоена (Оперодом) С.И. Араловым — большевиком из бывших меньшевиков-интернационалистов. Тот заверил, что через 2—3 дня в Саратов будут отправлены снаряды, и Ленин не позднее 13 часов 40 минут написал вторую записку Пайкесу, в которой передал заверения Аралова и потребовал «энергичнее» действовать против кулаков¹⁵².

Л.Д. Троцкий, вопреки телеграмме В.И. Ленина и Я.М. Свердлова, все же остался в Свяжске, а председатель Совнаркома решал саратовские проблемы собственными руководящими указаниями из центра: 24 августа лично отдал распоряжение Бюро по снабжению Северокавказского военного округа Оперода срочно выполнить наряд на обмундирование и вооружение для штаба 4-й армии¹⁵³.

Как бы ни пытался доказать обратное С.И. Гусев, основная задача Л.Д. Троцкого перед армией в свяжские дни заключалась не в организации снабжения, а в установлении жесткой дисциплины. Однако у драконовских методов, без которых наведение порядка в разложившейся армии в принципе невозможно, обнаружилась «теневая сторона», которая осложнила и без того крайне шаткое положение Троцкого в ленинской партии.

В своем августовском приказе 1918 г. Л.Д. Троцкий в Свяжске поручился «перед лицом Красной армии»¹⁵⁴: «Если какая-либо часть

отступит самовольно, *первым будет расстрелян комиссар части* (курсив мой. — С. В.), вторым — командир. Мужественные, храбрые солдаты будут поставлены на командные посты. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули»¹⁵⁵.

Самой серьезной проверкой на прочность полупартизанских советских частей, оказывавших отпор врагу в районе Свияжска и руководимых «вождем Красной армии», стало наступление командующего объединенными Симбирской и Казанской группами Народной армии Комуча В.О. Каппеля. По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, «28 августа белые предприняли обход. Во главе серьезного отряда полковник Каппель... зашел под покровом ночи [к] нам в тыл, захватил ближайшую небольшую станцию, разрушил полотно железной дороги, повалил телеграфные столбы и, отрезав нам таким образом отступление, пошел в атаку на Свияжск. <...> Мы были изрядно застигнуты врагсплох. Боясь потревожить нестойкий фронт, мы сняли с него не больше двух-трех рот. Начальник моего поезда снова мобилизовал все, что было под руками в поезде и на станции, вплоть до повара. Винтовок, пулеметов, ручных гранат у нас было достаточно. Поездная команда состояла из хороших бойцов. Цепь залегла в версте от поезда, сражение длилось около 8 часов, обе стороны понесли жертвы, неприятель выдохся и отступил»¹⁵⁶. Троцкий сильно стустил краски — судя по оговорке о снятии двух-трех рот. Итак, наступающий Каппель заходит в тыл врагу «с сильным отрядом». Сразу оговоримся: не прорывается, а именно идет в обход без боя. Стало быть, как этого следовало ожидать, сплошного фронта не было от слова «вообще», а за несколько часов значительный отряд пехоты (местность там, скажем прямо, интересная, т. е. для кавалерии смертоубийственная), который, в условиях отсутствия прожекторов и софитов, двигался со скоростью никак не превышавшей 4 км в час, ухитрился захватить и вывести из строя ж.-д. станцию и, приведя себя в порядок после столь «внушительной» победы, развернул (если этот глагол достаточно уместен) решительное наступление на станцию Свияжск — она как тогда, так и теперь вне черты города. Коварный председатель Высшего военного совета, завернув с «фронта» 3 роты, сиречь батальон (неполного состава, т. к. в ротах едва ли было по 120 штыков, как в старой армии), и мобилизовав свою поездную команду, а также «всех, кто был на станции», т. е. в научно-фантастическом варианте не более двух рот неполного состава, вначале восемь (!) часов сдерживал наступающего врага, а затем вынудил белых отступить. Вопрос: что же это за «сильный отряд», который Троцкий заставил отступить, используя помимо бойцов собственного поезда всякий сброд, далеко не каждому из которых до этого доводилось стрелять?

Однако такие вопросы мемуарист перед собой в процессе работы не ставил, продолжая описание собственных «подвигов»: «Тем временем перерыв связи со Свияжском вызвал в Москве и по всей ли-

нии огромную тревогу. Спешно прибывали на помощь небольшие команды. Путь был быстро восстановлен. В армию влились свежие отряды. Казанские газеты тем временем сообщали, что я отрезан, в плену, убит, улетел на самолете, но зато захвачена, в качестве трофея, моя собака. Это верное животное попадало затем в плен на всех фронтах Гражданской войны. Чаще всего это был шоколадный дог, иногда сенбернар. Я отделался тем дешевле, что никакой собаки у меня не было¹⁵⁷, однако в штабе началась паника, причем на месте преступления Л.Д. Троцкий якобы застал Г.И. Благонравова, которого перевел на менее ответственный пост¹⁵⁸.

С.И. Гусев, серьезно усугубляя в полумемуарном очерке ситуацию и делая незаслуженный комплимент нарождавшимся «частям» Красной армии, назвал наступление В.О. Каппеля, раньше времени произведенного им в «генералы», «самым крупным по своему значению военным событием этого периода» в истории Гражданской войны. Гусев уверял читателей, что «если бы Каппелю удалось взять ст. Свяжск, разгромить штаб и захватить мост через Волгу, правобережная группа 5-й армии» оказалась бы «окончательно разгромлена и рассеяна, а левобережная в лучшем случае рассеяна по лесам. Путь на Нижний [Новгород] был бы открыт, а там уже недалеко и до Москвы. Республика оказалась бы перед еще большими военными затруднениями, чем под Казанью». Вот почему бой у станции Свяжск 29 августа 1918 г. имел огромное значение. И если всей предшествовавшей работой были как в личном составе армии, так и в материальной ее части подготовлены условия для будущей победы под Казанью, то бой под ст. Свяжск был тем переломным моментом, после которого можно сказать: «Теперь инициатива [переш]ла в наши руки, теперь мы прекращаем оборону и переходим в наступление, теперь неприятель на время не в силах ничего предпринять против нас и вынужден только обороняться»¹⁵⁹.

В.К. Путна указал в своем очерке 1927 г. «В первые дни»: «В двадцатых числах августа 1918 г. сильный белый отряд, сформированный в Казани... под командой полковника Каппеля, высадился на пристани Ташетка за флангом нашей правобережной группы войск, дравшейся на фронте от Нижнего до Услона. [Вследствие] ненадежности у нас службы разведывания Каппелю удалось быстрым движением на д. Уланова и дальше на восток проскользнуть с отрядом в тыл нашей 5-й армии. Из района д. Уланова отряд Каппеля, расчленившись на два, предпринял удар вправо прямо на Свяжск и на восток на станцию Тюрлема. Белогвардейцы рассчитывали ударом на Свяжск разгромить штаб армии, ударом на Тюрлему уничтожить наши тыловые запасы и перехватить *путь отступления* (курсив мой. — С. В.) правобережной группы наших войск»¹⁶⁰.

Первая часть отряда В.О. Каппеля ворвалась в Свяжск, но была выбита «красноармейцами и работниками тыловых частей и учрежде-

ний правобережной группы и штаба армии. В рядах» оборонявшихся «на окраине Свяжска бок о бок с винтовкой в руках были все — от членов р[еволюционного] в[оенного] с[овета 5-й] армии до последнего переписчика хозяйственной команды. Бой кипел у юго-восточной окраины. В это время [вторая] часть отряда Каппеля ворвалась на ничем не прикрытую ст. Тюрлема, сожгла станционные сооружения и оттуда вдоль железной дороги пошла на Свяжск с запада. <...> Красные дрались так, как только могут драться люди, у которых пути к отступлению нет. <...> Рассвирепевшие враги не раз сходились в штыки. В этой, как никогда еще тяжелой обстановке, под глухое кряхтение вспарываемых острием штыков разгоряченных врагов Красная армия впервые обнаружила способность упорствовать в обороне»¹⁶¹.

В очерке В.К. Путны не было указано, по какой причине оказалась «ничем не прикрытой» станция Тюрлема. Это неудивительно: с поля боя у станции бежал 2-й Петроградский полк¹⁶². 29 августа, как только «последнее наступление белых под Казанью», по выражению Путны, «сломилось»¹⁶³, военно-полевым судом (трибуналом) 5-й советской армии Восточного фронта был проведен образцово-показательный процесс над дезертирами.

Наряду с командиром 2-го Петроградского полка и рядом дезертиров, был расстрелян военный комиссар полка Михаил Пантелеев¹⁶⁴. Причем командир полка, бывший офицер [Биквушев], вел себя, по признанию старых большевиков, «как подобает революционеру» — в отличие от Пантелеева¹⁶⁵. Молодой, перспективный партиец, член Западного областного исполкома 1-го и 2-го созывов, бывший в дни Октябрьской революции заместителем комиссара труда Западной области*, затем — председателем Могилевского губисполкома, Пантелеев добровольно ушел на фронт из Северо-Западного областного комитета РКП(б)¹⁶⁶.

В том, что бежал полк петроградских рабочих, ничего сверхъестественного не было. Как установил на основе исследования трансфор-

* Западная область — территориальное объединение на советской основе, включавшее в свой состав после Октябрьской революции Минскую, Могилевскую, Витебскую и часть Виленской губернии. Во второй половине ноября 1917 г. в Минске прошли три съезда: Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, Солдатских организаций Западного фронта и Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. На состоявшемся 26 ноября 1917 г. объединенном заседании избранных на этих съездах Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Западной области, фронтового комитета и исполкома областного Совета крестьянских депутатов были избраны президиум облисполкома и Совет народных комиссаров Западной области. В партийном отношении Западная область входила в сферу деятельности образованного в сентябре 1917 г. Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) (Куличенко М.И. О налаживании государственных взаимоотношений народов Страны Советов в 1917—1919 гг. // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973. С. 106).

мации политических настроений петроградцев в годы Гражданской войны С.В. Яров, в колыбели революции ощутимо повлиять на увеличение числа добровольцев не смогла даже прямая угроза немецкой оккупации. Списки рабочих, которые должны были исполнять красногвардейскую повинность, отказались прислать даже крупные фабрики и заводы города. И это притом, что ни на одном из предприятий не отказывались от посылки отрядов на фронт: резолюция против вступления рабочих в Красную армию была одобрена лишь на одном собрании рабочих и служащих Городской электрической станции 25 февраля 1918 г. Апрельские и майские декреты 1918 г. о всеобщем военном обучении и об обязательной службе в Красной армии были встречены петроградскими пролетариями настороженно, мобилизации на Восточный фронт привели к волнениям на Путиловском заводе, в Рождественском трамвайном парке и на других предприятиях. Даже помощь красноармейцам на ряде фабрик и заводов представлялась с большим трудом¹⁶⁷. Большевики относились к своей «социальной базе» соответственно. Но вот с расстрелом ответственного партийца хлопот военному руководству избежать не удалось.

По объяснению одного из лидеров военной «оппозиции» на VIII съезде РКП(б), В.М. Смирнова, военно-полевому трибуналу 5-й армии «была дана директива применить к полку самые суровые меры, вплоть до массового расстрела. Помимо этого некоторые директивы давались суду (так в тексте. — С. В.) и непосредственно т. Троцким, находившимся тогда в армии: так, [нарком] дал категорическое приказание, чтобы из оказавшихся вместе с полком матросов, приехавших с поездом Троцкого, ни один не вернулся живым». Старых большевиков практически не заинтересовала судьба Красы и Гордости Октября: *красная* цена революционным матросам, которые позволяли себе, добиваясь освобождения излишне быстро отступившего после «сражения» с германскими частями П.Е. Дыбенко, оказывать давление на самого Я.М. Свердлову, была известна. Однако расстрел перспективного партийного работника вызвал в стройных рядах «ленинской гвардии» возмущение. По убеждению В.М. Смирнова, задачей трибунала ставилось «по существу не разбирательство дела, а производство экзекуции, имевшей целью привести в порядок разбежавшийся полк, и служить предостережением другим частям». Трибунал постановил «расстрелять каждого двадцатого, командира полка и комиссара, последних в силу известного приказа т. Троцкого»¹⁶⁸, т. е. по формальным соображениям.

В историографии считается, что Л.Д. Троцкий в Свяжске проводил децимации¹⁶⁹. Это, как видим, не совсем так, поскольку председатель РВСР, в отличие от своих древнеримских предшественников по наведению порядка в армии, приказал казнить каждого двадцатого, а не десятого бойца струсившей части. Очевидно, на этом основании Троцкий сам себя считал либералом. Но военные партийцы, с уваже-

нием и трепетом относившиеся к жизни своих товарищей, в таких Троцкого не числили и обвиняли наркома во всем, в чем только могли*.

В сентябре 1918 г., выступая на курсах Военной администрации, Троцкий заявил: «Та армия, которая сражалась под Казанью, создавалась всего лишь в течение нескольких недель. Были случаи, когда революционный трибунал, при сочувствии всей армии, приговорил к расстрелу командира полка, который, считая себя коммунистом, позорно покинул полк и перешел на пароход, чтобы уехать в Нижний Новгород. По поводу этого случая Революционный трибунал сказал: „Трусам и шкурникам вообще — суровая кара, а тем, кто, неся командные функции и высокое звание коммуниста, делаются беглецами, изменниками, им кара — вдвойне, тройне!“ И, несмотря на свою молодость, армия поняла, нравственным чутьем восприняла всю справедливость этой суровой и беспощадной кары, а полк стал одним из лучших полков; впоследствии он сражался превосходно, с неподдельным мужеством»¹⁷⁰. Обратим внимание на тот факт, что помимо командира был расстрелян комиссар полка, однако об этом Троцкий предпочел умолчать. Это было связано с тем, что если расстрел бывшего офицера был воспринят партийцами как должное, то по поводу расстрела военного комиссара разгорелись шекспировские страсти.

Узнав о расстреле М. Пантелеева за дезертирство, пришли в ярость члены Северо-Западного обкома и, главным образом, его председатель — старый большевик А.Ф. Мясников, после Февральской революции — член фронтового комитета Западного фронта и руководитель его большевистской фракции, с 27 сентября 1917 г. — председатель Военно-революционного комитета Западного фронта и области, с 24 ноября — главнокомандующий армиями Западного фронта, уже в декабре 1917 г. величавший себя не иначе, как исполняющим должность Верховного главнокомандующего¹⁷¹. По словам В.Б. Шкловского, в ходе Первой мировой войны «все, кого можно было произвести

* Небольшое отступление. Ю.И. Кораблев пришел к выводу, что Ленин на следующий день после репрессий в отношении 2-го Петроградского полка по сути одобрил решение Троцкого. Точная цитата: «Если есть перевес сил и солдаты сражаются, надо принять все меры против *высшего командного состава* (курсив мой. — С. В.), объявив, что по образцу [Великой] Французской революции они могут быть отданы под суд или даже под расстрел» (*Кораблев Ю.И. Троцкий Лев Давидович. С. 49*). На наш взгляд, вождь специально так сформулировал свой тезис, чтобы его можно было трактовать двояко. «Высшим командным составом» он мог именовать как все военное руководство — и большевиков-комиссаров, и бывших офицеров, так и только военных специалистов. Нечеткая формулировка вроде бы и поощряла Троцкого в политике наведения порядка в вооруженных силах, и при этом позволяла в любой момент «отпрыгнуть» (выражение Л.Д. Троцкого), оставив главу военного ведомства один на один... с возмущенной большевистской «общественностью».

в офицеры, были произведены. <...> Исключение составляли евреи. Евреев не производили. В свое время не произвели и меня, как сына еврея и полуеврея по крови. Поэтому в армии очень большая часть грамотных и более или менее развитых солдат — оказалась именно евреями. Они и прошли в комитеты. Получилось такое положение: армия в своих выборных органах имеет процентов сорок евреев на самых ответственных местах и в то же время...»¹⁷² Шкловский, по понятным причинам, сосредоточился на «еврейском факторе», хотя дело было в том, что в Русской императорской армии в офицеры не пускали не евреев в частности, а иноверцев в целом. Соответственно, на революционном гребне взлетели грамотные солдаты и унтер-офицеры — представители тех национальностей, которые не могли претендовать на офицерские чины в Русской императорской армии по соображениям конфессиональным. Как следствие — военно-революционными комитетами действующей армии, мало что сделавшими для поддержания боеспособности воинских частей, но зато позволившими «новым людям» чувствовать себя вождями солдатских масс, баловались Склянские, Нахимсоны, Файерабенды, Сацукевичи, Берзины, Апетеры и прочие Упыри¹⁷³. «Хотя комитеты совершенно невозможны в армии — даже менее, чем выборное начальство, — но они были единственным, на чем хоть как-нибудь держалась армия. Самое плохое в комитетах, — констатировал В.Б. Шкловский, — было то, что они страшно отрывались от своих выборщиков»¹⁷⁴. А.Ф. Мясников был как раз из таких народных (солдатских) масс представителей — ушедших навсегда.

Во второй половине 1918 г. уже не осталось армий, в военно-революционных комитетах которых состояли эти люди, но осознание былого армейского величия позволяло этим товарищам еще долго ощущать себя военными партийцами. А.Ф. Мясников, будучи председателем Северо-Западного обкома, уделял постановке военной работы особое внимание, ставя в пример Исполнительному комитету Советов Западной области «Северную Коммуну, которая имеет свою определенную политику по всем ведомствам, когда даже обособленный Военный комиссариат проводит ту политику, которая намечается руководящим центром Северной Коммуны»¹⁷⁵. И это притом, что равняться было решительно не на что. Позднее, в начале июня 1919 г., В.И. Ленин телеграфировал И.В. Сталину, находившемуся в это время на обороне Северной столицы: «Позерн (военный комиссар Петроградского военно-окружного комиссариата. — С. В.) сидит все время в Питере, имеет слабую связь с [реввоен]советом фронта, создает параллельные органы снабжения вместо использования уже существующих фронтовых органов снабжения»¹⁷⁶. Что было неудивительно с учетом отмеченной вождем «постоянной склонности Питера к самостийности»¹⁷⁷, которую ставил в пример белорусским товарищам А.Ф. Мясников в 1918 г.

Уже осенью 1918 г. недовольный военной политикой ЦК РКП(б) А.Ф. Мясников направил после возвращения Красной армией Казани делегацию в Реввоенсовет 5-й армии. Последний, в присутствии Б.Д. Михайлова — председателя сформированного для наказания 2-го Петроградского полка военно-полевого трибунала (в сентябре 1918 г. Михайлов занимал должность военного комиссара при начальнике штаба 5-й советской армии), дал крайне опасный для партийного авторитета Л.Д. Троцкого, и без того весьма сомнительного для старых большевиков, ответ Северо-Западного обкома: «Постановление о расстреле политического комиссара Пантелеева было вынесено в силу приказа наркомвоен[а] Троцкого о том, что за отступление или бегство части расстреливаться будут первыми комиссары, вторыми — командиры виновных частей. В личном же поведении Пантелеева не было ничего позорящего [его] как революционера и партийного работника»¹⁷⁸. Недаром в состав Реввоенсовета 5-й армии, отвечавшего на запрос Северо-Западного обкома¹⁷⁹, входил В.И. Межлаук, который, мягко говоря, не питал особых симпатий к Л.Д. Троцкому: будучи чуть позднее членом Реввоенсовета 10-й армии, он полностью сориентировался на царицынский триумvirат в составе И.В. Сталина, С.К. Минина и К.Е. Ворошилова, двое из членов которого дали в марте 1919 г. бой военной политике «ленинского» ЦК. Естественно, ответ Реввоенсовета 5-й армии, мягко говоря, не прибавил популярности Л.Д. Троцкому среди партийных работников, уверенных, что в результате «неосторожного» и «непродуманного» приказа наркома расстреляли «совершенно невинного человека», без каких бы то ни было веских причин — «по „формальным“ основаниям...»¹⁸⁰.

13 октября 1918 г., возмущенный произошедшим, Северо-Западный обком направил записку с протестом против военной политики высшего руководства РКП(б) в Секретариат ЦК. Слегка направив полученную из 5-й армии информацию, обком и лично А.Ф. Мясников назвали инцидент «кошмарно-печальным абсурдом и преступным легкомыслием» и просили ЦК РКП(б) «указать вождям армии, и в первую очередь т. Троцкому, на всю недопустимость и глубоко отрицательные последствия безрассудной военно-полевой вакханалии»¹⁸¹. В Секретариате ЦК РКП(б) сняли три копии с докладной записки — для Л.Д. Троцкого, «Смирнова» (очевидно, в данном случае И.Н. Смирнова¹⁸² как главы Политического отдела РВСР) и Я.М. Свердлова. Что характерно, никакого ответа Северо-Западный обком от большевистского ЦК не дождался¹⁸³. Причем если Я.М. Свердлов, будучи человеком осторожным, предпочел по дипломатическим соображениям промолчать, то Л.Д. Троцкий 23 октября добавил материала для собственной дискредитации, четко заявив в одной из телеграмм: «Решающее значение имеют, в конце концов, комиссары при полках и вообще мелких единицах. <...> Я считаю

необходимым установить такой режим на фронте, при котором комиссары полков и прочие считают себя не вправе отступить ни при каких условиях. Такой же режим необходимо создать и для командного состава. <...> Если командир перебежал, виноват комиссар, и в боевой обстановке он за это отвечает головой», независимо от своего положения в большевистской партии¹⁸⁴. Печально знаменитый приказ «Ни шагу назад!» Сталин, как видим, позаимствовал из арсенала Троцкого. В условиях «культы личности» и схватки с Германией Советского Союза не на жизнь, а на смерть жестокий приказ не обсуждался, в РСФСР эпохи Гражданской войны лучший подарок своим оппонентам из старых большевиков Троцкий сделать просто не мог.

26 ноября 1918 г. большевики получили прекрасный пример неформального отношения к воинской дисциплине. Член РВСР и Реввоенсовета Южного фронта К.А. Мехоношин¹⁸⁵ отдал следующий приказ по войскам фронта: «Сегодня, во время удачного наступления наших доблестных войск, 2-й батальон 119-го полка под влиянием гнусной агитации трусов и изменников совершил величайшее преступление перед Советской республикой и Красной армией — *солдаты* (здесь и далее в цитате курсив мой. — С. В.) этого батальона из-за шкурнических интересов и трусости забыли свой долг перед революцией и своими товарищами-красноармейцами, героически сражавшимися с белогвардейскими бандами генерала Краснова, эти преступные изменники не выполнили боевого приказа, не пошли в бой, и, когда командир полка и комиссар, не щадя своей жизни... хотели силой заставить батальон идти вперед, чтобы выручить соседние части, эти презренные трусы осмелились встретить [их] выстрелами из винтовок и пулеметов... Охраняя интересы революции и фронта от измен и предательства и т. к. следствием подобных поступков может быть напрасная гибель соседних частей, я именем Революционного военного совета Республики, [Реввоенсовета] Южного фронта приказываю (комиссарам дивизии) немедленно предать суду военного полевого трибунала весь 2-й батальон 119-го полка *вместе с командиром и комиссаром батальона, виновных* (выделено полужирным шрифтом нами. — С. В.) расстрелять без пощады. Постановление трибунала широко огласить, дабы рабочие и красноармейцы всей Республики знали, что те, кто предаст в тяжелый момент, всегда будут караться [с] самой большой суровостью»¹⁸⁶. Мехоношин отдал свой приказ — за три дня до первой громкой предсъездовской дискуссионной публикации. Ни в военной дискуссии, ни на VIII съезде РКП(б) ни один военный партиец не поставил приказ в строку члену РВСР. Во-первых, Троцкого ругали, но с необходимостью репрессий в армии все благополучно смирились — во многом вследствие жесткой позиции наркома. Во-вторых, Мехоношин, предав батальон, и в т. ч. комиссара, суду трибунала, распорядился рас-

стрелять *виновных*. Если бы Троцкий действовал так же — жестоко, но справедливо, озаботился сбором доказательств трусости Пантелеева и таковые доказательства добыл и по требованию представил Северо-Западному обкому — никто бы не имел формального повода на него ополчиться.

Заметим, несколько отступая от хронологии, что 27 марта 1922 г. в Политическом отчете ЦК РКП(б) В.И. Ленин заявил: «Когда происходит... отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: „Стреляй!“ И правильно [делают]»¹⁸⁷. Примечательно, что в 1918 г. вожьд старался не делать официальных заявлений по этому вопросу, о «деле» Михаила Пантелеева он не высказывался ни разу. Для Ленина вопрос был слишком мелок, для Троцкого это был вопрос политического авторитета.

29 ноября 1918 г., с выходом очередного номера главной партийной газеты¹⁸⁸, «дело» Михаила Пантелеева приобрело широкую известность и обострило военную дискуссию, развернувшуюся на VIII съезде РКП(б) 1919 г.

25 декабря 1918 г. председатель РВСР был вынужден давать объяснения в своем заявлении Центральному комитету РКП(б): «Пантелеев расстрелян был по суду, и суд назначен был мною не для Пантелеева: я не знал его присутствия среди дезертиров, не знал его имени, суд назначен был над дезертирами, захваченными на пароходе, причем суд расстрелял Пантелеева в числе других»¹⁸⁹. Слукавил Троцкий или нет — понять сложно. С одной стороны, сложно поверить, что нарком мог, лично прорабатывая членов военно-полевого трибунала, не поинтересоваться, кого именно из военных комиссаров расстреляют вместе с бывшим офицером и горсткой дезертиров. С другой — Троцкий лично Пантелеева мог и не знать, и, кстати, если бы знал, то его распоряжение как наркома можно было бы «подать» в выгодном свете, сопроводив свои заявления по этому поводу красивой фразой из серии: дело революции — выше личных симпатий. Пожалуй, ново-заявленному Ивану Грозному (Маттео Фальконе?) признание факта знакомства было бы на руку.

18 апреля 1919 г., сразу после своего создания на VIII съезде РКП(б), Политическое бюро ЦК РКП(б) (формально — рабочий аппарат ЦК, а в действительности властная надстройка над высшим, по Уставу, органом партии) приняло постановление об образовании следственной комиссии по делу военного комиссара Михаила Пантелеева¹⁹⁰, а 20 апреля 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) в составе Н.Н. Крестинского, И.В. Сталина, Л.П. Серебрякова, А.Г. Белобородова¹⁹¹, Е.Д. Стасовой, К.Т. Новгородцевой, И.Т. Смилги¹⁹², М.Ф. Владимирского и в присутствии видного деятеля ВЦИК С.А. Митрофанова удовлетворило просьбу Л.Д. Троцкого «разобрать дело о расстреле Пантелеева и о назначении комиссии с этой целью»¹⁹³ и избрало ко-

миссию в составе Л.П. Серебрякова, Н.Н. Крестинского и И.Т. Смилги¹⁹⁴. К деятельности комиссии были привлечены злейшие враги Л.Д. Троцкого — к примеру, Е.М. Ярославский¹⁹⁵. 3 мая 1919 г. В.М. Смирнов направил Е.М. Ярославскому подробный ответ на его как члена комиссии ЦК предложение «изложить все... по делу т. Пантелеева»¹⁹⁶. На первый взгляд, ко времени формирования комиссии вопрос уже утратил свою актуальность: VIII съезд РКП(б) закончился, а с ним заглохла и «военная» дискуссия. Но только на первый: несмотря на то что, по данным Д.А. Волкогонова, «специальная комиссия ЦК оправдала действия Троцкого»¹⁹⁷, материал был ею собран, а компромат, как известно, сроков давности не имеет. Полученные факты в любой момент можно было использовать в политической игре против председателя Реввоенсовета Республики.

Л.Д. Троцкий был вынужден объясняться по поводу расстрела М. Пантелеева вплоть до 1927 г. — в Советском Союзе¹⁹⁸, а также позднее, в 1929 г., уделить внимание нашумевшему делу на страницах своих эмигрантских воспоминаний.

20 октября 1927 г. И.Т. Смилге (в то время — видному деятелю Объединенной оппозиции) был направлен черновик статьи «О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии» Л.Д. Троцкого. Последний намеревался «эту статью разослать завтра всем членам ЦК и ЦКК, если не будет с Вашей стороны каких-либо поправок»¹⁹⁹. Один из разделов статьи — «Военная работа».

В ней Троцкий писал: «По поводу моей военной работы, которая началась весной 1918 г., также предпринята, под руководством Сталина, попытка переделать заново всю историю Гражданской войны со специальной целью борьбы с „троцкизмом“, честнее сказать — борьбы против Троцкого».

Наиболее гнусной частью этой кампании является обвинение в *расстреле коммунистов*. Когда-то оно пускалось в ход... политотделами белых армий, пытавшихся распространить среди наших красноармейцев листки, обвинявшие Красное командование, и в частности Троцкого, в кровожадности. Теперь по этому пути пошла агентура Сталина.

Допустим на одну минуту, что все это правильно. Тогда почему же Сталин, Ярославский, Гусев и пр. агенты Сталина молчали во время Гражданской войны (Ярославский и молчание — два понятия несовместные. — С. В.)? Что означают нынешние запоздалые „разоблачения“ в устах сталинской агентуры? Эти „разоблачения“ означают: „Рабочие, крестьяне, красноармейцы, партия вас обманывала, когда говорила вам, что Троцкий, возглавляя армию, выполняет волю партии и проводит ее политику (видимо, к 1927 г. Троцкий поверил во все это сам. — С. В.). В своих бесчисленных статьях о работе Троцкого, в постановлениях своих партийных и советских

съездов партия обманывала вас, одобряя военную работу Троцкого и скрывая от вас такие факты (которые можно было вычитать в «Правде». — С. В.), как расстрел коммунистов. В этом обмане участвовал Ленин, решительно поддерживавший (с марта 1919 г., и то отнюдь не «решительно». — С. В.) военную политику Троцкого“. — Вот какой смысл имеют запоздалые „разоблачения“ Сталина. Они компрометируют не Троцкого, а партию, ее руководство, они подрывают доверие масс к большевикам вообще; ибо, если в прошлом, когда во главе партии стояли Ленин и основное ядро его сотрудников (заметим, что не «товарищей». — С. В.), возможно было укрывательство сверху чудовищных ошибок и даже преступлений, так чего же можно ждать теперь, когда состав ЦК неизмеримо менее авторитетен?»²⁰⁰

В воспоминаниях 1929 г. бывший нарком пояснял читателям, что вскоре по приезде в Свияжск он убедился в невозможности ликвидации пораженческих настроений «одной агитацией» и, учитывая острый дефицит времени, вынужден был пойти на «суровые меры»²⁰¹. Л.Д. Троцкий процитировал собственный приказ, применение на практике которого, с одной стороны, исправило положение под Свияжском, а с другой — сделало имя наркома одиозным для военных партийцев, чьим жизням и желанию служить «социалистическому отечеству» угрожали отныне не только контрреволюционеры и интервенты, но и высшее руководство Красной армии. С показной скромностью Троцкий признал, что «перелом наступил... не сразу. Отдельные отряды продолжали отступать без причины или рассыпались под первым крепким толчком. Свияжск был под ударом. На Волге стоял наготове пароход для штаба. Десять человек команды моего поезда охраняли на самокатах пешеходную тропинку между штабом и местом посадки на пароход. Военный совет 5-й армии постановил предложить мне перейти на воду. Мера сама по себе была разумна, но я опасался ее дурного влияния на нервную и не уверенную в себе армию»²⁰². Рассказ о собственном мужестве был нужен Троцкому для оправдания постфактум дела Пантелеева, которое бывший нарком представил в качестве ни больше ни меньше, как переломного момента на фронте: едва положение «ухудшилось», как «свежий полк, на который мы так рассчитывали, снялся с фронта во главе с комиссаром и командиром, захватил со штыками наперевес пароход и погрузился на него, чтобы отплыть в Нижний [Новгород]. Волна тревоги прошла по фронту. Все стали озираться на реку. Положение казалось почти безнадежным. Штаб оставался на месте, хотя неприятель был на расстоянии километра-двух и снаряды рвались по соседству. Я переговорил с неизменным [революционным матросом] Маркиным. Во главе двух десятков боевиков он на импровизированной канонерке подъехал к пароходу с дезертирами и потребовал от них сдачи под жерлом пушки. От исхода этой вну-

тренней операции зависело в данный момент все. Одного ружейного выстрела было бы достаточно для катастрофы. Дезертиры сдались без сопротивления. Пароход причалил к пристани, дезертиры высадились, я назначил полевой трибунал, который приговорил к расстрелу командира, комиссара (как это ни парадоксально, одиннадцать лет спустя память Троцкого не обманула — не то что в сентябре 1918 года! — *С. В.*) и известное число солдат. К загнившей ране было приложено каленое железо. Я объяснил полку обстановку, не скрывая и не смягчая ничего. В состав солдат было вкраплено некоторое количество коммунистов. Под новым командованием и с новым самочувствием полк вернулся на позиции. Все произошло так быстро, что враг не успел воспользоваться потрясением»²⁰³.

В работе о главном после В.И. Ленина политическом оппоненте его жизни Л.Д. Троцкий, характеризуя И.В. Сталина, как будто описал... самого себя — в качестве наркома по военным делам и «организатора» Красной армии: «Фронт, несомненно, тянул его (у Троцкого — Сталина. — *С. В.*) к себе. Военный аппарат есть наиболее абсолютный из всех аппаратов (это Троцкий знал не понаслышке. — *С. В.*). Сидя в штабе (как вариант — в поезде. — *С. В.*), можно было назначать, перемещать, смещать, приказывать, заставлять, миловать и, главное, карать. Потребность во властвовании находила здесь наиболее полное выражение»²⁰⁴.

Председатель Высшего военного совета мог гордиться своими свияжскими днями. Во-первых, в отличие от Крыленко, Дыбенко, Антонова-Овсеенко и примкнувшего к ним Подвойского, он быстро доказал свою дееспособность в качестве руководителя советского военного ведомства и прослыл создателем Красной армии. Во-вторых, Троцкий заслужил лавры спасителя Советской России и впоследствии был воспет в поэме «Свияжск» известного партийного деятеля и литератора Ларисы Рейснер. Заметим, что Сталин до времен «культы личности» подобной чести удостоен не был, а в мандельштамовской «Оде», благодарностью за которую стал расстрел, никакого места военному гению вождя не нашлось.

Уже в середине августа — начале сентября 1918 г. были заложены предпосылки для оформления двух группировок в партийном руководстве Красной армии — одной, немногочисленной и очень сплоченной, которая сориентировалась на Троцкого, другой, многочисленной, но организационно-аморфной, которая возненавидела председателя Высшего военного совета и не упускала случая ему досадить. В последней состояло большинство «ленинцев», направленных на работу в армию. Они с дооктябрьских времен сохранили недоверие к Троцкому, поскольку вступление последнего в партию в составе «межрайонки» летом 1917 г. воспринималось не иначе как

тактическим приемом (как это и было на самом деле). Показанный в статьях и монографии В.В. Каминского прагматизм Троцкого в кадровом вопросе²⁰⁵ не имел никакого отношения к большевистской принципиальности — к «классовому чутью» и «революционной целесообразности». Наконец, высокомерие Троцкого и его позерство также вызывали раздражение у старых большевиков, считавших «солью» партии себя (люди вообще, по справедливому замечанию Альфреда Нокса, готовы скорее простить ошибки в стратегии, чем неумение общаться²⁰⁶).

За фасадом достигнутых в Свияжске успехов скрывалась проводимая Троцким политика репрессий в отношении *всех* групп кадров нарождавшейся Красной армии. В том числе и военных комиссаров, что было прямым вызовом старым большевикам, в советской политической системе ощущавшим себя особой кастой. (Сталину в данном случае было чему поучиться у своего многолетнего оппонента — *уравнению в бесправии, выражаясь по-сталински, «партийных и непартийных большевиков»*, состоявшемуся за много лет до т. н. Большого террора на Восточном фронте.) «Дело» Пантелеева стало бомбой замедленного действия, которую нарком *сам* заложил под свое кресло. Расстрел большевистского комиссара сыграл важную роль в оформлении претензий к Троцкому военной «оппозицией» в конце 1918 — начале 1919 г.

В данном контексте представляется не вполне верным встречающееся в историографии утверждение о том, что «первые ростки военной оппозиции»²⁰⁷ проросли в октябре 1918 г. на Южном фронте. Зерна этой «оппозиции» щедрой рукой посеял сам Троцкий в августе—сентябре 1918 г. на Восточном фронте.

Документ № 1п

**Ответ видного деятеля военной оппозиции В.М. Смирнова
члену комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) Е.М. Ярославскому
на запрос по делу о расстреле военного комиссара
М. Пантелеева**

3 мая 1919 г.

Тов. Емельяну Ярославскому

Уважаемый товарищ!

В ответ на Ваше письмо с просьбой изложить вам все известное мне по делу т. Пантелеева, могу сообщить следующее:

Расстрел т. Пантелеева был произведен около середины августа 1918 г. у ст[анции] Свияжска Моск[овско]-Казанской ж[елезной] д[ороги], где стоял в то время штаб 5-й армии, в котором я в то время занимал должность инспектора артиллерии. Тов. Пантелеев

прибыл в штаб за несколько дней до своего расстрела, командированный в армию партийным комитетом Западной области, и был назначен комиссаром 2-го Петроградского полка. В это время белыми был предпринят глубокий обход 5-й армии, и им удалось захватить ст. Тюрлему, находившуюся глубоко в тылу нашего расположения. Обход этот был совершенной неожиданностью и был обнаружен лишь тогда, когда белые вплотную подошли к [названной] станции и захватили ее. Почти никаких сил для ликвидации обхода в распоряжении штаба не было, приходилось вооружать все, что имелось под рукой. Единственной более или менее регулярной частью был 2-й Петроградский полк, который и был послан наряду с другими командами и броневыми поездами против белых. При внезапности нападения не было возможности ни организовать общее командование вновь создавшимся в тылу боевым участком, ни наладить хотя [бы] сколько-нибудь правильную связь посланных частей со штабом армии (это было сделано лишь дня через два, когда командующим новым участком был назначен Вахрамеев), и посланные отряды должны были действовать исключительно по собственной инициативе. Поздно вечером стало известно, что 2-й Петроградский полк не выдержал натиска и частью разбежался, частью направился к пристани [Курочкино], находящейся в верстах 20—30 от ст. Свияжск вверх по течению Волги. За полком было послано одно из военных судов Волжской флотилии, которое, найдя остаток полка на одном из пароходов, привело этот пароход к ст. Свияжск. Для расследования обстоятельств отступления и наказания виновных был назначен полевой суд в составе: 1) председателя — т. Михайлова, командированного в армию от одной из петроградских партийных организаций и приехавшего за несколько дней перед тем, впоследствии члена Рев[воен]совета 5-й армии; 2) членов суда: т. Марьина, бывшего в это время, если не ошибаюсь, комиссаром Волжской флотилии, впоследствии погибшего в бою с белыми на р. Каме, и т. Чикколини, известного по недавнему процессу, в то время секретаря т. Троцкого. К тем данным, которые выяснились на суде относительно личности Чикколини, могу добавить следующее: во время Московского восстания, когда ему предложено было отправиться за 192-м и 194-м полками, он, не дойдя до полка, вернулся обратно с полдороги, и, несмотря на настояния штаба, не пожелал отправиться вновь, за что был устранен из состава штаба. Назначение суда происходило в обстановке чрезвычайной спешности, причем суду была дана директива применить к полку самые суровые меры, вплоть до массового расстрела. Помимо этого некоторые директивы давались суду и непосредственно т. Троцким, находившимся тогда в армии: так, он дал категорическое приказание, чтобы из оказавшихся вместе с полком матросов, приехавших с поездом Троцкого, ни один не вернулся живым. Вообще для характеристики обстановки, в которой разыг-

рались события, необходимо отметить, что распоряжения давались не только Револ[юционн]ым [военн]ым советом [Восточного фронта], но лично т. Троцким: так, им был отдан приказ об аресте т. Овчинникова, бывшего завед[ующего] передвижением войск, и даже приказ о чьем-то расстреле, кажется, во исполнение не приведенный. При такой обстановке задачей суда являлось по существу не разбирательство дела, а производство экзекуции, имевшей целью привести в порядок разбежавшийся полк, и служить предостережением другим частям.

Разбирательство дела и приведение приговора в исполнение заняло три-четыре часа, так что т. Михайлов в ту же ночь сделал доклад Воен[но]-рев[олюционн]ому совету. Согласно этому докладу работа суда была произведена следующим образом: по прибытии к пароходу, на котором находился полк, против него было поставлено военное судно, и члены суда, отправившись на пароход, предложили полку разоружиться, предупредив его, что в случае отказа или каких-либо враждебных действий против членов суда по пароходу будет открыт огонь. После такого предупреждения полк сложил оружие. Затем был произведен краткий устный допрос, после чего суд постановил расстрелять каждого двадцатого, командира полка и комиссара, последних в силу известного приказа т. Троцкого. Что делал т. Пантелеев во время боя и отступления, принимал ли он какие-либо меры, чтобы остановить полк или известить штаб о том, куда полк направился, что фактически можно было сделать, принимая во внимание обрисованную мною в начале письма обстановку боя и 3-дневное всего пребывание в полку т. Пантелеева — этого из доклада т. Михайлова видно не было. Он сообщил только, что т. Пантелеев объяснял свое нахождение на пароходе тем, что он считал нужным находиться при своем полку (в чем, полагаю, он был совершенно прав, если только сделал все возможное для того, чтобы остановить полк и сообщить о происшедшем в штаб) и что в противоположность ком[анди]ру полка [Биквушеву], который держал себя перед расстрелом, по словам т. Михайлова, «как подобает революционеру», т. Пантелеев волновался, плакал и просил о помиловании. Как бы ни оценивать такое поведение т. Пантелеева, для которого, конечно, имелись основания, т. к., помимо того, что хладнокровие перед лицом *неизбежной* смерти зависит в значительной степени от крепости нервной системы, т. Пантелееву предстоял расстрел в качестве труса и шкурника, а следовательно, и утрата имени честного революционера, во всяком случае, из всего того, что написано выше, вы можете ясно видеть, что *т. Пантелеев был расстрелян не за какую-либо свою вину (установить ее при всей сложности обстановки в такое короткое время было невозможно), а в порядке массовой экзекуции перед всем полком.*

На эту точку зрения встал и Рев[воен]совет 5-й, когда уже после взятия Казани к нему прибыла делегация партийного комитета За-

падной области, заявлявшая, что т. Пантелеев был одним из видных партийных и советских работников, вел самую горячую агитацию за отправку партийных товарищей на фронт и сам вызвался ехать туда в первую очередь, выражавшая недоумение, как мог при этих условиях т. Пантелеев оказаться трусом и шкурником, и требовавшая от Ревсовета конкретных данных по этому поводу. Ревсовет армии в составе тт. Валерия Межлаука и Кизельштейна, в присутствии т. Михайлова, бывшего тогда комиссаром при начальнике штаба, вынес известное нам постановление, что «постановление о расстреле т. Пантелеева было вынесено в силу приказа наркомвоен Троцкого, что за отступление или бегство частей будут расстреливаться первыми комиссары, а вторыми — командующие виновных частей» и что «в личном поведении т. Пантелеева не было ничего позорящего его, как революционера и партийного работника».

Считая, что подобные методы репрессий абсолютно недопустимы по отношению к партийным товарищам, которые, отвечая за свои поступки и преступления строже остальных, вместе с тем могут подвергаться наказаниям, особенно таким, как расстрел, лишь после тщательного и всестороннего разбора дела и точного установления их виновности, я и сделал на [VIII] съезде партии то заявление, на которое вы ссылаетесь в своем письме.

С товарищеским приветом, *В. Смирнов*
3/V—1919 г.

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 1—4. Автограф бурыми чернилами²⁰⁸.

Приложение № 1

Докладная записка Северо-Западного областного комитета РКП(б) в ЦК РКП(б)

13 октября 1918 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

29 сего августа военно-полевым судом 5-й армии Восточного фронта в числе других был расстрелян за дезертирство во время боя у станции Тюрлема (около Казани) член партии, бывший член Обл-искомзапа 1-го и 2-го созыва, бывший заместитель комиссара труда Зап[адной] области (в Октябрьские дни) и бывший председатель Могилевского губисполкома последнего созыва — политком 2-го Петроградского номерного полка — т. Михаил Пантелеев²⁰⁹.

Имея в виду, что безупречный по своей общественно-политической и партийной деятельности и в самые суровые моменты нашей Революции занимавший видные советские посты тов[арищ] был расстрелян за крайне позорное деяние, Северо-Западный областной

комитет партии решил выяснить обстоятельства этого дела, дабы в случае возможности реабилитировать М. Пантелеева.

Отправленному с этой целью на фронт представителю ОКА удалось с достоверностью выяснить, что т. Пантелеев не был отнюдь повинен в бегстве и с позиции еще молодой, неокрепшей и слабой воинской части, при которой только два или три дня, как состоял он политкомом; что он лично до конца стоял на своем посту и что в приказе наркомвоен[а] Троцкого о расстреле первыми комиссаров бегущих частей и ввиду крайней опасности в момент прорыва фронта у станции Тюрлема, угрожаемой всему составу поезда наркомвоен[а] Троцкого, а также ввиду возможности после прорыва неприятеля в глубине Советской республики, дабы решительными и быстрыми мерами предотвратить катастрофу и повлиять на дух расхлябанных частей войск, военно-полевой суд 5-й армии 29 августа принял постановление о расстреле М. Пантелеева вместе с другими и в тот же день привел его в исполнение.

Обстоятельство это и полная невиновность расстрелянного Пантелеева удостоверяется документом, выданным ОКА штабом 5-й армии за подписью одного из трех членов военно-полевого суда, вынесшего постановление о расстреле М. Пантелеева (т. Михайлов). При сем прилагаем копии трех документов, относящихся к этому делу и характеризующих его, а также № 28 нашего органа «Звезда», в котором освещено оно²¹⁰.

Для ОКА яснее ясного, что один из заметных и преданных работников нашей партии, в трудные дни чехословацкого натиска на нас добровольно отправившийся на фронт, пал жертвой т. н. формального закона, выраженного в приказе наркомвоен[а] о расстреле комиссаров бегущих частей, безразлично — виновных или невиновных. Революция наша имела, имеет и будет иметь, конечно, досадные жертвы. Но если они нужны для нее, то приходится лишь констатировать это, и только. Но если эти жертвы приносятся на алтарь Революции нами сознательно, в силу буквы приказов и подобно приложенной при сем копии приказа т. Троцкого от 30 августа за № 31 — вдобавок во всеуслышание объявляются дезертирами и тому подобными позорными наименованиями преданные партийные работники и честные революционеры, то не походим ли мы на мать, в порыве испуга душащую своего ребенка?

Северо-Западный областной комитет партии находит, что подобные прецеденты являются темной стороной нашей революционной деятельности. Товарищам, работающим в военных учреждениях, необходимо указать, что даже при самых тяжелых минутах их работы не следует терять головы, смешивая черное с белым, и не попирает священных прав и достояний революционера. Что же касается того кошмарно-печального абсурда и преступного легкомыслия, которое наз[ывается] делом М. Пантелеева и имеет и другие

примеры, должно быть немедленно искоренено в обиходе нашей армии.

Поэтому ОКА просит Цека обсудить этот вопрос и указать вождем армии, и в первую очередь т. Троцкому, на всю недопустимость и глубоко отрицательные последствия безрассудной военно-полевой вакханалии.

За секретаря [подпись]

Резолюция Секретариата ЦК РКП(б): «Снять 3 копии: Троцкому, Смирнову, Свердлову».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 189. Л. 62 об. — 63. Подлинник — машинописный текст на бланке «Российская коммунистическая партия большевиков / Северо-Западный / областной комитет» с автографом; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 7—7 об. Незаверенная машинописная копия с заверенной копии. Печатается по тексту подлинника.

Часть первая «ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ»

ГЛАВА 1

«И избави нас...»

Великий князь Николай Николаевич и идея военной диктатуры в России в начале XX в.

По высокоавторитетному мнению Е.Г. Гимпельсона, с сентября 1918 г. влияние в партии Л.Д. Троцкого стало конкурировать с влиянием В.И. Ленина²¹¹. С чем это было связано? 30 августа 1918 г. вождь мировой революции был тяжело ранен и у Л.Д. Троцкого появилась возможность занять в связке с Я.М. Свердловым место у руля партийно-государственного механизма. Каковы были чаяния Л.Д. Троцкого — прежде чем ответить на этот вопрос, напомним основные вехи эволюции идеи военной диктатуры в России, с акцентом на события начала XX века*.

Диктаторские идеи в России ведут свое начало с оформления в начале 1820-х гг. «Русской правды» декабриста П.П. Пестеля, опиравшегося в своей практической деятельности на испанский опыт военной хунты²¹². В обществе идея о необходимости сильной руки получила развитие в 1870-х гг., что было закономерной реакцией на террористическую деятельность народовольцев. Символично, что первый опыт реализации соответствующих идей был получен по итогам введения некоей «диктатуры сердца и мысли» генерала М.Т. Лорис-Меликова, никакой диктатурой по сути своей не являвшейся²¹³.

* Умберто Эко во введении к вышедшей под его редакцией «Истории Средневековья» (русское изд.: М., 2014) написал о том, чем НЕ являлось европейское Средневековье. В данной главе автор книги не претендует на особую научную новизну, однако написание главы представляется необходимым потому, что в последнее время принято противопоставлять советский период дореволюционному даже в том, в чем этого делать не следует. Фактически большая часть данной главы — напоминание авторам и читателям: истоки многих фактов из жизни Республики Российской — Советского государства следует искать в истории нашего Отечества имперского ее периода.

После Русско-японской войны имел место политический кризис, главным проявлением которого, как известно, стала Первая русская революция. В научной литературе отсутствует единство взглядов на то, стала ли после принятия Николаем II 17 октября 1905 г. Манифеста наша страна конституционной монархией. А.Н. Медушевский полагает, в частности, что, «будучи по форме правления дуалистической монархией, царский режим после революции 1905 г. фактически представлял собой мнимый конституционализм, занимая промежуточное положение между более или менее развитыми формами монархического конституционализма западных стран и однозначно традиционалистскими режимами Востока. Для этого типа организации власти был особенно характерен режим личного правления монарха, который все более непосредственно опирался на институты чрезвычайного положения и *силовые структуры власти* (курсив мой. — С. В.)». Таким образом, «конституционная монархия в России стала особым типом монархического конституционализма, возникшим на переломном этапе перехода от абсолютизма к тоталитарному государству (большевистской диктатуре. — С. В.)». По убеждению А.Н. Медушевского, став «временной уступкой самодержавия демократическим силам», монархический конституционализм стал фактически «формой перехода к новой авторитарной власти — диктатуре вождистского типа. Российский вариант конституционной монархии в этом отношении был типичным примером мнимого конституционализма. <...> Противоречие легитимирующей формы и реального политического содержания данного режима оказалось неразрешимым. Этим объясняется, в частности, та легкость, с какой большевикам удалось вскоре после свержения самодержавия легально оформить новую авторитарную власть»²¹⁴. Однако тут мы забежали вперед, вернемся к Первой русской революции — вернее, к ее спаду.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве и восстания в ряде других промышленных центров Российской империи²¹⁵ были жестоко подавлены царскими войсками. Как писал один из организаторов восстания в Горловке большевик К.Е. Ворошилов, «начались жестокие репрессии против крестьянских масс в деревне, поднявшихся на борьбу с помещиками. Почти повсеместно было введено военное положение, многие города и районы крестьянских волнений были наводнены полицией — общевоинскими и казачьими подразделениями»²¹⁶. В тезисах, составленных к IV съезду Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) 1906 г., меньшевистская фракция справедливо заметила, что «частичная неудача пролетариата в ноябрьские и декабрьские дни, явившаяся следствием его изолированности, относительной слабости и неорганизованности революционного движения буржуазной демократии, городской и сельской, измены и попустительства верхних слоев буржуазии и помещичьего дворянства, напуганных революционным движением про-

летарских и крестьянских масс, дала возможность царскому правительству, опирающемуся на вооруженные силы, установить в стране на время режим военной диктатуры»²¹⁷. Как таковой военной диктатуры, впрочем, установлено не было: срочно вызванными в обе столицы частями была проведена масштабная зачистка, однако вектор дальнейшего развития политической системы «гнилым царизмом» был задан.

По официальным данным, в 1906—1907 гг. вследствие терактов и революционных выступлений погибли 4126 и были ранены 4552 должностных лица. Министр внутренних дел П.А. Столыпин пережил десять покушений, в числе которых — организованный эсерами-максималистами взрыв на Аптекарском острове в августе 1906 г. В ответ на это покушение правительство ввело военно-полевые суды из строевых офицеров, выносивших приговоры в течение двух суток после совершения преступления. Сила противодействия оказалась значительно большей, нежели сила действия. Закономерным итогом революционной деятельности стала масштабная политическая реакция. В 1906—1910 гг. военно-полевые и военно-окружные суды приговорили к смертной казни 3825 человек, отправили на каторгу свыше 26 тыс. политических преступников. Значительная часть территории страны находилась на положении чрезвычайной или усиленной охраны. Как заметили генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин и его соавторы по «Краткому курсу истории ВКП(б)» 1938 г., «царский министр Столыпин развертывал свою кровавую расправу над рабочими и крестьянами. Тысячи революционных рабочих и крестьян были расстреляны карательными экспедициями и повешены. В царских застенках мучили и пытали революционеров. Особенно жестоким преследованиям подвергались рабочие организации, в первую очередь большевики»²¹⁸. Отнюдь не на пустом месте появились филиппики Л.Н. Толстого «Не могу молчать!» (1908), в которых великий русский писатель, не имевший ничего общего с ленинской «партией нового типа», выступил с резкой критикой сдавших горло революционным рабочим «стольпинских галстуков» (выражение одного из лидеров партии кадетов Ф.И. Родичева) как атрибута жесточайшей реакции. С одной стороны, многие отошли от активной революционной деятельности, считая свою дальнейшую подрывную работу бесперспективной. В частности, в Российской социал-демократической рабочей партии нашлось немало людей «непосредственного действия и непосредственных результатов»²¹⁹, которые отошли от партийной работы. Так называемые «ликвидаторы» представляли собой «очень широкую группу интеллигентов-большевиков первого призыва, которых привлекла в большевизм его революционная ударность, которые рассчитывали на непосредственные достижения, а затем, после эпохи первых двух Дум, все больше и больше отходили от революции, находя применение своим силам в

разных областях хозяйственной, культурной, литературной работы легальной третьеиюньской России»²²⁰. К.Е. Ворошилов с сожалением констатировал в своих воспоминаниях, что не всякий мог пойти на вступление в партию «в условиях наступления реакции»²²¹. С другой стороны, встав на путь усиления аппарата подавления, Николай II и П.А. Столыпин качнули корабль самодержавия в сторону революции. По справедливому замечанию составителей «Краткого курса...», «...не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ. Стала исчезать усталость рабочих, навеванная в первые годы поражения революции. Рабочие вновь стали подыматься на борьбу. [...] Уже в 1911 г. количество стачечников превышало 100 тыс., тогда как в предыдущие годы оно составляло всего 50—60 тыс. человек. Еще Пражская партийная конференция (на ней фактически произошло оформление большевиков как самостоятельной партии. — С. В.) в январе 1912 г. отметила начавшееся оживление в рабочем движении. Но настоящий подъем революционного движения начинается в апреле—мае 1912 г., когда вспыхнули массовые политические стачки...»²²²

Первым реальным претендентом на *военную диктатуру* в начале XX в. смело можно признать дядю Николая II Николая Николаевича Младшего — «Лукавого», как, по воспоминаниям внука многолетнего директора Пажеского корпуса, кавалергарда графа А.А. Игнатьева, «прозвала» этого «великого князя... вся кавалерия от генерала до солдата»²²³ (по Библии — «и избави нас...»). Как заметил известный специалист по истории культурных символов в годы Первой мировой войны Б.И. Колоницкий, великий князь подчеркивал, что он «родился после смерти императора Николая Павловича» и потому «все воспитание» его «прошло в традициях того времени, в числе одной из главных и едва ли не наиболее существенной являлось подчинение». Но при этом Николай Николаевич отнюдь «не во всех ситуациях действительно вел себя совершенно лояльно»²²⁴. Добавим, что внук Николая I был человеком начисто лишенным осознания масштабыности стоящих перед Властью задач и потому не способным не то что к энергозатратному бремени государственного деятеля, но даже к положительной селекции руководящих кадров, следствием чего, забежим немного вперед, стали назначения на видные посты людей, по своим качествам никак этим постам не соответствовавших — главным образом, это относится к Ф.Ф. Палицыну, ставшему в 1905 г. начальником Генерального штаба. По замечанию протопресвитера русской армии и флота отца Георгия Шавельского²²⁵, к которому в штабе Верховного относились «с большим *внешним* (курсив мой. — С. В.) почтением»²²⁶, при «тонком и быстром уме» к «черновой, усидчивой, продолжительной работе»²²⁷ великий князь способен не был.

По высокоавторитетному замечанию Л.Г. Захаровой, «в начале XX в. кризис „верхов“ происходил в условиях кризиса всей системы государственной власти. <...> Абсолютная монархия как форма политической власти изжила себя. В рамках существующего государственного строя никакие реформы не могли уже предотвратить революции»²²⁸. Тем не менее власть предпринимала жалкие потуги вернуть ситуацию под контроль.

5 мая 1905 г. под председательством Николая Николаевича «был образован постоянный Совет государственной обороны»²²⁹. Кроме того, Николай Николаевич заменил великого князя Владимира Александровича, другого дядю императора, на посту главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, причем, по объяснению «непопулярного, но твердого генерала»²³⁰ Ю.Н. Данилова²³¹, «последний пост ввиду особого положения, создавшегося в России, в частности в Петербурге, получил к тому времени исключительную важность, т. к. в руки лица, находившегося во главе столичного округа, по существу, передавалась судьба столицы, а с нею и всей империи»²³². И действительно, исторически сложилось так, что если в руках двух генералов — Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора и командующего гвардейским корпусом — и не была сконцентрирована в переломные моменты истории Российской империи вся полнота реальной власти, то уж во всяком случае их мнение могло качнуть чашу весов в ту или иную сторону²³³.

Официально Совет государственный обороны был учрежден «в видах обеспечения соответственного государственным потребностям и средствам развития вооруженных сил Империи, объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений, по вопросам, относящимся к безопасности государства»²³⁴. Однако, как указал в своем исследовании выдающийся специалист по истории государственных учреждений дореволюционной России Н.П. Ерошкин, создание совета было вызвано не только военными соображениями, но и причинами «внутреннего характера: в условиях революции необходимо было еще больше централизовать руководство военным аппаратом»²³⁵.

Для того чтобы учреждение нового органа не было (ошибочно ли?) принято за установление диктатуры, специально разъяснялось: «Учреждение совета не изменяет круга ведения и порядка рассмотрения дел в Государственном совете, Комитете министров и других высших учреждениях, а равно не изменяет степени и предела власти министров и отношений их к государственным установлениям»²³⁶; «Совет непосредственно подчиняется Его Императорскому Величеству»²³⁷; «Совет сам по себе исполнительной власти не имеет. Приведение Высочайше утвержденных постановлений совета в действие производится теми министрами, к ведомству которых дела по роду

своему подлежат»²³⁸. В функции совета входило: «а) обсуждение общих мероприятий военного и морского ведомств, намеченных ими к исполнению на известный период, для развития военного могущества государства соответственно его политическим задачам; б) наблюдение за последовательным исполнением указанных выше мероприятий, утвержденных Высочайшей властью; в) обсуждение главнейших предположений военного и морского ведомств о применении всех средств государства на случай войны — в целях объединения и должного направления подготовительных к войне работ; г) наблюдение за осуществлением Высочайше утвержденных мер, до обороны страны относящихся; д) обсуждение изменений в деятельности военного и морского ведомств, вызываемых особыми условиями, которые не могли быть предусмотрены при составлении предположений о мероприятиях на известные сроки, и е) обсуждение и согласование междуведомственных разногласий по вопросам государственной обороны»²³⁹. Причем сведения, необходимые совету для реализации его функций, обязывались предоставлять подлежащие министры²⁴⁰.

Как и в случае с лорис-меликовской «диктатурой ума и сердца» при Александре II²⁴¹, в 1905 г. не был учрежден тот аппарат, на который председатель Совета государственной обороны, собственно, смог бы опереться в своей деятельности. Если М.Т. Лорис-Меликов был вынужден использовать в качестве вспомогательного аппарата Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия III отделение Собственной его императорского величества Канцелярии, то Николай Николаевич наметил в качестве такового Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) как особое ведомство по военно-оперативному руководству армией.

Почти сразу после создания Совета государственной обороны, 25 июня 1905 г., великий князь добился выделения Главного управления Генерального штаба из состава Военного министерства и непосредственного подчинения ГУГШ царю²⁴², причем в начальники штаба продавил свою креатуру — генерала Ф.Ф. Палицына. Граф А.А. Игнатьев признал последнего в своих воспоминаниях «бесценным сотрудником»²⁴³ и указал: после Русско-японской войны военные «реформы коснулись только... конницы, а пехота передвигалась на поле сражения по давно устаревшим правилам. Мы только что получили новые строевые уставы, разработанные, в противоположность обычаям, в весьма короткий срок. Их написал начальник штаба генерал-инспектор кавалерии Палицын, объехавший предварительно со специальной комиссией кавалерийские школы и полки Германии, Австрии и Франции. Пара, составленная из волевого, но взбалмошного Николая Николаевича и спокойного до комизма, но образованного и хитрого „Феди Палицына“, удовлетворяла требова-

нию о том, чтобы в начальнике соединялись воля и ум»²⁴⁴. М.К. Лемке записал в своем дневнике времен Первой мировой: «Приехал генерал Федор Федорович Палицын. Внешность его — похудевший профессор Д.И. Овсяннико-Куликовский. Ноги уже старчески сдают в коленях, одет как-то по-нестроевому — сверх кителя пояс без шашки. Николай Николаевич прислал его с докладом по разным делам Кавказа. [Великий князь] Сергей Михайлович и начальник штаба [Н.Н. Янушкевич²⁴⁵] поджидали его к завтраку и не садились до прихода гостя. Бывший (первый) начальник Генерального штаба Палицын всегда считался умным человеком, с начала войны он был на Юго-Западном фронте для поручений при Н.И. Иванове. <...> Вел[икий] князь Николай Николаевич очень считался с мнением Палицына, и когда, например, за завтраком тот сидел молча, а затем хотел что-нибудь сказать, Николай Николаевич прерывал общий разговор и внимательно его слушал»²⁴⁶. Вся беда заключалась в том, что Ф.Ф. Палицын при всех своих талантах не обладал как раз теми качествами, кои были необходимы начальнику Генерального штаба.

К тому же, как указал в своих воспоминаниях генерал В.А. Сухомлинов, реформой 1905 г. «Генеральный штаб был из Военного министерства выделен в отдельный орган, глава которого, начальник Генерального штаба, получил право самостоятельного, независимого от военного министра, доклада к государю. Пытались в этом отношении подражать прусской организации, упуская самый смысл таковой, т. к. вопрос личного состава остался в руках военного министра, тогда как в Пруссии для этого имелся специальный военный кабинет, у нас же такового не существовало. Этим в основание всей организации заложено было начало разложения, с которым такой положительный человек, как Палицын, справиться не мог. В действительности вся его работа по существу оказалась в полной зависимости от инициативы и импульса Совета государственной обороны, который, однако, ничего не делал! Прием и сдача этого столь крупного управления (Главного управления Генерального штаба. — С. В.) с деловой и формальной стороны происходили весьма просто: Палицын передал мне²⁴⁷ ключ от своего порожнего письменного стола, и когда я попросил его дать мне программу работ по обороне, он трагически указал пальцем на свой лоб! Таким образом, говорить было не о чем. Никакого плана обороны, никаких проектов реорганизации... И это через четыре года после неудачной войны!»²⁴⁸ Что характерно, во время Первой мировой войны старый генерал, который служил в штабе Юго-Западного фронта, «как-то сказал там [генерал-квартирмейстеру штаба фронта М.С.] Пустовойтенко: „Како... ваш генеральный штаб!“ Ему ответили, что отчасти это его собственное детище»²⁴⁹.

Совет государственной обороны объединил деятельность Военного министерства, Морского министерства, Главного управления Ге-

нерального штаба (самостоятелен в 1905—1910 гг.), Главного штаба, Главного морского (впоследствии — Морского генерального) штаба, в число его неперменных членов помимо руководителей указанных органов вошел также инспектор войск²⁵⁰. Таким образом, Совет «под председательством великого князя Николая Николаевича состоял из восьми неперменных и шести постоянных членов. Неперменными членами были по своим должностям: военный министр, начальник Генерального штаба, морской министр, начальник Главного морского штаба и четыре генерал-инспектора»²⁵¹. Как пишет в своих воспоминаниях генерал А.Ф. Редигер, «постоянными членами на 1905 г. были назначены генералы: Гродеков, Мылов, Газенкамф, Случевский и Костырко — и моряк, генерал-адъютант Дубасов»²⁵².

Военный министр А.Ф. Редигер впоследствии описал баланс сил, сложившийся в военном руководстве в 1905 г.: «Перед моим призыванием [Военное] министерство было разделено. Общее руководство военным делом было вверено Совету государственной обороны, а военному министру была поручена вся административная часть и хозяйство, т. е. те отрасли управления, к заведованию которыми я был подготовлен. Выделение Генерального штаба и создание генерал-инспекторов, которым намечалось предоставить значительные распорядительные права, приводило к многовластию в военном управлении, но этот недостаток был бы устранен, если бы председатель Совета государственной обороны взял на себя объединять все эти участки военного управления или государь сам (как в Пруссии) взял на себя эту обязанность; но т. к. такового объединения, требующего знания и большого труда, не было, то легко могла получиться полная неразбериха. Точных указаний для деятельности вновь созданных органов и для определения их отношений к военному министру не было дано, и все они были готовы толковать свою автономность в широком смысле»²⁵³. Редигер, по его заявлению, «пользуясь отсутствием новых законов», «в сомнительных случаях брал власть в свои руки. Протестов не было: все сознавали, что объединяющая власть нужна, и дело шло. В этом, конечно, была большая заслуга и со стороны лиц, которые могли бы протестовать против захвата мною власти, но которые для пользы дела мирились с этим»²⁵⁴. К чести Редигера, он этих лиц перечислил: «Палицын, четыре генерал-инспектора и даже великий князь Николай Николаевич», с крайне важным для нас добавлением — «при этом я знаю, что подчиненные им лица наталкивали на оппозицию: так, например, чины Главного управления Генерального штаба считали, что главой военного ведомства является начальник Генерального штаба, а военный министр должен быть исполнителем его указаний»²⁵⁵. Таким образом, под крылом председателя Совета государственной обороны и его правой руки по сути действовала *первая в XX в. группа давления, грезившая о создании в России Большого Генерального штаба*

по образу и подобию Пруссии — Германии. Правда, положение этой группы существенно осложняло и то обстоятельство, что она была такая не одна: так же «мечтали о выделении своего министерства... чины Главного управления военно-учебных заведений»²⁵⁶, во главе которого стоял двоюродный дядя императора великий князь Константин Константинович²⁵⁷.

Судя по интервью, данному в эмиграции «опасным человеком»²⁵⁸ (выражение В.А. Сухомлинова), «национал-консервативным фабрикантом»²⁵⁹ (ярлык Л.Д. Троцкого), А.И. Гучковым²⁶⁰, Николай II был от Совета государственной обороны не в восторге²⁶¹. К тому же, по наблюдениям генерала Ю.Н. Данилова, император начал испытывать некое «внутреннее недоверие»²⁶² к дяде: иностранец, участник свержения Бирона, Кристоф Манштейн утверждал в «Записках о России»: «недостаток, преобладающий в русском народе», составляет «подозрительность», причем «русские не доверяют даже и ближайшим родственникам»²⁶³. Не приходится и говорить, что подозрительность к «ближайшим родственникам» у монарха была выше, чем у рядовых его подданных, вдруг ставших в 1905 г. чем-то вроде граждан. Если во Франции Капетинги, Валуа и Бурбоны традиционно видели конкурентов во младших братьях, а в Англии Плантагенеты — в старших сыновьях, то в «поздней» Российской империи для монарха считалось хорошим тоном держать в узде всех членов Императорской фамилии.

Во время Первой русской революции недоверие императора к Николаю Николаевичу как председателю Совета государственной обороны не могло не усилиться в связи с обстоятельствами появления на свет высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г.

9 октября в 18 часов Николай II принял в Петергофе гораздо более лукавого, если сравнивать с Николаем Николаевичем, С.Ю. Витте, который, будучи и на словах, и на деле убежденным сторонником неограниченной монархии²⁶⁴ (по наблюдениям А.Ф. Кони, граф видел «идеал» политического устройства в «самодержавии, опирающемся на умелую и искусно подобранную бюрократию...»²⁶⁵), доложил: «...из настоящего тяжелого внутреннего положения правительству, по его мнению, представляются два выхода: 1) облечь неограниченной диктаторской властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству, хотя бы ценою массового пролития крови (для такой деятельности гр[аф] Витте не считал себя подготовленным); 2) перейти на почву уступок общественному мнению и предначертать будущему Кабинету указания вступить на путь конституционный; иначе говоря, Его Величество предпринимает дарование конституции и утверждает программу, разработанную гр[афом] Витте»²⁶⁶. 13 октября император назначил С.Ю. Витте председателем Совета министров, однако, как справедливо предположил последний, решил

не утверждать его программу. 14 октября Витте доложил государю, что в случае неприятия таковой ответственность он на себя не возьмет²⁶⁷ (что и логично). Далее — самое интересное.

Как указал в своих воспоминаниях дотошный А.Ф. Редигер, «о том, как был подписан Манифест, я слышал два рассказа: 18 октября от барона [В.Б.] Фредерикса (министра Императорского двора и уделов. — С. В.) и 19 октября от Палицына. Первый мне сообщил, что еще 16 октября было колебание в выборе между военной диктатурой и дарованием Конституции; к завтраку 17 октября был приглашен великий князь Николай Николаевич, который предварительно зашел к Фредериксу, сказавшему ему: „Надо спасти государство! Если он сегодня не подпишет Манифеста, то я застрелюсь у него в кабинете! Если я сам этого не сделаю, то ты обещаешь застрелить меня!“ При таком настроении великого князя мысль о назначении его диктатором отпадала и, по приезду графа Витте, Манифест был подписан. Палицын, со слов великого князя, рассказал, что когда великий князь приехал к государю, то решение уже было принято. В присутствии великого князя, графа Витте, Фредерикса и Бенкендорфа, государь, перекрестившись, подписал Манифест и сказал: „Дай Бог, чтобы это было на пользу страны и народа!“ Передавая графу Витте Манифест, он обнял его и сказал: „Дай Бог Вам в добрый час!“ Государь был сосредоточен, но совсем спокоен, как уже принявший сознательное решение»²⁶⁸. Если данная информация соответствует действительности, то выходит, что не вполне достойный внук Николая Павловича стал восприниматься петербургской аристократией «правой рукой» графа Витте, хотя, если разобраться, не сложно увидеть, что великий князь всего лишь избавил себя от ореола маркиза де Кавеньяка и, как следствие, своего политического убиения.

Однако более походят на правду мемуарные свидетельства помощника управляющего делами Комитета министров Н.И. Вуича и прежде всего личного друга Николая II князя Н.Д. Оболенского, написание которых стало ответом на многочисленные обвинения С.Ю. Витте в том, что он будто «вырвал согласие на Манифест»²⁶⁹.

По свидетельству Н.И. Вуича, 15 октября (со слов С.Ю. Витте!) около 16 часов состоялось совещание, на котором «вел[икии] князь сначала говорил за строгие меры, но потом присоединился к мыслям С[ергея] Ю[льевича] так же, как и [О.О.] Рихтер. Его Величество окончательно сказал: если Я соглашусь, то дам вам знать вечером. В тот же день председатель никакого уведомления более не получал и к 10 час. вечера говорил, крестясь, что, очевидно, бумаг ждать нечего и он освободится от всего этого дела, т. к. оказалось, что в 6 час. к Государю были вызваны Горемыкин и Будберг, и оттого, вероятно, и днем не был дан решительный ответ. 16 октября никаких новых сведений не было. 17-го утром выяснилось, что накануне и в течение ночи шли переговоры о том, чтобы всеподданнейшего до-

клада С[ергея] Ю[льевича] вовсе не распубликовывать, а редакцию Манифеста изменить в том смысле, чтобы не упоминать о предстоящей деятельности правительства по осуществлению намерений Государя, а прямо объявить о даровании реформ от имени Его Величества. С[ергей] Ю[льевич] не считал возможным на это согласиться. Днем на пароходе «Нева» С[ергей] Ю[льевич] отправился в Петергоф, поехал прямо к Его Величеству и привез из дворца подписанный Манифест и утвержденный всеподданнейший доклад. На обратном пути С[ергей] Ю[льевич] высказывал мнение, что если удастся дотянуть до собрания [Государственной] думы, тогда все спасено...»²⁷⁰

По свидетельству Н.Д. Оболенского, 15 октября в 11 часов утра в Петергофе под председательством государя началось совещание, на котором присутствовали: великий князь Николай Николаевич, барон В.Б. Фредерикс, контр-адмирал О.О. Рихтер и С.Ю. Витте. Николай Николаевич испросил высочайшее разрешение «задавать вопросы гр[афу] Витте ввиду своего незнакомства с предметом и спрашива[л] объяснения того, что ему [казалось] неясным. В заседании этом гр[аф] Витте обрисовал в общих чертах общее положение России, как оно ему представлялось в эти дни, останавливаясь с особенным вниманием на том факте, что даже умеренные элементы русского общества заявляют себя, если не активно, то пассивно против правительства и что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступление на путь конституции, причем доложил с нужными пояснениями все пункты своей программы. В основу программы этой как окончательная цель легли: а) дарование законодательных прав Государственной думе; б) дарование свободы слова, собраний, совести и неприкосновенности личности. Вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич неоднократно прерывал докладчика, дабы яснее усвоить себе отдельные подробности доложенного. Заседание тянулось до часу дня, и государь приказал сделать перерыв до 2 час. 30 мин., предложив к этому часу и проект Манифеста, несмотря на то, что гр[аф] Витте еще раз доложил, что программа менее свяжет государя и что лучше было бы Манифеста не составлять, т. к. в нем изложить всю сущность программы было бы затруднительно»²⁷¹. Решение оттянулось, Николай II начал закулисные перевороты. После того как С.Ю. Витте убедил через В.Б. Фредерикса государя в том, что он может стать премьер-министром лишь в случае принятия Манифеста в его редакции и в противном случае готов лишь на второстепенный пост, 17 октября в 16 час. 30 мин. состоялось совещание в составе Николая II, великого князя Николая Николаевича и С.Ю. Витте, в ходе которого «великий князь Николай Николаевич, проникшись основательностью данных графом Витте объяснений, выразил свое полное сочувствие проекту графа Витте и доложил о невозможности,

за недостатком войск (курсив мой. — С. В.), прибегнуть к военной диктатуре. <...> Тут же решено было, что Его Величество подпишет Манифест, составленный графом Витте, и утвердит программу, представленную им. В канцелярии министра императорского двора, временно переведенной в Петергоф, приказано было приступить к переписке Манифеста. В 6 часу вечера работа была закончена. <...> При обратном возвращении в Петербург на палубе парохода находился великий князь Николай Николаевич. Он казался веселым и довольным. Обратившись к графу Витте, его высочество заметил: „Сегодня 17 октября и 17-я годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия (что характерно, ценой здоровья и в конечном итоге жизни монарха. — С. В.). Думается мне, что и теперь династия спасется от не меньшей опасности сегодня происшедшим историческим актом“»²⁷². Таким образом, странная, на первый взгляд, позиция великого князя объяснялась *банальной нехваткой воинских частей*. Никакой «правой рукой графа Витте» он не был и по определению быть не мог, однако император все равно воспринял происходящее крайне болезненно, а это не могло не отразиться на позициях Николая Николаевича и возглавляемого им Совета государственной обороны, весь смысл создания которого утрачивался с принятием Манифеста 17 октября.

В Совете государственной обороны назначенный военным министром А.Ф. Редигер, по его признанию, проиграл первый же бой, поскольку вопрос о реорганизации войск в Туркестане «уже был предрешен великим князем и Палицыным»²⁷³. Однако А.Ф. Редигер нашел остроумный выход из положения: он не провел Высочайше утвержденное, между прочим, постановление совета со ссылкой на отсутствие средств²⁷⁴. Справедливости ради следует отметить, что согласие Николая Николаевича и А.Ф. Редигера было вполне возможно: так, один проект последнего был принят благодаря «общему сочувствию» ему со стороны «председателя совета»²⁷⁵. Примечательно, что Ф.Ф. Палицын при голосовании «ухитрился не сказать ни да, ни нет»²⁷⁶.

Когда в конце 1906 г. в Петербург были вызваны командующие войсками из пограничных округов, как не без ехидства указал в своих воспоминаниях А.Ф. Редигер, «весьма оригинально было то, что самый важный вопрос по обороне государства не был рассмотрен в Совете государственной обороны, а остался для него секретом! По инициативе великого князя Николая Николаевича и Палицына было признано, что их создание — Совет обороны (звучит прямо поленински. — С. В.) — недостаточно компетентен в этом деле и слишком многолюден, чтобы можно было ручаться за соблюдение секрета! Можно ли было хуже дискредитировать Совет? В свою очередь, Совет был совершенно прав, когда признавал себя некомпетентным разрешить вопрос о том, какие крепости нам нужны и впредь, ввиду того что план обороны государства остался ему неизвестным»²⁷⁷.

27 мая 1907 г. А.Ф. Редигер составил послание Николаю Николаевичу, которое представляло собой по форме обращение, установленное в войсках гвардии для писем к высочайшим особам, а по сути — жалобу великому князю на него самого²⁷⁸. В нем было, в частности, указано: «И Совет, и начальник Генерального штаба, стоя далеко от исполнительных действий, остаются в атмосфере пожеланий, не считаются с действительным положением вещей и при обсуждении отдельных вопросов не принимают на вид общей совокупности и настоятельности наших потребностей...»²⁷⁹ По мнению А.Ф. Редигера, письмо произвело на Николая Николаевича должное впечатление, однако «при его неспособности работать самостоятельно, он мог бы сделать что-либо в том случае, если бы при нем был кто-либо, который выработал ему программу действий», однако такого чудесника при великом князе не было да и переменить персональный состав совета Николай Николаевич, который «чрезвычайно дорожил людьми ему близкими и преданными»²⁸⁰, заставить себя не смог.

Организационные перетряски имели следствием «жажду твердой власти» в верхах армии как политического института, который по определению не выносит двоецентриа. По свидетельству А.Ф. Редигера, в начале 1908 г. «о необходимости восстановления единства в военном управлении» заявили «все командующие войсками»²⁸¹. 27 мая 1908 г. Совет государственной обороны и его председателя публично раскритиковал с думской трибуны председатель парламента А.И. Гучков (см. *док. № 1.1.1*), считавший совет «главным препятствием для военного министра»²⁸² и впоследствии называвший Николая Николаевича человеком, который, вплоть до накопления опыта реального управления войсками в годы Первой мировой войны, занимался решением преимущественно второстепенных вопросов («рутиной»), не имея «настоящего понимания нужд армии», не осознавая необходимости «очень круто переменить подбор людей и порядки, чтобы поставить нашу военную мощь на должную высоту»²⁸³.

А.И. Гучков обрушился с резкой критикой помимо Николая Николаевича на трех великих князей, руководивших важными военными институтами. Великий князь Петр Николаевич улучшить дело не мог, как, впрочем, не мог и испортить: всю свою жизнь он находился в тени старшего брата — Николая Николаевича. Константин Константинович (легендарный поэт К. Р.) в представлении не нуждается, тем более что эта экстраординарная личность прекрасно рассказала о себе сама в воспоминаниях. Правда, Константина Константиновича уж точно следовало упомянуть А.И. Гучкову, поскольку К. Р. с 1900 г. отвечал за военно-учебные заведения²⁸⁴, воспитанников каждого из которых Военному министерству долго приходилось приводить в чувство субординации после приезда очередной инспекции, руководимой великим князем. Но вторым после Николая Николаевича тормозом

отечественной обороноспособности А.И. Гучков считал великого князя Сергея Михайловича, коего граф А.А. Игнатьев назвал впоследствии «большим интриганом и принципиальным врагом Генерального штаба»²⁸⁵. Скажем пару слов о великом князе и мы.

Сергей Михайлович был, можно сказать с некоторой натяжкой, потомственным куратором артиллерийского дела в России. Его отец — великий князь Михаил Николаевич — был известен как «замечательно глупый председатель Государственного совета». К «делам Совета», по свидетельству хорошо знавших его сановников, Михаил Николаевич был «очень равнодушен». Как генерал-фельдцейхмейстер (шеф артиллерии), он интересовался исключительно артиллерией²⁸⁶. Сын оказался «достойным» продолжателем дела отца.

Крупнейший специалист по боевому снабжению армии генерал А.А. Маниковский²⁸⁷ вроде бы характеризовал Сергея Михайловича как человека, который «обладал огромными возможностями, но сам никогда „не нюхал пороха“», любил свою работу в Главном артиллерийском управлении «всею душой», „как мужчина может все равно любить женщину, даже если ему хорошо известно, что дама никудышная“»²⁸⁸. По наблюдениям А. Нокса, великий князь был «мужчина ростом выше шести футов и пяти дюймов, грамотный артиллерийский офицер, движимый одними лишь патриотическими порывами, он целыми днями усердно трудился в здании на Миллионной ул., хотя и обладал неважным здоровьем. Великий князь старался лично принимать всех желающих и отвечать на каждый телефонный звонок. Тем не менее он даже не верил, что на фронте необходимы снаряды в тех количествах, как того требовали выработанные западными союзниками нормы. Будучи русским патриотом, он не доверял иностранным экспертам (и не без оснований. — С. В.) и считал русских специалистов лучшими в мире (действительности соответствовало и это. — С. В.)»²⁸⁹. Своим предпринимателям вследствие их алчности великий князь доверял ничуть не больше: так, именно Сергей Михайлович, вступивший в конфликт с В.А. Сухолиновым, старательно мешал военному министру организовать в России частное ружейное предприятие²⁹⁰. Логика в словах и действиях великого князя была: по его мнению, частный завод, не имея своего подготовленного технического персонала, будет перебивать инженеров и высококвалифицированных рабочих «из наших заводов»²⁹¹. Однако Сергей Михайлович не обладал даром предвидения настолько, что, видимо, искренне считал: частные заводы, срок готовности которых слишком отдален, «в нынешнюю войну... никакой пользы принести не могут»²⁹². Маститый исследователь в области военно-промышленного комплекса России начала XX в. В.В. Поликарпов установил, что именно вмешательство великого князя положило начало растаскиванию отпущенного на производство снарядов кредита, что углубило в годы Первой мировой войны и без того

неизбежный т. н. «снарядный голод»²⁹³. Поспешные, не согласованные с прежними предположениями, разрозненные требования создавали впечатление об отсутствии в работе ГАУ системы²⁹⁴, и управление было этим обязано прежде всего Сергею Михайловичу, который постоянно критиковал начальников ГАУ (Д.Д. Кузьмина-Караваева, затем А.А. Маниковского) и мешал им в практической деятельности²⁹⁵. Свой первый правдивый доклад о состоянии артиллерийского снабжения в годы Первой мировой войны, «изумивший своей обоснованностью всех... представителей наших союзников»²⁹⁶, великий князь сделал только 18 января 1917 г. — фактически на пороге Февральской революции.

Так никогда и не женившись, великий князь посвятил артиллерийскому делу всю свою жизнь: в его отношении была абсолютно справедлива старая солдатская песня о том, что «наши жены — пушки заряжены». Достойный внук Николая I и сын Михаила Николаевича, Сергей Михайлович, который годами не разгибался и преследовал в своем служении России самые благие цели, объективно загнал снабжение армии артиллерийскими боеприпасами в тартар, не допуская увеличения количества за счет качества. Результат — острейший «снарядный голод» и принятие в 1915 г. на вооружение маршевых пополнений... обыкновенных дубинок. (Сложно удержаться от цитаты из воспоминаний Н.С. Хрущева: в 1941 г. Красная «армия не была обеспечена вооружением: буквально с первых дней Великой [Отечественной] войны не хватало винтовок, не было пулеметов. Это же немыслимое дело! Мы совершенно справедливо критикуем сейчас Николая II за то, что в 1915 г. армия осталась без винтовок. А ведь мы начали войну без должного количества винтовок. Мне сказал тогда [Г.М.] Маленков, когда я, находясь на Украине, просил винтовки: „Куйте штыки, куйте пики“. Мы просили противотанковые гранаты и противотанковые ружья. Он ответил: „Делайте горючую смесь и обливайте вражеские танки“. А потом наши бойцы нередко не вражеские танки обливали бензином, а землю поливали своей кровью, устилали ее своими трупами. Кто в этом виноват? Чьи тут упущения?»²⁹⁷)

Впрочем, тут следует заметить, что, по замечанию одного из первых отечественных историков конституционной экономики В.А. Мау, «неприятие частного бизнеса представителями государства было заложено на уровне идеологии»²⁹⁸. Так, ответственный сотрудник ГАУ А.А. Маниковский проводил политику вполне в русле установок великого князя — по его словам, «банкиры думают о прибылях, а не о защите Родины. Они слишком много торгуются. У них — баланс, актив-пассив, различные соображения, а мы — военные люди, нам сейчас не до этого»²⁹⁹.

В 1908 г., предрекая, что «новое поражение России... явится тем ядовитым вкусом, который сведет в могилу нашу Родину» (см. док.

№ 1.1.1), А.И. Гучков, который, будучи сам не бог весть каким управленцем, занимал удобно-критическую позицию, требовал от великих князей отказаться от высших военных постов, которые были для них, по его убеждению, не более чем синекурами.

Рассказывая о своем выступлении в III Думе в эмигрантском интервью, А.И. Гучков осторожно добавил, что с военными министрами (1905—1909) А.Ф. Редигером и «первое время» с В.А. Сухомлиновым (1909—1915) он не раз говорил на эту тему, однако те отвечали «очень лояльно, не выдавая секретов ведомства». Этих ответов, впрочем, А.И. Гучкову вроде бы оказалось достаточно, чтобы убедиться: оба военных министра «тяжко страдали от этой организации»³⁰⁰ высшего военного руководства — от организации, при которой ответственные посты занимали великие князья. (Правда, А.И. Гучков умолчал о том, что именно его резкая критика кадровой политики военного ведомства на секретном совещании в Государственной думе 23 февраля 1909 г. явилась причиной отставки А.Ф. Редигера, который «вследствие слабого возражения в Думе»³⁰¹ утратил доверие императора³⁰².)

26 июля 1908 г. в Петергофе император подписал следующий рескрипт на имя Николая Николаевича об «увольнении от должности великого князя»³⁰³:

«Ваше Императорское Высочество!

27 октября 1905 г. Я вверил вам войска Гвардии и Петербургского военного округа.

Ваше Императорское Высочество высказали мне опасения о трудности совмещения этой должности с обязанностями председателя Совета государственной обороны.

Сознавая всю ответственность Вашего заявления, Я, тем не менее, повелел Вам исполнить Мою волю, находя это совмещение тогда необходимым.

25 декабря 1907 г. Ваше Императорское Высочество представили мне доклад об усмотренных Вами несовершенствах в положении о Совете государственной обороны и новой организации военного ведомства.

Ваш доклад совпал с Моим воззрением на этот вопрос. Посему он был подвергнут Мною всестороннему рассмотрению.

Теперь Я повелел военному министру представить мне это дело в окончательном виде, согласно данным мною указаниям.

Высоко ценя Ваше выдающееся научное (так в тексте. — С. В.) и практическое знание воспитания войск, Ваше понимание истинного духа военного дела, Я могу ныне, ввиду решенного Мною пересмотра положения о Совете государственной обороны и преобразования военного ведомства, освободить Вас от председательства в Совете государственной обороны и возложить на Вас исключительную заботу о вверенных Мною Вам войсках.

Я уверен, что нынешнее примерное состояние войск Гвардии и Петербургского военного округа благодаря этому еще возвысится.

За Вашу плодотворную деятельность как председателя Совета государственной обороны, принесшего столько пользы, изъявляю Вам мою особую сердечную благодарность.

На подлинном собственноручно Его Императорским Величеством написано „Сердечно Вас любящий Николай“»³⁰⁴.

Высочайший рескрипт от 26 июля 1908 г. и утверждение нового Положения о начальнике Генерального штаба 11 ноября ознаменовали собой «поворот»³⁰⁵, который «устранил... те главные препятствия, которые ранее были на пути к объединению наших вооруженных сил»³⁰⁶. А.Ф. Редигер с удовлетворением зафиксировал в своих воспоминаниях: «...единство Военного министерства было восстановлено. Увольнение великого князя от должности председателя Совета государственной обороны уже ранее вернуло министру его независимость; попытка Палицына и великого князя руководить из-за кулис деятельностью министра потерпела полное фиаско — главным образом, из-за личной неспособности выполнять роли, за которые они взялись, и теперь, через год с небольшим, они оба были уволены с должностей и Министерство восстановилось почти в прежнем виде»³⁰⁷.

Упразднение самого Совета государственной обороны, как это ни парадоксально, состоялось только в 1909 г. Оно стало следствием причин как объективных, так и субъективных. Как установил Н.П. Ерошкин, «централизация военного ведомства и подготовка нового Положения о полевом управлении армии устанавливали новые условия объединения деятельности различных ведомств в случае войны»³⁰⁸. По уверениям генерала Ю.Н. Данилова, роспуск совета был следствием неудачных действий Ф.Ф. Палицына: «Убедившись в нецелесообразности существования Совета государственной обороны в отведенных этому совету рамках», Николай Николаевич, по воспоминаниям Ю.Н. Данилова, сам выразил «полное согласие на его упразднение»³⁰⁹. В любом случае, по свидетельству А.Ф. Редигера, «Совет и его Канцелярия фактически перестали существовать»³¹⁰ еще до своего официального упразднения: с их существованием на бумаге мирились потому, что по смете совета проходили жалованье отдельных «чинов Канцелярии, еще не получивших назначения», и... оплата квартиры военного министра³¹¹.

Отметим, что после упразднения Совета государственной обороны Николай Николаевич Младший сохранил за собой пост главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, что явилось аппаратной предпосылкой для его последующего политического воскрешения. Иными словами, Николай Николаевич лишь вернулся на «исходные» позиции во власти. Примечательны

дневниковые записи великого князя Константина Константиновича, которого, впрочем, «Николаша» явно держал с предисловием за его нетрадиционный взгляд на вещи: 2 мая 1911 г. — «Я с женой обедал в Чаире у Николаши и Станы (черногорка, супруга Николая Николаевича. — С. В.). Они очень любезны, но нам с ними не очень по себе. Она выставляет мужа за человека, крайне необходимого для государя и за единственного, могущего его выгородить из беды. Едва ли это так в действительности»³¹²; 22 августа — «Мы с [государем] говорили об отсутствии Николаши и Станы на торжествах, которое он порицает. Но, к сожалению, страх перед царской властью все слабее и каждый делает, что хочет»³¹³. Страх перед царской властью в целом у Николая Николаевича, весьма возможно, и оставался — страха перед конкретным самодержцем давно не было (если он вообще имел место).

11 марта 1909 г. А.Ф. Редигера сменил на посту военного министра В.А. Сухомлинов³¹⁴. В воспоминаниях последний так описал обстоятельства своего назначения на ответственный пост: «Как великий князь Николай Николаевич, так и генерал [А.А.] Поливанов³¹⁵ заручились поддержкой известных думских ораторов, рассчитывая таким путем проводить свои личные интересы, не считаясь с тем, будет ли таким экспериментом осквернено их собственное гнездо или нет. Подобная совместная игра этих сил привела к падению [А.Ф.] Редигера и моему назначению на его место как раз в ту минуту, когда генерал Поливанов надеялся сам стать военным министром и когда Николай Николаевич прочил своего кандидата — Н.И. Иванова»³¹⁶.

Поскольку у председателя III Государственной думы пока не было никакого политического резона торпедировать В.А. Сухомлинова, А.И. Гучков с радостью провозгласил с парламентской трибуны 19 марта: «Создано то единство власти и единство ответственности, без которых нельзя ожидать плодотворных реформ. До известной степени также ослаблена автономия тех отдельных главных управлений, которые походили раньше не столько на отдельные отрасли одного большого государственного дела, а на какие-то самостоятельные удельные княжества»³¹⁷.

Вмешательство Государственной думы навело Альфреда Нокса на мысль о том, что «с 1905 по 1909 г. русский император, очевидно, стоял перед дилеммой, должен ли начальник Генерального штаба быть лицом, независимым от военного министра, как это было в Германии и Австро-Венгрии, или должен был подчиняться ему, как, например, во Франции. Затем партия, выступавшая за то, чтобы власть была сосредоточена в руках военного министра, одержала верх, и, начиная с 1909 г., военный министр стал единственным должностным лицом, которое отвечает перед императором за все военные вопросы»³¹⁸.

С восторгом воспринятое Государственной думой «единство власти и единство ответственности» имело и свои негативные последствия. Главным из них было то, что русский Генеральный штаб так и не стал слепком с германского. А.А. Игнатъев констатировал, что «в противоположность [кайзеру] Вильгельму, приближавшему к себе офицеров Генерального штаба, Николай II составил свою свиту главным образом из адъютантов гвардейских полков». Своя логика, вопреки утверждению А.А. Игнатьева, в позиции императора была, и граф, как потомственный гвардеец, понимал ее лучше кого бы то ни было, однако не считал целесообразным пояснять в своих советских мемуарах: в эпоху дворцовых переворотов сложилось положение, при котором «самодержавная» власть реально зависела от настроения гвардии. Одним наблюдателем-иностранцем было отмечено, что «правильно расположенная гвардейская рота»³¹⁹ могла сыграть в политической истории страны значительно большую роль, чем удаленные от столицы корпуса и армии. Даже в междуцарствие 1825 г. военный губернатор М.А. Милорадович почти открыто говорил о «штыках в кармане»³²⁰, которые в борьбе за власть являлись аргументом более веским, нежели завещание императора Александра I. Более того — по свидетельству А.Ф. Редигера, во время Первой русской революции гвардия была «в порядке», что составляло заслугу «великого князя Владимира Александровича, который допускал перевод офицеров из гвардии на восток (на Русско-японскую войну. — С. В.) лишь при условии, что они уже в гвардию не возвращались. Гвардия в 1905—[19]06 гг. спасла положение, без нее переворот 1917 года мог произойти уже тогда»³²¹. Однако усилению удельного веса Генерального штаба в системе военных органов составление Николаем II свиты из офицеров гвардии никак не способствовало.

Оговоримся, что Генерального штаба как постоянного органа военного управления в привычной ныне форме в конце XIX — начале XX в. не было. Управление войсками осуществлял созданный в 1865 г. Главный штаб, в частности управление первого генерал-квартирмейстера (на это управление были возложены вопросы разработки стратегических планов, мобилизации и сосредоточения армий и пр.). Генеральный штаб должен был формироваться при главнокомандующем на театре военных действий из офицеров, принадлежавших к корпорации Генерального штаба³²². Из труда В.Д. Поликарпова: «В литературе можно встретить употребление наименования „Генеральный штаб“ в различных значениях, а иногда и утверждение, что в военной литературе „нет, кажется, понятия более неопределенного и спорного, чем понятие „Генеральный штаб““. <...> Мы будем исходить из понимания Генерального штаба как особой корпорации в корпусе офицеров, в которую зачислялись офицеры, получившие высшее военное образование и предназначавшиеся для

выполнения специальных обязанностей по подготовке вооруженных сил к войне, разработке операций и управлению войсками на театре военных действий; при этом будем различать в составе корпорации центральное учреждение — Главное управление Генерального штаба (ГУГШ. — С. В.), в обиходе именовавшееся также Генеральным штабом, и, как выразился Б.М. Шапошников, „периферию“, т. е. офицеров, занимавших в войсковых штабах должности, по своей специфике входившие в компетенцию и подчинение ГУГШ, и именовавшихся офицерами Генерального штаба. На флоте, в отличие от армии, не было касты офицеров Генерального штаба; там существовал Морской Генеральный штаб (МГШ), созданный в 1906 г. наподобие ГУГШ. Должности в МГШ, как и должности Генерального штаба, в подчиненных МГШ оперативных отделениях штабов командующих морскими силами и оперативных отделениях портов замещались строевыми офицерами по выбору начальства с учетом их специального образования и чина; на этих должностях они периодически сменялись, чтобы „не засиживались в штабах“. Когда речь идет о командных верхах в армии, то имеются в виду генералы (на флоте адмиралы), состоявшие на высших должностях, но не причисленные к Генеральному штабу — либо потому что не имели соответствующего образования (для причисления нужно было кроме двухгодичного курса Академии Генерального штаба, который не давал права на занятие должностей Генерального штаба, окончить еще дополнительный курс, и не ниже, чем по первому разряду), либо вследствие перехода на строевую (командную) должность, что влекло за собой отчисление от Генерального штаба»³²³. Из труда А.С. Сенина: «Генеральный штаб русской армии — корпус офицеров, являющийся вспомогательным органом командования по управлению войсками, а также выполнявший научную работу. Офицеры Генерального штаба несли службу в штабах соединений (до дивизий включительно), военных округов и крепостей, за рубежом в качестве военных агентов (атташе) и т. п.»³²⁴.

По иронии Ю.Н. Данилова, «начальники Генерального штаба менялись как перчатки и в большинстве случаев избирались из генералов, далеко не всегда считаясь с их действительными потребностями и служебной подготовкой. Бывали [откровенно] курьезные назначения (например, при генерале Сухомлинове), которые не могли быть иначе объяснены, как личными симпатиями императора и опасением военного министра держать около себя на видном месте... соперников»³²⁵. Действительных работников при таких условиях по части организации, мобилизации, стратегии и ж.-д. вопросов приходилось искать в третьих и даже более отдаленных рядах военно-иерархической лестницы»³²⁶.

К воспоминаниям генерала Ю.Н. Данилова, когда он пишет о В.А. Сухомлинове, следует относиться с осторожностью, поскольку подсиживание военного министра было частью, как констатируется

в западной историографии, масштабного «политического конфликта, в котором боролись друг с другом Императорский двор, Дума и политические партии»³²⁷. Нападки на В.А. Сухомлинова были связаны главным образом с желанием отдельных великих князей а-ля Николай Николаевич и политиков типа А.И. Гучкова низложить императора. Аппаратные возможности были у обоих: у первого — Петербургский военный округ, у второго — Комиссия государственной обороны³²⁸. Первый жаждал «свалить» племянника с престола, с тем чтобы самому занять его место, со вторым сложнее: аппетиты были большие, но начинать следовало с малого — с критики царского бюрократического механизма.

После поражения нашего флота при Цусиме, до которой адмирал З.П. Рожественский со вверенной ему эскадрой едва сумел добраться, объектом острой критики стало морское ведомство, однако Николай II оказался на высоте положения, погасив антиправительственную кампанию в печати «в ходе борьбы за новые судостроительные программы»³²⁹. В результате в качестве потенциального кандидата на роль, по меткому замечанию В.В. Поликарпова, «козла отпущения» стало рассматриваться Военное министерство во главе с В.А. Сухомлиновым, против которого сумели временно подружиться такие политические антиподы, каковыми были Николай Николаевич и А.И. Гучков.

Как пишет В.А. Сухомлинов в своих воспоминаниях, «в Государственной думе III созыва господствовало т. н. национальное большинство, лидером которого по всем военным вопросам был Гучков»³³⁰, ополчившийся вначале на А.Ф. Редигера, а затем в 1910 г. и на самого В.А. Сухомлинова вследствие расхождения во взглядах на политические права военнослужащих³³¹. А.И. Гучков, будучи полководцем «думской армии»³³², до начала Первой мировой войны, как пишет М.К. Лемке, говорил «на заседаниях по государственной обороне» В.А. Сухомлинову «такие вещи, что тот только плечами пожимал, не зная, что отвечать»³³³. Не зря в апреле 1915 г. генерал Н.Н. Янушкевич написал В.А. Сухомлинову: «Гучкова бы повесил с наслаждением. Стоит того»³³⁴.

В соответствии со старинной русской (да и не только русской) пословицей — «враг моего врага — мой друг». Торпедировать государственный и военный аппарат как основную опору самодержца было тем проще, что, как установил В.В. Поликарпов, «казна экономически не в состоянии была поднять военную мощь до такого уровня, какой позволял бы выправить неблагоприятное для России соотношение сил по сравнению с вероятными противниками из числа „великих держав“»³³⁵.

Кого можно было обстрелять помимо В.А. Сухомлинова? — «Длинноносый»³³⁶ министр иностранных дел С.Д. Сазонов оброс связями с Великобританией, его свалить можно (император снял Сазонова с

поста в 1916 г.³³⁷), но особых политических выгод не будет. Министр финансов П.Л. Барк³³⁸ и того хлеще: завязан помимо Великобритании на Францию, поскольку на нем — военные поставки союзников.

Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев был убежден, что «тысячелетнюю монархию» свалил «простой бунт Петроградского гарнизона», поскольку «русский народ в широком смысле» в происходящем никакого участия не принимал³³⁹, «зато руководящий класс интеллигенции, не исключая даже правительственных органов, вольно или невольно участвовал в заговоре. Народ был совершенно пассивен, и только самые худшие и преступные его элементы, пользуясь моментом, дали волю своим жестоким и звериным инстинктам»³⁴⁰. Не зря еще в 1915 г. некоторые генералы и штаб-офицеры стали с опаской смотреть на сосредоточенных в Петрограде запасных солдат, среди которых было много лиц, не служивших в гвардии³⁴¹, а в январе 1917 г. Ставка приказала перебросить в Петроград с фронта гвардейские кавалерийские дивизии, однако данный приказ так и не был выполнен. По меткому замечанию Б.В. Геруа, наступил «паралич фронтового начальства и никто не хотел брать на себя ответственность»³⁴².

Отнюдь не покривил душой военный министр В.А. Сухомлинов, когда писал в своих воспоминаниях о том, что «А.И. Гучков как лидер определенной политической группы стремился быть в курсе дел военного ведомства. Для привлечения армии на свою сторону с целью захвата власти и влияния на судьбу России (курсив мой. — С. В.), [он] приложил все усилия к тому, чтобы, пользуясь своей ролью в Государственной думе, расширить, в целях большей осведомленности, круг знакомства в среде Генерального штаба из числа лиц, служащих в управлениях Военного министерства. Всему этому, из понятных каждому побуждений охраны военных секретов, я сочувствовать не мог, но мне трудно было бороться с этим при существовавших более чем дружеских отношениях его с генералом Поливановым. Так как я не скрывал от своих сослуживцев отрицательного моего отношения к Гучкову и даже некоторых из них, попавших в цепкие его объятия, предупреждал от увлечения идейностью Гучкова, то естественным был тот поход, который предпринял Гучков против меня и в Думе, и в прессе»³⁴³.

Болевых точек, на которые следовало надавить, назовем вещи своими именами, изменникам Родине, по определению немного: императрица и Григорий Распутин³⁴⁴, Совет министров, которому после П.А. Столыпина не везло с председателями, и конкретно: Министерство внутренних дел (в связи с масштабностью его задач упущения найдутся при любом руководителе, а с руководителями МВД дела обстояли примерно так же, как и с Советом министров в целом) и девятое колесо в бюрократическом аппарате Российской империи — Министерство императорского двора и уделов во главе с пре-

старелым канцлером Императорских и Царских орденов графом В.Б. Фредериксом.

Совет министров особенно удобно было критиковать, когда на посту его председателя находился Б.В. Штюрмер, который, по свидетельству К.И. Глобачева, «не был государственным человеком, несмотря на большой административный стаж в прошлом; кроме того, был стар, неспособен, упрям, не мог разбираться в самых пустяшных вопросах — словом, не годился не только к занятию должности министра внутренних дел, но даже для пассивной роли, каковую играл, будучи председателем Совета министров»³⁴⁵. За 1916 г., по признанию военного юриста Р.Р. фон Раупаха, «не было ни одного несменяемого министра»³⁴⁶ — явление «в кругах бюрократических... совершенно исключительное и невиданное в истории»³⁴⁷. Депутат В.М. Пуришкевич метко окрестил частые перемены в правительстве «министерской чехардой»³⁴⁸. И в целом, как зафиксировал в мемуарах свои впечатления генерал А.А. Брусилов, «быстро сменяющиеся министры со своими премьерами во главе не успевали что-либо завести, как уже заменялись новыми. Большинство министров назначалось управлять такими министерствами, которые им раньше были совсем неизвестны, и каждый из них должен был начинать с того, что знакомился с теми функциями, которые ему надо было исполнять. Но, в сущности, и на это у них времени не было, т. к. они главным образом должны были заниматься борьбой с Государственной думой и общественным мнением, чтобы отстоять свое существование»³⁴⁹. 16 марта 1916 г., комментируя указ об замене А.А. Поливанова Д.С. Шуваевым, М.К. Лемке констатировал: «Министерская чехарда происходит и в военном ведомстве... Мне кажется, что это постоянное гастролерование министров есть результат сложного нервного состояния царя. Даже он не может не понимать, что такое прыганье совершенно расстраивает весь механизм управления страной в столь трудное время. Камер-лакея своего он держит годами, понимая, как трудно новому человеку привыкнуть к массе своих мелочных обязанностей. Следовательно, здесь источник не в области понимания, а в области чувствования. Царь видит, что все расшатано, еще больше расшатывается; хватается за людей, снова видит, что в короткий срок они не оправдывают его надежд, берет других и т. д. Разумеется, все это в значительной степени объясняется и сторонними влияниями, но в корне — его чувствованием, что корабль трещит по всем швам, и понятным желанием спастись самому и по возможности спасти команду... Ни в одной стране никогда не было ничего подобного; он это знает, но силой понимания ему не побороть чувства тревоги»³⁵⁰.

Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев не без пафоса утверждал, что «история должна осудить в полной бездарности и бездеятельности то правительство, которое прекрасно было

осведомлено в политической обстановке и упорно не хотело принять решительные меры к предупреждению катастрофы»³⁵¹. Однако в современной историографии доказано, что Совет министров к началу второй российской революции решающей роли все же не играл. Выдающийся отечественный историк Р.Ш. Ганелин констатировал в одном из своих последних трудов, что «в февральские дни 1917 г. влияние и власть Совета министров оказались невелики. Принятый в 1914 г. закон о военном управлении, с началом войны отдавший значительные территории страны под управление военного командования, военно-хозяйственная деятельность военно-промышленных комитетов во главе с Ц[ентральным] в[оенно]-п[ромышленным] к[омитетом], [союзами] земств и городов, объединившихся в Земгор (Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов. — С. В.), политическая роль Верховного главнокомандования, особенно значительная в воюющей империи, — все это не способствовало властным полномочиям правительства»³⁵².

В значительной степени облегчила задачу изменникам «чехарда» в Министерстве внутренних дел (руководители ведомства менялись словно перчатки). По свидетельству К.И. Глобачева, «за два года службы в Петрограде мне пришлось иметь непосредственные отношения с шестью министрами внутренних дел, и должен отметить у всех одну общую черту: все они очень мало разбирались в революционном движении в России и мало им интересовались. <...> Вся забота, вся энергия каждого вновь назначенного министра, казалось, сосредоточивались главным образом на укреплении и сохранении своего личного положения, что действительно составляло нелегкую задачу ввиду всевозможных влияний и интриг. Кроме того, громадное значение в смысле устойчивости положения министра имело то обстоятельство, какую [позицию] министр занял в отношении Распутина»³⁵³. В министерском кресле был «силен» и близкий к императору А.Д. Протопопов, которого К.И. Глобачев считал «полнейшим невеждой», не желавшим ни в чем разбираться и «все перепутывавшим»³⁵⁴, кичливому, излишне полагавшимся на подведомственные ему органы и к тому же суверенным³⁵⁵.

Министр императорского двора и уделов граф В.Б. Фредерикс, которого Николай II и Александра Федоровна иногда уважительно называли в переписке «Стариком»³⁵⁶, был преданным и верным слугой императора — по мнению злопыхателей, единственным честным человеком «в окружении императора»³⁵⁷. Но при этом граф, по язвительному выражению М.К. Лемке, мог в любой момент рассыпаться «на части, искусно собранные портным, сапожником и куафером»³⁵⁸, и хранил «бесстрашный вид человека, который сам больше других удивлен, что еще здесь, а не в могиле»³⁵⁹, а по злой иронии М.В. Алексева³⁶⁰, был «глух, глуп и слеп»³⁶¹. Ко всему прочему В.Б. Фредерикс парадоксально цеплялся за свое место, которое «должен был бы» — по

крайней мере, во время войны — «занимать исключительно сильный и энергичный человек»³⁶². Несмотря на то что «знающие двор» считали графа лицом «совершенно порядочным и не интриганом»³⁶³, «дворцовая немецкая безграмотность»³⁶⁴ Фредерикса предоставляла критикам столь необходимый им *casus belli*.

Однако поскольку для империи армия (наряду с идеологией) — фактор системообразующий, самым слабым звеном во властной «цепи», если по В.И. Ленину, все равно оказалось Военное министерство во главе с В.А. Сухомлиновым, не имевшим серьезных связей ни с представителями союзников по Антанте³⁶⁵, ни, главное, в военно-промышленной среде и потому не являвшимся ставленником тех алчных групп давления, которые в конце концов и ввергли Отечество в пучину анархии.

А.Ф. Редигер, который выдвинул В.А. Сухомлинова в начальники Генерального штаба и тем самым создал себе опасного «соперника»³⁶⁶, охарактеризовал впоследствии генерала весьма лестно: «Сухомлинов, по моему мнению, человек способный: он быстро схватывает всякий вопрос и разрешает его просто и ясно. Службу Генерального штаба он знал отлично, т. к. долго был начальником штаба округа. Сам он не работник, но умеет задать подчиненным работу, руководить ими, и в результате оказывалось, что работы, выполнявшиеся под его руководством, получались очень хорошие. Сухомлинов отлично знал множество офицеров Генерального штаба и умел выбирать среди них лиц, которые хорошо выполняли его поручения»³⁶⁷; «как докладчик он был весьма хорош: понимал указания с полуслова, докладывал сжато суть всякого дела; так же он докладывал в моем присутствии государю»³⁶⁸.

А. Нокс, будучи, как и любой официальный шпион, человеком весьма информированным, а с другой стороны, по определению смотревшим на всех наших деятелей со стороны, характеризовал В.А. Сухомлинова как «придворного и человека автократического типа, не выносившим вмешательства парламента в дела национальной обороны, хотя в России целью такого вмешательства было не спасти карманы налогоплательщиков, как это принято в других странах, а обеспечить финансирование в этой области»³⁶⁹.

Парадоксально, но как раз В.А. Сухомлинова при всех достоинствах и обвиняли в коррупции — за «великолепный, просто редкостный по роскоши»³⁷⁰, служебный вагон военного министра и командировочные расходы — притом что у нас на местах ничего не происходило и не происходит до тех пор, пока не придет петровский гвардеец³⁷¹, николаевский ревизор или не пожалует Сам. (Интересно, что в хорошей жизни В.А. Сухомлинова ничего экстраординарного не было: его предшественник А.Ф. Редигер прямо заявил в своих воспоминаниях: «Военному министру полагалось 8 тыс. руб. на экстраординарные расходы. Сумма эта была в ведении Канцеля-

рии Военного министерства, которая оплачивала утвержденные министром счета. Из нее выплачивались «чай», наем дачи для секретаря и суточные ему и фельдъегерям, всякие припасы по продовольствию и проч., писари в секретарской части. Сумма эта все же настолько значительна, что я за ее счет впоследствии купил два автомобиля для разездов»³⁷². В.А. Сухомлинов впоследствии вспоминал, что «...государь... заказал для военного министра салон-вагон, что давало возможность быть вне зависимости от ж.-д. управлений и ставить его к любому поезду. Это способствовало и внезапному появлению в местах отдаленнейших гарнизонов. Результатом моих поездок государь интересовался всегда в высокой степени. Иногда такие поездки происходили по его инициативе, но в этом случае они сопряжены были с неприятными поручениями. Большею частью в подобных ситуациях кому-нибудь из генералов или даже командующему войсками приходилось „намыливать голову“ для водворения порядка...»³⁷³ В мемуарах же подписавшего в конечном итоге В.А. Сухомлинова А.А. Поливанова о «вагоне военного министра» сказано лишь то, что этот «очень тяжелый» вагон был «специально» построен «для дальних поездок генерал-адъютанта Сухомлинова»³⁷⁴.)

Однако дыма без огня, как известно, не бывает: самые убойные данные содержались в собранных позднее, в 1916—1917 гг., материалах следствия: в них, в частности, утверждалось, что на время перевода генерала в Петербург на его личном счете находилось 57 тыс. руб., а траты в течение шести последующих лет составили 702 737 руб., при том что все доходы за этот период составили 270 тыс. руб.³⁷⁵

Еще один момент — иконографический. Достаточно взглянуть на фотографию генерала от кавалерии В.А. Сухомлинова в гусарском мундире, чтобы понять — лучший объект для критики высокопоставленные прохвосты найти не могли: лицо военного министра было больше в ширину, чем в длину. Огромный живот вызывал стойкие ассоциации с литературными произведениями из серии: «Как один мужик двух генералов прокормил».

Ко всему прочему министр женился очередным браком на женщине, которая годилась ему то ли в дочери, то ли во внучки и в жилах которой текла еврейская кровь. Военный агент во Франции А.А. Игнатъев, познакомившийся с министром в парижской командировке последнего, писал о том, что «один вечер, проведенный с ним в Париже, пролил для меня некоторый свет на причины его будущей позорной репутации. Я чувствовал, что ему хотелось показать своей жене веселящийся вечерний Париж, и решил пригласить их ужинать в только что тогда открытый, а потому и самый модный ночной ресторан „Сиро“. Цены в нем были баснословные, и, когда гарсон подал мне счет, Сухомлинов сказал: „Этого еще не хватает, чтобы военный агент платил за своего министра. А впрочем, Алексей Алексеевич, это уж не так несправедливо, как кажется. Ка-

кие наши с вами оклады жалованья? Почти одинаковые, а расходы на представительство мне ведь тоже никто не возмещает... Как вы счастливы жить в таком городе, — задумчиво сказал мне мой министр, глядя на окружающих декольтированных красавиц и танцующих с ними элегантных кавалеров во фраках. Ей-богу, — шутя, как мне показалось, добавил он, — я рад был бы поменяться с вами должностями“. <...> Рядом со мной сидела и флиртовала его не столько красивая, сколь обворожительная супруга. Мне стало понятно, что этот человек в самом опасном возрасте — переходе к старости — попал под полное влияние этой привлекательной авантюристки; какая громадная пропасть лежала между его частной жизнью и служебным долгом, который уже отходил в его уме на второй план. Он переставал сознавать всю ответственность, возложенную на него за судьбы его страны, и, быть может, всерьез был бы не прочь обратиться из генерал-адъютанта в молодого полковника Генерального штаба, променять служивый Петербург на веселящийся Париж!»³⁷⁶ (В.А. Сухомлинов в своих воспоминаниях о встрече с графом Игнатьевым писал исключительно о военно-политической стороне вопроса³⁷⁷.) Но это тактичный А.А. Игнатьев.

Не имевший никакого отношения к аристократии М.К. Лемке написал проще и с большим знанием дела: «Г-жа Бутович — третья жена Сухомлинова. После смерти своей первой жены он стал ухаживать за женой инженера Корейши... развел его и женился на его жене. Впоследствии, уже в бытность Сухомлинова в Киеве командующим войсками, у этой второй жены произошли какие-то крупные недоразумения с находившимися в ее распоряжении денежными суммами киевского отдела Красного Креста. Эта история, сопровождавшаяся ее внезапной смертью, в свое время вызвала много толков и проникла на столбцы столичных газет. <...> История третьего брака Сухомлинова и устроенного им развода четы Бутович в свое время также была довольно подробно оглашена в печати и вызвала даже специальную брошюру, выпущенную на правах рукописи митрополитом Владимиром со всеми документами по этому процессу»³⁷⁸. Как известно на Руси, каков поп, таков и приход: 19 сентября 1914 г. некая Надежда писала генералу А.А. Брусилову: «В тылу ужасно много мерзостей — интендантство и дамы страшно развратничают»³⁷⁹. Военный министр подавал скверный пример служащим своего ведомства.

«Еврейский фактор» с учетом традиционного стремления не по способностям титулованных негодяев от политики, экономики, культуры и науки сделать себе имя на подавлении мифической «русофобии»³⁸⁰, естественно, также было использовано в борьбе отнюдь не за Военное министерство, не за «войну до победного конца» и не за усиление отечественного ВПК, а за верховную власть в России. Не зря «дело» В.А. Сухомлинова воспринималось «прогрессивной обще-

ственностью» как «благосклонное участие судьбы, стремящейся сбросить авторитет коронованного идиота»³⁸¹.

Следует заметить, что среди политической элиты были такие люди, которые со всей откровенностью предупреждали Николая II о последствиях неудачного военного столкновения с Германией и ее союзниками. Так, в феврале 1914 г. видный член Государственного совета П.Н. Дурново писал императору: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, в результате которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения: сначала черный передел, а за сим и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению». Дурново предсказывал, что европейская война вызовет европейскую революцию, причем особо благоприятную почву для социальных экспериментов явит Россия, в которой народные массы исповедовали «принцип бессознательного социализма»³⁸².

После сараевского убийства правительство обсудило «готовность» страны к войне. На заседании 10 июля глава землеустроительного ведомства А.В. Кривошеин констатировал, что «программа нашего вооружения не закончена», и выразил сомнение в способности «наших армии и флота равняться с Германией и Австро-Венгрией». Военный министр В.А. Сухомлинов и морской И.К. Григорович подтвердили «диагноз» А.В. Кривошеина, заявив, что на «превосходство наших сил в случае возникновения конфликта с Тройственным Союзом» рассчитывать не приходится. Министр финансов П.Л. Барк, уходя с заседания, сказал А.В. Кривошеину: «Я очень сомневаюсь, чтобы военные и морское ведомства оказались на высоте современных требований; война с Японией показала, насколько наша военная техника отстала во всех областях, и если нам тогда с маленькой Японией не удалось справиться, то тем менее мы будем в силах сражаться с таким организованным противником, как Германия, даже если бы мы за восемь лет и улучшили наше военное снаряжение». Кривошеин ответил: он «также смотрит очень мрачно на исход вооруженного столкновения»³⁸³.

10 июля вечером «Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государ-

ства»³⁸⁴. 12 июля в 18 часов срок ультиматума истек и, как зафиксировал в своем дневнике Николай II, «разговоры у нас везде только об этом. Утром поехал в Красное Село, и в 10 час. состоялся отличный смотр в Астраханском полку. От 11 час. до 12 час. у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, кот[орые] нам следует принять»³⁸⁵. Самое печальное то, что геополитическим интересам Российской империи возможный захват Австро-Венгрией Сербии никак не угрожал: напротив, было до крайности заманчиво дать Францу Иосифу «скушать» Сербию, а потом посмотреть, как быстро его империя прикажет долго жить от несварения желудка.

Если верить В.А. Сухомлинову, Николай Николаевич сделал все, что мог, чтобы склонить племянника к вступлению в Первую мировую войну. На указанном совещании помимо шести министров присутствовал и великий князь. С.Д. Сазонов сделал доклад о военно-политическом положении с обвинениями Австро-Венгрии и заключением: «Наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее на место»³⁸⁶. Однако доклад «Длинноносого» ничего не решал: «государь был совершенно спокоен. Впоследствии выяснилось, что накануне заседания у него было продолжительное собеседование с глазу на глаз с его дядей, великим князем Николаем Николаевичем, который молча сидел рядом с государем и, нервничая, курил. Для меня, в течение целого ряда лет имевшего случай наблюдать отношения этих двух высочайших особ, было совершенно ясно, что великий князь настроил государя уже заранее, без свидетелей, и говорить теперь в заседании ему не было никакой необходимости»³⁸⁷. Все время вплоть до объявления высочайшего Манифеста о вступлении России в войну Николай II общался с тремя лицами — министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, военным министром В.А. Сухомлиновым, начальником Генерального штаба Н.Н. Янушкевичем³⁸⁸. Император прекрасно знал, что страна к войне не готова. Так, незадолго до вступления России в войну военный министр доложил Николаю II составленную 11 мая 1914 г. мобилизационным отделом Главного управления Генерального штаба докладную записку «О состоянии неприкосновенных запасов армии к 1 января 1914 г.», из которой прямо следовало: «недостатки артиллерийского снабжения» могли быть «пополнены к 1 января 1916 г.»³⁸⁹. Изученный К.Ф. Шацилло и В.В. Поликарповым массив источников, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, не подтверждает мнения, что Первая мировая война будто бы «застала русские заводы врасплох», а ГАУ якобы «совершенно не занималось» развитием производства на казенных заводах. Однако, как пишет В.В. Поликарпов, «при достигнутом на деле уровне готовности страны к военным испытаниям решение правительства о вступлении в

войну означало — как показало все последующее — либо отсутствие способности трезво оценивать степень риска, либо, как сказал бы П.Н. Милюков, „измену“ патриотическому долгу в силу личных карьерных соображений министров и генералов»³⁹⁰. Среди последних, если по В.А. Сухомлинову, особенно отличился великий князь Николай Николаевич.

А.Ф. Редигер указал в своих воспоминаниях: «По первоначальным предположениям, бывшим до объявления войны, Верховным главнокомандующим должен был быть государь. Он уже в то время, когда я был [военным] министром, говорил мне, что в случае войны он ни за что не останется вновь в тылу, а непременно будет сам командовать армиями, не потому, что он считал себя полководцем, а потому, что, по его убеждению, при этом устраняются многие недоразумения и трения, не говоря уже о том, что он любил войска и военное дело и предпочитал быть во время войны в армии, а не в тылу»³⁹¹.

Тем не менее Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. Прежде чем писать о конкретных обстоятельствах его назначения, приведем неправдоподобное мемуарное свидетельство В.А. Сухомлинова, которое достаточно интересно самое по себе: убедившись в том, что все, включая председателя Совета министров, против возложения на себя императором Верховного главнокомандования, Николай II, особенно расстроенный осторожной позицией военного министра, высказал желание о возложении поста Верховного именно на него. В.А. Сухомлинов уточнил, на какой пост император намеревался назначить Николая Николаевича, и, узнав, что на пост командующего 6-й армией, т. е. руководителем охраны императорской резиденции, заявил: великий князь «не выносил меня на посту военного министра... а в роли моего подчиненного и вместе с тем в непосредственном пребывании с государем создается положение, невозможное для меня, а главное — будет страдать дело исключительной важности»³⁹². Николай II после событий 1905—1908 гг., очевидно, искренне был убежден, что Николай Николаевич от поста откажется, однако, когда он приехал к дяде на Знаменку, все «оказалось» так, как и полагал В.А. Сухомлинов: император лично «убедился, что великий князь действительно встретил предложение совершенно к тому подготовленным и в мыслях не допускал, чтобы мог быть назначен кто-либо другой...»³⁹³.

Протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский написал в своих воспоминаниях то, что преимущественно слышал от других: «Сначала сам государь хотел стать во главе армии и уже избрал себе помощников, назначив начальником своего штаба генерал-лейтенанта Янушкевича — начальника Генерального штаба, а генерал-квартирмейстером — генерал-лейтенанта Ю.Н. Данилова — генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Великий князь Ни-

колай Николаевич принял в командование 6-ю армию, на обязанности которой лежала защита Петрограда. Он перенес свой штаб в имение под Стрельной. Мне было повелено состоять при Главной квартире Верховного главнокомандующего (где все и ждали императора. — С. В.). Но потом Совет министров — кажется, при содействии императрицы Александры Федоровны — убедил государя отказать от своего решения, и только тогда великий князь Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим»³⁹⁴.

Мы назвали неправдоподобным мемуарное свидетельство В.А. Сухомлинова не только потому, что едва ли не каждый политический / военный деятель старается преувеличить в воспоминаниях свой реальный вклад: в дневнике Николая II четко зафиксировано — «19 июля, суббота. Утром обычные доклады. После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении Верховным главнокомандующим *впредь до моего приезда в армию* (курсив мой. — С. В.)»³⁹⁵.

По свидетельству министра иностранных дел С.Д. Сазонова, которому на этот раз есть все основания верить, «уже в самом начале [Первой мировой] войны государь объявил Совету министров о своем намерении лично стать во главе русских войск...» Сазонов признавал «желание императора Николая вести самому в бой русскую армию... благородным порывом: по основным законам он был Верховным Вождем всех вооруженных сил Империи» и «желание дать этому отвлеченно звучащему названию реальное обоснование было... довольно понятно»³⁹⁶. Дело в том, что, в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г., «13. Государь император объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными державами. 14. Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства. Он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно: дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения их, прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского Государства. Государем Императором, в порядке верховного управления, устанавливаются также ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота. 15. Государь Император объявляет местность на военном или чрезвычайном положении»³⁹⁷. Как следствие, Николай II еще до начала Первой мировой войны, по свидетельству С.Д. Сазонова, «неоднократно» высказывался в том духе, «что место русского царя там, где решаются судьбы России»³⁹⁸, и с самого начала войны, по свидетельству генерала Ю.Н. Данилова, лелеял мысль о необходимости «личного председательствования всей действующей армии»³⁹⁹. Совету министров «с величайшим трудом удалось упро-

сильно отказаться от этой мысли и назначить Верховным главнокомандующим великого князя, который из всех членов царствующей семьи стоял ближе всех к армии и пользовался в ней большой популярностью, отчасти унаследованной от его отца, бывшего главнокомандующего в балканскую войну 1876—[18]77 годов»⁴⁰⁰. Как тонко подметил О.Р. Айрапетов, «российский монарх со времен Петра Великого был прежде всего военным человеком, таковым был и последний император, его доверие к своим вооруженным силам было абсолютным», причем «назначение на должность Главнокомандующего великих князей вовсе не было традицией...»⁴⁰¹ Добавим, что можно как угодно относиться к большевикам, но сыновья представителей руководящего ядра партии и правительства при И.В. Сталине воевали на фронтах Великой Отечественной, можно как угодно относиться к династии Романовых, но все члены Императорской фамилии мужского пола воевали в Первой мировой — как и сыновья основных «антантафилов» — к примеру, П.Н. Милюкова, для которого «война до победного конца», вероятно, стала делом не только общественным, но и личным (с фронта не вернулся младший сын⁴⁰²). Великий князь Константин Константинович, потерявший на войне одного из сыновей, признался в своем дневнике 1 сентября 1914 г., что ему «стыдно показываться на людях: я еще не стар, относительно (именно, что относительно. — С. В.) здоров, а не нахожусь на войне. Ведь всем не растолкуешь, что за 24 года успел отстать от строя, в чине полного генерала не найти подходящей должности в действ[ующей] армии и что здоровье слегка изменяет»⁴⁰³. 28 сентября 1914 г. еще не знавший, что полученное ранение смертельно, сын Константина Константиновича Олег подчеркнул в разговоре с генералом Б.В. Адамовичем: «Это [ранение] поддержит дух, в войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского дома. Это поддерживает Династию»⁴⁰⁴. Дело не в надоедливой супруге и тяжелом внутривосточном положении: пребывание в тылу в условиях войны было для императора настоящим мучением.

20 июля 1914 г. было объявлено три важнейших высочайших акта:

1). Манифест о вступлении России в Первую мировую войну:

«Божиею милостью, Мы, Николай II, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелили привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрия Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божее благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова 1914-е, царствования же нашего в 20-е. <...>

*Николай*⁴⁰⁵.

2). Именной высочайший указ, данный правительствующему Сенату 20 июля:

«Ввиду ниспосланных отечеству нашему тяжких испытаний, желая быть в полном единении с народом, признали Мы за благо созвать Государственный совет и Государственную думу. Вследствие сего, на основании статьи 99-й основных государственных законов, повелеваем: возобновить занятия Государственного совета и Государственной думы 26 сего июля. Правительствующий сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение»⁴⁰⁶.

По правде говоря, это тот случай, когда лучше было обойтись без формального «единения» самодержца с народом, поскольку появление «пятой колонны» во время войны — серьезное испытание для власти. Единственным положительным моментом подобного «единения» была остановка уже начавшейся в столице второй русской революции, которую, впрочем, не составило бы труда подавить. Как справедливо заметил С.В. Тютюкин, «было бы большим преувеличением считать, что в канун войны, летом 1914 г., Россия вновь сто-

яла на пороге революции. Правда, общие показатели забастовочного движения (до 2 млн стачечников за предвоенные месяцы этого года) были действительно впечатляющими, а июльские события в столице империи, где дело даже дошло до сооружения рабочими нескольких баррикад, а также мощная стачка на бакинских нефтепромыслах, продолжавшаяся с конца мая до конца июля 1914 г., свидетельствовали о боевом настроении значительной части рабочих — этой самой взрывоопасной части населения империи. Однако настроение общества в целом было гораздо более спокойным, чем накануне 1905 г., деревня явно не собиралась пока браться за вилы и топоры, а в армии и на флоте в предвоенные годы не было ни одного крупного восстания»⁴⁰⁷. Патриотизма в русских рабочих (и не только русских) оказалось больше, чем интернационализма. «С первым выстрелом, — с оптимизмом писали из Петрограда в Москву... — лопнула знаменитая формула „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“»⁴⁰⁸. По выражению военного цензора, штабс-капитана управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего М.К. Лемке, «каждый почувствовал себя прежде всего русским. Все (почти все. — С. В.) решили отложить внутреннюю борьбу, [осознав], что в такой момент — место усилиям только одной общей борьбы»⁴⁰⁹. Военный представитель Великобритании А. Нокс констатировал, что «война встретила необычайно горячую поддержку представителей среднего класса, и даже забастовщики, которых, как считали в России, нанимали на немецкие деньги, сразу же после объявления мобилизации вернулись к работе»⁴¹⁰. Характерна реакция на начало войны Г.В. Плеханова, у которого в Париже начался, по хлесткому выражению Т.Г. Леонтьевой и В.П. Буддакова, «приступ германофобии»: основоположник «нашей» социал-демократии приветствовал вступление российских революционных эмигрантов во французскую армию. Правда, в России нашлись и такие социалисты, которые отказывались верить в то, что такой человек мог выдать «такую глупость»⁴¹¹. Подобный патриотизм Плеханова и изрядного процента социал-демократов (как меньшевиков, так, между прочим, недостаточно стойких большевиков) был странен с учетом того, что на II съезде РСДРП по большому счету⁴¹² никто не оспаривал почти библейский тезис делегата М.С. Зборовского о том, что единственная «агитация, которую только и должны вести социал-демократы по национальному вопросу: „Нет ни эллинов, ни иудеев“ в революционном социал-демократическом движении»⁴¹³.

Вся проблема была в том, что патриотический ажиотаж, не принявший в нашей стране характера «того массового шовинистического психоза, который наблюдался на Западе»⁴¹⁴, очень быстро рассеялся. 10 января 1915 г. начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов⁴¹⁵ направил «личное, спешное, секретное» циркулярное предписание участковым приставам о пресечении пораженче-

ских настроений и революционной пропаганды среди нижних воинских чинов, находящихся на излечении в московских госпиталях: «По имеющимся у начальника штаба Верховного главнокомандующего сведениям, в прибывающих в войска укомплектованиях наблюдаются признаки социалистической пропаганды, причем выясняется, что нижним чинам рекомендуется сдаваться в плен и уклоняться от боевых действий. Принимая во внимание неисчислимы последствия, к которым может повлечь развитие этой пропаганды в войсках, наглядным примером чего могут служить печальные события в конце Японской войны, необходимо признать, что борьба с подобным явлением представляется задачей первейшей важности, пока зло не приняло угрожающих размеров. В этом направлении необходимо вести особо бдительное наблюдение, дабы каждая попытка ввести революционную пропаганду в войска могла быть констатирована в самом начале. Для ориентирования при организации такого наблюдения полезно иметь в виду, что, как показало изучение революционной работы в войсках, она руководится лицами, стоящими вне войск, членами революционных организаций, входящими в так называемый «вольный состав военных организаций», а осуществляется «войсковыми ячейками», формируемыми в самых частях войск поступившим в них революционным элементом в виде бывших народных учителей, студентов, фабричных и заводских рабочих и т. п. Помимо мер, принимаемых военными властями для борьбы с разлагающей армию пропагандой, по распоряжению его превосходительства г. московского градоначальника, прошу Вас установить наблюдение в лечебных заведениях (организованных гражданскими учреждениями, обществами и частными лицами), где находятся нижние чины...»⁴¹⁶

3). Именной высочайший указ, данный Правительствующему сенату 20 июля:

«Не признавая возможным по причинам общегосударственного характера стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали Мы за благо все милостивейше повелеть нашему генерал-адъютанту, главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии Е.И.В. вел[икому] кн[язю] Николаю Николаевичу быть Верховным главнокомандующим»⁴¹⁷.

Уровень Верховного главнокомандующего и его окружения вполне раскрыт в воспоминаниях графа А.А. Игнатьева о приезде Николая Николаевича на маневры во Францию в 1912 г.: «К вечеру я сделал новое для себя и страшное открытие в отношении военных способностей Лукавого: как ни старались французские генштабисты объяснить ему быстро сменяющуюся маневренную обстановку, он, привыкший к нашим мертвым схемам, не был способен в ней разбираться. „Путаник“, — подумал я. Очень мне также казалось обидным, что

никто из соотечественников, сопровождавших Николая Николаевича, не задал мне ни единого вопроса — то ли они считали меня полным невеждой, то ли хотели показать, что вся эта новая незнакомая обстановка для них вполне ясна и что их ничего не поражает. Как же мне было не скорбеть душой за русских, когда французы, сопровождавшие Жоффра в Красное Село, забрасывали вопросами не только Лагиша, но и меня. Это ни на чем не основанное русское зазнайство лишней раз доказывало, что уроки маньчжурской войны ничему нас не научили»⁴¹⁸. А.А. Игнатъев с горечью писал: «Чем руководствовался Николай Николаевич, привезя с собой кучку генералов, снабженных баронскими титулами и немецкими фамилиями, объяснить невозможно. Лучшим доказательством ничтожности всей его свиты на французских маневрах явилась [Первая] мировая война: ни один из этих генералов ничем в ней не отличился»⁴¹⁹.

И у такого государственного ума человека появился второй шанс на завоевание ключевых позиций во власти. Подчеркнем, что Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим, несмотря на тот факт, что Николай II доверял высокопоставленному Тартюфу ничуть не больше прежнего. Не исключено, что основным побудительным мотивом в назначении Верховным Лукавого стало его снятие с поста главного начальника (командующего войсками) столичного военного округа, т. е. с должности «в Петрограде, которой правительство» придавало «большое значение как главной власти в столице»⁴²⁰.

В соответствии с утвержденным 16 июля, за четыре дня до назначения Николая Николаевича, Положением о полевом управлении войск в военное время, «Верховному главнокомандующему, если государь не изволит предводительствовать войсками лично», вверялось «высшее начальствование над всеми сухопутными и морскими силами, предназначенными для военных действий». При Верховном главнокомандующем «для управления всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, предназначенными для военных действий», было приказано сформировать штаб Верховного главнокомандующего.

В соответствии с Положением, Верховный главнокомандующий являлся высшим начальником «всех сухопутных и морских вооруженных сил, предназначенных для военных действий». Он облакался чрезвычайной властью, и повеления его исполнялись «на театре военных действий всеми без исключения правительственными местами и общественными управлениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением как высочайшие повеления». Верховному главнокомандующему подчинялись члены Императорской фамилии, если таковые находились «в пределах театра военных действий». В Положении говорилось, что Верховный главнокомандующий «с объявлением мобилизации» непосредственно назначался

государем — «высочайшим приказом и указом Сенату». Верховный главнокомандующий, указывалось в Положении, «исключительно и непосредственно подчиняется государю и за свои распоряжения и действия отвечает только перед ним. Во всех случаях, когда он признает это полезным или нужным, он имеет право обращаться непосредственно к государю. Никакое правительственное место, учреждение и лицо в империи не дает Верховному главнокомандующему предписаний и не может требовать от него отчетов». Руководствуясь преподанными ему высочайшими указаниями, он распоряжался военными действиями по своему непосредственному усмотрению, направлял усилия всех подчиненных ему сухопутных и морских вооруженных сил к достижению общей цели всеми способами, какие считал нужными. Министр иностранных дел тотчас по объявлении мобилизации обязывался поставить Верховного главнокомандующего в известность о важнейших и могущих иметь значение во время войны дипломатических договорах с иностранными державами. Верховный главнокомандующий имел право собственной властью заключать с неприятелем перемирие, когда военные обстоятельства вынуждали к тому — «безотлагательно, донося тотчас государю»; если же в перемирии не представлялось безотлагательной необходимости, то Верховный обязывался предварительно испросить высочайшее соизволение как на заключение перемирия, так и на условия перемирия. Теми же правами Верховный пользовался и в отношении прекращения перемирия, однако не мог «вступать... без особого по сему повеления государя» в переговоры о заключении морского договора⁴²¹. Особое значение для настоящего исследования имела статья 21 Положения: «Никакое правительственное место, учреждение и лицо в империи не имеет права непосредственно сноситься с Верховным главнокомандующим, за исключением министров, главноуправляющих отдельными частями и лиц, непосредственно ему подчиненных»⁴²². При царе, как это известно в историографии со времен Г. Лелевича, не были объединены, с одной стороны, Ставка Верховного главнокомандующего (аппарат полевого управления армией), с другой — Военное министерство (тыловой военный аппарат)⁴²³.

Одним из немногих впоследствии положительно отзывался о великом князе Николае Николаевиче генерал А.С. Лукомский — между прочим, зять военного министра В.А. Сухомлинова⁴²⁴: «Назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим приветствовалось всеми. Известен был его волевой характер, и была полная уверенность, что он поведет армию к победе. Даже впоследствии, в период самых тяжелых неудач, армия никогда не теряла веры в своего Главнокомандующего. Среди солдат и рядового офицерства великий князь пользовался громадной популярностью. Между ними распространялись про великого князя самые невероятные

легенды. Эти легенды создавались на основании слухов — то о раскрытии великим князем какой-нибудь измены; то о том, как он разносил или расправлялся с каким-нибудь высоким начальником за его леность, или за неумение руководить войсками, или за плохое обращение с офицерами и солдатами»⁴²⁵. Большинство российской военной элиты, впрочем, скорее бы согласилось с А.А. Игнатьевым.

Положение осложнялось тем, что, как заявил в своем интервью А.И. Гучков, «даже когда великие князья были сами по себе неплохими знатоками» некоего государственного и общественного дела, они «все равно были окружены неподходящими людьми, потому что были особенные приемы сделаться угодными великому князю, [а] чистые люди гнушались этих приемов, и значит как-то фатально, органически вокруг великого князя, который сам по себе был бы не плох, создавалось окружение совершенно невозможное»⁴²⁶. Прежде всего А.И. Гучков писал об уже упомянутом нами великом князе Сергее Михайловиче, однако и в окружении Николая Николаевича были люди малоталантливые, если не вовсе бездарные, занявшие высокие посты только потому, что они — из свиты (если бы речь шла о позднесоветском времени, мы бы написали здесь — из кадровой «обоймы»⁴²⁷).

По мемуарному свидетельству В.А. Сухомлинова, «после того, как установились отношения между Ставкой, Императорской главной квартирой (командующий — граф Фредерикс. — С. В.) и Военным министерством, мое положение оказалось незавидным. Со всеми требованиями и желаниями Верховного главнокомандующего по мере возможности считались. Так, например, Ставка сообщила министру двора список лиц, которые могли сопровождать государя во время его поездки на фронт. В этом списке не было именно военного министра — потребовалось вмешательство графа Фредерикса»⁴²⁸. Более того — «великий князь вел войну на свой собственный страх и риск, как специалист военный министр был ему не нужен...»⁴²⁹. Однако нежелание Николая Николаевича иметь что-либо общее с В.А. Сухомлиновым компенсировалось одной целенаправленно сделанной серьезнейшей кадровой ошибкой — высочайшим назначением начальником штаба Верховного главнокомандующего по протекции военного министра генерала от инфантерии Н.Н. Янушкевича, ставившим одной из задач организацию объективного информирования о происходящем в Ставке В.А. Сухомлинова. (Правда, Альфред Нокс логично заметил: поскольку Н.Н. Янушкевич занимал должность начальника Генерального штаба... в мирное время, он и «возглавил это ведомство» во время войны «согласно плану мобилизации»⁴³⁰.)

Николай Николаевич, по данным о. Георгия Шавельского, хотел назначить на наиболее ответственные посты Ставки генералов Ф.Ф. Палицына и М.В. Алексева, однако подчинился воле императора, который «просил принять штаб в уже сформированном соста-

ве»⁴³¹. О.Р. Айрапетов подчеркнул, что в результате назначения Н.Н. Янушкевича обладавший «колоссальными полномочиями» Верховный главнокомандующий «не был свободен в... важнейшем вопросе»⁴³² подбора и расстановки кадров Ставки. Заметим все же, что Николай II, судя по его письму супруге от 16 июня 1915 г., не очень дорожил Н.Н. Янушкевичем (как не дорожил многими своими приближенными) — в отличие от Николая Николаевича⁴³³. Обладая чувством такта, генерал Янушкевич явно сумел добиться расположения великого князя.

Поскольку характеристики сугубо отрицательные⁴³⁴ не всегда объективны, приведем мемуарные свидетельства назначившего в 1900 г. Н.Н. Янушкевича в Канцелярию Военного министерства на должность помощника делопроизводителя⁴³⁵ А.Ф. Редигера, состоявшего в крепкой дружбе с М.В. Родзянко против В.А. Сухомлинова А.А. Поливанова, дневниковую запись М.К. Лемке и, наконец, фрагмент письма самого Н.Н. Янушкевича В.А. Сухомлинову, который расставляет все точки над «i».

По воспоминаниям А.Ф. Редигера, «за пять лет совместной службы в Канцелярии я успел хорошо узнать Янушкевича и полюбил его как человека правдивого, прямого, мягкого и доброжелательного; в служебном отношении он был добросовестным и толковым работником — и только. Я считал, что его можно было бы назначить помощником начальника Канцелярии, но что это нежелательно, т. к. он не годится для назначения в будущем начальником Канцелярии. Впоследствии, по оставлении мной министерства, он действительно получил должность помощника начальника Канцелярии, а затем совершенно неожиданно — начальника Военной академии. В последней он незадолго перед [этим] получил профессуру, но у него не было никаких других данных для того, чтобы стать во главе академии; назначение это, по-видимому, было вызвано лишь желанием Сухомлинова ввести в Канцелярию на его место своего приятеля по Киеву, генерала Лукомского. Однако еще более неожиданным для всех и совершенно несоответственным явилось назначение его (Янушкевича. — С. В.) в начале 1914 г. начальником Генерального штаба. Для этой должности требовались недюжинные способности и большая научная и служебная подготовка; ничего этого у Янушкевича не было, поэтому его назначение оказалось непонятным для всех его знавших. Оно состоялось по личному выбору государя, который познакомился с Янушкевичем в л[ейб]-гв[ардии] 1-м стрелковом полку. (Янушкевич был когда-то прикомандирован к этому полку для командования ротой; как человек крайне симпатичный, он оставил по себе наилучшую память, и его приглашали в полк наравне с прежде служившими офицерами. Государь ежегодно приезжал к обеду в этот полк.) Янушкевич произвел на него такое впечатление, что он избрал его в начальники Генерального штаба; Сухомлинов не

нашел возможным отговорить государя от такого назначения; его, может быть, стесняло то, что он же незадолго перед этим провел Янушкевича в начальники Академии? Таким-то образом наш Генеральный штаб перед самой войной получил нового начальника, вовсе не знакомого с делом»⁴³⁶.

По воспоминаниям А.А. Поливанова, у генерала Янушкевича как «талантливого профессора военного хозяйства» отсутствовала подготовка к исполнению должности, которой во время войны «было присуще исключительно важное военное и государственное значение»⁴³⁷. М.К. Лемке со слов М.С. Пустовойтенко писал о том, что генерал Янушкевич «был совсем не на месте и прав кто-то окрестивший его „стратегической невинностью“»⁴³⁸. От себя М.К. Лемке, когда писал «об Янушкевиче», уточнил: «...он заслуживает все-таки меньшего презрения, чем высказанное общественным мнением. Он сам всегда говорил, что стратегии не знает и оперативная часть — не его специальность. Когда ему дали Георгиевский крест, он созвал штаб и повторил это во всеуслышание, указав, что всеми оперативными успехами (?) обязан Ю. Данилову и помогавшим ему офицерам управления генерал-квартирмейстера, а потому считает себя награжденным незаслуженно. Конечно, он должен был бы категорически отказаться от своего ответственного поста, а не только часто „отказываться“, но только за это его и нужно судить»⁴³⁹. Так или иначе, Н.Н. Янушкевич, не имея к этому ни малейших способностей, занял крайне важный в воюющей стране пост. В соответствии с Положением о полевом управлении войск в военное время 1914 г. начальник штаба признавался «ближайшим сотрудником Верховного главнокомандующего по всем частям», который должен был «быть в полной мере осведомлен во всех его планах и предположениях». Он обязывался «представлять Верховному главнокомандующему сообщения о направлении военных действий и о мерах по их обеспечению»; в соответствии с указаниями Верховного разрабатывать и передавать подлежащим войсковым начальникам распоряжения относительно ведения военных операций, также своевременно осведомлять их об обстановке и происходящих в ней изменениях; присутствовать «при служебных докладах Верховному главнокомандующему всех лиц, непосредственно подчиненных Верховному, высказывая по этим докладам свои сообщения и заключения». В ведении начальника штаба состояли все генштабисты, занимавшие штатные должности Генерального штаба на театре военных действий. Все распоряжения Верховного главнокомандующего, объявляемые начальником штаба словесно или письменно, должны были исполняться «как повеления Верховного». Начальник штаба имел «право осматривать все войска, крепости, учреждения и заведения, входящие в состав действующих армий», в случае болезни Верховного главнокомандующего управлял «всеми вооруженными силами его именем», а в случае смерти «не-

медленно» заступал «на его место впредь до назначения государем нового Верховного, хотя бы главнокомандующие армиями фронтов и командующие отдельными армиями были старше его в чине». По сношению с министром финансов начальник штаба Верховного определял и объявлял «обязательную на театре военных действий для населения, войск и флота сравнительную ценность денежных знаков, русских и иностранных, обращающихся на этом театре» (ст. 27 в последующем изменении). Он имел «право формировать во время войны части войск, управления, учреждения и заведения, не предусмотренные высочайше утвержденными штатами, утверждать для них временные положения и временные штаты, представляя об этом Верховному»⁴⁴⁰.

В письме В.А. Сухомлинову, написанном не позднее 24 февраля 1915 г., Н.Н. Янушкевич писал: «...стал получать, чего раньше не было, анонимные упреки, что взялся за перо не по уму, что уложил 22-й корпус и что неужели жажда власти и наград выше чувства порядочности и [о]сознания долга? Вам лучше кого-либо известно, что я себя Мольтке не считал; на место не просился и я уже пробовал уйти, дабы дать возможность взять более подходящего. Благо Родины для меня выше личных благ. От в[еликого] кн[язя] вижу только доброжелательство и отношение ко мне не по заслугам и вижу, что он мне поможет уйти (! — С. В.). Самое лучшее и справедливое, чтобы успокоить людей, было бы уволить меня от службы — тогда общественное мнение было бы удовлетворено и совесть моя была бы чиста. Никогда и никому я не позволю себе сделать упрёка и даю слово, что буду всем твердить одно: „уволители по непригодности“. Если семью не обидят пенсией как уволенного за проступок, то, может быть, я найду еще себе службу и все как-нибудь уладится. Я не хочу подводить великого князя под упрёки, что он вовремя не прогнал меня. Не хочу вредить ему и делу. Никогда бесчестного на службе не делал, и если мне так повезло, то краснеть не приходится. *Своей карьерой последних шести-семи лет обязан исключительно Вашему ко мне доброжелательному отношению и не по заслугам оценке* (курсив мой. — С. В.). Не хочу злоупотреблять и Вашим доверием. <...> Знаю, что вел[икий] кн[язь] ко мне бесконечно добр (вспомним, как был «бесконечно добр»⁴⁴¹ Иосиф Сталин. — С. В.) и его мое бегство удивит и огорчит, но ведь идет дело об успехе исторической войны, и не мне же быть причиной плохого ее течения. Я не убегаю с поста, т. к. прошу увольнения в отставку, но зато совесть моя будет спокойна, что ради себя и своих (не исключено, что речь шла не только о жене Янушкевича⁴⁴², но и о самом Сухомлинове. — С. В.) я не цеплялся за дело не по плечу. Простите, не сердитесь...»⁴⁴³ Однако В.А. Сухомлинов 26 февраля отписал в ответ «глубоко» ему «признательному»⁴⁴⁴ Н.Н. Янушкевичу, что он не может «похвалить» его «за некоторые строки», и спросил: «Как Вам могло в голову прийти

писать об отставке и пр. nepозволительных вещах?» В.А. Сухомлинов со знанием дела писал: «Я Вас очень понимаю, и Ваше настроение мне весьма знакомо, потому что я сам [такое] испытываю. Время исключительно тяжелое; как и мне, Вам приходится работать сверх сил, [о]сознавая ответственность высокого положения, а последнее создает всегда зависть, затем врагов, и самые ничтожные из них начинают клеветать, писать анонимы, и пр. гадость сыплется на наши головы. Все это надо претерпеть во имя того дела государственной важности, которое выпало на нашу долю»⁴⁴⁵, — роли чичисбея при великокняжеском прохвосте, налагавшей, впрочем, кучу «дополнительных» обязанностей.

По мнению О.Р. Айрапетова, «отсутствие военного опыта, осознанное несоответствие занимаемой должности — все это объясняло, почему Янушкевич находился под сильнейшим влиянием генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова. <...> Практически все военные вопросы, связанные со стратегией, тот решал почти самостоятельно. Фактически Данилов и был начальником штаба Ставки»⁴⁴⁶. На наш взгляд, тут еще имел место фактор, очень точно описанный А. Ноксом: «Разделение задач в штабе корпуса (на самом деле в штабе любого уровня. — С. В.) в значительной мере зависит от личного мнения того из офицеров штаба, кто обладает самым сильным характером»⁴⁴⁷. В дневнике Николая II зафиксировано, что доклады ему в Ставке делала тройка — «Николаша, Янушкевич и Данилов»⁴⁴⁸ (правда, так было не всегда⁴⁴⁹).

Наиболее лестную оценку генералу Ю.Н. Данилову дал Альфред Нокс: «Это был самый трудолюбивый человек и самый блестящий ум во всем штабе. За многие годы службы в высших эшелонах Генерального штаба он проделал исследование стратегии войны на западной границе. Это был строгий, молчаливый человек, требовательный ревнитель дисциплины и придирчивый как начальник»⁴⁵⁰. Менее компетентный все же в военных вопросах, но дольше и лучше знавший Ю.Н. Данилова о. Георгий Шавельский писал о генерале: «Честный, усидчивый, чрезвычайно трудолюбивый, он, однако... был лишен того „огонька“, который знаменует собой печать особого Божьего избрания. Это был весьма серьезный работник, но могущий быть полезным и, может быть, даже трудно заменимым на вторых ролях, где требуются собирание подготовленного материала, разработка уже готовой, данной идеи. Но вести огромную армию он не мог, идти за ним всей армии было небезопасно»⁴⁵¹. Данные «особенности духовного склада Данилова» дополняли, по наблюдениям Шавельского, его «большое упрямство, большая, чем нужно, уверенность в себе при недостаточной общительности с людьми и неумение выбрать и использовать талантливых помощников»⁴⁵².

По мнению Г. Шавельского, «Янушкевич был умнее, способнее, талантливее Данилова; ум Янушкевича мягче, подвижнее данилов-

ского ума. Янушкевич все схватывал на лету и быстро решал. Данилов иногда не сразу улавливал мысль, топтался на месте, ища решения, иногда мыслил и решал односторонне. Зато, решив, упрямо стоял на своем. Янушкевич видел упрямоту Данилова, чувствовал недостаточную подвижность и нередко односторонность его мысли и, вне всякого сомнения, не прочь был освободиться от него. Но полная неподготовленность к стратегической работе заставляла его не только терпеть ген[ерала] Данилова, но и покорно идти на поводу у него: благо ген[ерал] Данилов не лез в другую (административно-распорядительную) область и не мог затмить его перед великим князем»⁴⁵³. Из этого фрагмента воспоминаний следует, что у Н.Н. Янушкевича и Ю.Н. Данилова попросту сложилась некая специализация — собственноручно, поэтому, по свидетельству Г. Шавельского, два генерала «как-то уживались» и «посторонние даже могли считать их друзьями»⁴⁵⁴. Н.Н. Янушкевич очень скоро стал для Николая Николаевича «своим» человеком и мог рассчитывать, что великий князь станет его ото всех нападков защищать так же «упорно», как он защищал преданного Ю.Н. Данилова⁴⁵⁵.

У М.К. Лемке сложилось стойкое убеждение в том, что Николай Николаевич «на пятом-шестом месяце войны» осознал, «насколько не верна была его оценка Янушкевича, как трагически обманулся он в его знаниях и понимании существа военного дела; ему стала ясна и вся стратегическая безграмотность [Ю.Н.] Данилова, заменявшего Янушкевича во всех оперативных вопросах»⁴⁵⁶. В дневнике штабс-капитана упомянуто, что «не раз, выслушивая соображения этого „стратега“, Николай Николаевич говорил ему: „Вздор, Юрий, вздор“... И великий князь в любви к России не нашел сил для немедленной ликвидации опереточного состава Ставки»⁴⁵⁷, поскольку был «преступно церемонен в отношении людей, с которыми он связывает свою судьбу»⁴⁵⁸. Однако дело даже не в том, что «вздор», как видно из текста «250 дней...», было любимым словом самого М.К. Лемке, а потому подобное высказывание звучит сомнительно⁴⁵⁹. Вся проблема состояла в том, что сместить Н.Н. Янушкевича с поста должен был император, а не великий князь, а вот масштаб личности Ю.Н. Данилова штабс-капитан постичь способен не был. По признанию А. Нокса, в ходе Первой мировой войны ему «довелось выслушать от русских офицеров целый поток жалоб на его (Данилова. — С. В.) „узкий кругозор стратега“, но никто так и не смог назвать человека, который мог бы выполнить его работу лучше»⁴⁶⁰. Впрочем, даже А. Нокс признал, что в октябре 1914 г. Ю.Н. Данилов допустил ошибку с организацией преследования немцев после их провального наступления на Варшаву «по расходящимся направлениям»⁴⁶¹, а весной 1915 г. вскрылся серьезнейший просчет Ставки, которым русская армия тоже, судя по всему, была обязана генералу: «Важность нового немецкого наступления долгое время недооцени-

валась русской стороной. В начале мая начальник Генерального штаба в Петрограде все еще полагал, что речь идет о грабительском рейде, а генерал-квартирмейстер (Данилов. — С. В.) заявлял, что великий князь „совершенно не беспокоится по этому поводу“⁴⁶². И действительно не беспокоился — а напрасно.

Положение осложнялось тем, что Николай Николаевич и его Ставка делали всё, что могли, для затруднения деятельности Военного министерства и персонально министра В.А. Сухомлинова, который находился с великим князем на ножах, по мнению генерала Ю.Н. Данилова, с 1905 г.⁴⁶³ Поскольку после отставки Николая Николаевича с поста председателя Совета государственной обороны и назначения В.А. Сухомлинова военным министром первый попал в формальное подчинение ко второму, отношения ухудшились в разы. Военный министр постоянно пытался вогнуть «в колею»⁴⁶⁴ своего «подчиненного», а высокородный главнокомандующий войсками Петербургского военного округа на парадах демонстрировал свое презрение к «начальнику»⁴⁶⁵.

По свидетельству М.К. Лемке, «из 90—100 человек, служащих в Ставке (считая сверхштатных, фельдъегерей, конвой и т. д.), только служащие в управлении генерал-квартирмейстера, значит не больше 22 человек, знают содержание телеграмм с фронтов и из армий... *Военный министр знает то, что Ставка сообщает для публики, и еще не более 100—200 слов, составляющих дополнительную к нему телеграмму* (курсив мой. — С. В.), в которую [Генштаба полковник А.А.] Носков включает только такие вещи, которые должны побуждать его к энергичной доставке укомплектований и военных припасов и снаряжения. Главное управление Генерального штаба, Главный штаб и вообще все петроградские канцелярии и штабы знают войну только по „сообщениям“⁴⁶⁶. Таким образом, В.А. Сухомлинов целенаправленно дезориентировался Ставкой относительно реальных потребностей армии. Верховный главнокомандующий делал все, чтобы дезориентировать, подставить и свалить ненавистного ему военного министра: председатель Государственной думы М.В. Родзянко вспоминал впоследствии, как в Ставке в разговоре с великим князем Николаем Николаевичем он заявил, «что пора убрать, наконец... Сухомлинова». Верховный главнокомандующий тут же расписался в своем бессилии: «Сухомлинов в последнее время пользуется особым благоволением государя»⁴⁶⁷. Помимо дельных, а главное — кратких по времени докладов обладавший прекрасным чувством юмора В.А. Сухомлинов, по словам М.К. Лемке, «так умел увеселять его величество»⁴⁶⁸ элегантными (и не вполне!) шутками: они «с Сухомлиновым... часами хохотали, увлекая друг друга скабрёзными анекдотами и воспоминаниями молодости...»⁴⁶⁹ Данные М.К. Лемке полностью подтверждают воспоминания Альфреда Нокса: В.А. Сухомлинов «был генерал вечно цветущего вида, человек легкого характера, которого противники называли

„фигляром“. Влияние, которое он имел на царя, объяснялось его даром рассказывать смешные истории»⁴⁷⁰. Сковырнуть ловкого царедворца, оказавшегося к тому же гением военной администрации, было делом не из легких.

В.А. Сухомлинов называл в своих дневнике и письмах три группировки (военный министр то допускал, что член Государственного совета А.А. Поливанов играл самостоятельную роль, то называл А.А. Поливанова «сотрудником» А.И. Гучкова⁴⁷¹), которые вели против него политическую войну — во главе их стояли великий князь Николай Николаевич, А.И. Гучков и генерал А.А. Поливанов, в снятии которого в 1912 г. с поста помощника военного министра В.А. Сухомлинов поучаствовал лично: «Три органически связанные группы работали на этом поприще моего личного уничтожения и достижения своих целей, хотя и совершенно разнородных: великий князь — чтобы спасти свою славу полководца и, если бы удалось, провести свой честолюбивый план стать самому царем, Гучков — чтобы подготавливать пути в Государственную думу для демократии, а Поливанов — [из] личн[ой] жажд[ы] мести»⁴⁷². Последнее — во многом объективно. А. Нокс считал генерала Поливанова «самым талантливым военным организатором во всей России»⁴⁷³. По воспоминаниям С.Д. Сазонова, генерал Поливанов «был человек весьма умный и неутомимый работник. Служебная зависимость от такого начальника, как Сухомлинов, его очень тяготила. Знающий себе цену и честолюбивый, он с нетерпением ожидал благоприятной минуты, чтобы выдвинуться на первый план и занять подобавшее ему место. По убеждениям своим он примыкал к либеральным партиям. Будучи слишком умен, чтобы увлекаться мечтами о введении в России республиканского строя или парламентаризма, и оставаясь монархистом, он, благодаря прирожденной ему иронической оценке людей и событий, нажил себе много врагов, которые, в отместку за пренебрежительное отношение к себе, создавали ему репутацию беззастенчивого карьериста и республиканца. Эта репутация, подкрепленная фактом его дружеских отношений к некоторым лицам, пользовавшимся плохой славой с точки зрения своей благонамеренности, быстро долетела до Царского Села, где к нему стали относиться с преувеличенной подозрительностью, что в свою очередь вызывало в нем чувство раздражения и горечи»⁴⁷⁴. По мнению А.Ф. Редигера, «вернее всего», В.А. Сухомлинов, убирая А.А. Поливанова, опасался, что последний «приобретет чрезмерное влияние и может стать его заместителем. При Сухомлинове его помощник ведал всеми хозяйственными отделами, так что Сухомлинов не принимал докладов по интендантской, артиллерийской, инженерной, медицинской частям; это, конечно, до крайности облегчало его работу, но зато он мало знал дела Военного министерства, а его помощник приобретал большое значение и влияние. Человек способный, как Поливанов, при

таких условиях мог, конечно, легко затмить Сухомлинова; со стороны [генерала А.П.] Вернандера (помощника и доверенного лица Сухомлинова. — С. В.), человека с односторонней подготовкой, ему не приходилось опасаться такого рода конкуренции»⁴⁷⁵. По оценке В.В. Поликарпова, генерала Поливанова отличали «большой ум», «знание... всей машины центрального управления», умение «выжимать соки» из себя и подчиненных, «трудолюбие, воспитанность и привлекательность в обращении»; все эти качества «приобрели ему большую популярность среди членов Государственной думы, а через нее — и общественных кругов»⁴⁷⁶. А.И. Гучков впоследствии настаивал на том, что личное его знакомство с Николаем Николаевичем состоялось уже после снятия последнего с поста Верховного главнокомандующего⁴⁷⁷. Однако сути все это не меняет. В.А. Сухомлинов в своем дневнике не отметил в числе своих врагов министра иностранных дел С.Д. Сазонова, которому военного министра в политическом плане «заказали» недовольные сухомлиновским противодействием закупкам союзники России по Антанте. В своих воспоминаниях министр иностранных дел, как водится, выставил себя подлинным патриотом: «Плохая организация наших тыловых частей болезненно ощущалась всей страной. Военный министр, никогда не пользовавшийся общественным доверием, скоро сделался предметом тяжких обвинений, доходящих до подозрения в государственной измене. Успев близко познакомиться с характером генерала Сухомлинова, я был твердо убежден, что эти подозрения не [без]основательны, как это и было впоследствии установлено судебным порядком. Тем не менее, еще до начала войны, я уже не мог сомневаться в его полной непригодности в роли военного министра. Несмотря на свой почтенный возраст, Сухомлинов отличался юношеской беспечностью и жадной удовольствий. Он наслаждался жизнью и тяготился трудом, который обязанности военного министра возлагали на него. Его пребывание во главе военного ведомства было сущим бедствием и дискредитировало государственную власть, благодаря злоупотреблениям, совершавшимся, если не им самим, то близко стоявшими к нему людьми»⁴⁷⁸.

В 1915 г. политические оппоненты В.А. Сухомлинова перешли в генеральное наступление. В начале года С.Д. Сазонов, по его собственным словам, «довольно подробно изложил государю мое (Англии и Франции. — С. В.) мнение о вредной деятельности генерала Сухомлинова. <...> На этот раз государь, любивший в Сухомлинове его жизнерадостное настроение, ответил мне, что ему давно известно, что у генерала много врагов и в особенности в Главной квартире, но что на все их обвинения он будет смотреть, как на голословные, пока он не увидит „черным по белому“ доказательства их справедливости»⁴⁷⁹.

В начале марта, впрочем, произошло событие, никак не вписывавшееся во внутривластный контекст, если не считать «поиска

ведьм»: как сообщил в письме В.А. Сухомлинов Н.Н. Янушкевичу 10 марта, «в Ставке арестован Ю.Н. Данилов и его отправляют в варш[авскую] цитадель»⁴⁸⁰. Впрочем, далее следовало вполне логично: «У меня на квартире был обыск, и я подал в отставку...» А «в Петрограде создалась атмосфера совершенно невозможная...»⁴⁸¹. По поводу Ю.Н. Данилова Николай II написал из Царского Села 16 июня 1915 г. вечно лезшей в дела государственной важности супруге: «Мысль о том, будто он (Данилов. — С. В.) шпион, не стоит выеденного яйца. Я тоже знаю, что его не любят, даже ненавидят в армии, начиная от [Н.И.] Иванова и кончая последним офицером. У него ужасный характер, и он очень резок с подчиненными. Н[иколаша] знает это и время от времени ставит его на место, но он считает невозможным смещать его после 11 месяцев тяжелой работы — так хорошо этот человек знает свои обязанности»⁴⁸². Арест Ю.Н. Данилова был явлением из ряда вон выходящим, поэтому вернуться к сюжету, признать который паранормальным невозможно.

В бой вступили основные силы «антисухомлиновской коалиции». Приведем несколько записей из дневника военного министра: 15 апреля — «Петроград. <...> А.И. Гучков основательно запускает свои лапы в армию. В Ставке не могут этого не знать и никаких мер против этого не принимают, не придавая никакого, очевидно, значения экскурсиям Гучкова и членов Государ[ственной] думы. По-моему, это может создать очень опасное положение для существующего нашего государственного строя»⁴⁸³; 22 мая — «Третье засед[ание] Особ[ого] сов[ещания] по арт[иллерийской] ч[асти] председ[ателя] Госуд[арственной] думы — видимо, [Родзянко] не желает принимать участия в ответственности за совещания. По его мнению, он будет советовать, что делать, а военный министр — отвечать за все, что [из] этого получится»⁴⁸⁴; 7 июня — «Сергей Степан[ович] Хрулев передал мне по телефону, что не совсем здоров, — просит повидать его. Поехал. Оказывается, в Госуд[арственной] думе решили меня убрать и советуют сделать так: он пригласит на завтрак Родзянку, после которого в интимной беседе я должен ему сказать, что совместно с Думой буду работать с ними (так в тексте. — С. В.) согласно. Что же это такое: предлагается мне поступать не так, как повелевает мне государь, а так, как это угодно будет Думе? — На такой завтрак не поеду»⁴⁸⁵; 8 июня — «По-видимому, Львов будет занят противником дня через два-три. Какая досада! Говорят, А.И. Гучков орудует всюю и программу свою ведет настойчиво, нахально и хитро. Родзянку у него играет роль тарана»⁴⁸⁶ (этот образ Гучкова проходит в документах Сухомлинова красной нитью — «людьми он пользуется как таранами, оставаясь в тени сам и направляя доверчивых господ для достижения известных целей, им предначертанных»⁴⁸⁷); 9 июня — «Блестящий спуск сверхдредноута „Измаил“ с верфи Балтийского завода. Чудный летний день, — мрачно только на душе — благодаря нашим неудачам на галицийском

фронте. Родзянко советует мне подать в отставку, т. к. съехавшиеся думцы меня ругают и винят в неудаче на войне. Эти народные представители, очевидно», находятся «под влиянием немецкой провокации и желают создать у нас беспорядки»⁴⁸⁸.

Интересно, как воспринимались события в верхах младшим офицерством. Штабс-капитан В.М. Цейтлин с сожалением записал в своем дневнике: «Я всегда раньше думал, что Верх[овный] глав[окомандующий] будет энергичнее, что он как великий князь справится с Петербургом. <...> Кажется, что и Николаю Николаевичу борьба с тылом не по силам, а для нас это — катастрофа»⁴⁸⁹. Однако «рецепт» больному военному организму был явно обусловлен подрывной работой Государственной думы: обер-офицер считал целесообразным «созвать Гос[ударственную] думу (бесценный лекарь военного механизма! — С. В.) и передать ей все дело снабжения армии, дав полномочия диктатора Ник[олаю] Николаевичу, иначе мы пропадем»⁴⁹⁰. Совершенно очевидно, что думская пропаганда засорила головы с далеко не самыми прямыми извилинами.

Скомпрометировать военного министра, которым государь вообще-то был в этот период «очень доволен»⁴⁹¹, удалось политическим скандалом, связанным с резонансным «делом Мясоедова»⁴⁹². Подполковник, если и заслужил смертную казнь — то не за шпионаж, по обвинению в котором С.Н. Мясоедова повесили. В любом случае даже лично преданный В.А. Сухомлинову Н.Н. Янушкевич укорял своего покровителя в том, что подполковник некогда пользовался его доверием и «за спиной творил пакости»⁴⁹³. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев характеризовал «дело Мясоедова», как «весьма темное и запутанное», сыгравшее «на руку революционерам», в связи с тем, что оно «позволило вылить потоки грязи на правительство»⁴⁹⁴. По признанию К.И. Глобачева, «следствие не добыло материала, уличающего Мясоедова в военном шпионстве», было установлено лишь участие подполковника «в торговых делах довоенного времени»⁴⁹⁵. Кто из трех заклятых друзей В.А. Сухомлинова был более остальных повинен в дискредитации военного министра — разговор отдельный. М.К. Лемке, к примеру, утверждал со ссылкой на заявление генерала М.С. Пустовойтенко, что «дело Мясоедова... нужно было прежде всего... Поливанову»⁴⁹⁶. А в другом месте своих «250 дней...» М.К. Лемке привел остроту дворцового коменданта свиты его императорского величества генерала В.Н. Воейкова: «Гучков в корню, Поливанов и Барк на пристяжке: что первый хочет, то последние и делают. Когда пристяжные на всем галопе сломают шею, коренник подхватит других. Эти люди сейчас делают то, о чем мечтали большевики и меньшевики»⁴⁹⁷. Так или иначе, на политический скандал с «делом Мясоедова» наложилось тяжелое положение на театре военных действий: 9 июня, на день раньше «прогноза» военно-политических верхов, пал Львов.

11 июня 1915 г. Николай Николаевич и его временные попутчики по политической борьбе, казалось, добились «большой победы»⁴⁹⁸: в условиях критического положения на фронте Верховный главнокомандующий поставил перед племянником вопрос ребром, и император, который не мог допустить «скандала в благородном семействе» в трудную минуту, вынужденно согласился отправить В.А. Сухомлинова в отставку⁴⁹⁹. На следующий день последний записал в своем дневнике:

«331-й д[ень] м[обилизации] — проведенный мной во главе военного ведомства.

Во время заседания Совета министров получил рескрипт (собственноручный) его величества:

„Ставка

11 июня, 1915 г.

Владимир Александрович, после долгого раздумывания я пришел к заключению, что интересы России и армии требуют вашего ухода в настоящую минуту. Имев сейчас разговор с в[еликим] к[нязем] Ник[олаем] Ник[олаевичем], я окончательно убедился в этом. Пишу сам, чтобы вы от меня первого узнали. Тяжело мне высказать это решение, когда еще вчера видел Вас. Столько лет поработали мы вместе, и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сердечно за всю вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников. Сдайте пока вашу должность [А.П.] Вернандеру. Господь с Вами.

Уважающий Вас Николай“.

Спасибо дорогому государю за это ласковое слово. Телеграфировал в Ставку — его величеству, что должность сдал»⁵⁰⁰.

По словам А.Ф. Редигера, не верить которым нет ни малейшего основания, «это письмо, чисто личное, конечно, не предназначалось для огласки, но Сухомлинов показывал его всем желающим, и копии с него скоро стали курсировать в обществе»⁵⁰¹. Это было с его стороны большой неосторожностью, поскольку Николай II, оставшийся относительно сменя военного министра, между прочим, лишь скудную запись за 12 июня о прибытии к нему назначенного управляющим Военным министерством генерала А.А. Поливанова⁵⁰², не мог не быть в курсе действий бывшего военного министра, которому он благоволил и отправляя в отставку.

Едва оправившись от политического нокаута, В.А. Сухомлинов стал заносить в свой дневник записи в иной тональности. 13 июня 1915 г. — «В моем лице великим князем Николаем Николаевичем „козел отпущения“ найден. <...> Слухи из Ставки доходят, что назначен будет Поливанов, а за его спиной, конечно, А.И. Гучков, — два моих приятеля! Бедная Россия!»⁵⁰³ (В этот день А.А. Поливанов был назначен управляющим Военным министерством, формально

военным министром он стал 10 сентября 1915 г.⁵⁰⁴) 14 июня — «Неудачами на войне воспользовались „думцы“ и учинили сдвиг правительства влево — через Ставку им удалось обновить Совет министров в этом направлении, и вслед за мин[истрами] внутр[енних] дел (5 июня на министерском посту был сменен Н.А. Маклаков⁵⁰⁵. — С. В.) и военным пойдут смены других. Надо ожидать, что за „кадетским“ Сов[етом] мин[истров] последует уже в чистом виде конституционное [правительство] и т. д.»⁵⁰⁶. (В некотором смысле бывшего военного министра можно признать провидцем.) 15 июня — «Надо ожидать периода „тягания ослиными канатами“, получен приказ о моем увольнении, завтра появится, вероятно, в печати. Действительно, есть в чем разобраться „беспристрастной Историей“. Получены сведения о ликованиях в Берлине, а провокатор А.И. Гучков трубит, что мое увольнение равносильно жестокому поражению немцев. Между прочим, последние говорят, что на мое увольнение они затратили огромные деньги»⁵⁰⁷. (Когда В.А. Сухомлинов успел пообщаться с немцами и с кем именно состоялся диалог, генерал в своем дневнике уточнить не соизволил.)

1 марта 1916 г., направляя дело В.А. Сухомлинова в 1-й департамент Государственного совета для решения вопроса о придании своего любимца суду, Николай I заметил: «Приходится принести эту жертву»⁵⁰⁸. 8 марта В.А. Сухомлинова уволили «по прошению» со службы с мундиром и пенсией, а 20 апреля арестовали по обвинению в злоупотреблениях и измене и заключили в Петропавловскую крепость⁵⁰⁹. В Ставке, как указал М.К. Лемке, к аресту отнеслись по-разному: «Большинство радо и видит в этом средство выгородить правительство, которое, признав негодяя, показало, что оно выше его; меньшинство осуждает такое *дискредитирование самого понятия власти* (курсив мой. — С. В.) и полагает, что оно на руку только революционерам и немцам. Единицы вносят еще и другие мысли: это признание, что мы проиграем войну, и потому заранее выставлена мишень и создан отвод народного грома. Другое мнение: это ловкий ход, чтобы удовлетворить общественное мнение...»⁵¹⁰ (военный юрист Р.Р. фон Раупах, принимавший участие в расследовании наиболее громких дел этого периода, со знанием дела посылал читателям своих мемуаров, что «„ловкость рук“ применялась у нас еще до замены сенаторских мундиров кожаными куртками»⁵¹¹). Однако тот, кто должен был радоваться громче всех остальных, уже давно находился на Кавказе.

На первый взгляд, 11 июня 1915 г. «Лукавый» и его товарищи из Государственной думы и Государственного совета могли праздновать победу: в Ставке даже начались разговоры о желательности повышения роли Николая Николаевича в руководстве армией и страной, а также отстранения от государственных дел императрицы⁵¹², которую великий князь считал целесообразным заточить в монастырь⁵¹³.

Однако, как это ни «парадоксально», отставка В.А. Сухомлинова не остановила неудачи на фронтах. Искусственно созданное «общее убеждение, что высший командный состав с великим князем Николаем Николаевичем и его начальником штаба генералом Янушкевичем во главе не могли быть ответственными за неудачи, когда их окружали измена и предательство»⁵¹⁴, рано или поздно должно было лопнуть. Ставка при поддержке Государственной думы старательно сваливала вину за все поражения на отправленного в отставку военного министра, однако «атмосфера» вокруг Верховного главнокомандующего продолжала «сгущаться»⁵¹⁵. Чинам Ставки самим казалось, что все «катится в пропасть» и остается лишь надеяться на чудо⁵¹⁶.

В августе 1915 г. Ставку пришлось переносить из Баранович в Могилев, причем переезд был организован неудачно. По свидетельству князя Н. Кудашева, «одной из особенностей» его «было то, что сам великий князь и „стратегическая“ часть его штаба, т. е. генерал-квартирмейстерская часть, выехали первыми, оставив позади всех остальных. Ввиду отхода назад (и при наступлении так же. — С. В.) мне бы казалось более логичным оставлять „стратегическую“ часть ближе к войскам, а отослать остальных для заготовки нового места нахождения Ставки. Результатом этого произошла путаница, и вместо того, чтобы уже быть на месте, я, после суток пребывания в Могилеве, пишу Вам еще из вагона, т. к. помещение для канцелярии еще не готово. Это не имело бы значения, если не служило бы показателем общей сумятицы, объясняемой, между прочим, и упадком духа наших генералов»⁵¹⁷.

Если Н.Н. Янушкевич высказал Н. Кудашеву «довольно откровенно невозможность улучшения нашего положения», то Николай Николаевич, напротив, имел «вид бодрый и даже веселый», по всей видимости скрывая «чувства горечи и разочарования, которые не могут не вызывать в нем события на театре военных действий»⁵¹⁸. Это — при посторонних. По свидетельству о. Георгия Шавельского, после падения крепости Ковно Николай Николаевич «полулежал на кровати, спустивши ноги на пол, а голову уткнувши в подушки, и весь вздрагивал...»⁵¹⁹. Ответственные сотрудники Ставки заметили: «Трудные дни на фронте, во время неудач, великий князь переживал очень тяжело, видно было, что он страдал»⁵²⁰. Это при том, что незадолго до войны сам великий князь, посетив крепость, прямо заявил: «Название „Ковно“ следует заменить на „говно“»⁵²¹.

В любом случае с падением В.А. Сухомлинова не мог удержаться на не по способностям занимаемом посту генерал Н.Н. Янушкевич, а поражения русской армии нуждались в еще одной ритуальной жертве, которой должен был стать фактический начальник штаба Верховного генерал Ю.Н. Данилов. Георгий Шавельский свидетельствует в своих воспоминаниях, что летом 1915 г. Николай II, по его собственному заявлению, предлагал Николаю Николаевичу заменить

Н.Н. Янушкевича и Ю.Н. Данилова, однако великий князь отказался. «Получился заколдованный круг, — прокомментировал высочайшее заявление протопресвитер, — великий князь не хотел сменять Янушкевича и Данилова, ибо они были избраны самим государем; государь не сменил их, ибо великий князь не желал смены». Георгий Шавельский полагал, что соответствующий разговор Николая II с дядей имел место в июне 1915 г.⁵²² Так или иначе, император понимал, что и в Ставке не обойтись без серьезных кадровых изменений. Собственно, в своем августовском послании С.Д. Сазонову князь Н. Кудашев указывал на разговоры в Ставке «о предстоящем уходе» и Н.Н. Янушкевича, и Ю.Н. Данилова⁵²³. При этом «оба генерала как-то притихли и точно не находят себе занятий. Янушкевич, который, бывало, по целым суткам просиживал за бумагами, теперь открыто говорит, что у него дела нет. А Данилов иногда по часам отсутствует из своего управления!»⁵²⁴.

Овеянный славой (примерно такой же славой, какой был оваян, по справедливому замечанию М.К. Лемке, генерал Н.В. Рузский, который, «командуя армией в Галиции на Юго-Западном фронте, проделал штуку, которая очень характерна вообще для наших больших военных: во-первых, забыл об интересах русской армии и очень [хорошо] помнил об интересах генерала Рузского; во-вторых, не исполнил отданного ему приказа, сознательно его нарушив»⁵²⁵) А.А. Брусилов писал впоследствии, что в армии знали: «великий князь неповинен в тяжелом положении армии, и верили в него как в полководца»⁵²⁶. Однако председатель IV Государственной думы, по выражению А. Нокса, «добрая душа»⁵²⁷ (скорее — бестолковая) М.В. Родзянко, относившийся к великому князю с огромной симпатией, с сожалением зафиксировал в своих воспоминаниях совсем иное: «Вера в великого князя Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствие плана, отступление, граничащее с бегством, — все доказывало бездарность начальника штаба при Верховном генерале Янушкевича. Великий князь должен был давно заменить его [М.В.] Алексеевым, бывшим начальником штаба у генерала [Н.И.] Иванова во время нашего наступления в Галиции, а затем главнокомандующим Западного фронта. На этом имени сходились решительно все. Я писал об этом великому князю, горячо убеждая его оставить [Н.Н.] Янушкевича и взять на его место Алексеева»⁵²⁸. Сошедшийся с М.В. Алексеевым в бытность его главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта, А.И. Гучков характеризовал генерала как «человека большого знания» и «широкого государственного ума», но с недостаточно «сильной волей, недостаточно боевым темпераментом для преодоления тех препятствий, которые становились на пути», работника «усердного, но разменивающего свой большой ум и талант часто на мелочную канцелярскую работу»⁵²⁹ и этим хоронившего себя как по-

литика. М.В. Алексеев успел зарекомендовать себя в качестве талантливой штабного руководителя. По свидетельству М.К. Лемке, генерал Алексеев обладал «изумительной»⁵³⁰ памятью; «за долголетнюю службу обыкновенного строевого офицера Алексеев хорошо изучил русского солдата, сознательно и глубоко воспринял своей чуткой и простой (так в тексте. — С. В.) душой богатство его духовных качеств, отлично узнал и русского офицера, убедившись на деле в его большой потенциальной силе. На себе самом и около себя Алексеев испытал и увидел недочеты военной организации, отражающиеся на спине солдата и на шее офицера совсем иначе, чем это кажется в штабных кабинетах. Таким образом, перед профессорами академии Алексеев предстал во всеоружии опыта и знания, которых так недостает громадному проценту молодежи, поступающей в академию сразу по истечении обязательного трехлетнего строевого стажа. Окончив курс академии по первому разряду в 1890 г., Алексеев пошел уже по обычной дороге офицеров Генерального штаба, но вскоре же стал занимать положения, уготованные судьбой далеко не для всех из них. С 1898 по 1904 г. был любимым офицерами профессором той же академии, а ныне состоит почетным членом ее конференции. В [Русско]-японскую войну Алексеев показал свои способности, будучи генерал-квартирмейстером Маньчжурской армии, а окончательно убедил в них в 1912 г., когда при известии о мобилизации в Австрии в Санкт-Петербурге была устроена „военная игра“ призванных туда командующих пограничными военными округами и их начальников штабов. Его решение поставленной тогда задачи показало, насколько он выше других, и тогда же было решено, что на случай войны с Австрией Алексеев будет начальником штаба фронта армий, направленных против нее. Он деятельно стал готовиться к этой роли. Таким образом, назначение в июле 1914 г. не застало его врасплох — за эти годы им все было изучено, все было подготовлено»⁵³¹. По словам Лемке, «вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич ценил Алексеева как глубокого знатока военного и стратегического дела, подчеркивал свое к нему расположение, называл его на „ты“, что в их обстановке значит много. Когда надо было распутывать Лодзинскую операцию, Николай Николаевич вызвал Алексеева с Ю[го]-Зап[адного] фронта в Варшаву и, устранив своих „стратегов“... принял весь его план. Николай Николаевич несколько раз ездил сам или отправлял Янушкевича и Данилова (или ездил с ними же) на Северо-Зап[адный] фронт к Алексееву за советами и потом писал царю, что благодаря ему поступили так-то или так-то, вышли из такого-то положения»⁵³². Однако прав оказался в своем августовском прогнозе 1915 г. князь Н. Кудашев: «Чем больше будет перемен, тем меньше будет изменений», «новая метла не будет лучше старой»⁵³³. Н.Н. Янушкевича, по крайней мере, «все очень любили»⁵³⁴ в штабе Верховного.

Николай Николаевич своими действиями, в числе которых было стойкое неприятие Г. Распутина, вызвал ненависть Александры Федоровны. 25 июня она писала супругу: «Я ненавижу твоё пребывание в Ставке, и многие разделяют мое мнение, т. к. ты там не видишь солдат, а слушаешь советы Н[иколаши], которые не хороши и не могут быть хорошими. Он не имеет права себя так вести и вмешиваться в твои дела. Все возмущены, что министры ездят к нему с докладом, как будто бы он теперь государь»⁵³⁵. Зная, что император, только на первый взгляд податливый, не в полном объеме разделяет ее точку зрения, Александра Федоровна писала: «Все неудачи падут на его (Николая Николаевича. — С. В.) голову, но во внутренних ошибках будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вместе с тобой»⁵³⁶. Протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях констатировал: «За первый же год войны, гораздо более неудачной, чем счастливой, [Николай Николаевич] вырос в огромного героя, перед которым, несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, преклонялись, которого превозносила, можно сказать, вся Россия. Недаром ведь летом 1915 г., в самый разгар неудач на фронте, его слава испугала и царя, и царицу»⁵³⁷.

Тяжелая обстановка на фронтах, страстное желание Николая II самому встать во главе армии, заклинания Александры Федоровны «быть твердым и держаться своего мнения»⁵³⁸ и недоверие к дяде в конце концов сделали свое дело. Не позднее 4 августа⁵³⁹ император, вопреки советам, решился на смещение с поста Верховного главнокомандующего Николая Николаевича, однако вместо того, чтобы найти другого кандидата на извечную для Руси роль «козла отпущения», не нашел ничего лучшего, нежели взвалить непосильный груз ответственности за судьбу армии на собственные плечи. По мнению О.Р. Айрапетова, в определенной степени на данное решение Николая II повлиял тот факт, что к лету 1915 г. «лично возглавляли свои вооруженные силы»⁵⁴⁰ почти все монархи, стоявшие во главе стран — участниц Первой мировой войны. Б.И. Колоницкий констатировал, что «важное политическое решение недолго оставалось секретом для политической элиты», причем известие явилось для министров настоящим «потрясением». В течение нескольких последующих дней большинство членов правительства делало все возможное, чтобы убедить царя отказаться от принятого им решения или, по крайней мере, приостановить его осуществление»⁵⁴¹.

Николай II намекнул на свое решение дяде, потребовав от него удаления с поста начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича — «под давлением Госуд[арственной] думы»⁵⁴². Обладавший политическим чутьем Николай Николаевич не мог не понять, что Государственной думе, а персонально — ее председателю М.В. Родзянко и серому кардиналу А.И. Гучкову, по определению

интересен не начальник штаба, а сам Верховный: аппаратный намек был слишком явным.

Когда 12 августа Николай II лично сообщил свое решение вдовствующей императрице Марии Федоровне, та пустила в ход свой последний козырь. Она прямо заявила: если сын «сделает это, все увидят, что это приказ Распутина»⁵⁴³. Поскольку важным элементом презентации действующего Верховного главнокомандующего был образ воинственного русского патриота и ненавистника немцев, в российском общественном сознании Николай Николаевич «воспринимался как чуть ли не единственный видный государственный деятель, последовательно противостоящий могущественной придворной „немецкой партии“», которая якобы стремилась «заключить сепаратный мир»; «точно так же, только со знаком „минус“», как «убежденного панслависта и ярого ненавистника немцев», оценивала позицию Николая Николаевича пресса противников нашей страны в Первой мировой войне⁵⁴⁴. В ответ на замечание Марии Федоровны император густо «покраснел»⁵⁴⁵, однако своего решения по обыкновению не изменил. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко вспоминал, как на приеме в Царском селе он поведал императору о желании «видеть на месте Янушкевича генерала Алексева». В ответ на это Родзянко «ко своему ужасу услышал: „Я решил бесповоротно удалить в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича и стать самому во главе войск“. — „На кого Вы, Государь, поднимаете руку? Вы, верховный судья, а если будут неудачи, кто будет Вас судить? Как можете Вы становиться в подобное положение и покинуть столицу в такое время? Ведь в случае неудач опасность может угрожать и Вам, Государь, и всей династии“. Государь не хотел слушать никаких доводов и твердо заявил: „Я знаю. Пусть я погибну, но спасу Россию“»⁵⁴⁶. В условиях тяжелой войны Иов многострадальный был Российской империи явно противопоказан.

Не позднее 16 августа Николай Николаевич передал по телеграфу свое пожелание об отправлении Н.Н. Янушкевича на Кавказ помощником по военной части. Император (не исключено, что все-таки ошибочно) расценил, что именно туда его и просит отправить после снятия с поста Верховного главнокомандующего дядя⁵⁴⁷. 16 августа 1915 г., в 10 ч 38 мин дня Николай II телеграфировал из Царского Села Николаю Николаевичу: «*До моего приезда* (курсив мой. — С. В.) прошу тебя распоряжаться всеми войсками по-прежнему. Перерыва в этом быть не может. Желаю, чтобы... генерал Алексеев отбыл в Могилев для занятия должности начальника штаба. На назначение генерала Янушкевича помощником по военной части на Кавказ согласен. *Николай*»⁵⁴⁸.

17 марта Николай II собственноручно написал «Быть по сему» на «Законе об особых совещаниях», в соответствии с которым под председательством военного министра учреждались «особые совещания

для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов»⁵⁴⁹. В состав Особого совещания входили: «1) председатель Государственного совета; 2) председатель Государственной думы; 3) девять членов Государственного совета и девять членов Государственной думы, по избранию сих установлений, по принадлежности; 4) представители от министерств — Морского, Финансов, Путей сообщения и Торговли и промышленности и от Государственного контроля, по одному от каждого ведомства, назначаемые главными начальниками подлежащих ведомств по соглашению с военным министром; 5) пять представителей от Военного министерства по назначению военного министра; 6) представители Всероссийских земского и городского союзов, по одному от каждого, по избранию их комитетов и 7) четыре представителя Центрального военно-промышленного комитета по его избранию»⁵⁵⁰.

18 августа в 3 ч 50 мин дня из Петрограда в Ставку полетела следующая телеграмма военного министра А.А. Поливанова: «Государь император соизволил подписать сегодня указы о назначении генерала Янушкевича помощником по военной части наместника на Кавказе и генерала Алексеева — начальником штаба Верховного главнокомандующего. Определение времени для отбытия генерала Янушкевича по сдаче им должности государь император предоставляет Вашему Императорскому Высочеству, изъявляя желание принять генерала Янушкевича, если он поедет через Петроград. *Генерал Поливанов*»⁵⁵¹. Отец Г. Шавельский, правда, написал в воспоминаниях о том, что А.А. Поливанов вроде бы лично передал «дорогому Николаше» императорское письмо с «прощением... за все ошибки»⁵⁵², главной из которых — об этом в послании не говорилось — было, по всей видимости, участие в давлении на императора по поводу ультиматума Австро-Венгрии Сербии.

Николай II прекрасно понимал все возможные последствия своего решительного шага: по мнению Б.И. Колоницкого, он отложил принятие на себя поста именно вследствие ожидания новостей о поражениях русских войск: принятие «командования накануне неизбежных военных неудач было бы крайне неразумно»⁵⁵³. Добавим, что весть о поражениях армии, которая разлетелась бы вслед за высочайшим манифестом, в патриархальной стране была бы вдобавок воспринята как дурное предзнаменование.

20 августа на заседании Совета министров, по воспоминаниям С.Д. Сазонова, «все мы поочередно» высказались против принятия Николаем II поста Верховного главнокомандующего, причем среди министров «не нашлось ни одного, кто покривил бы душой. Одни с большей, другие с меньшей живостью, но все с одинаковой свободой

раскрыли перед государем отрицательные стороны задуманного им плана»⁵⁵⁴. Якобы даже председатель Совета министров И.Л. Горемыкин (в этом есть основания усомниться), привыкший «относиться ко всему, как к пустякам, не заслуживающим внимания»⁵⁵⁵, выразил императору «свои опасения по поводу риска, связанного с его появлением на фронте в активной роли главнокомандующего. Когда очередь дошла до меня, я высказал мысль, что функция Верховного Вождя всех вооруженных сил Империи гораздо шире, чем обязанности [Верховного] главнокомандующего, т. к. они охватывают не только фронт, но и глубокий тыл армии, куда глаз главнокомандующего не в силах проникнуть, не говоря уже о том, что они распространяются на всю систему обороны страны, не исключая ее морских сил. Я прибавил, что совмещение этих двух функций в одном лице рисковало развить значение одной из них в ущерб другой и что мне казалось, что следовало стремиться не к ослаблению той или другой, а к их сотрудничеству, что было достижимо только при условии их раздвоения. Я полагал при этом, что Верховный Вождь военных сил Империи должен был, по означенным соображениям, пребывать в центре государственного управления, не покидая его в такую ответственную минуту»⁵⁵⁶.

21 августа, по воспоминаниям С.Д. Сазонова, у него «собрались все министры, за исключением военного и морского, которым мундир не позволял принимать участие в подобных шагах, но которые вместе с тем выразили сочувствие нашему почину. По общему желанию обер-прокурор Синода Самарин взял на себя составление письма государю, излагавшего нашу просьбу»⁵⁵⁷ — не принимать на себя поста Верховного главнокомандующего: «Всемиловейший Государь, не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к Вам и к Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий. Вчера на заседании Совета министров под личным Вашим председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был устранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России. Государь, еще раз осмеливаемся сказать Вам, что принятие такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и Династии Вашей тяжелыми последствиями. На том же заседании воочию сказалось коренное разногласие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри России событий в установлении образа действий правительства. Такое положение во всяком случае недопустимо, а в настоящие дни — гибельно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с осознанием пользы служить Вам и Родине. П. Харитонов, А. Кри-

вошеин, С. Сазонов, П. Барк, кн[язь] Н. Щербатов, А. Самарин, гр[аф] П. Игнатъев, кн[язь] Вс. Шаховской»⁵⁵⁸. Управляющий МВД князь Н.Б. Щербатов признался в своих воспоминаниях: «Мы (подписавшие коллективку. — С. В.) полагали, что государь лично, не обладая никакими способностями, [ни] военными, ни тактическими, ни стратегическими (так в тексте. — С. В.), ничего не внесет полезного в смысле военном, но внесет в Ставку все отрицательные стороны, которые всегда Двор при[в]носит в военную среду; это раз. Затем, пребывание царя в Ставке технически делало невозможным правильное управление страной. <...> А затем, отдавали себе отчет, что оставление императрицы [в столице] могло грозить стремлением в той или иной форме, если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно»⁵⁵⁹. По словам С.Д. Сазонова, реакция Николая II на совершенно немыслимое, по его представлениям, обращение была предсказуема: открытого возмущения не последовало, однако «в течение следующего года» шесть из восьми подписавших коллективное обращение были «с известной постепенностью»⁵⁶⁰ смещены с занимаемых постов. (Тут, правда, дипломат позабыл поведать читателям своих мемуаров о предпринятой 16 сентября в Ставке министрами во главе с самим С.Д. Сазоновым как неформальным лидером попытке давления на императора, по поводу которой Николай II, в кой-то веки едва не выйдя из себя, спросил: «Что это, забастовка против меня?»⁵⁶¹)

Октябрист, депутат Государственной думы, а также талантливый офицер-генштабист⁵⁶² Б.А. Энгельгардт⁵⁶³ отметил позднее в своих воспоминаниях: «В Николае II было развито чувство долга — правда, своеобразно понятого. Он считал, что должен разделить тяготы войны с каждым солдатом армии, и наивно думал, что он это осуществит, переехав в Могилев и выслушивая ежедневно доклады начальника штаба о положении на фронте. Однако на его решении возглавить армию еще больше сказало опасение, которое в нем усиленно поддерживала жена, что если Николай Николаевич победоносно закончит войну, то его популярность возрастет настолько, что он начнет мечтать о престоле. [...] Царь всегда ревниво относился к популярности своих родственников и министров, как ни странно, видя в них умаление своего авторитета. Он готов был даже подзрывать верноподданного князя в покушении занять престол»⁵⁶⁴. Воспоминания отражают представление о действиях Николая II и Николая Николаевича определенного спектра членов Государственной думы. Видимо, отнюдь не все видели в словах и делах дяди императора реальный политический подтекст. Подчеркнем и частичную правоту прогноза Марии Федоровны в оценке обществом решения императора: действительно, принятие на себя поста Верховного были склонны «списать» если не на Г.Е. Распутину, то уж во всяком случае на пагубное влияние Александры Федоровны.

Николай Николаевич, заранее предупрежденный о своем снятии, как выразился князь Н. Кудашев в письме С.Д. Сазонову от 22 августа, «не подавал вида, что желал бы сохранить Верховное [главно] командование»⁵⁶⁵, а император распорядился Николаю Николаевичу не сразу уехать, дабы не сложилось впечатление «бегства» великого князя. (Интересно, а почему, собственно, такое должно было сложиться?)

23 августа в 15 ч 30 мин император «прибыл в свою Ставку в одной версте от гор. Могилева»⁵⁶⁶. Николай Николаевич, как написал Николай II Александре Федоровне, «вошел с доброй радостной улыбкой и просто спросил, каков будет мой приказ о времени его отъезда. Я ответил в том духе, что он может остаться на два дня; затем мы поговорили о проблемах, связанных с военными операциями, о некоторых генералах и т. д., и это *все*»⁵⁶⁷. Последние три слова наводят на мысль о том, что император был уверен в значительно меньшей готовности Николая Николаевича подчиниться монаршей воле.

В данном случае будет уместно привести своеобразное описание вступления Николая II в Верховное главнокомандование М.К. Лемке. Ошибка датировки: 21 августа вместо 23-го — наводит на мысль, что перед нами — направленная информация, сочиненная постфактум. Император вроде бы «начал [разговор] странным вопросом:

— А когда же ты уезжаешь?

Николай Николаевич изменился в лице и, поняв все сразу же, ответил:

— Когда прикажете, хоть завтра.

— Нет, завтра не надо, поезжай позже.

— Слушаю. А быть мне завтра при докладе?

— Да, завтра (послезавтра уже не надо. — С. В.) будь.

На следующий день, 22 августа, царь уже не звал его на доклад 23-го числа. За эти дни и Николай Николаевич, и главным образом Алексеев очень отговаривали государя от принятия на себя Верховного [главно]командования, но их доводы не изменили его упрямого решения»⁵⁶⁸. М.К. Лемке интерпретировал увиденное в том смысле, что «когда великий князь попросил царя назначить Янушкевича на Кавказ, он вовсе не думал, что создавал там помощника именно себе. Он полагал, что останется при царе фактическим главнокомандующим, и очень радовался назначению Алексеева как своего непосредственного сотрудника»⁵⁶⁹.

На наш взгляд, если эпизод не выдуман полностью, дело было в ином. Материалы личного фонда большевистского деятеля Л.Б. Каменева (РГАСПИ. Ф. 323) наводят на мысль о том, что, вопреки уверениям в обратном, М.К. Лемке тщательно «отредактировал», т. е. переписал, свой дневник для публикации, которая состоялась в 1920 г. Как выясняется из неопубликованных документов, руководящее ядро большевистской партии оказало ему некое «доверие»: при Советской

власти бывший военный цензор был арестован и заключен в Петропавловскую тюрьму, однако после ходатайства об освобождении, направленного Л.Б. Каменеву⁵⁷⁰, выпущен на свободу — скорее всего, на совершенно определенных условиях. С Каменевым Лемке вел позднее переписку об издании отдельных произведений А.И. Герцена и по другим издательским вопросам⁵⁷¹. В советской редакции дневника М.К. Лемке попросту сделал вид, что он не понял весь смысл первого диалога Николая II с Николаем Николаевичем. Сравните: 1) из дневника самого М.К. Лемке: когда он прибыл в Ставку, «рука [Николая II] была подана мне после представления. [Император проследовал] дальше. Ветеринар тоже рапортует. Царь вспоминает, что видел его в 1912 г. в Сувалках. Память его на подобный вздор, по общим отзывам, поразительна»⁵⁷²; 2) из воспоминаний графа А.А. Игнатьева: «Со мной [Николай II] сразу блеснул своим самым сильным качеством — памятью, вспомнив, что его отец сделал для меня исключение, разрешив окончить Киевский корпус взамен общих классов Пажеского корпуса»⁵⁷³. То, что М.К. Лемке тут считал «вздором», А.А. Игнатьев считал деталью важной. Почему мы написали, что военный цензор при большевиках «старательно делал вид, что он не понял»? — Потому что на самом деле М.К. Лемке все понимал, свидетельством чему запись от 30 января 1916 г.: «Читатель, может быть, удивлен, зачем я часто отмечаю подобные мелочи. Да просто потому, что они всегда имеют значение при нашем строе и при положении, которое занимает царская фамилия, при ее постоянных интригах и при той роли, которую играют истинные работники. Такие мелочи наряду с серьезными документами будут освещать вопросы будущему историку гораздо конкретнее, чем то можно было бы сделать без них. Кажущееся мелочью одному весьма важно для другого, ищущего нескольких дополнительных штрихов к составленной уже им картине. Дневник именно и дорог своей мозаичностью, повторяющей мозаичность текущей жизни»⁵⁷⁴.

Если верить записи М.К. Лемке, при приезде в «свою Ставку» обыкновенно отличавшийся излишним для «Хозяина земли Русской» тактом император начал разговор со «странного», по признанию М.К. Лемке, вопроса. Николай Николаевич действительно понял «все сразу же», но не то «все», о котором счел необходимым поведать советским читателям М.К. Лемке. Николай II при подчиненных, в т. ч. при прожженных дворцовых интриганах, продемонстрировал дядюшке свое истинное к нему отношение и дал тем самым понять великому князю, что его политическая карта бита. М.К. Лемке знал, что «истинная причина его (Николая Николаевича — С. В.) удаления... — боязнь, что при надвигающейся революции чрезвычайно популярный в армии и народе великий князь неожиданно для всех займет первенствующее положение. Каждый его шаг давно рассматривался именно под этим углом будущей узурпации

трона»⁵⁷⁵. Однако развивать заложенную в «мозаичном» рассказе мысль штабс-капитан не стал, видимо, потому, что сам он искренне считал Николая Николаевича «принципиальным и глубоким монархистом», «именно поэтому» не способным занять «трон незаконным образом»⁵⁷⁶. В то время как именно будучи «принципиальным и глубоким монархистом», Николай Николаевич прекрасно понимал, что имеет место *глубокий династийный кризис*: сам император не молод, наследник смертельно болен, Михаил Александрович к занятию государственными делами такого уровня не годен — правда, Николай Николаевич к ним был способен ничуть не больше, зато у него, по крайней мере, был представительный вид и ореол радетеля во благо России. По всей видимости, Николая Николаевича не смущал даже тот факт, что сам он из великих князей был самым возрастным.

Не исключено, конечно, что М.К. Лемке сочинил эпизод полностью, однако его «дневниковая запись» возникла явно не на пустом месте: в Ставке прекрасно понимали, что реальные (а не показные) отношения дяди и племянника были от идеальных далеки. Так или иначе, дневник Николая II, в котором император никак себя не раскрывает и раскрывать не может, поскольку великокняжеский дневник как исторический источник не более чем запись последовательности событий и встреч и переписка государя с Александрой Федоровной, в которой самодержец приоткрывает завесу тайны над собственным восприятием реальности, демонстрирует высочайшее недоверие к Николаю Николаевичу и глубокое облегчение, что принятие Ставки произошло без эксцессов.

24 августа Николай II подписал несколько актов, устанавливавших перемены в верховном командовании армиями, — что интересно, датировав вчерашним днем⁵⁷⁷. Если Николай Николаевич «и главным образом Алексеев» (дневниковая запись М.К. Лемке) и уговаривали императора назначить Верховным кого-либо другого, то у него/них был на это только день приезда племянника. По свидетельству А.А. Поливанова, «начальник штаба поднес ему к подписанию проект приказа армии и флоту, составленный в обычных выражениях: „Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий“. Но этот текст был признан недостаточным, и на поднесенном проекте [Николаем II] было собственноручно добавлено: «С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты родины до конца и не посрамим земли Русской»»⁵⁷⁸. Николаю Николаевичу был адресован следующий высочайший рескрипт: «Ваше Императорское Высочество. Вслед за открытием военных действий причины общегосударственного характера не дали Мне возможности последовать душевному Моему влечению и тогда же лично стать во главе армии, посему Я возложил Верховное ко-

мандование всеми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высочество. На глазах всей России Вашим Императорским Высочеством проявлена на войне непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое доверие и молитвенные пожелания Мои и всех Русских людей, неизменно сопутствовавшие Вашему Имени при неизбежных превратностях боевого счастья. Возложенное на Меня свыше бремя Царского служения родине повелевает Мне ныне, когда враг углубился в пределы Империи, принять на Себя Верховное командование действующими войсками и разделить боевую страду Моей армии и вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую Землю. Пути Промысла Божьего неисповедимы, но Мой долг и желание Мое укрепляют Меня в этом решении из соображений пользы Государственной. Усилившееся вторжение неприятеля с Западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение всей военной и всей гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением всех частей Государственного управления (подчеркнуто нами. — С. В.), отвлекая тем внимание от нашего Южного фронта. Признавая при сложившейся обстановке необходимость Мне Вашей помощи и советов по нашему Южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество Наместником Моим на Кавказе и Главнокомандующим доблестною Кавказскою армиею, выражая Вашему Императорскому Высочеству за все Ваши боевые труды глубокую благодарность Мою и Родины. Пребываю к Вам неизменно благосклонный и искренно *и сердечно Вас любящий Николай*. Ставка, 23 августа 1915 года»⁵⁷⁹.

В свою очередь издал от себя приказ и великий князь Николай Николаевич: «Сегодня во главе вас, доблестные армия и флот, стал САМ ДЕРЖАВНЫЙ ВЕРХОВНЫЙ ВОЖДЬ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР. Преклоняясь перед вашим героизмом за более чем год войны, шлю вам Мою душевную сердечную, горячую благодарность. Твердо верю, что, зная, что САМ ЦАРЬ, КОТОРОМУ вы присягали, ведет вас, вы явите новые, невиданные доселе подвиги и что Господь от сего дня окажет своему Помозаннику Свою всесильную помощь, дарующую победу. Генерал-адъютант Николай»⁵⁸⁰.

Николай II отписал супруге 25 августа: дядя «был очень разговорчив и в хорошем настроении». Однако объяснение готовности Николая Николаевича уступить императору Верховное главнокомандование было простое, как следует из того же письма: «Мы много говорили о Кавказе, ему он нравится, он интересуется народом и прекрасной природой, но он умоляет не оставлять его там надолго после войны (курсив мой. — С. В.)»⁵⁸¹. Дядя, который, как и все в Российской империи, да и за ее пределами, что важно ввиду отношений с союзниками, знал, что назначения на Кавказ — традиционный вид ссылки, очень хотел поскорее из нее вернуться (если не в Петроград, то хотя бы в горячо любимое имение Першино Туль-

ской губернии⁵⁸²), а потому старательно делал вид, что рад племяннику до смерти.

25 августа 1915 г. в 2 часа Николай Николаевич собрал весь штаб, чтобы попрощаться. Очень волновался. Сказал примерно следующее: «За всю мою службу за мной утвердилось мнение о моей требовательности и строгости. Между тем вы со мной прослужили целый год и никому из вас ни разу не пришлось услышать от меня упрека или замечания. Это лучшее доказательство того, как хорошо вы исполняли ваши обязанности. *Но теперь, что вы будете иметь счастье служить под верховным командованием самого государя императора*, я уверен, что вы с еще большей энергией приметесь за работу, и я глубоко убежден в ее плодотворности и конечном успехе ее. За прошлые труды сердечно благодарю, и в лице Михаила Васильевича (Алексеева. — С. В.) позвольте поцеловать вас всех»⁵⁸³. Выделенные курсивом слова, по свидетельству записавшего их князя Н. Кудашева, «были им сказаны с большим подъемом — вероятно, отчасти, чтобы скрыть свое волнение — и это вышло очень красиво и произвело глубокое впечатление на всех»⁵⁸⁴. При этом собранные Николаем Николаевичем чины и сам великий князь прекрасно понимали, что при новом руководстве чистка в штабе — вещь неизбежная. (И точно: на следующий день были задеты «многие личные интересы» и, как следствие, в штабе царило «полное уныние»⁵⁸⁵.)

Как написал князь Н. Кудашев С.Д. Сазонову, «в 3 часа уехал ген[ерал] Данилов, а в 6 — сам великий князь. Провожать великого князя приехали: начальник штаба и начальники отдельных частей, в т. ч. и я. Затем подъехал в автомобиле государь со свитой. Отъезд вышел очень простым и очень торжественным»⁵⁸⁶. Император зафиксировал в дневнике: «После чая поехал на станцию проводить Николашу и Петюшу (младшего брата Николая Николаевича. — С. В.); они уехали в 6 час. в его имение Першино»⁵⁸⁷. Провожавший дядю на Кавказ император, «так же [как и Николай Николаевич] отдавая честь», демонстративно «оставался на платформе до тех пор, пока поезд не прошел»⁵⁸⁸. Супруге Николай II написал следующее: «Слава Богу, все кончено, и я здесь с новой тяжелой ответственностью на своих плечах! Но воля Господа должна быть исполнена. Я чувствую такое спокойствие, какое испытываешь после Святого Причастия!»⁵⁸⁹

Когда был издан приказ по армии и флоту, в котором Николай II объявил о своем решении стать во главе войск, до смерти обрадованный смещением Николая Николаевича В.А. Сухомлинов, по всей видимости, искренне пожелал «Бога в помощь нашему дорогому царю!»⁵⁹⁰, однако «многие» представители политической верхушки российского общества, по свидетельству М.В. Родзянко, были в настоящей «панике... от этого акта»⁵⁹¹, который рассматривался не иначе, как шаг «к революции»⁵⁹².

А.А. Игнатьев констатировал в своих воспоминаниях: «Каким бы самодуром ни был Николай Николаевич, какими бы ничтожествами после потери им своего бесценного сотрудника Палицына он себя ни окружал, все же этот породистый великан был истинно военным человеком, имевшим большой авторитет в глазах офицерства, импонировавшим войскам уже одной своей выправкой и гордой осанкой. До какого же безумия мог дойти царь, этот полковник с кругозором командира батальона, неспособный навести порядок даже в собственной семье, чтобы возомнить себя полководцем, принять ответственность за ведение военных операций миллионных армий, внести в работу Ставки зловредную атмосферу придворных интриг?! *Для меня это являлось началом конца*»⁵⁹³.

Мало кто из исследователей вслед за А.А. Керсновским, которого В.В. Поликарпов аттестует как «поклонника фашизма»⁵⁹⁴, а О.Р. Айрапетов считает «одним из лучших историков русской армии»⁵⁹⁵, расценивает решение императора «стать во главе армии... единственным выходом из создавшейся критической обстановки», поскольку «Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением — их надлежало срочно заменить, а за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь»⁵⁹⁶. Подавляющее большинство исследователей вслед за мемуаристами считает решение императора роковым и для династии, и для страны.

Самое печальное для России, что кадровых комбинаций у Николая II было немало.

Во-первых, можно было сохранить великого князя на посту, «подперев» его новыми начальником штаба Верховного и генерал-квартирмейстером: в конце концов, общественное мнение было настроено конкретно против генералов Н.Н. Янушкевича и Ю.Н. Данилова. Назначать лиц, изначально угодных Николаю Николаевичу, было совершенно не обязательно. Вместо Н.Н. Янушкевича, кстати, очень бы подошел высокомерный и спесивый А.А. Гулевич⁵⁹⁷, который, по наблюдениям А. Нокса, не вынося повседневный практический труд (вполне в духе самого Николая Николаевича), прекрасно умел подобрать себе исполнителей — собственно, он бы и нашел себе «своего» Ю.Н. Данилова. Он, быть может, и был «кабинетным военным» и «гостинным шаркуном», но при этом, пусть и «верноподданной», что само по себе неплохо, однако никак не «бесталанностью», как считал М.К. Лемке⁵⁹⁸ — поначалу: затем военный цензор убедился, что А.А. Гулевич при всем своем «барстве» работал «много» и сам по себе генерал был «умный человек, широко военно-образованный, понимающий часто с полуслова и не отказывающийся от своей власти»⁵⁹⁹.

Во-вторых, в условиях войны вполне можно было пойти и на решение более радикальное: назначить новым Верховным «незаслуженно» обиженного Николаем Николаевичем генерала Н.В. Рузско-

го — личность во всех отношениях примечательную. Как и Николай Николаевич, Н.В. Рузский обладал двумя несомненными достоинствами: во-первых, генерал «умел организовать работу других, поэтому у него самого всегда оставалось достаточно времени»⁶⁰⁰, во-вторых, он «быстро» схватывал «проблему». Именно это отличало (и отличает) настоящего руководителя от бюрократа николаевского типа — такого, каким был М.В. Алексеев, не умевший «выбирать людей»⁶⁰¹ и бравший на себя всё и загонявший себя тем самым в могилу. Более того, подчиненные Николая Николаевича опасались великого князя, подчиненные Н.В. Рузского — «боготворили»⁶⁰² своего генерала. Наконец, в политическом плане Н.В. Рузский ухитрился одновременно усесться в четыре кресла: 1) генерал вроде бы был «ставленником Сухомлинова»⁶⁰³, к которому император и после отправления военного министра в отставку продолжал испытывать искреннее расположение, не вполне доверяя сменившему любимого остролова А.А. Поливанову, назначение коего стало вынужденной уступкой Государственной думе (сам А.А. Поливанов в своих воспоминаниях утверждал со ссылкой на великого князя Николая Михайловича, будто бы Александра Федоровна, узнав о назначении генерала военным министром, прямо сказала: «Это только на короткое время, Ники его ненавидит»⁶⁰⁴; 2) при этом Н.В. Рузский каким-то образом умел использовать в своих интересах энергию М.В. Родзянко⁶⁰⁵; 3) при этом генерал Рузский умудрился быть и «близким другом генерала Поливанова, который, в свою очередь, считал Рузского самым грамотным генералом в русской армии»⁶⁰⁶; 4) Н.В. Рузский с его показными «простотой и скромностью... всегда умел поддерживать выгодные для себя отношения с печатью»⁶⁰⁷. Единственным недостатком Н.В. Рузского при таких несомненных достоинствах было его «слабое здоровье»⁶⁰⁸ — кстати, как и у А.А. Гулевича. В случае назначения Верховным главнокомандующим генерала Рузского император во всяком случае был бы застрахован от многочисленных сплетен, которые этот пролаз распустил в декабре 1915 г.⁶⁰⁹ При назначении Н.В. Рузского император мог заодно пренебречь старшинством и назначить начальником штаба Верховного М.Д. Бонч-Бруевича, являвшегося, несмотря на тот факт, что его брат был одним из первых соратников В.И. Ленина по созданию «партии нового типа», убежденным реакционером и имел стойкую репутацию черносотенца⁶¹⁰. Н.В. Рузский и М.Д. Бонч-Бруевич, несомненно, составили бы прекрасный «дуэт» в высшем руководстве армии, хотя работы у организатора охраны императора А.И. Спиридовича и его сотрудников и поприбавилось бы. Так или иначе, лучше держать подле себя хорошо известного своими возможностями интригана, нежели темную лошадку а-ля генерал Алексеев.

Можно было, кстати, и пренебречь интересами Отечества ради Власти, поставив Верховным Н.В. Рузского и дав ему «в помощь»

начальником штаба М.В. Алексеева (по свидетельству великого князя Андрея Владимировича, генерал Рузский и его окружение, в отличие от прочих видных военных, выступили против назначения Алексеева начальником штаба Верховного⁶¹¹). Первую мировую мы бы проиграли при любом политическом строе, однако, запряги Николай II в одну упряжку «коня и трепетную лань», не исключено, что Романовы правили бы и поныне. Однако для Николая II была бы оскорбительна самая мысль о подобном решении вопроса взаимодействия Армии и Власти в ходе войны.

Председатель Русского бюро ЦК РСДРП, старый большевик А.Г. Шляпников⁶¹², который как третий ликующий воспринял судьбоносное решение императора с еще большим энтузиазмом, чем генерал В.А. Сухомлинов, не отказал себе в удовольствии зло пошутить в большевистской статье (шутило, правду говоря, полстраны): «Царь во главе армии есть результат победы „партии за-немцев“, которая в борьбе за дворянские привилегии желает опереться на армию». И заявил: «Ник[олай] Ник[олаевич] был весьма сомнительной опорой, т. к. имеет свою „идею“ — сесть на место „племянника“»⁶¹³. Примечательно, что так полагали не только старые большевики: значительная часть общества, не исключая, судя по всему, и отдельных членов Императорской фамилии, рассматривала Николая Николаевича в качестве желательного кандидата на престол — даже после его снятия с поста Верховного главнокомандующего⁶¹⁴. Организатор охраны императора А.И. Спиридович вспоминал, что «после отъезда великого князя стало как-то легче. <...> Кто знал истинный смысл случившегося, крестился. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа»⁶¹⁵.

Армейскую верхушку, по свидетельству полковника Генерального штаба Н.Н. Головина, «в известной степени»⁶¹⁶ примирило с заменой Николая Николаевича на Николая II лишь назначение начальником штаба Верховного главнокомандующего вместо генерала Н.Н. Янушкевича генерала М.В. Алексеева, который, по мнению А. Нокса, «пользовался большим авторитетом военного ученого»⁶¹⁷. Многие смотрели на рокировку глазами М.К. Лемке: «Янушкевич и Алексеев — это два полюса: и по характеру, и по темпераменту, и по своему отношению к делу. Янушкевич — человек гостинной, мягкий до корня, где такой же воск и безволие, как на поверхности; веселый, оживленный собеседник на темы салонов Петербурга, человек внешних радостей легко складывавшейся для него жизни; военный и администратор по случаю, который толкнул его туда, а не в министерство двора, финансов или департамент герольдии; без проникновения в чуждое ему по существу дело, знающий его постольку, поскольку оно освещено соответствующим докладчиком; теоретик до ногтя, типичный офицер нашего генерального штаба, преисполненный внешней недоступности, заботы о декоре своего высокого

положения, по существу лентяй и, разумеется, как это должно быть при всех указанных качествах, человек, ведущий не всегда заметную политику по адресу своих возможных заместителей. Алексеев — человек рабочий, сурово воспитанный трудовой жизнью бедняка, мягкий по внешнему выражению своих чувств, но твердый в основании своих корней; веселье и юмор свойственны ему скорее как сатирику; человек, не умеющий сказать слова с людьми, с которыми по существу не о чем или незачем говорить, военный по всему своему складу, природный воин, одаренный всем, что нужно руководителю, кроме разве умения быть иногда жестоким; человек, которого нельзя себе представить ни в какой другой обстановке, практик военного дела, которое знает от юнкерского ранца до руководства крупными строевыми частями; очень доступный каждому, лишенный всякой внешней помпы, товарищ всех подчиненных, не способный (якобы. — С. В.) к интригам⁶¹⁸. М.В. Алексеев действительно ухитрился «сделать себе карьеру с самых низов исключительно благодаря личным заслугам»⁶¹⁹, однако как раз к интригам он был весьма и весьма способен⁶²⁰.

А.А. Брусилов полагал, что генерал Алексеев «обладал умом, большими военными знаниями, быстро соображал и, несомненно, был хороший стратег. Считаю, что в качестве начальника штаба у настоящего главнокомандующего он был бы безупречен, но у такого верховного вождя, за которого нужно было решать, направлять его действия, поддерживать его постоянно колеблющуюся волю, он был совершенно непригоден, ибо сам был воли недостаточно крепкой и решительной. Кроме того, он не был человеком придворным, чуждался этой сферы, и ему под напором различных влияний со всевозможных сторон было часто не под силу отстаивать свои мнения и выполнять надлежащим образом те боевые задачи, которые выпадали на русскую армию»⁶²¹. По убеждению Н.Н. Головина, М.В. Алексеев, сменивший Н.Н. Янушкевича на посту начальника штаба, «по существу говоря... и становился Верховным главнокомандующим»⁶²². Однако в данном случае, как это ни странно, и А.А. Брусилов, и Н.Н. Головин, видимо, не были достаточно хорошо информированы о происходящем в Ставке.

Отец Георгий Шавельский писал, что Николай II в 11 часов приходил в свой штаб на доклад, после которого оставался «наедине с генералом Алексеевым» — «они обсуждали и решали все вопросы, касавшиеся армии»⁶²³. Г. Шавельский сделал вывод о том, что «этим часовым докладом и ограничивалась работа государя как Верховного главнокомандующего»⁶²⁴, тем более что «за все пребывание государя в Ставке генерал Алексеев» только «один или два раза являлся во дворец с экстренным докладом»⁶²⁵. Однако в действительности за час любой вменяемый руководитель вполне способен направить деятельность своего зама. Был ли Николай II руководителем способным — вопрос дискуссионный. По наблюдениям военного цензора

М.К. Лемке, император «немало» мешал М.В. Алексееву «в разработке стратегической стороны войны и внутренней организации армии, но все-таки кое-что» генералу удавалось «отстоять от „вечного полковника“, думающего, что командование батальоном Преображенского полка является достаточным цензом для полководца. Многие Алексеев делает и явочным порядком, т. е. докладывает царю уже о свершившемся факте и поневоле получает одобрение — иногда с гримасой, иногда без нее. Иное дело личный состав: здесь царь имеет свои определенные мнения, симпатии и антипатии и сплошь и рядом решительно напоминает, что *назначениями хочет ведать сам* (курсив мой. — С. В.). Разумеется, такое вмешательство в значительной степени мешает и меняет все дело, всю мысль, а результаты получаются плачевные»⁶²⁶. Правда, данный пассаж из сочинения М.К. Лемке прямо противоречит другому: в записи за 25 сентября 1915 г., со слов М.С. Пустовойтенко, указано: «Прежняя Ставка, при Николае Николаевиче и Янушкевиче, только регистрировала события; теперешняя, при царе и Алексееве, не только регистрирует, но и управляет событиями на фронте и отчасти в стране»⁶²⁷. По утверждению занимавшего в 1915—1917 гг. должность помощника главного начальника военных сообщений Н.М. Тихменева, «государь не являлся... человеком, лишь безучастно утверждавшим предложения своего начальника штаба. Все мы, служившие в могилевской Ставке, знали, как ежедневно изучал он обстановку по совместным докладам начальника штаба и генерал-квартирмейстера... Человек быстро схватывающего ума и огромной памяти, государь ясно отдавал себе отчет в задачах русского фронта и союзной кампании. И своей державной властью решения этих задач он превращал в подлежащие исполнению директивы; на военных советах в Ставке он давал свободу всем мнениям и лично утверждал окончательное решение. Поездками на фронт он входил в близкое соприкосновение с начальниками и войсками, поднимал их дух и не уклонялся от опасности»⁶²⁸. Сам М.В. Алексеев воспринимал Верховного главнокомандующего как обузу, сетуя в посланиях супруге: «Ведь помощи [от императора] никакой нет. [Всё] идет одинаково — независимо от того, где находится царь, а у меня выгадывается ежедневно два-три часа времени, когда он в Ц[арском] С[еле], не говоря уже о возможности распределить время по удобству»⁶²⁹. Однако тут сказался тот факт, что как раз М.В. Алексеев был руководителем откровенно плохим, поскольку, напомним, был начисто лишен способности переложить часть работы на плечи подчиненных, которым он по природной мнительности не доверял. По убеждению А. Нокса, ошибка генерала Алексеева состояла в том, что «он пытался все сделать сам, при этом не обладая достаточной уверенностью в себе, позволяющей быстро принимать решения. Один из офицеров, которому довелось служить под началом Алексеева, назвал его „вторым Куропаткиным, который

ничего не может решить“. <...> Работая в Генеральном штабе, Алексеев продемонстрировал неумение перепоручать кому-то работу. Он все еще лично наносил на карту обстановку [на фронтах]⁶³⁰. Как пишет Георгий Шавельский, «генерал Алексеев нес колоссальную работу. Фактически он был и Верховным главнокомандующим, и начальником штаба, и генерал-квартирмейстером. Последнее не вызывалось никакой необходимостью и объяснялось только привычкой его работать за всех своих подчиненных»⁶³¹. Если руководитель одновременно «и Верховный главнокомандующий, и начальник штаба, и генерал-квартирмейстер» — значит, руководитель он откровенно плохой. Неудивительно, что, когда сам начальник штаба Верховного «надрывался над работой, его помощники почти бездельничали»⁶³². Ко всему прочему, по слухам, «если дела шли плохо», Алексеев «уединялся в своей спальне, где усердно молился, а его подчиненные в это время ожидали принятия решений»⁶³³. Что характерно, к М.В. Алексееву, как ранее к Николаю Николаевичу, прибывали министры⁶³⁴ — однако ни Александру Федоровну, ни ее супруга это почему-то не смущало.

Внук императора Николая I великий князь Александр Михайлович (под его началом в 1912—1914 гг., кстати, активно работал генерал А.А. Поливанов⁶³⁵), несколько недооценивая объективные факторы — положение на фронте и настроения в тылу, писал в своих воспоминаниях: «Никто, кроме самого государя, не мог бы лучше вдохновить нашу армию на новые подвиги и очистить Ставку от облепивших ее бездарных генералов и политиков. Вновь назначенный начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев произвел на меня впечатление человека осторожного, понимающего наши слабые стороны. Он был хорошим стратегом. Это был, конечно, не Наполеон и даже не Людендорф, но опытный генерал, который понимал, что в современной войне не может быть „гениальных командиров“, за исключением тех, которые беседуют с военными корреспондентами или же пишут заблаговременно мемуары. Сочетание государя и генерала Алексеева было бы безупречным, если бы Никки не спускал взгляда с петербургских интриганов, а Алексеев торжественно поклялся бы не вмешиваться в политику»⁶³⁶.

Сам М.В. Алексеев, узнав 23 августа о своем назначении, пришел в ужас и написал жене: «Сегодня приезжал царь; все еще живущие во мне надежды, что сохранятся прежние формы управления, сегодня рушились. Приходится приступать к совершенно особой жизни, к деятельности в столь необычных условиях, к косвенной ответственности столь великой, что я в полном смущении остановился мысленно перед ближайшим будущим. За что, за что легло на меня столь большое и ответственное дело, в котором нет и не будет для меня какой-либо поддержки — [н]и нравственной, [н]и советом и словом. Пять дней я здесь, но я не могу еще освоиться с обстанов-

кой, которая с 24 августа снова и круто изменится. Сiju целыми днями, а взять в руки *всего* (курсив мой. — С. В.) не могу: все неустойчиво, все или собирается уезжать, или не может еще считать себя хозяином положения. Все в каком-то развале, в ущерб делу»⁶³⁷. В данном случае, судя по всему, генерал не смог взять в руки не «всего», а всех, т. е. наладить взаимодействия со своими ближайшими сотрудниками.

Николай Николаевич, как мы уже знаем из текста высочайшего приказа, был назначен главнокомандующим войсками Кавказского фронта. Традиционно наместник Кавказа был единственным вне Петербурга, кто традиционно оспаривал «власть военного министра»⁶³⁸, однако Николай II, сообщая дяде о новом назначении, подчеркнул: великий князь, несмотря на текст высочайшего рескрипта Николаю Николаевичу, не должен вмешиваться в чисто военные вопросы, поскольку такие находились в компетенции генерала Н.Н. Юденича — он-де может «по временам навещать раненых, больных, а также войска на фронте, чтобы поблагодарить их за военную службу»⁶³⁹. Младший брат бога Марса целенаправленно превращался императором даже не в короля Лира — в благочестивую Марту.

Отметим, что вскоре после назначения на Кавказ Николая Николаевича сложилось курьезное положение, при котором «стоило» великому князю «что-нибудь заявить», как в Ставке всё «делали наоборот, — и просьбы его вообще не исполнялись». При этом «недоброжелательство было обоюдное»: если «в Ставке отстраняли кого-нибудь от должности», его сразу же «брали на Кавказ»⁶⁴⁰. Перефразируя императора, «взаимная любовь» с дядей была по-настоящему «сердечной». Впрочем, высокопоставленный авантюрист по определению сумел в очередной раз удержаться на плаву: император все же вступил с ним в переписку, к октябрю 1916 г., по свидетельству Георгия Шавельского, «острота [взаимо]отношений... сгладилась»⁶⁴¹ и 8 ноября 1916 г. Николай II даже принял Николая Николаевича и его младшего брата с «докладом *по гражданской части* (курсив мой. — С. В.)»⁶⁴². Выделенный нами фрагмент важен тем, что обычно в дневниках императора подобные уточнения отсутствуют: Николай II прекрасно помнил, что он отправил дядюшку-«гусара» на Кавказ, запретив вмешательство в военные дела.

Из опубликованного интервью А.И. Гучкова, хранящегося в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета, следует, что Николаю Николаевичу предлагали свержение императора, однако тот то ли не решился, то ли, не вполне доверяя авторам предложения, предпочел перестраховаться⁶⁴³. (Хотя мало ли что там Александр Иванович Гучков рассказывал... в эмиграции.)

В условиях «гнилого царизма» властные поползновения Николая Николаевича, первоначально основанные на аппаратном создании

Совета государственной обороны, а затем на компрометации военного министра в условиях отсутствия единства в высшем военном руководстве, были пресечены — вначале вследствие активности Государственной думы и недееспособности персонального состава указанного совета, затем объективной логикой событий на фронтах Первой мировой войны. Однако Бог, как известно, «любит Троицу», поэтому к Николаю Николаевичу мы еще в нашем повествовании обязательно вернемся.

Летом 1915 г. представители ряда буржуазно-помещичьих фракций IV Государственной думы и Государственного совета выступили с резкой критикой правительства и потребовали создания «правительства доверия». В августе было создано их объединение — Прогрессивный блок во главе с кадетами и их лидером П.Н. Милюковым. Блок составили 6 думских фракций («прогрессивные» националисты, группа центра, земцы-октябристы, фракция «Союз 17 октября», кадеты, «прогрессисты») — 236 из 422 членов Государственной думы, т. е. 60% депутатов, а еще 32 думца к блоку примыкали (многие из них являлись масонами). Вскоре Прогрессивным блоком был установлен прямой контакт с частью членов Государственного совета⁶⁴⁴, и фактически в блок вошли 3 фракции Государственного совета (центральная, академическая группа и вне партийные). Всего в блоке оказалось свыше 300 человек. Руководство Прогрессивного блока составило персональный состав будущего «правительства народного доверия»⁶⁴⁵. Обстоятельства создания блока раскрыты крупнейшим современным отечественным авторитетом в области истории меньшевизма С.В. Тютюкиным: «Апрель—сентябрь 1915 г. прошли под знаком Великого отступления русской армии из западных районов империи на восток, причем вслед за войсками покидали родные места и потоки беженцев. <...> В этих боях фактически была потеряна вся русская кадровая армия, включая и ее офицерский корпус, а в руках противника оказалось Царство Польское, Литва и Галиция. Настоящим проклятием для русских войск стал острейший кризис вооружений и боеприпасов. <...> Таким образом, 1915 г. оказался апогеем поражений царской России, тогда как впоследствии война все больше стала принимать новый, позиционный и более рутинный, характер. Во второй половине 1915 г. в стране стали чаще возникать экономические затруднения и народные массы, особенно рабочие, уже не так безропотно, как раньше, сносили военные тяготы и все меньше понимали цели продолжения этого страшного кровопролития. Даже правительственные „верхи“ уже были готовы идти на второстепенные уступки общественному мнению и определенную „достройку“ государственного аппарата (особые совещания по Обороне, Топливу и Продовольствию), а либеральная оппозиция решила... если не на „штурм“, то хотя бы на более плотную осаду власти. <...> Не считая более смелых и резких, чем прежде, речей

депутатов, главным ее достижением стало создание оппозиционного Прогрессивного блока»⁶⁴⁶.

Казалось бы, проведения серьезных социальных реформ Прогрессивный блок не планировал⁶⁴⁷, однако с точки зрения государственных интересов создание блока было явлением негативным (не случайно, что после Февральской революции правительство в основном составили лица, уже значившиеся в его списке). Коварный историк и демагог П.Н. Милюков считал образование блока вершиной своей политической карьеры. По его словам, «политический смысл» этого блока заключался «в последней попытке найти мирный исход из положения, которое с каждым днем становилось все более грозным. <...> Момент для такой попытки... был довольно благоприятен. <...> Это был, своего рода, суррогат (точное определение. — С. В.) «священного единения» — после того как оно было разрушено между правительством и страной»⁶⁴⁸. По свидетельству К.И. Глобачева, «...стало ясно, что русскому правительству и престолу объявлена была жестокая война изнутри. К мнению этих народных представителей прислушивался не только Петроград, но и вся Россия, считая, что одновременно ведется война с врагом внешним и внутренним в лице монарха и его правительства»⁶⁴⁹. По меткому замечанию известного специалиста по истории либеральной оппозиции в годы Первой мировой войны Ф.А. Гайды, «Прогрессивный блок в кадетском исполнении стал безответственной инициативой с расчетом на завоевание популярности в стране и податливость власти»⁶⁵⁰.

После того как, по образному выражению генерала В.А. Сухомятина, «верховный вождь армии взял меч в свои руки»⁶⁵¹, дела поначалу пошли на лад⁶⁵², однако затем наступил крах — вооруженных сил, а вместе с ними и монархии, не говоря уже, в целом, о государственности России. У Николая II не было такой репутации, какая была у его дяди⁶⁵³. Первому простили многое, второму не спускали ничего.

В середине 1916 г. политическая и армейская элита всерьез заговорила о необходимости установления диктатуры.

По воспоминаниям великого князя Александра Михайловича, «с наступлением лета 1916 г. бодрый дух, царивший на нашем теперь хорошо снабженном всем необходимым фронте, был разительным контрастом с настроениями тыла. Армия мечтала о победе над врагом и усматривала осуществление своих стремлений в молниеносном наступлении армий генерала Брусилова. Политиканы же мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск. <...> Можно было с уверенностью сказать, что в нашем тылу произойдет восстание именно в тот момент, когда армия будет готова нанести врагу решительный удар. Я испытывал страшное раздражение. Я горел желанием отправиться в Ставку и *заставить* (здесь и далее в цитате курсив мой. — С. В.) государя тем или иным

способом встряхнуться. Если государь сам не мог восстановить порядка в тылу, он должен был поручить это какому-нибудь надежному человеку *с диктаторскими полномочиями*⁶⁵⁴. То есть убеждение в необходимости «железной» руки сложилось и у членов Императорской фамилии. Правда, имели место недооценка объективных факторов и искренняя убежденность в возможности наведения порядка мерами исключительно репрессивного характера.

По воспоминаниям председателя Государственной думы М.В. Родзянко, «в половине 1916 г. в Ставке возникло предположение, что все возрастающее неустройство тыла» требовало «экстраординарных мер, и видным лицом Штаба Верховного главнокомандующего [генералом М.В. Алексеевым⁶⁵⁵. — С. В.] был составлен проект об учреждении единоличной диктатуры для тыла армии в виде облеченного чрезвычайными полномочиями лица, которому должны были подчиняться все учреждения как правительственные, так и общественные, по типу главноуполномоченного по санитарной части (принц Ольденбургский⁶⁵⁶). Когда известие о таком проекте дошло до председателя Государственной думы [самого Родзянко. — С. В.] и до ее членов, у нас, естественно, возникла тревога, что учреждение такой диктатуры еще более затормозит и запутает дело, создавая параллельно две диктатуры — Верховного главнокомандующего [императора. — С. В.] на фронте и диктатуру в тылу. Председатель Государственной думы, испросив с этой целью доклад, поехал в Ставку и, по возможности, старался убедить государя императора Николая II не только в бесполезности, но и опасности такой меры, которая таким образом могла окончательно разединить театр военных действий и территорию тыла. Правительство как таковое должно было бы потерять всякое значение государственной власти, принимая во внимание огромные полномочия проектируемого диктатора. Было совершенно ясно, что учреждение такой диктатуры может повлечь за собой опасные толки в народе, что царь не справился с принятыми на себя задачами, что он не может одновременно командовать Армией и управлять Государством. Сверх того, утрачивалась всякая возможность общественного контроля. <...> Являлась еще и такая опасная альтернатива. Если таким лицом будет назначен член царской фамилии, то легко может возникнуть династический вопрос. Если же будет назначено частное лицо из правящих классов, то пример Юаншикая в Китае, провозгласившего себя президентом Китайской республики, мог бы оказаться довольно соблазнительным для вновь испеченного диктатора [намек на Гучкова. — С. В.], и опасность новых смут и брожения угрожающе выдвигалась бы тогда на первый план, что, конечно, во время войны было опасно. Были поэтому исчерпаны все средства для того, чтобы убедить императора от такого шага отказаться. К сожалению, попытка в этом направлении увенчалась успехом только наполовину: проект был на первых порах⁶⁵⁷ Николаем II отвергнут, но затем император

«секретным указом» передал «диктаторские права указанного... выше типа»⁶⁵⁸ председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру, который, правда, по определению не мог использовать свою «диктатуру» для прихода к власти в связи с, мягко выражаясь, крайне малым политическим весом. Заявления М.В. Родзянко уточнил в своем исследовании В.В. Поликарпов: «Инициатором и основным автором известной докладной записки о диктатуре, которая 15 июня 1916 г. через М.В. Алексева (и за его подписью) была подана царю, но в итоге обернулась учреждением Особого совещания Б.В. Штюрмера»⁶⁵⁹, был генерал-лейтенант (позднее — генерал от артиллерии⁶⁶⁰) А.А. Маниковский — начальник Главного артиллерийского управления, о котором В.А. Сухомлинов, умевший ценить работников, писал 14 мая 1915 г. Н.Н. Янушкевичу: «О Гл[авном] арт[иллерийском] упр[авлении] у нас с Вами никогда не было разницы во мнении, и Вы хорошо знаете, что всегда мне мешало привести их в христианскую веру. Положение это не изменилось и во время войны, благодаря тому, что Маниковский оказался не во главе дела и властной рукою был аннулирован. Шесть лет я всеподданнейше докладывал об этом неблагополучии в военном ведомстве, но без всяких последствий»⁶⁶¹. Рыбак рыбака видел издалека: А.А. Маниковский в чем-то соответствовал пройдошисту В.А. Сухомлинову. По свидетельству А. Нокса, это был «низенький, склонный к полноте мужчина с манерами карточного шулера. Он говорил только на русском языке, но таким громким голосом, что мог выступать перед строем целого полка»⁶⁶². Однако, в отличие от Сергея Михайловича, А.А. Маниковский, посвятивший «свою жизнь» крепостной артиллерии, «заял позицию пехотинцев, что снарядов не может быть слишком много»⁶⁶³.

Будучи, наконец, назначен на вожделенный пост начальника ГАУ, подчеркнуто русский генерал Маниковский полез в политические вопросы, далеко выходящие за рамки его компетенции. В этом плане он более чем «оправдал» надежды В.А. Сухомлинова, выраженные в письме Н.Н. Янушкевичу 25 мая 1915 г.: «Дай Бог, чтобы Маниковский внес температуру кипения в ГАУ, где все было на 0°»⁶⁶⁴. (Поначалу, правда, А.А. Маниковский был безупречен и в Особом совещании по обороне государства действовал в полном согласии с В.А. Сухомлиновым⁶⁶⁵.) По определению В.В. Поликарпова, генерал Маниковский был убежденный монархист и враг революции — в отличие от генерала Алексева, который был сторонником диктатуры, но никак не монархистом.

По свидетельству начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, в столице «за последние два года до революции проявлялась деятельность следующих революционных организаций: партии социалистов-революционеров, Российской социал-демократической (обратите внимание на отсутствие одного, добавленного после I съезда, прилагательного в названии. — С. В.) партии боль-

шевиков и меньшевиков и различных анархических групп. Первая влачила жалкое существование до 1916 г., с какого времени как действующая организация прекращает совершенно свое существование. Партия с.-д. большевиков, наиболее жизненная, рядом последовательных ликвидаций приводилась к полной бездеятельности, но все-таки имела влияние на рабочую среду и боролась за свое существование. Партия с.-д. меньшевиков главным образом использовала легальные возможности, как-то: профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, Центральный военно-промышленный комитет и т. д. С вхождением меньшевиков в последний влияние их на рабочие круги Петрограда значительно возросло. Анархические группы возникали время от времени, и число их возрастало по мере приближения к моменту революции. Эти группы положительно целиком ликвидировались, и члены их в момент переворота почти все содержались по тюрьмам в ожидании суда. Революция автоматически освободила из-под стражи всех анархистов и родственный им уголовный элемент, чем и объясняется рост анархического движения при Временном правительстве...»⁶⁶⁶

При этом, по мнению К.И. Глобачева, Февральская революция «нужна была кучке людей кадетской партии и примыкающим к ней прогрессистам, кричавшим последние два года о необходимости в России правительства, пользующегося доверием страны, и состав этого правительства намечался ими самими»⁶⁶⁷. Глобачев писал, что «народ был обманут надвигающимся якобы голодом; кричали «дайте хлеба», но никто не кричал «Долой Николая!» или «Долой царя!». <...> Если бы государь отрекся от престола и нашлись бы элементы, способные подавить февральский кошмар, то никто бы его не назвал революцией, а просто бунтом Петроградского гарнизона»⁶⁶⁸. Еще в 1916 г. Глобачев обращал внимание МВД на необходимость ведения борьбы с дороговизной, констатируя в своем докладе: «Несмотря на кажущуюся внешнюю тишину и наличность обязательного наружного порядка, настроение самых широких кругов населения, начиная от весьма недостаточных и в обычное время низов и кончая поставленными ныне, благодаря неимоверной дороговизне, в стесненное положение средними слоями столичного общества, носит весьма тревожный и неустойчивый характер, свидетельствует о все усиливающейся нервности и дает показатели на крайнее озлобление зачастую стихийного и бессознательного тона (! — С. В.). Обстоятельство это определенно указывает на необходимость в предупреждение и во избежание крупных осложнений и эксцессов, в форме ли революционных действий или в виде стихийных проявлений голодного бунта раздраженной черни, немедленно изыскать и принять меры к решительной и исчерпывающей борьбе с дороговизной и недостатком съестных припасов как наиболее серьезных факторов в смысле создания атмосферы всеобщего недовольства»⁶⁶⁹.

Кульминацией подрывной деятельности П.Н. Милюкова стала его известнейшая антиправительственная речь «Глупость или измена?», произнесенная 1 ноября 1916 г. с трибуны Государственной думы и всколыхнувшая всю общественность⁶⁷⁰, несмотря на тот факт, что, во избежание обвинения в диффамации, хитрющий политик и историк притворился, будто бы всего лишь цитирует иностранную прессу. «Здесь все потрясены разоблачениями в Государственной думе, — писали в столицу из Киева. — „У нас чудовищная измена“ — вот что следует от рассказов... Как же воевать, стараться, проливать кровь, когда все делается „для виду“, „так, чтобы не победить“, „т. к. сепаратный мир невозможен“? <...> Состояние умов теперь страшное, опасное. Как только эти чувства дойдут до народа, я не знаю, что может быть. Из думских речей выясняется, что такое наша дороговизна и кто ее виновник. Большого позора, чем то, что теперь у нас представляет [собой] тыл, не было во всю русскую историю. Все продано, все предано»⁶⁷¹. Правда, правые восприняли речь Милюкова с негодованием: «Милюков бросил правительству глупейшее и необоснованное обвинение в измене. Это — когда забастовки и пр. — прямая провокация. Правительство тоже плоховато... Измена, может, и есть, да не там, где ее ищут»⁶⁷².

27 ноября член Государственной думы священник-октябрист (с точки зрения христианства нечто вроде упомянутого М.И. Цветаевой «спирита социалистической партии») С.И. Остроумов писал из столицы в провинцию: «Относительно войны и будущего большинство Думы настроено оптимистически, но я этого оптимизма не разделяю. Конечно, я не за *сепаратный* мир, но *союзникам* пора бы подумать и поговорить о прекращении кровопролития. Только по малодушию я не заявляю этого публично в Думе. Подобное заявление от [руководителя меньшевистской фракции IV Государственной думы Н.С.] Чхеидзе еще допустимо, но от октябриста-священника вызовет бурю негодования. Тем сильнее будет негодование, что многие из негодующих будут чувствовать справедливость заявления»⁶⁷³. В свете второй половины данного послания заявление о «большинстве Думы» в первой носит явно дискуссионный характер.

По воспоминаниям М.В. Родзянко, осенью 1916 г. «всем было ясно, что революция во время войны приведет неизбежно сперва к разложению Армии, а потом и Государства»⁶⁷⁴. И всем было ясно, что Революция стояла на пороге: «Мало-помалу в конце 1916 г. волнения среди низших слоев населения, наиболее обездоленных войной и всевозможными ненужными лишениями, дороговизна, отсутствие предметов первой необходимости и предметов питания дошли до своего апогея»⁶⁷⁵. Продовольственный вопрос «в столице принимал все более и более острые формы: подвоз продуктов сократился до минимума...»⁶⁷⁶

Окончательный удар по авторитету династии Романовых и императора был нанесен 16(29) декабря 1916 г., когда несколько наших

горе-патриотов, и прежде всего великий князь Дмитрий Павлович, Ф.Ф. Юсупов и В.М. Пуришкевич, а также С.М. Сухотин и С.М. Лазоверт, судя по новейшим западным исследованиям, не без поддержки английских спецслужб (об этом можно прочесть книгу Э. Кука, получившего доступ к архивам Великобритании и проведшим опрос родственников английских агентов⁶⁷⁷) убили Г.Е. Распутина и дискредитировали династию. Даже если отбросить свидетельства из серии «Мой дед рассказал мне...» и выстроить приведенные Куком документальные факты, мы можем точно установить тесные контакты известных убийц Распутина с английскими разведчиками. Как пишет Кук, «личности участников заговора установлены довольно точно. Остается неясным, являлись ли офицеры британской разведки вдохновителями двух друзей (Дмитрия Павловича и Феликса Юсупова. — С. В.) на устранение опасного старца, или, узнав о планировании убийства на ранней стадии, решили использовать его в своих целях. Во всяком случае, длительные дружеские отношения между Феликсом и Дмитрием, с одной стороны, и Стивенем Элли, Джоном Скейлом и Освальдом Райнером — с другой, гарантировали самое тесное сотрудничество на всех этапах»⁶⁷⁸. Представляется логичным следующий вопрос Кука: «Юсупов никогда не приписывал себе последний, роковой выстрел. Претензии Пуришкевича не подтверждаются экспертизой. Многие современники ожидали, что Дмитрий Павлович примет этот грех на себя, но не прошло и двух суток, как великий князь ясно дал понять, что чужого на душу не возьмет. Ни Лазоверт, ни Сухотин сделать этого просто не могли. Так кто же убил Распутина?»⁶⁷⁹ Предполагаемый убийца — работавший под прикрытием посольства разведчик, отвечавший за перлюстрацию корреспонденции (но не только за нее⁶⁸⁰) Освальд Райнер — учился вместе с Феликсом Юсуповым в Оксфорде, они познакомились в 1909 г.⁶⁸¹; «молодых людей объединила любовь к языкам», они остались «близкими друзьями до конца своих дней»⁶⁸². Феликс, как и великий князь Дмитрий Павлович, был «восторженным англофилом»⁶⁸³. Английские эксперты утверждают, что в старца стреляли не из двух (Дмитрия Павловича, В.М. Пуришкевича) стволов, а трех, причем именно выстрел из третьего, сделанный с близкого расстояния, и стал смертельным. Пуля, по убеждению этих экспертов, была безоболочной: «Фатальный выстрел с наибольшей вероятностью раздался из 0,455-дюймового револьвера «Вэблей», состоявшего на вооружении офицеров британской армии»⁶⁸⁴. Как раз такой и был у Освальда Райнера⁶⁸⁵. Дневник шофера Райнера Уильяма Комптона скрупулезно фиксирует визиты во дворец обоих британских офицеров — Райнера и Скейла, причем «единственной датой, пропущенной в этом дневнике», стал собственно «день убийства»⁶⁸⁶. Едва ли можно категорически отрицать, что Распутина убил один из его официальных убийц. Но и отмахиваться от данных из англий-

ских архивов не стоит, тем более что, как пишет историк британских спецслужб Стивен Доррил, «философия планирования подобных операций, которой всегда свято придерживались и „Ми-6“, состояла и состоит в том, чтобы «отрицать любые обвинения» и притом «активно использовать третьих лиц, чтобы уменьшить риск выхода следствия на заказчика акции»⁶⁸⁷.

Р.Р. фон Раупах констатировал в своих воспоминаниях, что «начавшаяся после речи Милюкова и убийства Распутина оппозиция всему правительственному в конце 1916 г. приняла такие размеры, что царя стали покидать уже члены его собственной семьи. В ноябре ему писал о необходимости изменения политического курса великий князь Георгий Михайлович. За этим письмом последовало обращение аналогичного содержания со стороны великого князя Николая Михайловича. В декабре великий князь Александр Михайлович уже прямо указывает царю, что существующее правительство подготавливает революцию. Тогда же жандармский генерал Спиридович в докладной записке, обрисовав положение страны, предсказал совершенную неизбежность революции, и притом не политической, а социальной, с конечной победой партии большевиков»⁶⁸⁸.

Примерно о том же писал в воспоминаниях и К.И. Глобачев: «К концу 1916 г. создалось такое настроение, что в лагере правительственном никого уже почти нет и что в случае решительной на него атаки никто не станет на его защиту»⁶⁸⁹.

К январю 1917 г. тон донесений в Министерство внутренних дел К.И. Глобачева стал еще менее оптимистичным, чем раньше: 1) 5 января — «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи, одинаково, как о намерениях правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой Власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов). Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных всплесков, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем дворцового переворота, предвозвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении „пресловутого старца“ (убийство «извергами... незабвенного Григория»⁶⁹⁰ Распутина. — С. В.). Среди подобных хаотических суждений, толков и слухов особенно внимание обращают на себя всюду и везде повторяющиеся разговоры и толки о терроре как о явлении не партийного характера, а общего. В указанном отношении слухи о вероятных возможностях проявления террора обычно связываются в общественных передовых кругах с вопросом о вероятном при настоящей обстановке окончательном роспуске Государственной думы»⁶⁹¹; 2) 19 января — «...озлобленное настроение пострадавшего от доро-

говизны обывателя требует кровавых гекатомб из трупов министров, генералов и всех тех, кого общество и пресса величают главными виновниками неудач на фронте и неурядиц в тылу. В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже Священную особу Государя...»⁶⁹²; «если рабочие массы пришли к осознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции, а круги интеллигенции — к вере в спасительность политических убийств и террора, то это в достаточной степени определено показывает оппозиционность настроения общества и жажду его найти тот или иной выход из создавшегося политически ненормального положения»⁶⁹³; 3) 27 января — «Базируясь на ими же самими созданной обстановке общественного недовольства ненормальным укладом внутренней русской жизни как результата тяжелых внешних государственных осложнений и муссируя всеми мерами и средствами в широких кругах населения волну озлобления против власти как единственного якобы виновника постигших Россию зол и бесчинств, — передовые и руководящие круги либеральной оппозиции в настоящее время твердо и определенно уверены в том, что момент осуществления их вожделенных стремлений приближается...»⁶⁹⁴; «Что будет и как все это произойдет в действительности, судить сейчас трудно, но во всяком случае — воинствующая оппозиционная общественность безусловно не ошибается в одном: события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности... „не за горами“»⁶⁹⁵; 4) 5 февраля — «...продовольственный вопрос занимает центральное место: то состояние боязни за завтрашний день, в каком находится большая часть петроградских обывателей, не знаящая, что она сможет достать себе на обед, — не может долго длиться», поскольку «нервирует до крайности все слои столичного населения и делает их восприимчивыми ко всякого рода пропаганде недоверия к Правительству»⁶⁹⁶; 5) 7 февраля — «...ныне следует считать неизбежными стачки 14 февраля и попытки устроить шествия к Таврическому дворцу»⁶⁹⁷; «Характерно то обстоятельство, что большевики усматривают в призыве рабочей группы [Центрального военно-промышленного комитета] желание довести дело до вооруженных столкновений с полицией и войсками, дабы создать кровавые события, толкающие страну к революционному перевороту в пользу буржуазных слоев»⁶⁹⁸. Добавим, что во второй столице 7 февраля Московская городская дума, «рассмотрев доклады городской управы о положении продовольственного дела в Москве со справкой о состоянии дела снабжения столицы топливом», констатировала, «что наступили факты и явления, грозное значение которых понятно всем. Над общим упадком и расстройством экономических и жизненных сил страны царит беспремерный, чудовищный хаос, обессиливающий страну в наиболее опасное

и ответственное время. Народная совесть, общественное сознание предупреждали, что события эти неминуемо должны наступить. <...> По убеждению, проникающему страну, победа и достойное окончание войны могут быть достигнуты лишь при условии единения всех сил страны, единения народного представительства со страной и создания правительства единодушного, сильного доверием общественным и ответственного перед народным представительством»⁶⁹⁹. Это была уже агония.

Жандармский генерал А.И. Спиридович констатировал в своих воспоминаниях, что в начале 1917 г., в силу целого ряда предшествовавших обстоятельств «различных категорий, разнообразного характера и разного значения... настроение всех слоев населения обеих столиц России было до крайности нервно-взвинченное и беспокойное. Особенно тревожно был настроен Петербург, к которому чутко прислушивалась Москва и крупные провинциальные центры. В Петербурге, казалось, все ждали чего-то важного и необычайного. Шептались о состоявшемся будто бы покушении на императрицу, говорили о готовящемся дворцовом перевороте, кричали о необходимости удаления правительства и о принятии власти людьми более сильными и способными. Заметно было недоброжелательство к Верховной Власти, и не скрывалось враждебно-пренебрежительное отношение к правительству»⁷⁰⁰. Естественно, в критический момент, казалось бы, ставшие константой язвы бюрократического аппарата стали восприниматься с особым озлоблением. Как заметил Спиридович, «...правительство было не на высоте положения. Совет министров, в его целом, не имел значения ни у государя, ни в глазах общества. О его председателе серьезно не говорили. Министерство внутренних дел, игравшее столь важную роль в дореволюционной России, на обязанности которого лежало, между прочим, все знать, все понимать и своевременно информировать кого следует в интересах пользы государственной, было несостоятельно в полном смысле. Министр был не совсем психически здоров. Товарища министра внутренних дел, заведовавшего полицией, не было совершенно. Директор Департамента полиции не соответствовал занимаемой должности. Местное охранное отделение находилось в руках человека, не обладавшего достаточным авторитетом, чтобы провести что-либо в жизнь в смысле общеполитическом. Градоначальник являлся новым для столицы человеком и не пользовался [авторитетом] у подчиненных»⁷⁰¹.

К февралю 1917 г. из Тульской губернии писали князю Д.П. Голицыну-Муравлину: «Каждая губерния ныне представляет из себя самостоятельное удельное княжество, состоящее в войне с соседней губернией. Организация удивительная и голод со всеми последствиями несомненен. Недавно губернатор просил у нашего исправника купить ему муки для Тулы по вольной цене. Губернатор, издающий обязательные постановления с угрозами всяких кар, сам нарушает их»⁷⁰².

23 февраля 1917 г. депутат Государственной думы, член фракции правых протоиерей И.М. Гвоздев написал отцу в Вологду: «Ты пишешь, что в Вологде тревожно и все чего-то ждут. <...> Это всеобщее настроение в России, и оно естественно при современном положении Отечества»⁷⁰³.

В научной литературе прекрасно известен серьезнейший просчет товарища министра внутренних дел генерала В.Ф. Джунковского⁷⁰⁴, который в 1913 г. «добился высочайшего утверждения циркуляра, запрещавшего всем политическим розыскным органам иметь внутреннюю агентуру в войсках и в средне-[специальных] учебных заведениях, а значит, и наблюдение за политическим настроением армии и школы. Само собой понятно, что этот циркуляр развязывал руки революционерам в смысле пропаганды и агитации среди юношества и чинов армии. С этого времени розыскные органы черпали сведения как бы мимоходом — случайные и весьма поверхностные. Например, известно было по некоторым данным, что уже в 1916 г. настроения войск петроградского гарнизона внушали опасения, но за отсутствием внутренней агентуры вопрос этот не мог быть исследован с достаточной полнотой и конкретно, а потому невозможно было заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов». Когда преемник Джунковского возбудил вопрос об отмене циркуляра, «видимо, было уже поздно»⁷⁰⁵. Движущей силой революции стали «серые шинели» — части петроградского гарнизона, не желавшие воевать в Первой мировой войне. Альфред Нокс с характерной не для дипломата, но для военного прямотой указал в своих воспоминаниях: «Мятеж... никогда не вылился бы в революцию, если бы правительство в своей безнадежной тупости прежде не успело настроить против себя все слои населения. Если бы с самого начала движение было бунтом нищих, его сразу удалось бы подавить с помощью армии и военных училищ, расположенных в столице»⁷⁰⁶.

Слегка отступим от хронологии и напомним, что не последнюю (хотя и не первую) роль в отречении императора Николая II сыграл генералитет: по словам П.Н. Милюкова, «мы знали, что старое правительство было свергнуто ввиду его неспособности довести войну „до победного конца“. Именно эта неспособность обеспечила содействие вождей армии при совершении переворота членами Государственной думы. Считалось, что освобождение России от царского гнета само по себе вызовет энтузиазм в стране и отразится на подъеме боеспособности армии»⁷⁰⁷.

Несколько больше остальных «отличились» М.В. Алексеев и ненавидевший его Н.В. Рузский⁷⁰⁸, в недоверии к которому расписался впоследствии А.И. Гучков⁷⁰⁹. Когда император решил узнать мнение о целесообразности отречения у армейской верхушки, великий князь Николай Николаевич, получив телеграфный запрос генерала Н.В. Рузского, не отказал себе в удовольствии поквитаться с пле-

мянником. Припомнив рескрипт «неизменно благосклонного» к нему «и искренно *и сердечно... любящего*» его императора, главнокомандующий войсками Кавказского фронта «коленипреклоненно»⁷¹⁰ молил Николая II об отречении. Великий князь Александр Михайлович впоследствии пытался оправдать действия Николая Николаевича его нерешительностью, которой никогда не было: «Два важнейших акта в истории России — Манифест 17 октября 1905 года и отречение императора Николая 2 марта 1917 г. — следует приписать полнейшей аберрации политического предвидения великого князя Николая Николаевича. <...> Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера возвышать голос и угрожать наказаниями не производила желаемого эффекта»⁷¹¹.

Февральская и Октябрьская революции разделили кандидатов в диктаторы на два типа: собственно военных (преимущественно военных диктаторов) и партийных деятелей (кандидатов в Бонапарты). При этом во время Февральской революции в диктаторы прочили бывших генералов старой армии, а пришедшие к власти большевики — прочили (преимущественно) себя сами.

Природу «генеральской диктатуры» изложил в своем фундаментальном полумемуарном сочинении А.И. Деникин. По его убеждению, «революция должна была сильно встряхнуть армию, ослабив и нарушив все ее исторические скрепы. Такой результат являлся закономерным, естественным и неотвратимым, независимо от состояния, в котором находилась тогда армия, независимо от взаимоотношений командного и служебного начал. Мы можем говорить лишь об обстоятельствах, сдерживавших или толкавших армию к распаду»⁷¹². Одним из таких обстоятельств в новейшей историографии признается вышедший во время Первой русской революции приказ, запрещавший военным служащим участие в любой политической деятельности, в т. ч. и в деятельности, *направленной на поддержку существующего строя*⁷¹³.

Как пишет генерал А.И. Деникин, «источником» власти после Февральской революции могли стать «три элемента: верховное командование (военная диктатура), буржуазная Государственная Дума (Временное правительство) и революционная демократия (Совет)». Словосочетание «источник власти» — ключевое: диктатуру нельзя установить только в армии: единожды установившись, диктатура становится *государственной властью*, причем исключений не было даже в истории Древнего Рима. В 1917 г. Деникин и другие генералы, признавая Временное правительство и кляня его недееспособность, пытались обмануть сами себя, впоследствии в «Очерках...» Деникин, поверив в собственные построения, пытался убедить в них читателей.

После свержения монархии в России Властью было «признано Временное правительство», однако «два других элемента отнеслись к нему различно: Совет фактически отнял власть у правительства, тогда как верховное командование подчинилось ему безоговорочно и, следовательно, вынуждено было исполнять его предначертания. Власть могла поступить двояко: бороться с отрицательными явлениями, начавшимися в армии, мерами суровыми и беспощадными или потворствовать им. В силу давления Совета, отчасти же по недостатку твердости и понимания законов существования вооруженной силы, власть пошла по второму пути. Этим обстоятельством была предрешена конечная судьба армии...»⁷¹⁴.

Вследствие «всеобщего признания несостоятельности установившейся» в ходе Февральской революции власти Временного правительства, вынужденного действовать с оглядкой на Совет рабочих и солдатских депутатов, «в общественном сознании возникла мысль о — Диктатуре.

Я категорически утверждаю, что в известных мне общественных и военных кругах, в которых возникло течение в пользу диктатуры, оно было вызвано высоким патриотизмом и ясным, жгучим [о]сознанием той бездонной пропасти, в которую бешено катился русский народ. *Но ни в малейшей степени не вызывалось стремлением к реакции и контрреволюции.* Несомненно, к этому движению примыкали люди и этого направления, и просто авантюристы, но они составляли входящий, наносной элемент. [А.Ф.] Керенский так объясняет начало движения или, как он выражается, „заговорщической волны“: „Военный разгром (Тарнополь) создал на почве оскорбленного национального самолюбия сочувствующую заговорам среду, а большевистское восстание (3—5 июля) вскрыло для непосвященных *глубину распада демократии, бессилие революции против анархии* и силу меньшинства, действующего организованно и внезапно“. Вряд ли можно дать лучшее оправдание начавшемуся движению. Действительно, в обстановке глубокого разочарования народных масс, всеобщего развала и надвигавшейся анархии, в силу неизбежного исторического психологического процесса, жизнь *должна была* создать попытки диктатуры; и русская жизнь действительно создала их — как мучительное искание *сильной национальной, демократической власти, но не реакции*»⁷¹⁵.

Итак, 26 февраля 1917 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко, выступавший, по определению своей племянницы, в роли «древней Кассандры, которой дано было все предвидеть, обо всем пророчествовать, но которой никто не хотел верить»⁷¹⁶, послал императору следующую телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью

войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно...»⁷¹⁷ В ночь на 27 февраля М.В. Родзянко получил указ о перерыве занятий Государственной думы — «возможности мирному улажению возникающего конфликта был положен решительный предел»⁷¹⁸. В середине дня 27 февраля, по свидетельству М.В. Родзянко, «произошли первые бесчинства: были разгромлены окружной суд и Главное артиллерийское управление, а также Арсенал, из которого было похищено около 40 тыс. винтовок рабочими заводов...»⁷¹⁹. В тот же день председатель Государственной думы послал императору последнее предупреждение, но с ответом государь опоздал: «в революционную эпоху события мчатся с такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможным, завтра делается уже невозможным к осуществлению»⁷²⁰.

27 февраля «для сношения с населением и для приведения расшатанных устоев в нормальное состояние»⁷²¹ был образован Временный комитет Государственной думы, позиционировавший себя как новое правительство. Комитет обратился к населению со следующим воззванием: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого Правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. [О]сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и Армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям населения и могущим пользоваться его доверием»⁷²². Уверенность, как мы теперь знаем, была выражена Временным комитетом напрасно.

27 же февраля в столице образовался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Совет, Петросовет), ставший вторым центром власти. 28 февраля он выпустил воззвание, в котором провозгласил «своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упечение политической свободы народно-го правления в России» и пригласил «все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами»⁷²³.

28 февраля от имени военной комиссии Временного комитета Государственной думы за подписью М.В. Родзянко был отдан приказ, предлагавший солдатам немедленно вернуться в казармы и возратить взятое в дни революции оружие. Но уже вечером солдаты обратились в Петросовет с протестом против этого приказа. Утром 1 марта к председателю военной комиссии Б.А. Энгельгардту пришли выборные от 20 частей с весьма умеренным текстом проекта нового приказа, намного меньше затрагивающим основы воинской дисциплины, по сравнению с будущим печально известным «при-

казом № 1». По существу речь шла лишь о выборности младших офицеров. Промедление было смерти подобно, однако Б.А. Энгельгардт не взял на себя принятие ответственного решения и посоветовался с членами Временного комитета и А.И. Гучковым. Все они высказались против — и выпустили джина из бутылки⁷²⁴. Солдаты резонно сочли, что всё «напишут сами»⁷²⁵. В тот же день на заседании Петросовета солдаты с возмущением рассказали о возвращавшихся офицерах, которые отбирали у них оружие и восстанавливали старые порядки. Совет хотел обратиться с воззванием к столичному гарнизону, однако представители воинских частей высказались за оформление документа в качестве приказа, дабы солдаты осознали его значение. Текст приказа разработала выбранная Петросоветом специальная комиссия под руководством члена Исполнительного комитета Совета Н.Д. Соколова⁷²⁶, хотя у А. Нокса создалось впечатление, будто Н.Д. Соколов плохо знал текст составленного вроде бы под его руководством документа⁷²⁷. На следующий день текст был опубликован в газете «Известия» под названием «Приказ № 1 от 1 марта по гарнизону Петрограда». Это было началом конца старой армии. Уже 3 марта начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства А.А. Маниковский направил во Временный комитет Государственной думы записку: «Крайне необходимо *немедленно*, т. е. не теряя *ни одной минуты*, издать приказ от имени нового правительства — вместо гуляющего по рукам „приказа № 1“ — от Совета рабочих депутатов. Иначе нельзя работать»⁷²⁸. И это писал Маниковский, о котором один из его сотрудников вспоминал впоследствии, что генерал «обладал всеми — буквально всеми — качествами для идеального начальника. Своей прямоотой, сердечностью и приветливостью он привлекал к себе своих сотрудников — при нем легко работалось, он заставлял работать не покладая рук лишь своим примером и своим обращением с подчиненными. Во время войны он приходил на службу в ГАУ раньше всех, в 7—8 часов утра; когда уборщики только подметали помещение и стояла пыль в коридорах, он уже работал в своем кабинете. А. Маниковский указывал, что это было единственное время, когда он мог спокойно заниматься своими делами, не отвлекаемый постоянными докладами и посетителями»⁷²⁹. Что уж говорить о руководителях, пользовавшихся у подчиненных меньшим авторитетом?

В ночь на 2 марта состоялось оформление Временного правительства. Маститый специалист по истории военной цензуры В.С. Измозик указал в своей статье о его персональном составе: «Властные функции в марте—октябре 1917 г. выполняли четыре состава Временного правительства и промежуточный орган — Директория. В первый состав (со 2 марта по 5 мая) входило 12 министров, во второй (с 6 мая по 2 июля) — 15, в третий (с 24 июля по 30 августа) — тоже 15, с 30 августа по 25 сентября страной управляла Директория

из пяти человек [как тут не вспомнить Барраса и Пестеля. — С. В.] и, наконец, 25 сентября к исполнению обязанностей приступил последний состав Временного правительства из 17 министров. С мая 1917 г. все составы были коалиционными, т. е. включали представителей как буржуазных, так и революционно-демократических и социалистических партий»⁷³⁰.

4 марта управление военным министерством принял октябрист А.И. Гучков, который сразу выпустил по этому поводу *свой* «приказ № 1». В этом приказе ведомственного характера «всем начальникам и чинам главных и отдельных управлений» предлагалось оставаться на своих местах и продолжать работу «в прежнем порядке». Для командного состава назначение было приемлемым, и именно это соображение определило выбор Временного комитета Государственной думы⁷³¹.

4 же марта⁷³² А.И. Гучков образовал комиссию «для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с правовыми нормами»⁷³³. Первое заседание комиссии состоялось в тот же день в Доме военного министра под председательством генерала А.А. Поливанова, «за спиной»⁷³⁴ которого, по выражению В.А. Сухомлинова, стояли А.И. Гучков, а также М.В. Родзянко⁷³⁵ и который потому пользовался, по убеждению последнего, «симпатиями в Думе и в общественных кругах»⁷³⁶. В состав комиссии вошли деятели Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, а также специально назначенные военным министром лица⁷³⁷.

На первом заседании «особой Комиссии»⁷³⁸, которую один из ее членов окрестил впоследствии «поливановским сборищем»⁷³⁹, присутствовали: члены Государственной думы Б.А. Энгельгардт и Н.В. Савич, инженер П.И. Пальчинский, генерал А.З. Мышлаевский, адмирал К.В. Стеценко, генерал П.И. Аверьянов, генерал-майоры: Н.С. Аносов, М.П. Каменский, А.С. Потапов, Ф.В. Рубец-Масальский, полковники Генерального штаба А.И. Андогский, Ф.И. Балабин⁷⁴⁰, Д.К. Лебедев, А.Д. Окунев, П.А. Половцов, Л.С. Туган-Барановский, Г.Н. Туманов, Г.А. Якубович, В.П. Дягилев и капитан 1-го ранга А.Б. Капнист⁷⁴¹. По воспоминаниям П.А. Половцова, еще до начала работы комиссии всем собравшимся было ясно, что дружной работы не получится: «Сразу определяется враждебное настроение между генеральским и штаб-офицерским концами стола»⁷⁴². Тут бы младотурку П.А. Половцову самое время вспомнить финал известной басни И.А. Крылова о создании Государственного совета: «А вы, друзья, как ни садитесь...»

Председатель комиссии А.А. Поливанов в кратком вступительном слове поставил комиссии задачей проведение «в спешном порядке ряда реформ, которые отвечали бы насущным нуждам армии и были бы вполне согласованы с принципами, провозглашенными Врем[енным] правительством»⁷⁴³.

Состоялся продолжительный обмен мнениями, ставший неизменным атрибутом всех заседаний «особой комиссии» и давший основание в своих воспоминаниях признать комиссию А.А. Поливанова «бездельной говорильней» даже ее членам⁷⁴⁴. Тем не менее были разработаны основные положения опубликованного 5 марта приказа по военному ведомству за № 114, которым солдаты наделялись гражданскими правами. Кроме того, отменялись статьи воинских уставов, носившие унижительный для солдат характер — титулование упразднилось, офицерам вменялось в обязанность обращаться к солдатам на «вы»⁷⁴⁵.

Опубликовав приказ, военный министр А.И. Гучков отправил в Ставку, а через нее главнокомандующим фронтами телеграфный запрос об их отношении к намеченным преобразованиям. Главнокомандующие фронтами передали этот вопрос на заключение низших воинских соединений, вплоть до командиров полков. Военное министерство в ответ на свой запрос получило богатейший материал об отношении командного состава к реформам, а также показательные ответы для учета настроений командной среды. Большинство ответов было в пользу состоявшейся отмены статей устава внутренней службы, лишавших солдат элементарных прав, причем лейтмотивом было — объявленные права уже не отменить и нет смысла махать кулаками после драки. Показателен ответ генерала Н.В. Рузского: «Считаю невозможным теперь (! — С. В.) внесение в [приказ] каких-либо изменений в сторону отнятия или ограничения уже предоставленных прав...»⁷⁴⁶ Приведем фрагмент еще одной телеграммы — формально генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего, генерала А.С. Лукомского, а в действительности генерала М.В. Алексеева: «Мы, все начальники (множественное число до революции в ответ на подобный запрос было немыслимо. — С. В.)... приложим все силы к тому, чтобы армия свято исполнила свой долг перед Родиной в борьбе с врагом, но необходимо не забывать, что в противном случае голос армии может быть грозен, и в какую сторону выльется движение в армии — предвидеть трудно. Во всяком случае втягивание армии в политику приведет к тому, что будет невозможно продолжать войну, и не позже июня [1917 г.] Петроград будет в руках германцев, которые продиктуют нам мир по своему желанию, а в экономическом отношении нас поработят. Пример [Великой] Французской революции и ее последствия к данному случаю неприменимы, ибо при современной технике, железных дорогах и силе противника соотношение сил России к силам врага не то, какое было создано в период французской революции между Францией и ее противниками. Чтобы спасти армию, а с ней честь и будущее России, надо бережно обращаться с армией и более внимательно прислушаться к ее нынешнему спокойному (это пока, да и то не везде. — С. В.) голосу, признававшему ныне создавшиеся условия.

Дальнейшее же стремление в той или иной форме расширить ныне принятые изменения государственного строя, идти по пути исполнения требований крайне левых элементов, — неминуемо поведет к тому, что армия будет вовлечена в политику, начнется длительная междоусобная война и Россия попадет под ярмо Германии»⁷⁴⁷. За исключением (отчасти) последнего — Алексеев и Лукомский как в воду глядели.

6 марта, как указывал впоследствии председатель Русского бюро ЦК РСДРП А.Г. Шляпников, «под давлением солдатской массы» (читайте — вожаков Солдатской секции Петросовета⁷⁴⁸) приказом № 115 было официально объявлено о создании упомянутой нами комиссии под председательством А.А. Поливанова, на плечи которой легла тяжкая задача пересмотра «законоположений, определявших донныне служебный и бытовой порядок в армии»⁷⁴⁹. Комиссии поручалось также разработать порядок достижения первого офицерского чина и порядок «прохождения службы военнослужащими всех категорий»⁷⁵⁰.

По воспоминаниям П.А. Половцова, члены комиссии собирались на заседания раз в две недели (точнее, не реже раза в две недели), исправно продолжая заниматься «словоизвержением»⁷⁵¹. При этом комиссия бралась и за обсуждение вопросов, далеко выходящих за пределы ее компетенции — в частности, на заседании 9 марта был рассмотрен важнейший вопрос об организации «верховного управления действующей армией»⁷⁵². Свержение царизма требовало внесения изменений в самое «Положение о полевом управлении». Комиссия попыталась наметить решение двух главнейших вопросов: «Кому должен быть подчинен Верховный главнокомандующий и кто дает ему указания о целях войны». Однако, за исключением отдельных мнений о правах военного министра, ссылок «на Францию» и предложения образовать определяющий задачи войны «Совет» из четырех министров: военного, морского, иностранных дел и финансов — комиссия ничего не представила. Впоследствии, по соглашению с генералом М.В. Алексеевым, вопрос был решен таким образом, что Верховный главнокомандующий подчинялся Временному правительству, которое, собственно, и ведало вопросами о целях войны⁷⁵³.

Рядом приказов в первые же дни по вступлении в должность военного министра А.И. Гучкову пришлось узаконить важные пункты (а именно шестой, седьмой и восьмой) «приказа № 1», изданного Исполкомом Петросовета⁷⁵⁴. В связи с тем, что военный аспект взаимодействия Временного совета с Петросоветом давно находится в сфере специального интереса историков⁷⁵⁵, ограничимся кратким экскурсом.

Временному правительству приходилось решать все важные вопросы, связанные с Властью и Армией, с оглядкой на Петросовет и его Исполком. Первоначально, правда, Совет был учреждением столичного, а не всероссийского масштаба — в описании политических

амбиций этого органа мемуаристы расходятся. По свидетельству его члена, комиссара Литейной части Петрограда А. Демьянова (народный социалист, но в Совет вошел не в качестве партийца), «...в самом начале революционного движения, в зале Государственной думы ходили группами отдельные депутаты и представители различных политических партий. Группа кадет, среди которых был и П.Н. Милюков, весьма азартно доказывала, что никакой всероссийской власти нельзя устроить при условии существования Петербургского Совета рабочих депутатов; „двух властей не может и не должно существовать“ — так убеждали кадеты. Я присоединился к беседующим, и один из молодых кадетов... стал чуть ли не с пеной у рта доказывать мне, что мнение Павла Николаевича совершенно правильно. Однако он весьма быстро охладился, когда я его спросил, имеет ли, по его мнению, Петербургский Совет рабочих депутатов претензию управлять всей Россией и не ограничивает ли он свои функции охраной интересов только рабочих, да и только одного города Петербурга. <...> В первые же дни заседаний [Совета] был поднят вопрос об охране Государственного банка и других государственных учреждений. Однако, как только стало известно, что думской комитет избрал для этой охраны своих комиссаров, Совет от этой роли немедленно отказался — и без всяких прений. Было ясно и членам Совета, что это дело общегосударственной важности, на каковую роль в это время Совет рабочих депутатов абсолютно не претендовал»⁷⁵⁶. Впрочем, и Демьянов признал, что исключения появились сразу, поскольку «власть тогда многих увлекала, и границы, где эта власть не могла и не должна была проявляться, не только не соблюдались, но весьма часто и не понимались»⁷⁵⁷. А. Нокс же указал в своих воспоминаниях: «Министр В. Львов... заявил», что, когда он «находился в здании Думы в одном помещении с Гучковым, Милюковым и Керенским... вошел член Совета рабочих Соколов и показал приказ № 1. Соколов попросил, чтобы приказ распространили на всех членов правительства. Гучков просмотрел приказ и заметил: „Пока я жив, это не подпишу“, после чего вышел из комнаты. Милюков выразил такое же мнение и добавил: „Если вы желаете это распространить, то сделайте это сами“. Львов выразил жесткий протест. Керенский хотел остановить его и вышел с Соколовым в другую комнату, чтобы попытаться смягчить эффект от резкого выступления Львова»⁷⁵⁸. Точка зрения А. Нокса представляется более логичной. По образной тавтологии М.В. Родзянко, «в зародыше новая власть получила первородный грех — ...двоевластие»⁷⁵⁹, а по признанию князя Г.Е. Львова, Временное правительство было «как солома, которую сносит мощным вихрем урагана»⁷⁶⁰. В научной литературе констатируется, что «юридическое единовластие правительства самое по себе, конечно, не могло обеспечить его силу. Без должной политической опоры оно лишь порождало „политический вакуум“...»⁷⁶¹.

Параллельно с процессом «демократизации» (если без революционной демагогии — развала) армии шел и обратный процесс — поиска твердой руки, способной навести «порядок» на могиле Петросовета и из его социальной базы, т. е. речь пока шла не о диктатуре как системе организации государственной власти, а лишь о закономерной реакции правого лагеря на происходящее: поиске кандидата в Кавеньяки. Обеспокоенные состоянием и настроем Петроградского гарнизона, Временный комитет Государственной думы и Временное правительство для начала озаботились подбором нового главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. Ответственным делом, как установил еще работавший с архивными документами в 1920-х — начале 1930-х гг. старый большевик А.Г. Шляпников, занялся председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко. Выбор последнего пал на генерала Л.Г. Корнилова, находившегося в действующей армии на посту командира 25-го армейского корпуса.

Лирическое отступление. Л.Г. Корнилов — уникальный генерал: он получил Георгия не за что-нибудь, а за... побег из плена (жаль, ордена уже никому не давали на момент возвращения на Родину будущего маршала М.Н. Тухачевского) — из воспоминаний А.А. Брусилова: «Корнилова я узнал в 1914 г. по прибытии 24-го корпуса во вверенную мне армию. Он состоял командиром бригады, но тут же в начале военных действий, по ходатайству командира корпуса Цурикова, был мною назначен начальником 48-й пехотной дивизии. Это был очень смелый человек, решивший, очевидно, составить себе имя во время войны. Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчета в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость. В первом сражении, в котором участвовала его дивизия, он вылез без надобности вперед, и когда я вечером отдал приказ этой дивизии отойти ночью назад, т. к. силы противника, значительно нас превышавшие, скапливались против моего центра, куда и я стягивал свои силы, — он приказа моего не исполнил и послал начальника штаба корпуса ко мне с докладом, что просит оставить его дивизию на месте. Однако он скрыл эту просьбу от командира корпуса Цурикова. За это я отрешил начальника штаба корпуса Трегубова от должности. Наутро дивизия Корнилова была разбита и отброшена назад, и лишь 12-я кавалерийская дивизия своей атакой спасла 48-ю пехотную дивизию от полного разгрома, при этом дивизия Корнилова потеряла 28 орудий и много пулеметов. Я хотел тогда же предать его суду за неисполнение моего приказа, но заступничество командира корпуса Цурикова избавило его от угрожавшей ему кары. Спустя некоторое время, при атаке противника в Карпатах, когда было приказано не переваливать хребта, а, отбросив противника до перевала, вернуться, согласно приказу главнокомандующего Иванова, Корнилов опять не

послушался, спустился вниз на южный склон к селу Гуменному. Там, как я упоминал выше, он был окружен, потерял бывшую с ним артиллерию и обозы и вернулся тропинками, оставив у неприятеля пленных. Опять Суриков начал усиленно просить помилования Корнилова. Наконец, уже в 3-й армии, весной 1915 г., при атаке этой армии Макензеном, он не исполнил приказа отступить, был окружен и сдался в плен со всей своей дивизией. Убедившись из плена, он явился в Ставку и был принят царем. Не знаю, что он ему рассказывал, но кончилось тем, что ему был пожалован орден Георгия 3-й степени и он был назначен командиром, кажется, 25-го корпуса на моем фронте»⁷⁶². Не без ехидства заметим, что, если бы не пресловутое старшинство, которое в годы Первой мировой смогло даже воскресить упокоившегося в политическом плане А.Н. Куропаткина, Л.Г. Корнилов мог стать достойным «бриллиантом» в «ожерелье» первого Верховного: обладавший феноменальным даром предвидения генерал, несомненно, быстро заставил бы позабыть всех недоброжелателей о былых провалах Ю.Н. Данилова и Н.Н. Янушкевича.

В 1917 г. бывший председатель Государственной думы отправил генералу Корнилову следующее телеграфное обращение: «Врем[енный] комитет Гос[ударственной] думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть, ввиду того что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. [В] настоящее время власть будет передана Врем[енным] комитетом Гос[ударственной] думы Врем[енному] правительству, образованному под председательством кн[язя] Георгия Евгеньевича Львова. Войска подчинились Врем[енному] правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц Императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка, *для спасения столицы от анархии назначить на должность главнокомандующего Петроградским военным округом* (курсив мой. — С. В.) доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Гос[ударственной] думы признает таким лицом ваше превосходительство как известного всей России героя. Врем[енный] комитет просит Вас во имя спасения Родины не отказать принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде и прибыть незамедлительно в Петроград. Ни минуты не сомневаемся, что Вы не откажетесь вступить в эту должность и тем оказать неоценимую услугу Родине»⁷⁶³.

А.И. Гучков, правда, утверждал позднее, что Л.Г. Корнилова выбрал именно он, причем первоначально остановился на кандидатуре А.М. Крымова, однако назначению последнего мешала его репутация отъявленного контрреволюционера, да и сам Крымов вроде бы «натрез отказался», поскольку, во-первых, не желал расстаться «со сво-

ей казачьей дивизией»⁷⁶⁴ и, во-вторых, считался с действовавшей в то время иерархией, не позволявшей ему, молодому генералу, занять ответственный пост в обход «старших». (Что характерно, А.А. Брусилов, когда ему, главнокомандующему войсками Юго-Западного фронта, понадобилось назначить временного заместителя командующему 9-й армией, выбрал «из числа корпусных командиров... Крымова, который», по его мнению, «наиболее соответствовал этому назначению». В своих воспоминаниях генерал пояснил: «Хотя он и не был старшим корпусным командиром, но я считал, что при назначениях на такие должности старшинство никакого значения не имеет»⁷⁶⁵.)

К фигуре А.М. Крымова мы еще вернемся, а пока заметим, что Л.Г. Корнилов, как и следовало ожидать, «неоценимую услугу Родине» оказал, телеграфировав в ответ М.В. Родзянко: «Назначение на должность главнокомандующего принял с твердым решением приложить все свои силы к благу Родины»⁷⁶⁶. 5 марта генерал прибыл в Петроград и вступил в новую должность, по общему для «нового строя» образцу обратившись к солдатам со следующим воззванием: «Солдаты народной армии и граждане свободной России! По зову нового правительства прибыл я сегодня в Петроград и вступил в командование войсками Петроградского военного округа. К вам обращаюсь теперь, доблестные войска: великий русский народ дал Родине свободу — русская армия должна дать ей победу! От вас зависит приблизить этот желанный день. Народ вам многое дал, но и многого ожидает от вас. В этот великий исторический момент теснее сомкните ряды и, сильные своей дисциплиной и единомыслием, явитесь радостным оплотом всему новому правительству и надежной поддержкой бойцам, грудью своей героически защищающим отчизну. Твердо верьте, что только в единении и неустанной работе почерпнем мы силы для того великого труда, которого требует от нас Родина. Да поможет нам Бог! Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Корнилов. Начальник штаба генерал-майор Рубец-Масальский. 5 марта 1917 г., гор. Петроград»⁷⁶⁷.

Новый главнокомандующий войсками столичного военного округа не забыл сделать все полагающиеся визиты членам Временного правительства и даже посетил Таврический дворец, в котором располагался Совет рабочих и солдатских депутатов (и его фактический руководящий орган — Исполнительный комитет). Примечательно, что Петросовет генерал почтил своим присутствием в часы, когда заседаний Совета не было и встречи носили неформальный характер. По свидетельству большевика А.Г. Шляпникова, руководившего в то время всей работой ленинской партии в России, «Корнилов держался очень просто (курсив мой. — С. В.) и заявил о своем желании работать в полном контакте с Исп[олнительным] комитетом. Разговор перешел на состояние гарнизона, и Корнилов выражал надежды на быстрое упорядочение запущенных за время переворота

военных дел в гарнизоне. Своими маневрами и подходом к работе Корнилов произвел на членов Исп[олнительного] комитета выгодное впечатление»⁷⁶⁸ (на всех, кроме большевиков). Свои собственные, как большевистского руководителя, впечатления от знакомства с генералом А.Г. Шляпников изложил в своих воспоминаниях следующим образом: «...генерал со смуглым киргизским лицом и раскосыми глазами...»⁷⁶⁹ Для убежденного интернационалиста оценка сама по себе показательная.

Впрочем, деланая простота не притупила политической бдительности Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов: буквально на следующий день после вступления Корнилова в новую должность, 6 марта 1917 г., Исполком учредил новый политический институт — военных комиссаров, прикомандировав к штабу Петроградского военного округа представителя Совета. Как писал впоследствии А.Г. Шляпников, «в связи с этим назначением Исп[олнительный] комитет постановил назначить своих комиссаров во все воинские части и при всех военных властях. Так был учрежден институт [комиссаров] (вроде ныне существующего института военкомов⁷⁷⁰) при военспецзах того времени. Этим путем Совет теснейшим образом связывался с гарнизоном и по командной линии. Впоследствии такая мера была распространена на все армии и воинские части — как в тылу, так и на фронтах»⁷⁷¹. (Еще раньше, 28 февраля, в «Министерство военное и морское»⁷⁷² был направлен в качестве особого комиссара член Государственной думы М.Д. Калугин.) Как следствие, Л.Г. Корнилов, который, по всеобщему признанию, никого не боялся и прямо говорил распоясавшимся солдатам все, что он о них думал, «постепенно растерял былой оптимизм»⁷⁷³.

В целом, по убеждению А.И. Деникина, «*весь командующий генералитет был совершенно лоялен в отношении Временного правительства. Сам позднейший „мятежник“ — генерал Корнилов — говорил когда-то собранию офицеров: „Старое рухнуло! Народ строит заново здание свободы, и задача народной армии всемерно поддерживать новое правительство в его трудной, созидательной работе...“ Командный состав, если и интересовался вопросами общей политики и социалистическими опытами коалиционных правительств, то не более чем все культурные русские люди, не считая ни своим правом, ни обязанностью привлечение войск к разрешению социальных проблем. Только бы сохранить армию и то направление внешней политики, которое способствовало победе. Такая связь командного элемента с правительством — сначала „по любви“, потом „из расчета“ — сохранилась вплоть до общего июньского наступления армии, пока еще теплилась [слабая] надежда на перелом армейских настроений, так грубо разрушенная действительностью»⁷⁷⁴.*

Самый по себе процесс присоединения генералитета «к новому строю» весной 1917 г. довольно показателен. Отдельные генералы,

писал с сарказмом А.Г. Шляпников, «по старинке объясняли все происходившее „волей божьей“»⁷⁷⁵. Старый большевик имел в виду прежде всего А.А. Брусилова — человека глубоко православного и набожного, личного друга великой княгини Елизаветы Федоровны⁷⁷⁶. М.К. Лемке зафиксировал в годы Первой мировой: «Брусилов стал популярен с самого начала войны. Теперь его знает буквально каждый русский, но отношение к нему весьма различное. Генеральный штаб его почти не выносит, как не выносит он сам это архаическое учреждение, — уж очень он не похож на кабинетного червя, автора мертвецки скучных диспозиций и канцеляриста. „Берейтор“ — презрительно называют его „моменты“ (здесь — генштабисты. — С. В.). Войска любят своего генерала, потому что видят в нем живую душу и способного вождя, если и лишенного заметного стратегического таланта, то зато отлично ориентирующегося в обстановке и умеющего ставить войскам исполнимые ими задачи»⁷⁷⁷. В политическом плане одни считали А.А. Брусилова приспособленцем⁷⁷⁸, а другие — «очень умным и надежным человеком»⁷⁷⁹, который обладал «широким кругозором»⁷⁸⁰ и никогда не терял головы, «в каком бы сложном положении ни оказался»⁷⁸¹, «первым командующим армией, вступившим в соглашение с общественными организациями, давшим им возможность послужить Родине, как только стало ясно, что все казенное или безнадежно, или крайне мизерно по сравнению с реальной нуждой». С добавлением — «это лучшее доказательство тому, насколько [генерал] был выше остальных своих коллег и насколько мало он дорожил служебной карьерой, зная, что сочувствие общественным организациям даже если не составляло проступка, то во всяком случае набрасывало некоторую, вполне определенную тень»⁷⁸². По словам А.Г. Шляпникова, «генерал Брусилов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом, опирался на божью волю и призывал солдат постоять за святую Русь. Другие оказались гораздо многоречивее»⁷⁸³. Появились и такие призывы: «Командующий 10-й армией генерал [В.Н.] Горбатовский выпустил приказ, наполненный историческими справками из времен войн [Великой] французской революции»⁷⁸⁴. Комментируя этот приказ, большевик А.Г. Шляпников с язвительной иронией заметил: «Примеры Франции, победившей союз королей, врагов революции, и указания на „обожяемого Верховного главнокомандующего“ как источник единой твердой воли, показывают, что бонапартистские мысли не были чужды нашим генералам»⁷⁸⁵.

Кстати, об «обожяемом», который по сути своей оставался «Лукавым»⁷⁸⁶: после отречения императора и его ареста Верховным главнокомандующим вновь был назначен Николай Николаевич, дядя Николая II. 5 марта великий князь, вернувшись на старый пост, разослал телеграмму следующего содержания: «Повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить

чинам армии и флота, что... они должны спокойно ожидать изъявления воли Русского народа, и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь страну от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе»⁷⁸⁷. Естественно, такое «назначение многие понимали как возможность через поддержку войск снова вернуть Романовым потерянный престол»⁷⁸⁸. Поскольку «новый» Верховный главнокомандующий вызывал опасения не только у малочисленных большевистских деятелей Совета, но и у «соглашательского» руководства Совета в целом, и у Временного правительства, «обожаемого» быстро сняли — как говорится, от греха подальше. Уже 11 марта Николай Николаевич объявил приказом: «Князь [Г.Е.] Львов уведомил меня, что при создавшемся положении Временное правительство считает неизбежным оставление мною поста Верховного главнокомандующего — как члена дома Романовых. Применительно к статье 47-й Положения о полевом управлении войск подписываю во временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего вступить генералу от инфантерии [М.В.] Алексееву»⁷⁸⁹. Второе пришествие Николая Николаевича на пост Верховного главнокомандующего оказалось донельзя кратким. (Е.Ф. Родзянко заявила в своих дополнениях к воспоминаниям последнего председателя Государственной думы, что позднее, в годы Гражданской войны, питавший искреннюю симпатию к дяде последнего императора М.В. Родзянко установил с ним, находившимся в Крыму на оккупированной немцами территории, связь через княгиню Зинаиду Юсупову. Княгиня передала Николаю Николаевичу письмо М.В. Родзянко, в котором тот предлагал великому князю «для спасения Родины встать во главе Добровольческой армии»⁷⁹⁰. Тот заявил о своей согласии «при одном условии: *чтобы генералы пожелали его признать и ему подчиниться*. <...> К отчаянию Михаила Владимировича, генералы ответили: „Нет, он нам только помешает, мы справимся и без него“»⁷⁹¹.)

В тылу, и прежде всего в столице, началась чистка командного состава. По мемуарному свидетельству К.И. Глобачева, «жалкое зрелище представлял [собой] некогда блестящий и строгий штаб Петроградского военного округа. Личный состав служащих, особенно писарей и мелких чиновников, обнаглел до последней степени. Порядка и дисциплины никакой; каждый, кто хотел, особенно из солдат или лиц гражданских, входил куда угодно без доклада, лазил в шкафы, рассматривал даже самую секретную переписку — без малейшего сопротивления чинов штаба. Генералы и штаб-офицеры третировались писарями без стеснения. Особенно одиозное отношение было к чинам резерва из бывших жандармов и полицейских офицеров. Начальство штаба и сам генерал [Я.Г.] Багратуни⁷⁹² были всецело в руках депутатов от разных совдепов и не могли проявить не только инициативы, но даже отдать приказание в пределах предо-

ставленной им законом власти. Ежедневно в штабе толкались сотни народа, из которых значительная часть не имела никакого отношения к военному сословию; это были большей частью какие-то авантюристы, ораторы и агитаторы. Штаб сплошь [и] рядом представлял [собой] митинговый клуб. У каждого из высших начальников в штабе сидел ассистент⁷⁹³ — солдат-депутат из Совдепа»⁷⁹⁴.

О том же писали в своих воспоминаниях старые большевики — правда, с чувством морального удовлетворения. По свидетельству А.Г. Шляпникова, «когда приехал в Петроград генерал Корнилов, назначенный [главно]командующим округом, то он не посмел изменить происшедших перемен в командном составе, а принял все, что было сделано до него. Процесс чистки командного состава дошел до самого Главного управления Генерального штаба. Против некоторых чинов Главного управления Генерального штаба ополчилась писарская команда (как и в штабе Петроградского военного округа. — С. В.). Собрание писарей 11 марта постановило требовать удаления со службы следующих чинов штаба: генерал-майора [М.И.] Занкевича, за то, что он в дни революционного движения принял на себя командование войсками Петроградского [военного] округа... генерал-майора [Ю.С.] Лазаревича как „человека старого крепостнического режима, несогласного с новым направлением жизни в России“ и гонителя писарей; действительного статского советника Евдокимова требовали уволить за то, что он был приверженцем старого строя и что „праздничные наградные деньги и пособие писарей он или отклонял, или урезывал до минимума“; против полковника [П.Ф.] Забелина было выдвинуто обвинение в деспотическом обращении с писарями; такие же обвинения были против полковника Преображенского, полковника [А.А.] Фабера и полковника [В.В.] Гаугера, к последним двоим дополнительное обвинение в том, что они были „немцы“. Были обвинения в „бюрократизме“ и издевательствах. Такое обвинение было сформулировано против капитана Сивоконенко»⁷⁹⁵. При этом генералы, штаб-офицеры и военные чиновники Главного управления Генерального штаба ответили нижним чинам воистину революционно: они также организовали свой коллегияльный орган, что было немислимо в старой армии: «На защиту перечисленных лиц встали все чины Главного управления Генерального штаба, организовавшие также свой комитет. На этом комитете были подвергнуты рассмотрению требования писарей и по каждому из них (в защиту офицеров и [военных] чиновников, удаления которых добивались писаря) были даны мотивированные ответы. Все материалы по этому делу были переданы начальнику Генерального штаба, который многие из них удовлетворил, отправив часть офицеров Генерального штаба в распоряжение Ставки, откуда генерал Занкевич был отправлен для связи с главной квартирой французских армий, а некоторые были использованы на других местах»⁷⁹⁶.

Если генералы и штаб-офицеры Ставки явили себя реакционерами, отдельные генералы и офицеры, находившиеся на тыловых должностях, в частности генштабисты, проявили политическую дальновидность, установив контакт даже с большевистскими руководителями-пораженцами. Тогдашний председатель Русского бюро ЦК РСДРП А.Г. Шляпников вспоминал впоследствии, как он, прежде чем направить товарища по партии к общественному градоначальнику для оформления пропуска на поездку за границу в Торнео для получения там большевистского имущества и возвращения обратно, «осведомился в Военной комиссии, как можно преодолеть... формальности для проезда через границу. Подполк[овник] Генштаба (! — С. В.) [В.П.] Гильбих, работавший в этой комиссии, взялся оформить это дело лично. Через четверть часа любезно принес мне маленькую записку, на которой было написано: „Настоящим удостоверяется, что со стороны Военной комиссии при Врем[енном] правительстве не встречается препятствий к выезду за границу Марии Ивановны Стецкевич и возвращению ее через шведскую границу в Россию. За председателя Военной комиссии — П. Пальчинский. За управляющего делами — подполковник Гильбих. Начальник общей канцелярии [Г.Г.] Плакса-Жданович. 10 марта 1917 г., гор. Петроград“. Так появился первый заграничный паспорт полусоветского происхождения»⁷⁹⁷. Один царский контрразведчик констатировал в своих воспоминаниях, что талантливых и образованных людей в Главном управлении Генерального штаба было вполне достаточно, однако «организация, программа, цель, чувство долга, знание и [о] сознание ответственности... просто отсутствовали», а сводки для Николая II составлялись по принципу «не испортить настроение»⁷⁹⁸. Бюрократическая система превращала генштабистов в «поденщиков власти», поскольку необходимость «делать карьеру путем безграничной угодливости и приспособляемости, доведенной до степени паразитизма»⁷⁹⁹, парализовала усилия лучших умов России — удивляться появлению «первого заграничного паспорта полусоветского происхождения» явно не приходится.

Вслед за петроградскими войсками, взявшими на себя инициативу в деле смещения неугодных командиров, волна солдатского «недовольства»⁸⁰⁰, как большевики называли впоследствии смещения и убийства офицеров, прокатилась по всей стране, захватив даже заолустные гарнизоны и военные городки. Тенденция наметилась еще в 1916 г., когда, по признанию Р.Р. фон Раупаха, «храбрейшие полегли, и на их место стали прибывать сырые, от сохи взятые бородатые дяди... в тыловых частях впервые появились случаи насилия над командным составом, и притом не только со стороны отдельных солдат, но и частей. Армия заболела, и к 1917 г. болезнь стала безнадежной»⁸⁰¹. Как с горечью писал А.А. Брусилов, во время Февральской революции офицер «представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо он в этом

водвороте всяких страстей очень плохо разбирался и не мог понять, что ему делать. Его на митингах забивал любой оратор, умевший языком болтать и прочитавший несколько брошюр социалистического содержания. При выступлениях на эти темы офицер был совершенно безоружен, ничего в них не понимал. Ни о какой контрпропаганде и речи не могло быть. Их (офицеров. — С. В.) никто и слушать не хотел. В некоторых частях дошли до того, что выгнали все начальство, выбрали себе свое — новое — и объявили, что идут домой, ибо воевать больше не желают. Просто и ясно. В других частях арестовывали начальников и сплавляли в Петроград, в Совет рабочих и солдатских депутатов; наконец, нашлись и такие части, по преимуществу на Северном фронте, где начальников убивали»⁸⁰².

Офицерство в ответ, естественно, «просило и требовало власти — над собой и над армией, — писал в своем труде Деникин. — Твердой, единой, национальной — „приказывающей, а не взывающей“. Власти правительства, опирающегося на доверие страны, а не безответственных организаций. Такой власти офицерство приносило тогда полное и неограниченное повиновение, *не считаясь совершенно с расхождением в области социальной*. Мало того, я утверждаю, что вся та внутренняя социальная, классовая борьба, которая разгорелась в стране все более и более, проходила мимо фронтового офицерства*, погруженного в свою работу и в свое горе, не задевая его глубоко, не привлекая к непосредственному участию; эта борьба вызывала внимание офицерства лишь тогда, когда результаты ее явно потрясли бытие страны и, в частности, армии»⁸⁰³. Деникин тут же уточнил, что «отдельные уклонения в сторону реакции» имели место, «но они были вовсе не характерны для офицерского корпуса 1917 года»⁸⁰⁴. Весь «старший командный состав армии» сходилась в оценке «демократизации армии» как явления «недопустимого»⁸⁰⁵.

Наиболее реакционную позицию в военной среде, как мы уже указали, заняли генералы и штаб-офицеры Ставки — туда подбирали убежденных монархистов. По свидетельству А.Г. Шляпникова, «в Исполнительный комитет [Петросовета] явилась делегация от батальона Георгиевских кавалеров и разоблачила карательные намерения генерала [Н.И.] Иванова⁸⁰⁶, а также и других офицеров, прибывших с ним из Могилева. Много поведали георгиевцы и о том, какие настроения господствовали в Ставке. Из сделанных ими бесхитростных сообщений было ясно, что Могилев и Ставка в нем становились центром организованной контрреволюции. Офицеры Ставки открыто организовали вооруженные силы, а на глазах у солдат

* «Тыловое офицерство, — по свидетельству генерала, — зачастую жило совершенно иной духовной жизнью, чем фронт» (*Деникин А.И. Очерки русской смуты*. Кн. 1. Т. 1. С. 428). Это положение унаследовала от старой армии Красная (см.: *Трифонов В.А. Фронт и тыл // Правда*. 1919. 5, 8, 15, 19 июня).

всячески поносили и издевались над новым строем. Свои издевки над солдатами офицеры контрреволюции подкрепляли угрозами расстрелять всех, кто не был согласен с ними. Временное правительство они считали действительно „временным“, [находились] в ожидании хозяина из романовского дома. Монархические надежды на близкое восстановление трона господствовали в командной среде Ставки. Солдаты передали в Исполнительный комитет целый список имен наиболее ярых сторонников царизма, прося об их аресте. Делегация заявила, что весь гарнизон гор. Могилева на стороне Совета рабочих и солдатских депутатов и готов выполнить любое поручение по отношению к Ставке. После их доклада генерал Иванов был арестован. По отношению ко всей Ставке Временное правительство обещало „принять меры“, сменить генерала Алексеева и т. д.»⁸⁰⁷.

Выбор Николаем II поучастовавшего после Русско-японской войны в усмирении солдатских беспорядков⁸⁰⁸ Н.И. Иванова был откровенно неудачным: когда в мае 1915 г. про генерала стали говорить «Иванов потерял голову», В.А. Сухомлинов не преминул заметить в письме Н.Н. Янушкевичу: «Не мог он потерять того, что у него никогда не было»⁸⁰⁹. А когда в марте 1916 г. генерала сняли с поста главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта, в Ставке Верховного зло пошутили: «...вместе с генер[алом] Алексеевым он [Иванов. — С. В.] был великим полководцем, а без него остался только мужиком с бородой»⁸¹⁰. В.А. Сухомлинов, давно отрастивший на генерала зуб, добавил: «...и кандидатом в митрополиты»⁸¹¹. Кажется, только великий князь Константин Константинович находил Н.И. Иванова человеком «славным» и «милым»⁸¹². Граф А.А. Игнатьев, когда писал об «этом простачке с величественной и уже слегка седеющей бородой», аттестовал все же Н.И. Иванова как мужика «хитрого»⁸¹³. И неспроста — одних из «поздних» военных министров Временного правительства А.И. Верховский⁸¹⁴ писал в своих воспоминаниях о генерале: «Это был седовласый старик с длинной бородой; он был маленького роста, выглядел простачком, но его бесцветные, усталые глазки смотрели хитро. Иванов выдвинулся во время русско-японской войны. Командуя 3-м Сибирским корпусом, он умел среди общих неудач этой войны ловко и вовремя выводить свои части из-под ударов и тем избежал тяжких поражений, преследовавших генералов, более твердых в исполнении своего долга. Это принесло Иванову известную популярность в армии. Но главное заключалось... не в этом. Он был подчеркнуто богомолен и с благоговением относился к своему императору, которого в знак обожания целовал по старому русскому обычаю в плечико. Зная о его преданности, царь выдвигал Николая Иудовича (в армии его звали просто Иудушкой) на высшие командные должности»⁸¹⁵. Георгий Шавельский характеризовал Н.И. Иванова «в кругу солдат» как «суеязящегося, заботливого, простого и доступного» до того, что «совсем сли-

вался с серой солдатской массой, как-то стушевывался в ней, что чрезвычайно располагало в его пользу»⁸¹⁶. Характеристики при всей их язвительности вполне объективные⁸¹⁷, хотя иное было бы и не логично, поскольку для того, чтобы стать генералом в армии Русской императорской — Красной, затем Советской (со времени введения звания) — Российской, мало обладать «острым умом и прекрасной памятью»⁸¹⁸: надо либо иметь «волосатую лапу», либо суметь стать в верхах человеком абсолютно *своим*. Но вся беда в том, что, решившись на покорение полыхнувшей столицы, Николай II должен был остановить свой выбор на ком-нибудь более решительном и прямолинейном, однако в Ставке ни А.Н. Меллера-Закомельского, принявшего активное участие в зачистках в ходе Первой русской революции⁸¹⁹, ни даже А.П. Кутепова (одного из активных борцов с революцией в февральские дни 1917 г. и в будущем вождей русской военной эмиграции) в тот момент, как видно, не нашлось. Весьма показательны хорошо известные в научной литературе непосредственные контакты и взаимный обмен информацией между Военной комиссией Государственной думы и Н.И. Ивановым, свидетельствующие о том, что язвительный В.А. Сухомлинов не покривил душой в своих весьма нелестных характеристиках генерала⁸²⁰. Положение генерала осложнял тот факт, что сочувствующие оппозиции офицеры Ставки выделили Н.И. Иванову те части, что были готовы перейти на сторону восставших⁸²¹. Как справедливо заметил в своем дневнике после подписания Манифеста об отречении Николай II, «кругом измена, и трусость, и обман!»⁸²². Впрочем, Н.И. Иванов во время своей провальной экспедиции умудрился все же «заработать» обвинение в «попытке к вооруженному подавлению революции и унижительному обращению с солдатами». Основанием к этому явился тот факт, что на станции Дно генерал приказал поставить «нескольких безобразничавших солдат» на колени⁸²³.

А.С. Лукомский констатировал в своих воспоминаниях, что «из командировки генерала Иванова в Царское Село и Петроград с диктаторскими полномочиями ничего, кроме скандала, не получилось»; «у большинства, в т. ч. и у меня, сложилось впечатление, что генерал Иванов благополучно достиг с Георгиевским батальоном Царского Села и что неудача его командировки в значительной степени произошла из-за его нерешительности. <...> Но если бы генералу Иванову и удалось достигнуть... Царского Села, то это не изменило бы событий, т. к. в ночь с 1/14 на 2/15 марта последовало Высочайшее повеление вернуть обратно на фронт войска, посланные в Петроград, а генералу Иванову Государем была послана телеграмма ничего не предпринимать до приезда Государя в Царское Село и до личного доклада»⁸²⁴. Весьма показателен и фрагмент записок полковника — на начало Февральской революции — П.А. Половцова: «Поход Иванова особого доверия не вызывает, ибо теперь с одним

батальоном ничего не поделаешь, да, по имеющимся сведениям, и настроение-то в этом батальоне не ахти какое воинственное»⁸²⁵. (5 марта император, как всегда лаконично, зафиксировал в своем дневнике: «После чая принял Н.И. Иванова, вернувшегося из командировки»⁸²⁶.)

В Ставке Верховного вскоре началось светопреставление, связанное с генеральской «чехардой». По свидетельству дежурного генерала при Верховном главнокомандующем П.К. Кондзеровского⁸²⁷, «первые перемены в командном составе были решены в Ставке, а затем, по мере посещения каждого фронта, мы получали телеграммы о новых переменах, решенных Гучковым с главнокомандующим каждого фронта. Тут началось что-то невероятное: пошли массовые отчисления от должностей и, соответственно с этим, замещения высших должностей и следующих за ними и т. д. — другими словами, пошла, в полном смысле этого слова, чехарда. Если принять во внимание, что каждый главнокомандующий возбуждал ходатайство о замещении открывающейся должности кандидатом по своему выбору, то можно себе представить, что это было. Как мы все это не перепутали, я сам не понимаю...»⁸²⁸. (Весьма примечательная «grimаса революции»: министерскую «чехарду» сменила военная.)

Среди офицеров фронта и тыла нашлись, по позднему признанию большевика А.Г. Шляпникова, лишь «единицы», не испугавшиеся революции и сразу пошедшие «на службу к ней», сориентировавшиеся на Петросовет как орган «революционной демократии». «В Петроградском гарнизоне, — писал Шляпников, — возникли группы офицеров-социалистов, активистов, республиканцев», среди которых, «особенно активистов», нашлись «сторонники демократизации армии. В вопросах политики они ничем не отличались от обычных оборонцев, но в офицерской массе они составляли сплоченную мыслящую группу», творческий потенциал которой «всячески использовал» Исполком Петросовета. Так, именно группа офицеров-активистов внесла в марте 1917 г. в Исполком проект организации системы комиссаров Совета в армии — начиная со Ставки на фронте и с военного министра в тылу и заканчивая армиями или корпусами. На этих комиссаров предлагали возложить все руководство политической деятельностью в войсках, в т. ч. организацию солдатских комитетов. Проект был принят. Комиссарская организация распространилась и на солдат»⁸²⁹. Проведение на практике данной «инициативы снизу» знаменовало собой новый этап превращения армии в дискуссионной клуб.

Положение на фронте становилось все более тяжелым, солдатская вольница не на шутку разгулялась, генералы и офицеры регулярно становились жертвами распоясавшихся «серых шинелей». В буквальном смысле слова «вопросом о жизни и смерти» стал вопрос о погонах: отказ офицера снять погоны мог явиться основани-

ем для его убийства, порой офицеры защищали погоны с оружием в руках, а лишение погон могло стать причиной самоубийства⁸³⁰.

Институт военных комиссаров был воспринят командным составом в целом в штыки. «Ярким примером, — пишет исследователь С.А. Солнцева, — служит протест командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова. Не успело состояться официальное решение о направлении в армию комиссаров, как он 26 апреля телеграфировал Верховному главнокомандующему и военному министру: „В агентских телеграммах значится, что по соглашению Временного правительства с Советом рабочих и солдатских депутатов решено назначить при каждом штабе фронта и армии специальных комиссаров. Уверен, что в военное время главнокомандующий армией на театре военных действий должен пользоваться полным доверием правительства и народа и обладать полной властью, определенная мера будет во всех отношениях пагубно влиять на боевые действия войск. Одновременно с осуществлением этой меры настоятельно прошу об увольнении меня от должности главнокомандующего [войсками фронта], т. к. по долгу чести и любви к Отечеству не считаю себя вправе нести ответственность при подобных условиях... Считаю такую меру в принципе недопустимой и явно вредной по существу дела на боевом фронте...“»⁸³¹ (И это едва ли не самый «либеральный», по мнению А.И. Деникина, русский генерал, который, правда, вскоре стал отмечать в приказах «полезную, самоотверженную деятельность комиссаров...»⁸³².)

В конце концов генералитет, в нарушение уставных основ старой армии, но вполне в революционном духе, предпринял попытку коллективного давления на Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов: по генеральской инициативе 4 мая в Петрограде состоялось соединенное заседание всех главнокомандующих войсками фронтов, за исключением Кавказского, Временного правительства и Исполкома Петросовета⁸³³. По воспоминаниям А.А. Брусилова, «Алексеев испросил у [министра-председателя Временного правительства князя Г.Е.] Львова разрешение прибыть нам (главнокомандующим войсками фронтов. — С. В.) экстренным поездом в Петроград. Прибыли мы утром, на вокзале был выставлен почетный караул, а встретил нас военный министр [А.Ф.] Керенский... назначенный на эту должность вследствие отказа [А.И.] Гучкова. В это время главнокомандующим войсками Петроградского военного округа состоял [Л.Г.] Корнилов, назначенный с моего фронта для того, чтобы привести войска столицы в порядок, который у них сильно хромал. Меня удивило то, что я увидел. Невзирая на команду „Смирно!“, солдаты почетного караула продолжали стоять вольно и высывались, чтобы на нас смотреть, на приветствие [М.В.] Алексеева отвечали вяло и с усмешкой, которая оставалась на их лицах до кон-

ца церемонии; наконец, пропущенные церемониальным маршем, они прошли небрежно, как бы из снисхождения к Верховному главнокомандующему. [В.Н.] Львов принял нас очень любезно, но как-то чувствовалось, что он не в своей тарелке и совсем не уверен в своей власти и значении. Как раз в этот день велись усиленные переговоры между ним и Советом рабочих и солдатских депутатов о формировании смешанного министерства, причем несколько портфелей должны были принять социалисты — меньшевики и эсеры. <...> На другой день в Мариинском дворце собрались, чтобы нас выслушать, все министры, часть членов Государственной думы и часть членов Совета рабочих и солдатских депутатов. Говорено было много каждым из главнокомандующих, начиная с Алексеева. Я не помню, что каждый из них говорил, да это, в сущности, и неважно, т. к. все наши прения ни к чему не привели и развал армии продолжал идти своим неукротимым темпом»⁸³⁴. А.А. Брусилов, в частности, публично повторил все то, что телеграфировал Верховному главнокомандующему и военному министру 26 апреля: «...не понимаю смысла работы эмиссаров Совета рабочих и солдатских депутатов, старающихся усугублять развал армии, якобы опасаясь контрреволюции, проводником которой якобы может быть корпус офицеров. Я считал необходимым заявить, что я лично и подавляющее число офицеров сами, без принуждения, присоединились к революции, теперь мы все такие же революционеры, как и они. Поэтому никто не имеет права подозревать меня и офицеров в измене народу, а потому не только прошу, но настоятельно требую прекращения травли офицерского состава, который при подобных условиях не в состоянии выполнять своего назначения и продолжать вести военные действия»⁸³⁵. Однако совещание ни к чему не привело, за исключением «травли... ораторами и печатью генералов Алексеева, Гурко и Драгомирова, предреш[и]вшей оставление ими армии»⁸³⁶. От безысходности генералы вели бесконечные разговоры из серии: «Россия идет неизбежно к гибели. Правительство совершенно бессильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже нам нужно перейти к диктатуре»⁸³⁷, а кадеты (которых большевики отнюдь не случайно сразу после прихода к власти поставили вне закона) принялись подбирать потенциального военного диктатора⁸³⁸. До июля 1917 г. кандидатами успели побывать: председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах А.А. Поливанов, отличавшийся невероятной энергией А.А. Маниковский, Верховный главнокомандующий А.А. Брусилов, набожность которого прекрасно сочеталась с двуличием, генерал Д.И. Гурко, адмирал А.В. Колчак, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и др.⁸³⁹ Так или иначе, все они в Наполеоны не годились. Меньше других — Л.Г. Корнилов, привыкший мыслить и действовать еще менее оригинально, чем некогда Помпей Великий, и А.В. Колчак, которого, впрочем, удалось без особ-

го труда отлучить от флота, больше — нетвердый в своих действиях М.В. Алексеев, по меткому выражению А.И. Деникина, «всю жизнь делавший работу за других»⁸⁴⁰, и даже А.А. Поливанов, скомпрометированный председательством в Комиссии по демократизации армии (которую было бы точнее назвать Комиссией по *деморализации* армии) — «рокового учреждения», «с невероятным цинизмом», последовательно разрушавшего «разумные устои военного строя»⁸⁴¹, учреждения, соблюдавшего «дружественный контакт с руководителями Солдатской секции»⁸⁴² Петросвета и, в частности, принявшего через «некоторых»⁸⁴³ своих представителей участие в разработке «Декларации прав солдата», по убеждению А.И. Деникина, «окончательно подорвавшей все устои старой армии»⁸⁴⁴. В общем и целом, всё получилось в строгом соответствии с «Энциклопедией русской жизни»: «Иван Петрович так же глуп, Семен Петрович так же скуп...»

Помимо кадетов подготовкой контрреволюционного переворота озаботился целый спектр общественных сил. В том числе «Республиканский центр», созданный в мае 1917 г. для установления надежных связей с командным составом Петрограда и захвата власти в столице. Во главе центра стояли обер-офицеры Военного министерства, организацию поддерживали буржуазия и представители Антанты⁸⁴⁵. «Республиканский центр» был нацелен на борьбу с двумя взаимосвязанными явлениями: большевизмом как все более влиятельным политическим течением и разложением армии как следствием усталости от войны и, соответственно, успеха пораженческой агитации⁸⁴⁶.

В любом случае было совершенно очевидно, что реальные шансы на захват и удержание власти в случае военного переворота были только у тех, кто командовал войсками на фронте, и что победа военной контрреволюции без гражданской войны невозможна. Когда вместо Л.Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа назначили П.А. Половцова, А. Нокс записал в своем дневнике, что генерал «очень богат и умен, но его считают авантюристом и прожженным эгоистом». В связи с этим британский офицер выразил сомнение, что П.А. Половцов сработается с А.Ф. Керенским, поскольку «невозможно представить себе более разных людей»⁸⁴⁷. Прогноз вполне оправдался, а когда в июле 1917 г. уже усевшийся в кресло министра-председателя А.Ф. Керенский снял П.А. Половцова с поста, последний, по собственному мемуарному признанию, получил предложение встать во главе антиправительственного переворота. Отказался — и вот почему: по убеждению П.А. Половцова, «все равно пользы от переворота не будет, ибо если ликвидировать Совет, то нужно ликвидировать и правительство, а если я захвачу власть и сформирую свое правительство, то нужно сговариваться со Ставкой. По частным же сведениям из Ставки знаю, что на Брусилова (тогдашнего Верховного главнокомандующего. — С. В.) рассчитывать нечего; наоборот, он меня объявит контррево-

люционером и двинет на меня войска с фронта, а в Гражданской войне шансы не на моей стороне. Во-первых, будет, несомненно, ж.-д. забастовка, а продовольствия у меня в столице на 10 дней; во-вторых, из 300-тысячного гарнизона я могу рассчитывать на пять [тысяч], остальных большевики немедленно поднимут против меня. Кроме того, не особенно красиво затевать гражданскую войну, когда война на фронте еще не закончена. Да, наконец, во имя чего? Единственные лозунги, за которыми публика сейчас пойдет, это лозунги большевиков и, главным образом, „долой войну“, а под этот девиз становиться никак не могу»⁸⁴⁸. Генералу на фронте, особенно если он сам был Верховным главнокомандующим, стовариваться со Ставкой было не нужно, что серьезно упрощало положение дел.

Основной удар по «генеральской альтернативе» 1917 г., по мнению А.И. Деникина и Н.Н. Головина, нанесло июньское наступление русской армии, оказавшееся для «военной контрреволюции» того времени «предприятием» вдвойне провальным. I Всероссийский съезд Советов, который открылся 3 июня и продолжался целых три недели, по замечанию С.В. Тютюкина, «развязал руки Временному правительству, спешно готовившему в те дни наступление на русско-германском фронте»⁸⁴⁹. После дежурных рассуждений о необходимости борьбы за мир в резолюции съезда шла сакраментальная фраза о продолжении войны и укреплении русской армии: «Пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям, ибо крушение русского фронта было бы поражением русской революции и тяжелым ударом делу всей международной демократии. В частности, съезд полагает, что вопрос о наступлении должен быть решен исключительно с точки зрения чисто стратегической»⁸⁵⁰.

Н.С. Гумилев, ушедший на Первую мировую войну кавалеристом, написал 1 ноября 1914 г. М.Л. Лозинскому: «Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат (солдаты везде одинаковы [здесь, как мы теперь знаем, Гумилев глубоко заблуждался. — С. В.]), а только от стратегических расчетов — а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии. При наступлении все герои, при отступлении все трусы — это относится и к нам, и к германцам»⁸⁵¹. Как раз «стратегические расчеты» в 1917 г. приняты во внимание не были. По мнению А.И. Гучкова, министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский «не мог [сколь-нибудь серьезные] меры принять, но слова он произносил разумные»⁸⁵², «свой революционный авторитет» он поставил «на службу целям войны, целям поддержания армии»⁸⁵³. Результат — тот же, что у Николая II, когда под занавес «карьеры» он занимал пост Верховного главнокомандующего: ни военных успехов, ни авторитета. По оценке выдаю-

шегося военного стратега генерала А.А. Свечина, «состояние русской армии ясно требовало отказа от каких-либо широких наступательных планов. Однако Керенский, стоявший во главе правительства, и Брусилов, ставший Верховным главнокомандующим, не отдавали себе в этом отчета. Они стремились поднять значение России в глазах Антанты успешным наступлением. Дипломатические представители Антанты оказывали соответственное давление; напрасно некоторые более опытные французские военные представители предупреждали об опасности перетягивать струну. „Наступление Керенского“ началось... в момент, когда большое французское наступление уже было отбито и Франция не была способна к наступательным действиям. Серьезной цели оно не преследовало и не могло достичь. В рядах русской армии с момента наступления шла гражданская война (курсив мой. — С. В.). Наступление намечалось по обе стороны Днестра, на Юго-Западном фронте»⁸⁵⁴.

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа П.А. Половцов, пристально следивший из столицы за происходящим на фронте, отметил в своих воспоминаниях — «Хотя Керенский всячески старается раздуть и прорекламирровать „свою“ победу, но даже по газетным данным» выяснилась «довольно грустная картина: несмотря на слабость противника, несмотря на такую основательную артиллерийскую подготовку, о которой мы не смели и мечтать в первые годы войны, лишь немногие полки пошли в атаку, да и те, заняв покинутые неприятелей окопы, дальше не тронулись. В большинстве случаев офицеры пошли вперед без поддержки солдат и почти поголовно погибли геройской смертью, не только от неприятельского огня, но и от выстрелов в спину»⁸⁵⁵. По данным В.П. Буддакова и Т.Г. Леонтьевой, потери среди офицеров доходили до 70—78%⁸⁵⁶.

А.А. Свечин, проанализировав ход июньского наступления русской армии 1917 г., указал: «Только полной негодностью австрийских войск можно объяснить, что на некоторых участках атаки имели частный успех. Особенный успех выпал на долю 8-й армии ген[ерала] Корнилова, которая в период 6—15 июня овладела значительным районом к югу от Днестра и захватила г. Калуш. Этот успех едва не сорвал намеченного Людендорфом контрудара на Тарнополь, на участок непосредственно к северу от русской ударной группы. Три пехотные и одну кав[алерийскую] дивизии германцев из числа перебрасываемых с запада пришлось направить к Калушу. Если бы не обнаружили явные признаки разложения и в армии Корнилова, германский контрудар был бы отменен вовсе. Но ввиду декоративного характера русского наступления германцам все же, с опозданием на неделю, удалось собрать при помощи резервов с Западного фронта группу в 9 пехдивизий с 600 орудиями и 180 минометами и 19 июня прорвать без труда 11-ю русскую армию. Весь Юго-Западный фронт от Бродов до Карпат дрогнул. Преследование продолжа-

лось до 4 августа. Русские очистили Буковину и занятый участок Галиции и отошли за пограничную реку Збруч. Пленных, несмотря на разложение русской армии, было взято немного. Постепенно русское сопротивление вследствие осознания нависшей над югом катастрофы нарастало; энергичные меры против беглецов, принятые Корниловым, стали сказываться»⁸⁵⁷.

Внутриполитическое положение резко осложнилось в связи с антиправительственным выступлением большевиков в Петрограде, следствием провала которого стали развернутые 5 июля репрессии против «ленинцев» и кронштадтских моряков, прибывших в столицу в связи с провокационным приказом первого помощника морского министра Б.П. Дудорова топить суда, которые попытаются идти на Петроград из Гельсингфорса на помощь сторонникам лозунга «Вся власть Советам!». Лидеры соглашательского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов явно взяли курс на подавление левой оппозиции. При этом допускались произвольные аресты и избиения, нападения на леворадикальные организации и антисемитские выступления. Параллельно шли сложные маневры по воссозданию дееспособности Временного правительства, которое после отставки 8 июля князя Г.Е. Львова возглавил А.Ф. Керенский. 9 июля на заседании ВЦИК было принято предложение меньшевиков М.Г. Церетели (управляющего Министерством внутренних дел, министра почт и телеграфов) и Ф.И. Дана наделить Временное правительство неограниченными правами по борьбе с анархией слева и контрреволюцией справа. 11 июля Церетели опубликовал объявление о предании суду всех участников антиправительственного большевистского выступления⁸⁵⁸.

6—7 июля началось крушение нашего Юго-Западного фронта, которое не давало повода усомниться в исходе Первой мировой войны для России. По свидетельству А.И. Деникина, «главнокомандующие и командующие не располагали... ни реальными силами, ни реальной властью, находясь в почетном (иногда и не в почетном) плену у революционных организаций. Тем не менее создать узлы сопротивления путем формирования послушных частей, хотя бы для удержания в своих руках — более или менее длительного — военных центров и штабных технических аппаратов, было, конечно, и необходимо, и возможно. <...> Все главнокомандующие подготавливали и верные части, и центры сопротивления. Но... процесс формирования верных частей был сорван проявлением необоснованного „дерзания“ в области стратегии, приведшего к июльскому (по старому — июньскому) наступлению. В эти отборные части солдаты уже не шли. Те же части, в которых они еще были, становились, за малыми исключениями, все менее надежными. Вследствие этого эти отборные части приобретали все более „офицерский“ характер. Таким образом, процесс морального обособления офицерства от солдат еще

обострялся, и офицерство становилось единственной и последней козырной картой, находящейся в руках того игрока, который призывался спасти не только армию, но уже всю российскую государственность»⁸⁵⁹.

На фронте пассионарии были в большинстве своем выбиты, однако именно в июле—августе 1917 г. появилась масса военных и полувоспитанных контрреволюционных организаций: «Всероссийский военный союз», «Всероссийский союз казачьих войск», «Казачий съезд», «Батальон свободы», «Военная лига», «Лига спасения России», «Офицерский союз добровольцев народной свободы», «Единение», «Честь Родины и свободы», «Союз личного примера», «Союз увечных воинов», «Союз воинского долга», «Союз свободы и порядка», «Союз спасения России», «Союз чести Родины», «Союз бежавших из плена» и др. За многими из них стоял уже известный нам «Республиканский центр»⁸⁶⁰, объединивший «много мелких»⁸⁶¹, преимущественно петроградских, военных организаций. Так, в «центр» входил Главный комитет офицерского союза и созревший в его недрах «тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета. Не задаваясь никакими политическими программами, комитет этот поставил себе целью подготовить в армии почву для введения диктатуры — единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну»⁸⁶².

13 июля Верховный главнокомандующий А.А. Брусилов отдал приказ о формировании добровольческих частей. При Ставке учреждался Центральный исполнительный комитет по формированию «ударных революционных батальонов» из волонтеров тыла (председателем стал подполковник Генштаба В.К. Манакин, его заместителем — эсер, капитан М.А. Муравьев), при штабах фронтов и армий — соответствующие комитеты, в столице — Организационное бюро для вербовки волонтеров, в состав которого вошли представители черноморской делегации и отдельных офицерских организаций. Части «ударников» укомплектовывались добровольцами с кораблей Черноморского флота и побережья, остатков расформированной черноморской десантной дивизии, учащейся молодежи, юнкеров, офицеров запасных полков⁸⁶³. В «Наставлении для формирования и обучения ударных частей» заявлялось, что задачей таких частей ставился прорыв неприятельских укрепленных позиций на важнейших участках фронта. Была разработана особая присяга «революционера-волонтера». Принимая ее, ударники давали клятву перед «черно-красным знаменем — символом революции и борьбы за свободу», что будут бороться за честь России, возвращение «утерянных земель» и «свободу, равенство и братство»⁸⁶⁴. По данным на 17 июля, в ударники записалось 4 корпуса, 5 дивизий, 11 бригад, 21 полк и более мелкие подразделения⁸⁶⁵. По свидетельству Б.А. Энгельгардта, будущий (1918) главнокомандующий войсками Восточного фронта М.А. Муравьев утверждал тогда, что ударные

(«его») части формировались прежде всего для «расправы» с большевиками⁸⁶⁶. Правда, в воспоминаниях А.С. Лукомского, категорически настроенного в 1917 г. против создания «какой-то самостоятельной организации»⁸⁶⁷ в армии помимо начальников, об этом нет ни единого слова: в них сказано лишь о формировании особых ударных частей, призванных «своим примером увлечь других» и сыграть «крупную роль» в наступлении⁸⁶⁸.

А.С. Лукомский с большим чувством такта писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Генерал Брусилов отлично понимал, что политика, которую проводило Временное правительство по отношению к армии, ее губила. Но неправильный тон, им принятый с самого начала, не давал ему возможности резко изменить линию своего поведения. Он постепенно, путем разговоров с наезжавшим в Ставку Керенским и путем подачи записок, старался добиться восстановления прежней власти командного персонала»⁸⁶⁹.

А.И. Деникин в своем труде дал брусиловскому начинанию, да и самому генералу, резко отрицательную оценку (такую же, правда, дал и П.А. Половцов, считавший А.А. Брусилова «хамелеоном»⁸⁷⁰ и «политическим гимнастом»⁸⁷¹, который сразу же «начал необыкновенно энергично ухаживать за демократией»⁸⁷²): «Не раз приходишь в полное изумление от того духовного перерождения, которое, под влиянием безудержного оппортунизма, произошло с генералом Брусиловым и другими лицами его типа»⁸⁷³. Изданный А.А. Брусиловым еще в мае 1917 г. «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла»⁸⁷⁴ А.И. Деникин охарактеризовал как «смесь наивной регламентации, пафоса и еще более углубленной „демократизации“ и демагогии»⁸⁷⁵. Не исключено, что оценку определили и серьезные разногласия Деникина с Брусиловым в 1917 г.⁸⁷⁶, и более позднее, советской эпохи, сотрудничество последнего, по патристическим соображениям, с большевистской властью (в самом начале мая 1920 г. Брусилов повел себя так, как и следовало русскому генералу в условиях военной агрессии Польши⁸⁷⁷, в подстрочнике своих воспоминаний впоследствии он указал: «...убежден, что многие помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию... думали так же, как и я»⁸⁷⁸), однако положения «Плана...» действительно были клинически несовместимы с сутью армии: «В революционных батальонах не должно быть слова офицер и солдат, а начальник и волонтер, т. к. начальником может быть *избран* каждый волонтер», причем избран «на седьмой день по сформировании батальонов общим и тайным голосованием всех волонтеров» с последующим утверждением «исполнительным комитетом и главнокомандующим». В довершение всего вводился принцип несменяемости начальников⁸⁷⁹, при том что в любом «демократическом» государстве и по сей день несменяемы только судьи. Естественно, брусиловская инициатива не принесла весомых результатов: «По всем крупным центрам разосланы

были вербовочные „комиссары“, которым надлежало при посредстве местных советов (в 1917 г. — „бесценные“ помощники. — С. В.) вести агитацию и сбор волонтеров. Конечно, к „товарищу Манакину“ убежденные добровольцы в сколько-нибудь значительном количестве не пошли и все предприятие ни к каким результатам не привело»⁸⁸⁰.

Тут мы немного забежали вперед. А.И. Верховский написал в своих воспоминаниях 1930-х гг.: «Корнилов, изгнанный в свое время из Петрограда революционными войсками, оказался как раз на месте действия в качестве командующего 8-й армией. Генерал Алексеев сказал про него, что это „человек с сердцем льва, но умом барана“. Именно такой человек был нужен группе политических авантюристов, собравшихся на Юго-Западном фронте и поставивших себе целью завоевание всероссийской власти. Комиссары Временного правительства, находившиеся на этом наиболее ответственном участке, воспользовались обстановкой. Савинков, его помощник Гобечтио и комиссар 8-й армии (которой командовал Корнилов) Филоненко сообщая послали правительству телеграмму, в которой требовали смены главнокомандующего Юго-Западным фронтом, честного и неспособного к намеченным ими авантюрам генерала Гутора. Выдвигали человека, способного своим [во]одушевлением и смелым порывом объединить и увлечь за собой колеблющихся, своей волей закрепить успех наступления. Нужен был лев, но думать за него хотели они. Корнилова брали лестью. Он хвастал железной твердостью, но легко поддавался под влияние, был коварен, скрытен и честолюбив. Корнилов согласился, и Савинков полагал, что за спиной „этого барана“ править Россией будет он»⁸⁸¹. 8 июля Л.Г. Корнилов был назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта, а уже 9 июля потребовал в телеграмме от Верховного главнокомандующего А.А. Брусилова и Временного правительства восстановления смертной казни: «Принял фронт в исключительно тяжелых условиях прорыва противником наших позиций, обусловленного разложением и развалом, вызванными в армиях падением дисциплины, следствием чего явились самовольные уходы полков с позиций и отказы от немедленного оказания поддержки. Соотношение сил: приблизительно 1 противник на 5 наших... Нахожу безусловно необходимым обращение Временного правительства и Совета с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер, включительно до введения смертной казни на театре военных действий, иначе вся ответственность падет на тех, которые словами думают править на тех полях, где царят смерть и позор, предательство, малодушие и себялюбие». Генерал А.А. Брусилов поддержал корниловские требования, хотя впоследствии и высказывал сомнение в их эффективности»⁸⁸².

11⁸⁸³ (по другим данным 12) июля⁸⁸⁴ — новый телеграфный ультиматум Временному правительству с уведомлением Верховного

главнокомандования в копии⁸⁸⁵. Генерал Корнилов телеграфировал: «Армия обезумевших, темных людей, не ограждавшихся властью от систематических развращения и разложения, потерявших человеческое достоинство, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражения, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования»⁸⁸⁶. Корнилов заявил: «Отечество гибнет, а потому, хотя и не спрошенный, [я] *требую* немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнь[ю] немногих героев, имеющих право видеть лучшие дни»⁸⁸⁷. Эсер Б.В. Савинков, который был приставлен к Л.Г. Корнилову политическим комиссаром, написал на телеграмме генерала: «Я от слова до слова поддерживаю то, что пишет Корнилов». Кроме того, как пишет А.И. Верховский, «именно Савинков, желая толкнуть правительство на решительные шаги, отдал эту телеграмму Корнилова в печать», поставив тем самым «Временное правительство в трудное положение»⁸⁸⁸.

Как пишет А.И. Деникин, «Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах и видных местах; сформировал особые ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями; наконец, запретил в районе фронта митинги, требуя разгона их силою оружия. Эти мероприятия, введенные генералом Корниловым самочинно, его мужественное, прямое слово, твердый язык, которым он, в нарушение дисциплины, стал говорить с правительством, а больше всего решительные действия — все это чрезвычайно подняло его авторитет в глазах широких кругов либеральной демократии и офицерства; даже революционная демократия армии, оглушенная и подавленная трагическим оборотом событий... увидела в Корнилове последнее средство, единственный выход из создавшегося отчаянного положения»⁸⁸⁹.

12 июля состоялось официальное восстановление смертной казни на фронте. Как подчеркнул в специальной статье по этому вопросу известный исследователь массового красного террора И.С. Ратьковский, смертная казнь явилась не только ответом на разложение армии, но и легализацией уже проводившейся с «легкой» руки генерала Корнилова самосудной практики расстрелов в армии⁸⁹⁰.

Верховный главнокомандующий А.А. Брусиллов прямо заявил впоследствии: «Керенский... приехал в Ставку с требованием [Л.Г.] Корнилова и [Б.В.] Савинкова немедленно восстановить полевые суды и смертную казнь. В принципе против этого требования в военное время ничего нельзя было возразить, но весь вопрос состоял в том, кто же будет выполнять эти приговоры. В той фазе революции, которую мы тогда переживали, трудно было найти членов полевого суда и исполнителей его смертных приговоров, т. к. они были бы тотчас убиты

и приговоры остались бы невыполненными, что было бы окончательным разрушением остатков дисциплины. Тем не менее, по настоянию Керенского, я подписал этот приказ и разослал [его] по телеграфу»⁸⁹¹.

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа П.А. Половцов написал в своих воспоминаниях: «Однажды поздней ночью получаю приглашение немедленно прибыть в Мариинский дворец. Приезжаю. Правительство заседает, и меня просят подождать. Нахожу генерала [В.А.] Апушкина, тоже ожидающего. <...> Оказывается, что после позорных скандалов на фронте, когда Корнилов приказал расстреливать беглецов, правительство, скрепя сердце, решило, наконец, поступиться своими заветными идеалами и попросило Апушкина» как начальника Главного военно-судного управления и главного военного прокурора «заготовить проект введения смертной казни на фронте для нарушителей военного (так в тексте, следует — воинского. — С. В.) долга. Проект готов, и Апушкин принес его для прочтения. Между прочим, ввиду того, что Петроград по закону считается на театре военных действий, генерал предлагает и в столице применять смертную казнь за вооруженное восстание, как на фронте. Радуюсь, но сомневаюсь, чтобы прошло. Апушкина скоро просят в заседание правительства. Остается он там сравнительно недолго и, выходя, разводит руками. Оказывается, проект его забраковали. Попросили переделать на более мягкий тон, а про смертную казнь в столице и слышать не хотят. Значит, последняя надежда на укрощение большевиков пропала»⁸⁹². Если весной 1917 г. начались массовые убийства офицеров, то летом начался «обратный» процесс: у наиболее решительно настроенных офицеров солдаты не доживали до трибунала. Так, известный в будущем деятель Белого движения полковник М.Г. Дроздовский записал в дневнике своих действий на Румынском фронте: «...уже 1 августа разразился скандал: поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов... Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия, удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. <...> Сейчас чиню суд и расправу, авось приведу их (части. — С. В.) в порядок; они уже начинают чувствовать *мой* (курсив наш. — С. В.) порядок»⁸⁹³. Заметим, что действия в 1917 г. М.Г. Дроздовского схожи с действиями в 1918-м Л.Д. Троцкого (см. пролог настоящей книги).

16 июля 1917 г. в Ставке, на совещании с наиболее видными военачальниками, А.Ф. Керенский получил слоновью дозу критики в

адрес Временного правительства от А.И. Деникина, М.В. Алексева и других. А.Ф. Керенский приехал на совещание оскорбленным в лучших чувствах. По свидетельству А.С. Лукомского, «после вступления на пост премьер-министра... Керенский в Ставке еще не был; таким образом, он появился в Могилеве в качестве председателя Временного правительства впервые и, по-моему, ожидал торжественной встречи. Генерал Брусилов спросил меня — как быть? Я ответил, что доклад у меня небольшой; но что если он задержится на вокзале, то не успеет прочитать всех необходимых для заседания материалов, которые я ему принес, и он к заседанию может оказаться недостаточно ориентированным. Генерал Брусилов решил на вокзал не ехать, а послал встретить Керенского своего генерала для поручений, который должен был доложить, что Верховный главнокомандующий извиняется, что не встретил, что у него срочная работа и он просит председателя Временного правительства приехать на заседание к двум часам дня, т. е. к часу, назначенному для заседания самим Керенским. Окончив доклад, я прошел к себе. Минут через десять прибегает взволнованный адъютант генерала Брусилова и говорит, что Верховный главнокомандующий просит меня срочно [зайти к] нему, т. к. надо ехать на вокзал. Надев шашку, выхожу в переднюю и вижу генерала Брусилова, уже спускающегося с лестницы. „В чем дело?“ — „Керенский прислал своего адъютанта сказать мне, что он ждет меня в вагоне и просит приехать немедленно. Поедем вместе“. <...> Входим в салон-вагон. Керенский, небрежно развалившись, сидит в вагоне. При нашем входе, едва поднявшись, здоровается и, обращаясь к генералу Брусилову, говорит: „Генерал, доложите о том, что делается на фронте...» Генерал Брусилов делает краткий доклад. Керенский выслушал и, сказав, что будет на заседании в два часа дня, нас отпустил. Впоследствии мне передавали, что Керенский, действительно ожидавший почетный караул и торжественную встречу, был страшно возмущен тем, что генерал Брусилов осмелился даже не приехать его встретить. Возмущенно он в присутствии приехавших с ним заявил: «При царе эти генералы не посмели бы себя так нагло держать. А теперь позволяют себе игнорировать председателя правительства! Я им покажу»⁸⁹⁴. А.А. Брусилов в своих воспоминаниях указал: «В этот день произошел странный инцидент, от меня не зависящий, но комментировавшийся в то время на все лады. Нам было сообщено, что министр прибывает в 2 часа 30 мин. дня, но прибыл он на час раньше, и в тот момент я был занят с моим начальником штаба оперативными распоряжениями. Я не мог вовремя попасть на вокзал, чтобы встретить его, ввиду спешности вопросов, разрешавшихся нами, и генерал Лукомский посоветовал мне не ехать. Все равно мы должны были сейчас же встретиться с Керенским на совещании. Но занятия наши были прерваны появлением адъютанта Керенского, передавшего мне требо-

вание министра немедленно явиться на вокзал вместе с начальником штаба. Мы поехали. В тот же день мне передали, что Керенский рвал и метал на вокзале, грозно заявляя, что генералы разбаловались, что их надо подтянуть, что я не желаю его знать, что он требует к себе внимания, ибо „прежних“ встречали, часами выстаивая во всякую погоду на вокзалах, и т. д. Все это было очень мелко и смешно, в особенности по сравнению с той трагической обстановкой на фронте, о которой мы только что совещались с начальником штаба»⁸⁹⁵. Однако не исключено, что А.А. Брусилов не поехал встречать А.Ф. Керенского потому, что он был глубоко убежден: его отставка — дело решенное. Из воспоминаний генерала: «Во второй половине июля я получил телеграфное извещение Керенского, в котором он мне сообщал, что назначает совещание высшего командного состава, которое должно решить, что дальше делать. Одновременно с этим я получил частное извещение, что Керенский просил Временное правительство о смене меня, как человека, борющегося с его распоряжениями, и просил назначить на мое место Корнилова. Я понял, что Борис Савинков проводит своего кандидата, и очень охотно этому покорился, ибо считал, что мы больше воевать не можем»⁸⁹⁶.

Кто, по большому счету, был прав в этой истории? — видимо, ни генералы, ни министр-председатель. В условиях развала страны и армии первые, осознавая абсолютную недееспособность Временного правительства, откровенно распоясались, а второй, не побоявшись на словах поставить военных на место, явил себя образчиком расхлябанности и бестактности, подлив масла в огонь традиционной неприязни генералов и офицеров к «штафиркам».

На общем фоне генеральских возмущения и экзальтации (А.И. Деникин вроде бы «трагично махал руками»⁸⁹⁷) неожиданно позитивное впечатление произвела на министра-председателя, который от неожиданности смешался и «начал резко оправдываться», превратив совещание в откровенную «руготню»⁸⁹⁸, зачитанная телеграмма Л.Г. Корнилова. Казалось бы, в ней были перечислены те же требования, что озвучили другие генералы: «введения смертной казни в тылу, главным образом для обуздания распушенных банд запасных; восстановления дисциплинарной власти начальников; ограничения» компетенции «войсковых комитетов и установления их ответственности; воспрещения митингов, противогосударственной пропаганды и въезда на театр войны всяких делегаций и агитаторов»⁸⁹⁹. Но при этом в той же самой телеграмме предлагались «усиление комиссариата»⁹⁰⁰ путем введения института комиссаров в корпуса и предоставления им права конфирмации приговоров военно-полевых судов, а главное — генеральная чистка командного состава»⁹⁰¹. Эти последние предложения произвели на Керенского впечатление «большой широты и глубины взглядов»⁹⁰², хотя, по мнению А.И. Деникина, министр-председатель попросту не понял, что предложенная Корниловым «чистка» вымела бы

из армии «вовсе не людей крепких военных традиций», а, напротив, «наемников революции — людей без убеждений, без воли и без способности брать на себя ответственность»⁹⁰³.

Конец армии и государственности обозначился столь явственно, что в середине июля 1917 г. наконец определились в своих «симпатиях» стремительно терявшие надежды на власть кадеты⁹⁰⁴. Они остановили свой выбор на Л.Г. Корнилове⁹⁰⁵: с одной стороны, генерал только что доказал готовность бросить вызов недееспособному правительству на деле, с другой — прожженные интриганы из кадетской партии были абсолютно уверены в своей способности при улучшении общеполитического климата в стране и армии обойти на очередном политическом выраже столь недалекого диктатора.

19 июля постановлением Временного правительства Л.Г. Корнилов сменил А.А. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего, что, по убеждению Н.Н. Головина, «предрешало неминуемо его (Корнилова. — С. В.) дальнейшее стремление к военной диктатуре»⁹⁰⁶. Характерно, что, едва получив указ о своем назначении, генерал Корнилов потребовал признания за ним ответственности «только перед собственной совестью и всем народом», устанавливая этим, как с язвительной иронией отметил А.И. Деникин, «оригинальную государственно-правовую форму суверенитета верховного командования вплоть до Учредительного собрания»⁹⁰⁷. На заседании Временного правительства разгорелись жаркие дебаты по поводу полученного ультиматума, причем осознавший всю «широту и глубину» корниловских взглядов министр-председатель, который, «по-видимому, боялся всякого человека с популярностью»⁹⁰⁸, потребовал «для поддержания авторитета верховной власти немедленного устранения нового Верховного главнокомандующего. Правительство не согласилось, и Керенский, обойдя молчанием ключевые пункты телеграммы, ответил лишь на второй — признанием за Верховным главнокомандующим права выбора себе ближайших помощников»⁹⁰⁹. Собственно, оставалось только ожидать развязки, поскольку властный «треугольник» Корнилов — Временное правительство — Совет по определению не мог стать в политической жизни России явлением постоянным.

Интересно, что отдельные члены Временного правительства, судя по всему, готовили — на ниве ура-патриотизма и шпиономании — плацдарм для отступления на случай прихода Л.Г. Корнилова к власти. П.А. Половцов указал в своих воспоминаниях о приезде Верховного главнокомандующего в Петроград: «Корнилов усаживает меня рядом с собой; по другую сторону сидит [О.П.] Васильковский (ему, родственнику начальника штаба Петроградского военного округа Ф.И. Балабина⁹¹⁰ и, по свидетельству А.И. Верховского, «горячему стороннику Корнилова»⁹¹¹, П.А. Половцов недавно с большим облегчением сдал пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. — С. В.). Смеемся по поводу редкого сочетания

главнокомандующих Петроградским округом, сидящих рядом в хронологическом порядке. Вспоминаем, что Корнилов пробыл в этой должности два месяца, я — тоже, гадаем, сколько времени продержится Васильковский. Беседа переходит на стратегические темы. Корнилов бодр и полон надежд. После обеда он уводит меня в салон... рекомендую в заседании правительства воздержаться от чрезмерной откровенности на стратегические темы. Корнилов смеется и отвечает: „Очень благодарен, но я уже это предупреждение получил от некоторых членов Временного правительства“. Хороша компания»⁹¹². Не случайно П.А. Половцов на все лады спрягал в своих воспоминаниях «„совет нечестивых“, именуемый Временным правительством»⁹¹³.

Было одно качество, общее для Николая Николаевича и Л.Г. Корнилова: оба они были клинически не способны осознавать сложность проблем, стоявших перед Властью в России в конце XIX — начале XX в. На этом, впрочем, сходство двух претендентов на диктаторскую власть в России заканчивалось. Основное различие Николая Николаевича и Л.Г. Корнилова как кандидатов в носители верховной власти состояло в том, что у первого не было дееспособной свиты, а «свита» второго вертела «королем» как хотела. Однако итог мог быть только один: Л.Г. Корнилов, приди он к Власти, очень быстро оказался бы в том самом положении, в каком оказался после свержения августейшего племянника Николай Николаевич, поскольку переиграть Б.В. Савинкова было не многим легче, чем А.И. Гучкова, с легкостью обошедшего на историческом вираже не вполне достойного внука Николая I.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что в случае с Л.Г. Корниловым речь шла все-таки скорее не о военной диктатуре как таковой, а о бонапартистском перевороте: так, в случае успеха в состав нового правительства страны планировалось включить руководителя социал-демократической группы «Единство» Г.В. Плеханова, призывавшего промышленников и рабочих к взаимным уступкам и терпимости во имя успешного окончания войны⁹¹⁴. В данном случае уместно процитировать одно из последних исследований взаимосвязи Первой мировой войны и второй русской революции: «...Корнилов не был готов к настоящему перевороту. По иронии судьбы генерал, выступление которого ассоциировалось с „буржуазией“, находился под правозэсеровским влиянием в лице Б.В. Савинкова, В.С. Завойко и М.М. Филоненко (что не мешало первому из них глубоко презирать Керенского). Составленная ими программа была перечнем мероприятий по наведению порядка, к которым рано или поздно прибегают все революционеры. Победа Корнилова в любом случае задач полномасштабной военной диктатуры освоить не могла»⁹¹⁵.

Все мемуаристы, писавшие о Л.Г. Корнилове, сходились во мнении, что это был человек «безусловно честный и преданный Родине»⁹¹⁶

(оценка генерала А.С. Лукомского), волевой, но мало что понимавший в политике, склонный к упрощению окружающей действительности и спрямлению причинно-следственных связей. Не случайно А.Ф. Керенский с легкостью спровоцировал его на антиправительственное выступление, сняв генерала с поста Верховного главнокомандующего, после чего последний и его сослуживцы убедились в том, что для них настал момент выбора: либо они установят диктатуру, либо «большевики возьмут верх, и все еще не развалившееся в армии и государственном механизме окончательно рухнет»⁹¹⁷.

Личное обаяние у Лавра Корнилова сумел найти разве что его сослуживец А.И. Деникин — да и то с уточнением, что генерал обладал таковым в войсках, но не во время своего нахождения в «нездоровой атмосфере»⁹¹⁸ Петрограда. Очевидно, в своей характеристике А.И. Деникин руководствовался слегка подкорректированным временем тезисом о том, что о *своих* покойниках или хорошо, или ничего.

Некое коварство «отыскал» у Лавра Корнилова только старый большевик А.Г. Шляпников, который то ли с врожденной (что наиболее вероятно), то ли с выработанной в годы подпольной работы в Российской империи подозрительностью вспоминал впоследствии: «Лишь его [Корнилова. — С. В.] шутившиеся, блестящие огоньком глаза говорили о том, что перед нами хитрый и умный военный делец, с которым нужно быть весьма осторожным [курсив мой. — С. В.]»⁹¹⁹. Очевидно, «классовое чутье» позволило А.Г. Шляпникову откопать где-то глубоко в недрах личности Корнилова то, чего в них по определению не было, поскольку из всей характеристики, данной генералу бывшим председателем Русского бюро ЦК РСДРП, действительности соответствует лишь выделенный нами фрагмент.

Генерал Е.И. Мартынов⁹²⁰, опиравшийся в своих оценках, главным образом, на мнение бывших начальников и сослуживцев генерала Корнилова, писал, что, «будучи человеком необычайно самоуверенным», последний «твердо верил в свое провиденциальное назначение, в свою счастливую звезду»⁹²¹. Мартынов также отметил мужество солдата, которое создало Корнилову «боевую репутацию, хотя с точки зрения искусства его действия обыкновенно оставляли желать много лучшего»⁹²².

М.В. Алексеев прямо заявил 7 сентября 1917 г. на допросе по делу Л.Г. Корнилова: «[1] По общему убеждению, ген[ерал] Корнилов не поднимал руки против государственного строя, [2] он стремился только к созданию власти сильной, рабочей, умелой; он ничего не желал для себя, был готов работать с теми, кто был бы способен спасти Родину и вывести ее из того тупика, в который она попала. В этом стремлении к благу Родины заключается причина, в силу которой на стороне ген[ерала] Корнилова симпатии многих»⁹²³. Не трудно заметить, что 1-я выделенная нами часть фразы противоречит

2-й, от установки царского времени на «армию вне политики» тут нет и следа.

По не вполне объективной оценке Н.Н. Головина, «прямолинейная решительность, которая сделала генерала Корнилова одним из лучших строевых генералов, не исчерпывала того, что требовалось от Верховного главнокомандования. Особенно в революционное время на этом посту требовалась решительность более сложного порядка. Мы позволим себе такое сравнение — генерал Корнилов стремился разрубать все встречающиеся на его пути узлы, подобно тому, как это сделал с Гордиевым узлом Александр Македонский. Между тем узлы, создаваемые в социальной жизни „объективными условиями“, приходится развязывать или даже только распутывать. Вот почему... с виду менее решительный, но более мудрый генерал Алексеев более подходил к роли Верховного главнокомандующего. По иронии судьбы генерал Алексеев был убран с этой должности за контрреволюционность как раз рукой Керенского, которому предстояло теперь столкнуться в лице генерала Корнилова с несравненно более строптивым подчиненным Временного правительства. Сильный характер, уверенность в самом себе в сочетании с некоторой упрощенностью в понимании политической жизни приводили к тому, что ген[ерал] Корнилов допускал только один путь спасения страстно любимой им Родины, а именно тот, который он сам видит. Отсюда легко мог возникнуть мессианизм, т. е. вера в то, что Россия может быть спасена только им, Корниловым. Конечно, здесь находило отклик его честолюбие, но несомненно, что в еще большей мере эта вера в свою собственную миссию питалась из источников более высокого характера, а именно из глубокого патриотизма и крайней действительности его натуры. Одним словом, генерал Корнилов вполне отвечал облику тех революционных генералов, которые сыграли большую роль в истории Франции на рубеже XVIII и XIX столетий. Различие было лишь в объективных условиях: французская революция вызвала величайший патриотический подъем во французских народных массах и повела ряд наступательных войн; наша же революция сама явилась последствием тяжелой войны и выявила нежелание народных масс продолжать эту войну. Патриотический же подъем для продолжения борьбы с внешним врагом вместе с либеральной интеллигенцией переходит из революционного лагеря в контрреволюционный»⁹²⁴.

По язвительной иронии А.Ф. Керенского, «у стремительного в действиях, но не привыкшего политически размышлять и свои мысли взвешивать» генерала Корнилова от восторгов по поводу признания его «„благомыслящей“ Россией» своим «вождем и героем» попросту «закружилась... голова», поскольку генерал «каждое слово понимал по-солдатски: сказано — сделано; обещано — исполнено»⁹²⁵.

С большим сарказмом октябрист С.И. Шидловский, имевший сомнительное удовольствие слушать, в частности, выступление Лавра

Корнилова на Государственном совещании (А.Г. Шляпников ехидно писал в воспоминаниях: «...в Москве, в Большом театре... А.Ф. Керенский ставил... оперетку под названием „Демократическое совещание“»⁹²⁶), поделился в своих воспоминаниях впечатлением о том, что «покойный генерал оратором не был, но даже по содержанию эта речь не блистала особыми достоинствами»⁹²⁷; «в политике [Корнилов] ничего не понимал»⁹²⁸, «был честен безусловно, храбр бесконечно и движим самыми высокими побуждениями в желании спасти Родину, но умным человеком он не был и в сложных политических обстоятельствах совершенно не разбирался»⁹²⁹.

Мы многое знаем о генерале Л.Г. Корнилове, однако в тени этой фигуры остался его ближайший помощник и «серый кардинал» антиправительственного выступления — генерал А.М. Крымов, который застрелился 31 августа 1917 г. в Петрограде после провала контрреволюционного выступления. Крымов родился в семье надворного советника в 1871 г. В годы Первой мировой войны — и. д. генерала для поручений при командующем 2-й армией, командир бригады во 2-й Кубанской казачьей дивизии, и. д. начальника штаба 3-го конного корпуса. В 1915—1917 гг. командовал Уссурийской конной бригадой (в декабре 1915 г. переформирована в дивизию). В августе 1917 г. — командующий Отдельной армией⁹³⁰. А.И. Верховский в своих воспоминаниях о генерале Крымове писал: «Его нельзя было забыть. Это был большой, грузный мужчина, сутулый, с небрежно расчесанным пробором редующих волос. Он приходил в академию и лениво вел занятия, скользя скучающим взглядом по своим ученикам — офицерам. Умный и образованный, он нес в себе громадный запас энергии, воли к действию, и учебная работа его явно не удовлетворяла. Но войны не было, и он довольствовался разговорами о ней. Слушатели его группы часто говорили о нем как о начальнике, под командой которого хорошо было бы оказаться на войне. Но не это поражало в нем. Людей, которые казались годными к руководству войсками, в военной академии было много. В нем чувствовался темперамент бойца. Глядя на него, вспоминались кондотьеры эпохи Ренессанса, предприимчивые люди, способные к авантюре, самозабвенной выходке, когда человек мог или сложить голову, или завоевать государство (странная аналогия, много дающая для характеристики личности самого Верховского: тут ведь в принципе напрашивается сравнение с Ермаком, т. е. с людьми и событиями *российской* истории. — С. В.). Таким встал в моей памяти Крымов перед войной. Таким он оказался и во время войны: отличным офицером Генерального штаба в армии Самсонова, сделавшим все, чтобы спасти ее от гибели; отличным и смелым командиром Заамурской казачьей дивизии, выполнявшей в Галиции у Лечицкого ряд дерзких операций, результатом которых было овладение Черновицами. Своим блестящим преследованием противника

дивизия Крымова существенно помогала делу общей победы»⁹³¹. По оценке А.И. Гучкова, знавшего генерала Крымова со времени Русско-японской войны, это был «человек очень сильный, волевой, с большим талантом, с большим политическим умом, с пониманием положения и чувством ответственности за себя, за своих людей»⁹³².

Как и Н.В. Рузский и М.В. Алексеев, А.М. Крымов начал свою заговорщическую карьеру еще при императоре. Для начала — несколько записей из дневника М.К. Лемке: 1) 28 октября 1915 г. — «Генерал-майор Александр Михайлович Крымов, командир Уссурийской казачьей бригады — человек большого роста и грузной комплекции; говорят, очень умный, дельный и ловкий. Алексеев относится к нему очень тепло и долго с ним беседовал у себя в кабинете»⁹³³. С точки зрения лояльности императору близость А.М. Крымова к М.В. Алексееву настораживала самая по себе; 2) 8 ноября 1915 г. — генерал М.С. «Пустовойтенко сказал мне: „Я уверен, что в конце концов Алексеев будет просто диктатором“. Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет, что-то дает основание предполагать такой исход... Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удастся узнать, а часто даже и фамилий их не установишь... Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполняют *каждое* его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце... Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли около набитого дурака и мерзавца; что у него есть что-то, связывающее его с генералом Крымовым именно на почве политической, хотя и [тщательно] скрываемой, деятельности»⁹³⁴; 3) 14 февраля 1916 г. наступает некое прозрение: «По некоторым обмолвкам Пустовойтенко мне начинает казаться, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд и Михаил Саввич [Пустовойтенко], а также еще кое-кто... Если так, то при такой разношерстной компании, кроме беды, для России ждать решительно нечего»⁹³⁵.

А.Г. Шляпников указал в своем труде по истории второй русской революции: «Н.Д. Соколов говорил мне еще в начале 1917 г., что „кто-то“ из либеральной и военной оппозиции подготавливает дворцовый переворот. <...> План заговорщиков состоял в том, чтобы, опираясь на верхи воинских частей, арестовать Николая II, принудить его к отречению от престола в пользу сына Алексея. При Алексее предполагалось организовать регентство с Михаилом Александровичем во главе, а кн[язя] Львова поставить во главе министерства, пользующегося доверием „общества“. Об этом заговоре было известно некоторым лицам из „Прогрессивного блока“. Указывали, что близкими к центру этого дела являются А.И. Коновалов, А.И. Гучков, великий князь Кирилл и, кажется, из военных генерал Крымов...»⁹³⁶

М.В. Родзянко и вовсе без «кажется», со специальным пояснением: он «не посмел бы приписать» покойному генералу «то, что он не го-

ворил»⁹³⁷, указал в своих воспоминаниях: «В начале января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам [Государственной] думы катастрофическое положение армии и ее настроение. У меня» как председателя Думы «собрались многие из депутатов, членов Г[осударственного] совета и членов Особого совещания [по обороне государства]⁹³⁸. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет другого курса, пока не будет нового правительства, которому бы там, в армии, поверили, — не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу, и временные успехи сводятся к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами: „Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы (! — С. В.) вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя“»⁹³⁹. А.М. Крымова, по воспоминаниям М.В. Родзянко, поддержали А.И. Шингарев, С.И. Шидловский, М.И. Терещенко и «многие из членов Думы»⁹⁴⁰. Кто такие «мы», раскрывается в другом фрагменте воспоминаний: «Незадолго до переворота в Петроград прибыла группа офицеров с генералом Крымовым во главе (! — С. В.). Между прочим, генерал Крымов заявил мне: „Так дальше идти нельзя. Благодаря полному отсутствию связи в распоряжениях и строго продуманного плана, назначению на высшие посты в армии без разбора, наши блестящие успехи сводятся на нет, и в армии, в ее солдатском составе, растет недовольство и недоверие к офицерству вообще и начальству в частности, и таким образом армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок. Легко может быть, что при таких условиях солдаты откажутся идти вперед и, что всего ужаснее, под влиянием преступной агитации, с которой никто не борется и которой не умеют положить предел, армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках“»⁹⁴¹. Сам М.В. Родзянко, категорически отказавшись «пойти на переворот» и попросив в его доме вопрос о перевороте не обсуждать, сделал прямой намек: «Если армия может добиться отречения — пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждением, но не насилем...»⁹⁴² Для нас, впрочем, важно другое: офицерская организация под руководством генерала Крымова сложилась максимум в январе 1917 г.

После свержения монархии политическая физиономия А.М. Крымова проявилась четко: в марте 1917 г. он заявил в разговоре с глазу на глаз А.И. Деникину: «Я предлагал... в два дня расчистить Петроград

одной дивизией — конечно, не без кровопролития... Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается: „Помилуйте, это вызвало бы такие потрясения!“ Будет хуже. На днях уезжаю к своему корпусу: не стоит терять связь с войсками, только на них и надежда — до сих пор корпус сохранился в полном порядке; может быть, удастся поддержать это настроение»⁹⁴³. Сам Л.Г. Корнилов характеризовал своего подчиненного 24(11) августа 1917 г. следующим образом: «Я убежден, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов»⁹⁴⁴. По инициативе А.М. Крымова на Юго-Западном фронте была создана офицерская организация, «охватившая главным образом части 3-го конного корпуса и Киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т. д.), имела первоначальной целью создание из Киева будущей военной борьбы. Генерал Крымов считал фронт конечным и полное разложение армии — вопросом даже не месяцев, а недель»⁹⁴⁵. А.И. Деникин полагал, что А.М. Крымов планировал «в случае падения фронта идти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, „кликнуть клич“»⁹⁴⁶ в расчете на поддержку главным образом офицерства, которому угрожала солдатская стихия.

Однако фигура А.М. Крымова осталась в тени фигуры Л.Г. Корнилова — совершенно незаслуженно, во многом вследствие целенаправленных умолчаний в своих «Очерках...» А.И. Деникина, который при подготовке своего фундаментального труда, по всей видимости, использовал рукопись ротмистра Шапрона (зятя генерала М.В. Алексеева) «Воспоминания о Крымове». Документ этот, хранящийся в ГА РФ, равно как и многие другие неопубликованные воспоминания о событиях 1917 г., был введен в научный оборот выдающимся специалистом по истории Гражданской войны в России Г.З. Иоффе. Как он пишет, «сохранившиеся материалы (главным образом архивные неопубликованные мемуары людей, близких к Крымову) показывают, что возглавляемую Крымовым с ранней весны 1917 г. контрреволюционную офицерскую организацию, которую упоминал в «Очерках...» генерал Деникин, «по значимости подготовки корниловщины следует, пожалуй, поставить рядом с „Республиканским центром“ и „Союзом офицеров армии и флота“»⁹⁴⁷. В начале мая 1917 г. на ж.-д. станции Киева Крымов сказал Шапрону о необходимости ведения незаметной секретной работы во всех частях, повсюду, что очень важно, заранее выявляя «кандидатов на виселицу»⁹⁴⁸. Автор рукописи вспомнил, что в 20-х числах июня ему передали: «Крымову удалось получить полное доверие Корнилова, пользуясь которым в наше дело можно будет сразу ввести гораздо большее количество частей, чем предполагалось ранее»⁹⁴⁹. Шапрон сделал важное признание: «Крымов о своих планах не говорил Корнилову ни слова»⁹⁵⁰. Более того, А.И. Деникин, скорее всего, не был знаком с обширной

рукописью «Поход генерала Крымова», которую написал бывший полковник Генштаба Г.И. Дементьев, в 1920-х гг. проживавший в Софии. Из этой рукописи следует, что именно Крымов был инициатором переброски 3-го конного корпуса с юга на север для возможного удара по Петрограду⁹⁵¹. Не зря все мемуаристы сходились во мнении, что Корнилова, по большому счету, сделала свита, и прежде всего — генерал Крымов.

Несмотря на массовую гибель активных офицеров в ходе июньского наступления русской армии, летом 1917 г. образовывались политические и финансовые центры, готовившие почву для военного переворота, проводилась идеологическая подготовка мятежа⁹⁵². Используя безответственного В.Н. Львова в почетной роли «козла-провокатора»⁹⁵³, роковую для «генеральской альтернативы» роль сыграл министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, который задумал стравить Л.Г. Корнилова с большевиками, однако, как это бывало в его политической практике, сумел реализовать свой гениальный план только наполовину.

И.В. Сталин и другие авторы «Краткого курса истории ВКП(б)» практически не покривили душой, когда писали: «Заговор Корнилова подготовлялся открыто. Чтобы отвлечь от него внимание, заговорщики пустили слух, что большевики в Петрограде готовят восстание ко дню полугодовщины революции — 27 августа. Временное правительство во главе с Керенским обрушилось на большевиков, усилило террор против пролетарской партии. Вместе с тем генерал Корнилов собирал войска для того, чтобы двинуть их на Петроград, ликвидировать Советы и создать правительство военной диктатуры. О своем контрреволюционном выступлении Корнилов предварительно сговаривался с Керенским. Но в самый момент корниловского выступления Керенский круто изменил фронт, отмежевался от своего союзника. Керенский опасался, что народные массы, поднявшись против корниловщины и разгромив ее, заодно сметут и буржуазное правительство Керенского, если оно не отмежеется теперь же от корниловщины»⁹⁵⁴.

Н.А. Базили пометил в конспекте состоявшейся 10 февраля 1936 г. беседы с А.И. Гучковым следующее: «Из 200-тысячного петербургского гарнизона только 4200 молодых офицеров и юнкеров были действительно верны правительству. Молодежь эта действительно была склонна к активным действиям. Но генералы, которые потом пошли в Белое движение, тоже не верили в возможность каких-то активных действий. <...> На мой вопрос, на кого же... предполагал опереться ген[ерал] Корнилов в своей августовской попытке, А[лександр] И[ванович] ответил — Корнилов неоднократно указывал ему, А.И. [Гучкову], что он, А.И. [Гучков], как „буржуй“, не может рассчитывать увлечь за собой войска. Напротив, по его мнению, Керенский, который представлялся им своим человеком, мог бы это сде-

лать. И свое выступление Корнилов рассматривал как *coup d'État* (государственный переворот. — *фр.*), который должен быть произведен под флагом Керенского. А[лександр] И[ванович] был осведомлен об этом ген[ералом] Крымовым, покончившим с собой при неудаче. Ген[ерал] Крымов со своими казаками должен был, по плану Корнилова, явиться авангардом движения. Казаки эти пока подчинялись Крымову, но по мере приближения к столице разложение сказалося и у них. У Керенского в последнюю минуту не хватило мужества, и когда была получена его дезавуирующая телеграмма и Корнилов не двинулся, Крымов оказался в таком положении, что покончил с собой. Адьютант Крымова передал А[лександру] И[вановичу], что когда он, раненный, лежал на полу, он сказал: „Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил“»⁹⁵⁵.

Предпринятый 25 августа Л.Г. Корниловым и А.М. Крымовым «поход» на Петроград успехом не увенчался, а, напротив, лишь склонил чашу властных весов к В.И. Ленину и сторонникам захвата власти в большевистской партии и ее Центральном комитете. А.А. Брусилов полагал, что «этот безусловно храбрый человек (Корнилов. — С. В.) сильно повинен в излишне пролитой крови солдат и офицеров. Вследствие своей горячности он без пользы губил солдат, а провозгласив себя без всякого смысла диктатором, погубил своей выходкой множество офицеров, но должен сказать, что все, что он делал, он делал, не обдумав и не вникая вглубь вещей. <...> От души надеюсь, что русские люди будущего сбросят с себя подобное вредное сумасбродство, хотя бы и руководимое любовью к России»⁹⁵⁶. А.Ф. Керенский признал корниловское выступление «прелюдией большевизма»⁹⁵⁷, А.И. Деникин уточнил — таковым стало не корниловское выступление самое по себе, а конкретно «победа Керенского»⁹⁵⁸ над генералом. Не зря «отец русского марксизма» Г.В. Плеханов напомнил в августе 1917 г. на заседании Государственного совещания «старинную ирландскую легенду о двух кошках, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни хвосты»⁹⁵⁹. А.И. Гучков, размышляя над произошедшим, заявил: «Характерна неудача Корнилова. Я... убежден, что военное командование в согласии и союзе с правительством еще имело шансы захватить власть, а как только между ними образовался антагонизм, так [все] и рухнуло. Ведь Корнилов имел поддержку, а как только он увидел, что поддержка изменила, он смалодушничал»⁹⁶⁰.

В довершение всего А.Ф. Керенский, который, по замечанию С.В. Тютюкина, «быстро входил в роль диктатора»⁹⁶¹ (создал Директорию и начал «закулисные переговоры... с кадетами... безо всякого контроля со стороны демократической общественности»⁹⁶²), решительно пресек стремление назначенного в сентябре 1917 г. военным министром Временного правительства А.И. Верховского, прекрасно

себя зарекомендовавшего усмирением погрузившихся в анархию частей Ярославля и Нижнего Новгорода, затем — «успешным»⁹⁶³ командованием войсками Московского военного округа, «действовать, опираясь на Советы и армейские комитеты», а главное — «авторитет Ц[ентрального] и [сполнительного] к[омитета]». Верховский, по его собственному заявлению, был убежден, что основной текущей задачей правительства было «добиться союза демократического офицерства и комитетов, которые вместе еще как-нибудь (! — *С. В.*) могут бороться с разложением армии, но порознь будут наверняка разбиты»⁹⁶⁴. Правда, тут следует указать на предположение А. Нокса: Верховский озвучивал «свои идеи только для того, чтобы произвести впечатление»⁹⁶⁵ на аудиторию. Как бы там ни было, А.Ф. Керенский раздраженно заметил А.И. Верховскому: «До тех пор, пока я являюсь главой Временного правительства, я не могу допустить, чтобы оно руководствовалось интересами той или другой группы населения»⁹⁶⁶. Он заявил, что правительство «должно стоять на общенациональной точке зрения»⁹⁶⁷. Правда, все это могло быть свидетельством недовольства министра-председателя очередным военным руководителем: А.И. Верховского хорошо его знавший А.И. Гучков характеризовал как «профитера революции», которому «казалось, что можно не мелкий свой карьеризм удовлетворить, а сыграть большую роль. Ему казалось, что если он к этой революционной стихии подойдет, то сумеет ее вовремя захватить и на этой волне выдвинуться»⁹⁶⁸. Офицер Морской дивизии Н. Кришевский в своих воспоминаниях так описал начальника штаба дивизии полковника Генерального штаба А. Верховского, которого он наблюдал в начале 1917 г.: «Верховский не произвел ни на кого сколь-нибудь яркого впечатления: очень молодой, худощавый и подвижный, с лицом семитического типа, в очках, фразер, любящий позу и крикливые эффекты (мемуарист добивался сравнения с Керенским. — *С. В.*), он не вызывал к себе доверия как офицер Генерального штаба и не производил делового впечатления. Прибыв, он проявил колоссальный интерес к своей будущей квартире и очень хлопотал о возможно больших удобствах, заинтересовался формой, знаменами, разными мелочами, но на жизни дивизии его приезд ничем не отразился, и по-прежнему — везде и во всем — чувствовалась уверенная рука генерала Свечина. В штабе дивизии Верховского вовсе не было — он был, главным образом, у командующего флотом адмирала Колчака, в штабе крепости у адмирала Веселкина (которому тоже с какой-то стороны подчинялась дивизия), в Морском собрании и вообще везде, но не в полках и не в своем штабе. В Севастополь Верховский приехал из Ставки. Георгиевский кавалер, молодой, любящий бросать фразу или огорошить кого-либо небрежно брошенным вопросом, он импонировал молодежи и пожилым дамам, оставляя неопределенное впечатление у людей более вдумчивых, выражал достаточную верную-

подданность и ничем заметно не проявлял своих будущих революционных настроений. В общем, офицеры вынесли впечатление о Верховском как о болтуне, умеющем ловко и подчас красиво сказать речь с эффектно брошенной парой фраз, проявлять оживленную деятельность в области личных и почтительных бесед со всевозможными высшими начальниками, но в деловом отношении было ясно, что дивизия вовсе не имеет начальника штаба»⁹⁶⁹. Как человека «быстро на слова»⁹⁷⁰ охарактеризовал А.И. Верховского и управляющий Министерством юстиции А. Демьянов, однако мемуаристы, опубликовавшие свои очерки в «Архиве русской революции», намеренно сгустили краски: просто А.И. Верховский был из тех, кто в 1917 г. сосредоточился на делании генеральской карьеры и политических играх. Для любого амбициозного военного, тем более молодого, такое поведение вполне нормально.

В разговоре с А.Ф. Керенским на последнюю роль сыграл тот факт, что А.И. Верховский попытался оказать на своего начальника давление, а такие вещи иногда прощают подчиненным и соратникам сильные правители, но никогда — слабые. Военный министр заинтересовался у министра-председателя: «Знаете ли Вы, Александр Федорович, точку зрения ЦИК на мою программу?.. Он будет поддерживать ее даже против Вас и Терещенко»⁹⁷¹. Что характерно, А.Ф. Керенский не удивился такому обороту событий, лишь «пробурчал себе под нос что-то невразумительное и, быстро пожав [Верховскому] руку, ушел к себе»⁹⁷². По всему видно, что повод для недоверия очередному военному министру у главы Временного правительства был веский. А.И. Верховский в воспоминаниях расписался в том, что он прекрасно осознавал необходимость скорейшего заключения мира с Германией и не порывал со Временным правительством исключительно потому, что в этом случае «единомышленников в вопросе о мире» ему пришлось бы искать «только среди большевиков»⁹⁷³. Поэтому «свои усилия» Верховский «направил в трех направлениях (так в тексте. — С. В.). Во-первых, в сторону союзников, убеждая их, что нужно всем вместе заключить мир; во-вторых, в сторону представителей буржуазной общественности, доказывая, что Россия все равно не может продолжать войну и сломается под непосредственной тяжестью; и, наконец, в сторону представителей демократии, среди которых [министр] надеялся скорее всего найти сторонников своей точки зрения»⁹⁷⁴. Все замыслы Верховского с треском провалились, однако тут важен самый факт их проведения — за спиной Временного правительства. Не будет большим преувеличением заявление, что соответствующие переговоры мог провести либо «ликвидационный министр», либо человек, расценивавший сам себя в качестве потенциального руководителя страны. Не зря Верховский констатировал в своих воспоминаниях — «заученные слова и предвзятые идеи» прикрывали «личные, а потому самые... важные инте-

ресы»⁹⁷⁵. В.Б. Шкловский писал в своем «Сентиментальном путешествии»: «...в Военном министерстве буксовал Верховский. Вы знаете, как буксует автомобиль? Происходит это так. Попадает автомобиль колесом в грязь или на лед и не может тронуться с места. Мотор дает полные обороты, машина ревет, цепи, намотанные на колеса, гремят и выбрасывают комья грязи, а автомобиль — ни с места. Так буксовал генерал Верховский. Это был человек решительный, инициативный, с нервами, с напором. Его идея сократить армию на 40% была смелой мыслью. Но провести ее уже было нельзя. Ткани страны переродились»⁹⁷⁶. Военный министр предпринял отчаянные попытки спасти положение, среди которых — выступления в двух комиссиях Предпарламента с предложением о заключении сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией: «мы не можем сражаться». 22 октября А.И. Верховский сдал должность А.А. Маниковскому и покинул Петроград, а правительство сделало все, чтобы не предать инцидент с военным министром огласке⁹⁷⁷. Каковыми бы ни были амбиции А.И. Верховского, военного министра Революция как выдвинула, так и задвинула — во время агонии Временного правительства он попросту «остался совершенно один»⁹⁷⁸, а затем получил время подумать над судьбой страны, сидя в Крестах, где заведовавший тюремной библиотекой великий князь Николай Михайлович смеялся над арестовавшим некогда в Крыму Николая Николаевича и бывшую императрицу Марию Федоровну бывшим военным министром: «Вы нас арестовывали в апреле, а теперь сидите вместе с нами. В-первых, вам поделом, а во-вторых, учитеcь истории. — Николай Михайлович был известным историком. — В революционной борьбе нет середины»⁹⁷⁹.

Так или иначе, интригой, связанной с корниловским выступлением, А.Ф. Керенский переиграл самого себя. По иронии автора серьезного юбилейного издания по истории участия России в Первой мировой войне, министр-председатель после того, как ему удалось спровоцировать и разгромить «врага справа», «остался один с „друзьями слева“»⁹⁸⁰. Да к тому же практически сразу же дискредитировал собственную власть, заявив, что «он в качестве Верховного главнокомандующего никогда на практике» не применит смертную казнь. Как справедливо заметил по этому поводу А. Демьянов, тогда и огорода городить не следовало: Керенский своим признанием и себя, и Временное правительство сильно в то время дискредитировал⁹⁸¹. Уточним — не дискредитировал, а утопил.

25 октября (7 ноября) к Б.В. Савинкову пришли двое военных. Штаб-офицер заявил ему, что «ни один из офицеров и пальцем не пошевелит ради Керенского», а обер-офицер добавил, что «группа офицеров уже приняла решение арестовать его»⁹⁸². А.Ф. Керенский, как известно, бежал из столицы на автомобиле, предоставленном ему американцами.

В Красный день календаря большевики захватили власть без особого труда. Меньшевик М.И. Либер позднее, на съезде РСДРП(о), заявил, что все произошедшее в России в 1917 г., напоминает «трагический маскарад»⁹⁸³: контрреволюционный большевистский переворот принимают за социалистическую революцию, солдатский бунт — за революционно-интернационалистское движение пролетариата, деградацию России — за ее всемирно-историческую авангардную роль. Либер связал крах самодержавия и Октябрьский переворот с поражением России в Первой мировой войне, истощившей ее силы раньше других участников («в такой войне, как нынешняя, потерпеть поражение должна была страна наиболее отсталая, наименее культурная и развитая экономически»⁹⁸⁴). Либер констатировал: решающую роль в событиях 1917 г. сыграла смертельно усталая от войны и стремившаяся к миру во что бы то ни стало армия, а главной движущей силой революции, увлекшей за собой рабочих, были солдаты⁹⁸⁵.

В конце ноября 1917 г., проанализировав сложившееся в нашей стране положение, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка Уильям Бойс Томпсон направил премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу меморандум, в котором, в частности, указал: «Наличие небольшого числа войск союзников в Петрограде определенно многое сделало бы для предотвращения свержения правительства Керенского в ноябре. Мне хотелось бы предложить Вам на рассмотрение, если сохранятся теперешние условия, концентрацию всех британских и французских государственных служащих в Петрограде; при необходимости из них можно будет сформировать достаточно эффективную силу. Может оказаться целесообразным платить небольшую сумму каким-нибудь русским отрядам. Есть также большая группа добровольцев, набранных в России; многие из них принадлежат к классу интеллигенции и провели превосходную работу в окопах. Им нужно надлежащим образом помочь»⁹⁸⁶. Первое время большевистская власть висела на волоске, и вожди РСДРП(б) прекрасно понимали, что их жизнь и деятельность зависит прежде всего от лояльности армии и боеспособности вооруженных сил. В.И. Ленин выдал позднее свою эпохальную фразу о том, что «Революция только тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться». Для понимания всей глубины высказывания вождя вместо слова «Революция» (советский эвфемизм) в этой фразе следует поставить слово «Власть».

Подводя итоги поистине гамлетовским колебаниям генералитета 1917 г., А.И. Деникин писал: «Нет сомнения, что своевременно созданная сильная офицерская организация имела много шансов на решительный успех в борьбе с большевизмом в первую стадию его властвования. К сожалению, ни Керенский, ни тем более революционная демократия не допустили бы ни под каким видом подоб-

ного образования. По личным мотивам они были, конечно, правы; офицерскими войсками после всех событий первого периода революции, после установившихся — и не по офицерской вине — ярко враждебных отношений, и Керенский, и Совет были бы насильственно устранены»⁹⁸⁷. Не удалось осуществить даже подготовку сильной офицерской организации на случай свержения Временного правительства. Деникин выдвинул следующие аргументы: «...представители активного начала томились в тюрьме, Главный комитет офицерского союза, которому наиболее соответствовала эта задача, был разгромлен Керенским в конце августа, а в сознание большинства ответственных руководителей армии глубоко проникла страшная и небезосновательная тревога за судьбу русского офицерства»⁹⁸⁸. На наш взгляд, это объяснение — попытка самообеления: «корпус» генералов старой армии отнюдь не был един, а потому наиболее видным его представителям попросту не удалось договориться о фигуре диктатора.

После прихода к власти большевиков отдельные генералы продолжали метить в Наполеоны: А.А. Маниковский, впоследствии погибший «при крушении поезда»; исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин⁹⁸⁹, капитан 1-го ранга А.М. Щастный, расстрелянный по приговору нелегитимного суда с единственным «свидетелем» Л.Д. Троцким, Главнокомандующий войсками Восточного фронта М.А. Муравьев — организатор не без труда подавленного военного мятежа против Советской власти в июле 1918 г.

Наиболее рельефно разобщенность русского офицерского корпуса проявилась после прихода большевиков к власти, когда несколько тысяч служивших в Военном министерстве генералов и офицеров не сумели сплотиться вокруг фигуры крупнейшего специалиста по боевому снабжению армии генерала А.А. Маниковского — организатора т. н. «контрреволюционного саботажа» в Военном министерстве⁹⁹⁰.

При царе генерал был, по оценке В.В. Поликарпова, «одним из ревностных и открытых сторонников идеи установления военной диктатуры, выступая с ней не только в переписке с единомышленниками, но и добиваясь официального решения Николая II»⁹⁹¹. А.А. Маниковский осознавал себя одним из немногих, кто был реально готов деятельно бороться с угрозой режиму. Он гордился опытом подавления беспорядков, полученным в 1905 г., и заявлял, что не остановится «перед „палкой“ и „виселицей“ для либералов, что он противник „гуманничания“, „мирволенья и пасования“ перед забастовщиками»⁹⁹². Незадолго до свержения монархии в письмах в Ставку Е.З. Барсукову генерал постоянно возмущался и скорбел по поводу бездействия высшей власти перед лицом назревавшего военного бунта. Он яростно клеймил окружение Николая II за то, что

министры не принимают никаких мер и никто даже не решается открыть самодержцу глаза на печальную действительность, и даже добился 4 ноября 1916 г. высочайшей аудиенции, «был обласкан и тут же произведен в генералы от артиллерии»⁹⁹³. Маниковский был, по оценке В.В. Поликарпова, «верноподданным генералом, безумно тревожившимся за устойчивость власти, боявшимся, что „армия поддержит переворот“ и рухнет карьера, окажутся погубленными его собственные усилия по насаждению новых военных заводов»⁹⁹⁴. Все бы было хорошо — только вот один, как известно, в поле не воин.

Февральская революция ничуть не удивила убежденного монархиста: по свидетельству А. Нокса, когда в кабинет ворвался взволнованный адъютант и доложил, что солдатская масса пробивается в здание на Миллионной, «Маниковский, оставаясь совершенно спокойным», приказал «„Открыть все двери. Зачем нам им мешать?“». Когда адъютант, разнервнувшись, вышел, удивленный неожиданной любезностью своего начальника, Маниковский вздохнул и с нотками типично русского сдерживаемого гнева заявил мне: „Посмотрите, к чему привело нас наше министерство!“»⁹⁹⁵. Впрочем, здание генерал довольно быстро покинул: он не желал иметь какое-либо дело с распоясавшейся солдатней. П.А. Половцов, имевший дело с А.А. Маниковским при Временном правительстве, дал генералу характеристику, весьма напоминавшую завуалированную издевку: «Замечательно симпатичный и толковый человек»⁹⁹⁶, а все потому, что «мои бумажки подписывает беспрекословно, т. к. у меня уже выработаны трафареты на все случаи жизни. Раз Маниковский за мной посылает, чтобы я ему помог разобраться с английской военной миссией. Он ни слова не знает по-английски и мало по-французски, а когда дело доходит до техники всяких поставок, то запутывается окончательно. Исполняю роль переводчика к удовольствию обеих сторон»⁹⁹⁷. Получается странно, «толковый» мэтр по снабжению армии запутывается особенно именно при обсуждении «техники поставок», при том что у него высококвалифицированный переводчик. Почему так? Потому что на самом деле до крайности самовлюбленный Маниковский вызывал стойкое отторжение даже большинством коллег по генеральской корпорации, и Половцов в своих воспоминаниях не имел ни малейшего желания дать ему положительную характеристику.

Временное правительство вызывало у А.А. Маниковского ничуть не больше симпатий, чем распоясавшаяся солдатня: в июле он вроде бы заявил А. Ноксу, что уже два месяца не может встретиться с А.Ф. Керенским, и добавил: «Иногда мне хочется пустить себе пулю в лоб, а иногда — [застрелить] кого-нибудь другого (Керенского. — С. В.)»⁹⁹⁸. Арестованный большевиками после прихода к власти, генерал через два дня «согласился взять на себя руководство министерством при условии, что ему предоставят свободу действий и не будут заставлять вмешиваться в политику»⁹⁹⁹. Лезший везде и всюду

А. Нокс нашел А.А. Маниковского после его освобождения в «квартире, сидевшим в комнате с щенком и котенком, одного из которых звали Большевиком, а второго Меньшевиком»¹⁰⁰⁰. На генерала, по свидетельству англичанина, «никак не подействовал его печальный опыт...»¹⁰⁰¹. Прекрасно понимая, что военный диктатор не сможет опереться на тыловых крыс, А.А. Маниковский с надеждой смотрел на Ставку.

После захвата «ленинской» партией государственной власти за А.А. Маниковским в Военном министерстве, как мы уже указали, никто не пошел. В данном контексте сложно не заметить, что А.И. Деникину не следовало сваливать все с двух больших голов на одну (не получается написать «с большой головы на здоровую»).

Член Комитета по делам военным и морским Н.В. Крыленко в своей полумемуарной работе «Смерть старой армии», опубликованной В.Д. Поликарповым, указал, что после Октябрьского переворота «основной задачей, которая встала перед Народным комиссариатом по военным делам, было установление связи с фронтами помимо Ставки, еще находившейся в руках Духонина, и забота о том, чтобы не прекратилось снабжение армии в первую голову продовольствием. Последнее было достигнуто освобождением из Петропавловской крепости генерала Маниковского, последнего военного министра правительства Керенского, и предоставлением ему возможности продолжать работу под непосредственным контролем Военного комиссариата. Первая задача — связь с армиями — была достигнута при помощи установления революционной связи с фронтами через посредство бесконечных делегаций, которые, минуя официальную Ставку, волной нахлынули после переворота в Петроград. Каждая дивизия, если не каждый полк, засыпали в это время Питер делегатами, направляемыми в центр за справками, что именно произошло в Питере»¹⁰⁰².

Служащие Военного министерства вместе с основной массой петроградских офицеров уклонились от активного участия в противодействии захвату власти большевиками: в штабе Петроградского военного округа находилась лишь небольшая группа офицеров Военного министерства, потери личного состава были единичными и коснулись только верхушки министерства. В числе прочих участников последнего заседания Временного правительства был арестован А.А. Маниковский, погиб при аресте его помощник — князь Туманов — один из тех, кто до последней минуты оставался в штабе округа. Были и «потери» другого рода: 26 октября в Москву выехал меньшевик В.В. Шер, принявший участие в борьбе с большевиками в составе московского Комитета общественной безопасности, — начальник Военного кабинета Б.А. Левицкий — в Могилев, к Н.Н. Духонину¹⁰⁰³. По высокоавторитетному мнению А.В. Крушельницкого, «с первых дней Октября Военное министерство подтвердило свою репутацию опасного контрреволюционного гнезда, сложившуюся в

период корниловщины. И все же, несмотря на явные антисоветские настроения большинства служащих, определенный успех призывов к политической забастовке и возможное наличие собственного контрреволюционного центра, Военное министерство в целом (в отличие от прочих правительственных учреждений свергнутого режима) не пошло по пути открытой контрреволюционной забастовки»¹⁰⁰⁴, что, по всей видимости, было связано с представлением командного состава министерства о возможности «усмирения» тыла фронтом и, как следствие, использованием верхушкой министерства своего авторитета для удержания подчиненных от немедленной забастовки. Наиболее осведомленная часть командного состава, судя по всему, находилась в курсе готовившихся Ставкой планов второй корниловщины и считала необходимым продолжать работу, т. е. кормление и вооружение фронта, который «задавит» большевистскую власть¹⁰⁰⁵.

Толчком к началу контрреволюционного саботажа в Военном министерстве стало уже упомянутое нами освобождение генерала А.А. Маниковского с предоставлением ему возможности продолжать руководство под контролем члена Комитета по делам военным и морским Н.В. Крыленко, связанное с опасениями советского военного и политического руководства за снабжение фронта¹⁰⁰⁶. Первым же шагом освобожденного управляющего Военным министерством явился приказ от 30 октября, который предписывал немедленно приступить к работе «„парализовать последствия уже начавшего расстройств некоторых отраслей снабжения“». Центральная фраза, внешне нейтральная, содержала, однако, скрытое непризнание Советской власти: „Работа наша должна производиться вне какой бы то ни было политики, совершенно независимо от какой бы то ни было партийности и без всякой помехи. Только на таких условиях наша работа может быть продуктивна и только при наличии их я согласился по-прежнему руководить делом снабжения армии...“ Заканчивался приказ требованием немедленно доносить о „препятствиях“, если таковые встретятся в деятельности какого-либо управления. Так Маниковский сразу же отступил от условий соглашения с наркомом Крыленко. Для народного комиссара Н.В. Крыленко тезис о работе Военного министерства „вне политики“ означал, что „генерал Маниковский только лицо, на обязанности которого лежит преемственность технической работы снабжения и продовольствия, в то время как политическое руководство деятельностью Военного министерства и ответственность за таковую „лежит на народном комиссаре по военным делам“»¹⁰⁰⁷.

Партнером А.А. Маниковского по контрреволюционному саботажу стал начальник Генерального штаба генерал В.В. Марушевский¹⁰⁰⁸, распоряжением которого с первых дней ноября 1917 г. были налажены тайные антисоветские связи Генштаба с посольствами государств Антанты и который действовал в постоянном контакте с главой мятежной Ставки генералом Н.Н. Духониным¹⁰⁰⁹.

Коллегия Наркомвоена непосредственно контролировала обстановку в Военном министерстве и вела борьбу с саботажниками средствами агитации и административными мерами — довольствующие управления продолжали снабжать фронт на протяжении всего периода, пока Советская власть не имела технического аппарата руководства армией, сосредоточенного в Ставке Главковерха.

Отдельные представители Советской власти на местах рассматривали осторожную политику коллегии Наркомвоена как утрату ее членами политической бдительности: так, в Совнарком поступили протесты против контрреволюционных действий генералитета Военного министерства «за спиной народных комиссаров»¹⁰¹⁰.

Однако членам коллегии Наркомвоена было виднее: когда 20 ноября А.А. Маниковский и В.В. Марушевский были арестованы, а Н.В. Крыленко, овладев Ставкой, специальным приказом объявил о передаче руководства центральным военным аппаратом заместителю наркома по военным делам Н.И. Подвойскому, коллегия оказалась не в состоянии сразу вступить в фактическое управление министерством.

Для этого фактическим лидерам коллегии Наркомвоена пришлось, теперь уже в полном объеме, «овладеть» генералом Н.М. Потаповым, который, поломавшись для вида, и стал первым «советским» техническим руководителем тылового военного аппарата¹⁰¹¹.

Николай Михайлович Потапов заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов даже здесь, поскольку это был человек, сумевший втереться в доверие и к старым большевикам, и к военным специалистам, и даже к белоэмигрантам — во время проведения ОГПУ СССР легендарной операции «Трест».

По свидетельству А.И. Гучкова, уже «во время первых дней» Февральской революции генерал Потапов сумел «установить какие-то связи с революционными кругами»¹⁰¹² и «был вхож в Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов»¹⁰¹³. Он был известен первому военному министру Временного правительства в качестве «человека, который считался ими (революционными кругами. — С. В.) за человека, с ними согласного»¹⁰¹⁴. По всей видимости, генерал стал тогда неким связующим звеном между Временным правительством и Петросоветом.

Будучи генерал-квартирмейстером Генштаба и отвечая по должности за военную контрразведку, Н.М. Потапов еще в июле 1917 г. через М.С. Кедрова и Н.И. Подвойского вошел в контакт с большевиками — по свидетельству Кедрова, «сам предложил свои услуги»¹⁰¹⁵.

Накопленный опыт двойной игры пригодился в дальнейшем: Н.М. Потапов был редким генералом русской армии, кто, делая свою карьеру, успевал при этом служить своей Родине: к примеру, именно он, председательствуя после прихода большевиков к власти в Особом совещании по обороне, пришел на помощь артиллеристам,

выделив в середине ноября 1917 г. средства на достройку Онежского завода азотной кислоты¹⁰¹⁶.

Одновременно с ликвидацией контрреволюционного саботажа в Военном министерстве была проведена и зачистка Ставки во главе с Н.Н. Духониным. Альфред Нокс писал о Духонине как о «первом из знакомых» ему «русских генералов, который озаботился возможным истощением людских резервов после понесенных ужасных потерь в результате недостаточного технического оснащения войск»¹⁰¹⁷. По воспоминаниям Н.В. Крыленко, «как раз» после «исчезновения Керенского начальник его штаба генерал Духонин объявил себя вступившим в должность Главковерха сообразно соответствующей статье [Положения] о полевом управлении войск. Тов. Ленин самым настоятельным образом требовал немедленных шагов со стороны Военного комиссариата и в особенности армии по предложению немцам установить перемирие и приступить к мирным переговорам. Медлить с этим вопросом, действительно, было нельзя. С другой стороны, до подчинения Ставки нечего было думать о таком обращении от имени центрального правительства к Германии. В своих переговорах по прямому проводу с Духониным я требовал от него немедленного подчинения и в особенности прямого запрещения и приостановки продвигавшихся, по моим сведениям, войск на Петроград с Юго-Западного фронта, дошедших чуть ли не до Луги. Эта приостановка была Духониным обещана, но на основной вопрос — о подчинении — был дан уклончивый ответ»¹⁰¹⁸.

Если точнее, 7 ноября ночью Совнарком отправил Н.Н. Духонину радиogramму, в которой предписал ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам — как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. В Ставке радиogramма была получена 8 ноября в 5 часов 5 минут утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать ленинскому правительству о ходе переговоров и подписать акт о заключении перемирия — «только после утверждения его Советом народных комиссаров» (аналогичное предложение было «формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде») ¹⁰¹⁹.

Не получив от Н.Н. Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совнарком уполномочил В.И. Ленина, И.В. Сталина и Н.В. Крыленко запросить и. д. Главковерха «по прямому проводу о причинах промедления». Переговоры велись с 2 до 4 часов утра 9 ноября, причем Н.Н. Духонин предпринял «многочисленные попытки уклониться от объяснений своего поведения и от дачи точного ответа на предписание правительства, но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться»¹⁰²⁰.

В.И. Ленин, И.В. Сталин и Н.В. Крыленко передали в Ставку: «Именем правительства Российской республики, по поручению Со-

вета народных комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и особенно армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко»¹⁰²¹.

Н.Н. Духонина «поддержал армейский комитет в Могилеве. Генерал обратился к войскам всех фронтов с призывом подождать, пока мир не будет заключен всеми странами-союзницами»¹⁰²². Документы РГВА свидетельствуют о том, что контрреволюционную Ставку из «пламенной любви» к большевикам морально поддержали даже те силы, которые, казалось, не могли питать к «генеральской альтернативе» ни малейших симпатий. В частности, 12 ноября 1917 г. в 8 час 18 мин в Наркомате по военным делам РСФСР была получена телефонограмма Революционного комитета Румынского фронта и комитета 8-й армии о непризнании Советской власти и с требованием незамедлительного образования однородного социалистического правительства во главе с эсером В.М. Черновым¹⁰²³. В ней сказано:

«Революционный комитет Румынского фронта, комитет 8-й армии решительно против кровавой диктатуры Ленина и Троцкого, от которых откололась не только вся организованная демократия, но и значительная часть большевиков. Всецело присоединя[ем]ся к общearмейскому комитету и Викжелю»¹⁰²⁴.

Революционный комитет 8-й армии приветствует решение генерала Духонина, отказавшегося разыгрывать фарс по повелению Ленина и Троцкого. Революционный комитет 8-й армии требует немедленно образовать однородное социалистическое министерство во главе с Черновым, ибо только такое министерство, опирающееся на всю революционную демократию, может предложить перемирие на всех фронтах. Дальнейшие переговоры с Лениным и Троцким считаем оскорблением для демократии.

Председатель *Ерофеев*

Секретарь *Парадовский*»¹⁰²⁵.

Альфред Нокс указал в своих воспоминаниях: «Ответы фронтовых комитетов [на призыв Духонина] из Румынии и с Юго-Западного фронта оказались благожелательными. Но это были мнения только представителей комитетов, и ни у кого, кто хоть немного знал армию, не возникало мысли о том, что они совпадали с мнением солдатских масс. Робкая попытка Духонина дать бой с самого начала являлась безнадежной, потому что русского солдата приучили к мысли, что теперь он хозяин в доме, и в течение вот уже нескольких месяцев он и слышать не желал ни о чем, кроме мира»¹⁰²⁶.

Дни Н.Н. Духонина были сочтены. Генерала изолировали в Ставке (Могилев был взят «в клещи с севера, запада и юга»¹⁰²⁷), и практической помощи, как и следовало ожидать, Духонин ни от кого не дождался. Все же, по всей видимости, был не так уж не прав подвергнутый критике А. Ноксом обер-офицер, считавший Духонина «бесхарактерным генералом, который постоянно нуждался в управлении»¹⁰²⁸. 19 ноября Н.Н. Духонин, в распоряжении которого было всего лишь пять ударных батальонов, был арестован¹⁰²⁹, на следующий день в Ставку прибыл новый, большевистский, Верховный главнокомандующий — Н.В. Крыленко. Дальнейшее предсказуемо: Н.Н. Духонин был растерзан революционными матросами, приехавшими в Могилев вместе с прапорщиком, который не имел никакого отношения к расправе «и, как говорят, пытался предотвратить»¹⁰³⁰ ее, равно как не имела никакого отношения к убийству свергнутого императора Петра III Екатерина II. После «ликвидации контрреволюц[ионной] Ставки»¹⁰³¹, отдавая распоряжения об отправке людей на тот свет, большевики говорили: «в штаб Духонина / к Духонину», как вариант — «в Могилевскую губернию». Нечто подобное можно найти в истории религиозных войн во Франции, когда после убийства адмирала Гаспара Колиньи де Шатильона католики посылали гугенотов «на смотр к адмиралу».

Разгром Ставки и убийство Н.Н. Духонина — решающий момент в «ликвидации контрреволюционного саботажа в Военном министерстве». По свидетельству А. Нокса, который, будучи представителем Антанты, сделал все, что было в его силах для предотвращения сепаратного мира, на следующий день после разгрома Ставки он «встречался с Марушевским, когда вошел секретарь и сообщил, что у телеграфиста есть для него какая-то секретная информация. Марушевский вышел и через некоторое время вернулся с вытянутым лицом. Он рассказал, что Духонина и его окружение прошлой ночью арестовали»¹⁰³². Не приходится сомневаться в том, что, если бы В.В. Марушевский узнал о зверском убийстве Н.Н. Духонина, он бы выглядел еще хуже. Несмотря на то что на следующий день В.В. Марушевский заявил зашедшему к нему с распоряжением выделить генштабистов для участия в переговорах по прекращению огня наркому по иностранным делам Л.Д. Троцкому: «Я поговорю с Подвойским. Не хочу иметь с вами дела!»¹⁰³³, генерал после беседы с тактичным Н.И. Подвойским все же подчинился распоряжению Советской власти. Л.Д. Троцкий жестоко отомстил В.В. Марушевскому: его и А.А. Маниковского, вопреки протестам Н.И. Подвойского, восхищавшейся его интеллектом и тактом А.М. Коллонтай и ее гражданского мужа П.Е. Дыбенко, арестовали, сломив тем самым шею саботажникам (см. док. № 1.1.2, 1.1.3), и устроили двум генералам в Смольном многочасовой перекрестный допрос. А. Нокс, которого большевики именовали своим «проклятьем» в английском

посольстве, занес в дневник: «Маниковского обвиняют в том, что, когда он был освобожден большевиками от обязанностей военного министра, он отправил циркулярную телеграмму своим подчиненным, что они могут быть смещены со своих должностей только по его личному письменному распоряжению. Это было сделано, разумеется, только для того, чтобы успокоить их и побудить продолжить службу в интересах армии и страны (так в тексте. — С. В.). Преступление Марушевского состояло, во-первых, в том, что он продолжал называть Духонина главнокомандующим, тем самым поощряя его следовать независимым курсом, что закончилось его убийством. Во-вторых, в том, что он предпочел уйти в отставку, но не участвовать в переговорах по сепаратному перемирию»¹⁰³⁴. Как пишет Нокс, «Генеральный штаб опубликовал заявление, в котором говорилось, что его офицеры не симпатизируют идее сепаратного мира, а его представители вошли в делегацию [по заключению перемирия с Германией] лишь в качестве технических специалистов, чтобы те могли защитить интересы русской армии и союзников»¹⁰³⁵. Однако главное не то, что Генштаб опубликовал, а то, что представители вошли. Это была капитуляция по факту. Впереди большевикам предстояли заключение «похабного» и «позорного» мира и длительная разъяснительная работа с руководством отечественного военно-морского флота — т. е. с самым консервативным офицерством, для которого пункты заключенного 3 марта Брестского мира были неприемлемы.

До крайности сложным явилось для ленинского руководства положение с начальником морских сил Балтийского флота А.М. Щастным. С блеском исполнивший приказ Морского Генерального штаба и спасший Балтийский флот¹⁰³⁶, А.М. Щастный, в пику председателю Высшего военного совета Л.Д. Троцкому и, судя по всему, другим членам Совнаркома во главе с В.И. Лениным, сделал в апреле 1918 г. все возможное для удержания форта Ино. 29 апреля на III съезде делегатов Балтийского флота проявилась серьезная обеспокоенность агрессивными действиями немцев и ответной пассивностью Советской власти. На заседании, созванном в Кронштадте, в ответ на телеграфное приветствие Л.Д. Троцкого, несмотря на то что председатель съезда И. Фруктов и преобладающая часть делегатов были большевиками, было постановлено обратиться к председателю Высшего военного совета с предложением лично разъяснить делегатам внешнюю политику Совнаркома — в частности, по вопросу о будущем Балтийского флота. На следующий день собравшиеся горячо приняли А.М. Щастного, выступившего с докладом о проделанной работе, в ходе которого капитан 1-го ранга опрометчиво заявил, что наступил момент, когда центральное правительство должно подняться на борьбу с оккупантом¹⁰³⁷.

Происходящее в Кронштадте не могло не вызвать у военно-политического руководства РСФСР серьезные опасения. Как пишет из-

вестный американский специалист по истории большевистской партии в 1917—1918 гг. А. Рабинович, «еще одним фактором, который, похоже, повлиял на решение Троцкого расправиться со Щастным, было положение с российским Черноморским флотом. В последнюю неделю апреля при приближении немецких сил к Севастополю ядро российского Черноморского флота ушло в Новороссийск. В середине мая германское командование стало угрожать оккупацией Кубани, если Черноморский флот немедленно не возвратится в Севастополь. Ленин определенно намеревался скорее взорвать Черноморский флот, чем допустить его капитуляцию. Однако мнения флотских офицеров относительно того, как следует поступить, резко разделились» и у военно-политического руководства РСФСР «не было уверенности, что они выполнят приказ уничтожить свои суда. Это известие пришло именно в тот момент, когда решалась судьба Щастного. С точки зрения Троцкого, уже настроенного наказать Щастного по личным и в „профессиональным“ мотивам, большой общественный резонанс по поводу его предательства должен был послужить предупреждением командованию Черноморского флота, показав, чем оно рискует в случае неповиновения. В этом сценарии Щастный должен был стать „героем“ первого крупного показательного суда в Советской России»¹⁰³⁸. Разберемся. За спасение Балтийского флота Щастный репрессиям не подвергался, не подвергался им и за крайне неохотное подчинение Высшему военному совету и его председателю в вопросе о форте Ино. Зачем тогда понадобилась образцово-показательная расправа над популярным флотоводцем? Единственным логичным объяснением будет обезглавливание флотской группы давления, ставящей целью спасение любой ценой и Черноморского флота, ценой в т. ч. прямого нарушения приказа вождя мировой революции.

Опасаться выхода Черноморского флота из-под контроля у советского правительства были все основания. 13 июня нарком иностранных дел Г.В. Чичерин телеграфировал находившемуся в Царицыне комиссару (нарком) по делам национальностей И.В. Сталину: «Я имею еще вам сказать перевод вербальной ноты барона Кюльмана на имя [члена коллегии Наркомата по иностранным делам А.А.] Иоффе, переданной нам также сюда. [В] распоряжении германского Министерства иностранных дел имеются следующие официальные сообщения. 1. С 10 июня германские войска около Батаяска подвергаются нападениям. Нападения продолжаются до настоящего времени. 2. К северо-западу от Валуек германские укрепления подвергаются нападению. Бронированный поезд подверг обстрелу занятую германскими войсками деревню. 3. Таганрог, начиная с 4 часов утра 10 июня, обстреливается со стороны моря. Бомбардировка продолжается с перерывами до настоящего момента. 4. Вышедший из Новороссийска транспорт приблизительно из

30 судов замечен около Миусской бухты. Несколько тысяч русских войск у Таганрога высадилось в тылу у германских войск. Ввиду этих обстоятельств возникают сомнения в том, желает ли или может ли Русское правительство лояльно исполнять условия, принятые [им] на себя в обмене нот относительно судов [в] Новороссийске. Нижеподписавшийся просит обратиться к русскому правительству с тем, чтобы оно приняло меры для устранения указанных явлений и для немедленного удаления обратно указанных войск. Германское командование будет принуждено принимать дальнейшие меры, исключительно руководствуясь военными соображениями, если до 15 сего месяца не будут приняты вышеупомянутые мероприятия. Чичерин прибавляет: необходимо принять решительные меры против агрессивных действий со стороны наших войск и флота. Просим вас постараться выяснить действительные факты и передать войскам и морякам категорическое распоряжение советского правительства воздерживаться от нападений на германские суда и на занятую германцами территорию, причем нарушители должны подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом. Народный комиссар инодел Чичерин 13/VI—1918 г. Москва, Кремль». За этой телеграммой Г.В. Чичерина была еще одна: «Прибавляю, что в центре всей дипломатической акции Германии относительно нас стоит теперь вопрос о флоте. Германская ставка или, может быть, император ставит все будущие переговоры и всякие будущие соглашения [в] какой бы то ни было области в зависимость от вопроса о флоте. Обещание нами дано. Неисполнение было бы крахом всей нашей политики. Народный комиссар инодел Чичерин. 13/VI—1918 г. Москва, Кремль»¹⁰³⁹. Правда, по свидетельству А.Г. Шляпникова, лидером группы давления на Черноморской флоте был адмирал Саблин¹⁰⁴⁰, однако в центре события могли восприниматься иначе, чем на месте.

По итогам ареста А.М. Щастного авторитет В.И. Ленина сохранили, группу давления во флоте обезглавили, военных специалистов о вреде фрондирования предупредили, либеральную общественность еще пуще прежнего застрашали — четыре задачи достигли одним процессом.

Заседание Революционного трибунала при ВЦИК, проходившее два дня (20 и 21 июня), представляло собой откровенный фарс. Председатель, старый большевик С.П. Медведев, огласил «список свидетелей, из которых явился только один т. Троцкий». Как сообщила газета «Правда», «остальные товарищи: Раскольников¹⁰⁴¹, [Е.] Блохин¹⁰⁴², [С.] Сакс¹⁰⁴³, [И.] Флеровский¹⁰⁴⁴ и другие» — не смогли явиться на заседание «по служебным обстоятельствам»¹⁰⁴⁵.

Основная линия обвинения четко прослеживается по телеграфному запросу, направленному 4 июня в 17 час 10 мин в Морской генеральный штаб следователем по делу В.Э. Кингисеппом:

«Вручить старшему, [о] вручении уведомить

Члену Морской коллегии Саксу: будучи Президиумом ВЦИК назначен следователем по делу б[ывшего] наморси Щастного, прошу сообщить: 1) в чем выразились контрреволюционные деяния [Г.] Лисаневича и [Ф.] Засимука?; 2) постановление о них III съезда моряков; 3) постановление о них Морской коллегии; 4) что было предпринято Вами, чтобы Щастный издал приказ об увольнении Лисаневича и Засимука из флота. Передайте текст относящихся документов, указывая даты; 5) как мотивировал Щастный неиздание приказа? 6) Ваше мнение о поведении Щастного в этом деле вообще; 7) каким образом попали к Щастному копии Ваших телеграмм Троцкому?; 8) Что имеете Вы еще показать по делу Щастного, в частности по вопросу о взрыве судов и вкладах в банк? Роль [Е.] Дужека? Взаимоотношения Щастного с комиссарами Блохиным, Флеровским, старым и новым составом комиссаров флота.

Член ВЦИК Кингисепп

По этому же делу передайте глав[ному] ком[иссару] Флеровскому мои вопросы: 1) поведение б[ывшего] наморси Щастного со ссылкой на конкретные факты; 2) политическое положение в Балтийском флоте ко времени III съезда моряков; 3) обстоятельства, при коих не состоялось выступление Щастного на самом съезде; 4) отношение Щастного к Вашему назначению, новому съездовскому составу комиссаров.

Член ВЦИК Кингисепп

Если показания технически затруднительно передать телеграфно, то отправьте безотлагательно курьером мне — Национальная гостиница, [№] 342.

Кингисепп»¹⁰⁴⁶.

11 мая командиры и личный состав сильной минной флотилии, проинформированные комиссаром Ефимом Дужиком о «напоминании» Л.Д. Троцкого от 3 марта о необходимости держать флот в готовности к уничтожению, приняли адресованную III съезду делегатов Балтийского флота резолюцию с призывом распустить Северную трудовую коммуну и установить в петроградском регионе диктатуру Балтийского флота. Несмотря на то что резолюция походила на откровенную утопию, в ней отразилось главное настроение минной дивизии — любым способом покончить с нежеланием советского правительства противодействовать немцам. На следующий день командиры минеров — Феодосий Засимук и Георгий Лисаневич — вступили на заседании судовых комитетов в острую дискуссию о внешней политике Совнаркома с народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским и заместителем наркома по морским делам Ф.Ф. Раскольниковым. Совещание не предприняло никаких практических действий, однако инициатива минной дивизии неожиданно способствовала некоей «большевизации» съезда. 13 мая съезд осудил минеров, заклея-

мив их действия как «преступную агитацию» и постановив уволить Ф. Засимука и Г. Лисаневича из военно-морского флота. Однако резолюция съезда была выполнена недостаточно оперативно, причем в Москве заподозрили в саботаже А.М. Щастного¹⁰⁴⁷.

Что интересно, в самом начале заседания Революционного трибунала при ВЦИК государственный обвинитель Н.В. Крыленко, когда защитник возбудил ходатайство об отложении дела в связи с неявкой большинства свидетелей, заявил: «...письменные показания всех свидетелей имеются в деле и могут быть оглашены»¹⁰⁴⁸, и таковые действительно были представлены трибуналу, однако в краткий стенографический отчет, опубликованный в «Правде», не вошли.

Обвинитель Н.В. Крыленко заявил, что «бывший начальник Морских сил Щастный по заключению следственной комиссии, вступив 30 марта в исполнение обязанностей начальника морских сил Балтийского флота, поставил себе заведомой целью использовать тяжелое международное и политическое положение Советской Республики для захвата вооруженной силой власти и, в частности, для ниспровержения власти Петроградской коммуны — в целях дальнейшей затем вооруженной борьбы с Советской Республикой. Для этой цели Щастный прибегал к различным средствам, имеющим целью сложить с него ответственность за разрешение различных оперативных вопросов, взвалив ее на других и действуя в то же время, как лицо, имеющее власть единоличного командования. Он вел игру на два фронта, стараясь не потерять доверия Центральной власти и провокационной агитацией настраивая матросов против Советов. Кроме того, в вину ему ставится также разглашение секретных сообщений и непринятие срочных мер к противодействиям белогвардейцев и проч.»¹⁰⁴⁹. А.М. Щастный свою вину отрицал «категорически», и тогда в дело вступил проверенный «свидетель» — нарком по военным делам РСФСР Л.Д. Троцкий, которому в 1920-х гг. член Политбюро Я.Э. Рудзутак дал очень точное определение — «опытный, квалифицированный клеветник»¹⁰⁵⁰. «Не мое дело, как свидетеля, — говорит т. Троцкий, — вставать на путь обвинения, но я должен сказать, что бывший наморси Щастный вел большую игру, ставя на карту судьбы флота. Игра сорвалась. Я арестовал его и предал Центральному исполнительному комитету как преступника громадной государственной важности»¹⁰⁵¹.

А.М. Щастный при закрытых дверях сделал некое «заявление чрезвычайной политической важности», а потом был зачитан ряд изъятых у наморси документов — тех самых, что упомянул в своих телеграфных запросах В.Э. Кингисепп. Часть аргументов Л.Д. Троцкого отвел в тот же день сам обвиняемый, часть на следующий день — защитник Щастного, известный адвокат В. Жданов. Последний «в длинной речи», которая, в отличие от выступлений прокурора и «свидетеля», в стенографический отчет о заседании газеты

«Правда» не вошла, подробно проанализировал «все обвинения, предъявленные его подзащитному», и сделал вывод о том, «что фактического материала слишком мало и что обвинение, главным образом, базируется на умозаключениях и выводах, часто слишком грешащих против логики»¹⁰⁵². Н.В. Крыленко сформулировал обвинение. Последнее слово А.М. Щастного (конспект): «...упорно сопротивлялся назначению на такой ответственный пост и обвинение... в захвате власти является совершенно [необоснованным]. Неподчинение приказу Совета народных комиссаров о назначении главным комиссаром флота Флеровского (не явившегося на заседание «по служебным обстоятельствам». — С. В.) Щастный объясняет тем, что им не был до самого ареста получен приказ о назначении Флеровского. Точно так же им не был получен приказ об увольнении [моряков] Засимука и Лисаневича, и потому он не мог отдать, в свою очередь, соответствующего приказа. Приведя ряд возражений по всем пунктам обвинения, подсудимый заканчивает свою речь напоминанием суду, что он приложил все силы к благополучному выводу Балтийского флота в русские воды и, таким образом, обвинять его в попытках создать катастрофическое положение во флоте нет никаких оснований»¹⁰⁵³. Последнее было обстоятельством отягощающим «вину», поскольку большевикам как раз не был нужен военный специалист с ореолом спасителя отечественного военно-морского флота. Итог, впрочем, был ясен с самого начала: Революционный трибунал «признал доказанным, что Щастный сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своей деятельностью восстановить матросов флота и их организацию против постановлений и распоряжений, утвержденным Советом народных комиссаров и Всероссийским центральным исполнительным комитетом, постановил расстрелять его»¹⁰⁵⁴ в 24 часа.

Если первые два «бунтовщика» после Октябрьского переворота (А.А. Маниковский, Н.Н. Духонин) имели определенные основания видеть себя в качестве диктаторов, а третий (А.М. Щастный) успел отличиться спасением, вопреки приказанию высшего политического руководства РСФСР, Балтийского флота и вполне мог принять участие в попытке спасти Черноморский, то четвертый — М.А. Муравьев — уж точно был самым настоящим авантюристом, от которого «открестился» даже Центральный комитет Партии левых социалистов-революционеров: первый главнокомандующий войсками Восточного фронта сам себя числил в рядах левых эсеров, однако ЦК ПЛСР считал иначе. М.Н. Тухачевский, налюбовавшийся на М.А. Муравьева летом 1918 г., писал впоследствии в своей статье о 1-й армии: «Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовать солдатские массы. Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти

безграмотен. Однако знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо и когда не надо. Мысль „сделаться Наполеоном“ преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках. Обстановки он не умел оценить. Его задачи были совершенно нежизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами. У красноармейцев он заискивал. Чтобы снискать себе их любовь, он им безнаказанно разрешал грабить, применял самую бесстыдную демагогию и проч. Был чрезвычайно жесток. В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше. „Левозеровство“ было совершенно фальшивое, служило ему ярлыком¹⁰⁵⁵. Не стоит и удивляться, что, когда под предлогом левозеровского выступления в Москве Муравьев попытался захватить власть в армии, «мятеж» не смог «закончиться удачей». Отметим, что мятеж вспыхнул после попытки вогнать главкома «в колею» (если по Троцкому), предпринятой высшим военным руководством РСФСР с подачи технических руководителей-генералов из аппарата Высшего военного совета (см. док. № 1.1.7, 1.1.8).

«Генеральская» альтернатива деградировала, на смену великому князю Николаю Николаевичу и Л.Г. Корнилову, имевшим серьезную опору в политической и военной элите, пришли после захвата большевиками власти А.А. Маниковский, Н.Н. Духонин, А.М. Щастный и М.А. Муравьев с весьма ограниченными возможностями. После Октября вектор военно-диктаторских поползновений резко изменился — в Наполеоны «полезли» советские военно-политические деятели.

№ 1.1.1

Из стенограммы выступления председателя, депутата III Государственной думы от партии октябристов А.И. Гучкова «по смете Военного министерства на 1908 год»

27 мая 1908 г.

В 1905 г. были произведены чрезвычайно крупные перемены в высшем управлении армией. Высочайшим рескриптом от 5 мая 1905 г. на имя великого князя Николая Николаевича был образован постоянный Совет государственной обороны; Высочайшим повелением от 25 июня 1905 г. было сформировано в Военном министерстве особое Главное управление Генерального штаба. Вот эти два учреждения и разделили власть военного министра, обессилили и обезличили его. А рядом с ними была создана еще целая сеть новых учреждений. Кроме Совета государственной обороны и начальника Генерального штаба после [Русско-японской] войны был образован

еще Комитет по образованию войск, созданы должности инспектора артиллерии, инспектора пехоты, инспектора инженеров, была создана Высшая аттестационная комиссия и, наконец, должность помощника военного министра. Если все эти последние должности являются юридически подчиненными военному министру, то начальник Генерального штаба является лицом равноправным и равнозначным военному министру, а Совет государственной обороны, который вам уже здесь достаточно охарактеризовали¹⁰⁵⁶ и который, вероятно, еще займет наше внимание, этот Совет уже стоит над министром.

Составленный из целой коллегии лиц, коллегии многочисленной, под председательством великого князя Николая Николаевича, этот Совет является серьезным тормозом в деле реформы и всякого улучшения нашей государственной обороны. (*Возгласы*: «Браво!» Рукоплескания.) Для того, чтобы закончить перед вами картину той организации, или, вернее, той дезорганизации, граничащей с анархией (*возгласы*: «Браво!», «Верно!»), которая водворилась во главе управления военного ведомства, я должен еще сказать, что должность генерал-инспектора всей артиллерии занимает великий князь Сергей Михайлович, должность генерал-инспектора инженерной части — великий князь Петр Николаевич и что главным начальником военно-учебных заведений состоит великий князь Константин Константинович. (*Возглас справа*: «И слава Богу!») Если ничего нельзя иметь против того, если даже можно считать естественным и справедливым, чтобы лица, по своему положению безответственные, служили в рядах армии, неся всю тягу в мирное время и все опасности в военное время в качестве строевых начальников, то следует сказать, что постановка их во главе ответственных, важных отраслей военного дела является делом совершенно ненормальным...¹⁰⁵⁷ (*возгласы*: «Браво...», «Браво...»). Отношения их к другим равноправным инстанциям военного управления, отношения их к своим начальникам, несомненно, носят на себе отпечаток их общественного положения и связанной с ним фактической безответственности. Мы должны это сказать, и вместе с тем мы должны признать наше бессилие в борьбе с этим явлением. Но назвать это своим именем — это наш долг... (*Голоса*: «Верно...», «Верно...») Прав был депутат Пуришкевич, который говорил, что мы больше не можем позволить себе поражений. Действительно, новое поражение России явится не просто потерянной кампанией, не просто уступленной территорией, не просто заплаченной контрибуцией, но это явится тем ядовитым укусом, который сведет в могилу нашу Родину... (*Рукоплескания, возгласы*: «Верно!»)

Как ни важны другие вопросы, которые проходят здесь, в этой зале, мы должны признать, что в этот исторический момент, который мы переживаем, вопросы государственной обороны и государ-

ственной безопасности должны стоять выше всех остальных — и по важности своей, а главное — по неотложности разрешения. Если мы считаем себя вправе и даже обязанными обратиться к народу, к стране и требовать от них тяжелых жертв на дело этой обороны, то мы вправе обратиться и к тем немногим безответственным лицам, от которых мы должны потребовать только всего — отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают. (*Продолжительные рукоплескания слева, центра и отчасти справа.*) Этой жертвы мы от них вправе ждать. (*Продолжительные, бурные рукоплескания слева, центра и отчасти справа; возгласы: «Браво!», «Правильно!»*)

Гучков А.И. Речь по смете Военного министерства на 1908 год. (Заседание 27-го мая 1908 года) // Гучков А.И. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва. 1908—1912. Петроград, 1915. С. 29—31.

№ 1.1.2

Из протокола заседания Совета народных комиссаров — доклад наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого о Военном министерстве

19 ноября 1917 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Ленин, Колегаев, Шлихтер, Елизаров, Глебов, Шляпников, Троцкий, Стучка, Аксельрод, Пятаков, Менжинский, Боголепов, Якубов, Коллонтай, Петровский.

25. СЛУШАЛИ:

Доклад Троцкого о Военном министерстве.

25. ПОСТАНОВИЛИ:

Принять следующую резолюцию: «Ввиду того, что генерал Маниковский отдал контрреволюционное распоряжение по Московскому военному округу не заменять назначенных командиров выборными; ввиду того, что генерал Марушевский вел направленные против Советов переговоры с Духониным и сделал преступную попытку саботажа при организации делегации для переговоров о перемирии —

1). Маниковского и Марушевского немедленно арестовать и не выпускать без разрешения Совета народных комиссаров.

2). Немедленно начать самую энергичную чистку Военного министерства и произвести удаление ненадежных элементов высшего командного состава.

3). Выписать немедленно надежные элементы из командного состава латышских стрелковых полков в Петроград.

4). Немедленно выписать в Петроград один латышский стрелковый полк¹⁰⁵⁸.

5). Ежедневно докладывать в Совет народных комиссаров о действительном выполнении указанных мер»¹⁰⁵⁹.

Печатается по: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 27, 31—32.

№ 1.1.3

Из протокола № 7 заседания Совета народных комиссаров — об отклонении предложения заместителя наркома торговли и промышленности А.Г. Шляпникова, заместителя наркома по военным делам Н.И. Подвойского и наркома государственного призрения А.М. Коллонтай об освобождении из-под ареста и назначении на ответственный военный пост генерала А.А. Маниковского

21 ноября 1917 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Троцкий, Елизаров, Подвойский, Красиков, Менжинский, Шляпников, Колегаев, Коллонтай, [В.Д.] Бонч-Бруевич, Глебов, Шлихтер, Оболенский, Петровский, Сталин, Раскольников.

1. СЛУШАЛИ:

Заявление Красикова и Козловского о деле Маниковского и Марушевского.

1. ПОСТАНОВИЛИ:

Принять резолюцию Троцкого: «Принимая во внимание, что генерал Маниковский, занимавший столь ответственный пост, как пост управляющего Военным министерством, не признает Советской власти, т. е. власти, признанной почти безраздельно той самой армией, жизнь которой он, Маниковский, призван регулировать; принимая во внимание, что такого рода замаскированная и выжидательная контрреволюционная политика генерала Маниковского, Марушевского и др. пр. — попустительство со стороны Советской власти — вызывает колебание и смуту в рядах командного состава и частей армии (ударников, казаков и пр.) и крайнее раздражение революционных масс, что, в свою очередь, ведет к вспышкам гражданской войны (Ставка, Жлобин и пр.) и самосудам; принимая все это во внимание, СНК отклоняет предложение тт. Шляпникова, Подвойского и Коллонтай об освобождении Маниковского, а тем более о назначении его на ответственный пост; Совет народных комиссаров предлагает отдельным своим членам усугубить усилия по чистке контрреволюционных гнезд и не возбуждать снова и снова вопроса

об изменении режима диктатуры рабочих и крестьян, направленно-го против контрреволюционных верхов».

Печатается по: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 41—42.

*Приложение к 1-му пункту протокола —
проект резолюции*

Выразить народным комиссарам по военным делам Крыленко, Подвойскому и Антонову порицание за недостаточный контроль над военным ведомством. <Предложить означенным комиссарам сложить с себя полномочия. Народными комиссарами по военным делам> Назначить военного комиссара <т. Менжинского, т. Троцкого и> т. Елизарова.

Ген[ералов] Маниковского и Марушевского от занимаемых должностей отстранить.

Помета: «Пункт 1 || 4/1».

Печатается по: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 42—43.

№ 1.1.4

**Телеграмма члена коллегии Наркомата по морским делам
РСФСР Ф.Ф. Раскольникову наркому по морским делам
РСФСР Л.Д. Троцкому с отчетом о докладах коллегии
наркомата на III съезде делегатов Балтийского флота**

1 мая 1918 г.

*Доставить Нижнелесной пер., д. 1
Москву, Лоскутная [ул.], Троцкому
[в] Москву из штаба Кронштадтской крепости*

Вчера я и Флеровский делали на съезде подробные доклады. Разъяснения по поводу привлечения специалистов и призывы к созданию твердой дисциплины были встречены очень сочувственно. Правые элементы съезда пытались втянуть съезд в политическую борьбу и намеревались поставить вопрос об отношении к Советской власти, но потерпели неудачу. Сегодня делали сообщения Щастный и комиссары флота. Доклады были строго деловыми. Ожидавшиеся нападки комиссаров флота на Морск[ую] коллегию¹⁰⁶⁰ места не имели. Настроение съезда спокойное. Неприятностей не ожидаю. В четыре с половиной часа заседания съезда прерваны до 2 мая.

Раскольников

№ 1.1.5**Доклад капитана I ранга А.М. Щастного Высшему военному совету из Вобалта**

№ 939
23 час. 55 мин.

4 мая 1918 г.

*Высший военный совет Троцкому
Из Вобалта*

Мною послано 2 мая следующее — адмиралу Зеленому: «Прошу срочно сообщить: 1) когда вручено сторонам указываемое в моем радио № 1955 предложение об установлении в Финском заливе временной демаркационной линии; 2) сообщите текстуально их ответ. [Со] своей стороны, считаю: в виду изменения сухопутной государственной границы необходим установлению демаркационной линии на водном пространстве Финского залива для выработки инструкции для плавания к Востоку от означенной линии и для принятия навигационных и других мер обеспечения безопасности плавания». 101/д.

Наморси Щастный

Помета: «Доложено».

РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 255. Подлинник.

№ 1.1.6**Из сообщений газеты «Правда» — о деле капитана I ранга А.М. Щастного**

21—22 июня 1919 г.

В Революционном трибунале
Дело Щастного*

20 июня в Революционном трибунале при ЦИК, под председательством т. Медведева, началось слушание дела бывшего Наморси Балтийского флота Щастного.

Обвиняет т. Крыленко, защищает бывший присяжный поверенный Жданов.

Председатель оглашает список свидетелей, из которых явился только один т. Троцкий. Остальные товарищи: Раскольников, Блохин, Сакс, Флеровский и другие — по служебным обстоятельствам не могут присутствовать на заседании.

Защита возбуждает ходатайство об отложении дела ввиду неявки большинства свидетелей, но после указания т. Крыленко на то, что

* Заголовок документа.

письменные показания всех свидетелей имеются в деле и могут быть оглашены, трибунал постановляет слушание дела продолжить. Председатель оглашает обвинительный акт, который в общих чертах сводится к следующему:

«Бывший начальник Морских сил Щастный по заключению следственной комиссии, вступив 30 марта в исполнение обязанностей начальника морских сил Балтийского флота, поставил себе заведомой целью использовать тяжелое международное и политическое положение Советской Республики для захвата вооруженной силой власти и, в частности, для ниспровержения власти Петроградской коммуны — в целях дальнейшей затем вооруженной борьбы с Советской Республикой.

Для этой цели Щастный прибегал к различным средствам, имеющим целью сложить с него ответственность за разрешение различных оперативных вопросов, взвалив ее на других, и действуя в то же время, как лицо, имеющее власть единоличного командования. Он вел игру на два фронта, стараясь не потерять доверия Центральной власти и провокационной агитацией настраивая матросов против Советов. Кроме того, в вину ему ставится также разглашение секретных сообщений и непринятие срочных мер к противодействиям белогвардейцев и проч.

На основании всего вышеизложенного, бывший начальник морских сил Щастный предается суду Революционного трибунала при Центральном исполкоме. По обвинению в преступлениях по должности подготовки контрреволюционного переворота и государственной измене по отношению к Советской Республике.

На вопрос председателя, признает ли он себя виновным в предъявленных ему обвинениях, подсудимый отвечает: «Категорически отвергаю».

Трибунал приступает к допросу свидетелей.

Показания товарища Троцкого

Тов. Троцкий говорит, что Щастного в первый раз видел в заседании Высшего военного совета в конце апреля текущего года. Он только закончил свою трудную операцию вывода нашего флота из Гельсингфорса в Кронштадт, закончил энергично, умело, а потому отношение к нему [Высшего] военного совета и Морской коллегии было весьма благожелательно. Но на свидетеля с первой же встречи Щастный произвел невыгодное впечатление своей уклончивостью в ответах, неопределенностью, а также весьма пессимистическим взглядом на положение дел на фронте. Когда былработан план действий на случай нападения немцев на Кронштадт, решено было, что флот воздержится от активного выступления, что войсковое имущество (форт Ино и пр.) в случае невозможности обороны должны быть уничтожены и что, если возникнет опасение

захвата неприятелем самого флота, то он также должен быть уничтожен.

Щастный, по словам т. Троцкого, и при обсуждении этого вопроса вел себя крайне двусмысленно.

Пессимизм Щастного относительно команды, говорит товарищ Троцкий, показался мне странным, но я объяснил его моральными условиями, создавшимися у Щастного под влиянием только что проведенной трудной операции вывода флота в Кронштадт. Но оказалось впоследствии, что это была последовательная политика, сводившаяся к отчуждению флота от Центральной власти: Щастный говорил, что Балтийский флот — «железный лоб», — а морякам, наоборот, напевал, что центральная власть совершенно не входит в нужды флота, что надеяться на нее нечего и балтийские моряки должны сами позаботиться о себе¹⁰⁶². Этим умело создавалась почва для контрреволюционных выступлений, в которых Щастный, возможно, не принимал активного участия, но про которые он безусловно знал и которым покровительствовал.

Переходя к вопросу о взрыве форта Ино¹⁰⁶³, т. Троцкий говорит, что опасность, грозящая флоту, была преувеличена Щастным; была ли тут злая воля, свидетель не берется решать, но отмечает это преувеличение как общее свойство доклада Щастного.

В Высшем военном совете решено было организовать защиту форта Ино, а в случае невозможности сопротивляться, уничтожить войсковое имущество, чтобы оно не досталось в руки врагу — так вы общие указания, сделанные Щастному.

В конце апреля ночью т. Троцкому по телефону из Морской коллегии сообщили, что форт Ино в опасности. Подходит немецкий флот, от суши идут белогвардейцы.

— Я указал, — говорит тов. Троцкий, что надо выполнять общую директиву, конечно, ни в коем случае не вмешиваясь в оперативную часть, представляя ее всецело на усмотрение Наморси.

— Щастный же, — говорит тов. Троцкий, — передал мое распоряжение в виде оперативного приказа, т. е. Троцкий-де приказал взорвать форт Ино. Такой оборот надо рассматривать как чисто провокационный, как сваливание ответственности, тем более что впоследствии выяснилось, что обстановка совершенно не вызвала необходимости принятия таких экстраординарных мер: белогвардейцы, если и были, то в самом незначительном количестве, немецкий же флот к форту Ино не подходил.

Благодаря подобному освещению Щастным моего распоряжения, говорит т. Троцкий, во флоте опять-таки создавалась благоприятная почва для контрреволюционных выступлений: начали распространяться слухи о тайных пунктах Брестского договора, по которым якобы подлежит уничтожению весь Балтийский флот и проч.

Тов. Троцкий говорит, что, несмотря на ряд запросов о мерах, принятых Щастным об уничтожении флота, им ничего сделано не было, и в конце концов, когда дошли слухи о волнениях в мирном отряде, на очереди встал вопрос о благонадежности самого Щастного.

Все это повело к тому, что во время второго приезда Щастного в Москву т. Троцкий был учинен допрос ему, на котором опять-таки Щастный вел себя крайне двусмысленно, отклоняясь от прямых ответов, и в конце концов пришлось его арестовать. В портфеле Щастного были найдены его собственноручные записки, ясно говорящие за то, что им велась во флоте противоправительственная агитация. Был найден конспект доклада, сделанного в Совете съезда моряков Балтийского флота по чисто политическим вопросам, причем из заметок, сделанных рукой Щастного, выяснилось, что все деловые распоряжения Высшего военного совета им были использованы исключительно с целью противоправительственной агитации. В этом же портфеле были найдены подложные документы мифического оперативного немецкого штаба т. Ленину, в котором высказывалось недовольство назначением главным комиссаром т. Блохина. Об этих документах на допросе Щастный ни слова не сказал, и, таким образом, есть полное основание полагать, что они хранились у него для каких-то особых целей.

Затем т. Троцкий характеризует Щастного как весьма осторожного контрреволюционера, который воздерживался от открытых выступлений, но наряду с этим умело подготавливал почву среди вверенных ему команд: Высшему военному совету он заявляет что флот — «Железный лоб» — сражаться не может, а матросам говорит, что Центральная власть не предпринимает ничего для обороны.

В заключение т. Троцкий резюмирует, что в самый шаткий в политическом отношении момент во флоте Наморси Щастный поддерживал агитацию против Советской власти косвенным путем, указывая, что флот предан немцам в силу тайного договора, что мы делаем все, чтобы погубить его.

Не мое дело, как свидетеля, — говорит т. Троцкий, — вставать на путь обвинения, но я должен сказать, что бывший Наморси Щастный вел большую игру, ставя на карту судьбы флота. — Игра сорвалась. Я арестовал его и предал Центральному исполнительному комитету как преступника громадной государственной важности.

Я, — говорит т. Троцкий, — первый высказался за сотрудничество со специалистами, но я знаю, что среди них есть разные лица: есть патриоты, в хорошем смысле этого слова, работающие не за страх, а за совесть, есть просто служаки, получающие жалованье, но есть и скрытые контрреволюционеры, которые, как Щастный, стремятся использовать свои посты для своих темных целей. И вот эти последние должны караться беспощадно.

Стороны задают целый ряд перекрестных вопросов свидетелю, из которых не выясняется ничего нового.

На этом допрос т. Троцкого заканчивается, и защитник заявляет, что обвиняемый намерен сделать заявление чрезвычайной политической важности. Просит суд о закрытии дверей.

Зал очищается от публики, и затем объявляется перерыв.

После перерыва оглашается ряд документов, по которым затем дает свои показания подсудимый.

По вопрос[у] о найденных заметках в портфеле Щастный говорит, что это конспект положения о комиссарах, как он действовал явочным путем во флоте. О мотивах ухода Щастный говорит, что нигде они оглашены не были и являются только заметками для его собственного сведения.

Неотдачу приказа о назначении Флеровского Щастный объясняет тем, что не было приказа по флоту, приказ же о назначении Блохина он объясняет как простую формальность, т. к. Блохин уже исполнял обязанности главного комиссара и только временно, по состоянию здоровья, был замещен другим. Щастный говорит, что подложные документы были взяты им в Москву для доклада [Высшему] военному совету и не были доложены только в силу того, что он был арестован.

В остальном обвинение Щастного ничего нового в дело не внесло. Объявляется перерыв до 11 часов 21 июня.

Второй день заседаний начинается прениями сторон, причем председатель предупреждает стороны, что они могут сослаться на все документы, имеющиеся в деле.

Речь товарища Крыленко

Представитель обвинения начинает свою речь с указания, что Верховному трибуналу приходится начинать свою деятельность с разбора дела представителя высшей власти, облеченного этой властью ЦИК.

Товарищ Крыленко указывает, что положение по управлению Балтийским флотом предоставляет Наморси всю полноту власти в оперативной части, резко разграничивая политическую сторону, которая всецело находится в ведении главного комиссара.

Наморси Щастный на бумаге якобы подчинился положению, но на самом деле с самого вступления своего в должности своими поступками и всем направлением своей деятельности противодействовал установлению порядка во флоте. Из его проекта, найденного в портфеле, видно было, что он, наоборот, сторонник децентрализации и концентрации власти в руках Наморси.

Это с формальной стороны, а в другой плоскости, говорит обвинитель, необходимо отметить отношение Щастного к старому Совету комиссаров. Старый Совет был избран прямыми выборами, и Щастным якобы вступает на защиту демократического принципа, агитируя против выборов совета съездом, находя в этом нарушение революционного порядка управления во флоте. [...]

Отметив дальше явно преступное уклонение Щастного от признания Флеровского главным комиссаром, тов. Крыленко переходит к вопросу о проведении демаркационной линии и говорит, что в этом вопросе Щастный не использовал всех своих прав, не побудив своего подчиненного, бывшего адмирала Зеленого, чтобы он выполнил неоднократно даваемые приказания.

Тов. Крыленко видит безусловное превышение власти в приказе Щастного о назначении комиссаров, т. к. это прерогатива высшей власти. Не находя нужным останавливаться на вопросе о взрыве форта Ино и о подготовке к уничтожению судов, т. к. эти вопросы совершенно ясно обрисованы показанием т. Троцкого, т. Крыленко переходит к самому серьезному пункту обвинения — к задержке выхода из Петрограда минной флотилии — и говорит, что ссылка Щастного на непреодолимые препятствия при проходе мостов не заслуживает уважения, т. к. проход четырех мостов в течение месяца при всех обстоятельствах более чем странен. Подробно разбирая все обстоятельства дела и сопоставляя записки Щастного с теми записками, которые найдены в его портфеле, обвинитель приходит к выводу, что логически нельзя допустить иного толкования поступку Щастного, как только безусловной подготовкой почвы во флоте для контрреволюционного выступления, как осторожным, умелым использованием власти для агитации против правительства, в целях создания морской диктатуры, «вооруженной силы» — по точному выражению самого Щастного в его записках.

Речь защитника

Защитник Жданов в длинной речи подробно разбирает все обвинения, предъявленные его подзащитному, и говорит, что фактического материала слишком мало и что обвинение, главным образом, базируется на умозаключениях и выводах, часто слишком грешащих против логики.

Защитник говорит, что Щастному предъявляется обвинение по политическим вопросам, тогда как по прямому смыслу положения ответственность за политические бытовые стороны должна лежать исключительно на главном комиссаре.

По вопросу о задержке вывода мирной флотилии из Петрограда защитник полагает, что рапорт, в котором объясняется причина задержки, вполне разъясняет дело. В общем защитник находит все предъявленные пункты обвинения малообоснованными и ходатайствует о полном оправдании.

Последнее слово Щастного

В своем последнем слове бывший Наморси Щастный указывает, что он упорно сопротивлялся назначению на такой ответственный пост и обвинение его в захвате власти является совершенно [необоснованным].

Неподчинение приказу Совета народных комиссаров о назначении главным комиссаром флота Флеровского Щастный объясняет тем, что им не был до самого ареста получен приказ о назначении Флеровского. Точно так же им не был получен приказ об увольнении Засимука и Лисаневича, и потому он не мог отдать, в свою очередь, соответствующего приказа. Приведя ряд возражений по всем пунктам обвинения, подсудимый заканчивает свою речь напоминанием суду, что он приложил все силы к благополучному выводу Балтийского флота в русские воды и, таким образом, обвинять его в попытках создать катастрофическое положение во флоте нет никаких оснований.

Прения сторон закончены и трибунал удаляется на совещание.

Приговор

Революционный трибунал при ВЦИК признал доказанным, что Щастный сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своей деятельностью восстановить матросов флота и их организацию против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом народных комиссаров и Всероссийским центральным исполнительным комитетом, [и] постановил расстрелять его.

Приговор исполнить в 24 часа.

Революционный трибунал постановил также привлечь к ответственности за преступление по должности бывшего главного комиссара Блохина и военного моряка Зеленого, а моряков Лисаневича и Засимука арестовать и привлечь к ответственности за контрреволюционную деятельность.

Правда. 1918. 21 (8) июня. № 124; 22 (9) июня. № 125.

№ 1.1.7

**Доклад военного руководителя Высшего военного совета
М.Д. Бонч-Бруевича и начальника штаба Высшего военного
совета Н.И. Раттэля Высшему военному совету о штабе
Восточного фронта**

№ 2949/654 орг.

1 июля 1918 г.

Высшему военному совету

Из получаемых телеграмм и бумаг выясняется, что против чехословаков действуют советские войска, сведенные в 4 армии со штабами армий, во главе коих стоит штаб фронта (т. Муравьев).

Между тем, численность каждой армии в отдельности едва достигает, в лучшем случае, 6—7 тыс. человек. Если цифры эти перевести на установленные Народным комиссариатом по военным делам шта-

ты военных организаций, то оказывается, что состав каждой армии в отдельности не превышает, в самой крупной¹⁰⁶⁴, состава бригады.

Таким образом, из-за отрядов общей численностью не более 2-х дивизий создано 4 штаба армии и штаб фронта с управлением снабжения.

Не говоря уже о том, что все создаваемые т[аким] образом штабы не согласованы ни с какими штатами, никем, по-видимому, разрешения на их сформирование не дано — все эти штабы поглощают громадные деньги, вызывая ничем не оправдываемые государственные расходы.

Между тем, штабы Северного и Западного участков Завесы, стоя и имея во главе не меньшее количество боевых сил, имея гораздо более обширные задачи (не только чисто боевые, но и по формированию дивизий), имеют гораздо более скромные штаты, много дешевле стоящие, при этом надлежаще установленные центральной властью.

Вследствие изложенного, представляется необходимым, в целях действительной пользы делу, более правильной организации, в целях достижения экономии в расходах, — чтобы все советские войска, направленные против чехословаков, были разделены на 4 группы отрядов (то, что теперь именуется армиями), имея во главе каждой группы штаб по штату штаба отряда Завесы. Действие всех этих 4-х групп отрядов должно объединяться одним лицом со штабом по штату штаба участка Завесы.

Названные штаты вполне обеспечивают оперативное и хозяйственное управление групп отрядов, весьма экономные по своему количеству состава и стоимости их содержания.

Испрашивается:

постановление Высшего военного совета о том, чтобы: а) наименование «армия» не допускалось, как совершенно не соответствующее установленному понятию армии; впредь «армия» именовать «группа отрядов», со штабом группы во главе (1-я группа отрядов, 2-я группа отрядов и т. д.) по штату штаба отряда, утвержденного Народным комиссариатом по военным делам и б) штаб лица, объединяющего деятельность войск групп отрядов, *наименовать*¹⁰⁶⁵ штабом Восточного участка со штатом штаба Западного участка Завесы, утвержденным Народным комиссариатом по военным делам.

Военный руководитель *Бонч-Бруевич*

Начальник Штаба Высшего военного совета *Раттэль*¹⁰⁶⁶

Постановление Высшего военного совета: «Утверждается. Л. Троцкий, Беренс».

Пометы: 1) «Исх. № 148/В. 3/VII»; 2) «Орг. 9/VII»; 3) В.В. Даллера — «В Организ[ационное] у[правле]ние»; 4) «[Дело] 10»; 5) делопроизводителя.

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 161 с об. — 162. Подлинник — машинописный текст на бланке «Военный руководитель Высшего военного совета» с подлинными подписями. Резолюция Высшего военного совета — автограф Л.Д. Троцкого. Подпись Е.А. Беренса подлинная.

№ 1.1.8

Телеграмма Высшего военного совета главнокомандующему войсками Восточного фронта М.А. Муравьеву по вопросам организации управления войсками на фронте

№ 176/В

11 июля 1918 г.

Казань, Военно-революционному совету, военрук Муравьеву

Высший военный совет постановил изменить наименование «Восточный фронт» на «Восточный участок», причем присвоенное Вам декретом Совнаркома наименование «Главкомандующий» изменению не подлежит. Изменением наименования «армия» на «группа отрядов» и соответственно сему введение штабов по определенному установленному штату (вполне достаточному для оперативного управления такими силами, какие находятся в Вашем распоряжении) не может внести и не внесет никакой ломки, а, наоборот, благотворно отзовется на порядке стройности организации управления войсками. Из донесений Ваших и Соллогува видно, что штаб главнокомандующего войсками Восточного участка еще далеко не сформирован и в нем отсутствует значительное количество должностных лиц. Все это еще раз подтверждает правильность решений Высшего военного совета тем более, что вследствие полной незаконченности формирований штаба фактически все изменения сводятся к отмене наименования «фронт» и «армия». Вследствие сего, предлагается впредь иметь следующее наименование: «Штаб Главкомандующего войсками Восточного участка» и «штаб группы отрядов». Штаты обоих штабов, как было указано телеграммой Высшего военного совета, *самым существенным Высвосовет считает необходимым указать, чтобы никаких органов снабжения не формировать, а использовать в полной мере органы снабжения двух окружных военных комиссариатов и не формировать органов сообщения*¹⁰⁶⁷.

Председатель Выс[шего] воен[ного] сов[ета] Троцкий

Члены — Бонч-Бруевич

Антонов

Беренс

*Военком Шарманов*¹⁰⁶⁸

*Потапов*¹⁰⁶⁹

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 6—7. Подлинник¹⁰⁷⁰; РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 6 об, 7 об. Телеграфная лента; РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 8—10. Рукописный экз. Печатается по тексту подлинника.

ГЛАВА 2

«Все силы и средства Социалистической республики...»

Бонапартистские идеи Троцкого и их практическое воплощение. 1918 г.

Вначале в «стае славных» (выражение литератора А.Я. Бруштейн) оказались главковерх Н.В. Крыленко и один из членов Комитета по делам военным и морским — В.А. Антонов-Овсеенко, который, не преуспев во время «триумфального шествия Советской власти», сориентировался на Л.Д. Троцкого и, приняв активное участие влевой оппозиции, попытался на заре «коллективного руководства» поиграть в графа Уорвика. Из биографии, составленной во Всесоюзном обществе старых большевиков: «В 1923 [г.] А[нтонов]-О[всеенко], будучи нач[альни]ком Политуправления РВСР, примыкал к троцкистской оппозиции, во время дискуссии 1923 [г.] через аппарат ПУР пытался перенести фракционную работу в армию. С целью оформления оппозиции в армейской партийной организации Антонов-Овсеенко пытался, вопреки ЦК партии, провести в Красной армии ряд положений, фактически изменявших принципы партийного строительства в РККА. Фракционная деятельность троцкистской оппозиции в армии потребовала резких и решительных мер со стороны руководящих органов партии. Пленум ЦКК 12—13 января (так в тексте, в действительности 14—15 января¹⁰⁷¹. — С. В.) 1924 г. признал особенно опасной эту работу оппозиции в Красной армии, т. к. эта работа создает враждебное отношение у части военных коммунистов против руководящего органа партии — ЦК». Попытки руководимого Антоновым-Овсеенко ПУР созвать без ведома ЦК совещание политработников, рассылка ПУР циркуляра № 200 (пересматривавшего основы партстроительства РККА) без согласования с ЦК, несмотря на требование этого со стороны секретаря ЦК т. Молотова, были признаны недопустимыми, антипартийными действиями, А[нтонов]-О[всеенко] был снят с должности нач[альни]ка ПУР. В течение длительного периода А[нтонов]-О[всеенко] участвовал еще в партийной оппозиции, но после того, как последняя переросла в явно контрреволюционную группировку, А[нтонов]-О[всеенко] в 1928 [г.] отошел от нее»¹⁰⁷².

14 января 1924 г. на Пленуме ЦК РКП(б) Н.А. Скрыпник, оценив слова и дела оппозиции, констатировал: «Во всей дискуссии оппозиция на деле проповедовала, что в партии надо провести не рефор-

мы, а Реформу (с большой буквы), т. е. революцию. Но революция в партии неизбежно означает и революцию в стране. Тов. Зиновьев в своей речи почти извинялся за допущенное им упоминание о Кронштадте¹⁰⁷³ и заявил, что аналогию с Кронштадтом нужно проводить с опаской. Это неправильно. Мы все прекрасно знаем, что в эпоху гражданской войны все политические вопросы борьбы в конечном счете решаются оружием. Нужно это прямо и ясно сказать всей партии. ЦК должен обратить внимание на угрожающие признаки. Ибо что же означает письмо т. Антонова-Овсеенко, как не вполне определенную и недвусмысленную угрозу? И независимо от воли и желания самого т. Антонова-Овсеенко, его письмо имеет своей возможной проекцией Кронштадт. В стране голодной и разоренной, если партия выпускает из своих рук руководство, это значит — восстание. <...> Здесь т. Коротков сообщал, что какой-то брянский коммунист, не желая подчиниться решению партийного комитета, обратился за поддержкой к общему собранию беспартийных рабочих заводского цеха, и т. Коротков ставит вопрос о возможности его исключения из партии. Что там говорить о беспартийных рабочих, когда нач[альник] ПУР Антонов-Овсеенко в своем письме говорит о возможности апелляции к солдатским массам, одетым в красноармейские шинели? Что говорить об исключении отдельных рядовых членов партии, когда у нас ответственные члены делают по-своему, походя пренебрегая постановлениями Политбюро. Я говорю: если рыба гниет с головы, то и чистить ее надо с головы»¹⁰⁷⁴. Цекакист Я.М. Ярославский и вовсе сказал: «В Красной армии у нас не все благополучно. Так, например, товарищи, стоящие во главе армии, были очень довольны тем, что приблизительно треть воинских ячеек в Москве [настроена] против ЦК»¹⁰⁷⁵. По заявлению Ярославского, «Троцкий говорил как-то, что разногласия в армии в конце концов разрешаются на острие штыка. Антонов-Овсеенко недвусмысленно говорит в письме, что они могут разрешить не на острие штыка, а в таких военных звуках, которые услышат пораженные глухотой члены Политбюро»¹⁰⁷⁶. На следующий день В.А. Антонов-Овсеенко в своем выступлении долго анализировал полученные замечания. В частности, доказал, что проведение требования секретаря ЦК В.М. Молотова «означало бы совершенный отказ ПУРа от всякого руководства уже ведшейся дискуссией по партстроительству в армии»¹⁰⁷⁷. Однако попытка представить свое обращение в Политбюро и Центральную контрольную комиссию в качестве своей партийной обязанности — осветить положение в РКП(б) и Красной армии, дабы лишь «образумить зарвавшихся вождей»¹⁰⁷⁸, прозвучала фальшиво.

К.Б. Радек заявил, что, по его мнению, «т. Антонов как оппозиционер не может быть оставлен в ПУР»¹⁰⁷⁹. Однако за бывшего начальника Политуправления РККА «заступился» И.В. Сталин, и в его словах были расставлены все точки над «і»: «Я решительно возражаю

против такого толкования: начальник ПУР может защищать любую позицию, любую платформу, какую ему угодно. И это не есть основание для того, чтобы снимать с поста. И не в этой плоскости обсуждался вопрос в Оргбюро и Политбюро. Вы посмотрите решение ЦК. В чем обвиняется Антонов-Овсеенко? Он обвиняется в том, что дал циркуляр от такого-то числа с порядком дня: международное положение, парторбота и пр., не оповестив об этом ЦК и не послав ему даже пригласительной записки. Я видел этот циркуляр. Там имеется 58 адресов, адреса всевозможных учреждений, но нет адреса ни МК, ни ЦК. (Голоса: «Ни ЦКК!») Второе обвинение состоит в том, что рассылать без согласования с ЦК нельзя. Тов. Антонов-Овсеенко об этом знал и обошел волю ЦК. Вот эти два факта дают основание к тому, чтобы обвинять Антонова-Овсеенко. Оба эти факта являются выражением грубого нарушения основ взаимоотношений ЦК с ПУР, работающим на правах отдела ЦК. <...> Наконец, известное письмо т. Антонова членам ЦК и ЦКК от декабря [1923 г.] с угрозой по адресу ЦК, являющееся неслыханным выпадом. Что это значит? Это значит, что заведующий отделом ЦК поднял бунт против своего ЦК и сделал невозможной совместную работу»¹⁰⁸⁰.

В конце 1917 — начале 1918 г. масштаб личности Н.В. Крыленко и В.А. Антонова-Овсеенко был явно недостаточен для «Реформы с большой буквы», т. е. для проведения «революции» в большевистской партии, а вслед за тем и в Советском государстве: за ними не пошел ни один из «товарищей» по коллегии Наркомвоена, да и на сколько-нибудь стоящей вооруженной силы ни один из членов «триумвирата наркомов» создать не смог¹⁰⁸¹. Тогда в игру вступили два мастера высочайшего класса, на одного из которых впоследствии и взял равнение В.А. Антонов-Овсеенко, своим высоким, пронзительным голосом объявивший министрам Временного правительства об их аресте в Октябре 1917 года.

Первым из большевистских лидеров стал добиваться военной диктатуры Л.Д. Троцкий, который, по признанию сделавшего на него в эпоху «коллективного руководства» ставку К.Б. Радека, «внес индивидуальный оттенок в историю нашей партии»¹⁰⁸². Позднейшие заявления демона революции, что встать во главе военного ведомства его уговорили В.И. Ленин и Я.М. Свердлов¹⁰⁸³, действительно не соответствуют: Л.Д. Троцкий, который на заседаниях ленинского Совнаркома «присутствовал в виде исключения»¹⁰⁸⁴, жаждал назначения в военное ведомство, критикуя первоначальное руководство Наркомата по военным делам РСФСР (Наркомвоен) уже с 19 ноября 1917 г. и предложив даже 21 ноября заменить членов коллегии наркомата собой и двумя людьми, которые вряд ли смогли бы оказать серьезное противодействие его стремлениям к гегемонии¹⁰⁸⁵. Троцкий угомонился на время только тогда, когда его отправили в самое сердце тогдашней внешней (и военной) политики — в Брест...

В это время идея создания первого военно-политического органа (некий «партийный» вариант органа военной диктатуры) появилась у другого большевистского лидера — председателя ВЦИК и одного из руководителей Секретариата ЦК РСДРП(б) Я.М. Свердлова. Не позднее 21 февраля 1918 г. он наметил компетенцию «Комитета революционной обороны страны», в полное подчинение которого (планировал Свердлов) перейдут «все военные учреждения». По замыслу Свердлова, Комитет составят пять членов: один будет выполнять «обязанности Главковерха», двое — «представлять контрольную комиссию над оперативными действиями», двое — контролировать и регулировать «всю практическую работу по обороне». Фактически глава Советского государства задумал соединить под эгидой президиума ВЦИК полевой (Ставку Верховного главнокомандующего) и тыловой аппарат (Наркомвоен) вооруженных сил. Однако планам председателя ВЦИК не суждено было сбыться. Созданный в итоге Комитет революционной обороны *Петрограда*, а не *страны* не смог стать альтернативным Совнаркому центром власти. Один из членов комитета 4 марта дал оперативную (а потому представляющую особую ценность) оценку его деятельности. Приведем ее полностью: «На собрании представителей районных штабов признана ненужность чрезвычайного штаба в той форме, в какой он существует сейчас, когда одному человеку (Лашевичу¹⁰⁸⁶) поручено все дело формирования всех видов оружия и [тем самым] была сбита и спутана работа уже поставленных организаций. То же самое было признано, а это еще знаменательней — самим комитетом обороны, познавшим на опыте беспотолковость учреждения, где работают пять-шесть человек, толкутся сотни и дежурным членам бюро приходится заниматься всем, вплоть до подписывания ордеров на выдачу продовольствия для служащих Смольного, кроме того дела, которое им поручено. Отдел формирования в комнате № 85 уже упразднен комитетом... заседания бюро сводятся в общей части к очередному оперативному докладу Бонча (имеется в виду М.Д. Бонч-Бруевич. — *С. В.*), причем не в местном, а во Всероссийском масштабе при прогрессивно убывающей посещаемости заседаний даже членами бюро, а не только Комитета»¹⁰⁸⁷.

Большевики прекрасно знали историю Великой Французской революции (и других революций) и понимали: в периоды политической дестабилизации обладание армией означает обладание властью, в конце революций к власти приходят Вильгельмы Оранские, Оливеры Кромвеля и Наполеоны Бонапарты — не зря же Л.Д. Троцкий выдал (кстати, не новую и не оригинальную, восходящую как минимум к Наполеону) светлую мысль о том, что «разногласия в армии в конце концов разрешаются на острие штыка». Поэтому В.И. Ленин назначал на высшие руководящие посты в военном ведомстве достаточно верных людей, не имевших никакого отношения к армии

(Н.И. Подвойский) или находившихся под судом по обвинению в измене (В.А. Антонов-Овсеенко, П.Е. Дыбенко и Н.В. Крыленко) и не семи пядей во лбу. Причем в первом случае, в Октябре 1917 г., Ленин назначил вместо единоличного военного руководителя целый Комитет из трех человек; а когда оформившаяся на его основе коллегия Наркомвоена выявила свою полнейшую недееспособность — Высший военный совет из трех «членов», одним из которых стал профессиональный военный и брат управляющего делами СНК РСФСР В.Д. Бонч-Бруевича (генерал М.Д. Бонч-Бруевич), вторым — преданный, но недалекий партийный функционер (К.И. Шутко¹⁰⁸⁸), даже не понявший, какими соображениями руководствовался вождь при создании Высшего военного совета и назначении самого Шутко его членом, третьим — левый эсер П.П. Прошьян, введенный на время в Совет для создания иллюзии контроля «временных попутчиков» большевиков во власти над вооруженными силами¹⁰⁸⁹.

Представляется, что назначение на руководящие должности в военном ведомстве людей из второго, а то и третьего «эшелона» партийной верхушки было нацелено на противодействие установлению военной диктатуры даже под угрозой сильного ослабления вооруженных сил. Факт назначения Л.Д. Троцкого главой военного ведомства не был исключением: новый наркомвоен был обставлен В.И. Лениным целой системой «сдержек и противовесов» (в годы Гражданской войны И.В. Сталин писал об «узде» для Л.Д. Троцкого), в качестве которых выступали военный руководитель и член Высшего военного совета генерал М.Д. Бонч-Бруевич и целая когорта второразрядных руководителей (Н.И. Подвойский, К.А. Мехоношин, В.А. Антонов-Овсеенко, на данном этапе еще не ставший «троцкистом»), введенная в Совет весной 1918 г. именно для уничтожения угрозы захвата власти Л.Д. Троцким.

К.Х. Данишевский, по его воспоминаниям, летом 1918 г. — перед отправкой на Восточный фронт — беседовал с В.И. Лениным о Л.Д. Троцком. Председатель советского правительства заявил: «Троцкий — крупный человек, энергичный, им очень много сделано для привлечения старого офицерства в Красную армию, Троцким много сделано для организации Красной армии. Но он не наш, ему нельзя вполне доверять: что он может сделать завтра — не скажешь. Надо внимательнее за ним смотреть. Не будем его *пока* (курсив мой. — С. В.) отзывать. Приедете, узнаете, посмотрите и подробно сообщите. Тогда решим. Может быть, для подобной переписки [придется] установить специальный шифр. Пишите мне лично...» И шифр был установлен¹⁰⁹⁰.

Никогда не страдавший избытком скромности Л.Д. Троцкий через несколько дней после своего назначения председателем Высшего военного совета предложил Совнаркому добровольно сделать себя военным диктатором — председателем Высшего совета народной обороны¹⁰⁹¹, что вызывает параллель с только что получившим указ

о своем назначении Верховным главнокомандующим Л.Г. Корниловым. Только в случае с Корниловым заведомо провальное предложение было сделано человеком самоуверенным и политически наивным, а в случае с Троцким — самоуверенным и безмерно наглым.

Наркомы, готовые терпеть исключительно ленинский диктат, категорически отказали Л.Д. Троцкому, однако свои бонапартистские замашки председатель Высшего военного совета не оставил, перейдя от кавалерийского наскока на Совнарком к планомерному укреплению своих позиций в военном ведомстве, и главным образом — в центральном аппарате управления РККА. Конкретные параметры будущей диктатуры, основанной на руководстве сверхцентрализованным военным аппаратом, были определены наркомвоенном не к началу марта, а, по крайней мере, летом 1918 г. Об этом свидетельствуют сборник «Как вооружалась революция» (1923) и документы Российского государственного военного архива (РГВА).

19 марта 1918 г. Л.Д. Троцкий провозгласил в речи «Нам нужна армия» на заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «Мы... при первом раскате мировой революции должны быть готовы принести военную помощь нашим восставшим иностранным братьям»¹⁰⁹². Здесь Л.Д. Троцкий не был оригинален: о необходимости ведения Гражданской войны (первоначально в масштабе Советской России, затем — всего мира) в этот период неоднократно высказывался и В.И. Ленин¹⁰⁹³.

В докладе «Всем Советам рабочих и крестьянских депутатов РСФСР» ([март] 1918 г.) наркомвоен заявил: в «...сложившейся тяжелой обстановке, когда враги со всех сторон угрожают самому существованию России, — единственным спасением является немедленное сформирование новой армии, немногочисленной, но крепкой духом, отлично вооруженной и оснащенной, и потому вполне боеспособной»¹⁰⁹⁴.

22 марта Л.Д. Троцкий в выступлении «Новая армия» так определил первоочередную задачу республики: «...организация обороны страны, *мобилизация всех ее сил и средств*¹⁰⁹⁵ для вооруженного отпора врагу, *внешнему и внутреннему*». Конкретными мерами пока должны были стать всеобщее военное обучение и мобилизация офицеров старой армии для создания добровольческих отрядов. Сразу по окончании полевых работ Троцкий уже тогда планировал создать массовую армию на основе всеобщей мобилизации¹⁰⁹⁶.

Необходимости централизации военного управления наркомвоен посвятил первую часть доклада (деление условное) «Труд, дисциплина, порядок» на Московской городской конференции РКП(б) 28 марта.

«Затруднения объективного характера... — доложил Троцкий, — состоят в самом факте всеобщей разрухи, в том, что пути сообщения у нас расстроены; вагоны у нас ободраны и расхлябаны; у нас огромный процент заболевших паровозов; здоровые паровозы двигаются

по рельсам не так, как следует (война все выбила из колеи); фабрики и заводы у нас дезорганизованы... у нас величайшие продовольственные затруднения — отчасти потому, что мы обеднели вообще, отчасти потому, что у нас расстройство всех средств и путей транспорта, учета и контроля. Вот те колоссальные по своей глубине затруднения, которые стоят перед нами и которые мы должны преодолевать во что бы то ни стало»¹⁰⁹⁷; революции в России как фактору и составной части мировой революции нужно позаботиться о том, чтобы быть сильной, в частности — вооруженной такой армией, которая «отвечала бы характеру и духу советского режима» и одновременно была способна «оборонять его и содействовать мировой революции»¹⁰⁹⁸.

21 апреля в Москве в лекции «Внутренние и внешние задачи Советской власти» наркомвоен заявил: рабочему классу нужны «твердый закал, непримиримость, глубокое убеждение, что без борьбы за каждый шаг, за каждый вершок на пути к улучшению своей судьбы, что без постоянной непримиримой борьбы и без организации (! — С. В.) не может быть спасения и освобождения»¹⁰⁹⁹. Охарактеризовав крайне тяжелое положение на железных дорогах¹¹⁰⁰, Троцкий перешел к основному вопросу — продовольственному, открыто признавая: большевики рассматривают «продовольственный вопрос... как вопрос вооруженной борьбы за хлеб»¹¹⁰¹; чтобы сделать продовольственные запасы монополией рабочих и крестьян, нужно сделать «выбор, и сущность выбора есть Гражданская война». Далее: «И наша партия — за гражданскую войну. Гражданская война уперлась в хлеб». В ответ на возмущение части аудитории, выразившееся в язвительном выкрике: «Да здравствует Гражданская война!», Троцкий невозмутимо закончил: «Да, да здравствует Гражданская война!» — «во имя хлеба для детей, стариков, рабочих и Красной армии»¹¹⁰². И наконец о конечной цели: «И когда рабочие Европы кликнут нам клич, мы пойдем к ним на подмогу все, как один человек, с винтовками в руках и красными знаменами, пойдем к ним навстречу — во имя братства народов, во имя социализма!» Социалистический строй «все берет на учет, всему ведет бухгалтерскую запись, отчетность. Вот когда мы заведем такой настоящей рабочий и трудовой порядок и нужную для него дисциплину, тогда мы сможем установить цены на все предметы, урегулировать так производство, чтобы каждого предмета было в пропорции, по потребности»¹¹⁰³.

Итак — необходимы: 1) Продотряды и ликвидация голода; 2) Борьба с саботажем железнодорожников (*первоочередные задачи*); 3) Гражданская война с врагами пролетариата; 4) Экспорт революции (*последовательно*); 5) Тотальный учет (*постоянно*) вплоть до установления всемирного социалистического строя.

22 апреля на заседании ВЦИК Троцкий подчеркнул необходимость создания профессиональной, а «не дилетантской, не импровизиро-

ванной» армии — с привлечением «всех ценных» военных специалистов, возложением на них ответственности и поручением им организационной, по его признанию — «главной», работы¹¹⁰⁴ (в плане кадров Троцкий был прагматиком).

Троцкий назвал ближайшей задачей Наркомвоена реорганизацию «военного аппарата прошлого, дезорганизованного, расстроенного, не могущественного по количеству лиц, ценностей, которые он обнимает». Этот аппарат предполагалось учесть, организовать и приспособить к той армии, которую мы сейчас хотим формировать¹¹⁰⁵ (т. е. массовой регулярной).

13 мая ЦК РКП(б) большинством голосов принял ленинские «Тезисы о современном политическом положении», к которым впоследствии присоединилось большинство работавших в Петрограде членов ЦК¹¹⁰⁶. Основной проблемой в тезисах признана организационная — отсталость в военной подготовке (проблемы продовольственного снабжения, невведение военного положения на ж.-д. транспорте и нехватка дисциплины в целом)¹¹⁰⁷.

Принципы построения армии на основе всеобщей воинской повинности после разгрома левых эсеров утвердил ставший после ареста левоэсеровской фракции «большевистским» V Всероссийский съезд Советов¹¹⁰⁸. 10 июля в выступлении на заседании съезда Троцкий определил армию как «строго централизованный аппарат, тесно связанный нитями со своим центром», и указал на необходимость установления строгой субординации и стройной системы местных военных органов¹¹⁰⁹. Нарком признал необходимым, «чтобы каждый комиссариат хорошо помнил свою иерархическую зависимость от комиссариата, стоящего над ним: волостной от уездного, уездный от губернского, губернский от окружного, окружной от центра — от Москвы. Это простая механика, но ее нужно усвоить, а, между тем, это не всегда делается. Советский централизм вообще находится в еще зачаточном состоянии, а без него мы ничего не создадим ни в продовольственной, ни в других областях, ни тем более в военной области. Армия, по своему существу, [есть] строгоцентрализованный аппарат, тесно связанный своими нитями с центром. Нет централизма — нет армии»¹¹¹⁰. А армия, как известно, слепок с общества. Дело шло, таким образом, продолжал Троцкий, «...о величайшем историческом опыте... постройки рабоче-крестьянского хозяйства и государства и создания рабоче-крестьянской централизованной армии»¹¹¹¹.

29 июля на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета В.И. Ленин произнес речь «О положении Советской Республики», а Л.Д. Троцкий сделал доклад «Социалистическое отечество в опасности». Вождь впервые провозгласил, что слова «Все для фронта» должны стать альфой и омегой для каждого¹¹¹².

В фонде секретариата председателя РВСР в деле «Стенографические речи и отчеты наркома по военным делам» отложилось мно-

жество объединенных вырезок Российского телеграфного агентства ВЦИК — РОСТА. В верхней части документа рукой Л.Д. Троцкого внесено: «*Мировой пожар*» (здесь и далее в главе подчеркиванием отмечена правка, сделанная Л.Д. Троцким — С. В.). Революция в Германии». В этой своеобразной подшивке были объединены статьи:

- «Восстание среди немецких войск»;
- «Народные волнения»;
- «Немецкие солдаты-большевики»;
- «Вопрос о мире»;
- «Идут на уступки»;
- «К бою!».

В том же деле подшиты статьи:

- «Что ответит Германия?»;
- «Сумерки империализма» («Вслед за Болгарией Турция»);
- «Революция в Австрии»;
- «Революция в Болгарии»;
- «Революция в Сербии» (пометы сделаны рукой Троцкого): «Революция в Турции» и др.

Все вырезки говорят об одном: Троцкий напрямую связывал свою деятельность в военном ведомстве с мировой революцией и диктатурой пролетариата как вненациональной группы. Вот что говорит об этом документ, озаглавленный как «*Пожар мировой революции разгорается*» и правленный рукой Троцкого:

«В Берлине вспыхнула революция. Революционное движение в германских войсках разрастается. Немецкие солдаты, отправленные из Харькова на Западный фронт, перебили своих офицеров и возвращаются из Харькова с красными знаменами. Назначена совместная манифестация немецких и красноармейских частей.

В Австрии не сегодня завтра вместе с прусской военщиной рухнет старый бюрократизм.

В Болгарии крестьянская республика. В Сербии революция охватила армию... Если же империалисты сговорятся, чтобы задушить международную революцию, еще с большей уверенностью можно сказать, что рабочие всех стран восстанут для последней справедливой войны за свое освобождение и никакая сила не задавит восстания мирового пролетариата.

Права наши великие вожди революции и наше... правительство, бросившее открытый призыв рабочим Германии: „...берите в свои руки власть. А мы, русские рабочие, уже победили свой капитал. Армия наша в боях доказывала, что она сильна. Мы совместно с Вами пойдем рука об руку против всех, кто попытает задавить Вас и задавить нас“.

Русский восставший народ соберет все свои силы. Доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия удесятерит свою мощь. Крестья-

янство соберет хлеб, чтобы мы могли продержаться до дня победы пролетариата и помочь рабочим других стран»¹¹¹³.

Впоследствии (1922) Троцкий произнес речь «Путь Красной армии», в которой заявил о громадном значении для коммунистических партий всех стран вопросов, связанных с созданием вооруженной силы революции: «Кто хочет цели, тот должен хотеть средства. Средством к освобождению трудящихся является революционное насилие. С момента завоевания власти революционное насилие принимает форму организованной армии»¹¹¹⁴.

К августу 1918 г. Л.Д. Троцкий уже сделал определенные выводы из практического руководства военным ведомством. 23 августа он, опираясь на единодушные ответственных работников военного ведомства — как военных специалистов, так и партийных работников — в признании необходимости назначения ответственного перед Совнаркомом Верховного главнокомандующего и объединения в его штабе органов оперативно-стратегического руководства войсками (Оперативного отдела Наркомвоена и Штаба Высшего военного совета), ответил на запрос В.И. Ленина о важности «объединения командования... после первой [же] победы» и «сжатия всей военной верхушки». Вождь отреагировать не успел¹¹¹⁵.

В том же русле еще 1 августа высказался Я.М. Свердлов: для «окончательного установления железной диктатуры мы и создали регулярную армию»¹¹¹⁶.

Нюансы программы установления военной диктатуры вынашивались Л.Д. Троцким весной-летом 1918 г., чему немало способствовали: 1) Практическая деятельность Троцкого по рационализации аппарата военного управления; 2) Одобрение V Всероссийским съездом Советов основных положений Троцкого и победа идеи централизации управления войсками; 3) Расширение компетенции военного ведомства и увеличение его удельного веса в системе государственных органов РСФСР; 4) Внешнеполитическая обстановка, позволявшая надеяться на реализацию масштабных планов по экспорту революции.

Летом 1918 г. положение большевиков было критическим: численность членов партии сократилась до 150 тыс. чел.; крестьянские мятежи сопутствовали военным неудачам. Число большевиков в местных советах летом уменьшилось по сравнению с мартом на 21,2% (44,8 вместо 66). Большевистские лидеры пытались исправить положение. Они начали активную борьбу с оппозицией, запрещая участвовать в работе Советов меньшевикам и правым эсерам (июнь), расправляясь со временными «попутчиками во власти» — левыми эсерами (июль). Троцкий вроде бы даже признался послу Германии Мирбаху, что Советская власть мертва, но еще не найден ее могильщик¹¹¹⁷. Сотрудники германского посольства писали, что в августе 1918 г. в Москве обнаружили «панические настроения». 1 августа в Берлин докладывали, что руководство Советской России переводит

в швейцарские банки «значительные денежные средства», 14 августа — что просят заграничные паспорта: «воздух Москвы пропитан покушением как никогда»¹¹¹⁸.

При этом усиливалось влияние Свердлова с одновременным падением авторитета Ленина. По высокоавторитетному мнению профессора Казанского государственного университета А.Л. Литвина, «к лету 1918 г. в руках Свердлова была вся партийная и советская власть». Исследователь показал, что именно председателю ВЦИК было выгодно устранение Ленина¹¹¹⁹, и предположил, что ранение вождя было призвано отстранить его на какое-то время от власти и ставило перед ним «вопрос о почетном уходе из жизни смертью Марата»¹¹²⁰.

30 августа 1918 г. Ленин был тяжело ранен, и Троцкому, при поддержке Свердлова¹¹²¹, представилась возможность взять власть в свои руки и установить формальную военную диктатуру в лице органа по управлению мировой революцией, аппарат которого сможет контролировать народно-хозяйственный механизм страны.

Троцкий свой шанс не упустил. 2 сентября он выступил на чрезвычайном заседании ВЦИК, в котором выразил надежду на выздоровление вождя¹¹²²; констатировал незначительное улучшение дела в области командования вследствие «героической работы по военному упрочению всех рубежей Советской республики»¹¹²³; призвал «в тех условиях, в каких сейчас стоим перед концентрированным бешенством мирового империализма... Советскую республику превратить в военный лагерь и все наши средства, все силы, все достояние страны, личное достояние граждан и каждого гражданина в отдельности... прямо поставить на защиту Советской республики». Для этого, по словам Троцкого, были необходимы: централизация снабжения армии¹¹²⁴; героическая «мобилизация людей, солдат», «имущества», «духа, всех материальных и идейных сил страны...»; ликвидация «двойственности фронта — одного отходящего и другого создавшегося»; постановка «во главе всех вооруженных сил и средств страны» одного руководящего органа «в лице революционного совета» и одного главнокомандующего; подчинение всех центральных военных органов «этому революционному военному совету».

Троцкий отметил, что указанные меры обеспечат «единство в распоряжении всеми вооруженными силами и средствами страны в их перебросках из одной части фронта на другую снабжением, снаряжением, которое должно быть обеспечено в самые короткие сроки», и призвал также продолжить агитационную и организационную работу, «которая свершается и свершалась здесь в тылу»¹¹²⁵.

По итогам заседания ВЦИК в ответ на попытку устранить Ленина был провозглашен массовый красный террор «против буржуазии и ее агентов»¹¹²⁶. Советская Россия объявлялась «военным лагерем»; во главе всех фронтов и военных учреждений, как и предложил Троцкий, ставился Реввоенсовет [Республики] с одним главноко-

мандующим, в распоряжение которого поступали «все силы и средства» РСФСР; закреплялось, что «все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью...» в лице РВСР¹¹²⁷. Решение вопроса на заседании ВЦИК не было случайностью: РВС Республики создавался как высший чрезвычайный (т. е. внеконституционный) орган. Принятие решения о его создании во ВЦИК означало легитимацию¹¹²⁸.

Фактически речь шла о сверхмощном органе, истинным предназначением которого являлось не руководство обороной Республики «в кольце фронтов», а выдвижение фронтов далеко за пределы Республики, — с перспективой руководить мировой революцией. Свердлов и Троцкий фактически получили возможность править, прикрываясь чрезвычайным Советом как ширмой.

О механизме создания РВСР и внутрипартийной борьбе после создания этого Совета — в следующей главе нашего исследования.

№ 1.2.1

Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов о превращении Советской республики в военный лагерь

2 сентября 1918 г.

Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет:

Советская республика превращается в военный лагерь.

Во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики ставится Революционный военный совет¹¹²⁹ с единым главнокомандующим¹¹³⁰.

Все силы и средства Социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников.

Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью.

Поддержанная всем трудовым населением страны Рабочая и крестьянская Красная армия раздавит и отбросит империалистических хищников, попирающих почву Советской Республики.

Всероссийский центральный исполнительный комитет постановляет настоящее свое решение довести до самых широких рабочих и крестьянских масс, обязав все сельские, волостные и городские советы, все советские учреждения вывесить его на видных местах.

Постановление было принято на заседании ВЦИК 2 сентября.

Печатается по: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 г. М., 1997. С. 14.

ГЛАВА 3

«Перераспред[еление] сил», или «Война — это дело... всей партии»

Еще в 1970 г. известнейший специалист по истории ленинского правительства М.П. Ирошников с сожалением констатировал: «До сих пор... не обнаружен, по-видимому... не сохранившийся ряд протоколов» ЦК РКП(б), «относящихся к лету (с 20-х чисел мая до 16 сентября) 1918 года»¹¹³¹. Положение не изменилось до сего времени, однако нами выявлены уникальные документы Я.М. Свердлова, которые позволяют отчасти реконструировать два сентябрьских заседания: первое — Бюро ЦК, второе — Пленума ЦК. Оба они имеют прямое отношение к властной рокировке, состоявшейся после ранения вождя мировой революции.

Один из документов Я.М. Свердлова ставит точку в рассмотрении вопроса — кто стоял у истоков Реввоенсовета Республики. В личном фонде Свердлова отложился сценарий заседания, на котором был создан РВСР¹¹³².

Л. 1:

- 1) Ратификация дополнительного договора с Германией.
- 2) *Мещеряков — информац[ионный] доклад*¹¹³³ *о поездке [в Англию].*
- 2) Создание Единого¹¹³⁴ Революционного военного совета, назначение председателя Совета и главнокоманд[ующего].
- 3) Знаки отличия.

<об Урицком¹¹³⁵

Ильич

Мещерякову слово>¹¹³⁶

¹¹³⁷Не 16 тысяч вагонов, 16 миллиардов марок
о ратифик[ации]:

9 ч[ас]. 20 мин.

1) Арханг[ельский] — от максималистов

9 час. 52 мин.

- 2) Закс — от народник[ов]-комму[нистов]
- 3) Каменев — от коммунистов-б[ольшевик]ов
- 4) Красин¹¹³⁸

Енукидзе
Ногин
Веселовский¹¹³⁹

<Енукидзе
Ногин
Веселовский>

и работа ЦК

Бюро ЦК¹¹⁴⁰ — Предлож[ение] питерцев.

Совнарком =

Засед[ание] [В]ЦИК¹¹⁴¹. 2) Рев[олюционный] в[оенный] совет, председ[атель его] — Троцкий, главнок[омандующий] — Вацетис.

3). Ратификация договора, 3). Декларация ЦИК.

4). Знаки отличия = *установить*.

5). Украина =

6). Перераспред[еление] сил —

7). Советские служащие.

Троцкому разрешается поехать из Москвы, и Сокольников направляется в район 2-й армии <в качестве заведыв[ающего]¹¹⁴²> для руководства политич[еской] работой <и для организации вместе с т. Гусевым>.

Все вопросы, затронутые в Бюро по требованию пятого числа переносятся [на] Пленум ЦК.

Крестинский
Каменев
Свердлов
<Рыков
Дзержинский>

<Варвара Николаевна [Яковлева] Питер
Сырцов>

Штернберг З., комис[саром] 2-й армии <[в] Вятку>.

Л. 2:

На документе имеется помета: «В архив»¹¹⁴³.

«В Президиум

Для ясности при голосовании о ратификации добавлений по Брестскому договору прошу отметить, что при голосовании двое от фракции максималистов воздержались.

Архангельский
Е. Васильев»

Что представляет собой публикуемый автограф Я.М. Свердлова? Для ответа необходимо выяснить:

- 1). Во сколько «присестов» составлен публикуемый документ?
- 2). Состоялось ли заседание Бюро ЦК РКП(б)?

Первоначально возникает ощущение, что весь документ — черновая повестка дня заседания ВЦИК. Самая повестка, принятая в начале заседания, не соответствует *листу 2* публикуемого автографа Свердлова¹¹⁴⁴: в ней не три пункта, а семь. На *листе 2* два третьих пункта — это указывает на то, что перед председателем ВЦИК стоял выбор: на заседании можно было обсуждать как ратификацию дополнительного мирного договора с Германией, так и некую «Декларацию ВЦИК» (о каком документе идет речь и разрабатывался ли таковой вообще — не известно). При этом на самом заседании, если верить стенограмме, Свердлов предложил готовую повестку (соответствует *листу 1* автографа Свердлова).

Однако в действительности перед нами не один, а два документа: 1) повестка дня заседания ВЦИК; 2) черновой протокол заседания Бюро ЦК РКП(б) или, как вариант, памятная записка Свердлова о распределении обязанностей в правящей партии и верхушке государственного аппарата без Ленина.

Основная часть текста обоих документов написана бурыми чернилами, при этом чернила на *листе 1* значительно ярче, чем на *листе 2*, — не исключено, что документы составлялись в разное время. Судя по содержанию документов, они были написаны в следующей последовательности:

1) Памятная записка Я.М. Свердлова (2-й лист, бурые чернила):

«Бюро ЦК — Предлож[ение] питерцев.

Совнарком

Засед[ание] ЦИК. 2) Рев[олюционный] в[оенный] совет, председ[атель его] — Троцкий, главнок[омандующий] — Вацетис.

3) Ратификация договора, 3) Декларация ЦИК

4) Знаки отличия.

5) Украина.

6) Перераспред[еление] сил.

7) Советские служащие».

2) Повестка заседания ВЦИК и памятка для вступительного слова (1-й лист, бурые чернила): текст составлен до заседания (членам ВЦИК Свердлов предложил уже готовую повестку):

«1) Ратификация дополнительного договора с Германией.

2) Создание Единого¹¹⁴⁵ Революционного военного совета, назначение председателя Совета и главнокоманд[ующего].

3) Знаки отличия.

об Урицком

Ильич

Мещерякову слово».

Слева — основные вопросы, которые будут затронуты Свердловым во вступительном слове на заседании ВЦИК 2 сентября. Скорее всего, перед самым началом заседания ВЦИК Свердлов вписал простым карандашом перед 2-м пунктом еще один второй пункт: «*Мещеряков — информац[ионный] доклад*». На заседании, вероятно, во время или сразу после выступления видного деятеля большевистской партии Н.Л. Мещерякова о поездке в Великобританию Я.М. Свердлов дописал фиолетовыми чернилами для стенографического отчета: «...о поездке».

Из данного фрагмента следует, что первоначально Я.М. Свердлов планировал создать «Объединенный Революционный военный совет», затем «Единый Революционный военный совет» и только потом, видимо посоветовавшись с Л.Д. Троцким, остановился на официальном (Революционный военный совет Республики¹¹⁴⁶) и полуофициальном (Военно-революционный совет Республики¹¹⁴⁷) названиях новой высшей институции.

3) Текст и пометы Я.М. Свердлова на заседании ВЦИК (1-й лист, фиолетовый карандаш). Фиолетовый карандаш, безусловно, использовался на самом заседании ВЦИК: Свердлов точно указал время выступления Архангельского и Закса.

После вступительного слова Свердлов зачеркнул в № 1 слова «об Урицком, Ильич, Мещерякову слово» и вписал:

«Не 16 тысяч вагонов, 16 миллиардов марок
о ратифик[ации]:

9 ч[ас] 20 мин.

1) Арханг[ельский] — от максималистов
9 час. 52 мин.

2) Закс — от народник[ов]-комму[нистов]

3) Каменев — от коммунистов-б[ольшеви]ков

4) Красин¹¹⁴⁸

Енукидзе

Ногин

Веселовский».

В данном тексте — указание выступивших в прениях по первому вопросу и решение по третьему. Текст заканчивается перечислением фамилий (руководителя Военного отдела ВЦИК А.С. Енукидзе, видного большевистского деятеля В.П. Ногина, члена Революционного трибунала Б.А. Веселовского) людей, избранных по предложению Я.М. Свердлова на заседании ВЦИК в комиссию для «установления характера формы и порядка выдачи знаков отличия». Комиссия должна была представить доклад к следующему заседанию ВЦИК. Третьим на заседании ВЦИК обсуждался, мягко говоря, «наименее острый» вопрос из намеченных в автографе Я.М. Свердлова. Однако именно в паре с этим третьестепенным вопросом на заседании решался и важ-

нейший вопрос — о создании РВСР. Его значимость подчеркнули уже тем, что на заседании 16 сентября докладывали не члены избранной 2 сентября комиссии, а член Президиума ВЦИК С.А. Митрофанов¹¹⁴⁹, который, по совершенно непонятной причине, не был упомянут среди присутствующих на заседании членов ВЦИК¹¹⁵⁰.

4) Черновая запись заседания Бюро ЦК и пометы на памятной записке о сделанном (2-й лист, красные чернила).

Датировать этот фрагмент сложнее всего. Наиболее точно прописана военная сторона вопроса: «Троцкому разрешается поехать из Москвы, и Сокольников направляется в район 2-й армии <в качестве заведыв[ающего]> для руководства политич[еской] работой <и для организации вместе с т. Гусевым> [...] Штернберг З., комис[сар] 2-й армии». Редчайший случай, когда Я.М. Свердлов допустил ошибку: написал «З.» вместо «П.»¹¹⁵¹. Первое заседание РВСР состоялось 7 сентября. На нем Совет постановил утвердить РВС 2-й армии в составе С.И. Гусева и П.К. Штернберга; о Г.Я. Сокольникове нет ни слова¹¹⁵². Заседание Бюро ЦК, несомненно, предшествовало постановлению РВСР: Бюро наметило состав руководства 2-й армии, а конкретные назначения провел в советском порядке — через РВСР — его председатель Л.Д. Троцкий.

На заседании ЦК РКП(б) были решены вопросы: о Бюро ЦК и работе Пленума ЦК, о разрешении Л.Д. Троцкому выехать из Москвы (уже к 7 сентября Троцкий был в Арзамасе — месте «сбора» РВСР¹¹⁵³). В состав Бюро ЦК РКП(б) входили те члены Центрального комитета, которые находились в Москве на момент заседания ЦК. Из оставшихся открытыми после заседания ВЦИК вопросов Я.М. Свердлов решил вопросы о Совнаркоме и об Украине; не решил вопрос о распределении сил; вопрос о советских служащих отложил. Об этом свидетельствуют пометы председателя ВЦИК на памятной записке: напротив решенных вопросов знак равенства, нерешенных — минус; показательно и отсутствие помет напротив пункта о советских служащих. Вероятно, с решением последнего связано выданное 17 сентября Я.М. Свердловым удостоверение наркомом финансов РСФСР И.Э. Гуковскому на подробное «ознакомление» с «деятельностью всех представителей всех советских учреждений»; все представители Советской власти обязывались «оказывать т. Гуковскому всяческое содействие». Примечательно, что большевик назван в документе не наркомом, а «членом ВЦИК»¹¹⁵⁴.

Самая большая загадка документа — это «все вопросы, затронутые в Бюро [ЦК] по требованию пятого числа переносятся [на] Пленум ЦК». Несколько лет спустя, 1 января 1926 г., М.П. Томский заявил: «У нас такой обычай, что если один из членов Политбюро требует перенесения вопроса на Пленум, то он переносится. Если у нас почему-либо будут сомнения в Политбюро, то каждый член Политбюро может потребовать, чтобы [разногласие] было перенесено

на Пленум, и [разногласие] будет перенесено»¹¹⁵⁵. Нет сомнения, что пока не было Политбюро, апеллировать к Пленуму ЦК РКП(б) мог каждый член большевистского Центрального комитета, недовольный решением Бюро ЦК. В любом случае как минимум один член ЦК РКП(б) отказался признать легитимным решение Бюро ЦК по какому-то принципиальному вопросу. Когда точно состоялось заседание Бюро ЦК, мы также не знаем. В хронике деятельности ЦК РКП(б) за 5 сентября одна запись: «ЦК РКП(б) командирует в качестве своего агента В.И. Невского в Саратовскую и Самарскую губернии для ознакомления с партийной работой»¹¹⁵⁶. Очевидно, что никакого отношения ни к решению Пленума, ни Бюро ЦК РКП(б) эта запись не имеет. Налицо явная грамматическая ошибка Я.М. Свердлова, делающая текст аналогичным «казнить нельзя помиловать». Есть три варианта прочтения:

1). «Все вопросы, затронутые в Бюро, по требованию пятого числа переносятся [на] Пленум ЦК».

Любопытная деталь: повестка дня заседания ВЦИК 16 сентября обсуждалась в тот же день на заседании ЦК; стало нормой освященные решениями ВЦИК постановления ЦК¹¹⁵⁷. При таком прочтении возможно, что Бюро ЦК собиралось как 5 сентября (когда Бюро собралось, кто-то из членов Центрального комитета потребовал перенести вопросы на Пленум), так и то, что 5 сентября от Бюро ЦК потребовали аннулировать уже состоявшееся решение и вынести его на рассмотрение Пленума ЦК. Следовательно, сбор цекистов на Бюро мог состояться и до заседания ВЦИК 2 сентября — на этом заседании могли решаться основные вопросы, связанные с деятельностью высших государственных органов Советской России без В.И. Ленина. Тогда памятная записка (№ 1) представляет собой повестку заседания Бюро ЦК, состоявшегося до заседания ВЦИК об объявлении массового красного террора и создании Реввоенсовета Республики.

Итак, почти в конце листа фраза «Все вопросы, затронутые в Бюро... переносятся [на] Пленум ЦК» и перечисление фамилий: Н.Н. Крестинский, Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов и зачеркнутые А.И. Рыков и Ф.Э. Дзержинский. Отсутствие пленарных заседаний ЦК вплоть до начала 1919 г. почти никого не смущало. Бюро в качестве усеченного состава ЦК спокойно решало все вопросы. Вопрос, который вызвал негативную реакцию со стороны цекистов, был явно крайне важным. Не исключено, что первым пунктом шел вопрос о руководстве ленинского Совнаркома в условиях отсутствия председателя. Зачеркнутые 5 фамилий могут означать совокупность членов ЦК, имевшихся в период между 30 августа и 2 сентября в наличии в Кремле и решавших вопрос о руководстве советским правительством (то обстоятельство, что А.И. Рыков не был членом ЦК, не должно смущать: известно, что он принимал участие в заседани-

ях Центрального комитета¹¹⁵⁸). Любопытно упоминание о Варваре Яковлевой и зачеркнутом Сергее Сырцове. Возможно, они присутствовали на заседании. В.Н. Яковлева весной 1918 г. должна была восполнить недостаток в надежных товарищах в ВЧК (заседание 18 мая 1918 г.). Член партии с 1904 г., на VI съезде РСДРП(б) избрана кандидатом в члены ЦК, в 1917—1918 гг. — секретарь Московского областного бюро РСДРП(б)¹¹⁵⁹, в 1918—1919 гг. — председатель Петроградской ЧК¹¹⁶⁰. Из числа наиболее активных «левых коммунистов»¹¹⁶¹, сгруппировавшихся после заключения Брестского мира вокруг фигуры Я.М. Свердлова, и — главное в данном случае — член ВЦИК. Из дореволюционной биографии В.Н. Яковлевой особенно интересно в данном контексте то обстоятельство, что в начале 1910-х гг. именно через нее как «одного из... руководителей Московского областного бюро большевиков»¹¹⁶² Свердлов связался с Московской организацией РСДРП и возобновил «прерванную арестом работу»¹¹⁶³. 16 сентября 1918 г. ЦК решил предложить Яковлевой продолжить ее пребывание на работе в Петрограде¹¹⁶⁴. С.И. Сырцов — член партии с 1913 г., в 1918 г. — заместитель председателя Совета народных комиссаров Донской советской республики, ни в какой связи с Петроградом в это время не был¹¹⁶⁵. Он мог присутствовать на заседании, будучи одним из большевистских деятелей, прямо ответственных за проведение политики в отношении казачества как составной части как раз в эти дни официально объявленного массового красного террора.

Фактически среди указанных партийных «бонз» не хватало имен: находящегося на Южном фронте И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и проводящего политику московских цекистов в Колыбели революции Г.Е. Зиновьева с его петроградской группой цекистов — членом и секретарем ЦК РКП(б) Е.Д. Стасовой, кандидатом в члены ЦК А.А. Иоффе, с дореволюционных времен поддерживавшим Л.Д. Троцкого.

Зачеркнутый Я.М. Свердловым в блокноте Ф.Э. Дзержинский мог также отсутствовать в Москве (он выехал в Петроград после убийства М.С. Урицкого) и в силу проблем с ж.-д. транспортом не смог вернуться быстро). Я.М. Свердлов, видимо, рассчитывал на поддержку товарища по ЦК тем более, что тот был в опале по итогам «левоэсеровского мятежа» и постоянно выступал против В.И. Ленина по важнейшим политическим вопросам¹¹⁶⁶.

Зачеркивание А.И. Рыкова, находившегося в столице, видимо, связано с тем, что он не был на заседании Бюро ЦК, что неудивительно, поскольку, не входя в данный период в состав ЦК, он мог присутствовать лишь в качестве приглашенного. Рыков отличался исключительной порядочностью, и это признавали даже те из бывших видных советских деятелей, которые впоследствии не имели обыкновения лестно отзываться о ком бы то ни было из представителей большевистской верхушки¹¹⁶⁷. После революции А.И. Рыков мог расхотиться

с вождем во взглядах, но оставался лично ему преданным человеком, с Н.Н. Крестинским и Л.Б. Каменевым вопрос сложнее¹¹⁶⁸. По воспоминаниям В.М. Молотова, «Каменев высоко ценил Ленина, видел, что это гениальный человек, и сам Каменев — очень умный человек, но он чужой, чужой Ленину»; «Крестинский имел, по-моему, мало большевистского. Да, скорей всего, что ничего не имел. По молодости лет был настроен радикально, попал в большевистские ряды. Он, конечно, был больше троцкист»¹¹⁶⁹. Знаменитый охотник за провокаторами В.Л. Буршев характеризовал Крестинского следующим образом: «Официально политической роли [он] не играл, но пользовался огромным влиянием, т. к. обладал великолепной памятью на всякого рода мелочи (как и его непосредственный преемник на посту руководителя Секретариата ЦК — Сталин. — С. В.), хорошо запоминал лица, особенно всякого рода скандальную хронику. В высшей степени обладал даром интриги, — и Ленин больше всего опасался именно его, когда в конце 1920 г. началась первая серьезная вспышка фракционной борьбы. Ленин считал, что Крестинский, а не Троцкий, может собрать и организовать вокруг себя фракцию, а потому после своей победы в первую очередь сменил Крестинского и выслал его за границу в качестве посла в Берлин»¹¹⁷⁰. Правда, в апреле 1920 г. В.П. Милютин (который сам, в отличие от Н.Н. Крестинского, умел выступать на какую угодно тему и за то был прозван во второй половине 1920 г. Л.Д. Троцким «академиком общих мест»¹¹⁷¹), знавший руководителя Секретариата ЦК РКП(б) не понаслышке, иронизировал: когда приходится защищать «безнадежное дело», Н.Н. Крестинский всегда апеллирует «к авторитетам», в числе которых помимо В.И. Ленина был назван А.Д. Цюрупа¹¹⁷². Не стоит уточнять, что о высоком авторитете Н.Н. Крестинского подобное высказывание не свидетельствует.

Л.Б. Каменев уже доказал свою готовность отречься от вождя мировой революции, но *исключительно* в случае принципиальных разногласий. Такой вариант развития событий косвенно подтверждает участие Л.Д. Каменева в заседании ВЦИК 2 сентября¹¹⁷³. Есть и другое объяснение: по воспоминаниям В.М. Молотова, «Политбюро всегда заседало в Кремле. В первый период собирались там же, где и жили. Несколько лет, короткое время. Там же были и заседания Совнаркома, — при Ленине. Рядом с кабинетом Ленина»¹¹⁷⁴. Н.Н. Крестинский, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков и Я.М. Свердлов жили в Кремле, Ф.Э. Дзержинский — на Большой Лубянке. Возможно, Рыков по каким-то причинам в Кремле отсутствовал, а Дзержинский просто не смог прибыть вовремя на внеочередное «заседание» Бюро ЦК. В целом если Свердлов предполагал, что Дзержинский и Рыков примут участие в заседании, тогда естественно предположить, что Дзержинский уже из Петрограда вернулся. Это и логичнее.

Тем не менее следует признать вариант № 1 маловероятным.

2). «Все вопросы, затронутые в Бюро по требованию, пятого числа переносятся [на] Пленум ЦК».

Один из членов ЦК настоял на рассмотрении в ЦК важнейшего вопроса, а когда 5 сентября состоялось заседание Бюро ЦК, он не признал собрание достаточно представительным для решения ключевого политического вопроса (вопросов) и настоял на перенесении вопроса (вопросов) на Пленум. Не обязательно, что загадочный оппонент Я.М. Свердлова был одним из претендентов на лидерство в партии — скорее всего, выразила протест против властной рокировки Е.Д. Стасова*, которая, к примеру, осенью 1918 г. в Петрограде дала понять пришедшему к ней с запиской от председателя ВЦИК Виктору Шкловскому, что мнение Я.М. Свердлова как человека, равного по положению в партии, ей не указ¹¹⁷⁵. Получив известие об обострении — назовем вещи своими именами — монархического синдрома у одного из членов ЦК (Я.М. Свердлова), любой из его товарищей по высшему большевистскому руководству мог отнестись к происходящему болезненно.

* **Стасова Елена Дмитриевна** родилась в 1873 г. в Петербурге в семье юриста, который, будучи присяжным поверенным, неоднократно подвергался обыскам и арестам за взятие на поруки подзащитных в политических процессах. В 1898 г. начала свою революционную деятельность в Петербургском союзе борьбы за освобождение рабочего класса, вела работу по хранению нелегальной литературы в своей квартире, ведала всеми складами литературы Петербургского комитета и затем всей техникой ПК, работала с И.И. Радченко и др. С момента возникновения «Искры», как указала в анкете, «работала по собиранию партии, вела борьбу с экономистами»; к большевикам примкнула сразу после оформления фракции (1903). Вследствие провала организации уехала в Минск, затем в Орел, где работала по технике ЦК. Весной 1904 г., переехав в Москву, работала в Северном бюро ЦК. После ареста ряда членов все Северное бюро переехало в Нижний Новгород. Вскоре была там арестована, перевезена в Москву, в Таганскую тюрьму, где сидела до конца 1904 г. Вернувшись по освобождению в Петербург, состояла секретарем ПК, затем — в эмиграции, в Женеве, работала по технике ЦК. Во время Первой русской революции в январе 1906 г. ненадолго вернулась в Петроград, но уже в феврале снова отправилась за границу: в Финляндии она была связистом большевиков в России и за рубежом, а также организовывала закупку оружия. Кроме того, она участвовала в подготовке IV (Объединительного) съезда РСДРП, проходившего в апреле 1906 г. в Стокгольме. После возвращения неоднократно арестовывалась и возвращалась на работу в ПК вплоть до 1907 г., когда Стасова отправилась в Тифлис на пропагандистскую работу. В 1911 г. активный участник подготовки Пражской конференции РСДРП (1912), с которой началась история большевиков как самостоятельной партии. В июле 1912 г. арестована в Тифлисе, сослана по приговору суда в Енисейскую губернию. Осенью 1916 г. воспользовалась разрешением уехать в Петербург «для свидания» с престарелыми родителями и, связавшись с В.М. Молотовым, М.И. Ульяновой и другими соратниками, продолжила партработу, недолго находилась под арестом в конце 1916 г. С 28 февраля 1917 г. работала по организации Бюро Секретариата ЦК (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1849. Л. 4. В источнике ошибочно — секретариата Бюро ЦК). Вплоть до IX съезда РКП(б) 1920 г., со значительными фактическими перерывами, состояла секретарем ЦК — сначала в Петрограде, затем в Москве (Там же).

3). «Все вопросы, затронутые в Бюро по требованию пятого числа, переносятся [на] Пленум ЦК».

5 сентября подняли вопрос о необходимости созыва Пленума ЦК для решения важных проблем партийной жизни; требование о созыве удовлетворили, но собралось лишь Бюро ЦК (нет кворума для того, чтобы признать собрание Пленумом) и тогда вопросы перенесли на Пленум ЦК. Получается, что между 2 и 5 сентября один из цекистов, недовольный решениями о разделе власти после ранения Ленина, потребовал созвать Пленум; 5 сентября или позднее собралось Бюро ЦК, причем либо отсутствовал кворум, либо Бюро ЦК предложили решить вопросы, явно требовавшие созыва пленарного заседания ЦК, либо Бюро ЦК попросту отказалось принимать предложенные варианты постановлений. Прецеденты в истории партии были: так, в сентябре 1917 г. заседание ЦК в составе Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, А.С. Бубнова, Г.И. Ломова (Оппокова), А.М. Коллонтай, М.С. Урицкого, А.А. Иоффе, С.Г. Шаумяна, Г.Я. Сокольников, В.П. Милютина и Н.Н. Крестьянского (как видим, значительно более представительное, нежели собравшееся в начале сентября 1918 г. Бюро ЦК), обсудив доклад комиссии по выборам в Учредительное собрание, отказалось утвердить список членов и отложило принятие решения «до более полного собрания ЦК»¹¹⁷⁶. Вопрос о руководстве партией и правительством после ранения В.И. Ленина был, мягко говоря, более важным.

В любом случае совершенно очевидно: рокировка в верхах в редакции Я.М. Свердлова, если и прошла в Бюро ЦК РКП(б), то, что называется, «со скрипом», и при этом — крайне важно — 5 сентября Совнарком, который представлял собой основной *политический центр власти* с В.И. Лениным как не только формальным председателем, но и безоговорочным лидером, впервые собрался под *председательством* Свердлова, который даже не был наркомом. Товарищи по Центральному комитету РКП(б), несомненно, получили веский повод для недовольства Свердловым.

16 сентября на заседание ЦК РКП(б) явился В.И. Ленин, и всем стало ясно, что расстановка сил в самой верхушке партии вот-вот изменится. Механизм отстранения от власти Я.М. Свердлова — предмет самостоятельного исследования¹¹⁷⁷.

С Л.Д. Троцким все более-менее ясно. Уже через два дня, 18 сентября, один из членов РВСР П.А. Кобозев обратил внимание Реввоенсовета Республики на то, что Троцкий и Свердлов, «не имея на то никакого права, выдают мандат от имени Совета», и постановил мандат отозвать. На следующий день РВСР был предложен новый, серьезно отредактированный, текст «проекта Конституции РВСР», по сути документ, фиксирующий внутреннее распределение сил и ролей, и представил проект на утверждение ВЦИК. Фраза «сообщить о поправках Л.Д. Троцкому» указывает, что Реввоенсовет Респуб-

лики поправил (!) своего председателя¹¹⁷⁸. Подобные действия РВСР свидетельствуют, что его члены не желали стать «ширмой» для реализации властных амбиций Троцкого и Свердлова.

В ответ на действия В.И. Ленина председателю РВСР и председателю ВЦИК пришлось усугубить ситуацию. Троцкий разработал проект положения о РВСР¹¹⁷⁹ и внес его во ВЦИК на утверждение. 30 сентября 1918 г. ВЦИК принял Положение о Реввоенсовете Республики, согласно которому Революционный военный совет РСФСР объявлялся органом высшей военной власти в стране. Для нужд обороны границ РСФСР в распоряжение Реввоенсовета Республики предоставлялись «все силы и средства народа», а все советские учреждения обязывались «рассматривать и удовлетворять [требования РВСР] в первую очередь». Реввоенсовет формально поглощал права и кадры коллегии Наркомвоена. Все военные учреждения подчинялись РВСР и обязывались исполнять его задания¹¹⁸⁰. Пункт 4 подтверждал, что Л.Д. Троцкий является председателем Реввоенсовета Республики. Место председателя РВСР определялось равным месту председателя во взаимоотношениях с коллегией¹¹⁸¹. Это ключевой пункт постановления (если сравнивать постановления ВЦИК от 2 и 30 сентября): согласно 45-й статье Конституции РСФСР: «Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара, коллегия, не приостанавливая исполнение решения, может обжаловать его» в СНК или Президиуме ВЦИК¹¹⁸². Таким образом, положение закрепило за Троцким право *единоличного* решения вопросов — теперь он мог диктовать свою волю, не запрашивая мнения членов Реввоенсовета К.Х. Данишевского и П.А. Кобозева со товарищи. Централизация и достижение нового уровня военного руководства фактически вылились в «законодательное» оформление руководящего статуса Троцкого, не нуждавшегося в действительности ни в каком Совете, управлявшего военными органами и просившего невоенные в директивном порядке посредством телеграмм из собственного «летучего аппарата управления».

Именно действиями, легализованными 30 сентября, Л.Д. Троцкий вызывал крайнее недовольство исправно следившего за И.И. Вацетисом К.Х. Данишевского: по его воспоминаниям, Троцкий «часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность... Реввоенсовет [Республики]»¹¹⁸³, т. е. отдавал единоличные приказания вместо проведения своих предложений в Совете.

РВСР и его председатель стремились сосредоточиться на важнейших проблемах, возлагая решение конкретных задач на соответствующие подчиненные органы, но все же фактически «потонули» в многочисленных организационных вопросах, что обусловило создание 30 ноября нового высшего внеконституционного государствен-

ного органа с основателем большевистской партии и председателем Совнаркома В.И. Лениным во главе — Совета рабочей и крестьянской обороны (позднее — Совет труда и обороны; далее — СТО). Отметим, что в одном из черновых проектов создания СТО стояло лишь имя председателя Совета — В.И. Ленина (см. док. № 1.3.3). В 1918 г. после создания СТО РСФСР вопросы военной экономики и общего руководства воюющей страной перешли к этому Совету, а Реввоенсовету Республики были оставлены военно-организационные вопросы¹¹⁸⁴. Опыт деятельности Совета рабочей и крестьянской обороны был использован И.В. Сталиным в 1941 г., когда 30 июня он создал совместным постановлением Президиума Верховного совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) Государственный комитет обороны СССР (ГКО). Правда, Государственный комитет обороны получился органом со значительно более широкой компетенцией, чем Совет рабочей и крестьянской обороны, поскольку ГКО СССР сосредоточил в своих руках *всю полноту власти* в партии и государстве, включая кадровые назначения и перемещения в войсках, а рабочим органом ГКО в деле ведения войны стала Ставка Верховного главнокомандования (кадры Ставки и ГКО пересекались), замкнутая на председателя ГКО СССР¹¹⁸⁵. В изменившихся военно-политических реалиях у Сталина все вышло компактнее, стройнее и надежнее, в том числе и за счет полной подконтрольности военных и отсутствия малейших признаков автономии Армии от Власти.

В 1918 г. Л.Д. Троцкого коробило и обижало резкое ограничение его полномочий и необходимость отчитываться перед Советом обороны, поэтому он старательно перекладывал работу в этом органе на плечи заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Складанского. Результаты плачевны: последний не мог добиться в Совете обороны стабильных бюджетных ассигнований на армию. Л.Д. Троцкий в 1922 г. напрасно жаловался делегатам XI съезда РКП(б) на традицию «1918, 1919, 1920 и даже 1921 гг., когда в течение года Красной армии по мере надобности давали, затем отнимали и снова давали»¹¹⁸⁶: отвечая на замечание Э.М. Складанского, что военному ведомству не хватало денег на армию и ее реформу, в 1924 г. видный большевистский организатор Г.К. Орджоникидзе заявил: «...если в СТО никогда не подымались военные вопросы и никто не защищал этих вопросов, то ясно, что ничего и не получишь. [...] Надо согласиться и т. Складанскому с тем, что, если бы в СТО выступил т. Троцкий в защиту своего бюджета, он провел бы его с несравненно большим успехом, чем если бы выступил т. Складанский плюс все члены Реввоенсовета [Республики], [реввоенсоветов] армий и фронтов»¹¹⁸⁷. Естественно, во время Гражданской войны все военные вопросы решались в первую очередь, но (само)устранение Л.Д. Троцкого от этой работы — безусловный факт.

2 июня 1937 г. на заседании Военного совета при наркоме обороны И.В. Сталин вспомнил об «инциденте, который был у Ильича с Троцким» во время создания Совета обороны: последний «пришел жаловаться — получают в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему как наркому, а иногда даже и копии не посылаются, и письма получают в ЦК через его голову. „Это не годится“. Ленин спрашивает: „Почему?“ — „Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать“. Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: „Вы не думайте, что Вы один имеете заботу о военном деле. Война — это дело всей страны, всей партии“»¹¹⁸⁸.

Председателя РВСР основатель большевистской партии смог окончательно поставить на место лишь по итогам VIII съезда РКП(б). 25 марта 1919 г. на заседании ЦК нового созыва один из членов высшего партийного органа, ближайший ленинский соратник Г.Е. Зиновьев констатировал, что по сути Л.Д. Троцкого оставили у руководства военным ведомством с тремя условиями: о реорганизации Полевого штаба (1) и Всероссийского главного штаба (2), и главное — об организации обязательных ежемесячных совещаний председателя РВСР с партийными работниками. Из протокола заседания Пленума: «Тов. Зиновьев сообщает, что в военной секции съезда удалось добиться единодушия благодаря тому, что мы пошли на своего рода уступку и приняли резолюции, которые было решено не оглашать на съезде, а именно: во-первых, о реорганизации Всероглавштаба, во-вторых, о Полевом штабе и, в-третьих, об обязательном ежемесячном совещании т. Троцкого с партийными работниками. Тов. Зиновьев считает, что съезд во всем своем поведении по военному вопросу дал серьезное предостережение [т. Троцкому] и что вследствие этого нельзя отнестись ко всем указаниям его недостаточно серьезно, а потому необходимо т. Ленину переговорить с т. Троцким. Тов. Ленин полагает, что т. Зиновьеву следует письменно изложить свое заявление, а ЦК в заключение к нему добавить свою резолюцию»¹¹⁸⁹. ЦК постановил: «Обратиться к т. Троцкому в письменной форме, причем это обращение должно состоять из трех частей: во-первых, заявление т. Зиновьева, во-вторых, неоглашенные резолюции с объяснением, почему они являются выражением подлинной (констатируется, что была и иная. — С. В.) воли съезда, и, третья, резолюция Политического бюро ЦК. Все три части этого обращения поручается составить т. Зиновьеву, а окончательную санкцию даст Политическое бюро»¹¹⁹⁰.

26 марта Центральный комитет РКП(б) фактически обязал Л.Д. Троцкого «увольнять и перемещать военных работников-коммунистов не иначе, как через партийную организацию» — Организационное бюро ЦК; «как можно скорее» провести решения военной секции съезда. Кроме того, ЦК указал Троцкому на «необходимость как можно более внимательного отношения к работникам-коммунистам

на фронте», полной «товарищеской солидарности» с ними¹¹⁹¹. Проект постановления по докладу Г.Е. Зиновьева составили 26 марта члены ЦК В.И. Ленин, Н.Н. Крестинский, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев¹¹⁹². Фактически это было логическим продолжением ленинской политики по легализации апелляций коммунистов к партийному руководству по военным вопросам (о которой вспоминал Сталин в 1937 г.). Троцкий тщательно редактировал свой ответ Центральному комитету. В черновике он отметил, что Ленин умело пользовался борьбой за второе место в партии между Троцким, Зиновьевым и Сталиным, «выступая в роли примирителя, борца за единство» (цитируется М.А. Молодцыгин)¹¹⁹³. Именно с VIII съезда партии «можно начинать отсчет подчинения армии высшим партийным органам, без чего не могло быть всевластия РКП(б)»¹¹⁹⁴.

Исследователь С.А. Павлюченков образно заметил, что «в послеоктябрьском „товариществе“ вождей решительность и беспощадность Ленина не имели себе равных»¹¹⁹⁵. Скажем о двух других качествах председателя Совнаркома — хитрости и дальновидности.

Фактически все эти качества были признаны соратниками к весне 1919 г., когда Совет обороны прочно подмял под себя Реввоенсовет Республики¹¹⁹⁶, а Я.М. Свердлов, который подготовил почву к «утверждению» себя любимого в выдуманной им самим должности «председателя ЦК», никак не зафиксированной в действующей редакции партийного Устава, на VIII съезде РКП(б)¹¹⁹⁷, неожиданно — накануне этого самого съезда — скончался от загадочной испанки. В последний день физического существования Я.М. Свердлова его посетил «сердобольный» Ильич, столь беспечно (как неожиданно выяснили соратники) относившийся к своему здоровью¹¹⁹⁸.

В.И. Ленин продолжал активно вмешиваться в военные вопросы и после VIII съезда РКП(б). Так, 28 апреля 1919 г. деятельность Л.Д. Троцкого на посту председателя Реввоенсовета Республики была раскритикована на заседании Политбюро, рассмотревшем вопрос «о выполнении резолюций партийного съезда о реорганизации Всероссийского глав[ного] штаба и др. организаций Военного комиссариата»¹¹⁹⁹. Ильич твердо держал руку на пульсе военного ведомства и целенаправленно и методично сводил на нет бонапартистские замашки Л.Д. Троцкого. В качестве «узды» для председателя РВСР вождь мировой революции постоянно использовал И.В. Сталина¹²⁰⁰.

Перед В.И. Лениным в этот период стояла двуединая задача — не потерять Л.Д. Троцкого как человека, способного руководить военным ведомством, но при этом не дать ему возможность использовать армию в ведении собственной политической игры. Поэтому председатель Совнаркома максимально усилил т. н. военную «оппозицию» из старых большевиков, направленных в РККА и раздраженных развязанным главой военного ведомства террором против партийцев армии. Председателя РВСР В.И. Ленин застрашал военной «оппозици-

ей» по полной программе. К счастью для Л.Д. Троцкого, вождь мировой революции в этот период не считал целесообразной его замену на посту высшего военного руководителя и ограничился частичным политическим убиением «Красного Бонапарта» с последующим напоминанием ему реального места в *ленинской* партии. «Партия нового типа» допускала лишь диктатуру узкой группы вождей во главе с основателем партии — да и то прикрытой тогой «внутрипартийной демократии» и зафиксированным в Уставе положением о съезде как «верховном» и ЦК как «высшем» органах РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС.

№ 1.3.1

Из проекта Положения о Реввоенсовете Республики

*Не позднее 30 сентября 1918 г.*¹²⁰¹

1. а) Революционный военный совет Республики есть орган высшей военной власти в стране; б) в интересах активной обороны границ Советской Республики и обеспечения Советской власти РВСР в вопросах военных подчиняются также все гражданские учреждения страны; с) Рев[олюционн]ый воен[ный] сов[ет] Республики поглощает все права коллегии Народного комиссариата по военным делам, которые подчиняются Рев[олюционному] военному совету Республики.

2. Все военные силы и средства Советской Республики подчинены Рев[олюционному] воен[ному] совету. Все военные учреждения Республики работают по его заданиям.

3. Всероссийский главный штаб, Главное управление снабжений, Военно-законодательный совет, Высшая военная инспекция подчиняются Сов[ету] непосредственно.

4. Приказы Рев[олюционного] воен[ного] сов[ета], имеющие организационное и законодательное значение, вводящие новые учреждения или изменяющие старые, должны иметь подписи не меньше трех членов Рев[олюционного] воен[ного] сов[ета], причем если эти приказы имеют стратегический или оперативный характер, то одна из этих подписей — обязательно подпись главнокома. <...>

8. Председатель, члены Рев[олюционного] воен[ного] сов[ета] и главнокомандующий назначаются и смещаются [В]ЦИК Советов¹²⁰².

9. Местом пребывания Революционного военного совета Республики является Ставка главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

№ 1.3.2

**Доклад главнокомандующего всеми вооруженными силами
Республики И.И. Вацетиса «Роль политической
и хозяйственно-административной централизации
в современной государственной обстановке»**

*Не позднее 27 ноября 1918 г.*¹²⁰³

Государственная жизнь нашей Республики заложена на началах политической децентрализации и полной хозяйственно-административной централизации.

По такой схеме строилась государственная жизнь с начала 1918 г., и над постройкой этой жизни работало много выдающихся умов социального устройства нашей страны. Вся политическая власть на местах — вот тот девиз, который положен в основу образования Советской Республики¹²⁰⁴.

Что же касается хозяйственно-административной власти, то с первых же дней нынешнего года замечается обратное явление и совершенно рельефно намечаются те этапы, по которым наша Республика намерена шествовать для создания полнейшей централизации как по части инициативно-административной, так и хозяйственно-производительной.

Носителями функций децентрализованной власти являлись местные совдепы на местах, функции же централизованной хозяйственно-административной жизни страны сосредоточивались в лице учреждений, имевших значение как бы маленьких трестов на демократической основе. Эти тресты известны нам под названиями: Центроткань, Центросахар, Главспичка, Главтабак, Центротекстиль, Центрорыба, Центрокожа и т. д. и т. д. без конца.

Несомненно, что, если бы государственное строительство нашей страны происходило в мирное время, а не в обстановке борьбы, то все намеченные преобразования были бы проведены в жизнь спокойно, продуманно и, несомненно, дали бы великолепные результаты.

Что может быть лучше, как рассредоточение политической власти под лозунгом «власть на местах». Этот лозунг особенно важен для нашей Республики, потому что она состоит из массы всевозможнейших провинций, имеющих свои особые культурные особенности и свой житейский уклад.

Централизация хозяйственно-административной стороны жизни государства на демократических началах — это тот идеал, которому отвечает наше государственное строительство на почве власти трудящихся. При полной централизации хозяйственно-административной жизни государства распределение богатств в стране будет равномерно, не будет концентрации капитала в одних руках, не будет миллионеров, не знающих, куда девать свои богатства, и не будет бедняков, не знающих, чем прикрыть себя и свою семью от холода

и чем накормить их от голода. Это было бы так, как выше сказано, если бы наше государственное строительство протекало в обстановке абсолютно мирного времени, если бы ни внутри, ни извне не было враждебной силы, готовой каждую минуту помешать такой социализации всей государственной жизни нашей Республики.

Но, как мы знаем, мы строимся на новых началах в обстановке самой свирепой борьбы — как против внутренних врагов, так и против напора на нас извне. Наше нынешнее положение можно сравнить с положением Германии до начала нашей Революции. Тогда весь мир направил свои штыки на Германию, считая ее виновницей каких-то особых попятных, какого-то особого желания построить или стать хозяином какой-то новой империалистической цивилизации. Теперь же, после капитуляции Германии, весь мир как бы сошелся в одном и сосредоточил все свое оружие против нашей Социалистической Республики. На нас наступают более многочисленные враги, чем в то время на Германию. Нам, несомненно, тяжелее вести нашу борьбу, чем то было Германии, потому что одновременно с внешними врагами мы должны вести борьбу внутри, подавляя постоянные мятежи. Словом, мы должны откровенно сознаться, что мы живем в обстановке самой свирепой беспощадной борьбы против нас всего мира.

В такой обстановке войны наше государственное строительство принимает особый характер, ибо вся государственная жизнь должна быть направлена на обслуживание войны, т. е. на создание армии и на [обеспечение] этой армии всем необходимым для ведения войны. Таким образом, мы видим, что с начала нынешнего года наша Республика строилась на основах стремления к миру и в надежде, что мир будет. Неожиданно же получилось совершенное изменение обстановки, вместо мирной жизни мы снова должны вести самую свирепую войну.

Для всякого, кто следил за жизнью нашей Республики, стало ясно, что по мере развития войны лозунг «вся власть на местах» оказался непригодным, ибо для ведения войны необходима одна воля, одно стремление, одна власть, [а] именно — власть центральная. Только при этом условии все живые силы страны могут быть обращены в боевое оружие, направленное для достижения единой цели.

Итак, обстановка военного времени заставила внести поправку в формулу «вся власть на местах» и перестроить всю власть государственную на принципе «Вся полнота власти Совету народных комиссаров и Всероссийскому центральному исполнительному комитету».

В настоящее время, как мы знаем, у нас имеется вполне централизованная власть, на местах же оставлено совдепам власти постольку, постольку это допускается государственными интересами.

Что же касается положенной в основу государственного строительства идеи полнейшей централизации хозяйственно-административной жизни, то здесь вопрос стоит более чем неблагоприятно. Возможная и допустимая в мирной обстановке полная централизация хозяйственно-

административной жизни страны на социалистических основах опять-таки оказалась в обстановке войны совершенно неприменимой к жизни. Социальная схема хозяйственно-административной жизни страны в мирное время направлена для обслуживания трудящихся масс, военное же время требует, чтобы хозяйственно-административная жизнь страны была направлена для обслуживания Красной армии *исключительно*. При других условиях никакая война не может закончиться победоносно.

Это жестокое условие, диктуемое богом войны Марсом, до сих пор оспаривается. Многие по своему мировоззрению до сих пор остаются лишь поклонниками тех теорий, которые выработаны в безразличной обстановке вне времени и случаев. Это — романтики социализма, не имеющие возможности в своих умовоззрениях¹²⁰⁵ подняться до уровня требований практической жизни. Очевидно, они еще не продумали достаточно глубоко ту роль, какую должен играть социализм как государственная власть, очевидно также, что они застряли в стадии понимания социализма как двигателя социальной цивилизации. Практическая жизнь дала уже бесчисленные примеры того, что для успешного ведения нами борьбы необходима достаточная децентрализация хозяйственно-административной жизни страны, оставляя доминирующую роль в вопросах государственного хозяйства за центральными государственными учреждениями.

В настоящее время, как мы знаем, раздаются многочисленные голоса с мест, из военных округов, о том, что надо предоставить им достаточную хозяйственную самостоятельность именно для того, чтобы армия не была у нас разута, раздета и не оказалась бы без амуниции. Есть многочисленные примеры того, что разные центроколлегии на местах держат в своем распоряжении колоссальнейшее военное имущество и не выдают его представителям снабжения армии.

Есть многочисленные примеры того, что Красная армия не может получить из местных складов того, что ей нужно. Чтобы получить простую доску для устройства нар, необходимо снести по массе инстанций, не будучи уверенным в положительном результате всех этих хлопот.

При нынешней шумихе Центротканей, Центродосок, Центрогвоздей получили совершенно курьезное явление: центроколлегии конфискуют имущество у частных владельцев, как бы национализировать его, т. е. делают государственной собственностью, а между тем, когда под влиянием государственной же необходимости представители армии обращаются в центроколлегии за получением необходимых материалов, то центроколлегии отвечают: «Платите нам, тогда мы вам дадим». Это уже не централизация, а безобразие — безобразиие, явившееся продуктом обстановки военного времени.

В настоящее время крайне необходимо пересмотреть вопрос о централизации хозяйственно-административной жизни Республики, ибо вся ее жизнь должна быть направлена на обслуживание Красной армии. Наша страна объявлена военным лагерем¹²⁰⁶, и все живые силы страны,

все богатства ее, все ее достояние должны быть направлены для обслуживания этой живой силы, ведущей борьбу против многочисленных врагов за существование нашей Социалистической Республики.

Если мы будем нашу Рабоче-крестьянскую Красную армию обслуживать «постольку-поскольку», то нет ни малейшей уверенности в том, что мы выдержим эту невероятную, не слыханную еще в мировой истории борьбу.

Комиссариаты наших военных округов выбиваются из сил, чтобы вовремя одеть, обуть нашу Красную армию, снабдить ее обозом и всем необходимым, но в этом они не встречают достаточной поддержки страны.

Мы ведем войну так же, как то было при царском режиме, когда Военное министерство воевало, а остальные министерства жили по-своему, как кому вздумалось. В результате всего этого все войны старой России были проиграны, она¹²⁰⁷ выигрывала только в тех случаях, когда вопрос шел только о раздавлении¹²⁰⁸ какого-нибудь незначительного народа, не имевшего почти никаких сил сопротивления. В настоящее время также ведет войну лишь Народный комиссариат по военным делам, т. е. прежнее Военное министерство, остальные же комиссариаты относятся к войне не только что равнодушно, но даже отчасти враждебно. Бесчисленны примеры недоброжелательства, какого-то шипения, направленного в сторону Красной армии, подчас презрительного к ней отношения.

Наш красноармеец сражается в условиях гораздо худших, чем сражался солдат старой армии, красноармеец получает меньше хлеба и меньше пищи, чем солдат старой армии, красноармеец наш хуже одет, одет «постольку-поскольку», многочисленны донесения командующих армий о том, что части совершенно разуты, что нет шинелей, что солдаты мерзнут. К раненым и заболевшим солдатам старой армии общество относилось с трогательной нежностью и единодушием, но посмотрите, что делается с ранеными и больными солдатами Красной армии. Нам приходилось видеть раненых красноармейцев, доставленных с позиций в таком виде, когда в ранах были уже черви. Все госпитали переполнены красноармейцами, уход за ними гораздо хуже прежнего, нет тех богато обставленных общин Красного Креста. Все более случайно. Подчас тяжелораненые красноармейцы умирают на поле сражения, брошенные, как собаки. В довершение наших бедствий и тут, в вопросе военно-санитарном, нужно было проделать какой-то кучке романтиков эксперименты и заявить свою претензию на военно-санитарное дело в то время, когда сами они не имели ни малейшего представления о том, что делать. Мы имеем в виду Народный комиссариат здравоохранения. Из разговора с представителями этого комиссариата оказалось, что первоначальной мыслью, заставившей их простереть свое внимание на военное ведомство, было именно желание [за]глянуть в аптеки и медицинские склады военно-

го ведомства, т. е. мысль чисто эгоистическая, а вовсе не с целью организовать помощь Красной армии во всенародном масштабе. В настоящее время медицинская помощь Красной армии поставлена из рук вон плохо, ведется до преступности небрежно, и мы не знаем времени, когда военно-санитарное дело было поставлено в армии так плохо, как ныне. Со всех сторон жалобы о неимении госпиталей, о плохой эвакуации, о плохом уходе, о недостатках врачей, о недостатках медикаментов и т. д. и т. д.

Возьмем хотя бы другое ведомство — [Нар]компрод. Опять-таки в целях централизации Наркомпрод изъявил желание, изъявил неотразимое притязание забрать в свои руки снабжение армии продовольствием. Военное ведомство было лишено всякой возможности снабжать войсковые части, солдатский паек Наркомпродом был уменьшен до размеров, способных вызвать лишь вооруженный мятеж на голодной почве. Мы знаем, что войсковые формирования первого периода и до начала борьбы с чехословаками не удались, собранные в казармах солдаты разбежались под впечатлением голода. Нередки были случаи, когда полки не выходили на занятия, потому что были голодны и должны были отправиться в город добывать себе пищи.

Сравнительно недавно, уже во время войны, Компрод наложил свое вето на всякую возможность в армии вести самостоятельную заготовку¹²⁰⁹. В результате оказалось, что Компрод не выполнил ни одного из требований, выполнить которые он божился и клялся. В армии начался голод, новые формирования не могли быть вовремя проведены, ибо не было доставлено продовольствия.

Это уже не случайность и не глупость, а просто государственное преступление, за которое виновные должны нести суровую кару.

На настоятельные требования военного ведомства о предоставлении права ему самому вести заготовку продовольствия для армии — [нар]компрод А.Д. [Цюрупа] упорно отказывался, грозя, в случае удовлетворения настояний военного ведомства, выйти в отставку. Случалось нам видеть деятелей [Нар]компрода — коммунистов, которые не согласны были передать дело продовольствования армии в руки военного ведомства по другим соображениям, по причине обуревавшего их беспочвенного романтизма. Один из них говорил, что должен быть общий котел, что все должны есть как бы из общего котла. Эти романтики, приставленные по недоразумению к практическому делу, не понимали того, что никто не спорит о том, что в нашей Республике должен быть общий котел, т. к. мы окружены со всех сторон врагами, но необходимо понять и допустить как бесспорную истину, что из этого котла, в первую очередь, должны получить пищи вдоволь красноармейцы. Эти романтики говорили, что для них все равно, что солдат, что рабочий: что мера справедливости для всех одна. Однако, говоря таким образом, эти лица несколько не были склонны сами стать в ряды красноармейцев и уравнять свой боевой

труд, сопряженный с самопожертвованием жизнью и здоровьем, с трудом тех, кто работает в тылу и наслаждается покоем и 8-часовым рабочим днем. Словом, поддерживая мысль об общем котле, эти романтики не понимали того, что из этого котла, в первую очередь, нужно удовлетворить Красную армию.

Были и такие, которые это понимали, но в то же время никто не хотел подняться до высоты государственного понимания этого вопроса, а именно, что раз требуется удовлетворить, прежде всего, Красную армию пищей, то необходимо возложить заботу об этом на военное ведомство.

Только сравнительно недавно, после целого ряда экспериментов, проделанных Компродом, экспериментов, кончившихся полным провалом для него, неисполнением заказов военного ведомства, невозможностью исполнить их и непониманием этого дела, только после этого Компрод отошел в сторону, военное ведомство добилося права самостоятельных заготовок. Нам совершенно ясно, и мы полагаем, что если бы к вопросу о децентрализации хозяйственно-административной жизни страны хотели бы подойти беспристрастно, то этот вопрос был бы разрешен так, как он должен быть разрешен, и от централизации в вопросах хозяйственно-административной жизни решено было бы перейти к централизации, каковая вызывается необходимостью в военной обстановке.

Повторяю, что без этого условия наша Красная армия не даст максимума боевой работы, ибо мы не будем иметь возможности одеть, накормить ее и заготовить ей боевую амуницию. Может быть, это все будет понято впоследствии, но тогда будет уже поздно. Мы уже опоздали с разрешением этого вопроса, мы [с другими наркоматами] еще подходим к нему толкаясь. Мы, хотя и понимаем друг друга, но не желаем уступить, сознавая, что Красная армия не есть орган угнетения трудящихся масс, а есть якорь спасения для нашей Социалистической Республики от тех многочисленных врагов, которые обрушились на нее со всех сторон.

Вацетис

РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 244—251. Подлинник — машинописный текст с автографом.

№ 1.3.3
Проект постановления ВЦИК о создании
«Совета Оборона Страны»

Не позднее 28 ноября 1918 г.

В своем заседании [2 сентября 1918 г.] ВЦИК постановил объявить всю Советскую Республику военным лагерем. С тех пор многое

было сделано для создания мощной Рабоче-крестьянской [Красной] армии, но сделано далеко не достаточно. Между тем, никогда еще Советская Республика не переживала столь критическое положение. Необходимо усилить работу всех органов Советской власти для нужд войны. Необходимо координировать деятельность различных органов, связанных с вооружением, снабжением, формированием, передвижением и продовольствованием¹²¹⁰ армии. Только в такой координированной, энергичной работе всех учреждений для нужд войны залог наших успехов.

В этих целях ВЦИК постановляет образовать Совет Обороны Страны, в состав которого должны войти представители Реввоенсовета, Компуга, Компрода, Чрезвычайной комиссии по снаряжению и снабжению армии и представитель ВЦИК. Председателем Совета Обороны Страны назначается т. Ленин.

Все распоряжения и постановления Совета Обороны Страны безусловно обязательны для всех учреждений — как военных, так и гражданских. Совет Обороны Страны имеет своей задачей перевод на военное положение всех учреждений, деятельность которых соприкасается с нуждами армии. <Сов[ет] Об[ороны] Ст[раны] имеет право вызывать на свои заседания> Сов[ет] Об[ороны] Ст[раны] имеет право назначения ревизий, контроля и т. д.¹²¹¹

РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 19—20 об. Рукописный текст на тетрадном листе.

№ 1.3.4

Заявление члена ЦК РКП(б) И.Т. Смилги Центральному комитету партии с протестом против милиционной системы комплектования войск и предложениями по реорганизации аппарата военного управления

17 марта 1919 г.

т. Ленину — копия

В ЦК Российской коммунистической партии

Для успешного ведения войны считаю необходимым:

1). Не на словах, а на деле отказаться от формирования территориальных войск. Надо воспретить совершенно формирование мобилизованных в их губернии.

2). Упорядочить систему пополнения частей путем их постоянного усиления, которое не должно превышать 20—30% количества людей в части. Отсутствие пополнений приводит к уничтожению кадров, а чрезмерное нагромождение, в свою очередь, ведет к разжижению старого крепкого армейского ядра.

3). Части, предназначенные для фронта, должны быть отданы под надзор фронта для их предварительной выучки.

4). Все тыловые формирования крупнее полка должны быть прекращены (маргариновые).

5). Рабочие-коммунисты, мобилизованные для войны, должны немедленно отдаваться в военные училища и [на командные] курсы. Фронту нужен низший командный состав, а не смутно понимающие свою роль молодые товарищи.

6). Крепость нашей армии находится в прямой зависимости от настроений среднего крестьянина, на котор[ые] должно обращать самое серьезное внимание.

7). Шаткий, беспокойный тыл столь же опасен, как враг. Одному из членов рев[олюционного военного] сов[ета] фронта поручается Совнаркомом и ЦК партии общий надзор и контроль за всеми советскими учреждениями.

8). Политическая работа в армии требует, чтобы: а) Всебюрокомвоен¹²¹² был распущен, а вместо него организован Политотдел Республики, для действующих армий — Политотдел при [Всеро]главштабе; б) Политотдел Республики должен быть мощным распределительным органом, снабжающим армии (а не фронт) литературой и газетами. Он должен изучивать развитие нашей армии, собирать статистические материалы, давать картину общего организационного и политического состояния армии; в) политотделы фронтов и армий состоят из трех-четырёх старых работников и необходимого количества технического персонала; г) сосредоточением всей главной работы должна явиться дивизия, куда и [следует] направлять товарищей.

17/III—[19]19 г.

(Подпись Смилга).

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 2. Заверенная машинописная копия.

№ 1.3.5

Заявление члена Политбюро ЦК РКП(б) и председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого Центральному комитету РКП(б) о постановлении ЦК по докладу кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьева

*Не ранее 26 марта 1919 г.*¹²¹³

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РКП

Дорогие товарищи,

мною получено постановление Центрального комитета 22 марта¹²¹⁴ на основании письменного доклада т. Зиновьева. По этому поводу считаю необходимым изложить нижеследующие соображения.

Практически положения, сформулированные комиссией съезда, не заключают в себе чего-либо противоречащего политике военного ведомства, как она велась до сих пор с одобрения ЦК. Нужно лишь сказать, что положения сформулированы в высшей степени обще, неопределенно и часть из них основана на недоразумении.

1. Совершенно не указано, в каком направлении произвести реорганизацию Полевого штаба и в каком смысле предполагается более тесная связь с фронтами. До сих пор нарекания со стороны фронтов сводились преимущественно к тому, что центральное командование слишком детально вмешивается в операции фронтов.

2. Урегулирование работы Реввоенсовета Республики, которого требует следующий пункт, также неопределенно. Товарищи, возбуждавшие нарекания в этом смысле, *не раз*¹²¹⁵ требовали, чтобы я лично, как председатель Реввоенсовета, не разъезжал по фронтам, а сидел в центре. Имела ли комиссия съезда в виду этот способ урегулирования? Так ли понимает вопрос ЦК?

3. Упорядочение работы Всероглавштаба и усиление в нем представительства партии — безусловно желательная мера. По этому вопросу у меня с т. Свердловым были неоднократные переговоры. К сожалению, мы не могли подобрать для этой работы подходящих партийных работников. В качестве кандидатов т. Свердлов называл иногда т. Смилгу и т. Лашевича.

4. Созыв периодических совещаний ответственных партийных работников фронта — разумеется, полезная мера, хотя именно с фронта одновременно¹²¹⁶ отзывать наиболее ответственных партийных работников вряд ли возможно, а между тем совещания предполагают именно одновременную отлучку наиболее ответственных работников, — совещания другого типа вряд ли дадут практический результат.

5. «Опрос партийных работников фронта о том, насколько удовлетворительно решен вопрос о форме и о знаках отличия командного состава». Этот пункт основан на недоразумении. У нас вовсе нет знаков отличия командного состава. У нас есть знаки отличия вообще. Один и тот же знак для красноармейца, комиссара, командира. Надлежит ли пункт 5-й понять так, что знаки отличия сохраняются *отныне* только для лиц командного состава или же комиссия просто не была осведомлена относительно назначения знака отличия?

Несмотря на указанные неясности и очевидные недоразумения, перечисленные мною 5 пунктов не заключают в себе ничего такого, что шло бы вразрез со сложившейся военной политикой. То же самое приходится сказать и относительно 12 пунктов практических мер *дополнительной резолюции съезда*. Все эти пункты представляют либо простое подчеркивание уже давно принятых *или* проводящихся мер, либо предложения организационных изменений, не имеющих отнюдь принципиального характера.

Но все эти практические предложения изложены ЦК в свете доклада т. Зиновьева. Этот доклад устанавливает *особую* точку зрения на указанные выше практические предложения и должен как бы определить какую-то новую линию поведения.

Тов. Зиновьев дает оценку оппозиции, как состоящей из *двух*¹²¹⁷ групп: *одна — это обиженная и малостоящая публика*; другая — <оппозиция из> очень серьезная группа, которая вполне согласна с нами в вопросе о партизанстве и военных специалистах, но крайне недовольна моим отношением к коммунистам, работающим в армии¹²¹⁸. Тов. Зиновьев требует каких-то радикальных изменений отношения к коммунистам, работающим в армии, и прямо говорит, что «без этого дело вперед не пойдет». Свой доклад он заканчивает словами: «Сочувствие, какое встретил мой доклад в ЦК, дает мне уверенность, что мы скоро дело поправим».

Я считаю доклад т. Зиновьева совершенно неправильным, и если доклад этот есть *действительное* обоснование <некоторой> новой линии поведения, я вынужден признать тенденцию т. Зиновьева крайне опасной и представляющей собой просто ослабленное отражение той *самой* оппозиции, смысл и содержание которой т. Зиновьев не *верно* оценил.

Совершенно правильно, что оппозиция состоит из двух групп: выразителем одной является т. Оболенский. Это претенциозная партийная интеллигенция, в значительной мере состоящая из обиженных советских чиновников и из нервных, уставших людей.

Для второй части оппозиции типичными можно было бы назвать, например, Максимова и других видных рабочих¹²¹⁹, довольно упорных, самостоятельных, но склонных к упрощению всех вопросов для того, чтобы приблизить эти вопросы к уровню уже достигнутого ими политического и иного развития. Оппозиция таких элементов вызывается не классовым пролетарским, а плебейским протестом против «ухаживания» за военными специалистами, против привилегированного положения всяких академиков и пр. и пр. Это политическое настроение не победоносного класса, хозяина и строителя, а отрывки прежней независимости <, рабства> и инстинктивной вражды к слою, который занимал раньше руководящее социальное¹²²⁰ положение и приобрел благодаря этому знания и навыки, которых лишены в большинстве своем представители рабочего¹²²¹ класса.

Вот где две действительные составные части оппозиции. Разумеется, отношение к ним не может быть одинаково. Систематическая идейная борьба с исторически обусловленными предрассудками известного слоя рабочих-упростителей является задачей огромной важности, тогда как перевоспитание Оболенских и Смирновых не имеет никакого значения с точки зрения дальнейшего развития социалистической революции. Если т. Зиновьев правильно нащупывает *самый факт* *наличности* двух течений оппозиции, то он явно ошиба-

ется, когда голос второй группы считает голосом самой истины и предлагает фактически по этому вопросу равняться. Оппозиция рабочих-упростителей морально не заключает в себе ничего отталкивающего, но теоретически так же ошибочна, практически еще более опасна, чем истерическая оппозиция обиженных советских чиновников. Зиновьев называет Ворошилова. Я не стану заниматься индивидуальными психологическими расследованиями насчет того, к какой из групп должен быть причислен Ворошилов, но отмечу, что единственное, что могу себе поставить в вину по отношению к нему, это слишком долгие (именно двух- или трехмесячные) попытки действовать путем переговоров, увещеваний, личных комбинаций там, где в интересах дела нужно было твердое, организационное решение. Ибо в конце концов задача по отношению к 10-й армии состояла в том, чтобы в кратчайший¹²²² срок добиться военных успехов. Оппозиция в общем, в лучшем, *как и в*¹²²³ худшем своем крыле, отражает страшные трудности диктатуры *голодного*¹²²⁴, внутренне издерганного рабочего класса при малосознательном, недовольном и бунтующем крестьянстве¹²²⁵. Эти трудности мы видим везде. В военной области они получают наиболее сосредоточенный характер. Все нехватки, неувязки, все недостатки советской работы, вся неряшливость советских работников — находят в организме армии свое наиболее сконцентрированное выражение. А всякое недовольство в армии есть недовольство с оружием в руках. Армия есть организм в высшей степени искусственный, который всегда развивает огромные центробежные тенденции. Если партия, как таковая, может себе позволить известный предел во внутренних разногласиях, дальше которого она рассыпается; если этот предел допустимых для революционных партий разногласий крайне суживается в эпоху революции, когда партия не готовится к действию, а действует — то эти допустимые разногласия в армии революционного класса в условиях напряженной, беспощадной гражданской войны сводятся к окончательному минимуму. Армия есть искусственный организм, и единство мыслей и планов, которое сдерживает этот искусственный организм, должно быть поддержано с твердостью, тем более непримиримой, чем больше, чем разнообразнее, чем жестче те объективные условия, которые подрывают армию. Лучше иметь на дивизию 10 делегированных партией коммунистов, чем 100, которые смотрят на армию как на арену для дискуссий и для всяких групповых элементов.

Путь от приказа до исполнения в наших условиях — в высшей степени долгий и мучительный путь. Тут должна быть установлена строго формальная дисциплина, которая в своем внешнем выражении кажется т. Зиновьеву как бы не товарищеской <именно> потому, что она не допускает никаких дискуссий, обсуждений, уговоров и не принимает во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств.

Именно потому, что я слишком близко наблюдал тяжелые, даже трагические эпизоды в действующих армиях, я знаю очень хорошо,

как велико искушение заменять формальную дисциплину т. н. «товарищеской», т. е. домашней, но в то же время я слишком хорошо убедился в том, что такая замена означала бы полное разложение армии. Я думаю¹²²⁶, что партийная связь коммунистов друг с другом в военной области и претворяется в безусловную и безоговорочную дисциплину.

В 9-й армии был случай, когда два революционных начдива — Гузарский и Слувис — самовольно нарушили приказ и дезорганизовали хорошо задуманную операцию и в оправдание свое стали на совещаниях обвинять командование армии в измене (обвинялись) командарм Княгиницкий; коммунист, член РВС Сокольников, Барышников, Дашкевич). Я арестовал <их> обоих начдивов. Ко мне прибыло 5 коммунистов-комиссаров для объяснения и защиты. Я их предал суду за самовольное оставление постов. Гузарский был расстрелян¹²²⁷ по постановлению трибунала, которому он был предан мною. После этого митингование начдивов и комиссаров прекратилось. 9-я армия сразу перешла в наступление. Этот момент был переломным в истории 9-й армии. С точки зрения комнатных дискуссий и приятельских чаепитий мое отношение не только к начальникам дивизии (которые действовали¹²²⁸, вероятно, не по злостным соображениям), но и коммунистам-комиссарам было не «товарищеское». Я считал бы, однако, постыдным малодушием и прямым предательством интересов революции, которые требуют прежде всего победы на фронте, всякое иное поведение в данном случае. Те комиссары, которые оказались объектом таких репрессивных мероприятий, конечно, не могли не чувствовать себя задетыми, оскорбленными, обиженными, хотя не сомневаюсь, что, когда наша жестокая работа на фронте будет закончена, они встретятся со мной по-товарищески и ретроспективно оправдают принятые мною меры¹²²⁹.

Таковы же были те суровые меры, которые приходилось применять в Казани в самый тяжкий момент для Советской власти. Эти меры и сейчас еще цитируются в агитации как Спиридоновских левых с.-р.¹²³⁰, так и наших собственных — внутрипартийных¹²³¹. Тов. Зиновьев вынужден¹²³² в своем докладе необходимость разъяснения, а не дисциплинарного воздействия. Я этому противопоставляю утверждение: если бы в Реввоенсовете 5-й армии был один твердый товарищ, который в минуту перелома проявил бы власть вместо того, чтобы калякать — эта с таким трудом спаянная армия не развалилась бы и добрейшему, мягчайшему Ивану Никитичу Смирнову не пришлось бы применять *ныне* тех суровых репрессий, к каким он вынужден был прибегать, судя по его последней телеграмме. Совершенно неверно утверждение т. Зиновьева, будто бы нет группы¹²³³ авторитетных коммунистов, которые брали бы на себя ответственность за политику военного ведомства. Смилга, Лашевич, Сокольников, т. е. те члены ЦК, которые сейчас работают в военном ведомстве, Гусев, Теодорович,

Окулов¹²³⁴, Аралов, Розенгольц, Кизельштейн, Ходоровский и десятки менее видных работников проводят политику военного ведомства целиком и безо всяких задних мыслей. Более влиятельных работников в военном ведомстве нет. Розенгольц и Кизельштейн уезжали на фронт непримиримыми противниками нашей военной системы — они стали ее убежденными сторонниками. Полгода тому назад идейная оппозиция была гораздо шире, многочисленнее, принципиальнее. Я не знаю ни одного случая, когда бы сторонники нашей военной системы становились бы ее противниками, и знаю десятки противоположных случаев.

Беда, разумеется, в том, что за это время накопились огромная усталость, раздраженность, нервность. Если бы в порядке дня был поставлен продовольственный вопрос, а не военный, те же самые настроения сказались, может быть, в еще более нервной форме. Мы идем навстречу труднейшим месяцам, напор врага усиливается. Держать армию в [узде] можно только величайшим напряжением, поддерживая дисциплину сверху донизу путем самого твердого и во многих случаях сурового режима. Лозунг оппозиции: «Ослабьте гайки!» Я же стою на *той* точке зрения, что необходимо подвинтить гайки. Я не сомневаюсь, что рабочий класс и его партия это напряжение способны выдержать и выдержат. Нужно только, чтобы в центре партии рабочего класса не заражались паникой и не равнялись по психологическим комбинациям *на Осинских*¹²³⁵ — Ворошиловых. Доклад т. Зиновьева внушает серьезнейшие опасения, что он ищет решение вопроса именно на пути ослабления *режима*¹²³⁶ и приспособления к усталости известных элементов нашей партии. Поскольку *бюро* ЦК одобрило доклад т. Зиновьева, я хочу верить, что оно одобрило не эту сторону доклада, ибо в противном случае я лично *не видел бы для себя*¹²³⁷ никакой возможности рассчитывать на успех партии в предстоящей тяжелой борьбе. <Поскольку в докладе т. Зиновьева выражена определенная оценка группировок партии и намечено, хотя в крайне неопределенной форме, известное отношение к этим группировкам, я считаю своим долгом предьявить ЦК партии в настоящем своем заявлении свое понимание тех же вопросов.>

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 346—353. Черновик — машинописный текст с правкой Л.Д. Троцкого; *Опубликован подлинник документа*: Trotsky's papers. Т. 1. 1917—1919. L.; P., 1964. P. 324—334.

Часть вторая

ЗАГОВОР В ПОЛЕВОМ ШТАБЕ

ГЛАВА 1

«Из лучшего бывшего офицерства старой армии...» Генштабисты 1917 года на защите революции

По словам А.И. Деникина, когда большевики приступили к строительству собственной вооруженной силы, «рядовое офицерство уничтожалось или насильственно привлекалось в Красную армию. Жизнь разделила резко старый офицерский состав на три группы. В первой — весьма малочисленной — были „стоящие на советской платформе“ коммунисты, искренние или „октябрьские“, во всяком случае настолько скомпрометированные (в глазах Деникина. — С. В.) своим близким участием в кровавой работе большевиков, что вне советского строя им выхода не было... Во второй — столь же малочисленной — т. н. „контрреволюционеры“, невзирая на необычайный гнет, сыск и террор советской власти, работавшие активно против нее. Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, в переходе на сторону „белых армий“ и т. д. Свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий. Наконец, третья группа — наиболее многочисленная, брошенная в ряды Красной армии голодом, страхом, принуждением, разделила судьбу русской интеллигенции, обратившейся в „спецов“. Страдающие морально или беспечные, нуждающиеся или берущие от жизни все, что можно, они слились в одну массу лояльных советских работников»¹²³⁸.

Констатируя, что на основных технических должностях в центральном аппарате управления РККА стояли бывшие генералы и штаб-офицеры, Деникин вполне объективно заявил: «Периодически на большевицком (здесь и далее в тексте книги написание этого прилагательного в цитатах деятелей Белого движения сохранено. — С. В.) горизонте вспыхивали довольно яркими звездами самородные таланты, рожденные войной и революцией, но это были лишь ред-

кие исключения, и вся сила, вся организация Красной армии покоилась на старом генералитете и офицерстве»¹²³⁹.

В «Очерках русской смуты» не осталось места одной нестандартной категории военных специалистов — выпускникам старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии. Они поступили на курсы академии при Временном правительстве и закончили их в феврале 1918 г. (см. док. № 2.1.1) — уже при власти Советов. Тридцатилетние офицеры, участники Первой мировой войны, полностью восприняли Революцию и даже выбрали «коллегию» выпуска в составе трех человек. Сами себя эти сравнительно молодые люди, о подготовке которых очень быстро пожалели «старые генштабисты», именовали «генштабистами 1917 года» — по времени поступления в академию.

Судьба выпускников старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии, и в частности фигура старосты курса, одного из основателей Главного разведывательного управления Генерального штаба, Георгия Ивановича Теодори в 1990-х — 2000-х гг. по праву стала предметом ряда исторических исследований.

Первым к изучению роли Теодори в истории Гражданской войны обратился крупнейший специалист по истории взаимодействия военных и чекистских органов в 1917—1920-х гг. генерал А.А. Зданович, опубликовавший статью о схватке за военную контрразведку между военным ведомством и ВЧК¹²⁴⁰. Затем последовали две статьи известного специалиста по истории офицерского корпуса в годы Гражданской войны А.Г. Кавтарадзе о генштабистах 1917 года¹²⁴¹, в которых уделено значительное внимание Теодори как старосте курса. На этом исследовании было приостановлено вплоть до 2009 года, когда вышел ряд работ по этому вопросу¹²⁴².

В годы Первой мировой войны всем стало ясно, что Императорская Николаевская военная академия не справлялась со своей основной задачей. Князь Н. Кудашев констатировал в «совершенно личном»¹²⁴³ послании министру иностранных дел С.Д. Сазонову, направленном из Ставки 3(16) августа 1915 г.: «Хуже всех — наши руководители-генералы. <...> До сих пор, несмотря на то что их сменяют и назначают с большой легкостью, война за целый год не выдвинула ни одного Суворова. А т. к. большинство генералов берется из офицеров Генерального штаба, то приходится вывести заключение, что академия, их порождающая, — не на высоте своего призвания. Этот вывод подтверждается наблюдением над некоторыми офицерами Генерального штаба, у которых преувеличенное самомнение и ничем не оправдываемая самоуверенность прикрывают редкое умственное убожество и полную безличность»¹²⁴⁴. Консерватизм профессуры академии не позволял им пойти на реформу образовательного процесса, однако Первая мировая война требовала

кадры офицеров ГШ, которых объективно не хватало. В условиях отсутствия «революции сверху» в эпоху Февраля в академии не могла не произойти «революция снизу».

Генштабисты 1917 г. и прежде всего Г.И. Теодори как «идеолог выпуска» вступили в конфликт с выпускниками полных курсов до-революционной академии — «старыми генштабистами». Последующие попытки примириться (см. док. № 2.1.4) успеха не принесли: 30-летние фронтовики навсегда остались для своих старших коллег «зеленой молодежью» (выражение М.Д. Бонч-Бруевича), если не «недоносками»¹²⁴⁵.

Георгий Теодори родился 18 октября 1886 г. в г. Евпатория. По национальности грек и впоследствии указывал как родной язык именно греческий. Из иностранных языков знал французский, но, как указано в послужном списке, знал «плохо»¹²⁴⁶.

Общее образование: Ялтинская гимназия, военное — Николаевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1906), юнкер с 1 сентября 1904 г., подпоручик с 30 июля 1906 г.; академия Генштаба, ускоренный выпуск; капитан, старший адъютант Генштаба и заведующий разведкой с 16 февраля 1918 г.¹²⁴⁷; начальник оперативного отделения Северного участка с 22 марта 1918 г.¹²⁴⁸, и. д. начальника оперативного отдела Северного участка с 4 апреля 1918 г.; и. д. начальника штаба консультантов Оперода с 14 мая 1918 г., прибыл в Москву и вступил в исполнение своих обязанностей 26 мая; утвержден начальником Штаба Оперода 26 июля 1918 г., одновременно — заведующий Курсами разведки и военного контроля с 1 октября, «кои и формировал»¹²⁴⁹. Теодори «участвовал во всех комиссиях организации войск, заведений и учреждений Красной армии с июля 1918 по февраль 1919 г. включительно»¹²⁵⁰.

В послужном списке четко зафиксировано: «Формировал [из] Высшего воен[ного] совета и Оперода Наркомвоена Полевой штаб Реввоенсовета Республики, поезд наркомвоена Троцкого и Регистрационное управление Реввоенсовета Республики» с 5 по 10 ноября 1918 г.¹²⁵¹ О Регистрационном управлении речь идет отдельно, т. к. управление это, в отличие от остальных управлений Полевого штаба РВСР, дислоцировалось не в Серпухове, а в Москве.

В военно-учетном билете указано: «Назначен одновременно с заведыванием Курсами разведки и воен[ного] контроля консультантом Регистрационного управления Республики и в личное распоряжение С.И. Аралова 30 октября 1918 года»¹²⁵².

Участник Первой мировой войны, контужен. Участие в Гражданской войне зафиксировано в послужном списке следующим образом: 1 марта 1918 — 12 марта 1919 г. участвовал в Гражданской войне, на Северном фронте (имеется в виду Северный участок отрядов Завесы) с 16 марта по 16 мая 1918 г.; руководил «операциями на всех фронтах» с 16 мая по 30 октября 1918 г.¹²⁵³

Естественно, ни один послужной список не позволит составить сколько-нибудь адекватное представление о личности конкретного офицера. Заглянем в другие источники.

По воспоминаниям генерала А.С. Лукомского, в условиях начавшегося слома старой армии, «в Петрограде в Военном министерстве с первых же дней революции выделилась группа молодых офицеров Генерального штаба (прозванных „младотурками“), которые, желая выделиться и выдвинуться в период революции, начали проповедовать необходимость ломки „старых, отживших...“ отношений между офицерами и солдатами; требовали введения всюду комиссаров и комитетов, уничтожения погон и т. д.»¹²⁵⁴.

Один из таких „младотурков“, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П.А. Половцов, вспоминал впоследствии, как к нему пришел начальник академии Генерального штаба и спросил, «долго ли будут задержаны его офицеры, т. к. ему придется соответственно удлинить потом время занятий. Вежливо отвечаю, что во время революции трудно сказать, но постараемся отпустить их скоро. Когда же он мне жалуется, что у него отобрали автомобиль, не выдерживаю и заявляю: „Ваше превосходительство, благодарите Бога, что сохранили голову на плечах“»¹²⁵⁵. Совершенно очевидно, что руководство академии к революции было совершенно не готово. Однако, перефразируя древних — времена изменились, и люди изменились вместе с ними. Неизменно осталось лишь одно обстоятельство, отмеченное в мемуарах А.А. Брусиловым. По заявлению генерала, «вообще офицеры Генерального штаба друг друга поддерживали и тащили кверху во все нелегкие»¹²⁵⁶.

После начала Первой мировой войны при военных академиях начали действовать специальные ускоренные курсы¹²⁵⁷. В связи с необходимостью заполнить вакансии в штабах не стала исключением и академия Генерального штаба. Один из главных героев настоящей книги, Г.И. Теодори, попал на трехмесячные подготовительные курсы второй очереди военного времени при Николаевской военной академии (выпуск состоялся в мае 1917 г., Теодори по успеваемости занял 61-ю позицию из 233, т. е. закончил по 1-му разряду, но, если бы он прошел полноценный, 3-годичный, курс с таким результатом, на мраморную доску он бы не попал)¹²⁵⁸. Теодори был переведен на старший класс, который окончил в феврале 1918 года (*см. док. № 2.1.1*).

После окончания ускоренных курсов Г.И. Теодори назначили начальником отделения оперативного отдела штаба Северного участка и Петроградского района отрядов Завесы. Занимавший в 1917—1918 гг. должность начальника штаба Петроградского ВО Ф.И. Балабин на допросе в ОГПУ в 1931 г. показал: «Я лично ушел из штаба [Петроградского ВО] после неприятности со своим помощником, на почве личных отношений. Мои помощники — офицеры шестимесячных курсов Генштаба — выразили мне порицание за высо-

комерное обращение, говорили, что за глаза я называю их недоносками и т. д. Условия службы создавались очень тягостные...»¹²⁵⁹ Среди этих помощников был Г.И. Теодори. На следующем допросе Ф.И. Балабин охарактеризовал генштабистов 1917 г. более подробно — предвзято, но довольно точно: «П.А. Мей¹²⁶⁰, Теодори, Колесников и несколько других сотрудников моего оперативного отделения, все молодые генштабисты, окончившие ускоренный курс академии в 1917 году (в 1918 г. — С. В.), малознающие (? — С. В.), малоопытные, [с] сильно развитым духом критики в отношении старых генштабистов — особенно Теодори, демагогические выпады которого ясно показывали... стремление сделать быструю карьеру; самолюбивый, настойчивый, он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей, подчеркивал эту сплоченность и, когда считал это нужным, выступал с протестами от сомкнутого фронта своих товарищей-единомышленников»¹²⁶¹. К заявлениям Ф.И. Балабина следует относиться с легким недоверием: по степени «порядочности» и «принципиальности» он мог дать сто очков вперед многим офицерам, о которых поведал на допросах чекистам в 1931 г. В 1927 г. один из вождей Объединенной оппозиции — Г.Е. Зиновьев — поделился на совместном Пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) информацией о моральном облике бывшего генерала, служившего в это время в «прекраснейшей», по оценке бывшего и. д. наркома по военным делам РСФСР Н.И. Подвойского, Военно-политической академии им. Толмачева: «Есть у нас такой спец, некий *Балабин* — бывший начальник штаба у Корнилова, начальник штаба Петроградского [военного] округа времен Керенского», который «на торжественном обеде во время последнего выпуска [академии] заводит со слушателями такой разговор, что необходимо Троцкого расстрелять, что не будь Троцкого, не было бы оппозиции у нас в академии. Какова ирония: Балабины защищают ленинизм!»¹²⁶²

Весной 1918 г., как установил А.Г. Кавтарадзе, выявился «острый конфликт между генштабистами, окончившими академию в мирное время, и выпускниками ускоренных курсов. Некоторые из старых генштабистов пренебрежительно относились к выпускникам ускоренных курсов...»¹²⁶³. Ряд генштабистов, занимавших высокие военные посты, подчеркивал недостаток опыта выпускников подготовительных курсов и старшего класса 2-й очереди военного времени, переведенных в Генштаб еще в сентябре 1917 г. За «аттестованных» таким образом Ф.И. Балабином генштабистов Т.О. Косача и В.Ф. Тарасова вступился Г.И. Теодори, уволенный за это со службы. Ключевым событием стало состоявшееся 30 апреля 1918 г. заседание сотрудников Северного участка и Петроградского района Завесы, на котором собравшиеся решили твердо отстаивать свои права, признав «случай с Теодори» «общим делом»¹²⁶⁴, это момент самоидентифика-

ции выпуска, лидером (или «идеологом», по выражению Ф.И. Балабина) которого стал Г.И. Теодори.

Альфред Нокс, признав, что «офицеры Генерального штаба сумели продемонстрировать во время [Первой мировой] войны, что [они] являются действительно элитой армии»¹²⁶⁵, отметил в своих воспоминаниях: «Наиболее грамотные офицеры поступали в Академию Генерального штаба в слишком молодом возрасте, не успев вникнуть во все тонкости службы в полку и не имея опыта командования большим количеством солдат. Пройдя трехгодичный курс обучения в этом учебном заведении, они обеспечивали себе безостановочный карьерный рост при условии отсутствия тренировок с кем-то из наиболее влиятельных представителей вышестоящего начальства»¹²⁶⁶. «Генштабисты 1917 года» сделали себе карьеру, проучившись в академии без году неделю и пойдя на конфликт с вышестоящим начальством, но одно осталось неизменным: если даже выпускники полного трехгодичного курса не имели достаточный опыт для «командования большим количеством солдат», то о выпускниках ускоренных курсов и говорить нечего. Однако у этих «парней», как выразился бы Нокс, было одно достоинство: они всегда были готовы прийти друг другу на помощь — в отличие от генералов старой армии, почти каждого из которых по жизни отличало «желание отличиться самому и потопить соседа»¹²⁶⁷.

15 февраля 1919 г. Г.И. Теодори заявил своему начальнику, московскому большевику из меньшевиков-интернационалистов С.И. Аралову, который считается ныне первым руководителем ГРУ: «Я с трудом и большими усилиями сохранил выпуск в феврале и марте 1918 г., спаял его за лето». При этом выпускники старшего класса 2-й очереди военного времени, вступившие в конфликт со старыми военными специалистами (в т. ч. генштабистами), завоевали доверие И.И. Вацетиса — второго главнокомандующего войсками Восточного фронта (с июля 1918 г.) и первого главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (с сентября 1918 г.), находившегося в конфликте с военным руководителем Высшего военного совета генералом М.Д. Бонч-Бруевичем. В результате выпускники старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии заняли ответственные должности в Оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам (Опероде), в штабах Восточного фронта (позднее — и других фронтов Республики) и армий, но старый генералитет не допустил сокурсников Г.И. Теодори «в главные управления» военного ведомства, т. е. в центральный аппарат управления РККА. Не стоит уточнять, что и в Штабе Высшего военного совета генштабисты 1917 г. не служили.

В марте 1918 г. Г.И. Теодори обратил на себя внимание старого большевика из меньшевиков-интернационалистов С.И. Аралова, ставшего 11 мая заведующим Оперодом Наркомвоена. 27 мая по

приглашению Аралова Теодори прибыл в Москву и был назначен «военным консультантом», затем — начальником штаба Оперода (см. док. № 3.1.7). Оперод, под руководством Аралова, умело заручившегося поддержкой своих «консультантов» — генштабистов 1917 г., становился все более многофункциональным органом. Так, параллельно с Всероссийским главным штабом (Всероглавштабом) Оперод издавал карты (военно-топографическое отделение); с началом действий против Чехословацкого корпуса Оперод занялся агитацией в войсках (военно-политическое отделение, отправившее в войска в июле—августе 1918 г. 2,5 тысячи агитаторов); озаботился даже материальным поощрением красноармейцев (Комиссия по подаркам)¹²⁶⁸.

Фактически Г.И. Теодори занимал летом 1918 г. один из трех высших технических постов в Красной армии, два других — И.И. Вацетис (главнокомандующий войсками единственного на тот момент Восточного фронта) и М.Д. Бонч-Бруевич (военный руководитель Высшего военного совета). Причем у последнего назначения на ответственные должности штаб-офицеров И.И. Вацетиса и Г.И. Теодори вызвали закономерное раздражение. П.А. Половцов с иронией написал в своих воспоминаниях, как в 1917 г. на него, свежеепеченного главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, с негодованием смотрел столичный генералитет: «Очень забавны физиономии гвардейских генералов, готовых скорей примириться с отречением царя, чем с назначением генерал-майора на место петроградского главнокомандующего»¹²⁶⁹. Казалось бы, старый генералитет еще при Временном правительстве должен был смириться с тем, что поручика можно назначить начальником одного из управлений Военного министерства, а присяжного поверенного — военным министром¹²⁷⁰. Однако даже крушение Российской империи, как это верно подметил П.А. Половцов, не смогло выбить определенные стереотипы из генеральских голов. Неудивительно, что в 1918 г. «молодые генштабисты» Оперода, привыкшие решать вопросы «в плоскости Советской власти», сразу встали в оппозицию занимавшим ключевые посты в Штабе Высшего военного совета и Всероссийском главном штабе «старым генштабистам», среди которых было немало генералов старой армии. Заявление «старого генштабиста» М.Д. Бонч-Бруевича, о том, что подавление выступления Чехословацкого корпуса — «внутренний фронт», Г.И. Теодори опротестовал, указав: «Есть только один фронт... — борьба со всеми нападающими на Советскую Республику»¹²⁷¹.

Летом 1918 г. конфликт между Г.И. Теодори и его сокурсниками со «старыми» генштабистами попал в поле зрения высшего военного руководства РСФСР — и в том числе наркома Л.Д. Троцкого. «Молодые академики» (выражение И.И. Вацетиса) потребовали своего перевода в Генштаб, а «старые генштабисты» генералы А.И. Андогский¹²⁷², Н.Н. Стогов («единственный... бывший сослужи-

вещ» А.А. Брусилова, который не побоится после ареста генерала прийти к его домочадцам «выразить сочувствие им»¹²⁷³) и др., сами по три года проучившиеся в академии Генштаба — не захотели пускаться в привилегированный корпус людей, которых они числили недоучками. Тогда Г.И. Теодори со товарищи предприняли попытку решить «этот вопрос не в плоскости „Генштаба“, а в плоскости Советской власти», выбрав для этого из своего состава специальную «коллегию» (см. док. № 2.1.1). 27 июня 1918 г. всех выпускников старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии перевели в Генеральный штаб¹²⁷⁴ — благодаря активной поддержке И.И. Вацетиса. По его воспоминаниям, «молодые академики с охотой пошли на войну, начавшуюся на востоке. Не было поэтому налицо никаких причин отказывать им в переводе в Генеральный штаб. Хлопоты на этот счет взял на себя Теодори. С первых же шагов он встретил сильное сопротивление в лице представителей верхов старого Генерального штаба, сгруппировавшихся около Высшего военного совета и Всероглавштаба. Имея близкое соприкосновение с Военным комиссариатом (Наркомвоенном. — С. В.), старики сумели внушить тем, от кого зависело решение вопроса, что выпуск 1917 года — недоучки, что им надо сначала откомандовать ротой, а потом вернуться снова на академическую скамью и написать три военно-научных доклада, как это сделали когда-то они — старые генштабисты*. Ходатайство Теодори было отклонено. Тогда Теодори обратился ко мне за содействием и просил меня походатайствовать перед Л. Троцким (как наркомом по военным делам. — С. В.). Я взял у Теодори заготовленный проект приказа о переводе в Генеральный штаб молодых академиков выпуска 1917 года и список этого выпуска и явился к Л. Троцкому. Я привел целый ряд мотивов, говоривших в пользу этого революционного выпуска. Л. Троцкий уважил мои доводы и тут же при мне написал приказ о переводе в Генеральный штаб всего выпуска 1917 года. Тов. Теодори оплатил мне тем, что в эту тяжелую для меня минуту (назначения главнокомандующим войсками Восточного фронта. — С. В.) он откровенно и правдиво обрисовал мне военное положение РСФСР и развернул передо мною всю картину той организационно-оперативной галиматши, которой занимался М.Д. Бонч-Бруевич»¹²⁷⁵. Фактически в Теодори и его однокурсниках Вацетис увидел людей, на которых можно было опереться.

Но принятием формального решения эпопея только началась: 19 июля военный комиссар Всероссийского главного штаба (ВГШ)

* Это важный момент: профессура Николаевской военной академии пошла на максимальные уступки старшему классу 2-й очереди, по сути заявив о готовности перевести на дополнительный курс академии всех будущих генштабистов 1917 г.

большевик И.Л. Дзевялтовский¹²⁷⁶ направил руководству Наркомвоенна доклад о контрреволюционном облике начальника ВГШ Н.Н. Стогова. По словам Дзевялтовского, ВГШ «до сих пор» плохо справлялся с поставленной задачей, более того — «создание Красной армии несколько не выиграет от присутствия Штаба», т. к. «можно с уверенностью сказать, что до сих пор Штаб не оказывал влияния на Красную армию», а Стогов продолжал упорно игнорировать указания военных комиссаров на необходимость проведения линии высшего военного руководства, старался полученные приказания «затормозить». В качестве одного из примеров И.Л. Дзевялтовский указал на продолжительный и упорный отказ подписать приказ по резолюции Л.Д. Троцкого о переводе в Генеральный штаб выпускников старшего класса 2-й очереди Николаевской военной академии¹²⁷⁷.

А 13 августа начальнику штаба Западного участка отрядов Завесы направили следующий запрос: «Приказом по Всероссийскому главному штабу от 27 июня с. г. за № 18 поименованные в прилагаемом при сем списке лица, выпуска из академии 1917 года, были переведены в Генеральный штаб, причем сведения о занимаемых ими должностях были не полны и не точны. В настоящее время составляется проект приказа Народного комиссариата по военным делам о переводе их в Генеральный штаб, а потому крайне необходимо точно установить занимаемые ими теперь должности, почему и прошу срочно сообщить о вышеуказанных лицах следующие сведения: 1) имя и отчество; 2) бывший чин и наименование части, где раньше служил; 3) какую и с какого именно [числа] занимает в настоящее время должность и Генерального ли штаба эта должность или нет и 4) краткую записку о службе для включения в общий список лиц Генерального штаба. Указанные выше сведения прошу выслать также и о тех лицах выпуска 1917 года, которые не помещены в прилагаемом при сем списке, но которые в настоящее время состоят на службе при штабе военрука Западного участка отрядов Завесы и в штабах отрядов и дивизий участка. Кроме того, если [в] ведении Вашем не окажется ныне на службе кого-либо из поименованных в списке лиц (выпуска 1917 года), то прошу сообщить, когда и куда именно они получили новое назначение»¹²⁷⁸. Аналогичные запросы, без сомнения, были направлены во все «армейские» штабы, но любопытно не это: прошло целых два месяца. Дело в том, что автор запроса — начальник Оперативного управления Всероглавштаба Сергей Кузнецов — состоял в военной организации Всероссийского национального центра и, следовательно, будучи контрреволюционером, всячески препятствовал скорейшему включению фактической опоры новой власти в военном ведомстве в корпус офицеров Генштаба. При этом отдельных выпускников старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии и вовсе «забыли» включить в списки¹²⁷⁹.

По наблюдениям И.И. Вацетиса, которому не было никакого резона преувеличивать заслуги Георгия Ивановича, «тов. Теодори был человеком весьма осведомленным и пользовался большим доверием у своего начальства. Отношения между начштаба Оперода Теодори и военным руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем были весьма враждебные. Теодори и М.Д. Бонч-Бруевич работали как бы на противоположных склонах какого-то психологически непреодолимого вулкана. Кроме того, существовала еще следующая, весьма веская причина взаимной личной их неприязни. М.Д. Бонч-Бруевич по занимаемой им должности являлся представителем оставшегося в пределах РСФСР старого Генерального штаба, который он собрал в составе Народной армии, благодаря чему старый Генеральный штаб, проиграв [Первую] мировую войну, ухитрился захватить в руки инициативу в военном строительстве Советской России и очутился во главе этого дела. Тов. Теодори стоял во главе молодых академиков, еще не переведенных в Генеральный штаб. Таких было мало — около 130 человек выпуска 1917 года. Надо сказать, что выпуск 1917 года состоял из лучшего бывшего офицерства старой армии, из людей отличившихся в боях и успевших приобрести большой боевой опыт»¹²⁸⁰.

Кстати, М.Д. Бонч-Бруевич сделал все, что мог, для того, чтобы испортить отношения с И.И. Вацетисом и толкнуть его в объятия Г.И. Теодори и его сокурсников. Как вспоминал позднее главком, генерал заявил ему буквально следующее: «Я подготавливаю армию для [Первой] мировой войны, и ни одного солдата от меня Вы не получите. Обращайтесь к Аралову, к Теодори — они Вам дадут Красную гвардию, ее дело вести Гражданскую войну»¹²⁸¹. Сказано — сделано. Вацетис стал действовать на фронте, опираясь на Оперод в тылу.

Сразу же за включением «молодых академиков» в корпус генштабистов РККА на Г.И. Теодори и его однокурсников фактически «повесили» всю работу, которую должны были выполнять генштабисты в армейских штабах. Заместителю наркома по военным делам Э.М. Склянскому (а заодно и самому наркому Л.Д. Троцкому) в оперативной телеграмме 21 августа 1918 г. была направлена жалоба: «Считаю необходимым обратит[ь] Ваше] внимание как наркомвоен[а] [на] то, что со штабов участков снимаются только представители моего выпуска. Остальные генштабы почему-то задерживаются [в] центре и на пассивных участках. Считаю это сознательным переключением работы на людей и без того перегруженных и несущих все тяготы боевой и военной политической жизни уже пятый год. Неся ответственность перед выпуском в настоящем и будущем, [я] не могу допустить его изолированности в смысле ответственности и отдыха. Поэтому прошу распоряжения: снимат[ь] целиком штабы одновременно с войсками. Член коллегии выпуска 1917 года Генштаба Теодори»¹²⁸².

Георгий Теодори отомстил своим обидчикам: он настоял на проведении под контролем Оперода (непосредственно — начальника отделения военного контроля большевика М.Г. Тракмана¹²⁸³) регистрации генштабистов, состоявшейся 5 сентября 1918 г. вопреки протестам А.А. Свечина. Регистрация остановила незаметную в чрезвычайных условиях «Республики в кольце фронтов», но огромную утечку генштабистов в Белую армию¹²⁸⁴. О переводе Теодори и его сокурсников в Генштаб и их деятельности в Опероде — публикуемые в приложении к настоящей главе документы.

Г.И. Теодори и его сокурсники грезил о создании Большого Генерального штаба на германский манер. Попав в Оперод, Г.И. Теодори начал перетягивать за собой верных однокурсников и соратников и, с разрешения С.И. Аралова, расставлять их на ключевые посты в отделе. Ранее остальных в Опероде оказались Г.О. Маттис (консультант организационно-учетного отделения с 23 июня по 8 июля, консультант Оперода не позднее, чем с 9 июля¹²⁸⁵) и И.Д. Чинтулов¹²⁸⁶ (26 июня)¹²⁸⁷. Остальные пришли позднее: консультант Разведывательного отделения Б.И. Кузнецов¹²⁸⁸ — не позднее 1 августа¹²⁸⁹. Г.Я. Кутырев¹²⁹⁰ и И.Д. Моденов, соответственно, стали консультантом и помощником консультанта Оперативного отделения 1 августа¹²⁹¹, Т.С. Косач — консультантом при Оперативном отделении 7 августа. 15 августа И.Д. Моденов стал вторым консультантом Оперативного отделения¹²⁹². В.А. Срывалин был назначен помощником консультанта Отделения связи 7 сентября¹²⁹³, В.Ю. Стульба — помощником консультанта Оперативного отделения с 13 августа¹²⁹⁴. Любопытно, что И.Д. Чинтулов был назначен на основании телеграммы Л.Д. Троцкого от 13 июня № 0729/591: это свидетельствует о том, что отдельные генштабисты 1917 г. уже попали в поле зрения главы военного ведомства. С 6 по 15 июля консультант Разведывательного отделения Оперода Ю.И. Григорьев находился в командировке «по делам службы в города Российской Советской Федеративной Республики»¹²⁹⁵. 15 июля откомандировали консультанта Оперода Г.В. Семенова, «находящегося в командировке в Высшей военной инспекции в качестве сотрудника»¹²⁹⁶. Не позднее 3 октября большевик А.В. Гиршфельд¹²⁹⁷, генштабисты Б.И. Кузнецов и Т.С. Косач были отправлены в командировку с Л.Д. Троцким¹²⁹⁸. 24 октября консультанты Отделения связи Г.Я. Кутырев и В.А. Срывалин были переведены в Разведывательное отделение на должности консультантов, причем на последнего возлагалось временное исполнение обязанностей консультанта Отделения связи¹²⁹⁹.

Уже весной—летом 1918 г. генштабистов 1917 г., занявших ключевые технические посты в Опероде, а затем достаточно серьезные посты в Полевом штабе и на фронтах, опасался ряд видных военных партийцев (член коллегии Наркомвоена М.С. Кедров, военком Северного фронта Л.М. Глезаров¹³⁰⁰ и др.). Формально большевистским

комиссарам развязало руки объявление 2 сентября 1918 г. ВЦИК массового красного террора против буржуазии и ее наймитов. Уже 4 сентября был опубликован приказ о заложниках, разосланный всем Советам наркомом внутренних дел Г.И. Петровским¹³⁰¹, в котором указано: «Тыл наших армий должен быть, наконец, окончательно очищен от всякой белогвардейщины и всех подлых заговорщиков... ни малейшей нерешительности в применении массового террора»¹³⁰². В начале сентября консультант Оперода и будущий технический организатор Полевого штаба Г.И. Теодори ходатайствовал перед фактическим руководителем центрального военного аппарата Э.М. Склянским о срочном командировании в Оперод генштабиста Н.Н. Доможирова, которого три месяца задерживали в Петрограде. 11 сентября Склянский сообщил Теодори, что Доможиров «под подозрением». Теодори апеллировал к главному Вацетису, высоко ценившему генштабистов 1917 г. и лично консультанта Оперода. Георгий Иванович «категорически» ручался за своих коллег — генштабистов Н.Н. Доможирова, Б.И. Кузнецова, Г.Я. Кутырева, И.Д. Чинтулова и других, ссылаясь на доверие Л.Д. Троцкого, «оберегавшего» их.

К тому же после создания Революционного военного совета Республики во главе с Л.Д. Троцким в сентябре—декабре 1918 г. была проведена последняя в годы Гражданской войны по-настоящему серьезная реорганизация центрального аппарата управления РККА. В частности, высшее военное руководство первоначально планировало влить Оперативный отдел Наркомвоена во Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб). В случае такой реорганизации генштабисты 1917 г. попадали в подчинение тем «старым» генштабистам, с которыми они вот уже около полугода ожесточенно боролись за место под красным солнцем. 11 сентября Г.И. Теодори заявил главнокомандующему всеми вооруженными силами И.И. Вацетису: «Я прошу категорически не соглашаться на влитие Оперотдела во Всероссийский главный штаб, ибо это равносильно уничтожению инициативной группы работников, которая растворится в массе саботантов¹³⁰³, а потом нас постепенно рассеют или заарестуют... Особенно остро в случае передачи Оперотдела во Всероссийский главный штаб станет вопрос с разведывательным [отделением], военным контролем, оперативным и учетным отделениями... Если же все интриги и старания отдельных групп увенчаются успехом, то, безусловно, работать во Всероссийском главном штабе мы не будем, дабы не нести нравственную ответственность за тот характер работы, который там идет и будет идти. Предпочитаем тогда уйти в сторону от работы, ибо тогда фактически выяснится, насколько необходима была продуктивная работа [Оперативного] отдела [Наркомвоена], та энергия и способность к творчеству и созидательному труду, которая за эти 2—3 месяца могла уже перейти к исполнению элементарных военных требований»¹³⁰⁴.

Рассказ Г.И. Теодори полностью подтвердил сам А.А. Свечин в «Автобиографии». Генерал в 1935 г. (!) указал, что до марта 1918 г. он был «враждебно настроен к Октябрьской революции». В марте 1918 г. он присутствовал на совещании в Смольном, после которого и поступил на службу в советское военное ведомство. Когда Свечин занимал должности в Смоленском районе Завесы, он столкнулся с «местными коммунистами, не выполнявшими приказы центра», которые сам генерал «послушно проводил в жизнь». По словам Свечина, «напряженность этих отношений заставила» его принять «предложение Троцкого» — вступить в должность начальника Всероссийского главного штаба. «Эта должность занималась мной с марта по ноябрь 1918 года, — вспоминал Свечин. — Я держался по всем вопросам диаметрально противоположного мнения по сравнению с главнокомандующим Вацетисом. Троцкий всегда поддерживал последнего. Это обстоятельство и убедило меня в безнадежности моей работы и вынудило просить меня заменить другим, более пригодным и покладистым человеком»¹³⁰⁵. Здесь нужен комментарий: И.И. Вацетис стал главнокомандующим войсками Восточного фронта (по сути Верховным главнокомандующим, т. к. именно на Восточном фронте «решалась судьба революции») в июле 1918 г., причем в этот период сам Л.Д. Троцкий назвал его кандидатуру на пост главкома «смехотворной»: наркому по военным делам было хорошо известен «гений» Вацетиса: еще в начале июля 1918 г. на секретном заседании о судьбе Центрального отдела всеобщего военного обучения «гений» этот раскрылся в полном объеме. Вопреки общему решению об оставлении отдела в структуре Всероссийского главного штаба, заведующий отделом Л.Е. Марьясин¹³⁰⁶, И.И. Вацетис и Гуровский остались при особом мнении: отдел не должен входить в состав штаба. При этом Марьясин и Гуровский, отстаивая свои интересы, предлагали непосредственно подчинить отдел наркому по военным делам, а Вацетис, по добродушному заявлению Марьясина, «наставлял даже на образовании из него особого народного комиссариата». Естественно, характеризуя кандидатуру главкома как «смехотворную», Троцкий, не покрывил душой: позиция главкома свидетельствует, во-первых, о его политической незрелости, во-вторых, о совершенно очевидном непонимании Вацетисом линии наркома — на максимальную централизацию государственного (в частности военного) аппарата¹³⁰⁷.

В сентябре 1918 г. проект слияния Оперода со Всероглавштабом был провален. Г.И. Теодори и его сокурсникам при поддержке И.И. Вацетиса и С.И. Аралова удалось отстоять свое положение в советском военном ведомстве — на этапе становления центрального аппарата управления РККА. Руководство Оперода Наркомвоена попробовало было перейти в «контрнаступление», однако таковое, пусть и без треска, но все же провалилось (см. док. № 2.1.6). Впереди ген-

штабистов 1917 г. ожидали значительно более суровые испытания, нежели аппаратная попытка их «обуздания», предпринятая «старыми генштабистами».

№ 2.1.1

Доклад генштабиста 1917 года Г.Я. Кутырева о судьбе старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии

*Не ранее 27 июня 1918 г.*¹³⁰⁸

Согласно общего постановления причисленных к Генштабу выпуска 1917 года от 13/VI—[19]18 г. на меня была возложена задача — проведение в жизнь этого постановления.

Для выполнения воли выпуска я означенное постановление направил 23/VI¹³⁰⁹ на имя члена Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича, который, рассмотрев наше пожелание, препроводил постановление на заключение начальника Главного управления Генерального штаба Н.М. Потапова¹³¹⁰. Последний по письменному докладу делопроизводства по службе офицеров Генштаба бывшего полков[ника] Белой¹³¹¹, где указывалось на безусловную негодность нашего перевода, как людей малоопытных и малообразованных, разрушающих лишь *единый фронт* корпуса специалистов Генштаба, — также стал на эту точку зрения, признавая лишь одно: невозможность снять нас в данный момент с мест, сделав свою резолюцию в таком духе по этому вопросу.

Н.М. Потапов направил постановление на заключение начальника академии профессора А.И. Андогского. Последний прислал заключение, из которого нельзя было вывести категоричности того или иного мнения. Получалось впечатление и «да» и «нет». К тому времени Высшею военною властью решено было реформировать центральные управления военного ведомства. Проведена была реформа создания Всероссийского главного штаба, куда ГУГШ вошел отделом, причем должность начальника ГУ Генштаба была упразднена¹³¹². Во главе этого учреждения в роли начальника Всероссийского главного штаба стал Н.Н. Стогов. До принятия им должности мною были наведены справки у бывш[его] полк[овника] Белого о положении нашего дела. Было сказано, что с приездом Н.Н. Стогова дело будет решено окончательно. Н.Н. Стогов приехал и вступил в исполнение своих обязанностей.

К тому времени перешел на службу в Москву Г.И. Теодори¹³¹³. Имея данные, что вопрос может быть разрешен отрицательно, я тогда устроил общее заседание причисленных к Генштабу, находящихся в Москве. Решено было послать для полной информации Н.Н. Стогова Г.И. Теодори как человека, которого хорошо знает Н.Н. Стогов. При-

численный к Генштабу Г.И. Теодори, после разговора с Н.Н. Стоговым, сообщил, что последний безусловно согласен *с нашим мнением о переводе и [признает] полную невозможность снять нас с мест.*

Вскоре приехал из Екатеринбурга профессор А.И. Андогский. Зайдя ко мне, он официально заявил мне: «Сейчас *окончательно* решено (он был у Н.Н. Стогова) следующее: перевод в Генштаб быть не может. Снять с мест нельзя, за недостатком специалистов, а потому выпуск будет на местах выполнять работу — разработку на действия корпуса или армии из истории настоящей войны. К 1 марта [1919 г.] примерно необходимо сдать тему, которая пойдет в зачет по дополнительному классу. К 1 марта 1919 г. предполагается собрать выпуск, чтобы: 1) сдать экзамен за старший класс; 2) продолжать разработку последующих тем. Мною будет составлено воззвание к выпуску, и Вы как уполномоченный его¹³¹⁴ — разошлете». Получилось решение *не просто* отрицательное, а даже ухудшающее наше положение, ибо представляло свободу действий профессуре признать или не признать тему удовлетворительной, не входя в рассмотрение того положения, что громадное большинство фактически не могло выполнить работу, не имея под рукою военно-исторических документов. Сопоставляя заявление Н.Н. Стогова и официальное сообщение А.И. Андогского, [я] получил определенный вывод, что А.И. Андогский не пошел навстречу желаниям выпуска. Это произвело тяжелое впечатление.

Для выяснения дальнейшей линии поведения созвано было собрание москвичей причисленных, которые и постановили избрать коллегия из трех лиц: меня, Г.И. Теодори и Н.Н. Доможирова, временно прибывшего в Москву по делам службы, для личного ходатайства перед председателем Высшего военного совета т. Троцким по существу постановления. Настал такой момент, когда ясно обнаружилось, что Высшие представители Генштаба смотрят вполне отрицательно на наши просьбы и что обстановка потребовала разрешения этого вопроса не в плоскости «Генштаба», а в плоскости Советской власти. Постановление было направлено Бонч-Бруевичу, последний [переслал его] Потапову, тот — Андогскому и, наконец, Н.Н. Стогову. Решение наше базировалось, кроме того, и на чисто формальной стороне¹³¹⁵ дела, ибо постановление выпуска обращено было в Высший военный совет, председателем которого был т. Троцкий. Мною, Г.И. Теодори и Самуйловым (Н.Н. Доможиров выехал в Петроград, не имея возможности ждать несколько дней приема у т. Троцкого¹³¹⁶; раньше предполагался прием на другой день) было доложено о наших просьбах т. Троцкому как¹³¹⁷ председателю Высшего военного совета. Последний приказал представить списки тех причисленных, которые занимают в данный момент какие-либо должности. На этом списке т. Троцкий положил резолюцию (общая мысль), что, *переговорив с профессором* Андогским¹³¹⁸, [он] считает необходимым перевод в Генштаб причисленных выпуска 1917 года,

без соблюдения формально-цензовых условий. Казалось, что перевод должен быть сейчас же, но «Н.М. Потапов» ([а в действительности] — бывший полков[ник] Белой, начали затягивать этот вопрос, выставляя такие «крючки», вроде того что «перевод-де может» быть лишь на вакансии, что-де необходимо закончить «полную регистрацию офицеров Генштаба», согласно постановления Высшего военного совета, и т. п. Приходилось коллегии налаживать и *этот вопрос*¹³¹⁹. После неоднократных нажимов, где особое горячее участие принимали Г.И. Теодори и *В.И. Самуйлов*¹³²⁰, Н.Н. Стогов, который в принципе продолжал стоять на нашей точке зрения *и нашел, что текущая работа важнее тем*¹³²¹ определенно, принял решение и подписал приказ по Всероссийскому главному штабу (по корпусу Генштаба) о нашем переводе на правах выпуска 1915 и 1916 годов.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Приказ по Всероссийскому главному штабу от 27 июня № 18.

КУТЫРЕВ, Теодори и Доможиров¹³²²

Помета Г.Я. Кутырева¹³²³: «Предлагается этот материал перепечатать и направить [в] *Ржев* Генштаба Хрулеву. Приказ № 18 Хрулеву выслан, а также Васильеву¹³²⁴, Дьячкову, Гетманцеву, Латынину, Полковникову¹³²⁵. Г. Кутырев.

Генштаба Никольскому. Приказ № 18 на Тульский отряд выслан каждому. Г. Кутырев».

РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 24. Л. 556 с об.—557. Черновик — машинописный текст с правкой Г.И. Теодори. Помета Г.Я. Кутырева — автограф простым карандашом.

Приложение

ПРИКАЗ по ВСЕРОССИЙСКОМУ ГЛАВНОМУ ШТАБУ № 18

Москва

24 июня 1918 г.

Бывшие слушатели старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии (выпуск 1917 года), причисленные к Генеральному штабу приказом № 22 от 23 марта сего года, переводятся в Генеральный штаб на условиях и правах выпускников 1915 и 1916 гг., объявленных в приказе по Генеральному штабу 14 августа 1916 г. № 14.

[Далее следует список на 133 человека. — С. В.]

Подписали:

Совет: начальник штаба Н. СТОГОВ и военные комиссары ЕГОРОВ¹³²⁶ и БЕЗСОНОВ

С подлинным верно: Начальник личной канцелярии начальника Всероссийского главного штаба

С копией верно: Генерального штаба *Г. Кутырев, Г.И. Теодори, Н.Н. Доможиров*

РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 24. Л. 559—561 об. Копия с копии — машинописный текст с автографами членов коллегии генштабистов 1917 года.

№ 2.1.2

Доклад военных консультантов Оперативного отдела Наркомвоена генштабистов 1917 года Б.И. Кузнецова и Г.И. Теодори заведующему Оперодом С.И. Аралову по общим вопросам снабжения армии и в частности об артиллерийском снабжении

№ 12Ф

*7 июня 1918 г.
Секретно*

Заведывающему Оперативным отделом
ДОКЛАД

Современная жизнь и события выдвинули два серьезных вопроса: снабжение вообще и артиллерийское в частности.

Текущая мировая война показала, какое громадное значение имеет техническая подготовка в жизни страны, а также организованность и координация всех сторон этой жизни, поэтому, конечно, после войны все страны и все народы на эти моменты обратят особое внимание.

Цель войны — уничтожение живой силы противника с захватом жизненных центров страны, дабы исключить возможность новых формирований вооруженных сил и тем самым внушить населению убеждение в невозможности продолжить борьбу с надеждой на успех.

Силою вещей Россия лишилась армии и части прифронтовой территории, приспособленной как база армии, и в то же время была принуждена приступить к спешной эвакуации петроградских военных и частных заводов.

Создание новой армии вызвало со стороны Германии ряд мер, препятствующих проведению плана в жизнь. Фактами, подтверждающими это заключение, могут послужить: 1) ряд столкновений на пограничной полосе; 2) доклады комиссаров о неудовлетворительном состоянии частей прифронтовой полосы; 3) указание одного из агентов разведывательного отделения Оперода Наркомвоена, что германская контрразведка прошла к востоку от расположения штабов военных руководителей пограничной Завесы; 4) указание в недельной разведывательной сводке в отдел агентурных сведений Оперода Наркомвоена № 177 Р.,

что «немцами высланы хорошо субсидированные агенты, отправившиеся в места формирования красноармейских частей для агитации против введения дисциплины с целью обострения отношений к командному составу. Такие высланы агенты для возбуждения деревни против красноармейцев. Немецким правительством принимаются шаги с целью ведения переговоров с латышскими полками при посредстве офицеров-латышей и солдат о возвращении в Латвию с оружием. Место переговоров якобы предполагалось в районе Торошино 25 мая».

Тяжелое экономическое положение облегчает работу германских агентов и затрудняет военному ведомству [задачу] твердо наладить дело формирования армии.

Тот же финансово-экономический кризис требует в отношении армии немедленного создания хозяйственно-стратегической базы. Иначе, как бы ни были талантливы планы создания вооруженной силы Государства, какими бы приспособлениями бы ни отличались исполнители этого плана — все будет рушиться при встрече с «недоеданием», «недополучением» и т. д.

Операционной базой является полоса местности, служащей источником снабжения армии. В широком смысле — весь тыл, вся страна, известным образом приспособленная.

Конкретно: (в данное время) Заволжский район с Уралом, ибо Московский промышленный район является для будущего передовым театром [военных действий], а посему должен быть в этом смысле и переработан.

Река Волга — значительная преграда, могущая всегда дать выигрыш во времени, а потому все капильное¹³²⁷, что ложится в основу новых формирований и по обеспечению этих формирований всем необходимым, должно быть создаваемо за Волгой.

На Урале должно быть сосредоточено большинство заводов Петроградского и Московского районов, там же должны быть созданы главные базисные магазины «подземного типа», ибо итоги теперешней войны в «пространстве» (авиация, подводная и минная война) ясно подсказывают, что в будущих вооруженных столкновениях придется все колоссальные запасы снарядов, вооружение и снаряжение хранить глубоко под землей (по типу артиллерийских складов Круппа в Эссене, Кельне и Мюнхене).

Полоса местности от Волги: к Архангельску — Уралу и Туркестану, должна быть разработана в первую очередь как в хозяйственном, так и боевом (тактическом) отношениях, что вызовет ряд новых проектов в комиссариатах — путей сообщения, почт и телеграфов.

Все мероприятия должны отвечать как задаче чисто специальной военной, так и задаче экономической поддержки населения, тогда они обеспечены¹³²⁸ на успех.

В широком смысле указанная работа должна быть детально разработана Оперативным управлением Всероссийского главного шта-

ба, а затем передана в главные управления [Наркомвоена] для разработки в деталях по специальностям.

Здесь же считаем необходимым, в виду угрозы со стороны голода, приступить к скорейшему созданию войскового хозяйственного аппарата, предложив Центральному управлению по снабжению армии разрешить в экстренном порядке следующие вопросы: 1) обеспечение личным составом; 2) учет всего того, что осталось по демобилизации; 3) сбор и обработка сведений о том, что может поступать с мест и в каких размерах; 4) образование материальных запасов и средств и целесообразное размещение их по отношению к вероятным фронтам — действия армии; 5) подготовка организации и тактики интендантских снабжений (нормы, штаты, методы); 6) интендантское изучение вероятных театров войны (перед Японской войной¹³²⁹ мы совершенно ложно представляли Маньчжурский театр); 7) составление плана интендантских снабжений на случай войны; 8) подготовка подвоза.

Артиллерийское снабжение страны близко к краху.

Внутренняя борьба вырвала из среды рабочих массу сил, внешняя борьба не прекращается противником под тем или иным предлогом, отняла колоссальное количество технических и артиллерийских сил страны. Непосредственная угроза Петрограду сократила до минимума работу военных заводов, а белогвардейцами Финляндии не только грабительски захвачена масса военного материала и снабжения, но и разрабатывается для проведения в жизнь план захвата Мурмана и Северного нашего пути.

Осложнения с чехословаками вызвали мобилизацию рабочего населения Урала, и заводы его прекратили свою деятельность. Наконец, и Царицын — один из важнейших военно-заводских городов России с лучшими артиллерийскими и снарядными заводами — не только находится под угрозой захвата противником, но и обращается с просьбами о присылке патронов, снарядов и т. п.¹³³⁰

Целый ряд просьб о снарядном и винтовочном голоде, каждый раз поступающий с мест, удовлетворяется немедленно, но... никто не задумывается о том, сходится ли расход боевых припасов с приходом и не станем ли мы в предстоящих еще испытаниях лицом к лицу со снарядно-винтовочным голодом.

Этот кризис, чреватый самыми серьезными последствиями, может наступить гораздо скорее, чем мы предполагаем. Этот кризис не только вызовет утрату всех завоеваний революции, но он оставит нас связанными по рукам и ногам пред лицом самой суровой и беспощадной действительности — пред властью прусских юнкеров. Обращаем Ваше внимание на ту строгую систематичность, с какою проводятся¹³³¹ пожары крупных складов — например, в Калуге и Москве.

Ведется ли учет расходуемых припасов и существует ли вообще какой-либо контроль расхода — неизвестно, но принятая регистрация всего имущества во всероссийском масштабе, если она и удаст-

№ 2.1.3

**Доклад первого военного консультанта Оперативного отдела
Наркомвоена Г.И. Теодори заведующему Оперодом
С.И. Аралову к программе 8-недельного обучения молодых
красноармейцев в полевых частях пехоты, представленной
отделом по устройству и боевой подготовке войск
Всероссийского главного штаба**

№ 23

28 июня 1918 г.

*Секретно*¹³³³

Заведывающему Оперативным отделом

ДОКЛАД

Революция разрушила старую армию, ее устои и положения. Но, разрушив старую, она под давлением жизни и других неизбежных при переворотах условиях, внося коррективы, потребовала для защиты своих завоеваний создания новой армии.

Естественно, назначение армии, ее дух и воспитание и условия роста в политическом отношении совершенно изменились.

Мировая война, развитие техники, грандиозность масс, участвующих в войне, и, наконец, развитие отдельной личности — изменили сущность военных требований. Но элементарные требования ее — дисциплина воли и ума, дисциплина физическ[ая] мира, находчивость, знакомство со своим делом и отдельная выучка бойца — остались в тех рамках, которые были выработаны вековым опытом военно-исторического развития всех народов.

В элементарное военное обучение внесла изменение лишь техника, отчасти и повышенные требования культуры.

Воспитание же духа, поднятие в боях энтузиазма, любви и самопожертвования для защиты известной идеи возникает из той исторической задачи, которая выпала на данную страну и является уже объектом работы хорошо подготовленных политических деятелей. Последние, выработав определенную программу воспитания масс, вводят в нее поправки в зависимости от данного момента, отнюдь не внося в нее личных противоречий, и т. п.

В настоящее время ни одно учреждение не составило даже минимальных норм военных знаний формируемых советских войск. Мало того, каждый военком или военрук считает своей обязанностью внести свое «я» в это обучение. Иначе говоря, «каждый молодец на свой образец» создает свою роту, свой батальон и т. д.

Не говоря об исключительном вреде подобных импровизаций, одна уж разношерстность обучения формируемых войск не дает возможности мало-мальски управлять ими, а уж об устойчивости их и говорить не приходится.

Поэтому впредь до выработки программы занятий особой военной коллегией из опытных боевых представителей всех родов войск, объединенных представителем ГЕНШТАБА, предлагаю при сем проект программы в современных частях Советской армии¹³³⁴.

Этот проект, приемлемый и необходимый в силу своих основных элементарных требований, прошу по отпечатанию (впредь до выработки нового) разослать во все части войск пехоты. Конница и артиллерия, руководствуясь общими положениями этой программы, должны для специальных своих занятий использовать:

Конница — Строевой кавалерийский устав, отбросив: в 1-й части — главы VI, XIII — об отдании чести при одиночном обучении, а во 2-й и 3-й частях — приложение 2-е части II «Правила для смотров и для отдания чести».

Артиллерия — Уставы орудийного и батарейного учений.

Эта минимальная, но общая для всех программа позволит (до выработки другой, на что потребуется очень много времени) создать в 3—4 месяца однородную в техническом отношении, удобо-управляемую и несколько спаянную одинаковым уровнем знаний армию.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹³³⁵: Проект программы занятий Советской армии¹³³⁶.

Г.И. Теодори

Помета Г.И. Теодори: «Тов. Подвойскому с ходатайством об утверждении. 6/VII—[19]18 г. Аралов».

Резолюция Н.И. Подвойского: «Для руководства при обучении. Н. Подвойский».

РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 392. Л. 1—1 об. Подлинник — машинописный текст с автографом черными чернилами на бланке «1-й консультант Оперативного отделения причисленный к Генштабу Г.И. Теодори». Помета Г.И. Теодори — фиолетовые чернила, резолюция Н.И. Подвойского — простой карандаш.

№ 2.1.4

**Служебная записка начальника штаба Оперода Наркомвоена
Г.И. Теодори начальнику Всероссийского главного штаба
Н.Н. Стогову о необходимости вести «духовную и гражданскую
подготовку» солдат¹³³⁷**

20 июля 1918 г.

Начальнику Всероглавштаба

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Успех всякой современной войны зависит от личных качеств солдата. Поэтому духовная и гражданская подготовка должны идти рука об руку с военной и военно-технической.

Особенное значение этот вывод приобретает теперь, когда мы вступили в период новой переоценки духовных и моральных ценностей, в период переустройства не только бытового и исторического уклада жизни России, но и пересмотра вопросов исторической, политической и экономической жизни 2/3 мира.

Поэтому и к оценке всех явлений, а особенно явлений военного значения, надо подходить не только в новом масштабе, но и в масштабе широком, всестороннем, обнимающем по возможности вопросы всех видов жизни нашего государства. И чем шире будет этот обзор, чем меньше в нем будет принципиальной узости той или другой партии, а больше объективности, терпимости и самоанализа, тем больше шансов на его благоприятное разрешение. Поэтому к строительству армии надо подходить не только осторожно, но жизненно необходимо вводить в это строительство все данные текущей войны, и текущей жизни, и все те возникшие неожиданно вопросы, которые родились в нашей государственной жизни. Особенно важно охватить и правильно оценить ряд противоречий правового и бытового порядка как следствие нашей исключительной отсталости, некультурности и дикости.

Насколько верны и справедливы в этом отношении мои мысли, доказывает история французской революции.

Всестороннее изучение ее приводит, конечно, и к изучению тех войн, которые вела Франция. Это изучение показывает, что первые семь лет французские войска терпели поражения, иногда чрезвычайно чувствительные.

И только спустя семь лет, когда французскими военными деятелями был схвачен дух времени, дух народных масс, к этому времени взбудораженных во всей Западной, Южной и Средней Европе, только спустя 7 лет — Жубер¹³³⁸, Моро¹³³⁹ и, наконец, гений Наполеона создал новую эпоху в военном искусстве, новый характер воспитания войсковых организмов. Ныне мы уже имеем дело не только с массами, но с целыми народностями, среди коих наша народность особенно сложна по противоречиям даже в самых элементарных запросах своей духовной, моральной, экономической и политической жизни.

Поэтому вполне соглашаясь с Вашим взглядом на «импровизацию» военной организации, проводимой с февраля мес[яца] бывшим генералом Бонч-Бруевичем, я считаю своим нравственным долгом предостеречь все-таки и Вас от категоричности некоторых Ваших заключений. Там, где идет вопрос о дисциплине, не надо упускать вопроса и о воспитании, и [об] элементарном начальном образовании.

Там, где речь идет о разграничении ролей солдата-инструктора (офицера) и солдата-рядового (нижний чин), там особенно необходимо учесть не только правовую сторону, но и сторону духовную. И в этом отношении пример французской армии с поправками на нашу темноту и невежество может послужить отличным образцом.

Ведь в сущности сами, незаметно для себя, мы впитали Павловскую эпоху «не смей рассуждать» (система Фридриха Великого) — и до такой степени, что не замечаем, что немцы не только давно от нее отказались, но что сейчас полностью копируют Наполеона, вернее, его заметки о войне (мемуары на остр[ове] Св. Елены), считаясь со всеми промахами, сделанными Наполеоном, но учтя современную действительность. И учти бы немцы свою методичность, свою излишнюю самоуверенность и незнание характера нашей народной массы, они давно бы пожали лавры победителя в этой войне.

Вот почему я позволяю себе, как Ваш ученик в прошлом, ознакомившись вчера с проектом Вашего доклада, сказать, что вопросы формирования и обучения уже теперь резко изменились, точно так же, как изменились и требования к организации крупных войсковых единиц.

1). Текущая война еще шире подчеркнула наше зло, начавшееся в кампанию 1877, 1878 гг., усилившееся в 1904 и 1905 гг. и особенно в текущую войну — это вопрос управления войсками. Управление совершенно отсутствовало или же было так бездарно, что оплачивалось жертвами в 30—40 тысяч в сутки (Стоход¹³⁴⁰).

2). Я теперь уже предвижу, что крупным войсковым соединением будет дивизия, а не корпус (большая самостоятельность, облегчается управление, связь, обучение, снабжение всеми техническими средствами).

3). Развитие вопроса об оперативной работе, связи, разведках, регистрационной службе и т. д.

4). Развитие вопроса о путях сообщения, передвижениях, перебросках и т. д.

5). Развитие вопроса снабжения всем необходимым для ведения войны.

6). Колоссальное развитие вопроса с переходом от технической подготовки мирного времени на военное и безболезненное по возможности использование всех отраслей промышленности для военных целей.

7). Введение нового для нас вопроса — обработка заблаговременно, в период мобилизации и во все время войны печати, а следовательно, и общественного мнения всей страны, согласно военных заданий и общего военного плана.

8). Обработка общественного мнения предполагаемого противника (деморализация) должна войти составной частью в план войны¹³⁴¹.

9). Военное обучение будет сложнее, ибо теперь же в элементарные сведения для рядового необходимо включить ознакомление с гранатой, пулеметом, автоматической винтовкой, бомбометами, газами, удушливыми и ядовитыми снарядами, с газовой и противогазовой атакой и т. д., а это требует и усиление курса словесного и письменного обучения грамоте и т. д.

10). И наконец, выработка военной доктрины. Ведь до сих пор у нас даже и попыток к этому не делалось: 3—4 представителя русского генштаба, собравшиеся для решения какого-либо вопроса, выражают 6—7 различных мнений.

Вот, глубокоуважаемый Николай Николаевич, какие мысли (может, и в беспорядке изложенные) вызвал у меня Ваш доклад.

Консультант Оперотдела Наркомвоена Генштаба *Г.И. Теодори*

РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 25. Л. 360—361 об. Копия на правах подлинника — машинописный текст с автографом¹³⁴².

№ 2.1.5

Докладная записка Главвоздухфлота Опероду Наркомвоена с предложениями направить Северо-Кавказскому военному округу 1 авиаотряд из Могилевской авиагруппы и экстренно доукомплектовать Псковскую авиагруппу

Сопроводительная записка Оперативного отдела Наркомвоена в СНК

26 августа 1918 г.

Председателю Совнаркома т. Ленину

По приказанию наркомвоена Склянского представляется для утверждения 1-го и 2-го пунктов.

Заведующий Оперотделом Аралов
Консультант Генштаба *Г.И. Теодори*

*В Оперативный отдел Народного комиссариата
по военным делам*

№ 266, Москва

*26 августа 1918 г.
В[есьма] срочно*

21 с[его] августа Главвоздухфлотом получено весьма срочное предписание Высвоенсовета о формировании, по приказанию пред[седателя] Совнаркома, авиадивизиона из трех пятисамолетных отрядов для Северо-Кавказского округа. Далее Высвоенсоветом было разъяснено, что можно послать авиагруппу из двух шестисамолетных отрядов и, т. к. Главвоздухфлотом было доложено, что свободных боевых самолетов сверх назначенных в авиагруппы дивизий нет, то было приказано пополнить и послать авиагруппу Могилевской дивизии. 22 августа была получена телеграмма чрезвычайного комиссара Главвоздухфлота Сергеева¹³⁴³, передававшая приказание нарком-

воена Троцкого послать на Восточный фронт 1 истребительный и 1 разведывательный авиаотряд. В период пополнения этих авиаотрядов самолетами, которые приходилось брать из назначенных авиагруппам дивизий и даже из готовых отрядов дивизий, получена переданная Вами телеграмма главкома Вацетиса о необходимости высылки еще семи самолетов Псковской авиагруппе для посылки ее на Восточный фронт. Вследствие большого расхода самолетов в последнее время на Восточный и другие фронты, при ничтожном поступлении самолетов с почти единственного оставшегося завода и из ремонта, Главвоздухфлот, как неоднократно и предупреждал высшие инстанции ранее, оказался в крайне тяжелом положении, не имея возможности [для отправления] посылок на фронт, не отбирая [самолеты] у дивизии. Имея возможн[ость] «остатками» самолетов и [отчасти самолетами] из отрядов дивизий спешно укомплектовать и послать лишь три авиаотряда, Главвоздухфлот полагает согласно полученных от Вас дополнительных словесных указаний:

1. Вместо всей Могилевской авиагруппы послать 1-й авиаотряд из нее на Северо-Кавказский фронт.

2. Быстро выслать Псковской авиагруппе самолеты до комплекта из имеющихся с тем, чтобы оба авиаотряда группы были распределены главком[ом] Восточного по фронту, считая это исполнением приказа наркомвоена Троцкого, исчерпывающим одновременно и Ваши указания.

Начальник Главного управления военный летчик *Воротников*¹³⁴⁴
Вр[еменный] член Совета комиссар *Дубенский*¹³⁴⁵

Резолюция В.И. Ленина: «Возражений не имею. 26/VIII—1918 г. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)».

Пометы: 1) В Организ[ационном] управлении по этому вопросу нет *никаких* данных [подпись]; 2) «Орг. 30/8; 3) «К делу [подпись]».

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. 199—199 об. Заверенная машинописная копия со штампом «Российская Федеративная Советская Республика. НК по ВД. Главное управление Рабоче-крестьянского Красного военного воздушного флота».

№ 2.1.6

Проект Положения о Реввоенсовете Республики, составленный руководством Оперативного отдела Наркомвоена

*Не позднее 30 сентября 1918 г.*¹³⁴⁶

1). Военный революционный совет объединяет деятельность всех действующих сил и дает задания для формирования и снабжения

через Оперод Наркомвоен Всероссийскому главному штабу и Главному начальнику снабжений.

2). Оперод Наркомвоен является органом, наблюдающим за деятельностью Всероссийского главного штаба, передавая распоряжения Военно-революционного совета и следя за быстрым и точным исполнением заданий. Принимает меры для устранения всяких трений, вызванных политическим моментом, в работе Всероссийского главного штаба и своими мероприятиями ускоряет его работу. Оперод служит тем органом, который должен обеспечить работу Военного управления в том случае, если бы Всероссийский главный штаб почему-либо дал отказ. Это продиктовано обстановкой, [а] именно — отсутствием полного доверия, необходимого для успеха работы.

В связи с п[унктом] 2 — новые обязанности Всероссийского главного штаба.

3). Всероссийский главный штаб, исполнив задания, сообщает в Оперод: О всех заданиях, полученных помимо Оперода, сообщает завед[ующему] Оперод(ом). Отвечает на все запросы Оперода.

Заведующий Оперативным отделом *Аралов*
Начальник штаба [Оперода] *Генштаба Г.И. Теодори*

Помета РВСР: «К материалам вопроса. Глав[ком] Вацетис, П. Кобозев».

РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 115. Подлинник — машинописный текст с автографами.

ГЛАВА 2

«Наш Полевой штаб — учреждение чисто бумажное...» Красная Ставка глазами большевиков

2 сентября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет утвердил главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики бывшего полковника Иоакима Иоакимовича Вацетиса.

Вацетис родился в имении Нейгоф Гольдингенского (Кульдигского) уезда Курляндской губернии в семье батрака — происхождение «рабоче-крестьянское». По национальности латыш. Образование получил в Кульдигском уездном училище Министерства народного просвещения. В 1891 г. вступил вольноопределяющимся в Рижский учебный унтер-офицерский батальон (стаж в 1918 г. — 27 лет). По окончании курса учебного батальона произведен в унтер-офицеры (1893) и направлен в 105-й Оренбургский пехотный полк (Вильно). Окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1897), Николаевскую академию Генерального штаба (1909, по 1-му разряду, в Генштаб переведен не был, поскольку в списке выпускников по успехам

значился 52-м из 53-х). К началу Первой мировой войны — командир 4-го батальона 102-го Вятского пехотного полка (26-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса). Участник похода в Восточную Пруссию, боев в Польше, где был тяжело ранен. Осенью 1915 г. по выздоровлении назначен командиром 5-го Земгальского латышского стрелкового батальона, развернутого в полк в октябре 1916 года. В боях под Митавой контужен (1916/1917). В августе 1917 г. — участник боев под Ригой (на р. Маза-Югла), командир 2-й Латышской стрелковой бригады. После Октябрьского переворота — стремительный взлет: в декабре 1917 г. Вацетис стал начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке Верховного главнокомандующего, в январе 1918 г. руководил борьбой с частями польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого, с апреля 1918 г. командовал Латышской стрелковой дивизией. Во время левоэсеровского выступления — один из спасителей оказавшегося в изоляции в Кремле В.И. Ленина. После провала попытки военного переворота, предпринятой М.А. Муравьевым, И.И. Вацетис назначен вождем главнокомандующим войсками Восточного фронта. 30 августа 1918 г., буквально за несколько часов до ранения В.И. Ленина, И.И. Вацетиса перевели в Генеральный штаб.

Из высших большевистских руководителей И.И. Вацетис поначалу стоял навтыжку лишь перед основателем партии В.И. Лениным и «председателем ЦК РКП» Я.М. Свердловым. Показательна телеграмма последнего Л.Д. Троцкому от 2 декабря 1918 г., из которой следует, что председатель РВСР унизил И.И. Вацетиса перед его подчиненными. Главком И.И. Вацетис заявил своим ближайшим сотрудникам, что не останется на занимаемом посту даже под угрозой ареста за саботаж. Поставившее об этом в известность Я.М. Свердлова окружение И.И. Вацетиса опасалось, что главком покончит жизнь самоубийством¹³⁴⁷. Два факта для сравнения. Первый из истории Временного правительства. Когда А.Ф. Керенский, прибыв в Петроград после подавления третьеиюльского выступления большевиков 1917 г., отчитал при всех встречающих его лицах главнокомандующего войсками Петроградского военного округа П.А. Половцова: «А вам я ставлю в вину, что при выполнении ваших обязанностей вы слишком считались с мнением Совета рабочих и солдатских депутатов»¹³⁴⁸. Комментируя в своих воспоминаниях выговор, П.А. Половцов написал: «Я в бешенстве, во-первых, за несправедливость, а во-вторых, за нетактичность. Если военный министр желает ругаться с командующим войсками, приличнее было бы сделать это с глазу на глаз, а не в присутствии дюжины свидетелей. На его выходку отвечаю гробовым молчанием и ухожу, решив немедленно подать в отставку»¹³⁴⁹. Как мы уже знаем, в 1915 г. великий князь Николай Николаевич, публично получив знак монаршего недоверия, всего лишь «изменился в лице»... В 1918 г. В.И. Ленин и Я.М. Свердлов

сочли уход И.И. Вацетиса нецелесообразным и от имени ЦК РКП(б) поручили Л.Д. Троцкому «устранить конфликт, чтобы не осталось и следа от него»¹³⁵⁰.

Сам И.И. Вацетис впоследствии описывал этот эпизод иначе: «Л. Троцкий подал жалобу на меня во ВЦИК. На что он жаловался — не знаю. Я заявил... Аралову, что без должной самостоятельности я не считаю возможным продолжать работу по должности главнокомандующего до разрешения инцидента с Л. Троцким. Я перестал посещать штаб, а свои объяснения и всю переписку направил председателю Совета Оборона т. Ленину. В связи с... инцидентом произошел забавный случай. Телеграмма Л. Троцкого была разослана в незашифрованном виде и сделалась известной в штабе, где вызвала различные толки. Между прочим, до меня дошли сведения, что Л. Троцкий ищет другого главнокомандующего. Я решил оставить должность главнокомандующего и послал телеграмму в Наркомвоен Советской Латвии т. Петерсону К.А.¹³⁵¹ с просьбой предоставить мне место командира полка в Латышской стрелковой дивизии. Петерсон показал эту мою телеграмму Ленину, что вызвало его вмешательство в создавшийся инцидент. Троцкий остался крайне недоволен моей телеграммой Петерсону и решил сорвать свою злобу на комиссаре штаба т. Гиршфельде¹³⁵², сдавшем означенную мою телеграмму на аппарат, и посадил его на гауптвахту. Получилась какая-то комедия в духе Prügelknabe [*Нем.*: мальчик для битья.]»¹³⁵³.

Л.Д. Троцкий сделал выводы и изменил линию поведения с И.И. Вацетисом. Так, 1 января 1919 г. председатель «срочно, вне всякой очереди» телеграфировал куратору главкома С.И. Аралову: «Считаю необходимым напомнить, что [Вы] обязаны подписывать оперативные приказы главкома, не входя в рассуждения [об их] целесообразности. Что касается его административных распоряжений, внушений и выговоров, то Вы несете ответственность наравне с главкомом; между тем некоторые письменные внушения главкома являются совершенно недопустимыми. Таковы телеграммы Антонову, совершенно несправедливая [и] формально неправильная телеграмма [командующему всеми морскими силами Республики В.М.] Альтфатеру. Предлагаю Вам впредь таким тоном написанных документов не подписывать (в смысле не визировать. — С. В.), равным образом прошу следить за тем, чтобы на мои запросы отвечали те лица, к которым они обращ[ены], дабы был строгий порядок ответственности»¹³⁵⁴.

И.И. Вацетис был плохим дипломатом и потому регулярно доставлял неприятности Л.Д. Троцкому. 11 марта 1919 г. последнему жаловался на главкома член коллегии Наркомата государственного контроля А. Галкин. По его заявлению, окружной руководитель чрезвычайной ревизии Юго-Западного района сообщил, что при обследовании ж.-д. станции Серпухов «обнаружена медленная погрузка дров на паровозы», одной из причин коей стало «занятие пути,

специально предназначенного для погрузки дров», поездом главнокомандующего Вацетиса. В просьбе переставить поезд в «Садовый тупик» Вацетис Галкину отказал, объяснив, что ««здесь удобнее подъезжать на автомобиле», а при постановке в «Садовый тупик» пришлось бы проходить от автомобиля к поезду расстояние около 30 саженей». Получивший жалобу Э.М. Скланский направил документ секретно, в собственные руки члену РВСР С.И. Аралову — «на соображения». О своем решении Аралов уведомил заместителя председателя РВСР на следующий день¹³⁵⁵.

В апреле 1919 г. в предельно тактичной форме Л.Д. Троцкий поручил своему и покойного Я.М. Свердлова соратнику — члену РВСР А.И. Окулову — обращать «внимание» И.И. Вацетиса на необходимость, отстаивая интересы Ставки, считаться и «с правами и интересами других учреждений и лиц». С оговоркой: «Ценю высоко работу главкома и считаю необходимым устранить совершенно лишние и вредные моменты, которые, как сказано, грозят чрезвычайно затруднить работу»¹³⁵⁶.

Тем не менее в 1919 г. И.И. Вацетис так характеризовал свое положение в качестве главкома: «Я не обладаю никакой полнотой власти над теми функциями, которыми должен обладать стратег. Словом, полной мощности у главнокомандующего, про которую говорит один из гениальнейших полководцев в мире, [а] именно Суворов, у меня нет. Как он в свое время жаловался, что его стесняют разные австрийские гоф- и кригсраты, которые не дают ему возможности вести войну так, как он находит это полезным с точки зрения обстановки, так равно и мне приходится отметить, что и я в своих действиях утеснен нашими собственными гоф- и кригсратами вроде революционных военных советов и лиц, поставленных надо мной»¹³⁵⁷. Вряд ли И.И. Вацетис намекал на председателя Совета обороны В.И. Ленина, но уж необходимость подчинения Реввоенсовету Республики как высшей военной коллегии и лично Л.Д. Троцкому как наркому по военным делам и председателю РВСР вызывала у главкома чувство крайней досады.

Личность главкома неоднозначна: с одной стороны, назвать его блестящим стратегом было бы сильным преувеличением (да и биография не свидетельствует о выдающихся способностях), с другой — судя по оперативной документации¹³⁵⁸, главком — грамотный стратег. Политические взгляды его можно назвать наивными: он был искренне убежден, что армия находится вне политики, хотя великий военный теоретик XIX в. К. Клаузевиц в своем основном труде «О войне» (1832—1834) сформулировал положение о связи войны и политики, и выпускник академии Генштаба И.И. Вацетис обязан был обладать соответствующими знаниями. Как человек Вацетис отличался педантичностью¹³⁵⁹ и крайней порядочностью. В этом плане генштабистам, служившим в Красной Ставке, повезло: Вацетис все-

гда защищал их от большевистских комиссаров. Но, бывало, главком шел на поводу у начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева, когда тот вступался за генералов старой армии¹³⁶⁰.

В источниках и литературе отсутствует единство взглядов в вопросе о том, какой из военных органов явился основой Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

Крупнейший специалист по истории высших и центральных военных органов Советской России в годы Гражданской войны Я.Г. Зимин заявил: «Полевой штаб РВСР начал формироваться одновременно в Москве и в Арзамасе на базе Штаба Высшего военного совета 7 сентября 1918 г. по временному штатному расписанию, утвержденному главкомом»¹³⁶¹.

Крупнейший современный специалист по истории начального этапа советского военного строительства В.О. Дайнес в своей статье о И.И. Вацетисе указал: главком «в первую очередь занялся реорганизацией работы Штаба (с 8 ноября — Полевого штаба) РВСР. Его костяк составили сотрудники штаба Восточного фронта»¹³⁶².

Р.И. Берзин в полумемуарной работе «Этапы в строительстве Красной армии» указал: «Возникновение Революционного военного совета Республики с одним главнокомандующим всеми вооруженными силами имело значение как в деле строительства Красной армии, так и в смысле организации победы над врагами. До этого в центре всеми операциями ведал, но не управлял Оперод Наркомвоена, теперь упраздненный за влитием его в РВС Республики (Берзина ввело в заблуждение одно из постановлений РВСР. — С. В.). <...> Говорить об узости плана, выработанного Высшим военным советом, не приходится, т. к. он совершенно не соответствовал требованиям времени и не мог удовлетворить того, кто только видел, что в Советской России предстояла борьба не на жизнь, а на смерть»¹³⁶³. Р.И. Берзин явно основывался на решении РВСР, принятом на заседании 2 октября 1918 г., которое состоялось в составе главнокомандующего и членов Совета И.Н. Смирнова, С.И. Аралова и К.Х. Данишевского, а также военспецов Оперода Г.И. Теодори и И.Д. Чинтулова и военного комиссара Отделения военного контроля Оперода М.Г. Тракмана — о непосредственном подчинении бывшего Оперативного отдела Наркомвоена со всеми отделениями Реввоенсовету Республики и переименовании отдела в Управление делами РВСР¹³⁶⁴. Однако как раз этого постановление в жизнь проведено не было.

И.И. Вацетис так описывал процесс создания Полевого штаба: в результате пополнения 30 сентября 1918 г. Реввоенсовета Республики старыми большевиками его «самостоятельность оказалась сильно стесненной. Некоторые проекты не могли быть даже поставлены на обсуждение, ибо им грозил провал. Чтобы выйти из создавшегося положения, мне нужно было оторваться от РВС Респ[ублики]. Я решил использовать данную мне власть и приказал врем[енному]

нач[альнику] штаба т. Майгуру¹³⁶⁵ подготовить формирование специального штаба для главнокомандующего в Серпухове. Штаб этот получил название Полевой штаб, куда перешла часть работников из Штаба РВСР, а этот последний был ликвидирован. Полевой штаб был подчинен непосредственно мне и являлся моим рабочим органом. Состав Полевого штаба был довольно ограниченный, но в нем были представлены все управления, необходимые для той огромной творческой работы, которую предстояло нам выполнить. С большим сожалением должен отметить, что мой начальник штаба Восточного фронта т. Майгур по своей скромности отказался занять должность начальника Полевого штаба — на эту должность был назначен генштаба Костяев Ф.В.»¹³⁶⁶. К воспоминаниям И.И. Вацетиса следует относиться критически: так, например, П.М. Майгур, не состоявший в большевистской партии, не возглавил штаб отнюдь не вследствие своей «скромности».

14 октября Реввоенсовет Республики телеграфировал своему председателю, что вследствие болезненного состояния капитана, генштабиста 1917 г. П.М. Майгура, его неопытности и недостатка знаний И.И. Вацетис избрал на ответственную должность начальника Штаба РВСР генерала Ф.В. Костяева. Последнего срочно вызвали в Арзамас (место дислокации РВСР) для получения указаний. РВСР обсудил кандидатуру Ф.В. Костяева и «всецело» согласился на его назначение, «преследуя пользу делу». Реввоенсовет Республики просил Л.Д. Троцкого дать свое согласие на назначение¹³⁶⁷ и получил в ответ: «Я указывал на малую подготовленность Майгура на должность начальника Всероссийского Полевого штаба¹³⁶⁸, но не желал стеснять главкома в выборе ближайших сотрудников. Того же правила держусь и сейчас. Против Костяева не возражаю. Его политическая физиономия мне не известна, и с этой стороны ответственность возлагается на гг. [К.Х.] Данишевского, [П.А.] Кобозева и [И.Н.] Смирнова (старых большевиков, членов РВСР. — С. В.). Одновременно обращаю внимание на то, что предписания комиссарам, касающиеся их назначения и перемещения, посылаются приказами, подписанными на первом месте главкомом. Предлагаю устранить [это недоразумение]. Непосредственная ответственность за комиссаров лежит на т. [И.Н.] Смирнове как заведующем Политическим отделом [РВСР]. Ему и надлежит первым [подписывать подобные телеграммы]. Обращаю далее внимание на то, что Аралов назначен комиссаром Полевого штаба и вопрос о заведующем Разведывательным [управлением] остался открытым. Тов. Мехоношин выдвигал кандидатуру т. Склянского. Между тем везде и всюду начальником и за начальника Управления делами подписываются Аралов, Павулан¹³⁶⁹, Гиришфельд и всякий, кому не лень. Предлагаю прекратить это[т] маскарад, компрометирующий высшее военное учреждение в Советской Республике (РВСР. — С. В.)»¹³⁷⁰. Таким образом, подбор

и расстановка руководящих кадров Ставки происходила в условиях, когда еще не был до конца налажен аппарат Реввоенсовета Республики. В итоге Регистрационное управление возглавил С.И. Аралов, который считается ныне первым руководителем ГРУ.

Итак, начальником Штаба РВСР, а затем и Полевого штаба стал 40-летний генерал-майор старой армии Ф.В. Костяев — из семьи офицера, выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1905), находившийся на военной службе с 1896 г. (стаж — 22 года). Участник Первой мировой войны. Добровольно вступил в РККА в марте 1918 г., скорее всего рассчитывая на возобновление войны с Германией, — начальник штаба Псковского района, затем начальник 2-й Петроградской дивизии, инспектор формирования и помощник военрука Петроградского района; начальник штаба Северного фронта (сентябрь—октябрь 1918)¹³⁷¹. Однако, как выясняется из документов Г.И. Теодори, будучи назначен начальником Полевого штаба, к организации этого самого штаба генерал был допущен далеко не сразу. Первоначально, 16 октября 1918 г., ею занялся сам Теодори, специально вызванный для этой цели из своей первой политической ссылки¹³⁷².

По свидетельству Г.И. Теодори, Полевой штаб был сформирован за 24 дня — к 11 ноября 1918 г. — под его руководством на базе Штаба Высшего военного совета и Оперода Наркомвоена¹³⁷³. Данные, приведенные генштабистом, подтверждаются источниками. В делах Оперативного отдела Наркомвоена нами обнаружены документы, подтверждающие заявления Теодори о его роли в организации Полевого штаба — именно генштабист 1917 г. составлял первые списки сотрудников штаба и организовывал их отправку в Серпухов, где Полевой штаб первоначально и дислоцировался¹³⁷⁴. 8 октября член РВСР С.И. Аралов информировал начальника Академии Генерального штаба РККА о том, что консультант Оперода Генштаба Г.И. Теодори «должен находиться при Штабе впредь до его расформирования»¹³⁷⁵.

Отметим особо, что три отделения Оперода Наркомвоена явились основой Регистрационного управления Полевого штаба РВСР, которое, в отличие от остальных, дислоцировалось в Москве.

1 ноября для приема имущества и средств Полевого штаба (бывшего Высшего военного совета и Оперода) руководством Полевого штаба была назначена комиссия под председательством начальника Организационного управления Полевого штаба В.В. Даллера в составе членов — консультанта Общего отделения Оперода Л.Г. Рейтера и Берзина (командир отдельного взвода охраны). Комиссия обязывалась к 7 ноября закончить проверку и донести об исполнении¹³⁷⁶. 11 ноября (дата окончания реорганизации) приказом № 49 «ввиду переформирования Штаба Революционного военного совета Республики в Полевой, занятия во всех управлениях штаба [прика-

зывалось] вести ежедневно с 9 до 14 часов и с 16 до 20 часов. Во время перерыва с 14 до 16 часов во всех управлениях штаба должны оставаться кроме дежурных один из ответственных работников и один письмоводитель»¹³⁷⁷.

Между прочим, организатор Полевого штаба Г.И. Теодори прекрасно знал один факт из биографии назначенного начальником штаба Ф.В. Костяева, который можно было использовать в качестве компромата: летом 1918 г. в Петрограде генерала «предательски», «без[о] всякого повода» арестовал большевик Л.М. Глезаров и освободил «только по настоянию центральной власти»¹³⁷⁸. К чести Георгия Теодори — он ни разу не воспользовался знанием этого факта из жизни начальника Полевого штаба, хотя повод представился практически сразу: Ф.В. Костяеву не понравилось, как Г.И. Теодори провел организацию Ставки, что вполне логично: как говорят в народе, «новая метла по-новому метет». Генерал тут же изменил организацию штаба, по мнению генштабиста 1917 г., «вопреки элементарным военным требованиям» и опыту Первой мировой и Гражданской войн¹³⁷⁹. Неизбежное осложнение отношений, правда, не сразу отразилось на деятельности Полевого штаба: в отличие от остальных управлений, Регистрационное, сформированное на базе трех отделений Оперода Наркомвоена (наряду с действовавшим при штабе Центральным управлением военных сообщений), дислоцировалось не в Серпухове, а в Москве¹³⁸⁰.

Дело в том, что руководящее ядро большевистской партии, как мы уже писали, прекрасно знало историю Великой Французской революции и всегда опасалось военной диктатуры. Поэтому штаб оно решило передислоцировать в г. Серпухов: не особенно далеко от Москвы (менее 100 км), в городе была 5-киловаттная радиостанция (дальность передачи до 500 верст)¹³⁸¹. 20 октября началась активная подготовка к размещению Полевого штаба в Серпухове, а уже 28-го числа в уездный городок прибыли первые сотрудники. 1 ноября в ночь на новое место выехали инспекции Высшего военного совета (теперь — инспекции Полевого штаба), остальные управления — после 3 ноября. Комендант штаба А.В. Ремер должен был закончить подготовку к приему служащих 3 ноября — такое заведомо невыполнимое приказание отдал генерал Ф.В. Костяев и комиссар штаба С.И. Аралов¹³⁸². 8 ноября руководство Штаба РВСР сообщило начальнику Всероссийского главного штаба Н.И. Раттэлю о своем переводе в Серпухов, в здание бывшей клиники Солодовникова на Московской улице, с 9 ноября¹³⁸³. Связь со штабом в Москве в Гранатном переулке (где первоначально дислоцировался Штаб РВСР) прекращалась 9 ноября в 24 часа. Детально прописывались вопросы организации связи с Москвой: телеграммы должны были направляться через Центральный телеграф в г. Серпухов «Штаб», пакеты — на Пречистенку, 37 (место дислокации Регистрационного управления

Полевого штаба, а до организации штаба — Оперода Наркомвоена) в отделение связи, а оттуда нарочным посылаться в Серпухов. Представителем Штаба РВСР для связи в столице оставался В.Л. Плотников. Уточнялось, что центральный коммутатор на Пречистенке, 37 был соединен со Штабом в Серпухове прямым проводом, а кабинет начальника Штаба РВСР в Серпухове был «соединен прямым телефонным проводом с верхним коммутатором в *Кремле* (курсив мой. — С. В.)». Оговаривалось, что кроме непосредственной связи по телефону Штаба РВСР в Серпухове с Москвой переговоры можно вести «и обычным путем через городскую телефонную станцию»; телеграфная связь «должна производиться через Центральную Московскую станцию, обычным путем требуя провод в Серпухов — Штаб по юзу»¹³⁸⁴.

Переезд спровоцировал острый конфликт политического руководства Полевого штаба с местным, Серпуховским уездным советом. По свидетельству военного комиссара при помощнике начальника Полевого штаба Г.Л. Прейсмана, он приехал для работы в Полевом штабе в середине ноября 1918 г. В это время «работа в полной мере не производилась, т. к. для деятельности управлений штаба не хватало технического оборудования и необходимой мебели, а для сотрудников не было квартир. Большая часть сотрудников ходила по городу, вторгалась в квартиры и занимала их без всякого на то разрешения власти. Со стороны Серпуховского уездного совета не было никакого содействия, у жилищного отдела было только два агента. Учета свободных комнат не было. Коменданту не удалось наладить отношения с Советом. Положение было нетерпимое. Перед С.И. Араловым и Костяевым встал вопрос о принятии каких-нибудь чрезвычайных мер, но все же решили установить контакт с местной властью»¹³⁸⁵. Серпуховский уездный совет, впрочем, во всем винил Полевого штаб¹³⁸⁶.

2 ноября С.И. Аралов (документ также подписали врид начальника штаба и комендант Полевого штаба — 26-летний военный специалист А.В. Ремер) заявил в отношении Хамовнической районной жилищной комиссии, что последняя выселяла сотрудников Ставки из занимаемых квартир и это явление приобрело «эпидемический характер». С.И. Аралов потребовал от комиссии прекращения незаконного выселения сотрудников, по сути пригрозив разбирательством дела в Госконтроле¹³⁸⁷. В ответ член президиума Хамовнического совета В. Яремов и члены районной жил[ишной] комиссии не только направили резкий ответ С.И. Аралову¹³⁸⁸, но и обратились с просьбой о призвании «к порядку представителей центральных ведомств» непосредственно в Центральный комитет РКП(б), ссылаясь на обстоятельство, что «систематическая протекция» руководства Полевого штаба своим сотрудникам в деле их расселения по домам рабочих «противоречит интересам» последних и, главное, «не вы-

зывается необходимостью, ибо советских служащие переселяются не в худшие условия»¹³⁸⁹. А в Серпухове А.В. Ремер серьезно поссорился с местным уездным советом, тормозившим реквизицию помещений. В результате спешки с размещением Полевого штаба и его сотрудников появилось дело по обвинению сотрудников Ставки «в незаконной реквизиции мебели у граждан г. Серпухова». Следствие разделило вину между сотрудниками штаба, жилищным отделом Серпуховского уездного совета и милиционерами, «помогавшими» производить реквизиции¹³⁹⁰. Серпуховский совет затаил в душе на сотрудников штаба, что называется, «некоторое хамство», которое только усилилось от угроз и обвинений в «контрреволюционности»¹³⁹¹, последовавших от заместителя С.И. Аралова — военного комиссара Г.Л. Прейсмана¹³⁹².

Конфликт Серпуховского уездного совета с Полевым штабом обсуждался на заседаниях Президиума Московского губернского исполкома (МГИК) 22 января, Президиума Моссовета 24 января и пленума Мосгубисполкома 28 января 1919 г.

22 января, рассмотрев вопрос «О взаимоотношениях Реввоенсовета [Республики] и Серпуховского исполкома», Президиум МГИК направил выдержки из доклада инструктора отдела Управления Мосгубисполкома Прокопович В.И. Ленину (выдержки направили заодно и в РВСР)¹³⁹³. Как установила инструктор Прокопович, «все мелкие недоразумения» между Серпуховским уездным советом и Полевым штабом «вылились в крупный конфликт по вопросу о месте оборудования госпиталя¹³⁹⁴». Начало конфликта 28 января председатель Московского губернского исполкома Т.В. Сапронов описал следующим образом: «...с развитием эпидемии тифа в Серпухове, потребовавшей расширения помещения под тифозных больных, между находящимся там [Полевым] штабом Реввоенсовета [Республики] и Серпуховским исполкомом возник конфликт. Сущность конфликта сводится к тому, что исполком признал более приспособленным для тифозных [здания] Немецкого дома, а штаб, не желая выселять из этого дома своих сотрудников, настаивал на отвод[е] под тифозных госпиталя дом[а] Совета. Когда исполком не согласился с этим требованием штаба, то последний объявил военное положение и теперь требует, чтобы Советский дом был очищен в 24 часа»¹³⁹⁵. Сведения Прокопович позволяют уточнить отдельные обстоятельства дела: «Штабом для г. Серпухова был выхлопотан госпиталь со всем штатом. Дело стало из-за отсутствия подходящего помещения. Была создана комиссия из представителей Штаба и Исполкома, которой и поручено было подыскать помещение. Исполком на выборы в комиссию должного внимания не обратил, и туда прошли недостаточно дальновидные товарищи. Представители Штаба сразу предложили помещение Совета, мотивируя это тем, что в нем есть канализация и водопровод. Представители Исполкома согласились и

решение комиссии вынесли на заседание Исполкома. Последний своего согласия на оборудование госпиталя (так в тексте, имеется в виду Полевого штаба — С. В.) в доме Совета не дал, т. к., во-первых, другого большого помещения под Совет в Серпухове нет; во-вторых, для переезда Совета, проведения электричества, устройства ванн — словом, для оборудования госпиталя в доме Совета понадобится полтора месяца, Исполком предложил остановиться на т. н. „Немецком доме“. Он, по словам членов Исполкома, может вместить до 500 коек и великолепно оборудован: есть электричество, водопровод, ванна, канализация. В настоящее время там помещается десять семей, в т. ч. начальник Военного штаба (очевидно, Костяев. — С. В.) и одна семья служащего в Военном штабе. Местная Жилищная комиссия обещала дать всем живущим в этом доме удобные квартиры и лошадей для перевозки имущества. Но Штаб очистить это помещение отказался, находя мотивировку Исполкома недостаточной: под Совет, по мнению Штаба, можно занять все клубы — не важно, что некоторые из них даже не в самом городе. В случае несогласия „пригрозили“ введением военного положения. Исполком же своего согласия не дал. Тогда начальнику Штаба было предложено осмотреть „Третьяковские казармы“. По словам членов Исполкома, эти казармы совершенно непригодны под госпиталь, т. к. там нет даже примитивных удобств и жить там в свое время отказались даже солдаты. Осматривавшие эти казармы специалисты-инженеры помещенные нашли пригодным»¹³⁹⁶.

24 января, заслушав доклад одного из членов исполкома Серпуховского уездного совета, к критике Полевого штаба присоединился и Президиум Моссовета¹³⁹⁷, а советско-хозяйственное руководство столицей представляло собой значительную политическую силу. В тот же день, 24 января, руководство Московского губисполкома, во исполнение решения пленума от 22 января, направило В.И. Ленину и в копии высшему руководству РККА протест против введения в Серпухове военного положения, приложив к протесту выписку из доклада инструктора Прокопович о взаимоотношениях Серпуховского исполкома «и Реввоенсовета». Текст послания председателя Совнаркома: постановили «протестовать против давления помимо [Мос]губисполкома на содействие местной Советской власти Реввоенсоветом (так в тексте, имеется в виду Полевой штаб. — С. В.). Требовать отмены военного положения». Э.М. Склянский, получив копию документа, наложил резолюцию: «Лично, Секретно, В собственные руки т. Аралову. Предлагаю представить разъяснения и заключение в трехдневный срок»¹³⁹⁸. Объяснения военного комиссара Полевого штаба нами не выявлены, да их, скорее всего, и не было: С.И. Аралов, вступивший в партию на десять—пятнадцать лет раньше Э.М. Склянского, вряд ли стал бы оправдываться перед заместителем председателя РВСР. Зато выявлен доклад С.И. Аралова

Центральному комитету РКП(б) о взаимоотношениях Полевого штаба РВСР с Серпуховским уездным советом от 11 июня, в котором военный комиссар Полевого штаба решительно отверг выдвинутые местным советом обвинения, и прежде всего в защите Полевым штабом буржуазии: «Если и есть примазавшиеся, чего трудно избежать, то мною приняты меры к их удалению; все же вновь поступающие подвергаются строгому контролю»¹³⁹⁹.

Председатель Московского губернского исполкома Т.В. Сапронов попытался решить вопрос в ленинском Совнаркоме и в Наркомвонене у Э.М. Склянского — результатом переговоров стало соглашение об образовании комиссии из представителей Полевого штаба, Высшей квартирной комиссии и Московского губернского Совета. На пленуме Московского губернского исполкома 28 января 1919 г. в комиссию был направлен член Мосгубисполкома Иванов¹⁴⁰⁰.

Да и жители города отнеслись к приезду Полевого штаба резко отрицательно: «Серпухов — городишко маленький, о том, как живут сотрудники Полевого штаба, знают все» (доклад большевика А.А. Антонова, 3 января 1919 г.). Поражала разница как в жилищном положении сотрудников штаба и рабочих, так и — особенно — в их продуктивном снабжении¹⁴⁰¹. К военным специалистам, и в частности к генштабистам, Полевого штаба рабочие, с которыми общался А.А. Антонов, относились недоверчиво, а то и вовсе «враждебно»¹⁴⁰². Некоторые заявляли даже, что все генштабисты, получающие в глубоком тылу красноармейский паек и такие же пайки для членов семьи¹⁴⁰³, — «белогвардейские офицеры, которые впоследствии будут расстреливать рабочих, а теперь их откармливают». 3 января 1919 г. А.А. Антонов сделал оговорку по Фрейду: «Может быть, все это сплетни, но несомненно, что повод к этому дают сами специалисты, имеющие тенденцию рассматривать себя наподобие привилегированного офицерского сословия»¹⁴⁰⁴. В этом военные специалисты, и прежде всего генштабисты, Полевого штаба РВСР унаследовали славные традиции «чертова болота», как, по свидетельству М.К. Лемке, «все»¹⁴⁰⁵ аттестовали в годы Первой войны наш славный Генеральный штаб, корпус офицеров которого представлял собой «все-народно обанкротившуюся касту». Как с возмущением зафиксировал в своем дневнике М.К. Лемке, «Генеральный штаб поражает своим бессердечием и сухостью в отношении к нуждам и жизни своих подчиненных и товарищей не этой касты. Вы ясно видите, что вы нужны, когда им надо поручить вам их собственную работу; а когда она сделана — вас уже не видят и не знают. Никакое ваше личное дело никто из них не принимает близко к сердцу. Какой-то вопиющий эгоизм, которого нельзя встретить ни в одной строевой части, даже в ополченской, где все сошлись ненадолго из разных слоев и обстановок. Эта черствость — лишь наружное проявление выработанного всей кастой правила: „Пользуйся всеми и всем, чтобы облегчить

жизнь себе; иди мимо чужой жизни и да не коснется она тебя, чтобы ты вдруг не вздумал расчувствоваться и стать хоть на секунду истинным человеком“. За короткое сравнительно время я много раз был свидетелем, как черной кости офицеры правления просили свое кастовое начальство о той или другой любезности для своей, например, жены или о чем-нибудь подобном. Ответ всегда один: „Нет, что вы! Этого нельзя“. А завтра для своей жены офицер белой кости сделает не только это, а втрое больше, и притом у всех на глазах. Беременную на последнем сроке женщину сегодня нельзя посадить в поезд с офицером-мужем черной кости, а завтра *свою* „красавицу“ не только можно, но еще и в особом купе. Женам черной кости ни под каким видом нельзя жить в гостинице, отведенной для чинов штаба, а женам этих чинов, конечно, можно. И так во всем. Вполне понимаю, почему строевые офицеры так ненавидят генеральный штаб (генштабистов. — С. В.)». Как видим, в 1918 г. кадры Красной Ставки ничего нового не изобрели. Как следствие С.И. Аралову приходилось отстаивать Полевой штаб от нападок Серпуховского уездного совета и стоявших за спиной его большевиков из Московского губернского исполкома и Президиума Моссовета в ЦК РКП(б) даже в июне 1919 г. К чести комиссара Полевого штаба, Аралов прикрыл своих сотрудников, предельно тактично заметив при этом, что «самая апелляция в РВСР и ЦК для меня кажется излишней и мало обоснованной»¹⁴⁰⁶.

Образованный 30 ноября 1918 г. ленинский Совет рабочей и крестьянской Обороны сразу стал вникать в разбор дел арестованных генштабистов. 3 декабря комиссия этого Совета в составе В.И. Ленина, И.В. Сталина и Л.Б. Красина подвергла анализу работу ВЧК, в частности в отношении арестованных генштабистов — комиссия Совета обороны постановила кооптировать двух партийных представителей специального следствия в контрольно-ревизионный отдел ВЧК и ускорить рассмотрение дел арестованных генштабистов¹⁴⁰⁷. К тому же комиссия рассмотрела материалы следствия по обвинению в контрреволюционной деятельности арестованных в середине года Петроградской ЧК сотрудников аппарата главкомандующего войсками Восточного фронта И.И. Вацетиса генштабистов Л.И. Савченко-Маценко и Б.П. Полякова. В.И. Ленин, вняв ходатайству И.И. Вацетиса за указанных лиц, 29 декабря затребовал от ПетроЧК сведений об обвинениях, предъявленных указанным лицам.

Вмешательство вождя имело результаты — 2 января 1919 г. заведующий Особым отделом М.С. Кедров потребовал от Петроградской ЧК немедленного освобождения Л.И. Савченко-Маценко и Б.П. Полякова за отсутствием против них серьезных обвинений и направления их в распоряжение РВСР¹⁴⁰⁸. 8 января Совет рабочей и крестьянской обороны «предложил» ВЧК в трехдневный срок до-

ложить, какие обвинения предъявлены восьми генштабистам и почему те, кому обвинения предъявлены не были, до сих пор находились под арестом¹⁴⁰⁹. До половины декретов Советской власти того периода в жизнь не проводилось, и, как водится, решение Совета обороны исключением не стало. Генштабисты оставались под арестом, подчас вследствие «занятости» собственных коллег. Среди отличившихся можно назвать и одного из главных героев нашего исследования — генштабиста 1917 г. Г.И. Теодори. 5 января 1919 г. С.И. Аралов поручил «в виду отсутствия подходящих лиц в Полевом штабе» представительство на следствии В.П. Павулану. 30 января Э.М. Склянский приказал С.И. Аралову не позднее 31 января сообщить о результатах посылки последним своего представителя «для участия в следствии по поводу ареста [лиц] Генштаба в Петрограде». 31 января С.И. Аралов направил «весьма срочный» запрос В.П. Павулану, в котором просил «немедленно дать ответ для доклада т. Склянскому, каковы результаты участия командированного Вами представителя на следствии по делу ареста лиц Генштаба в Петрограде». В тот же день В.П. Павулан ответил: «Срочная текущая работа в Регистрационном управлении лишила меня физической возможности выполнить Ваше поручение. Сегодня отправлюсь в командировку и буду в Петрограде, после чего сделаю Вам подробный доклад». Ответ С.И. Аралова Э.М. Склянскому впечатляет: В.П. Павулан «вследствие срочности текущей работы по Регистрационному управлению принужден был задержаться [с] отъездом в Петроград». 8 февраля Г.И. Теодори и вовсе просил С.И. Аралова освободить В.П. Павулана от поездки в Петроград «по делу освобождения генштабистов»: у них-де «здесь и так слишком много работы». С.И. Аралов наложил резолюцию: «Павулану. Прошу сговориться по этому поводу со Склянским»¹⁴¹⁰. Задание вождя мировой революции, как видим, провалило Регистрационное управление Полевого штаба РВСР, и в т. ч. отец-основатель ГРУ Георгий Теодори, который тогда вряд ли предполагал, что придет время, когда никто не станет торопиться со следствием по его собственному делу.

Что представлял собой Полевой штаб к концу 1918 г.? 12 декабря вышел приказ по штабу, характеризующий сложившуюся за месяц обстановку в этом органе военного управления. Ф.В. Костяев констатировал, что в ряде управлений наблюдались «нерадение и даже неисполнение... приказов» (это касалось не только распоряжений служебных, но и бытовых); систематическими стали нарушения субординации; подписи Костяева и Аралова ставились под распоряжениями, которые фактически ими не отдавались. Костяева особенно коробило то, что без его ведома была произведена выдача крупной суммы денег, причем расход произвели не по назначению (начальник Полевого штаба узнал об этом случайно и не был удовлетворен данными ему объяснениями). Руководители Ставки предупреждали, что

впредь по каждому такому случаю будет проводиться служебное расследование, а «виновные привлекаются к ответственности».

Характеризуя работу штаба, Костяев заметил, что «некоторые управления страдают крайним бюрократизмом». Бывали случаи, когда подавались «на подпись телеграммы, по которым было уже все исполнено и проведено в жизнь», а ответственные за это лица даже не были в курсе. Проведение в жизнь самых простых распоряжений требовало от Костяева «особых распоряжений и усилий» (так, потребовалось четыре приказа для получения в штаб газет); доклады по основным вопросам представлялись, в большинстве случаев, «в необработанном виде без должных справок», резолюции начальника штаба не проводились в жизнь. Костяев требовал от всех начальников управлений и чинов Полевого штаба «обратить на работу штаба должное внимание» и представлять «по важнейшим вопросам» исчерпывающие доклады «со всеми справками». Для уничтожения бюрократизма руководство Ставки стремилось назначить во всех управлениях ответственных за исполнение распоряжений лиц.

Многие сотрудники, по мнению Ф.В. Костяева, не были способны отделить вопросы, «имеющие значение для устройства наших вооруженных сил, от... совершенно мелочных», притом что почти любой важный военный вопрос крайне запущен. непрофессионализм не удивителен: по наблюдениям генерала, «чьим-то распоряжением» к службе связи прикомандировали «несколько лиц, совершенно не годных в отношении связи».

Генерал Костяев отметил также, что в некоторых отделениях и управлениях часто крутились посторонние¹⁴¹¹. Это стало позднее одним из факторов предельной придирчивости к военным специалистам Полевого штаба их «политических контролеров» — военных комиссаров — и поводом для чисток.

Последствия приказа Ф.В. Костяева от 12 декабря 1918 г. были, очевидно, весьма скромными: начальник Полевого штаба констатировал это ровно через месяц. Удивляться, что и очередное напоминание не имело последствий, смысла не имеет — в приказе от 12 января 1919 г. Костяев пригрозил не преданием виновных суду реввоен трибунала, а максимум «отрешением от должности»¹⁴¹². В приказе начальника Ставки от 12 января говорилось: «За последнее время некоторые безответственные лица из числа служащих штаба позволяют себе критиковать работу как в Полевом штабе, так и на фронтах, не имея для этого оснований и абсолютно никакого права. Вообще же должен заметить, что в штабе раз[велась] излишняя болтливость — и главным образом среди [лиц,] плохо ориентирующихся в обстановке, совершенно подчас с нею незнакомых и мало что делающих, а во время занятий прогуливающих из одного управления в другое и устраивающих иногда в отделениях небольшие собрания. Считаю долгом предупредить всех служащих штаба, что в полевых

штабах, особенно при главном командовании, всякая болтливость, особенно еще соединенная с ничегонеделанием, только вредит боевой работе штаба, что особенно важно в настоящий момент, когда мы переходим [к] правильно организованной работе на фронтах и к созданию регулярной армии. Объясняя эту болтливость исключительно непониманием того большого дела, к которому мы приставлены, [я] предупреждаю, что впредь лица, замеченные в этом, будут привлекаться к законной ответственности»¹⁴¹³. В Москве, в Регистрационном управлении, дела обстояли немногим лучше: 2 февраля 1919 г. консультант Регистрационного управления Г.И. Теодори просил комиссара связи Полевого штаба Н.А. Коростылева¹⁴¹⁴ решить вопрос с висящими в здании РУ на Пречистенке «в хаотическом беспорядке» проводами, т. к. при желании противник мог организовать прослушивание переговоров сотрудников¹⁴¹⁵.

Коммунистическая ячейка Полевого штаба была откровенно слабой. 14 августа 1919 г. на ее заседании комитет ячейки представил краткий обзор деятельности ячейки с момента формирования: «Ячейка Полевого штаба образовалась в прошлом году. Вначале всего было 20 членов, в дальнейшем ячейка расширилась и был образован подрайон, состоящий из трех ячеек»¹⁴¹⁶. Помимо деятельности в Полевом штабе ячейка принимала участие в чтении лекций и организации митингов Серпуховским рабочим райкомом под руководством Серпуховской городской организации РКП(б). Скупые статистические данные говорят сами за себя: общих собраний — 18, заседаний комитета — 24. Членов ячейки со времени основания (!) — всего 71 человек (убыло 29, не посещавших собрание в процентном отношении было 47)¹⁴¹⁷. «Комитетом разрешались некоторые важные вопросы, но [в проведении принятых решений мы] всегда сталкивались с препятствиями со стороны начальствующих лиц Полевого штаба», — сказано в протоколе заседания и внесено уточнение: «...в настоящее время политика военного ведомства изменилась и работа ячейки должна принять другой характер»¹⁴¹⁸.

По свидетельству А.А. Антонова от 12 января 1919 г., «пользуясь родственными отношениями и попустительством», сотрудники, как и указал в своем приказе по Полевому штабу Ф.В. Костяев, разгуливали по отделениям, в результате чего «все, что делается в каком-либо из уголков штаба», становилось известно «всем». И это вопреки декрету Совнаркома от 17 июля 1918 г. «О воспрещении посещения правительственных учреждений посторонними лицами», принятому, между прочим, по письменному докладу Л.Д. Троцкого¹⁴¹⁹. В довершение всех бед политические комиссары также были далеки от «агнцев»: случалось, они ходили на свидания со штабными сотрудницами (правда, вроде бы на поводу у них не шли). Из коммунистов без предварительной подготовки могли вести агитационную работу человек 6—7. К тому же коммунисты Полевого штаба

не пользовались авторитетом у серпуховских рабочих, негативно настроенных вследствие полуголодного существования и особенностей размещения Полевого штаба в городе не только к штабу, но и к Советской власти в целом. Направленный в начале января 1919 г. В.И. Лениным в Полевую штаб для анализа обстановки А.А. Антонов докладывал, что «среди сотрудников... должны быть шпионы» и комиссары не могут с ними бороться: они обязаны заботиться прежде всего не об очистке Ставки «от подозрительных лиц», а о том, «чтобы не осложнять отношений с генштабистами». Этот вывод Антонов сопроводил ритуальной оговоркой о необходимости использования военных специалистов и создания для них нормальной рабочей обстановки, при которой офицерам и военным чиновникам не придется отрываться «от военного дела пустяками, постоянными придирками и т. д.»¹⁴²⁰.

По наблюдениям А.А. Антонова (доклад от 3 января 1919 г.), в Полевом штабе декрет о запрете на совместную службу родственников зачастую обходился — вслед за военным специалистом в штаб попадали «его жена, сестры, братья, дочери, сыновья и пр.». Местные «советские бюрократы», по мнению большевика, «часто и сами пошли на работу для того, чтобы „пристроиться“ и... „пристроить“ своих родственников». Парадоксально, но, высоко оценив значение декрета о родственниках в отношении спецов, Антонов заявил: принимая во внимание малочисленность коммунистов, «если у настоящего партийного работника есть дельный родственник — тоже коммунист — то почему бы не работать вместе»¹⁴²¹. Заметим, что, когда в конце лета — начале осени 1918 г. офицеров и военных чиновников отправляли из центрального военного аппарата на фронт, казалось бы, чаша не могла миновать и Штаб Реввоенсовета Республики — одно из двух составляющих будущего Полевого штаба. Но бюрократическая логика оказалась сильнее распоряжений высшего военно-политического руководства РСФСР. 30 сентября 1918 г. приказом по Штабу РВСР на фронт отправили по 9 кадровых (в чинах от прапорщика до капитана, в т. ч. племянника управляющего делами Совнаркома Владимира Бонч-Бруевича подпоручика Константина Михайловича Бонч-Бруевича) и «военного времени» офицеров, 12 писарей, двух унтер-офицеров и одного «совершенно не служившего» (всего — 33 человека)¹⁴²². Но при этом оговорили, что по штату полагается иметь в штабе 211 человек и потому можно «командировать обратно в Штаб 24 бывших офицера и военного чиновника и 24 бывших унтер-офицера и лиц прочих категорий», а потому все призванные на основании 1-го пункта приказа «подлежат возвращению на службу в Штаб, т. к. уход этих лиц может неблагоприятно отразиться на работе... Штаба»¹⁴²³. Приказание вроде бы исполнили, а людей оставили на своих местах. Заметим тут же, что 25 декабря 1918 г. С.И. Аралов обязал своим распоряжением руководителей

подразделений Полевого штаба не позднее 28 декабря представить в двух экземплярах листы на бывших офицеров для их регистрации¹⁴²⁴. К 28 декабря Аралов, как и следовало ожидать, требуемое не получил: списки бывших офицеров Полевого штаба (а также Реввоентрибунала) составили и направили в Особый отдел ВЧК только 17 января 1919 г. К этому моменту Особый отдел затребовал более подробные сведения, но Аралов разрешил отложить выполнение требования военной контрразведки «во избежание путаницы»¹⁴²⁵. 2 марта анкетные листы на бывших офицеров — служащих Полевого штаба, наконец, получил заведующий Серпуховским Особым отделением ВЧК С.М. Постнов¹⁴²⁶.

И без того напряженные отношения Ф.В. Костяева и других военных специалистов с военными комиссарами Полевого штаба должны были резко ухудшиться в начале 1919 г.: к разногласиям организационного характера прибавилась телеграмма Л.Д. Троцкого, уполномочившая Ф.В. Костяева на фактически бесконтрольную отдачу оперативных распоряжений¹⁴²⁷. А.А. Антонов, исходя из количества дел, которые должны были контролировать военные комиссары, считал, что «едва ли у них остается время, чтобы следить за внутренней жизнью штаба»¹⁴²⁸.

Если верить А.А. Антонову, служащие Полевого штаба в лучшем случае ощущали себя «вне политики», что имело следствием отношение к правящей партии как к силе, с которой можно не считаться¹⁴²⁹. При этом военные комиссары относились к «штабным специалистам с большим опасением» и считали Полевой штаб «белогвардейским гнездом»¹⁴³⁰.

К счастью для комиссаров, генштабисты 1917 г., занявшие серьезные посты в штабе, не всегда действовали солидарно: как и у всех людей, у каждого были свои пристрастия и расхождения во взглядах на ряд важных организационных вопросов. Так, например, машинисткой служила аристократка по происхождению В.П. Троицкая, находившаяся, по свидетельству А.А. Антонова, на подозрении как политических работников штаба, так и «контрразведки» (в январе 1919 г. под военной контрразведкой должен был пониматься отдел военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР — ОВК РУ, во главе с большевиком В.Х. Штейнгардом). Дозакательства в шпионаже В.П. Троицкой были налицо: ее, служившую в одном из инспекторских отделов, «не раз заставляли в оперативном отделении, где она рассматривала секретные карты и телеграммы»¹⁴³¹. По наблюдениям комиссаров штаба, В.П. Троицкая состояла «в большой дружбе с генштабистами» (в частности И.Д. Моденовым, мужем ее подруги, тоже сотрудницы Полевого штаба), но ей в то же время не доверял генштабист Г.И. Теодори, формальным поводом для ареста которого и стал оговор этой самой «шантажистки-машинистки» (выражение Г.И. Теодори).

Для исследователя, длительное время работавшего с документами В.И. Ленина и его секретариата (РГАСПИ. Ф. 2 и 5 соответственно), не является секретом любовь главы советского правительства отправлять доклады в архив с пометой «Совершенно секретно». Вождь ставил такие пометы, чтобы можно было при необходимости быстро получить документ. Ситуация с документами, на которых Ленин не оставлял никаких помет, сложнее: возможно, председателя Совнаркома не заинтересовало содержание, а возможно, напротив, крайне заинтересовало. Судя по резолюции, доклад А.А. Антонова от 12 января 1919 г. вождь оставил в своем личном пользовании, чтобы иметь компромат как на сам Полевой штаб, так и на руководителя военного ведомства в целом — Л.Д. Троцкого. Что за председатель РВСР, если он проморгал (или, хуже того, покрывает) шпионаж в собственной вотчине?

Вскоре после доклада А.А. Антонова вскрылись интересные подробности деятельности В.П. Троицкой: «15 января... в 9 часов вечера письмоводительница Управления Инспектора инженеров — В.П. Троицкая — с целью достать из запертого управления свои вещи, попросила телефониста Потапова перепилить кольцо висячего замка, которым были заперты двери указанного управления. Телефонист Потапов эту просьбу исполнил, и, таким образом, после взлома кольца указанные сотрудники Полевого штаба вошли в помещение управления, забрали вещи Троицкой, а затем кое-как навесили замок обратно — и управление, в коем находятся секретные дела, планы и карты, некоторое время оставалось фактически незапертым». В приказе по Полевому штабу от 17 января 1919 г. по этому поводу сказано: «Такое исключительное легкомыслие, ребяческое непонимание своих поступков и последствий их совершенно недопустимы и непростительны для сотрудников такого высокого учреждения, как Полевой штаб Реввоенсовета Республики. Только случайная целость секретных дел управления, выяснившаяся после дознания, дает возможность ограничиться увольнением Троицкой и Потапова со службы из Полевого штаба. При повторении подобных поступков виновные будут привлекаться помимо увольнения к ответственности по суду». Из правки в тексте приказа следует, что первоначально предполагалось ограничиться в отношении Троицкой и Потапова «объявлением выговора», но начальник Полевого штаба Костяев, к его чести, решил поступить жестче¹⁴³². Но на этом дело не закончилось: 20 или 21 января 1919 г., по всей видимости, последовала реакция на доклад А.А. Антонова — арестовали письмоводительниц В.П. Троицкую и Н.А. Голубович. Арест спровоцировал боязнь ряда работников за свою «персональную неприкосновенность», отдельные сотрудники штаба получили «анонимные письма явно провокационного характера». 23 января с резолюцией «немедленно объявить» Костяев и Аралов подписали приказ по Полевому

штабу № 102, в котором успокаивали своих сотрудников и предупреждали: «Уличенные в рассылке анонимных писем и распространении нелепых слухов, вносящих дезорганизацию в работу штаба, будут немедленно увольняться от службы и привлекаться [к] суду Революционного трибунала»¹⁴³³.

Скорее всего, не без участия В.И. Ленина к совокупному мнению военкомов Полевого штаба, руководства Отдела военного контроля Регистрационного управления и консультанта Регистрационного управления генштабиста Г.И. Теодори прислушались, и В.П. Троицкую в конечном итоге арестовали¹⁴³⁴. Фактически в январе 1919 г. имело место первое серьезное вмешательство основателя большевистской партии в «вермишельные» дела Полевого штаба.

ЧП в Полевом штабе продолжались: 5 февраля его руководство объявило выговор помощнику начальника общего отделения В.С. Пониичеву, который 1 февраля, будучи дежурным, «получив приказание отправить секретную телеграмму по прямому проводу, передал ее в Центральный Московский телеграф, где дальнейший ход ее по рукам безответственных лиц был задержан» уже приказанием Ф.В. Костяева. Опять же руководство Полевого штаба предупреждало, что повторение «подобного случая поведет к увольнению... виновного в таком поступке». В качестве вывода руководство Полевого штаба приказало «впредь» дежурными по штабу назначать генштабистов — А.В. Афанасьева¹⁴³⁵, В.Е. Волкова, В.К. Токаревского, М.Н. Земцова¹⁴³⁶, А.В. Панова, С.И. Данилова, Ф.Л. Григорьева, И.Д. Моденова, Б.И. Кузнецова, Т.С. Косача, А.Н. Виноградова, В.В. Трофимова (в подлиннике вычеркнут А.Г. Кузьмин); помощниками дежурных стали Н.С. Бартенев, Е.Е. Меньшов, Н.Н. Брандт, А.А. Коссович, В.С. Пониичев, В.Д. Столяров, С.С. Краснов, В.А. Семенов, П.К. Удалов, В.Х. Кирильчук, Ф.Д. Воронов-Дементьев и Г.М. Барышников (вычеркнут А.И. Уиттенговен). Сменяться дежурные должны были по окончании утреннего доклада Ф.В. Костяева «всей оперативной обстановки (в 11 часов)»¹⁴³⁷. Выявленные В.В. Каминским материалы позволяют установить, кто из указанных лиц принадлежал к генштабистам 1917 г. — Виноградов, Косач, Кузнецов, Моденов, Трофимов (5 из 12 — 41,7%)¹⁴³⁸.

Примечательно, что В.В. Трофимов осенью 1918 г. находился под следствием в Петроградской ЧК. 28 ноября заместитель председателя Петроградской губернской ЧК большевик с огромным стажем в партии В.Н. Яковлева телеграфировала С.И. Аралову (в копии — К.Х. Данишевскому): «Генштаба Трофимов Владимир Владимирович на основании непроверенных сведений подозревается в сношениях [с] иностранной контрразведкой. Арестован [на] квартире Ховена — вероятно, агента германской контрразведки. Если на основании этих данных нет препятствий [к] дальнейшей его службе — телеграфируйте». На телеграфной ленте К.Х. Данишевский наложил резолюцию:

вышлите Трофимова в «Серпухов, [в] распоряжение Реввоенсовета Республики», т. е. в Полевой штаб. С.И. Аралов также поставил свой автограф под резолюцией¹⁴³⁹. Правомерность действий ПетроЧК в данном контексте под вопросом: с одной стороны, основания для подозрения Трофимова имели место; с другой — Аралов и Данишевский все же «выписали» генштабиста в Ставку, несмотря на то что следствие по его делу не было окончено.

В 1919 г. Ф.В. Костяеву пришлось снова требовать в приказах Полевого штаба соблюдения дисциплины. 6 февраля он приказал сократить количество командировок своих сотрудников в Москву, возложив ответственность на начальников управлений и инспекторов; при новых назначениях сотрудников до начальников отделений включительно согласовывать все кандидатуры с ним лично, остальных — после выяснения профпригодности кандидата с соответствующим комиссаром и будущим начальником¹⁴⁴⁰. 11 февраля вышел приказ с объявлением итогов служебного расследования передачи 5 февраля еще одной секретной оперативной телеграммы через Центральный телеграф вместо прямого провода (информацию о передаче Ф.В. Костяев получил лично от Л.Д. Троцкого — вероятно, с соответствующим «нагоняем»). По итогам один человек был уволен, трое отделались выговорами¹⁴⁴¹. 22 февраля Костяев констатировал случаи опоздания сотрудников из отпусков, указав: «...еще не все служащие штаба... прониклись серьезным отношением к служебному долгу и не [все] понимают, что во время их отсутствия работа, которую они несут по своей должности, обременительно ложится на их товарищей сослуживцев». В дальнейшем виновные (предупреждал Костяев) «будут привлекаться к строгой ответственности включительно до смещения с должности»¹⁴⁴². 22 февраля (два месяца спустя издания приказа № 78) Костяев опять отметил случаи отдачи сотрудниками Полевого штаба, на то не уполномоченными, «распоряжений от имени начальника и комиссара Полевого штаба». Получающие приказания обязывались узнавать у передающих такие распоряжения лиц фамилию и должность¹⁴⁴³.

Во время Первой мировой войны, по воспоминаниям военного следователя Р.Р. фон Раупаха, «всю буржуазию приходилось силой отправлять на фронт, и не было никаких средств бороться с ее дезертирством. Она служила сторожами и писарями, устраивалась в разного рода «работавших на оборону» комиссиях и организациях и пускалась на всякие ухищрения, лишь бы избавиться от... опасностей фронта»¹⁴⁴⁴. Полевой штаб свято хранил традиции не реакционной царской Ставки, а императорского тылового организма: по наблюдениям А.А. Антонова, в нем должности регистраторов и письмоводителей занимали офицеры (капитаны, поручики), прячась на канцелярских местах от отправки на фронт (всего в начале 1919 г. в штабе служило более тысячи человек, из которых чуть более 20 — около

5% — составляли члены партии большевиков)¹⁴⁴⁵. Причем большинство коммунистов полностью сосредоточилось на технической работе; 6—7 интеллигентов «очень часто» направлялись в служебные командировки, что не способствовало постановке «регулярной партийной работы»¹⁴⁴⁶. 12 января 1919 г. А.А. Антонов предложил выход из создавшегося положения: оставить за начальником Полевого штаба право назначать лишь на должности специалистов, право назначения на технические должности передать военному комиссару. Это позволило бы, по мнению старого большевика, снизить риск военного переворота, поскольку кучке в 50 военных специалистов «не на кого будет опереться, т. к. трусливая обывательская масса не пойдет на авантюру»¹⁴⁴⁷. Предложение В.И. Ленин оставил без ответа, но доклад А.А. Антонова не отправил, как он это обычно делал, с пометой «совершенно секретно» в архив, а заботливо сохранил у себя и вытащил на свет божий лишь в начале июля 1919 г. для приобщения к «следствию над Ставкой»¹⁴⁴⁸. Сам факт посылки в штаб Антонова показывает, что вождь с начала 1919 г. стал уделять повышенное внимание обеспечению безопасности Полевого штаба РВСР.

Факты по делу В.П. Троицкой свидетельствуют, что в Полевом штабе имел место шпионаж, но из них не ясно, насколько он был развертывлен. В начале 1919 г. генерал Ф.В. Костяев отказался уволить штабную сотрудницу, фактически уличенную в шпионаже¹⁴⁴⁹ — что оставалось думать партийным работникам? И что должен был думать В.И. Ленин, когда 17 или 18 апреля 1919 г. получил повторное «ходатайство» генштабистов об освобождении Г.И. Теодори? 12 марта 1919 г. один из старых ленинских соратников М.С. Кедров приказал арестовать консультанта Регистрационного управления по обвинению в шпионаже, основываясь на показаниях В.П. Троицкой, и шесть раз лично допрашивал генштабиста¹⁴⁵⁰. Как установил А.А. Зданович, еще в мартовской телеграмме однокурсника Теодори Парфения Майгура читалась «некая угроза групповых действий... генштабистов» 1917 г. А 1 апреля чекисты перехватили телеграмму из Полевого штаба однокурсником Теодори на фронты с предложением «подписать коллективное ходатайство за Теодори, рассматривать это как коллективное действие в защиту авторитета ответственных работников»¹⁴⁵¹. Весь выпуск дважды (24 марта и 17 апреля 1919 г.) обращался с просьбой о назначении расследования по делу их лидера непосредственно к председателю Совнаркома, причем повторное ходатайство, под личиной готовности исключить из корпуса Генштаба Теодори в случае подтверждения обвинения, фактически содержало предупреждение: отказ может осложнить и без того непростые отношения с военными комиссарами. Фактически 36 человек, занимавших важные посты в Полевом штабе и на фронте, сознательно пошли с точки зрения уставных отношений на серьезнейшее их нарушение. Во-первых, они подали заявление «через головы» 3 (!) непосредственных начальников (Ко-

стяева, Вацетиса, Троцкого), притом что любой генштабист обязан был помнить: в «выдержанности, доведенной до самой крайней щепетильности, и заключается истинная дисциплина Генерального штаба»¹⁴⁵². Во-вторых, заявление генштабистов 1917 г. носило *коллективный* характер, что строжайше запрещается в вооруженных силах со времен Петра Великого и до наших дней¹⁴⁵³. Причем генштабисты 1917 г. и подали «коллективку» напрямую Ленину, т. к. прекрасно понимали, что дальше Костяева она не пройдет, а сам генерал, вероятно, не откажет себе в удовольствии отдать их за нее под трибунал. В принципе такое «ходатайство» вполне можно расценивать как ультиматум. Это была игра ва-банк. А такие люди, как вождь мировой революции, иногда откладывали месть в долгий ящик, но никогда не забывали подобных «ходатайств».

И.И. Вацетис подлил масла в огонь, лично вступившись 18 апреля за незаконно арестованных Г.И. Теодори, «обвинение» которого (прямо заявил главком со ссылкой на заместителя Кедрова А.В. Эйдука) создали по приказу М.С. Кедрова, и В.В. Хрулева, осужденного на 5 лет лишения свободы в то время, как «виновные преступления отделились только выговором»¹⁴⁵⁴. Главком доложил председателю Совнаркома о нехватке в штабах лиц с «военно-научной подготовкой»; штатный некомплект генштабистов составлял, по утверждению Вацетиса, 70% в среднем и 82% (!) на фронте. К тому же большевистским руководством, по заявлению главкома, не всегда уделялось «должное внимание» подбору и расстановке военных комиссаров, многие из которых превращали контролирование в «назойливое приставание»¹⁴⁵⁵. Все комиссары Полевого штаба обвинялись Вацетисом в наклонности обличать в контрреволюционности какого-нибудь генштабиста. Вацетис в докладе Ленину предстал во всей красе: как человек, с одной стороны, кристально честный, порядочный, не сдающий преданных ему людей, с другой — политически наивный.

И.И. Вацетиса можно понять. Он отмечал в 1919 г. «совершенно незаслуженное недоверие, с каким до сих пор относятся к тем бывшим офицерам Генерального штаба, которые находятся в рядах Советской (Красной. — С. В.) армии. Это недоверие сказывается на каждом шагу и создает чрезвычайно тяжелую обстановку для работы. Между тем не все комиссары отличаются соблюдением должного такта; даже в Полевом штабе недавно был случай, что в то время, когда я сам сидел... в кабинете начальника Полевого штаба, старший комиссар Полевого штаба позволил, не сказав ничего мне и начальнику штаба, грубо ворваться в оперативное отделение представителям ВЧК и в самой грубой форме, в штабе же, во время работы арестовать бывшего офицера Генерального штаба. Подобная бестактность произвела настолько сильный перебой в настроении всех, что никакая работа не могла быть продолжена... впоследствии оказалось, что этот бывший офицер Генерального штаба был арестован совершенно не-

винно. Мало того, здесь были явные признаки изымательства именно над офицером Генерального штаба, т. к. оказалось, что он должен был быть лишь свидетелем по делу другого лица и в этой роли смело мог быть вызван в ВЧК в Москву для дачи показаний в обычном порядке, однако почему-то распорядился председатель Особого отдела (М.С. Кедров. — С. В.) непременно этого офицера Генерального штаба арестовать, посадить в тюрьму и в тюрьме допрашивать в качестве свидетеля». Несколько случаев перехода генштабистов к белым Вацетис объяснял притеснениями их комиссарами: каждый офицер Генштаба «находится в положении какой-то Валаамовой ослицы, которая подвергалась побоям исключительно по вине того, кого она возила»¹⁴⁵⁶.

Заметим, что Л.Д. Троцкий передал 15 мая по прямому проводу для Президиума ВЦИК ходатайство Революционного военного трибунала Республики «о помиловании Генштаба Хрулева, осужденного на 5 лет заключения за преступление, в котором Ревтрибунал Республики не усматривает злого умысла и в виду желания Хрулева служить по-прежнему Советской власти»¹⁴⁵⁷. Заступиться за Г.И. Теодори председатель РВСР на данном этапе целесообразным не счел.

Поводов для размышлений у вождя поприбавилось после получения им 25 апреля 1919 г. «совершенно секретной» телеграммы командующего войсками Украинского фронта В.А. Антонова-Овсеенко, писавшего, в частности: «...у нас в центральном военном ведомстве — предательство, прилагаемые три брошюры добровольцев (как и изданная раньше в Киеве при [гетмане] Скоропадском) обнаруживают слишком точную осведомленность добровольцев о нашей армии, кое-какие данные перевернуты, очевидно, умышленно, чтобы скрыть след»¹⁴⁵⁸. Вождь 28 апреля отправил полученные два шифра, три брошюры и четыре разведывательные сводки Л.Д. Троцкому, не забыв послать копию самой телеграммы Ф.Э. Дзержинскому — дабы следил в оба¹⁴⁵⁹.

Не ранее 14 мая 1919 г. на РВС Республики и его Полевой штаб пожаловался один из лидеров РКП(б) — Г.Е. Зиновьев, отписавший В.И. Ленину ответ на обвинения со стороны Совета обороны в назначении незаконной эвакуации Петрограда¹⁴⁶⁰. В мае 1919 г. решался вопрос о перестановках в высшем военном руководстве — пока при активном участии Л.Д. Троцкого. В этот период резко ухудшились его (и без того натянутые) отношения с И.И. Вацетисом. 9 мая главком направил «в собствен[ные] руки» вождя совершенно секретный доклад, в котором предложил поставить Центральное управление по снабжению армии и Всероссийский главный штаб под контроль главного командования и самое главное — «установить периодические заседания Совета Обороны по принципиальным вопросам с обязательным моим участием». При этом Вацетис писал: «Конституцией (так в тексте. — С. В.), хотя мне и предоставлено право входит[ь] с

докладом в Совет Оборона, я ни разу не получил уведомление с приглашением присутствовать в Совете Оборона при решении иногда вопросов капитальной важности для военного ведомства»¹⁴⁶¹. Фактически главком хотел параллельного председателю РВСР представительства в Совете рабочей и крестьянской Оборона. Отзыв Л.Д. Троцкого, полученный В.И. Лениным: «ЦУС и Всероглавштаб работают только по заданиям Реввоенсов[ета]. Все постановления выносятся при прямом участии Вацетиса. Перемены нарядов производятся всегда с его ведома, но главком склонен вмешиваться в редактирование газет, внутреннюю работу ЦУСа и Всероглавш[таба], влиять на назначения и пр. Между тем он и так слишком отвлечен от оперативной работы, которая страдает. В Сов[ет] Оборона выносятся военвед[ом] вопросы <лишь> всегда согласовано с главкомом. Никаких практических расхождений я не помню. Задача состоит в том, чтобы заставить Вацетиса от тыловой „игры“ перейти к чисто оперативной работе»¹⁴⁶².

К лету 1919 г. о необходимости чистки Полевого штаба твердили его комиссары. Так, 6 июля комиссар Центрального управления военных сообщений (ЦУПВОСО) В.В. Фомин¹⁴⁶³ писал в ЦК РКП(б), а также Э.М. Склянскому: «Как всюду в частях армии специалисты — мастера военного дела в военных сообщениях — расколоты революцией на три неравные силы. Лучшая, небогатая численно, работает с революцией за совесть. Работает, несмотря на голод, обнищание, контраст с прошлым. Их, этих людей, несущих свои знания на алтарь освобождения человечества, нельзя не окружать любовью и уважением. Таких немного в аппарате военных сообщений. Но они есть.

Вторая группа (самая многочисленная) — несущие „большевистский гнет“ по тяжелой материальной необходимости. Эти ненавидят революцию и всех иже с нею. Изуродованные... капиталом, они трусливы, как на барометре на них заметны колебания политической непогоды; они пассивно враждебны и „подкладывают свинью“ (иногда трусливо, осторожно, вопреки расчетам дня, по классовой ненависти. Они ценны лишь своим опытом, знания[ми], организационным[и] навыками. Они не творят новых форм, несут лишь с собой традиции; они формально относятся к работе; они безучастны к ее конечному результату. Но все же они необходимы. Заменить их нечем. И поучиться классу... у них все же есть чему.

Третий слой. В большинстве сильные, смелые, враждебные. Хитрые. Шпионы. Работают по поручению еще не поверженных врагов. Собирают сведения. Передают. При отстранении стратегических резервов на фронтах и необходимости ведения войны методом переброски войск по т. н. внутренним *коммуникационным*¹⁴⁶⁴ линиям — шпионаж в органах военных сообщений приобрел первостепенное значение.

Отношения к первым двум группам со стороны прокуроров революции — военных комиссаров — явствует из самой природы этих

групп... Особняком стоят шпионы и предатели. В процессе текущей работы в учреждении их нет возможности уловить, уличить. На основании массы мелких наблюдений можно лишь локализовать подозрения на определенной группе лиц. Дальше уже необходим метод бесцеремонного [сыска]; установление, по возможности, всех связей и знакомств, потом аресты, потом улики, потом беспощадная расправа. Сил для осуществления этой системы борьбы с предательством в распоряжении военных комиссаров нет. Необходимо привлечение сыскных органов, *в данном случае — Особого отдела ВЧК* (курсив мой. — С. В.)»¹⁴⁶⁵. 18 июля Оргбюро ЦК РКП(б), заслушав доклад В.В. Фомина об М.М. Аржанове¹⁴⁶⁶, высказалось за смещение последнего с тем, чтобы оставить его в Москве «под наблюдением». Предложенные В.В. Фоминым кандидатуры на пост начальника ЦУПВОСО предлагалось рассмотреть Реввоенсовету Республики¹⁴⁶⁷. Однако, несмотря на решение Оргбюро, М.М. Аржанов продолжил свой «славный» путь на военно-железнодорожной работе.

В подчиненных ЦУПВОСО учреждения ситуация сложилась еще более тягостная. 10 марта 1919 г. Наркомат путей сообщения обвинил военное ведомство в «безобразно» проведенной эвакуации Уфы. В ходе расследования межведомственная комиссия установила: эвакуация «произошла действительно стихийно под влиянием сложившейся тяжелой боевой обстановки» и «медленной» реакции на происходящее начальника УВОСО Восточного фронта В.А. Жигмунта. Последний «в виду временного формирования Особой Южной группы Востфронта, пути сообщения и перевозки которой базировались на участках Самара — Сызрань, когда обстановка требовала особо бдительного руководства... не только не считал необходимым поставить ответственное дело перевозки в определенные рамки путем назначения одного ответственного лица или точно разграничив права и обязанности четырех равнозначущих ЗА¹⁴⁶⁸ и одного З, но на чисто деловые вопросы, требовавшие срочного разрешения, или замедлял до крайности ответы или не давал таковых вовсе, стесняя в то же время инициативу деятельного, случайно находившегося в Самаре, ЗА 4-й армии партийного тов[арища] Горескула, деляя последнему необоснованные замечания и выговоры и отказываясь нередко от личных переговоров по аппарату о разрешении срочных вопросов перевозки»¹⁴⁶⁹.

По итогам Ф.В. Костяев назначил для «всестороннего обследования» работы УВОСО Восточного фронта, и в частности начальника управления В.А. Жигмунта, особую комиссию из специалистов 4-го отдела ЦУПВОСО под председательством Генштаба генерал-майора В.А. Афанасьева — участника Первой мировой войны, в 1917 г. ставшего заведующим Московским районным комитетом Министерства путей сообщения по перевозкам. В 1918 г. Афанасьев добровольно вступил в РККА: в марте—апреле — исполняющий

должность начальника военных сообщений Северного фронта, апреле—сентябре — исполняющий должность начальника Московского округа путей сообщения; в сентябре—октябре состоял для поручений при начальнике военных сообщений¹⁴⁷⁰. В ходе расследования вскрылось, что партийный работник сделал гораздо больше будущих «контрреволюционеров» Полевого штаба для развала вверенного ему аппарата. 6 мая Ф.В. Костяев доложил Реввоенсовету Республики: комиссия В.А. Афанасьева, «считаясь с особенностями служебного и политического положения В.А. Жигмунта... вынуждена была в отчете изыскивать соответственные литературные формы, чтобы смягчить суровую действительность неудовлетворительной в главных чертах работы этого управления и истинную роль начальника... как в постановке дела в управлении, так и вообще в организации военных сообщений фронта». Оказалось, что лучше всего была налажена работа отделов УВОСО Восточного фронта, которой «наименее [все-го] руководил» Жигмунт. Жигмунт обвинялся в «совершенно недопустимой и вредной при современных условиях» деятельности и «преступном отношении к распоряжениям Центральной власти».

Профессиональное несоответствие В.А. Жигмунта подтверждали: отсутствие его указаний отделам по ведению работы как в приказах, так и словесных; непонимание значения военной тайны и отстранение под предлогом ее соблюдения ближайших помощников от координации работы отделов «с общими задачами командования»; внесение беспорядка в приходно-расходную переписку «путем нарушения собственных отданных в приказе распоряжений»; «непонимание недопустимости... таких мероприятий, как переформирование железнодорожных продовольственных пунктов в этапы»; незнание правил ведения войскового хозяйства и отчетности; непонимание организации службы военных дорог, значения при Начальнике военных сообщений Республики Инспекции путей сообщения и т. п.

Признаки преступных деяний В.А. Жигмунта: «1) Внесение, прикрываясь политическими соображениями, настолько полной дезорганизации в работу 3 и ЗК (умышленным частым, быстрым перемещением их из одного пункта в другой; назначением на самые ответственные места ЗК лиц, не только неподготовленных, но [да] же... полуграмотных; несообразимо различной длиной участков 10 верст — 477 верст; отсутствием проверок Управлений 3 и ЗК; неправильным распределением помощников 3 и ЗК; допущением женщин на должность конторщиков у ЗК и т. д.), что аппарат этим можно считать почти разрушенным; 2) Отсутствие какого-либо надзора за работой на головных участках ж. д.; 3) Отсутствие сколько-нибудь разработанного плана перевозок при полной возможности его подготовки, т. к. В.А. Жигмунт, судя по его словам, всегда бывает своевременно осведомлен [о] решениях Реввоенсовета Востфронта; 4) Отсутствие каких-либо проверок и надзора за службой на этапах

в Управлениях З и ЗК, благодаря чему наблюдаются распушенность управлений, бездеятельность, хаос в делопроизводстве и небрежное отношение к службе... дезорганизованность службы управления передвижения войск на ж. д. была замечена предреввоенсоветом Троцким, который особой депешей отметил это явление, потребовав назначения ревизии УВОСО Вост[очного фронта].

Столь отрицательная деятельность начвосовост В.А. Жигмунта, очевидно, не могла не отразиться[ся] на неблагоприятном исходе эвакуации важнейших пунктов Вост[очного] фронта, а в дальнейшем могла бы привести к еще более тяжелым последствиям.

Наконец, совершенно преступным и вносящим опасный соблазн в душу подчиненных и беспорядок в работу управления является сознательное нарушение постановления Совета народных комиссаров от 27 июля 1918 г. о недопустимости совместной службы родственников. В прямое нарушение этого постановления ЗФ Жигмунт 1 ноября 1918 г. назначил своего брата А.А. Жигмунта на исключительно ответственную должность начальника 3-го отделения (перевозок) военно-эксплуатационного отдела, а его жену Е.М. Жигмунт устроил 3 марта 1919 г. журналисткой Водно-железнодорожной инспекции того же управления. Кроме того, в Управлении ЗФБ находится еще восемь служащих, имеющих своих родных в этом же управлении. При ближайшем содействии... А.А. Жигмунта внесена полная дезорганизация в самую серьезную отрасль работы Управления военных сообщений — воинские перевозки и службу Зарм, З и ЗК. Вследствие родственных отношений братьев В.А. и А.А. Жигмунтов, их роли в управлении иногда перепутывались и трудно точно определить, как была между ними разграничена работа начальника управления военных сообщений [фронта] и начальника 3-го отделения. В прямое нарушение приказа по управлению А.А. Жигмунт брал поступающую почту до секретной переписки включительно, распоряжался ею, распределяя по отделам и тем самым внося беспорядок в работу 1-го отдела. Одна взятая им секретная бумага в делопроизводствах не была найдена.

К моменту приезда п[р]оверяющей комиссии А.А. Жигмунт был уволен в отпуск своим братом... вопреки действующим распоряжениям об отпусках, якобы на партийный съезд Полесских ж. д.». Несмотря на указание В.А. Афанасьева В.А. Жигмунту о необходимости, по крайней мере, отложить отъезд брата «на пару дней» для получения от него некоторых объяснений комиссией, А.А. Жигмунт выехал даже ранее намеченного срока, что В.А. Жигмунт объяснил «партийными соображениями и ненужностью его присутствия для доклада комиссии, все объяснения которой может дать сам В.А. Жигмунт. «Означенный факт, — делал вывод Ф.В. Костяев, — говорит сам за себя...» Начальник Полевого штаба испрашивал разрешения на утверждение приказа начальника ЦУПВОСО об отстранении В.А. Жигмунта от занимаемой должности и предании его суду Революционного трибу-

нала Республики¹⁴⁷¹. Предложение отдать В.А. Жигмунта под суд было отклонено «с заменой отчислением от должности»¹⁴⁷².

Коррупция коммуниста В.А. Жигмунта повторяла в миниатюре происходившее в Полевом штабе Реввоенсовета Республики.

Весьма характерны тезисы комиссара Ставки С.И. Гусева, составленные им для В.И. Ленина между 25 июня и 3 июля 1919 г. В них прямо заявлялось: «Наш Полевой штаб — учреждение чисто бумажное... его работа — вредная [фикция], вокруг которой крутятся несколько сот весьма занятых работой, но по существу ничего не делающих людей» (см. док. № 2.3.8). Данный тезис, только в ином изложении, можно найти в докладе А.А. Антонова, отправленном вождю 12 января 1919 г.: «Из тысячи человек действительных военных специалистов, т. е. людей, занимающих должности, требующие особой военной подготовки, знаний и опыта, приблизительно можно насчитать 40—50 человек...» (см. док. № 2.2.7). В условиях явной кадровой болезни Ставки кровопускание было неизбежно.

№ 2.2.1

Из рапорта главнокомандующего войсками Восточного фронта И.И. Вацетиса председателю Высшего военного совета, члену ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкому о начальнике военных сообщений Восточного фронта С.С. Бакинском, о начале формирования конницы на фронте, о дискредитации его военным руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем, о нехватке генштабистов в штабе Восточного фронта

Казань

28 июля 1918 г.

Уважаемый т. Лев Давидович!

Я получил две телеграммы от Высшего военного совета, которые ставят меня в крайне затруднительное положение. <...>

Вторая телеграмма касается вопроса о начатым мною формированиях конницы. По этому поводу я говорил с М.Д. Бонч-Бруевичем перед моим отъездом из Москвы. Хотя мы не сошлись во взглядах на затронутый вопрос, но М.Д. Бонч-Бруевич обещал не мешать мне работать¹⁴⁷³. Это было вполне разумное решение, ибо мне здесь, на фронте, лучше видно, что надо делать. М.Д. Бонч-Бруевич настаивает, чтобы я формировал *кавалерию, а не ездящую пехоту*. Принципиальная разница, разница академического толкования¹⁴⁷⁴ — та, что у кавалериста конь служит *боевым оружием*, у ездящего же пехотинца конь служит только *средством передвижения* более быстрого, чем способ пешего хождения, чтобы забежать противнику во фланг и в тыл, сделать дело и вовремя уйти; создать такой тип конницы [можно] чрезвычайно легко и быстро, у нас на фронте, после моего при-

каза, уже действуют такие конные части. Кавалерию регулярную создать очень трудно в короткий срок. Прежде всего должны быть подобраны лошади, если не одинаковой масти, что не суть важная [вещь], то непременно в каждом эскадроне должны быть лошади *одинаковой физической силы*, лошади сильных пород и отборные экземпляры; в ездящей же пехоте все кони добры.

Вопрос о формировании конницы мною не забыт, начато формирование в Казани двух кавалерийских полков — одного латышского и одного русского. Неделю тому назад я отправил людей для закупки лошадей, скупка производится на ярмарках и по провинции. Эти кавалерийские полки будут готовы к бою как кавалерийские части [по прошествии не менее] трех месяцев.

Между тем мне нужна конница немедленно, теперь же, сегодня. Противник действует на конях, просачивается через наш фронт в тыл [к] нам и портит дороги. Нагнать его можно только на лошадях, *reg pedes apostolorum*¹⁴⁷⁵ истребить, нагнать их немислимо.

Я полагаю, что М.Д. [Бонч-Бруевич] не будет настаивать на своем, тем более в телеграммах, открыто принимаемых и читаемых; это может подорвать мой авторитет, и тогда работать будет мне чрезвычайно трудно — труднее, чем это может себе представить генштаб¹⁴⁷⁶ в Москве. Прежде всего до позавчерашнего дня у меня было только два помощника генштаба¹⁴⁷⁷ — люди молодые, как исполнители очень хорошие.

К моему приезду сюда все армии были в отступлении. Армии отступали согласно приказа Муравьева повернуть фронт на запад. Резервов на фронте не было никаких, поэтому остановить 1-ю и 3-ю армии не удалось своевременно. 3-я армия была растянута на невероятном фронте: она, имея 16 тыс. штыков, растянулась на 893 версты, по докладу Берзина, бывшего командующего, что составляет по 17 человек на версту. Такой кордон может быть хорош для ловли контрабандистов, для пограничной завесы, но на боевом фронте подобное явление составляет нонсенс. Результат налицо: мы потеряли Екатеринбург¹⁴⁷⁸.

Я принимал зависящие меры для образования резерва путем сокращения фронта, но в процессе отступательных действий это чрезвычайно трудно; нужны были резервы из тыла, но их не было.

Из поступающих донесений выясняется, что Екатеринбург был сдан без боя почти. Что касается противника, его численности и состава, то слухи различные; сколько чехословаков — точно не известно, но, во всяком случае, их немного. Наши неудачи я объясняю себе прежде всего отсутствием дисциплины у нас и общей болезнью массы — трусостью.

Зарегистрированы части, которые геройски дрались и понесли громадные потери — таких очень немного, пока две. Зато большинство совершенно не желает рисковать жизнью и, пользуясь безнаказанностью массы, бежит от опасности, бросая артиллерию и войсковое имущество.

Я обращался к Михаилу Дмитриевичу с просьбой выслать мне генштабов, но они что-то не [прибыли]. Академия тоже запаздывает¹⁴⁷⁹.

За последнее время поступают ко мне запросы относительно стратегического положения Казани. В настоящее время Казани ничто не угрожает¹⁴⁸⁰. В Казань вчера прибыл 5-й Латышский [стрелковый] полк, кроме того, я приказал форсировать формирование Казанской дивизии.

Постепенно фронт крепнет, труднее всего было остановить сплошное отступление согласно приказа Муравьева.

По докладу мне главного начальника снабжений, на системе р. Камы имеется около миллиона пудов хлеба, который можно вывозить в голодающие районы. Посылаю план предстоящей общей операции и схему¹⁴⁸¹.

С искренним уважением,

И. Вацетис

28 июля 1918 г.

Казань

N[ota] b[ene]: Чтобы судить о том характере работы, которую я здесь веду, прошу прочесть прилагаемые мои приказы по фронту. И[оаким] В[ацетис].

Виза члена Реввоенсовета Восточного фронта К.Х. Данишевского:
«Со всем изложенным в письме согласен и я — Данишевский».

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 97—100 об. Автограф черными чернилами.

№ 2.2.2

Телеграмма председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета, руководителя Секретариата и члена ЦК РКП(б) Я.М. Свердлова председателю Революционного военного совета Республики Л.Д. Троцкому о необходимости ликвидации конфликта с главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетисом

№ 18224

2 декабря 1918 г.

Дорогой Лев Давидович!

Мне сообщили, что телеграмма произвела на Вацетиса удручающее впечатление — особенно тем, что телеграмма не была зашифрована и прошла через всех его подчиненных. Вацетис намерен выйти в отставку; говорит, что пусть его арестуют, но он не может оставаться. Говорил он всё это работающим с ним. Опасаются, что он [по]кончит [жизнь] самоубийством. Мы считаем нецелесообразным уход Вацетиса — необходимо его задержать. Вы должны устранить конфликт, что-

бы не осталось и следа от него. В случае же невозможности ликвидировать конфликт в Серпухове, никаких решений не принимайте, а выезжайте в Москву.

К сказанному мною присоединяется и Вл[адимир] Ил[ьич].

С комм[унистическим] прив[етом],

Я. Свердлов

РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99. Автограф — оттиск телеграммы (отпуск).

№ 2.2.3

Доклад инспектора движения Центрального управления военных сообщений при Полевом штабе РВСР К.Ф. Фомина военному ЦУПВОСО А.М. Арнольдovu¹⁴⁸² о постановке работы в управлении¹⁴⁸³

Не позднее 14 декабря 1918 г.¹⁴⁸⁴

Заведующему отделом военных сообщений т. АРНОЛЬДОВУ
Инспектора движения т. КОЛОСОВА

Сжатый доклад т. Фомина

Короткий период нахождения моего в ЦУВС¹⁴⁸⁵ достаточно ясно показывает далеко не благоприятное состояние управления в смысле царящей в нем атмосферы и его работоспособности, [которые] совершенно не удовлетворяют требованиям, предъявляемым управлению текущим моментом.

Объясняется это специфическим подбором служебного персонала, особенно верхних слоев его, и прекрасной внутренней реорганизацией, не дающей возможности проникнуть в управление лицам не их лагеря, что способствует их скрытому саботажу.

К 15 ноября в составе служащих управления числились: партийных коммунистов — 4 человека, сочувствующих им — 1 и 15 заявивших себя сочувствующими, но не состоящих в группах сочувствующих. Других советских партий — 6 человек (на общее число служащих — 190 человек).

Из числа заявивших себя сочувствующими (15 человек), большинство занимают низшие должности.

Не менее неблагоприятным образом сказывается во внутренне организационном отношении и построении технической работы неправильное построение некоторых органов — например, инспекций ПС при ЦУВС.

Не касаясь общего пересмотра военных и иных центральных технических управлений и учреждений в смысле большего подчинения и зависимости технического персонала контролю и наблюдению во-

енных комиссаров, [я] считаю своим долгом обратить самое серьезное внимание на срочную необходимость хотя бы частичного изменения существующих положений ЦУВС, т. к. дальнейшее сохранение условий, при которых вся полнота осведомленности в вопросах перво-степенной государственной важности [находится] исключительно у лиц, которых не следовало бы и близко подпускать к ним, не только опасно, но и не допустимо.

В силу вышеизложенных кратких соображений, для интенсивной и добросовестной работы управления и [во] избежание передачи сведений врагам Советской Республики, нахожу необходимым немедленное осуществление следующих мероприятий:

1. Дабы избежать вредного для работы замешательства, неизменно сопутствующего всякой глубокой ломке действующих учреждений, не нарушая полностью организационной структуры ЦУВС, — все же по возможности приблизить его к более нормальному, соответствующему интересам дела и заключающемуся в точном установлении этого. Непосредственное руководство и общее направление деятельности ЦУВС осуществляется военным комиссаром управления, при котором в качестве ответственного технического распорядителя работами ЦУВС состоят: начальник управления и его помощник.

2. Ныне состоящего начальника управлений, Генерального штаба ЗАГЮ¹⁴⁸⁶, как повинного, совместно с бывшим до него Раттэлем, в создавшемся подборе сотрудников и общем положении дел ЦУВС, а равно и наиболее отстаивающего заведомо ненадежных лиц управления, препятствуя всячески, вместе с тем, прохождению людей партийных, — отстранить от службы с назначением расследования его деятельности в ЦУВС.

3. Произвести постепенную фильтрацию входящих в ЦУВС сотрудников путем удаления ненадежных и подозрительных элементов из управления совершенно или [отстранения] от ответственной и наиболее секретной работы в нем. [Заменить] их — с соблюдением гарантий технической равноценности — людьми партийными или обладающими несомненно надежными рекомендациями.

4. Для искоренения крайней распушенности в исполнении служебных обязанностей и скрытого саботажа старшими должностными лицами — установить действительную трудовую дисциплину для всех работников ЦУВС, независимо от их ранга занимаемых ими должностей.

5. Ввиду того, что Инспекция ПС при ЦУВС фактически изолирована от участия в делах ее от военного комиссара и в силу явно контрреволюционного подбора технического штата, продуктивность работ ее едва ли не отрицательна. [Дабы она] могла приносить значительную пользу по возлагаемым на нее задачам, является необходимым:

а) инспекцию ПС в ее настоящей форме ликвидировать;

б) задачи и права по инспектированию путей сообщения возложить на ЦУВС;

в) для технического осуществления инспектирования установить дополнительно к штатам ЦУВС штат инспекторов-специалистов, находящихся в непосредственном распоряжении военного комиссара управления;

в) при управлениях ВС¹⁴⁸⁷ фронтов инспекции ПС сохранить с передачей их в непосредственное распоряжение военного комиссара управления;

г) при управлениях ВС фронтов инспекции ПС сохранить с передачей их в непосредственное подчинение ЦУВС как высшему инспекционному органу по всем путям сообщения.

Более глубокая и решительная ломка может (хотя бы временно) неблагоприятно отразиться на нормальном течении работ ЦУВС, что абсолютно недопустимо в настоящий момент.

Поэтому еще раз подчеркиваю крайнюю необходимость, не нарушая работы ЦУВС, провести в жизнь предложенные мною меры.

Инспектор движения

С подлинным верно: делопроизводитель *Молчанова*

РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 19. Л. 5 с об.—6. Заверенная машинописная копия с подлинной подписью делопроизводителя.

№ 2.2.4

**Доклад члена Реввоенсовета Республики, военного комиссара
Полевого штаба РВСР С.И. Аралова председателю исполкома
Серпуховского уездного совета о необходимости выделения
двух надежных большевиков от Совета на должности
комиссаров — почт и телеграфа, телефона**

№ 914

22 декабря 1918 г.
Сов[ершенно] секретно

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЕРПУХОВСКОГО
ГУБИСПОЛКОМА¹⁴⁸⁸
ДОКЛАД**

В настоящее время в г. Серпухове, вследствие пребывания в нем Полевого штаба Реввоенсов[ета] Республики, сосредоточен центр военной жизни страны и в связи с этим возникает вопрос о мерах борьбы с неприятельским шпионажем.

Так как для наиболее быстрой передачи сведений агентам противника, без сомнения, приходится прибегать к помощи телеграфа, почты и телефона, то, для успешности выполнения своих планов, они могут войти в контакт с некоторыми из служащих названных учреждений и склонить их на свою сторону.

По сведениям, полученным Полевым штабом, выяснилось, что на почте, телеграфе и телефоне состав служащих и их политические убеждения далеко не соответствуют интересам Советской Республики, некоторые же из служащих могут быть заподозрены в явной контрреволюционности.

На основании вышеизложенного вытекает необходимость назначения от Серпуховского губисполкома двух комиссаров-коммунистов в названные учреждения: одного — на почту и телеграф, другого — на телефон.

На комиссаров должна быть возложена обязанность строгого контроля всей работы почтово-телеграфного учреждения и телефонной станции, а также надзор за служащими.

Комиссары должны постоянно находиться в контакте со мной, комиссаром Полевого штаба, и о[бо] всех подозрительных случаях сообщать немедленно мне.

Считая, что означенные должности могут быть замещены только преданными и отвечающими своему назначению товарищами, прошу Серпуховский губисполком в экстренном порядке сообщить мне свою точку зрения по этому вопросу, а также указать, имеются ли у него подходящие товарищи для замещения вышеуказанных должностей. Если нет, то, со своей стороны, могу рекомендовать таковых.

Так как данный вопрос по военным соображениям не терпит отлагательств, то прошу его выяснить в кратчайший срок, соблюдая полную секретность.

Член Революционного военного совета Республики *Аралов*

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 63—63 об. Отпуск — машинописный текст с автографом.

№ 2.2.5

Приказание С.И. Аралова Серпуховской ЧК о реорганизации чрезвычайной комиссии и об организации регистрации граждан Серпухова и прибывающих в город по железной дороге

№ 915

22 декабря 1918 г.
Сов[ершенно] секретно

В СЕРПУХОВСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Копия — председателю Серпуховского исполкома

В связи с пребыванием Полевого штаба Революционного военного совета Республики в гор. Серпухове, данный город представляет из себя наибольший интерес для неприятельской контрразведки и шпионажа.

Нет никакого сомнения в том, что у агентов противника имеется база в Серпухове и, кроме того, установлена связь с другими городами по жел[езной] дороге, телеграфу и почте.

К сожалению, ввиду из рук вон плохой постановки адресного стола в Серпухове не представляется возможным установить точное местопребывание лиц вновь приехавших, что дает широкую возможность неприятельским агентам свободно заниматься своим преступным делом.

На основании вышеизложенного признаю необходимым:

1) в экстренном порядке наладить правильную и точную регистрацию всех граждан г. Серпухова;

2) приказать коменданту ст[анции] Серпухова озаботиться о[рганизацией] правильной регистрации и проверки документов на ст[анциях] железной дороги;

3) поставить на очередь, в спешном порядке, вопрос о исполнении¹⁴⁸⁹ и реорганизации Серпуховской ЧК.

Все вышеизложенное обсуждать совершенно секретно и о результатах сообщить мне.

Член Революционного военного совета Республики

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 64. Отпуск — машинописный текст.

№ 2.2.6

Записка сотрудника Российского телеграфного агентства «РОСТА», старого большевика А.А. Антонова в ЦК РКП(б) об атмосфере в Полевом штабе Реввоенсовета Республики

Москва, РОСТА

3 января 1919 г.

СЕРПУХОВ

В течение 2—2,5 недель я побывал в Серпухове три раза: первый раз пробыл там два дня, второй — пять дней и последний раз — три дня. Конечно, за столь короткое время я не мог ознакомиться во всех деталях с положением дел, кое-что мог понять ошибочно, но в то же время мое преимущество в том, что я был свежим человеком и поэтому многое, что для сжившихся с местной обстановкой не бросается в глаза, на меня произвело сильное впечатление.

ШТАБ

В Полевом штабе работает 300—400 человек. Из них коммунистов — 21—22.

Тов. Аралов, Данишевский и Прейсман — занимающие наиболее ответственные посты — по-видимому, относятся к работе военных

специалистов приблизительно так же, как т. Троцкий. Другие товарищи, входящие во фракцию коммунистов Полевого штаба (насколько я вынес из разговоров с ними) относятся к штабным специалистам с большим опасением и называют серпуховский Полевой штаб «белогвардейским гнездом».

Я лично имел с генштабистами мало дела и потому не взял бы на себя смелость высказать определенное суждение. Но атмосфера в штабе довольно удручающая. Прежде всего заедает канцелярищина. Самое пустяковое требование одного отдела к другому пишется на бумаге, заносится в исходящий журнал и в рассылную книгу, затем при рассылной книге посылается по адресу (в соседнюю комнату или через несколько комнат) и сдается под расписку. Каждые две недели составляются полные списки сотрудников с указанием должностей и пр. для получения обедов, а если нужно распределить папиросы или еще какие-нибудь продукты (такие задачи бывают, по видимому, раз 5—6 в месяц), то каждый раз составляются новые списки. Это, конечно, мелочь, но характерная. Неужели нельзя составить один постоянный список и все выдавать по этому списку, внося в него периодически по устному заявлению заведывающих отделами («вычеркните из списка Иванова, он не служит с такого-то числа», «внесите в список Петрова, он поступил на службу с такого-то числа») соответствующие изменения?

В Полевом штабе получают только две газеты — «Известия ВЦИК» и «Известия Наркомвоен». Я обратился к начальнику канцелярии военному специалисту Харитонову¹⁴⁹⁰ с просьбой выписать для организуемого Военного бюро печати «Правду», «Бедноту» и «Коммунар». На следующий день я получил письменный ответ, что Полевой штаб может выписывать только правительственные издания, а *частные* газеты желающие могут покупать на собственный счет. Я пошел к Харитонову и попытался ему объяснить, что «Правда» не издается каким-либо частным предпринимателем, а является центральным органом руководящей политической партии, на что получил следующий ответ: «А для меня „Правда“ — совершенно частное издание, и тратит народные деньги на покупку каких-либо частных изданий Полевой штаб не имеет права».

Мое впечатление, что генштабисты — по крайней мере, большинство из них — усиленно стараются подчеркнуть, что они служат правительству и отнюдь не желают знать ни о каких большевиках и даже ни о каких классах. Для генштабистов советское правительство не рабоче-крестьянское, а просто правительство, т. е. власть предерживающая, которой, как известно, всякая душа да повинуется.

Эта черта характерна не только для Полевого штаба, а, настолько я заметил, вообще для массы сотрудников советских учреждений. Скажите какому-нибудь «советскому» интеллигенту, что он работает с большевиками — многие обидятся: «ничего подобного, мы на пра-

вительственной службе и с большевиками ничего общего не имеем». В этом не только «словесность» заключается, а самое существо дела, ибо правительство и правительственный аппарат являются при таком понимании себе довлеющими¹⁴⁹¹. Не служебными органами пролетариата, проводящими пролетарскую политику, а какими-то внеклассовыми или надклассовыми учреждениями. И действительно — тот советский бюрократизм, о котором так много говорится, вполне гармонирует с подобной психологией.

Но Полевой штаб, как и Красная армия вообще, является *боевым органом*, а потому стремление придать ему внеклассовый характер особенно недопустимо.

Как известно, при каждом отделе имеется комиссар, и каждый приказ, каждая телеграмма, каждая деловая бумага должна быть скреплена подписью этого комиссара. Но, принимая во внимание количество дел и весьма ограниченное число коммунистов в Полевом штабе, невольно является опасение, что комиссары чересчур переобременены технической работой подписывания и едва ли у них остается время, чтобы следить за внутренней жизнью штаба. Я не военный и ничего в этом деле не понимаю. Поэтому, может быть, мои соображения наивны и нелепы. Но мне представляется так: предположим, что в оперативном отделе работает 20—40 человек; теперь все они военные специалисты; но почему бы не посадить в этот отдел нескольких коммунистов (помимо комиссара), которые, работая под руководством военного специалиста, с одной стороны, учились бы делу и впоследствии сами стали специалистами, а с другой стороны, более входили бы во внутреннюю жизнь отдела, были бы в курсе подготовки и разработки тех проектов, заданий и т. д., которые потом уже в готовом виде поступают к комиссару.

Есть, как известно, декрет о родственниках. Я не сторонник этого декрета, когда он чисто формально применяется к коммунистам. Партийных работников у нас и без того мало, и если у настоящего партийного работника есть дельный родственник — тоже коммунист — то почему бы [им] не работать вместе. Но этот декрет очень хорош в отношении к советским бююкратам, которые часто и сами пошли на службу только для того, чтобы «пристроиться», и стараются «пристроить» своих родственников. В Полевом штабе, как мне показалось, декрет о родственниках зачастую обходится. Но, если мы миримся по нужде с военным специалистом, то нам совсем уже невыгодно создавать вокруг него дружественную и преданную *ему* атмосферу. Между тем такая атмосфера создается, когда вслед за военным специалистом тянутся его жена, сестры, братья, дочери, сыновья и пр.

Теперь о привилегиях генштабистов. Все сотрудники Полевого штаба получают красноармейский паек; мало того — таким же пайком пользуются их семьи. Единственное ограничение — каждый сотрудник не может получать на себя и семью более 4-х пайков. На

каждый паек выдается в месяц: 30 фунтов хлеба или 22 фунта муки, 15 банок мясных консервов, 7 фунтов разной крупы, около 4-х фунтов сахару, около 2-х с половиной фун[тов] жиров (сливочного масла и сала), 2,5 соли, около $\frac{1}{2}$ фун[та] сухих овощей и $\frac{1}{8}$ фунта] чаю. Таким образом, семья, пользующаяся 4-мя пайками, получит в месяц 3 пуда хлеба, фунтов 15 сахар[а], 10 фунтов] масла и сала, 28 фунтов] круп и т. д. Сверх того, бывают отдельные выдачи, напр[имер], керосина из расчета чуть ли не по 10—12 фунтов и т. п.

Серпухов — городишко маленький, о том, как живут сотрудники Полевого штаба, знают все. А неравномерность пайков сотрудников Полевого штаба с пайками серпуховских рабочих действительно велика.

Генштабисты занимают лучшие квартиры. Я в этих квартирах не был и не знаю, справедливы ли разговоры рабочих, что некоторые «высшие чины» занимают чуть ли не по 2 комнаты на человека, а то и больше, а рабочие, дескать, теснятся по 4 человека в одной комнате. Может быть, все это сплетни, но несомненно, что повод к этому дают сами специалисты, имеющие тенденцию рассматривать себя наподобие привилегированного офицерского сословия. Даже т. н. «штабной вагон», курсирующий между Москвой и Серпуховом (действительно необходимый, т. к. сообщение штаба с Москвой [без него] было бы весьма затруднено) вызывает раздражение в массах, ибо в обычных вагонах едут чуть ли не на головах друг у друга, стоят на площадках, висят на лестницах, а в это время в штабном вагоне сравнительно просторно.

РАБОЧИЕ

В Серпухове и окрестностях несколько фабрик, на которых работают, как мне говорили, не менее 40 тыс. рабочих. Настроение рабочих враждебное к Советской власти.

Недели две тому назад партийные работники попытались устроить ряд митингов, на которых выступали коммунисты из штаба. На некоторых митингах их определенно освистали.

Насколько я выяснил из разговоров с рабочими, источников враждебного отношения к Советской власти два: продовольственные затруднения и Полевой штаб.

Говорят, что при переезде Полевого штаба в Серпухов довольно неумело и грубо производились всякие уплотнения и реквизиции, раздражавшие население. Отнимались кровати и перины у рабочих для штабистов. Хотя такие случаи были единичны, но (как вообще бывает в провинции) [они] сейчас же стали известны всему городу и вызвали негодование. Теперь это ликвидировано, реквизиции запрещены, но осадок остался. Как я уже говорил, сейчас рабочих возмущают привилегии генштабистов. От рабочих я слышал такие заявления: «Мы понимаем, когда дают усиленный паек красноармейцам, умирающим на фронте. Но сотрудники Полевого штаба живут в глубоком тылу, на

фронте не сражаются, а являются простыми чиновниками. За что им выдают усиленный паек и особенно — за что получают такой паек жены и дети специалистов?» Некоторые рабочие прибавляют по адресу генштабистов, что все это белогвардейские офицеры, которые впоследствии будут расстреливать рабочих, а теперь их откармливают.

Вообще отношение к генштабистам у рабочих недоверчивое и враждебное. Даже партийные работники проникнуты этим чувством.

Настроение крестьянства окрестных деревень также враждебное к Советской власти. Особенно возмущает крестьян чрезвычайный [революционный] налог. Я не знаю, как этот налог проводится и распределяется, и не сомневаюсь, что, главным образом, этим налогом возмущены кулаки, но допускаю возможность, что были случаи не совсем правильного взимания налога¹⁴⁹². По крайней мере, двое крестьян, с которыми мне пришлось встретиться на станции, говорили мне, будто бы в их деревне налог требуют со всех — и с богатых, и с бедняков.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА

Ни среди рабочих, ни среди красноармейцев, которых довольно много в Серпухове, до последнего времени никакой партийной работы не велось. Есть коммунистические ячейки, но численно совершенно ничтожные, причем коммунисты, входящие в эти ячейки, только сочувствуют коммунизму, но никакой теоретической подготовки не имеют, сами вести работу не могут, а нуждаются, чтобы среди них велась работа¹⁴⁹³.

Литературы в Серпухове и окрестностях никакой нет. Не говоря уже о брошюрах — даже газеты не получают. В городе и на вокзале с большим трудом и в ограниченном количестве можно найти «Известия», изредка «Правду». Но наиболее доступные для массы — [газеты] «Беднота» и «Коммунар» — отсутствуют. Хотя Серпухов в 93 верстах от Москвы, однако даже «Известия» иногда приходят туда на другой день.

На Серпуховском вокзале с утра до ночи толпится народ. Однако никакого киоска с популярными брошюрами и газетами там нет.

Следует обратить особое внимание на доставку литературы, а также на распространение «Бедноты» и «Коммунара» среди красноармейских частей. Окруженные населением, враждебно относящимся к Советской власти, лишенные газет и всякой литературы при полном отсутствии агитации, красноармейцы могут поддаться антисоветскому настроению. Хотя у меня и нет определенных сведений, но я не сомневаюсь, что белогвардейские организации должны были обратить внимание на Серпухов, как на весьма важный пункт, и, вероятно, ведут там подпольную работу.

Затем, я не берусь утверждать, что Полевой штаб действительно «белогвардейское гнездо», однако думаю, что следовало бы позабо-

тяться создать в Серпухове и окрестностях такое настроение, чтобы любая белогвардейская попытка не нашла себе отклика ни в ком и повисла бы в воздухе.

Партийный комитет в Серпухове, на заседании которого я был два раза, производит хорошее впечатление. Он состоит сплошь из рабочих, которые в то же время являются: председателем местного совдепа, председателем совнархоза, комиссаром народного образования, военным комиссаром, комиссаром социального обеспечения, председателем ЧК и т. д. Таким образом, партийный комитет — это в то же время местная власть, все вопросы местного управления рассматриваются предварительно партийным комитетом, а потом проводятся в жизнь его членами.

Однако, благодаря этому, члены комитета слишком переобременены текущей государственной работой, чтобы уделять время чисто партийной работе. Кроме того, по-видимому, большинство членов комитета не считают себя вполне подготовленными, чтобы вести пропагандистскую работу. При комитете нет даже библиотеки.

Интеллигентные партийные работники в Серпухове имеются только во фракции Полевого штаба (без предварительной подготовки могут вести пропагандистскую работу и агитационную — человек 6—7) и во фракции коммунистов союза учителей-интернационалистов (эта фракция насчитывает двух партийных и около десятка сочувствующих, но насколько они подготовлены к пропагандистской и организационной работе — не знаю).

До последнего времени фракция коммунистов Полевого штаба, как и городской комитет [РКП], никакой партийной работы не вела. Недели две тому назад фракция постановила начать партийную работу, по пока эта работа выразилась лишь в выступлении на митингах (таких митингов было три или четыре — по одному в каждом месте). Вообще коммунисты из штаба слишком ушли в техническую работу. Сверх того, мне кажется, что сказывается утомление напряженной работой предыдущих лет или месяцев, и потому замечается падение интереса к партийной работе. Если это не у всех, то, по моему впечатлению, у большинства. Нужно принять еще во внимание, что как раз интеллигентные силы фракции коммунистов штаба очень часто находятся в командировке по специальным поручениям, что также мешает отдаться регулярной партийной работе.

Союз учителей-интернационалистов организовался в Серпухове сравнительно недавно. 29 декабря союз устроил первое публичное выступление, концерт-митинг, который прошел удачно. В фойе продавалась литература (хотя очень скудная) и раздавались листки о задачах новой школы. Концертные номера были исполнены местными силами — учащимися и учителями. Репертуар подобран удачно. Особенно хорошее впечатление произвел хор школьников, исполнивший «Интернационал», «Дубинушку», «Смело, товарищи, в ногу» и

т. п. Учителя-интернационалисты работают с энтузиазмом, привлекают в союз школьников старшего возраста, в большинстве сочувствуют коммунистам и желают войти в партию.

С неделю тому назад на Серпухов обратил, наконец, внимание окружной комитет РКП и прислал агитатора т. Антонова. Узнав из афиш о предстоящем 29 декабря выступлении члена окружного комитета РКП на концерте-митинге учителей-интернационалистов, из одной деревни (верст 30 от города) в Серпухов пришли делегаты — старик и старуха. Они кланялись чуть ли не в ноги и просили приехать — «просветите». Главное, просили разъяснить декрет об отделении церкви от государства. Мне передавали, что такие делегаты приходят иногда и в городской комитет, просят прислать оратора, чтобы он рассказал, кто такие большевики и чего они хотят и т. п. Однако до последнего времени городской комитет из-за отсутствия партийных организаторов вынужден был отказывать.

Отсюда очевидно, что если как следует поставить партийную работу, то враждебное отношение населения к Советской власти нетрудно сломить.

30 декабря в Серпухове состоялось совещание, в котором участвовали: городской комитет почти в полном составе, представители фракции коммунистов штаба, два коммуниста из союза учителей-интернационалистов и от окружного комитета [РКП] т. Антонов. Принято решение серьезно взяться за партийную работу. Решили обязать работать (хотя бы по два часа в неделю) коммунистов штаба и учителей-интернационалистов. Обещал еженедельно приезжать т. Антон¹⁴⁹⁴.

Однако, несомненно, нужно хотя бы одному-двум партийным работникам отдаться делу всецело, направлять и руководить работой. Только тогда явится возможным использовать силы [и] штаба, и учителей, и членов комитета, постоянно всех подталкивать и тащить, ибо без этого по-прежнему каждый зароеется в техническую работу.

Решили далее издавать местную газетку. Однако я выяснил, что технические средства для этого недостаточны. Придется, мне кажется, ограничиться листовками или изданием листка телеграмм с тем, что кроме телеграмм там будет помещаться ежедневно одна статейка строк в 40—50.

НАСТРОЕНИЕ ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА

На одном из заседаний городского комитета был заслушан доклад товарища, делегированного в окружной комитет. Делегат был не из удачных: по-видимому, сам не разобрался в обсуждавшихся в окружном комитете вопросах, и доклад его был довольно сбивчивый, но во время прений по докладу (настолько я уяснил) наметилось приблизительно такое отношение к рассматриваемому вопросу о взаимоотношениях между местными советами и центральной властью.

Большинство членов городского комитета говорило о бюрократизме центрального аппарата. Говорилось, что во многих учреждениях нет ни одного коммуниста, а между тем эти учреждения издают декреты и распоряжения. Говорилось, что следует безусловно исполнять только декреты и распоряжения, подписанные тт. Лениным и Свердловым, а к распоряжениям без этих подписей нужно относиться скептически и исполнять их, поскольку они не противоречат Программе и тактике РКП. Делегат, представивший сбивчивый доклад, утверждал, что таково настроение и всего окружного комитета.

Говорилось, что центральные учреждения захватываются соглашательской интеллигенцией и отрываются от рабочих масс. Было высказано недовольство, что коммунистам Красной армии дают техническую работу и лишают возможности вести партийную.

Я жалею, что городские комитеты не ведут подробных протоколов своих заседаний и что эти протоколы не посылаются в центр. Впрочем, едва ли возможно было бы осуществить это: где там вести протоколы, когда для текущей партийной работы нет людей. А между тем на том хотя бы заседании, о котором я говорю, было приведено много интересных фактов, на которые нельзя не обратить внимания.

ВЫВОДЫ

Общее впечатление таково:

в Серпухове, в двух шагах от Москвы, в пункте весьма важном ввиду пребывания [в нем Полевого] штаба, партийная работа до сих пор абсолютно отсутствует. Начавшиеся сейчас попытки наладить эту работу неизвестно во что выльются. Толчком к этим попыткам явился приезд члена окружного комитета т. Антона. Городской комитет и фракция Полевого штаба, по-видимому, сильно рассчитывают использовать мой приезд, но этот приезд чисто случайный, т. к. я был вызван в Полевую штаб, чтобы наладить Военное бюро печати. Пока что с бюро печати дела обстоят канителью, ибо не утверждено еще положение о нем и т. п. Кроме того, я далеко не убежден, что из Военного бюро печати удастся сделать что-нибудь живое, а устраивать еще одно никчемное ведомственное бюро (никому не нужное, кроме тех, кто в нем работает и получает оклады, — у меня охоты нет. Таким образом, насколько долговременным будет мое пребывание в Серпухове — я не знаю.

Мне казалось, что надо, наконец, принять решительные меры против отсутствия партийных работников на местах. Можно было бы установить «партийную повинность», т. е. обязать каждого партийного коммуниста хотя бы на один месяц в год уезжать *в провинцию для несения партийной работы*. Во время отбывания такой партийной повинности коммунист должен получать содержание от того предприятия, в котором он работает; ни одно предприятие или учреждение не может отказать коммунисту в месячном отпуске для партийной работы в провинции ни под каким предлогом.

Если существует воинская повинность на подобных основаниях, то почему не ввести повинность, которая имеет не меньшее значение, ибо партийная работа, агитация и пропаганда в провинции слугит тому же самому делу — укреплению Советского слоя.

Необходимо далее обратить самое серьезное внимание на распространение газет и литературы. Если в Серпухове совершенно нет литературы, то что сказать относительно более отдаленных и глухих местностей? Литературу мало привезти — ее нужно распространить. Товарищи, приезжавшие с фронта, рассказывали, что нередко случаи, когда доставляется куда-нибудь вагон литературы, тюки с брошюрами вываливаются в какой-нибудь склад или на платформу и гниют там или рвутся мальчишками на сигарки.

Одной агитационной работы в массах мало, а нужно вести организационную работу и пропаганду в кружках, чтобы подготовить новые кадры партийных работников. Агитаторские курсы в Москве дают очень мало. Прослушав серию лекций, товарищи скоро [почти всё] забывают и в лучшем случае получают лишь общее развитие. Нужно, как в прежние годы, разбирать подробно темы в кружках, заставлять писать рефераты, устраивать дискуссии. Кроме того, в Москву на агитаторские курсы многие товарищи не могут приехать, а на месте, не отрываясь от текущей работы, они могли бы заниматься в кружках.

Впрочем, все это, конечно, не Америка и все известно — и не делается только по недостатку людей. Против последнего, мне кажется, ничем нельзя бороться, кроме установления партийной повинности.

А. АНТОНОВ

Адрес: 1) Серпухов, Полевой штаб, Военное бюро печати.
2) Москва, РОСТА.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 178—186. Машинописный текст.

№ 2.2.7

**Доклад сотрудника Российского телеграфного агентства
«РОСТА», старого большевика А.А. Антонова председателю
Совета рабочей и крестьянской обороны В.И. Ленину
«О военных специалистах и политических работниках
в Полевом штабе»¹⁴⁹⁵**

12 января 1919 г.

*В Совет Оборонь т. В.И. Ленину*¹⁴⁹⁶

Я уже писал о впечатлениях, вынесенных мною из пребывания в Полевом штабе в Серпухове. Еще неделя работы там же еще более убедила меня в правильности моих наблюдений.

Я хочу остановиться на одном вопросе — о взаимоотношениях военных специалистов и политических работников, вернее, на части этого вопроса, по-моему, наиболее неотложной, требующей немедленного разрешения.

Заранее оговариваюсь, что у меня нет и тени сомнения в необходимости использования специалистов, и особенно в деле строительства регулярной армии, но я не могу не возражать против тех форм, в какие вылилась в данный момент совместная работа специалистов и политических работников.

Всего в Полевом штабе работает свыше тысячи человек (цифра эта сообщена мне комиссарами в Полевом штабе — тт. Прейсманом и Васильевым*; указанная мною в первом докладе¹⁴⁹⁷ цифра, в два раза меньшая, была взята на глаз).

Я не знаю, действительно ли необходимо такое огромное количество людей (я слышал, что при царизме было гораздо меньше): не этот вопрос в данный момент меня занимает. Характерно то, что из тысячи человек действительных военных специалистов, т. е. людей, занимающих должности, требующие особой военной подготовки, знаний и опыта, приблизительно можно насчитать 40—50 человек (эта цифра также получена мною от комиссара всех инспекторских отделов т. Прейсмана и комиссара оперативного и морского отделов т. Васильева). Остальные, т. е. подавляющая масса сотрудников Полевого штаба, занимают должности письмоводителей, делопроизводителей, секретарей, машинистов и прочих канцеляристов¹⁴⁹⁸.

Казалось бы, по здравой логике, только должности, требующие специальных военных познаний, и должны быть замещены военными специалистами, а остальные должности — обычной демократической обывательской публикой. Но на самом деле, почему-то, почти все должности замещаются бывшими офицерами или родственниками военных специалистов.

Спрашивается, какая же в этом разница?

А разница та, что просто обыватель, если даже он «саботажник», т. е. попросту не проявляет интереса к делу, работает нерадиво — все же по натуре своей не склонен к конспирации и заговорам, труслив и не имеет выдержки. Военная каста, напротив, дисциплинирована, имеет выдержку, умеет конспирировать.

Сейчас весь Полевой штаб, за исключением численно совершенно ничтожной (чел[овек в] 20—25) кучки коммунистов, представляет собой единый организм, и этот организм находится всецело в руках специалистов.

* **Васильев Алексей Васильевич** — военный моряк, военком разведывательного отделения Полевого штаба РВСР (с января 1918); член РВС Волжской военной флотилии (с февраля 1919) (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 601).

Право приема и увольнения¹⁴⁹⁹ всех сотрудников штаба фактически принадлежит начальнику Полевого штаба. Он имеет возможность заполнить все должности своими ставленниками и ставленниками своих друзей. Создается, таким образом, самая благополучная почва для всяческих авантюр.

Я считал бы несравненно более целесообразным и безусловно необходимым в политическом отношении разделить все должности в Полевом штабе на специальные и неспециальные (канцелярские). Право назначения на первые должно быть сохранено за начальником штаба; право назначения на вторые (равно, как и право увольнения) должно принадлежать комиссару Полевого штаба. Тогда уже не будет единой массы, связанной общим кастовым духом, приятельством и кумовством и, главное, общностью политических традиций и настроений массы, которая может явиться послушным орудием любой авантюры.

В самом деле, почему регистратор или письмоводителем должен быть капитан или делопроизводителем полковник? Если они хотят служить Советской России, пусть идут на фронт, а не прячутся на канцелярские должности в тылу.

Вместе с тем, при такой реформе политические комиссары в штабе будут играть хоть какую-нибудь контролируемую роль. Сейчас этого нет. Сейчас комиссары в Полевом штабе — пленники специалистов. Согласно одной из последних телеграмм т. Троцкого комиссару штаба, комиссар штаба обязан давать свою подпись под все оперативные распоряжения военных специалистов, даже не рассуждая (этот факт может быть подтвержден комиссаром т. Прейсманом). Значит, в области оперативной комиссар — просто штетпелевальная машинка.

Но вот другая область — политическая.

В Полевом штабе служит некая аристократка по происхождению, кажется, родственница бывш[его] графа Витте — Троицкая. Она в большой дружбе с генштабистами, в то же время льнет к комиссарам, стараясь подействовать на них как женщина; в последнем качестве она чрезмерно доступна, вообще производит впечатление опустившейся, пьет и своих гостей угощает спиртом. Однако во время своих любовных походов она проявляет большой интерес к политике и давно уже на сильнейшем подозрении и у политических работников, и контрразведки.

И несмотря на это, комиссары бессильны уволить ее. Самое большее, что они могут сделать, — это заявить начальнику штаба. Но начальник штаба может найти причины неуважительными, а если настаивать на увольнении — неизбежны обиды и трения, комиссарам же дана инструкция — избегать всяких трений, не раздражать военных специалистов и т. д.

Подруга Троицкой, тоже штабная сотрудница — Голубович — во время любовного свидания с одним комиссаром просила у него шифр. Улика несомненная. Комиссар сейчас же сообщил об этом

фракции коммунистов штаба. Но и Голубович оказалось невозможным убраться из штаба.

Даже откидывая все факты и подозрения, чисто теоретически нельзя не предполагать, что неприятельский шпионаж должен был обратить самое серьезное внимание на Ставку. Несомненно, среди сотрудников штаба должны быть шпионы. Но могут ли с этим бороться комиссары, когда они главную заботу должны направлять не на очистку штаба от подозрительных лиц, а на то, чтобы не осложнять отношений с генштабистами?

В штабе изо дня в день ведется т. н. «Дневник»¹⁵⁰⁰ штаба. В него заносятся все важнейшие оперативные распоряжения за каждый день: начать наступление в таком-то направлении, туда-то послать такие-то подкрепления, оттуда-то снять такие-то части и т. д. Этот «Дневник штаба» ведет некий полковник Моденов¹⁵⁰¹, человек, *по характеристике всех комиссаров*¹⁵⁰², до последней степени ненадежный; тут же в его отделении служит его жена, которая дружит с Троицкой и Голубович...

Пользуясь родственными отношениями и попустительством, сотрудники разгуливают из отделения в отделение, благодаря чему все, что делается в каком-либо из уголков штаба, известно всем. Если телеграмма посылается зашифрованной, то шифр гарантирует только одно: что ее не прочтут телефонисты. Но такие сотрудники штаба, как Троицкая, Голубович, Моденовы и т. п., имеют возможность ознакомиться с ней. Троицкую, служащую в одном из инспекторских отделов, не раз заставляли в оперативном отделении, где она рассматривала секретные карты и телеграммы.

Может быть, выводы, которые сами собой напрашиваются, будут слишком поспешны и недостаточно обоснованы, но работать в подобных условиях, хотя бы при тени подозрения и в то же время при сознании полного бессилия бороться с этими ненормальными явлениями, крайне тяжело.

Допустим на минуту, что генштабисты решат изменить. Истребить без шума кучку коммунистов им ничего не стоит — их тысячи, а коммунистов 20 с небольшим человек. Среди самих генштабистов предательства не будет: ведь весь штаб — однородная масса, каста, люди, подобранные масть к масти. И вот штаб, истребив коммунистов, будет продолжать работать. По телеграфу и радио будут отдаваться приказы, которые войска должны исполнять не рассуждая. Нужна подпись комиссара? Но разве трудно поставить под телеграфным приказом любую подпись. При этом предположении штаб, захваченный белогвардейцами, успеет открыть врагу все фронты и нанести непоправимые удары Советской республике прежде, чем измена обнаружится.

Пусть это предположение имеет ничтожную долю процента вероятности, но даже ради этой ничтожной доли вероятности следует серьезно задуматься над положением.

При составе сотрудников штаба менее однородном, не сплошь кастовом, возможность измены значительно уменьшается. Кучке в 50 человек специалистов не на кого будет опереться, т. к. трусливая обывательская масса не пойдет на авантюру.

С другой стороны, если комиссарам будет дано право приема и увольнения неспециалистов (канцеляристов), они получают возможность: 1) немедленно уволить всех подозрительных лиц и 2) вести в штаб секретно от специалистов и вообще от посторонней публики несколько преданных партийных работников, чтобы установить действительное наблюдение над специалистами и подозрительными лицами.

Специалисты нужны, об этом никто не спорит. Правда и то, что нужно создать обстановку, при которой специалисты могли бы работать, т. е. не отрывать их от военного дела пустяками, постоянными придирками и т. д.

Но мой проект, внося ясность в отношения между специалистами и политическими комиссарами, точно разграничивая их права (в данном случае в одной узкой области — приема и увольнения служащих штаба), не увеличит трений, а, наоборот, уменьшит поводы к ним.

С другой стороны, кажется, никто не возражает, что наблюдение за военными специалистами со стороны комиссаров необходимо. Но если так, то нельзя оставить за комиссарами только роль манекенов; нужно создать такие условия, при которых комиссары получают право и реальную возможность осуществлять контроль и наблюдение.

В противном случае, правильная и полезная идея использования специалистов превратится в свою противоположность: неспециалисты будут в наших руках, а мы окажемся игрушкой в руках специалистов.

12 января 1919 г.

*Адрес: Серпухов, Полевой штаб
Москва, Роста*

А. Антонов

Резолюция В.И. Ленина: «Гусеву, а потом в ВЧК к следствию над Ставкой».

Помета С.И. Гусева об ознакомлении: «Читал. С. Гусев. 2/VII»;

Помета К.Х. Данишевского: «В[есьма] секретное».

Резолюция К.Х. Данишевского: «Снять копию с резолюцией т. Ленина, отослать [ее] т. Павлуновскому».

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 1—5. Подлинник — машинописный текст с автографом красными чернилами. Резолюция В.И. Ленина — автограф простым карандашом. Помета С.И. Гусева — автограф химическим карандашом. Пометы К.Х. Данишевского — автограф синими чернилами.

№ 2.2.8

**Приказ № 97 руководства Полевого штаба РВСР по штабу
об упорядочении переписки**

г. Серпухов

12 января 1919 г.

Приказ по Полевому штабу Революционного военного
совета Республики¹⁵⁰³

§ 1. За последнее время, несмотря на мой приказ за № 78, были случаи невнимательного выполнения текущей [штаб]ной переписки: а) несколько телеграмм не были исполнены своевременно, а одно срочное распоряжение не было даже передано по своему назначению, причем бумага прямо без исполнения была приштаблена к делу; б) несколько раз телеграммы не были посланы для исполнения именно по тем адреса[там], кого они касались, в результате произошла длительная задержка, потребовавшая исправления непосредственным разговором по прямому проводу.

Все это указывает на то, что не во всех отделениях [назначены] ответственные лица, которые следили бы за исполнением возложенных на них работ, за адресами и за тем, чтобы данное распоряжение действительно получило практическое осуществление. Мало послать бумагу, а надо протолкнуть вопрос в жизнь — [дело] лишь только тогда может считаться законченным.

Прошу всех начальников управлений и отделений помнить, что за верность справок, адресов и за все сообщаемые сведения отвечают начальники отделений, за срочное выполнение бумаг — все инстанции до начальников управлений.

В будущем при неустойках подобного рода я виновных буду привлекать к законной ответственности до отрешения от должности включительно.

§ 2. Для ускорения прохождения переписки и быстрой передачи для исполнения в отделениях необходимо упростить порядок передачи бумаг и телеграмм в журнальной части.

Для чего должно быть обращено внимание на быструю запись по общему журналу, а затем все бумаги должны немедленно передаваться в мою канцелярию, а оттуда по отметкам — в отделения.

Во всех управлениях вся почта немедленно должна сортироваться особо назначенным лицом и все срочные дела немедленно передаваться к исполнению по отделениям. Телеграммы и срочные бумаги должны исполняться немедленно в тот же день. Остальные бумаги — не позже следующего дня. Все спорные вопросы и справки, при возможности, [надлежит] разрешать по телефону или по аппарату.

§ 3. Некоторые группы лиц Полевого штаба и управлений без моего разрешения выдают удостоверения от имени управлений для всякого рода закупок по Москве и вне района Москвы.

Ввиду того что на этой почве возникают разного рода недоразумения и неудовольствия, предлагаю всем начальникам управлений такие покупки проводить через начальника общего отделения Административно-учетного управления Макарова.

Начальник Полевого штаба *Ф. Костяев*
Военный комиссар, член Реввоенсовета Республики *Аралов*

Помета Ф.В. Костяева: «Всем ответственным работникам. 12/1. К».

РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 18—18 об. Подлинник — машинописный текст с автографами простым карандашом. Помета Ф.В. Костяева — автограф простым карандашом.

№ 2.2.9

Приказ № 99 руководства Полевого штаба РВСР по штабу об ответственности за разглашение военной тайны

г. Серпухов

16 января 1919 г.

Приказ по Полевому штабу Революционного военного
совета Республики¹⁵⁰⁴

§ 1. Мною замечено, что в штабе мало обращается внимания на сохранение военной тайны, вследствие чего некоторые сведения, иногда секретного характера, становятся общим достоянием.

Приказываю во всех отделениях обратить внимание на хранение секретных бумаг, для чего в кратчайший срок должны быть заведены <секретные> шкафы и секретные ящики.

Комнаты, занимаемые Оперативным управлением, [должны] запираться американскими ключами и опечатываться.

В отделения, особенно Оперативного управления, а также в кабинеты: главкома, начальника штаба, для особых поручений при начальнике штаба — воспрещается без доклада входить неответственным лицам штаба, а также и непринадлежащим к штабу, последним также воспрещается вход без доклада и в Секретарскую начальника штаба.

За соблюдение военной тайны отвечают все служащие до начальников отделений включительно.

В каждом отделении должно быть назначено ответственное лицо по хранению секретных документов.

Порядок общего хранения секретных бумаг, на основании вышеизложенного, немедленно установить во всех управлениях под личной ответственностью начальников последних.

§ 2. Телефоны внутренней связи штаба часто занимают для длительных частных разговоров и бесед, что не только обременяет службу телефона, но и мешает служебным разговорам по телефону.

Начальнику Службы связи следить, чтобы внутренняя связь не занималась для частных разговоров в ущерб служебным.

Разговор по прямому Кремлевскому телефонному проводу без моего разрешения запрещается.

Начальник Полевого штаба
Революционного военного совета Республики *Ф. Костяев*
/ Военный комиссар Штаба РВС Республики [подпись]

Помета В.В. Даллера: «*Канцелярия*. Спешно отпечатать. 3—4 железных секретных ящика купить. Даллер. 17/1».

РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 22—22 об. Подлинник — машинописный текст с автографами простым карандашом и фиолетовыми чернилами.

№ 2.2.10

**Выписка из доклада инструктора Прокопович
о взаимоотношениях исполкома Серпуховского уездного совета
и Полевого штаба Реввоенсовета Республики, направленная
Моссоветом председателю СНК РСФСР В.И. Ленину**

*16 января 1919 г.
В[есьма] срочно*

**В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.
ТОВ. ЛЕНИНУ**

**ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДА ИНСТРУКТОРА
ПРОКОПОВИЧ — О ВЗАИМООТНОШЕНИИ
СЕРПУХ[ОВСКОГО] ИСП[ОЛНИТЕЛЬНОГО]
К[ОМИТЕ]ТА И РЕВВОЕНСОВЕТА¹⁵⁰⁵**

2. Отношения с Военным штабом, поскольку это удалось выяснить, с самого его переселения в Серпухов были очень натянуты. В штаб часто требовали лошадей, требовали папирос, требовали помещения. Та же политика, по словам членов исполкома, ведется и сейчас, и все это в форме чуть [ли] не приказаний. Малейшее неисполнение рассматривается как нежелание помогать штабу и его работе и объясняется заместителем АРАЛОВА — ПРЕЙСМАНОМ — контрреволюционностью Серпуховского совета. Около Военного штаба постепенно пристраивается местная буржуазия. Членами исполкома переданы, между прочим, такие факты. Бывший дом фабриканта МАРАЕВА отведен для ВАЦЕТИСА и ДАНИШЕВСКОГО, но они живут в одной половине, другую занимает фабрикант МАРАЕВ. На требование местной жилищной комиссии о выселении МАРАЕВА было отвечено, что весь дом находится в ведении глав-

нокомандующего — при объявлении мобилизации оказался освобожденным целый ряд буржуа, успевших устроиться при штабе. Так, некто ТУРИЦИН был объявлен закупающим для Военного штаба какую-то бумагу и потому освобожден. Некоторые штабные обвиняются в некрасивых делах. Так, о РЕМЕРЕ, политическом комиссаре Высшего военно-революционного совета Республики¹⁵⁰⁶, разбирается Военным трибуналом следующее дело: милицией был задержан местный рабочий с 5 тысячами папирос. Рабочий заявил, что папиросы ему даны женой РЕМЕРА. Начальником милиции у РЕМЕРА были найдены 20 000 тысяч¹⁵⁰⁷ папирос, причем, по объявлению РЕМЕРА, они были выданы ему из штаба для раздачи по личному усмотрению (РЕМЕРОМ дана была в этом смысле расписка). Рабочему он дал папирос, пользуясь правом. Теперь это дело, по требованию Военного трибунала, передано туда. Все мелкие недоразумения вылились в крупный конфликт по вопросу о месте оборудования госпиталя. Поскольку удалось выяснить, дело заключается в следующем: Военным штабом для гор. Серпухова был выхлопотан госпиталь со всем штатом. Дело стало из-за отсутствия подходящего помещения. Была создана специальная комиссия из представителей штаба и исполкома, которой и поручено было подыскать помещение. Исполком на выборы в комиссию должного внимания не обратил, и туда прошли недостаточно дальновидные товарищи. Представители штаба сразу предложили помещение Совета, мотивируя это тем, что в нем есть канализация и водопровод. Представители исполкома согласились, и решение комиссии вынесли на заседании исполкома. Последний своего согласия на оборудование госпиталя в доме Совета не дал, т. к., во-первых, другого большого помещения под Совет в Серпухове нет; во-вторых, для переезда Совета, проведения электричества, устройствования¹⁵⁰⁸ — словом, для оборудования госпиталя в доме Совета понадобится 1,5 месяца; исполком предложил остановиться на т. н. «Немецком доме». Он, по словам членов исполкома, может вместить до 500 коек и великолепно оборудован: есть электричество, водопровод, ванна, канализация. В настоящее время там помещается 10 семей, в том числе начальник Военного штаба и одна семья служащего в Военном штабе. Местная жилищная комиссия обещала дать всем живущим в этом доме удобные квартиры и лошадей для перевозки имущества. Но штаб очистить это помещение отказался, находя мотивировку исполкома недостаточной: под Совет, по мнению штаба, можно занять все клубы — не важно, что некоторые из них даже не в самом городе. В случае несогласия «пригрозили» введение[м] военного положения. Исполком все же своего согласия не дал. Тогда начальником штаба было предложено осмотреть «Третьяковские казармы». По словам членов исполкома, эти казармы совершенно непригодны под госпиталь, т. к. там нет даже примитивных удобств и жить там в свое время отказались даже

солдаты. Осматривавшие эти казармы специалисты-инженеры помещение нашли пригодным.

На такой стадии развития я оставила этот конфликт. Удастся ли его ликвидировать или он разрастется — предугадать трудно. Вообще же вопрос о взаимоотношениях исполкома с Военным штабом имеет не только местное значение, и, очевидно, одному исполкому разрешить его будет не под силу. Коммунисты, по сообщению членов исполкома, если в Военном штабе и есть, то молодые и в небольшом количестве. Зато много в штабе специалистов, сохранивших от старого слоя не только знания, но и привычки. Вопрос о специалистах, о ведомственной политике, о помпадурстве поставлен в порядок дня и требует для всей Советской России...¹⁵⁰⁹

В настоящее время в Серпухове введено военное положение.

16 января 1919 г.

ИНСТРУКТОР ПРОКОПОВИЧ

С подлинным верно: делопроизвод[итель] А. Борисович, 24/1—1919 г.

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 74 с об.—75. Заверенная машинописная копия.

№ 2.2.11

**Доклад врид инспектора пехоты при Полевом штабе
Реввоенсовета Республики А.К. Андерсона первому помощнику
начальника Полевого штаба Г.Н. Хвоцинскому¹⁵¹⁰ о своем
аресте Московской ЧК**

№ 5, г. Серпухов

22 января 1919 г.

Пом[ощнику] начальника Полевого штаба при РВС Республики

16 сего января в г. Москве, в то время как я уехал на Курский вокзал, я был арестован МЧК и доставлен на Лубянку, 14, где пробыл более двух суток под арестом, после чего, не предъявив мне никаких обвинений, был освобожден. Как выяснилось из дознания, мотивы и обстоятельства, при которых произошел арест, следующие.

Приехав с Вашего разрешения в Москву на несколько часов за покупками и на примерку пальто к портному, я остановился на Елоховской ул., дом № 1/12, кв. 5 у Шатрова (родители бывшего моего шофера, когда я служил начальником штаба 5-й армии). Примерка была назначена портным к 2-м часам дня, до этого времени я сделал несколько дел, в том числе был у начальника снабжения Республики¹⁵¹¹ И.И. Межлаука¹⁵¹², у которого просил принять [на службу] в отд[ел] снабжения в Москву моего знакомого, по просьбе его матери, сын и муж которой служат в настоящее время в отделе снабже-

ния 5-й армии¹⁵¹³. У Межлаука я пробыл до 2,5 часов дня, потом пошел к матери моего знакомого, за которого я хлопотал у Межлаука, сообщил ей результат и через несколько минут, сев в трамвай «В», я поехал на Елоховскую ул. Времени до отхода поезда оставалось не более 1,5 ч[асов], за это время я предполагал успеть побыть у портного, пообедать и поспеть к поезду (портной живет в 75 шагах от квартиры Шатрова). По дороге трамвай испортился, мне пришлось пересест на другой. Приехав к портному, имея уже не больше 50 минут времени до отхода поезда, я узнал, что портной только через 10 минут сможет начать примерку, я почти бегом отправился на квартиру к Шатровым, где меня ждал обед, и через 12—15 минут, взяв извозчика ехать на вокзал уже с вещами, я решил не делать примерки, а только заехать к портному — сказать, чтобы он привез пальто в Серпухов; подъезжая к портному, я его встретил уже готового идти ко мне, я посадил портного на извозчика, и (т. к. квартира Шатрова в 75 шаг[ах] расстояния и по дороге на вокзал) я решил примерить у Шатрова. Подъезжая к квартире, не дожидаясь полной остановки извозчика, я на ходу соскочил, вбежал в подъезд дома, где живут Шатровы, за мной не менее поспешно бежал портной — через 5 минут я уже снова был на улице, сел на извозчика, которому приказал торопиться на вокзал. Времени оставалось еще около 20—25 минут до отхода поезда. Проехав шагов 100, я был остановлен окриком: «*Стой, ни с места*»; оглянувшись, я увидел человека, одетого в защитного цвета бекеш, который, держа в одной руке направленный на меня револьвер, другой поднимал полость саней, приказывая: «*Немедленно в Чрезвычайную комиссию на Лубянку, 14*» и сел со мной. Догадавшись, что это был агент МЧК, я предполагал, что ему нужен спешно мой извозчик, сказал ему: «Я тороплюсь на вокзал», но агент повторил приказание, после чего я спросил, не арестовывает ли он меня, на что агент ответил: «*Да, Вас*»; тогда я предложил показать ему мой документ, предупреждая, что он, несомненно, ошибся, на что агент ответил: «*Там разберут*». На Лубянке, 14 в МЧК у меня были отобраны все мои вещи и документы, просмотрены дежурным. Вещи, за исключением перчаток лайковых, бритвы, рамки для фот[ографической] карточки и дрожжей, были мне возвращены, также возвращены деньги и часть бумаг, оставленное все было передано коменданту, затем дежурному следователю Когану. Все это продолжалось с 5 часов до 9 ч[асов] вечера, в 9 ч[асов] вечер[а] меня посадили в общую камеру под арест, в 3 часа ночи с меня был снят допрос следователем Коганом, который, по окончании допроса, сказал, что «*Вы, по-видимому, арестованы по ошибке, т. к. агент, видя ваш суетливый вид, [проявил бдительность:] Вы куда-то торопились, соскочили с извозчика, ехали с каким-то господином, потом снова один — все это навело на мысль агента заподозрить Вас в том, что Вы от кого-то убегали, и он арестовал Вас*». На это все я

следователю сказал, что из моего показания ясно видно, почему я торопился, где был, все это легко проверить — следователь обещал к 11 часам 17 [января 1919 г.] мое дело кончить, при [д]опросе мне были предложены еще след[ующие] вопросы:

1) Служил ли я в 16-м корпусе; 2) Кто такой Володя; 3) Где я служил с момента Октябрьской революции и 4) Есть ли у меня знакомые в Москве.

Первый вопрос был мне, по-видимому, предложен потому, что в числе документов была копия моей аттестации начальника штаба 17-й пех[отной] дивизии, представляемой начальнику штаба 19-го армейского корпуса. Второй вопрос потому, что в числе бумаг было письмо от бывшего моего ученика гимнастики, 14—15-летнего мальчика, которое было подписано: «Ваш Володя».

Просидев двое суток, еще более убежденный в недоразумении, я предполагал, что вся задержка моего освобождения происходит [вследствие] проверки адресов, которые я называл при опросе.

18 [января 1919 г.] вечером я был освобожден, мне вернули мои бумаги, но за оставленными вещами было предложено прийти в понедельник 20 [января 1919 г.], т. к. общая канцелярия была уже закрыта, [а] вещи находились там. 20 [января] я пришел на Лубянку, 14 за моими вещами — оказалось, что переписка уже переслана в Военный отдел ВЧК¹⁵¹⁴ на хранение, а чтобы получить мои вещи, мне надо было взять записку от следователя, который вел мое дело, для чего потребовалось узнать номера дела, вещевой квитанции и протокола. В канцелярии хранилищ я нашел переписку по моему делу и сделал выборку нужных мне номеров.

Не имея возможности ознакомиться с протоколами и всей перепиской моего дела, я все же успел прочесть записку, приколотую к синей обложке дела, и бегло прочесть заявление, по которому я был арестован. На приколотом к обложке дела листке было напечатано приблизительно следующее: «Тов. Андерсон, по заключению следователя, должен быть освобожден, как занимающий ответственный пост в Красной армии, дело передать на хранение в Военный отдел ВЧК и установить наблюдение за деятельностью».

Первый лист переписки был «заявление», которое я также бегло прочел. Заявление было сделано каким-то солдатом 152-го п[ехотного] Владикавказского полка, в котором я служил еще до командирования меня в академию Генерального штаба в 1916 году. Этот солдат писал, что он меня встретил на Моховой ул. на трамвае, считает нужным заявить, что «в то время, когда Андерсон служил в 152-м пех[отном] полку, он никогда не поддерживал демократических принципов и вообще был нелюбим солдатами, потом, будучи начальником штаба 19-го арм[ейского] корпуса (таковым, между прочим, я никогда не был), т. Андерсон¹⁵¹⁵ сдался немцам в плен, немцами был командирован на Украину, а оттуда в Россию в качестве *шпиона*». Вот при-

близительно в какой редакции было составлено заявление солдата 152-го п[ехотного] Влад[икавказского] полка.

Совершенно не считаю необходимым давать более подробные объяснения по поводу голословного и глупого доноса бывшего моего, может быть, подчиненного, считаю нужным доложить, что в плену у немцев я был действительно около двух мес[яцев], попал в плен, будучи начальником штаба 17-й пех[отной] дивизии, в период, когда немцы перешли в наступление после перемирия на г. Двинск. 17-я дивизия стояла тогда на позициях в верстах 11—12 впереди Двинска. В плен попал тогда не только я один, а все штабы не только дивизий и корпуса, но даже армии, находящейся в Двинске, — все это произошло потому, что, когда накануне было уже известно в штабе армии и армейском комитете о том, что немцы переходят завтра в наступление, от корпусного комитета была получена телеграмма с приказанием всем оставаться на своих местах, не производить ни одного выстрела и т. д. Через несколько дней пребывания в плену немцы начали отправлять пленных офицеров из Двинска в лагерь военнопленных. Русских, заявивших себя украинцами, [отправляли] на Украину, причем никаких документов не требовалось для доказательства своего украинского происхождения (в прибалтийский край [отправляли] прибалтийцев) — из 2,5 тысяч офицеров и около 9 тысяч солдат, которые были собраны в крепости Двинск, почти $\frac{2}{3}$ офицеров и половина солдат заявили, что они украинцы, и немцы отправляли таких «украинцев» не в лагерь военнопленных, а в Киев, продержав в карантине до 40 дней. В числе таких был и я с товарищем по Академии [Генштаба] Львом Александровичем Светловым, который служил в штабе 19-го корпуса. По прибытии в Киев через 2—3 дня, узнав о том, что с Украины выселяют великороссов, большая половина прибывших в Киев (в то время там были уже немцы) отправилась в Великороссийское консульство заявить о желании отправиться возможно скорей из Киева в Великороссию. Светлов уехал с эшелоном на 3-й день, а я на 4-й день догнал его в Москве. По прибытии в Петроград мы явились [к] начальнику Академии Генерального штаба¹⁵¹⁶, который предложил нам ехать в Екатеринбург, куда только что была переведена академия, для поступления на старший класс. Этим и исчерпывается весь период нахождения в плену. Уже будучи начальником штаба 5-й армии под Казанью, на ст[анции] Свияжск я подал подробный доклад с приложением документов наркомвоену Троцкому, который в своем поезде в этот период стоял также на ст[анции] Свияжск. От наркомвоена Троцкого я получил 2500-руб[лев]ое пособие, а переписка оставлена в поезде у казначея поезда наркомвоена Троцкого. Что касается непровождения демократических начинаний в бытность мою в старой армии, мне не понятно, о чем говорит писавший донос: давно известно, что требовательные и очень строгие начальники всегда были ненавистны всему

худшему солдатскому элементу в части — вероятно, благодаря этому и у меня были такие подчиненные; так, никогда [ничего] не скрывая, говорю, что в полку я был всегда одним из самых строгих начальников. Что касается *нелюбви солдат*, позволю себе указать на следующий факт. В первые дни революции, когда я временно исполнял (тотчас по окончании мл[адшего] класса академии) должность начальника штаба 38-й п[ехотной] дивизии, когда однажды начальник дивизии б[ывший] ген[ерал] Буковской поехал в 152-й п[ехотный] Владикавказский полк, стоящий в резерве, во 2-м и 3-м батальонах, которыми я командовал в первый период [Первой мировой] войны, с которыми я получил Георгиевский крест и Георгиевское оружие, при посещении начальником дивизии — заявили, что «они просят, чтобы Андерсон остался на все время начальником штаба дивизии, т. к. мы его знаем по боям». В период Октябрьской революции я исполнял должность наштадива 17-й п[ехотной] див[изии], а в период выборного начала в армии я находился в Петрограде в отпуску, тем не менее был выбран как всеми командами, так и исполнительным комитетом дивизии начальником штаба, оставаясь в этой должности до полной демобилизации.

Излагая факт моего ареста или по подозрению, или по доносу, [я] не могу не высказать своего удивления постановке этого вопроса. Если бы даже донос был сущей правдой, то и в том случае, МЧК, получив такое заявление, узнав, где я служу, — казалось бы, обязана была довести до сведения моего прямого начальства, которое уже вправе принять то или другое решение; если же я был арестован, как заявил следователь Коган, только потому, что агенту МЧК показались подозрительными мои суетливость и поспешность, то такой способ надо признать прямо недопустимым, подрывающим совершенно престиж не только старших начальников в Красной армии, но вообще лиц командного состава, когда кого угодно могут арестовать, нарушая декрет, без ведома начальства, не предъявляя ордера на арест и не спрашивая документов. Отмечая вполне корректное и вежливое обращение всех служащих в МЧК, с которыми мне пришлось сталкиваться, [я] не могу умолчать о недопустимом безобразии в комнате, где сидят арестованные.

В маленькой комнате с тремя-четырьмя стульями и двумя скамейками находятся от 25—35 человек, мужчины и женщины вместе, уборку производят сами арестованные, нет даже нар, спят прямо на голом полу, обед приносят в ведре, но ни тарелок, ни ложек нет, так что приходится пользоваться любезностью часового, который дает свою ложку по очереди арестованным. Пища — отличная¹⁵¹⁷.

Прошу рапорт мой доложить начальнику Полевого штаба и члену В[енно]-рев[олюционного] совета Республики т. Аралову.

А. Андерсон

Резолюция Ф.В. Костяева: «С.И. Аралову — для соответствующих распоряжений о недопустимости таких арестов. К[остяев]. 23/І—[19]19»;
Резолюция С.И. Аралова: «*Выписки* пошлите [в] Особый отдел¹⁵¹⁸. А[ралов]. 25/І».

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 104—105 об. Автограф синими чернилами.

№ 2.2.12

Доклад военного комиссара Центрального управления военных сообщений при Полевом штабе РВСР А.М. Арнольдова военному комиссару Полевого штаба С.И. Аралову о стиле работы ЦУПВОСО с предложениями по упорядочению системы военных перевозок¹⁵¹⁹

№ 1583, Москва, Гранатный пер., д. 13

17 февраля 1919 г.

ЧЛЕНУ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ ТОВ. АРАЛОВУ

ДОКЛАД

При моем вступлении в должность военного комиссара Упвосоветов было обнаружено, что вся работа, в том числе и экстренные перевозки, велась очень неаккуратно и вяло. Во всем управлении царил форменный хаос¹⁵²⁰. Помощники комиссара и комиссары отделов были бездеятельны и ограничивались только «штемпелеванием» бумаг.

Какая бы то ни было инициатива с их стороны отсутствовала. Я немедленно отчислил всех военкомов от должностей. Некоторых перевел в упвософронтов, некоторые же остались совсем за бортом. На их место вызвал новых работников, работу которых я знал.

Как выяснилось, в бытность военным комиссаром т. Фомина все специалисты, в том числе и занимающие ответственные должности, работали очень вяло. Канцелярщина и бюрократизм глубоко запустил[и] свои корни. Все справки и сведения никогда не проверялись как в самом Упвосовете, так и в упвосо фронтов и округов. Так, на днях мною получены сведения от специалистов о том, что между некоторыми станциями Южного фронта движение паровозов прекращено и будет возобновлено не ранее, как через 4—5 дней. Из сведений же, полученных по прямому проводу от военкомов, выяснилось, что между теми же станциями движение уже возобновлено. Это явление недопустимо, и я принял меры, чтобы в будущем это не повторялось, с применением к виновным самых строгих мер.

Несмотря на все мои усилия иметь непосредственное наблюдение и руководство работой всех отделов [Ц]УПВОСО, что особенно

важно при экстренных перевозках и проч. распоряжениях оперативного характера, я фактически лишен этой возможности ввиду того, что отделы Упвсоревсовета находятся в разных помещениях и даже на разных улицах. Мною это неудобство и немаловажный тормоз в работе было своевременно замечено, и я возбудил ходатайство перед г. Склянским о предоставлении Упворевсовету д. № 19 по Пречистинке, на что Наркомпрос не согласился, и до сих пор это помещение нам не предоставлено. Но на днях, надеюсь, этот вопрос будет решен в положительном смысле, и работа пойдет успешнее.

Все-таки я должен констатировать тот факт, что, несмотря на всякие препятствия, работа Упвсоревсовета намного продвинулась вперед, а именно:

1). Всюду красной нитью проводится система, при которой назначаемые комиссары являются не простыми «штемпелевальщиками» бумаг, а усваивают работу с тем, чтобы после полной подготовки в любой момент мог[ли] заменить специалиста и безболезненно работать без ущерба, а наоборот, для пользы дела. Сами специалисты признали, что комиссары начинают работать и работают, а не остаются прежними безынициативными контролерами.

2). При диспетчерах Упвсоревсовета и округов установлено дежурство военкомов, которые имеют непосредственную связь с Полевым штабом и упвосо фронтов и округов. От них я в любой момент быстро получаю любую справку по перевозкам.

3). Для более успешного выполнения воинских перевозок Упвсоревсоветом образован запас теплушек и равномерно распределен между упвосо фронтов и округов.

4). Вся внешняя охрана железных дорог подчинена Упвсоревсовету.

5). Разрешен вопрос в Особом совещании об оставлении санитарных поездов за военным ведомством.

6). Увеличен штат комиссариатов Упвсоревсовета, упвосо фронтов, округов, военных представителей на дорогах и комендантских управлений.

7). По мере возможности все лучшие силы из состава военных комиссаров привлекаются на технические должности.

8). Выработаны и вводятся в жизнь маршрутные карточки для начальников эшелонов.

9). Разрешен вопрос о проезде служащих, командированных по разным случаям в санитарных поездах по маршруту их следования.

НАМЕЧЕНО К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ:

1). Принимаются общие меры к борьбе с простым эшелонов в узлах и на станциях и кражей печей.

2). Вырабатывается план во всероссийском масштабе о порядке предоставления мест в штабных вагонах.

3). Предполагается образовать особый военный резерв классных вагонов.

4). Будет пересмотрен вопрос об инспекциях путей сообщения, о необходимости включения личного состава инспекции в состав упвософронтон и округов с расформированием их как отдельных учреждений.

5). Предположено дополнить положение об управлениях начальников военных сообщений согласно изменившимся штатов и ходатайств с мест.

6). Выработать штат упвосо отдельных армий и [армий,] входящих в состав фронта.

7). Об образовании особых отделов путей сообщения при упвосо фронтов и округов.

Военный комиссар *Арнольд*

Секретарь [*Ж.А. Стигге*]

РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 19. Л. 63 с об.—64. Подлинник — машинописный текст с автографами.

№ 2.2.13

Телефонограмма генштабистов 1917 года В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, И.И. Вацетису, С.И. Аралову с «повторной просьбой не отказать» сообщить о ходе расследования дела арестованного генштабиста 1917 года Г.И. Теодори

Серпухов

17 апреля 1919 г.

22 час. 45 мин.

Председ[ателю] Совета Обор[оны] Ленину

Предреввоенсоврес[н] Троцкому

Главком Вацетису

Предреввоенрибунал Республики Аралову

Копия: на[чальнику Полевого] шт[аба] реввоенсоврес[н] Костяеву¹⁵²¹

Не получив до сего дня никакого ответа на нашу просьбу от 24 марта за № 111/б. о спешном разборе дела Генерального штаба Теодори и в то же время имея, с одной стороны, сведения о предъявлении Теодори тяжкого и позорного обвинения в шпионаже, а с другой стороны, сведения о том, что ему до сих пор не предъявлено никаких обвинений, по уполномочению выпуска 1917 года нижеподписавшиеся обращаются с повторной просьбой не отказать [в] распоряжении поставить через них выпуск в известность о тех конкретных данных обвинения, подтвержденных документально, на основании коих выпуск мог бы обоснованно исключить Теодори из своей среды и войти с ходатайством об исключении его из Корпо-

рации Генштаба. В том же случае, если таковых данных не имеется, то выпуск не может спокойно относиться к факту беспочвенного ареста одного из своих членов, коему выпуск доверял и который занимал один из ответственных постов в Республике, т. к. подобное явление не дает гарантию в будущем спокойной работы военным специалистам как [лицам,] не застрахованным от арестов без предъявления обвинения, и ставит в то же время их в ложное положение сверх еще непрочно установившихся [в]заимоотношений с политическими работниками армии, а потому [мы] и обращаемся в случае последнего за распоряжением об освобождении Теодори и выяснении причин недоразумения. № 112/17.

По уполномочию выпуска 1917 года Генеральн[ого] штаба: [Е.И.] Исаев, [И.Д.] Моденов, [Б.И.] Кузнецов, [А.К.] Малышев¹⁵²², [А.Н.] Виноградов, [Т.С.] Косач, [Я.Я.] Юршевский, [Г.Я.] Кутырев, [В.Г.] Зиверт, [В.Ю.] Стульба, [И.Д.] Чинтулов, [Г.О.] Маттис, [В.А.] Срывалин, [В.М.] Цейтлин, [В.И.] Максимов, [Т.Д.] Дубинин, [В.В.] Самойлов, [С.В.] Пирог, [Н.Н.] Доможиров, [Е.В.] Сысоев, [В.Е.] Стасевич, [Б.Н.] Скворцов, [В.Ф.] Тарасов, [Н.И.] Кадников, Баранович, [М.А.] Дулов, [П.М.] Майгур, [А.И.] Кук, Петров, [И.Н.] Полозов, [А.Ф.] Васильев, [И.А.] Бардинский, [П.А.] Захаров, [Н.И.] Штрихар-Шило, [Э.К. Л]ус, [Н.В.] Яковский.

Пер[едал] Страковский
Прин[ял] Ершов

17/IV—[19]19 г. 22 час. 45 мин. из Серпухова по прямому [проводу].

Резолюция В.И. Ленина: «Склянскому на отзыв».

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9325. Л. 1—1 об. Рукописный текст расшифрованной телеграммы. Резолюция В.И. Ленина — автограф.

№ 2.2.14

Письмо председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого члену РВСР А.И. Окулову о необходимости улучшения взаимоотношений главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетиса и Полевого штаба с другими учреждениями и лицами

[1] апреля 1919 г.¹⁵²³

ТОВАРИЩУ ОКУЛОВУ

Я с Вами бегло говорил по телефону по поводу некоторых телеграмм и телефонограмм главкома с жалобами на ЦУС и Всероглав-

штаб. Сейчас я с некоторым запозданием нашел у себя телеграмму главкома и Вашу по поводу «самочинных действий» т. Раковского¹⁵²⁴. Должен Вам прямо сказать, что эта телеграмма меня чрезвычайно огорчила во всех отношениях.

«Самочинные действия» т. Раковского [со]стояли в том, что он проездом справился о состоянии 8-й армии и затем в телеграмме т. Ленину высказал свои соображения [о] возможности из 8-й армии выделить часть для подкрепления Украинского фронта. Никаких распоряжений Раковский, разумеется, не отдавал. Более того, он очень любезно сообщил копию своего обращения [к] главкому, чего, конечно, не обязан был делать, т. к. в случае, если бы правительство сочло необходимым пойти навстречу пожеланию председателя Украинского советского правительства, то главком был бы извещен и от него были бы запрошены соображения по этому поводу. Но, повторю, Раковский очень любезно сам сообщил копию своей телеграммы. Никакого решительно вмешательства с его стороны при этом не было, ибо никто серьезно не станет называть «самочинными действиями» телеграмму главы украинского правительства, заключающую в себе пожелания о посылке подкреплений и соображения, правильные или неправильные, о возможности такой посылки из состава 8-й армии. Ведь на этом основании с гораздо большим правом можно было бы назвать «самочинными действиями» все заявления главкома, касающиеся Высовнархоза, политического Украинского правительства или Наркомпрода. Но т. к. главком, естественно, заинтересован под оперативным углом зрения в вопросах хозяйственных, политических и т. д., то его неоспоримым правом является обращаться к правительству со своими по этому поводу соображениями, предложениями, требованиями. Не меньшим правом главы Украинского правительства является обращение к правительству [РСФСР] с предложениями, соображениями военного характера. «Самочинные действия» имели бы место в том случае, если бы Раковский приказал откомандировать бригаду из 8-й армии на Украинский фронт, но об этом, конечно, не было и речи.

Нормальная работа возможна при нормальных отношениях. Между тем эти последние между Серпуховым и всеми учреждениями постепенно портятся. Так, отношения с Восточным фронтом, с Южным фронтом, с ЦУСом, с Всероглавштабом, с Украинским командованием, а теперь и с Украинским правительством принимают неприязненный характер. Это обстоятельство тревожит меня в высшей степени, ибо оно может чрезвычайно затруднить задачу центрального командования. Я бы очень просил в соответствующих случаях, поскольку Вам или т. Аралову приходится подписывать заявления главкома, обращать его внимание на то, что, отстаивая интересы и права командования, необходимо считаться с правами и интересами других учреждений и лиц.

Вы понимаете, что я считаю необходимым вернуться к этому вопросу по новому, весьма острому, поводу именно потому, что ценю высоко работу главкома и считаю необходимым устранить совершенно лишние и вредные моменты, которые, как сказано, грозят чрезвычайно затруднить работу.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 46 с об.—47. Отпуск — машинописный текст.

№ 2.2.15

Докладная записка президиума Серпуховского уездного совета Реввоенсовету Республики об обстановке в Полевом штабе и вмешательстве руководства штаба в дела Серпуховского уездного совета¹⁵²⁵

19 мая 1919 г.

В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ Президиума Серпуховского совета раб[очих] и кр[естьянских] депутатов

Докладная записка

Серпуховский уездный совет рабочих и крестьянских депутатов с первых дней переселения в Серпухов Полевого штаба был стеснен в своей внутренней деятельности.

Не говоря о том, что переселение в небольшой уездный город столь громоздкого учреждения, как Полевой штаб, крайне ухудшило квартирный вопрос, благодаря чему Совет вынужден был на долгий срок отложить всякую мысль об улучшении жилищных условий рабочих, оставшихся жить по-прежнему в подвалах, т. к. все хорошие квартиры были уплотнены штабными, — на местный исполком выпала задача снабжать Полевой штаб топливом, которое поглощалось и Полевым штабом, и отдельными сотрудниками штаба в неимоверном количестве, производить по требованию штаба работы по расширению шоссе и т. п. В то время, как в помещениях Полевого штаба и в квартирах сотрудников штаба в течение всей зимы температура поддерживалась в 16 градусов и выше, — рабочее население мерзло из-за недостатка дров, и в рабочих квартирах температура стояла ниже 0. Дровяной кризис минувшей зимы в г. Серпухове, несомненно, был вызван, главным образом, пребыванием в Серпухове Полевого штаба (а также связанных с Полевым штабом воинских частей), поглотившего огромные запасы местного топлива. Равным образом строительные и другие работы, производившиеся по требованию Полевого штаба, не оплачивавшиеся из местных средств, ухудшили финансовое положение Серпуховского совета.

Несмотря на все это, 40-тысячное рабочее население Серпуховского уезда, в лице своего Совета, охотно взяло на свои плечи все тяготы, вызванные пребыванием в Серпухове Полевого штаба, понимая ответственность и важность работы, производимой мозгом Красной армии, каковым является Полевой штаб.

К сожалению, не ограничиваясь чисто оперативной работой, ответственные сотрудники Полевого штаба — генштабы — с самого начала стали вмешиваться во внутреннюю жизнь советских учреждений, возбуждая ходатайства о предоставлении льгот серпуховской буржуазии, в квартирах которой им были отведены помещения. Как только тот или иной серпуховской фабрикант, торговец, домовладелец и т. п. привлекался в тыловое ополчение и к отбыванию трудовой повинности, как сейчас же начинали поступать настойчивые ходатайства отдельных генералов об освобождении его от трудовой повинности.

Мало этого, целый ряд лиц, принадлежавших к крупнейшим миллионерам — самым яростным эксплуататорам рабочего класса, справедливо заслужи[вшим] ненависть со стороны серпуховского пролетариата — был принят на службу в Полевой штаб. Эти лица отнюдь не являются военными специалистами и во многих случаях едва грамотны, и тем не менее им были предоставлены должности в Полевом штабе — нарядчиков, заведующих столовой, письмоводителей, курьеров и т. п.

В то время как серпуховские рабочие голодали, получали $\frac{1}{4}$ [фунта] хлеба, а то и ничего не получали по месяцам, все эти примазавшиеся к штабу бывшие капиталисты и эксплуататоры пользовались красноармейским пайком и другими льготами, чем бравировали перед местным населением.

Серпуховский исполком неоднократно обращался к комиссару Полевого штаба, чтобы очистить это высшее учреждение Красной армии от эксплуататорских элементов, однако все эти просьбы остались безрезультатными.

Наоборот, с течением времени серпуховская крупная буржуазия, сблизаясь все тесней и тесней с генштабами, проникала в высшие военные учреждения: в Москве — в Главный штаб, в Регистрационное управление и проч.

Все это вызывало сначала недоумение, а потом возмущение в рядах пролетарской массы, определенно указывавшей на укрывательство Полевым штабом серпуховской крупной буржуазии.

Но, не довольствуясь покровительством буржуазии со стороны отдельных генштабов, Полевой штаб как учреждение начал вмешиваться в дела местного совета, обращаясь к местной власти с требованиями и наставлениями, выходящими за пределы компетенции Полевого штаба. Достаточно указать на то, что, когда у одного местного спекулянта было конфисковано 14 пудов соли, начальник Ад-

министративно-учетного управления генштаба Даллер потребовал, чтобы Совет расследовал этот случай, привлек к ответственности милиционеров, производивших конфискацию по предписанию местной Советской власти, а соль вернул спекулянту. Равным образом местный отдел финансов получил предписание за подписью [того] же Даллера приостановить взыскивание чрезвычайного [революционного] налога с местного предпринимателя, поступившего на службу в Полевой штаб. Можно было бы привести целый ряд фактов вмешательства Полевого штаба в...¹⁵²⁶

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 62—62 об. Фрагмент — машинописный текст.

№ 2.2.16

**Рапорт бухгалтера Канцелярии Полевого штаба РВСР
А.Ф. Лимонникова начальнику Административно-учетного
управления Полевого штаба В.В. Даллеру о переводе на другую
должность в связи с бестактными действиями начальника
канцелярии С.С. Харитонова**

№ 17, Серпухов

23 мая 1919 г.

Рапорт

Начальнику Административно-учетного
управления Полевого штаба РВС Республики

23 мая с. г. начальник канцелярии С.С. Харитонов в 11 час. 30 мин. позволил себе кричать на меня в кабинете, говоря, что я плохо отношусь к своим служебным обязанностям и бухгалтерское дело исполняю хуже какого-либо письмоводителя. Поводом к таким указаниям со стороны т. Харитонова послужило то, что начальником разведывательного отделения были возвращены препровожденные канцелярией в это отделение документы на расходы на разведку, но эти документы велел отослать в разведывательное отделение сам начальник канцелярии и, следовательно, я, исполнив названную работу, только исполнял его приказание.

В виду того что начальник канцелярии позволял себе и ранее неоднократно незаслуженно оскорблять меня — якобы за неумелое исполнение моего дела, к которому я назначен, прошу Вашего ходатайства перед начальником штаба о переводе меня на должность одного из помощников начальника отделения Полевого штаба или, в крайности, делопроизводителя.

К сему докладываю, что на канцелярской службе я состою 16 лет. В мирное время состоял делопроизводителем воинского начальника Варшавской местной бригады (Управления Ласского воинского на-

чальника высшего разряда). Во время войны с Германией с 25 июля 1914 г. по 20 апреля 1918 г. состоял на службе в канцелярии главного начальника снабжений Западного фронта — сначала помощником, а затем начальником хозяйственного отделения названной канцелярии. С 20 апреля по 20 мая 1918 г. состоял заведывающим денежным отделением Тамбовского губернского военного комиссариата, с 17 мая 1918 г. по настоящее время состоял на службе сначала в Управлении при Штабе Высшего военного совета, а затем в Полевом штабе.

За свою службу в канцелярии снабжения Западного фронта имею отличную аттестацию.

Бухгалтер Канцелярии Полевого штаба
Революционного военного совета Республики *Лимонников*

Резолюция В.В. Даллера¹⁵²⁷: «*Секретно*. В инспекторское [отделение] — т. Воробьеву и [Вилькову]. Вследствие повторяющихся заявлений предлагаю произвести расследование, в котором необходимо выяснить, [каковы] взаимоотношения между нач[альни]ком Канцелярии и служащими. Даллер¹⁵²⁸. 19/VI—[1]919».

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 368—368 об. Подлинник — машинописный текст с автографом.

Приложения № 1—2

Материалы расследования

Приложение № 1

31 мая 1919 г.

РАССЛЕДОВАНИЕ

по поводу поданного начальнику Административно-учетного управления бухгалтером Канцелярии Полевого штаба Реввоенсовета Республики ЛИМОННИКОВЫМ рапорта на действия начальника Канцелярии ХАРИТОНОВА¹⁵²⁹

Допрошенные по настоящему делу нижепоименованные лица показали следующее:

К.И. Климов: Про Харитонова как начальника и человека я, кроме хорошего, ничего не скажу. Он требовательный начальник, и потому каждая оплошность, сделанная подчиненным, вызывает у ХАРИТОНОВА известное раздражение, тем более что вся служба в нашем отделении, где бывают за день сотни людей, самая нервная и напряженная.

Про отношения ХАРИТОНОВА с ЛИМОННИКОВЫМ могу сказать, что они раньше — и в Муроме¹⁵³⁰, и в Москве были самые наилучшие.

С.М. Рябов: Я служил с ХАРИТОНОВЫМ вместе еще до Японской войны. Он и тогда был какой-то странный. Грубость у него была в голосе всегда, даже и при шутках. Поэтому, с кем бы он ни говорил, голос его уже звучит грубо. Сам по себе он кажется человеком черствым, но на самом деле он добр. При просьбах со стороны служащих он бывает в особенности груб, но и так без них (и со своими служащими, и другими штабными) бывает грубоват. Приветлив он редко. В канцелярии у нас нет человека, которого бы ХАРИТОНОВ не пробрал за дело. Отношения ХАРИТОНОВА с ЛИМОННИКОВЫМ неровные: то он относится к нему с большим доверием, то с упреками, но это всегда только при обнаруженном промахе. К ЛИМОННИКОВУ он относится в общем так же, как и к другим, т. е. если пробирает, то уже на совесть. Упреки в незнании дела ХАРИТОНОВ делает [всем], не исключая и ЛИМОННИКОВА. По-моему, ХАРИТОНОВ относится к ЛИМОННИКОВУ даже с большим доверием, чем ко всякому другому. Сам ХАРИТОНОВ работает как следует. Что же касается ЛИМОННИКОВА, то он тоже усидчивый работник, но возможно, что в настоящее время семья вызывает у него большие заботы, чем нужное на службе дело.

И.И. Васькин: ХАРИТОНОВ по характеру своему деспотичен. К служащим он относится неважно, у него часто происходят столкновения со всеми. По-моему, у ХАРИТОНОВА даже попросту¹⁵³¹ к служащим существуют придирки. Приказания отдаются им грубо, в невежливой форме. На справку, просимую подчиненным, он искреннего ответа не даст, а всегда со скандалом. Он, безусловно, нервный, но все-таки ему всегда нравится сказать что-либо с обидой для человека, а не [что-нибудь] искреннее. Он даже не здоровается со служащими. Все служащие часто слышат от ХАРИТОНОВА о неумении вести свое дело. К начальству, конечно, ХАРИТОНОВ чувствует уважение, но к низшим служащим — не только к своим, но и всего штаба — резок. После первого заявления ЛИМОННИКОВА на ХАРИТОНОВА я был как-то в кабинете ХАРИТОНОВА и последний, между прочим, сказал мне: «Я знаю, Вы под меня подкапываетесь, Вам это не удастся, скорее я Вас выброшу по одному». С ЛИМОННИКОВЫМ ХАРИТОНОВ [то] неделю не разговаривает, то опять [разговаривает] — так же и с другими. По-моему, ХАРИТОНОВ не должен выделять ЛИМОННИКОВА из среды других служащих по работе.

И.Д. Слюсарчук: Не знаю, может быть, ХАРИТОНОВ и нервный, но во всяком случае он резок и не воздержан. Отношения его к служащим невыносимы. Навстречу ни к своим, ни к другим служащим не идет — всегда как-то с криком. Раньше ХАРИТОНОВ почти каждый день придирался к своим подчиненным. Кто ему льстит, то к тому он относится ничего. За последнее время ХАРИТОНОВ почему-то стал придираться к ЛИМОННИКОВУ. ХАРИТОНОВ не ценит работы. Служащим он никогда не ответит на приветствие даже на улице.

В.Э. Ващенко: По-моему, ХАРИТОНОВ — больной человек. Нормальный здоровый человек не позволил бы себе такого отношения к другим, как ХАРИТОНОВ. У него наблюдаются придирки ко всем, и затем он как-то огрызается. ХАРИТОНОВ в особенности придирился к РЯБОВУ: бросал ему бумаги и грубо говорил. То же и по отношению к СЛЮСАРЧУКУ и ВАСЬКИНУ. Последнее время ХАРИТОНОВ стал все-таки корректнее, что не помешало ему наброситься совершенно напрасно и несправедливо на ЛИМОННИКОВА — все было сделано последним по указанию самого же ХАРИТОНОВА. Однако ЛИМОННИКОВА ХАРИТОНОВ ценит, хотя иногда без причины его и оскорбляет. Сам ЛИМОННИКОВ никогда не давал повода ХАРИТОНОВУ. Когда он последний раз накричал на ЛИМОННИКОВА, то последний даже захворал и ушел со службы. Часто бывает, что ХАРИТОНОВ, не разобрав, в чем дело, накричит и на посторонних, как это было, например, с начальником приемной станции ИВАНОВЫМ. Окрики и отношения ХАРИТОНОВА ко всем заставляют прекращать работу. Он никогда даже не извиняется. Я, например, хочу уйти от такой службы.

А.В. Семенова: ХАРИТОНОВ очень груб и резок, но я объясняю это его болезненностью. Он бывает резок до крайностей, но в то же время бывает и мягкий, что, однако, [случается] очень редко. Он резок со всеми — не только со своими служащими. По отношению к ЛИМОННИКОВУ он таков же, как и к другим, т. е. к РЯБОВУ и ВАСЬКИНУ. К тому же он более всего соприкасается с ними по службе. ХАРИТОНОВ требует тщательной и усидчивой работы. Пожалуй, иногда и в большем количестве, но все-таки в пределах возможного. Особенной несправедливости у ХАРИТОНОВА к служащим я не замечала. Со служащими он не здоровается, разве когда здоров и, следовательно, в хорошем настроении. У ХАРИТОНОВА бывали конфликты и с ЛИМОННИКОВЫМ, и с другими.

В.Ф. Малыгин: ХАРИТОНОВ в обращении груб со всеми, но, по-моему, это у него в характере. Если ему что не удастся, то он в особенности выходит из себя. Часто во время своих выходов он говорит всем «ты». Затем у него нет обыкновения здороваться со служащими. По отношению к ЛИМОННИКОВУ он был в особенности резок и груб.

А.А. Никитин: Я знаю ХАРИТОНОВА лет 15. Он сын крестьянина. Костромич родом, бывший учитель. Был офицером и слушал курсы в академии. Его происхождение и врожденная угловатость, а также наличие болезненности заставляют ХАРИТОНОВА быть неровным и несдержанным. В силу полученного воспитания он и раньше был таким неровным, не только теперь. Как начальник канцелярии он несправедлив ко всем и покрикивает тоже на всех. Если кому и попадало, то, конечно, по заслугам. Вина за его обращение со служащими падает, конечно, на последних. Он кричит тогда, когда обнаруживает ошибки. Замечания его по службе всегда справедливы.

Он требователен совершенно правильно. Сора из избы он не выносит, т. е. замечания на ошибки и промахи дальше не идут. Про случай последний я не слышал, т. е. разговор ХАРИТОНОВА и ЛИМОННИКОВА был не в моем присутствии.

В.Н. Анцыферов: Харитонов я знаю давно. Он безусловно честный человек. По природе своей он грубый. Свириеп по службе был и в полку. Здесь ХАРИТОНОВ сильно блюдет интересы службы, защищая и себя, чтобы не попасть впросак, и интересы начальства. Поэтому иногда при справках ХАРИТОНОВ дает только сухие ответы строго по закону, что не всегда нравится интересующимся, т. к. они не всегда совпадают с мнением по этому же вопросу начальства, часто стоящего не в курсе многочисленных приказов и разъяснений, какие знакомы ХАРИТОНОВУ. По отношению к своим подчиненным, делающим промахи, он всегда принимает свои меры, т. е. старается их урезонить, что ему, однако, не удается по врожденной ему грубости. Но рапорта на подчиненных ХАРИТОНОВ никогда не подает. ЛИМОННИКОВ как бухгалтер должен от начала до конца проверять все попадающие к нему бумаги, но он в них проверяет лишь итоги. Последние ассигновки (т. к. они не были проверены как следует в бухгалтерии) оказались все с ошибками и были возвращены. Харитонов на это часто указывал и говорил [об этом] ЛИМОННИКОВУ. Недавно из Контроля¹⁵³² пришла неприятная бумага, и ХАРИТОНОВ, конечно, извелся и вызвал для объяснений ЛИМОННИКОВА. Последний заявил, что он не успевает работать, — ХАРИТОНОВ на это возразил, что можно подзаняться и дома, а ЛИМОННИКОВ ответил, что он занимается лишь до 8 часов и никогда больше сидеть не будет. После этих слов ХАРИТОНОВ сказал, что я научу Вас работать. Вот и все, что мне известно по настоящему поводу. ХАРИТОНОВ очень нервный, он и в семье грубит и даже с женой иногда не разговаривает. Он, пожалуй, и болезнен — и таков по своему характеру, но не злопамятен. Скорей всего он не сдержанный. У меня тоже бывали с ним перепалки, но на правах нашего старого знакомства они, конечно, ликвидировались, и у нас опять возобновлялись хорошие отношения. Он сейчас лечится и берет холодные души. В его отношениях со служащими злой воли, конечно, нет — он достаточно знает службу. Я, насколько мог, старался сглаживать всегда его отношения со служащими.

А.Ф. Лимонников: Я вместе с Харитоновым служу давно. Я изучил его хорошо и как начальника, и как человека. Он больной, желчный, несправедливый и ко мне, и к другим. Пожалуй, к СЛЮСАРЧУКУ и ВАСЬКИНУ больше, чем к другим. От ХАРИТОНОВА можно слышать резкие выражения вроде: «Вас выгонят со службы». Мне, как чувствительному человеку, было всегда обидно на его отношения¹⁵³³; жаловаться же было тяжело и неприятно, и я терпел. В Москве у нас разногласий не было и отношения наши были хорошие.

Я, между прочим, даже спрашивал у ХАРИТОНОВА совета, перейти ли мне на другую службу (перед отъездом сюда¹⁵³⁴), и ХАРИТОНОВ мне отсоветовал. Я принял его совет к руководству и приехал сюда. В Москве у нас были маленькие резкости, но я, за нервностью ХАРИТОНОВА, прощал их. Там было плохо РЯБОВУ. ХАРИТОНОВ кричал на него и кидал ему бумаги. Но РЯБОВ не знал тогда дела и терпел, но мне это самому было неприятно слушать. Однако я сознавал, что РЯБОВ дела еще не знает, и извинял ХАРИТОНОВУ его обращение с РЯБОВЫМ. Здесь, в Серпухове, у нас отношения изменились. ХАРИТОНОВ занимается у себя в кабинете и поэтому отдалился от нас. Раньше мы были за работой всегда вместе, и ходили также со службы домой. ХАРИТОНОВ часто говаривал всем, что мало работают. Я, как мог, всегда сглаживал его отношения со служащими. Тут, в Серпухове, мы работаем врозь — ХАРИТОНОВ у себя один, а мы, служащие, вместе, и отношения наши изменились и обострились. Он вообще не общительный по характеру, и это отдаляет его ото всех. Хотя бы он, как человек, поговорил с нами, а то и не здоровается, и не прощается. Обращается только как с подчиненными. Я раньше за них заступался и умиротворял ХАРИТОНОВА, а здесь этого не делаю, поэтому, если здесь кем-нибудь что-либо не сделано и ХАРИТОНОВ начинает кричать, то я не вмешиваюсь, хотя мне и больно слушать. ХАРИТОНОВ по натуре любит все-таки, чтобы подчиненные поговорили с ним как люди, а не как служащие, а я не находил в этом надобности, тем более [что] он меня подгонял по работе. Я не люблю, когда меня подгоняют, и просил ХАРИТОНОВА меня не подгонять, а только давать указания. Здесь, когда у ХАРИТОНОВА накипает желчь, то он уже заранее решает кого-нибудь ругнуть. Для меня был тяжелый случай перед Пасхой — ХАРИТОНОВ начал на меня кричать, что не готов авансовый отчет (я его делал около месяца с урывками). Но ХАРИТОНОВ не знал сложности этой работы, а это была самая серьезная работа за всю мою службу. Я отвечаю на замечание ХАРИТОНОВА, что эта работа сложная, тем более [что] у меня на руках и другая, повседневная, работа, и я не могу сосредоточиться лишь на этом счете. ХАРИТОНОВ на это заявил мне, что я мало занимаюсь и мог бы посидеть и потом; ну а я, говорю, сидеть не могу. Так как ХАРИТОНОВ говорил со мной в повышенном тоне и несправедливо, то это меня стало нервировать. Вслед за сим ХАРИТОНОВ добавил, что если я не хочу работать как следует, то можно поискать и другого. Меня это обидело, и я пошел было жаловаться и встретил комиссара СЕМЕНОВА, которому и рассказал инцидент, прося принять против ХАРИТОНОВА неофициальные какие-нибудь меры, чтобы он не позволял в будущем такие грубые выходки. СЕМЕНОВ, однако, предложил подать коллективную жалобу во фракцию, обещающая при этом условии удалить ХАРИТОНОВА, но этого, конечно,

сделать я не мог и сказал СЕМЕНОВУ, что такую жалобу подавать не стоит. Обида моя после этого улеглась, но все это повлияло на мое здоровье — я нервный и сильно поволновался. Я считаю, что ХАРИТОНОВ стал далеко заходить. Тогда же я просил о переводе, ибо мне никогда не говорили на службе так, как ХАРИТОНОВ, т. е. что я не на своем месте. ХАРИТОНОВ после этого случая остался таким же, но ко мне уже относился лучше. На днях в отделении получились две неприятные по содержанию бумаги. В одной из них, когда разобрались, оказался, собственно, виноват сотрудник разведывательного отделения УДАЛОВ, который нас и подвел. Дело было так: я, по поручению ХАРИТОНОВА, выбрал известные документы по расходам разведывательного отделения и вместе с сопроводительной бумагой направил их туда. Там УДАЛОВ расписался только в получении части документов, а не всех и вернул остальные нам. Так как это было неправильно, то по резолюции ХАРИТОНОВА мы вновь их вернули туда же, а УДАЛОВ на это обиделся, и разведывательное отделение прислало нам едкую бумагу за подписью начальника оперативного отделения и других о том, что отчет должна составить канцелярия и т. д. — все это было написано очень колко. Тогда же, в тот же самый день (это было 23 мая) от контролера тоже получилась неприятная бумага о том, что представленные нами ассигновки часто бывают с ошибками в тех расходах, которые показываются другими частями. Видите ли, мы не проверили и не проверяем поступающие к нам требовательные ведомости¹⁵³⁵. Затем как-то Контроль пропустил нерасчленные ассигновки, и я, зная это, и этот раз послал так же, но и тут Контроль вернул все обратно и еще написал, что встречаются ошибки, и не утвердил наши ведомости, хотя раньше (как я говорил) таких указаний нам тоже Контроль не делал. Конечно, все это расстроило ХАРИТОНОВА, и он позвал меня в свой кабинет. Я заметил, что он [в] последнее время избегал делать разнос в присутствии всех служащих, а старался позвать к себе. ХАРИТОНОВ сразу же стал говорить повышенным тоном о том, что возвращена бумага из разведывательного отделения: «Вы, — говорит, — мне как следует не докладываете, я Вам доверяю, а Вы меня подводите, путаете и ведете дело хуже письмоводителя». На это я ХАРИТОНОВУ возразил, что я принесу приказы и мы увидим, кто прав. Приношу и показываю ХАРИТОНОВУ приказы, говоря, что Вы на меня кричите, а я прав — все правильно. ХАРИТОНОВ начал было «выкручиваться», ему стало неловко, что он погорячился, и я уже хотел ему простить его горячность, но в это время вошел в кабинет ВОЛКОВ (из оперативного отделения), а т. к. ХАРИТОНОВ любит перед другими показать свою власть (да к тому же разве хорошо получить неприятные бумаги), то он начал опять и говорит мне: «Все Вы путаете, сил с Вами нет». Я указываю, что я посмотрю вновь. Ну а ХАРИТОНОВ опять: «Что тут читать, — говорит. — Тут

нужен специалист. Если не знаете — не беритесь». Я ему ответил, что я могу это делать, что я не виноват и криков его и ругани не принимаю, после чего ушел. Вдогонку мне ХАРИТОНОВ сказал, что «Я Вас заставлю слушать». Вернувшись в канцелярию, я и написал рапорт начальнику управления, т. к. прямо заболел от всех этих неприятностей. Я просил в рапорте не дознания, а только моего перевода в другое отделение, а затем я подал начальнику же управления рапорт и о своей болезни, прося назначить меня на [мед]комиссию. Видите ли, ХАРИТОНОВ после таких сцен (т. е. разносов) делается таким же, как всегда. Я стал рассуждать, что если я не подам рапорта, то я не застрахован на будущее время от того, что такие сцены не повторятся, а это, конечно, будет влиять на мое здоровье.

С.С. Харитонов: Ко мне за последнее время стали неоднократно поступать бумаги, где указывалось на ошибки вверенной мне канцелярии. Мне это стало надоедать, т. к. приходилось делать все самому и выходило, что я являюсь докладчиком своей же канцелярии, где есть достаточное число людей, которые мне бы должны докладывать, но из халатности всю работу мне надо было брать на себя. Я часто говорил ЛИМОННИКОВУ проверять все как следует, и Контроль указывал, что так вести дело нельзя, как ведет ЛИМОННИКОВ, и даже вызывал его лично для объяснения. Но все равно все оставалось по-прежнему; последний раз я велел ЛИМОННИКОВУ разбединить ассигновки, а он все же их соединил, после чего Контроль и вернул наши бумаги. Я вызываю ЛИМОННИКОВА и говорю ему, что его отношение к делу хуже писмоводителя. Конечно, я был от неприятности взбудоражен, а голос у меня всегда громкий, поэтому я говорил повышенным тоном, но не ругал ЛИМОННИКОВА. Последний на мои слова мне сказал, что на это дело нужен специалист. При обнаружении за сотрудниками промахов я не пойду на них жаловаться, а если увижу, что человек достоин выговора, то я его ему сделаю и не постесняюсь этого. Так было и в этом случае. ЛИМОННИКОВ затем говорит мне, что у него на [то, чтобы сделать] «всё как следует», не хватает времени, но я ему сказал, что он жаловаться на это не может, т. к. я остаюсь для работы часо сам после 8 часов [вечера] и он мог бы остаться на полчаса. Конечно, ЛИМОННИКОВ должен находить сам все нужные справки, но я замечаю за ним нежелание сделать это. Если бы я все время указывал на промахи всех, то, конечно, многие другие давно бы должны были расстаться со службой. При моем объяснении с ЛИМОННИКОВЫМ был ВОЛКОВ, который слышал наш разговор.

Е.В. Волков: Я помню, что не так давно, когда я зашел к начальнику канцелярии ХАРИТОНОВУ, то последний говорил бухгалтеру ЛИМОННИКОВУ о каких-то отчетах разведывательного отделения. Эти отчеты, как я понял, не велись, и ЛИМОННИКОВ хотел отписаться, чтобы разведывательное отделение составило их само. ХА-

РИТОНОВ же на это ему указывал, что разведывательное отделение не ведет никаких книг, и потому канцелярия и бухгалтер ее должны сами сделать эту работу. При этом ХАРИТОНОВ сделал упрек ЛИМОННИКОВУ, что он не сделал раньше этого отчета. ЛИМОННИКОВ на это ему ответил, что он выполнить этого не может, т. к. занят. Тогда ХАРИТОНОВ говорит, что если бы был настоящий бухгалтер, то тот, конечно, справился бы с такой работой. ЛИМОННИКОВ, по-видимому, не понял такого ответа ХАРИТОНОВА и заявил, что он работает много. ХАРИТОНОВ на это ему возразил, что если он работает и много, то нельзя этим ограничиваться, а надо посидеть еще и сверх положенного — и тогда все будет исправно. Тогда ЛИМОННИКОВ в резком и повышенном тоне заявил, что он не признает этих упреков ХАРИТОНОВА и не желает по этому поводу разговаривать, после чего и вышел. Вдогонку ему ХАРИТОНОВ ничего не произнес. После этой сцены у меня создалось впечатление совершенно невыгодное для ЛИМОННИКОВА, т. к. он отвечал ХАРИТОНОВУ грубо и резко. Я слышал, что сам ХАРИТОНОВ вообще грубоват, но тут с ЛИМОННИКОВЫМ он был корректен, и я удивился его выдержке. На своем месте я, человек спокойный, не позволил бы ЛИМОННИКОВУ так с собой говорить.

А.А. Демкин: ХАРИТОНОВ на меня зря не кричит. Если, конечно, что не исполнишь, то попадет. Плохого от него ничего не видел. Он требователен, когда чего-либо не сделают по работе. Конечно, служащие приходят поздно, им за это выговаривают, ну а им это не нравится: когда начальство кричит.

Показания сотрудников В.М. СКОРОХОДОВА и М.Я. ЧИРКОВА не записывались ввиду отсутствия какого-либо материала для данного расследования.

В[р]ид помощника начальника инспекторского отделения *Воробьев*

Военный комиссар *[подпись]*

31 мая 1919 г.

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 368 с об.—373. Подлинник — машинописный текст с автографами.

Приложение № 2

г. Серпухов

6 июня 1919 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ¹⁵³⁶

Из опросов сотрудников Канцелярии Полевого штаба выяснилось, что ХАРИТОНОВ, будучи большим человеком и отличаясь не-

приветливостью, в то же время обладает грубым голосом, что [в] связи с врожденной угловатостью и воспитанием делает его черствым человеком в глазах окружающих.

По службе ХАРИТОНОВ, являясь честным и справедливым работником, требует от своих подчиненных тщательной и усидчивой работы и за оплошности и промахи сотрудников пробирает их «на совесть», причем упреки, в случае незнания кем-либо своего дела, делает всем без исключения и всегда по заслугам, не имея на это злой воли.

Последнее время, по отзыву допрошенных, ХАРИТОНОВ стал корректнее.

Одни из допрошенных такое отношение на службе ХАРИТОНОВА объясняют его нервностью, другие — характером службы в его канцелярии, являющейся напряженной в высшей степени, а [третьи] видят в этом по отношению к себе придирки, хотя данных к наличию таковых не имеется.

ЛИМОННИКОВ, подтвердив указанные им в рапорте обстоятельства дела и выражения, допущенные ХАРИТОНОВЫМ при их объяснении, и не отрицаемые в то же время самим ХАРИТОНОВЫМ, как это видно из его — ХАРИТОНОВА — показания, заявил, что он готов был простить окрики ХАРИТОНОВА, если бы не вошел при их объяснении сотрудник Оперативного управления ВОЛКОВ. В присутствии последнего ХАРИТОНОВ начал ему¹⁵³⁷ вновь указывать его промахи и даже произнес вдогонку, когда ЛИМОННИКОВ уходил: «Я Вас заставлю слушать»¹⁵³⁸.

Изложенное ВОЛКОВЫМ совершенно не подтвердилось, и, наоборот, он, зная раньше грубости ХАРИТОНОВА, удивился в данном случае его корректности и был поражен поведением ЛИМОННИКОВА, который грубо и резко отвечал ХАРИТОНОВУ.

По словам ХАРИТОНОВА, за последнее время, [вследствие] халатного отношения сотрудников к службе, большое количество исполненных ими бумаг стало возвращаться обратно в канцелярию с указанием на ошибки в подсчетах, несоблюдение требуемых законом формальностей и т. д., уследить за которыми сам ХАРИТОНОВ не имеет, конечно, возможности. Когда при таких обстоятельствах были возвращены Контролем бумаги, то он — ХАРИТОНОВ, вызвав бухгалтера ЛИМОННИКОВА, которого даже вызывал на объяснение Контроль, указал ЛИМОННИКОВУ, что его отношение к делу хуже письмоводителя, при этом (т. к. он, ХАРИТОНОВ, был возбужден этой неприятной для него бумагой) то говорил повышенным тоном, который у него и так громкий: ЛИМОННИКОВА, конечно, он не ругал, а указал, что, если ему, ЛИМОННИКОВУ, как заявлял он, не хватает времени, то он может посидеть и после 8 часов, как это делает сам ХАРИТОНОВ.

Сам ЛИМОННИКОВ, не отрицая того, что им были допущены неправильности (хотя и оправдывается тем, что ранее Контроль допускал такую неправильность), заявляет, что его желание было проинформировать о расследовании отношений его с ХАРИТОНОВЫМ, а лишь перевод его на другую должность, дабы в будущем не иметь с ХАРИТОНОВЫМ дела, т. к. это дурно влияет на его — ЛИМОННИКОВА — здоровье.

Врид помощника начальника инспекторского отделения
Административно-учетного управления *Воробьев*

Военный комиссар [*подпись*]

«6» июня 1919 года
г. Серпухов

Доклад В.В. Даллера Ф.В. Костяеву¹⁵³⁹:

«Нач[альни]ку штаба докладываю:

Начальника канцелярии Харитонов я считаю хорошим, добросовестным работником, очень хорошо знающим свое дело.

Харитонов нередко в грубой форме отвечает и в грубой форме ведет разговор; но эта грубость не дерзкая, а врожденная, которую Харитонов, видимо, не всегда может преодолеть вследствие вообще своей нервности.

Лимонников не прав в служебном отношении, но вправе, как и все служащие, требовать от Харитопова необходимой сдержанности.

Полагаю:

- 1) установить равновесие в отношениях мне самому;
- 2) Харитонову предложить перейти на более корректный тон и
- 3) Лимонникова оставить в канцелярии, предложив ему избегать промахов в порученном ему деле.

Вл[адимир] Даллер
8/VI—[1]919.

Резолюция [Ф.В. Костяева]¹⁵⁴⁰: Полагаю издать соответствующий приказ [2 слова неразборчивы]. 9/VI—[19]19. [*подпись*].

Резолюция руководства Полевого штаба¹⁵⁴¹: «Умиротворить обоим самому н[ачальнику] Адм[инистративно-учетного] управления. На[чальник] шт[аба] Костяев. Аралов¹⁵⁴². 9/VI—[1919]».

Помета В.В. Даллера¹⁵⁴³: «Исполнено, к делу. Даллер. 5/VII—[1]919».

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 368—372 об. Подлинник — машинописный текст с автографами.

№ 2.2.17

**Доклад члена Реввоенсовета Республики и военного комиссара
Полевого штаба РВСР С.И. Аралова Центральному комитету
РКП(б) о взаимоотношениях Полевого штаба с Серпуховским
уездным советом**

№ 708/2, г. Серпухов

11 июня 1919 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РКП

О взаимоотношениях Полевого штаба РВСР с Серпуховским советом сообщаю следующее: последовавшее по стратегическим соображениям размещение Полевого штаба в таком небольшом городе, как Серпухов, не могло, конечно, пойти бесследно, но в докладной записке президиума [местного] совета не все вопросы освещены правильно. Возникавшие при переселении Полевого штаба небольшие конфликты между представителями штаба и Совета мною всегда ликвидировались обоюдным соглашением.

В конце концов удалось добиться полного контакта между Полевым штабом и Советом: коммунистическая же часть сотрудников штаба приняла активное участие в местной политической работе. *Организационная работа Серпуховского совета была все время не на должной высоте, что в конечном итоге способствовало ухудшению продовольственного положения города*¹⁵⁴⁴, дошедшего два месяца назад до острого кризиса. Угроза голодных бунтов рабочих побудила Полевой штаб напрячь все силы к улучшению продовольственного положения Серпухова. Южный и Восточный фронты по моему ходатайству прислали более 10 вагонов продовольствия в виде подарка серпуховским рабочим, Полевым штабом были выданы удостоверения представителям Совета о беспрепятственном проезде на фронт для закупки продовольствия. Были даны телеграммы на фронты с просьбой оказывать содействие, и экспедиции дали положительные результаты. Перед Наркомпродом было возбуждено ходатайство от имени Полевого штаба о принятии мер к улучшению продовольственного положения города; ходатайство было удовлетворено. Все эти меры дали возможность сгладить остроту момента, и продовольственное положение улучшилось. Серпуховской совет часто переживал тяжелый финансовый кризис и неоднократно обращался в Полевой штаб с просьбой о выдаче заимообразно нескольких сот тысяч рублей, и всегда Полевой штаб шел навстречу, чем много облегчил положение Совета. Таким образом, во всех крупных вопросах оказывалась поддержка.

Переходя к фактам, приведенным в записке президиума Совета, могу сказать, что я от имени Полевого штаба дал согласие на переселение служащих, но просил, чтобы они не были поставлены в худшие условия, что Совет гарантировал. Никакой защиты буржуазии

Полевой штаб не оказывает; если и есть примазавшиеся, чего трудно избежать, то мною приняты меры к их удалению; все же вновь поступающие подвергаются строгому контролю. Нарядчик Кульков, действительно оказавшийся [выходцем] из среды зажиточной буржуазии¹⁵⁴⁵, после заявления председателя Исполкома т. Антонова о нежелании Кулькова подчиниться распоряжению о переселении, был мною немедленно уволен и направлен в распоряжение Военного комиссариата для назначения в армию¹⁵⁴⁶. Инцидент с начальником гарнизона, не понимающим сферы своей компетенции, после моих указаний ему ликвидирован принесением официального извинения начальником гарнизона Исполкому. Утверждение, что Генштаба Даллер «потребовал» вернуть соль спекулянту, не соответствует действительности. Вследствие отношения Исполкома мною было произведено расследование и выяснилось, что в Административно-учетное управление поступило заявление, адресованное в Реввоенсовет Республики, от одного из граждан г. Серпухова о якобы неправильном отобрании у него соли, которую он вез по разрешению. По инициативе комиссара Административно-учетного управления т. Семенова это заявление было препровождено за его и начальника [Организационного] управления Даллера подписями в Исполком, с припиской «расследовать дело» и просьбой «о результатах уведомить»¹⁵⁴⁷. Мною было тогда же дано распоряжение т. Семенову с указанием на недопустимость вторжения в сферу компетенции Совета и приказано впредь таких бумаг не посылать. Что касается указаний на более благоприятное положение [Полевого] штаба в смысле отопления, то действительно температура в помещении штаба поддерживалась во время зимы на уровне, при котором возможна работа, ибо в противном случае работоспособность была бы понижена, что не могло не отозваться на обороне Республики. Город вполне мог быть удовлетворен заготовленным запасом дров, если бы Совет наладил подвоз. Сотрудники Полевого штаба, жившие в городе, были в одинаковых условиях с остальным населением, и температура в их квартирах [о]пускалась ниже нуля градусов. Считаю, что фактам, изложенным в докладной записке президента Серпуховского совета, придано большое значение и сама апелляция в РВСР и ЦК для меня кажется излишней и мало обоснованной.

Все эти недоразумения были решены мной после моего приезда с фронта.

Военный комиссар [Полевого штаба] и член РВС Республики
Аралов

Резолюция В. Максимова: «Настоящее объяснение вместе с докладом Серпуховского районного к[омите]та передать для ознакомления т. Гусеву <и В.М. Смирнову> во избежание подобных описанных здесь трений. 19/VI—[19]19 г. Влад[имир] Максимов»¹⁵⁴⁸.

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 189—190 об. Отпуск — машинописный текст на бланке «РСФСР. Военный комиссар Полевого штаба и член Революционного военного совета Республики» с автографом.

№ 2.2.18

Доклад заведующего шифрами Полевого штаба, старого большевика Портнова члену РВСР, военному комиссару Полевого штаба С.И. Гусеву о необходимости отстранения генштабистов от шифровального дела

г. Серпухов

12 июня 1919 г.

Комиссару Полевого штаба Реввоенсовета Республики

При разработке и утверждении новых штатов Полевого штаба в октябре 1918 года т. Аралову удалось отстоять на должности заведующего шифрами Полевого штаба и его помощника — «партийных работников». Чем последнее диктовалось — считаю совершенно излишним распространяться, но полагаю, что необходимость такой предусмотрительности по этому вопросу и посейчас не потеряла свою остроту. Однако некоторое время тому назад по единоличному указанию бывшего начштаба Костяева к заведующему шифрами было приставлено еще одно лицо — генштаб.

Причиной такого распоряжения послужило исчезновение при рассылке трех экземпляров не введенного еще в действие шифра. Поскольку [наличие] генштаб[истов] может предотвратить в дальнейшем подобное повторение — для меня является секретом.

Для меня же, как заведующего шифрами, такое положение вещей представляется очень щекотливым. Ибо, формально и фактически являясь ответственным не только за цельность количества шифров, но и за сохранность [и] конспирацию таковых, приставлением ко мне генштаба (вся деятельность коего по части шифров сводится к тому, что он получает вместо меня прибывающие пакеты с шифрами и после ознакомления [с] [н]ими передает их мне для хранения и пользования, а равно и для снабжения таковыми соответствующих штабов) [я лишен] всякой гарантии минимального сохранения конспирации шифров. Последнее считаю абсолютно ненормальным.

Докладывая изложенное, прошу ваших соответствующих распоряжений.

Заведывающий шифрами [Портнов]

Резолюция С.И. Гусева¹⁵⁴⁹: «Тов. Данишевскому. Составить приказ об обязательном шифровании исключительно коммунистами. Кроме того, необходимо строго проверить состав шифровальщиков, насколько они старые и верные работники. С. Гусев. 1/VIII».

<Помета К.Х. Данишевского¹⁵⁵⁰: «Т[ов]. Горшкову. Прошу составить [проект] соответ[ствующего] приказа и представить мне. 2/VIII. Данишевский».>

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 214. Подлинник — машинописный текст на бланке «Полевой штаб Революционного военного совета Республики» с автографом зеленой ручкой.

№ 2.2.19

Из стенограммы заседания Московского комитета РКП(б) — из доклада С.И. Гусева о коррупции в Полевом штабе Реввоенсовета Республики и о недостатках в работе военной цензуры

21 июня 1919 г.

Протокол заседания Московского комитета РКП
от 21/VI—1919 г.¹⁵⁵¹

Гусев: <...> Заканчивая свой доклад, я хочу обратить внимание М[осковского] к[омите]та на Ставку в Серпухове. Атмосфера там крайне скверная.

В то время, как на фронте во главе всех частей рядом с командным составом стоят коммунисты и всюду есть такие коммунистические ячейки, здесь, в Серпухове, коммунистов крайне мало, лучшие тов[арищи] из ячейки увезены были т. Араловым на Западн[ый] фронт, оставшаяся мне ячейка не имеет ровно никакого влияния.

Серпуховские военные специалисты позволяют себе совершенно недопустимое обращение с тов[арищами] коммунистами. Местная же организация коммунистов тоже ведет себя не совсем правильно: она ведет агитацию против [Полевого] штаба, возбуждает против него агитацию рабочих. В отд[елах] [Полевого] штаба не везде есть политические комиссары, а некоторые из имеющихся комиссаров не на высоте положения. Вы все понимаете, как важно, чтобы у нас в [Полевом] штабе было все благополучно, чтобы там была сильная коммунистическая ячейка, учредившая строгий контроль за бесчисленными специалистами. Потому я предлагаю Военной организации [при МК РКП(б)] выделить подходящих товарищей, твердых и надежных, послать их для работы в [Полевой] штаб. Надо установить строгий контроль, коммунистический контроль, в штабе и наладить партийную работу в уезде, где часто происходят дезертирские восстания.

Тов. Гусев отвечает на поставленные ему вопросы.

1) О военной цензуре. Наша военная цензура часто пропускает в печать то, что нельзя пропускать, и не пропускает то, что можно. Это

происходит оттого, что она оторвана от военного командов[ания] и действует самостоятельно. Ее надо подчинить командованию фронтов.

<...> О Ставке. Там действительно много негодного элемента, и серпуховская буржуазия устроилась им на службу. Там есть вещи, о которых я буду говорить с Дзержинским. [...]

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 101. Л. 1, 3 об. Подлинник — машинописный текст с автографом.

№ 2.2.20

**Из докладной записки военного комиссара ЦУПВОСО
В.В. Фомина в ЦК РКП(б), заместителю председателя РВСР
Э.М. Склянскому о своих методах работы, о бывшем
начальнике УВОСО Восточного фронта В.А. Жигмунте,
начальнике ЦУПВОСО М.М. Аржанове и других руководящих
кадрах управления**

6 июля 1919 г.¹⁵⁵²
В[есьма] секретно

- 1). В Центральный комитет Российской коммунистической партии.
- 2). Заместителю председателя Революционного военного совета Республики т. Склянскому.

Копия: члену РВСР военному комиссару Полевого штаба т. Гусеву.

*Члена ВЦИК, военного комиссара Центрального управления
военных сообщений В.В. Фомина*

Докладная записка

[О назначении военных комиссаров и их взаимоотношениях с военными специалистами]

<...>¹⁵⁵³ Возможны — и применения¹⁵⁵⁴ на практике — два основных направления деятельности военных комиссаров при техниках — специалистах военного дела.

Первое открывает в своем существе лозунг: «Бей специалистов». Пусть здравствует главенство комиссаров. Этот метод имеет нескрываемую тенденцию к захвату аппарата военных сообщений в руки специалистов-коммунистов. Захват должен начаться с немедленного занятия руководящих постов — начальников военных сообщений (в данном случае всех инстанций, их помощников и начальников отделов).

Основанием и оправданием этого метода являются два положения: а) измена и предательство со стороны белых — специалистов в отдельных случаях; их формальное, ради «сребреников», отношение к делу — как массовое явление, как правило. Предположение, что

наличных сил коммунистов достаточно, чтоб захватить аппарат в свои руки и вести дела в соответствии [с] требования[ми]. Питомником этого направления является Петроград. Оттуда даже представлена схема организации аппарата военных сообщений по этому принципу (схема прилагается в конце доклада¹⁵⁵⁵).

Второе направление основывается на всемерном использовании опыта знаний специалистов и убеждении в невозможности [ведения] дела одними своими усилиями. Это невозможно без возложения ответственности на них¹⁵⁵⁶. Ответственность же возможна при условии пред[о]ставления известной дозы инициативы — самостоятельности.

Эта последняя точка зрения является официальной точкой зрения партии. Она принята VIII съездом партии и, следовательно, обязана к практическому проведению для всех членов партии. Этот же принцип положен в основу строения всего организма военных сил страны. Приказом Революционного военного совета Республики от...¹⁵⁵⁷ № 461¹⁵⁵⁸ воспрещается военным комиссарам вмешательство в техническую сторону дела. Однако, до сих пор, намеренно не определены точно права и обязанности военных комиссаров. При должном удельном весе, такте, уме [всегда остается] широкая возможность влиять самым ощутительным¹⁵⁵⁹ образом на ход дела.

Я принадлежу к числу проповедников официальной веры партии, не за страх, а за совесть. Не потому, что эта линия официальна и обязательна, не из-за одной дисциплины, а потому также, что мое собственное убеждение совпадает с линией партии. И поскольку на меня возложена обязанность объединять деятельность всех военных комиссаров военных сообщений Республики, я (по мере сил) обязываю подчиненные мне инстанции к применению именно этого метода взаимоотношений с военными специалистами. <...>

Считаю уместным лишь двумя примерами из практики подтвердить несостоятельность первого метода.

В течение 8 месяцев начальником военных сообщений Восточного фронта был В.А. Жигмунт, член РКП (правда, очень молод [этот] член). В прошлом он — член коллегии Народного комиссариата путей сообщений.

Помощников, начальников отделов и вообще ответственных должностных лиц он подобрал себе также партийных. В каком состоянии оказался аппарат военных сообщений на Востоке — об этом я уже говорил. Об этом свидетельствуют прилагаемые к докладу материалы. Это же подтверждают сведения, идущие от нового начво-совост — Генерального штаба Афанасьева и военного комиссара при нем т. Парамонова (см. приложения).

Второй пример — из области, близко соприкасающейся¹⁵⁶⁰ с военными сообщениями. В ведомстве путейском аппарат построен на принципе главенства комиссаров и безответственности техников-специалистов. Нет оснований свидетельствовать о практической пригод-

ности этой системы и, тем менее, [о] ее преимуществах. И наоборот, есть много поводов утверждать обратное. Поводы общеизвестны. Он стали притчей во языцех.

Как всюду в частях армии специалисты — мастера военного дела в военных сообщениях — расколоты революцией на три неравные силы. Лучшей, небогатый численно¹⁵⁶¹, работает с революцией за совесть. Работает, несмотря на голод, обнищание, контраст с прошлым. Их, этих людей, несущих свои знания на алтарь освобождения человечества, нельзя не окружать любовью и уважением. Таких немного в аппарате военных сообщений. Но они есть.

Вторая группа (самая многочисленная) — несущие «большевистский гнет» по тяжелой материальной необходимости. Эти ненавидят революцию и всех иже с нею. Изуродованные «великим провокатором народов» — капиталом, они трусливы, как на барометре, на них заметны колебания политической непогоды; они пассивно враждебны и «подкладывают свинью» (иногда) трусливо осторожно, вопреки расчетам дня, по классово-ненависти. Они ценны лишь своим опытом, знания[ми], организационным[и] навыками. Они не творят новых форм, несут лишь с собой традиции; они формально относятся к работе; они безучастны к ее конечному результату. Но все ж они необходимы. Заменить их некем. И поучиться классу *победительно*¹⁵⁶² у них все же есть чему.

Третий слой. В большинстве сильные, смелые, враждебные. Хитрые. Шпионы. Работают по поручению еще не поверженных врагов. Собирают сведения. Передают. При отстранении стратегических резервов на фронтах и необходимости ведения войны методом переброски войск по так называемым внутренним коммуникационным¹⁵⁶³ линиям — шпионаж в органах военных сообщений приобрел перво-степенное значение.

Отношение к первым двум группам со стороны прокуроров революции — военных комиссаров — явствует из самой природы этих групп. Разногласий здесь нет. Особняком стоят шпионы и предатели. В процессе текущей работы в учреждении их нет возможности уловить, уличить. На основании массы мелких наблюдений можно лишь локализовать подозрения на определенной группе лиц. Дальше уже необходим метод бесцеремонного [сыска]: установление, по возможности, всех связей и знакомств, потом аресты, потом улики, потом беспощадная расправа. Сил для осуществления этой системы борьбы с предательством в распоряжении военных комиссаров нет. Необходимо привлечение сыскных органов, в данном случае — Особого отдела ВЧК. На применении этой меры к группе служащих Центр[ального] упр[авления] военных сообщений я и настаиваю перед Особым отделом.

Тот же метод борьбы рекомендую комиссарам УПВОСО фронтов. <...>

**[О начальниках ЦУПВОСО при Полевом штабе РВСР
М.М. Аржанове и И.А. Бармине]**

<...> Личность начальника Центрального управления военных сообщений М.М. Аржанова характеризуется следующими основными чертами.

Честолюбив. Крайне привержен к материальным благам и жизненным удобствам. Эти две причины — никакие другие — являются стимулами его деятельности. Только этим — ничем другим — обусловливается его относительная ценность. Ради того, чтоб удержаться при той сумме материальных благ, которая сопутствует должности н[ачальни]ка Центр[ального] упр[авления] военных сообщений, он напрягает усилия, стремится показать свою ценность. Отнюдь не ради самого дела.

Крайне не разборчив в средствах укрепления собственного благополучия. Правил какой бы то ни было морали не знает. Разве готтентотской. И это отнюдь не преувеличение и не красное словцо. Наоборот — это существеннейший элемент его нравственного облика, поскольку вообще уместно касаться в данном докладе вопросов нравственности.

Вещи и преимущества, присвоенные должности (автомобиль, кабинет, мебель и пр.), он рассматривает, как приданные ему лично.

Полное пренебрежение к правам (юридическим, естественным — одинаково) своих подчиненных; даже помощников. Мстителен. За прямоту и указания на ошибки подчиненных преследует с настойчивостью, доступной лучшей участи¹⁵⁶⁴ (нач[альник] 1-го отд[ела] Ген[ерального] шт[аба] Савенко, Ген[ерального] шт[аба] Никулин, Ген[ерального] шт[аба] Афанасьев и масса мелких сошек упечены им на низшие должности, сосланы на фронт и уволены [вне] всякой зависимости от полезности и способности к работе).

Лжив. В вопросах служебных и личных одинаково лжет всем по поводу и без повода. Часто наивно, нелепо. Иногда опасно и вредно. В докладах тт. Троцкому и Склянскому, начальнику Полевого штаба (докладах неизменно в моем или моего заместителя присутствии) искажает истинное положение дел в сторону затушевывания недостатков аппарата, невыполненных обещаний и, следовательно, в результате возможности неверных боевых расчетов.

Стремится (что, впрочем, естественно, характеризует не его одно) попадать на доклады без комиссара-свидетеля и путем беззастенчивого вранья «укреплять» собственное положение. Не [с]только умен, [сколько] практичен. И то односторонне — в целях использования своего служебного положения для личных, семейных и пр[очих] удобств.

Имеет значительный по долголетию (25) опыт в железнодорожном деле. Стаж — от мелкого агента до управляющего Эксплуатаци-

онным управлением железных дорог уже после Октябрьской революции. Высшего военного образования не имеет, военный отчет также не значителен, что для начальника ЦУВС является минусом и серьезно тормозит работу в иных ее частях. Качественно ценность его опыта по...¹⁵⁶⁵ системе будет правильным оценить отметкой 3. Это не мешает ему при всяком удобном или неудобном случае щеголять фразами самовосхваления, неизменно начинающим[и]ся со слов «Я четверть века» и т. д. и именовать себя «создателем диспетчерского дела в России». На этот последний титул он, кажется, имеет некоторое действительное право.

Легкомыслен и болтлив. Вся его деятельность — даже положительная, полезная — неизменно носит на себе отпечаток...¹⁵⁶⁶ фразы, эффекта, показанного¹⁵⁶⁷.

Серьезности, глубины, размаха мысли и творчества — нет и не обещает быть.

Как администратор — не поддается короткой, резкой оценке. Имеет достоинства. Есть нажим. Умение отдавать приказание так, чтоб они исполнялись. Часто это умение граничит с неизречной¹⁵⁶⁸ наглостью.

Дисциплину среди подчиненных поддерживает без труда — методами сильно, но не надолго действующими (разносами, угрозами, взысканиями, арестами).

Сам исполнительен, но без инициативы, за исключением вопросов хозяйственных.

Крайним и резким его недостатком является неумение конструировать местные органы военных сообщений, руководить, совершенствовать аппарат в зависимости от накапливающегося [опыта]. Правда, значительную долю неурядицы надлежит отнести на счет объективных условий. Однако, знание сознательных усилий к устройению остается неизменно великим¹⁵⁶⁹.

Местные органы — фронтовые и армейские УПВОСО — возникли стихийно, из местных сил и средств. До сих пор работают кустарно. Их организация крайне несовершенна. Подбор сотрудников случайный и в силу этого нуждающийся в близком руководстве [и] инструктировании. Основные¹⁵⁷⁰ элементы всякого административного аппарата, в частности УПВОСО — 1) центр (мозг и хозяин); 2) связь и 3) местные органы всех инстанций. Лишь при относительном совершенстве этих трех слагаемых сумма может считаться удовлетворительной. Центральный орган — «ЦУПВОСО» — относительно совершенен. Относительно потому, что и здесь есть крупные изъяны. Подбор работников удачный. Много ценных знатоков дела. Но система работы отделов и отделений не объединяется в лице начальника управления. Он не дирижирует работой, не руководит ей. Лишь шумит, часто по-репетитовски. От этого слаженности, дружности, если позволительно так выразиться, ансамбля нет.

Разносы, угрозы, полное пренебрежение к достоинству подчиненных действуют сильно, но не надолго. Создается привычка не служить, а прислуживаться. С исчезновением грозного начальства из поля зрения — хотя бы временно — дело с облегчением (как нечто неприятное) откладывается.

Важнейший из отделов центрального управления — 3-й (военно-эксплуатационный) — отнюдь не смеет блистать совершенством организации. Напротив, на его работе очевиднее всего [прослеживается] отсутствие разумного руководства со стороны начальника. Для близкого наблюд[ателя] ясно, что тут не одно «некогда» или «еще не добрался». Нет, М.М. Аржанов знает, что отдел, где сосредоточены 65—70% работы ЦУВС — все перевозки — тяжело болен. Я неоднократно обращал внимание на это. Он соглашался. Но пока все ограничивалось разносами. Здесь мы, несомненно, имеем дело с незнанием методов организации — научной, серьезной постановки работы; неумением ввести простую, целесообразную, удобную, совершенную систему работы, чтоб требовала она от людей несложных навыков, свободных от массы ненужного, рутинного.

А это так важно. Чтоб победить, нужно — наряду с прочими элементами — иметь систему борьбы не только не худшую противника, но и превосходящую — по целесообразности¹⁵⁷¹.

Второй элемент — связь — может считаться удовлетворителен¹⁵⁷² (имеется в виду связь в техническом смысле этого слова). Затруднения лишь во взаимоотношениях с другими ведомствами при эксплуатации связи. Устранение этого недочета выходит за пределы одного ЦУВВОСО. Ему, в лучшем случае, может принадлежать почин в этом деле.

Плохо дело с получением нужных ЦУВВОСО сведений с мест. Они получаются бессистемно. Получается много ненужного балласта в ущерб необходимому. Точных, коротких, ясных норм не создано. Много параллельного с работой НКПС. Эта область близко граничит с несовершенством местных органов. Надо их обучить ходить. Готово обученных нет. Тут М.М. Аржанов совсем не состоятелен. Его целиком поглощает текущая работа. Он почти беспомощно барахтается в ее волнах; он не в силах выбраться на остров, на высоту, чтоб обозреть всю работу, создать основные...¹⁵⁷³, которые позволили бы овладеть бьющими отовсюду бурными ручьями все новой текущей работы, заковать ее в стальное русло системы. Вперед не смотрит, не может смотреть. Лозунг его, хоть, может быть, несознаваемый — «довлеет дневи злоба его». Исключения составляют лишь хозяйственные вопросы и некоторые заботы об «устройстве» служащих. В этом М.М. Аржанов проявляет похвальную деятельность.

Еще одна (важнейшая) сторона характеристики — политическая. Часто говорит о его полной преданности интересам революции. Кажется, неоднократно возбуждал вопрос о вступлении в члены РКП¹⁵⁷⁴.

Излюбленный мотив его на этот счет — разглагольствования о том, что вот-де «Вашего покорного слугу первым расстреляют, когда придет Колчак» и т. д. Смело берется иной раз рассуждать на тему об исторической неизбежности пролетарской революции и о том, сколь презренны специалисты, не понимающие этой неизбежности. Повторяется. Запас его социальных идеек крайне тощ. Он не идет дальше замызганных, разрозненных мыслишек, заимствованных из разговоров со знакомыми большевиками и редко прочитываемых газетных статей. С первых же слов неизменно сбивается с [мысли], переходит на чисто обывательский жанр. В заверениях его лояльности ясно слышен и чуется образ мелкого хищника, изуроданного¹⁵⁷⁵ капиталом, способного рассматривать явления лишь с личной точки зрения. Был бы мне стакан чаю и хлеб с маслом по утрам — а на все остальное наплевать. Бесконечное презрение к «...»¹⁵⁷⁶ засело в нем неискоренимо и сквозит сквозь все его реляции, в его делах, обращении с людьми, манерах.

Так было до недавнего времени. Но в течение последних двух недель имели место три факта, вселяющие подозрения, но недостаточные для категорических выводов. Изложу их: 1) В один из докладов начальнику Полевого штаба (дата) возник вопрос о маршруте, которым следовало направлять 2-ю бригаду 5-й стрелковой дивизии, которая перебрасывалась тогда с Восточного фронта на Южный (потом назначение изменено было на Петроград). Бригада была расположена в районе Бирска. Посадка ее на суда долго задерживалась отчасти из-за отсутствия готового тоннажа на [р.] Белой, отчасти из-за несосредоточения вовремя самих частей...¹⁵⁷⁷ Тоннаж был выслан из Казани. М.М. Аржанов стал излагать соображения о преимуществах перевозки этой бригады по железной дороге от Уфы. До Уфы же бригада, по мнению М.М. Аржанова, должна была дойти походным порядком. В этот момент начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев стал разговаривать по телефону с т. Склянским. М.М. Аржанов подошел к карте, где нанесено расположение частей по фронтам, стал подсчитывать количество верст от Бирска до Уфы. Меж тем взгляд его был направлен не столько на версты, сколько на нумерацию дивизий, расположенных по фронту. Необходимость подсчета ничем не вызвалась, тем более что точное число верст от Бирска до Уфы было известно М.М. Аржанову и тут же, в разговоре, было лишний раз подсказано ему моим заместителем т. Щукиным, присутствовавшим на докладе. Подозрительность этого случая усугубляется тем, что М.М. Аржанов крайне чуток в отношениях к начальству. Такая бестактность, как созерцание секретнейшей карты в чужом кабинете, да еще начальства, никак не вяжется со всем остальным поведением М.М. Аржанова в таких условиях. Во всяком случае, следует признать здесь наличие чрезмерного любопытства — предательского или обывательского, судить нет данных. Но при взгляде на карту становится так очевидной

вся колоссальная важность передачи этих сведений командованию белых — что, может быть, произвольно, построения рассудка грешат смешением с боязнью.

В это же время началась переброска 2-й и 3-й бригад 2-й стрелковой дивизии из района ст. Чишны (см. Злат. к Царицыну, потом 3-я бригада была повернута на Петроград). На этом же докладе дважды, в присутствии т. Шукина, н[ачальни]к Штаба указал, между прочим, что линия Творино—Царицын не занята противником и, следовательно, движение эшелонов по ней возможно. С эшелонов 2-й бригады по железной дороге маршрутом Чижны — Самара — Сызрань — Пенза — Ртишево — Балашов — Поворино — Царицын (остальные эшелоны — из Самары Волгой до Царицына). При подходе головного эшелона (из 6-ти) к Балашову М.М. Аржанов вдруг отдает распоряжение повернуть эшелоны на Камышин для перегрузки и дальнейшего следования водой. На позднейший вопрос — на каком основании — он ответил, что линия Поворино — Царицын перерезана противником. При дальнейшем объяснении установлено, что он якобы понял отрицательное заявление Ф.В. Костяева в том смысле, что эта линия перерезана. Как он мог понять таким образом совершенно категорическое, не допускающее двух столкновений, двукратное заявление начальника Штаба — остается неясным.

Вся сущность подозрений заключается в том, что (по обстановке) его распоряжение могло пройти незаметным для меня. Его разоблачил случайно помощник н[ачальни]ка 3-го отдела Гавшевский. А положение под Царицыном было таково, что задержка подкреплений полсуток, даже на час, была крайне соблазнительна, ибо грозила революции бедой.

Правда, через полтора суток из Полевого штаба было получено сообщение о перерыве к этому времени линии Поворино — Царицын на участке Серебряково — Арчеда. Эшелоны все равно пришлось повернуть на Камышин. Ранее распоряжение вышло об этом даже удачным¹⁵⁷⁸. Но это уже дело случая. Существо подозрений остается в силе.

27 июня — новый аналогичный случай. 25 июня началась, между прочим, переброска 7-й стрелковой дивизии из Воткинска в район Курск — Льгов. К этой дивизии придана и должна была идти вместе с ней отдельная бригада т. Аргира¹⁵⁷⁹, потом было получено дополнительное распоряжение направить эту отдельную бригаду в район Балашова, двум же бригадам 7-й дивизии следовать прежним назначением, М.М. Аржанов известил заместителя наркомпу т. Маркова об изменении маршрута и направлении *всей* дивизии в район Балашова. Из просмотра редакции распоряжений об этой перевозке я установил, что их отнюдь нельзя понять в том смысле, что нужно повернуть всю дивизию. Был запрошен Полевой штаб, и теперь уже установлены нужные маршруты.

Для всех трех случаев общими чертами являются: некоторая запутанность обстановки — призрачная неясность оперативных распоряжений, мутная водица, дающая возможность формальных отговорок. Непременно крайняя срочность перебросок, когда из Полевого штаба по телефону получились настоятельные указания о том, чтобы «гнать эшелоны вовсю», и когда всякая задержка на час имеет значение.

Я отнюдь не страдаю шпиноманией. Не делаю категорических выводов. Говорю лишь о подозрительности некоторых действий Аржанова.

К этой категории моих наблюдений относятся еще следующие: М.М. Аржанов проявляет чрезмерно большой интерес к оперативным делам и военным секретам.

Всюду, где можно, в поездках он всем *могущим знать* кое-что задает вопрос о числе войск, их расположении, производительности патронных заводов и т. д.

В частности, такая его любознательность бросилась в глаза во время последней моей поездки с ним (19—23 июня) на Южный фронт — в связи с сообщениями КПС о катастрофической загруженности узлов Курск — Касторная и невозможности (в силу этого) подвоза подкреплений. Кстати, в эту поездку он ярче всего демонстрировал свою неспособность, глубоко и разумно, руководить делом. Тот же¹⁵⁸⁰. Наиболее близко стоящие к нему подчиненные сосредотачивают на себе также много подозрений. Таковы — состоящие для поручений при нем В.В. Ахшарумов и С.М. Танненберг и 2-й помощник н[ачальни]ка 3-го отдела — Юдичев.

Проверить до конца обоснованность подозрений аппаратом комиссаров нет возможности. Об этом я уже говорил.

Крайне слабо поставлена в управлении конспирация военных тайн.

К делу сводок о передвижении войск М.М. Аржанов привлекает чересчур много людей, отношение которых к этому делу является, по меньшей мере, отдаленным. Теперь производится обследование порядка хранения военных тайн.

Это обстоятельство, впрочем, не столько характеризует административную несостоятельность М.М. Аржанова.

В силу ли своей болтливости или намеренно, но всегда с особым удовольствием и длиннотами смакует он неудачи на фронте, недостатки отдельных видных большевиков, в особенности своего начальства, критикует их отдельные неудачные распоряжения. При этом привирает невероятно. И непременно в присутствии многих. Впрочем, без особой злобы — так, со значительным привкусом сплетен.

При известиях с фронта об отходе распространяет вокруг себя невероятную панику; муссирует, изобретает новые сведения, не имеющие никакого сходства с действительностью.

Намеренно или в силу свойств характера — решить нет данных. Вероятно — основная причина вторая с легкой примесью первой.

Все существенные группы наблюдений над характером деятельности поведения М.М. Аржанова, что мне удалось сделать в течение двух месяцев работы в качестве военного комиссара ЦУПВОСО.

Характеристика страдает значительным недостатком — отсутствием ссылок на факты, подтверждающие обоснованность выводов. Отнюдь не потому, что фактов нет. Их чрезмерно много. Подкрепить ими справедливость каждой группы свойств М.М. Аржанова не представляло бы труда. Но доклад неизмеримо распух бы от этого. Допускаю этот крупный пробел, потому что нет решительно никаких данных заключить о личной моей неприязни к М.М. Аржанову. Отношения с ним вполне прекрасные. Резких конфликтов удастся избежать. Характеристику можно сконцентрировать на следующих коротких положениях:

1. В политическом отношении внушает серьезные подозрения.

2. Как администратор — обладает значительными достоинствами, но не менее значительными недостатками.

3. Как теоретик и организатор, глубокий, серьезный руководитель делом — не выдерживает даже самой поверхностной критики.

4. Общие черты: без каких бы то ни было этических устоев — без всяких богов и [героев] в душе; строжайший и последовательнейший исповедник культа личного благополучия. Этому божку приносится в жертву все.

5. В будущем нет никаких оснований ожидать развертывания новых планов и способностей — следовательно, [с точки зрения] лучшего руководства делом М.М. Аржанов выявил себя полностью, со всем своим небогатым содержанием.

Нужно указать еще на одно, извне привходящее обстоятельство, осложняющее работу начальника Центр[ального] упр[авления] воен[ных] сообщ[ений]. Вокруг М.М. Аржанова создалась атмосфера травли и недоверия.

В Полевом штабе его расценивают невысоко и не верят ему; в Реввоенсовете — также; ВЧК и (в особенности) Особый отдел ВЧК — Народный комиссариат путей сообщения ведут против него ожесточенную кампанию, хоть и не в силах собрать бесспорный материал.

В некоторых вопросах ЦУПВОСО отождествляется с личностью Аржанова, и это имеет свое отрицательное значение при решении некоторых крайне серьезных дел. Таков вопрос о военном положении на железных дорогах. При обсуждении его иные противники...⁵ военного ведомства в проведении военного положения аргументировали примерно в таком роде: «Как, Аржанов будет приказывать ВЧК и НКПС» и т. д.

В воздухе уже повисло ожидание, когда «наконец» уберут Аржанова. Задают даже некоторые вопросы на эту тему.

М.М. Аржанов чуток. Атмосфера травли, недовольства, недоверия нервирует его, обесценивает его немногие, но, несомненно, имеющиеся достоинства. Я докладывал т. Склянскому и в Полевом штабе т. Аралову о необходимости разрешения атмосферы вокруг Аржанова, поскольку он не заменен лучшим. Кажется, после доклада последовало некоторое улучшение.

До сих пор я был энергичным защитником Аржанова, отнюдь не расценивая его высоко. Позиция его многочисленных, часто беспардонных противников представляется мне легкомысленной. Говорят лишь — прогнать. Никто не договаривает — кем заменить. А в этом, как раз, вся соль.

Аппарат военных сообщений при Аржанове так или иначе работает. Напоминать о важности перевозок войск в этот момент излишне. Всякая смена влечет за собой некоторый период междуцарствия, пока новая метла не овладеет делом, не освоится с ним в полной мере. На этот период (продолжительность его различна) ослабление... [в] деятельности аппарата, бесспорно, будет иметь место]. Так бывает во время хотя бы коротких отлучек Аржанова и замены его другим.

Если так, то смена может быть оправдываема лишь несомненными и крупными преимуществами нового кандидата. Между тем бесспорно лучшего, безусловно выше стоящего кандидата до сих пор никто не только не гарантировал, но и не выдвигал. Втихомолку, трусливо и безответственно подсовывают кое-кого, но все это крайне не серьезно, легковесно. При таком отношении к делу через месяц, если не раньше, явится необходимость новой замены — и так без конца.

Положение может быть сформулировано так.

На посту начальника такого чуткого, сложного, важного аппарата, как Управление военных сообщений, не только желателен, но и *необходим* более сильный кандидат, чем М.М. Аржанов.

Замена его настоятельно нужна, но требует крайне осторожного заместителя.

До сих пор такового не имелось.

Лучшим исходом, несомненно, явилось бы назначение партийного техника, достаточно сильного. Его, говоря по совести, нет. Образец работы одного из тайных претендентов на этот пост представляю (см. в приложениях [доклад] т. Голлендера, военного комиссара 3-го отдела ЦУПВОСО). Доклад адресован мне.

Остается выбор из ценных специалистов.

На основании наблюдени[й] — беру на себя ответственность аттестовать 3-х сильнейших кандидатов:

1. **Серебряков Владимир Георгиевич** — Генерального штаба бывш[ий] генерал-майор.

Глубокий теоретический знаток военных сообщений. Лучший из всех, кого мне удавалось наблюдать. Подходит к вопросам научно,

серьезно, всегда с обстоятельной аргументацией, с большим размахом мысли, додумывает до конца, до деталей. Много писал по военным вопросам. Практический стаж значителен. Во время войны 1914—1918 г[г]. был начальником военных сообщений Румынского фронта.

В последнее время начальник военных сообщений Белитармии (теперь 16-й армии).

В данный момент — инспектор при начальнике центрального управления.

Минус — слабость военных импульсов, что он сам признает в беседе с близкими.

Угнетен материальным ущербом, нанесенным революцией. Он из довольно состоятельной фамилии; ныне ходит в кое-каких сорочках, хоть (по привычке) чистенько и аккуратно. Естественно, что общее настроение его нерадушно. Однако не злобствует.

Как руководитель и организатор стоит безусловно высоко. Как администратор слабее, но...¹⁵⁸¹

Нет смелости и развязности в обращении с различными инстанциями советских учреждений, как у Аржанова. Нет нажима. Этот недостаток может и должен [быть] компенсирован более активной ролью военного комиссара.

Точных данных о политической физиономии его не собрано. Общее впечатление — безопасен. Самый серьезный из имеющихся кандидатов¹⁵⁸².

2. Бармин Иван Александрович¹⁵⁸³ — Генерального штаба бывш[ий] генерал-майор.

Стаж более 20 лет. Служил долгое время заведывающим передвижением войск¹⁵⁸⁴ в различных районах, главным образом — на Западе.

В войну 1914—1918 гг. был, между прочим, начальником эксплуатационного отдела при Ставке (Главперевоз). Дело знает основательно. Властный. С большой волей и нажимом. В этом он отнюдь не слабее Аржанова и едва ли не превзойдет его. С политической стороны — вполне безопасен.

Теоретическими познаниями не блещет.

Очень серьезный кандидат. Если бы сказалось, что Серебряков не принял бы поста, ссылаясь на слабость воли и малую непригодность к современным условиям, Бармин может заменить его без особых дефектов.

3. Томлин Сергей Владимирович¹⁵⁸⁵ — Генерального штаба бывш[ий] генерал-майор.

Стаж не велик. Дело относительно знает. Первоначально берет вопрос глубоко и верно, но никогда не додумывает до конца. Бросает лишь мысль — искру, которая, ярко-ярко блеснув, угасает без следа. Есть основания опасаться, что как администратор разменяет-

ся на мелочи, не сумеет сохранить за собой основных нитей¹⁵⁸⁶ руководства. Был начальником военных сообщений Северного фронта. Теперь помощник начальника Центрального управления [военных сообщений].

Значительно слабее двух первых.

Есть еще [один] довольно сильный кандидат, четвертый —

Чеботаревский Владимир Николаевич — начальник 2-го отдела ЦУПВОСО. Бывший полковник. Старый, опытный передвиженец. Был долгое время заведывающим передвижением войск Рязанско-Уральского и других районов. Дело знает очень основательно. Умный. Прямой. ...¹⁵⁸⁷, не лебезит перед начальством. Держится независимо.

Кандидатура его не может считаться серьезной по формальным причинам. Он не Генерального штаба, и против его назначения будет энергично восставать Полевой штаб.

Есть возможность гарантировать лишь вероятное превосходство каждого из этих кандидатов и особенно первых двух.

Выявит ли себя это превосходство на практике — ручаться трудно.

Увольнение М.М. Аржанова встретит главное препятствие со стороны т. Троцкого, в котором М.М. Аржанов, изловчаясь встречать по приезде в Москву и докладывать без свидетелей, поддерживает счастливую уверенность [в том], что на Шипке все спокойно.

Приложения:

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 12 об.—21. Заверенная машинописная копия¹⁵⁸⁸; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 106 с об.—115. Незаверенная машинописная копия. Печатается по тексту РГВА.

ГЛАВА 3

Эксперимент ЦК «с оттенком озорства». Чекистское дело «Ставка»

«Было четыре случая стратегических разногласий, которые захватили Центральный комитет; иначе сказать, разногласий было столько, сколько было главных фронтов, — вспоминал в эмиграции Л.Д. Троцкий. — Первый острый спор возник... летом 1919 г. в связи с обстановкой на Восточном фронте... Я заботился о том, чтоб укрепить уверенность Вацетиса в себе, в своих правах, в своем авторитете. Без этого командование немислимо. Вацетис считал, что после первых наших крупных успехов против Колчака нам не следует зарываться слишком далеко на восток, по ту сторону Урала. Он хотел, чтоб Восточный фронт зазимовал на горном хребте. Это должно было дать возможность снять с востока несколько дивизий и перебросить их на юг, где Деникин превращался во все более серьезную

опасность. Я поддержал этот план. Но он встретил решительное сопротивление со стороны командовавшего Восточным фронтом Каменева, бывшего полковника Генерального штаба, и членов [Революционного] военного совета [фронта] Смилги и Лашевича, старых большевиков. Они заявили: Колчак настолько разбит, что для преследования его нужно не много сил; главное — не давать ему передышки, иначе он за зиму оправится и к весне нам придется начинать восточную операцию сначала. Весь вопрос состоял, следовательно, в правильной оценке состояния армии Колчака и его тыла. Я считал уже тогда Южный фронт неизмеримо более серьезным и опасным, чем Восточный. Это подтвердилось впоследствии полностью. Но в оценке армии Колчака правота оказалась на стороне командования Восточного фронта. Центральный комитет вынес решение против главного командования и тем самым против меня, т. к. я поддерживал Вацетиса, исходя из того, что в этом стратегическом уравнении есть несколько неизвестных, но что солидной величиной в него входит необходимость поддержать еще слишком свежий авторитет главнокомандующего. Решение Центрального комитета оказалось правильным. Восточный фронт выделил некоторые силы для юга и в то же время победоносно продвигался в глубь Сибири по пятам Колчака. Этот конфликт привел к смене главного командования. Вацетис был уволен, его место занял Каменев»¹⁵⁸⁹. Если арест можно считать увольнением, то Троцкий безусловно прав...

Осенью 1918 — начале 1919 г. находилась в глубоком кризисе главная большевистская спецслужба. «ВЧК, — пишет известный специалист по истории органов государственной безопасности Д.С. Новоселов, — изначально создавалась как карательно-репрессивный орган, подчиненный и подконтрольный только высшему руководству большевистской партии, надзор за ее деятельностью со стороны... других ведомств был чисто формальным. Именно на заседаниях ЦК РКП(б) и СНК определялись политические задачи ВЧК и методы ее работы... Для определения места и роли ВЧК в партийно-государственном аппарате Советской России необходимо учитывать и разногласия между большевистскими лидерами... Те или иные группировки... часто апеллировали к Ленину, который, в свою очередь, старался играть на их разногласиях, преследуя собственные цели. Непосредственное подчинение ВЧК Совнаркому обеспечивало контроль над ней не только со стороны большевистской партии, но и ее главного лидера» — Ленина, что особенно раздражало партийных бонз. О необходимости реорганизации ВЧК высказались такие видные большевистские организаторы, как И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, Н.В. Крыленко, Г.И. Петровский и др. А Л.Б. Каменев, Д.И. Курский¹⁵⁹⁰, А.В. Луначарский, М.С. Ольминский и Л.С. Соновский предложили в конце 1918 г. Ленину фактически ликвидировать ВЧК и передать ряд ее функций Особому отделу ВЦИК во

главе с Ф.Э. Дзержинским. Последнее фактически поставило бы основной карательно-репрессивный орган Советской России под контроль Президиума ВЦИК и лично Я.М. Свердлову¹⁵⁹¹.

У самого руководства ВЧК отсутствовало единство во взглядах на место и роль чекистских органов: в ноябре 1918 г. на Второй конференции чрезвычайных комиссий развернулась дискуссия по докладу заведующего иногородним отделом ВЧК В.В. Фомина. Секретарь отдела ВЧК по борьбе со спекуляцией и иногороднего отдела Г.С. Мороз, указав на развернувшуюся на страницах партийной печати «полемику о самостоятельности ЧК», предложил «разъяснить, что ЧК, являясь отделами исполкомов, подчинены последним и ни о какой независимости не может быть и речи; одновременно... подчеркнуть, что ЧК являются органами административными, а не судебными»; для координации работы с уголовным розыском, милицией и др. органами включить «повсюду заведующих отделами Управления местных исполкомов в члены Комиссии». Г.С. Морозу вторил член Коллегии ВЧК и начальник отдела по борьбе с контрреволюцией Н.А. Скрыпник, рекомендовавший строго руководствоваться тем положением, что чрезвычайные комиссии играют «чисто административную роль» и не должны вторгаться в компетенцию «революционных трибуналов, народных судов и других судебных инстанций»¹⁵⁹². В.И. Ленину по итогам дискуссии и переговоров с товарищами по партии удалось отстоять ВЧК и вновь сконцентрировать власть в своих руках¹⁵⁹³, однако чекистам было необходимо укрепить свои позиции в системе партийных и государственных органов РСФСР — в 1919 году они подчас связывали действительные случаи шпионажа и измены с «контрреволюционными организациями», которые никогда не существовали.

Генерал А.А. Брусилов писал в своих воспоминаниях: «За все эти месяцы различных наступлений то Колчака, то Деникина, то Юденича я должен с грустью и иронией отметить ничтожество и трусость многих и многих интеллигентов в Москве. Болтовни, анекдотов, острот, всевозможных курьезов было без конца. Я лично наблюдал на себе и своей семье, как отражались успехи белых наступлений на настроения москвичей. То прилив их целыми отрядами на мою квартиру с милыми улыбками и любезностями, то вдруг отлив, даже на улице бегут в сторону, будто боясь себя скомпрометировать перед красной Москвой знакомством со мной»¹⁵⁹⁴. Военная среда все же была более тверда в своих симпатиях. Сводки Особого отделения МЧК за весну—лето 1919 г., обеспечивавшего безопасность военных управлений, учреждений и заведений, которые дислоцировались в Москве и Московской губернии, и в т. ч. подразделений центрального аппарата управления РККА, пестрят сообщениями о контрреволюционных настроениях бывшего офицерства, усиливавшихся по мере наступления на столицу А.И. Деникина. Так, в агентурной

сводке о Штабе ж.-д. войск Республики сказано: «Почуя приближение Деникина, бывшее офицерство и [военные] чиновники почти не стали скрывать своей политической физиономии и в настоящее время начинают вести агитацию на почве продовольственного вопроса. Заметно враждебное отношение к коммунистам. В штабе 90% специалистов реакционно настроенных»¹⁵⁹⁵. К тому же в мае—июне 1919 г. активизировались антисоветские силы. У ряда большевистских организаторов сложилось впечатление, что за силами этими стояла Антанта. «В ночь на 23 мая 1919 г., — доложил на заседании МК РКП(б) член коллегии ВЧК В.Н. Манцев, — МЧК накрыла нелегальную типографию Партии левых эсеров, обнаружила большое количество листовок и воззваний, в которых рабочие и крестьяне призывали к поддержанию [атамана] Григорьева и к свержению насильников-большевиков. Кроме того, в ВЧК и МЧК имеются сведения, что эсерами готовятся ряд террористических актов: покушения на Ленина, Троцкого и др. Террор готовится и финансируется также за границей. <...> Статьи левых эсеров наводят на мысль, что у них есть люди, подкупленные Антантой. Ряд видных работников — лев[ых] эсеров — по слухам, работает в штабах добровол[ьческих] атаманов, есть они в штабе [атамана] Махно. *К довершению всего на фронте у нас неблагоприятно* (курсив мой. — С. В.). Взят Псков, тревожно на Юге. Все это заставляет МЧК снова обратить особое внимание на борьбу с контрреволюцией, которая за последнее время заглохла»¹⁵⁹⁶.

28 мая состоялось совместное заседание коллегии ВЧК, МЧК, НКВД и представителей МК РКП(б) по вопросу о создании единого штаба для борьбы с контрреволюцией в Москве. Примечательно, что опубликованная первоначально в сборнике документов об МЧК, затем в сборнике о Ф.Э. Дзержинском выписка из протокола заседания имеет разночтения с текстом подлинника¹⁵⁹⁷. Основное отличие текстов заключается в изъятии в выписке прений. При этом есть и более серьезные расхождения: ряд тезисов, который предложили участники прений, был приписан в копии Ф.Э. Дзержинскому — вероятно, для того, чтобы подчеркнуть их значимость в глазах адресатов постановления. Кроме того, последним (15-м) пунктом в подлиннике шло поручение сотруднику отдела ВЧК по борьбе с преступлениями по должности и начальнику охраны Ленина А.Я. Беленькому «оборудовать типографию и граверную для нужд ВЧК», в копии — поручение начальнику штаба войск внутренней охраны Республики К.М. Волобуеву «в недельный срок выяснить вопрос о состоянии охраны г. Москвы»¹⁵⁹⁸. Выступивший Ф.Э. Дзержинский, отметив активизацию контрреволюционеров в тылу с связи с неудачами Красной армии, указал на «необходимость создания единого работоспособного негромоздкого органа» для координации деятельности всех отделов, занимающихся борьбой с контрреволюцией в Москве.

Этот центр должен был «заняться разработкой и намечением планов ликвидации контрреволюционной деятельности». В качестве членов Ф.Э. Дзержинский предложил зам. председателя Саратовской губернской ЧК и начальника губернской милиции Саратова М.А. Дейча и в качестве представителя ВЧК своего заместителя Я.Х. Петерса. В первоначальном варианте указывалось, что «на необходимость передачи менее важной работы ЧК [— такой], как борьба со спекуляцией, в настоящий момент другим органам» указал в ходе прений представитель НКВД Васильев¹⁵⁹⁹. В итоговом тексте на «необходимость тесного контакта ЧК в провинции с местными милицейскими комиссариатами» для разгрузки ЧК от второстепенных функций и сосредоточения своего внимания на борьбе с контрреволюцией — предлагал указать М.А. Дейчу в своем выступлении Ф.Э. Дзержинский¹⁶⁰⁰. Предложение его о создании «единого работоспособного... органа» безоговорочно поддержал МК РКП(б) — об этом сообщил секретарю МК В.М. Загорский (Лубоцкий). В.Н. Манцев предложил заранее разработать точные инструкции для предложенного органа и подчеркнул необходимость устранения параллелизма в этой работе. Заместитель председателя Особого отдела ВЧК А.В. Эйдук предложил ввести в орган представителя МК РКП(б). Секретарь ВЦИК и член коллегии ВЧК В.А. Аванесов (Мартиросян) настаивал на усилении мер по борьбе с контрреволюцией, констатируя «некоторое ослабление в этой области». По итогам обсуждения временно образовывалась руководящая коллегия — оперативный штаб — при МЧК в составе представителей МЧК, Особого ВЧК и Транспортного отдела ВЧК (по одному от каждого органа). Оперативный штаб обязывался информировать отделы о работе друг друга и давать срочные указания по поводу усиления и достижения цели»; проводить через отделы новые меры по борьбе с контрреволюцией; поднять широкую агитацию среди коммунистов для их привлечения к борьбе с контрреволюцией.

Собрание постановило также обратиться в партийные органы: в ЦК РКП(б) «с указанием на необходимость принятия более крутых мер и суровых наказаний к контрреволюционным элементам». Фактически с помощью совещания Дзержинский и Кедров со товарищи переложили инициативу повторного объявления массового красного террора (а как иначе назвать подобные меры?) на руководящий партийный орган; в МК РКП(б) с ходатайством о направлении в МЧК надежных коммунистов за мандатами на право задержания «всех лиц, ведущих контрреволюционную деятельность». В принципе этот пункт был жестом отчаяния: его проведение по сути таило угрозу разоблачения агентов ВЧК и МЧК в случае их случайного задержания «надежными партийными товарищами».

На заседании было также решено поручить чекистским органам: ВЧК — «чаще и систематичнее инструктировать провинциальные ЧК

в деле борьбы с контрреволюцией», а конкретно *Транспортному от-делу ВЧК* — ежедневно докладывать о работе Президиуму ВЧК; *МЧК* — проверить регистрацию проживающих в Москве лиц (за-метим: в Москве с 1919 года изменилось не многое).

Предложение Ф.Э. Дзержинского о введении в состав штаба М.А. Дейча и Я.Х. Петерса (последнего в качестве председателя) приняли. Ф.Э. Дзержинскому такое назначение было выгодно вдвой-не: во-первых, назначение члена Коллегии ВЧК наделяло оператив-ный штаб большими возможностями; во-вторых, Я.Х. Петерс на время лишился возможности принимать активное участие в руково-дящей работе в органах государственной безопасности¹⁶⁰¹: Ф.Э. Дзержинскому не нравилось присутствие рядом креатуры покойного Я.М. Свердлова, дважды заменявшей его на посту председателя ВЧК во времена опал¹⁶⁰². Важность борьбы с контрреволюцией в тылу ар-мии закреплена в 6-м пункте решения: «Обратить особое внимание на работу Особого отдела МЧК среди красноармейцев и каждые три дня представлять в МЧК краткую сводку работ соответствующих от-делов в этом направлении»¹⁶⁰³.

К лету 1918 г. активизировалась и «подрывная» деятельность в военном ведомстве И.В. Сталина. Еще 3 мая Ф.Э. Дзержинский, ко-торого будущий генеральный секретарь «обработал» во время зимней командировки в Пермь¹⁶⁰⁴, предложил на заседании Оргбюро ЦК, чтобы представитель Особого отдела ВЧК «еженедельно делал до-клады чл[ену] ЦК Сталину для доклада Оргбюро или непосредствен-но Оргбюро» (предложение приняли, сообщили о решении предсе-дателю Особого отдела ВЧК М.С. Кедрову)¹⁶⁰⁵. Атмосфера накалилась настолько, что 15 июня ЦК РКП(б) обязал все партийные учрежде-ния и их работников сообщать в особые отделы обо всех фактах из-мены, дезертирства и шпионажа¹⁶⁰⁶; руководство Особого отдела ВЧК впоследствии подчеркивало значение этого решения ЦК, «рас-пространяющегося и на комиссарский состав» Красной армии¹⁶⁰⁷. Естественно, подобное предписание создавало предпосылки для по-следующего наступления органов государственной безопасности на вотчину Л.Д. Троцкого.

22 июня вышло постановление ВЦИК, возложившее (разъясняло в приказе ВЧК) «на ЧК... более чем когда-либо тяжелые задачи — очистки Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России... Внутри страны белогвардейцы, пользуясь *частичными* (кур-сив мой. — С. В.) нашими неудачами, поднимают головы и стараются связаться с заклятыми врагами пролетариата — Колчаками, Дени-киными, финскими, польскими и иными белогвардейцами. В самом тылу нашей армии происходят взрывы мостов, складов, кражи и со-крытие столь необходимого армии оружия и пр. и пр.»¹⁶⁰⁸.

В сложных внутри- и внешнеполитических реалиях мая—июня 1919 г. стремительно набирало, под пристальным вниманием вождя

мировой революции, обороты чекистское дело «Ставка» — о «заговоре в Полевом штабе Реввоенсовета Республики».

Раскрывать дело начало Серпуховское Особое отделение ВЧК. Если Особый отдел ВЧК формально находился на двойном подчинении (РВСР и ВЧК), а фактически не подчинялся никому, кроме В.И. Ленина, Серпуховское Особое отделение ВЧК подчинялось Особому отделу ВЧК, но действовало с оглядкой на военное руководство в лице члена РВСР и комиссара Полевого штаба РВСР С.И. Аралова. То есть для Серпуховского Особого отделения двойное подчинение пустой формальностью не было. Ее начальник А. Волков был, судя по всему, типичным большевиком — «чекистом первого поколения», не владевшим методикой контрразведывательного обеспечения: однажды он даже умудрился засветить своих агентов на совершенно ненужной работе¹⁶⁰⁹.

В начале апреля 1919 г. поводов для беспокойства у политических руководителей Полевого штаба и военных чекистов стало больше: имел место наплыв в Серпухов иностранцев и «довольно сомнительных лиц», которых было вполне естественно заподозрить в шпионаже — по крайней мере, в пользу Антанты. А. Волков, у которого не было навыков и не хватало оперативных возможностей, однако явно было развито воображение, довел своими докладами С.И. Аралова до настоящей паники: 14 апреля последний отправил одному из руководителей ВЧК (предположительно М.С. Кедрову) записку, в которой заявил о возможности нападения на Ставку агентов белогвардейцев и просил усилить охрану штаба¹⁶¹⁰.

15 мая А. Волков застрашал С.И. Аралова подозрениями о готовящемся на комиссара Ставки покушении. Кроме того, предложил установить наблюдение за помощником коменданта Полевого штаба А.А. Стадлером (имевшим в Казани, по добытым сведениям, связь с подозреваемым в шпионаже Гофштадом), начальником службы связи Полевого штаба генштабистом А.П. Медведевым и его помощником. При этом еще в 1918 г. руководитель советской контрразведки Макс Тракман докладывал С.И. Аралову, что один из наиболее ответственных постов в Полевом штабе (начальника Службы связи) «находится в руках А.П. Медведева — человека, не внушающего доверия с точки зрения Советской власти»¹⁶¹¹.

3 мая заведующий Серпуховским Особым отделением ВЧК А. Волков донес С.И. Аралову об аресте начальника общего отделения Оперативного отдела Полевого штаба И.Д. Моденова и отправке его в Москву в распоряжение М.С. Кедрова¹⁶¹².

4 мая Особый отдел арестовал по подозрению в шпионаже генштабиста А.П. Медведева. Повод для ареста тот же, что и в случае с Г.И. Теодори: оговор В.П. Троицкой. Вообще, если бы эта барышня не была расстреляна, можно было бы заподозрить в ней секретную сотрудницу органов государственной безопасности: данный агент

белогвардейских спецслужб как минимум дважды облегчил жизнь ВЧК и ее Особому отделу в исполнении воли вождя мировой революции. Из вопросов, которые задавались А.П. Медведеву, следует, что генштабисту хотели инкриминировать связь с Антантой (конкретно — с французской разведкой) и планировали связать дело Медведева с делами В.Ф. Тарасова, В.В. Даллера, Г.И. Теодори и некоего Анциферова¹⁶¹³. Связь генштабистов представляется маловероятной, хотя бы потому, что одни генштабисты — В.В. Даллер (1902) и А.П. Медведев (1912) — окончили академию, двое других — В.Ф. Тарасов и Г.И. Теодори — ускоренные курсы. Данные о Анциферове в списках генштабистов, составленных А.Г. Кавтарадзе и В.В. Каминским, и вовсе отсутствуют. Связь двух «старых» генштабистов с двумя «генштабистами 1917 года» представляется более чем сомнительной. Примечательно, что доклад об аресте А.П. Медведев направил В.В. Даллеру, который, несомненно, был весьма рад вниманию, уделяемому его персоне органами государственной безопасности, и не мог не поставить в известность о подробностях допроса Медведева руководство Полевого штаба.

Сразу после ареста (4 мая) С.И. Аралов просил М.С. Кедрова «быстрей, если возможно, в несколько дней», разобрать дело А.П. Медведева: это крупный специалист «по делу связи, инженер и генштаб по образованию»; «нес большую работу, точно и быстро исполняя даваемые ему поручения». Аралов охарактеризовал Медведева как уникального организатора, заменить которого «в сложном аппарате связи Полевого штаба некем» и отсутствие которого «тормозит работу»¹⁶¹⁴. Хотя Аралов заступался за Медведева из прагматических соображений, все же это характеризует его как хорошего руководителя. Он даже поручился за генштабиста, и уже после двух допросов (через 10 дней после ареста) Медведев вышел на свободу.

19 мая Серпуховский уездный совет составил докладную записку о засилье в Полевом штабе «Серпуховской крупной буржуазии», возмущавшем голодавшую (в отличие от сотрудников Ставки) «пролетарскую массу», и коррупции в руководстве Ставки. Записка, несомненно, способствовала привлечению внимания к Полевому штабу высшего руководства РКП(б). Формально адресатом записки был Реввоенсовет Республики — фактически Московская организация РКП(б), «взявшая» на себя партийно-политическое окормление «Красной Ставки». Вопрос обсуждался на Московском партбюро. При чтении документа удивляет осведомленность его автора, который явно был в курсе процессов, происходивших не только в Полевом штабе, но и в тех подразделениях центрального военного аппарата, которые дислоцировались в Москве, а конкретно — во Всероссийском главном штабе и Регистрационном управлении Полевого штаба РВСР. Реввоенсовет Республики в документе прямо не назван, однако фактически вся записка — камень в его огород. Сте-

пень информированности автора указывает на то, что документ уездного исполкома был прямо «заказан» для компрометации Полевого штаба, причем кому-то из ответственных сотрудников Наркомвоена. Не то чтобы в нем сообщалось что-либо новое о коррупции в Полевом штабе¹⁶¹⁵, просто о коррупции этой очень своевременно вспомнили...

20 мая В.И. Ленин телеграфировал Л.Д. Троцкому: «В связи с телеграммой шифром от тех командиров Восточного фронта я предлагаю назначить Каменева командующим фронтом, сменить Костяева, а Лашевича назначить вместо Аралова. Отвечайте насчет Пленума. Боюсь, что Сталин и Зиновьев не смогут быть 25-го, да и Вас оторвать вредно. Я предлагаю поэтому Пленум отложить, а по телеграфу договориться»¹⁶¹⁶. Дело в том, что члены Реввоенсовета Восточного фронта С.И. Гусев, М.М. Лашевич и И.И. Юренев направили в ЦК РКП(б) телеграмму с протестом против состоявшейся замены С.С. Каменева на А.А. Самойло на посту командующего войсками Восточного фронта. В телеграмме также утверждалось, что начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев проводит необоснованные замены командиров в армии, а военный комиссар Ставки С.И. Аралов лишь скрепляет эти распоряжения Ф.В. Костяева своей подписью¹⁶¹⁷.

22 мая на объединенном заседании Полит- и Оргбюро ЦК РКП(б) «Вследствие ряда сообщений о действиях Самойло¹⁶¹⁸ на Восточном фронте, а также и о Костяеве» рассматривался вопрос «о Каменеве и дальнейшем положении дел Востфронта»¹⁶¹⁹. Фактически речь шла о замене Ф.В. Костяева на этом посту начальника Полевого штаба; предлагалась кандидатура С.С. Каменева. Тщательно взвесив pro et contra, 24 мая Л.Д. Троцкий отправил телеграфом Э.М. Скиянскому для В.И. Ленина ответ: С.С. Каменева целесообразнее назначить «командующим Восточным фронтом — по своему складу это командующий, а не начальник штаба»¹⁶²⁰. Из телеграммы Троцкого Э.М. Скиянскому, в частности, следует: 1) вопрос о смене руководства Полевым штабом был делом решенным; 2) Ленин уже тогда предполагал удалить Ф.В. Костяева, а вместо недостаточно твердого (как следует из документа) и предельно лояльного Костяеву комиссара штаба С.И. Аралова¹⁶²¹ — назначить М.М. Лашевича (впоследствии — сторонника Г.Е. Зиновьева, в годы Гражданской войны ведшего собственную политическую линию); 3) скорее всего, Л.Д. Троцкий тайно был против указанных перестановок. Он дал В.И. Ленину свое согласие на смену Ф.В. Костяева, но заметил: «вся трудность» в замене генерала «лицом, которое было бы не хуже». В довершение: «...при смещении Костяева нужно предварительно переговорить с главкомом, чтобы не расстроить сразу всей машины», т. е. работы Ставки. Троцкий высказался против замены Аралова Лашевичем (разногласия его с Лашевичем общеизвестны¹⁶²²), который, по словам Троцкого, вряд ли будет тверже Аралова. Понимая, что Аралова обязательно уберут, Троцкий пред-

ложил на пост комиссара «Красной Ставки» С.И. Гусева — своего давнего недруга и преданного «ленинца»: из двух зол председатель РВСР выбрал, как ему казалось, меньшее¹⁶²³.

25 мая вождь пошел на уступку председателю РВСР, вернув С.С. Каменева на пост командующего войсками Восточного фронта¹⁶²⁴ и, таким образом, отказавшись от идеи посадить С.С. Каменева на место Ф.В. Костяева, однако на этом жесте доброй воли либерализм вождя и закончился — тем более, что Л.Д. Троцкий сам предложил в военные комиссары Ставки С.И. Гусева. 2 июня ЦК РКП(б), несомненно, по инициативе В.И. Ленина, постановил С.И. Гусева отозвать с Восточного фронта и назначить комиссаром Полевого штаба, если со стороны Л.Д. Троцкого не встретится препятствий. 3 июня председателю Реввоенсовета Республики телеграфировал об этом его заместитель Э.М. Склянский¹⁶²⁵. Л.Д. Троцкий, сам давший в майской 1919 г. телеграфной переписке с вождем согласие на случай мнения товарищей по высшему руководству РКП(б) о необходимости замены С.И. Аралова С.И. Гусевым как твердым партийцем, не счел необходимым заявить протест — и допустил непростительный просчет: 15 июня на заседании ЦК с его участием главкомом было решено оставить И.И. Вацетиса, но начальником Полевого штаба назначить генерала М.Д. Бонч-Бруевича¹⁶²⁶, «С.И. Гусева (! — С. В.) назначить членом Реввоенсовета Республики с местопребыванием в Серпухове, поручив ему вместе с Бонч-Бруевичем сократить и изменить состав Ставки»¹⁶²⁷.

Интересно, что решение о призыве М.Д. Бонч-Бруевича на руководящую работу в Полевом штабе, как установлено историками, было принято не позднее 1 июня 1919 года¹⁶²⁸. Генерал еще в августе 1918 г. вышел в отставку с поста военного руководителя Высшего военного совета под предлогом плохого состояния здоровья — правда, настоящими причинами оставления военной службы человеком, у которого впоследствии хватило сил на организацию Литературного музея и участие в организации современного Российского государственного архива литературы и искусства, были нежелание служить большевикам вообще, натянутые отношения, с одной стороны, с наркомом Л.Д. Троцким, с другой — с главнокомандующим войсками Восточного фронта И.И. Вацетисом и начальником Штаба Оперода Наркомвоена Г.И. Теодори.

Назначения в Высший военный совет в 1918 г. и в Ставку в 1919 г. были связаны с тем, что царский генерал приходился родным братом управляющему делами СНК Владимиру Бонч-Бруевичу. Во время своей первой аудиенции у председателя СНК, состоявшейся в конце ноября 1917 г., М.Д. Бонч-Бруевич предложил свои услуги для организации отпора внешнему врагу (немцам), но поставил В.И. Ленину условие — «не принуждать» его к борьбе с внутренними врагами, в данном случае со «многими контрреволюционными

генералами». Ленин условие Бонч-Бруевича не принял. Организатор аудиенции — В.Д. Бонч-Бруевич — после ее окончания выразил брату свое недовольство¹⁶²⁹. Сам генерал был известен большевикам как «отъявленный черносотенец» (выражение наркома труда А.Г. Шляпникова). 22 ноября 1917 г. против назначения М.Д. Бонч-Бруевича начальником Штаба Верховного главнокомандующего высказались в заявлении в Совнарком четыре видных большевика — А.Г. Шляпников, его заместитель Г.Ф. Федоров, комиссар по обследованию частных банков А.Н. Падарин, временный зам. наркома земледелия А.Г. Шлихтер¹⁶³⁰. С Л.Д. Троцким у М.Д. Бонч-Бруевича поначалу сложились натянутые отношения¹⁶³¹, о чем мало что известно в историографии вследствие спектакля, разыгранного Л.Д. Троцким в августе 1918 г.: он якобы не хотел давать генералу отставку, называя незаменимым руководителем¹⁶³². М.Д. Бонч-Бруевич не сработался со многими большевистскими военными руководителями — в частности, член Высшего военного совета Н.И. Подвойский фактически ушел из высшего военного руководства в апреле 1918 г.: он ненавидел генерала¹⁶³³, а тот, похоже, свысока смотрел на Подвойского — как, впрочем, он и мог смотреть на большевистскую «штафиру»¹⁶³⁴. Не сложились у генерала отношения и с В.А. Антоновым-Овсеенко: в марте 1918 г. в докладной записке М.Д. Бонч-Бруевич просил В.И. Ленина решить вопрос о подчиненности «главнокомандующего всеми войсками Украинской Народной Республики» Высшему военному совету. Бонч-Бруевич заявил об отсутствии общего плана ведения военных операций на Украине; просил уточнить права Высшего военного совета в отношении руководства украинскими советскими войсками и Антонова-Овсеенко лично; поставил в известность Ленина о безрезультатном двукратном запросе Антонова «относительно ориентировочных военных данных» и решении Высшего военного совета о немедленном командировании на Украину, к Антонову, генштабиста и двух комиссаров «для связи» и выяснения положения дел в войсках В.А. Антонова¹⁶³⁵. В Высшем военном совете М.Д. Бонч-Бруевич сохранял определенную независимость от Л.Д. Троцкого, направляя свои доклады по наиболее важным вопросам в три адреса: помимо Совета в Совнарком (председателю В.И. Ленину и управляющему делами — брату)¹⁶³⁶. Это явно не устраивало ни Троцкого, ни Склянского¹⁶³⁷. И М.Д. Бонч-Бруевич, и близкие к нему генералы — помощник военрука Высшего военного совета Н.И. Раттэль и начальник Оперативного управления Н.А. Сулейман¹⁶³⁸ — имели право непосредственного доклада В.И. Ленину, которым постоянно пользовались. 11 декабря 1918 г. Н.И. Подвойский заявил Н.А. Сулейману, ссылавшемуся на декреты Совнаркома и постановления ВЦИК: «Пусть бы попробовал вам начальник фронта сказать, что я вам не дам сведений, да вы в тот же день были бы у т. Ленина, как это делал Раттэль, который шпигует Бонч-

Бруевича, и тот тридцать раз ночью звонит по пустому делу. Вы тогда (весной—летом 1918 г. — *С. В.*) не были так шепетильны к полковому уставу. Все это нужно осуществить не только для того, чтобы пригвоздить начальника или комиссара, а чтобы пригвоздить и меня, и Троцкого, и Совет Обороны, если он будет грешить»¹⁶³⁹. Вероятно, Михаил Бонч-Бруевич и его ближайшие соратники неоднократно жаловались В.И. Ленину на большевиков — членов Высшего военного совета. В любом случае М.Д. Бонч-Бруевич весной—летом 1918 г. был коренником в «упражке» Нарковоена — «узде» для Л.Д. Троцкого, организованной вождем для устранения возможной угрозы военного переворота во главе с «Красным Бонапартом». Снова на военную службу М.Д. Бонч-Бруевича призвали не случайно: на первый взгляд, он как никто другой подходил С.И. Гусеву в соратники по чистке. Генерал ненавидел занявших ряд ключевых должностей в Полевом штабе генштабистов 1917 г. (по его заявлению, «выпуска Керенского»¹⁶⁴⁰) настолько сильно, что сам Ф.Э. Дзержинский, сговорившись с ним о чистке и сокращении сотрудников Ставки, характеризовал этого прожженного интригана как «человека делового, без камня за пазухой»¹⁶⁴¹. М.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях писал, что он потом узнал о роли в его назначении памяток и докладных записок, которые генерал посылал В.И. Ленину даже после отставки с поста председателя Высшего военного совета; в одной из записок, по заявлению генерала, он настаивал на «необходимости воссоздать Генеральный штаб, хотя бы и под другим названием, и предлагал давно выношенный план упорядочения высшего командования». Не исключено, что такой доклад действительно имел место. Но на наш взгляд, это ошибка памяти М.Д. Бонч-Бруевича: генерал имеет в виду свой доклад от декабря 1919 г. Мнение генерала, что В.И. Ленину предложение показалось «заслуживающим внимания»¹⁶⁴², весьма сомнительно: принятие проекта лишь привело бы к параллелизму в организации военного управления. Доложив В.И. Ленину о необходимости создания в составе аппарата военного управления специального органа для освобождения РВСР от ряда функций, генерал фактически предложил увеличить и без того громоздкий центральный военный аппарат¹⁶⁴³.

16 июня Л.Д. Троцкий направил заявление в ЦК РКП(б) с протестом против решения о необходимости чистки Полевого штаба. Заявление не очень выдержанное: «...решение включает в себе элемент причуды, озорства (! — *С. В.*): так оно будет воспринято... Можно принимать какие угодно свирепые решения, но в них не должно быть павловского каприза: „хочу кролика спарить с канарейкой — и больше ничего“. Комбинация будет истолкована как причуда растерянности и отчаяния. Развал и предательство среди спецов станут больше. Особенно если это будет дополнено арестом К[остяева], который... и работает 20 час[ов] в сутки. В терроре элементы капри-

за ожесточают и дезорганизуют гораздо более, чем самая свирепая жестокость... Ставка — „вертеп“... не сомневаюсь в чудовищности преувеличения разных кумушек... Американская мудрость вообще рекомендует не пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Мы же в самый критический момент впрягаем таких лошадей, которые тянут заведомо врозь (И.И. Вацетис и М.Д. Бонч-Бруевич, отношения которых не сложились. — С. В.)» (см. док. № 2.3.6).

17 июня, ознакомившись с посланием Л.Д. Троцкого, вождь отправил в ЦК и свое послание, в котором, не представив никаких аргументов, обвинил Л.Д. Троцкого в предоставлении высшему партийному органу направленной информации (см. док. № 2.3.7). ЦК, естественно, пошел вслед за вождем и оставил собственное решение в силе. Председатель РВСР подал в отставку, но В.И. Ленин сохранил его: Л.Д. Троцкий пока был ему нужен в политике, и в частности в стратегии. В записке Л.Б. Каменеву председатель Совнаркома «категорически протестовал» против всякой попытки чем-либо обидеть Л.Д. Троцкого и «настойчиво подчеркивал», что ЦК руководствуется «исключительно соображениями о международном значении т. Троцкого вообще и его роли в советской и партийной работе в РСФСР»¹⁶⁴⁴. С.И. Гусев же принялся активно проводить постановление ЦК в жизнь. Он сразу взялся за Полевой штаб, в котором, как он заявил, служили одни заговорщики¹⁶⁴⁵.

16 июня, во исполнение решения ЦК РКП(б), на заседании Реввоенсовета Республики в составе Э.М. Склянского, И.И. Вацетиса, С.И. Гусева и А.И. Окулова (подчеркнем, что Л.Д. Троцкого на заседании не было) было принято постановление о назначении М.Д. Бонч-Бруевича начальником Полевого штаба и о временном откомандировании Ф.В. Костяева в распоряжение И.И. Вацетиса¹⁶⁴⁶. Видимо, практически сразу, как это и предполагал Л.Д. Троцкий, Ф.В. Костяев был второй раз (первый — старым большевиком Л.М. Глезаровым) арестован. Обратил внимание читателей на тот факт, что среди ответственных сотрудников ведомства Л.Д. Троцкого был потенциальный клиент гостеприимной Внутренней тюрьмы Особого отдела ВЧК — начальник Центрального управления военных сообщений М.М. Аржанов. По свидетельству комиссара, в июне 1919 г., akurat во время переброски частей с Восточного фронта на Южный, начальник ЦУПВОСО умудрился в ходе одного из докладов нестати отвлекшемуся на телефонный звонок (на проводе был заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский) Ф.В. Костяеву подойти к карте, на которой было нанесено расположение частей Красной армии, и как следует рассмотреть «нумерацию дивизий, расположенных по фронту» (см. док. № 2.2.20). Правда, тут следует заметить, что чекисты вполне могли, проведя следственные мероприятия, вины М.М. Аржанова и не установить: если бы начальник

ЦУПВОСО действительно был белогвардейским агентом, никакая «секретнейшая карта в чужом кабинете» (см. док. № 2.2.20) ему не требовалась, поскольку в условиях Гражданской войны, проходившей по ж.-д. линиям, для проведения соответствующих подсчетов разведслужбе противника было бы вполне достаточно данных о военных перевозках. М.М. Аржанов, как следует из обращения старого большевика О.А. Пятницкого Московскому комитету РКП(б), отправленного из г. Глазова 12 сентября 1919 г., едва ли не пролез в РКП(б): «Дорогие товарищи! <...> По дороге я встретился с „товарищем“ Аржановым, и мне пришлось краснеть. Оказывается, что самый строгий партийный район — Городской район — зачислил его в сочувствующие. А теперь [Аржанов] находится в ячейке Управления военными путями сообщения (так в тексте, имеется в виду ЦУПВОСО. — С. В.)... Как он попал в сочувствующие коммунистам, один Аллах ведает, [но,] очевидно, не без содействия т. [В.И.] Невского (старого большевика, ленинского наркома путей сообщения. — С. В.). Аржанов, которого требовали удалить из [Н]КПС до 100 активнейших работников Ж[елезно]д[орожного] района, 300 членов фракции Первого ж.-д. профессионального съезда как спеца, который, по словам товарищей, бил собственными руками при самодержавии рабочих! Комментарии излишни. С товарищеским приветом, *Пятницкий*»¹⁶⁴⁷. К чему мы все это указали? — К тому, что из ответственных сотрудников советского военного ведомства тот, кто был безупречен и неделями не разгибался (Ф.В. Костяев), мог оказаться в «гостях» у Ф.Э. Дзержинского и М.С. Кедрова, а реакционер, подозреваемый в шпионаже, — состоять в одной из коммунистических ячеек самого «строгого», Городского, райкома столицы (М.М. Аржанов). Логика наказаний и поощрений в вотчине Л.Д. Троцкого да и в «ленинской партии», прямо говоря, своеобразной.

Судя по приказам по Полевому штабу, С.И. Гусев, ставший ленинским легатом в военном ведомстве, сразу же отправился в Серпухов и вступил в должность комиссара Ставки (первый приказ он подписал в тот же день, 16 июня)¹⁶⁴⁸. Примечательно, что с назначением Гусева резко увеличился статус Полевого штаба в системе государственного аппарата РСФСР: 13 июля впервые вышел приказ по штабу с непосредственной ссылкой на решение Совета Обороны (от 9 июля)¹⁶⁴⁹.

С М.Д. Бонч-Бруевичем дело обстояло сложнее. Достигнув заоблачных высот в искусстве интриги, генерал сумел сделать на пустом месте загадку даже из столь, казалось бы, третьестепенной важности факта, каковым было время его фактического вступления в должность. Как указал М.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях, 16 июня к нему на квартиру «неожиданно» приехал секретарь Э.М. Склянского и потребовал, чтобы генерал вместе с ним немедленно отправился к Л.Д. Троцкому. Выполнив приказание, М.Д. Бонч-Бруевич узнал

(причем не от Л.Д. Троцкого, а от Э.М. Склянского) о своем назначении, проведенном через ЦК РКП(б), и получил приказание «выехать в Серпухов и незамедлительно вступить в должность». По словам генерала, «уразуметь», чем вызвано такое «счастье», он не мог; от заместителя председателя РВСР удалось добиться лишь разрешения «отсрочить выезд в Серпухов на сутки». М.Д. Бонч-Бруевич рассчитывал воспользоваться отсрочкой, по его словам, «чтобы выяснить мотивы» его возвращения в ряды Красной армии, на деле — скорее всего попытаться отменить решение, ставшее для генерала неприятным «сюрпризом»¹⁶⁵⁰. Из разговоров с «братом и другими близкими правительству лицами» генерал сделал вывод, что «Вацетис подозревается в чем-то нехорошем, — в чем именно — никто (якобы. — С. В.) не знал. Кое-какие предположения на этот счет были и у Склянского, но говорил он глухо и невнятно, то ли не доверяя мне, то ли ничего толком не зная»¹⁶⁵¹. Не известно, насколько генерал правдив и точен (действительно ли Э.М. Склянский не назвал М.Д. Бонч-Бруевичу реальную причину его назначения или генерал старательно избегал репутации «чистильщика»; с кем помимо управляющего делами СНК он общался).

Самая большая загадка воспоминаний М.Д. Бонч-Бруевича о назначении начальником Ставки: «Склянский не мог точно сказать, начальником какого штаба я назначаюсь: штаба ли главнокомандующего или Полевого штаба. В первом случае я оказывался в подчинении Вацетиса; во втором — моим начальником являлся председатель Реввоенсовета Республики или его заместитель... я, рискуя оказаться бесцеремонным, попытался встретиться с Лениным. Владимир Ильич... принять меня не смог. Но тут же через моего брата передал, чтобы я незамедлительно ехал в Серпухов и там вел дело независимо от Вацетиса, ибо назначен не к нему, а начальником [Полевого] штаба Реввоенсовета Республики»¹⁶⁵². В достоверности этих сведений можно сомневаться, но в принципе они объясняют, почему, сменив начальника Полевого штаба, большевики тянули со сменой главнокома.

Любопытно сравнить приказы двух начальников Полевого штаба — Ф.В. Костяева о сложении с себя полномочий и М.Д. Бонч-Бруевича о вступлении в должность. 23 июня 1919 г. Ф.В. Костяев объявил в приказе по Полевому штабу № 204А: «С сего числа сдал должность начальника Полевого штаба Революционного военного совета Республики Генерального штаба Михаилу Дмитриевичу Бонч-Бруевичу»¹⁶⁵³. 11 июля М.Д. Бонч-Бруевич указал в приказе по штабу: «Призванный из отставки, я 18 июня (подчеркнуто нами. — С. В.) с. г. прибыл и вступил в должность начальника Полевого штаба Революционного военного совета Республики»¹⁶⁵⁴. Зачем этот спектакль? — сразу после выхода прощального приказа Ф.В. Костяева все документы идут за подписью М.Д. Бонч-Бруевича. Видимо,

М.Д. Бонч-Бруевич задним числом перенес дату своего приезда на 5 дней назад, чтобы скрыть неисполнение приказа Э.М. Склянского (а вернее — постановление ленинского ЦК): он, очевидно, пытался отменить решение о своем назначении не день, а все шесть. Дальнейшее изложение действий М.Д. Бонч-Бруевича в его воспоминаниях опровергается протоколами заседаний Реввоенсовета Республики. Когда генерал явился в Серпухов, он, по его словам, не застал там ни одного из членов РВСР: «Все они разъезжали по фронтам, причем каждый (а их было более 10 человек) отдавал распоряжения и приказы, не согласовывая их с другими членами Реввоенсовета». М.Д. Бонч-Бруевич, по его заявлению, тут же телеграфировал В.И. Ленину о необходимости созыва Реввоенсовета Республики¹⁶⁵⁵. Телеграмма М.Д. Бонч-Бруевича почему-то не разыскана, зато опубликованы постановления РВСР от 16 и 22 июня 1919 г.¹⁶⁵⁶...

18 июня И.В. Сталин доложил В.И. Ленину, что «в районе Кронштадта открыт крупный заговор» с целью захвата крепости, подчинения флота, удара в тыл Красной армии» и открытия Родзянко пути в Петроград. Будущий генсек довел до сведения В.И. Ленина, что все участники заговора арестованы, ведется следствие¹⁶⁵⁷. На следующий день, 19 июня, было опубликовано сообщение ВЧК о раскрытии заговора в Кронштадте с объявлением амнистии всем, кто «втянут по неосмотрительности или излишней доверчивости в белогвардейские организации», но в недельный срок явится с повинной. И с предупреждением: «По истечении этого срока даже всякое поверхностное отношение и связь с участниками белогвардейских организаций повлечет за собой неизменно высшую кару — расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи»¹⁶⁵⁸. Сообщения из Петрограда способствовали дополнительному накалу обстановки в Полевом штабе.

21 июня на заседании МК РКП(б) С.И. Гусев обратил внимание «на Ставку в Серпухове», где скопилось «много негодного элемента», создающего «крайне скверную атмосферу». По впечатлениям С.И. Гусева, коммунистов в Полевом штабе было «крайне мало», тем более что лучших забрал с собой на Западный фронт С.И. Аралов. По справедливому замечанию нового военного комиссара Ставки, доставшаяся в наследство ячейка не имела «ровно никакого влияния», серпуховские военные специалисты позволяли себе «совершенно недопустимое обращение с... коммунистами», местная организация РКП(б) вела агитацию против Полевого штаба среди рабочих; военные комиссары были приставлены к военным специалистам даже не во всех отделах (!) Полевого штаба, к тому же отдельные политические работники Ставки находились «не на высоте положения». Гусев предложил Военной организации при МК РКП(б) выделить «твердых и надежных» коммунистов для установления строгого контроля за сотрудниками Полевого штаба и налаживания

партийной работы в Серпуховском уезде, где часто происходили восстания дезертиров. Закончил С.И. Гусев обещанием переговорить о необходимости чистки Полевого штаба с Ф.Э. Дзержинским¹⁶⁵⁹. Результатом подобной «беседы» не могли не стать аресты военных специалистов.

23 июня Л.Д. Троцкий, критикуя Особый отдел Южного фронта, не отказал себе в удовольствии нелестно отозваться о деятельности руководителя советской военной контрразведки М.С. Кедрова, подчиненные которого доставляли председателю РВСР все больше хлопот. Председатель РВСР обратил внимание ЦК через своего заместителя Э.М. Склянского (тот должен был передать сообщение Е.Д. Стасовой, В.И. Ленину и Л.П. Серебрякову) «на полную и безусловную негодность и даже вредность особ[ых] отделов в нынешнем составе. Во главе их стоят лица безусловно непригодные. В качестве агентов фигурируют сомнительные элементы, карьеристы, бездельники, невежи. Поскольку Особый отдел считает себя независимым от столь авторитетных органов, как реввоенсоветы, особые отделы впадают в оппозицию, занимаются мелким интриганством. Мне не известны случаи раскрытия изменников, шпионов, заговорщиков особыми отделами, зато они занимаются усиленной слежкой за членами Реввоенсовета, старыми партийными работниками»¹⁶⁶⁰.

К 24 июня Ф.Э. Дзержинский уже сговорился с М.Д. Бонч-Бруевичем, сумевшим произвести на него «хорошее впечатление», относительно «чистки и сокращения Полевого штаба» с 1200 до 300 человек. Председатель ВЧК доложил, что в связи с сокращением служащих встал вопрос о передислокации Полевого штаба из Серпухова в Москву¹⁶⁶¹. При этом уже 24 июня объединенное заседание Полит- и Оргбюро ЦК обсудило рапорт об отставке М.Д. Бонч-Бруевича, которого крайне тяготила свалившаяся как снег на голову должность. Генерал со своим нежеланием работать надоел и И.И. Вацетису, и С.И. Гусеву¹⁶⁶². Последний 25 июня или несколько позднее набросал и направил В.И. Ленину своеобразные «тезисы» (так вполне логично окрестил текст вождь мирового пролетариата) о Полевом штабе, в которых резко критиковал И.И. Вацетиса, выделившего себе 1 промилле работы Полевого штаба и недостаточно умного даже для понимания невозможности «дать правильные директивы фронтам». Сам Полевой штаб характеризовался Гусевым как «чисто бумажное учреждение», внезапное исчезновение которого фронты «даже не почувствовали бы». Досталось в «тезисах» и М.Д. Бонч-Бруевичу с его нытьем по поводу назначения начальником Полевого штаба. На фоне М.Д. Бонч-Бруевича, не желавшего вникать в дела Ставки и делать черновую работу для главкома, С.И. Гусеву постфактум показался светочем мысли бывший начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев¹⁶⁶³, который был арестован почти сразу после своего «откомандования» в распоряжение главкома.

Как установил А.А. Зданович, в июне 1919 г. генерал Костяев, с подозрением относившийся к генштабистам 1917 года, дал следующие показания на следствии: «Вначале, по выходе из академии, этот выпуск не имел определенного лица, но впоследствии, с марта [1918 г.], в нем появилось течение, возглавляемое Теодори, с идеей создания молодого Генерального штаба... в противовес старому (курсив мой. — С. В.)... Когда у главкома появилась мысль о назначении некоторых молодых генштабистов выпуска [19]17-го года, малоопытных, на ответственные места, я всячески этому противодействовал. Так было с назначением Исаева... на командную должность на Восточном фронте... и Доможирова... Отношение Вацетиса к выпуску [19]17 г. было доброжелательное, т. к. первые его сотрудники были именно из этого выпуска и он на них смотрел, как на своих людей...»¹⁶⁶⁴

В начале июля 1919 г. вступило в финальную стадию генеральное наступление на Л.Д. Троцкого и вверенное ему ведомство вождя и его чекистов.

2 июля В.И. Ленин достал «из закров» январский доклад А.А. Антонова и наложил резолюции передать его в Реввоентрибунал Республики¹⁶⁶⁵, однако при исполнении текст ленинской резолюции был изменен: «Отправить ВЧК к следствию над Ставкой». К.Х. Данишевский получил тем не менее копию доклада А.А. Антонова, но неизвестно — когда именно¹⁶⁶⁶.

В ночь на 3 июля 1919 г. в Серпухове был арестован генштабист Н.Н. Доможиров ¹⁶⁶⁷, давший 8 июля показания против главкома и своих коллег. В показаниях говорилось, что в последнее время положение Вацетиса «как бы пошатнулось, он стал мрачен и запил». Генштабист Е.И. Исаев убедил пьяного И.И. Вацетиса, что белые готовятся к захвату власти и угрожают расстрелять или даже повесить главкома, обещая, однако, сохранить ему жизнь и оставить в должности командира батальона, если Вацетис окажет им помощь. Главком спяну согласился, но все «подготовления были лишь в области разговоров» и конкретные шаги «заговорщиками» не предпринимались, если не считать небольшой латышской части, по показаниям Н.Н. Доможирова, «будто бы» (за свои слова Доможиров ручаться отказался) отправленной в Москву или уже давно находящейся в Москве. Причем вскоре выяснилось, что главком в действительности не популярен даже у латышей, на которых (из этого якобы исходил член «коллегии» генштабистов 1917 г. Е.И. Исаев) он вроде бы мог опереться. Сам Н.Н. Доможиров, приехав в 15-ю армию, к латышам, «воочию убедился, насколько там любят „деда“ (так за глаза называли главкома. — С. В.) и как там все за ним пойдут, — кроме бранных отборных слов со стороны членов РВС... по адресу главкома ничего не слышал, а когда я сказал, что членом РВС армии может быть назначен Вацетис, то Данишевский (член РВС. — С. В.) крикнул: „Так это правда! Да ведь это же предательство“». На этом, показал Н.Н. До-

можиров, разговоры о перевороте и закончились, после чего Исаев поставил вопрос «о создании скелета Генер[ального] штаба с тем, чтобы поставить вып[уск] 1917 года в такое положение, чтобы с ним считалась всякая власть». После снятия с поста начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева, по свидетельству Н.Н. Доможирова, Е.И. «Исаев решил уйти военруком в Москву, т. к. там „военрук делает доклады непосредственно Ленину“ (<...> Исаев хотел быть на виду и проводить через Ленина в люди выпуск 1917 года)»¹⁶⁶⁸. Здесь все выглядит очень правдоподобно, поскольку еще А.А. Антонов, пообщавшись с отдельными генштабистами в конце 1918 — начале 1919 г., заявил: «Генштабисты — по крайней мере, большинство из них — усиленно стараются подчеркнуть, что они служат правительству и отнюдь не желают знать ни о каких большевиках и даже ни о каких классах»¹⁶⁶⁹. Если Е.И. Исаев и не озвучил вопрос о постановке выпуска «1917 года» в особое положение при любой власти, то такая идея, безусловно, имела место. В конечном итоге все это — старая идея генералов и штаб-офицеров Генерального штаба старой армии и примкнувшего к ним Николая Николаевича Младшего о необходимости создания в России Большого Генерального штаба по образу и подобию германского.

Хронология изложенных в показаниях Н.Н. Доможирова событий уточняется по приказам Полевого штаба по личному составу. 8 июня «прибывший 4 июня с. г. начальник штаба Западного фронта генштаба Н.Н. Доможиров» прикомандировывался в распоряжение Ф.В. Костяева и зачислялся «с указанного числа на все виды довольствия при штабе»¹⁶⁷⁰. 18 июня Доможиров назначался командующим 15-й армией¹⁶⁷¹, но приказом от 4 июля «прибывший в распоряжение главнокомандующего бывший командующий 15-й армией» Н.Н. Доможиров прикомандировывался к штабу и зачислялся «на все виды довольствия с 30 июня» (в качестве основания приводился рапорт Н.Н. Доможирова от 30 июня № 2785)¹⁶⁷². Выбор чекистами в качестве первой жертвы Доможирова обусловлен был, вероятно, тем фактом, что он уже дважды (!) находился под следствием. Второй раз в числе трех обвиняемых в разглашении военной тайны¹⁶⁷³ (об измене тогда речи не шло, но тем не менее). К тому же неслучайно оценку незадолго до ареста Н.Н. Доможирова (23 июня) получил его штаб в телеграфном заявлении И.Т. Смильги Э.М. Скланскому. Последний в докладе наверх присоединился к мнению начальника Политического управления РККА: «Смильге по прямому проводу сообщил, что работа штаба Запфронта совершенно не налажена. Того же мнения держатся Вацетис, Костяев и Петин¹⁶⁷⁴. Смильга требует немедленной присылки Соллогуба на должность начальника оперативного отделения и минимум двух генштабистов, достаточно опытных и работавших уже ранее на наших фронтах. Целиком поддерживаю просьбу Смильги»¹⁶⁷⁵.

На показаниях Н.Н. Доможирова (прямо говоря, весьма шаткой базе) развернулось следствие. Ключевым моментом, как уже говорилось во *Введении*, стало пьянство главкома¹⁶⁷⁶. После ареста Доможирова допрашивали руководящих работников Полевого штаба, к расследованию подключили Реввоентрибунал Республики¹⁶⁷⁷.

В.Г. Краснов и В.О. Дайнес опубликовали фрагмент, вероятно, предварительных показаний генштабистов:

«[Е.И. Исаев:] На одной из встреч в конце апреля или начале мая [1919 г.] Малышев предложил организовать захват Тулы, Серпухова и Москвы, чтобы совершить внутренний переворот.

[И.П. Павлуновский:] Кто должен был стоять во главе заговора?

[А.К. Малышев:] По-моему, никто из нас не мог встать во главе заговора, благодаря своему политическому ничтожеству. Единственно, кто мог возглавить движение, так это главком Вацетис, который, по словам Исаева, пока колеблется. После продолжительных разговоров, выяснивших несостоятельность наших предположений, план был оставлен.

[И.П. Павлуновский:] Если я правильно понял, то активное воздействие на главкома оказывал Исаев?

[Б.И. Кузнецов:] Исаев как-то (когда это было, не помню) передал, по-видимому, Вацетису, что ему угрожает петля в случае, если белые одержат верх».

Заметим, что 8 июля Н.Н. Доможиров написал в своих показаниях, что это Е.И. Исаев заявил *пьяному* главкому. Здесь ни о каком пьянстве речи нет.

«[Н.Н. Доможиров:] Тогда, *если не ошибаюсь* (теперь уже нет уверенности. — С. В.), главком *будто бы* (курсив мой. — С. В.) спросил Исаева: „Что же делать?“ Видимо, с этого времени Исаев и стал наводить Вацетиса на то, чтобы исправить свою участь и совершить что-нибудь серьезное. Был я у начальника Полевого штаба Костяева, который страшно был ошеломлен своим увольнением (не ранее 15 июня 1919 г. — С. В.) и всячески бранил главкома. Тогда тот ему сказал: „Давайте им устроим переворот“ или „Надо им устроить переворот“, точных слов не помню»¹⁶⁷⁸.

Последние два предложения, возможно, проливают свет на события «заговора»: необходимость военного переворота И.И. Вацетис, Ф.В. Костяев и их подчиненные могли признать *после* 15 июня 1919 г. Тогда это была *реакция на уже состоявшееся* решение о чистке Полевого штаба.

4 июля ЦК РКП(б) принял решение об укреплении Особого отдела ВЧК¹⁶⁷⁹; обязал Оргбюро заслушать доклад С.И. Гусева о Регистрационном управлении Полевого штаба «после рассмотрения этого вопроса в Реввоенсовете Республики» — в обновленном 3 июля составе РВСР (см. следующую главу настоящей книги). Цекисты приняли решение о необходимости чистки Регистрационного управ-

ления от военспецов¹⁶⁸⁰. 4 июля одна вооруженная рота 9-го запасного стрелкового батальона была направлена в Серпухов к начальнику Полевого штаба — М.Д. Бонч-Бруевичу, вкравшемуся в доверие самому Ф.Э. Дзержинскому, для несения караульной службы. В агентурной сводке МЧК (№ 21 от 1 июля) сказано, что большинство красноармейцев батальона находилось «на стороне советской власти», состояние дисциплины признавалось удовлетворительным. На следующий день (5 июля) в Козлов направилась команда пулеметчиков из 20 человек — не иначе, как для усиления охраны Реввоенсовета Республики¹⁶⁸¹. В комплекте агентурных сводок Особого отделения при МЧК за 1919 г. аналогичного усиления охраны указанных военных органов нет — скорее всего, в Полевой штаб отправили верные большевикам части вследствие вполне понятных опасений активных действий со стороны генштабистов после «ходатайства» за Г.И. Теодори его однокурсников.

5 июля Л.Д. Троцкий направил в ЦК заявление, в котором, ссылаясь на условия работы на фронтах, просил об освобождении от членства в Политбюро и председательства в РВСР, а также об утверждении в звании *члена* Реввоенсовета Республики — очевидно, при председателе С.И. Гусеве. (Де Тревиля — лейтенантом гвардейцев кардинала!) Ряд шагов центра Л.Д. Троцкий назвал «рискованными и прямо опасными нарушениями военной системы... установившейся и одобренной [VIII] съездом партии (курсив мой. — С. В.)». Выделенная фраза достаточно показательна: в своих батальонах с большевистским ЦК Л.Д. Троцкий сослался на решение верховного партийного органа. Это было негативным следствием ленинской поддержки Л.Д. Троцкого на партийном форуме. Вождь составил проект постановления Орг- и Политбюро с отказом от отставки Л.Д. Троцкого, в соответствии с которым оба бюро обязались «сделать все от них зависящее», чтобы урегулировать работу на «самом важном в настоящее время» Южном фронте. На том участке фронта, которым лично занимался Л.Д. Троцкий. Признав политику председателя РВСР на Южном фронте вполне законной, Орг- и Политбюро тем не менее не удержались от предоставления Троцкому «возможности всеми силами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии», т. е. свой политический финал.

Л.Д. Троцкому предоставили возможность принимать участие в работе Политбюро ЦК РКП(б) и РВСР в том объеме, который он сам себе определит¹⁶⁸². Заметим, что это как раз было нетрудно: теперь в РВСР было столько сторонников В.И. Ленина, что вождь уже мог не опасаться за судьбу «престола» и проведение в военном ведомстве политики Цека. В качестве показателя «неограниченной моральной доверенности» (так это назвал в 1929 г. Троцкий¹⁶⁸³) к председателю РВСР в июле 1919 г. В.И. Ленин даже выдал ему до-

кумент, аналогичный по форме «охранному листу» кардинала Ришелье, выпрошенному леди Винтер в легендарном романе Александра Дюма¹⁶⁸⁴. С поправкой — это был всего лишь красивый жест, граничащий с издевкой. Л.Д. Троцкий, правда, впоследствии воспользовался ленинскими строками, для того чтобы прикрыть свой террор против большевиков на Восточном фронте летом 1918 г., изученный нами в 1-й главе части первой настоящей книги. Якобы «когда он (Ленин) мне это вручил, и внизу чистой страницы были написаны эти вот строки, я недоумевал. Он мне сказал: „До меня дошли сведения, что против вас пускают слухи, что вы расстреливаете коммунистов. Я вам даю такой бланк и могу дать вам их сколько угодно, что я ваши решения одобряю, и наверху страницы вы можете написать любое решение и на нем будет готовая моя подпись“. Это было в июле 1919 года»¹⁶⁸⁵. Ленин как главный партийный литератор, очевидно, читал во второй половине 1918 г. газету «Правда», в которой, собственно, и печатались подобные «слухи». Представляется невероятным, что до вождя «слухи» дошли со столь серьезным опозданием.

В воспоминаниях К.Х. Данишевского говорится, что 5 и 6 июля положение дел в Полевом штабе оценивала специальная комиссия ЦК РКП(б); 7 июля сам Данишевский в своей записке Центральному комитету партии настаивал на «срочной смене главного командования» и отстранении «от работы ряда ответственных штабных работников»¹⁶⁸⁶. Данишевский вспоминал: «Я считал, что штаб в данном его составе не заслуживал больше политического доверия и что ему нельзя было доверить ведение крупнейших операций при колоссально развернувшихся фронтах». Это вполне вероятно: Данишевский никогда не доверял главкому, к тому же между 30 июня и 13 июля РВСР не собирался¹⁶⁸⁷ — Данишевский вполне мог находиться в Москве. К остальному пассажи воспоминаний следует относиться с особой осторожностью: они вышли в одной книге с мемуарами другого участника описываемых событий — С.С. Каменева: «Надо было поставить во главе вооруженных сил... командующего и начальника штаба, уже непосредственно, на опыте фронтового командования, доказавших умение ориентироваться в Гражданской войне и на деле изучивших стратегию и тактику противника и успешно противопоставивших этой стратегии и тактике — советские, революционные стратегию и тактику, с учетом всей особенности классово-войны»¹⁶⁸⁸. Очевидно, чтобы уловить отличие «революционной» стратегии и тактики от буржуазной, следовало уродиться таким великим военным теоретиком, как С.И. Гусев и иже с ним, но дело не в этом: такими людьми Данишевский признал С.С. Каменева и П.П. Лебедева¹⁶⁸⁹. Факт поездки К.Х. Данишевского в Серпухов для изучения обстановки подтвердил в своей статье исследователь А.А. Зданович. О докладной записке Данишевского в ЦК: «Смену главкома необходимо произвести в сроч-

ном порядке... Сугубо необходимо следить за всеми проживающими в квартире Вацетиса. Ремера, Стаднера и Катковича необходимо отстранить от должности коменданта и его помощников. Катковича необходимо арестовать... Обратит внимание на поездки для [поручений] Дылана и Эрнеста Вацетиса в Москву, Костяева убрать из штаба. Изъять из ведения главкома фонд РСФСР. Ни в коем случае нельзя допустить Костяева в Управление РВСР, а главкома Вацетиса хотя бы консультантом в Совет Обороны или другое высшее военное учреждение. Особый отдел Полевого штаба (Серпуховское Особое отделение ВЧК) подлежит чистке»¹⁶⁹⁰.

8 июля Ф.Э. Дзержинский и И.П. Павлуновский составили рапорт, адресатом которого указан Реввоенсовет Республики. Однако подлинник документа отложился в секретариате В.И. Ленина, следовательно, документ и был составлен для председателя Совета Обороны. Руководители Особого отдела ВЧК доложили об установлении связи Кронштадтской белогвардейской организации с белогвардейской организацией штаба Западного фронта. При этом допрос главного участника организации Западного фронта — начальника штаба фронта и командующего 15-й армией генштабиста 1917 г. Н.Н. Доможирова дал возможность раскрыть центральную организацию, координирующую деятельность всех фронтов (за исключением Восточного), нацеленную на проведение военного переворота и находящуюся в Полевом штабе РВСР¹⁶⁹¹. Руководителем организации был назван главком Вацетис, собиравшийся, как сказано в показаниях задержанных, «тряхнуть Москвой». ВЧК и ее Особый отдел предложили арестовать И.И. Вацетиса и членов организации — Е.И. Исаева, начальника разведки Полевого штаба Б.И. Кузнецова, состоящего для поручений при начальнике Полевого штаба А.К. Малышева, Ю.И. Григорьева, имевшего (так указали авторы доклада) связи с московскими белогвардейскими организациями и связанного через них с частью расквартированных в Москве полков, а также племянника главкома члена РВС 15-й армии Эрнеста Вацетиса, личного адъютанта Вацетиса С.С. Дылана, коменданта Полевого штаба А.В. Ремера и его помощника А.А. Стадлера. Кроме того, предлагалось арестовать и о. начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева «за недонесение о существовании в ПШ организации подготовки восстания и шпионажа»¹⁶⁹². Совнарком в отсутствие представителей военного ведомства постановил заменить И.И. Вацетиса С.С. Каменевым, причем пункт обсуждения назвал «об обновлении состава РВСР»¹⁶⁹³. Вопреки сложившейся практике, на заседание не пригласили даже Э.М. Склянского: аккуратно к лету 1919 г. Л.Д. Троцкому удалось «приручить» строптивного и неуживчивого заместителя — тот даже начал позволять себе иногда опаздывать на заседания Политбюро, прекрасно зная, насколько опоздания раздражали вождя¹⁶⁹⁴. 8 июля изыскания чекистов вылились в арест И.И. Вацетиса¹⁶⁹⁵. Сам Вацетис просил выслушать его в Совете Обороны, но

Совет не счел это нужным, причем (напомнил В.И. Ленину главком два года спустя) «решающим» стало слово председателя Совета Обороны¹⁶⁹⁶. В этот день Ф.Э. Дзержинский, Н.Н. Крестинский, В.И. Ленин и Э.М. Склянский телеграфировали Л.Д. Троцкому об аресте И.И. Вацетиса в связи с признаниями Н.Н. Доможирова. Последний назвал участником заговора Е.И. Исаева, состоявшего «издавна для поручений при главкоме» и жившего «с ним на одной квартире». В телеграмме указали, что главкома избличали многочисленные улики и ряд данных¹⁶⁹⁷.

Судя по письму И.И. Вацетиса В.И. Ленину от 21 октября 1921 г. (см. док. № 2.3.17), при аресте главкома 8 июля повторилась ситуация с арестом Г.И. Теодори: И.И. Вацетис оказался в одиночной камере. При аресте главкому заявили, что «будто бы» он ни в чем не обвиняется, «даже якобы не арестован, а лишь „изолирован“» и поэтому допрашиваться не будет¹⁶⁹⁸ (более того, «заговорщику» позволили в заключении писать автобиографию¹⁶⁹⁹). На вопрос И.И. Вацетиса о причине ареста последовал ответ: «По соображениям революционного времени»¹⁷⁰⁰. С 9 июля Вацетис исключался со всех видов довольствия при штабе, как указано в приказе по Полевому штабу, на основании «приказа председателя Совнаркома от 8 июля»¹⁷⁰¹.

8 июля вечером «во исполнение» решения «ЦК» на заседании Совнаркома В.И. Ленин подписал проект постановления о замене И.И. Вацетиса С.С. Каменевым на посту главнокомандующего¹⁷⁰². Приход нового командующего был не случаен: по свидетельству А.А. Самойло, на Восточном фронте С.С. Каменев «в своих служебных отношениях далеко не был беспристрастен к своим сотрудникам, число коих, по отзывам лиц, близко знавших Каменева, последний упорно пополнял по соображениям, не только преследовавшим пользу службы»¹⁷⁰³. Иными словами, Каменеву nepoтизм был присущ даже в большей степени, чем ряду других военных руководителей, а потому за насыщение Ставки новыми кадрами (вопрос в том — какими) взамен арестованных можно было не волноваться¹⁷⁰⁴.

В ночь на 9 июля последовал арест Е.И. Исаева, Б.И. Кузнецова, А.К. Малышева и Ю.И. Григорьева¹⁷⁰⁵. 9 июля С.И. Гусев приказал начальнику 5-го Латышского стрелкового полка «немедленно выслать в Полевой штаб охрану... для сопровождения арестованных в Москву»¹⁷⁰⁶. 13 июля начальник Канцелярии Полевого штаба С.С. Харитонов и военный комиссар [Е.П.] Семенов телеграфировали в Москву, в Регистрационное управление: «Командируйте [в] Серпухов 15 июля [к] 11 часам для освидетельствования Кузнецова»¹⁷⁰⁷; в ЦУПВОСО — Эйтугиса 22 июля к 12 часам¹⁷⁰⁸. Примечательно, что М.Д. Бонч-Бруевич, запрашивая 14 июля И.П. Павлуновского об арестованных, датировал их арест ночью с 9 на 10 июля. Крайне странная ошибка памяти: прошло всего несколько дней. Еще более

странно, что ошибку не исправил С.И. Гусев, наложивший на телеграмму визу «отправить». В телеграмме генерала уточняется список арестованных: помимо И.И. Вацетиса и четырех названных генштабистов указаны начальник разведывательного отделения Б.И. Кузнецов, помощник начальника оперативного отделения В.К. Токаревский, комендант штаба А.В. Ремер, его помощник А.А. Стадлер и для поручений при коменданте Ф.М. Коткович. М.Д. Бонч-Бруевич запросил И.П. Павлуновского, за кем числятся арестованные и каков их формальный статус — задержаны ли они «в административном порядке», находятся ли они под следствием или же их арест следует расценивать «как меру против уклонения от такового»¹⁷⁰⁹. В приказе по Полевому штабу от 28 июля указано, что у Особого отдела ВЧК находились под следствием следующие сотрудники штаба: А.В. Ремер, А.А. Стадлер, Ф.М. Коткович, Б.И. Кузнецов, В.К. Токаревский, для особых поручений при начальнике Полевого штаба А.К. Малышев¹⁷¹⁰, для особых поручений при бывшем главкоме Е.И. Исаев, адъютанты бывшего главкома С.С. Дылан и Э.И. Вацетис, письмоводитель бывшего главкома Е.М. Уфимцева, делопроизводитель Управления инспектора артиллерии С.Д. Никольский... с 14 мая; служитель общего отделения Административно-учетного управления Ф.Д. Руднев с 12 июля¹⁷¹¹ (с чем связан арест последнего — непонятно). С.С. Дылан был отмечен Л.Д. Троцким еще 19 августа 1918 г. (он был личным адъютантом И.И. Вацетиса еще на Восточном фронте) наряду с тогдашним комендантом штаба Чехословацкого фронта А.В. Ремером, начальником Казанской дивизии И.Е. Славиным, генштабистом Петровым, погибшим военным руководителем Авровым, комиссаром 4-й армии М.А. Левиным и братьями Валерием и Иваном Межлауками¹⁷¹².

9 июля начальник Политуправления РККА И.Т. Смилга в интервью сотруднику газеты «Правда» вскользь упомянул о том, что «в Ставке... свили себе гнездо шкурники и проходимцы»¹⁷¹³.

11—12 июля на допросах Б.И. Кузнецова, Е.И. Исаева и А.К. Малышева (в опубликованной копии допроса последний дважды ошибочно назван Меньшовым), производившихся или *лично* Ф.Э. Дзержинским, или под председательством главы органов государственной безопасности, были получены признательные показания. Протокол допроса содержит ряд неясностей: вероятно, это даже не протокол, а копия черновой записи, сделанной председателем ВЧК на допросе. Если содержание уловлено нами правильно, то получается следующая картина:

— Б.И. Кузнецов и Б.П. Поляков установили связь с Ю.И. Григорьевым через его однокурсника Н.А. Киселева «на свидании в Москве».

— Настораживает фраза «Доможиров ездил искать Арсения». Имеется в виду новгородский иерей Арсений. Но почему именно

через него Н.Н. Доможиров планировал «узнать о зарубежной обстановке»? Священнослужитель — это не сотрудник разведки или НКВД. Ю.И. Григорьев, Е.И. Исаев, Н.Н. Доможиров, А.К. Малышев по поручению Б.И. Кузнецова пытались установить серьезность угрозы со стороны белых и Антанты. Некий Мамлиев, не упомянутый Ф.Э. Дзержинским и И.П. Павлуновским в итоговом докладе, предложил назначить своего военного руководителя в Тулу «для руководства движением рабочих и захвата огнестрельного центра». Во-первых, почему в докладе Дзержинского и Павлуновского от 23 июля, представляющем собой разбавленную комментариями компиляцию фрагментов показаний генштабистов, отсутствуют «куски» показаний двух ключевых участников «заговора» — Арсения и Мамлиева? То ли они сумели избежать ареста и потому не допрашивались, то ли наотрез отказались дать показания, то ли их арест был на данном этапе нецелесообразен. Во-вторых, самая мысль о том, что какой-либо военрук (т. е. военный специалист) может руководить движением рабочих, абсурдна.

— А.К. Малышев предложил использовать И.И. Вацетиса для переворота; Е.И. Исаев, по его заявлению, «возражал, ссылаясь на его непостоянство и болтливость в пьяном виде». Опять сказка на пьянство главкома.

— 16 июня или позднее (после смещения Ф.В. Костяева) И.И. Вацетис «в слезах говорил „Тряхну Москвой“». А.К. Малышев предложил захватить Тулу (Тульский патронный завод), Серпухов (Полевой штаб, вероятно вырезав комиссаров и коммунистическую ячейку) и совершить «поход на Москву». С Полевым штабом все ясно, можно даже допустить захват патронного завода, но какими силами совершить «поход на Москву»: сделать это без поддержки «выпуск Керенского» не мог, да и до Москвы 93 версты еще надо проехать; на отдачу приказа о переброске частей нужно время, и не факт, что большевистские комиссары не смогут отменить контрреволюционный приказ, застрелив при необходимости командира, готового якобы рискнуть жизнью неизвестно ради чего.

— Ю.И. Григорьев «согласился через осведомленных лиц в Москве [войти?] в связь с Деникиным» и при необходимости передать ему сведения о переброске частей с Восточного фронта на Южный¹⁷¹⁴. Еще одна странность: почему на допросе не поинтересовались, кто такие эти «осведомленные лица»?

Не ранее 23 июля, как уже говорилось, Ф.Э. Дзержинский и И.П. Павлуновский направили доклад по делу «Ставка» В.И. Ленину. Машинописную копию доклада изучил и Л.Д. Троцкий. Судя по пометам, председателя РВСР заинтересовали фрагменты: 1) Б.И. Кузнецов, Е.И. Исаев и А.К. Малышев пытались установить связь с белыми; 2) связь со штабом Деникина Ю.И. Григорьев предполагал установить через генштабистов Б.П. Полякова и В.Н. Селивачева;

3) возглавить восстание, по мнению генштабистов, мог только один человек — И.И. Вацетис, который боялся репрессий со стороны белых в случае победы последних; 4) зондаж позиции главкома приняли генштабисты 1917 г. во время совместной выпивки; 5) психологический перелом в поведении главкома произошел после замены Ф.В. Костяева М.Д. Бонч-Бруевичем (накануне вызова И.И. Вацетиса в Москву), в результате которой ряд сотрудников Ставки принял сторону М.Д. Бонч-Бруевича, а И.И. Вацетис решил, что сможет опереться в своих действиях на латышей; 6) «белогвардейская группа Полевого штаба находилась в первоначальной стадии своей организации, т. е. она только создавалась, намечала свои задачи и планы и приступила лишь к частичной их реализации, причем была еще настолько невлиятельна, что ее нахождение в Полевом штабе не отражалось на ход[е] операций на фронтах»¹⁷¹⁵.

Из всего этого читатель может сделать вывод: даже если все, что показали на следствии генштабисты, соответствует действительности, то стремление к организации военного переворота *им* с грехом пополам еще можно вменить в вину (в условиях Гражданской войны такого обвинения при наличии доказательств вполне хватало для отправления «в штаб к Духонину», т. е. для расстрела). Но практическое вовлечение в «заговор» И.И. Вацетиса — вместо разговоров по пьяни — стало уж точно ответом на состоявшееся решение о чистке Полевого штаба и первые совместные действия комиссара Ставки С.И. Гусева и чекистов.

Поскольку с момента изъятия чекистами из Регистрационного управления Полевого штаба военной контрразведки прошло чуть более полугода, да и апрельский ультиматум генштабистов 1917 года В.И. Ленину в связи с арестом Г.И. Теодори еще был свеж в памяти вождя, И.П. Павлуновский не преминул сплести воедино дела генштабистов 1917 года, «оказывается», еще в Петрограде (т. е. до мая 1918 г.) состоявших в «различных белогвардейских организациях союзнической ориентации». Так, — докладывал Павлуновский, — генштабисты Н.Н. Доможиров и Б.И. Кузнецов совместно с Г.И. Теодори и, вероятно, В.В. Хрулевым¹⁷¹⁶ входили в состав организации с генштабистом Б.П. Поляковым во главе; «Исаев участвовал в какой-то организации, в которой состояла Кузьмина-Караваева, находившаяся в связи с Поляковской организацией»¹⁷¹⁷.

Активную деятельность по обеспечению безопасности Полевого штаба и содействию чекистам в раскручивании дела «Ставка» развернул в августе 1919 г. С.И. Гусев. 1 августа лидер РВСР поручил К.Х. Данишевскому подготовить приказ об отстранении генштабистов от шифровального дела. 14 августа С.И. Гусев направил И.П. Павлуновскому перечень лиц, назначенных в июне—июле на командные должности с указанием: «Все эти лица назначены исключительно в 14-ю армию и, по-видимому, Вацетисом единолич-

но»¹⁷¹⁸. Таким образом, чекисты выяснили, какие кадры бывшего главкома могли представлять потенциальную опасность для Советской республики¹⁷¹⁹. 6 августа Организационное бюро ЦК РКП(б) утвердило разработанное С.И. Гусевым и К.Х. Данишевским «Положение о комиссарах Полевого штаба Реввоенсовета Республики», наделившее военных комиссаров Ставки большими полномочиями¹⁷²⁰.

Особый отдел ВЧК продолжал следствие над Полевым штабом в августе 1919 г. По всей вероятности, в первых числах месяца Особый отдел запросил председателя Революционного военного трибунала Республики К.Х. Данишевского о лицах, назначенных на командные должности по приказанию И.И. Вацетиса: 5 августа интересовавшие военных контрразведчиков сведения вместе с копией доклада А.А. Антонова от 12 января 1919 г. К.Х. Данишевский направил И.П. Павлуновскому¹⁷²¹.

К чести первого военного комиссара Ставки С.И. Аралова нужно заметить, что, по свидетельству Л.Д. Троцкого, в августе 1919 г. был «угнетен и общим положением [12-й] армии, и личными делами»¹⁷²².

На правах постскриптума к главе укажем, что 24 сентября Ф.Э. Дзержинский сделал на Московской общегородской конференции РКП(б) доклад о ликвидации контрреволюционных организаций — «Национального центра» и Штаба Добровольческой армии Московского района, ни словом не упомянув о деле «Ставка» (см. док. № 2.3.13). И это притом, что у Дзержинского, вероятно, были основания для связи «заговора» в Полевом штабе с ликвидацией двух указанных организаций: еще 17 сентября один из сотрудников Ставки — Михалевский — доложил С.И. Гусеву, что ему предложили сотрудничество с белыми. Маловероятно, что Гусев не довел информацию до компетентных органов. Отдать ему должное — комиссар Полевого штаба засомневался в ценности сделанного его сотруднику «через вторые руки» предложения, однако разрешил продолжать «внедрение». Примечателен последний доклад Михалевского (см. док. № 2.3.15), по которому (если сотрудник не водил за нос комиссара Ставки) Михалевский получил задание передать белым дислокацию красных на Южном фронте и установил наличие в Москве боевой группы и шпионской организации белогвардейцев. Документ был составлен не ранее 24 сентября — это наводит на подозрение: около 700 «контрреволюционеров» уже находилось под арестом. Однако Михалевский, вероятно, был не в курсе дела: сообщение Дзержинского о раскрытии заговора вышло в печати лишь 27 сентября (см. док. № 2.3.14 — 2.3.16). Имела ли место попытка вербовки, или же предприимчивый служащий Полевого штаба хотел лишь эмигрировать с приличными «командировочными» — нам не известно, однако информация вещь безликая. К тому же бывший полковник гвардии В.А. Миллер 12 октября на допросе по делу «На-

ционального центра» заявил: Н. Сучков говорил, что «ему удалось освободить нескольких лиц, замешанных в процессе Вацетиса». На лицо явная хронологическая несостыковка — то ли допрошенного полковника ввел в заблуждение Сучков, то ли...¹⁷²³ Так или иначе, в докладе Ф.Э. Держинского, несмотря на полученные им совместно с И.П. Павлуновским показания главкома и генштабистов, нет ни слова о «заговоре» в Ставке. Вероятно, к сентябрю 1919 г. чекисты окончательно решили с помощью июльских арестов задачи, поставленные перед ними хозяином — председателем Совнаркома В.И. Лениным. Об этих задачах — в следующей главе настоящего исследования.

№ 2.3.1

**Доклад начальника Отдела военного контроля
Регистрационного управления Полевого штаба РВСР
М.Г. Тракмана и начальника активной части отдела
И.А. Планциса С.И. Аралову об обстановке работы Полевого
штаба в г. Серпухове**

№ 01503, гор. Москва

4 декабря 1918 г.¹⁷²⁴

Сов[ершенно] секретно

Только в собств[енные] руки¹⁷²⁵

Товарищу АРАЛОВУ
ДОКЛАД

Во исполнение Вашего личного распоряжения о выяснении Отделом военного контроля условий и обстановки, при которых придется и приходится работать Реввоенсовету¹⁷²⁶ в Серпухове, мною были командированы в Серпухов сотрудники моего отдела, которые в срочном порядке выяснили пока следующее:

1). На почте и телеграфе во время предполагавшегося восстания был устроен контроль, который ныне уже более не существует.

На почте нет представителя власти, который установил бы правильный контроль за функциями всех сотрудников и давал бы соответствующие директивы. Заведует почтой чиновник, чуждый Советской власти и далекий от политики.

2). На телеграфной станции то же положение — заведыв[ающий] телеграфной станцией ВИНЦЕВИЧ ничем не напоминает советского работника. Штат небольшой, контроля нет, несмотря на то что один из служащих указывал на подозрительные переговоры.

3). В Чрезвычайной комиссии дело обстоит так:

Всех служащих — четыре человека: один председатель и трое служащих; ограничиваются внешним наблюдением, случайно подслушанными разговорами и проч., ибо и недостаток людей, и их не-

опытность не позволяют правильно поставить дело. Самый большой материал и работу ЧК доставляют добровольные и случайные доносы. Если здесь есть организованный заговор или шпионская организация — они, безусловно, пройдут мимо ушей и глаз ЧК. Аресты и обыски производила ЧК до сих пор по указаниям из Москвы. Дело розыска усложняется еще тем, что в городе страшно плохо поставлена регистрация приезжающих и отбывающих: так, напр[имер], при розыске старожилы гор. Серпухова, живущего здесь 15 лет, в адресном столе он не значился. Сами служащие адресного стола охотно сознаются в плохой постановке дела.

Наряду с такими пробелами и дефектами во всем, Серпухов — место как нельзя более подходящее к заговорам, шантажу и спекуляции. Здесь помещаются [Полевой] штаб, значительное количество войск, запасы продовольствия и военного имущества. [В городе] огромное количество фабрик и заводов, где всегда может быть большое количество недовольных.

Наиболее крупными центрами являются [Полевой] штаб и «Центроколлегия» по учету казенного имущества в уезде.

«Центроколлегия» — настолько большое и интересное учреждение, что мною даны особые инструкции к разработке ее сущности, и все результаты мною будут донесены в следующем докладе, так же как и в отношении штаба, относительно которого получены сведения, что один из наиболее ответственных постов, как Служба связи, находится в руках МЕДВЕДЕВА — человека, не внушающего доверия с точки зрения Советской власти. На этого Медведева я указывал уже раньше.

Все подробности в отношении лиц командного состава штаба и системы работ — в настоящее время группируются и будут донесены также в соответствующем докладе.

Для устранения вышеизложенных декретов и налаживания правильной и продуктивной работы, я предложил бы в первую очередь:

1. Назначить комиссара — 1)¹⁷²⁷ коммуниста на телеграф, 2) почту и 3) телеграф от Реввоенсовета Республики¹⁷²⁸;

2. Назначить правильную и точную регистрацию всех проживающих обывателей гор. Серпухова, и

3. Приказать коменданту ст[анции] Серпухова озаботиться о правильной регистрации документов на станции железной дороги¹⁷²⁹.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ВОЕННОГО КОНТРОЛЯ
РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ *М. Тракман*

НАЧАЛЬНИК АКТИВНОЙ ЧАСТИ *Планцис*

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 65 с об.—66. Подлинник — машинописный текст с автографами М.Г. Тракмана зелеными чернилами, И.А. Планциса — бордовыми чернилами.

№ 2.3.2**Письмо члена Реввоенсовета Республики и военного комиссара
Полевого штаба РВСР С.И. Аралова руководящему работнику
Особого отдела ВЧК о необходимости усиления военной
контрразведки в г. Серпухове и охраны Полевого штаба¹⁷³⁰**

14 апреля 1919 г.

Уважаемый товарищ!

Работа в Серпухове Особого отдела должна быть поставлена на большую высоту и широко [раскинута].

Опасность грозит извне, а не изнутри.

Очевидно, целый ряд агентов белогвардейцев проник в среду рабочих, [солдат] 5-го полка и ведется работа [по подготовке] нападения [на] штаб извне. Прошу Вас выслушать [все строго] и прислать побольше работников. Серпухов — Ставка и центр всей оперативной работы, и потому нужно поставить дело охранения штаба серьезно.

С тов[аришеским] приветом, Аралов
14/IV—[19]19

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 198—198 об. Копия — автограф синими чернилами.

№ 2.3.3—2.3.4**Доклады заведующего Серпуховским Особым отделением ВЧК
А. Волкова члену Реввоенсовета Республики С.И. Аралову**

15—21 апреля 1919 г.

№ 2.3.3**Доклад о принимаемых мерах по ликвидации шпионажа
и контрреволюции**

гор. Серпухов

15 апреля 1919 г.

В Революционный военный совет РСФСР т. Аралову

ДОКЛАД

Принимая во внимание переживаемый момент, а также и создавшееся положение, в частности в гор. Серпухове и для принятия мер для ликвидации, прошу провести в исполнение нижеследующее:

1). Ввиду того, что за последнее время наблюдается сильный наплыв иностранцев, а также лиц довольно сомнительных, которые якобы по делам службы приезжают в [Полевой] штаб и т. п. [...], прошу отдать приказ по гарнизону, что все лица, прибывающие по

делам службы и т. п. (как гражданского ведомства, так и военного), должны немедленно, в тот же час по приезде в город, [за]регистрироваться у коменданта города, которому вменить это в обязанность, с отметкой в книге, кто, откуда, по каким делам и в какое учреждение прибыл.

Так как до настоящего времени никакой регистрации не велось и учета как населения, так и прибывающих не было, тем самым дали возможность всем неприятельским агентам проникнуть не только в город, но даже в те учреждения, которые представляют известную Государственную тайну, для чего мною будут приняты соответствующие меры.

2). Для того чтобы сохранить известную конспирацию работы штаба, необходимо установить следующее: а) выдачу пропусков на право входа в штаб устроить вне здания штаба по тем обстоятельствам, что агент, проникнувший в здание штаба якобы (хотя бы) за получением пропуска и проходя мимо дверей, возле которых стоит часовая, где почти каждую минуту по служебным делам приходится проходить как Вам, так и всем политическим деятелям, которые для них играют известную роль, а потому никто не гарантирован, что таковой не произведет на Вас покушение; в) агенту необходимо знать схему расположения кабинетов всех ответственных работников, что в настоящее время им и представляется возможным, потому что те лица, которым поручена выдача продуктов, неблагонадежны, а именно т. Стадлер, за которым велось наблюдение, когда таковой находился в Казани, и было установлено, что таковой имел связь с лицами, подозреваемыми в шпионстве, а именно некто Гофштад, который в настоящее время находится под наблюдением Казанского Особого отдела. А потому прошу сделать соответствующее распоряжение о том, что[бы] те лица, которым поручена выдача пропусков, обращали (тщательное) серьезное внимание на правильность документ[ов], а главное — на отпечаток печати, и чтобы ежедневно представляли Вам список по отделам, какие лица кого посещали, а это самый наилучший контроль — установить, кого из чинов штаба и кто посещает.

3). Для того чтобы [обеспечить Вашу] безопасность, ввиду того что в данное время можно ожидать покушения [на Вас] как на видного политического деятеля (поскольку строгая выдача пропусков на право входа в штаб будет установлена, вне всякого сомнения, [контрреволюционеры] попытаются произвести [ликвидацию] в квартире), прошу разрешения поместить одного агента в Вашей квартире, который все это обезвредит и в то же время будет собирать сведения, т. к. в Вашей квартире помещаются самые бюрократические семьи.

4). Переговорите лично по телефону с т. Кедровым, чтобы он решил здесь открыть стол пропусков: это необходимо для того, чтобы точно установить личность, т. к. таковому будет вменено в обязанность, что все лица, коим потребуется выезд из Серпухова,

должны обратиться в стол пропусков для получения соответствующего пропуска — где уезжающий должен заполнить соответствующую анкету, которая и будет служить[ь] отделу документом установления личности.

5). 17 сего апреля я приступлю к организации контрольного пункта на станции Серпухов.

6). Ввиду того, что за начальником связи т. Медведевым и его помощником Беловым необходимо установить внутреннюю агентуру... прошу сделать соответствующее распоряжение о зачислении на должность (какую-либо) в названный отдел одного из агентов ОО.

7). С нонешнего¹⁷³¹ дня, т. е. с 15 апреля, установлено наблюдение за (товарищем) граж[данином] Успенским — о результатах буду ежедневно Вам сообщать.

8). Поступило заявление, что граж[дане] Савинков, Ломасов и Жемаркин из старой ситценабивной фабрики быв[шей] Коншина ведут агитацию выступить с Белым флагом — принимаю меры для расследования.

9). Прошу предложить всем политическим комиссарам штаба следить за служащими и сотрудниками и о[бо] всех лицах, которые наводят сомнение, сообщать мне для расследования.

10). 15 сего апреля в батальоне особого назначения было собрание, на котором присутствовали агенты отдела, где выяснилось, что на $\frac{2}{3}$ состава можно определенно положиться, на остальную же $\frac{1}{3}$ — сомнительно, но при хорошей агитации можно склонить [на свою сторону] и последних.

Заведующий Серпуховским Особым отделением ВЧК А. Волков
Резолюция С.И. Аралова¹⁷³²: «*Голенко. Меры принять*»¹⁷³³.

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 246 с об.—247. Автограф синими чернилами.

№ 2.3.4

Доклад о необходимости оказания содействия Серпуховскому Особому отделению ВЧК

№ 146, Москва, Знаменский пер., 3

21 апреля 1919 г.

Секретно

КОМИССАРУ ПОЛЕВОГО ШТАБА РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ТОВ. АРАЛОВУ

[...] работа контрразведки может планомерно протекать то[лько] тогда, когда все политические деятели всех учреждений идут на встречу, т. е. оказывают содействие в проведении в жизнь тех или иных приказов и распоряжений, которые крайне необходимы для

ОО, без которых работа контрразведки крайне тяжела, в то время и бесполезна.

А потому прошу сделать надлежащее распоряжение всем политкомам, чтобы таковые оказывали содействие, а также прошу: 1) о незамедлительной замене коменданта города, 2) отдать приказ по городу, что все прибывающие в гор. Серпухов должны немедленно зарегистрироваться у коменданта города и отметитья при отъезде, 3) при выдаче пропусков на право входа в помещение штаба производить тщательный осмотр документов с отметкой, к кому таковое лицо направляется и по каким делам, и ежедневно по окончании выдачи чрез одного из комиссаров штаба *выпуску представить мне*¹⁷³⁴, и 4) сообщать ежедневно о[бо] всех лицах, командирующихся по делам службы и в отпусках за час до отхода поезда.

О последующих распоряжениях прошу меня уведомить.

Заведующий Особым отделением *Волков*
Делопроизводитель *Е. Калугин*

Резолюция С.И. Аралова¹⁷³⁵: «Тов. *Голенко*. Переговорить с председателем исполкома о назначении коменданта, об издании соответствующих приказов. Комиссару Адм[инистративно-учетного управления] т. Семенову проверять ежедневно книгу пропусков и войти с нач[альником] ОО в связь по всем комендантским вопросам. 24/IV—[19]19. Аралов».

Помета¹⁷³⁶: «Меры приняты».

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 215. Подлинник — машинописный текст на бланке Серпуховского отделения Управления Особого отдела ВЧК с автографами синими чернилами.

№ 2.3.5

Доклад генштабиста Оперативного управления Полевого штаба РВСР А.П. Медведева начальнику управления с ходатайством о предоставлении отпуска после необоснованного содержания в Бутырской тюрьме и о переводе на другую должность

№ 191/л., гор. Серпухов

16 мая 1919 г.

НАЧАЛЬНИКУ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Доношу, что ночью 4-го сего мая я был арестован на своей квартире в гор. Москве (Гранатный пер., д. 20) согласно ордеру Особого отдела. В квартире был произведен обыск, после чего согласно ордеру меня, арестованного, доставили в Особый отдел, а оттуда 5 мая переправили в Бутырскую тюрьму и поместили в одиночную строгую камеру.

Первый допрос был произведен мне следователем Особого отдела 6 мая, второй допрос — 13 мая, после чего 14 мая я был выпущен на поруки члена Революционного военного совета Республики С.И. АРА-ЛОВА и с меня взяли подписку, что я буду находиться в гор. Серпухове и обязуюсь явиться по первому требованию ВЧК.

На первом дознании мне было предъявлено в письменной форме обвинение в шпионаже. Столь тяжкое и позорное обвинение, предъявленное мне, если судить только по ходу обоих допросов при следствии и по собранным и приобщенным к делу документам, не может считаться обоснованным и сколько-нибудь серьезным, а является, с одной стороны, результатом гнусной и редкой по своей наглости провокации со стороны бывшей служащей Полевого штаба Троицкой, а с другой — каким-то роковым для меня недоразумением.

Троицкая, вообще ничего общего не имевшая со мною, показала, что я знал определенно, что она состоит на службе у белогвардейцев, что однажды, встретив ее, я сказал, что «скоро конец, наша [сторона] берет верх», что однажды она поехала со мною в вагоне и видела, как я вез пакет «заместителю французского консула». Далее шло обвинение, что я, будто бы имея какую-то конспиративную квартиру в Трубниковском переулке, посылал какие-то карты с курьером какому-то Семенову на Мясницкую улицу, имею связи с французами, кому-то сдал на хранение документы и еще несколько мелких вопросов.

Меня спрашивали, знаю ли я генштаба Тарасова (не знаю), Даллера, и Анциферова, и Теодори — и какие отношения я имею к ним.

Из вещественных доказательств приобщены к делу: 1) фотографическая карточка генштаба А.А. Незнамова, моего бывшего начальника; 2) неиспользованный пропуск в штабной вагон, взятый мною для сотрудника телеграфа (она не поехала); 3) фотографии (2) мои с моим штабом 47-й пехотной дивизии, снятой в апреле 1917 года; 4) доклад мой в 1916 г. в Школе прапорщиков в Черткове (Галиция) с[о] схемой к этому докладу; 5) карта прорыва фронта у Брзежан (Галиция) в июне 1917 года; забраны, кроме того, еще две-три маловажные бумажки. Таким образом, можно видеть, что все то, что мне пришлось пережить за эти две недели, все то, что переживаю я сейчас, получая сведения о[бо] всех тех унижениях меня как личности, которые допускались в моем отсутствии вообще и при бывших у меня обысках в частности, — все это были напрасные обвинения и оскорбления, нанесенные неумышленно, а в некоторых случаях с[о] злою волею, мне, который с первых дней Октябрьской революции непрерывно работал на ответственных постах, которому поручились исключительно секретные поручения (вручение лично особо секретных пакетов председателям Совнаркома¹⁷³⁷ и Высшего военного совета¹⁷³⁸), который создал стройную и надежную систему связи, не считаясь с затруднениями и трениями разного вида и с разных сторон.

Все это тяжело отразилось на мне, подорвало энергию и понизило работоспособность всех видов.

Докладывая о вышеизложенном, [я] убедительно ходатайствую о разрешении мне хотя бы в течение 10 ближайших дней отдыха, ибо к работе я совершенно физически не гожусь и мне необходимо немного успокоиться.

Кроме того, докладываю, что в ближайшие дни я буду просить Вас содействовать о предоставлении мне другой должности, если нельзя в Полевом штабе, то в другом учреждении, т. к. продолжать руководство столь ответственной работой связи при известных Вам обстоятельствах, усугубленных всей обстановкою, сопровождавшей мой арест, я абсолютно не могу.

Инженер, военный электрик
Генерального штаба *Медведев*

Резолюция В.В. Даллера: «В Инспекторское [отделение]. Хранить в делах. Даллер. 19/VI—[1]919»¹⁷³⁹.

Помета: 1) «[В] Адм[инистративное отделение]. 18/VI—[1919]»; 2) «По резолюции. 19/VI—[1919]».

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 349 с об.—350. Подлинник — машинописный текст на бланке «НАЧАЛЬНИК СЛУЖБЫ СВЯЗИ ПОЛЕВОГО ШТАБА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ» с автографом.

№ 2.3.6

Заявление члена Политбюро ЦК РКП(б) и председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого Центральному комитету РКП(б) по поводу решения о чистке Полевого штаба¹⁷⁴⁰

16 июня 1919 г.

В ЦК РКП

У[важаемые] т[оварищи]!

По поводу вчерашнего решения о Ставке считаю нужным оставить письменное заявление.

Принятое решение заключает в себе элемент причуды, озорства: так оно будет воспринято обеими «заинтересованными» [сторонами] и их «партиями». Можно принимать какие угодно свирепые решения, но в них не должно быть павловского каприза: «хочу кролика спарить с канарейкой — и больше ничего». Комбинация будет истолкована как причуда растерянности и отчаяния. Развал и предательство среди спецов станут больше. Особенно если это будет дополнено арестом К[остяева], который «не пьет, в карты не играет»

(свид[етельские] показания Аралова) и работает 20 час[ов] в сутки. В терроре элементы каприза ожесточают и дезорганизуют гораздо более, чем самая свирепая жестокость.

Ставка — «вертеп». Конечно, там не монастырь, полагаю. Но не сомневаюсь в чудовищности преувеличения разных кумушек. У нас штаб 13-й армии приговорили к каторжным работам за «порочное поведение» (выпивки и проч.) — а теперь все хлопчут об их помиловании, ибо работники штаба работают добросовестно, да и заметить их некем. Мы за последнее время много экспериментировали в области мобилизации. Мы потратили — несмотря на предупреждения — массу сил и времени на «властную»¹⁷⁴¹ мобилизацию 10—20, а в результате не только упустили много времени, но и показали мужику, что если не хочешь, то и не мобилизуйся, несмотря на дереты. Это скажется на нынешней¹⁷⁴² мобилизации.

Теперь мы начинаем экспериментировать — с оттенком озорства — в области Ставки. Американская мудрость вообще рекомендует не пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток¹⁷⁴³. Мы же в самый критический момент впрягаем таких лошадей, которые тянут заведомо врозь...

Отвергнутая комбинация т. Ленина имела почти все непосредственные невыгоды принятой да, сверх того, снимала командование Вост[очного] фронта, относительно которого (фронта) ЦК опять принял решение фактически в отмену решения Пол[ит]бюро, что именно он, Вост[очный] фронт, является <важ[нейшим]> первостепенным, а не Петрофронт.

С тов[аришеским] пр[иветом] Л. Троцкий
16/VI—1919

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 12 с об.—13. Автограф; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 14. Заверенная машинописная копия. Печатается по тексту автографа.

№ 2.3.7

**Записка члена Политбюро ЦК РКП(б) и председателя Совета
рабочей и крестьянской Оборона В.И. Ленина Центральному
комитету РКП(б) с обвинением Л.Д. Троцкого
в предоставлении высшему партийному органу направленной
информации**

Москва

17 июня 1919 г.

В ЦК РКП

Тов. Троцкий ошибается: ни причуды, ни озорства, ни каприза, ни растерянности, ни отчаяния, ни «элемента» сих приятных (Троцким

с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошел: большинство Цека пришло к убеждению, что Ставка «вертеп», что в Ставке *неладно*, и в поисках *серьезного улучшения*, в поисках средств *коренного изменения*, сделало определенный шаг. Вот и все.

Ленин

Москва, 17/VI—1919

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 352—353.

№ 2.3.8

Тезисы военного комиссара Полевого штаба Реввоенсовета Республики С.И. Гусева о главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетисе и о Полевом штабе РВСР

*Между 25 июня и 3 июля 1919 г.*¹⁷⁴⁴

1. Основное правило военной организации: чем крупнее военное¹⁷⁴⁵ соединение, тем меньшую долю работы командование его уделяет вопросам оперативным и административно-хозяйственным. Полк совершенно не имеет ни органов снабжения, ни органов формирования и положения¹⁷⁴⁶. 99% работы полкового командира — работа оперативная. Дивизия уже имеет органы снабжения и формирования (запасный батальон), и 50% работы дивизионного командира посвящены этому вопросу. В армиях с широко развитыми органами снабжения и формирования на долю оперативных вопросов падает 25% работы командарма, остальные 75% — на снабжение и формирование. Фронтное командование на определенные вопросы уделяет не более 10% своей работы. Наконец, на долю главкома приходится 1—2% оперативной работы, и почти все свое рабочее время он должен посвящать вопросам снабжения и формирования.

Отсюда видно, что т. н. Полевой штаб, из ведения которого совершенно изъята работа по снабжению (ЦУС) и формированию (Всеросглавштаб), *выполняет только ничтожную долю работы главного командования и Народного комиссариата по военным делам.*

2. Главному командованию приходится примерно раз в три месяца делать директивы фронтам и затем только внимательно следить за их выполнением и за изменением строительной¹⁷⁴⁷ обстановки. Как ни просты, на первый взгляд, оперативные работы главкома, как ни коротка директива (две-три строки: активно обороняться, наступать, разбить армию противника, захватить такие-то рубежи и в них закрепиться), но для правильного решения она требует учета многочисленных факто[ро]в (численный состав своих сил и неприятельских, состояние снабжения, резерва, географические и клима-

тические условия, политическая конъюнктура и т. д.). *Полевой штаб, совершенно отрезанный от ЦУСа и Всеросглавштаба, не может произвести правильного учета и, след[овательно], не может дать правильные директивы.*

3. В лучшем случае, если главком достаточно умен, чтобы понимать, что он не может дать правильные директивы, он постарается своими приказами и распоряжениями не портить работу фронтового командования и не мешать ему, для чего будет поддерживать тесную связь с фронтом и не принимать ни единого важного решения, не посоветовавшись предварительно с комфронтом. В этом случае главком не будет вреден. *В худшем случае* (и такой случай мы имеем в Серпухове) главком *и Полевой штаб своими самыми доброжелательными директивами чаще всего будут срывать работу фронтов, толкать на ошибки и вообще вредить делу.*

4. Фронтное командование, по сравнению с Полевым штабом, находится в несравненно более выгодных условиях, ибо оно объединяет работу оперативную, снабженческую и организационную. Следовательно, оно имеет возможность значительно более правильно учесть все элементы оперативной задачи и дать более соответствующее обстановке и, след[овательно], более правильное решение.

5. Если бы наш Полевой штаб вдруг исчез, фронты этого не почувствовали бы (так ничтожна его доля работы), ибо они нуждаются не в директивах, а в снабжении и пополнениях. Вернее всего, фронты легко бы вздохнули, не потеряв ничего, кроме вязких и неправильных директив.

6. Наш Полевой штаб — учреждение чисто бумажное, лишенное материальной возможности изменять обстановку на фронтах (снабжение, пополнение, резервы); его работа — вредная функция¹⁷⁴⁸, вокруг которой крутится несколько сот весьма занятых работой, но по существу ничего не делающих людей. Главком Вацетис — типичный образец такого «бумажного дела человек[а]». Из тяжелой работы главного командования, приходящейся на долю Полевого штаба, он выделил себе $\frac{1}{1000}$ часть. Из 2—3 часов ежедневного пребывания в штабе он уделяет работе 5—10 минут, а остальное время занят праздничной болтовней. Он даже не интересуется докладами начальника [ЦУПВОСО] и инспекторов. Систематическая связь начальника с фронтовым командованием не поддерживается. Самые важные и ответственные решения принимаются в одну минуту, произвольно, импульсивно выскакивая из его головы, без предварительного внимательного изучения вопроса. При этом он весьма паничен¹⁷⁴⁹. Так, когда было получено известие о сдаче Харькова, которую после падения Белгорода даже не военспец мог предвидеть, которая к тому же не привела к коренному изменению или, по крайней мере, к значительному ухудшению обстановки, он тут же, буквально в 10 секунд, решил перенарядить на Курск 25-ю дивизию, направленную

на Уральское направление. Только мое указание, что такой приказ был бы равносильен скорой сдаче Самары и Саратова и соединению дутовцев с деникинцами, отрезвило его и заставило отказаться от этого необдуманного решения. Так же бессистемно и необдуманно решаются административно-хозяйственные вопросы и организационные, поскольку более или менее случайно они в Полевой штаб попадают. Наиболее выразительны следующие два факта. В апреле на складах [Юж]фронта хранилось 50 тыс. винтовок, но не было пополнений. В последнем том же апреле на Востфронте было много пополнений, но не было винтовок. В результате — удар по обоим фронтам. Второй факт: огромное место в работе Полевого штаба занимают неизменно удовлетворяемые многочисленные просьбы о пособиях военспецам (по случаю болезни или смерти матери, отца, детей, братьев, сестер; по случаю утраты вещей, утери) и о сохранении прежнего содержания при переводе на низшую должность. Всем этим вопросом о пособиях главком ведает самолично. Остальные ответственные работники штаба — так же испорченные чиновники — более или менее исполнительные, более или менее способные, которые с деловым и свободным видом крутятся вокруг несуществующего дела. Впрочем, один-два хороших работника, кажется, есть.

Новый начальник штаба Бонч-Бруевич отличается от старого большим непониманием и большей бестолковостью, большей угодливостью и меньшей исполнительностью. На свое пребывание в штабе он смотрит как на самое кратковременное и упорно хочет уйти. В результате главкому приходится теперь вместо 5 бумаг ежедневно прочитывать до 40, что вызывает его искреннейшее негодование.

7. Всеросглавштаб (формирование) и ЦУС (снабжение) выделены на сферы влияния [главкома] зампредреввоенсовresp[у] т. Склянскому. Полное выделение совершенно ненормально и тоже противоречит тому типу организации рев[воен]советов, который выработался на фронтах и в армиях где все неразрывно связанные между собою отрасли военного управления (организация, снабжение, оперативная часть) объединяются в одном центре. Насколько Полевой штаб, оторванный от формирования и снабжений, не в силах правильно ставить и решать оперативные вопросы, настолько же ЦУС и Всеросглавштаб, [оторванные] от оперативной части, не в силах правильно ставить и решать вопросы снабжения и формирования. Репутация ЦУСа и Всеросглавштаба в армиях и на фронтах самая скверная — к сожалению, не без достаточных оснований.

8. Общий смысл из предыдущих тезисов: [необходимо] *создание единого центра, объединяющего оперативное управление фронтами, их снабжение и пополнение.*

9. Этот центр может быть работоспособным лишь при условии, что он будет составлен из товарищей, прошедших фронтовую школу. Заснувших в центральных канцеляриях центровиков нужно напра-

вить поучиться в армиях, и на их место заселить фронтовиков, по расчету: 1 дельный фронтовик/на замен 10 тыловых бездельников.

10. При создании этого работоспособного и правомочного центра необходимо иметь в виду, чтобы в нем по возможности были равномерно представлены все фронты и чтобы представители фронтов хорошо знали свой фронт и продолжали, находясь в центре, поддерживать с ними тесную связь, получая со своего фронта постоянную информацию и время от времени поезжая¹⁷⁵⁰ туда. Небольшой опыт работы в Полевом штабе убедил меня, что штаб знает фронты весьма слабо.

11. Распространить¹⁷⁵¹ между тылом и фронтом военспецов. Один дельный фронтовой военспец, проверенный многократно на фронте как со стороны работы, так и со стороны верности, взамен 10 всегда подозрительных тыловых военспецов.

12. Такая смена тыловых и фронтовых военспецов — лучшее средство против неприятельского шпионажа и белогвардейских заговоров. Неприятельские шпионажи больше всего стремятся в центральные учреждения. Рассовав их¹⁷⁵² по фронтам и армиям, мы разрушим их организацию и лишим их возможности получать сведения из того места, куда они стекаются. В армиях и дивизиях они попадут в несравненно худшее положение для их шпионской работы.

13. Эти меры (мена между фронтом и тылом) должны быть проведены с известной постепенностью, с неослабляющей неуклонностью и планомерностью. Никаких уступок, никаких послаблений.

14. Эти меры должны быть в равной степени распространены и на Полевой штаб.

15. Кроме той основной в борьбе со шпионажем и заговорами меры должны быть предприняты еще следующие меры: а) контрольная проверка состава служащих центральных учреждений, где засело немало буржуазии, радикальная чистка и перетасовка [кадров]; б) уменьшение штатов; в) введение в число служащих секретных наблюдателей, особо оплачиваемых должностным вознаграждением и инструкторуемых Особым отделом [ВЧК].

16. Наряду с созданием работоспособного и правомочного центра, действительно объединяющего все отрасли военной работы действительных фронтовых центров, необходимо в области снабжения и формирования провести централизацию. На деле эта централизация уже проводится, но недостаточно решительно и последовательно. Подчинение округов фронтам даст им возможность несравнимо быстрее восстанавливать потрепанные части и создавать новые. То же нужно провести и в области снабжения, дав фронтам (не армиям, ибо начиная с фронтов централизация уже стала возможной) в той или иной форме производить самостоятельно вещевые и продовольственные заготовки (напр[имер], путем подчинения им окружных и губернских воензагов).

17. Эта временная децентрализация в порядке время¹⁷⁵³ создаст на фронтах работоспособные органы в области формирований и заготовок и даст, т[аким] обр[азом], центру возможность путем объединения этих организаций и их работы установить действительно (а не бумажную) централизацию.

18. Эта децентрализация по существу будет означать перенесение базы формирования и заготовок из голодных и ободранных центров в хлебные и еще не объединенные места. В частности это более всего относится, в первую голову, к Востфронту и затем к Украине. Поэтому туда нужно направить из центров как работников, так и материальную часть, необходимую для формирований. Отдел формирований на Востфронте уже существует и деятельно работает, надо только его расширить и усилить, и на Украине его надо заново построить. Поэтому добрые $\frac{2}{3}$ Всеросглавштаба нужно командировать на Востфронт и на Украину. То же надо сделать и с[о] значительной частью ЦУСа.

19. В случае, если Полевой штаб по-прежнему останется мертвым бумажным учреждением, прошу заменить меня и отправить в армию или на фронт, ибо крушение¹⁷⁵⁴ вокруг иллюзорного дела без всякой возможности организационной инициативы нахожу занятием в высшей степени противным, особенно после живой и плодотворной работы на фронтах.

Помета В.И. Ленина: «Тезисы?? Чьи? Гусева?»

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10317. Л. 1—5. Машинописный текст. Помета В.И. Ленина — автограф карандашом¹⁷⁵⁵.

№ 2.3.9

Рапорт руководства ВЧК Реввоенсовету Республики о связи Кронштадтской белогвардейской организации с белогвардейской организацией штаба Западного фронта

8 июля 1919 г.

События в укрепленном районе Кронштадтской крепости и расследование деятельности организации военных специалистов, подготовившей таковые события, привели к установлению связи Кронштадтской белогвардейской организации с белогвардейской организацией штаба Западного фронта. Допрос главного участника организации Запфронта — наштазапфронта и командарма 15-[й] Н.Н. ДОМОЖИРОВА дал возможность раскрыть центральную организацию, координирующую деятельность всех фронтов, за исключением Восточного, и подготовлявшую захват аппарата управления Красной армии в руки своих людей-специалистов.

Эта центральная организации находится в Полевом штабе Реввоенсовета Республики.

Задачи и цели организации: через своих людей, назначаемых на ответственные посты в армии, предполагалось захватить военный аппарат в свои руки и уже с помощью этого аппарата произвести военный переворот и установить военную диктатуру. Факты: в Серпухове организация опирается, по их предположению, на 5-й Латышский стрелковый полк. В Москве через преподавателя Академии Генштаба ГРИГОРЬЕВА, имеющего связи с московскими белогвардейскими организациями, на часть расквартированных в Москве полков. С этой же целью наштазапфронта назначается командармом 15-й, а Эрнест ВАЦЕТИС — членом Реввоенсовета той же армии.

ДОМОЖИРОВ и Э. ВАЦЕТИС должны были организовать и руководить восстанием 15-й Латышской армии, где главком ВАЦЕТИС якобы был очень популярен.

Главком ВАЦЕТИС должен был встать во главе восставших частей и, по его словам, «Тряхнуть Москвой».

Помимо этого организация Полевого штаба имеет связи с Колчаком и Деникиным и Парижем, куда этой организацией передавались сведения военного и политического характера.

Ввиду всего вышеизложенного, Всероссийская чрезвычайная комиссия совместно с Особым отделом ВЧК¹⁷⁵⁶ нашла необходимым произвести арест нижеследующих лиц:

главкома ВАЦЕТИСА	
и. о. начштаба Костяева	За недонесение о существовании в Полевом штабе организации подготовки восстания и шпионажа

УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ:

Исаева — состоящего для поручений при главкоме,

Кузнецова — нач. разведки Пол[евого] штаба,

Мальшева — для поручений при начштабе,

Григорьева — преподавателя Академии Генштаба,

Эрнеста Вацетиса,

Дылана — личного адъютанта Вацетиса,

Коменданта штаба и его помощника.

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61. Л. 1—2. Подлинник — машинописный текст на бланке Управления Особого отдела ВЧК с автографами. *Оубл.:* Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. М., 2007. С. 131—132.

№ 2.3.10

**Показания подследственного — генштабиста
Н.Н. Доможирова — по делу «Ставка»***8 июля 1919 г.*

Показания гр. Доможирова 8/VI[II]—1919 г. о подготовке переворота, готовившегося в Ставке¹⁷⁵⁷

6—7 июня в Ставке Исаевым, Кузнецовым и Малышевым было рассказано следующее: за последнее время положение главкома как бы пошатнулось, он стал мрачен и запил. В одну из таких минут Исаев сказал главкому о готовящейся ему участи в случае захвата власти белыми (петля или расстрел и, в крайнем случае, должность командира батальона, если главком чем-нибудь поможет, — эти сведения имел Кузнецов из подпольных партий Москвы), и на вопрос главкома: «Что же делать?» — постепенно и настойчиво, исключительно под пьяную руку, начал внушать ему мысль произвести переворот с тем, чтобы захватить власть в свои руки и затем уже действовать, смотря по обстоятельствам.

План предполагался примерно таков: послать кой-какие части (верные) в Москву, поднять восстание в Туле, дабы захватить в свои руки Тулу как единствен[ную] базу артиллер[ийского] снабжения Республики, что поставило бы Республику в чрезвычайно безвыходное положение. Почва в Туле была благодарная и, по словам указанных лиц (кого точно, указать не могу — разговор шел общий), рабочие там настолько настроены против Советской власти, что при первом же сигнале подняли бы восстание. Настроение в Серпухове также благоприятное для восстания (между прочим, проверяя данную [информацию] о серпуховских рабочих у Костяева в эти дни, я от последнего получил, наоборот, самые успокоительные сведения, что рабочие на стороне Советской власти, а главкома, между прочим, они очень не любят, что в свою очередь подтверждали и Исаев, и Кузнецов).

Все эти приготовления были лишь в области разговоров, и, как бы [там] ни было, шагов к проведению плана в жизнь совершенно не делалось, только (да и то ручаться не могу) что будто бы в Москву ими услана какая-то незначительная латышская часть или же в Москве уже есть давно некоторая часть 5[-го] Латышского [стрелкового] полка. В самом Серпухове же оплотом восстания должен был служить 5[-й] Латполк, который, по словам Исаева и Кузнецова, «деда» (главкома) любит «страшно», чего, я думаю, в действительности совершенно нет (мои личные наблюдения да [и нюх], в конце концов). Когда разговоры об этом прекратились, и сам Исаев сознался, что 5[-й] латполк не так уж любит «деда», как это предполагалось¹⁷⁵⁸. В Тулу в губвоенком или еще на какую-нибудь долж-

ность должно было назначить «своего» человека, но кого именно и намечено не было. Наконец Исаев настолько внушил Вацетису свою мысль, что главком наконец однажды ему заявил, что он согласен тряхнуть Москвой (подлинных выражений не помню), просил его не бросать, плакал на плече Исаева (по выражению Исаева). Но когда главком протрезвился, то он разговора об этом не поднимал. Я, не выяснив вопроса о своем новом назначении, уехал в Курск в отпуск, причем перед отъездом просил Костяева назначить меня к Склянскому управляющим делами или же в округ; в академию я не хотел проситься, т. к. боялся, что меня оттуда могут очень быстро назначить на фронт (я, между прочим, Костяеву сказал, что в Москве я был у Склянского, что последний будто бы спрашивал мое мнение о Костяеве и что лично меня в тыл убирать нельзя, т. к. я нужен фронту. У Склянского я, конечно, не был). Костяев обещал переговорить со Склянским о моем к Склянскому назначении. В разговоре с Малышевым, Кузнецовым и Исаев[ым] мы перебирали места, куда я мог быть назначен: от Московского [военного] округа я отказался, в восточные не хотел, в Орловском нужно было сместить н[ачальни]ка штаба, от чего туда я тоже отказался. Оставались лишь южные украинские города, куда бы я пошел с удовольствием, особенно в Харьков и Одессу. Кузнецов предложил Одессу, т. к. там можно было установить связь с Щербачевым (который находится в Париже¹⁷⁵⁹ вместе с Головиным, о чем Кузнецов знал из подпольных кругов Москвы) через имеющих, по всей видимости, в Одессе родствен[ников] Щербачева и еще через какого-то полковника, фамилию кого не помню, бывшего адъютанта Щербачева, кажется, *Мельчакова* (?), который тоже мог быть в Одессе. Говорили о том, что хорошо было бы Семашке быть окружным Одесским комиссаром, т. к. если Семашко и не полностью свой человек, то, во всяком случае, при нем легко работать; сам же Семашко (я это знал) хлопотал о переводе на Украину и даже просил меня, если представится возможность, замолвить о нем в Москве словечко.

13 июня я получаю от Костяева телеграмму о том, что я назначен командармом. Предварительно я переговорил по аппарату с Малышевым — в какую именно узнал — в 15[-ю] (латышскую), причем по аппарату обругал его за это назначение. Числа 8—9 июня, узнав в Курске в доме ужаснейшую в смысле жизни обстановку родителей, жены (мы были вынуждены жить в вагоне за неимением места дома), я написал Костяеву письмо с просьбой о скорейшем своем назначении «куда угодно». Мое назначение Костяев объяснил так, что это место для меня подходящее: «он постарался мое назначение провести при себе, т. к. он уходит к Склянскому».

Исаев, Малышев и Кузнецов были мной недовольны, т. к. мое назначение было и для них неожиданно. У нас произошел довольно бурный разговор, где они меня упрекали, что [я] сильно дружу с Костя-

евым и, быть может, передаю ему все наши разговоры, но я их успокоил. Тогда мысли Исаева приняли такой ход: 15-я армия, командарм коей — свой человек и в которой за главкомом солдаты и вообще латыши пойдут куда угодно, может для переворота оказать ценную услугу — только туда нужно назначить и члена РВС армии такого, который бы действовал в известном направлении. Таким человеком, по словам Исаева, являлся Эрнест Вацетис, который любит отличную квартиру, вино и женщин. В связи с уходом Костяева и полной шаткостью положения главкома, Исаев решил уйти военруком в Москву, т. к. там «военрук делает доклады непосредственно Ленину» (какова цель этого ухода, для меня туманна, просто Исаев хотел быть на виду и проводить через Ленина в люди выпуск 1917 года¹⁷⁶⁰).

На другой день после этого разговора я был вызван в кабинет штаба, где находились главком, Костяев, Гусев и затем Окулов. Главком поблагодарил меня за службу в штапе, а потом заявил, что меня, как энергичного человека, назначили в Латарию для приведения ее в порядок, что армия до того реорганизована¹⁷⁶¹, что будто бы 2-й и 3-й латышские полки (красные) сами взяли Ригу. Остальные разбежались по домам, побросали и сдали почти всю свою артиллерию. Вообще нужно разогнать всю «шатию» (выражение это, помню, было). Затем, обращаясь к Гусеву, главком сказал, что хорошо бы членом РВС 15[-й] армии назначить Эрнеста Вацетиса — «коммуниста, старого партийного работника». Гусев обещал переговорить с Троцким. Перед отъездом Малышев просился, что если его будет выгонять Бонч-Бруевич, то он приедет в 15[-ю] армию. В 15[-й] армии я воочию убедился, насколько там любят «деда» и как там все за ним пойдут, — кроме бранных отборных слов со стороны членов РВС (Данишевского, Берзина, Ленсмана¹⁷⁶²) по адресу главкома, [я] ничего не слышал, а когда я сказал, что членом РВС армии может быть назначен Вацетис, то Данишевский крикнул: «Так это правда! Да ведь это же предательство». 15[-я] армия была действительно в самом ужасном состоянии. 28—29 июня я снова был в Серпухове, будучи освобожден от должности командарма, где рассказал Исаеву и Кузнецову об отношениях Латвии к Вацетису: Исаев ответил, что главком «идиот и дурак», с которым нельзя сказать ни одного слова — *он, кажется, рассказал всё всем, а латыши*¹⁷⁶³ (Дылан, комендант поезда, мог это сделать) сообщили и в армию. «От такого дурака надо держаться дальше, иначе из-за разговоров погубишь свои головы», — добавил Исаев...

На этом и кончаются разговоры о перевороте, после которых Исаев выдвинул сейчас же на сцену вопрос «о создании скелета Генер[ального] штаба с тем, чтобы поставить вып[уск] 1917 года в такое положение, чтобы с ним считалась всякая власть» (вопрос этот разобран в п. а общей схемы организации¹⁷⁶⁴).

8/VI[1]. Доможиров

Некоторые выражения Исаева: «Главком — шляпа, старая калоша, отъявленный трус, винная бочка, боящийся каждого „с мандатом“». «„Он приехал с большими полномочиями“, — говорит главком про всякого, кто приезжает с какими-нибудь поручениями и приказами».

8/VI[I]—[1919 г.]

Доможиров

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61. Л. 3—6 об. Автограф карандашом.

№ 2.3.11

Интервью члена ЦК и кандидата в члены Оргбюро ЦК РКП(б), начальника Политического управления РККА и члена РВСР И.Т. Смилги корреспонденту газеты «Правда» о смене главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики, обновлении состава Реввоенсовета Республики и аресте ряда сотрудников Полевого штаба РВСР

10 июля 1919 г.

Вчера наш сотрудник беседовал с т. Смилгой о переменах в нашем высшем командовании.

— Каковы причины отставки главкома Вацетиса?

— Крупные разногласия стратегического характера между главкомом Вацетисом и командующим Восточным фронтом [С.С.] Каменевым. Вацетис был решительным противником наступления на востоке.

Жизнь показала, что прав был Каменев, что остановка нашего продвижения на востоке свела бы на нет все успехи, достигнутые на Волге. Кроме того, в Ставке в последнее время водворились нравы, не отвечающие ее высокому положению. Там свили себе гнездо всякого рода шкурники и проходимцы.

— Верно ли, что Ставка переносится в другое место?

— Да. Все негодное оттуда будет удалено. Перенесение Ставки поможет наладить работу Реввоенсовета Республики, в составе которого тоже произошли некоторые изменения.

— Можете ли Вы сообщить состав Реввоенсовета [Республики]?

— Председатель — Троцкий, его заместитель — Склянский, главком — Каменев, комиссар Полевого штаба — Гусев, начальник Политического управления — Смилга и объединяющий в своих руках все военное снабжение — Рыков.

— Что Вы можете сказать о Каменеве?

— Я знаю Каменева по совместной работе на Восточном фронте. Он офицер Генерального штаба, бывший полковник. Службу в старой армии кончил начальником штаба 3-й армии, на каковую долж-

ность был назначен при Советской власти. После демобилизации старой армии немедленно вступил в Красную армию, где занимал должности военного руководителя Невельского участка, начальника дивизии и затем командующего Восточным фронтом. Командуя фронтом, [Каменев] показал себя с лучшей стороны. Способный, работоспособный человек. Добросовестно изучал способы ведения Гражданской войны. Со стороны политической зарекомендовал себя как совершенно лояльный по отношению к Советской власти и честный человек. Уверен, что назначение его на пост главкома будет шагом вперед в деле строительства нашей армии.

Правда. 1919. 10 июля.

№ 2.3.12

Доклад первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского В.И. Ленину по делу «Ставка»

Не ранее 23 июля 1919 г.

ДОКЛАД ПО ДЕЛУ О БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛЕВОМ ШТАБЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ¹⁷⁶⁵

Арестованная в ночь с 8 на 9 июля с. г. группа лиц Полевого штаба в составе: для поручений при главкоме ИСАЕВА, начальника Разведывательного отделения КУЗНЕЦОВА, для поручений при начальнике Штаба МАЛЫШЕВА и преподавателя Академии Генерального штаба ГРИГОРЬЕВА, по данным следствия, ставила перед собой следующие задачи:

а) установление связи со штабом Деникина и Колчака;
б) свержение Советской власти путем внутреннего переворота;
в) захват аппарата управления армией в свои руки — под видом воссоздания Генштаба.

а) Установление связи со штабом Деникина и Колчака

«Началась подготовка к установлению некоторой связи, которая, необходимо сказать, была и велась давно (с начала 1918 года), с Колчаком и Деникиным, с теми политическими партиями, которые существуют подпольно в Москве, с духовенством (патриарх Тихон и Новгородский архиерей Арсений), с существующими в Москве почти всеми подпольными иностранными консульствами» (*Показание Доможирова*)¹⁷⁶⁶.

«Мы оба (я и Исаев), приехав в Москву (дня не помню — в середине июня), вызвали Григорьева ко мне на дом, а затем продолжили разговор в вагоне у Исаева.

Суть разговора такова:

— Как с нами будут обращаться при реакции?

Ответ:

— Скверно, будут судить.

— А как избежать суда?

— Должны быть доказательства Вашей лояльности к белым.

— А какие могут быть гарантии, что все, что говорится — правда?

На это исчерпывающего ответа дано не было, ибо за нашим отъездом разговор был прекращен, но было сказано, что гарантии будут даны и что нас Григорьев представит лицу, которое удовлетворит нас (своей солидностью, как я хотел). Говорили все время иносказательно, так что по форме никого не связывали» (*Показание Кузнецова*).

Дополнительно Кузнецов показывает: «В разговоре Исаева и меня с Григорьевым в вагоне Исаев заявил, что мы (я, Исаев и Малышев¹⁷⁶⁷) изыскиваем способы, как войти в связь с белыми. На это Григорьев ответил, что искать не надо, т. к. связи могут идти через Москву».

Григорьев говорил так: «Вы, конечно, можете нам очень помочь, но надо объединиться Вам в Серпухове».

На это я ему сказал, что «я, Исаев, Малышев объединены, но что, кроме того, я разговаривал с Токаревским и видел человека, который склонен более симпатизировать молодому Генеральному штабу, чем старому, и что остальные старые генштабисты на такое объединение вряд ли пойдут». В том же разговоре Григорьев спросил меня (чего раньше никогда с ним не было), не знаю ли я о перебросках частей с Восточного на Южный фронт. Я ответил, что не знаю, но о противнике могу сказать много. На это Григорьев ответил, что последнее его не интересует» (*Показание Кузнецова*).

«Второе свидание с Кузнецовым (о котором говорилось в предыдущей выдержке) происходило в самом конце июня или даже в первых числах июля. Это было в тот момент, когда Курск был близок к падению. Поэтому меня-то и интересовало, перевозятся ли войска на Южный фронт» (*Показание Григорьева*).

«Итак: начав с того, что, пожелав узнать, что с нами будут делать при реакции, и обратившись за разъяснением этого вопроса к Григорьеву, мы подошли к решению вопроса о вхождении в связь с белыми — через того же Григорьева» (*Показание Кузнецова*).

По вопросу об установлении связи со штабом Деникина и Колчака — Григорьев показал: «Я действительно обещал Кузнецову установить связь их группы со штабами Колчака и Деникина на предмет выяснения участи генштабистов, активно участвовавших в создании Красной армии:

«Для этого предполагалось установить связь со штабом Деникина, но непосредственно — [не] путем посылки своих людей, а через ос-

ведомительных лиц в Москве. Эти задачи и служили темой наших разговоров при встречах: 1) в 10—15 [числах] июня и 2) в первых числах июля. В этих разговорах выяснилось, что за выполнение этой задачи ни Исаев, ни Кузнецов взяться не могут — и было предложено заняться этим мне. Я согласился.

Завязать связи я предполагал через представителей Генерального штаба Полякова и Селивачева¹⁷⁶⁸ и через представителей Академии, служащих во Всероссийском главном штабе — Корсуна, Шишковского, Елизарова, Мыслицкого и Высоцкого. Ответы на интересующие нас вопросы об отношении штаба Деникина к выпуску я надеялся получить недели через 2—3. Перед нами стал вопрос о том, что нам будет персонально предложено со стороны штаба Деникина, чтобы доказать свою лояльность по отношению к Деникину. В связи с необходимостью выяснить свое положение для нас было ясно, что наши отношения к Деникину должны были [исходить]¹⁷⁶⁹ в *смысле*¹⁷⁷⁰ доказательства ему своей лояльности; в чем конкретно должен был выразиться [исход]¹⁷⁷¹ нашего отношения к Деникину — этот вопрос не обсуждался до получения ориентации (заданий) от Деникина. В последнем моем свидании с Кузнецовым (период, когда противник подходил к Курску) я спросил, началась ли или начнется переброска войск с Восточного фронта на Южный. Если бы те круги, через которые мы предполагали получить сведения от Деникина об отношениях к нам, потребовали бы доказательства моей лояльности к Деникину, то сведения, полученные от Кузнецова, о перебросках войск с Восточного на Южный фронт [я] мог бы передать» (*Показание Григорьева*).

Возможность установить такую связь я имел; если бы меня не арестовали, то связь со штабами Колчака и Деникина мне удалось бы завязать недели через две. Сам непосредственные связи со штабами я не имел. На вопрос, через посредство кого предполагал завязать связь со штабами Деникина и Колчака, отвечаю: через Полякова (который в настоящее время находится в отпуску в Орловской губернии), Сильвачева¹⁷⁷² и чинов Генерального штаба: Корсуна, Высоцкого, Шишковского и Мыслицкого. На вопрос же, какие факты давали им основание предполагать, что перечисленные выше поименованные лица имеют возможность установить связь с группой Полевого штаба [и] со штабами Колчака и Деникина, — Григорьев ответа не дал.

б) План свержения Советской власти

Одновременно с установлением связи с белыми, группа Полевого штаба высказывала свое предположение о способах свержения Советской власти путем внутреннего переворота.

«На одном из частных заседаний (в конце апреля или в начале мая) Малышев предложил организовать захват Тулы, Серпухова и Москвы с целью внутреннего переворота.

Захват Тулы — базы снабжения патронами — ставил Республику в тяжелое положение. Захват должен был произойти внутренними средствами с помощью настроенн[ых] против Советской власти рабочих. Захват Серпухова предполагалось произвести с помощью 5-го Латышского [стрелкового] полка и тоже местных рабочих. Из Серпухова часть восставших должна была тронуться на Москву, занятие которой ввиду отсутствия в ней надежных частей не представ[ля]лось сложным» (*Показание Исаева*).

«Предложение его (Мальшева) кого-либо назначить военруком в Тулу для руководства движением рабочих, ввиду полного отсутствия людей, могущих взять на себя работу организации, не встретило одобрения» (*Показание Исаева*).

На вопрос Доможирова: «Что делать?» — заявляю, что нужно захватить Тулу и Серпухов, а тогда падет и Москва. Захватить Тулу нужно было потому, что она являлась центром снабжения Красной армии патронами, Серпухов — как место Ставки. Восстание должно было произойти с помощью местных рабочих, настроенных против Советской власти. После этого часть восставших должна была тронуться на Москву и занять ее, что не являлось затруднительным, т. к. в Москве нет надежных властей. По моему предложению никто из нас не мог встать во главе движения, благодаря своему политическому ничтожеству, отсутствию связей и т. д. Во главе же восстания единственно кто мог стать — это главком, который, по словам Исаева, пока колеблется. Исаев к моим словам прибавил, что главком уверен в том, что за ним пойдет 5-й латполк. Доможиров предлагал себя в Тулу (военруком ли, или чем-либо другим — не помню) для нащупывания почвы и установления связи с рабочими. На это я Доможирову заметил, что это сделать нельзя, т. е. он назначения в Тулу получить не может. Других лиц на эту роль не предлагали. После продолжительных разговоров, выяснивших несостоятельность наших предположений, план был отставлен» (*Показание Мальшева*).

в) Захват аппарата управления армией

«Намечена к проведению в жизнь программа восстановления большого Генерального штаба, путем занятия должностей Генштаба в Республике во всех отраслях управления своими людьми» (*Показание Доможирова*).

«Идея Исаева — сильный Генеральный штаб, который влияет на все отрасли жизни страны, в целях ее военной мощи, независимо от того, кто стоит во главе правления» (*Показание Мальшева*).

г) Роль главнокомандующего ВАЦЕТИСА

Следствию до сих пор не удалось установить формальной связи быв[шего] главкома Вацетиса с белогвардейской организацией Полевого штаба, но его поведение как главкома создало те условия, при которых должна была выдвинуться белогвардейская организация из белогвардейски настроенных чинов штаба, в частности из белогвар-

дейски настроенных генштабистов выпуска 1917 года. Главком Вацетис своими разговорами о трясении Москвой; о необходимости выяснить свою участь по свержении Советской власти; о том, что латыши его не выдадут; о необходимости ему перебраться в 15-ю армию, где он совершенно должен подготовить для этого почву и путем назначения Доможирова, и [путем назначения] племянника Э. Вацетиса закрепить в ней свое влияние; о том, что он выпуску 1917 года верит и на него опирается¹⁷⁷³; своими разговорами создал те условия, при которых белогвардейски настроенные элементы чувствовали, что Вацетис как главком на их стороне и с помощью тех вооруженных сил, на которые он опирается, не даст их в обиду и поможет реализовать план о воссоздании Генерального штаба. Боязнь за свою судьбу в случае свержения Советской власти и желание во что бы то ни стало выяснить свое будущее положение толкало его к создавшейся белогвардейской организации. Этим воспользовался член организации Исаев и влиял на Вацетиса, дабы вызвать его на активные действия против Советской власти. Следствием пока еще не установлено, под чьим влиянием Вацетис начал проявлять свою активность, выразившуюся в следующем: «Исаев как-то (когда это было — не знаю) передал, по-видимому, главкому, что ему угрожает петля или расстрел в случае, если белые одержат верх, и только если главком чем-нибудь поможет, то ему дадут батальон (слова Кузнецова). Тогда, если не ошибаюсь, главком будто бы спросил Исаева — ошеломленный: «Что же делать?»¹⁷⁷⁴ Видимо, с этого времени Исаев и начал наводить главкома на то, чтобы исправить свою участь и совершить что-нибудь серьезное» (*Показание Доможирова*).

«За это время Исаев указывал главкому всегда на то, что выпуск 1917 года его поддержит» (*Показание Доможирова*).

«Был я у Костяева, там шли уже сборы по переезду в Москву. Костяев страшно был ошеломлен своим увольнением и всячески бранил главкома и, кажется, именно в этот день и сказал, что главком на днях ему выпалил: «Давайте им устроим переворот» или «Надо им устроить переворот» (точных слов не помню)» (*Показание Доможирова*).

«Несомненно, из всех слов явствует, что Исаев играл роль, держа в напряжении главкома и навязывая ему свои мысли» (*Показание Доможирова*).

«Когда на нашей стороне бывали неудачи, главком становился нервным и (как передавал Исаев) присылал своего племянника Эрнеста Вацетиса к Исаеву для разрешения вопроса, что с ним будет» (*Показание Малышева*)¹⁷⁷⁵.

«В связи с неудачами на Западном фронте, а также на Восточном, главком однажды, возвратясь из Москвы, прислал к Исаеву Эрнеста Вацетиса, который передал, что «дядя» (главком) думает над тем, чтобы поставить вопрос ребром, и решил свозить в Серпухов ору-

жие, а его — Эрнеста — назначить членом Реввоенсовета 15-й армии» (*Показание Малышева*).

«Услышав, что главком высказывает такое мнение, я в частной же беседе сказал Исаеву, что, учитывая подобное положение в названных городах (Тула, Серпухов), главком может захватить их тут же, и добавил: черт бы побрал всю эту кашу, хотя бы какой-нибудь конец» (*Показание Малышева*).

«До чего главком был обескуражен назначением Бонч-Бруевича, показывает тот факт, что в день отъезда (последний раз) в Москву, придя в [Полевой] штаб в нетрезвом виде, он говорил мне и некоторым другим лицам, что все от него отшатнулись и [перешли] на сторону Бонч-Бруевича, и добавил: «Знаете „Варфоломеевскую ночь“? — но у меня здесь 5-й полк и я не сдамся» (*Показание Малышева*)¹⁷⁷⁶.

«Когда, однажды, Исаев сообщил мне, как выйти из положения, я спросил его, что же главком — думает самостоятельно взять власть: ведь у него же нет для этого силы. Ему же придется войти в связь с Колчаком, иначе он не удержится. Исаев ответил: главком властолюбив и думает, что популярен. Исаев передавал мне, что главком предлагал отвести армию Латвии в тыл и расположить ее где-нибудь в центре. Помню, однажды я сказал Исаеву, что главком приказал часть производящегося (не помню, не то патроны, не то винтовки) из Тулы перевести¹⁷⁷⁷ в Серпухов и добавил: конечно, если он задался какой-либо целью, то это правильно — необходимо вооружение. Помню, что Исаев сказал, что главком говорил, что духовенство сильно и с ним надо считаться» (*Показание Малышева*).

Заключение

После ареста начальника активного отделения Особого отдела Западного фронта ИОНАСА и выяснения связи шпионской организации в Петрограде с организацией на Западном фронте Особым отделом [ВЧК] в ночь со 2 на 3 июля в Серпухове был арестован командарм 15-й Доможиров, следствием по делу которого установлено его участие в белогвардейской организации в Полевом штабе. Доможиров являлся активным участником совещаний белогвардейской группы и, в силу своего высокого служебного положения, был влиятелен среди других членов группы.

Участие в совещаниях группы признается Доможировым в его показаниях.

Выписка из показаний Доможирова от 20 июля: «После официального представления наштаревсовет Костяеву, я, войдя в кабинет Малышева, встретил здесь Исаева, Кузнецова и Малышева.

Далее начали говорить Кузнецов и Исаев так: «надо взять Тулу (или захватить). Захват Тулы сразу оставляет правительство без всякого арснабжения».

«СВЯЗИ С ДУХОВЕНСТВОМ ПОКА ЕЩЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО. ХОТЕЛ ПЕРЕГОВОРИТЬ С ОТЦОМ АРСЕНИЕМ, ЗА ЧТО ДОЛЖЕН БЫЛ ВЗЯТЬСЯ Я САМ» (Показание Доможирова от 7/VI[1]—1919 года).

«ЧАСА ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА КУЗНЕЦОВ ПОПРОСИЛ МЕНЯ К СЕБЕ В КАБИНЕТ, И Я ПРИСУТСТВОВАЛ ПРИ САМОМ КОНЦЕ РАЗГОВОРА, КОГДА ИСАЕВ СКАЗАЛ: „ИТАК, МЫ РАЗОБРАЛИ ИЛИ 3 ПОЛОЖЕНИЯ, ИЛИ 3 ПУНКТА (не помню)“ И НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО НАЧНЕМ С ПЕРВОГО, ПО КОЕМУ Я ГОВОРЮ, ЧТО НУЖНО НАЧАТЬ ПОКА СТРОИТЬ СКЕЛЕТ¹⁷⁷⁸, КУЗНЕЦОВ СОГЛАСИЛСЯ» (Показание Доможирова от 7 июля [19]19 года).

Участие остальных лиц, арестованных по делу белогвардейской организации в Полевом штабе, выражается в следующем:

2). Для поручений при главкоме Е.И. Исаев — активный участник белогвардейской организации Полевого штаба присутствовал на всех совещаниях и совместно с Кузнецовым являлся инициатором идеи захвата аппарата управления армией, посредством воссоздания Генерального штаба.

3). Для поручений при начальнике Полевого штаба Малышев А.К. — активный член белогвардейской группы, участвовал на совещаниях и предложил план свержения Советской власти (захват Тулы, Серпухова и Москвы), отложенный группой до подыскания соответствующего военрука г. Тулы.

4). Начальник разведывательного отделения Полевого штаба — Кузнецов Б.И. — активный член группы, участник всех ее собраний. Выработал план воссоздания Генштаба и налаживал через Григорьева связь со штабами Деникина и Колчака.

5). Заведывающий составом слушателей Академии Генерального штаба — Григорьев Ю.И. — активный член группы и технический исполнитель [заданий] по установлению связи со штабами Деникина и Колчака.

Относительно перечисленного состава участников в белогвардейской организации Полевого штаба, следствие установило, что большинство их — генштабисты выпуска 1917 года — и, за исключением Малышева, уже ранее (в Петрограде) состояли членами различных белогвардейских организаций союзнической ориентации.

Так, напр[имер], Доможиров и Кузнецов совместно с Теодори и Хитрово входили в состав организации, во главе которой стоял генштаба Поляков. Исаев участвовал в какой-то организации, в которой состояла Кузьмина-Караваева, находившаяся в связи с Поляковской организацией.

Следствием установлено, что белогвардейская группа Полевого штаба находилась в первоначальной стадии своей организации, т. е.

она только создавалась, намечала свои задачи и планы и приступила лишь к частичной их реализации, причем была еще настолько невлиятельна, что ее нахождение в Полевом штабе не отражалось на ход[е] операций на фронтах¹⁷⁷⁹.

Такое положение могло продолжаться лишь до момента установления связи со штабами Колчака и Деникина.

Очевидно, что с установлением этой связи, которая, по словам Григорьева, имелась бы «недели через две», роль организации существенно изменилась бы и нахождение ее в Полевом штабе уже условно отражалось бы на развитии операций на фронтах; возможность этого влияния предупредил арест белогвардейской организации 9 июля сего года.

Зам. председателя Особого отдела ВЧК *Павлуновский*

Помета В.И. Ленина¹⁷⁸⁰: «В архив. Секретно»¹⁷⁸¹.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12317. Л. 1—9. Первая копия — машинописный текст на бланке Управления Особого отдела ВЧК с автографом простым карандашом. Помета В.И. Ленина — автограф простым карандашом; РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 37—44. Фрагмент машинописного текста. Печатается по тексту РГАСПИ, в примечаниях воспроизводятся пометы Л.Д. Троцкого на экземпляре РГВА.

№ 2.3.13

Из стенограммы Московской общегородской конференции РКП(б) — доклад председателя ВЧК и члена Комитета обороны г. Москвы Ф.Э. Дзержинского «О белогвардейском заговоре»

24 сентября 1919 г.

ПРОТОКОЛ

Общегородской конференции Московской организации РКП
от 24 сентября¹⁷⁸²

Открывает конференцию т. ЗАГОРСКИЙ.

Руководство собранием поручается Исп[олнительной] к[омис]сии МК РКП.

Председательствует т. Пятницкий. <...>

3. СЛУШАЛИ: Доклад т. Дзержинского о белогвардейском заговоре. <...>

ДЗЕРЖИНСКИЙ: Работа ВЧК за последнее время была очень удачна. Еще при раскрытии шпионского заговора мы получили нити о существовании еще более крупного заговора в Москве. Затем в результате усиленной работы нам удалось не только накрыть гла-

варей, но и ликвидировать всю организацию, возглавляемую знаменитым «Национальным центром». Председатель «Нац[ионального] ц[ентра]»¹⁷⁸³ был захвачен, когда принимал донесение от посла Деникина. Захвачены очень ценные документы, которые будут опубликованы¹⁷⁸⁴. Затем мы напали на след военной организации, [со-]стоящей в связи с «Нац[иональным] центром», но имевшей свой самостоятельный штаб. Этот военный заговор удалось тоже вовремя ликвидировать. В этих заговорах участвовали как кадеты, так и черносотенцы и правые с.-р. Общее политическое направление давали кадеты. Арестовано около 700 человек. Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш Центр. На своих последних заседаниях они готовят окончательное свое выступление. Даже назначен час: 6 часов вечера. Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить все фронты о падении Советов и вызвать таким образом панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров; в их руках были три наших военных школы: одна в Вишняках, Высшая стрелковая школа в Кунцеве, окружная артиллерийская школа¹⁷⁸⁵ в Москве. Они предполагали начать выступление в Вишняках, в Волоколамске и Кунцеве и отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе. У них был разработан подробнейший план действий: Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу; за Садовым кольцом на улицах построить баррикады, укрепиться на линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых местах (пунктах) наступление к Центру. Я прочту сейчас объяснительную записку к плану, которая показывает, как точен и детализирован был их план действий. (*Читает.*) К сожалению, должен признать, что мы таких планов составлять не умеем. Они были настолько уверены в победе, что заготовили уже целый ряд воззваний и приказов. Эти документы очень интересны: они выявляют характер «Нац[ионального] центра» и штаба Добровольческой армии Московского района. «Национальным центром» руководили кадеты, в штабе же большинство были черносотенцы. Это отразилось на их воззваниях. (*Читает воззвание «Н[ационального] ц[ентра]».*) Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточивали его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупали его в наших складах и образовывали свои склады. Силы их, по подсчетам, равнялись 600¹⁷⁸⁶ человек кадровых [военных], и, кроме того, они рассчитывали на некоторые части, в которые им удалось поставить своих людей для подготовки почвы. Благодаря большим связям в штабах им удавалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо. Для этой цели они использовали и наших товарищей, пользуясь их легковерием и привычкой устраивать своих знакомых.

Чтобы помешать нам применить против них красный террор, они рассчитывали завладеть гг. Лениным и Троцким и держать их в качестве заложников. Печально то, что среди арестованных был один коммунист, который потом оказался черносотенцем, член Союза русского народа. Московской организации надо на это обратить внимание. Много в нашей организации расхлябанности и недопустимой доверчивости: в окружной артиллерийской школе не было ни одного коммуниста. Мы тайно послали туда своего человека для слежки, и он рассказывает, что там белогвардейские планы обсуждались совершенно открыто — и это не только в одной этой школе. В Школе маскировки некоторые части гарнизона тоже не наши. Что же мы делаем? Какие меры мы принимаем? До сих пор почти ничего.

При нашей расхлябанности и беспечности тщательно разработанный план белогвардейцев мог нам причинить непоправимый вред. Прав Троцкий, говоря, что можно споткнуться в мелочах. Этот урок должен нас заставить быть более беспощадными. Изменником мы должны клеймить всякого разгильдяя. Деятельность К[омите]та обороны¹⁷⁸⁷ будет впустую [без] поддержки всей партии. У него должно быть право безапелляционного приказа не только формально, но и на деле. Каждый член партии должен бороться с дезертирством и нашей распущенностью. Недавно была произведена проверка имеющегося в частях оружия. Оказалось, что многие учреждения не вели записей имеющегося оружия. Было найдено огромное число винтовок, патронов, револьверов, о которых ничего не знали. Ясно, что при такой постановке дела белогвардейцам было нетрудно доставать оружие. К[омите]том обороны принят и проводится в жизнь ряд мер для охраны города. (*Оглашает постановления К[омите]та обороны.*) Успешность нашей борьбы с заговорщиками зависит от поддержки, которую каждый член партии окажет в проведении этих мер.

Т[ов]. Мясников от имени М[осковского] к[омите]та предлагает резолюцию, выражающую доверие и одобрение К[омите]ту обороны. Т[ов]. Торгованов предлагает в виде дополнения к ней обязать каждого члена партии сделать обыск в том доме, где он живет. Предложение т. Торгованова отвергнуто. Резолюция, предложенная М[осковским] к[омите]том, принимается единогласно. Конференция переходит к следующему вопросу порядка дня. <...>

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 84а. Машинописный текст неправленной стенограммы; Правда. 1919. 27 сентября. № 215. — *Опубл. в сб.:* Ф.Э. Дзержинский: председатель ВЧК — ОГПУ. 1917—1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 141—142. Печатается по тексту ЦАОПИМ¹⁷⁸⁸.

№ 2.3.14 — 2.3.16

**Рапорты состоящего при комиссаре Полевого штаба
Михалевского военному комиссару Полевого штаба РВСР
С.И. Гусеву о попытке его вербовки агентами Деникина
в Москве**

17 сентября — не ранее 24 сентября 1919 г.

№ 2.3.14

Доклад о попытке вербовки Михалевского

17 сентября 1919 г.

Тов. Гусеву

На частной квартире моих старых (по г. Калгашу) знакомых (Бондыревых) я познакомился с неким Пигелау Федором Михайловичем и его женой. Насколько мог понять из беглых фраз — прошлое Пигелау таково: вообще представитель «золотой молодежи» Москвы (или Петербурга), быв[ший] юнкер Николаевского кавалерийского училища (в г. Петербурге считалось «шикарнейшим» из всех кавал[ерийских] уч[илищ] в быв[шей] Империи — гвардейским и т. д.), бывший офицер-кавалерист (какого полка — не выяснил), окончивший Университет и Лицей в Москве, женат на быв[шей] аристократке (ее девичья и по первому мужу фамилии — мне не известны).

Симпатии политические как П[игелау], так и его жены — резко монархические, безо всяких «сантиментов». Разговор у меня с этими господами вертелся вокруг политических вопросов и сводился вкратце к следующему:

Коммунисты и те (назывались две фамилии — главкома Каменева и второго лица — не ясно) из «спецов», которые своими действиями способствуют благополучию большевиков, должны быть беспощадно уничтожены, особенно же «жиды и жидовки» — две последние категории в массе;

Те из «честных граждан», которые имеют возможность пользоваться доверием большевиков, должны во исполнение своего «гражданского долга» всемерно помогать Деникину в его «святой работе».

Это последнее дало мне возможность, как бы между прочим, сказать Пигелау, что я имею возможность, пользуясь почти неограниченным доверием большевиков, видеть [такие] секретнейшие документы, как, например, дислокацию наших (красных) войск Южного фронта, причем последнюю могу легко скопировать. Это мое заявление вызвало со стороны П[игелау] чрезвычайно живой и негодующий вопрос: «Что же Вы ее (дислокацию) не представили?» Я дал ему понять, что не имею связи с нужными людьми, на что тот немедленно предложил: «Дайте мне, а я передам куда следует — по-

думайте над этим и свое решение сообщите мне». Я ответил полным согласием. Далее были сообщены следующие сенсации из «компетентных источников»:

20-го начнется «решительное наступление» фон дер Гольца;

Мамонтов, Деникин, поляки идут на общее соединение в районе Гомеля;

через два дня в Москве вводится осадное положение;

военучреждения и штабы готовятся к эвакуации в Казань; кроме того, П[игелая] заявил мне, что у него имеется воззвание Деникина к советским офицерам, из которого явствует, что «большевики лгут о чинимых деникинцами над пленными быв[шими] офицерами репрессиях» (подробностей относительно этого воззвания не выяснил).

Для характеристики того же П[игелая] добавлю: в последнее время (точнее не выяснил) в его квартире скрывался активный [белогвардеец] быв[ший] полковник Каргопольского п[ол]ка, который «совершенным чудом» спасся из его квартиры во время проводившего[ся] в ней обыска (очевидно, ВЧК; его отличный знакомый, известный по процессу английских шпионов¹⁷⁸⁹ Фриде расстрелян) (на мой вопрос о степени виновности последнего П[игелая] ответил: «Конечно, он исполнял свой долг, но подумайте, какая возмутительная и безобразная случайность — выдали палки¹⁷⁹⁰...»; в том же доме, где живет П[игелая], во время обыска спасся по восточной трубе его знакомый — активный [белогвардеец], быв[ший] ротмистр, благополучно скрывшийся к Деникину и давший недавно о себе знать»; его же хороший знакомый быв[ший] офицер (Кашков, Кошкин??) спасся от расстрела в районе Разумовского — и таким образом: в партии приговоренных было 13 человек, расстреливали по двое, к концу он остался в автомобиле с одним конвоиром, которого оглушил ударом кулака, и бежал.

Спустя четыре дня я (вчера) вновь посетил своих знакомых (Бондыревых), но ничего интересного не получил, разве только то, что, как видно, мое положение при комиссаре штаба несколько смущает их и заставляет быть осторожными — это последнее [обстоятельство] вчера особенно бросилось в глаза.

17/IX

Михалевский

Резолюция С.И. Гусева¹⁷⁹¹: «Тов. Павлуновский. Ввиду моего отъезда я направляю т. Михалевского в Ваше распоряжение. 21/IX. С. Гусев».

Резолюция К.Х. Данишевского: «К секретному делу».

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 65 с об.—66. Автограф синими чернилами. Резолюции — красная ручка.

№ 2.3.15

Рапорт о неудачной попытке внедрения в белогвардейскую организацию*24 сентября 1919 г.*Тов. Гусеву
Рапорт

I. Сегодня я был у Б[ондыревых] с целью: а) получить окончательный ответ на мое предложение, т. е. окажут ли и в какой степени доверие мне белые конспираторы и в чем оно конкретно выразится; б) получить надлежащие инструкции и «белый» паспорт — причем оказалось:

II. То лицо «Икс» (или «Иван Иванович»), которое должно было, по устному рекомендовании меня Б[ондыревым], рекомендовать меня в «конспирацию» и произвести изложенное в п. I, выехало из Москвы и, по мнению П[игелау], возможно, по двум причинам: а) спасаясь от возможного ареста или б) исполняя очередную обязанность в связи с Деникиным,

III. а потому «т. к. я (т. е. П[игелау]) никого, кроме его («Икс»), не знаю и политикой совершенно не занимаюсь, то и помочь в Вашем (т. е. моем) желании служить Ден[икину] ничем не могу, кроме, разве что, дам такой совет:

а) если Вы (я) решили действительно служить Д[еникину] — сделайте переход к нему совершенно самостоятельно, причем

б) достаньте на первое время паспорт, возьмите все имеющиеся у Вас документы и данные — как о мерах и действиях большевиков, так и перечень имен их, а также и Вашу рекомендацию, а главное:

устройтесь так, чтобы Ваше отсутствие в Москве не вызывало подозрений (например, отпуск) и направляйтесь в Киев, а при изменении боевой обстановки — в Харьков, где явитесь к нач[альни]ку контрразведки, представьтесь ему, ничего о прошлой своей деятельности не скрывая, и вручите ему то, что будете иметь».

IV. Оказать более реальное содействие П[игелау] отказался категорически, т. к. «всегда сторонился всякой активной работы в пользу белых», также отказался взять для передачи мою дислокацию.

V. Я полагаю, что вопрос стоит таким образом: мне следует ехать в Киев (Харьков). Риск этого предприятия мне ясен, но ясны также и те результаты, какие эта поездка даст и получить которые я безусловно смогу — в этом отношении мне необходимы:

1) материальные данные о наших действиях, вообще такие, кот[ор]ые могут дать представление о моей полезности Ден[икину], и именно в работе для него здесь, в Москве;

2) обеспечение меня царским паспортом на мою действительную фамилию и удобным переходом фронта (Южного или Юго-Зап[адного]);

3) месячный отпуск от Вас, т. Гусев;

4) обеспечение меня денежными средствами, чтобы избавить меня, между прочим, от «белых» денег, которыми я пользоваться ни под каким видом и соусом не буду;

5) снабжение меня вполне «приличным» статским костюмом и пр. и, наконец,

6) детальное инструктирование меня в главнейших возможных фазах моей работы в дальнейшем.

В[о] изменение предыдущих рапортов добавлю: Б[ондырев] ни юнкером, ни офицером не был; он вольноопределяющийся — в остальном [всё] верно; П[игелау] — также. Ваше мнение о безвредности этих господ — верно: бесконечно боятся «чрезвычайки» и в сильнейшей степени привязаны к «мирному семейному очагу»; что касается симпатий — то, конечно, остаются те же, что указывал ранее.

Михалевский

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 66—67 с об. Автограф черными чернилами.

№ 2.3.16

Рапорт о данном Михалевскому агентом А.И. Деникина поручении

Не ранее 24 сентября 1919 г.¹⁷⁹²

Вчера я был в квартире знакомых моих Б[ондыревых], где получил от Ивана Ивановича¹⁷⁹³ следующее заверение:

1. Меня рекомендуют активным [белогвардейцам] в г. Москве для вхождения в организацию, для чего:

а) я должен доказать свою преданность Деникину тем, что полностью поручение белых в качестве курьера к Деникину и вручу подлинное расположение войск и их количество ([частей] красных на Южфронте).

Мое окончательное «вхождение» совершится в течение первых 10-ти дней. Подтверждается наличность в Москве: 1) боевой группы белых, 2) шпионской организации белых и 3) наблюдения.

Задача первой группы — «ликвидация тт. Троцкого, [С.С.] Каменева (главкома) и, кажется, [Л.Б.] Каменева и Склянского — в первую очередь».

Михалевский

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 65. Автограф синими чернилами.

№ 2.3.17

Письмо И.И. Вацетиса В.И. Ленину с просьбой снять с него обвинение в подготовке военного переворота

Москва

27 октября 1921 г.

Многоуважаемый товарищ
Владимир Ильич!

8 июля 1919 г., благодаря стечению каких-то до сих пор неизвестных мне обстоятельств, я был сорван с должности главнокомандующего и заключен в тюрьму, где просидел в одиночном заключении три с половиной месяца. При аресте мне было заявлено, что будто бы я ни в чем не обвиняюсь, что я даже якобы не арестован, а лишь «изолирован» и поэтому допрашивать меня не будут. На мой вопрос: «Почему я арестован?» — я получил ответ: «По соображениям революционного времени».

Тем не менее, как мне известно, по моему делу было произведено самое форменное следствие, результаты коего мне не только не были предъявлены, но меня даже не познакомили с ними, хотя бы частично. Таким образом, я совершенно был лишен возможности опровергнуть фактическими доказательствами в[о]зводимые на меня обвинения, следствием чего явилось то обстоятельство, что каждый мог безнаказанно говорить про меня то, что ему приходило в голову. Немудрено, что после всего этого мое дело было выставлено в таком освещении, которое бросало известную тень на мое имя.

Через некоторое время до меня дошли слухи и о том, что, основываясь на не опровергнутом мною и совершенно мне неизвестном материале, Президиум ВЦИК вынес резолюцию приблизительно такого содержания: «Поведение бывшего главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного и неразборчивого в своих связях человека, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, компрометирующие его. Но, принимая во внимание, что нет оснований к подозрению его в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные заслуги его в прошлом, — дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение Наркомвоена».

Эта резолюция-приговор была вынесена мне заочно в то самое время, как я был налицо и поэтому имелась полная возможность потребовать от меня объяснений по всему следственному материалу, если бы это было желательно в то время. Этого сделано не было, и Президиум ВЦИК заочно дал мне характеристику неуравновешенного человека.

Подобная характеристика является для меня такой же неожиданностью, как для всякого, кто меня хорошо знает.

Вы меня видели в первый раз в историческую ночь с 6 на 7 июля 1918 г. во время левоэсеровского восстания, когда я был приглашен Вами в Кремль для доклада о положении дела в Москве. Разве в тот критический момент я был похож на неуравновешенного человека? Разве я не доложил Вам с полным спокойствием и самообладанием, что до 12 часов дня 7 июля левые эсеры будут разбиты наголову? Разве я не исполнил свой доклад в точности?

А вспомним положение в Казани 6 августа 1918 года. Я с горстью людей оборонялся до последней крайности в штабном помещении, которое я покинул, когда нижний этаж был в руках чехословаков, и в последнюю минуту лично повел кучку храбрецов на штурм Казанского Кремля, захваченного белыми. Разве так действует неуравновешенный человек?

Не откажите припомнить мою дальнейшую деятельность: мои личные доклады Вам о положении на фронтах, план войны, создание армий, фронтов, полевого управления, издание штатов и уставов, одержанные мною победы, как-то: разгром корпуса Довбор-Мусницкого, разгром в Москве левых эсеров, разгром чехо-учредилковцев на Волге, разгром армии Краснова, занятие Украины, Латвии и др., наконец, разгром под Самарой Колчака, причем последняя операция была произведена по плану, лично мною разработанному, и под моим непосредственным руководством по телеграфу. Разве вся эта работа и все перечисленные события могут быть результатом творчества неуравновешенного человека? Наконец, ко всему этому необходимо добавить и установление контакта в действиях с армией Советской Венгрии.

Ознакомившись подробно со всей приведенной здесь моей деятельностью, можно с уверенностью сказать, что военная история всех веков не знает другого примера столь грандиозной работы — как по созданию и организации вооруженных сил страны, так и по специальной эксплуатации этих сил в пространстве и времени, в особенности если принять во внимание всю ту обстановку, при которой эта работа совершалась.

Неужели вся эта работа со своим конечным результатом может быть основанием к характеристике меня как человека неуравновешенного?

В своей специальной работе я, быть может, был до известной степени оригинален и своеобразен и, как таковой, остался непонят. Но от этого обстоятельства до неуравновешенности — дистанция огромного размера.

Вторым обстоятельством, фигурирующим в резолюции Президиума ВЦИК как обвинение против меня, является то, что я, будто бы, был неразборчив в своих связях. Этот вопрос я считаю уже всецело вторжением в мою частную жизнь и поэтому подвергать его обсуждению не буду.

Третье обвинение гласит: «С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, компрометирующие его». Такое обвинение для меня уже совсем непонятно по своему смыслу и значению. Если это было действительно так, то что же делали и за чем смотрели мои комиссары? Почему никто из них ни разу не указал мне на это обстоятельство и не потребовал удаления этих элементов?

С тех пор прошло более двух лет. За это время было раскрыто много различных контрреволюционных заговоров, однако следов моей неуравновешенности или моих связей в этих заговорах установлено не было и мое имя по-прежнему остается кристально чистым, как оно и было. Все эти (элементы), окружавшие меня и находившиеся при мне, занимают в настоящее время ответственные должности, а некоторые из них — даже очень серьезные посты.

Если принять все изложенное во внимание, то я имею полное нравственное право, как человек и сознательный гражданин, задуматься над вопросом: в чем же, собственно, заключалось мое преступление? На каких основаниях жидется резолюция Президиума ВЦИК, так жестоко заклеившая мое доброе имя и умалившая ту грандиозную работу, которую я с полным сознанием и чистой совестью гражданина принес РСФСР? Ответа я найти не могу, а вместо него все более и более убеждаюсь в том, что я теперь оказался в положении большого человека, которого за что-то поставили в угол и тычут на него пальцем.

Не подумайте, г. Владимир Ильич, что я хочу этим письмом просить какой-либо милости...

Нет. Это письмо я решил написать Вам по соображениям, имеющим очень близкое отношение к вышеизложенным событиям.

Дело в том, что в июле сего года т. Смилга в товарищеской беседе сообщил мне, что будто бы этим летом в частном разговоре Вы заявили, что в вопросе моего отношения к преследованию разбитой армии Колчака для Вас до сих пор не все ясно, что все-таки, по Вашему мнению, что-то такое было...

Правда ли это или нет, — не знаю, но мне крайне желательно было бы выяснить все встречающиеся недоразумения, на что прошу Вашего товарищеского разрешения.

Как известно, на другой день после моего ареста т. Смилга заявил в «Известиях ВЦИК», что причиной моего удаления послужило разногласие между мной и командующим Востфронтом т. Каменевым в вопросе преследования разбитого на Волге Колчака и что будто бы в этом вопросе прав оказался Каменев¹⁷⁹⁴.

Могу смело заявить, что т. Смилга в этом заявлении совершенно исказил истину. Недоразумение у меня с т. Каменевым¹⁷⁹⁵ вышло на почве его не вполне удачного командования армиями Востфронта, вследствие чего были по очереди разбиты 3, 2 и 5-я армии. За эти крупные неудачи т. Каменев был отрешен РВСР от командования

фронтом, и за разгром Колчака принялся я сам — лично. Лично мною был составлен план операции, который заключался в следующем: постоянными атаками с юга в северном направлении ударную группу Колчака, перешедшую в энергичное наступление [со] ст. Уфы на Симбирск одновременно с войсками, действовавшими севернее Камы, перетянуть в Самарский район и, оторвав ее, таким образом, от войск, действовавших севернее Камы, разгромить здесь отдельно от последних.

Для проведения этого плана в жизнь мною был проведен на должность начальника штаба Востфронта П.П. Лебедев, а общее руководство фронтом я взял лично на себя по прямому проводу из Серпухова.

Мой план удался блестяще. Как известно, ударная группа Колчака была наголову разбита восточнее Самары и остатки ее принуждены были начать поспешное [от]ступление, обнажая левый фланг своих войск, действовавших севернее Камы.

По вопросу о преследовании разбитых армий Колчака были недоразумения чисто тактического характера, а именно: я требовал вести преследование форсированным порядком, отдельными подвижными и гибкими, приспособленными для действий в Уральских горах, авангардами, а не громоздкими дивизиями и армиями, дабы не дать возможности северной группе войск Колчака, каковая была только потрепана, но не разбита, уйти через проходы Северного Урала в Западную Сибирь. Эти авангарды я предлагал усиливать по мере надобности за счет переходивших на нашу сторону в большом количестве войсковых частей Колчака, конечно, проделав с ними предварительно известную подготовку и отбор соответствующего элемента. Это один из выводов революционной тактики, который в данном случае можно было применить с успехом.

Помимо этого я требовал, чтобы остатки армии Колчака были ликвидированы не позже середины августа (конечно, того же 1919 г.), не выпуская их из пределов Урала. На это свое требование я получил ответ от Реввоенсовета Востфронта, коим в то время снова командовал г. Каменев, что эта задача невыполнима ранее поздней осени. Я не мог требовать больше того, что люди могли дать.

Но самое настоящее недоразумение у меня с Реввоенсоветом Востфронта вышло совершенно на другой почве, о чем г. Смилга по не известным мне причинам почему-то совершенно умалчивает. Я категорически требовал переброски с Востфронта четырех безработных (за неимением перед собой противника) дивизий на Южный и Западный фронт против армий Деникина и Юденича, где у нас чувствовалась большая потребность в резервах. Реввоенсовет Востфронта всеми мерами тормозил эту крайне необходимую стратегическую меру и свел в конце концов к тому, что будто бы такое снятие войска с Востфронта препятствует использованию успехов, достигнутых на Волге.

Такое обвинение, конечно, — полный абсурд, что и подтвердили впоследствии события на Южном фронте, показавшие, что я был действительно прав, требуя еще в мае начать переброску дивизий на юг с Востфронта, каковые там действительно были совершенно свободны.

Реввоенсовет Востфронта действовал с точки зрения своей колокольни, а между тем, в моих руках был стратегический рычаг всей войны.

Как политическая, так и стратегическая обстановка требовала разгрома армии генерала Деникина в кратчайший срок, и для этой цели я должен был найти необходимые силы.

Ведь было ясно, что главным театром военных действий является все-таки территория Европейской России, что здесь именно завязан узел окончательной победы, а потому рано было уводить все лучшие войска, каковыми у нас были армии Востфронта, с этого театра в Азию.

Этими краткими объяснениями я намерен закончить свое письмо и обратиться к Вам в заключение со следующей просьбой:

ввиду того что 8 июля 1919 г. Совет Обороны не счел нужным меня выслушать и Ваше слово было решающим, то убедительно прошу дать мне возможность или Вам лично выяснить все недоразумения, или через особое доверенное Вам лицо получить от меня все необходимые Вам объяснения, дабы, если время уже пришло, снять с моего имени тень, брошенную на него в злополучные для меня дни июля 1919 года.

Примите мои искренние уверения в моей глубокой Вам преданности.

С товарищеским приветом: И. Вацетис

Москва, октября «27» дня 1921 года

Верно: *М.В.*¹⁷⁹⁶

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1—6. Заверенная машинописная копия (экз. В.И. Ленина).

ГЛАВА 4

«За ошибочный „план“ борьбы с Деникиным... больше ответственен почтенный т. Гусев». Чья стратегическая линия будет проводиться в жизнь?

16 июня 1919 г. высший военный руководитель и член Политбюро Л.Д. Троцкий заявил Центральному комитету РКП(б): «...мы начинаем экспериментировать — с оттенком озорства — в области Ставки. Американская мудрость вообще рекомендует не пересажи-

ваться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Мы же в самый критический момент впрягаем таких лошадей, которые тянут заведомо врозь»¹⁷⁹⁷. Высказывание Л.Д. Троцкого сейчас переводится проще: «коней на переправе не меняют». О том, как эта американская мудрость, периодически цитируемая большевистскими лидерами (помимо Троцкого В.И. Лениным¹⁷⁹⁸, Г.Е. Зиновьевым¹⁷⁹⁹, Л.Б. Каменевым¹⁸⁰⁰) и другими видными деятелями партии (А.Г. Шляпниковым и его товарищами до партийной работе в годы Первой мировой войны¹⁸⁰¹), может быть использована на практике, наглядно показывает американский фильм «Плутовство»/«Влияние собакой».

Дело о «заговоре в Полевом штабе», или чекистское дело «Ставка», было развернуто Особым отделом ВЧК в тот момент, когда своего апогея достигли разногласия по поводу «защиты Петрограда» Троцкого с Центральным комитетом (так сформулировал в «Моей жизни» Троцкий), а в частности — выясняется из послания председателя РВСР большевистскому ЦК — с самим Лениным¹⁸⁰². По выражению Троцкого, «в технической и оперативной областях я видел свою задачу прежде всего в том, чтобы поставить надлежащих людей на надлежащее место и дать им проявить себя. Политическая и организационная работа моя по созданию армии целиком сливалась с работой партии»¹⁸⁰³. Ленин, вероятно, видел свою задачу так же — ему нужны были преданный человек в РВСР из авторитетных партийных «бонз», удельный вес которого в партии будет не меньше, чем у Троцкого, и главком, который будет проводить нужный Ленину стратегический план.

Таковыми людьми могли стать С.И. Гусев и С.С. Каменев. Вождь знал, что они сработались на Восточном фронте и что за С.И. Гусевым стоит небольшая группа военных во главе с С.С. Каменевым, лично ему преданная и подконтрольная¹⁸⁰⁴; свою роль должно было сыграть и то обстоятельство, что Гусев ненавидел Л.Д. Троцкого и И.И. Вацетиса и еще в декабре 1918 г. критиковал Реввоенсовет Республики как абсолютно недееспособный орган¹⁸⁰⁵.

Но, как говорится, обо всем по порядку.

12 апреля 1919 г. вышли составленные В.И. Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением на Восточном фронте», в которых положение на данном фронте признавалось угрожающим. ЦК признал Восточный фронт главным и принял срочные меры по его укреплению¹⁸⁰⁶.

Л.Д. Троцкий в воспоминаниях признался: «В войне с Деникиным, в защите Петрограда и в войне с Пилсудским — я занимал самостоятельную стратегическую позицию и боролся за нее то против командования (большинства РВС Республики в целом и главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики Каменева в частности. — С. В.), то против большинства ЦК»¹⁸⁰⁷. О «политиче-

ских трудностях», переживаемых ЦК РКП(б) «в тех случаях, когда... Троцкий расходился с ним по вопросам военной политики», два года спустя писал С.И. Гусев. На памяти Гусева было два из трех случаев. Его мнение субъективно — как антагониста Троцкого и непосредственного участника событий. Но основной смысл передан верно:

«28 апреля 1919 г. наши армии, отброшенные Колчаком к рекам Волге и Вятке, начинают контрнаступление. Успех всей операции покоился на постоянном обходе левого (южного) фланга Колчака, вследствие чего он должен был... откатываться назад всем фронтом от Оренбурга до Перми. Операция с самого начала протекает с блестящим успехом. <...> Через 7 дней после начала операции, неожиданно, без запроса Революционного военного совета Восточного фронта, состоявшего в это время из гг. Лашевича, Юренева и меня, командующий фронтом С.С. Каменев (будущий главком) снимается с поста». Гусев цитирует приказ Троцкого о замене Каменева: увольняя Каменева «в 6-недельный отпуск и выражая ему благодарность от имени Красной армии, твердо надеюсь, что войска Восточного фронта, под руководством нового командующего А.А. Самойло, разовьют уже полученные успехи и дадут Советской Республике полную победу над Колчаком».

В 1921 г. С.И. Гусев вспоминал: «Назначенный вместо С.С. Каменева командующим Восточным фронтом А.А. Самойло — прекрасный штабной работник, специалист по разведке, а также П.П. Лебедев (будущий начальник Штаба РККА)... с первых же дней обнаружили недостаточное знакомство с оперативными вопросами, недостаточное искусство в оперативном управлении армиями фронта. В старой армии обоим им, насколько мне известно, пришлось работать почти исключительно на штабных должностях, чем, вероятно, и объяснялось то обстоятельство, что они производили на фронте впечатление новичков. Для членов РВС Восточного фронта создалось чрезвычайно тяжелое, невыносимое положение. Мы видели, что директивы даются неправильные, ошибочные, что через голову командующих армиями фронтовое командование нервничает, часто меняет директивы, дергает армии и дивизии и пр. Об этом мы открыто говорили А.А. Самойло и П.П. Лебедеву, причем споры у нас происходили с ним жестокие. Командующие армиями также начинали нервничать и (небывалая почти вещь) открыто выступали против фронтового командования и открыто критиковали исходившие от него директивы. Отношения между фронтовым командованием и армейским приняли крайне ненормальный характер. Фронт начинал разлагаться. И тогда мы прибегли к единственному средству, которое оставалось у нас, как у членов партии. Мы засыпали наш ЦК длиннейшими телеграммами с требованием вернуть С.С. Каменева на [Восточный] фронт. Телеграммы эти в наших архивах пока найти не удалось, но, видимо, они были достаточно убедительны — через месяц С.С. Каменев, по по-

становлению ЦК, вновь принял командование Восточным фронтом»¹⁸⁰⁸. Примечательны воспоминания С.С. Каменева — по его словам, он был вызван в Реввоенсовет Республики к Э.М. Склианскому, который сообщил приказ «возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом». С.С. Каменев выразил сомнение в целесообразности возвращения: «Как же я могу вернуться на должность командующего фронтом, когда буквально две недели назад был с этой должности снят? Кто же меня будет слушаться?» За это Э.М. Склианский «достаточно внушительно отчитал» С.С. Каменева, указав на «неуместность» сомнений, и передал приказ В.И. Ленина «немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб главнокомандующего, и „договориться“ с ним». Неожиданности продолжались и в Серпухове, где И.И. Вацетис будто бы заявил С.С. Каменеву, что он «снят за неисполнение... приказаний и недисциплинированность». С.С. Каменев принялся протестовать. По воспоминаниям Каменева, «трудное поручение найти „общий язык“ с Вацетисом стало бы невыполнимым, если бы не вмешательство кого-то из членов РВСР — «сколько помню, т. Аралова»¹⁸⁰⁹. Итак, о назначении С.С. Каменев должен был узнать 22 мая¹⁸¹⁰. Скорее всего, именно С.И. Аралов, умевший действовать с большим чувством такта, и пришел на выручку С.С. Каменеву¹⁸¹¹.

К июню 1919 г. И.И. Вацетис, учитывая ставшую очевидной необходимость оказать помощь Южному и Западному фронтам (что неоднократно требовали большевистский ЦК и Совнарком), пошел, по оценке В.Г. Краснова и В.О. Дайнеса, на «крайне рискованный, но, возможно, единственно верный в той ситуации шаг», а именно, как писал впоследствии Троцкий, — «снять с востока несколько дивизий и перебросить их на юг, где Деникин превращался во все более серьезную опасность». Троцкий поддержал план Вацетиса, считая «неизмеримо более серьезным и опасным Южный фронт»¹⁸¹².

По свидетельству Л.Д. Троцкого, «Вацетис считал, что главная опасность теперь на юге, и предлагал задержать армии Восточного фронта... на Урале, когда опасности настолько не будет, чтобы передать Южному фронту ряд дивизий»¹⁸¹³.

Конфликт между главкомом и командованием Восточного фронта разгорелся с особой силой в результате директивы И.И. Вацетиса от 6 июня. Директивой в качестве ближайшей задачи ставилось — разбить войска Колчака, действующие в районе правого берега р. Камы, овладеть течением рек Белой и Камы и на флангах срочно укрепиться путем создания опорных пунктов в районах Пермь, Оса, Сарапул, Бирск, Уфа, Стерлитамак, Оренбург, Уральск. Эта директива была воспринята командованием фронта как указание приостановить успешное наступление фронта, что грозило «самыми тяжелыми последствиями» — директива была опротестована в докладе главкому от 10 июня¹⁸¹⁴. С.С. Каменев впоследствии прямо заявил:

«В июне [1919 г.] я в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться за р. Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу»¹⁸¹⁵.

Как писал С.И. Гусев, «„закрепиться“ на берегах Камы и Белой и выделить при этом несколько дивизий» означало:

1) «дать Колчаку возможность передохнуть и перейти в контрнаступление... Колчак, отдохнув, шутя прорвал бы наш фронт и заставил бы наши войска опять отступать к Волге»;

2) наступающие части Восточного фронта, «окрыленные блестящим успехом первых недель, неудержимо рвались вперед. Остановить их при том революционном подъеме, который их охватил, значило бы не более не менее, как рисковать тем, что в них возникнет грозное подозрение в измене со стороны командного состава»;

3) «впереди, как раз за реками Камой и Белой, Красную армию ждали десятки тысяч свежих, крепких резервов из уральских рабочих, ненавидевших Колчака»;

4) «максимально быстрым продвижением вперед можно было достигнуть наискорейшего выделения дивизий и переброски их на Южный фронт»¹⁸¹⁶.

И.И. Вацетис в письме В.И. Ленину (тот же 1921 г.) интерпретировал факты иначе: он как главноком «категорически требовал переброски с Востфронта четырех безработных (за неимением перед собой противника) дивизий на Южный и Западный фронты против армий Деникина и Юденича, где у нас чувствовалась большая потребность в резервах. Реввоенсовет Востфронта всеми мерами тормозил эту крайне необходимую стратегическую меру и свел в конце концов к тому, что будто бы таковое снятие войска с Востфронта препятствует использованию успехов, достигнутых на Волге»¹⁸¹⁷.

Позицию главнокома И.И. Вацетиса поддержал Л.Д. Троцкий, также вступивший в конфликт с С.С. Каменевым и С.И. Гусевым. От правительных стратегических решений зависела судьба большевистской диктатуры, поэтому в дело вмешалось высшее руководство партии, в частности В.И. Ленин. Конфликт Вацетиса с РВС Восточного фронта в результате апелляции Гусева со товарищи в ЦК вылился в конфликт Троцкого с Лениным, суть которого передана в сборнике о Реввоенсовете Республики и обращении Троцкого в ЦК от 16 июня (см. *док. № 2.3.6*).

В начале июня 1919 г. угрожающее положение сложилось под Петроградом. 2 июня Э.М. Склянский и И.Т. Смилга доложили «о положении дел на Западном фронте» объединенному заседанию Орг- и Политбюро ЦК РКП(б)¹⁸¹⁸. Вопрос о положении на фронтах, очевидно, предполагалось обсудить на Пленуме ЦК 8 или 9 июня. Однако

В.И. Ленин настоял на том, чтобы созыв Пленума отложили до приезда Л.Д. Троцкого, о чем Л.Д. Склянский 5 июня и сообщил главе военного ведомства¹⁸¹⁹. В тот же день вождь запросил Л.Д. Троцкого: «Вполне ли Вы информированы о положении на Южном фронте? Что Вы предпринимаете, куда едете? Считал бы полезным послать сейчас в Царицын [С.К.] Минина (бывший председатель Царицынского городского Совета, находившийся на партийной работе в Московском комитете РКП. — С. В.) для проведения работ по его защите. Как Вы к этому относитесь?»¹⁸²⁰ К назначению С.К. Минина, бывшего во второй половине 1918 — начале 1919 г. одним из трех наиболее стойких военных «оппозиционеров», Л.Д. Троцкий уж точно не мог отнестись положительно.

8 июня Г.Е. Зиновьев и И.В. Сталин доложили телеграммой В.И. Ленину о резком ухудшении военного положения Петрограда¹⁸²¹. 10 июня вождь составил проект постановления ЦК о признании важнейшим фронтом «Питерского». В проекте предполагалось снять с Восточного фронта дивизию и разделить ее между Петроградом ($\frac{2}{3}$) и Южным фронтом ($\frac{1}{3}$)¹⁸²². Составленный вождем проект был утвержден на заседании Центрального комитета 10 июня¹⁸²³.

10 июня командование Западного фронта доложило о сложившейся обстановке И.И. Вацетису. Главком распорядился передать под Петроград две дивизии из Туркестанской армии Восточного фронта¹⁸²⁴.

11 июня вождь, предложивший Реввоенсовету Республики срочно перебросить с Восточного фронта на Петроградский не три, а шесть вполне боеспособных полков¹⁸²⁵, направил, как бы сказали старшие товарищи по цеху, «сердитое» письмо Э.М. Склянскому: «1. Обязательно сейчас же назначить (и довести до конца) расследование, кто Вас ввел в заблуждение, уменьшая бедствие. 2. Надо принять все меры и особо следить за быстротой продвижения 6 полков с Вост[очного] фронта. Ведь действительно Вы, т. Склянский, оказались виновны в проволочке!! Ответьте мне, что именно сделали по обоим пунктам»¹⁸²⁶. Ленинское недовольство руководством военного ведомства постепенно нарастало.

В тот же день В.И. Ленин извинился перед С.И. Гусевым, телеграфировав Реввоенсовету Восточного фронта: «Взять [у него] дивизию приходится ввиду плохого и почти катастрофического положения под Питером и на юге. Ничего не поделаешь. Будем надеяться, что ввиду взятия Уфы 5-я армия сможет отдать дивизию, не отдавая Белой, и что, удесятерив партийную энергию, мы вместе с вами осилим задачу не довести на Восточном фронте до поражения»¹⁸²⁷. РВС Восточного фронта выразил недовольство, и тут уж вождь без тени извинений телеграфировал: «Прекрасно понимая трудность вашего положения, мы абсолютно вынуждены брать у вас еще и еще. Поэтому обязательно, чтобы вы напрягли все силы для ускорения ва-

шей работы по формированию новых частей у вас и в ваших округах. Телеграфируйте исполнение»¹⁸²⁸.

13 июня Л.Д. Троцкий, Э.М. Склянский и И.И. Вацетис подписали постановление РВСР о признании Петроградского фронта «важнейшим фронтом, требующим чрезвычайного сосредоточения сил и исключительных мероприятий по сплочению частей и закреплению фронта». Подписали, будучи уверены в поддержке основателя партии. С Восточного фронта, как и предложил В.И. Ленин, было решено снять две крепкие, боеспособные дивизии, считая в том числе уже назначенные для переброски на Петроградский фронт две бригады¹⁸²⁹. Как установили исследователи В.Г. Краснов и В.О. Дайнес, в тот же день нарком по военным делам лично приказал Реввоенсовету Восточного фронта «с исключительной энергией выделить, согласно отданному распоряжению главкома, две боеспособные дивизии без всякого промедления с таким расчетом, чтобы они в кратчайший срок могли быть погружены и направлены по назначению». Троцкий жестко предупредил Реввоенсовет Восточного фронта, т. е. Гусева, об ответственности за проведение приказа в жизнь¹⁸³⁰.

Но тут, когда, казалось бы, все вожди большевиков сошлись в оценке сложившейся на фронте ситуации и РВСР начал проводить в жизнь ленинскую стратегическую линию, вождь — под влиянием С.И. Гусева — пересмотрел свои собственные представления и признал важнейшим фронтом Восточный¹⁸³¹. Вот уж действительно — поменял коней на переправе.

15 июня на заседании ЦК Л.Д. Троцкий настаивал на том, что основным фронтом должен быть не Восточный, а Петроградский. В этом он разошелся с В.И. Лениным. Цекисты пошли за вождем и фактически отменили принятое по данному вопросу постановление Политбюро. Уже на следующий день на основании постановления ЦК вышло постановление Реввоенсовета Республики (на заседании РВСР, что характерно, Троцкого не было). ЦК принял половинчатое решение. Вроде бы он пошел за Лениным, постановив на Восточном фронте продолжать «интенсивное наступление с целью скорейшего решения поставленной главнокомандующим задачи — разбить войска Колчака...». Но при этом постановил: «Во изменение отданных распоряжений снимаются немедленно три боеспособных бригады, из коих одна направляется в 10-ю армию (на Южный фронт. — С. В.), а две в Петроград. Восточный фронт обязуется подготовить в течение недели снятие еще трех бригад. Момент снятия определяется главнокомандующим»¹⁸³². В.Г. Краснов и В.О. Дайнес сделали на этом основании вывод о победе «точки зрения И.И. Вацетиса»¹⁸³³. Но при этом они не учли принятое на том же заседании решение о замене на посту начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева без лести преданным вождю М.Д. Бонч-Бруевичем¹⁸³⁴, а это решение имело, как мы знаем, далекоидущие последствия.

15 июня Оргбюро ЦК РКП(б)¹⁸³⁵ приняло целый ряд постановлений «по вопросу о распределении ответственных работников, мобилизованных для военной работы»¹⁸³⁶: предложить ввести Н.В. Крыленко в Реввоенсовет 12-й армии; направить Н.В. Рогозинского «в распоряжение Политотдела Реввоенсовета Республики для основной работы в Москве и Политотделе», И.С. Кизельштейна — в Реввоенсовет 14-й армии с предоставлением ему права «взять с собой для ответственной работы т. [Г.С.] Биткерта¹⁸³⁷ и [Д.М.] Соловоя (в документе — Соловей. — С. В.)»; перевести К.Х. Данишевского в Реввоенсовет 2-й армии; назначить в Реввоенсовет Армии Советской Латвии [А.Г.] Васильева, Я.Д. Ленцмана и [военного специалиста Ю.М.] Тихменева; назначить в Армию Белорусско-Литовской Республики С.К. Минина, В.С. Селезнева, И.С. Уншлихта¹⁸³⁸, отозвав из нее в распоряжение ЦК РКП(б) А.М. Пыжева (Пыжова) и С.И. Бродовского; назначить Г.И. Бруно¹⁸³⁹ заведующим Особым отделом Западного фронта; откомандировать [Я.З.] Сурица для ответственной работы на Западный фронт; откомандировать «Антонова» (видимо, В.А. Антонова-Овсеенко), К.А. Гайлиса¹⁸⁴⁰, П.И. Лебедева-Полянского, Н.Е. Пауфлера на Южный фронт «для ответственных работ»; оставить Д.И. Курского и А.М. Стопани в распоряжении ЦК РКП(б)¹⁸⁴¹.

Л.Д. Троцкий отреагировал на дружескую помощь кадрами, о которой он не просил, весьма жестко: направил в Оргбюро ЦК РКП(б) заявление «о нецелесообразности последних перемещений, произведенных ЦК среди военных ведомств»¹⁸⁴². Однако Оргбюро, собравшееся 16 июня в составе Л.П. Серебрякова, Н.Н. Крестинского, Е.Д. Стасовой, а также К.Т. Новгородцевой и А.Д. Цюрупы, ограничилось принятием заявления Л.Д. Троцкого «к сведению»¹⁸⁴³. Судя по протоколам заседаний Реввоенсовета Республики, часть кадровых перемещений состоялась, причем без малейших признаков проведения решений сокращенного состава ЦК РКП(б) через высший коллегиальный военный орган¹⁸⁴⁴. Для самолюбивого Л.Д. Троцкого подобное пренебрежение со стороны Оргбюро было тяжелым ударом.

В довершение всех бед к началу лета 1919 г. на фронте 8, 12, 13-й армий Южного фронта картина положение было примерно таким, каким на германском фронте к весне 1918 г.: армии бежали, красноармейцы митинговали, арестовывали комиссаров и комсостав (были даже случаи расстрелов), с поля сражения исчезали «целые команды и батальоны, штабы полков и даже бригад»: так, «целая бригада самовольно оставила фронт, арестовала командный состав». Перешедший на сторону Деникина командующий 9-й армией Н. Всеволодов позднее свидетельствовал, что Полевой штаб, не ожидавший «такого развала» фронта, заволновался; в 12-ю армию прибыл Л.Д. Троцкий, по своему обыкновению начавший аресты и массовые расстрелы, но и это не спасло фронт от развала. 1 июля 1919 г. Л.Д. Троцкий уехал в Москву на Пленум ЦК и командующему войсками Южного фронта В.М. Гит-

тису¹⁸⁴⁵ «удалось все свалить на Вацетиса»¹⁸⁴⁶. Свалить весьма кстати! Вероятно, это вбило последний гвоздь в крышку «гроба» И.И. Вацетиса.

Конфликт в военно-политическом руководстве РСФСР дошел до большевистских триариев — до ЦК РКП(б), пленарное заседание которого проходило в Москве 3 и 4 июля. Высший партийный орган решил ряд важнейших военных вопросов, среди которых — обновление состава РВСР и передислокация в Москву Полевого штаба¹⁸⁴⁷.

Вплоть до 1924 г. заседания высшего органа большевистской партии не стенографировались и реконструировать их ход позволяют (далеко не всегда) лишь косвенные источники. Исключения составляют дневниковые записи Е.А. Преображенского о нескольких заседаниях ЦК РКП(б) и его Политбюро 1920 г., не являющиеся официальной стенограммой. В случае с Пленумом ЦК РКП(б), состоявшимся 3—4 июля 1919 г., косвенных источников вполне достаточно: это прежде всего записи, сделанные вождем на Пленуме ЦК¹⁸⁴⁸, стенограмма выступления В.И. Ленина на соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы, состоявшегося 4 июля 1919 г.¹⁸⁴⁹, и воспоминания К.Х. Данишевского¹⁸⁵⁰.

3 июля В.И. Ленин продавил в ЦК РКП(б) нанесение окончательного удара по сторонникам Л.Д. Троцкого в высшем военном руководстве Советской России: как справедливо заметил Исаак Дойчер, И.Н. Смирнова, А.П. Розенгольца и Ф.Ф. Раскольников заменили в РВСР на старых недоброжелателей наркома — С.И. Гусева и И.Т. Смилгу, а также вполне безобидного А.И. Рыкова¹⁸⁵¹, назначенного, очевидно, из чисто прагматических соображений (он должен был координировать деятельность военного ведомства и ВСНХ). Приведем точную формулировку второго пункта протокольного постановления ЦК РКП(б): «Создать Реввоенсовет Республики из шести фактически работающих в нем товарищей. В состав его ввести председателем т. Троцкого, [членами] — тт. Склянского, Гусева, Смилгу, Рыкова и главкома [С.С.] Каменева. Всех прежних членов Реввоенсовета [Республики] от этого звания освободить» (см. *док. № 2.4.4*). На что следует обратить внимание: формально с поста заместителя председателя РВСР Э.М. Склянского никто не снимал, к нему продолжали обращаться как к заместителю председателя, сам он подписывался как зампред. Однако ЦК, судя по формулировке, уравнивал его в статусе с остальными членами Совета. ЦК постановил дать И.И. Вацетису «почетное военное назначение с приличным окладом»¹⁸⁵². Исаак Дойчер написал, что И.В. Сталин назвал главкома изменником¹⁸⁵³, однако не вполне ясно, на каком источнике базировался американский исследователь; судя по резолютивной части, об измене речи не шло. Если обвинение и было брошено, то в запале, вследствие несогласия руководства Восточного фронта с

главным командованием Республики по стратегическим вопросам. В.И. Ленин на заседании пометил, что необходимо приложить все усилия, чтобы не допустить «духов[ной] демобил[изации] воен[ных] раб[отни]ков»¹⁸⁵⁴ — скорее всего, Л.Д. Троцкому в очередной раз напомнили, что большевики не старое офицерство и потому обязаны (разумеется, для пользы дела), находясь на военной работе, обжаловать сомнительные, с их точки зрения, решения вышестоящих военных инстанций по партийной линии. Поскольку председатель РВСР уже тогда заявил о необходимости отправить его в отставку, вождь по традиции¹⁸⁵⁵ заметил, что так поступать нельзя, что Л.Д. Троцкому следует смириться, признать свою ошибку и работать дальше, сделав соответствующие политические выводы¹⁸⁵⁶.

Что характерно, сразу после первого дня заседания ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкий слег с одной из своих знаменитых «дипломатических болезней», которые в годы Гражданской войны длились дни и недели, а в эпоху «коллективного руководства» измерялись месяцами. 4 июля 1919 г., выступая на соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы, В.И. Ленин начал с того, что «вчера мы решили в Центральном комитете, что о военном положении здесь будет делать доклад т. Троцкий», но, «к сожалению, сегодня доктора решительно запретили ему делать доклад»¹⁸⁵⁷. Вождь, как всегда скромно заметив, что он не может претендовать на роль докладчика в этом деле, взялся за самый краткий пересказ услышанного от председателя РВСР накануне. По словам председателя Совнаркома, Л.Д. Троцкий, лично объехав Южный фронт, пришел к выводу о том, что «положение там действительно трудное, удары нанесены нам чрезвычайно тяжелые и потери наши громадны»¹⁸⁵⁸. Далее шел анализ сложившегося положения на Южном фронте, который тут следует опустить, но при этом обязательно процитировать два фрагмента из речи вождя:

1). Троцкий, основываясь на военно-политической обстановке, сказал, что «положение на юге тяжелое и мы должны напрячь все силы. Но я (! — С. В.) утверждаю, что *это положение не катастрофическое*. Вот вывод, который мы получили вчера»¹⁸⁵⁹. То есть Ленин продавил свое видение проблемы в ЦК в пику Троцкому. Если бы вождь был человеком менее скромным, то он бы прямо заявил: «Троцкому, конечно, виднее, но прав все равно я!»

2). «Может поставить вопрос: если мы наляжем на юг, то... мы растеряем то, что завоевали на востоке» лишь «человек, поддающийся... наиболее паническим настроениям»¹⁸⁶⁰. Очевидно, это — характеристика, данная вождем Троцкому.

В.И. Ленин, не выносивший зачитывать тексты по бумажке, постоянно выдавал в потоках направленной информации свои настоящие мысли. Очевидно, именно поэтому он не позволял стенографировать заседания ЦК РКП(б) и его коллегий, СНК и СТО РСФСР

и даже подчеркивал, что ему импонируют публикации в «Правде» и других газетах его *кратких* отчетов о его выступлениях.

По мнению апологета Л.Д. Троцкого Исаака Дойчера, 3 июля на заседании ЦК РКП(б) на отставке И.И. Вацетиса и назначении на его место победителя Колчака — С.С. Каменева — настоял И.В. Сталин¹⁸⁶¹. Если дело и обстоит таким образом (что маловероятно), то здесь не обошлось без С.И. Гусева: по свидетельству А.А. Самойло, у него «установились почти дружественные отношения» с С.С. Каменевым, более того — когда с 6 по 28 мая 1919 г. командующим войсками Восточного фронта был Самойло, Каменев посредством Гусева (с которым они, кстати, жили в одном доме) оказывал «сильное влияние на принятие и осуществление всех оперативных мероприятий»¹⁸⁶². Это подтверждает, очевидно, фрагмент некоей стенограммы, который цитируют в своей книге о Троцком исследователи В.Г. Краснов и В.О. Дайнес:

«[С.И. Гусев:] В настоящее время объем операций перерос способности существующего главного командования, со стороны которого продолжается мелочное вмешательство в деятельность командующих фронтами. Главкома Вацетиса необходимо заменить человеком, способным руководить многочисленными фронтами и понимающим особенности нашей войны.

[Л.Д. Троцкий:] Я против смены главкома, т. к. товарищ (подчеркнуто уважительно к военному специалисту, не состоявшему в РКП. — С. В.) Вацетис доказал свою преданность идеям революции и умело провел ряд операций против войск генерала Краснова и адмирала Колчака».

Вопреки обыкновению, В.Г. Краснов и В.О. Дайнес не приводят документ целиком, а лишь упоминают о «яростной словесной перепалке сторонников и противников И.И. Вацетиса»¹⁸⁶³. Косвенно данные В.Г. Краснова и В.О. Дайнеса подтверждаются воспоминаниями К.Х. Данишевского: «На заседании ЦК партии (3 июля 1919 г. — С. В.) особенно резко и убедительно выступал Гусев. Указывалось, что объем операций перерос способности существующего главного командования; что с его стороны продолжается мелочное вмешательство в операции, неизбежное в начале войны (1918 г.), но ставшее вредным в 1919 г.; что фронты уже выдвинули новых стратегов и тактиков, которым надо дать возможность свой опыт перенести на штаб главного командования (Полевой штаб. — С. В.), где непосредственно сконцентрировались люди старого уклада, не бывавшие непосредственно на фронтах Гражданской войны»¹⁸⁶⁴. Разрядкой нами выделено очевидное несоответствие истине: действительно у занимавших ключевые посты выпускников старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии 1918 г. не было фронтового опыта Гражданской войны, но все они прошли Первую мировую; да и средний возраст этих людей «старого уклада» состав-

лял около 30 лет. «Троцкий яростно и упорно высказывался против смены главного командования. На первом заседании ЦК по этому вопросу определенного решения еще не принял. Владимир Ильич ограничился главным образом отдельными замечаниями, выясняющими положение вопросами и т. п., но видно было, что он недоволен главным командованием. На следующий день (4 июля 1919 г. — С. В.) было назначено дальнейшее обсуждение этого чрезвычайно важного вопроса. Троцкий на заседание не явился», сославшись на болезнь. Минут через 10—15 после телефонного звонка Ленина, предложившего собрать ЦК на квартире у Троцкого, если тот не в состоянии явиться, председатель РВСР все же соизволил почтить высший партийный орган своим присутствием и заседание ЦК продолжилось. «Троцкий снова резко настаивал на необходимости оставить прежнее главное командование, указывал, что нет основания для смены его, заявлял о своем уходе в случае, если смена будет осуществлена». Все реплики Ленина говорили о том, что основатель партии «уже твердо стоит за смену главного командования и за то, что именно командование Восточного фронта необходимо назначить на этот ответственный пост, потому что оно уже научилось бить противника и вполне показало свою преданность делу революции»¹⁸⁶⁵. Совершенно очевидно, что если бы за сменой главкома стоял И.В. Сталин, К.Х. Данишевский в 1934 г. не преминул бы это отметить — с соответствующим комментарием.

Сразу после постановления ЦК РКП(б) от 3 июля осложнилось положение соратников Л.Д. Троцкого на фронтах и в армиях. Так, будучи выведен из Реввоенсовета Республики, 6 июля попросил В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о своем освобождении от ответственной военной работы член Реввоенсовета Южного фронта А.И. Окулов¹⁸⁶⁶. 9 июля заявление Окулова «о переходе на другую работу из военной или же поручении ему» переформирования дивизии рассмотрело Оргбюро ЦК РКП(б). Постановило ждать доклад по этому вопросу Л.Д. Троцкого¹⁸⁶⁷. Очевидно, Оргбюро доклада не дождалось, и потому Окулов оставался членом Реввоенсовета Южного фронта вплоть до августа 1919 г. Лишь в сентябре просьба была удовлетворена в полном объеме, и то с явным налетом издевки: Окулов был назначен начальником 43-й стрелковой дивизии... Южного фронта¹⁸⁶⁸.

7 июля, по воспоминаниям К.Х. Данишевского, его вызвал В.И. Ленин и поручил «немедленно поехать в Серпухов по вопросу о подготовке смены командования». В ту же ночь Данишевский в сопровождении нескольких партийных работников выехал на автомобиле в Серпухов. По его воспоминаниям, «...все произошло как намечалось. 8 июля 1919 г. был объявлен новый состав Реввоенсовета Республики с включением в него нового главнокомандующего С.С. Каменева...» Об аресте Вацетиса 8 июля К.Х. Данишевский в воспоминаниях умолчал¹⁸⁶⁹.

8 июля в газете «Правда» было опубликовано интервью с И.В. Сталиным, «на днях»¹⁸⁷⁰ вернувшимся с Петроградского фронта. Общий вывод этого члена Политбюро: «Нередко сравнивают Родзянко с Колчаком в смысле угрозы для Советской России, причем Родзянко считают не менее опасным, чем Колчака. Это сравнение неверно. Колчак действительно опасен, ибо у него есть и пространство для отступления, и людской материал для обновления войсковых частей, и хлеб для прокормления армии. Несчастье Родзянко и Юденича в том, что у них не хватает ни пространства, ни людского материала, ни хлеба. Финляндия и Эстляндия, конечно, представляют некую базу для формирования белогвардейских частей из русских военнопленных, но, во-первых, военнопленные не могут представить достаточный и вполне надежный материал для белогвардейских частей; во-вторых, сама обстановка в Финляндии и Эстляндии, ввиду развивающегося там революционного брожения, не представляет благоприятных условий для формирования белогвардейских частей; в-третьих, территория, захваченная Родзянко и Балаховичем (всего около двух уездов), постепенно и систематически сокращается, и пресловутой „северо-западной армии“, если ей суждено будет вообще родиться, скоро негде будет развернуться и маневрировать. Ибо, это надо признать, ни Финляндия, ни Эстляндия, пока, по крайней мере, не представляют „своей собственной территории“ для Родзянко — Балаховича — Юденича»¹⁸⁷¹. Очевидно, именно это интервью навело Исаака Дойчера на мысль о том, что за сменой главкома стоял будущий генсек.

9 июля корреспонденту «Правды» дал интервью новый начальник Политуправления (ПУ) РККА И.Т. Смилга, назвавший в качестве причины смены И.И. Вацетиса С.С. Каменевым на посту главкома «крупные разногласия стратегического характера... Вацетис был решительным противником наступления на востоке. Жизнь показала, что прав был Каменев»¹⁸⁷². И.Т. Смилга поведал о перенесении дислокации Полевого штаба для рационализации работы РВСР, «в составе которого тоже произошли некоторые изменения». Начальник ПУ, работавший вместе с С.С. Каменевым на Восточном фронте, характеризовал нового главкома как «способного, работоспособного человека», «добросовестно» изучившего «способы ведения гражданской войны» и полностью лояльного советской власти. В заключение интервью И.Т. Смилга выразил уверенность, что назначение С.С. Каменева новым главкомом «будет шагом вперед» в деле военного строительства¹⁸⁷³.

12 июля С.И. Гусев, выступая с докладом на Московской общегородской конференции РКП(б) (см. док. № 2.4.8), рассказал о победах на фронтах, упомянул о ликвидации военного заговора и заявил о победе «в форме реорганизации военного управления». По его словам, Реввоенсовет Республики как объединяющий всю военную работу Центр «оказался фикцией», зачастую мешавшей армии в организационной работе. Старый большевик был убежден, что

«теперь создан Реввоенсовет, в руках которого сконцентрируется вся работа и не будет больше многоцентрия». Далее С.И. Гусев сделал выпад в сторону Л.Д. Троцкого: «Некоторые товарищи восставали против упразднения Реввоенсовет[а Республики] — сидя наверху. Им казалось, что все обстоит благополучно, но на периферии чувствовалось другое, видна была необходимость создания здорового центра, и единственный путь сделать его таковым — это привлечь к работе людей практики, имеющих организационный опыт»¹⁸⁷⁴.

13 июля на заседании РВС Республики (сторонников Л.Д. Троцкого было меньшинство — 1 против 3; кроме того, присутствовал А.И. Рыков) был нанесен новый удар по главе военного ведомства: решения, принятые сокращенным составом Реввоенсовета Республики (Э.М. Склянский, давний соратник Ленина С.И. Гусев и ставленник Гусева С.С. Каменев) было постановлено считать постановлениями РВСР¹⁸⁷⁵. Правда, было принято решение о замене начальника Полевого штаба: М.Д. Бонч-Бруевича на мягкого и тактичного П.П. Лебедева¹⁸⁷⁶. Решение, очевидно, с энтузиазмом восприняли оба военных «вождя»: и Л.Д. Троцкий, никогда не доверявший «Бончу» (так называли царского генерала и его брата в своей переписке Я.М. Свердлов, Е.Д. Стасова и Г.Е. Зиновьев), и С.И. Гусев, которого генерал довел своим вечным нытьем до белого каления. Не зря М.К. Лемке указал в своем дневнике, что «о генерале Михаиле Дмитриевиче Бонч-Бруевиче рассказывают как о человеке, совершенно невоспитанном, крикуне, дерзком, не пользующемся репутацией умного человека (последнее, впрочем, действительности не соответствует. — С. В.)»¹⁸⁷⁷. М.Д. Бонч-Бруевич, как следует из документов Полевого штаба, сдал должность новому начальнику штаба 22 июля¹⁸⁷⁸ — П.П. Лебедеву.

П.П. Лебедев, 46-летний генерал-майор старой армии, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 — начальник мобилизационного отдела Всероссийского главного штаба (май 1918 — март 1919), начальник штаба (май—июль 1919), врид командующего войсками (июль 1919) Восточного фронта¹⁸⁷⁹. В полевой штаб Лебедев был продвинут С.И. Гусевым и его группировкой. После назначения в Ставку, 12 августа 1919 г., П.П. Лебедев издал приказ об установлении в Полевом штабе нового порядка хранения секретных документов, который, без сомнения, должен был улучшить положение дел в штабе: фактически контроль за его выполнением отныне возлагался прежде всего на комиссаров штаба¹⁸⁸⁰. Генерал сразу принялся жестко наводить порядок: 20 августа он уведомил сотрудников об увольнении телеграфистки Телеграфной конторы № 23 В.М. Козловой со службы и о предании ее Особому отделу ВЧК за распространение ложных слухов о выезде Полевого штаба из Москвы¹⁸⁸¹. П.П. Лебедев представлял тот редкий тип военного специалиста, который устроил буквально всех партийных вождей.

Лето 1919 г. Л.Д. Троцкий провел преимущественно на Южном фронте, который он считал основным вне зависимости от постановлений ЦК РКП(б)¹⁸⁸², и все лето действия председателя РВСР на фронте критиковали его «товарищи» по высшему большевистскому руководству¹⁸⁸³.

Интересно, что впоследствии С.С. Каменев вспоминал, как Э.М. Склянский, вводя его в курс дела после назначения главкомом, сказал примерно следующее: Л.Д. Троцкий против его назначения, но в будущем смирится¹⁸⁸⁴. Заместитель председателя РВСР прекрасно изучил своего патрона: прогноз Э.М. Склянского вполне оправдался уже в 20-х числах июля 1919 г. Главком С.С. Каменев и командующий Южным фронтом В.Н. Егорьев¹⁸⁸⁵ разошлись во мнениях о времени контрнаступления на левом крыле Южного фронта. Член РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников запаниковал, поддавшись логике В.Н. Егорьева, и экстренно вызвал своего патрона — Л.Д. Троцкого¹⁸⁸⁶. Разобравшись в ситуации, председатель РВСР телеграфировал 27 июля Э.М. Склянскому: командующий Южным фронтом В.Н. Егорьев, равно как член реввоенсовета фронта Г.Я. Сокольников, «считает оперативный план Каменева для Юга неправильным и, выполняя этот план, не рассчитывает на успех»¹⁸⁸⁷. Л.Д. Троцкий направил и телеграмму в Политбюро ЦК РКП(б), в которой выразил опасения по поводу изменения оперативного плана, предложенного С.С. Каменевым и утвержденного его комиссаром 23 июля. Л.Д. Троцкий явно не хотел ронять свой авторитет в глазах преданного Г.Я. Сокольникова, с которым на это раз он был не согласен, и попытался возложить ответственность на высшее большевистское руководство. Последнее, прекрасно понимая мотивы председателя РВСР, в этом сочло возможным ему подыграть и осватило своим авторитетом позицию Л.Д. Троцкого — впрочем, задев и его самого. 28 июля В.И. Ленин лично телеграфировал Л.Д. Троцкому по месту его нахождения: «Политбюро ЦК обсудило Вашу телеграмму за № 277/с и вполне согласно с Вами насчет опасности каких бы то ни было колебаний в твердом проведении раз принятого плана. Политбюро вполне признает оперативный авторитет главкома и просит Вас сделать соответственное разъяснение всем ответственным работникам»¹⁸⁸⁸. Однако вождь не был бы вождем, если бы, уважив просьбу Л.Д. Троцкого, не извлек из ситуации свою выгоду: продолжение постановления — «Членами Юж[ного] фронта Политбюро назначает в добавление к прежним Смилгу, Серебрякова, Лашевича»¹⁸⁸⁹. И все это вместо назначения одного-единственного помощника командующему Южным фронтом. 29 июля Л.Д. Троцкий отправил в ЦК (В.И. Ленину) резкий протест.

3 августа председатель РВСР, мягко говоря, не уверенный в правильности намеченного С.С. Каменевым плана наступления, настаивал на нанесении удара не на Царицынском, а на Воронежском

направлении (крестьянство, в отличие от казачества, хоть как-то сочувствовало Советской власти и к тому же не представляло собой единый военный механизм)¹⁸⁹⁰. Вождь не внял аргументам Л.Д. Троцкого и 10 августа потребовал от Э.М. Склянского начать контрнаступление по ранее утвержденному плану¹⁸⁹¹. Как впоследствии заметил Л.Д. Троцкий, совершенно напрасно.

Несмотря на спешку председателя РВСР и командования Южного фронта с подготовкой наступления, противник упредил части Красной армии — начался сокрушительный рейд Мамонтова; если бы не действия Н.И. Махно, все бы закончилось для большевиков весьма печально¹⁸⁹². 11 августа Троцкий написал: «Жду сюда Серебрякова с группой политических работников. Надеюсь, что Серебряков сильно упрочит здешний Реввоенсовет, пока еще весьма слабый, несмотря на очень хорошего командарма в лице Егорова»¹⁸⁹³. Не исключено, что у Троцкого были и иные основания ждать Серебрякова: по словам дочери последнего, у Серебрякова осложнились отношения со Сталиным; «по-видимому, Серебряков испытывал интуитивное недоверие к Кобе»¹⁸⁹⁴.

6 августа на расширенном заседании Полит- и Оргбюро ЦК (собрались В.И. Ленин, П.Г. Стучка, Л.Б. Каменев, М.П. Томский, М.И. Калинин, А.Г. Белобородов, Н.И. Бухарин, Е.Д. Стасова и Г.Я. Сокольников) заслушали доклад Г.Я. Сокольникова о положении на Южном фронте и телеграмму И.Т. Смилги о реввоенсовете фронта. Постановили: «Сократить Реввоенсовет Южфронта до состава четырех товарищей (Сокольников, Смилга, Лашевич, Серебряков). Ввиду необходимости сокращенного состава реввоенсоветов вообще — предложить Реввоенсовету Республики остальных членов Реввоенсовета Южфронта в дальнейшем в составе реввоенсовета [фронта] не числить. Поручить тт. Гусеву и Склянскому провести это решение в Реввоенсовете Республики»¹⁸⁹⁵. Примечательно, что провести через РВСР решение Полит- и Оргбюро поручалось не Л.Д. Троцкому, а С.И. Гусеву: в этот период он был фактическим главой военного ведомства — неформальным лидером РВСР.

Положение было настолько тяжелым, что большевики вновь вернулись к идее об использовании в своих целях левых эсеров. Обсудив заявление ПЛСР «об их новой позиции», Политбюро поручило Л.Б. Каменеву и Е.Д. Стасовой продолжить переговоры с бывшими «попутчиками во власти» (в частности, И.З. Штейнбергом) и решило «от случая к случаю» освобождать отдельных левых эсеров и их группы «для работы в тылу Деникина». Для организации подобных освобождений Ф.Э. Дзержинскому поручалось даже организовать встречи И.З. Штейнберга с арестованными товарищами по партии¹⁸⁹⁶.

16 августа И.Т. Смилга, командированный большевистским ЦК на Южный фронт для прояснения обстановки, пришел по итогам переговоров со всеми членами реввоенсовета фронта к выводу о том,

что председатель РВСР Л.Д. Троцкий и его креатура, член Реввоенсовета Южного фронта и командующий 8-й армией Г.Я. Сокольников, своими действиями подрывали работу реввоенсовета фронта и могли быть признаны главными виновниками неудач Красной армии на юге. Об этом руководитель Политического управления РККА направил в 0 час 21 мин «внеочередную, военную» телеграмму в ЦК РКП(б) (см. док. № 2.4.12). И.Т. Смилга настаивал на созыве около 25 августа пленарного заседания ЦК РКП(б) «для окончательного решения вопроса о Южном фронте». Казалось, этим вполне можно было и ограничиться. В Москве телеграмма была получена уже в 5 час 45 мин¹⁸⁹⁷, однако даже руководящей группе чекистов, каждый член которой был буквально завален текущей работой, требовалось время, чтобы, если не поспать хотя бы три-четыре часа, то по крайней мере собраться на заседание Полит- или Оргбюро и принять решение о созыве Пленума с последующим оповещением петроградской группы чекистов и других членов высшего большевистского органа, отсутствующих в столице. Однако обстановка на фронте становилась все более и более напряженной буквально с каждым часом.

Масла в огонь подлила беседа И.Т. Смилги с командующим фронтом — руководитель Политуправления РККА дошел до точки кипения и, буквально через несколько часов после первого послания, отправил в Москву второе: лидеру РВСР С.И. Гусеву и в копии Е.Д. Стасовой, т. е. на самом деле повторно Центральному комитету РКП(б) и лично В.И. Ленину (см. док. № 2.4.13). Шифрограмма была получена в 10 час 50 мин. И.Т. Смилга уже не считал целесообразным откладывать «окончательное решение вопроса о Южном фронте» до Пленума ЦК РКП(б): он настаивал на скорейшем отзывании с Южного фронта Л.Д. Троцкого и Г.Я. Сокольникова и на сокращении реввоенсовета фронта до дееспособной коллегии из трех человек с утверждением членами реввоенсовета фронта его самого, М.М. Лашевича и «дельного военспеца»¹⁸⁹⁸. Не зря, по уверениям старой русской пословицы, «утро вечера мудренее».

В.И. Ленин, который не имел обыкновения являться на заседания Политбюро ЦК РКП(б) без проектов решений по основным вопросам, получил от своего секретаря М.Н. Бураковой оба послания И.Т. Смилги одновременно, причем второе с сопроводительной запиской. В ней отмечалось, что к предложениям присоединился С.И. Гусев, а Е.Д. Стасова, будучи «обоим им под стать» (по Лопе де Веге), считала целесообразным Г.Я. Сокольникова перевести на другой фронт, Л.Д. Троцкого «на некоторое время» отозвать в центр¹⁸⁹⁹.

В тот же день И.Т. Смилга направил в ЦК РКП(б) и записку, в которой сообщил о тяжелом положении на Южном фронте и назвал основной причиной неудач Красной армии «неумение Реввоенсовета Южного фронта командовать и управлять войсками». По словам Смилги, «теперешний состав Реввоенсовета нетрудоспособен. Вза-

имное непонимание настолько сильно, что думать о том, что можно будет «сработаться», не приходится»¹⁹⁰⁰.

От принятия предложения И.Т. Смилги, поддержанного С.И. Гусевым и Е.Д. Стасовой, В.И. Ленин и вслед за ним высшее руководство РКП(б) воздержались. В ответной телеграмме вождь выразил надежду на то, что у И.Т. Смилги установятся нормальные отношения с Л.Д. Троцким; просил «не нервничать, не зарываться»¹⁹⁰¹. Правда, «нервничать» и «зарываться» начал председатель РВСР, направивший в Центральный комитет заявление с нелестной оценкой доклада И.Т. Смилги о Южном фронте. 30 августа Политбюро ЦК РКП(б) постановило записку Л.Д. Троцкого «Принять к сведению»¹⁹⁰². О поездке Троцкого на Юг и в Петроград — предложить председателю РВСР «ехать на день в Петербург (Петроград. — С. В.) для ответственных официальных выступлений по поводу Финляндии. Затем командировать его на Южный фронт с остановкой по пути в Туле и Орле для усиления действий против Мамонтова. Если положение с Мамонтовым до возвращения г. Троцкого изменится к лучшему, вопрос о времени поездки на Юг вновь рассмотреть»¹⁹⁰³.

В конечном итоге Л.Д. Троцкий в сентябре 1919 г. продолжал свою работу на Южном фронте, а отозван В.И. Лениным был преданный И.Т. Смилга. Почему? Причин тому может быть несколько. Первая — сугубо формальная: председателя РВСР прямо обязал находиться на фронтах VIII съезд РКП(б). Вторая: Л.Д. Троцкий с осени 1918 г. постоянно находился на Южном фронте, он знал там всех и все, и Политбюро, припомнив американскую поговорку, которая не рекомендует «пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток», посчитало его замену нецелесообразной. Третья: отзывание председателя в центр в обстоятельствах момента могло быть воспринято своими и представлено белыми в агитационных кампаниях как его бегство, с последующим психологическим переломом в войсках. Кстати, позднее, в сентябре 1919 г., отъезд председателя Реввоенсовета Республики 1 июля с Южного фронта в центр для участия в судьбоносном для РВСР пленуме ЦК 3—4 июля был интерпретирован высокопоставленным перебежчиком в белый лагерь как бегство Л.Д. Троцкого «в Москву», связанное с тем, что «продолжал разваливаться» фронт и глава военного ведомства не захотел расписаться в собственном бессилии (см. док. № 2.4.14). Четвертая: руководящее ядро ЦК все же сочло нерациональным в условиях Гражданской войны окончательное политическое убиение Л.Д. Троцкого его отзыванием в центр. Пятое: И.Т. Смилга назвал Л.Д. Троцкого и Г.Я. Сокольниковых виновниками «хаоса» в области «командования, управления, снабжения» вследствие «неумения поставить дело» (см. док. № 2.4.12). В.И. Ленин еще мог поверить, что Л.Д. Троцкий действовал в параллель реввоенсовету фронта и это действительно привело к «хаосу» в области «командования»

и «управления». Но при этом вождь прекрасно знал, что в организации снабжения глава военного ведомства не имел себе равных: не зря же много позднее даже С.И. Гусев писал об улучшениях «в материальной части», вспоминая свияжский «месяц» наркома по военным делам¹⁹⁰⁴. Таким образом, логично предположить, что В.И. Ленин счел впечатления И.Т. Смилги слишком субъективными, чтобы исходя из них принимать практические предложения своего молодого и горячего соратника. Наконец, маловероятное (материалисты из ЦК — по крайней мере, в большинстве своем — не были суеверны): принятие предложения И.Т. Смилги практически означало воссоздание в новых условиях 1919 г. на Южном фронте оваянного своеобразной славой Реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта образца 1918 г., т. е. времен «Пермской катастрофы»¹⁹⁰⁵. В любом случае очевидно, что в отношениях основателя партии с «вождем Красной армии» наметился очередной перелом.

Так или иначе, результат решения, принятого высшим руководством РКП(б), превзошел все ожидания: Л.Д. Троцкий, не зря считавший М.М. Лашевича человеком мягким (см. док. № 2.4.1), сумел перековать давнего товарища и личного друга И.Т. Смилги. 6 сентября 1919 г. Л.Д. Троцкий убедил членов Реввоенсовета Южного фронта в необходимости изменения оперативного плана: он сам, Л.П. Серебряков и М.М. Лашевич отправили телеграфом соответствующую просьбу в Политбюро ЦК РКП(б), которое в составе членов В.И. Ленина, Л.Б. Каменева и Н.Н. Крестинского, а также в присутствии И.Т. Смилги постановило: «Утвердить проект ответа главкома и сообщить телеграфно, что Политбюро удивляется новому возбуждению этого вопроса»¹⁹⁰⁶. В ответной телеграмме Л.Д. Троцкому, Л.П. Серебрякову и М.М. Лашевичу Политбюро, в соответствии с собственным решением, выразило «свое удивление по поводу попыток пересмотреть решенный основной стратегический план»¹⁹⁰⁷. Комментарий дочери Л.П. Серебряковой, д.и.н. З.Л. Серебряковой: «Троцкий, Лашевич и Серебряков... предложили... перенести главный удар по войскам Деникина на Центральное направление. Это означало изменение ранее принятого плана, разработанного С.С. Каменевым, в соответствии с которым основные действия предусматривалось развернуть в направлении Царицына. Первоначально Ленин не счел целесообразным менять существующий план. Однако... 21 сентября ЦК принял ряд решений», фактически утвердив предложения Троцкого со товарищи по нанесению контрудара по войскам Деникина¹⁹⁰⁸. Троцкий снова входил в права наркома по военным делам. 26 сентября его успех был закреплен: ЦК рассмотрел план борьбы с Деникиным и принял решение о переброске на Южный фронт максимального количества лучших войск с Северного фронта и Петроградского участка Западного фронта¹⁹⁰⁹.

В октябре 1919 г. обострились и без того непростые отношения главного командования ВСЮР и кубанских казаков — части послед-

них стали разваливаться¹⁹¹⁰. С другой стороны, с 11 по 16 октября войска Юденича подошли к Петрограду — эти дни главкомандующий всеми вооруженными силами Республики С.С. Каменев назвал позднее «самыми тревожными» днями: наступление противника продолжалось, а собираемые для контрудара силы «только сосредотачивались на исходных районах. Донесения с фронтов получались чуть ли не ежечасно. Ответственные решения приходилось принимать в минимальные сроки... Более сложной обстановки я за весь период Гражданской войны не помню». Э.М. Склянский работал по сути связистом В.И. Ленина с С.С. Каменевым. Фактически установка Л.Д. Троцкого на необходимость признать первостепенным «Петроградский» фронт доказала свою состоятельность, что сразу отразилось на расстановке сил в Политбюро ЦК РКП(б) и в частности на положении главы военного ведомства. 14 октября Политбюро в составе В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Н.Н. Крестинского «ввиду серьезного положения и необходимости принять ряд важных решений» постановило назначить на следующий день заседание «с обязательным вызовом тт. Сталина, Зиновьева и Серебрякова»¹⁹¹¹.

15 октября присутствовали все участники предыдущего заседания и председатель ВЦИК М.И. Калинин (кандидат в члены Политбюро). Принятое решение по вопросу о положении на фронтах:

«Признавая наличность самой грозной военной опасности, добиться действительного превращения Советской России в военный лагерь, для чего:

а) провести через партийные и профессиональные организации поголовный учет всех членов партии, советских работников и работников профессиональных союзов и классификацию их с точки зрения их военной пригодности;

б) снять с общесоветской работы (за исключением Наркомпути, Наркомпрода и ЧК) в центре и на местах максимальное количество коммунистов и сочувствующих. Для детальной разработки проведения этой меры и для учета территориальных различий при ее проведении избрать комиссию в составе тт. Ленина, Троцкого, Каменева и Крестинского;

в) поручить той же комиссии подготовить проект декрета об упрощении гражданского управления в целях освобождения наибольшего количества пригодных для военной работы лиц;

г) поручить той же комиссии срочно составить план мобилизации добровольцев (коммунистов) для обороны Тулы;

д) принять энергичные меры по улучшению политической работы в формируемых в Московском секторе [обороны] 5 дивизий путем политических командировок [из] Москвы лучших работников и ораторов». Как видим, в эту важную комиссию вошел Л.Д. Троцкий и не был включен И.В. Сталин¹⁹¹². Для председателя РВСР это означало возможность перехода в контратаку на своих оппонентов в ЦК РКП(б).

Между 18 и 20 октября Л.Д. Троцкий решился на открытое выступление против навязанной ему Политическим бюро ЦК РКП(б) стратегической линии: составил окончательный вариант текста так называемой докладной записки, в котором прямо заявил Центральному комитету РКП(б) — «стратегия окончательно перепутана с политикой и является предметом широкого обсуждения и кружковой борьбы». Арест главнокомандующего и других генштабистов и связанные с ним «перемены в военном ведомстве», по убеждению председателя РВСР, не только не привели к созданию «Ставки, в которой не было бы места шпионажу и предательству», но напротив — противник при новой «Ставке» (т. е. при новом руководстве Полевым штабом) получил «наиболее центральные источники осведомления».

Назвав одной из важных причин «произведенных перемен» положение на Западном фронте, Троцкий заметил: за два месяца «достаточно выяснилось», что неудачи на фронте были связаны прежде всего с отсутствием резервов, а не с организацией командования и управления Западным фронтом. По словам наркома, даже обвинение в предательстве Н.Н. Доможирова (одна «из важнейших точек опоры в организационных [и кадровых] изменениях не только на Западном фронте, но и в Ставке») оказалось абсолютно несостоятельным, т. к. генштабист не сообщил о Ставке *ничего, о чем сам Троцкий, К.Х. Данишевский, С.И. Аралов не знали бы ранее.*

Частично реабилитировав арестованных в июле подчиненных, Л.Д. Троцкий раскритиковал С.С. Каменева и — беря выше — *группировки С.И. Гусева и И.В. Сталина* (имена двух последних в документе не названы, однако адресаты Л.Д. Троцкого прекрасно понимали, о ком ведет речь председатель РВСР). Смена кадров в главном командовании настолько не устраивала Л.Д. Троцкого, что он даже позволил себе раскритиковать членов Политбюро — как минимум В.И. Ленина (!) и И.В. Сталина: «Оперативный план из временной и обусловленной рабочей программы командования превратился в знамя группы влиятельных товарищей, стал для них в некотором смысле вопросом чести. Большинство членов Политбюро ЦК (два или три товарища) сочло даже возможным связать авторитет ЦК партии не только с указанным общеперативным планом, но и с его отдельными изменениями. Это привело к такому положению, когда командование чувствовало себя и оказывалось вынужденным упорствовать в шагах, явно и очевидно нецелесообразных, иногда бессмысленных и прямо преступных». Мы сделали оговорку «как минимум» потому, что Л.Д. Троцкий указал «два или три товарища». Третьим, очевидно, был Л.Б. Каменев, в годы Гражданской войны поддерживавший вождя практически во всех его начинаниях — после решения в 1917 г. вопроса об «однородном социалистическом правительстве».

Более всего Л.Д. Троцкого не устраивало то обстоятельство, что С.С. Каменев, по его прогнозам, должен был проводить линию «цари-

цынцев» (т. е. Сталина); председатель РВСР даже настаивал на том, чтобы ЦК разъяснил главному, что оперативные решения последнего сами по себе не могут иметь поддержку ЦК, который должен был ограничиться постановкой ему в известном порядке определенных заданий¹⁹¹³.

16 декабря 1919 г. сам главнокомандующий И.И. Вацетис охарактеризовал причины своей отставки и ареста как «чрезвычайно веские в том виде, в каком они были представлены Правительству». Член Президиума ВЦИК В.А. Аванесов сразу после ареста заявил И.И. Вацетису, что его не подозревают «в контрреволюционности, или заговоре, или в состоянии какой-либо противоправительственной организации». Вацетис, по его словам, представил, что «где-то в недрах состоялась новая перегруппировка сил, которая выбросила на мое место новое лицо, каковым лицом, вероятно, выставлялись другие задачи, в корне расходящиеся с теми задачами, преследовать разрешение которых стремился я». Официальное заявление Смилги Вацетис проанализировал по частям:

1) Главнокомандующий *оказался не на высоте положения*, Вацетис не хотел наступать на Востоке и не использовал тем самым победы на Волге, в то время как Каменев совершенно справедливо стоял за наступление на Востоке. Это заявление Ивара Смилги, по словам Вацетиса, «грешит отсутствием правдивости, т. к. именно я (Вацетис. — С. В.) предписал командующему Восточным фронтом форсировать действия против Колчака и разгромить его не позже середины августа; командующий же Восточным фронтом в то время доказывал, что покончить с Колчаком он может лишь не раньше осени; заявление о наступлении на восток надо „дешифровать“: „Наступать на Восток — это значит преследовать Колчака и доконать его, а организовать военные действия в Западной Сибири — это совершенно другое, это значит начать покорение Азиатской России, т. е. дать широкий размах нашим военным действиям, это значит гнаться за пространством, это значит втянуть значительную часть сил Восточного фронта в Западную Азию в то время, когда главный враг Деникин у нас на Юге, против которого и должны быть предприняты решительные военные действия — превосходными силами, сосредоточив их на Юге за счет всех других фронтов, имеющих второстепенное значение хотя бы временно. Так что заявление т. Смилги в этом отношении совершенно не отвечает действительности“».

2) О «шкурниках и проходимцах». Ответить на это соображение Вацетис счел ниже своего достоинства, принимая во внимание, во-первых, наличие у Полевого штаба начальника, который и нес ответственность за штаб, и в частности его кадры, во-вторых, факт освобождения генштабистов 1917 г. по амнистии одновременно с Вацетисом¹⁹¹⁴.

По мнению Вацетиса, к зиме 1919/20 г. окончательно подтвердилась правильность его стратегической линии: «Новый главнокомандующий [С.С. Каменев] начал наступление на Юге... по другим пла-

нам. Он направил главный удар по казачеству; а против главных сил Деникина, т. е. против Добровольческой армии, им были направлены недостаточные силы. <...> Августовское наступление, как построенное на основаниях, не отвечающих природе политической и стратегической обстановки, как мы знаем, кончилось для нас катастрофически. Мы потерпели поражение и были отброшены далеко на север», «втянуты в зимнюю кампанию. Нынешнее же наступление, как мы видим, ведется по тому принципу, который был положен в основу моего июльского плана, [с]оставленного в Полевом штабе [и] предусматривавшего направление главного удара по Добровольческой армии»¹⁹¹⁵.

В заключение Вацетис писал: «Главкомандующий [Вацетис] держался того мнения, что нам необходимо добиться решительных результатов войны еще до наступления зимы. Следовательно, в течение июля[—]октября месяцев необходимо было решить все важнейшие вопросы, выдвигаемые стратегией, для окончательного сокрушения главного противника, каковым главнокомандующий считал Деникина, под командованием которого находились как Добровольческая армия, так... и все силы Донского и иных казачеств, стремившиеся овладеть Югом России. <...> Несомненно, что мы имели возможность нанести поражение Деникинской армии на основании тех мероприятий, которые были намечены главнокомандующим в начале июля... Был выработан план восстановления наших фронтов и план операций против Деникина. По этому плану главный удар должен [был] быть направлен на Добровольческую армию Деникина нашим отступлением от фронта Курск—Киев в общем направлении на Ростов-на-Дону четырьмя нашими армиями, а именно — 8, 13, 14 и 12-й. Что касается Донского фронта, то главнокомандующий полагал придать ему второстепенное значение и держать против него лишь 9-ю и 10-ю армии. Однако, по мнению главнокомандующего, обстановка Республики сложилась так, что вряд ли исключительно работа стратегии могла дать возможность окончить победоносно войну до наступления зимы, т. к. разбитая нами Добровольческая армия Деникина могла бы снова отойти в район Нижнего Дона и снова использовать донское казачество в качестве своего прикрытия, что, несомненно, могло бы создать обстановку, в которой Деникин получил бы возможность снова восстановить утраченную боеспособность своих разбитых частей. Ввиду изложенного главнокомандующий полагал, что для достижения поставленных им целей необходимо, чтобы *на помощь стратегии пришла бы политика*, а именно чтобы Правительство¹⁹¹⁶ предложило бы всем казачествам, начиная с Донского, форменный мир. Главкомандующий полагал, что Донское казачество было склонно выйти из рядов активных контрреволюционных вооруженных сил под условием оставаться нетронутым нами. ...Предложение главнокомандующий сделать Правительству не успел вследствие совершенно неожиданного его ареста. Что же касается мероприятий

стратегии, то они все были закончены к 8 июля, т. е. ко дню ареста главнокомандующего. В Полевом штабе был совершенно готовый план восстановления Южного фронта, разработанный ранее главнокомандующим на основании вышеприведенных предложений»¹⁹¹⁷. Свой арест Вацетис оценивал следующим образом: «Разбираясь в военных событиях конца июня и начала июля [1919 г.], мы не можем замолчать один факт, имевший крупные последствия, а именно смена главнокомандующего, или „освобождение его от должности“, как было сказано официально, в такой форме, как оно совершилось, а именно — сам главнокомандующий Вацетис был внезапно арестован в то время, когда он был вызван в Москву, в Совет Обороны, и делал там доклад пред собранием о плане дальнейшей деятельности (не делал, а должен был сделать. — С. В.), причем дальнейшая обстановка этого „освобождения от должности“ привела к полному отсутствию преемственности между стратегической работой прежнего главнокомандующего, т. е. Вацетиса, и нового главнокомандующего Каменева. После ареста 8 июля никто не поинтересовался... каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего (естественно, все уже было решено. — С. В.). Его бывший начальник штаба Костяев тоже был арестован, арестованы также были ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального штаба. Таким образом, новый главнокомандующий стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе»¹⁹¹⁸. Добавим — и под совершенно другим руководством.

В.И. Ленин убедился, что на посту главы военного ведомства у Л.Д. Троцкого пока нет альтернативы: С.И. Гусев не смог стать его достойной заменой в Реввоенсовете Республики. Он, как мавр, сделал свое дело, связанное с кадровой чисткой в военном ведомстве, и растворился во фронтовом командовании.

На правах поскриптума к данной главе заметим, что событиями, связанными со сменой главкома, попытались воспользоваться белые, скомпрометировав перед высшим руководством РКП(б) С.С. Каменева. 24 декабря 1919 г. командующий 8-й советской армией Г.Я. Сокольников прислал из Воронежа записку В.И. Ленину: «Тов. Сталин сообщил мне, что Вы интересуетесь статьей о Каменеве, помещенной в белогвардейской прессе. Статья эта появилась, насколько помню, в июле месяце, принадлежит перу генштаба Лисового (Лисовым же писаны „статистические“ исследования о распределении генштабистов между Красной и белой армиями). <...> Первые $\frac{2}{3}$ статьи выдержаны в хвалебных, дружески-интимных тонах, содержат воспоминания о совместной работе перед [Первой] мировой войной и во время нее. Лисовой отмечает необычайную работоспособность Каменева, рисует его как признанного вождя молодых генштабистов (которым он никогда не был. — С. В.) Северного фронта, расхваливает как оператора и администратора большого масштаба. Окончание статьи представля-

ет сплошной капкан, где содержатся патетические напоминания о белых офицерских аксельбантах с ироническим напоминанием, что „Сергей Сергеевич“ вновь увидит их, когда его на них повесят, увещевания вынуть какой-нибудь „самый маленький винтик“ из громадной машины, которая ему поручена. Настолько маленький, чтобы большевики этого не заметили», но вследствие его отсутствия «могла разбиться вся машина. „А впрочем, слишком поздно, Сергей Сергеевич“, — это конец статьи, который я припоминаю почти дословно. Статья называется „Сергей Сергеевич!“. Оригинал был мной передан в разведотделение Юж[ного] фронта и, вероятно, находится теперь в [Регистрационном управлении РВСР]»¹⁹¹⁹. Г.Я. Сокольников не преминул посмеяться над С.С. Каменевым. На главкома, по его собственному признанию (поведал Сокольников вождю), пересказ статьи, «видимо», произвел «очень тягостное впечатление»¹⁹²⁰.

В.И. Ленина вряд ли заинтересовал комплимент полковника Генерального штаба Я.М. Лисового: в смене главкома «сейчас же чувствовалась опытная рука, которая весь механизм заставила действовать строго, как единую машину»¹⁹²¹. (Тем более что незнакомый с большевистской «кухней» Я.М. Лисовой намекал на Л.Д. Троцкого, а не на В.И. Ленина.) Председателя СНК РСФСР интересовало другое, и это прекрасно понял Г.Я. Сокольников: «Я считаю, что эта статья ни в коем случае не может служить ни исходным, ни подставным пунктом для какой бы то ни было „кампании“ против главкома. За ошибочный „план“ борьбы с Деникиным со ставкой [вполне можно считать каламбуром. — С. В.] ва-банк на центральные губернии в моих глазах больше ответственен почтенный т. Гусев, чем „Сергей Сергеевич“. С искренним приветом, Г. Сокольников»¹⁹²². Как мы покажем в следующей главе, «почтенный» расплатился за свою ошибку временно оккупированным по заданию партии в лице ее вождя креслом председателя РВСР.

№ 2.4.1

Из сводки телеграмм председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого председателю Совета Обороны В.И. Ленину о предполагаемых перестановках в военном руководстве РСФСР¹⁹²³

Харьков

21 мая 1919 г.

Лично, в собственные руки

По прямому проводу из Харькова, принято 22/5—1919, 1 час.

<...>

№ 48/с.

3. [На] возвращение [С.С.] Каменева на Востфронт вместо Самойло согласен, но не знаю, где сейчас [С.С.] Каменев. Против

смещения Костяева также не возражаю (нередко сам поднимал этот вопрос), но вся трудность в замене его лицом, которое было бы не хуже. Не думаю, чтобы Лашевич был тверже Аралова¹⁹²⁴. У него только другой уклон мягкости. Скорее уже для Полевого штаба подходит Гусев. Во всяком случае при возвращении [С.С.] Каменева, [а] тем более — при смещении Костяева нужно предварительно поговорить [с] главкомом, чтобы не расстроить сразу всей машины. Предлагаю начать с наиболее острого момента, т. е. возвращения [С.С.] Каменева, а для этого [следует] разыскать его и немедленно вызвать в Москву. Одновременно наметить возможных заместителей Костяева и Аралова, что менее спешно. Сообщите принятые решения.

№ 51/с.

4. Дан ли предполагавшийся мандат Бонч-Бруевичу?¹⁹²⁵

№ 52/с.

5. ПОСТСКРИПТУМ. Должен, однако, сказать, что Кузьмин¹⁹²⁶, Орехов, Наумов, Ветошкин были такого же мнения о Самойло, как Лашевич, Гусев, Смилга о [С.С.] Каменеве, как Аралов о Костяеве. Эти фронтовые привязанности — наша общая беда.

№ 49/с.

21 мая 1919 г.

Предреввоенсовет Троцкий

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 103. Незаверенная машинописная копия.

№ 2.4.2

Из протокола расширенного заседания Полит- и Оргбюро ЦК РКП(б) — военные вопросы

2 июня 1919 г.

ЗАСЕДАНИЕ РАСШИРЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО и ОРГАНИЗАЦИОННОГО БЮРО от 2 ИЮНЯ 1919 ГОДА¹⁹²⁷

ПРИСУТСТВОВАЛИ: тт. Ленин, Раковский, Крестинский, Дзержинский, Каменев, Смилга, Калинин, Серебряков, Мицкевич, Томский, Муранов, Склянский, Цюрупа.

ПОРЯДОК ДНЯ: 1. Военные вопросы: а) реорганизация военного управления и военного командования на Украине; б) Западный фронт; в) назначения и перемещения.

1. а) [СЛУШАЛИ:] Реорганизация военного управления и военного командования на Украине в связи с постановлением ВЦИК от 1 июня 1919 года.

1. а). [ПОСТАНОВИЛИ:]

Как директива для членов комиссии, разрабатывающей формы взаимоотношений между Российской и Украинской Советскими Республиками, принять следующие положения, обязательные для представителей как Украинской, так и Российской Республики (см. приложение 1).

Ввиду сообщения т. Раковского, что командарм Ворошилов и Дыбенко большую часть отбитого у Григорьева военного имущества взяли в распоряжение своих армий, — поручить т. Раковскому послать т. Троцкому в Изюм телеграмму об этом и просить т. Троцкого принять самые энергичные меры к передаче этого имущества в распоряжение Реввоенсовета Республики.

Вопрос о направлении интернациональных формирований на Украине —

Интернациональные формирования, имеющиеся на Украине, назначаются в 12-ю армию для действия в Галиции и Бессарабии.

б). [СЛУШАЛИ:] Доклады тт. Склянского и Смильги о положении дел на Западном фронте.

б). [ПОСТАНОВИЛИ:] См. приложение II, § 1, 2, 3.

4. Военному ведомству найти кандидатов для замещения должностей командарма и членов Реввоенсовета Белитармии.

5. Поручить Реввоенсовету Республики послать 5—6 тысяч пополнения Белитармии в одну из первых очередей, а также в одну из первых очередей подкрепить ее¹⁹²⁸ за счет новой мобилизации профессиональных союзов¹⁹²⁹.

6. Тов. Смильгу делегировать в Белитармию для упорядочения дел в ней и разрешить ему приезжать в Москву для инструктирования работы т. Горбунова приблизительно один раз в 10 дней.

в). [СЛУШАЛИ:] Вопросы о перемещении ответственных работников военного ведомства.

в). [ПОСТАНОВИЛИ:]

1. Тов. Гусев отзывается с Востфронта и назначается в Ставку комиссаром при начальнике Полевого штаба, если со стороны т. Троцкого не встретится препятствий.

2. Тов. Семашко откомандировывается с Запфронта и командировается в распоряжение т. Троцкого для назначения в одну из армий Донбасса или Южфронта.

3. Тов. Нацаренуса¹⁹³⁰ отозвать из Петрограда, если т. Сталин не возбудит формального протеста против его отозвания, и [напр]авить в распоряжение Реввоенсовета [Республики] для назначения в одну из армий Донбасса или Южфронта.

4. Тов. Мехоношина откомандировать в распоряжение т. Троцкого и ускорить отъезд т. Раскольниковца в Астрахань. <...>

*Приложение 1*ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НА УКРАИНЕ¹⁹³¹

I. Действующая армия

Украинский фронт упраздняется. Вместо него образуется армия, действующая в направлении на восток и подчиненная Южфронту (ныне 2-я Украинская армия), и 12-я армия, действующая в направлении на запад и подчиненная непосредственно главнокомандованию.

II.

1). Вся территория Украины разделяется на военные округа, число и границы коих определяются Реввоенсоветом Республики немедленно.

2). Окружные военные комиссариаты подчиняются во всех отношениях и безо всяких ограничений Всероссийскому главному штабу на общих основаниях, как и в Российской Республике, и создаются и работают по штатам военных округов этой последней.

3). Званием наркомвоена Украины и правом голоса в Совнарком Украины пользуется окружной военный комиссар Киевского военного округа. При Наркомвоене Украины существует Секретариат по особому штату.

4). Штат Секретариата Наркомвоена Украины разрабатывается этим последним и утверждается Реввоенсоветом Республики. Состав служащих назначается Наркомвоеном Украины.

5). Наркомвоен Украины информирует Совнарком Украины о состоянии воендел на Украине, представляет при установлении взаимоотношений всех окружных военных властей с гражданскими органами и при улаживании конфликтов, возникающих между военными властями и гражданскими.

На основании этих директив Реввоенсовет Республики разрабатывает положение о правах Наркомвоена Украины и вносит на утверждение Политбюро ЦК. Политбюро ЦК принимает решение об этом положении, снесясь с Политбюро КПУ.

6). Все центральные органы Народного комиссариата по военным делам Украины упраздняются или передаются в состав других ведомств, за исключением тех и в тех пределах, кои признаются необходимым сохранить Реввоенсоветом Республики.

7). Это постановление подлежит проведению к 7 июня с. г.

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 11. Л. 5—5 об. Машинописный текст.

Приложение 2

1. ЦК поручает Реввоенсовету Республики реорганизовать войска Западного фронта (Белитармии, Латармии и т. д.) и свести их в бо-

евые соединения, руководствуясь исключительно стратегическими соображениями.

2. Реввоенсовету Республики предоставляется право все национальные дивизии и отдельные части в зависимости от обстановки в кратчайший срок переформировать, сводить их в общеномерные дивизии и переводить их на другие фронты из занимаемых в данное время ими районов.

3. Эстляндскую армию как отдельное самостоятельное боевое соединение — расформировать.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 11. Л. 6. Машинописный текст.

№ 2.4.3

**Письмо бывшего командующего войсками Восточного фронта
А.А. Самойло главнокомандующему всеми вооруженными
силами Республики И.И. Вацетису о конфликте с членами
Реввоенсовета Восточного фронта¹⁹³²**

г. Серпухов

8 июня 1919 г.
Сов[ершенно] доверительно¹⁹³³

Иоакиму Иоакимовичу Вацетису

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ, ИОАКИМ ИОАКИМОВИЧ!

Командуя в период с 6 по 28 мая войсками Восточного фронта¹⁹³⁴, я, как командующий, был поставлен в очень тяжелое [положение] создавшимися отношениями с членами реввоенсовета фронта, тт. Гусевым и Лашевичем. Эти отношения, а равно названные лица, оказывали столь сильное влияние на принятие и осуществление всех оперативных соображений, что ныне, для общей пользы дела, считаю своим служебным долгом совершенно честным образом, для Вашего личного осведомления, довести до Вашего сведения о названной обстановке, в которой приходилось работать по управлению войсками фронта.

Непосредственное участие тт. Гусева и Лашевича в принятии решений по оперативным вопросам, как мне кажется, было заведено и осуществлялось с согласия самого т. Каменева¹⁹³⁵. Спустя несколько дней после моего приезда на фронт т. Гусев от лица Реввоенсовета [Восточного фронта] потребовал от меня (в присутствии члена Реввоенсовета 5-й армии т. Розенгольца), чтобы я не обсуждал оперативных вопросов с начальником штаба в отсутствие членов реввоенсовета [фронта], ссылаясь на то, что такой порядок принят на фронте и что я обязан его и придерживаться, а не ограничиваться представлением реввоенсовету [фронта] на подпись уже подготовленных распоряжений, как результата моего обсуждения обстановки совместно с на-

чальником штаба. В пояснение этого первого инцидента считаю нужным доложить, что тт. Гусев и Лашевич приходили в штаб около 12 час., в то время как я с начальником штаба начинал работу с 10 час. и этим свободным промежутком я пользовался, чтобы на свободе от других занятий реввоенсовета [фронта] неоперативного характера возможно тщательнее обдумать обстановку и принять решение, что, конечно, отнюдь не исключало соответствующего доклада начальника штаба реввоенсовету [фронта].

Должен оговорить, что третий член реввоенсовета [фронта], т. Юренев, в этом отношении держался на вполне законной почве: наряду с вниманием, самым напряженным, ко всем операциям, он ни разу не позволил себе оказать давление на принятие тех или других оперативных решений и, наоборот, старался сгладить, насколько мог, назревавшие конфликты с тт. Гусевым и Лашевичем. Воспоминания о сотрудничестве с т. Юревым у меня остались самые лучшие.

Насколько я мог себе объяснить создававшуюся обстановку, последняя явилась прямым следствием смещения т. [С.С.] Каменева, у которого установились почти дружественные отношения с т. Гусевым: оба даже жили в одном доме, каковое обстоятельство, несомненно, имело большое значение, т. к. т. Каменев, оставаясь после своего ухода жить в Симбирске и даже на прежней квартире, не мог не сохранять, как мне казалось, деловых сношений с т. Гусевым, а через него [Каменев мог] влиять даже на принятие тех или других решений, на осуществление своих взглядов и пр. Я замечал случаи, когда т. Гусев высказывал, например, один взгляд, а затем, даже в тот же день, после поездки к себе домой, возвращался со взглядами иными или измененными. Утверждать всего этого, конечно, не могу¹⁹³⁶, но вероятность такого общения напрашивается сама собой.

Отношения т. Лашевича ко мне носили несколько иной характер. Как бывший командарм, т. Лашевич знаком ближе с военным делом, но у меня до сих пор не составилось определенного мнения, кто на кого влияет: т. Лашевич на т. Гусева или наоборот, один факт был налицо — оба во всех вопросах занимали совершенно одинаковое положение, но участие т. Лашевича выражалось не в обсуждении военных вопросов, а в простом критиканстве, как мне казалось, иногда даже малообоснованном, но всегда с самым авторитетным видом и в самой категорической и даже резкой форме. Свое отрицательное отношение к оперативным соображениям тт. Гусев и Лашевич высказывали при этом открыто, не стесняясь даже присутствием в комнате посторонних лиц, иногда прибывших из армии. Как яркие примеры последнего могу привести следующее: 1) в вопросе об известной телеграмме командарма 5-й Тухачевского, открыто обвинившего меня в противоречивых распоряжениях, т. Гусев принял определенное положение защитника т. Тухачевского, коего он находил совер-

шенно правым, что и не скрывал¹⁹³⁷ высказывать и при посторонних; 2) когда командарм 2-й¹⁹³⁸ возбудил вопрос о передаче ему из состава 5-й армии двух полков, каковую передачу я не соглашался, по оперативным соображениям, произвести в ближайшие дни, т. Гусев вызвал к аппарату командарма 2-й и советовал ему настаивать передо мной на передаче полков, обещая ему и свое содействие в этом отношении.

В своих шагах такого рода т. Гусев иногда переходил даже границы общего приличия: так, когда т. Новицкий¹⁹³⁹ (помощник командующего Южной группой т. Фрунзе) по аппарату передал т. Гусеву о желании т. Фрунзе переговорить со мной о судьбе Южной группы (таковая мной признавалась, вопреки мнению реввоенсовета [фронта], к существованию лишь как оперативное соединение), т. Гусев ответил, что разговаривать со мной не стоит, т. к. состоялось назначение комфронта снова т. Каменева, и затем, через несколько минут разговора на другие темы, т. Гусев снова подтвердил т. Новицкому свой совет такой фразой: «Не забудьте же передать Фрунзе, чтобы он не расточал по-пустому бисера» (по поводу Южной группы). При моем совещании по этому поводу с т. Юреневым, как мне реагировать на приведенную выше фразу в официальном служебном разговоре, т. Юренев убедил меня передать ему этот инцидент для улаживания, дабы избежать непосредственных разговоров моих с т. Гусевым.

Как дополнение к доложенному, считаю необходимым отметить высказывавшийся мне не раз взгляд, что т. Каменев и в своих служебных отношениях был далеко не беспристрастен к своим сотрудникам, число коих, по отзывам лиц, близко знавших Каменева, последний упорно пополнял по соображениям, не только преследовавшим пользу службы.

Данную черту отмечаю здесь потому, что мне пришлось даже при известии о возвращении т. Каменева советовать некоторым непосредственным сотрудникам комфронта (я не имею здесь в виду начальника штаба, а лиц, которые просили их разговор считать частным) не осложнять дела возбуждением вопроса об одновременном уходе с Востфронта, хотя бы т. Каменев и утяжелял службу своим пристрастным отношением к сотрудникам, не им лично выбранным.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

А. САМОЙЛО

Г[ород] Серпухов
8 июля 1919 г.

Верно: Генерального штаба [подпись]

Резолюция В.И. Ленина: «Склянскому и Троцкому. Секретно».

Пометы: 1) Э.М. Склянского о прочтении: «Ск», Л. 1, по центру;
2) делопроизводственная: «Д[ело] № 2».

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10076. Л. 1—2 об. Заверенная машинописная копия. Резолюция В.И. Ленина — автограф карандашом.

Приложение 1

Сопроводительная записка И.И. Вацетиса Л.Д. Троцкому

№ 224/8, г. Серпухов

9 июня 1919 г.

С[овершенно] секретно. В собственные руки

*Председателю Революционного военного совета Республики
Л.Д. ТРОЦКОМУ*

Препровождаю копию доклада бывшего командующего Восточным фронтом Самойло, сделанного мне в частном порядке. Ради пользы дела и создания нормальных условий работы на Восточном фронте, считаю необходимым этот доклад довести до Вашего сведения.

ПРИЛОЖЕНИЕ: копия доклада бывшего командвост Самойло.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ Вацетис

Верно: Генерального штаба *Мартынов*

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 9. Заверенная машинописная копия на бланке главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики с автографом Е.И. Мартынова красным карандашом.

Приложение 2

Сопроводительная Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б)

№ 152, г. Курск

19 июля 1919 г.

Секретно

В Политическое бюро Центрального комитета РКП

Мною получен через главкома прилагаемый при сем доклад бывшего командвост Самойло, сделанный главкому [в] частном порядке. Считаю с[о] своей стороны полезным ознакомление Политбюро ЦК с этим докладом.

Равным образом прилагаю частное письмо ко мне коморси Беренса¹⁹⁴⁰, которого знаю как малоактивного, но очень добросовестного и честного работника. Выход вижу только один: назначение самостоятельным заместителем по морским делам авторитетного, энергичного работника, который целиком вошел бы в дело и произ-

водил бы необходимые целесообразные нажимы, которые теперь — при отсутствии всякого серьезного контроля — заменяются случайными щипками.

Оба письма по ознакомлении прошу мне вернуть.

19 июня 1919 г.

Л. Троцкий

№ 152/с¹⁹⁴¹, г. Курск

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 16. Подлинник — машинописный текст с автографом синим карандашом; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 10—11 об. Заверенная машинописная копия.

№ 2.4.4

Выписка из протокола заседания Центрального комитета РКП(б) — военные вопросы

3 июля 1919 г. (утреннее заседание)

Протокол заседания ЦК РКП (большевиков) 3/VII—[19]19 г.
(утреннее засед[ание])¹⁹⁴²

Присутствовали: тт. Ленин, Томский, [Л.Б.] Каменев, Калинин, Серебряков, Смилга, Дзержинский, Сталин, Белобородов, Троцкий, Крестинский, Стучка, Бухарин, Евдокимов, Зиновьев, Муранов, Стасова, Данишевский, Розенгольц и Гусев.

V. СЛУШАЛИ: Военные вопросы.

V. ПОСТАНОВИЛИ:

1. а). Перенести¹⁹⁴³ Полевой штаб Реввоенсовета Республики в Москву. (Единогласно.)

б). Назначить главкомом командвоста [С.С.] Каменева. Начальника [Полевого] штаба — по соглашению с ним.

в). Вацетису дать почетное военное назначение с приличным окладом. Назначение конкретно утвердить Политбюро.

2. Создать Реввоенсовет Республики из шести фактически работающих в нем товарищей. В состав его ввести председателем т. Троцкого, [членами] — тт. Склянского, Гусева, Смилгу, Рыкова и главкома [С.С.] Каменева. Всех прежних членов Реввоенсовета [Республики] от этого звания освободить.

3. В присутствии тт. Милютина, Рыкова, Красина, Цюрупы, [И.И.] Межлаука¹⁹⁴⁴ ЦК постановляет немедленно объединить всю организацию снабжения армии. Техническое проведение поручить одному лицу (члену Реввоенсовета Республики т. А.И. Рыкову), который получает диктаторские полномочия в области снабжения армии. Малый Совет обороны в связи с объединением снабжения армии — упраздняется.

4. Проект письма ЦК к военным комиссарам, представленный т. Зиновьевым, по обсуждении его тт. Зиновьевым и Троцким, передать в Политбюро.

Поручить тт. Троцкому и Смилге составить и издать от имени Реввоенсовета Республики предусмотренную постановлением VIII Съезда партии инструкцию о правах и обязанностях комиссаров в армии.

5. Кроме проходящих мобилизаций 19-летних и 10-процентной профессиональной остальные массовые партийные и профессиональные мобилизации приостановить. Приостановить также массовые отправки коммунистов по старым нарядам. Впредь производить лишь персональный отбор партийных работников для замещения должностей комиссаров в армии и на политическую работу в армии и в тылу, в особенности среди гарнизона.

6. В целях получения наибольшего количества как политработников для армии и тыла, так и работников по снабжению, прекратить или, по крайней мере, до минимума сократить работу в центральных и местных не абсолютно необходимых комиссариатах и отделах.

Печатается по: Trotsky's papers. Т. 1. 1917—1919. L.; P., 1964. P. 578—580.

№ 2.4.5

Из доклада председателя Совнаркома и Совета рабочей и крестьянской обороны, члена ЦК РКП(б) В.И. Ленина на соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС и представителей столичных фабрично-заводских комитетов о современном положении и ближайших задачах Советской власти — «о военном положении» РСФСР

4 июля 1919 г.

Товарищи, вчера мы решили в Центральном комитете, что о военном положении здесь будет делать доклад т. Троцкий. К сожалению, сегодня доктора решительно запретили ему делать доклад. Поэтому в немногих словах я скажу о положении, хотя я несколько не могу претендовать на роль докладчика в этом деле, но я могу в самых кратких чертах пересказать вам, товарищи, то, что мы слышали вчера от т. Троцкого, который объехал Южный фронт.

Положение там действительно трудное: удары нанесены нам чрезвычайно тяжелые и потери наши громадны. Причина всех наших неудач двоякая. Именно причин две: первая — это то, что нам пришлось убрать значительную часть войск для того, чтобы перебросить подкрепление на восток в то самое время, когда нам наносились удары Колчаком. И как раз в это время Деникин перешел к

поголовной мобилизации. Правда, один из членов Революционного [военного] совета Южного фронта, который там давно работает, сообщил нам, что именно эта поголовная мобилизация погубит Деникина, как она погубила Колчака. Пока его армия была классовая, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал делать поголовный набор, он, конечно, мог набрать армию быстро, но эта армия, чем она больше, тем она менее будет классовой и тем она слабее. Крестьяне, набранные в армию Деникина, произведут в этой армии то же самое, что произвели сибирские крестьяне в армии Колчака, — они принесли ему полное разложение.

Другая причина, кроме громадного усиления армии Деникина, — это развитие партизанщины на Южном фронте. Это тоже вчера подробно нам описывал г. Троцкий. Все вы знаете, что пережили наши армии из-за авантюры Григорьева, явившейся следствием махновщины, и что пережили украинские крестьяне и весь украинский пролетариат во время гетманщины. При крайне недостаточном пролетарском сознании на Украине, при слабости и неорганизованности, при петлюровской дезорганизации и давлении немецкого империализма, — на этой почве там стихийно выростала вражда и партизанщина. В каждом отряде крестьяне хватались за оружие, выбирали своего атамана или своего «батяка», чтобы... создать власть на месте. С центральной властью они совершенно не считались, и каждый батяко думал, что он есть атаман на месте, воображал, что он сам может решать все украинские вопросы, не считаясь ни с чем, что предпринимается в центре. Теперь для нас совершенно ясно, что, при современном положении, одним энтузиазмом, одним увлечением крестьянство взять нельзя, — такой способ непрочен. Мы тысячу раз украинских товарищей предупреждали о том, что когда дело доходит до движения миллионных народных масс, то здесь мало слов, а нужен их собственный житейский опыт, чтобы люди сами проверили указания, чтобы они поверили своему собственному опыту. Этот опыт достался украинским крестьянам чрезвычайно тяжело. Во время немецкой оккупации они пережили неслыханные бедствия, неслыханные жертвы, во много раз больше того, что пережили мы, но все-таки они еще не знают, как нужно завоевать свою организованность, свою независимость и государственную самостоятельность.

В первый момент, когда, после освобождения от германского империализма, банды Деникина стали усиливаться, наши войска далеко не всегда давали им надлежащий отпор, и когда после быстрого весеннего разлива рек наши войска были приостановлены, т. к. идти дальше было нельзя, а отсюда подкрепление не подходило, — наступила та катастрофическая минута, которая дала первый удар всему украинскому крестьянству и крестьянству полосы, примыкающей к Украине и Дону, но которая, к счастью, излечит их от этих недо-

статков партизанщины и хаоса. Мы прекрасно знаем, что сила украинского крестьянства свергнет силы Деникина, мы знаем, что те удары, которые им нанесены, чрезвычайно тяжелы, но они пробудят в них новое сознание и новые силы. И т. Троцкий, который сам наблюдал там неслыханные потери, заявляет определенно, что этот опыт для украинцев бесследно пройти не может, что это без переделки всей психологии украинских крестьян не пройдет, а ведь мы это уже пережили. Мы знаем, что в прошлом году наше положение было не лучше. Мы знаем, что целый ряд стран с презрением смотрел на нас, на молодую русскую республику, а теперь во многих странах начинается то же самое, наблюдаются те же самые явления.

Украина вылечивается тяжелее, чем мы, но она вылечивается. Уроки распада, партизанщины Украина осознала. Это будет эпохой перелома всей украинской революции, это отразится на всем развитии Украины. Это — перелом, который пережили и мы, перелом от партизанщины и революционного швыряния фразами [а-ля]: «Мы все сделаем!» — к сознанию необходимости длительной, прочной, упорной, тяжелой организационной работы. Это — тот путь, на который мы много месяцев спустя после Октября вступили и успеха в котором достигли значительного. Мы смотрим на будущее с большой уверенностью, что все трудности преодолеем.

Одно из тех обстоятельств, котор[о]е т. Троцкий подчеркивал и которое наглядно указывало на этот перелом, — это то, что он наблюдал в отношении дезертиров.

Он проехал много губерний, куда мы посылали товарищей для борьбы с дезертирством и не достигали успеха. Он сам выступал на митингах и видел, что у нас десятки тысяч дезертиров были людьми, или поддающимися панике, или слишком легко плетушимися за буржуазией. А мы готовы делать выводы, равносильные отчаянию. Троцкий, проехавший сам через Курск и через Рязань, в нескольких городах убедился в этом и говорил о том переломе, который произошел в этом отношении и который не поддается описанию. Некоторые комиссары говорили, что мы теперь захлебываемся от притока дезертиров в Красную армию. Они идут в Красную армию в таком числе, что мы можем приостановить нашу мобилизацию настолько, что будем достаточно снабжены старыми, возвращающимися дезертирами.

Крестьяне видели, что значат казачий и деникинский походы, и крестьянская масса, которая стала относиться к делу вдвойне сознательно, которая желала, чтобы ей сразу дали мир, она не в состоянии понять, что Гражданская война была нам навязана. Крестьяне делали все, чтобы спастись от набора, спрятаться в лесу и попасть в зеленые банды, а там — хоть трава не расти. Это то состояние, которое вылилось в развал на Украине, это то состояние, которое создало у нас то положение, при котором число дезертиров достигало многих тысяч. Троцкий говорит о том переломе, который наступил, когда мы дали

отсрочку дезертирам, более смело подойдя к этому делу. В Рязанской губернии явились сотни товарищей, чтобы работать, и наступил переделом. Они были на митинге, и дезертиры валили в Красную армию. Местные комиссары говорят, что они не успевали их включать в красные ряды. Вот то обстоятельство, с которого началось укрепление позиций на Курск и Воронеж, связанное со взятием назад станции Лиски. Это обстоятельство дало возможность Троцкому сказать, что положение на юге тяжелое и мы должны напрячь все силы. Но я утверждаю, что это положение не катастрофическое. Вот тот вывод, который мы получили вчера. (*Аплодисменты.*)

Но этот вывод не подлежит никакому сомнению, и мы сделаем все возможное, чтобы напрячь все силы, и мы уверены, что победит сознательность трудящихся масс, ибо опыт подтвердил на Украине, что, чем ближе подходит Деникин, чем яснее, что несет Деникин, капиталисты и помещики, тем легче для нас борьба с дезертирством, тем смелее мы дальше отсрочиваем неделю для явки дезертиров. Третьего дня в Совете Обороны мы удлиннили эту явку еще на одну неделю, потому что у нас явилась полная уверенность в том, что сознательность, которую несет Деникин, для них не проходит даром, и Красная армия будет расти, если мы будем помнить, что в ближайшие месяцы мы должны все силы отдать на военную работу. И мы должны сказать, что, как мы помогли на востоке, так и теперь мы наляжем, чтобы помочь югу и одержать победу там. Товарищи, здесь человек, поддающийся настроениям, наиболее паническим настроениям, может поставить вопрос: если мы наляжем на юг, то, скажет он, мы растеряем то, что завоевали на востоке. В этом отношении мы можем сказать, что завоевания, которые наши войска сделали на востоке, обещают слиться, по всем данным, с сибирской революцией. (*Аплодисменты.*)

Печатается по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1974. С. 34—38.

№ 2.4.6

Телефонограмма члена Реввоенсовета Республики С.И. Гусева заместителю председателя РВСР¹⁹⁴⁵ Э.М. Склянскому о снятии частей с Восточного фронта

№ 707¹⁹⁴⁶

*Не ранее 3 июля 1919 г.*¹⁹⁴⁷

Тов. Склянскому

С Востфронта были сняты по 25 июня: из фронтовых резервов — 15 разных полков (бригада 4-й дивизии, башкирские части, крепостные полки) и из армий (из боевой линии) две бригады 2-й дивизии и 1-я бригада 5-й дивизии. Востфронт лишился своих фронтовых резер-

вов, Туркестанская армия — своего армейского резерва (две бригады 2-й дивизии) и 5-я армия — своего армейского резерва (бригада 5-й дивизии). В настоящее время с Восточного фронта снимаются еще две дивизии: 31-я (из 5-й армии), которая была намечена к снятию согласно решению ЦК, и 7-я дивизия (двухбригадная из 2-й армии, бывшая в армейском резерве) с бригадой Аргира (из 3-й армии). Никаких других приказаний о снятии частей дивизии командированием не давалось и в ближайшее время давать не предполагается.

Вокруг снятия этих частей было много разговоров и споров, но самое снятие никакой путаницы не создало. Протест т. [И.Н.] Смирнова психологически совершенно понятен, т. к. ослабление 5-й армии в то время, когда начал развиваться последний решительный удар на Златоуст, ощущается армией весьма болезненно.

Дальнейшее снятие частей с Востфронта, который за май—июнь лишился 42 полков, по крайней мере, в ближайшие две-три недели считая опасным и создающим реальную основу для справедливых протестов со стороны армий и фронта, а также противоречащим решению ЦК. Самая возможность дальнейшего снятия частей с Востфронта обусловлена обязательной посылкой туда винтовок и пулеметов для вновь формируемых частей и пополнения прежних формирований. К сожалению, наряд на июнь на В[осточный фронт] вовсе не выполнен, и Востфронт получил только 2,5 тысячи винтовок. Причина невыполнения наряда — путаница в ЦУСе, который дал сначала наряды на один склад, а затем перевел наряды на другой склад.

Чл[ен] РВСР С. Гусев

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 200—201. Автограф сиреневым карандашом.

№ 2.4.7

**Телеграмма члена Реввоенсовета Южного фронта
А.И. Окулова председателю Совета Обороны В.И. Ленину
и председателю Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкому
с просьбой об освобождении от ответственной военной работы**

№ 8484

6 июля 1919 г.¹⁹⁴⁸
2 час. 40 мин.

ТЕЛЕГРАММА

Из Рязска, ж. д. — [В] Москву, предреввоенсовет ТРОЦКОМУ по нахождению; предсовнарком ЛЕНИНУ

По целому ряду причин я заключаю, что [курс] военной политики меняется. За время моей работы я пришел к некоторым бесспорным для меня выводам, изменить которые в угоду настроению момента я

не в силах. Позвольте просить Вас освободить меня от всякой военной работы или, по крайней мере, от особо ответственной. А если по условиям момента дальнейшее мое участие в военной работе необходимо, прошу дать мне отдельно организационную задачу в виде формирования одной какой-либо дивизии. Я думаю, что эту задачу я решил бы хорошо, если бы мне дано было право выбирать наштаба по месту указания и с его согласия. Не откажите ответить —

Реввоенсовет Южфронта, мне по нахождению. № 882

Член Реввоенсовета Ал[ексей] Окулов

Резолюция т. Склянского: «т. КРЕСТИНСКОМУ и СТАСОВОЙ. 8/VIII. Ск».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 65. Незаверенная машинописная копия; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1. Незаверенная машинописная копия. Печатается по тексту Э.М. Склянского.

№ 2.4.8

Из протокола заседания Московской общегородской конференции РКП(б) — из доклада члена Реввоенсовета Республики С.И. Гусева «О военном положении»

12 июля 1919 г.

Протокол общегородской конференции РКП
от 12/VI[I]—1919 г.¹⁹⁴⁹

Присутствует 200 делегатов с решающими голосами.

Председательствует т. [Л.Б.] Каменев

<...> Доклад т. ГУСЕВА о военном положении. <...> Надо заметить, что м[еся]ц тому назад положение на фронте было значительно хуже, чем сейчас: тогда был[а] серьезная угроза Петрограду. Деникин наступал на Юге, а на Востоке наше наступление только начиналось, и в нашей среде шли споры, наступать ли там или перебросить силы на Юг. Жизнь показала, что тактика нового главнокомандующего, настоявшего на наступлении, [правильна]. Теперь на Южном фронте мы закрепляемся. Наши части приходят в порядок. Уже начинают наносить контрудары, и скоро Южный фронт будет устойчивым. <...> За последний месяц наше положение в целом очень улучшилось, но кроме военных побед есть и другие победы. Раскрыт заговор в Питере. Здесь действовала не [настоя]щая организация, а скорее кучка шпионских организаций, работающих кустарнически. Единого центра у них не было и даже наблюдалась враждебная конкуренция отдельных организаций. Ликвидация этого заговора так же серьезна, как удар по Колчаку. К 1 июля [1919 г.] ожидался удар Антанты; раскрытие за-

говора разбило этот план, пришлось наступление отложить. В практике этой организации характерно следующее: они стремились захватить в свои руки все управление Армии. В этом много виноваты наши политические комиссары: они недостаточно бдительны по отношению к нашим военспецам. Это [не] значит, что наша тактика к ним должна измениться¹⁹⁵⁰, но бдительность необходима, теперь разговорам и объяснениям положен конец и произведена [по]лная чистка; и последняя победа, одержанная нами, — это победа над самим[и] собой в форме реорганизации военного управления. Был создан Центр, но этот центр как объединяющий всю военную работу оказался фикцией. Он даже [нере]дко мешал армии в их организационной работе. Были реввоенсоветы отдельных фронтов, но не было одного центра. <...> Теперь создан Реввоенсовет [Республики], в руках которого сконцентрируется вся работа и не будет больше многоцентрия; мы надеемся, что с приходом в центр людей с фронта нам удастся внести новую, свежую струю — и это большая победа.

Некоторые товарищи восставали против упразднения реввоенсовет[ов] — сидя наверху. Им казалось, что все обстоит благополучно, но на периферии чувствовалось другое, видна была необходимость создания здорового центра и единственный путь сделать его таковым — это привлечь к работе людей практики, имеющих организационный опыт. <...>

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 64, 75—77. Машинописный текст направленной стенограммы.

№ 2.4.9

**Телеграмма члена Реввоенсовета Южного фронта
Г.Я. Сокольникову председателю РВСР Л.Д. Троцкому
и председателю Совета Оборона В.И. Ленину о несогласии
со стратегическим планом Главкомандующего всеми
вооруженными силами Республики С.С. Каменева**

24 июля 1919 г.

**ПРЕДРЕВСОВЕТ РЕСПУБЛИКИ ТРОЦКОМУ
ПРЕДСОВОБОРОНЫ ЛЕНИНУ
Копия: ГЛАВКОМУ КАМЕНЕВУ**

Козлов, 24 июля. На совещании [с] главкомом [в] Козлове я высказал соображения против предложенного им плана. Не претендуя на то, чтобы этот план пересматривался, что только спутало бы намеченную операцию, не считаю себя вправе не указать на обстоятельства, которые так или иначе должны быть учтены. Считаю ошибочной мысль, что удар Деникина направляется [в] восточном направлении:

1) с этого участка Деникин уже производит переброску [в] других направлениях;

2) он будет наносить удар возможно дальше от фронта наших восточных армий, чтобы затруднить естественно предполагаемую их переброску;

3) политически Деникину не интересно спасти Колчака, а [в] военном отношении спасти слишком дорого, трудно, долго. [В] действительности удар более оснований ждать в западном направлении: во-первых, на это указывает присутствие здесь ударных частей; во-вторых, здесь ближе базы — черноморские порты; в-третьих, установление единого фронта на запад[е] с румынами [и] поляками стратегически легче, [а] политически выгоднее.

Самым вероятным из западных направлений является направление на Брянск. При комбинировании удара на Брянск с уже вполне обозначившимся движением поляков на Мозырь создается угроза гигантского мешка, в который попадает вся украинская группа, ибо захватом только этих двух узлов Украина отрезается от Москвы. С другой стороны, распространение вдоль черноморского побережья уменьшает значение Новороссийска, а вместе с ним Кубанской области для Деникина, что приобретает особо важный смысл [в] связи с восстаниями на Кавказе и Кубани, разногласиями с Кубанской радой, столкновениями с Грузией, т. е. факторами, выжимающими деникинскую армию из кубанской колыбели. Поэтому сосредоточивать удар со стороны Дона [и] Кубани может означать наносить удар на наименее важном для Деникина направлении, поскольку южная Украина будет им уже превращена в новую операционную базу. Возможность захвата Украины, катастрофа украинских армий должны более тщательно учитываться. Одновременно Деникин готовит крупную операцию в общем направлении от Урюпинской на Грязи.

Утверждаю, что Деникин вообще опаснее Колчака, ибо, во-первых, он имеет многочисленный офицерский кадр; во-вторых, слабо поддающиеся политразложению казачьи части, притом кавалерийские; в-третьих, более короткие коммуникационные и операционные линии. Настоящее положение на Южфронте представляет не столько перелом, сколько антракт. Если инициатива возобновления активных действий окажется в руках Деникина (а по-видимому, это будет так), то мы снова можем попасть [в] невыгодное положение, и указанные перспективы начнут получать реальное значение.

Каждый день промедления намеченных перебросок, каждое замедление подхода пополнений и в особенности присылки вооружения получает [в] нынешней обстановке чрезвычайный вес. Добавляю: за район 8, 9, 10-й армий можно быть сравнительно спокойным. [В] районе 13-й не исключены самые неприятные сюрпризы, возможности. [В] районе Сумской и Полтавской групп также положе-

ние неустойчивое; дальше к югу не осведомлен ввиду отсутствия связи. [О] получении этой телеграммы прошу уведомить особо.

Сокольников

Помета В.И. Ленина: «От Сокольникова; в архив»¹⁹⁵¹.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10708. Л. 1—2. Подлинник — машинописный текст с автографом. Помета В.И. Ленина — автограф синим карандашом¹⁹⁵².

№ 2.4.10

Записка по прямому проводу Л.Д. Троцкого Э.М. Склянскому для доклада Центральному комитету РКП(б) о необходимости отправки ответственных коммунистов в прифронтовые губернии, где проводилось формирование частей для Южного фронта

№ 237

27 июля 1919 г.

2 часа¹⁹⁵³

Сов[ершенно] секретно

Записка по прямому проводу из Козлова, принята 27/VII—1919,
[в] 2 часа
Москва, Склянскому для ЦК

Сейчас решающее значение имеет политработа в прифронтовых губерниях, где идут формирования Южфронта. Направить туда надо ответственных работников — агитаторов парткомов. Необходимо от-
править немедленно Стеклова.

№ 237. 27 июля. Предреввоенсовет Троцкий.

Послано: т. Ленину, т. Серебрякову, т. Стасовой *по телефону*

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 17. Машинописный текст.

№ 2.4.11

Записка Л.Д. Троцкого Центральному комитету РКП(б) с изложением совместных с членом Реввоенсовета Южного фронта Г.Я. Сокольниковым предложений по ликвидации конфликта в реввоенсовете фронта

3 августа 1919 г.

Весьма секретно

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РОССИЙСКОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Не столько для формальной ликвидации недоразумения с моей телеграммой по поводу Козловского штаба, сколько ввиду огромной

важности вопроса по существу, считаю необходимым более близко ориентировать ЦК относительно создавшегося положения.

1. Фактические подробности — для ликвидации конфликта

После сообщения мне Сокольниковым (других членов Реввоенсовета не было в Козлове) относительно недостаточного «оперативного авторитета» и выраженного мимоходом командюжем сомнения относительно плана, я предполагал было с командюжем вовсе не говорить об этом вопросе. Мотив, высказанный мною Сокольникову, был формален: «исполнение плана главкома не есть вопрос и не может быть предметом разговоров и пересудов». В тот момент я послал вам телеграмму, но через час или два, накануне отъезда, снова обдумал положение, поехал к Сокольникову и сказал ему, что, пожалуй, вернее перешагнуть через формальные соображения и поставить вопрос по существу ребром. Он согласился. Последовал краткий разговор с командюжем, который ответил: «Я слишком хорошо знаю, как трудно заранее с уверенностью сказать, какой из планов даст лучшие результаты, но я солдат, умею подчиняться и, кроме того, хочу успеха. Если у вас есть кто лучше моего, назначьте, ибо против Деникина необходим успех и республике, и мне. Но если оставите меня, выполню все и сделаю, что могу». Наштафронта Пневский¹⁹⁵⁴, которому мною поставлен был вопрос о мерах осуществления принятого плана, высказался о плане довольно положительно или, вернее, пассивно, как о чем-то, что решено. Тут мы решили с ним удалить Перемытова, заменив его Беренсом. Рассчитывая на назначение Селивачева, авторитетного и опытного в оперативном смысле человека, через которого можно будет иметь некоторую проверку как сомнений, колебаний, так и фактических ошибок, мы с Сокольниковым пришли к выводу, что таким путем дело будет поставлено с достаточной основательностью, вполне обеспечивающей проведение плана.

В этих условиях вы можете себе представить мое изумление, когда я в Пензе получил паническую телеграмму Политбюро.

2. Фактическое положение

Удар решен со стороны Царицына, т. е. Камышина, т. е. ныне Саратова. Насколько я понимаю, причина одна: сюда ближе доставить подкрепления с Восточного фронта. В жертву этому соображению приносятся все остальные:

- а) наступление будет идти по самому длинному пути;
- б) по Донской области, где встретит наивысшее сопротивление;
- в) группировка подкреплений производится у чрезвычайно зыбкого участка фронта. За время переброски сдан Камышин.
- д) Воронежское направление остается самым коротким и по составу населения — линией наименьшего сопротивления (*крестьянство, а не казачество*)¹⁹⁵⁵.

е) 8-я армия (Воронежское направление) является, бесспорно, сильнейшей и надежнейшей во всех отношениях. Решающий удар на этом направлении гораздо более обеспечен всей обстановкой, равно как и самая группировка подкреплений в тылу 8-й армии гораздо надежнее¹⁹⁵⁶.

Но, оставляя в стороне вопрос выбора направления основного удара, должен указать на полную неразработанность всей постановки наступления с организационно-снабжениеческой стороны.

В запасных частях армий Южного фронта имеется уже сейчас очень значительное количество пополнений. Они не могут быть пущены в дело вследствие несвоевременного прибытия обмундирования и вооружения. Этот вопрос составляет часть оперативного плана. Необходимо было разработать детально, куда направлять маршрутными поездами снабжение, вооружение, обмундирование для скорейшего упрочения армий на наиболее важных участках. Этот вопрос совершенно не был разработан ни в малой степени. Между тем, влитие вооруженных пополнений имеет несравненно большее значение, чем присоединение двух дивизий Восточного фронта, из коих прибытие первой совершенно неопределенно во времени, а вторая как будто вообще стоит под знаком вопроса.

Поскольку для решающего удара будут иметь значение две дивизии Восточного фронта, считаю, что время, затраченное на переброску их на Воронежское направление, окупилось бы сторицей ударом по наиболее короткому и наиболее благоприятному во всех отношениях пути. По существу дела главное командование свелось к двум дивизиям с Восточного фронта и к геометрической линии наступления; но линия уже изменилась, удлинившись после падения Камышина.

При таком положении полагаю, что план как план практически не пройдет. Будет идти нажим по всему фронту, у нас перевес сил, раньше или позже общеорганизационная партийная работа скажется. При перевесе сил мы нажмем, прорвем, отбросим и будем наступать, сжимая кольцо.

Я прилагаю при сем разговор по прямому проводу главкома с командующим¹⁹⁵⁷. Из разговора видно, какие неопределенные очертания приобретает план при его практическом проведении. Фактически [всё] придется решать фронту и, по-видимому, довольно эмпирически, т. к. данный сверху план не включает в себе элементов развития.

3. Назначение Селивачева по существу

Конечно, Политбюро — надеюсь — не собирается¹⁹⁵⁸ гипнотически внушать доверие к «оперативному авторитету». Тут нужны некоторые более деловые¹⁹⁵⁹ гарантии. Назначение Селивачева и является в моих глазах такого рода относительной гарантией не только по отношению к Козлову, но и по отношению к Москве, т. е., если там будут делаться серьезные промахи, то Селивачев своевременно тактичным советом

(если захочет) поправит без конфликта¹⁹⁶⁰. Видимость будет соблюдена, и план будет проводиться как нужно. Селивачев, во всяком случае, всеми признается умным, способным и знающим человеком. Весь вопрос в том, в какой мере он захочет быть добросовестным и активным. Но если он останется чисто пассивным исполнителем, вреда и тогда не будет, а небольшая польза будет, т. к. в повседневной работе он не сможет не вносить те или другие поправки в работу Козловского командования.

Отсюда небольшой вывод. При всей полноте веры в оперативный авторитет нет основания отказываться от кое-каких дополнительных практических гарантий, которые в дальнейшем ходе событий могут оказаться надежнее веры и надежнее самого авторитета, а в настоящее время обеспечивают только наилучшее (т. е. наиболее свободное от грубых промахов) проведение намеченного плана.

Троцкий

3 августа

Ромодан — Миргород

Р. С. Назначение Селивачева состоялось. Полагаю, что демонстративное укомплектование Реввоенсовоуж отпало. Стало быть, инцидент исчерпан.

Л. Тр[оцкий]

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 37—38 об. Подлинник — машинописный текст с правкой и автографом простым карандашом; РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 39. Л. 25—26 об. Заверенная машинописная копия. *Опубл. в сб.:* Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. М., 2000. С. 205—208. Печатается по тексту подлинника.

№ 2.4.12

Телеграмма члена ЦК и кандидата в члены Оргбюро ЦК РКП(б), начальника Политического управления РККА и члена РВСР И.Т. Смилги Секретарю и члену Центрального комитета РКП(б) Е.Д. Стасовой о необходимости созыва Пленума ЦК для «окончательного решения вопроса о Южном фронте»

16 августа 1919 г.

0 час. 21 мин.

Внеочередная. Военная

Москва, ЦК коммунистов — Стасовой
(*Моховая [ул., д.] 7, кв. 3*)

Считаю долгом поставить ЦК в известность о следующем: поездка [в] Козлов и свидание с остальными членами [Реввоенсовета] Юж-фронта привели меня к убеждению, что присутствие Троцкого и Со-

кольникова на фронте является гибельным. Я считаю их главными виновниками поражений на юге. Созданная ими организация и прием работы показывают, что им чуждо понимание военного дела. В области командования, управления, снабжения — хаос, благодаря неумению поставить дело. При таком положении усилия центра не могут быть использованы на Южном фронте в должном объеме. Теперешний состав реввоенсовета [фронта] неработоспособен. Прошу около 25 августа собрать Пленум [ЦК] для окончательного решения вопроса о Южном фронте. Нерешение этого вопроса будет стоить Республике лишних средств, сил и крови. 0 [час.] 21 [мин.]¹⁹⁶¹ Смилга

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 48. Машинописный текст на телеграфном бланке.

Приложение

**Службное письмо секретаря СНК РСФСР М.Н. Бураковой
В.И. Ленину о поддержке Секретарем и членом ЦК РКП(б)
Е.Д. Стасовой предложений И.Т. Смилга и С.И. Гусева**

16 августа 1919 г.

Тов. Стасова предложение т. Смилга [и] т. Гусев[а] поддерживает и просит т. Сокольникова назначить член[ом] Рев[олюционного военного] сов[ета] Запад[ного] фр[онта], а вызов т. Троцкого в центр на некоторое время очень желателен.

Секретарь М. Буракова

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 47. Автограф синими чернилами.

№ 2.4.13

**Шифрограмма члена ЦК и кандидата в члены Оргбюро ЦК
РКП(б), начальника Политического управления РККА и члена
РВСР И.Т. Смилга члену РВСР С.И. Гусеву о необходимости
отозвания с Южного фронта Л.Д. Троцкого
и Г.Я. Сокольникова и изменения состава реввоенсовета
фронта¹⁹⁶²**

№ 956¹⁹⁶³

16 августа 1919 г.

*10 час. 50 мин.*¹⁹⁶⁴

Москва, Реввоенсовет Республики, ГУСЕВУ

Убедился, что командюж не справляется с делом. Также убедился, что присутствие Сокольникова и Троцкого ничего, кроме гибели,

фронту не принесут. Их работа противоречит самым основным положениям военного дела. Громадные реввоенсоветы и распределение работ между отдельными членами приводит [к] полной децентрализации в области командования и управления войсками, что, [в] свою очередь, приводит к полному развалу и гибели. Никакой возможности влиять на Южный фронт и даже на свои армии при теперешнем составе фронта у меня нет. Единственный выход из положения: отозвать Троцкого и Сокольников с фронта, создать нормальный реввоенсовет фронта [из] меня, Лашевича и дельного военспеца и приступить к выкачиванию работников с востока. Положение на левом фланге крепнет с каждым часом. Нет сомнения, что операция будет проведена успешно. Дайте мне ответ немедленно. № 019 Смилга

16/8 10 час. 50 мин. Расшифровал и оригинал сжег (ПОРТНОВ)

Верно: Секретарь комиссара

Полевого штаба Реввоенсовета Республики *М. Буракова*¹⁹⁶⁵

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 49. Заверенная машинописная копия (экз. В.И. Ленина).

№ 2.4.14

Статья из белогвардейской газеты «Утро Юга» перешедшего на сторону белых бывшего командующего 9-й советской армией Н. Всеволодова «Разгром Южных советских армий», направленная первым заместителем председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновским председателю Совета Обороны В.И. Ленину

*16 сентября 1919 г.*¹⁹⁶⁶

Сов. секретно

Выписка из белогвардейской газеты

Разгром Южных советских армий

12 марта [1919 г.] войскам советских армий Южного фронта был отдан приказ о переходе с рассветом 16 марта [1919 г.] в самое решительное наступление на Новочеркасск.

Характерно, что *штаб фронта, отдавая этот приказ, не имел [ни] малейшего понятия ни о расположении частей 9-й армии, ни тем более частей 8-й армии, которая должна была наносить главный удар от Луганска*. Благодаря стихийной непогоде связь штаба фронта с 8-й и 9-й армиями, а также между штабами армий и дивизий была утеряна.

Штабы армий в течение недели не знали, что делалось в дивизиях и даже где таковые находились.

А в это время 16-я дивизия 9-й армии совершала весьма опасный фланговый марш, сменяя части 12-й дивизии 8-й армии на фронте от устья р. Калитвы до ст. Митякинской.

12-я дивизия только головными частями стала подходить к ст. Луганской, опаздывая почти на 5 суток. Кавалерию 16-й дивизии и отдельную кавалерийскую бригаду 9-й армии нигде не могли разыскать, а ведь она была предназначена для преследования противника, которого еще надо было разбить.

При таких-то обстоятельствах должна была начаться атака 8-й и 13-й армий, от которой Гиттис ожидал решения участи всей кампании.

Но зоркое командование Добровольческой армии предупредило эту атаку. 15 марта (по новому стилю), т. е. ровно на сутки ранее, Добровольческая армия, вырвав инициативу из рук противника, сама перешла в наступление, атаковав его к ю[го]-в[остоку] от Луганска. Эта атака оказалась для советской армии¹⁹⁶⁷ роковой.

В однодневном бою 2-я бригада 21-й дивизии 8-й армии, избравшая вершину клина «Макензендовской фаланги», была разбита наголову. Остатки ее в беспорядке бросились бежать на Луганск и по дороге увлекли за собой части Инзенской дивизии, брошенные из резерва.

Советское командование еще 17 марта [1919 г.] пробовало было восстановить положение решительным переходом в наступление на фронте всех армий, но было уже поздно. Инициатива всецело перешла в руки командования Добровольческой армией.

Гиттису пришлось уже не наступать, а отбиваться: не бить, а парировать могущественные удары Добровольческой армии, посыпавшиеся на ударную советскую группу один за другим.

Прорвавшаяся кавалерия Добровольческой армии углубила прорыв до самого Луганска, наводя всюду на советские войска панику и смятение.

Советское командование сильно растерялось и стало разыскивать «волчью дивизию» Шкуро и танки.

О дивизии генерала Шкуро и советских войсках знал каждый красноармеец. Говорили, что эта дивизия пленных не берет; одета она в волчьи шапки и волчьи шкуры; впереди дивизии развеваются знамя с изображением волчьей головы, а на обороте [знамени] надпись: «Смерть коммунистам». Указывали, что в атаку эту дивизию всегда ведет сам генерал Шкуро. Около имени последнего сложилось много легенд. Одно имя этого генерала наводило на красноармейцев непонятные страх и трепет. Появление дивизии всегда было связано с поражением советских войск.

Командование фронтом как бы поддерживало и способствовало развитию эти[х] слухов и 17 марта [1919 г.] срочной телеграммой запросило все армии о местонахождении «волчьей дивизии генерала Шкуро».

В этой телеграмме за подписью Гиттиса указывалось, что от своевременного обнаружения дивизии генерала Шкуро зависит исход операции, завязавшейся у Луганска.

Или в армиях у страха глаза были велики, или нашлись злые шутники, но только к 20 марта [1919 г.] от[о] всех армий (не исключая 10-й) дружно поступили срочные донесения, что «волчья дивизия ген[ерала] Шкуро» обнаружена на их фронте». Иначе говоря, таинственная дивизия ген[ерала] Шкуро была одновременно обнаружена на фронте всех шести советских армий.

Не лучше было и с танками. Командующий 10-й армией генштаба Ключев¹⁹⁶⁸ донес, что на ст. Ремонтная обнаружено 80 малых танков с английскими командами. *Указанные заведомо неверные и противоречивые донесения еще более сбили с толку Гиттиса и создали неверную и крайне нервную обстановку.*

Та же участь постигла и Московскую дивизию. Не успев закончить сосредоточение у Луганска, эта дивизия, введенная в бой по частям малыми пикетами¹⁹⁶⁹, быстро растаяла в море атак и, в буквальном смысле слова, «была разбита по частям».

12-я дивизия к 20 марта [1919 г.] едва лишь начала появляться, головными частями у ст. Луганской, почему Гиттис во избежание нового отдельного поражения не решился пустить ее в бой.

В это время на левом фланге 9-й армии бездействовала и лишь молча присутствовала на поле сражения при разгроме 8-й армии, на правом фланге 13-й армии генштаба Геккера¹⁹⁷⁰, и 2-я Украинская армия втянулась в ожесточенный бой с левофланговыми частями армии ген[ерала] Май-Маевского, в том числе и с дивизией генерала Шкуро¹⁹⁷¹.

Крепко вцепившись в две дивизии 13-й армии, дивизия ген[ерала] Шкуро прочно приковала их к одному месту, не позволив оказать помощь трем советским дивизиям, которые громились к Луганску.

К 1 апреля [1919 г.] Гиттис окончательно признал свое поражение и в пространном донесении в Серпухов сообщил о переходе им впрдь до нового сосредоточения ударных сил к обороне.

Новый план Гиттиса была рассчитан на следующее: части 9-й армии должны были, заняв слабыми частями 14-й дивизии линию р. [Лонна] от устья до ст. Каменской; все остальные силы армии-16 и 23-й дивизии сосредоточить у ст. Гундеровской и Новобожедаровки и совместно с 12-й дивизией у Митякинской атаковать правый фланг армии ген[ерала] Май-Маевского с фланга и тыла.

Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии, ударная группа была сосредоточена, вопреки приказу фронта, не у Новобожедаровки, вблизи 8-й арми[и], а у Усть-Белокалитвенской, удаленной от 8-й армии на 100 верст, с целью нанесения ей отдельного поражения.

Так оно и случилось: 11 апреля [1919 г.] части 23-й дивизии под [руководством] начдива 23-й Голикова переправились на правый берег Лонна и сначала заняли станцию Репное, а потом, изолированные и

окруженные со всех сторон, были разбиты и, потеряв свою артиллерию, отброшены назад.

Поражение 8-й и 9-й армий дало возможность командованию Добровольческой армии усилит[ь] свои фланги против 13-й и 10-й армий и достигнут[ь] самых решающих успехов.

С появлением же танков на флангах 13-й армии начался полный развал.

26 мая [1919 г.] командующий 13-й армией генштаба Геккер донес во фронт, что отступающую армию остановит[ь] нет сил: люди митингуют, арестовывают своих комиссаров и командный состав, были случаи расстрелов, с поля сражения исчезают целые команды и батальоны, штабы полков и даже бригад: в районе Славянска целая бригада самовольно оставила фронт, арестовала командный состав, а вскоре такое же донесение последовало и от командующего 8-й армией генштаба Любимова¹⁹⁷².

Серпуховская Ставка, не ожидавшая такого развала, заволновалась. В 12-ю армию прибыл сам Троцкий. Вид его был ужасный. Начались аресты и массовые расстрелы, но эта излюбленная и испытанная Троцким мера не помогла. Фронт продолжал разваливаться, и Троцкий 1 июля [1919 г.] поспешил уехать из Купянска в Москву.

Совершенно обратное настроение царило в штабе фронта у Гиттиса. Последнему удалось все свалить на Вацетиса. Поражению не придавали значения: считали, что отход не будет глубоким. Надея[ли]сь на сильные, стойкие 9-ю и 10-ю армии и [рассчитывали] при помощи их восстановить положение.

Но и на этот раз высшее командование Добровольческой армии не дремало и отдало приказ о сосредоточении групп у Константиновской и Великокняжеской для атаки левых флангов 9-й и 10-й армий. Этим план Гиттиса вновь был предупрежден, и (вместо нанесения могущественного удара при помощи 9-й и 10-й армий) советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск — эти важнейшие центры с их многочисленными запасами.

Н. Всеволодов

Статья принадлежит бывшему командарму 9-й армии, перешедшему на сторону белых.

Газета «Утро Юга» хранится у т. Дзержинского.

*Заместитель председателя Особого отдела ВЧК Павлуновский
16/IX—1919 г.*

Товарищу Ленину

При сем препровождается статья бывш[его] командарма 9-й армии Н. ВСЕВОЛОДОВА, перешедшего на сторону Деникина.

Статья помещена в номере 157—185 газеты «Утро Юга», издаваемой в Екатеринодаре.

Зампред Особого отдела ВЧК *Павлуновский*

Помета В.И. Ленина: «В архив».

Утро Юга — ежедневная общественно-политическая и экономическая газета. № 157—185. Среда, 17 (30) июля 1918 г.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11173. Л. 2—5. Копия — машинописный текст на бланке Особого отдела ВЧК с автографом И.П. Павлуновского. Помета В.И. Ленина — автограф карандашом.

№ 2.4.15

Записка члена ЦК РКП(б) И.Т. Смилги Центральному комитету РКП(б) с обвинениями председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого в клевете на главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики С.С. Каменева и стратегическую линию ленинского ЦК¹⁹⁷³

26 сентября 1919 г.

В ЦК РКП

Я утверждаю, что т. Троцким велся поход против главкома и принятой стратегии. Я ни одним словом не упрекал т. Троцкого в том, что он <выносит> полемизирует против постановлений ЦК за его стенами, и поэтому его слова о «неправде» и пр. на свой счет принять не могу.

26 сент[ября]

И. Смилга

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 59. Автограф простым карандашом.

№ 2.4.16

Из стенограммы заседания Московского комитета РКП(б) — из доклада члена МК А.Ф. Мясникова «О военном положении»

13 октября 1919 г.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ

Московского к[омите]та от 13 октября 1919 г.¹⁹⁷⁴

Вместо недождавшегося за недостатком времени т. Гусева доклад о военном положении делает т. Мясников.

Мясников: Я не буду долго останавливаться на 3-х второстепенных фронтах и привлеку главное внимание на решающий Южный

фронт. <...> Наша слабость заключается в нашем командном составе, в плохой организации Южного фронта и в неудовлетворительной работе Центра. Два мес[яца] тому назад наш Южный фронт был разгромлен Деникиным и его фактически не существовало. С тех пор ведется огромная организационная работа, но она далеко еще не закончена. Около 150 тыс. войск влили в Южный фронт за лето [1919 г.]. Сейчас в Южный сектор вливается еще около 90 тыс. Вторая наша слабость — это командный состав. В перехваченном донесении бежавшего от нас полковника Коробкина¹⁹⁷⁵ к Колчаку так характеризуются и делятся военспецы, работающие в нашей армии: 1-я часть — активные офицеры, работающие активно против Красной армии; 2-я часть — пассивные офицеры, занимающиеся пассивным саботажем и, наконец, 3-я часть — отчаявшиеся офицеры, которые хотят лишь окончания войны и работают для Красной армии. Красные командиры преданы революции, но далеко не достаточно обучены. Недостаток в преданном и знающем командном составе играет огромную роль в наших поражениях.

До реорганизации РВСР, прошедшей месяца полтора тому назад, работа Центра почти не велась, центрального командования не существовало. После реорганизации работа пошла усиленным темпом, и результаты [ее] уже сказываются. Очень хорошие результаты дало то, что РВСР взял в свои руки снабжение армии винтовками и патронами. Снабжение армии поставлено у нас еще очень плохо; центральные снабженческие учреждения работают у нас еще очень плохо. Мы выделяем 18 тыс. шинелей в день. В три месяца мы могли бы одеть всю нашу армию, но шинели не попадают в полки, и солдаты остаются раздетыми. Раньше на фронтах сплошь и рядом не хватало патронов. Теперь, когда дело снабжения ими перешло в РВСР, требования фронтов удовлетворяются. Указанные мною три слабых стороны наших армий в значительной степени определяют собой наши неудачи на Южном фронте. Чтобы сломить, наконец, сопротивление Деникина и перейти в наступление, нам необходимо оздоровить наши армии, влив туда новые коммунистические кадры; усилить приток новых формирований и улучшить снабжение. <...>

Приложение

Постановление Московского комитета от 13 октября 1919 года¹⁹⁷⁶

[СЛУШАЛИ:] Доклад т. Мясникова о военном положении.

[ПОСТАНОВИЛИ:] Доклад принять к сведению.

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 101. Л. 79 с об.—80. Машинописный текст направленной стенограммы.

№ 2.4.17

Записка члена ЦК РКП(б) И.Т. Смилги Центральному комитету РКП(б) со стратегическими предложениями по ведению войны с Деникиным

3 ноября 1919 г.

*[Совершенно] секретно**В ЦК РКП, копия т. Ленину*Война с Деникиным¹⁹⁷⁷

1). Операции на Южном фронте должны иметь целью захват Харькова и Донецкого бассейна. Движение на Киевщину и Херсонщину нецелесообразно, ибо благодетельные для Советской власти социальные процессы в этих областях еще не выяснились с достаточной ясностью.

2). Главным и решающим направлением по-прежнему остается Юго-Восточный фронт, где в тылу у противника или открытое восстание (Кавказ), или положение, близкое к восстанию (Кубань, Черноморское побережье), что создает возможность быстрой ликвидации Деникина.

3). Захват нами Царицына открывает нам путь на Кубань и широкие перспективы советского движения на юге, и поэтому главному командованию должна быть дана задача *овладеть им во что бы то ни стало*.

4). Предложение казачьими радами мира является следствием роста Советского движения на Северном Кавказе, Кубани и Дону, с одной стороны, и откровенного монархического уклона, Деникина — с другой, и должно нами учитываться как начало разложения *казачьей демократии*.

5). Ведение мирных переговоров с этими радами не должно ни в какой степени мешать организации и укреплению под линию советских элементов¹⁹⁷⁸ в этих областях (крестьянство, советское казачество). Главной задачей этих переговоров является разлагание¹⁹⁷⁹ тыла противника, но отнюдь не проведение положительной программы (независимость и др. глупости).

6). Немедленно провести самую широкую кампанию в связанных с казачьими областями войсках (корпус Буденного и др.), чтобы они не почувствовали себя оставленными и брошенными, что может повести к печальным последствиям.

7). Немедленно обновить состав Казачьего отдела ВЦИК и превратить его в боевое орудие казачьей политики¹⁹⁸⁰.

3 ноября

И. Смилга

№ 2.4.18

**Из автобиографии генерал-лейтенанта Красной армии
А.А. Самойло — о конфликте председателя Реввоенсовета
Республики Л.Д. Троцкого и главнокомандующего всеми
вооруженными силами Республики И.И. Вацетиса
с Реввоенсоветом Восточного фронта в 1919 году¹⁹⁸¹**

He ранее 1939 г.¹⁹⁸²

1. Формальная сторона

В последние дни апреля 1919 г., т. е. в момент наиболее опасного продвижения Колчака к Волге, я, как командующий 6-й отдельной армией на Севере, был позван к прямому проводу начальником штаба главкома¹⁹⁸³ Вацетиса, Костяевым, который и передал мне предложение главкома принять командование над армиями Восточного фронта, ввиду устранения от командования С.С. Каменева. Менять в такой критический момент боевых операций командующего фронтом и назначать заместителем человека, совершенно не знакомого [ни] с театром военных действий, ни с обстановкой, ни с войсками, показалось мне такой вопиющей нелепостью, что я от предложения отказался.

Мое решение стало для меня тем более правильным, когда, вслед за этим, меня вызвал к аппарату мой товарищ по службе П.П. Лебедев, бывший в это время начальником штаба Восточного фронта, и осветил положение на [Восточном] фронте. По словам Лебедева, против смены [С.С.] Каменева восстали члены РВС фронта, тт. Гусев и Лашевич, — настолько резко, что решили уйти из РВС [фронта] в случае назначения нового командующего. Однако, несмотря на мои два последующих отказа, я получил уже предписание Вацетиса немедленно ехать в Симбирск и вступить в командование фронтом.

Работа моя сложилась в условиях, тяжелее которых трудно себе представить. Каменев продолжал жить в Симбирске, на одной квартире с Гусевым, и через последнего продолжал влиять на все проводимые мной решения. Неоднократно бывало, что Гусев, соглашаясь со мной по каким-либо вопросам утром, во вторую половину дня, вернувшись с обеда и переговорив с Каменевым, отказывался от своих принятых решений — все мои распоряжения дискредитировались. Положение усугублялось происшедшим острым конфликтом между мной и Тухачевским, в котором Гусев и Лашевич приняли сторону Тухачевского. На мое обжалование действий Тухачевского перед главкомом я получил разрешение устранить его от командования армией, от чего я, конечно, отказался в силу боевой обстановки.

Борьба членов РВС фронта против Троцкого и Вацетиса из-за моего назначения была расстроена¹⁹⁸⁴ ЦК ВКП(б)¹⁹⁸⁵, после чего Каменев был восстановлен в командовании, а я возвращен на свою

бывшую должность — командующего 6-й отдельной армией (Северный фронт). Как я узнал позже, одним из аргументов в борьбе с Троцким была представленная Гусевым и Лашевичем в ЦК ВКП(б) моя характеристика, за несколько дней до моего пребывания на фронте, как ставленника Троцкого, лица неспособного, внесшего в дело лишь путаницу.

Такова формальная сторона обстановки, завершившейся этой моей характеристикой, которую я оставляю на совести Гусева и Лашевича.

2. Освещение обстановки по существу <...>

В общем положении, сложившемся для меня как командующего фронтом, я, естественно, принимал решения, может быть, ошибочные для сегодняшнего дня, если смотреть на них с высоты 20 прошедших лет, но тогда они представлялись мне повелительно диктовавшимися обстановкой. На оценке последней выявилось также разногласие между М.В. Фрунзе и мной, чем и закончилось мое пребывание на Восточном фронте.

В 1935 г. Тухачевский, вспоминая события на Восточном фронте, поместил в центральных газетах мою характеристику, направленную Гусевым и Лашевичем в ЦК ВКП(б), причем совершенно не оценил той обстановки, в которой мне пришлось действовать. В своем частном письме на имя Климентия Ефремовича Ворошилова я просил тогда указаний, как мне реагировать на эту порочащую меня в глазах всей общественности характеристику, и в Красной армии в первую голову, причем от командования округом я получил указания смотреть на данный вопрос как на исторический эпизод и продолжать служить, как служил до сих пор. <...>

РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 22. Л. 10 об.—12. Заверенная машинописная копия.

№ 2.4.19

Из фундаментального труда Л.Д. Троцкого «Сталин» о стратегических разногласиях в военно-политическом руководстве РСФСР в 1919 году

*Не позднее 1940 г.*¹⁹⁸⁶

В вопросах стратегических я всегда предоставлял первое слово главнокомандующему [всеми вооруженными силами Республики]. Первой задачей нового главнокомандующего [С.С. Каменева] была выработка плана группировки сил на Южном фронте. Каменев отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки — не были ему

ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с востока, на Волге и ударить на Кубань — исходную базу Деникина. Именно из этого плана он исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления.

Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен. Деникин успел передвинуть свою базу с Кубани на Украину. Наступить на казачество значило насильственно толкать его в сторону Деникина. Главный удар надо было нанести, наоборот, по линии водораздела между Деникиным и казачеством, в полосе, где население целиком против казаков, против Деникина и за нас. Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между [РВСР] и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина¹⁹⁸⁷ изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверию новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо¹⁹⁸⁸, то же самое опасение¹⁹⁸⁹. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса¹⁹⁹⁰, дружески встретил Каменева¹⁹⁹¹ и стремился всячески облегчить его работу¹⁹⁹².

Вопрос был настолько важен, борьба вокруг плана и вопросов командования приняла столь острый характер, что 4 июля я прибег к крайнему средству: подал в отставку¹⁹⁹³. Чтоб понять группировку в этот момент в верхах партии, нужно напомнить о конфликте между Восточным фронтом [с] главнокомандующим Вацетисом [и] косвенно — со мной.

На Востоке командовал бывший полковник Каменев, членами революционного военного совета [фронта] были Смилга и Лашевич. Дела на Востоке шли в этот период настолько хорошо, что я туда совсем перестал ездить¹⁹⁹⁴ и даже не знал Каменева в лицо. Окрыленные успехами, Смилга, Лашевич и Гусев носили своего командующего на руках, *кажется*¹⁹⁹⁵, пили с ним на брудершафт и писали о нем в Москву восторженные отзывы¹⁹⁹⁶.

Конфликт вокруг стратегии Восточного фронта был конфликтом между главнокомандующим Вацетисом и командующим Восточным фронтом Каменевым. Оба они были полковниками Генерального штаба старой царской армии¹⁹⁹⁷. Между ними шло несомненное соревнование, в которое втянуты были и комиссары¹⁹⁹⁸. Коммунисты Ставки поддерживали Вацетиса, члены Реввоенсовета Восточного фронта (Смилга, Лашевич, Гусев¹⁹⁹⁹) были целиком на стороне Каменева. Трудно сказать, кто из двух полковников был даровитее²⁰⁰⁰. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны²⁰⁰¹, оба отличались оптимистическим складом характера²⁰⁰², без чего командование невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался, несомненно, влиянию враждебных революции элементов²⁰⁰³. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов²⁰⁰⁴. Вос-

точный фронт был, так сказать, первенцем Красной армии²⁰⁰⁵. Он был снабжен всем необходимым, в т. ч. и коммунистами²⁰⁰⁶, больше, чем какой-либо другой из фронтов. Адмирал Колчак считался в тот период, и вполне основательно, главным врагом²⁰⁰⁷. Он доходил до Казани, угрожал Нижнему Новгороду, откуда открывался прямой путь на Москву. Немудрено, если революционная страна собрала, так сказать, сливки в пользу Восточного фронта. Продвижение вперед против Колчака после двух периодов отступления шло теперь с полным успехом. Вацетис считал, что главная опасность теперь на юге, и предлагал задержать армии Восточного фронта в течение зимы на Урале, когда опасности настолько не будет, чтобы передать Южному фронту ряд дивизий. Общая моя позиция изложена была еще ранее в телеграмме 1 января²⁰⁰⁸. Я стоял за обеспечение непрерывного наступления на Колчака. Однако конкретный вопрос определялся соотношением сил и общей стратегической обстановкой. Если у Колчака за Уралом серьезные резервы, если наше продвижение с непрерывными боями успешно значительно истощит Красную армию, то ввязываться в дальнейшие бои за Уралом представляло бы опасность, ибо требовало бы новых пополнений из свежих коммунистов и командиров, а все это необходимо было ныне для Южного фронта.

Надо прибавить, что я успел значительно оторваться от Восточного фронта как от вполне благополучного и всеми мыслями жил на Южном фронте²⁰⁰⁹. Трудно было судить на расстоянии, насколько наступающие армии Восточного фронта сохранили жизненную энергию, т. е. насколько им по силам дальнейшие продвижения, не только без помощи центра, но и с жертвами в пользу Южного фронта, которому нужны были лучшие дивизии.

Я предоставил Вацетису в известном смысле свободу действий, считая, что если со стороны Восточного командования будет отпор и если выяснится, что продвижение на восток возможно без ущерба для Южного фронта, то будет время поправить главнокомандующего решением правительства²⁰¹⁰.

В этих условиях разыгрался²⁰¹¹ конфликт между Вацетисом и Каменевым. Придавшись к ряду уклончивых ответов Восточного фронта, который стремился вести свою собственную линию, Вацетис потребовал смещения Каменева и замену его Самойло, бывшим командующим 6-й армией. С.С. Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: «Ответ глупый и местами неграмотный»²⁰¹².

Когда главком, с моего принципиального согласия, предложил Восточному фронту задержаться зимою на Урале, чтобы передать несколько дивизий на юг, где положение становилось угрожающим, Каменев, при поддержке Смилги и Лашевича, оказал очень решитель-

тельное сопротивление. В конце концов Политбюро решило вопрос в пользу Восточного фронта.

Сталин ухватился за конфликт между Восточным фронтом и главным командованием. К Вацетису, который официально осудил его вмешательство в стратегию²⁰¹³, Сталин относился с ненавистью и ждал случая, чтобы отомстить ему. Теперь такой случай представился. Когда Каменев обязался, не приостанавливая наступления на Урале, дать Южному фронту несколько дивизий и сдержал обещание, его авторитет, естественно, повысился за счет авторитета Вацетиса, который продолжал упорствовать, когда его ошибка обнаружилась полностью. Смилга, Лашевич и Гусев предложили, видимо, при содействии Сталина, назначить Каменева главнокомандующим. Успехи Восточного фронта подкупили Ленина и сломали мое сопротивление. Но тут в события вмешался эпизод, смысл которого остается не вполне ясным для меня и сейчас²⁰¹⁴: Вацетис оказался арестован по обвинению в измене.

8 июля 1919 г. я получил на Южном фронте в Козлове шифрованную телеграмму о том, что изблеченный в предательстве и сознавшийся офицер²⁰¹⁵ дал показания, из которых вытекает, что будто бы Вацетис знал о военном заговоре. «Пришлось подвергнуть аресту главнокома» — так заканчивалась телеграмма, подписанная Дзержинским, Крестинским, Лениным и заместителем Склянским. За спиной Дзержинского в этом деле стоял, видимо, Сталин.

Так как Вацетис был вскоре после того освобожден и впоследствии стал профессором Военной академии²⁰¹⁶, то, я полагаю, осведомленность его о заговоре была весьма сомнительна. Весьма вероятно, что, недовольный смещением с поста главнокомандующего²⁰¹⁷, он вел неосторожные беседы с близкими к нему офицерами. Я никогда не проверял этого эпизода²⁰¹⁸. *Вполне допускаю*, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил ему за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий. Я и сейчас не знаю, что тут верно, в какой мере дело действительно шло в «заговоре» и в какой мере Вацетис был посвящен в него.

Таким образом, смена командования осложнилась драматическим эпизодом, который не имел, впрочем, трагических последствий. Вацетиса вскоре освободили. Но отношения в Политбюро напряглись: за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига. Найдя опору в руководителях Восточного фронта, Сталин взял над Революционным военным советом [Республики] реванш²⁰¹⁹.

Наступление на Южном фронте по плану главнокомандующего началось в середине августа. Через полтора месяца, в конце сентября, я писал в Политбюро: «Прямое наступление по линии наибольшего сопротивления оказалось, как и было предсказано²⁰²⁰, целиком на руку Деникину <...>» Слова «как и было предсказано» говорят о

тех тренингах, которые предшествовали принятию стратегического плана и имели место в июне и начале июля.

Итак, ошибка плана была для меня настолько несомненна, что когда он был утвержден Политбюро — всеми голосами²⁰²¹, в т. ч. и голосом Сталина против меня, — я подал в отставку. Решение Политбюро по поводу отставки гласило:

*«РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(Большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ*

*Секретно
Копия с копии
Москва, 5 июля 191[9] года
№ ...
Кремль*

Орг- и Политбюро ЦК, рассмотрев заявление т. Троцкого и все-сторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять отставки т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии.

Орг- и Политбюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий. В своих званиях наркомвоенна и предреввоенсовета т. Троцкий вполне может действовать и как член Реввоенсовета Южфронта с тем ком[андующим] фронтом (Егорьевым), коего он сам наметил, а ЦК утвердил.

Орг- и Политбюро ЦК предоставляют т. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе, и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии.

Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг- и Политбюро ЦК настоятельно предлагают т. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимално, в случае его желания, сокращая их в виду сосредоточения своей работы на Южфронте.

В виду этого Орг- и Политбюро ЦК отклоняют и выход т. Троцкого из Политбюро, и оставление им поста председателя Реввоенсовета Республики (наркомвоенна).

Подлинный подписали: Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова.

С подлинным верно: Секретарь ЦК Елена Стасова»²⁰²².

Я взял отставку назад и немедленно отправился на Южный фронт, где открывавшееся²⁰²³ в середине августа наступление скоро приостановилось, не дав результатов. Роковая ошибочность плана

стала ясна многим работникам, в т. ч. и Лашевичу, перешедшему с Восточного фронта на Южный. 6 сентября я телеграфировал с фронта главному и ЦК, что «центр тяжести борьбы на Южфронте всецело перешел на Курско-Воронежское направление, где резервов нет», и предложил ряд войсковых перегруппировок, означавших в совокупности ликвидацию несостоятельного плана. Под моей телеграммой подписались Серебряков и Лашевич. Но главнокомандующий упорствовал, Политбюро решительно поддержало его. В тот же день, 6 сентября, я получил ответ.

За два месяца ход военных операций не только опрокинул первоначальный план, но и ясно указал главную операционную линию. Однако за два месяца непрерывных и безрезультатных боев многие дороги оказались разрушены, и сосредоточение резерва представляло неизмеримо большие трудности, чем в июне—июле. Радикальная перегруппировка сил являлась, тем не менее, необходимостью. Я предлагал конный корпус Буденного переправить походным порядком и передвинуть ряд других частей в северо-восточном направлении.

Тем временем начатое наступление приостановилось, положение на Кубани, где увязли лучшие войска, продолжало оставаться крайне тяжким, Деникин продвигался на север. «Для проверки оперативного плана, — писал я в конце сентября, — не лишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на Южном фронте имелось не менее 180 тыс. штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов. В результате полуторамесячных боев мы имеем жалкое топтание на месте в восточной половине Южного фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство [военного] организма — в западной половине. Причину неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане. Мы пошли по линии наибольшего сопротивления, т. е. части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги. Атмосфера „народной“ донской войны оказывает расслабляющее влияние на наши части. В этих условиях деникинские танки, умелое маневрирование и пр. оказываются в его руках колоссальным преимуществом».

Однако теперь дело шло уже не о плане, а о его последствиях, материальных и психологических. Главнокомандующий надеялся, видимо, в соответствии с правилом Наполеона, упорствуя в ошибке, извлечь из нее все возможные выгоды и добиться в конце концов победы. Политбюро, теряя доверие, упорствовало в собственном решении. 21 сентября наши войска покинули Курск. 13 октября Деникин взял Орел, открыв себе дорогу на Тулу, где были сосредоточены важнейшие военные заводы, а дальше уже шла Москва. Я поставил перед Политбюро ребром альтернативу: либо менять оперативный

план, либо эвакуировать Тулу, разоряя военную промышленность и открывая дорогу на Москву. Главнокомандующий, меняя по частям старый план, уже сосредоточивал кулак. Но к этому времени упрямство главнокомандующего, которое поддерживало Политбюро, было сломлено.

В середине октября была закончена новая группировка войск для контрудара. Одна группа сосредоточена была к северо-западу от Орла для действия на Курско-Орловскую железную дорогу. Другая группа, к востоку от Воронежа, возглавлялась конным корпусом Буденного. Это и было уже шагом к той группировке, на которой в последний раз настаивали 6 сентября Троцкий, Лашевич и Серебряков²⁰²⁴.

А вот что пишет сталинская историография: «В течение сентября и начале октября 1919 г. Деникин достиг значительных успехов на Южном фронте. 13 октября ему удалось овладеть Орлом. Для устранения крайне тяжелого и опасного для Республики положения, создавшегося в результате длительных неудач на Южном фронте, ЦК партии направил в рев[воен]совет фронта т. Сталина. Тов. Сталин выработал новый стратегический план борьбы с Деникиным, который был утвержден Лениным и Центральным комитетом партии. Осуществление этого плана привело к полному поражению и разгрому Деникина».

В статье «К вопросу о стратегии и тактике коммунистов» Сталин говорит о положении на Южном фронте: «Основные черты политической стратегии можно было бы обрисовать без особого труда, прибегнув к аналогии с военной стратегией, например, в период Гражданской войны, во время борьбы с Деникиным. Все помнят конец 1919-го, когда Деникин стоял под Тулой. В это время разыгрывались интересные споры среди военных по вопросам о том, откуда следовало бы нанести решающий удар по армиям Деникина. Одни военные предлагали избрать основным направлением удара линию Царицын—Новороссийск. Другие, наоборот, предлагали повести решающий удар по линии Воронеж—Ростов с тем, чтобы, пройдя эту линию и разбив, таким образом, на две части армии Деникина, потом разгромить их поодиночке. Первый план... был, с одной стороны, невыгоден, ибо предполагал наше продвижение по районам (Донская область), враждебным Советской власти, и требовал, таким образом, крупных жертв; с другой стороны, он был опасен, ибо открывал армиям Деникина дорогу на Москву через Тулу, Серпухов. Второй план основного удара был единственно правилен, ибо он, с одной стороны, предполагал продвижение нашей основной группы по районам (Воронежская губ[ерния] — Донбасс), сочувствующим Советской власти, и ввиду этого не требовал особых жертв, с другой стороны, он расстраивал действия основной группы войск Деникина, шедших на Москву. Большинство военных высказалось за второй план, и этим была определена судьба всей войны с Деникиным».

Этот рассказ как бы служил Сталину лишь случайной иллюстрацией некоторых соображений из области политической тактики. На самом деле иллюстрация не была случайной. Шел 1923 год. Сталин находился в ожидании грозной атаки со стороны Ленина²⁰²⁵ и систематически пытался подкапывать его авторитет. Верхи партии прекрасно знали, что за ошибочный и дорого обошедшийся план высказались не только некоторые «военные» (главнокомандующий), но и большинство Политбюро во главе с Лениным. Так как сам Сталин успел в последний момент отскочить от этого большинства²⁰²⁶, то ответственность он перелagal на одного Ленина²⁰²⁷. Однако он предпочитал говорить о разногласиях среди «военных», не касаясь борьбы внутри Политбюро: верхи партии слишком хорошо помнили, что я с июля отстаивал тот план, к которому Сталин примкнул лишь в конце октября или начале ноября²⁰²⁸, когда сам главнокомандующий на деле отказался от своего первоначального замысла.

Троцкий Л.Д. Сталин / Ред. Ю.Г. Фельштинский. Т. 2. Chaldize publication, 1985. С. 104—113.

ГЛАВА 5

«„Командует“, не интересуясь или не умея следить за исполнением»: Троцкий и борьба за лидерство в Реввоенсовете Республики

20 августа 1919 г. Л.Д. Троцкий начал работать над обращением в ЦК РКП(б) по поводу июльской чистки Полевого штаба. Он хотел настоять на фактическом изменении персонального состава РВСР (отправке на фронт И.Т. Смилги и С.И. Гусева), удалении С.И. Гусева с поста комиссара Полевого штаба; разъяснении С.С. Каменеву, что тот подчиняется не большевистскому Центральному комитету, а Реввоенсовету Республики. Но главное — Л.Д. Троцкий настаивал на том, что ЦК должен руководить военным ведомством только через председателя РВСР (т. е. через него самого). Если бы ЦК принял такое постановление, все усилия В.И. Ленина по проведению своей политики в военном ведомстве через группировку С.И. Гусева пошли бы прахом. Скорее всего, Л.Д. Троцкий сам понял, что, направив в Центральный комитет «послание» с таким набором требований, он рискует окончательно утратить свое влияние: вождь сделал бы все, чтобы требования председателя РВСР остались гласом вопиющего в пустыне. А Л.Д. Троцкий, после второго проигнорированного заявления (первое — о решении «с оттенком озорства»), окончательно превратился бы в политический труп, что, судя по изданным в 1997 г. неизвестным документам В.И. Ленина, было не выгодно даже «вождю мирового пролетариата».

Л.Д. Троцкий начал изменять требования в адрес ЦК. Фактически по итогам первой же правки все свелось к отмене «царицынского» плана и постановке на место мало прислушивавшегося к председателю РВСР вследствие «фронтовой привязанности» к С.И. Гусеву главкома С.С. Каменева²⁰²⁹. Л.Д. Троцкий не рискнул направить в ЦК записку даже с таким минимальным набором требований. Он предпочел выждать, затаяться, дать возможность «рвущемуся к власти» С.И. Гусеву «навластвовать всласть». Военных деятелей такая реакция председателя РВСР поставила в тупик. Они как-то не привыкли, что по обыкновению фонтанирующий Л.Д. Троцкий отошел в сторону. В частности, найденный председателем РВСР выход не сложившегося в военно-политической верхушке положения «очень и очень серьезно» обеспокоил нового главкома. «Исключительную, неоценимую поддержку» оказал ему, естественно, С.И. Гусев, который «наиболее полно» ввел С.С. Каменева в курс дела, избавил «от очень многих неожиданностей, не забывая ознакомить с каждой мелочью, играющей ту или иную роль в обстановке большой работы. *Самоустранение Троцкого от руководства РВСР* (курсив мой. — С. В.) в связи с перемещением штаба главнокомандования (Полевого штаба. — С. В.) в Москву, на мой взгляд, мало отразилось на работе командования»²⁰³⁰.

В сентябре 1919 г. начало прозревать высшее руководство РКП(б): становилась все очевиднее стратегическая правота главкома И.И. Вацетиса, а с ним и председателя РВСР — несмотря на упорство главкома С.С. Каменева, а вслед за ним и Политбюро ЦК РКП(б) в собственной ошибке, восстанавливался авторитет Л.Д. Троцкого. Именно в это время, когда секретарь вождя С.Б. Бричкина написала В.И. Ленину записку о том, что «Троцкий не будет: лежит в постели»²⁰³¹, вождь отписал Э.М. Склянскому: «Болезнь Троцкого — прямо несчастье в дан[ный] момент. Надо: 1) изо всех сил ускорить посылку двух дивизий из-под Перми (с Восточного фронта. — С. В.) и 2) Вам следить за *югом*, два раза в день говоря с Гусевым. Привет! Ленин»²⁰³². В Реввоенсовете Республики состоялась некоторая специализация его лидеров: Троцкого на военно-политических, Гусева — на оперативно-стратегических вопросах, что само по себе показательно.

В результате кадровых изменений В.И. Ленин едва ли не пожалел, что в высшем военном руководстве дела решались фактически без участия Л.Д. Троцкого: 16 сентября вождь выразил крайнее недовольство работой РВСР, намекнув, что этот Совет «„командует“, не интересуясь или не умея следить за *исполнением*»²⁰³³. Примечательно, что адресатом ленинских филиппик был С.И. Гусев: именно он должен был проводить линию главы правительства в Реввоенсовете Республики. 19 сентября РВСР констатировал опоздания большого числа членов РВСР и приглашенных начальников главных управле-

ний на заседания Совета²⁰³⁴ — вероятно, это было в т. ч. следствием ленинского «надрания».

Нами подсчитана интенсивность участия членов РВСР в заседаниях этого военно-политического центра с 16 июня (первого дня участия С.И. Гусева в работе РВСР — в качестве члена) до 18 сентября 1919 г. Всего за это время состоялось 52 заседания, при этом Э.М. Склянский присутствовал на всех (100-процентная явка); И.И. Вацегис на 3, С.С. Каменев — на 49 (94, 2%, в целом у главкомов также 100-процентная явка), С.И. Гусев появлялся чуть реже — 44 (84,6%); остальные появлялись редко: А.И. Рыков при решении вопросов военной промышленности — 21 (40,4%), Л.Д. Троцкий — 10 (19,2%), И.Т. Смилга лишь на 7 (13,5%); А.И. Окулов, освобожденный от членства в РВСР 3 июля, успел поучаствовать только в одном заседании. Полевой штаб был настолько важной структурой военного аппарата, что его новый начальник — П.П. Лебедев — присутствовал на 36 (69,2%) заседаниях Совета; по различным вопросам по одному разу на заседаниях РВСР присутствовали видные партийные организаторы М.М. Лашевич, Л.П. Серебряков, М.В. Фрунзе²⁰³⁵.

Л.Д. Троцкий, как правило, председательствовал на заседании Реввоенсовета Республики, когда обсуждались важные военно-политические вопросы. Так, 22 августа Э.М. Склянский докладывал о Центральной мусульманской военной коллегии (та должна была решать вопрос о распространении Советской власти в мусульманском мире²⁰³⁶; ее председатель М.Х. Султан-Галиев указал в докладе от 31 июля о несоответствии функций коллегии с уровнем ее подчинения), сам Л.Д. Троцкий — о сдаче «без всякого сопротивления» Тамбовского укрепрайона²⁰³⁷. 23 августа решался вопрос «о помощи Афганистану» — также о мировой революции²⁰³⁸. В эту сферу попробовал было вторгнуться и С.И. Гусев, докладывавший 25 августа «об изучении Туркестана, Персии, Афганистана и Кавказа в военном отношении и временном представительстве в этих районах», но неудачно: Реввоенсовет Республики признал вопрос о Туркестане «в высшей степени важным» и отложил его «на повестку ближайшего заседания»²⁰³⁹ — на котором, естественно, вопрос не рассматривался. Как в известной пьесе «Реванш королевы, или Новеллы Маргариты Наваррской» — «расчувствовавшись, я предложил рассмотреть вопрос на особом заседании Государственного совета... которое никогда не состоится».

Всю организационную работу по сложившейся в военном ведомстве традиции вел Э.М. Склянский. По более чем мягкому замечанию М.В. Фрунзе, Склянский «не имел достаточно сильного партийного авторитета»²⁰⁴⁰, а потому был управляем. В 1924 г. К.Е. Ворошилов заявил на заседании Пленума ЦК РКП(б), что «Троцкий недостаточно уделяет внимания работе военведа. Свои обязанности пред-

седателя РВС [СССР] и наркомвоена он почти полностью возложил на т. Склянского». Даже И.В. Сталин назвал тогда Э.М. Склянского «фактическим политическим руководителем армии» (П.П. Лебедева — «техническим руководителем армии»²⁰⁴¹). Такое положение сложилось уже в 1919 г. Гусев, будучи, как и Троцкий, политиком, в огромную массу «вермишельных» военно-организационных вопросов не вникал.

Важнейшие военно-политические вопросы летом 1919 г. стало решать созданное еще в марте Политбюро ЦК РКП(б) как узкая группа цекистов (формально на данном этапе истории ленинской партии — рабочий аппарат, «центральное учреждение» РКП) с фактическим лидером В.И. Лениным. К осени ПБ уже окончательно превратилось в высшую апелляционную инстанцию для военных работников — большевиков (лидеры партии — И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев — случалось, демонстративно обжаловали в Политбюро решения главкома, давая понять, что *их* эти решения не касаются). Политбюро навязывало свою волю Л.Д. Троцкому и, естественно, вторгалось в компетенцию РВСР, назначая в ряде случаев партийных работников на ключевые военные посты²⁰⁴². Политбюро разработывало руководящие указания для главного командования²⁰⁴³; позднее, 22 сентября 1920 г., на IX Всероссийской конференции РКП(б), В.И. Ленин признался, что «во время Гражданской войны Политбюро приходилось решать чисто стратегические вопросы»²⁰⁴⁴. В ПБ «уздой» для Троцкого опять-таки стал Сталин²⁰⁴⁵, которого регулярно приходилось ставить на место²⁰⁴⁶, но которого при этом сохраняли в военном ведомстве — как лидера мощной группировки — сначала на Южном, затем — на Юго-Западном фронте²⁰⁴⁷. Председатель РВСР, хотя это и так предполагалось, регулярно обязывался проводить в Реввоенсовете Республики решения ПБ и следить за их исполнением²⁰⁴⁸. Помимо Политбюро ЦК РКП(б) военные вопросы решало и Организационное бюро ЦК РКП(б), созданное 16 января 1919 г. на базе Бюро ЦК и представлявшее собой сокращенный состав ЦК партии. Персональный состав Оргбюро постоянно менялся, хотя некая константа имела место: к примеру, Н.Н. Крестинский, Е.Д. Стасова, Ф.Э. Держинский, в 1919 г. — И.Т. Смилга, отвечавший как руководитель Политуправления РККА за взаимодействие ВЧК с военным ведомством, принимали участие в работе Оргбюро постоянно.

В сентябре 1919 г. Л.Д. Троцкому удалось ослабить «оппозицию» в Реввоенсовете Республики: 21 сентября он провел утверждение в большевистском ЦК принятого в этот день решения РВСР. Троцкий доложил: «Сектор к Югу от Москвы в связи с обстановкой превращается в укрепленный район, который разбит на две полосы: северная часть подчинена Ставке через посредство Гусева, назначенного командующим войсками этого сектора. Кандидатура эта

выдвинута потому, что должность „командующего“ имеет в данном случае организационно-советский характер: нужно объехать исполкомы и парткомы, учредить ревкомы, побудить к созданию конницы, дать указания насчет разведки, донесений, связи и пр.»²⁰⁴⁹. Новое назначение позволило Л.Д. Троцкому решить сразу два вопроса: об обороне Москвы и ослаблении позиций в РВСР С.И. Гусева, который теперь должен был выезжать из столицы не в один г. Серпухов, а в целый ряд подмосковных населенных пунктов. Напрашивается аналогия: Ф.Э. Дзержинский в годы Гражданской войны направил в ЦК РКП(б), Совнарком и лично В.И. Ленину не менее двадцати предложений по «рационализации» деятельности члена Коллегии ВЧК Я.Х. Петерса, который дважды заменял его в кресле председателя ВЧК.

К концу октября 1919 г. укрепились позиции Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б)²⁰⁵⁰, хотя — парадоксально, но факт — он фигурирует в списке лиц, желавших в начале ноября 1919 г. общаться с В.И. Лениным... по телефону!²⁰⁵¹

Положение С.И. Гусева серьезно осложнялось тем, что он попал под перекрестный огонь Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина, привыкшего идти вразрез с линией РВСР: осенью 1919 г. разгорелся конфликт между бюро Реввоенсовета Республики (С.И. Гусевым, С.С. Камневым) и Реввоенсоветом Южного фронта (И.В. Сталиным, Л.П. Серебряковым и командующим А.И. Егоровым). 12 ноября Сталин и Серебряков для ликвидации конфликта предложили Политбюро ЦК РКП(б) три варианта на выбор: сменить бюро РВСР, сменить РВС Южного фронта (т. е. убрать их самих), сменить Гусева как «главного застрельщика против Южфронта»²⁰⁵².

Возможно, именно конфликт С.И. Гусева с И.В. Сталиным помог Л.Д. Троцкому укрепить в ноябре 1919 г. свои позиции в РВСР. В этот период общение двух военных «вождей» строилось на основе решений Политбюро ЦК РКП(б). Так вот 18 ноября, через шесть дней после апелляции Сталина со товарищи к Политбюро, председатель РВСР телеграфировал С.И. Гусеву: «Ввиду исключительной важности переброски дивизий с Западного фронта на Южный Вам необходимо немедленно отправиться на Западный фронт в двухнедельную командировку, дабы снятие с фронта, погрузка и отправка следующих дивизий прошли под Вашим непосредственным наблюдением. О[бо] всех затруднениях и препятствиях... необходимо извещать по прямому проводу Реввоенсовет Республики (основанием к вышеизложенному является постановление Политбюро Центрального комитета РКП)»²⁰⁵³. Тем же постановлением обязанности комиссара Полевого штаба возлагались на Д.И. Курского²⁰⁵⁴. Отъезд С.И. Гусева давал Л.Д. Троцкому определенные аппаратные возможности: в телеграмме бывшему товарищу по «межрайонке» И.И. Юреневу председатель РВСР выразил надежду, что «при строгом рас-

пределении» обязанностей «и при совместном решении вопросов общей политики можно устранить всякие конфликты в составе РВС»²⁰⁵⁵. Не зря считается, что позиция «третьего радующегося» стратегически самая выгодная.

С.И. Гусев не очень-то активно курировал Полевой штаб: по данным от 4 декабря 1919 г., он находился в служебных поездках и командировках с 19 по 30 июля, с 12 по 15 сентября; с 9 по 11, с 13 по 16, с 20 по 22 октября; с 31 октября по 5 ноября; с 6 по 15, с 18 по 23, с 26 по 28 ноября 1919 года²⁰⁵⁶. Таким образом, он отсутствовал в Ставке 56 дней из 131 (42,7%).

Осенью 1919 г. угроза Москве миновала — штаб войск возглавляемого С.И. Гусевым Московского сектора обороны подлежал ликвидации²⁰⁵⁷, а 5 декабря Гусев и вовсе сложил с себя полномочия члена РВСР, поскольку днем раньше приказом РВСР он был назначен членом Реввоенсовета Юго-Восточного фронта²⁰⁵⁸.

На сей раз Л.Д. Троцкий удержался у штурвала военного корабля РСФСР. Фортуна явно была к нему благосклонна.

№ 2.5.1

Записка председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого в ЦК РКП(б) с подведением итогов дела о «заговоре в Полевом штабе»

*Не ранее 8 сентября 1919 г.²⁰⁵⁹
Совершенно секретно*

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РКП

Представляется совершенно необходимым подвести итоги тем переменам в военном ведомстве, которые совершены были свыше двух месяцев тому назад.

1. Одной из задач являлось создание Ставки, в которой не было бы места шпионажу и предательству.

Никогда еще шаги и намерения не были известны противнику с такой детальностью, как теперь, при новой Ставке. Установлено, что он пользуется наиболее центральными источниками осведомления²⁰⁶⁰.

Причина: помимо возможных случайных личных обстоятельств основной причиной является тот факт, что стратегия окончательно перепутана с политикой и является предметом широкого обсуждения и кружковой борьбы.

2. Одной из важных причин произведенных перемен являлось положение на Западном фронте. С того времени достаточно выяснилось, что неудачи на Западном фронте определялись не организацией командования и управления Западного фронта, а отсутствием резервов. Даже обвинение Доможирова в предательстве, являвшееся

одной из важнейших точек опоры в организационных изменениях не только на Западном фронте, но и в Ставке, оказалось совершенно несостоятельным. Доможиров не сообщил о Ставке ни одной черты, которой бы гг. Данишевский, Аралов и я не знали бы ранее.

3. Особенно тяжелое положение создалось, однако, в отношении Южного фронта. Общестратегический план был ложен с самого начала. Мы упустили главные силы на самом отдаленном, самом трудном и самом протяженном направлении. Сейчас совершенно ясно, что те же и даже значительно меньшие силы, своевременно брошенные на направление Ку[п]янск—Харьков, дали бы несравненно большие результаты. Украина не была бы к настоящему моменту основным плацдармом Деникина, мы сохранили бы Курск, Туле не грозила бы непосредственная опасность.

Но хуже того: те поправки, какие могли и должны были вноситься ходом событий, хотя бы и с некоторой потерей темпа, не вносились даже тогда, когда необходимость их становилась очевидной. Причина тому в том, что оперативный план из временной и обусловленной рабочей программы командования превратился в знамя группы влиятельных товарищей, стал для них в некотором смысле вопросом чести. Большинство членов Политбюро ЦК (два или три товарища) сочло даже возможным связать авторитет ЦК партии не только с указанным общеперативным планом, но и с его отдельными изменениями. Это привело к такому положению, когда командование чувствовало себя [связанным] и оказывалось вынужденным упорствовать в шагах, явно и очевидно нецелесообразных, иногда бессмысленных и прямо преступных. Таков был последний эпизод с переброской корпуса Буденного на участок группы Шорина²⁰⁶¹ в то время, как вся обстановка, все оперативные данные, все логические соображения ясно требовали сосредоточения сил на Курском направлении. Еще более недопустимым явилась переброска полков 21-й дивизии из Тулы на Новохоперск и окончательное очищение угрожаемой дороги Курск—Тула—Москва.

Необходимые мероприятия²⁰⁶²:

1. Освобождение главкома от обязательств по отношению к «царицынскому» плану.

2. Разъяснение главкому в той или другой форме, что его оперативные решения сами по себе не могут иметь поддержку ЦК, который лишь ставит ему в известном порядке определенные задания.

3. Включение в состав РВСР Сокольников²⁰⁶³.

Из дела «Секретные исходящие бумаги с 18 сент[ября] 1919 г. по 12 мая 1920 г., ч. 2, с. 251—252. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 20—21. Заверенная машинописная копия; РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 459—460. Черновик № 1 — машинописный текст с пометами Л.Д. Троцкого черными чернилами и синим карандашом; РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 457—458.

Черновик № 2 — машинописный текст с пометами Л.Д. Троцкого синим карандашом. Печатается по тексту заверенной копии с комментированием разночтений по черновику № 2.

№ 2.5.2

Служебное письмо председателя Совета Обороны В.И. Ленина члену Реввоенсовета Республики С.И. Гусеву с критикой РВСР

16 сентября 1919 г.

Тов. Гусев!

Вникая в письмо Склянского (о положении дел 15/IX) и в итоги по [оперативным] сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо.

Успокаивать и успокаивать — это плохая тактика. Выходит «игра в спокойствие».

А на деле у нас застой — почти развал.

На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге и бабу Позерна и «успокоились». Прямо позор! А нас начали бить! Мы сделаем за это ответственным РВСР, если не будут приняты *энергичные* меры. Выпускать из рук победу — позор.

С Мамонтовым застой. Видимо, опоздание за опозданием. Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж. Опоздали с перекидкой 21-й дивизии на юг. Опоздали с автопулеметами. Опоздали со связью. Один ли главком ездил в Орел или с Вами, — дела не сделали. Связи с Селивачевым не установили, надзора за ним не установили, вопреки *давнему* и *прямо* требованию Цека.

В итоге и с Мамонтовым застой, и у Селивачева застой (вместо обещанных ребячьими рисуночками «побед» со дня в день — помните, эти рисуночки Вы мне показывали? и я сказал: о противнике забыли!!).

Если Селивачев сбежит или его начдивы изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делал. Надо лучших, *энергичнейших* комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь.

С формированием тоже опаздываем. Пропускаем осень — а Деникин утроит силы, получит и танки и пр. и пр. Так нельзя. Надо *сонный* темп работы переделать в *живой*.

Ответьте мне (через Лидию Александровну Фотиеву).

16/IX. Ленин

Видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь или не умея следить за *исполнением*. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель.

ГЛАВА 6

«Непосвященные... зовут наш... штаб „Красной Ставкой“». Полевой штаб после чистки от «шкурников и проходимцев»

Приведем цитату из «свидетельских показаний» Л.Д. Троцкого по «делу» капитана ранга А.М. Щастного 1918 г.: «Я первый высказался за сотрудничество со специалистами, но я знаю, что среди них есть разные лица: есть патриоты, в хорошем смысле этого слова, работающие не за страх, а за совесть, есть просто служаки, получающие жалованье, но есть и скрытые контрреволюционеры, которые, как Щастный, стремятся использовать свои посты для своих *темных целей*»²⁰⁶⁴. Выделенная нами в цитате дефиниция очень точна: для борьбы с «темными силами» была совершенно необходима инквизиция, т. е. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Когда созданная для пресечения разведывательно-подрывной деятельности арабов в эпоху Реконкисты инквизиция выполнила свою задачу, она взялась за искоренение «еретиков», не особенно разбираясь, кого стоило сжигать, а кто сам себя оговорил на допросе с пристрастием. Нарком по военным делам потому и сделал свое заявление, которые было приведено в газете «Правда» точь-в-точь, что ему было важно дать понять каждому военному специалисту: для ареста или расстрела ему было достаточно навлечь на себя простое подозрение в наличии неких «темных целей». Эффект был достигнут двойной: с одной стороны, бывшие генералы и офицеры были не на шутку запуганы, что не способствовало подготовке и вызреванию антиправительственных выступлений, но с другой — сообщение было принято к сведению и нецелевой аудиторией: чекистами. Не исключено, что Л.Д. Троцкий пожалел о своей активности по искоренению ереси на Балтийском флоте, когда в 1919 г. военные контрразведчики, подстегиваемые вождем мировой революции, заподозрили постановку «темных целей» ответственными сотрудниками Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

Многое ли изменилось в «Красной Ставке» после фильтрации его кадров? В принципе, и штат сотрудников Полевого штаба летом 1919 г. несколько сократили²⁰⁶⁵, и на протяжении года процент коммунистов в Ставке увеличили²⁰⁶⁶, однако на деле все эти изменения ни к чему не привели²⁰⁶⁷.

Как мы помним, на Пленуме ЦК РКП(б) 3 июля было принято решение о передислокации Полевого штаба в Москву²⁰⁶⁸. Судя по документам штаба, переезд состоялся в первых числах августа²⁰⁶⁹, преимущественно в здание бывшего Александровского военного училища (ныне — здание Министерства обороны РФ, однако оперативно поставить дело, как и в 1918 г. при переезде в Серпухов, не удалось.

9 ноября 1919 г. начальник Канцелярии С.С. Харитонов жаловался, что вверенное ему подразделение «находится в огороженном перегородками помещении в соседстве, с одной стороны, с телеграфом, а с другой стороны — с мастерской. Постоянный шум машин и гул со стороны Телеграфа и стуки топора из мастерской положительно не дают возможность работать служащим Канцелярии: нет возможности для сосредоточенной работы, и служащие... ежедневно жалуются на головную боль. Помещение для Канцелярии слишком тесно. Кроме служащих в Канцелярии постоянно бывает много народа, проходящего за разными справками и за получением сведений»²⁰⁷⁰. Приказ первого начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева по штабу от 12 декабря 1918 г. так и остался пустой тратой бумаги.

Ставка была перегружена откровенным кадровым балластом: начальник общего отделения его Оперативного управления генштабист И.Д. Моденов докладывал 18 августа начальнику управления: «Несмотря на большое количество письмоводителей... даже за освобождением оперативного отделения, очередь дежурства письмоводителей приходится через 12—14 дней, причем дежурства ложатся, главным образом, на остальные отделения Оперативного управления, несмотря на то, что в Оперативном управлении ведутся вечерние занятия от 21 до 23 часов. Насколько замечено за последние две-три недели, совершенно не несут дежурства письмоводители Общей канцелярии. Наряд дежурных письмоводителей не объявляют, а назначение совершается сообщением по телефону какой-то произвольной очереди, так что проверить наряд не представляется возможным». Моденов просил о включении в наряд «всех письмоводителей штаба (кроме оперативного отделения) и объявлении наряда дежурств заблаговременно на какой-либо период (1—2 недели)». Начальник Оперативного управления Б.М. Шапошников²⁰⁷¹ обратился к начальнику Административно-учетного управления В.В. Даллеру с просьбой урегулировать вопрос²⁰⁷². Даллер составил соответствующее распоряжение... 8 ноября²⁰⁷³ (в это время в штабе служил 91 письмоводитель, причем двое были временно освобождены «по болезни глаз», трое находились фактически на других участках работы)²⁰⁷⁴. Как говорится, «а воз и ныне там»: сразу пошла переписка об исключениях из общего «правила»²⁰⁷⁵. Один из рапортов В.В. Даллеру — откровенный курьез: «Кто из письмоводителей штаба соответствует своему назначению — мне не известно, — заявил начальник Канцелярии Полевого штаба С.С. Харитонов, — т. к. они принимались на службу помимо Канцелярии. Что появились письмоводители, не умеющие [печатать] на машинках, — это вина тех начальников, кто их принял. В настоящее время поступают жалобы, что мною без разбора наряжаются письмоводители на дежурство и допускаются некорректные и даже оскорбительные выражения, как это позволил себе помощник начальника разведывательного отделе-

ния [А.В.] Уиттенговен. Что Гринзкая не умеет печатать на машинке, мне никто не говорил, а была лишь записка начальника Оперативного управления [Б.М.] Шапошникова с просьбой освободить Гринзкую от дежурства, т. к. она временно состоит его секретарем²⁰⁷⁶, так что последняя часть рапорта Уиттенговена есть его фантазия и полный вымысел. Прошу на будущее защитить меня от подобного рода пасквилей в официальных документах»²⁰⁷⁷.

В сентябре 1919 г., что называется, в штатном режиме Полевой штаб в очередной раз «почистили» от военных специалистов. 11 сентября врид заместителя начальника Регистрационного управления Т.П. Самсонов-Бабий²⁰⁷⁸ отправил С.И. Гусеву «объяснительную записку», в которой настаивал на сокращении и фильтрации состоящей из военспецов Консультации управления: офицеры, по его мнению, могли раскрыть советскую агентуру и информировать противника²⁰⁷⁹. С.И. Гусев направил копию записки К.Х. Данишевскому²⁰⁸⁰ с резолюцией: «Это вполне совпадает с моими прежними предположениями. Я жду только решения Оргбюро по этому вопросу, чтобы подписать приказ». 30 ноября К.Х. Данишевский препроводил еще одну копию этого доклада Ф.Э. Дзержинскому²⁰⁸¹.

Осенью 1919 г. ленинский Совнарком спровоцировал РВСР на отстаивание прав Полевого штаба. Как известно, партийные работники отнюдь не разделяли необходимости материального обеспечения служащих «Красной Ставки», равного красноармейцам на фронте. 25 июля 1919 г. Совнарком отменил свое постановление от 30 сентября 1918 г., предоставлявшее красноармейский паек сотрудникам Полевого штаба. Высшее руководство РККА, заинтересованное в лояльности военных специалистов, направило в рабоче-крестьянское правительство ходатайство об отмене постановления от 25 июля. Не ожидавший иного Совнарком 13 октября 1919 г. «внял» ходатайству и свое решение отменил²⁰⁸². Фактически все партийные работники, ознакомившиеся с правительственным постановлением, должны были понять, как Л.Д. Троцкий печется о своей Ставке.

После чистки кадры Полевого штаба стали отличаться еще большей пестротой (что вполне логично — аресты и были направлены против «кастовости»): коммунисты не могли сделать из «Ставки» классово-близкий орган — для этого требовались партийные работники с высшим военным образованием, причем военно-штабным, а таковых пока что не было. Военные специалисты, продолжавшие работу в штабе, как и везде, были людьми разными — честными и продажными, монархистами, сторонниками Учредительного собрания, искренне сочувствующими Советской власти... Для иллюстрации приведем доклад военного комиссара Административно-учетного управления Полевого штаба помощнику военного комиссара штаба К.Х. Данишевскому с характеристикой личного состава управления за время с 1 сентября по 1 декабря 1919 г. (см. док. № 2.6.3) —

уже после событий, связанных с т. н. «заговором в Полевом штабе Реввоенсовета Республики». Почему доклад был направлен не С.И. Гусеву — понятно: 16 июля помощника военного комиссара Ставки К.Х. Данишевского назначили еще и членом Революционного военного трибунала Республики²⁰⁸³. По сути идеально для чистки Полевого штаба — сам контролирую, сам и сужу.

На основе доклада военных специалистов Ставки можно условно разделить на семь типов:

1-й тип: Начальник учетно-организационного отделения Виноградов — работал «постольку, поскольку его заставляют обстоятельства»; с политической стороны — «явный и яркий контрреволюционер, фанатический приверженец старого строя и типичный старый царский кадровый офицер. В отделении, иногда даже не стесняясь присутствия комиссара, открыто ведет злую агитацию против Советской власти и Коммунистической партии, осмеивает революционное движение, восхваляет старый порядок и т. д. Не скрывает своих симпатий к нашим врагам; с комиссаром ладит как кошка с собакой. Все ответы дает скреща зубами».

2-й тип: Начальник управления — В.В. Даллер — работал «как заведенный механизм без перебоя», благодаря «умственным способностям, хорошей военной подготовке (Генерального штаба)» и опыту работы в аппарате Высшего военного совета и Полевом штабе «с самого начала их существования». При этом Даллер «личной инициативы в своей работе» не проявлял «ни малейшей», балансируя «так, чтобы, с одной стороны, к нему нельзя было придрататься за саботаж, противодействие или враждебное отношение, а с другой — чтобы нельзя было его обвинить в сочувствии большевикам». Даллер обвинялся в коррупции. В политическом плане он оставался «идейно убежденным реакционным царским офицером», которого «только могила исправит»; «на революцию, социализм, Советскую власть и Коммунистическую партию он смотрит как на что-то нелепое, варварское, незаконное, безнравственное и просто разбойничье, не считая за ними «гражданского права» в цивилизованном мире, но с которыми, затаив злобу, приходится мириться как с победившей силой». Даллер, по словам комиссара, «всеми силами» старался «обойти и отстранить комиссара и парализовать его влияние в работе», «поддержать влияние и власть военспецов» и «крайне» заботился об их интересах, пытался «провести в штаб сотрудинками „своих“ — офицерских жен, буржуазных сынков, холопских обывателей и т. п.».

3-й тип: Начальник общего отделения Макаров — «изжил и ум, и здоровье, и нравственность в распутной офицерской жизни... (аналогичные явления наблюдались и в штабах белых армий. — С. В.). По отношению к Советской власти старается примазаться и проявляет лакейскую преданность. Свои настоящие чувства не показывает, но несомненно, что искренно он Советской власти не сочувствует».

4-й тун: Исполняющий должность помощника начальника управления Н.Г. Семенов, напротив, характеризовался как «способный и усердный работник», хотя и уступавший В.В. Даллеру в уровне подготовки и опыте, но инициативный, стремящийся «делать все как можно лучше», честный и лояльный Советской власти.

5-й тун: Начальник инспекторского отделения М.И. Плюсс²⁰⁸⁴ — «один из тех старых генералов, которые, работая более или менее продолжительное время у Советской власти, пытается позабыть былые «добрые времена». Стараются делать свое дело и не заниматься политикой. Даже газет не читает, чтобы «не сбиться с толку; будь хоть большевики, был бы лишь порядок»; «дай Бог, чтобы не было ни красных, ни белых, чтоб был бы какой-нибудь уж один цвет». Отношения между ним и комиссаром самые хорошие, прямо завидные».

6-й тун: помощник начальника учетно-организационного отделения полковник Кругликов — слишком лояльный к Советской власти (правда, по выражению комиссара, «сочувствующий Советской власти и коммунизму»): стучал комиссару на военных специалистов.

7-й тун условно составляют: помощники начальника общего отделения Захаров и Пашкевич — «тупые старики, которые являются просто нахлебниками».

Сотрудники «средней величины» (помощники начальников отделений и др.), докладывал комиссар управления, «все почти одинаковы, во всем «равняются по старшим»: своей политической физиономии открыто не показывают, т. к. им, как «слушателям», достается молчание. Как бывшие младшие *офицера*²⁰⁸⁵ из буржуазной среды, они настроены враждебно к Советской власти, но не так яростны, как старики».

Полевой штаб и после чистки свято хранил традиции царской России: младшими служащими, как следует из доклада К.Х. Данишевскому, оставались «за малым исключением... родственники и знакомые „больших“ и „средних“ спецов... идущие в хвосту у своих начальников» и работающие «только ради материальных удобств», чтобы пережить «это тяжелое время» («Ну как не порадеть родному человечку!»). Стоит заметить, что непотизмом грешил весь советский бюрократический аппарат, даже руководитель которого — В.И. Ленин — активно пристраивал своих родственников и знакомых²⁰⁸⁶. К счастью для красных, аппарат белых оказался еще хуже. Так, во ВСЮР Особое совещание и главы ведомств в 1919 г., как установил исследователь С.В. Карпенко, «стремились построить аппарат управления с расчетом на всероссийский масштаб. Армии, несмотря на отдельные неудачи, продвигались вперед, и главным в работе ведомств стало строительство, опережая события, аппарата, способного сразу по взятии Москвы приступить к управлению страной». Результат понятен: стремительное разбухание даже гражданского аппарата²⁰⁸⁷.

Как средние, так и младшие служащие Полевого штаба лишь отработывали определенные часы. В августе 1919 г. инспекторским от-

делением Административно-учетного управления было проведено служебное расследование по факту изготовления фальшивых документов о красноармейских пайках для служащих Полевого штаба. Выяснилось, что письмоводитель организационно-учетного отделения А.П. Кулаков изготовил 12 бланков на шапирографе в своем отделении в неприличное время и раздал их, как говорится, по-царски — сотрудникам не только своего, но и общего отделений. При этом «разрешения на изготовление этих бланков на шапирографе он ни у кого не спрашивал и ни от кого не получал». Один из письмоводителей общего отделения (К.И. Зубов) три или четыре таких бланка умудрился подписать у своего непосредственного начальника Маркова, еще несколько бланков сотрудники подмахнули у начальника и комиссара связи и делопроизводителя²⁰⁸⁸.

Не особо изменилось и положение в подчиненных Полевому штабу органах. Так, работа аппарата военных сообщений не была налажена и осенью 1919 г. В октябре начальник ЦУПВОСО М.М. Аржанов и заместитель его военного комиссара С. Щукин докладывали «через начальника Полевого штаба» главкому: «При объезде Туркестанского и Восточного фронтов Реввоенсоветы 1-й, 5-й и 3-й армий в один голос предъявляли требование о замене существующих начвосо армий — в большинстве случаев из железнодорожников, или из бывших офицеров Генштаба, или из числа бывших старых опытных передвиженцев. Причиной... как это выяснилось на месте, является малая осведомленность существующих начвосо в деле военных сообщений вообще и в частности ясно выраженная тенденция в армиях перейти от кустарничества к планомерному строительству всех своих органов, в том числе и органов военных сообщений. Это требование, предъявленное одновременно тремя армиями, ставит ЦУПВОСО в весьма затруднительное положение, ибо в его резерве не имеется соответствующих кандидатов, а из числа лиц, кои могли бы занять должности начвосо армий, большинство уже состоит на ответственных должностях по передвижению». Аржанов просил об откомандировании в его распоряжение четырех «старых передвиженцев» из Высшей военной инспекции и одного из Центропленбежа²⁰⁸⁹.

Осенью 1919 г. в самом Полевом штабе пошли на некий эксперимент, назначая на мелкие руководящие должности коммунистов, однако, если в центральных и главных управлениях Наркомата по военным делам РСФСР отсутствие должной подготовки не всегда давало о себе знать, в Ставке дело обстоит иначе: помощник начальника хозяйственного отделения Административно-учетного управления Иванов по итогам двухмесячного пребывания в должности навлек в ноябре 1919 г. на свою голову служебное расследование, констатирующее его абсолютное несоответствие занимаемой должности и неуживчивость. Иванову, «переброшенному» на работу в ж.-д. аппарат из Главного управления военно-учебных за-

ведений, новая работа оказалась не под силу. Ему, как выяснилось в ходе расследования, «мало знакомо дело ведения хозяйства в воинских частях, работа его отличается бессистемностью, недостатком инициативы, способности к управлению и организации; между своими помощниками он не в состоянии распределить работы, и потому каждый из них не знает своих обязанностей, не знает, за что приняться; советов и руководящих указаний своим сотрудникам он не дает или (если дает), то настолько неопределенные и неясные, что приходится выполнять их без уверенности, что выполняешь волю начальника. Тов. Иванов — большой формалист, человек сухой буквы, мало интересующийся живым делом, и все хозяйственные вопросы, даже самые простые и несложные, разрешающий не иначе, как на бумаге. По натуре своей он является человеком раздражительным, нервным, неуживчивым и не входящим в положение других, несдержанным и грубым — и эти особенности проявляются постоянно в отношениях к сотрудникам. Он не считает нужным посещать хозяйственные учреждения, подведомственные его отделению... и не осуществляет никакого надзора за ними... вследствие чего каждое из них ведет свою самостоятельную жизнь без всякого объединяющего и руководящего начала. Он не пользуется авторитетом товарищей по службе и, с одной стороны, не считается с их мнениями и взглядами на дело и, с другой — недостаточно оценивает труд, энергию и опыт действительно полезных сотрудников и тем охлаждает пыл, рвение и охоту к делу; он полагает, что всю работу выполняет единолично, а сотрудники и помощники ничего не делают, упуская из виду, что сам он не дает им определенной работы, вследствие чего каждый из них работает по собственному разумению и инициативе. Посторонние... в большинстве [своем] уходят недовольными и неудовлетворенными теми — почти всегда неопределенными и неясными — ответами и объяснениями, которые они получают от начальника отделения... отрицательно относятся к начальнику отделения не только те лица, которые на рапортах своих заявили о невозможности совместной службы с ним, не только те, которые тем или иным образом были им обижены, имели причины не быть достаточно беспристрастными в оценке его служебных и нравственных качеств, но и все вообще сослуживцы, даже состоявшие с ним, по их словам, в хороших отношениях. Таково мнение о нем не только его сотрудников по его настоящей службе, но и по прежней службе в Г[лавном] у[правлении] в[оенно]-у[чебных] з[аведений]»²⁰⁹⁰.

Как и прежде, за событиями на фронтах зорко следили военные контрразведчики. Так, не позднее 25 ноября 1919 г. управляющий делами Особого отдела ВЧК Г.Г. Ягода по распоряжению Ф.Э. Дзержинского запросил у помощника военкома Полевого штаба К.Х. Данишевского заключение «о причинах выхода армии Юденича из окружающих его кольцом наших войск, которых было достаточно

количественно для полного окружения и уничтожения» противника; «не объясняется ли выход из окружения... нераспорядительностью и недобропредительством²⁰⁹¹ отдельных лиц»²⁰⁹². По итогам Ф.Э. Дзержинский получил ответ с приложением справки за подписью генштабиста [С.И.] Данилова: «Во время операции против Юденича он фактически никогда окружен не был; 2) полагаю, что окружение было бы возможно, если 7-я и 15-я армии двигались бы скорее, и 7-я армия не терпела бы прикосновение противника во время боя, и если бы 7-я армия не оставляла столько штыков в резерве во время решающих боев; 3) определенно полагаю, что нераспорядительность [Д.Н.] Надежного сыграла свою роль, как и его неразумное распределение штыков по группам — фактически без ударного кулака»²⁰⁹³.

Комиссар Административно-учетного управления Полевого штаба выразил в декабрьском докладе К.Х. Данишевскому 1919 г. надежду, что коммунисты от разговоров о революционизировании Полевого штаба (методом чистки, введения более революционного духа и порядка и т. д.) перейдут, наконец, к делу: «...непосвященные люди зовут наш Полевой штаб „Красной Ставкой“ (как он, действительно, и должен был бы называться), в то время, когда он по своему составу и духу фактически представляет из себя — черно-белую Ставку»²⁰⁹⁴. Именно этого, как представляется, и добился В.И. Ленин, организовав в июле 1919 г. чистку Полевого штаба от пассионариев-генштабистов, которых руководитель Политуправления РККА И.Т. Смилга обозвал «шкурниками и проходимцами»²⁰⁹⁵.

№ 2.6.1

Из агентурной сводки Особого отдела при МЧК № 36 — О ЦУПВОСО РВСР

19 июля 1919 г.

Совер[шенно] секретно

<...> [16]/VII. Центральное управление военных сообщений при Реввоенсовете Республики. Имеется партийная ячейка 58 коммунистов и 25 сочувствующих. Дисциплина слаба. <...>

Подлинную подписали:

Завед[ующий] Особотделом при МЧК

Т. Самсонов

Завед[ующий] активным отделением

А. Коростин

Информатор

П. Грязнов

С подлинным верно: Секретарь

[подпись]

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117. Л. 34, 35 об. Заверенная машинописная копия.

№ 2.6.2

**Протокол заседания партячейки Полевого штаба РВСР после
перерегистрации ее членов — организационные вопросы***14 августа 1919 г.**Протокол собрания ячейки Полевого штаба РВСР после
перерегистрации 14 августа 1919 года²⁰⁹⁶*

На собрании присутствовали следующие товарищи: Анскин, Завадский, Руссов, Семенов, Сергеев, Макаров, Каш, Шаховцев, Малафеев, Сперанский, Кузнецов, Голубков, Ильин, Мартынов, Журавлев, Шарапов, Фролов, Эстрейхер-Егоров, Щукин, Зиновьев, Лазарев, Лирин, Бактырев, Ратников, Силин, Легран²⁰⁹⁷ и др.

Порядок дня:

- 1). Доклад комитета — обзор деятельности ячейки за 1-е пол[угодие].
- 2). Доклад о перерегистрации.
- 3). Выборы бюро ячейки.
- 4). Текущие дела.

1. СЛУШАЛИ: Доклад о перерегистрации т. АНСКИНА.

Тов. АНСКИН указал, что перерегистрация затянулась ввиду задержки Серпуховской комиссии. Всего из перерегистрированных по числу принятых и выбывших выяснилось так: принятых и утвержденных комиссией — 40, условно — 6, не принято — 3, исключенных — 6, из принятых 11 чел. выбыло, прибыло 6. Всего налицо — 33 чел. До перерегистрации всего в ячейке Полевого штаба насчитывалось 55 чел. Из осведомления в Городском районном комитете [РКП] об особых отрядах указано, что ячейка Полевого штаба берется на учет и освобождается от занятий. Группа сочувствующих упраздняется, результат о дальнейшем их существовании будет в ближайшее время выяснен.

2. СЛУШАЛИ: Доклад Комитета — обзор о деятельности ячейки Полевого штаба (доклад т. Анскина).

Ячейка Полевого штаба образовалась в прошлом году. Вначале всего было 20 членов, и в дальнейшем ячейка расширилась и был образован подрайон, состоящий из трех ячеек. С переездом в Москву подрайон упраздняется. Деятельность нашей ячейки в г. Серпухове помимо работы в Полевом штабе принимала участие в Серпуховском рабочем районе под руководством местной городской организации. Был произведен ряд лекций и митингов.

Политическая работа в Полевом штабе почти не велась, что и приходится констатировать с тем, чтобы вновь выбранный комитет принял это к сведению в его будущей работе. По имеющимся статистическим данным, число общих собраний было 18, заседаний комитета — 24. С основания перебивало членов — 71, убыло — 29, посещающих общие собрания в процентном отношении — 47. Комитетом разрешались некоторые важные вопросы, но [мы] всегда

сталкивались с препятствиями со стороны Начальствующих (прописная буква документа — налет издевки? — С. В.) лиц Полевого штаба, но в настоящее время политика военного ведомства изменилась и работа ячейки должна принять другой характер.

Тов. Эстрейхер-Егоров полагает: не работая и не воспитывая политически своих членов, ячейка была не на высоте своего дела, что недопустимо, и в дальнейшем необходимо поставить работу на должную высоту.

Тов. Легран указал, что ячейка вряд ли серьезно ставит вопрос по отношению к руководителям Полевого штаба, зная, какую они ответственность несут перед Революцией.

После короткого заключительного слова т. Анскина доклады принимаются к сведению.

3. СЛУШАЛИ: Выборы бюро ячейки.

3. ПОСТАНОВИЛИ: Количество членов бюро ячейки большинством голосов постановлено 5 членов.

Кандидатами были намечены следующие тт.: Анскин, Завадский, Макаров, Шарапов, Васильев, Руссов и Лазарев. Большинство голосов в бюро избираются: т. Анскин (единогласно), т. Завадский («за» — 16, возд[ержалось] — 2), т. Макаров («за» — 16, возд[ержалось] — 2), т. Шарапов («за» — 12, возд[ержалось] — 5²⁰⁹⁸), т. Васильев («за» — 12, возд[ержалось] — 5²⁰⁹⁹).

Кандидатом т. Руссов: «за» — 9, возд[ержалось] — 8²¹⁰⁰.

4. СЛУШАЛИ: Текущие дела — о назначен[ии] дня и часа общих собраний ячейки.

4. ПОСТАНОВИЛИ: Большинство голосов постановлено общие собрания созывать 2 раза в месяц (1 и 15-го), а экстренные — по усмотрению бюро.

Председатель *Легран*

Секретарь: *Т. Завадский*

ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 540. Л. 3 с об. Подлинник — машинописный текст с автографами черными чернилами.

№ 2.6.3

Из доклада военного комиссара Административно-учетного управления Полевого штаба РВСР помощнику военного комиссара Полевого штаба К.Х. Данишевскому с характеристикой личного состава управления

*Не позднее 11 декабря 1919 г.*²¹⁰¹

Совершенно секретно

Помощнику комиссара Полевого штаба т. Данишевскому

*Доклад комиссара Административно-учетного управления
Полевого штаба РВСР за время с 1 сентября по 1 декабря
1919 года²¹⁰²*

а). Характеристика ответственных работников — военспецов управл[ения]:

1) начальник управления — В.В. Даллер

В техническом отношении работает сравнительно хорошо — как заведенный механизм без перебоя. Благодаря известным его умственным способностям, хорошей военной подготовке (Генерально-го штаба), некоторой практике и тому обстоятельству, что он работает в Высшем военном совете и потом в Полевом штабе с самого начала их существования, и исходя из известных исторически-социальных условий, с чисто технической стороны он является соответствующим своему назначению. Следует только отметить, что личной инициативы в своей работе не проявляет ни малейшей. Он балансирует так, чтобы, с одной стороны, к нему нельзя было придраться за саботаж, противодействие или враждебное отношение, а с другой, чтобы нельзя было его обвинить в сочувствии большевикам.

С нравственной стороны — он обладает всеми порочными качествами, которые он старается замаскировать утонченными галантностью и светскостью. С деловой точки зрения, самое отрицательное у него в этом отношении — беззастенчивое стремление пользоваться своим служебным положением для собственной наживы, способствование своим друзьям и разным спекулянтам устраиваться и делать свои грязные делишки за счет общественного достояния. В этом он способен на все самое преступное и подлое. Как пример можно привести то, что он взял от гр. Озоля взятку в 50 тыс. руб.²¹⁰³

С политической стороны — он каким был, таким и остался — идейно убежденным реакционными царским офицером. Он принадлежит к тем реакционерам, которых «только могила исправит». На революцию, социализм, советскую власть и Коммунистическую партию он смотрит как на что-то нелепое, варварское, незаконное, безнравственное и просто разбойничье, не считая за ними «гражданского права» в цивилизованном мире, но с которыми, затаив злобу, приходится мириться как с победившей силой. Как на конкретный пример укажу на одну его фразу, которой он обозначил то, что считает самым нелепым: «Это тоже социалистическая штука».

Он всеми силами старается поддержать влияние и власть военспецов и крайне заботится о[б] их интересах, в то же время стараясь как можно больше обойти красный элемент. Всячески старается обойти и отстранить комиссара и парализовать его влияние в работе. Всеми силами старается провести в штаб сотрудинками «своих» — офицерских жен, буржуазных сынков, холопских обывателей и т. п.

2) и. д. помощника начальника управления Н.Г. Семенов²¹⁰⁴

Способный и усердный работник — генштабист. Весьма деловой и старается в работе как можно больше вникнуть в суть дела. Если он в смысле подготовки и опытности и уступает Даллеру, то превосходит его тем, что вкладывает в работу сердечность, личную инициативу и стремится делать все как можно лучше. Мне кажется, что он работает не по принуждению, а как сам для себя.

Насколько я успел познакомиться, в нравственном и политическом отношении он представляет из себя полную противоположность Даллеру. В общем, я уверен в его честности и искреннем сочувствии (в большей или меньшей мере) советской власти и старании принести большей пользы Красной армии своей работой.

3) начальник учетно-организационного отделения Виноградов

Способный генштабист. Хорошо работает постольку, поскольку его заставляют обстоятельства. Из нравственных качеств его следует отметить чрезвычайную гордость и самолюбие.

С политической стороны — явный и ярый контрреволюционер, фанатический приверженец старого строя и типичный старый царский кадровый офицер. В отделении, иногда даже не стесняясь присутствия комиссара, открыто ведет злую агитацию против советской власти и Коммунистической партии, осмеивает революционное движение, восхваляет старый порядок и т. д. Не скрывает своих симпатий к нашим врагам.

Для наглядного примера приведу некоторые его изречения:

По случаю взятия Курска: «А все же войска Деникина отстают планомерно и в полном порядке».

По случаю награждения т. Гиттис: «Называют (статья в газете) полководцами всякого... У нас были полководцы — Суворов²¹⁰⁵, Петр Великий²¹⁰⁶ и теперь Юденич».

По поводу проектируемой реорганизации Адмупра: «Скрипела эта машина (Полевой штаб) и будет скрипеть еще некоторое время, без всякой реорганизации».

Во время разговора с т. Кругликовым (беспартийный, б. полковник).

«Тоже человек с новыми веяниями... Я человек, получивший духовное воспитание и никогда не пойму этого...»; «После окончания всей этой проклятой смуты уеду из этой проклятой России в Персию, где мой товарищ по Академии — наследник престола»; «Я обо всем (происходящем у Деникина) достаточно осведомлен...».

О VII [Всероссийском] съезде Советов: «Соберутся эти идиоты, примут „резюлюции“, которые им будут предлагать, и, как бараны, разойдутся...»

Ежедневно дразнит прислугу т. Дроздова за то, что последний в последнюю неделю записался в партию.

Заявление беспартийного б[ывшего] полковника т. Кругликова (очень лояльного по отношению к Советской власти):

«Вскоре после моего поступления на службу в Полевой штаб, в одном из разговоров со мной, тов. Виноградов в связи с успехами Деникина на Юге высказался, что в случае эвакуации штаба отнюдь из Москвы не выедет, и притом добавил, что кровь его убитых товарищей будет отомщена».

С комиссаром ладит как кошка с собакой. Все ответы дает скреща зубами²¹⁰⁷.

4) начальник инспекторского отделения М.И. Плюс

Как технический работник — на своем месте. Человек исполнительный и аккуратный. Что касается его политической физиономии, то он один из тех старых генералов, которые, работая более или менее продолжительное время у Советской власти, и пытаются позабыть былые «добрые времена». Старается делать свое дело и не заниматься политикой. Даже газет не читает, чтобы «не сбиться с толку; будь хоть большевики, был бы лишь порядок»; «Дай Бог, чтобы не было ни красных, ни белых, чтоб был бы какой-нибудь уж один цвет». Отношения между ним и комиссаром самые хорошие, прямо завидные.

В нравственном отношении у него предосудительного ничего не замечено.

5) начальник общего отделения Макаров

Калека телесно и умственно. Изжил и ум, и здоровье, и нравственность в распутной офицерской жизни. Вообще он совершенно не способный, вялый и не соответствующий своему назначению. По отношению к советской власти старается примазаться и проявляет лакейскую преданность. Свои настоящие чувства не показывает, но несомненно, что искренно он советской власти не сочувствует.

6) начальник общей канцелярии С.С. Харитонов

Хорошо вызубрил все приказы и декреты и ревностнее Цербера охраняет букву закона. Буквоед, педант и бюрократ высшей марки. Грубый, неотзывчивый, вспыльчивый и непослушный в высшей степени. В нравственном отношении — нахал и подлец. Недобросовестен по отношению к сути законности, государственным и общественным интересам своих сослуживцев. Делом не интересуется, благодаря чему в Канцелярии в делопроизводстве личного состава [Полевого] штаба полный хаос и запущенность.

Бухгалтер Лимонников и казначей Анцыферов — люди хотя и не наши, но хорошие работники и в политическом отношении, по крайней мере открыто, держатся нейтралитета.

7) комендант штаба т. Грабе

Коммунист, со своими обязанностями справляется, но ему несколько недостает личной инициативы, самостоятельности и порядительности.

8) начальник хозяйственного отделения Иванов

Мало знаком с делом ведения хозяйства, работа его отличается бессистемностью, недостатком инициативы и способности к управлению и организации, между своими сотрудниками не умеет распределить работу. Не дает и если дает, то неопределенные и неясные ответы на служебные вопросы сотрудников и посетителей. Неэнергичный, большой формалист, человек сухой буквы, мало интересующийся живым делом. Все хозяйственные вопросы, даже самые мелочные, простые и несложные, при распоряжениях решает не иначе, как на бумаге. Раздражительный, неотзывчивый, несдержанный и грубый. Не осуществляет никакого надзора над своими сотрудниками, не пользуется авторитетом среди своих сотрудников. По отношению к начальству — лакейский.

б). Сотрудники «средней величины» (помощники начальников отделений и др.) все почти одинаковы, во всем «равняются по старшим». Своей политической физиономии открыто не показывают, т. к. им, как «слушателям», достается молчание. Как бывшие младшие офицеры из буржуазной среды, они настроены враждебно к советской власти, но не так яростны, как старики. Из их среды ярко выделяется помощник начальника учетно-организационного отделения т. Кругликов, б[ывший] полковник. Он беспартийный, сочувствующий Советской власти и коммунизму.

Следует отметить еще помощников начальника общего отделения Захарова и Пашкевича — тупых стариков, которые являются просто нахлебниками.

в). Младшие служащие, за малым исключением — жены, дочери, родственники и знакомые «больших» и «средних» спецов, люди враждебного нам лагеря, идущие в хвосту у своих начальников. Служат только ради материальных удобств — чтобы просуществовать «это тяжелое время».

Как средние, так и младшие служащие лишь отрабатывают определенные часы, и «с них довольно».

Есть и с дюжину младших служащих коммунистов, они в загоне и чувствуют себя «не в своей тарелке».

II. В Административно-учетном управлении в целом работа внешняя (учетно-организационная), связанная с фронтами, РВСР и ВГШ, протекает, в общем, почти удовлетворительно. Но внутренняя — административно-хозяйственная — имеет много громадных дефектов.

В учетно-организационном и инспекторском отделениях общий ход работы удовлетворительный. Не налажена планомерность, систематичность и точность работы. Как на главный дефект укажу на то, что как в инспекторском, так и учетно-организационном отделениях ведется довольно хаотически, неорганизованно и непланомерно в первом — учет комсостава, пополнений, дезертиров и т. д.,

а в последнем — систематизация и использование данных учета личного состава людей, лошадей, оружия и пр. армии. Постараюсь, чтобы с нового года работа в этой области была заведена как следует.

В общем отделении работа не организована и ведется очень вяло и в узких рамках. Главным образом, не налажена систематизация как приказов самих, так и выдержек из них и архивная часть. Ведение вопросами квартирных конфликтов и тому подобными, вследствие неспособности общего отделения справиться с ними, фактически механически перешли к другим отделениям.

В канцелярии, благодаря хорошей работе бухгалтера и казначея, денежная часть технически поставлена хорошо. Делопроизводство по личному составу [Полевого] штаба весьма запущено и находится в беспорядочном состоянии.

Если удастся провести мой проект объединения общего отделения с общей канцелярией, создавая общую часть Адмупра, и найти для нее соответствующего начальника, надеюсь, что работа, которую ведут сейчас общее отделение и общая канцелярия, будет поставлена на должную высоту.

В хозяйственном отделении общий ход работы, благодаря несомнительности своему назначению начальника и раздоров его с сотрудниками, вялый и неорганизованный.

Мне кажется, что артельщиками, кладовщиками и раздатчиками, несомненно, производится в той или другой мере и форме злоупотребления материальной частью.

В комендантской части работа протекает, в общем, удовлетворительно. Придется только побудить ее к большей активности.

III. Если в суждении исходить из нормальных функций органа старой Ставки, соответствующего нашему Адмупру, то почти всю работу последнего можно считать исключительной, т. к. главное место в его работе все время занимала созидательная — организационная работа, новое строительство армии.

В частности, можно отметить:

В учетно-организационном отделении: организация специальных кавалерийских частей, секторов; дивизионных округов, лыжных частей и т. д.

В инспекторском отделении: учет квалифицированных рабочих, возвращение их и милитаризованных рабочих на свои фабрики и предприятия и пр., в хозяйственном — организация доставки дров для сотрудников, организация повозочного взвода [Полевого] штаба и пр.

IV. Главные затруднения во внешней работе — трудность регулярного и своевременного получения полных и точных сведений; учета комсостава, людей, лошадей, оружия, пополнений, дезертиров и пр. Для добывания нужных сведений посылались частые повтори-

тельные телеграммы, запрашивались сведения по прямым проводам и т. д.

В хозяйственном отделении были большие затруднения по доставке продуктов для довольствия сотрудников — невозможность своевременного привоза продуктов вследствие расстройств транспорта. Для устранения этого явления устраивается так, чтобы постоянно находилось в дороге за продуктами несколько экспедиций.

По доставке дров встречались почти непреодолимые препятствия: невыдача разрешений на вывоз дров, и на вагоны, отказ рабочих грузить дрова иначе, как за уплату продуктами и мануфактурой, захват и реквизиция дров, хищение дров вследствие неимения охраны, отсутствие повозочных средств и т. д.

Все это, по возможности, улаживалось посылкой всегда и повсюду на места живых людей, авторитетом Полевого штаба и т. д.

В комендантской части парализует работу по охране штаба и установлению в нем должного внутреннего порядка то обстоятельство, что караул, весь ремонтный аппарат и т. п. находятся в руках другого учреждения — коменданта Управ[ления] дел[ами] РВСР. Весьма желательно как можно скорее вернуть 5-й Лат[ышский стрелковый] полк²¹⁰⁸.

V. Для улучшения работы управления считаю необходимым первым долгом — устранение следующих лиц: Даллера, Виноградова, Харитоновна, Иванова, Макарова, некоторых помощников начальников отделений: общего, хозяйственного и канцелярии — и артельщиков, кладовщиков и раздатчиков хозотделения. Тогда представится комиссарам возможность фактически в полной мере участвовать и осуществлять свое влияние в работе, устранять и других негодных сотрудников, замещая их более подходящими людьми и, таким образом, более-менее оздоровить весь организм. <...>²¹⁰⁹

VII. Считаю нужным выразить свое пожелание, чтобы мы в [Полевом] штабе от разговоров о революционизировании штаба (чистка, введение более революционного духа и порядка [и] т. д.), наконец, перешли бы к делу — прямому действию. Сейчас же приходится краснеть, когда слышишь, что непосвященные люди зовут наш Полевой штаб «Красной Ставкой» (как он, действительно, и должен был бы называться), в то время, когда он по своему составу и духу фактически представляет из себя — черно-белую Ставку²¹¹⁰.

Комиссар Административно-учетного управления *[подпись]*

Помета К.Х. Данишевского: «О личном составе. К делу. 11/12. Данишевский».

Помета делопроизводителя: «О личном составе. К делу. 11/12».

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 19—20 об. Подлинник — машинописный текст с автографом. Помета К.Х. Данишевского — автограф красными чернилами.

№ 2.6.4

**Из протокола заседания бюро партячейки Полевого штаба
РВСР после перерегистрации ее членов — общие
и организационные вопросы**

13 марта 1920 г.

*Протокол заседания бюро ячейки Полевого штаба РВСР
13 марта 1920 г. в 4 часа дня²¹¹¹*

Присутствуют: АНСКИН, БОЯРСКИЙ, ЛИХАЧЕВ, ЗУСТЕР, ЛОГУНОВ, КУЗНЕЦОВ, СМИЛГА и представитель от ячейки Управдел[ами] РВСР МЕДЯНЦЕВ.

Председатель: АНСКИН.

Секретарь: ЛИХАЧЕВ.

4. СЛУШАЛИ: Организационная связь.

[А.] Тов. АНСКИН говорит, что нужно выяснить в Горрайкоме [вопрос] о субботниках.

Тов. БОЯРСКИЙ предлагает следующее: «Ввиду того, что Полевой штаб работает даже и в праздничные дни и поэтому на субботники очень трудно собирать людей, — организовать трудовой отряд, который в свободное время и день мог бы работать там, где укажет бюро.

После прений [внесено] следующее: Просить Горрайком об освобождении ячейки от субботников и посылать доклады о работе нашего трудового отряда.

[Б.] О неаккуратности посещения членами общих собраний.

ПОСТАНОВИЛИ: Представить сведения из явственных листов, кто не посещает собрания.

5. Текущие дела: читается заявление т. ДАНИЛИНА о неправильном его увольнении.

После прений [постановили]: Поручить т. СМИЛГЕ выяснить этот вопрос.

За председателя Боярский

Секретарь

С подлинным верно:

Секретарь Лихачев

ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 540. Л. 6—6 об. Заверенная машинописная копия.

Часть третья

«ДВУНОГИХ ТВАРЕЙ МИЛЛИОНЫ»

ГЛАВА 1

«Первой... жертвой буду я, как военспец, а остальные все стучаются, став за спину партии». Судьбы арестованных генштабистов

Арест И.И. Вацетиса и его подчиненных не вызвал протеста военных партийцев, никогда не доверявших «золотопогонникам» и боявшихся как минимум перехода «обиженных» к социально-психологически и классово близкому им противнику, как максимум — организации ими военного переворота. Не исключено, что именно это затруднило разгадку тайны, окутавшей мраком важный эпизод советского военного строительства, и до сих пор поддерживает уверенность отдельных историков (например, С.Т. Минакова), что «заговор» в собственном смысле этого слова имел место.

Тревожная обстановка, сложившаяся в Серпухове после ареста И.И. Вацетиса, привела к панике среди партийных работников. Один из них написал председателю РВСР: «Уважаемый Лев Давидович! По долгу совести сообщаю Вам, что непременно следует принять к сведению: со времени увольнения главкома Вацетиса латыши стоящего здесь 5-го Латышского полка распространяют в народе слух, особенно между молодежью гор. Серпухова, что они скоро поднимут восстание и уничтожат Штаб Ваш в Серпухове²¹¹². Поэтому не могу не донести Вам об этом слухе. Быть может, Вам удастся вовремя уничтожить этот проклятый замысел и свести его на нет, переведя его (5-й Латышский стрелковый полк. — С. В.) на позиции и заменив полк другим, или переведите его на другое место. Вацетис этот полк держал лишь для своей охраны, теперь же с изгнанием его и полк следует вывести из Серпухова. Остаюсь один из уважающих Вас...» (в машинописной копии фамилия опущена)²¹¹³. Судя по действиям Л.Д. Троцкого, его убежденность в невиновности главкома эта записка (возможно, анонимка) не поколебала.

Однако председатель РВСР, атакованный большинством членов Политбюро ЦК РКП(б), вступился за своих подчиненных не сразу. На помощь ему пришла... чрезмерная активность чекистов: по данным Я.Ю. Тинченко, основанным на документах чекистского дела «Весна», летом 1919 г. арестовали около 80 однокурсников Теодори²¹¹⁴. Поправим украинского исследователя: не только летом, но и осенью 1919 г., и притом не по одному делу, а по целой серии далеко не всегда связанных друг с другом дел.

25 июля 1919 г., получив требование Ф.Э. Дзержинского об аресте двух очередных «заговорщиков» (генштабиста Г.Я. Кутырева и видного большевистского деятеля Н.А. Семашко), Л.Д. Троцкий даже не удостоил председателя ВЧК личным ответом. Вместо телеграммы Ф.Э. Дзержинскому председатель РВСР направил свой ответ Э.М. Склянскому для передачи ЦК, предполагая, что Ф.Э. Дзержинский ознакомится с документом на заседании Оргбюро ЦК РКП(б): «Принимая во внимание ряд произвольных арестов, которые несут (так в тексте, следует — вносят. — С. В.) жесткую дезорганизацию», Л.Д. Троцкий соглашался на арест Г.Я. Кутырева и Н.А. Семашко «только по прямому постановлению Цека». Э.М. Склянский направил телеграмму председателю РВСР В.И. Ленину, Е.Д. Стасовой и И.Т. Смилге²¹¹⁵. Происходящим заинтересовался вождь: вместе с генштабистом 1917 года, мало интересовавшимся руководящее ядро РКП(б), чекисты предложили арестовать старого большевика Н.А. Семашко, а это было явным перебором. Даже в эпоху «культы личности» арест старого большевика мог состояться не иначе, как с согласия И.В. Сталина. Л.П. Берия, арестовав в годы т. н. Большого террора своего заклятого врага М.С. Кедрова после его записи на прием к генсеку, никому об аресте не доложил, однако избавиться от Кедрова смог только в октябре 1941 г., когда при подходе немцев к Москве получил в Политбюро разрешение на расстрел всех лубяньских узников.

6 августа 1919 г. состоялось совместное заседание Полит- и Оргбюро ЦК РКП(б). Чекисты рассмотрели вопрос об аресте Г.Я. Кутырева, по итогам приняли излишне осторожное решение — «запросить Павлуновского»²¹¹⁶ по существу вопроса.

Чекисты разошлись настолько, что 14 августа председатель РВСР, узнав о замыслах очередных арестов (на этот раз командира бригады Афонского), обозвал первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского «человеком психически неустойчивым», которому «невозможно» «выдавать... заслуженных работников на основе его подозрений». Л.Д. Троцкий предложил Политбюро телеграммой заменить руководителя Особого ВЧК М.С. Кедрова на «ответственное лицо, внушающее доверие к способности разобраться в деле и в людях»²¹¹⁷, намекая тем самым на тот факт, что рыба всегда гниет с головы, в лице И.П. Павлуновского М.С. Кедровым была найдена достойная замена А.В. Эйдюка. Обвинение Афонского

было основано на фабрикации четырехмесячной давности «удостоверений с подложными печатями». 15 августа об этом доложил председателю РВСР Э.М. Склянский²¹¹⁸.

15 августа Л.Д. Троцкий выразил в телеграмме «крайнее сожаление» по поводу состоявшегося-таки неправомерного ареста Г.Я. Кутырева и Н.А. Семашко из 12-й армии («безобразия»)²¹¹⁹. 16 августа П.П. Лебедев, К.Х. Данишевский и начальник Административно-учетного управления генштабист А.Н. Виноградов подписали предписание «Генерального штаба товарищу Г.Я. Кутыреву... с получением сего отправиться к месту прежней службы»²¹²⁰. Как следует из приказа по Полевому штабу, Г.Я. Кутырев 16 августа отправился в 12-ю армию²¹²¹, руководить штабом которой его назначили. Вероятно, требования Л.Д. Троцкого в отношении Г.Я. Кутырева на этот раз не были проигнорированы: напрасно И.П. Павлуновский обвинил за компанию с генштабистом 1917 г. старого большевика Н.А. Семашко.

Правда, пойдя навстречу председателю РВСР в случае с Г.Я. Кутыревым, Политбюро, рассмотрев 16 августа телеграмму Л.Д. Троцкого, отказало в освобождении Афонского: «Из представленных Особым отделом документов выяснилось, что Афонский привлекается Рев[воен]трибуналом 6-й армии и что против него имеются весьма серьезные обвинения». К сложившейся ситуации Политбюро отнеслось с должным вниманием: «Постановлено поручить разбор этого дела комиссии в составе: тт. Раковского, Пятакова и Петерса. ЦК придает этому делу особое значение ввиду серьезности улик, просит срочно рассмотреть дело и представить на заключение в ЦК»²¹²². Относительно И.П. Павлуновского «ЦК находит, что никаких данных для присоединения к мнению Троцкого нет». Вероятно, решающую роль в таком решении сыграл присутствовавший на заседании Ф.Э. Дзержинский: военное ведомство представлял всего лишь не имевший в партии никакого веса Э.М. Склянский²¹²³. Да и член Коллегии ВЧК Я.Х. Петерс должен был поддержать И.П. Павлуновского как «товарища по оружию». По сути решение Политбюро представляло собой легализацию политики Особого отдела ВЧК по прессингу ведомства Троцкого.

Не позднее 22 августа 1919 г. Л.Д. Троцкий предложил председателю Революционного военного трибунала Республики (РВТР) и авторитетному работнику со стажем в партии, большим, чем у самого председателя РВСР и тем более И.П. Павлуновского, Б.В. Леграну проверить причины ареста генерала Ф.В. Костяева. Для выполнения этой просьбы Легран должен был, по мнению Троцкого, «затребовать дело из Особого отдела». Судя по тому, что в фонде РВТР указанное дело отсутствует, если Легран его и затребовал, то чекисты дело не передали. С позицией председателя РВСР в отношении И.И. Вацетиса и Ф.В. Костяева все ясно. В отличие от позиции его

заместителя — хитрого Э.М. Склянского. 22 августа Б.В. Лёгран ответил на запрос Троцкого: «По справке у предсобоотдела т. Павлуновского (первого заместителя председателя Особого отдела. — С. В.) оказалось, что сообщение жены Костяева о том, что мужа ее не освобождают, ожидая Вашего приезда и решения, — не соответствует действительности. Обстоятельства ареста и причины содержания под стражей Костяева хорошо известны т. Склянскому, который сообщил мне, что лично доложит Вам о положении этого дела»²¹²⁴. Э.М. Склянский находился в постоянном контакте с И.П. Павлуновским и вполне мог узнавать о положении дел от него. Но тогда вопрос — почему он вдруг изъявил желание сделать доклад наркому только после того, как вмешалась супруга арестованного генерала. Не проводил ли «хитрый Эфраим» (так называл Склянского исследователь М.А. Молодцыгин) в данном случае установку В.И. Ленина? Примечателен и телефонный разговор заместителя члена РВТР А.Я. Анскина²¹²⁵ с И.П. Павлуновским, на основе которого Б.В. Лёгран и составил свой ответ Л.Д. Троцкому:

«— Жена бывшего наштаревсовета (так в тексте, здесь и далее следует — Полевого штаба. — С. В.) Костяева сообщила предРВС Республики Троцкому, что мужа ее, Костяева, держат в заключении в ожидании приезда т. Троцкого и его решения. По поручению т. Троцкого прошу сообщить, соответствует ли действительности сообщение Костяева, и в утвердительном случае указать, чем обоснована такого рода ссылка на т. Троцкого, у к[оторо]го никаких данных против Костяева нет.

— С женой Костяева *никаких разговоров не имел и никаких ссылок на т. Троцкого никому не делал*, — в тексте И.П. Павлуновского курсивом набрано подчеркивание Б.В. Лёграна. — Сообщение жены Костяева, по-моему, сплетня. *Обвинений* против бывшего наштареввоенсовета Костяева *Особый отдел никаких не выдвигает*, но вопрос об его освобождении пока не решен по разным — политическим и стратегическим — соображениям»²¹²⁶.

Иными словам, Вацетис и Костяев пусть сидят, мы тут пока решим стратегические вопросы.

25 августа Л.Д. Троцкий почтил своим присутствием заседание Оргбюро ЦК РКП(б) — в том числе и для того, чтобы попытаться без В.И. Ленина (вождь заседания Оргбюро игнорировал) отстоять своих сотрудников: девятым слушался вопрос «О положении дела [начальника Полевого штаба РВСР Ф.В.] Костяева, [генштабистов В.К.] Токаревского, [А.К.] Малышева и [Б.И.] Кузнецова». Оргбюро разрешило освободить Ф.В. Костяева, постановив определить участь остальных после сбора необходимых справок. (Впрочем, основным вопросом был десятый — «О реорганизации Морского комиссариата». По нему ОБ предложило «группе товарищей, вносящей проект реорганизации, направить [этот проект] в Реввоенсовет [Респуб-

лики] через т. Курского».)²¹²⁷ Не позднее 23 октября 1919 г. Л.Д. Троцкий направил в Полевой штаб телефонограмму с демонстративным распоряжением о сохранении за переведенным 1 октября на основании постановления Революционного военного трибунала Республики (!) в Академию Генерального штаба РККА Ф.В. Костяева «пайка, положенного для служащих Полевого штаба РВСР»²¹²⁸. Фактически по отношению к Костяеву был применен обычный в годы Гражданской войны прием сохранения сотрудников: Академия Генштаба стала обычным местом опалы как для бывших офицеров и генералов, направляемых на преподавание, так и для старых (и молодых) большевиков, которых, напротив, посылали в академию для повышения квалификации и ограждения от реввоен трибунала.

29 августа Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский и И.П. Павлуновский нашли на заседании Оргбюро компромиссный вариант по делу генштабиста 1917 года Н.Н. Доможирова. По докладу двух последних было решено: «1. Представить т. Троцкому для ознакомления все материалы по делу Доможирова. Заслушать дело вторично, если последует об этом заявление Троцкого. 2. Предложить следователям Особого отдела не прибегать к угрозам по отношению к тем родственникам заключенных, которые обращаются с различными ходатайствами об арестованных к представителям Советской власти. 3. В коллегия Особого отдела вводи[т]ся представитель военного ведомства, который имеет право делать доклады в Реввоенсовете [Республики]; [он] назначается Реввоенсоветом [Республики], утверждается [В]ЧК»²¹²⁹.

3 сентября Л.Д. Троцкий доложил Политическому и Организационному бюро ЦК РКП(б) о полученном от И.И. Вацетиса письме и поднял вопрос об освобождении бывшего главкома. Присутствовали, помимо Троцкого, Н.Н. Крестинский, Ф.Э. Дзержинский, А.Г. Белобородов, В.И. Ленин, И.Т. Смилга, Л.Б. Каменев, К.Т. Новгородцева (Свердлова). ПБ и ОБ поручили Дзержинскому «подготовить доклад в ЦК по делу Вацетиса»²¹³⁰.

1 октября Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский и заместитель наркома юстиции П.И. Стучка сделали доклад «о деле бывшего главкома Вацетиса» на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). Решение о судьбе И.И. Вацетиса было сформулировано блестяще: «Поведение бывшего главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как [человека] крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, его компрометирующие. Но, принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая бесспорно крупные его заслуги в прошлом, ЦК предлагает президиуму ВЦИК дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение военного ведомства. Вместе с тем ЦК предлага-

ет ВЧК установить за Вацетисом тщательный надзор»²¹³¹. Что тут важно? — Во-первых, в своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий почти дословно воспроизвел начало данного постановления — оно его вполне устраивало. Во-вторых, Оргбюро ЦК РКП(б), зная, что инициатива ареста исходила от вождя, и приняв определенное решение, переложило ответственность за него на Президиум ВЦИК — благо, именно этот орган был наделен правом на амнистию. Заметим в скобках, что в 1937/38 г. Вацетис был арестован по делу «военной организации» мифического «латышского заговора»²¹³², т. е. по национальному признаку. По логике вещей следовало по делу «анти-советского военно-троцкистского заговора» и чего-либо в этом духе. Но нет — с точки зрения связи с потенциально опасными, по мнению генсековской своры, элементами в верхушке РККА Вацетис оказался безупречным. НКВД СССР пришлось, что называется, зайти с другой стороны.

Как выяснилось из приказа по Полевому штабу от 6 ноября 1919 г., И.И. Вацетис с момента ареста официально состоял «в распоряжении заместителя председателя РВСР» (Э.М. Склянского). Приказом от 6 ноября Вацетис прикомандировывался к Полевому штабу и зачислялся на «все виды довольствия» с окладом 7 тыс. в месяц²¹³³.

Аппаратный выход, найденный из положения Организационным бюро ЦК РКП(б), устроил всех, не исключая вождя. 6 ноября 1919 г., накануне праздника, состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), присутствовали: В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, Н.Н. Крестинский; с совещательными голосами — начальник Политуправления РККА И.Т. Смилга и Ф.Э. Дзержинский (напомним о ненависти к военным специалистам И.В. Сталина). Ф.Э. Дзержинский от своего имени и имени своего первого заместителя И.П. Павлуновского предложил «применить объявленную ВЦИК амнистию к арестованным в июле месяце по делу Полевого штаба генштабистам Доможирову, Малышеву, Григорьеву и Исаеву, причем последнему не давать никаких ответственных должностей». Политбюро приняло предложение Ф.Э. Дзержинского, оговорив, что ни один из освобожденных не должен более занимать ответственные должности, и возложив на ВЧК надзор за всеми указанными генштабистами²¹³⁴. Раз Дзержинский предложил выпустить на свободу четырех генштабистов, предоставив всем, кроме одного, право занимать ответственные посты — в действиях указанных сотрудников Полевого штаба состав преступления отсутствовал начисто. Тогда представляется логичным тезис А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова: «раздутое особистами «дело Полевого штаба» лопнуло, как мыльный пузырь»²¹³⁵. Однако *формально* чекисты свою (и вождя!) неправоту не признали — с благословения партийного руководства. Освободить всех генштабистов 1917 г., как это указывается сейчас, «за отсутствием состава

преступления» означало бы признание неправоты чекистов, а с ними и вождя мировой революции; освободить «за недоказанностью обвинения» означало признание недееспособности карательно-репрессивного аппарата, на что никогда бы не согласился председатель ВЧК и ее Особого отдела Ф.Э. Дзержинский, в 1919 году — активный участник заседаний Оргбюро ЦК РКП(б). В итоге генштабисты и были освобождены по амнистии — т. е. формально обвинение с них, как и с И.И. Вацетиса, никто не снял.

С 8 ноября 1919 г. Б.И. Кузнецова, А.К. Малышева и Е.И. Исаева приказом по Полевому штабу от 18 ноября 1919 г. предписывалось «полагать налицо по освобождению из-под ареста». Вероятно, 18 ноября они и приступили к исполнению новых обязанностей в Полевом штабе²¹³⁶. Правда, Малышева уже 23 ноября отправили в распоряжение начальника Всероссийского главного штаба²¹³⁷, равно как и Б.И. Кузнецова. Последний по «традиции» вплоть до 23 ноября 1919 г. состоял в распоряжении начальника Полевого штаба²¹³⁸. 25 декабря вслед за ними отправился Е.И. Исаев²¹³⁹. Таким образом, очевидно, старались не допустить мести со стороны арестованных — теперь они работали в разных местах.

Гордый и недалекий И.И. Вацетис не желал признать очевидное: большевистская верхушка ни за что не признает свою неправоту. 21 октября 1921 г. бывший главком просил в письме В.И. Ленина снять с него обвинения. Главком писал, что ему известно о тщательном следствии, произведенном по его делу, однако никаких обвинений ему так и не предъявили. Главком оставался в неведении вплоть до момента, когда до него дошли слухи об объявленной Президиумом ВЦИК амнистии. Из текста амнистии бывший главком узнал, что его «заочно» окрестили неуравновешенным человеком²¹⁴⁰ и обвинили в «компрометирующих его» связях. Вацетис логично заметил: куда же тогда все это время смотрели комиссары? Напомнив о своих заслугах, Вацетис просил о реабилитации, доказывая очевидную неправоту упоминаемого нами печатного заявления И.Т. Смилги (*см. док. № 2.3.11*). Главком, естественно, не знал, что амнистией, объявленной Президиумом ВЦИК, было оформлено постановление Оргбюро ЦК РКП(б), а потому добиваться изменения формулировки было бесцельной тратой времени. Помет и резолюций на обращении И.И. Вацетиса В.И. Ленин, естественно, не оставил...²¹⁴¹

Арестованные генштабисты формально продолжали числиться на службе в Полевом штабе, а их семьи — получать паек. Так, 31 октября 1919 г. Надежде Павловне Теодори, «проживающей в Москве в д. № 51 на Остоженке», было выдано удостоверение «в том, что она является женой Г.И. Теодори, состоящего в распоряжении начальника Полевого штаба Революционного военного совета Республики, что подписью с приложением советской печати удостоверяется»²¹⁴². Примечательно, что этот документ был выдан Административно-учетным

управлением Полевого штаба вместо составленного 2 августа, но не выданного супруге генштабиста... Курсами разведки и военного контроля РВСР удостоверения в том, что Н.П. Теодори «является женой заведующего Курсами разведки и военного контроля», причем документ шел за подписью временно заведующего курсами²¹⁴³.

Единственный инцидент с обеспечением семей арестованных имел место 17 октября 1919 г., когда председатель кооператива сотрудников Полевого штаба К. Вербицкий отказался удовлетворить просьбу супруги Н.Н. Доможирова о выдаче продуктов вне очереди, по словам самого К. Вербицкого, «в ущерб всем остальным ожидавшим в очереди и уставшим от длительного ожидания». По заявлению Е.Я. Доможировой — доведя ее, «и без того измученную и усталую... до слез». Узнав о том, что Н.Н. Доможиров арестован, К. Вербицкий совершенно естественно засомневался, имеет ли его супруга право на получение пайка, и имел впоследствии переписку по этому поводу с К.Х. Данишевским. Помощник начальника инспекторского отделения Административно-учетного управления разъяснил, что член кооператива «может быть исключен из такового по постановлению общего собрания закрытой баллотировкой», а Доможиров исключен не был. П.П. Лебедев считал необходимым привлечь К. Вербицкого к ответственности за самоуправство, но К.Х. Данишевский предпочел дискуссию свернуть: «инцидент можно считать исчерпанным»²¹⁴⁴.

Ответ на запрос о Г.И. Теодори был направлен Особым отделом ВЧК в Полевой штаб только 3 ноября 1919 г., причем на его основании генштабиста исключили из списков штаба и сняли с довольствия лишь 1 декабря²¹⁴⁵ — вероятно, даже новое руководство «Красной Ставки» не торопилось с проведением в жизнь подобных решений.

В приказе по Полевому штабу от 20 октября 1919 г. № 293 вычеркнут (предположительно П.П. Лебедевым) последний (9-й) параграф о Г.И. Теодори: «Согласно приказа Реввоенсовета Республики от 16 сентября с. г. за № 148 консультант Региструра, генштаба Теодори, числящийся за Особым отделом ВЧК под след[ствием], впредь до нового назначения, прикомандировывается к Полевому штабу РВСР с 17 сентября с. г. Вследствие неполучения Полевым штабом от Особого отдела официального извещения, что Теодори подлежит немедленному увольнению или временному отстранению от должности, — до получения данного извещения за Теодори сохранить все виды довольствия и удовлетворять его по аттестатам при штабе как денежным довольствием, так равно и красноармейским пайком. *Основание:* Декрет от 30 июля 1919 года»²¹⁴⁶. 29 октября приказ по Полевому штабу о Теодори был объявлен в иной редакции: в основание добавили приказ РВСР № 1484 и изменили дату прикомандирования — 17 сентября на 1 октября 1919 г. В принципе приказы позволяют предположить, что новый начальник Полевого

штаба решил продолжить прежнюю линию на отстаивание своих сотрудников.

Племянника главкома Э.И. Вацетиса освободили из-под следствия Особого отдела ВЧК 18 октября, на следующий день его направили в распоряжение Политуправления РВСР²¹⁴⁷.

Адъютант Вацетиса С.С. Дылан был освобожден не позднее 19 октября 1919 г. — ему предоставили возможность продолжить службу в Полевом штабе²¹⁴⁸.

9 декабря 1919 г. состоялось заседание медкомиссии по увольнению в отпуск по болезни генштабиста 1917 г., помощника заведующего Курсами разведки РУ Г.А. Маттиса²¹⁴⁹. Примечательно, в основании приказа стояли заявление члена Коммунистической фракции Наркомвоена Озолина и сношение РУ от 28 ноября 1919 г.: в принципе Маттис должен был направить руководству личное заявление, а вовсе не «сношение»...²¹⁵⁰

15 декабря 1919 г. вышел приказ по Полевому штабу о Н.Н. Доможирове, три раза находившемся под арестом. Генштабист, «состоящий в распоряжении главкома», отбыл к месту новой службы 1 декабря²¹⁵¹. Любопытно, что только 7 октября приказывалось «временно числить за Полевым штабом» — «вагон 1-го класса № 1133 Николаевской ж. д., предоставленный по приказанию главкома состоящему в его распоряжении генштабу Доможирову»²¹⁵².

В.Г. Зиверт, помощник начальника агентурного отделения Полевого штаба с 1 ноября 1918 г.²¹⁵³, числящийся с сентября 1919 г. в прикомандировании к Полевому штабу, 17 декабря 1919 г. был направлен в распоряжение начальника Центрального управления военных сообщений²¹⁵⁴.

Крайним, как и следовало ожидать, оказался Г.И. Теодори. 30 декабря 1919 г. генштабист направил послание Ф.Э. Дзержинскому, прося об освобождении из Бутырской тюрьмы, но председатель ВЧК оставил «слезницу» без ответа. 25 июня 1920 г. Г.И. Теодори направил повторное ходатайство²¹⁵⁵. Его освободили и прикомандировали к Полевому штабу РВСР приказом по штабу № 10 значительно позднее его сокурсников, арестованных по делу «Ставка»: 4 января 1921 года²¹⁵⁶. 16 марта Г.И. Теодори откомандировали от Штаба РККА, сформированного слиянием Полевого штаба и Всероссийского главного штабов, и назначили сотрудником Военно-исторической комиссии приказом по штабу № 63, 15 июня направили в распоряжение главного начальника военно-учебных заведений Г.И. Петровского, очевидно собираясь по традиции использовать опального военспеца на преподавательской работе, однако раздумали и 12 августа направили генштабиста 1917 г. в распоряжение начальника Штаба РККА приказом по штабу № 287.

18 августа 1921 г. Теодори исключили из списков Штаба РККА как уволенного в бессрочный отпуск, применительно к приказу

РВСР 1921 г. № 115/199 приказом по Штабу РККА № 293/374. Уточнили все же, что генштабист подлежит явке в военкомат г. Москвы²¹⁵⁷. Впрочем, на гражданке Теодори усидел не долго: в ноябре 1921 г. он был прикомандирован к Штабу РККА. Как указано в «Учетно-воинском билете», с 15 сентября 1922 г. по 1 января 1924 г. Теодори служил инспектором на правах добровольца. Правда, из выданного ему ГУВУЗом удостоверения следует, что Теодори служил инспектором до 16 апреля 1924 г. и был уволен в связи с реорганизацией управления²¹⁵⁸. Так или иначе, Теодори зачислили в резерв Штаба РККА с откомандированием для работ в журнале «Военный вестник». Но опять ненадолго: уже 17 августа он «уволен в бессрочный отпуск в порядке циркулярного распоряжения РВСР 1923 г. № 1032/с/152703 и направлен в распоряжение Московского губернского военного комиссара для принятия на учет. Основание: приказ РВС СССР по личному составу армии 1924 г. № 147»²¹⁵⁹. С октября 1926 г. Теодори — для особых поручений 1-го разряда Научно-уставного отдела Штаба РККА²¹⁶⁰. Здесь генштабист сумел заинтересовать в себе отдельных представителей руководства Красной армии, но до того положения, которое он занял в свердловском Опероде Наркомвоена летом 1918 г., ему теперь было как до луны.

В 1931 г. Ф.И. Балабин поведал на допросе о встрече с Г.И. Теодори на военной игре в штабе Ленинградского ВО «в 1927 или 1928 году. Держал он себя ревностнейшим службистом, рассказывал, что служит в Москве, в уставной комиссии, недвусмысленно подчеркнул, что почти вся работа уставной комиссии держится на нем, мимоходом сообщил, что за что-то сидел в тюрьме, которая, однако, не сломила его твердости»²¹⁶¹. Тюрьма отразилась на здоровье идеолога генштабистов 1917 г., однако не на его характере. К олимпийскому спокойствию и скромности явно не располагали ни греческие корни, ни привычка отдавать себя всего, без остатка, любимому делу.

Интересная информация о Г.И. Теодори образца 1927 г. содержится в документах Научно-уставного отдела Штаба РККА.

Г.И. Теодори умудрился поссориться даже с одним из своих соратников: И.Д. Чинтулов на «Списке лиц, необходимых для работы в Научно-уставном отделе на 1927 год» поставил напротив фамилий Мартынов и Теодори скобку и указал: «Ни один не знает Красной армии. Чинтулов»²¹⁶² (список, между прочим, подписал начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский²¹⁶³).

Начальник Научно-уставного отдела Штаба РККА А.А. Буров²¹⁶⁴ указал в докладе о состоянии научно-исследовательской и уставной работы в РККА от 19 января 1927 г. начальнику Штаба РККА М.Н. Тухачевскому: «Сектор оперативных уставов. Т[ов]. Теодори — с опытом [Первой] мировой, но без опыта Гражданской войны (бывший белогвардеец, очевидно, участие в Гражданской войне на стороне красных «опытом» не считал. — С. В.), языков не знает; много

читает, пером владеет удовлетворительно; не имеет такта, необходимого в работе, соприкасающейся со столькими учреждениями... Его работе над положением о полевом управлении войск мешает также и острое недоверие со стороны *молодых деятелей Генерального штаба* (здесь и далее в цитате курсив мой. — С. В.) 1-го и 2-го управлений. Надо заменить или подпереть *молодым генштабистом...*»²¹⁶⁵ Как мы уже указали, Буров принимал участие в Гражданской войне на стороне белых²¹⁶⁶ и по определению не мог воспринимать офицера, сделавшего ставку на Советскую власть. Да и амбициозный Теодори, который в очередной раз не поладил со своим начальником, не мог испытывать симпатии к Бурову. В любом случае докладная записка Бурова представляла собой попытку избавиться от Теодори, настоять на переводе излишне активного работника.

Из рапорта Г.И. Теодори А.А. Бурову от 12 февраля следует, что генштабист 1917 г. продолжал, как и в старые недобрые времена, работать на износ: в командировке в Ленинградский ВО «для проведения военной игры» он «напряженно» работал «в среднем от 20 до 21,5 часа в сутки»²¹⁶⁷ (чувствуется служба в артиллерии: точность в отчете математическая). В Ленинграде Г.И. Теодори встречался, в частности, с заместителем начальника Главного управления (ГУ) РККА В.Н. Левичевым, относившимся к нему весьма уважительно.

Из доклада генерала Е.И. Мартынова исполняющему должность начальника Научно-уставного отдела Штаба РККА В.В. Фавицкому²¹⁶⁸ от 22 июля 1927 г. следует, что противостояние старого генералитета и офицерства, занявшего ключевые технические посты в Красной армии, в латентной форме продолжалось и в середине 1920-х гг. (об этом подробнее в последней главе настоящей книги): «В дополнение к первоначально представленному словнику, В.Я. Жуков составил для Б[ольшой] с[оветской] э[нциклопедии] систематический Словник по отдельным военным предметам. Этот последний был составлен весьма небрежно, с грубейшими ошибками, носящими иногда прямо анекдотический характер. Все это могут подтвердить гг. Толстой и Самойлов, коих я пригласил для ознакомления с этим произведением, в присутствии самого Жукова, а также и Ф.Э. Огородников, просмотревший отдел Географии, да, наконец, в этом может убедиться всякий, кто даст себе труд хотя бы мельком заглянуть в этот словник»²¹⁶⁹.

В пылу спора с Жуковым я назвал его труд „халтурой“ в том смысле, в каком обычно употребляется это слово, т. е. для обозначения наспех сделанной работы, имеющей в виду не столько качество, сколько получение гонорара.

Тут следует иметь в виду, что при разборе сочинений, представляемых в Научно-уставной отдел, это слово „халтура“ употребляется в разговорах очень часто. Между прочим, в присутствии моем и некоторых других [Г.И.] Теодори (о коем речь будет еще впереди) во

всеуслышание заявил, что работа [А.И.] Верховского по проекту Полового устава, оплаченная по 200 руб. за лист, является халтурой. Да, наконец, два года тому назад официально было признано, что большая часть книг, выходящих в настоящее время из печати, представляет простую халтуру.

Тем не менее 21 июня, когда я пришел в отдел, то т. Теодори в чрезвычайно резкой форме заявил мне свое негодование на то, что я будто бы оскорбил его „подчиненного Жукова“, и потребовал от меня публичного извинения.

При этом Теодори сказал дословно следующее: „Вы сами являетесь первым халтурником (так в тексте. — С. В.), т. к. составили ненужный алфавитный указатель“²¹⁷⁰.

На это я ответил, что мой алфавитный указатель, представляющий чрезвычайно кропотливую работу, составлен с педантичной точностью, что могут подтвердить просматривавшие его лица, и прежде всего — принимавший его т. Мясников.

Что же касается вопроса — нужен ли вообще такой указатель, то об этом должен был, в свое время, думать Научно-уставной отдел, который его мне заказал.

Само собою разумеется, что я отнюдь не считаю себя оскорбленным приведенными словами Теодори, т. к. за мною все-таки числится целый ряд литературных трудов, с коих сделано уже 12 переводов на иностранные языки, и в признании т. Теодори я вовсе не нуждаюсь.

Однако, во избежание нежелательных последствий, я прошу Вас, как и. д. начальника отдела, оградить меня от дальнейших выступлений Теодори, который вообще имеет обыкновение вести разговоры в вызывающем тоне и с которым я впредь не желаю поддерживать никаких отношений.

Если В.Я. Жуков считает себя оскорбленным мною, то он может выступить лично или же избрать для себя настоящего адвоката.

Между прочим, я готов передать это дело на рассмотрение компетентных и незаинтересованных лиц (например, [Ф.Ф.] Новицкого, [А.А.] Свечина, [Н.М.] Потапова, [И.И.] Щелокова и др.), причем, если они признают, что названный выше „систематический Словник“ составлен надлежащим образом, я готов перед Жуковым извиниться и взять слово „халтура“ обратно.

В заключение считаю нужным добавить, что гонорар за свою работу Жуков уже получил, и притом даже в размере большем, чем определено в договоре. Цена была назначена в 360 руб. за все представленное число знаков, где более половины должно быть выброшено как совершенно не относящееся к делу»²¹⁷¹.

Заметим, что в аналогичных обстоятельствах сорвался бы не только темпераментный Г.И. Теодори, но любой нормальный руководитель, в отсутствие которого сделали бы выволочку его подчиненному

(совершенно независимо от наличия/отсутствия вины). Из названных Е.И. Мартыновым «компетентных и незаинтересованных лиц» генералом старой армии не был только И.И. Щелоков — Генерального штаба полковник. Генералы Ф.Ф. Новицкий, А.А. Свечин, Н.М. Потапов, несомненно, были в высшей степени компетентны, однако настроены отнюдь не нейтрально, поскольку принадлежали к единой корпорации, члены которой после перемены власти поддерживать друг друга не перестали. Г.И. Теодори в Научно-уставном отделе Штаба РККА, несомненно, сумел настроить против себя все руководство, всех сотрудников из старого генералитета. Естественно, так долго продолжаться не могло — с ноября 1928 г. Теодори находился в распоряжении ГУ РККА²¹⁷². Тучи над его головой сгустились, 1937 г. был не за горами...

Свой рассказ о генштабистах 1917 года мы начали с вывода А.Г. Кавтарадзе об «остром конфликте между генштабистами, окончившими академию в мирное время, и выпускниками ускоренных курсов». С чего начали, на том и закончили: в 1918 г. выпускники старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии вступили в борьбу за место под солнцем со «старыми генштабистами», а десятью годами позднее на старосту «выпуска 1917 года» стали с недоверием поглядывать «молодые деятели Генерального штаба». Конфликт «отцов и детей», описанный в легендарном романе И.С. Тургенева, будет актуален во все времена, в чем читатель сможет лишний раз убедиться, когда доберется до последней главы настоящего исследования.

№ 3.1.1

Ходатайство Н.П. Теодори перед членом Реввоенсовета Республики С.И. Араловым за арестованного генштабиста Г.И. Теодори

6 апреля 1919 г.

Многоуважаемый Семен Иванович,
прочтите мое письмо, не бросив его раньше времени. Обращаюсь к Вам, как к единственному человеку, от одного слова которого зависит судьба моего мужа. Вы ведь знаете, Семен Иванович, как он работал и сколько пользы принесла эта работа, ведь все время он работал с Вами, помогая Вам во многих вопросах. За что же арестовали совершенно не виновного человека и отдали в руки т. Кедрова, который делает все что хочет и докладывает Вам и т. Троцкому так, как ему выгодно. Вам ведь ясно, что т. Кедров сводит личные счета. Где же та революционная совесть, о кот[орой] я слышала от уст одного следователя! Семен Иванович, одно Ваше решительное слово, и

муж будет на свободе. Этого слова [жду и надеюсь не только я], но и многие. Загляните в глубину собственной души, и Вы найдете там возмущение подобным фактом и как идейный и честный человек встанете за правду. Семен Иванович, оправдайте слова мужа: «Я за Семена Ивановича стою горой, и его враги перейдут только через мой труп». Эти слова не раз слышали живущие с нами люди. Спасите его!

За что страдает ни в чем не повинный человек: кроме пользы делу, он ничего не принес. Вся надежда на Вас: вникните в это кошмарное дело и заступитесь. Ваше слово — все. Очень хотелось повидать Вас лично, но с меня взята расписка о невыезде из Москвы. Семен Иванович, всю надежду возлагаю на Вас, как близко знающего моего мужа [человека]; больше обратиться мне не к кому. Простите, что побеспокоила Вас этим письмом. Прошу Вас очень замолвить слово у т. Кедрова о разрешении мне личного свидания с мужем. Я раз просила, и мне отказано, а мужа не видела со дня его отъезда в командировку²¹⁷³.

Н. Теодори

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 202—202 об. Автограф черными чернилами.

№ 3.1.2

**Ходатайство А.М. Малышевой перед заместителем
председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянским
об обращении во ВЦИК с просьбой об амнистии арестованного
генштабиста А.К. Малышева**

*4 ноября 1919 г.*²¹⁷⁴

Заместителю председателя Революционного военного совета
Республики т. Склянскому — гражданки Анастасии
Михайловны Малышевой

Мой муж — Генерального штаба Александр Козьмич Малышев, состоявший для особых поручений при начальнике Полевого штаба, 9 июля с. г. был арестован одновременно с бывшим главкомом Вацетисом и другими лицами Полевого штаба Особым отделом ВЧК и до сего времени находится в заключении в Бутырской тюрьме.

В феврале 1918 г. по окончании академии, когда немецкие полчища стремились к сердцу Революционной России — Петрограду, мой муж в числе первых добровольно вступил в ряды нарождающейся Красной армии и с этого момента не покидал ее, служа на различных должностях, в том числе и на фронте.

Наступает годовщина Великой Октябрьской [социалистической] революции, когда вся Республика будет праздновать освобождение.

Поэтому я, как жена советского служащего, обращаюсь к Вам, как представителю Высшей Советской власти, с просьбой息ходатайствовать забвение того, что вменяется в вину моему мужу, и амнистировать его²¹⁷⁵, дабы и он мог в Великий день освобождения — свободным — встретить праздник и с новыми силами приняться за работу на пользу трудящимся Советской Республики.

Анастасия Малышева

4 ноября 1919 г.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 21—21 об. Автограф синими чернилами.

№ 3.1.3 — 3.1.4

Ходатайства Е.Я. Доможирова перед высшим руководством Красной армии об освобождении арестованного генштабиста Н.Н. Доможирова

Не ранее 4 ноября 1919 г.

№ 3.1.3

Ходатайство на имя Э.М. Скланского

*Не ранее 4 ноября 1919 г.*²¹⁷⁶

Товарищу Скланскому — жены б[ывшего] начштаба Н.Н. Доможирова Е.Я. Доможирова

ПРОШЕНИЕ

В великие дни второй годовщины Российской Революции я обращаюсь к Вам с горячей мольбой посодействовать освобождению²¹⁷⁷ мужа моего, четыре месяца томящегося в тюрьме. В этот день увидят свободу преступники — я же прошу за человека чистого и непорочного перед Советской властью, отдававшего все свои силы строительству Красной армии и горящего лишь одним желанием — жить и работать для ее блага.

Муж мой Н.Н. Доможиров поступил на службу в Красную армию 14 марта 1918 г., причем служба его фактически не прерывалась. В Октябрьский переворот муж был в Академии Генштаба, где состоял членом исполкома²¹⁷⁸. Пробыв до 15 сентября 1918 г. начальником связи штаба Северного участка и Петроградского района, он, при формировании штаба Севфронта, по указанию комфронта Парского²¹⁷⁹ и члена РВС т. Глезарова был сначала назначен начальником Административного управления, а затем распоряжением членов РВС тт. Пятницкого и Глезарова и комфронта Парского —

20 октября 1918 г. назначен и. д. наштасева. В январе месяце 1919 г. уже новый комсев Надежный и члены РВС Тупин, Пятницкий и Гончаров ходатайствовали об утверждении мужа в должности наштасева и он РВС Республики был утвержден.

Получив уже готовый штаб и не найдя в нем себе таких помощников, которые могли бы облегчить ему сложную работу, [он] — сам еще малоопытный в такой большой работе, был вынужден взвалить на себя всю тяжесть всей фронтовой работы, напрягая всю свою энергию и отдавая все силы Красной армии. Весь, буквально до обмороков. Члены РВС и комиссары Пятницкий, Пожаров, Иоддлин, Щучко, [Горенов], Адамсон, председатель Особотдела Запфронта т. Александр, коммунистическая ячейка штаба, комиссары Левин, Фридман и др. — могут засвидетельствовать и работу, и политическое направление мужа: он участвовал на митингах, в торжествах революции, читал лекции на курсах агитаторов, отдавая даже свободные минуты общему делу.

Комиссар У[правления] в[оенных] с[ообщений] Моск[овского] округа М.И. Лазрев поручился не только за прошлую, но и за будущую работу моего мужа, предлагая себя в политическое контроле-ры к нему.

В конце мая т[екущего] г[ода] муж был освобожден от должности и назначен командовать 15-й армией. Армию ему, по доселе неизвестным ему причинам, принять не пришлось, и 3 [июля] он был арестован.

На допросах [у] тт. Дзержинского и Павлуновского выяснилось, что муж ни к каким противоправительственным организациям не принадлежал и не мог принадлежать по своему внутреннему убеждению.

Итак, будучи совершенно чистым перед Советской властью, муж находится в заключении уже четыре месяца, и его томит после кипучей деятельности полная бездеятельность, усугубленная тем, что он сознает, что может и должен работать для Красной армии, которую он сам создавал и которой глубоко предан. На подорванном непосильной работой здоровье его заключение отозвалось тяжело, и болезни его (миокардит и туберкулез кожи) крайне обострились. Он гибнет в тюрьме.

Умоляю Вас вспомнить все заслуги мужа перед армией и в день великого русского праздника вернуть его к работе. Каждый день заключения убивает силы мужа, его здоровье и работоспособность. Каждый день свободы он употребит для пользы армии, отдавая ей все знания, всю энергию, всю любовь.

Большая, измученная — я сейчас ничем не могу быть полезна Советской власти — и поэтому, если дело освобождения моего мужа затягивается, прошу Вашего ходатайства об освобождении мужа на мои поруки — заключив меня в тюрьму заложницей за него.

Я с радостью и спокойствием пойду на это, ибо знаю, что работа мужа быстро разгонит все надвинувшиеся на него тучи, а знания и опыт его не будут пропадать бесполезно в момент напряжения всех сил Советской республики.

Е. Доможирова

М. Ордынка, д. 13а. кв. 10, тел. 10-07-14

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22 с об., 25. Автограф красными чернилами.

№ 3.1.4

Письмо Л.Д. Троцкому

М. Ордынка, д. 13[а], кв. 10

Не позднее 5 ноября 1919 г.

Товарищ Троцкий!

Четыре месяца я терплю, и верьте, что, с одной стороны, полное отчаяние, с другой — единственная надежда на Вашу помощь, дают мне смелость Вас тревожить. Я верю в Вашу справедливость, глубоко верю, что Вы знаете заслуги моего мужа перед Красной армией и верите его невин[ов]ности.

Со всех сторон я слышу заверение, что дело мужа пустяжное и его скоро освободят. Дни идут за днями. Я разучилась верить словам, и мало-помалу отчаяние овладело мною.

Близка годовщина Революции. В этот день даже преступники увидят свободу. Увидит ли ее человек, отдавший все силы Красной армии, работавший не покладая рук для ее блага? Увидит ли?

Тов. Павлуновский еще 8 июля сказал мужу, что он юридически свободен и остались одни формальности. Тов. Калинин 20 октября дважды повторил мне: «дело пустое и „они“²¹⁸⁰ теперь сознаются, что держат Вашего мужа впустую».

Поймите меня, мое страдание — знать, что муж невинен и гибнет в тюрьме.

Каждый день заключения убивает его силы, здоровье, работоспособность.

Каждый день свободы он отдаст работе для блага Красной армии.

Тов. Троцкий, я умоляю Вас освободить моего мужа и великий русский праздник сделать радостным для нас.

Командующие фронтами и комиссары могут осветить Вам деятельность моего мужа.

Комиссар управл[ения] военных сообщений Лазарев головою ручается за мужа. И я могу представить сколько понадобится ручательств коммунистов.

Все любили его и глубоко уважали за сверхчеловеческую работу.

Если же дело затягивается, на коленях умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него — ведь тогда само собой отпадет недоверие к мужу — единственная причина его заключения.

Умоляю об этом, как жена, стремящаяся облегчить незаслуженные страдания мужа, и как гражданка, стремящаяся к тому, чтобы силы, знания и опыт мужа не пропадали даром в момент наивысшего напряжения всех сил Советской Республики.

Откликнитесь! Вам лучше, чем кому-либо, известно, что не такой награды заслуживает мой муж.

Жена бывшего наштазапа Е. Доможирова

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 23—24 об. Автограф красными чернилами.

№ 3.1.5

Ходатайство Н.П. Исаевой на имя Э.М. Склянского об освобождении арестованного генштабиста Е.И. Исаева

Москва

4 ноября 1919 г.²¹⁸¹

Заместителю председателя Революционного военного совета Республики товарищу Склянскому — Гражданки Нины Петровны Исаевой, проживающей в г. Москве по Мало-Афанасьевскому пер., д. № 7, кв. 1

Мой муж, Генерального штаба Евгений Иванович Исаев, состоящий для особых поручений при бывшем главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики товарище²¹⁸² Вацетисе, был одновременно с последним арестован Особым отделом Всероссийской чрезвычайной комиссии 9 июля 1919 г. и до настоящего времени содержится в Бутырской тюрьме.

Зная мужа как честного работника Советской власти, пошедшего на службу в Красную армию тотчас по окончании Военной академии²¹⁸³ по собственному желанию одним из первых в феврале 1918 г., в тяжелый момент Республики в период вторжения немцев, и продолжавшего таковую с полным усердием ответственного работника, включительно до самопожертвования (как это было при рекогносцировке в шторм на Онежском озере), я обращаюсь к Вам как представителю Высшей власти и прошу Вашего ходатайства об амнистии в предстоящую годовщину Октябрьской революции — моего мужа, дабы я, его жена, его старуха-мать, семья покойного брата, которым необходима его поддержка, и младшего брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте, могли

с полным удовлетворением встретить названный праздник. Я как жена хорошо знаю своего мужа и ручаюсь за него всецело.

Прилагаю визитную карточку т. Окулова на имя председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета, в которой он утверждает невиновность моего мужа и просит содействия мне.

4 ноября
1919 года
Москва

Гражданка
Нина Исаева

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 26 с об.—27. Автограф синими чернилами.

№ 3.1.6

Ходатайство Н.П. Теодори перед председателем Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцким об освобождении арестованного генштабиста Г.И. Теодори

*Не ранее 12 марта 1920 г.*²¹⁸⁴

Многоуважаемый Лев Давидович!

Обращаюсь к Вам с большой и серьезной для меня просьбой.

Муж мой, Георгий Иванович ТЕОДОРИ, уже ровно год сидит в заключении в Бутырской тюрьме без определенных обвинений. Всю его работу по созданию Красной армии и на пользу Советской Республике Вы, наверное, знаете, т. к. о ней Вам много писалось и говорилось, а потому я повторять не буду, чтобы не утруждать Вас лишним чтением. Я умоляю Вас освободить его из тюрьмы. Ведь одно Ваше слово, и он будет на свободе. Жизнь стала мне не под силу: жалованья муж лишен, а я получаю 2020 руб. и на это сама не могу сносно прокормиться, а надо и мужа кормить, т. к. после годичного заключения он очень ослаб. 25 февраля с. г. меня обокрали: взяли все необходимые вещи и много носильного платья. Раньше я свои старые вещи продавала и имела возможность на эти деньги кормить мужа, теперь и этого лишена. Еще раз очень прошу Вас помиловать моего мужа и освободить его. Не лишайте меня веры в Вашу справедливость и сочувственное отношение к своим сотрудникам — верните семье защитника и кормильца, а Республике честного, энергичного работника.

Н.П. ТЕОДОРИ

Москва, Б. Молчановка, д. № 21, кв. 2

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 222. Незаверенная машинописная копия.

Приложение 1

**Телефонограмма Управляющего Канцелярией РВСР С. Зейца
Особому отделу ВЧК с предложением представить справку
по делу Г.И. Теодори для доклада Л.Д. Троцкому**

*22 марта 1920 г.
18 час. 40 мин.*

Телефонограмма № 273

В Особый отдел ВЧК

Прошу дать справку о положении дела Г.И. ТЕОДОРИ для представления таковой на доклад т. Троцкому.

Управканц предреввоенсовета ЗЕЙЦ

Передала *Бойкова*, приняла *Пухальская*

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 221. Отпуск — машинописный текст с автографом.

Приложение 2

Справка об ответе на телефонограмму

2 апреля 1920 г.

Передана просьба в Особый отдел о немедленном ответе на телефонограмму № 273, что обещано сделать.

Деж[урный] уполномоченный М. ГРУШИН

ПУХАЛЬСКАЯ сообщила, что телефонограмма № 273 передана по назначению, результат будет сообщен.

Справку получила КАЛАНТАРОВА.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 220. Машинописный текст.

Приложение 3

**Повторный запрос Секретариата председателя РВСР в Особый
отдел ВЧК о ходе следствия по делу Г.И. Теодори**

*29 апреля 1920 г.
18 час. 35 мин.*

Передала: *Бергинь*; приняла: *Пухальская*.

Телефонограмма № 456 управляющему делами Особого отдела ВЧК т. Ягоде — из Секретариата т. Троцкого.

Не имея ответа на телефонограмму № 273 от 22 марта с. г., адресованную в Особый отдел ВЧК, вторично прошу дать справку о положении дела Г.И. ТЕОДОРИ для представления таковой на доклад т. Троцкому.

Управканц предреввоенсовета С. ЗЕЙЦ

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 218. Отпуск — машинописный текст с автографом.

Приложение 4

Телефонограмма — ответ управляющего делами Особого отдела ВЧК Г.Г. Ягоды

*30 апреля 1920 г.
13 час. 35 мин.²¹⁸⁵*

Телефонограмма № 4211

Из Особого отдела ВЧК — в Секретариат т. Троцкого
На № 0456 Особый отдел ВЧК сообщает, что ввиду открывшихся новых данных по делу Теодори, он в ближайшее время выпущен быть не может.

Подписал: Управляющий Особым отделом ВЧК ЯГОДА

Передала Пухальская, принял Махов

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 219. Машинописный текст расшифрованной телеграммы.

№ 3.1.7

Заявление заключенного в Бутырскую тюрьму Г.И. Теодори председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому с протестом против незаконного и необоснованного содержания под арестом

Председателю ВЧК и члену Совета Обороны Республики т. Дзержинскому²¹⁸⁶ заключенного в камеру № 46 мужского одиночного корпуса Бутырской тюрьмы Георгия Ивановича Теодори

камера № 46 МОК Бутырской тюрьмы *25 июня 1920 г.*

Тов. Дзержинскому

Копия с посланного заявления 30/XII—[19]19 года и, очевидно, к нему не дошедшего

Заявление

В первых числах марта 1919 г. я был командирован с т. Павуланом для инспектирования постановки на местах агентурного дела в

Литву и Латвию, а 12/22 марта по шифровочному телеграфному распоряжению т. Кедрова арестован в Двинске и вот уже 10 месяцев (теперь — 16), как сижу в одиночном заключении в Бутырской тюрьме (ныне во Внутрен[ней] тюрьме Ос[обого] от[дела] ВЧК). Такой срок без объявления приговора лишь по подозрению в пособничестве шпионажу, которое *не только не доказано*, но по которому не было мне предъявлено ни одного документа, кроме слов расстрелянной шантажистки-машинистки Троицкой о том, что она якобы жила со мной. И вот около этих слов (какая же связь с пособничеством к шпионажу?) вертелись те 6 допросов, коим я был подвергнут с 22 марта и по последние числа июня 1919 г. Допрос вел т. Кедров в присутствии т. Фельдмана²¹⁸⁷; а затем т. Фогель; а последний допрос около 16 июня опять т. Кедров. Не касаясь ведения допроса и действительных причин ареста — я сделаю Вам краткий доклад о сущности моей деятельности и моей просьбы, обращенной к Вам, как председателю ВЧК, члену Совета Обороны Республики и руководителю борьбы с контрреволюцией, базируясь на предъявленном мне на последнем допросе около 16 июня обвинении по подозрению в пособничестве шпионажу.

Чтобы описать мою работу по формированию, организации, управлению и снабжению Красной армии, не хватило бы нескольких томов, тем более [что] на этой работе был штампель Аралова, Павулана и других, мое же имя было мало известно; я лишь укажу на пришедшие мне на память работы, которые вывели Красную армию из стадии партизанщины, добровольчества и мелких сборных отрядиков в ту мощную силу, какую она представляла уже к декабрю 1918 года. Тем более за время моего заключения все те мои выводы об организации Красной армии, которые считались некоторыми лицами тогда контрреволюционными, теперь не только осуществлены, но самое игнорирование их ныне преследуется даже законом (декретами).

1) 26 октября 1917 года произошла 3-я революция — «Октябрьская», положившая начало Советской России. Академия Генер[ального] штаба в лице старшего курса *по моему предложению*, выдержавшему резкие нападки со стороны некоторой группы слушателей (гвардейцы, [которые] тотчас же уехали) и профессуры (из бывших гвардейцев и конницы), с согласия начальника Академии профессора Андогского *стала на работу с Советской властью в то время, как все вокруг засаботировало*. И т. Кедров, работавший тогда в ГУГШе (Главное управление Генерального штаба) с бывшим генералом [Н.М.] Потаповым, знал об этом.

2) К моменту начала экзаменов и подготовки к темам дополнительного курса Академии, *немцы вторглись в пределы республики*. На призыв советской власти к генштабу и комсоставу *не нашлось ни одного генштаба*²¹⁸⁸. Мы — выпуск 1917 года — дали сразу же 19 человек на Кавказ (отправляли их т. Кедров и генштабы Потапов и Ба-

гратуни) и по 11 человек на Ямбургский, Лужский, Старорусский и Великолуцкий участки²¹⁸⁹. Это было в конце февраля и первых числах марта 1918 года.

3) 12 марта 1918 г. старший класс, закончив занятия, был распределен между Северным (Петроградским) и Западным (Московским) участками Завесы²¹⁹⁰. С этого момента и началась моя работа в Красной армии. С первых же шагов мы честно и искренне стали на работу, сразу же вызвавшую ряд трений с кругами прежнего Генштаба и лиц, их поддерживающих. Так как стоявшие во главе (последовательно по должностям) Шварц²¹⁹¹, Геруа²¹⁹² и Балабин определенно вели отрицательную работу²¹⁹³, то и создался у меня *крупнейший инцидент* (Балабинское дело, [которое] хранится в Особом отделе ВЧК, [было] лично мною разыскано по просьбе т. Павлуновского и сдано 15 августа 1919 г. товарищу Фельдману), который доказал мою правоту, но т. к. тт. Смилга и Лашевые не предприняли дальнейших шагов, то я принял приглашение *т. Арлова* и поехал к нему в Москву переформировать Оперод Наркомвоен[а]. *Ровно через 1,5 месяца* подтвердились мой взгляд, подозрения и обвинения, предъявленные мною гр[ажданам] Балабину, Геруа и К°. Все они, а также некие генштабисты из гвардейцев — Энглер²¹⁹⁴, Боровский²¹⁹⁵ и другие — оказались на Украине у Скоропадского²¹⁹⁶. Тогда же в Крыму погиб мой брат Дмитрий, убитый на лодке за работу в Евпаторийском совдепе²¹⁹⁷.

4) С 27 мая 1918 года — день прибытия в Оперод Наркомвоен[а] — началась моя бессменная (с 9 час[ов] утра и до 2 часов ночи) работа в Оперод[е] Наркомвоен[а]. Фактически в нем работали только Аралов, Теодори, Павулан и Кузнецов. Чикколини появлялся периодически. Остальные служащие (а потом при моей проверке прошло по спискам до 10 000) только являлись за пайком и едой. Работавшие под видом левого эсера Мустафин и группа других лиц сразу же начали мешать мне. И лишь к 20 июля мне удалось кое-как (особенно когда ушел т. Чикколини, принимавший на службу массу лиц, преимущественно женщин) сократить число «пайковых» служащих до 565 человек и наладить несколько работу. Происходило это оттого, что *с первого же дня (с 27 мая) мне пришлось принять на себя контроль и руководство борьбы с чехословаками и казаками, ибо г. Бонч-Бруевич (военрук Высшего военного совета) считал эту борьбу «внутренним фронтом» и поэтому ничего в этой области не желал делать (армия была добровольческая).*

5) Уже 1 июня 1918 года (на 4-й день прибытия моего) по просьбе²¹⁹⁸ я делаю обстоятельный доклад в присутствии тт. Раскольников, Сокольников, Карахана Л.М. и Муралова²¹⁹⁹, а 3 июня — т. Троцкому о переезде части Балтийской флотилии в Волгу. В результате в середине августа четыре «сокола» были у нас на Волге, приняв деятельное участие в делах против чехословаков (копия доклада в Особ[ом] отделе ВЧК сдана мною 15 августа т. Фельдману)²²⁰⁰.

б) Руководство операциями против чехословаков в силу невозможности добиться правдивых сведений с мест, *неимения точных данных о боевом составе и численности наших войск, трения между «главкомами» и постоянные перерывы связи — вызвали с моей стороны ряд энергичных, постоянно опротестовываемых тт. Чикколини и Боярским²²⁰¹ мер по организации телеграфной непрерывной связи без загромождения Московской Централы на Мясницкой*, и к 18 июня были получены первые плодотворные результаты (это важный исторический момент для Красной армии, эра для ее жизни, поворот к успехам и плодотворной организации), ибо мы имели сведения об отрядах, начали их группировку, наладили связь и *предотвратили*: а) соединение отдельных групп чехословаков (били их по частям) и б) ряд взрывов чехословаками мостов, могущих иметь для нас непоправимые последствия в будущем.

7) В этот же период, 12 и 14 июня, по моим настойчивым указаниям впервые произошли подготовительные совещания по вопросам снабжения всеми видами технического и артиллерийского довольствия. Затем 16 июня — заседание у *т. Троцкого*, положившее конец Всероссийской коллегии по вооружению Красной армии и начало правильной организации снабжения и его производства. С этого момента мы вступили на нормальный путь снабжения Красной армии и учета этого снабжения и запасов.

8) В день выступления левых эсеров (июль 1918 г.²²⁰²) — налицо в Опероде были только тт. Аралов, Теодори и Павулан²²⁰³; и работа по фронту *не прерывалась ни на одну секунду* (этим только и объяснялась успешная ликвидация «Муравьевщины»: *мы не растерялись в Опероде* и своевременно шифром т. Аралов дал под мою диктовку необходимые указания о группировке и т. д.).

9) С первых чисел июля [1918 г.] идут решительные меры: а) по реорганизации Красной армии; б) по переустройству Всероглавштаба²²⁰⁴; в) по разработке, *несмотря на крайнее противодействие Бонч-Бруевича*, баз снабжения и г) начаты формирование и сведение бригады, дивизии и армии отрядов, до сего времени разрозненно действовавших на Вост[очном] фронте.

10) С конца июля и до конца августа 1918 г. начата *бессленная и непрерывная* моя личная работа (я никому не верил) — по направлению на ст. Шихраны и [в] район Симбирска и Нижнего в распоряжение тт. Л.Д. Троцкого и Вацетиса войск, снабжения, оружия и работников (*в этом только моя заслуга* — это подтвердят тт. Муралов, Аралов, Вацетис, и, если бы был жив, то покойный т. Я.М. Свердлов, к сожалению все хранивший в своей памяти, но ничего не записывавший). Но и т. Л.М. Карахан знает, как много я работал в этот тревожный, тяжелый период. Исключительно быстро (ибо у меня были полномочия и *полное доверие* Я.М. Свердлова²²⁰⁵, Л.Д. Троцкого и С.И. Аралова²²⁰⁶) была создана *непрерывная секретная телеграфная*

связь. Тов. Ленин лично ежедневно вечером принимал по телефону (Кремлевский провод) доклад от т. Аралова и меня. Дважды в период очень тревожных и сложных по обстановке дней я был вызываем к т. Ленину, и все, что я докладывал, подтвердилось. *Было доверие, не было интриг, не было зависти и сплетен* — был очевидный результат моей работы.

11) В начале сентября, попутно с организацией побед на Восточном фронте, я лично провел (это моя третья важная заслуга, вызвавшая страшную ненависть ко мне в Генерал[ьном] штабе), *вопреки противодействию и [не]желанию начальника Всероглавиштаба гр[ажданина] Свечина*, убедившего даже т. Склянского, 5 сентября 1918 года *регистрацию специалистов генштаба* под контролем Оперода (военный контроль — т. Тракман). Это остановило *незаметную* (в пылу огромной работы и тяжелых наших испытаний), *но огромную утечку* генштабистов в лагерь контрреволюции. Что генералы бежали — полбеды: они бездарны и с малоповоротливыми мозгами, но с ними уходила и весьма ценная боевая молодежь выпусков [19]13, 14, 15, 16-го г[одов] и гвардейская часть 1917 года²²⁰⁷. Часть последних выпусков и часть профессуры мы уже успели задержать, и теперь они отлично работают.

12) Создано [Военно-]политическое отделение Оперода, положившее начало политотделам в армиях и т. д. Во главе — член ВЦИК т. [А.Г.] Васильев.

13) *Первые мобилизации при исключительно трудных условиях* (т. Склянский даже не поверил мне, когда я сказал о существовании у нас²²⁰⁸ учетных секций областных, губернских и уездных военн[ых] комиссариатов и их значении в вопросах мобилизации) были проведены и разработаны Оперодом, а потом уже их вел нынешний начальник Полевого штаба [Реввоенсовета] Республики Пав[ел] Пав[лович] Лебедев.

14) Разработан ряд мер по привлечению офицеров в армию, в особенности выпуска 1917 года. (Тогда М.С. Кедров был против — это была первая причина недоверия ко мне; но жизнь была за меня: теперь призываются все поголовно. А сколько лиц выпуска 1917 года пролило свою кровь в Красной армии, сколько их расстреляно белыми, сколько погибло из-за провокации белых — «внешних» и «внутренних»!)

15) Положено начало правильной организации военной агентуры, разведки, контрразведки (коммунисты и т. Чинтулов) и военной цензуры (тт. Грейер и Батури²²⁰⁹). Что делается теперь — не знаю, но поставлен был этот отдел службы генштаба на элементарно верный путь.

16) Одновременно с этими работами я провел исключительно опасную, самую ужасную, тяжелую, полную личных оскорблений, издевательств и нападок жизнь в период постоянных приездов «са-

мозванных», «кустарных» и настоящих главкомов, комов и других с Дона, Кавказа и Украины (тт. Аралов и Чикколини при появлении этих буйных лиц предусмотрительно уходили в секретную комнату²²¹⁰). В этот период (июнь, июль и август [1918 г.]), правильно названный т. Данишевским периодом «захвата разными подозрительными отрядами оружия в целях товарообмена», мне пришлось раздокументировать многих лиц, иногда даже с «подлинными» мандатами, направляя их в ВЧК с опасностью для своей жизни (Живодеров, Панасюк, Гандлер, Стрекалов, Саянов и т. д.). А сколько угроз расстрелами, именами и т. п. В двух случаях (раз с Пархоменко²²¹¹) мне пришлось ездить даже к т. Ленину лично²²¹²: раз в присутствии т. Иванова Кавказского, другой раз в присутствии т. Сталина — для выяснения ложной картины требований и доклада с мест об оружии.

В этот же период реорганизован Оперод и отделы Наркомвоен[а] при моем неуклонно-твердом руководстве. Сам т. Склянский не принимал ни одного штата, ни одной ассигновки без моей проверки и надписи «просмотрено» (смотри архив Оперода. Масса денег, средств и жизней было спасено). Число лиц, болтавшихся в Опероде, уменьшилось к моменту переформирования в Полевой штаб Реввоенсовета Республики с 9—10 тысяч [до] 295 человек — вполне надежных, энергичных, честных и работоспособных. Лишь гр[ажданку] Троицкую, невзирая на мои письменные доклады в сентябре, октябре и ноябре, т. Аралов, а потом и гр[ажданин] Костяев не увольняли, говоря, что она несчастна, плачет и очутится на улице (т. Аралов должен это подтвердить, ибо тт. Павулан, Гиршфельд и ряд других лиц это слышали). Троицкая была принята на службу левым эсером Мустафиным до моего прибытия в Оперод Наркомвоен, т. е. до 27 мая 1918 г.

17) 16 октября 1918 г. закончено формирование — согласно инструкции Л.Д. Троцкого и Вацетиса — единственных в Европе курсов (секретных) разведки и воен[ного] контроля. Это было моим детищем; все продумано было до мелочей; весь опыт мировой и гражданской войн был использован для курсов. Приглашен т. Кавтарадзе²²¹³. Лично мною проверен и написан ряд руководств. Что теперь делается, не знаю, *но ни одного предателя первый выпуск (мой, потом я был арестован) не дал.*

18) Тов. Троцкому и т. Мехоношину выделялись работники из Оперода, и всеми ими они были довольны, выражая свою благодарность т. Аралову (ни один из посланных не оказался прохвостом).

19) Лично тт. Ленин, Свердлов, Троцкий, Склянский, Чичерин и Карахан ежедневно и еженедельно получали *ничем не приукрашенную*, в сжатом виде, *честную, правдивую, верную*, в отделанных до чеканки словах сводку о военно-политической жизни сначала (июнь и половина июля) в отрядах, а потом полков, затем о целых войсковых соединениях Красной армии, о ходе формирований, реоргани-

зации и сводки докладов с мест. В этих работах помогал мне лично сам т. Аралов и дополнял иногда их Л.М. Карахан. Было доверие, была и целесообразная работа.

20) Все маневры, тактические занятия, план военного обучения, артиллерийские стрельбы Московского окружного комиссариата и рабочих полков прошел (по просьбе Н.И. Муралова) под моим непосредственным наблюдением²²¹⁴. А я ведь не обязан был это делать, и никто мне за это не платил (это ведь было в праздники — дни отдыха). Из дел в этой работе надо искать для всех причины недовольства, а иногда и озлобления против меня отдельных комиссаров (т. Марьясина, фамилии других не знаю) и «кустарей», полагавших, что «военное обучение» так же просто, как печение булок (12- и 24-часовая программа обучения красноармейца, выдвигаемая некоторыми из них).

Товарищ Дзержинский, не хватило бы бумаги и времени описать все, что сделано Оперодом и его начальником штаба. Мы не издавали описания своей работы, не афишировали ее ни в одну из годовщин²²¹⁵, ибо работали *идейно, честно*, в сознании *необходимости нашей напряженной работы*. И я пишу эту краткую выдержку (вынужденный в целях самообороны) из моей личной колоссальной работы лишь для того, чтобы дать Вам маленькую картину нашей трудовой жизни *и того, как мне за нее отплачено*. Число часов моей суточной работы было 17—19: я приходил в 9 час[ов] утра, уходил в 2—3 часа ночи, усталый всегда, либо подвозимый т. Араловым, либо вместе с т. Павуланом. Вся моя жизнь, каждая ее подробность, проходила на глазах и совместно с тт. Араловым, Павуланом, Ипполитовым, Гиршфельдом и другими коммунистами. Я докладываю, что *много, много мною сделано полезного; я никогда не подчеркивал этого и не выдвигался, скромно уступая другим ставить свой штемпель на моей работе (ибо не честолюбив²²¹⁶ и не корыстен²²¹⁷)*; я отказывался упорно и настойчиво от Регистрационного управления [Полевого штаба РВСР] и формирования его, *прямо докладывая, что даже в мирных условиях эта должность опасна и требует огромного гражданского мужества и выдержки*, я не выставлял напоказ своей работы (может быть, это и плохо), но 10 месяцев (ныне 16 месяцев) одиночной тюрьмы поговору шантажистки заставили обратиться к Вам и напомнить о себе.

Сидя в тюрьме, я написал для Красной армии при суровых условиях заключения, изоляции и поверки два труда: «Тактика артиллерии» и «Военно-инженерное искусство», прокорректированные и выпущенные в июне 1919 г.; труд «Военно-топографические разведки» и подготовил 2-е издание (недавно) этого труда²²¹⁸. В настоящее время уже издана «Тактика артиллерии», встретившая даже одобрительный отзыв проф[ессора] Баршова, и я продолжаю работать без страха ответственности в журнале «Военное дело»²²¹⁹, указывая на а) тот не-

обходимый вид организации, какую должна принять современная артиллерия и авиация и б) по вопросам войсковой разведки всех видов. 9 августа 1919 г. я по просьбе т. Павлуновского на 12 страницах набросал в контекстивном²²²⁰ виде взгляд на характер агентурной разведки в настоящее время и способы борьбы с нею.

22) Сравните даже то, что я скромно перечислил, с теми инсинуациями и сплетнями (основанными на личных мотивах), недоказанным подозрением в пособничестве шпионажу, чтобы увидеть, как несправедливо, исключительно жестоко отношение ко мне представителей той партии (коммунистов), с коей я кровно связан всей своей огромной созидательной работою по созданию, формированию и закреплению мощи Красной армии. Но даже если, допустим, что оговор Троицкой правилен (хотя это противоестественно и нелогично: человек не может раздваиваться), то и тогда я все давно искупил и своей работою, и жестоким заключением со всеми последствиями для зрения и здоровья. Ошибки всегда могут быть, а особенно в тех ужасных условиях, в коих протекала работа Оперода Наркомвоенна (без штата и масса мелких служащих авантюристов и «редиски»²²²¹, мечтавших о крупных должностях и делах). Уже в июле 1918 г., разгоняя этих «лиц» и докладывая т. Троцкому о необходимости создать штат Оперода, не выходя из рамок лишь необходимого, я говорил, что мы (Аралов и я) пока целы, ибо наша работа дает только успех; при первой же ошибке — первой же жертвой буду я как военспец, а остальные все стучаются, став за спину партии.

И все же из-за болтовни только одной *служащей-шантажистки*, задержанной к тому же на службе по мягкости т. Аралова и доброте гр[ажданина] Костяева (и притом в Полевом штабе, а не в Регистра[ионном] управлении²²²²) — я 10 месяцев (ныне 16 месяцев) сижу в одиночном заключении, не зная даже результата дела и срока. Что бы было бы со мной, если бы все уволенные мною из Оперода поочередно писали бы доносы?

Посему я и обращаюсь к Вам как к руководителю ВЧК и одному [из] старших руководителей партии с просьбою: 1) *восстановить справедливость и освободить меня;*

2) если же задеты чьи-либо личные мотивы и самолюбие (хотя я был очень далек от мысли кому-нибудь во всю свою жизнь нанести обиду или лично сделать зло), *то амнистировать меня, освободить и дать мне закончить свою жизнь работой в военно-учебной или другой по выбору Вашему или т. Троцкого области Красной армии, а не медленно погибать в полуголодном и болезненном состоянии одиночного тюремного заключения (мышечный ревматизм, осложненный убийственным холодом и контузией в спинной хребет на войне).*

Г.И. Теодори

30 декабря 1919 г.

Камера МОК Бутырской тюрьмы

Эта просьба — заявление, посланное 30 декабря 1919 года из Бутырской тюрьмы, очевидно, к т. Дзержинскому не дошла, ибо на нее не последовало никакого ответа. Вновь переписана и приложена к заявлению к т. Вадиму²²²³ 25 июня 1920 г.

Г.И. Теодори

РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 8—11 об. Автограф черными чернилами; РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 1—7. Машинописный текст.

ГЛАВА 2

«Красный Генеральный штаб» от отца-основателя ГРУ Георгия Теодори до Маршала Советского Союза Михаила Тухачевского

Фигура М.Н. Тухачевского, ставшего в 1935 г. Маршалом Советского Союза, сама по себе — предмет многочисленных споров в исторической науке²²²⁴. Поскольку история жизни и деятельности маршала выходит за рамки настоящего исследования, ограничимся несколькими штрихами к портрету — именно в контексте истории военно-диктаторской альтернативы политического развития нашей страны.

М.Н. Тухачевский родился в имении неподалеку от станции Вышегор Смоленской губернии, как установила его биограф Т.Н. Осина, 3(15) февраля 1893 г. До самого последнего времени в научной литературе указывалось, что будущий маршал родился на день позднее: 4(16) февраля — даже «общеизвестные» факты из жизни советского военачальника не всегда соответствуют действительности. Что уж говорить о Гражданской войне и 1920-х годах!

Как считается, отец из все более разорявшихся дворян, мать — из крестьян. Отец сумел передать сыну по наследству воинствующий атеизм, что, пожалуй, было единственным качеством, роднившим будущего маршала с большевиками²²²⁵. Якобы потому, что, когда после нескольких лет в Пензенском крае, куда семья переехала в конце XIX в., Тухачевские осели в Москве, они сразу разместились в одном из наиболее респектабельных районов, населенном представителями тогдашнего «среднего» класса столицы. У «все более разорявшегося» дворянина деньги на такую роскошь вряд ли бы нашлись. Семья действительно беднела, однако до революции «за гранью» Тухачевские так и не оказались.

По воспоминаниям сестер, всю жизнь М.Н. Тухачевский «с увлечением, беззаветно отдавался единожды избранному военному делу», однако мономаном он отнюдь не был: «...не мог обойтись и без музыки, без живописи, без систематического чтения. В его... ду-

ховном мире было место Бетховену и Баху, Шуману и Мусоргскому, Моцарту и Скрябину, Шопену и Мендельсону, Толстому и Шекспиру. Его интересовало все новое в науке, технике, искусстве. С детства он увлекался астрономией»²²²⁶. Зимой 1937 г. никогда ни на что не жаловавшийся маршал признался одной из сестер: «Как я в детстве просил купить мне скрипку, а папа из-за вечного безденежья не смог сделать этого. Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач»²²²⁷. Безденежье вряд ли было причиной того, что «профессиональный скрипач» из Тухачевского не вышел, однако интересен самый факт достаточно разносторонних увлечений будущего маршала.

Когда М.Н. Тухачевский учился в 1-й Пензенской гимназии, учеба его тяготила, он, по воспоминаниям однокашников, «стремился получить военное образование, к которому имел призвание с детства. Это и было осуществлено после 4-го класса Пензенской гимназии, когда Миша поступил в кадетский корпус»²²²⁸.

Окончив летом 1912 г. кадетский корпус, Михаил Тухачевский после краткосрочного отпуска поступил в Александровское военное училище²²²⁹. В годы обучения в военном училище М.Н. Тухачевский близко сошелся с известным в будущем московским большевиком районного масштаба Н.Н. Кулябко, сыгравшим впоследствии важную роль в его судьбе²²³⁰. Это, впрочем, не помешало ему, если верить сообщению эмигранта В.Н. Посторонкина, «отменно, добросовестно и самозабвенно» исполнять караульные обязанности, возложенные на него «в дни Романовских торжеств, когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда государя императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце»²²³¹. По свидетельству Посторонкина, «здесь же впервые Тухачевский был представлен его величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского»²²³². Подчеркнем, что краткий очерк В.Н. Посторонкина о М.Н. Тухачевском является достоянием скорее не истории, а литературы. Из даты и места создания очерка его публикатор, комментируя «вот такой архивный документ», сделал вывод о том, что автор — «белогвардеец» и «эмигрант». Фактическое отсутствие сколь-нибудь достоверных сведений об авторе позволяет выдвинуть одно предположение: возможно, В.Н. Посторонкин — это В.Н. Пасторкин, автор первой в историографии биографии М.А. Муравьева²²³³. В этом случае все сходится: предметом непосредственного исследовательского (вернее, литературного) интереса этого автора была бонапартистская идея в Советской России эпохи Гражданской войны.

М.Н. Тухачевский стал офицером 12 июля 1914 г. Из первоэскадронных юнкеров, получивших по знанию военной службы не менее 11 баллов, а по общеобразовательным предметам не менее 9, в числе первых оказался именно он. На этом основании Тухачевский был произведен в подпоручики гвардейской пехоты, что давало возможность поступить в гвардию. Гвардии подпоручик Михаил Тухачевский назначался в столичный гарнизон — в лейб-гвардии Семеновский полк — один из двух первых императорских полков, прославленный своим консерватизмом и, в частности, принявший участие в подавлении Первой русской революции (конкретно — в Москве, куда для ликвидации вооруженного восстания было решено ввести «какие-нибудь чужие войска»²²³⁴).

В научной литературе констатируется, что в XIX — начале XX в. «в военной службе, кроме общедворянской, существовала своя шкала престижности, определявшая возможность поступления конкретного дворянина на то или другое место. Здесь помимо общего разграничения — т. е. что кавалерия престижнее всех остальных родов войск, гвардия престижнее армии, старая гвардия престижнее молодой, вообще военные части с красивой униформой выше тех, где униформа неброская (например, гусары выше драгун), роды войск, требующие специальных знаний (артиллерия, инженеры и пр.), престижнее пехоты в армии, но ниже ее в гвардии, и пр., существовали еще корпорации по полкам, по родам войск, по учебным заведениям и т. д.», причем в военных мемуарах «конца XIX — начала XX в., т. е. периода, когда профессионализация армии в России в основном завершилась», эти корпорации уже имели жесткие формы²²³⁵. Офицерские кадры гвардии комплектовались в начале XX в. «за счет дворян, окончивших либо специальные классы Пажеского корпуса, либо — курс военного училища, получив „гвардейский балл“ на экзаменах, обладателей достаточных личных средств», для зачисления требовалось согласие полкового офицерского собрания с тайной баллотировкой, которой предшествовало изучение родословной кандидата на зачисление, выяснение его связей и *имущественного положения*²²³⁶, причем последнее было моментом важным: Семеновский был в числе тех самых полков, относительно которых А.И. Гучков говорил в 1908 г. на заседании III Государственной думы, что в них «офицерское содержание не играет никакой роли» и потому там «могут служить исключительно зажиточные, весьма зажиточные, люди»²²³⁷. Когда после т. н. мятежа 1-го батальона 1-го полка Петровской бригады офицеры преображенцев стали покидать полк, а пажи и юнкера отказывались выходить в «опозоренную»²²³⁸ воинскую часть и волей Николая Николаевича Младшего в офицеры преображенцев без предварительного согласия офицерского собрания перевели лучших офицеров из маньчжурских пехотных полков, большинство свежееиспеченных лейб-гвардейцев оказалось вынуж-

дено подать рапорта о переводе по, как это называется в западной историографии, «социально-бытовой мотивации»²²³⁹. Хорошо известно, что среди попавших в элитный полк был капитан А.П. Кутепов²²⁴⁰, однако мало известно другое: будущий видный деятель белой эмиграции просил подыскать ему богатую невесту. По легенде, посмотрев на свою потенциальную судьбу, он без малейших признаков такта заявил: «Не могу...»²²⁴¹ У М.Н. Тухачевского проблем с покрытием текущих расходов не возникало, притом что, по меткому замечанию исследователя истории общественных объединений первой трети XIX в. В.М. Боковой, «дворянин, претендующий на светскость и хороший тон — условно говоря, „аристократ“, — по определению был бездельником»²²⁴². (Или, если по М.Ю. Лермонтову, «И кто два раза в день не пьян, Тот, извините! — не улан».)

Большевик А.И. Тодорский (1894—1965), очевидно еще в 1918 г. обративший на себя внимание вождя²²⁴³ и занимавший в годы Гражданской войны и в межвоенный период ряд видных военных постов²²⁴⁴, впоследствии — биограф М.Н. Тухачевского, отметил, что «в [Семеновском] полку в 1820 г. служил командиром роты 2-го батальона капитан Тухачевский Александр Николаевич, переведенный тогда же подполковником в Галицкий пехотный полк», и в этом же «полку в 1817 г. служил штабс-капитан Тухачевский Николай Николаевич, тогда же переведенный в лейб-гвардии Московский полк»²²⁴⁵. В действительности М.Н. Тухачевский потому и попал в лейб-гвардию, что у офицерского собрания не было вопросов по поводу происхождения и имущественного положения кандидата и к тому же за него было кому похлопотать, а вовсе не потому, что второразрядное с точки зрения чопорного Петербурга Александровское военное училище открывало дверь в элитный полк своим лучшим выпускникам. Далее — Первая мировая.

Впервые офицеры лейб-гвардии Семеновского полка заговорили о молодом подпоручике после боя у Кржешова, состоявшегося в рамках грандиозной Галицийской битвы. Упомянутый городок приказано было взять любой ценой. По описаниям очевидцев, фронтальный бой семеновцев с австрийцами был горяч, упорен, но безрезультатен. 2-й батальон, в 7-й роте которого сражался Тухачевский, двинулся в обход австрийского фронта и в решающий момент боя неожиданно появился в тылу противника. Отступившие австрийцы подожгли за собой мост через реку Сан, командир 7-й роты Веселаго и офицер Тухачевский увлекли за собой гвардейцев и, перебежав по горящему мосту, пошли в штыковую атаку на противоположном берегу. Вернулись семеновцы с победой, захватив пленных и трофеи. Наградой за смелость стал Георгиевский крест командиру роты и орден Владимира IV степени с мечами и бантом подпоручику²²⁴⁶. Будущий Маршал Советского Союза сумел себя проявить и в других операциях, хотя, как отмечают его биографы Ю.А. Щетинов и

Б.А. Старков, «мы в большинстве случаев не знаем, за какие конкретно боевые действия удостоивался М.Н. Тухачевский орденов»²²⁴⁷ в старой армии. Семеновский и Преображенский полки дрались прекрасно²²⁴⁸. В начале ноября А. Нокс зафиксировал в своем дневнике, что «в 1-й [гвардейской] дивизии особенно сильное давление испытывают Семеновский и егерский полки, однако им удалось не только удержать позиции, но и несколько вклиниться на территорию противника»²²⁴⁹. Заметим, что даже в элитных подразделениях постепенно начал ощущаться недостаток артиллерийских снарядов, патронов и теплого обмундирования²²⁵⁰. Нокс записал в дневнике нечто из серии: «Перед тем, как отдавать приказ о переходе в наступление с целью „воспрепятствовать переходу инициативы в руки противника“, стратеги из Генерального штаба должны были посоветоваться с представителями служб о том, является ли их план выполнимым»²²⁵¹. И напроорочил: «...стратегическое наступление русской армии близко к тому, чтобы закончиться полным фиаско»²²⁵².

В начале 1915 г. в Восточной Пруссии развернулось наступление германской армии. В конце января наша гвардия начала погрузку в эшелоны для выдвижения к Ломже, в официальном коммюнике говорилось: «Достоверно установлена концентрация очень значительных сил немцев в Восточной Пруссии. Противник намерен наступать главным образом на направлении на Вилковишки и Лык. Отмечена переброска новых войск из Центральной Германии. Наши войска с боями отступают от Мазурских озер в район нашей границы»²²⁵³. В первых числах февраля лично «прибыл в Восточную Пруссию, чтобы подбодрить свои войска»²²⁵⁴, германский кайзер Вильгельм. 7 февраля две германские армии начали операцию по окружению 10-й русской армии генерала Ф.В. Сиверса, располагавшейся перед Мазурскими озерами. Окружить армию немцам не удалось благодаря героическому сопротивлению 20-го корпуса генерала П.И. Булгакова (четыре пехотные дивизии ослабленного состава). Взятые в кольцо воины бились десять дней в занесенных снегами лесах и болотах, расстреливая последние запасы снарядов и патронов²²⁵⁵.

11 февраля военный министр В.А. Сухомлинов отметил в своем дневнике, что в Ставке Верховного главнокомандующего «настроение спокойное, дела на фронтах, по-видимому, выправляются»²²⁵⁶, а 13-го и вовсе написал: «Слава Богу, дела как будто лучше — набили морду немцам под Праснышем»²²⁵⁷, взяли в плен 30 оф[ицеров], 2600 ниж[них] чин[ов], 7 орудий, 11 пулеметов. Снаряды не рвутся у них»²²⁵⁸. Ключевой во всей фразе были слова «как будто», хотя впоследствии представитель Великобритании в России А. Нокс именовал наступление в районе Прасныша «самой блистательной операцией русской армии» на начальном этапе Первой мировой войны²²⁵⁹, а командующий германскими войсками на Восточном фронте М. Гофман назвал Прасныш «мое дитя скорби»²²⁶⁰.

15 февраля остатки 20-го корпуса буквально с голыми руками бросились в отчаянную атаку, расстреливаемые вражескими орудиями. Руководивший боем немецкий генерал обратился к группе захваченных в плен русских офицеров: «Все, возможное в человеческих руках, вы, господа, сделали; ведь, несмотря на то, что вы были окружены, вы все-таки ринулись в атаку навстречу смерти. Преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством». И отдал им честь²²⁶¹. От своих офицеров не отставали и солдаты: не зря военный атташе Великобритании А. Нокс с восхищением писал о «русском солдате-гвардейце», которому, когда им командовал «грамотный офицер, способный вести» в бой, не было равных «во всем мире»²²⁶².

В это же время восточнопрусская группировка германских войск нанесла удар в направлении Прасныша, где среди прочих наших частей находились и семеновцы. 19 февраля шел горячий бой между городами Ломжа и Кольно. Немецкая артиллерия буквально засыпала полк тяжелыми снарядами, во фронтовом обиходе — «чемоданами»²²⁶³. Вопреки дневниковой записи В.А. Сухомлинова за 13 февраля, германские снаряды находились в полном порядке. Генерал Б.В. Геруа писал позднее, что «бои под Ломжей в феврале 1915 г., когда три гвардейские дивизии были остановлены во встречном бою германской ландверной бригадой, потеснены ею назад и принуждены к обороне, представляют собой печальный пример управления»²²⁶⁴, а один из непосредственных участников боев вспоминал впоследствии: «Я никогда не забуду впечатления от разрыва... „чемоданов“. Сидишь в грязном, холодном окопе. Слышишь где-то у немцев тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает звук приближающегося снаряда, режущий воздух, и хрипящий звук „хрр-оо“, где-то высоко в небе все увеличивающийся, ближе, ближе и все ниже!.. на мгновение этот звук замирает... С ним вместе замирают наш слух и наше дыхание... и затем: тра-а-ах! — взрыв. Трясется земля, дух захватывает от сотрясений воздуха! Видишь огромный столб земли, дыма и огня, высоко поднявшийся к небу, разрушивший все, что было живого и неживого на месте взрыва. Впечатление от рук, ног и прочих частей человеческого тела, разбросанных после взрыва этого снаряда, невыносимо для человека, оставшегося в живых»²²⁶⁵. Тем не менее 21 февраля военный министр зафиксировал в своем дневнике после доклада в Царском Селе, что «государь» пребывал «в отличном расположении духа», поскольку «дела на театре войны» будто бы были «у нас хороши». Лишь 25 февраля В.А. Сухомлинов сделал в своем дневнике запись, куда более объективную: «Восьмой месяц войны и непрерывных боев сказывается в деле снабжения арт[иллерийскими] снарядами. При неудачах наших в Восточной Пруссии [А.В.] Самсонов и [П.-Г. К.] Ранненкампф отдали в руки немцев все свои [артиллерийские] парки. В свое время, когда военное ведомство просило отпустить на изготовление запаса по

1500 [снарядов] на орудие, — дали по 1 тыс., а теперь за время боев есть пушки, выпустившие более 2 тыс. снарядов»²²⁶⁶.

Исследователи истории русской гвардии А.В. Тихомиров и Е.И. Чапкевич констатировали, что в боях под Ломжей «участвовали практически все гвардейские полки, особенно ожесточенная борьба была у местечка Едвабно, продолжавшаяся до 4 марта, где гвардейцы (Гренадерский, Московский, Семеновский, Егерский и 3-й стрелковые полки, 3-я гвардейская дивизия) оборонялись против превосходящих сил противника, неоднократно контратаковали, захватывая пленных и трофеи. Однако в этих боях гвардии не удалось добиться такого успеха, который бы изменил ход военных действий на данном участке фронта. <...> В ходе Ломжинской операции особенно пострадали те полки, которые в первые дни сражения находились в полуокружении. Они понесли потери не только убитыми, но и пленными»: в частности, в «плёну оказался и поручик Семеновского полка М.Н. Тухачевский»²²⁶⁷.

Семеновцы держались стойко, однако организованная в ночь на 27 февраля немцами атака, оказавшаяся для наших частей совершенно неожиданной, позволила врагу полностью окружить 7-ю роту лейб-гвардейского полка — командир ее был убит, а едва проснувшийся и начавший отстреливаться М.Н. Тухачевский сбит с ног ворвавшимися в траншеи немецкими гренадерами. На этом его участие в «Великой войне» закончилось. 27 февраля по Семеновскому полку был объявлен приказ за № 34, в котором, наряду с другими, сообщалось о гибели подпоручика²²⁶⁸ — ошибочно.

К концу своей дореволюционной службы М.Н. Тухачевский пришел признанным героем. А.И. Тодорский прямо заявил: «Будучи офицером 24-го Сибирского стрелкового полка, сражавшегося в Варшавском районе, я не помню, чтобы встречал за всю войну еще кого-нибудь, кто, подобно Тухачевскому, за полгода получил шесть боевых наград. Он имел эти награды за подлинные доблести, а не за присутствие на войне. Среди них орден Анны 4-й степени с надписью „За храбрость“, 3-й степени с мечами и бантом, 2-й степени с мечами; Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами; Владимира 4-й степени с мечами и бантом»²²⁶⁹.

Попав в плен, М.Н. Тухачевский стал одним из рекорсменов по количеству попыток побега. В августе 1917 г. он совершил-таки побег из лагеря Ингольштадт, воспользовавшись предоставленным ему правом на прогулку вне лагеря. Считалось, что после бегства Тухачевского был расстрелян его поручитель, однако, как недавно выяснилось, последний отделался трехмесячным арестом, да и вина Тухачевского весьма своеобразна. Сам он утверждал по этому поводу в написанном для своего бывшего главного тюремщика послании буквально следующее: «Милостивый государь! Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том,

что слова я не убежать с прогулки не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т. е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Черневского на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренне сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но *события в России не позволяют колебаться* (курсив мой. — С. В.). Примите уверения в глубоком почтении. Подпоручик Тухачевский. 10 августа 1917 года»²²⁷⁰.

Этот документ и другие факты, связанные с побегом М.Н. Тухачевского, трактуются по-разному. Р.Б. Гуль: «У Тухачевского... очень рано подверглось эрозии понятие офицерской чести... нет никаких свидетельств, что он испытывал муки совести, подставив тех, с кем делил невзгоды плена»²²⁷¹. Ю.З. Кантор: «Тема подделки документов и якобы нарушенного Тухачевским слова чести будоражит историков на протяжении почти 90 лет. [...] подлинные документы и реальные факты... дают... основания считать инцидент „о честном слове Тухачевского“, а вместе с ним дискуссию об „эрозии чести“ исчерпанным»²²⁷². При всем личном уважении к Ю.З. Кантор должен заметить, что позиция Р.Б. Гуля представляется более логичной. Во-первых, как пишет наш великий этнолог Л.Н. Гумилев, «смена стереотипа поведения нам кажется вполне естественной»²²⁷³. То, что ныне Ю.З. Кантор рассматривает с формально-юридической стороны, Р.Б. Гуль (1896—1986), будучи мобилизован в 1916 г., участвовал в Первой мировой и Гражданской — на стороне белых — войнах, рассматривал с позиций офицерской чести. В годы Первой мировой войны махинация с подписями не могла расцениваться иначе, как поступок, недостойный офицера. Во-вторых, все мы так или иначе начинаем понимать своих героев, а понять, как известно, означает простить — отсюда, видимо, и безапелляционность Ю.З. Кантор. Выделенная нами курсивом фраза в письме М.Н. Тухачевского, на наш взгляд, объясняет всё: пришла пора срочно возвращаться на Родину, предлог для побега подходил любой. Очевидно, именно поэтому М.Н. Тухачевский не любил вспоминать о своей жизни и деятельности до Октябрьской революции. Не случайно этой самой фразой из письма М.Н. Тухачевского от 10 августа 1917 г. сама Ю.З. Кантор²²⁷⁴ завершила в своей книге главу «В плену ожиданий».

Выдумщица Л.А. Норд писала, будто в минуту откровенности М.Н. Тухачевский признался, что еще в плену, дабы не тратить драгоценное время, он разрабатывал в мыслях планы реорганизации армии, а узнав о свержении монархии в России, «взял газету, ушел в уборную, там разорвал ее в клочки и... плакал (в последнее поверить нетрудно, поскольку точно так же Тухачевский не выдержал и заплакал, когда в конце 1920-х гг. один из бывших конармейцев бро-

сил ему в лицо упрек в том, что Первую Конную Буденного в 1920 г. не представлялось никакой возможности перебросить с Юго-Западного фронта на Западный. — С. В.). [...] той же ночью мне приснился сон, что великий князь Николай Николаевич взял армию в свои руки и формирует новые части (такое, надо полагать, видел во сне не один Тухачевский. — С. В.). <...> Когда я попал в Петроград, у меня не было и мысли о переходе к большевикам. Все мои думы занимала армия, которая должна была восстановить порядок в стране и нацостылять по шее немцам. Я люто ненавидел Керенского и всех, кто развалили армию. По моему мнению, тогда было еще не поздно собрать силы и, сбросив Временное правительство, установить военную диктатуру. Когда я говорил об этом, то мне рассеянно отвечали: „Да, да, это может спасти Россию“... Но я был только [под]поручик „шелкопер“, и серьезно с моим мнением никто не считался. С генералитетом мне говорить не приходилось (в данной цитате эта фраза, пожалуй, самая правдоподобная. — С. В.), но чем больше у меня было разных других встреч, тем сильнее было разочарование. В верхах были или потерянности, или словоблудие, а мы, молодые офицеры, полные сил и решимости, вынуждены были бездействовать и подвергаться унижениям. Питер был мне более чужд, чем Москва, и я надеялся, что в Москве другой дух — уехал туда. Но там были такие же ужас и разброд мыслей»²²⁷⁵. Как у Натана Эйдельмана в «Фантастическом 1826-м» — «Не было. Могло быть»²²⁷⁶.

Интересно, что принял участие в судьбе молодого офицера и помог ему вернуться на Родину военный атташе посольства России во Франции — легендарный граф А.А. Игнатьев. Полковник запаса Я.М. Горелик выявил его послание коллеге — военному агенту в Великобритании генералу Н.С. Ермолову: «Милостивый государь Николай Сергеевич! По просьбе бежавшего из германского плена гвардии Семеновского полка подпоручика Тухачевского мною было приказано выдать ему деньги в размере, необходимом для поездки до Лондона. Прошу также не отказать помочь ему в дальнейшем следовании. Уважающий Вас, готовый к услугам А. Игнатьев»²²⁷⁷.

Наиболее интересные «лакуны» в жизни М.Н. Тухачевского связаны с эпохой Гражданской войны. В Петрограде он оказался 12 октября 1917 г. — за две недели до Октябрьской революции²²⁷⁸. Как пишет А.И. Тодорский, Тухачевский как дисциплинированный офицер направился в столице «к месту довоенной стоянки Семеновского полка, где находился его преемник — запасный батальон, входивший в гвардейскую запасную бригаду»²²⁷⁹. Видный специалист по истории Белого движения В.Ж. Цветков считает «весьма показательной» оценку семеновцев, данную председателем Петроградской ЧК Моисеем Урицким: «Семеновцы — это честные белогвардейцы». По данным А.И. Тодорского, «гвардейцы-запасники активно участвовали в свержении царизма, а после Октября составляли революционный гарнизон столицы.

Они приветливо встретили бежавшего из плена фронтовика, столь непохожего на чопорных гвардейских офицеров, уже успевших удрать за границу или на контрреволюционный юг. Тухачевского избрали командиром роты. Однако старая армия уже агонизировала. При этом Советская власть не задерживала, а, наоборот, ускоряла расформирование именно гвардейских частей ввиду их ненадежности и попыток контрреволюции использовать их в своих целях»²²⁸⁰.

По меткому замечанию Е.И. Чапкевича, уже «после Февральской революции гвардия утратила характер элитного войска»²²⁸¹, однако те гвардейцы, которые не были выбиты на войне и удержались в полках, отнюдь не перестали считать себя представителями военной элиты. По воспоминаниям семеновца А.А. Типольта, его комната «превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулось после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно, должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»²²⁸². Видимо, уже тогда М.Н. Тухачевский был готов перебежать на сторону революции — только колебался, на кого следует сделать ставку. При демобилизации запасного батальона получил увольнение с военной службы и Тухачевский²²⁸³, однако честолюбивый офицер поправлял расшатанное в плену здоровье заготовкой дров и другими делами семьи недолго: «события в России» не позволяли «колебаться» и теперь.

Как считается в историографии, уже в начале марта 1918 г. он попал на прием к заведующему Военным отделом ВЦИК А.С. Енукидзе — по рекомендации друга юности, а теперь члена ВЦИК Н.Н. Кулябко, у которого М.Н. Тухачевский нашел приют в Москве²²⁸⁴. При этом сам Н.Н. Кулябко вспоминал впоследствии: «Война разлучила меня с М.Н. Тухачевским на довольно длительный срок. Мы встретились вновь лишь в марте 1918 г. Он уже (курсив мой. — С. В.) успел поработать в Военном отделе ВЦИК, а меня IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИК»²²⁸⁵. Как видно, М.Н. Тухачевский сам, по своей инициативе, пришел во ВЦИК и попал на прием к заведующему Военным отделом ВЦИК А.С. Енукидзе, которому по-настоящему требовались военные специалисты — желательно не из штаб-офицеров. Благо в то время в Кремль мог беспрепятственно пройти практически каждый, вопреки уверениям отдельных историков, что режим доступа к высшим партийным и государственным руководителям изначально был недостаточно мягким. Молодой, не успевший «обрасти» связями по причине долговременного пребывания в плену подпоручик, предложивший свои услуги Советской власти, очевидно, вполне подошел заведу-

юшему Военным отделом ВЦИК, возможности которого оказались настолько ограничены, что в скором времени отдел пришлось слить с Наркоматом по военным делам РСФСР, как и большинство других отделов ВЦИК — с теми наркоматами, которые они были призваны курировать. И в данном случае была даже плюсом беспартийность М.Н. Тухачевского: в противном случае еще пришлось бы уточнять, в какой именно фракции он состоял и какую выполнял партийную работу, поскольку в годы Первой мировой войны многие т. н. большевики отошли от активной деятельности или вовсе заняли отнюдь не интернационалистские позиции. В случае с Тухачевским не требовалось ничего.

Н.Н. Кулябко вспоминал: «После переезда правительства из Петрограда в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, а потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров»²²⁸⁶. Это не исключено, хотя по приказам Наркомата по военным делам РСФСР пока удалось установить лишь тот факт, что 1 апреля 1919 г. заведующий Административным отделом Всероссийского бюро военных комиссаров Кулябко был назначен членом Всероссийского бюро военных комиссаров²²⁸⁷ — в условиях, когда уже состоялось решение о реорганизации этого Бюро в Политическое управление армии.

5 апреля 1918 г. М.Н. Тухачевский, как считается, вступил в ряды РКП(б) — по рекомендации того же Н.Н. Кулябко²²⁸⁸. Стаж будущего маршала в ленинской партии с 1918 г. несомненен, но основные документы о вступлении М.Н. Тухачевского в партию в распоряжении исследователей отсутствуют. Личное дело, в котором должна находиться подтвержденная Н.Н. Кулябко на бумаге рекомендация М.Н. Тухачевского в РКП(б), находится в Российском государственном архиве новейшей истории, доступ в который ограничен. Среди документов — до крайности малочисленных — Хамовнического РК РКП(б) за 1918 г., хранящихся в ЦАОПИМ, протокол заседания с пунктом о том, когда и при каких обстоятельствах М.Н. Тухачевский «осчастливил партию своим членством» (выражение М.М. Плисецкой), отсутствует²²⁸⁹. Заметим, что для «золотопогонника» взлет М.Н. Тухачевского оказался поистине стремительным. Ни Н.Н. Кулябко, которого будущий маршал, по воспоминаниям первого, называл своим «партийным отцом»²²⁹⁰, ни даже А.С. Енукидзе в 1918 г. по-настоящему серьезные кадровые вопросы не решали.

Не случайно давно выявлена и введена в научный оборот исследователями рекомендация А.С. Енукидзе, направленная заведующим Военным отделом ВЦИК во Всероссийское бюро военных комиссаров, однако смена 27 мая 1918 г. М.Н. Тухачевским Н.Н. Кулябко в должности военного комиссара Московского района обороны Западной завесы²²⁹¹ для председателя бюро И.И. Юренева, пришедшего в партию в качестве одного из лидеров «межрайонки» летом 1917 г.,

было, что называется, пределом его возможностей. По данным В.О. Дайнеса, приказ о назначении подписал Л.Д. Троцкий²²⁹², однако это ни о чем не говорит: мало ли какой приказ по личному составу армии положили на подпись наркому.

Логично предположить, что М.Н. Тухачевского «двигал» тот, кто в 1918 г. активно участвовал в подборе и расстановке военных кадров — глава Советского государства руководитель Секретариата ЦК Я.М. Свердлов, тем более что советский «парламент», как мы знаем, был прежде всего его епархией (прежде всего потому, что во ВЦИК все основные вопросы решал самозванный Президиум²²⁹³). Скорее всего, М.Н. Тухачевский был рекомендован А.С. Енукидзе не только во Всероссийское бюро военных комиссаров, но и непосредственно кому-то из партийных бонз — либо непосредственно Я.М. Свердлову, либо В.В. Куйбышеву. Между прочим, на Апрельской конференции РСДРП(б) 1917 г. именно В.В. Куйбышев, до 1911 г. возглавлявший Нарымскую подпольную организацию²²⁹⁴, предложил ввести в ЦК Я.М. Свердлова (ранее последний уже состоял в ЦК — по кооптации, наряду с И.В. Сталиным и А.Г. Шляпниковым): «Тов. Свердлов — старый партийный работник, незаменимый организатор. Присутствие его необходимо в ЦК»²²⁹⁵. Если верить Л.Д. Троцкому, В.И. Ленин как-то признался ему, что первоначально отнюдь не все представители руководящего ядра РСДРП(б) жаждали видеть Я.М. Свердлова в ЦК: «На этот счет были изрядные споры, но снизу нас (эмигрантов-литераторов. — С. В.) на Съезде (на конференции. — С. В.) поправили, и оказались целиком правы»²²⁹⁶. Было бы логично предположить следующее: Н.Н. Кулябко и А.С. Енукидзе рекомендовали М.Н. Тухачевского главному кадровику большевистской партии, а тот позднее передал его в надежные руки старого товарища по революционному движению В.В. Куйбышева²²⁹⁷.

И еще — два факта. Первый: С.И. Аралов в книге своих воспоминаний написал, будто бы в марте 1919 г. В.И. Ленин сказал о М.Н. Тухачевском: «...военные специалисты — это интеллигенция, вышедшая преимущественно из буржуазной и мелкобуржуазной среды... Они не белогвардейцы от рождения, особенно пехотинцы, армейцы»²²⁹⁸. Дело не в дворянском происхождении М.Н. Тухачевского и даже не в том, что «армейцем» гвардеец Тухачевский не был ни единого дня (вождю было вполне достаточно знать, что он был оберофицером), а в том, что сразу после выхода воспоминаний С.И. Аралова (1962) в ЦК и видным деятелям ленинской партии, здравствующим в то время, был направлен ряд писем о небольшевистском прошлом Аралова и его участии в травле большевиков после третьиюльской попытки военного переворота 1917 г.: будучи членом Военного совета 3-й армии, Аралов был в числе завизировавших соответствующий приказ. В письмах старых большевиков отсутствовало главное: С.И. Аралов был представителем Я.М. Свердлова в ведом-

стве Л.Д. Троцкого и потому некорректно самое название книги — «Ленин вел нас к победе». Вплоть до весны 1919 г., когда С.И. Аралов занимал важные посты в Красной армии, его «вел... к победе» совсем другой человек. После того как этого человека не стало, Аралова из высшего руководства РККА удалили. Воспоминаниям С.И. Аралова нельзя верить, когда в них говорится о взаимоотношениях советских партийных и государственных деятелей и даже об отношении В.И. Ленина к конкретному военному (тем более кадровому). Факт второй: А.И. Тодорский — человек крайне информированный — указал в своей книге о маршале: «Тухачевский вплотную видел и самоотверженную работу блестящего организатора партии и крупного государственного деятеля Якова Михайловича Свердлова, имевшего прямое и непосредственное отношение к работе Военного отдела» ВЦИК²²⁹⁹. Логично предположить, что и, наоборот, Я.М. Свердлов «вплотную видел» работу одного из сотрудников Военного отдела ВЦИК — тем более вот тут С.И. Аралову вполне можно верить), что отдел этот работал в Кремле²³⁰⁰.

Биограф Михаила Тухачевского В.М. Иванов указал в 1985 г., что после начала Чехословацкого мятежа «подбором партийных и военных кадров занимался непосредственно В.И. Ленин. В числе первых московских коммунистов был направлен на Восточный фронт и М.Н. Тухачевский»²³⁰¹. В.И. Ленин действительно лично занимался формированием военно-политического руководства Восточного фронта — с его подачи через Совнарком были проведены назначения двух главкомов (М.А. Муравьева, затем И.И. Вацетиса) и нескольких членов реввоенсовета фронта, однако большинство назначений на более низкие партийно-политические должности в Красной армии, а также нередко на должности командные исходило от руководителя Секретариата ЦК РКП(б) Я.М. Свердлова как неизменно «солиста» на заседаниях Бюро ЦК РКП(б). Не лишним будет напомнить, что протоколы заседаний ЦК и его Бюро за лето 1918 г. не сохранились — к великому сожалению историков.

19 июня 1918 г. М.Н. Тухачевский «в числе первых московских коммунистов»²³⁰² отправился на Восточный фронт — со следующим мандатом: «Предьявитель сего военный комиссар Московского района Михаил Николаевич Тухачевский командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьева для исполнения работ исключительной важности по организации и формированию Красной армии в высшие войсковые соединения и [для] командования ими»²³⁰³. Н.Н. Кулябко вспоминал впоследствии, что назначение явилось следствием его разговора с вождем, заинтересовавшимся «[под]поручиком-коммунистом», и перед отправкой на фронт друг юности и протеже Кулябко будто бы удостоился ленинской аудиенции²³⁰⁴. Однако воспоминания о разговорах с вождем, не подтвержденные документальными свидетельствами, — источник столь же надежный, сколь и

свидетельства о совместном с В.И. Лениным таскании бревна на суб-ботнике в рамках радостно подхваченного в условиях хозяйственной разрухи любившим позировать перед камерой вождем мировой революции «Великого почина» рабочего класса. Биографическая хроника вождя свидетельствует лишь о том, что М.Н. Тухачевского на Восточный фронт отправил кто угодно, но только не ленинский Совнарком.

25 июня новоиспеченный большевик явился в Реввоенсовет Восточного фронта и там члены этого Совета П.А. Кобозев и Г.И. Благонравов, как утверждает в советской историографии, «настояли на назначении М.Н. Тухачевского командующим войсками 1-й революционной армии»²³⁰⁵. Жаль, не указано, настояли перед кем — если бы перед М.А. Муравьевым, как пишет в своих воспоминаниях тогдашний работник Симбирского комитета РКП(б) Б.Н. Чистов²³⁰⁶, загадку бы из этого не сделали. Так или иначе, М.Н. Тухачевский, как сказали бы в более позднее время, попал в кадровую «обойму», и с этого момента в его биографии «лакун» значительно меньше: будущий маршал постоянно на виду. Так, в антракте между ликвидацией М.А. Муравьева и приездом нового главнокомандующего войсками Восточного фронта И.И. Вацетиса М.Н. Тухачевский временно командовал фронтом²³⁰⁷.

М.Н. Тухачевский вызывал весьма противоречивые чувства: многие офицеры после бесед, проведенных будущим маршалом с большим чувством такта, вступили в РККА и впоследствии сохранили к М.Н. Тухачевскому хорошее отношение²³⁰⁸, критически настроенных в отношении «золотопогонников» военных комиссаров от М.Н. Тухачевского лихорадило, зато сподвижники «вождя Красной армии» Л.Д. Троцкого по привлечению военспецов в советские вооруженные силы были от него в восторге. Для иллюстрации — две характеристики из докладов Реввоенсовету Республики, которые содержат информацию для размышления.

1. О.Ю. Калнин, январь 1919 г.: «31 декабря [1918 г.] без нашего ведома командарм-1 Тухачевский послал телеграмму реввоенсоветам фронта и Республики, в которой называет политкомарма Медведева явным провокатором, действия которого, по словам Тухачевского, систематически разрушают армию, и приводит следующие факты в доказательство: 1) [Медведев] подрывает авторитет командарма, а именно — отменяет разрешенную командармом служебную командировку помощнику зав[едующего] разведотделом армии, которому, как главное, поручено закупить и привезти для должностных лиц штаба на праздник масло, поросят, муку; 2) Медведев, будучи комиссаром Пензенской дивизии, от августа до сентября 1918 г. расстроил дивизию, последствием чего явилось отступление Пензенской дивизии к Белебею.

Обвинение в явной провокации со стороны Тухачевского, молодого офицера, который, по его личным словам, знаком с партией

только с августа 1917 г., является действием крайне демагогическим... Причиной обострения взаимоотношений политкомармов с командармом является следующее. С развитием армии развивался и штаб армии, а также [развивалось] все управление, но только по количеству и штату, но не по качеству. Замечал[ись] скрытый саботаж, халатное отношение, кумовство. По мере возможности принимались меры к пресечению подобных явлений, был ряд смещений и перемещений, с которыми командарм не вполне согласился. Из высших должностных лиц и командарма образовался кадр, который себя отгородил китайской стеной от влияния и контроля политкомармов. Стремление избежать совместной работы и контроля политкомармов замечалось особенно со взятием Сызрани, также с каждой похвалой со стороны высшего командования (в адрес командарма), а особо, когда в Реввоенсовете Республики наметили Тухачевского помощником [командующего войсками Южного] фронта. Наш лаврами побед армии [увенчанный] командарм-1 поднял голову, как настоящий красный генерал типа Наполеона. 22 декабря главному Вацетису заявляет, что он как командир и притом коммунист не может мириться, что к нему *на равных со старым генералом* (курсив мой. — С. В.) приставлены политкомармы... [Я] не могу мириться с таким поведением командарма, рассматривая его как шаг, направленный к дискредитации власти комиссаров и попытку самочинно установить порядок единоличного управления армией... Прошу пресечь домогательства командарма и оградить достоинства комиссаров»²³⁰⁹.

М.Н. Тухачевский разъяснял О.Ю. Калнину, что он «не просто военный специалист, а еще и коммунист»²³¹⁰. Помирились они или нет, и если да, то когда — не известно. Отметим, что впоследствии О.Ю. Калнин даже «вспомнил», как «мы с т. Тухачевским тогда (в годы Гражданской войны. — С. В.) поставили для себя девиз: если умереть, то умереть только истинными бойцами, после последнего выстрелянного патрона — даже при условиях, если весь центр будет захвачен и отрезан от нас»²³¹¹. Ссылаясь на воспоминания О.Ю. Калнина, А.И. Тодорский заявлял, что «при *содействии* (здесь и далее в цитате курсив мой. — С. В.) В.В. Куйбышева и *комиссара О.Ю. Калнина* Тухачевский энергично взялся за строительство регулярной армии»²³¹². Насколько могут быть «правильны» тезисы исследователей, выдвинутые на основании направленной информации, содержащейся в воспоминаниях О.Ю. Калнина, настолько же могут быть «верны» и данные, приведенные в мемуарах Н.Н. Кулябко. Только сведения из первых по большей части уже давно проверены, а из вторых — пока что ничем документально не подтверждены/не опровергнуты.

2. Член Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов, обожаемый Л.Д. Троцким, ноябрь 1919 г.²³¹³: «Командарм — Тухачевский, 28 лет, с 1917 года в партии (ошибка, с 1918 г. — С. В.), человек безусловно свой, смелый до авантюризма. Мягкий, поддающийся влиянию, с

тактичным комиссаром (Смирнов припомнил конфликт Тухачевского с Калниным. — С. В.) будет в любом месте отлично командовать не только армией, но и фронтом»²³¹⁴.

Как представляется, едва поднявшись на видные технические посты в Красной армии, М.Н. Тухачевский сразу же стал вести себя «не по чину» в большевистской партии. Все бывшие офицеры, имевшие достаточно политического чутья и ловкости (чтобы не сказать — связей), чтобы после Октябрьской революции примазаться к большевистской партии, понимали, что «без военкомов» они служить в этой армии не смогут, и, главным образом, не в связи с митинговыми заявлениями Ильича а-ля «без военкома мы не имели бы армии», а потому, что «без военкома» красноармейцы продолжали бы убивать офицеров в 1918 г., как это делали они же, солдаты в «серых шинелях», в 1917-м.

Будущий Маршал Советского Союза не стал «своим среди чужих» (большевиков), но сразу же стал «чужим среди своих» (бывших офицеров, о генералах речь не идет, поскольку в любой армии: Русской императорской ли, Красной — Советской — Российской ли — целая пропасть лежит даже между генералом и полковником). Положение в первом случае, как свидетельствует приведенный нами фрагмент из доклада И.Н. Смирнова В.И. Ленину, для М.Н. Тухачевского стало постепенно меняться, однако второе осталось без изменений: для старых военных специалистов молодой подпоручик, вступивший в РКП(б) и занявший видные технические посты, стал «изгоем». Это — ключ к истории конфликтов внутри института военных специалистов 1920-х гг., в частности к персональному противостоянию М.Н. Тухачевского и Б.М. Шапошникова.

Если М.Н. Тухачевский вел себя вызывающе с членами Реввоенсовета и другими политическими работниками 1-й армии Восточного фронта — пусть и старыми большевиками, но никак не уровня «Внутренней Партии» — и тем более с главкомом И.И. Вацетисом, который в партии не состоял вовсе, то к членам Реввоенсовета Республики, входившим в военно-политическую «обойму», он старательно втирался в доверие — отсюда и какая-то выбивающаяся из канона фраза И.Н. Смирнова — «поддающийся влиянию». Когда это было целесообразно, М.Н. Тухачевский явно умел влиять «поддаться», а вернее всего — надеть личину «поддающегося».

Отметим, что расположить к себе, убедить кого надо в собственной лояльности М.Н. Тухачевский умел, а на это способны далеко не все — и менее всего кадровые военные. Строптивный А.А. Маниковский и взбалмошный М.А. Муравьев — примеры в этом плане более типичные.

И еще: если О.Ю. Калнин ничего не перепутал (неумышленно или сознательно), М.Н. Тухачевский заявил ему, что он был «знаком» с РСДРП(б) с августа 1917 г. Что имелось в виду? Знаком по газетам?

Он же появился в Петрограде за две недели до Октября 1917 г. Весьма вероятно, как выпускники старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии 1918 г. именовали себя «выпуском 1917 года», так и М.Н. Тухачевский сам себя называл «большевиком 1917 года».

И.Н. Смирнов, надо полагать, с восторгом охарактеризовал М.Н. Тухачевского не только в послании Реввоенсовету Республики, направленном в копии В.И. Ленину: 25 ноября 1919 г. РВСР, на заседании которого присутствовали Л.Д. Троцкий, Э.М. Склянский, С.С. Каменев, П.П. Лебедев, Д.И. Курский и С.И. Гусев, рассмотрел последним, 14-м, пунктом вопрос «Награждения». Формулировка некорректна, следовало бы в единственном числе. Резолютивная часть: «Реввоенсовет Республики возбуждает ходатайство перед ВЦИК о награждении командарма-5 Тухачевского Почетным оружием за операции против Колчака, в частности, за взятие Омска»²³¹⁵. Кто именно предложил наградить М.Н. Тухачевского, скупые строки протокола установить не позволяют; скорее всего, это был С.И. Гусев, однако без согласия Л.Д. Троцкого, который успел почти полностью восстановить свои позиции в высшем руководстве РККА после связанных с «заговором в Полевом штабе» событий²³¹⁶, вопрос вряд ли бы прошел на заседании Реввоенсовета Республики. Так или иначе, по замечанию Л.А. Норд, «близости» с самим Л.Д. Троцким у М.Н. Тухачевского «никогда не было»²³¹⁷. Замечанию на сей раз справедливому хотя бы потому, что, когда назначенный в конце апреля 1919 г. командующим войсками Восточного фронта генерал А.А. Самойло вступил, по его собственному признанию, в «острый конфликт» с М.Н. Тухачевским, первого поддержал главком И.И. Вацетис, предложивший снять Тухачевского с поста командующего армией, а второго — С.И. Гусев и М.М. Лашевич (см. *док. № 2.4.18*). С.И. Гусев в данной ситуации уж точно не поддержал бы ставленника Л.Д. Троцкого. Хотя бы потому, что в начале 1920 г. М.Н. Тухачевский, забежим немного вперед, решился на шаг, который не мог не вызвать раздражение председателя РВСР. Хотя бы потому, что — с учетом кампании Красной армии в Польше 1920 г. — в противном случае карьере М.Н. Тухачевского пришел бы конец в 1923 или, в крайнем случае, в 1924 г. Если только карьере, поскольку серия трагических случайностей, оборвавшая жизни видных партийных и военных деятелей в 1924—1925 гг., включая свояка и долговременного заместителя Троцкого Э.М. Склянского, могла унести жизнь любого слишком активного военного/большевика-«ленинца».

Вот на что еще следует обратить внимание: И.Н. Смирнов, обожаемый Л.Д. Троцким, был креатурой... Якова Михайловича Свердлова. Из письма второго председателя ВЦИК председателю Высшего военного совета от 19 августа 1918 г.: «Дорогой Лев Давидович! Направляю в Ваше распоряжение т. И.Н. Смирнова с группой това-

ришей, мы с Вами сговаривались еще в Москве о Смирнове. Это старинный, очень хороший, дельный работник. Мы сговаривались с Вами о введении его в [Высший] военный совет, о поручении ему организации контрразведки, работы в тылу и проч. Не знаю, куда Вы направите т. Смирнова и его *группу* (курсив мой. — С. В.) при настоящих условиях. Считаю необходимым лишь указать, что имеет смысл использовать Смирнова лишь для ответственной работы. Лучший привет. Ваш Я. Свердлов»²³¹⁸.

Еще раз, кратко: 1) наверх будущего маршала толкали — Н.Н. Кулябко, советский «парламентарий»; А.С. Енукидзе, заведующий Военным отделом ВЦИК; В.В. Куйбышев, старый соратник Я.М. Свердлова из уральской партийной группировки; 2) с восторгом о М.Н. Тухачевском отзывался И.Н. Смирнов, доставшийся Л.Д. Троцкому в наследство от покойного «председателя ЦК РКП». Мы не беремся утверждать наверняка, что в 1918 г. будущего маршала «подтолкнул» наверх Я.М. Свердлов, однако подобное предположение объясняет многое. Креатуре Я.М. Свердлова из военспецов не доверились бы ни В.И. Ленин, ни Л.Д. Троцкий (пример Г.И. Теодори, за которого в 1919 г. не заступился перед М.С. Кедровым ни первый, ни второй²³¹⁹, — абсолютно показателен), но представителем свиты покойного «председателя ЦК РКП», не состоявшим в партии до Октября 1917 г. и тем более не имевшим никакого отношения к уральской партийной группировке, вполне мог заинтересоваться И.В. Сталин. Вычистив в начале 1920-х гг. уральские кадры Свердлова—Крестинского из Секретариата ЦК РКП(б) после своего прихода в руководство центрального партийного аппарата, И.В. Сталин в 1930-х гг. не пошел на массовые репрессии соратников бывшего «товарища» по Туруханской ссылке. Свое давнее презрение со ржавчиной зависти к покойному Я.М. Свердлову И.В. Сталин демонстрировал лишь в узком кругу партийных бонз — да и то крайне редко, находясь в игривом расположении духа. Генсек даже соизволил поставить Я.М. Свердлова третьим — после В.И. Ленина и себя самого — вождем Октябрьской революции в эпохальном «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938). После смерти Я.М. Свердлова вчерашний «золотопогонник», член РКП(б) с 1918 г., вполне мог рассматриваться И.В. Сталиным как потенциальная рабочая лошадка, которую можно было получить в качестве скромного дивиденда от чистки «авгиевых конюшен» Л.Д. Троцкого (на таковую «чистку» будущего генсека регулярно отправлял от Москвы подальше В.И. Ленин).

Кем был вознесен М.Н. Тухачевский на самые ответственные технические посты в Красной армии, мы точно не знаем (знаем твердо, что не Л.Д. Троцким), сам он себя считал большевиком, излишне полагаясь на партбилет 1918 г., старое офицерство «своим» уже не считал, а что же его собственные кадры — были ли они вообще? В общем-то нет. В годы Гражданской войны у М.Н. Тухачевского ни

среди членов РКП(б), ни среди военных специалистов большого числа сторонников не было²³²⁰, да и быть не могло: большевик он был, если использовать терминологию И.В. Сталина, даже не «вчерашнего дня»²³²¹, а «сегодняшнего», а длительное пребывание в плену, революционные шатания и «классовое чутье» большевиков со стажем никак не способствовали складыванию вокруг М.Н. Тухачевского каких-либо офицерских группировок (пример генштабистов 1917 г., ставших объектом пристального внимания старого большевика М.С. Кедрова, а позднее анархиста Т.П. Самсонова-Бабия, в этом плане вполне показателен). С другой стороны, высший командный состав РККА, хоть и не отличался монолитностью²³²², состоял в большинстве своем из кадрового офицерства.

Отнюдь не случайно, что, как констатировал биограф маршала В.М. Попов, «„воинственность“ в отношениях с начальниками и в научной полемике уживалась в М.Н. Тухачевском с удивительной тактичностью в обращении с подчиненными и зависящими от него людьми»²³²³. Как раз преданность подчиненных — залог рождения необходимой любому претенденту на высшие посты (в армии не стремящийся стать генералом вряд ли получит и звание капитана) группировки.

Два опубликованных в приложении к настоящей главе документа М.Н. Тухачевского (в 1919 г. — командующего 5-й армией, в 1921 г. — командующего войсками Тамбовской губернии), созданные по итогам аудиенции у В.И. Ленина 1919 г., о дореволюционном и «красном» командном составе, а также возможности создания к 1923 г. «Красного Генерального штаба» уточняют представления взлетевших на революционном гребне военных об идеале «пролетарских» командных кадров, а также об офицерском корпусе, сложившемся в РСФСР к концу Гражданской войны. Поручение В.И. Ленина М.Н. Тухачевскому доложить основы проведения в армии коммунистического командного состава (*см. док. № 3.2.1*) свидетельствует об осознании важности проблемы вождем мировой революции.

Первый доклад М.Н. Тухачевского В.И. Ленину (1919) давно²³²⁴ и хорошо известен исследователям, тем более что в 1964 г. он был опубликован в сборнике избранных сочинений маршала.

Одна из первых научных интерпретаций этого доклада: «Очень интересны и очень характерны личные соображения Тухачевского по этому (о комсоставе. — С. В.) кардинальному военному вопросу. Прежде всего, он считал, что техника командования в то время, при том состоянии армии вовсе не сопряжена была с такими трудностями, чтобы они не были преодолены партийными товарищами. Для серьезного знакомства с военным делом, разумеется, необходима была и тогда серьезная работа по самообразованию. Главным же условием для командира являлся, в трактовке Тухачевского, следующий тезис: для того чтобы понимать характер и формы гражданской войны, не-

обходимо сознать причины и сущность этой войны, т. е. знать основы марксизма, понимать классовую борьбу, необходимость и неизбежность диктатуры пролетариата. Он подчеркивал положение, что, с одной стороны, сознательная часть стратегии этой войны в полной мере доступна лишь марксистам. Эти же свойства, указывал он, делают и организационную сторону армии делом марксистов. Создание коммунистического комсостава — шаг вперед в отношении осмысленного руководства армией на войне и путь для перехода к единоначалию. В 5-й армии весь комсостав был коммунистическим»²³²⁵. В данном анализе нас, как это ни парадоксально, интересует лишь заключительное положение. Отметим, что в 5-й армии Восточного фронта в 1919 г. (командующий — М.Н. Тухачевский, член Реввоенсовета — И.Н. Смирнов из группировки покойного Я.М. Свердлов и здравствующего Л.Д. Троцкого) сложилась практически та же ситуация в плане командных кадров, что и в 10-й армии Южного фронта в 1918 г. (командующий — К.Е. Ворошилов, члены Реввоенсовета — С.К. Минин и И.В. Сталин, двое из которых — в числе вождей военной «оппозиции» на VIII съезде партии). Но только М.Н. Тухачевский был ни бог весть каким большевиком, но зато военным специалистом. Несмотря на то что на словах он фактически разделял признанную на VIII съезде РКП(б) 1919 г. крамольную мысль о необходимости больше доверять партийцам командные посты, впоследствии М.Н. Тухачевский как начальник Штаба РККА (1925—1928), а затем командующий войсками Ленинградского военного округа (1928—1931), заместитель председателя Реввоенсовета СССР (1931—1934), заместитель наркома обороны СССР (1934—1937) и начальник вооружений РККА (1931—1937) находился на ножах с председателем Революционного военного совета СССР К.Е. Ворошиловым. С чем это было связано? С тем, что *дискуссия вокруг командных кадров изначально* велась, выражаясь по-зиновьевски, *по «этикетке»*²³²⁶, в данном случае не вокруг подготовки пролетарских командных кадров, а в действительности в плоскости борьбы групп в военно-политической верхушке. В первом случае — с 10-й армией — речь шла о единоличном решении военных вопросов Л.Д. Троцким (характерно, по меткому заявлению Ю.А. Щетинова и Б.А. Старкова, «кредо» Ворошилова, высказанное будущим сталинским наркомом обороны в разговоре с Троцким, — «выполнять только те приказы, которые признает правильными»²³²⁷), во втором — лишь об отдаленной перспективе зарождения новой группировки: «красных генштабистов» со своим лидером. Тем интереснее два доклада М.Н. Тухачевского, составившие положение к настоящей главе.

Одна из последних научных интерпретаций доклада М.Н. Тухачевского 1919 г.: «веривший в свой авторитет среди военного и политического руководства страны Тухачевский пытался достичь двух целей: во-первых, „поставить на место“ служивших в Красной ар-

мии царских генералов и полковников и, во-вторых, избавиться в армии от влияния комиссаров»²³²⁸. В данном случае важно подчеркнуть: как раз в 5-й армии Восточного фронта серьезных конфликтов не было, что во многом было заслугой старого большевика М.В. Фрунзе — единственного не проигравшего ни одного сражения военачальника Гражданской войны, человека импульсивного, но при этом не выносившего конфликты²³²⁹. На наш взгляд, М.Н. Тухачевский сделал устный доклад вождю, а по итогам аудиенции подготовил письменный доклад на имя Э.М. Склянского именно потому, что как раз авторитета никакого не было: требовались свои кадры, на словах — красный командный состав, на деле — собственная монолитная группировка. Если у кого на Восточном фронте и был настоящий авторитет в высшем политическом руководстве РСФСР, так только у М.В. Фрунзе.

Из доклада видно, что будущий маршал отдавал предпочтение офицерам военного времени и доказывал, что единственным участком работы, на котором совершенно необходимы именно старые военные специалисты, являлась в РККА служба Генерального штаба: «Кроме офицерства, прошедшего курс военного обучения до войны, есть еще значительная часть офицеров, прошедших ускоренный курс во время войны. Подготовка таких офицеров, [вследствие] краткости курса, далеко не на высоте, и для серьезного знакомства с военным делом им необходима серьезная работа по самообразованию. Сейчас мы видим многих из этих офицеров занимающими очень ответственные посты, и это указывает на то, что возможность командования вовсе не сопряжена с такими трудностями, чтобы они не были достижимы для наших партийных товарищей (своеобразная логика. — С. В.). Из среды этого скороспелого офицерства (явный налет раздражения в адрес таких командиров-командующих, каким был, к примеру, С.М. Буденный, чья 1-я Конная «почему-то» не поспела с Юго-Западного фронта на Западный в разгар летней кампании в Польше 1920 г. — С. В.) мы имеем больше хороших командиров, чем из среды старых офицеров» (см. док. № 3.2.1).

Освещение командного состава Красной армии априори укрепляло позиции таких военачальников, каким был М.Н. Тухачевский. Среди «молодого нарождающегося революционного командного состава» не было бы никого, кто стал бы смотреть на подпоручика старой армии — большевика 1918 г. свысока.

В 1919 г., как установил А.И. Тодорский, в 5-й армии по инициативе М.Н. Тухачевского была учреждена Инспекция военно-учебного дела для изучения опыта Гражданской войны. Были созданы Высшие курсы штабных и строевых начальников, на которых будущий маршал прочел ряд лекций, составивших его т. н. труд «Стратегия национальная и классовая». Труд этот стал печататься на Восточном же фронте в журнале «Вестник аудитории военного дела»,

ставшем еще одним убедительным «свидетельством военно-научной работы вдохновенного Тухачевским коллектива командного и политического состава 5-й армии»²³³⁰. Прочитывая фрагмент первой лекции М.Н. Тухачевского (в частности: «Мы все видим, что наши русские генералы не сумели познать Гражданскую войну, не сумели овладеть ее формами. <...> Изучение основ и законов Гражданской войны — это вопрос коммунистической программы...»²³³¹), А.И. Тодорский подивился «силе [Российской] Коммунистической партии, которая за очень короткое время произвела такой коренной переворот в сознании этого человека»²³³². На наш взгляд, «удивляться» абсолютно нечему, просто не стоит путать митинговые заявления с реальными намерениями.

В 1919 г. М.Н. Тухачевский, создавая Высшие курсы штабных и строевых начальников 5-й армии, преследовал те же цели, что и сторонник идеи Большого Генерального штаба Г.И. Теодори, ставший в 1918 г. инициатором и организатором Курсов разведки и военного контроля²³³³, на которых и преподавал параллельно с чтением лекций в красной Академии Генерального штаба РККА (учреждена после бегства старого состава академии к белым). Взыскательный преподаватель, Г.И. Теодори сумел «отличиться» и на преподавании в академии: в фондах РГВА отложился документ о недовольстве молодых большевиков — слушателей — своим лектором, сурово спрашивавшим партийных работников по читаемому им курсу «полевой артиллерии» (вернее, тактики артиллерии). В январе 1919 г. Теодори от чтения курса тактики артиллерии отказался²³³⁴. Курс обучения в детстве Теодори, на Курсах разведки и военного контроля, составил 4,5 месяца. По замыслу генштабиста 1917 г., курсы должны были подготовить «новую генерацию» сотрудников Полевого штаба РВСР — большевиков, достаточно грамотных в военном отношении. Как писал позднее (1920) Теодори, «слушатели набирались только по рекомендации и под ответственностью комиссаров — из числа коммунистов, сочувствующих и лояльных работников дивизий, армий, фронтов и окружных комиссариатов, *прошедших командные курсы*. На курсы военного контроля — коммунисты и сочувствующие, *прошедшие военную подготовку*». В основу преподавания и практических работ был положен богатый опыт Первой мировой и Гражданской войн. Формирование курсов было закончено к 26 октября; положения, штаты и инструкции одобрил и утвердил Л.Д. Троцкий. На первый набор попали всего 39 человек (остальных отсеяли, ввиду неясных рекомендаций и мандатов, а также системы протекционизма)²³³⁵. Арест Г.И. Теодори в марте 1919 г. отнюдь не привел к «увяданию» его детища, кадры которого были тщательно профильтрованы в сентябре того же года²³³⁶.

Эстафетную палочку в подготовке кентавра большевиков-военных принял от Г.И. Теодори М.Н. Тухачевский. Обратите внимание:

1) Г.И. Теодори подчеркивал, что его курсы, готовившие, кстати сказать, не бог весть каких «красных военных специалистов» (конечно, никоим образом не военных контрразведчиков и не военных разведчиков), были «единственными в Европе» (читайте — в мире, см. *док. № 3.1.7*); 2) М.Н. Тухачевский поставил в название своих курсов прилагательное «Высшие» — не слишком ли для курсов в «одной, отдельно взятой» армии? Не слишком: в обоих случаях было важно сделать первый шаг — заинтересовать военно-политическую верхушку. В 1918 г. заинтересовался Л.Д. Троцкий, в 1919-м — В.И. Ленин. Лозунги и там, и там были идеологически выдержанные, но цель ставилась долговременная, и на первом этапе — собственно, подготовки «красного командного состава» — абсолютно приемлемая для высшего большевистского руководства.

18 января 1920 г. М.Н. Тухачевский — очевидно, впервые, позволил себе прямое выступление против Л.Д. Троцкого в печати. Судя по тому, что статья М.Н. Тухачевского «Политика и стратегия в гражданской войне» была опубликована в органе Реввоенсовета Юго-Западного фронта и Украинского Совета трудовой армии, а председателем Совета в этот период был И.В. Сталин, будущий генеральный секретарь ЦК и был настоящим инициатором публикации. В то время И.В. Сталин активно поддерживал В.И. Ленина в профсоюзной дискуссии — видимо, он намекнул, что М.Н. Тухачевскому не забудут своевременный обстрел позиций председателя РВСР (вождь накануне IX съезда РКП 1920 г. вступил с Троцким в блок, однако члены Политбюро понимали, что переигровка возможна в любой момент). Из статьи, написанной М.Н. Тухачевским в Курске 18 января 1920 г.: «Вмешательство политики в дела стратегии — чрезвычайно большое зло. Для успеха военных операций главнокомандующему должна быть предоставлена полная мощь. Политика должна ему безусловно доверять. Поэтому, если даже пролетариат случайно (так в тексте. — С. В.) и не имеет своих военспецов, то все же лучше будет поставить во главе командования, так же как и на всех низших ступенях командования, своих людей, облеченных доверием, революционеров по духу, хотя бы и не знающих полного объема премудрости военной. Назначение военспецов, связанных по рукам и ногам, пользы не приносит. Рев[воен]советы — это бельмо на глазу нашей стратегии — сами себя изживают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела. Выгоднее всего достигается гармония между политикой и стратегией тогда, когда руководство ими принадлежит одному лицу. У нас роль одного лица должен играть *Совет Обороны*»²³³⁷. На первый взгляд, ничего нового: реввоенсоветы как коллегиальные органы, которые только мешали организации управления войсками, активно критиковали не только военные специалисты, но и военные партийцы — собственно, с опубликованного в ведомственной наркомвоенской газете осенью 1918 г. критического выпада в адрес реввоенсове-

тов старого большевика Т.С. Хвесина началась публичная дискуссия по военному вопросу в преддверии VIII съезда РКП(б)²³³⁸. Однако было в статье «Политика и стратегия в гражданской войне» и нечто особенное, добавляющее один новый штрих к портрету М.Н. Тухачевского. О возглавляемом Л.Д. Троцким Реввоенсовете Республики — ни слова, РВС Республики не выделен из общей массы критикуемых реввоенсоветов, при том что назван Совет Оборона. Под «одним лицом», главным образом, понимался не Совет Оборона, а его председатель — В.И. Ленин, тем более что все красные военные деятели знали, насколько «часто» и «охотно» присутствовал на заседаниях ленинского детища 1918 г. Л.Д. Троцкий. Известно, что И.В. Сталин «вообще... умел уговаривать»²³³⁹, а М.Н. Тухачевский, судя по опубликованным и неопубликованным источникам, был в политическом плане человеком наивным, однако вряд ли до такой степени, чтобы вовсе не осознать значение своего шага. Многие, видимо, искренне считали М.Н. Тухачевского «ставленником Троцкого»²³⁴⁰, однако будущий маршал в действительности таковым не являлся.

Забегая вперед, заметим здесь же, что статья М.Н. Тухачевского была переопубликована в середине 1921 г. — аккуратно в то время, когда находился в зените конфликт В.И. Ленина с Л.Д. Троцким. Перепечатка статьи «Инвалидное дело» с критикой старых военных специалистов и комплиментами в адрес «тов. Троцкого» положение вряд ли исправила²³⁴¹. Вступив в партию в 1918 г., уже в 1920 г. М.Н. Тухачевский попробовал себя в политических интригах. Л.Д. Троцкий был слишком надменен, чтобы, как это сделал бы на его месте И.В. Сталин, навсегда затаить в душе зло на одного из своих генералов, однако уж с этого времени какая бы то ни было близость командарма с председателем РВСР была исключена. В начале 1920 г. И.В. Сталин не упустил случая чужими руками задеть Л.Д. Троцкого, а заодно дать В.И. Ленину козырь — на случай возможной игры против своего соратника-оппонента.

С подачи довольноного поведением М.Н. Тухачевского И.В. Сталина успевший отличиться по военной, а теперь и по партийной линии большевик 1918 г. был назначен командующим войсками Кавказского фронта. Будущий генсек заявил в ходе переговоров по прямому проводу членам Реввоенсовета Конной армии от 3 февраля 1920 г.: «Дней восемь тому назад, в бытность мою в Москве, я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского, завоевателя Сибири и победителя Колчака (редкое для Сталина обилие явных комплиментов. — С. В.). Он сегодня прибыл только в Саратов и на днях примет командование фронтом. Кроме того, в реввоенсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии. Если у вас нет связи с Саратовом, мы можем каждый раз предоставлять вам провод для переговоров с Орджони-

кидзе или с[о] Смильгой, которые безусловно помогут вам и поддержат вас»²³⁴². Видимо, решения об описанной Сталиным рокировке были приняты чуть ранее, 23 января: в этот день состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором Сталину довелось сделать заявление в качестве члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта — правда, не по кадровым вопросам²³⁴³. 4 февраля решение о назначении Тухачевского было проведено в советском порядке²³⁴⁴. 13 февраля Сталин, вполне довольный предложенной им кандидатурой, телеграфировал Ленину: «Читал сегодня последний приказ нового командующего фронтом о наступлении (видно, что Шорин ему не чета)»²³⁴⁵. Тогда же проявила себя еще одна черта Тухачевского, которая в конечном итоге его и погубила, — умение создать сплоченную группу, в которой большевистские вожди в любой момент могли усмотреть потенциальную угрозу «диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства». 17 февраля Сталин телеграфировал Ленину: «Тухачевский думает назначить командармом-9 Левандовского²³⁴⁶, а командармом-8 Уборевича²³⁴⁷, что вполне рационально»²³⁴⁸.

29 апреля 1920 г. М.Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Западного фронта, а 22 мая вышел следующий приказ РВСР: «Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский, вступив в ряды Красной армии и обладая природными военными способностями, продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле. Приобретая с каждым днем новые теоретические познания военного дела, М.Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции и отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики, и дал Советской республике блестящие победы над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах. Оценивая вышеизложенную военную деятельность командующего Западным фронтом, Реввоенсовет Республики переводит М.Н. Тухачевского в Генеральный штаб»²³⁴⁹. Это была заявка на возможное использование Тухачевского на штабной, военно-теоретической и военно-педагогической работе²³⁵⁰, однако впереди была летняя кампания советско-польской войны 1920 г., ответственность за которую, вопреки заявлениям западных историков, несет Польша²³⁵¹. Кампания эта поначалу складывалась для РСФСР и ее большевистского руководства как нельзя более удачно — несмотря на то что объективная предпосылка к тому была только одна: по авторитетнейшему свидетельству Д. Ллойд Джорджа, после поражения Германии в Первой мировой войне «нашествие чужеземцев на Русскую землю вызовет бурю возмущения и приведет к росту патриотических чувств. Патриотизм таким образом пришел бы на помощь большевизму»²³⁵².

Серьезное идеологическое значение имел патриотический призыв генерала А.А. Брусилова, вызвавший неоднозначную реакцию и среди военных специалистов, и среди большевиков, в т. ч. находившихся на

работе в органах государственной безопасности. 14 июня 1920 г. коммунистическая ячейка Особого отдела ВЧК в составе 80 большевиков, заслушала «Доклад о Брусиловском воззвании к белому (так в повестке дня. — С. В.) офицерству»:

«СЛУШАЛИ: Доклад т. Напалкова о Брусиловском воззвании, которое своим шовинистическим оттенком возбудило разногласие в партийных кругах. Недаром после воззвания в партийной печати появился ряд разъяснительных статей по поводу настоящей классовой войны с Польшей. Но интересно, как это воззвание отразилось на самих бывш[их] офицерах и какое толкование получилось в заграничной прессе. Так, например, в одной заграничной эстонской газете высмеивается Сов[етская] власть, пишется, что в скором времени т. Троцкий издаст декрет об обязательном ношении офицерами погон, что появятся и прочие обязательства для военных, каковы были в старой армии. Одна группа офицеров, находящихся в концентрационных лагерях, относится к воззванию, как и ко всей настоящей политической жизни, безразлично, другая же группа более сознательного офицерства относится с недоверием. По их мнению, воззвание это составлено под влиянием коммунистов. Так что и Брусилов в их глазах потерял свой авторитет. В общем, наблюдается, что после воззвания офицерами подается масса заявлений о вступлении в Красную армию.

Тов. Иконников: Это свидетельствует о неустойчивости и сдаче позиций мелкой буржуазией, какового происхождения большинство бывших офицеров.

Тов. Юровский: При существовании диктатуры пролетариата нам нечего бояться бывших военных специалистов.

Тов. Могилевский: Перелом в одной части офицерства в сторону Сов[етской] власти произошел и наша задача их (офицеров. — С. В.) в настоящее время наилучше использовать.

Тов. Напалков: Еще так недавно ведя борьбу с белыми на всех фронтах, мы обошлись своими собственными силами, теперь же мы должны быть осторожными к массовому наплыву бывш[их] офицеров в Кр[асную] а[рмию], т. к., только объединившись (это весьма сомнительно. — С. В.), они могут представлять опасность как политическая сила.

ПОСТАНОВИЛИ: Обсудив вопрос о Брусиловском воззвании к бывшим офицерам, опубликованном на страницах советской и партийной печати, <применительно к белогвардейским офицерам, заключенным в концентрационных лагерях>, общее собрание ячейки ОО ВЧК считает необходимым использовать как военные знания и опыт [этих офицеров в] Красной армии после тщательного отбора и допустить к службе в Кр[асной] а[рмии] только тех из них, которые по своему классовому происхождению, а также по степени сознательности и участия в вооруженной борьбе против Раб[оче]-

кр[естьянской] России не представляют опасности как в момент борьбы Сов[етской] России с буржуазной Польшей, так и при наличии других фронтов: будь то фронт Юденича, Врангеля и иных предводителей российской буржуазии.

Поручить бюро ячейки предложить Гор[одскому] райкому РКП [поставить] вопрос на обсуждение и в других ячейках, ибо у нас он возбудил оживленные прения»²³⁵³.

Для военных чекистов была вегетарианской даже такая резолюция: она представляет собой одно из многочисленных свидетельств того, что во взаимоотношениях большевиков и военных специалистов в условиях наступления поляков наметился перелом.

О треугольнике Врангель — Советская Россия — Польша литературы вышло немало. В качестве напоминания общей канвы — два документа: телеграммы за 2 июня 1920 г. В.И. Ленин — И.В. Сталину: «На Западном фронте положение оказалось хуже, чем думали Тухачевский и Главком, поэтому надо просимые Вами дивизии отдать туда, а с Кавказского фронта больше взять нельзя, ибо там восстания и положение архитревожное. Троцкий занят тем, чтобы посылать Вам пополнения из крымских дивизий, что, может быть, даст Вам возможность снять две-три из них для Киевского направления. Старайтесь подтянуть части и во что бы то ни стало продолжайте начатое наступление энергичнее. Вы, конечно, помните, что по решению Политбюро наступление на Крым приостановлено впредь до нового решения Политбюро»²³⁵⁴. И.В. Сталин — В.И. Ленину: «Вашу шифровку получил. Я вижу, что Вы не читали мою вчерашнюю шифровку на имя Склянского. Я понимаю Вашу телеграмму так, что ЦК отказывает в двух дивизиях, несмотря на мои предупреждения, и тем самым освобождает меня от ответственности за будущие вероятные нежелательные последствия на фронте. Что ж, пусть будет так. Я помню решение Политбюро, но т. к. Врангель не считается с этим решением и, наоборот, готовится к наступлению, причем вполне возможно, что он прорвет наш фронт, я счел своим долгом принять меры предупреждения военно-административного и военно-оперативного характера. Только и всего»²³⁵⁵. Таким образом, серьезные проблемы, связанные с войной в действительности на три фронта, начались уже в июне 1920 г.

18 июля 1920 г. в Смоленске М.Н. Тухачевский написал и отпечатал открытое «Письмо к товарищу Зиновьеву», в котором призвал работавший в то время 2-й конгресс Коммунистического Интернационала «подготовить с военной точки зрения пролетариат к предстоящей гражданской войне, к моменту мировой атаки всеми вооруженными силами пролетариата мирового вооруженного капитала»²³⁵⁶. Помимо митинговых рассуждений большевика 1918 г. статья содержала конкретные предложения, которые имеют отношение к теме настоящей главы: «Учитывая неминуемость мировой гражданской

войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического Интернационала. Задача штаба — заранее учесть силы и средства сторон в будущей гражданской войне и странах, ныне еще скованных капиталом»²³⁵⁷.

Поскольку в это время войска Западного фронта, которыми командовал М.Н. Тухачевский, были заняты ленинской попыткой «красноармейским штыком» прошупать «готовность... к советской власти» Польши (сравните — из воспоминаний Н.С. Хрущева: «Кажется, в 1950 г., когда я вновь работал в Москве, либо чуть раньше, до моего возвращения в Москву, приезжал к нам Ким Ир Сен со своей делегацией. Он, ведя беседу со Сталиным, поставил вопрос, что хотелось бы прошупать Южную Корею штыком, и говорил, что там при первом же толчке из Северной Кореи произойдет внутренний взрыв и установится народная власть, такая же, как в Северной Корее. Сталин не противостоял этому»²³⁵⁸), а мировая революция казалась ее вождю делом ближайших недель, М.Н. Тухачевский всерьез предлагал начать подготовку и красных командиров для «Революции извне». Он писал следующее: «Чтобы избежать те трудности и шероховатости, от которых страдали мы (большевики. — С. В.) при создании Красной армии, необходимо заранее разработать план мобилизации рабочего класса, надо заранее подготовить рабочих красных офицеров, надо заранее подготовить и старых строевых начальников, и штабных работников»²³⁵⁹. А для реализации этой задачи, «между прочим», предлагалось, «учитывая трудности в подготовке офицеров из рабочих в буржуазных странах», открыть «у нас в Советской России... ряд военных училищ и академию генерального штаба для подготовки командного состава из рабочих и коммунистов всех национальностей на их языке»²³⁶⁰. Обнадеженный темпами продвижения советских частей, М.Н. Тухачевский завершил свою статью поучением председателя Исполкома Коминтерна: «Мне кажется, что обстановка не позволяет затягивать этого дела. Мы стоим накануне мировой гражданской войны (это только потом поэт напишет: «Мы живем, под собою не чуя страны». — С. В.), руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический Интернационал. Органы военного управления нелегко подготовить, а потому надо теперь же усиленно взяться за их создание»²³⁶¹.

По словам А.И. Тодорского, «в результате быстрого продвижения» Западного и Юго-Западного фронтов Красной армии «к 20-м числам июля Украина и Белоруссия были почти полностью освобождены и наши войска вступили на территорию Польши. Польская армия докатилась до своей столицы Варшавы. „Под впечатлением надвигавшейся грозовой тучи, — говорил Пилсудский, — казалось, рушилось государство, колебалась стойкость и ослабевали солдатские сердца“»²³⁶².

Успехи Красной армии привели к головокружению высшего партийного и военного руководства. Как установил видный специалист

по истории советско-польских взаимоотношений в межвоенный период М.И. Мельтюхов, «в условиях чрезмерно оптимистических расчетов на скорую победу советское командование стало пересматривать свои дальнейшие планы. Именно в это время идея концентрического удара войсками Западного и Юго-Западного фронтов на Варшаву уступила место эксцентрическому удару на Варшаву и Львов. Исходя из того, что войска Западного фронта продолжали стремительное наступление, не встречая при этом серьезного сопротивления противника, Реввоенсовет Юго-Западного фронта 22 июля направил главному телеграмму» с предложением «перенести главный удар войск с брестского направления на львовское, т. е. в пределы Галиции»²³⁶³. 23 июля командование Юго-Западного фронта поставило войскам новую задачу — «действия Юго-Западного фронта должны были отныне направляться не на содействие войскам Западного фронта, который наносил главный удар на варшавском направлении, а на решение по существу самостоятельной задачи, связанной с ликвидацией войск противника на львовском направлении и освобождением Галиции. При этом ударные группировки Западного и Юго-Западного фронтов должны были действовать в значительном отрыве друг от друга. Изменение направления главного удара войск Юго-Западного фронта накануне решающих боев, от которых зависел исход советско-польской войны в целом, противоречило реальной обстановке»²³⁶⁴.

Не вполне оправданным оптимизмом заразился даже И.В. Сталин, на что следует обратить особое внимание. 24 июля он телеграфировал из Харькова В.И. Ленину: «Передаю мое мнение в ответ на Вашу записку № 371. Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную [так в тексте. — С. В.] Польшу и более или менее сносную Красную армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши, для того чтобы реорганизовать, перевооружить польскую армию, создать кавалерию, а потом снова ударить, может быть, в союзе с другими государствами — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрять революцию в Италии. Нужно признать, что мы уже вступили в полосу непосредственной борьбы с Антантой, что политика лавирования уже потеряла свое преобладающее значение, что мы можем теперь и должны вести политику наступления (не смешивать с политикой насакивания), если мы хотим сохранить за собой инициативу во внешних делах, которую мы завоевали недавно. Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить). Триста тысяч люмпенов в Германии, если бы они даже в самом деле существовали в природе, конечно, не меняют и не могут менять дела. Короче: нужно сняться с якоря и пуститься в путь, пока империализм не успел еще мало-мальски наладить свою разлаженную телегу (а он

может еще наладить ее кое-как на известный период) и сам не перешел в решительное наступление»²³⁶⁵.

30 июля командующий войсками Юго-Западного фронта А.И. Егоров, член реввоенсовета И.В. Сталин и начальник штаба Н.Н. Петин телеграфировали из Харькова командующим 13, 12, 14 и 1-й Конной армий: «Разгромленная польская армия напрягает свои последние усилия для удержания за собой Львовского района. Также частями Запфронта, по сведениям, занят Бобруйск и 30 сего июля атакуется Брест-Литовск. Со стороны армий требую развить самое энергичное и стремительное преследование остатков польской армии, дабы, докончив их разгром, не позднее 3 августа занять районы, указанные мною в основной директиве от 23 июля...»²³⁶⁶

А далее — сокрушительное поражение войск Западного фронта под Варшавой. И по сей день в научной литературе можно встретить отголоски представлений о том, что М.Н. Тухачевский и И.В. Сталин будто бы в то время серьезно разошлись. Данный тезис был выдвинут еще в советские годы — из книги А.И. Тодорского: «...при развитии дальнейшего наступления было нарушено взаимодействие фронтов, и к моменту решающего сражения на Висле соотношение сил на Западном фронте резко изменилось в пользу противника. Против Западного фронта, имевшего 22 дивизии, или всего 60 тыс. штыков и сабель, действовало свыше 21 пехотной дивизии и большая часть конницы белополяков вдвое большего состава по числу бойцов. Перед Юго-Западным фронтом оставалось всего три польские дивизии на прикрытие Львова от 1-й Конной Буденного и украинские части Петлюры. 5 августа Пленум ЦК» РКП(б) «одобрил предложение РВСР о передаче в распоряжение Западного фронта 1-й Конной, 12-й и 14-й армий с Юго-Западного фронта. Однако передача этих армий по вине РВС Юго-Западного фронта (главным образом, члена РВС Сталина) затянулась до 20-х чисел августа, тогда как 16—17 августа противник перешел в контрнаступление и Варшавская операция уже закончилась для нас неудачей. Наши армии вынуждены были отступать»²³⁶⁷. Заметим тут же, что 6 августа будущий генсек телеграфировал из Лозовой В.И. Ленину: «Было бы ошибочно рассматривать заминку на Западе, в частности, в районе Буденного, как условие, диктующее смягчение наших условий перемирия, ибо заминка еще кратковременная, объясняется тем, что тылы и крупная артиллерия отстали от ушедшей вперед пехоты (как это с эффектом вещей Кассандры предсказал Алексей Рыков. — С. В.), что необходимо их подвезти к пехоте, как только они будут подтянуты к пехоте, наступление может возобновиться с новой силой. Я предчувствую, что ЦК по неосведомленности решил обратное. Прошу информировать»²³⁶⁸. 16 августа польские войска начали операцию с целью отбросить наши части от Варшавы. Из пяти дивизий только одной довелось вступить в бой, остальные с частями Красной армии вообще не встретились. Возник-

шая реальная угроза окружения заставила М.Н. Тухачевского отдать приказ об отступлении из-под столицы Польши, причем части войск из-за невозможности пробиться на восток искать убежища в германской Восточной Пруссии. Сильно потрепанные части Красной армии, потеряв более 100 тыс. пленными и погибшими, большую часть обозов и тяжелого вооружения, отошли на линию р. Неман. 18 августа Ю. Пилсудский как начальник государства обратился к населению, по горькой иронии крупнейшего специалиста по истории советских военнопленных в Польше Г.Ф. Матвеева, «с „гуманным“ призывом не дать уйти с польской земли ни одному оставшемуся в окружении красноармейцу»²³⁶⁹.

19 августа, когда положение наших частей было уже тяжелым до крайности, В.И. Ленин, Н.Н. Крестинский и примкнувший к ним И.В. Сталин передали по прямому проводу Реввоенсовету Западного фронта следующую шифровку: «Центральный комитет РКП знает о тех причинах, которые вызвали временные неудачи Запфронта, знает о чрезвычайной усталости частей и всех партийных работников фронта. Тем не менее, ввиду всемирно-исторического значения польского фронта, Центральный комитет считает себя вправе требовать от всех коммунистов нового героического напряжения сил, чтобы окончательно сломить польскую белогвардейщину. Партия во всей стране мобилизует силы и средства на помощь Западному фронту»²³⁷⁰. Тем не менее в течение полутора недель противнику удалось полностью очистить от советских войск территорию этнической Польши²³⁷¹.

А.И. Тодорский привел фрагмент ленинского Политического отчета ЦК РКП(б) на X съезде РКП(б) 1921 г., который цитируют все, кто пишет о «чуде на Висле», как именуется поражение Красной армии в Польше в западной историографии: «При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка. Я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня [именно, что Ленина. — С. В.] слишком далеко, — я думаю, что это должно составлять дело будущих историков, а тем людям, которым приходится в трудной борьбе продолжать отбиваться от врагов, не до того, чтобы заниматься историческими изысканиями»²³⁷². В годы недолгой хрущевской «оттепели» А.И. Тодорский, естественно, подчеркнул, что «Тухачевский на Западном фронте оправдал свое высокое назначение», а «Владимир Ильич не упомянул персонально ни одного человека как виновника этой ошибки, а Сталин и апологеты культа его личности все стрелы за неудачу под Варшавой направили в Тухачевского»²³⁷³.

Добавим: в 1920-х гг. сам М.Н. Тухачевский, как и вождь, «персонально» никого не винил, прекрасно помня, что «ходить бывает склизко по камушкам иным...». В лекции «Поход за Вислу» (1923), прочитанной М.Н. Тухачевским в Военной академии РККА, о лич-

ном «вкладе» в поражение Красной армии в Польше И.В. Сталина не говорится ничего — вполне политкорректно по отношению к генеральному секретарю ЦК РКП(б) и совершенно явному претенденту на лидерство в партии. Пообтесавшись в большевистских кругах (не случайно же из конъюнктурных соображений в начале 1920 г. командующий 5-й армией выступил против системы реввоенсоветов, предлагая сосредоточить все руководство в руках ленинского Совета Обороны), М.Н. Тухачевский на рожон лезть не стал.

Судите сами — вот фрагменты из его лекции 1923 г.: 1) «Силы Юго-Западного фронта не были во взаимодействии с основными силами Западного фронта. Особенно резко подчеркивалось то обстоятельство, что перед Юго-Западным фронтом вставала и сама по себе чрезвычайно важная задача овладения центром Галицийской области — г. Львовом. Сюда-то и направлялись основные усилия Юго-Западного фронта не менее как на 90 градусов (т. е. упор Тухачевский делал на объективных факторах, а отнюдь не на субъективных. — С. В.). <...> Разведка Полевого штаба оспаривала наши указания на производившуюся польскую перегруппировку, считая, что все силы, бывшие на Юго-Западном фронте, остаются против него. По этому поводу мы имеем спор в разговоре по прямому проводу. Во всем этом деле мешалось еще и то обстоятельство, что Юго-Западный фронт смотрел по двум направлениям — на Львов и на Крым, откуда в это время активно действовал Врангель. Непрерывные успехи Западного фронта вселили большую уверенность в нашем конечном успехе. Намечалось снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго-Западного фронтов для переброски на крымское направление. Приходилось отстаивать неприкосновенность частей»²³⁷⁴; 2) «Главное командование, учитывая необходимость консолидации левого фланга Западного фронта, 11 августа в 3 часа отдает Юго-Западному фронту директиву о необходимости изменить группировку сил Юго-Западного фронта и в самом срочном порядке двинуть [1-ю] Конную армию в направлении Замостье — Грубешов. Расчет времени и пространства показывает, что эта директива главного командования могла быть безусловно выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы выполнение несколько и запоздало, то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной Конной армии. Однако *в силу сложившейся в Галиции обстановки* (курсив мой. — С. В.), где проводившиеся последовательные группировки были до сего времени направлены на Львов, выполнение этой директивы задержалось. 12 августа главнокомандующий в разговоре по [прямому] проводу указывает на полную непонятность для него отсрочки в выполнении его директивы и им дается подтверждение этого указания. Когда было приступлено к его выполнению, то вре-

мя было уже в значительной мере потеряно. Но хуже всего было то, что наша победоносная Конная армия ввязалась за эти дни в ожесточенные бои за обладание Львовом, где бесплодно потеряла время и силы на укрепленных его позициях <...>. Эти бои засосали Конную армию, и она приступила к выполнению перегруппировки с таким запозданием, что ничего полезного в люблинском направлении сделать уже не могла»²³⁷⁵; 3) Расхождение, ко времени решительного столкновения, почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предreshило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу. Несуразные действия 4-й армии вырвали из наших рук победу и в конечном счете повлекли за собой нашу катастрофу»²³⁷⁶.

Таким образом, М.Н. Тухачевский, не назвав ни одного имени (!), сделал основной упор на объективные факторы и к тому же разделил ответственность между главнокомом (да и то намеком, когда писал об отсутствии взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов), разведкой Полевого штаба, Юго-Западным фронтом и, главным образом, собственными подчиненными²³⁷⁷. «Фактор Сталина» тут присутствует, однако имя названо не было, да и не могло быть, поскольку реввоенсовет фронта — орган коллегиальный. По большому счету ответственность за «нашу катастрофу», как справедливо отметили Ю.А. Щетинов и Б.А. Старков²³⁷⁸, была благополучно возложена Тухачевским на командование 4-й армии.

Не зря начальник государства и главнокомандующий польской армией Юзеф Пилсудский, прочитав «Поход за Вислу», с язвительной иронией заметил в «ответном», еще менее объективном, насыщенном направленной информацией о реальных взаимоотношениях России (СССР) и Польши и проникнутом ура-патриотизмом и ярым шовинизмом²³⁷⁹, произведении: «Чрезмерная, по моему мнению, абстрактность лекций отдаляет г-на Тухачевского от войск, коими он командовал, столь далеким и до такой степени ничем не заполненным пространством, что только при условии большого усилия над собой я мог бы идти по его следам и приоравливать свою работу к его методам и к его приемам изложения»²³⁸⁰. Нас интересует не критика Ю. Пилсудского М.Н. Тухачевского, но самое указание на «абстрактность» лекций советского военного деятеля.

Как военно-политическое руководство «списало» основную долю вины на М.Н. Тухачевского, так сам Тухачевский «списал» ее же на своих подчиненных. Все вполне в русле традиций бюрократического аппарата со времен «проклятого царизма» и до наших дней: кого-кого, а стрелочников на Руси находили всегда. Тухачевский, прекрасно понимая, на что не имеет права замахнуться член партии с 1918 г., заявил: «Основной вывод из нашей летней кампании 1920 г. необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия (с точки зрения классиков стратегии XIX в. это — откровенный нон-

сенс. — С. В.). Политика поставила Красной армии трудную, рискованную и смелую задачу (это точно. — С. В.). Но разве может это означать неправильность?! Не было ни одного великого дела, которое не было смелым и не было бы решительным (провокационный ответ на искусственной постановки вопрос. — С. В.)»²³⁸¹. Ю.А. Щетинов и Б.А. Старков не без иронии прокомментировали данную цитату: «В поражении под Варшавой виновата в конечном итоге не стратегия, а политика»²³⁸². Заметим попутно, что в годы укрепления сталинской диктатуры М.Н. Тухачевский старался ограничиваться предельно краткими замечаниями мемуарного характера из серии (1928): «Война с белополяками в 1920 г. поставила Красную армию перед задачами, значительно более сложными и трудными, [чем поставила Гражданская война], связанными с переносом войны на другую национальную территорию»²³⁸³. Не уточняя, в чем, собственно, заключались новые задачи советских войск.

Едва ли не единственный случай, когда М.Н. Тухачевский открыл завесу над действиями И.В. Сталина в ходе летней кампании Красной армии в Польше 1920 г., была его редакторская работа над трудом о Гражданской войне в России Н.Е. Какурина и И.И. Вацетиса. Развивая тезис В.И. Ленина об историках и их «деле», авторы указали: «Хотя историк современности находится в менее выгодном положении по сравнению с историком последующих поколений в том отношении, что ему недоступны многие из тех архивных документов, которые доступны историку будущего, но у него остается огромное преимущество по сравнению с последним. Оно заключается в показаниях живых достоверных очевидцев и свидетелей. Так мы поступили и на этот раз. По словам т. Тухачевского, вопрос о взаимодействии фронтов встал в порядок дня еще в апреле 1920 г. В конце апреля он обсуждался на заседании РВСР под председательством т. Склянского...»²³⁸⁴ Поскольку инициатива, которая, как известно, наказуема, принадлежала храброму Н.Е. Какурину и политически недалекому И.И. Вацетису, и М.Н. Тухачевский вполне раскрылся, и, в целом, мемуаристы много чего наговорили — в книге появились явно крамольные моменты из серии: «...командование Юго-Западным фронтом рассматривало свою роль на Польском фронте как самостоятельную от начала и до конца и намечало свой собственный план глубокого вторжения в Галицию, первым шагом к осуществлению которого должен был явиться захват переправ на нижнем Сане. Тов. Егоров считает, что таким образом было бы наилучше осуществлено взаимодействие обоих фронтов на Польском театре»²³⁸⁵. Но и в книге Н.Е. Какурина — И.И. Вацетиса вину сваливали на кого угодно (главкома С.С. Каменева, командующего войсками Юго-Западного фронта А.И. Егорова), но только не на генерального секретаря ЦК РКП(б) — ВКП(б). Естественно, и тут не обошлось без критики руководства 4-й армии, от поворота двух

дивизий которой на Плонск, «как теперь читателю ясно, в сущности, зависела судьба всего польского фронта»²³⁸⁶. Справедливости ради следует заметить, что в своих историописаниях Н.Е. Какурин и И.И. Вацетис дошли до воистину странного вывода: «...в военной печати встречаются не совсем правильные оценки результатов Русско-польской войны как войны якобы нами проигранной. Разумеется, никто не станет отрицать того, что Красная армия в варшавской операции потерпела поражение, но это был проигрыш лишь чисто оперативный. Итог войны самым решительным образом разнится от итогов и условий января 1920 г., что в свою очередь дает нам право оценивать исход Русско-польской войны как значительную победу советской стратегии и политики. Война была прекращена в тот момент, когда силы польского милитаризма были несравненно ближе к истощению, нежели силы Красной армии. На новую кампанию без еще большего риска, чем в апреле, Польша идти могла»²³⁸⁷, что развязало Красной армии руки в добивании Врангеля. Несмотря на то что проигранная нами кампания действительно сорвала весьма возможный второй поход Антанты, К. Клаузевиц, видимо, перевернулся в гробу, читая на том свете какуринскоподобную ахинею.

Что же касается «будущих историков», то они смогли выполнить завет Ильича 1921 г. в полном объеме²³⁸⁸ только после опубликования в 2006 г. М.М. Гориновым, Н.А. Тесемниковой и С.В. Цакуновым дневниковых записей Секретаря и члена ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского о нескольких заседаниях ЦК и его Политбюро в 1920 г. Лишь тогда стало ясно, что наступление на Варшаву было обречено на провал, о неизбежности которого предупреждали вождя Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, К.Б. Радек и Е.А. Преображенский. На наступлении, доверившись впавшим в эйфорию М.Н. Тухачевскому и его куратору — кандидату в члены ЦК РКП(б) и члену Реввоенсовета Западного фронта И.Т. Смилге — и не вняв аргументам, в т. ч., председателя РВСР и чрезвычайного уполномоченного Совета обороны по снабжению Красной армии, настоял В.И. Ленин, который потому и оставил открытым вопрос о виновных в катастрофе 1920 г., что нес основную ответственность за (назовем вещи своими именами) военную авантюру²³⁸⁹, когда освободительная война превратилась в неподготовленный заграничный поход.

После смерти Я.М. Свердлова, VIII съезда РКП(б) и «заговора в Полевом штабе» запас авторитета вождя был таков, что при обсуждении в руководящем ядре большевистской партии ответственности за «чудо на Висле», обернувшееся геноцидом русского, украинского и еврейского народа в польских лагерях для военнопленных²³⁹⁰, В.И. Ленину было достаточно «подняться на трибуну и сказать насчет Варшавы: ошиблись»²³⁹¹. Впоследствии Г.Е. Зиновьев представлял все как акт безмерного единства ЦК и благородства основателя партии, а К.Б. Радек пичкал рядовых большевиков и беспартийных

мемуарными байками из серии: «После поражения в польской войне... возвращаясь с польского фронта, я ехал совместно с начальником Полевого штаба П.П. Лебедевым, который пришел ко мне в вагон и говорит: „Вы меня, наверное, считаете контрреволюционером, спецом. С национальной точки зрения это понятно: война с Польшей до конца. Мы их до весны развалим, но с государственной точки зрения я советую вам (большевистскому руководству. — С. В.) заключить мир на каких бы то ни было условиях и громить Врангеля: поляки не могут усесться в Кремле, а Врангель [может напасть], а на два фронта бороться мы не можем. Вы чересчур оцениваете государственный вопрос. Народ устал от войны“. Я Ильичу об этом разговоре с Лебедевым рассказал. Ильич подумал момент и говорит: „Да, рабочий должен отдохнуть, он не может [идти] дальше“. И было в его лице тогда и после, в разговоре с т. Цеткин об этом (она это подтвердила [в своих воспоминаниях]), что-то неслыханно страдальческое: чувство, [о]сознание того, что мы надорвались в борьбе»²³⁹².

Смахнем слезу умиления, как это, видимо, сделал, корпая над текстом воспоминаний о страданиях «самого человеческого человека», К.Б. Радек, и отметим, что ни на заседаниях ЦК и его Политбюро, ни на Девятой конференции РКП(б) 1920 г. вина М.Н. Тухачевского в польской катастрофе всерьез даже не обсуждалась — если уж говорили о просчете руководства Западного фронта, так прежде всего о просчете члена реввоенсовета И.Т. Смилги как кандидата в члены ЦК РКП(б)²³⁹³. М.Н. Тухачевский, будучи командующим (не важно, беспартийным или партийным), как водится, стал основным виновным в глазах «рабоче-крестьянских масс», однако это как раз было абсолютно закономерно. Впоследствии даже А.И. Тодорский, написавший и опубликовавший свою книгу в годы развенчания «культы личности»²³⁹⁴, признал: «...было бы неверно думать, что в деятельности Тухачевского были одни успехи. Допускал он и просчеты. Симбирск был взят только в третьей операции, Кронштадт — во второй, Колчак однажды оттеснил Тухачевского к реке Тобол и т. д. Просчеты выражались в том, что при развитии наступательной операции он не всегда полностью обеспечивал ее резервами, надеясь на моральную силу войск. Являясь сторонником глубокого таранного удара с быстрым вводом войск в оперативную глубину, он ради достижения основной цели нередко вводил в сражение все резервы, без возможности их восстановления, своевременного пополнения материальных запасов и подтягивания тылов»²³⁹⁵. Естественно, А.И. Тодорский в связи как с объективными условиями Гражданской войны, так и с субъективной симпатией к М.Н. Тухачевскому не преминул подчеркнуть: «Однако эти недостатки не были следствием беспечности и неоправданного риска, а во многом исходили из условий вопиющей бедности молодой Советской республики во всех военных ресурсах»²³⁹⁶.

Важно иное: член Политбюро ЦК РКП(б) И.В. Сталин стоял на такой партийной высоте, с которой М.Н. Тухачевского можно было заметить, если это представлялось целесообразным, а можно было не замечать в упор. По-настоящему И.В. Сталина интересовал сеанс «разоблачения черной магии» В.И. Ленина как инициатора решения о продолжении контрнаступления в Центральном комитете да окончательное политическое убийство И.Т. Смилги, который, будучи человеком, лично преданным вождю, был горд, справедлив, упорен и, несмотря на кажущуюся резкость, тактичен, и уже потому неприятен известнейшему большевистскому грубияну (в разы большим хамством, правда, отличался Г.Е. Зиновьев, однако это личное качество давнего ленинского соавтора впоследствии померкло на фоне многочисленных ярлыков, щедро наклеенных на него сталинско-бухаринским, а затем и сталинским руководством). Как только на Западном фронте началась катастрофа, И.В. Сталин сразу изобразил из себя стороннего наблюдателя, занявшись анализом военно-политического положения в свете наметившегося краха. 25 августа 1920 г., находясь в Кремле, Сталин направил в Политбюро ЦК РКП(б) записку, в которой констатировал: «Поведение Франции и Америки, открыто поддерживающих поляков и Врангеля, равно как и поведение Англии, молчаливо санкционирующей эту поддержку, с одной стороны, успехи поляков, ожидающееся усиление Врангеля новыми силами, сосредоточение [...] Румынской армии, с другой стороны, создают для Республики серьезное международное и военное положение. Необходимо теперь же позаботиться об обеспечении Республики свежими штыками (около 100 тыс.), свежими саблями (около 30 тыс.) и соответствующим военным снаряжением. Последние успехи поляков вскрыли основной недостаток наших армий — отсутствие серьезных боевых резервов, поэтому необходимо во главу угла очередной программы усиления военной мощи Республики положить образование мощных резервов, могущих быть брошенными на фронт в любой момент»²³⁹⁷. Вместо деятельной помощи в спасении положения Сталин, как видим, озабочился составлением «программы образования боевых резервов Республики»²³⁹⁸. У членов Реввоенсовета Западного фронта такой возможности не было — исключение составлял И.Т. Смилга, однако он был слишком порядочен, чтобы встать в подобных обстоятельствах, как сказал бы Г.И. Теодори, «за спину партии».

Юзеф Пилсудский в начале своего сочинения о советско-польской войне справедливо заметил: «...исторические события поставили меня выше г-на Тухачевского. Правда, он командовал большей, но, однако, только частью советских войск, сражавшихся тогда с нами, в то время как я являлся главнокомандующим всей польской армией»²³⁹⁹.

Историк В.О. Дайнес сосредоточил внимание читателей на том, что энтузиазм М.Н. Тухачевского вполне разделяли члены Реввоен-

совета Западного фронта И.Т. Смилга и И.С. Уншлихт: «В последнее время появился ряд публикаций, посвященных советско-польской войне, в которых часто упоминается „приказ Тухачевского“ от 2 июля 1920 года. При этом внимание читателей акцентируется на словах „...через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару“»²⁴⁰⁰. Приведя приказ целиком, В.О. Дайнес обратил внимание на его заключительный фрагмент, а именно — на подписи:

«Командующий армиями фронта М. Тухачевский
Члены реввоенсовета фронта Смилга и И. Уншлихт
Начальник штаба Шварц»²⁴⁰¹.

О вине И.Т. Смилги (и уж тем более И.С. Уншлихта и Н.Н. Шварца) в поражении под Варшавой как в 1920-х гг., так и сейчас мало кто знает, а о проигранной летней кампании Красной армии в Польше 1920 г. М.Н. Тухачевским — помнит практически каждый. Прав был Г.И. Теодори, когда говорил: «Первой... жертвой буду я, как военспец, а остальные все стущуются, став за спину партии». С той корректировкой, что И.Т. Смилга не спрятался ни за чьей спиной ни разу за всю свою жизнь.

О «факторе Тухачевского» летом 1920 г. нельзя писать, даже имея в виду августовский приказ по войскам Западного фронта с критикой линии партийно-государственного руководства Советской России в вопросе о взаимоотношениях с Польшей. По мнению А.А. Здановича, «Политбюро поручило РВСР отменить данный приказ, что было абсолютно правильным и подчеркивало факт выхода М. Тухачевского за пределы своей компетенции. Это был... не единственный шаг одного из наиболее ярких представителей» военной верхушки «в направлении диктата руководящим инстанциям своих оценок обстановки, навязывания им своей модели действий в военно-политической сфере»²⁴⁰². На наш взгляд, основной задачей Политбюро и в данном случае было «осадить» как раз И.Т. Смилгу. А.А. Зданович привел в своей книге постановление Политбюро целиком: «Выразить самое суровое осуждение поступку тт. Тухачевского и Смилги (курсив мой. — С. В.), которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже, чем бестактный приказ — приказ, подрывающий политику партии и правительства»²⁴⁰³. То обстоятельство, что И.Т. Смилга назван вторым, не должно смущать: первым подписал приказ командующий, вторым — член реввоенсовета фронта; первым партия «окрикнула» командующего, вторым (формально!) — члена реввоенсовета фронта.

И.Т. Смилгу на X съезде РКП(б) 1921 г. злопамятные партийные бонзы по совокупности «трудов» вышвырнули из Центрального комитета, в составе которого на IX съезде РКП(б) 1920 г. он удержался кандидатом, и на том успокоились, сохранив свои «военные» претензии в относительно узком кругу делегатов: публичную порцию

критики, попавшую на страницы «Правды», а затем в стенографический отчет, Смилга получил не за советско-польскую войну, а за поддержку вождя в его борьбе с группой демократического централизма и Рабочей оппозицией, остальное — в рамках закрытого заседания.

М.Н. Тухачевского же в 1920 г. ославили на весь мир и на всякий случай — для окончательной дискредитации — отправили после варшавского «чуда» подавлять вначале «матросское», а потом и крестьянское выступления, с последующим распространением совершенно фантастических цифр о погибших от газа в тамбовских лесах русских людей. Об этом — чуть более подробно.

Итак, после Западного фронта М.Н. Тухачевский был (после короткого отвлечения на разгром бандитов С.Н. Булак-Булаховича и антиврангелевскую операцию²⁴⁰⁴) отправлен подавлять кронштадтское выступление «революционных матросов», по итогам которого 3 апреля 1921 г. в Москве состоялся военный парад, описанный в главной газете страны: «Утром на Красной площади состоялся парад в честь героев Кронштадта. В параде принимали участие все московские вузы с кронштадтским отрядом во главе, московский гарнизон и коммунистические отряды. Парад принимал председатель РВСР т. Троцкий во главе всего Реввоенсовета. После парада состоялся грандиозный митинг. От лица Рабоче-крестьянской Красной армии победителей Кронштадта приветствовал т. Троцкий. Затем курсантов и красноармейские части приветствовали т. Тухачевский, т. Муралов, член Американской компартии т. Джонсон. Тов. Петровский объявил, что Реввоенсовет Республики поручил своему председателю т. Троцкому вручить обессмертившему свое имя батальону красных курсантов боевое знамя. Тов. Троцкий поднес знамя представителям отряда. После этого курсанты и красноармейские части прошли церемониальным маршем перед Реввоенсоветом с т. Троцким во главе. Вечером в Доме Союзов состоялся грандиозный концерт-митинг в честь кронштадтских победителей. Во всех вузах были устроены концерты-митинги в честь кронштадтских героев»²⁴⁰⁵.

Подобные сообщения привели к стойкому убеждению историков в том, что речь шла о некоей «реабилитации» будущего маршала²⁴⁰⁶. Однако на деле вышло окончательное политическое убиение красного военачальника, имевшего все основания винить за «свое» поражение в Польше высшее руководство РКП(б). Впрочем, Тухачевский, по всей видимости, сам искренне не понимал, что «первая скрипка» в этой «гастроли»²⁴⁰⁷ до конца своих дней сохранит ореол убийцы «красы и гордости революции».

А подавление бунта крестьян в Тамбовской губернии уж точно было рассчитано на то, чтобы М.Н. Тухачевский никогда более не имел достаточный запас авторитета для ведения собственной игры в большой политике: в *крестьянской* стране не было места тому, кто

командовал подавлением *крестьянского* выступления — и притом подавлением жестоким. Правда, когда вопрос о назначении М.Н. Тухачевского решался на практике, военно-политическое руководство волновало иное. Предложение сделал Э.М. Склянский, написавший вождю не позднее 27 апреля 1921 г.: «...Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. Последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?» Ответ В.И. Ленина — резолюция на записке: «Предлагаю назначить его без огласки *в Центре, без публикации*»²⁴⁰⁸. 27 апреля Политбюро ЦК РКП(б) приняло беспрецедентное решение: «а) комиссии ВЦИК, назначенной в Тамбов, не распускать, усилив ее тт. Залуцким и Тухачевским; б) назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе т. Тухачевского, *сделав его ответственным* (здесь и далее в цитате курсив мой. — С. В.) за ликвидацию банд в Тамбовской губ[ернии], не записывая о его назначении в протоколы РВСР. *Не допускать никакого вмешательства в военные действия т. Тухачевского как со стороны комиссии ВЦИК, так и других властей*; в) дать т. Тухачевскому директиву ликвидировать банды Антонова в Тамбовской губ[ернии] не позже, чем в месячный срок. Доклады т. Тухачевского в краткой письменной форме в ЦК должны быть сообщаемы по телеграфу еженедельно»²⁴⁰⁹. Командующим войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский был назначен 6 мая²⁴¹⁰. Вряд ли вождь был настолько наивен, что искренне надеялся утаить в мешке шило. На наш взгляд, следствием «безоговорочного»²⁴¹¹ доверия М.Н. Тухачевскому большевистской верхушки стала впоследствии окончательная политическая дискредитация будущего маршала. Перспектива решить две задачи сразу — военную (ликвидировать восстание) и политическую (превратить большевика 1918 г. в политический труп) — явно пришлась по вкусу В.И. Ленину. Пройдошистый Э.М. Склянский прекрасно знал, что именно следует предложить вождю.

Второй опубликованный в приложении к настоящей главе документ был составлен М.Н. Тухачевским в рамках научной полемики с Б.М. Шапошниковым. Разногласия двух выдающихся советских военных деятелей восходили аккурат ко времени контрнаступления Красной армии в Польше в 1920 г., когда первый был командующим войсками Западного фронта, а второй — начальником Оперативного управления Полевого штаба РВСР. Тяжелое поражение нашей армии стало серьезным ударом для военного авторитета первого и бросило тень на репутацию второго²⁴¹². Впоследствии оба военных деятеля вели полемику вокруг следующего тезиса К. Клаузевица: «Все дело в том, чтобы с тонким тактом (с этим у Шапошникова дело обстояло на порядок лучше. — С. В.) почувствовать, где лежит... высшая точка наступления»²⁴¹³. Это притом, что в действительности

почувствовал, где лежала данная точка, Л.Д. Троцкий, а «не почувствовал» — В.И. Ленин.

Б.М. Шапошников и М.Н. Тухачевский друг друга не переносили. По легенде, первый считал второго выскочкой и недоучкой (как М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Свечин, Н.Н. Стогов называли «зеленой молодежью» генштабистов 1917 г.), М.Н. Тухачевский Б.М. Шапошникова — бездушным «кабинетным Наполеоном»²⁴¹⁴. Не зря Л.А. Норд написала: «Тухачевский и Шапошников — вулкан и айсберг»²⁴¹⁵. Очевидно, определение «айсберг» было достаточно удачным, поскольку начальник управления войсками рейхсвера В. фон Бломберг докладывал о Б.М. Шапошникове в 1928 г.: «Хорошо выглядит, очень ухожен. Тип английского офицера. Остро очерченное лицо. Сдержан. Говорит мало»²⁴¹⁶.

В советском военном ведомстве в начале 1920-х гг. продолжалась начавшаяся в марте 1918 г. борьба сторонников профессиональной подготовки в духе дореволюционной Императорской Николаевской военной академии со сторонниками новой «системы» военного образования, однако теперь эстафетная палочка перешла у «реакционеров» от Н.Н. Стогова к А.Е. Снесареву и Б.М. Шапошникову, а от генштабиста 1917 г. Г.И. Теодори — к не имевшему высшего военного образования М.Н. Тухачевскому. Однако Академия Генерального штаба РККА никуда не делась — правда, 25 июля 1921 г.²⁴¹⁷ ее переименовали в Военную академию РККА.

Очевидно, именно вторая, написанная не позднее 25 июля 1921 г.²⁴¹⁸, докладная записка М.Н. Тухачевского о Красном Генеральном штабе (см. док. № 3.2.2), с целой серией практических предложений, натолкнула высшее военно-политическое руководство Советской России на мысль отправить «тамбовского сидельца» (перифраз — см. док. № 3.2.2) в Военную академию РККА, начальником этого вуза — проводить в жизнь его собственные предложения.

В 1918 г. старая академия Генерального штаба, которая дислоцировалась в то время в Казани, «вследствие неблагоприятного развития [событий] на Восточном фронте», как дипломатично написало руководство ее своеобразной «правопреемницы» в Отчете от 17 сентября 1920 г., была «спешно эвакуирована в Казань, где и досталась летом 1918 г. чехословакам»: на территории РСФСР остался «лишь самый незначительный состав преподавателей и слушателей, случайно отсутствовавших в то время в Казани или успевших своевременно выехать из нее»²⁴¹⁹.

7 октября 1918 г. вышел приказ РВСР № 47, которым предписывалось не позднее 1 ноября открыть Академию Генерального штаба РККА. Перед академией ставилась задача готовить командные кадры, которые получали бы не только «высшее и исчерпывающе специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять [штабные] и командные долж-

ности и являлись людьми, способными откликнуться на все запросы политической, общественной и международной жизни»²⁴²⁰. 7 октября приказом РВСР в Москве предписывалось открыть и очередные ускоренные курсы академии²⁴²¹. 11 октября вышел приказ РВСР о направлении на преподавание в академию ряда военных специалистов из Всероссийского главного штаба и главных управлений Наркомата по военным делам РСФСР²⁴²².

В связи с острой потребностью в штабных работниках на фронтах, руководству академии пришлось, как и в случае с ускоренными курсами Николаевской военной академии времен Первой мировой, пойти на серьезное сокращение учебного курса и — ранее это явление не было столь явным — сокращение требований к слушателям. Из официального отчета академии о наборе первых слушателей: «К 1 января 1919 г. выяснилось, что всего было прикомандировано в академию и прошло через комиссии 435 человек, из коих при минимальных к ним требованиях в число слушателей было принято всего лишь 183 человека. Последние по партийности и военно-образовательному стажу» распределялись следующим образом: «коммунистов — 123, сочувствующих — 39, прочих партий и беспартийных — 21»; по образованию: «высшее — 10, среднее — 127, низшее — 46, в т. ч. военное в размере курса бывших военных училищ — 68, школ прапорщиков — 61, командных курсов — 11, учебных команд — 15; 38 человек вовсе не получили военного образования, затем 15 человек до поступления в академию вовсе не служили по военной службе [так в тексте. — С. В.]. Огромное большинство принятых (103 человека) оказалось командированными из тыловых частей и учреждений и только 80 человек — из действующей армии»²⁴²³. Впрочем, всего в 1919 г. в академии занималось уже 498 слушателей²⁴²⁴. 8 марта 1919 г. был упразднен Комитет по управлению внутренней жизнью академии с передачей функций Совету академии в традиционном для Совета любого военного учреждения составе — начальника и двух комиссаров при нем²⁴²⁵. Так что «внутренняя жизнь» академии была приведена в соответствие с «красноармейским» стандартом.

В июле 1919 г. начальником АГШ РККА был назначен командующий 16-й армией А.Е. Снесарев — блестящий военачальник и ученый, который владел 14 языками, создал много военных, педагогических и военно-географических трудов, обладал широкими познаниями в области истории войн и военного искусства. Активно занимаясь становлением Академии Генерального штаба как учебного и научного учреждения, А.Е. Снесарев много сделал для повышения уровня подготовки советских командиров²⁴²⁶. В частности, по инициативе его и бывшего начальника Азиатской части Главного штаба А.А. Давлетшина было создано Восточное отделение, на котором готовили специалистов по Востоку и странам Азии²⁴²⁷.

Как это бывало и с более ранними курсами, слушателей при необходимости командировали на фронт²⁴²⁸, что не способствовало планомерной подготовке штабных кадров. Относительно откомандирования слушателей, проведенного по личному распоряжению Л.Д. Троцкого, А.Е. Снесарев не постеснялся указать в отчете: «...неожиданная командировка расстроила план текущих занятий, каковые должны были начаться с перешедшими на старший курс 10 сентября [1920 года]»²⁴²⁹.

Правда, деятельность Л.Д. Троцкого в отношении академии носила не только негативный характер — именно по замыслу председателя РВСР 2 марта 1920 г. приказом этого Совета № 340 в структуре академии появилась опытная психологическая лаборатория, основной целью которой ставилось «изучение элементов военной психологии и выработка методов для оценки и отбора лиц, пригодных для военной деятельности, особенно в командных должностях»²⁴³⁰. О лаборатории этой следует рассказать подробнее хотя бы потому, что если М.Н. Тухачевский в публикуемых в приложении к настоящей главе докладных записках поднимал вопрос о подготовке красных командных кадров, и в т. ч. генштабистов, то *Л.Д. Троцкий*, который, будучи главой военного ведомства и членом Политбюро ЦК РКП(б), мыслил в других категориях, *расценивал академию как полигон для подготовки руководящих кадров Советского государства*.

Из отчета академии 1920 г.: «Опытная психологическая лаборатория есть детище современного строя. Вся суть ее деятельности — в создании методов совершенно объективного отбора из масс населения, из глубин трудящихся классов *одаренных единичных личностей, предназначенных по своим дарованиям занять места в Советской Республике* (курсив мой. — С. В.). Ведь вся ценность Советской Конституции, все величие идеи диктатуры пролетариата в том, что на место голой абстракции демократической всеобщности, на место власти мешанской толпы становится истинно народный принцип — власть в руках наилучших представителей пролетарских масс. Методика ОПЛ даст средства отыскивать их везде и всюду нелегально, путем объективного голоса цифр и чисел»²⁴³¹. Начальник академии А.Е. Снесарев и военный комиссар П. Максимовский указывали далее: «Как высшее учено-учебное военное учреждение в Республике, Академия Генерального штаба [РККА] явилась, естественно, тем основанием, на котором лишь и могла возникнуть и может развиваться ОПЛ. Лишь здесь, в атмосфере коллективной, напряженной работы военно-научной мысли, можно надеяться найти новые подступы, создать новые отправные пункты и открыть взаимоотношения и законы нарождающейся науки — военной психологии»²⁴³². Первым из большевистских вождей о кадрах завтрашнего дня задумался И.В. Сталин, который заявил в сентябре 1918 г. корреспонденту газеты «Известия ВЦИК»: «Прежде всего надо отметить... выделение в тылу [Южного] фронта

рабочими администраторов из своей среды, умеющих не только агитировать за Советскую власть, но и строить государство на новых пролетарских коммунистических началах»²⁴³³. Однако здесь — только констатация появления советских управленцев: выходцев из основной социальной базы большевистской партии.

Л.Д. Троцкий в марте 1920 г. озаботился целенаправленной подготовкой новых кадров. В советско-хозяйственном аппарате (вернее — в системе органов Всероссийского совета профессиональных союзов как де-факто составной части государственного аппарата РСФСР) аналог ОПЛ Академии Генерального штаба РККА появился на полгода позднее: в августе 1920-го. Центральный институт труда при ВЦСПС (ЦИТ), который сразу принялся рассматривать советских работников «как винты... как машины»²⁴³⁴ и занимался разработками, связанными с отбором и подготовкой кадров, подчеркнем, имел все же более узкую специализацию²⁴³⁵, чем созданная по инициативе Л.Д. Троцкого в военном аппарате ОПЛ Академии Генерального штаба. Три замечания с некоторым отступлением от хронологии. Во-первых, в 1922 г., когда в ЦК РКП(б) был поставлен вопрос о необходимости реорганизации Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, Госплана РСФСР и других государственных органов, и в частности впервые всерьез обсуждался вопрос о Рабкрине как школе новых советских управленцев, Л.Д. Троцкий в своих «Соображениях, связанных с организацией хозяйства», указал: «Совершенно не верю в... возможность через посредство Рабкрин воспитать администраторов и хозяйственников из среды беспартийных рабочих и крестьян. Для этого нужна система школ и курсов, в частности курсов, связанных с определенными отраслями хозяйственной и государственной деятельности. Нужно браться, как следует [браться] за молодежь и учить ее, как следует быть, а не „вприглядку“, через Рабкрин»²⁴³⁶. Точно, а кадры для «системы школ и курсов» черпать из военного ведомства, где их подбором занималась на основах научной организации труда ОПЛ Академии Генштаба РККА. Во-вторых, Красная армия стала резервуаром и партийных кадров: из выступления Г.Е. Зиновьева на XI съезде РКП(б) того же, 1922-го, года — «Хорошо или плохо, что у нас в составе партии около 25% крестьянства? Я на этот вопрос отвечу вопросом. Я спрашиваю вас — можем мы построить Красную армию, не принимая в свои ряды через Красную армию все то, что там выделяется лучшего в нашу партию? Откуда пришли эти крестьяне в партию? Приход начался в 1917 г., после Октября. Он шел отчасти через комбеды, а главным образом через Красную армию, через командные курсы Красной армии (! — С. В.), которые так необходимы и которыми мы так гордимся. Это элемент полукрестьянский, полурабочий, который во многих отношениях более отстал, чем промышленный пролетарий. Мы же прошли огонь и медные трубы. Все эти минусы мы

должны видеть, и вся партия в целом должна спешить на помощь отсталому слою, чтобы помочь ему изжить все те слабости, которые у него есть. Но может ли наша партия отказаться от приема в нашу партию этого слоя, который идет через Красную армию ([через ее] командные курсы) и комитеты деревенской бедноты?»²⁴³⁷ В-третьих, 14 февраля 1923 г. Н.И. Подвойский закончил свой очередной партийный доклад — «Пять лет Красной армии» — следующим образом: «Мозг Красной армии — красное студенчество Сов[етской] России, которое должно быть объединено с Красной армией, дабы она была первой по мощи во всем мире»²⁴³⁸. То, над чем Л.Д. Троцкий задумался в 1920 г., стало к 1923 г. для представителей большевистской верхушки чем-то само собой разумеющимся.

В заключение многостраничного «Отчета о деятельности Академии Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии с 25 сентября 1918 г. по 1 сентября 1920 г.», составленного не позднее 17 сентября 1920 г., начальник академии А.Е. Снесарев и комиссар П. Максимовский с гордостью указали: «...перед нами прогрессивно развивающаяся деятельность» академии «как в учебной, так и в политической частях»²⁴³⁹; «соединяя в одно теоретическую военную подготовку с политической, нужно прийти к заключению, что задача, возложенная на академию, выполнена не только удовлетворительно, но, быть может, было сделано даже больше того, чего можно было ожидать при тех обстоятельствах, которые существовали в Красной армии»²⁴⁴⁰. Судя по всему, руководители академии смотрели в ее будущее с некоторым оптимизмом. Совершенно напрасным: вскоре началось восхождение академии на ее Голгофу, а почетная роль «кентуриона Марка» досталась в сей исторической драме Михаилу Николаевичу Тухачевскому.

Вопрос о дальнейшей перестройке работы академии Реввоенсовет Республики рассмотрел в апреле 1921 г. Как установил В.М. Иванов, высшим военным коллегиальным органом был намечен ряд организационных мер по улучшению обучения командного состава для всех родов войск. В целях подготовки и переподготовки руководящих кадров для центральных управлений и штабов высшего оперативного и тактического звена при академии открывались Высшие военно-академические курсы (ВВАК)²⁴⁴¹. Как указали известные специалисты по истории советской стратегической мысли В.А. Арцыбашев и И.С. Даниленко, «в 1921 г. Академия Генерального штаба не была закрыта, но ее генштабовские функции передавались на специально созданные для этого академические курсы»²⁴⁴². Это было тяжелым ударом для академии, однако настоящие испытания ее только ожидали.

Выпускники старшего класса 2-й очереди Николаевской военной академии 1918 г. стали первой группировкой, которая пошла на конфликт со «старыми генштабистами» (тогда, как мы помним, Г.И. Теодори и его однокурсники поставили вопрос о своем переводе в Ге-

неральный штаб), однако отнюдь не последней. Поскольку академия стала местом повышения квалификации и политического наказания для красных командиров эпохи Гражданской войны, «курсанты», гордые осознанием собственных достижений на фронтах, не желали зубрить и части того, что слушателям дореволюционной академии зубрить приходилось, — даже в тех случаях, когда информационный массив имел отношение к современности и мог пригодиться в практической работе. Иначе и быть не могло: уж если выпускники ускоренных курсов, офицеры старой армии, для которых уставные отношения были частью их жизни, органически усвоили в 1917 — начале 1918 г. новые, революционные, порядки, то чего было ожидать от «старых» и «новых» большевиков, попавших в академию на заключительном этапе Гражданской войны (имеется в виду все то, что после ноября 1920 г.)? Естественно, и в профессорско-преподавательском составе нашлись те, кто осознавал необходимость серьезной реорганизации учебного процесса и невозможность заставить краскомов учиться «как полагается». Прямое следствие — масштабный конфликт, который, как и в 1918 г., был вынесен из стен академии на разрешение высшего руководства Красной армии.

В начале июня 1921 г. в телефонограмме Л.Д. Троцкому (копия направлялась в Главное управление ВУЗ) забил тревогу военный комиссар Академии Генерального штаба РККА В.Д. Виленский (Сибиряков). Как он сигнализировал председателю РВСР, при обсуждении учебного плана Академии на конференции АГШ профессура и преподаватели раскололись на два лагеря. В.Д. Виленский считал желательным присутствие на «рассмотрении учебного плана в РВСР кроме Высшего академического совета» профессора академии А.А. Незнамова, «высокоавторитетное мнение которого», по убеждению военкома академии, было бы «крайне важно заслушать»²⁴⁴³. 15 июня В.Д. Виленский также представил «Соображения об организационно-учебном плане АГШ на 1921—1922 гг.», составленные на основании собственного мнения и мнения слушателей, и уточненный вариант их. Иной точки зрения по этому вопросу придерживалась группа профессоров Академии Генштаба, чье мнение было также представлено в Главное управление ВУЗ в виде «общих положений для учебного плана Академии Генштаба РККА на 1921/22 год»²⁴⁴⁴.

8 июля состоялось специальное, расширенное заседание РВСР, которое было посвящено реорганизации системы высших военно-учебных заведений (ввузов). В то время в составе Красной армии имелись следующие академии: Генерального штаба (Москва), Военно-хозяйственная, Военно-инженерная, Военно-артиллерийская, Военно-морская (Петроград), Электротехническая (Сергиев Посад), а также ввузы: Институт инженеров воздушного флота, Военно-педагогический институт, Военно-химическая школа (Москва), Военный факультет Туркестанского университета (Ташкент), Соединен-

ные классы для флота (Петроград). К заседанию Центральным бюро коммунистических ячеек высших вузов была подготовлена подробная Справка, в которой указывались подчиненность и местонахождение конкретных ввузов, процент коммунистов и беспартийных, действительная потребность слушателей, источник пополнения, наличие рабочих факультетов в ввузах (забегая вперед, заметим, что в Академии Генштаба РККА организацией рабфака и занялся позднее М.Н. Тухачевский), условия приема. Рассмотрев вопрос «О военных академиях», РВСР постановил вопрос укомплектования и организации академий предварительно рассмотреть в малой комиссии в составе С.И. Гусева, Д.А. Петровского, главкома С.С. Каменева с привлечением представителей ЦК РКП(б), что указывает на особую важность вопроса. Конкретно были обсуждены вопросы о двух академиях — Генерального штаба и Военно-инженерной. По первой было постановлено вопрос о программе учебного плана рассмотреть на экстренном (срок — недельный) заседании Академического совета с участием РВСР и с вызовом на это заседание представителей Центрального бюро коммунистических ячеек высших вузов и коммунистической ячейки Академии Генштаба²⁴⁴⁵.

21 июля начальник Главного управления вуз Д.А. Петровский указал в докладной записке Л.Д. Троцкому: «Никаких конкретных шагов к доподлинной организации академии не сделано и не может быть сделано до тех пор, пока компетентный орган (РВСР) не определит основных заданий АГШ, которые должны лечь в основу переработки программы и планов занятий АГШ. Ни профессура, ни слушатели этого сделать не могут»²⁴⁴⁶.

25 июля состоялось совместное совещание РВСР с членами Высшего и Малого военно-педагогических советов. На заседание было приглашено 40 лиц, в числе которых были и члены Высшего и Малого академических советов²⁴⁴⁷. Перед совещанием В.Д. Виленский направил Л.Д. Троцкому «с[трого] конфиденциальное» письмо, в котором подробно описал позиции обеих сторон в Академии Генштаба. По убеждению военного комиссара, «вопрос об академии есть отображение *борьбы за „генеральный штаб“* (курсив мой. — С. В.), которая ожесточенно ведется между заинтересованными сторонами в течение последнего полугодия и особенно в последние месяцы»²⁴⁴⁸. Одну сторону представляли «старые генштабисты», заинтересованные в восстановлении службы генерального штаба, вторую — слушатели академии, «ведущие теоретический спор о „военном образовании“, „военной академии“, отрицающие службу генерального штаба как научную дисциплину»²⁴⁴⁹. На совещании было рассмотрено четыре вопроса: 1) об организации Академии Генерального штаба (предложения В.Д. Виленского); 2) два проекта постановления РВСР по вопросу об организационно-учебном плане АГШ (предложения Малого совета и В.Д. Виленского)²⁴⁵⁰; 3) о корпусе офице-

ров Генерального штаба и 4) о переименовании Академии Генштаба. В официальный протокол заседания РВСР, составленный по итогам совещания, не вошло решение по вопросу № 3 — организовать дискуссию в печати; частично вошло решение по вопросу № 4 — переименовать АГШ в Военную академию (вошло) и, главное для нас, «разработать ряд мер переходного характера, имеющих своей задачей превратить остальные военные академии в отделы единой военной академии (курсив мой. — С. В.)»²⁴⁵¹ (не вошло). Выделенный нами курсивом фрагмент свидетельствует о том, что академия, бывшая обыкновенно местом ссылки высших технических руководителей РККА и военных комиссаров, в качестве такового для М.Н. Тухачевского все же не предполагалась. Напротив, задумывалось резкое поднятие статуса АГШ РККА, превращение ее в *единственную* военную академию, что открывало перед Тухачевским серьезные возможности для подготовки преданных кадров высшей военной квалификации.

В составленном на основе предварительных решений совещания официальном протоколе заседания РВСР от 25 июля 1921 г. было зафиксировано:

«1. О реорганизации Академии Генерального штаба.

РВСР постановляет начальника Академии Генштаба А.Е. Снесарева освободить от его нынешних обязанностей с оставлением его в должности профессора. РВСР выражает А.Е. Снесареву признательность за понесенную им в тяжелое для академии время работу по поддержанию и устроению академии.

2. Начальником академии назначается М.Н. Тухачевский. Приказ о его назначении опубликовать в трехдневный срок. К этому же времени разрешить вопрос о командующем Западным округом (о том, что Тухачевский подавлял восстание тамбовских крестьян, РВСР, очевидно, позабыл. — С. В.). <...>

4. Главному командованию с участием М.Н. Тухачевского выяснить вопрос о возможном освежении профессорского состава академии с привлечением фронтовых работников в качестве преподавателей.

Приказ об изменениях в преподавательском составе академии приурочить по возможности к моменту опубликования приказа о назначении М.Н. Тухачевского. <...>

7. Приказ о переходе академии в непосредственное подчинение главного командования, а равно о переименовании академии, издать в трехдневный срок»²⁴⁵².

Передача академии в непосредственное подчинение главному вывела ее из системы военно-учебных заведений — это было добрым знаком для «[под]поручика-коммуниста», томившегося от скуки в «тамбовском сидении».

Не все из приведенных выше пунктов постановления РВСР были выполнены в строгом соответствии с его буквой. В частности, как

установили составители сборника протоколов заседаний Реввоенсовета Республики, назначение М.Н. Тухачевского начальником академии было оформлено приказом РВСР только 5 августа 1921 г. Этим же приказом было оформлено переименование Академии Генерального штаба РККА в Военную академию РККА с передачей ее в непосредственное подчинение главному; «Высшему военно-педагогическому совету было предложено в кратчайший срок разработать положение о Военной академии и представить его на утверждение РВСР»²⁴⁵³. Как видим, высшее военное руководство ожидало от нового начальника академии решительных — как всегда — действий. Не стоит уточнять, что таковые воспоследовали.

М.Н. Тухачевский вступил в новую должность 27 августа²⁴⁵⁴. В официальной летописи Академии Генерального штаба указано, что, приняв академию, Тухачевский проводил в ее стенах большую часть своего рабочего времени, что позволило ему внести «значительный вклад в улучшение обучения слушателей в академии и [на] Высших военно-академических курсах, в утверждение ленинских принципов строительства и подготовки Красной армии»²⁴⁵⁵. Какое реальное содержание деятельности начальника Военной академии РККА скрывается за казенной главпуровской формулировкой?

Документальные источники, введенные в научный оборот Б.А. Старковым и Ю.А. Щетиновым, свидетельствуют о том, что «М.Н. Тухачевский с присущими ему энергией и молодым напором взялся за радикальную перестройку учебного процесса в академии, стремясь повернуть ее от кабинетной замкнутости к жизненным требованиям армии. <...> Для боевых командиров из рабочих и крестьян, не обладавших достаточными общеобразовательными знаниями, был создан особый подготовительный факультет — своего рода военный рабфак»²⁴⁵⁶. Добавим, что идею такого рабфака Тухачевский выдвинул в своем Тамбовском сидении: он предложил «временно подготовить хотя бы посредственных заместителей лиц Генерального штаба, подучив их на курсах штабной службы» (см. док. № 3.2.2). Как пишут Б.А. Старков и Ю.А. Щетинов, учебная программа академии «была пересмотрена в соответствии с политическими и практическими потребностями Красной армии. Главный упор при разработке нового учебного плана М.Н. Тухачевский сделал на жизненность обучения, умение применять знания на практике, на развитие творческой самостоятельности слушателей. Он всячески поощрял изучение боевого опыта Первой мировой и Гражданской войн»²⁴⁵⁷. Как видим, М.Н. Тухачевский стал дисциплинированно реализовывать решения РВСР от 25 июля 1921 г.

Усилия будущего маршала получили поддержку коммунистов Военной академии РККА, что следует уже из весьма лестной характеристики, которую дало М.Н. Тухачевскому местное партбюро: «В высокой степени инициативен, способен к широкому творчеству и размаху. Упорен в достижении цели. Текущую работу связывает с

самообразованием и укреплением научной эрудиции. Искренне связан с революцией; отсутствие всяких показных особенностей (не любит угодливого чиновничества и т. д.). В отношении красноармейцев и комсостава — прям, откровенен и доверчив, чем *сильно подкупает в свою пользу* [курсив мой. — С. В.]. В партийно-этическом отношении безупречен. Способен вести крупную организационную работу на видных постах Республики по военной линии»²⁴⁵⁸. Что следовало бы отметить? Судя по тому, что М.Н. Тухачевский обаял партийный состав академии, как некогда И.Н. Смирнова, он был явно заинтересован в своей службе на посту начальника академии: в противном случае повод для выяснения отношений с местными партийными кураторами и товарищами был бы им найден, и, по обыкновению, довольно быстро.

Однако без проблем не обошлось, и главной причиной их было отсутствие у начальника Военной академии РККА высшего военного образования. Как следствие — «известные трудности в руководстве академией и особенно во взаимоотношениях с ее профессорами. Ведь еще совсем недавно, в годы Гражданской войны, в кругах старых московских военспецов-„академиков“ открыто говорили о новациях молодого командарма в военно-учебной сфере как о „фантазерстве увлекающегося поручика“. Да и Тухачевский... не особенно жаловал „академиков“. Немало резких, обидных слов в их адрес содержалось в опубликованной им во фронтовой печати статье „Инвалидное дело“, в которой «старые военно-научные руководители» открыто «сравнивались с „инвалидами“ из богадельни. Можно себе представить, с каким чувством профессора встретили перепечатку этой статьи в книге Тухачевского, вышедшей в свет в середине 1921 г., буквально накануне его назначения в Военную академию»²⁴⁵⁹. Помимо откровенных оскорблений не мог не задеть старую профессуру и главный вывод статьи: «Необходимо обновить мыслящий военно-научный центр. Надо собрать в Москву военных специалистов, прошедших школу Гражданской войны, а старых военно-научных руководителей выслать на фронт обучаться делу красного офицера»²⁴⁶⁰. И все это в условиях раскола в профессорско-преподавательском составе академии.

Отсутствие авторитета у «старых генштабистов»-преподавателей М.Н. Тухачевский, как это принято, «компенсировал» укреплением кадров постоянного состава академии — тем более что в протоколе заседания РВСР от 25 июля, напомним, предусматривалось «освежение профессорского состава с привлечением фронтовых работников в качестве преподавателей». В соответствии с постановлением Реввоенсовета Республики М.Н. Тухачевский привлек на руководящую и преподавательскую работу большую группу командиров из войск — «создавал им необходимые условия для творческой работы, поддерживал их и находил в них опору. Командиры, служившие под началом Тухачевского и прошедшие его школу, на всю жизнь сохранили самые

лучшие чувства и признательность к нему, всегда были рады вернуться к совместной работе»²⁴⁶¹. Из боевых товарищей будущего маршала в академию пришли: начальник штаба Западного фронта Н.Н. Шварц и его помощник Е.А. Шиловский, начальник Высших повторных курсов фронта Ф.Е. Огородников, начальник штаба 1-й армии Н.И. Корицкий, начальник штаба войск Тамбовской губернии Н.Е. Какурин и другие. Естественно, «все они заняли достойное место в профессорско-преподавательском составе академии»²⁴⁶².

Заручившись поддержкой соратников, М.Н. Тухачевский взялся за «ломку устаревших академических традиций»²⁴⁶³. Если раньше «общение» слушателей с профессорско-преподавательским составом велось через старосту курса, а в целом все участники учебного процесса были связаны жесткими нормами субординации, то Тухачевский «нарушил „священное право“ профессоров единолично решать все вопросы учебной и научной работы и ввел в состав ученого совета академии с правом решающего голоса наиболее подготовленных слушателей. Многие из них командовали во время войны частями и соединениями, занимали крупные штабные должности и обладали большим опытом организационной работы. Слушатели вносили много ценных [якобы. — С. В.] предложений по перестройке учебного процесса»²⁴⁶⁴. Заметим, что Тухачевский был лично заинтересован в реализации доложенных в годы Гражданской войны вождем мировой революции предложений по подготовке новой генерации военных, и в т. ч. штабных, работников.

Тухачевский стремился реорганизовать академию и в качестве научного центра. В ходе организованных им дискуссий «участники Гражданской войны, в т. ч. адъютанты и слушатели, как правило, выдвигали и отстаивали новые военно-теоретические взгляды. Зачастую они встречались в штыки некоторыми из старых профессоров», но неизменно находили поддержку у начальника академии, который, по выражению В.М. Иванова, «с помощью партийной организации академии мобилизовал передовую часть преподавателей на бескомпромиссную идеологическую борьбу в военной теории, за передовое советское военное искусство»²⁴⁶⁵. Последнее заключалось в том, что «как в учебной, так и в научной работе» Тухачевский «придавал первостепенное значение тесной связи академии с войсками. Он требовал не отрываться от жизни войск, постоянно изучать их опыт боевой подготовки и учитывать его в учебных планах, стремился изжить в подготовке слушателей „академизм“. Военно-теоретические разработки академии считал необходимым проверять на войсковых учениях и маневрах и быстрее внедрять [их] в боевую подготовку войск»²⁴⁶⁶. При этом, по убеждению Ю.А. Щетинова и Б.А. Старкова, сам Тухачевский прекрасно понимал «недостаточную глубину и систематичность своих военных знаний», осознавал, что «поправить дело одним самообразованием трудно, и мечтал пройти

полный курс военных наук в академии. Об этом он говорил Н.И. Корицкому еще в разгар Гражданской войны»²⁴⁶⁷.

Как пишут В.А. Арцыбашев и И.С. Даниленко, «дело не ограничилось» простым «переименованием академии. Была свернута ранее разработанная программа, ориентированная на философско-социологическое, политологическое и психологическое изучение войны как общественного явления и на оперативно-стратегический уровень подготовки командиров Красной армии. По существу... академии предписывалось сосредоточить основное внимание на подготовке командных кадров звена батальон — полк — дивизия, а также на разработке вопросов теории организации и ведения боя»²⁴⁶⁸.

Старая профессура академии, вероятно, с удовольствием написала бы М.Н. Тухачевскому в ответ на его лекции по «военному марксизму» примерно то же, что Л.Д. Троцкий — С.И. Гусеву в ответ на очередную порцию его критических сочинений (1927):

«10. Брошюры т. Гусева „Наши разногласия в военном деле“ я никогда не читал (так в тексте. — С. В.). Не думаю, вообще, чтобы литература т. Гусева имела много читателей (все агитаторы-пропагандисты Московской организации ВКП, а так нет. — С. В.). Во всяком случае я к этому делу не имею „уклона“. Но извлечение я прочитал, и, несмотря на то, что ко многому привык, вынужден был снова удивиться: какая грубая и невежественная стряпня сходит ныне за марксизм, если только она направлена кляззой против оппозиции (в случае с Тухачевским — против старой профессуры. — С. В.). Тов. Гусев давно уже делал попытки применения марксизма к военному делу. Он называл свое творчество в этой области строительством „единой революционной военной доктрины“. Под этим пышным названием скрывалось несколько дешевых „марксистских“ общих мест, которые обрывались как раз там, где должна была начинаться „военная доктрина“. Одно время мы в Политбюро — с Лениным во главе — немало-таки потешались над этим худосочным творчеством т. Гусева (единственный известный на текущий момент обмен мнениями Ленина и Троцкого по поводу дискуссии «в партийно-военных кругах» о «военной доктрине»²⁴⁶⁹ представляет собой просьбу председателя РВСР к вождю «сообщить, где и что» им «писалось по этому поводу», и лаконичный ответ на вопрос²⁴⁷⁰. — С. В.). Когда оно пыталось, однако, раздаться вширь, я посвятил гусевской философии военного дела критическую статью, которая была напечатана в „Правде“, в „Коммунистическом Интернационале“ и перепечатана чуть ли не всеми изданиями партии. Даже т. Бухарин, наиболее склонный к такого рода инструкциям, не польстился на „единую революционную [военную] доктрину“ т. Гусева. Дальнейшая судьба ее мне неизвестна. Но из приложения к шпаргалке „О войне и военной опасности“ я не без удивления узнал, что гусевское изобретение получило патент в Агитпропе МК (аналогичное

изобретение Тухачевского — в Военной академии. — С. В.) и ныне, под видом „проработки“, служит для засорения мозгов.

11. <...> Укажу лишь на основной момент „наших разногласий“ с т. Гусевым. Среди революционной военной молодежи было в первые годы революции немало таких, которые пытались, отвергнув „старую военную науку“, заменить ее логическими выводами из общих марксистских положений. Не все они делали это так неуклюже и с таким провинциальным самодовольством, как т. Гусев. Кроме того, извинением им служила молодость. С того времени большинство из них серьезно овладело военным делом. Но в те первые годы немало пришлось спорить против наивных попыток превратить военную доктрину в отмычку для всех областей знания и умения. Я разъяснял молодым товарищам (не Тухачевскому ли? — С. В.), что военное дело есть такая же особая область познания и навыков, как медицина или агрономия. Так же нелепо говорить о марксистском кавалерийском уставе, как о марксистском севообороте или о марксистской теории туберкулеза. Я не хуже Гусева знаю, что военное дело есть функция общества, которое развивается по законам материалистической диалектики, подчиняя им и развитие кавалерии. Но то же самое относится и к [агрономам], и к медицине. Врачу марксизм может помочь понять и объяснить *социальные условия* развития туберкулеза и его преодоления. Но ни одного туберкулезного я бы не послал лечиться к Гусеву — не потому, что он плохой марксист, а потому, что он не врач-легочник. Ни диагностика, ни терапия не считаются марксистскими доктринами. Вот это все я разъяснял молодым военным командирам. Тогда в глазах каждого грамотного марксиста это было бесспорно, а захолустная отсебятина т. Гусева почиталась, в лучшем случае, подходящим материалом для шутки. Теперь неоспоримые марксистские положения объявлены ересью, а гусевский вздор — священен, канонизирован и введен в шпаргалки для летнего затемнения мозгов. Поистине такая политграмма есть опиум для партии и рабочего класса!»²⁴⁷¹

«Академическая» пауза, принесшая, прямо говоря, сомнительной ценности плоды, длилась недолго: в январе 1922 г. высшее военнополитическое руководство сочло целесообразным вновь направить М.Н. Тухачевского на Западный фронт — то ли сообразуясь с «револютивной» частью характеристики, составленной партийным бюро Военной академии РККА, то ли чтобы не способствовать зарождению новой группы давления в «кузнице мозга» РККА, то ли дабы еще раз использовать талантливого «офицера-партийца». А вероятнее всего — распрощавшись с идеей создания на базе бывшей АГШ РККА «единой» монструозной военной академии с рядом т. н. «отделов», соответствовавших самостоятельным военным академиям.

Правда, дело М.Н. Тухачевского было продолжено: 22 июня 1923 г. военный комиссар и помощник начальника Военной акаде-

мии РККА Р.А. Муклевич сделал на совместном заседании центрального бюро ячеек и бюро курсовых ячеек Военной академии доклад «об Академии», в котором, в частности, заявил: «Центр учебного плана будет перенесен с лекционной системы на самостоятельную работу слушателей по пособиям. Профессура получила задания составить таковые, сократив их по мере возможности. Большая часть учебников будет отпечатана только в середине года, но по главным предметам руководства будут готовы к началу года»²⁴⁷².

Подчеркнем, что вольным ветром начала 1920-х гг. едва не сдуло самих новаторов. 11 декабря 1923 г. на заседании бюро ячейки старшего курса Военной академии первым разбирался «вопрос о [Н.Е.] Какурине. В пожеланиях старшего курса об изменении учебного плана содержится, между прочим, указание на то, что лекции т. Какурина бесполезны и в этом отношении его можно приравнять к остальным преподавателям — [таким], как [Ф.Е.] Огородников, Корсун, [Н.Г.] Мыслицкий и проч. (вообще-то для Какурина такое приравнение было комплиментом. — С. В.)». Уже в части «слушали» было констатировано: «Тов. Какурин как член РКП и как, несомненно, очень полезный для академии работник не должен счесть этот факт за отрицательное отношение к нему курса»²⁴⁷³. Собравшиеся, оценив вопрос во всем его масштабе, приняли следующую резолюцию: «„Постановление старшего курса, касающееся лекционного способа в Военной академии, имеет целью осудить лекции вообще как метод преподавания. Приведенные ссылки на отдельных лекторов не преследовали цели дать неудовлетворит[ельную] оценку лекторам как педагогам и специалистам (так в тексте. — С. В.), а предназначались лишь для иллюстрации того, что никакие лекции вообще цели не достигают. Это видно из того, что в числе приводимых фамилий упоминается и т. Какурин, лекции которого отнюдь нельзя причислить к бессодержательным. Упоминание, между прочим, и о нем как раз имело целью показать, что даже и его лекции, привлекающие большое внимание курса, мы все же в целом считаем бесполезной потерей времени“. Секретарю ячейки т. Шевякову поручить: 1) настоящее постановление направить по тем инстанциям, по которым проходило и пожелание ст[аршего] курса об изменении уч[ебного] плана; 2) на первой же лекции т. Какурина на ст[аршем] курсе перед всеми товарищами отметить заслуги т. Какурина и смысл настоящего постановления — и этим вопрос считать исчерпанным»²⁴⁷⁴.

В октябре 1924 г. М.Н. Тухачевский стал по совместительству главным руководителем Военной академии РККА по стратегии и был избран членом Высшего академического военно-педагогического совета. В течение многих лет он направлял преподавание стратегии в главном военно-учебном заведении страны²⁴⁷⁵.

21 января 1925 г., выступая на заседании партбюро Военной академии РККА с докладом о вынесении конфликта А.А. Свечина и

одного из слушателей на страницы академического журнала «Красная заря», М.Н. Тухачевский, правда, был настроен в отношении А.А. Свечина и профессуры в целом прагматически, а потому вегетариански — в сравнении с другими. Однако за желанием ликвидировать возникший конфликт явно стоит не добрая воля М.Н. Тухачевского, а прямое распоряжение М.В. Фрунзе, при взрывном характере не склонного к разведению пламени из искр. Протокол может вызвать неоднозначный комментарий, поэтому приведем его целиком со своими пояснениями внутри текста:

«Присутствовали: Вольский, Берман, Данцигер, Левин, Стельмах, Тухачевский, Дубинчик, Свирдецкий, Анулов, Шифрис, Кузнецов, Цатуров, Циркович.

1. О статьях Свечина и Гаевского:

Тов. Тухачевский: В прошлом году работала комиссия по чистке профессуры. Остались наиболее приемлемые для нас. Свечин красным не стал, но с [19]18 г. заметен прогресс. Влияние марксизма на нем сказывается, но часто весьма уродливо проявляется. Он охватить всего не умеет. О красной и белой стратегии вопрос поднимался, но широкого развития не получил. Всеми признается наличие красной стратегии. Свечин поднимает вопрос, в котором противопоставляет красную стратегию белой, понимая стратегию как таковую, а не стратегию классовую борьбу (что там Троцкий писал о захолустье? — С. В.). Статья имеет много политических промахов и *марксистски* (здесь и далее в документе курсив мой. — С. В.) безграмотна, но его марксистом никто и не считает (частично заступился. — С. В.).

Статья Гаевского [с критикой Свечина] напрасно пошла в журнал. Нельзя на страницах внутриакадемического журнала критиковать профессуру: это отобьет у них (старых генштабистов. — С. В.) желание работать (теми же словами писал 12 декабря 1918 г. Теодори слезницу Свердлову с просьбой об ограждении от необоснованной критики. — С. В.). *У Свечина нужно взять все, что он знает, а знает он много.*

Гаевский пишет статью страшно напыщенно и допускает „фразерство“. На основное, что следовало делать, Гаевский внимания не обращает. Главное заключается в классовой борьбе — об этом и можно было писать.

Способ [ответа], выбранный Свечиным на выступление Гаевского, очень плох. К сожалению, т. Муклевич допустил вывешивание записки Свечина. Но и способ критики лекции Свечина тоже неудачен. Переубедить Свечина статьей в журнале нельзя. Вот почему т. Фрунзе считает нужным этот вопрос ликвидировать. Травить спеццов нельзя: это *противоречит основной линии ЦК* (когда линия изменится — можно. — С. В.). Нужно создать спокойную обстановку. Свечин — очень ценный работник, терять его академия ни в коем случае не должна. Вопрос нужно ликвидировать. Обострять отношения между профессурой и слушателями не следует.

Маковский: Никогда не поднимался слушателями вопрос об уходе Свечина. Ценность его нам известна. Но вопрос стоит шире. Нельзя утверждать, что мы все можем [от]личать марксизм от марксизма в кавычках. Тов. Тухачевский выдвигает новые положения. Он говорит о недопустимости критики профессуры. Тогда нам нужно пойти дальше и закрыть свой журнал. Это неправильно. Мы должны иметь возможность давать отзыв о том, чему нас учат. Если такое мнение т. Тухачевского появилось от резкости статьи Гаевского — тогда это совсем другой вопрос. В будущем можно этого не допускать, но критиковать мы должны по мере нашего разумения. Даже т. Фрунзе в своем докладе призывал нас принять участие в подобного рода критике, внося марксистское туда, где его еще нет. Вот почему я решительно против запрета прекратить в дальнейшем критику.

Анулов: Партбюро должно дать задание разработать поднятый в „Зорях“ вопрос. Это нужно для уяснения его слушателями. Свечин ничего марксистского не понял. Он понял, но так, что, передавая это понятие слушателям, получается вред. Нужно отмежевать действительный марксизм от ложного. Нужно дать понять Свечину его место (после изменения «основной линии ЦК» стилистика не могла остаться даже такой. — С. В.). В[нутриакадемическое Военно]-н[аучное] о[бщество] должно поднять вопрос и развернуть его широко. Свечин зарывается. Он даже сказал, что „мало кто в академии понимает ленинизм“ (примерно то же говорил Д.Б. Рязанов делегатам партийных съездов, причем те его не опровергали. — С. В.). Свечина нужно использовать, но позволять ему зарываться нельзя.

Кузнецов: Нельзя согласиться с тем, что нужно запретить слушателям критиковать своих профессоров. Свечин часто говорил чепуху. Я даже слышал, что некоторые товарищи считают Свечина марксистом без кавычек. Если его не разоблачать, то он введет в заблуждение наших слушателей.

Берман: Столкновение не случайно: у Свечина есть особая черта — он хочет быть „лучшим марксистом“, чем другие преподаватели. Он часто выходит из рамок своего предмета. Необходимо Свечина поставить под контроль и наблюдение. Если это не будет сделано, столкновения неизбежны.

Я о статье Гаевского того же мнения, что и т. Тухачевский, но ошибка редакции была сделана уже тогда, когда была помещена статья Свечина. Думаю, что т. Фрунзе не мог отрицать допустимости критики слушателями своей профессуры. Критика допустима и полезна — конечно, не столь резкая, как у т. Гаевского.

Ботнер: Выступление т. Свечина нужно рассматривать как особую систему, которую он знает как в своих лекциях, так и в печати. По существу он ничего не показывает, он бьет на эффект, но есть и другая черта. Из его положений всегда можно сделать двусмысленный вывод. Что означает его „безмолвный фронт“? У него определенный

расчет в своих выступлениях. Если его поймешь так, как и нужно понять, то он всегда готов доказать обратное: он всегда двусторонний. Он сам вызывал на преждевременные выступления. Он даже, может быть, доволен. Ему кажется, что он — центральная фигура, которая вызывает своими выступлениями дискуссии во всесоюзном масштабе. Дискуссию с ним вести не следует. Пусть он останется при своем.

Левин: Свечин поднял вопрос о Гражданской войне. Он пытается доказать свою правоту марксистскими положениями, но либо отдельно вырванными, либо извращенными. Выступление Гаевского вполне нормально и уместно. Это выступление тем более уместно, что Свечина многие считают марксистски грамотным в своих лекциях и статьях. Запрещать критику нельзя, нужно продолжать дискуссию. Нужен целый ряд статей в журнале, не только в академическом, но и в других. Армия должна иметь правильный взгляд на этот вопрос.

Шифрис: Многие неправильно поняли т. Тухачевского. Учебная дисциплина нужна, и она у нас есть. Опасности „керенщины“ (болтовни. — С. В.) у нас нет. Из одного случая делать такие выводы нельзя. Наша профессура не марксисты, но даже во ВНО марксистского еще мало: мы в этом вопросе еще в процессе становления. Тов. Анулов неправильно передал слова Свечина: он сказал, что даже и среди марксистов нет единого понимания в военных вопросах. Критику мы можем допускать, но нужен такт. Есть профессура, которая вполне искренне хочет понять марксизм — в этом мы должны помочь. Что касается Свечина — то с ним особый разговор. Вполне прав т. Ботнер: дискуссию по этому вопросу поднимать нельзя. Дело нужно прекратить.

Вольский: Соглашается с мнением т. Шифриса и возражает т. Тухачевскому.

Тухачевский: Я не ставил вопрос так, что деловая критика недопустима: нужен объективный, деловой подход. Статья Гаевского слишком резка. Статью нужно было поместить не в „Красных зорях“, а в другом журнале (в академическом нельзя, а так — на здоровье. — С. В.). Дискуссию нужно прекратить, ибо она может превратиться в травлю Свечина. Инцидент нужно ликвидировать. Согласен с предложением Бермана, что нужно усилить руководство кафедрой стратегии. По вопросу о классовой стратегии нет единства мнений и среди старых марксистов.

Практически: 1) нужно предложить Свечину более осторожно обращаться с марксизмом; 2) нужно усилить руководство кафедры стратегии; 3) нужна большая осторожность.

Принята единогласно резолюция.

Подлинный подписал: ответ[ственный] секретарь бюро П.П. Вольский

Верно: товарищ секретаря Румянцева²⁴⁷⁶»²⁴⁷⁷.

Резолюция: «1. Инцидент между слушателем Гаевским и профессором Свечиным считать исчерпанным. 2. Усилить руководство и

наблюдение за содержанием преподавания дисциплин по кафедре стратегии в академии. 3. Для надлежащего освещения поднятых принципиальных вопросов хода нашей Гражданской войны, признать необходимым: а) усилить и углубить проработку этих вопросов внутриакадемического ВНО; б) рядом статей в органах партбюро и военно-научных журналах поставить эти вопросы перед военно-научной мыслью Красной армии. Правлению ВНО принять необходимые меры для проведения этих решений в жизнь»²⁴⁷⁸.

Отметим, что, постепенно включившись в «военно-образовательный процесс», пришедшие вместе с М.Н. Тухачевским преподавательские кадры академии осознали необходимость серьезной подготовки слушателей, однако взятый не позднее января 1926 г. курс на выдвижение свежих кадров не способствовал новым целям академии, представлявшим собой хорошо забытые старые. Свидетельство тому — «Тезисы доклада товарища Тодорского „Упорядочение дальнейшей партработы в ячейке академии“», в основу которых, как указано в документе, были «положены постановления V Хамовнической районной и XIV Моск[овской] губернской партконференции»²⁴⁷⁹. В разделе «Вопросы академической учебы» прямо говорится:

«1. Признавая, что вопрос об академической успешности слушателей, в особенности коммунистов, во многих случаях является острым и академия в полной мере еще не справляется с возрастающими требованиями на хороших генштабистов, считать необходимым как очередную задачу держать твердый курс на поднятие академической успешности и тем самым на поднятие квалификации слушателей, добиваясь (через старостат и бюро партколлективов) соблюдения требуемой учебной дисциплины и сознательного отношения к учебным обязанностям.

2. Принимая во внимание, что методы учебных занятий к проведению последних в новых формах иногда грешат (и, эволюционируя, не могут не грешить) теми или иными недостатками, затрудняющими учебную работу слушателей, обратить серьезное внимание на работу старостата, должностящего вовремя замечать и устранять через академическое руководство такие недостатки. Бюро коллективов должны быть тесно связаны со старостатом (лучше, когда староста является членом бюро), имея от него регулярную информацию (доклады) о ходе учебы во всем ее объеме. Объективный анализ положения учебного дела со стороны бюро, основанный на тщательном изучении выдвинутого спорного учебного вопроса, в значительной степени поможет правильному его разрешению.

3. В целях поднятия успешности отстающих слушателей считать необходимым разгрузку их от чрезмерной партийной или общественной работы, а в иных случаях и полное освобождение от работы (дабы учились, а не бегали на митинги. — С. В.).

4. Считать желательной постановку информационных докладов по вопросам учебы начальником академии в п[арт]б[юро] и начальниками курсов на партколлективах или общих собраниях для своевременной ориентировки в намеченном и всестороннего подытоживания пройденного.

5. Считать желательным создание партфракции в академическом составе (! — С. В.).

6. Принимая во внимание все возрастающую потребность в научных силах, в особенности из числа коммунистов, усилить выявление и выдвижение таковых, создавая для этого соответствующие условия»²⁴⁸⁰.

Как видим, к середине 1925 г. жизнь академии стала входить в нормальное русло: старая профессура приспособилась к внутриполитическим реалиям, а новаторы умерили свой пыл. Однако конфликт поколений изжит не был: просто вследствие очень осторожной и взвешенной политики М.В. Фрунзе «болезнь» вошла в стадию неполной ремиссии.

Подробный анализ деятельности М.Н. Тухачевского в 1920-х — 1930-х гг. выходит за рамки настоящей работы — как и анализ военно-научного наследия маршала. Ограничимся несколькими важными наблюдениями.

Разработку М.Н. Тухачевского органы государственной безопасности начали уже 14 октября 1922 г. Командующий войсками Западного фронта М.Н. Тухачевский и его тогдашний начальник штаба С.А. Меженинов проходили фигурантами оперативного дела «Теплая компания» Особого отдела Западного фронта. Их обвиняли в незаконном использовании народного имущества и подозревали во взяточничестве. В том числе была задокументирована незаконная передача командующим своего револьвера леснику — за организацию отличной охоты. Чекисты заодно изучили политическую физиономию командующего, однако никаких признаков подготовки антиправительственного выступления не выявили²⁴⁸¹. Примечательно, что в меморандуме по делу, подготовленном уполномоченным особого отдела фронта Дроздовым, указывалось: «Это несомненно, что мы имели в лице г. Тухачевского... талантливого военного руководителя, военный авторитет для наших друзей и врагов, в партийном же отношении Тухачевский равняется нулю»²⁴⁸². Уточним только одно: не в партийном, а, более широко, в политическом отношении. Перефразируя В.И. Ленина — М.Н. Тухачевский потому и был офицером-партийцем, что как военный он был «неправоверным марксистом», а большевистская партия не имела никакого отношения к «золотопогонникам».

Когда 27 апреля 1923 г. Реввоенсовет Республики собрался на расширенное заседание для обсуждения подготовленного начальником Штаба РККА П.П. Лебедевым и представленного Э.М. Склян-

скому докладу «Об основах пятилетнего плана развития армии», а если проще — о распределении грошей, выделенных на армию в условиях «стабилизации» и нищеты, в прениях выступили все видные партийные и технические руководители РККА. В условиях, когда председатель Реввоенсовета Республики в самом начале обсуждения задал совершенно определенный вектор — «бюджет не зависит от нас»²⁴⁸³ (В.А. Антонов позволил себе все же замечание о необходимости «поставить совершенно определенно вопрос... об увеличении бюджета»²⁴⁸⁴ перед Совнаркомом), все собравшиеся высказались по существу. Не было ни одного, что называется, «пустого» выступления (часть приглашенных, правда, предпочла из осторожности оставить свои мысли при себе), все участники дискуссии отстаивали свое видение проблемы. И каждому было что сказать, поскольку от безденежья в РККА задыхались все²⁴⁸⁵.

Собравшиеся на заседание деятели лучше кого бы то ни было осознали, что «армия сейчас настолько мала, что сокращать ее было бы опасно»²⁴⁸⁶. По признанию Л.Д. Троцкого, дальнейшее сокращение вызвало бы «большое потрясение» и как следствие полугодовую приостановку дела всеобщего военного обучения²⁴⁸⁷, без которого кадрово-милиционная система — бессмыслица.

Сквозной нитью выступлений стало тяжелое, по образному выражению командующего войсками Киевского военного округа И.Э. Якира, «самое ужасное, самое дикое»²⁴⁸⁸ материальное положение командного состава, с которым было совершенно необходимо что-то делать: армия бурлила — военспецы нередко арестовывались за «контрреволюционную агитацию» (если проще и точнее — за разговоры), но краскомов, подрабатывавших грузчиками, Советская власть не трогала, лишь фиксируя, как те задавали вопрос «За что боролесь?» и нередко уходили из армии или от ощущения полной безысходности стрелялись²⁴⁸⁹.

Большинство собравшихся сходилось в необходимости перехода на милиционную систему, поддержав осторожное постановление РВСР о постепенном, после годичной апробации, проведении военной реформы²⁴⁹⁰. Только бывший до недавнего времени наркомом по военным и морским делам Грузии и Закавказской СФСР председатель СНК Грузии Ш.З. Элиава, исходя из специфики региона, категорически заявил, что «сейчас думать о приближении красноармейца к месту жительства невозможно»²⁴⁹¹. Командующий войсками Северокавказского военного округа К.Е. Ворошилов, понимая, что иного пути нет, заметил все же: война уж если начнется, то масштабная, поэтому надо «нажать» на высшее партийное и государственное руководство (на Политбюро ЦК и на Совет труда и обороны при Совнарком), дабы была возможность при необходимости развернуться в большем масштабе, чем по варианту «двухмиллионная армия в два года»²⁴⁹².

М.Н. Тухачевский, считавший, как и все, ключевым вопросом о кадрах, признал возможность некоторого общего сокращения армии за счет «очень раздутых управлений, особенно хозяйств»²⁴⁹³, в частности составлявших отчеты, из которых нельзя было понять решительно ничего. Причем его, человека, который в центральном аппарате управления РККА не служил ни единого дня, поддержал Э.М. Склянский — фактический руководитель этого самого аппарата: «Замечание... справедливо. Мы недостаточно сократили наши тыловые учреждения»²⁴⁹⁴. А когда Н.И. Муралов, ссылаясь на работу штаба Московского военного округа, заявил в пику обоим — штабы можно сокращать лишь постепенно, по мере роста квалификации их служащих²⁴⁹⁵, М.Н. Тухачевского и Э.М. Склянского, не забыв сделать реверанс в сторону командующего войсками МВО, поддержал и нарком. Если бы до 1990-х гг. не была засекречена стенограмма заседания, а Л.Д. Троцкий не считался бы «злейшим врагом», советские историки могли бы написать, что председатель РВСР выступил в качестве проводника ленинских призывов к внедрению НОТ: «Насчет отчетности верно. У нас невероятнейшая отчетность, которая в результате не дает ничего. И она есть результат постоянных перестроек армии. Для каждой перестройки нужно произвести учет, проверить — отсюда многочисленные запросы. Поскольку армия входит в рамки постоянной, нужно ввести в рамки и отчетность. Тут нужна *научная организация труда* (курсив мой. — С. В.)»²⁴⁹⁶.

Осознавая необходимость учета конкретных реалий, М.Н. Тухачевский признал целесообразность полного перехода к территориальному укомплектованию дивизий²⁴⁹⁷. Возразил И.Э. Якир: «Насчет укомплектования я не согласен с М.Н. Тухачевским. В нашем округе 45-я дивизия была пополнена за счет Черниговской губернии, и она дает большой процент дезертирства, с которым, при неналаженности нашего советского аппарата (в данном случае все-таки имеется в виду государственный аппарат конкретно Украинской ССР. — С. В.), почти невозможно бороться. То же явление в 24-й дивизии»²⁴⁹⁸. Поскольку И.Э. Якир исходил из реалий не общесоюзных, а Советской Украины, власть в которой менялась в годы Гражданской войны не раз и не два, новатора счел возможным отчасти поддержать Л.Д. Троцкий: «Конечно, не может быть речи о резком переходе. Но о приближении, о более правильном комплектовании вопрос надо поставить: шахматная доска укомплектования, в зависимости от условий, территориального или экстерриториального, должна составлять существенную часть нашего плана. Развитие плана в ближайшее пятилетие и приближение шахматной клетки к территориальной части будут идти рядом по мере улучшения хозяйства, повышения культурного уровня, но тут должна быть система»²⁴⁹⁹. В развитие выступления наркома начальник Штаба РККА П.П. Лебедев заявил: «Территориальное укомплектование так же мыслит для будущего и

Штаб. Постепенно надо приближаться к этому. Конечно, полного территориального укомплектования никогда не достигнуть. И еще сегодня мы сознательно делаем встречные перевозки»²⁵⁰⁰.

Помимо общей для всех констатации катастрофического положения комсостава было в выступлении М.Н. Тухачевского нечто, характерное именно для него: «нужно усилить производство автоматов, гаубиц и химических снарядов», в первую очередь — удушливых газов²⁵⁰¹. Ни о какой кровожадности будущего маршала тут говорить не приходится, и припоминать Тамбов некорректно. Просто опыт Первой мировой войны многих убедил, что без всего упомянутого Тухачевским армия не станет достаточно сильной. Тухачевский стал убежденным милитаристом — отсюда его будущие попытки убеждения Политбюро ЦК ВКП(б) и СТО СССР, без учета всей совокупности факторов, в необходимости выделения возможно больших средств на постройку максимального количества «железьяк». Стремление рационально расходовать бюджет во второй половине 1920-х гг. и далее было характерно для *реалиста* К.Е. Ворошилова, безудержные попытки получения и освоения максимального количества средств, невзирая на реальные потенции страны и возможности и потребности армии — для *милитариста* М.Н. Тухачевского. Единственной точкой пересечения двух этих линий были бюджетные выделения, как следствие — постоянные трения в военной верхушке.

Осенью 1923 г. органы государственной безопасности особо внимательно следили за 20-дневными маневрами частей и соединений Западного фронта, организованными Тухачевским. Как пишет А.А. Зданович, военные контрразведчики «не могли не брать в расчет развитие международных событий, и прежде всего „германский Октябрь“». Недвусмысленные заявления М. Тухачевского о возможном участии Красной армии в военной помощи немецким коммунистам придавали маневрам оттенок возможной подготовки к поступательной войне»²⁵⁰². Руководством страны допускалась возможность «несанкционированных действий со стороны командующего... и некоторых его сторонников из числа высокопоставленных военных по поддержке коммунистического восстания в Германии, путем прорыва частей Красной армии через территорию Польши и Литвы»²⁵⁰³. Тогда чекисты через командование Красной армии добились передислокации отдельных частей, включая части 4-го корпуса и 7-й кавалерийской дивизии, командиры которых имели поводы для недовольства властями²⁵⁰⁴. Заметим, что страхи вполне могли быть оправданными: в истории нашей страны (правда, ее постсоветского периода) прецедент есть — когда нами был высажен миротворческий контингент в Югославии, министр иностранных дел заверял атаковавших его корреспондентов, что «быть этого не может». Тут самое место привести цитату из выступления на Июльско-августовском 1927 г. Пленуме ЦК ВКП(б) Х.Г. Раковского: «С по-

койным Дзержинским мы часто говорили о том, чт. е. увязка между тремя учреждениями: Наркоминдел, Реввоенсовет и ГПУ...»²⁵⁰⁵ При чем «увязка» эта очень напоминала сложившиеся «трогательное единение и согласие» Министерства иностранных дел с Министерством внутренних дел и «вражду»²⁵⁰⁶ с военным ведомством в поздней Российской империи. С поправкой: в рамках треугольника указанных Х.Г. Раковским советских ведомств «трогательного единения и согласия» не было и между ОГПУ СССР и НКВД СССР — вплоть до чистки внешнеполитического ведомства от окопавшихся в нем оппозиционеров.

12 января 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о снятии В.А. Антонова-Овсеенко с поста начальника Политуправления РККА за попытку давления на высшее большевистское руководство и за проведение собственной политической линии в армии. Решение вызвало недовольство отдельных чекистов, а потому, как водится, постановление Оргбюро было передано в Политбюро. Последний орган решение Оргбюро утвердил, однако 15 января Антонов-Овсеенко апеллировал к Пленуму ЦК. Большинство ЦК никогда бы не пошло на возвращение в армию человека, которому не доверяло абсолютно. Однако среди аргументов В.А. Антонова-Овсеенко были заслуживавшие самого серьезного рассмотрения. Циркуляр № 200 (речь в нем шла о предположениях о партийном строительстве в армии), который, по замечанию В.М. Молотова, был обязан согласовать с ЦК начальник Политуправления РККА, последний ни с Орготделом ЦК, ни с Оргбюро ЦК в целом «действительно» не согласовал. Однако, по справедливому замечанию В.А. Антонова-Овсеенко, «дискуссионная стихия растеклась по ячейкам армии, и мы (военные партийцы. — С. В.) на Западном фронте и в других местах имели случаи, когда наши товарищи договаривались до [идеи проведения] полной демократии в армии, до выборов партийных руководителей и т. д. Вопрос ставил на Западном фронте т. Тухачевский и был в этом отношении высмеян представителем ПУРа т. Ландой»²⁵⁰⁷. Ничего смешного в действительности не было: большевик 1918 г. поставил вопрос ни больше ни меньше как об изменении порядка выборов партийных органов в армии. Большинство ЦК по традиции видело основную бонапартистскую угрозу в действиях Л.Д. Троцкого и потому попросту не обратило внимания на заслуживавшую самый серьезный анализ информацию о М.Н. Тухачевском.

Высшее военно-политическое руководство припомнило предложения М.Н. Тухачевского по сокращению «очень раздутых управлений, особенно хозчастей» на совещании 1923 г. Как отметила в своем труде Н.С. Тархова, «постановлением Реввоенсовета [СССР] от 4 февраля 1924 г. была образована комиссия по реорганизации военного аппарата, системы отчетности и делопроизводства в составе М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилова, С.С. Каменева, П.П. Лебедева,

И.С. Уншлихта, А.И. Егорова, А.С. Бубнова. 5 февраля в комиссии были сформированы четыре подкомиссии, одна из которых занималась вопросами отчетности. Задача подкомиссии заключалась в реорганизации сложившейся в армии отчетности, отличавшейся чрезмерной сложностью, перед ней была поставлена цель — „уничтожить разбухание отчетности и делопроизводства“. <...> За счет предложенной подкомиссии отчетность в армии подлежала сокращению более чем на 50%»²⁵⁰⁸.

После смерти М.В. Фрунзе (1925), к которому М.Н. Тухачевский относился с искренним уважением и который неизменно способствовал продвижению будущего маршала, последний, как склонны считать Ю.А. Щетинов и Б.А. Старков, «сам стремился занять... ответственный пост»²⁵⁰⁹ председателя Реввоенсовета СССР. Да и назначение К.Е. Ворошилова председателем Реввоенсовета СССР не могло восприниматься как нечто окончательное, не подлежащее перерешению: уж на что Л.Д. Троцкий считался в партийной массе «вождем Красной армии», и то, когда это понадобилось «товарищам» по Политбюро ЦК РКП(б) в ходе противостояния слевой оппозицией, его без особых трудностей сняли с поста наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР и заменили на М.В. Фрунзе. К.Е. Ворошилов, в отличие от первого председателя РВС СССР, в узкую группу вождей не входил и даже не был к ней близок — в отличие от второго, о чем в руководящем ядре партии все было прекрасно осведомлены. В 1925 г. никто не мог заглянуть в будущее, но сейчас всем известно, что за допущенные просчеты К.Е. Ворошилов был все же снят (правда, значительно позднее) с поста высшего руководителя Красной армии и в конечном итоге занял «ответственный» пост «главы» Советского государства — председателя Президиума Верховного совета СССР. Так или иначе, М.Н. Тухачевский вполне мог рассчитывать, что по политическим соображениям К.Е. Ворошилова передвинут на другой участок партийной или советской работы и тогда представится возможность занять желанное кресло наркома.

В 1926 г. с начальником Штаба РККА М.Н. Тухачевским окончательно разругался командовавший в то время войсками Ленинградского военного округа Б.М. Шапошников. 3 марта последний направил М.Н. Тухачевскому т. н. докладную записку, в которой, подробно проанализировав недостатки присланной ему и сотрудникам штаба ЛВО стратегической задачи, заявил, что к постановке такой задачи «явно ведет несерьезное к ней отношение, как к заданию, предлагаемому решению высшего командного состава в порядке его индивидуальной подготовки»²⁵¹⁰. Венчает «послание турецкому султану» весьма примечательный пассаж: «Вся предложенная задача оказывается, таким образом, настоль[ко] неполной по своему содержанию и столь неточно выполненной по своей редакции, что навряд ли осуществляет свое назначение преподавания высшему ко-

мандному составу достойного культивирования оперативного замысла и образца оперативного документа. Я разрешил себе потому предложить сотрудникам штаба округа, получившим задачу, выполнить по ней лишь общее идейное решение и могу только пожелать, чтобы в последующем стратегические задачи, даваемые высшему командованию, носили признак твердого армейского управления и были четки в технике службы штаба»²⁵¹¹.

М.Н. Тухачевский не только ответил Б.М. Шапошникову, но и апеллировал к наркому К.Е. Ворошилову. В ответном письме от 24 июля (Тухачевский указал, что прочел письмо Шапошникова с большим опозданием вследствие «болезни и занятости организационной работой») начальник Штаба РККА заявил, что «и по существу, и по форме» письмо командующего войсками ЛВО «не является деловым»; критика и «необоснованный» тон в деловой переписке ответственных работников Красной армии недопустимы; письмо же Шапошникова недопустимо тем более, что его провели через оперативный отдел штаба ЛВО. Более того, последнее обстоятельство дало М.Н. Тухачевскому основание для предположения, что настоящим автором письма был не Б.М. Шапошников, а начальник оперативного отдела Г.С. Иссерсон, а потому назревало «разложение нормальной работы штабов» и противопоставление штаба ЛВО Штабу РККА²⁵¹². Аналогия ясна: в конце 1925 г. на XIV съезде РКП(б) — ВКП(б) в попытке «противопоставить свою линию линии ЦК»²⁵¹³ была обвинена ленинградская большевистская верхушка во главе с Г.Е. Зиновьевым.

Указав на ряд необоснованных придинок Б.М. Шапошникова, М.Н. Тухачевский (отдадим ему должное) принял отдельные замечания по тактической и технической сторонам задания и дал соответствующие указания начальнику Оперативного управления Штаба РККА. Вроде бы выработанные последним задания М.Н. Тухачевский не смог просмотреть «в окончательной редакции»; впрочем, главное, что указал командующему войсками Ленинградского военного округа начальник Штаба РККА: аналогичные замечания он получил и от других лиц, но — «в форме нормальных взаимоотношений»²⁵¹⁴.

Интересно, что ответное письмо было отправлено только 24 июля, хотя М.Н. Тухачевский написал его 1-го числа²⁵¹⁵. Черновик, вероятно, был написан сразу же после прочтения «послания» Б.М. Шапошникова — в запале. Позднее М.Н. Тухачевский внес правку в текст²⁵¹⁶, полностью вычеркнув фрагмент, следующий за указанием подлинным автором письма Г.С. Иссерсона: «На основании Вашего письма я неизбежно должен сделать вывод о том, что Вы содействуете (быть может, и бессознательно) такому разложению»²⁵¹⁷.

В заключение документа (это и в черновике, и в итоговом варианте) М.Н. Тухачевский выразил надежду, что в дальнейшем Б.М. Ша-

пошников установит «товарищеские» отношения со Штабом РККА, необходимые для «планомерной подготовки войны и штабных аппаратов». Правда, сам он вряд ли верил в такое «дальнейшее».

Высказанное пожелание не помешало М.Н. Тухачевскому, как мы уже указали, доложить о письме Б.М. Шапошникова К.Е. Ворошилову. Нарком, оставив «в стороне вопрос о допущенных Штабом РККА технических ошибках в задании», указал Б.М. Шапошникову на «недопустимо-вызывающий» тон письма, вполне разделяя мысль М.Н. Тухачевского о том, что «подобная переписка не может повлечь за собой ничего другого, кроме разложения штабных работников». Не оспаривая право командующего войсками ЛВО высказывать свои замечания по работе центральных управлений НКВМ СССР, К.Е. Ворошилов указал: «в деловой переписке не должно быть места безответственной критике и дискредитированию ответственных органов»²⁵¹⁸.

В 1926—1927 гг., по данным С.Т. Минакова, будущего маршала обвиняли «в попытке через Генеральный штаб захватить власть в армии и, может быть, в стране»²⁵¹⁹. В подобных намерениях Тухачевского во всяком случае подозревали — даже Н.С. Хрущев, стремившийся в своих воспоминаниях максимально очернить генсека, который «хотел — казнил, хотел — миловал»²⁵²⁰, писал о том, что «Тухачевский — очень талантливый полководец. В 27 лет он во время Гражданской войны уже командовал войсками Западного фронта. Он вообще подавал большие надежды, и, с одной стороны, это радовало, а с другой — настораживало: не захочет ли Тухачевский воспользоваться примером Наполеона, чтобы стать диктатором?»²⁵²¹

Как справедливо заметила Ю.З. Кантор, с поста начальника Штаба РККА Тухачевского выдавила группировка, которая сложилась в Секретариате Наркомата обороны СССР и фактически подменила собой то, что обычно называют «Генштабом» — соответственно, в отечественных реалиях, Штаб РККА²⁵²².

12 февраля 1928 г. М.Н. Тухачевский направил К.Е. Ворошилову письмо о «ненормальном» отношении руководства Наркомата по военным и морским делам СССР к Штабу РККА. Полный текст этого письма, давно известного историкам, был в 2007 г. опубликован в подготовленном нами совместно с коллегами по РГВА и ИВИ МО РФ сборнике документов о первой советской военной реформе:

«Уважаемый Климентий Ефремович!

В дополнение к тем соображениям, которые я высказывал Вам после заседания РВС [СССР], считаю необходимым доложить два основных момента, делающих работу Штаба РККА совершенно ненормальной. Эти моменты по существу являются двумя сторонами одного и того же вопроса.

Прежде всего, и в текущей, и в плановой работе создается такое положение, что зачастую может казаться, будто Вы как нарком ра-

ботаете сами по себе, а Штаб РККА — сам по себе, что совершенно противоестественно, т. к. по существу Штаб должен быть рабочим аппаратом в Ваших руках по объединению всех сторон и забот по подготовке войны. Если он таким аппаратом для Вас не является, то значит *или Штаб, или Ваше к нему отношение* (Ворошилов, дабы можно было использовать письмо Тухачевского в собственной игре против него, исправил выделенный курсивом фрагмент на одно слово: «дело». — С. В.) не в порядке. Я приведу ряд доказательств тому, что в процессе работы Вы зачастую противопоставляете работу Штаба своей работе и даже своим мнениям.

Пятилетний план строительства РККА²⁵²³, о разработке которого я Вам неоднократно докладывал и в каковой Штаб внес в процессе работы немало полученных от Вас указаний, на заседании РВС подвергся Вашей критике как Вам малознакомый и был передан в комиссию. После многомесячных мытарств в комиссии этот план Вы взяли сами проработать, и в этих нормальных условиях работы он был быстро утвержден. Эта задержка до сих пор дает себя чувствовать в практической работе.

Во время подготовки Вашей к докладу в правительстве (год тому назад) Вы неоднократно указали на необходимость форсирования постройки укрепрайонов²⁵²⁴, утвердили соответствующие мероприятия в пятилетнем плане и в бюджете 1927/28 г. В результате же неожиданно оказалось, что Вы против всей линии Штаба, ведущейся в этом вопросе.

Нажим на общевоинскую подготовку и рационализацию методов ее проведения, осуществленные в 1925/26 учебном году, получили полное Ваше одобрение. Та же линия развивалась (по плану РВС) Штабом и в 1926/27 г. В результате же оказалось, что Вы против этой линии.

На Одесских маневрах положение Штаба было очень затруднительное. Он не только не играл роли по проведению Ваших взглядов на подготовку, но превратился в мишень для совместной критики со стороны Вас и гостей на маневрах. Не начальник Штаба был Вашим первым советчиком по оценке достижений и недочетов, а группа товарищей, жившая с Вами в вагонах.

Я не могу вместить в письмо всех фактов, характеризующих это положение. Но можно вполне сказать, что Штаб в нынешнем его составе не является Вашим рабочим органом.

Такое положение, *по-моему*²⁵²⁵, влечет за собой и другую сторону дела. Не ценя Штаба как своего аппарата руководства, Вы не только не поддерживаете авторитета Штаба, но зачастую, быть может, и не замечая этого, дискредитируете его.

Ваши постоянные фразы: „Штаб ничего не считает“ (хотя вся работа в Штабе поставлена в рамки твердого учета материальных и живых ресурсов), „Штабу экономия не интересна“ [тут в скобках Туха-

чевский ничего не пометил. — С. В.] и проч. не могут иметь никакого другого последствия, как подрыв авторитета Штаба перед другими органами, с которыми и без того нелегко установить отношения. На последнем заседании Р[аспорядительного] з[аседания] СТО Ваше замечание о том, что намечаемые мероприятия по В[оенно]-х[имической] о[бороне] ерундового характера и что Штаб виноват в том, [что] под его давлением Вы подписали эти мероприятия, также не улучшает положения Штаба. Я не буду больше приводить примеров в этом духе, но должен сказать, что создающееся в силу этих обстоятельств положение Штаба чрезвычайно осложняет дело.

В своей работе, во взаимоотношениях с другими органами я не чувствую за собой прочной поддержки, а без такой поддержки Штаб не может продуктивно работать. Это сказывается отрицательно в мирное время, порождая разноречивость во многих вопросах, но особенно может плачевно кончиться на войне.

Я не считал возможным, ввиду важности вопроса, замалчивать о[бо] всех острых углах, которые мешают работе. Я прилагал все силы к тому, чтобы Штаб являлся Вашим доверенным рабочим аппаратом, но результаты получились иные, *о чем и докладываю на Ваше усмотрение*²⁵²⁶.

С коммунистическим приветом, [М.Н. Тухачевский]²⁵²⁷.

Из документа следует, что нарком более доверял «группе товарищей», жившей с ним «в вагонах», а проще говоря — своим ординарцам, которые в любой армии стремятся быть, что называется, «святее Римского папы». Подчеркнем самый факт наличия в верхушке Красной армии группировок — и в годы Гражданской войны, и в 1920-х гг., и в 1930-х годах. Не зря 21 мая 1919 г. Л.Д. Троцкий заметил в телеграмме В.И. Ленину: «...фронтные привязанности — наша общая беда»²⁵²⁸.

Письмо К.Е. Ворошилова 1928 г. объясняет причины последовавшего нового назначения М.Н. Тухачевского на должность командующего войсками Ленинградского ВО с одновременным назначением на должность начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова²⁵²⁹. Обращают на себя внимание и более поздние перестановки в высшем комсоставе — назначение И.П. Уборевича командующим войсками Московского ВО, Н.В. Куйбышева — командующим войсками Сибирского ВО²⁵³⁰.

По утверждению А.А. Здановича, «многое из того, что произошло в плане репрессий в отношении „красных генералов“ и военспецов в 1930-е гг., можно объяснить с позиций социологических концепций и, в частности, образования и функционирования „групп интересов“, выступающих на практике как группы давления. Руководители и члены „групп давления“ не ставили перед собой в качестве цели приход к власти в стране, в отличие от политических групп и партий. Группы

давления из числа военных деятелей, прежде всего высшего звена, безусловно, хотели обозначать перед политико-административными центрами выгодную им „повестку дня“ в той или иной исторической обстановке, непосредственно участвовать в разработке внешне- и внутриполитических вопросов и добиваться выгодных для себя решений»²⁵³¹. В случае с М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром и И. Уборевичем многое в их поведении «можно отнести на счет возглавленных ими „групп давления“ либо объединения усилий нескольких групп давления для решения каких-либо задач в интересах „красных милитаристов“»²⁵³². По вполне логичному мнению деятелей органов государственной безопасности, лоббирование «должно иметь свои пределы. <...> Здесь очень важна та грань, тот Рубикон, перейдя который „группы давления“ расцениваются уже как претенденты на власть, а стало быть, приобретают образ врага в глазах вождя существующего режима»²⁵³³. На наш взгляд, последнее, в условиях диктатуры «пролетариата» и стоящей за ней диктатуры партии, было не обязательно: для принятия репрессивных мер в условиях тоталитарного политического режима было вполне достаточно *потенциальной* угрозы давления на власть. Для большевистской диктатуры, выросшей из треугольника 1917 г.: Керенский и Временное правительство, Корнилов и армия, Ленин и РСДРП(б)²⁵³⁴ — группы давления (и уж тем более армейские) были неприемлемы.

26 апреля 1928 г. М.Н. Тухачевский направил в РВС СССР доклад о необходимости совершенствования организационно-штатной структуры центрального аппарата управления РККА. Проектом предусматривались: сокращение Управления делами НКВМ СССР с передачей трех его отделов в Главное управление РККА (это ослабило бы организационные возможности наркома и аппаратные — его группировки из секретариата председателя РВС СССР); упразднение должности начальника снабжения Красной армии с передачей Штабу РККА вопросов мобилизационно-плановых и оборонительного строительства; более четкое разграничение функций Главного управления РККА и Штаба РККА с усилением последнего органа за счет передачи следующих функций и подразделений: «а) Инспектората, при создании двух новых инспекций — вузов и противовоздушной обороны; б) вопросов войсковой мобилизации (рядового и командного состава); в) разработки штатов; г) всех вопросов подготовки, за исключением допризывной и школьной, последних в части, касающейся организации и администрирования; д) Военно-топографического управления»²⁵³⁵. Предвидя недовольство и возражения наркома К.Е. Ворошилова и начальника ГУ РККА В.Н. Левичева, начальник Штаба РККА напомнил им: «Приведенное выше распределение функций между Штабом РККА и ГУ РККА не является чем-либо новым в процессе прошедших реорганизаций центрального аппарата НКВМ и было предусмотрено схемой построе-

ния аппарата в 1925 году, с теми основными изъятиями, что УВУЗ находилось в непосредственном подчинении РВС [СССР] и в ГУ РККА были сосредоточены вопросы штатного устройства армии»²⁵³⁶. Предлагались и иные организационные изменения — менее существенные. Как и в 1923 г., Тухачевский настаивал на дальнейшем сокращении центрального аппарата НКВМ, аргументировав свое предложение тем фактом, что «многие должности технического характера в силу несовершенства штатного расчета аппаратом управления укомплектовываются лицами командного состава, наличие которых превышает всякие нормы иностранных государств (из 2769 человек собственно командиров — 1154 человека)»²⁵³⁷. То же самое было в Военном министерстве Российской империи: доходило до того, что делопроизводители были вынуждены сами точить себе карандаши, зато по министерству разгуливали занимавшие технические посты офицеры, которых недоставало на фронте.

5 мая 1928 г. М.Н. Тухачевский, что было вполне логично после его послания К.Е. Ворошилову, слетел с поста начальника Штаба РККА и был назначен командующим войсками Ленинградского ВО. В колыбели революции он по обыкновению начал свою деятельность «с основного звена — с подготовки командного состава. Ознакомившись с руководящими работниками штаба округа, возглавляемого Б.М. Фельдманом, и начальниками родов войск, М.Н. Тухачевский сразу же организовал систематические командирские занятия», «проводил их сам или поручал своему заместителю И.Ф. Федько»²⁵³⁸.

Как и следовало ожидать, М.Н. Тухачевский тут же получил «запоздалый» ответ на свою критику. 5 июня начальник ГУ РККА В.Н. Левичев, проанализировав предложения уже теперь бывшего начальника Штаба РККА, выступил на стороне наркома. В.Н. Левичев направил докладную записку К.Е. Ворошилову, в которой напомнил, что М.Н. Тухачевский был в числе разработчиков структуры центрального аппарата НКВМ (как мы помним, в 1924 г. в комиссии РВС СССР по реорганизации военного аппарата он возглавлял подкомиссию по вопросам отчетности), что аппарат «из года в год сокращается»²⁵³⁹ и на фоне других наркоматов отнюдь не может быть признан громоздким. Особенной критике В.Н. Левичев подверг следующий тезис из проекта М.Н. Тухачевского: «Необходимость сосредоточения всех основных вопросов планирования, развития техники, накопления материальных запасов по линии Штаба, как вопросов военного строительства вооруженных сил и подготовки к войне, вытекающие из ее оперативного плана»²⁵⁴⁰. В.Н. Левичев дал свой комментарий: «Предполагается, что все остальные органы для того и существуют внутри военного ведомства, чтобы не заботиться ни о строительстве вооруженных сил, ни о подготовке к войне, а оперативные планы — вот вещь сама по себе, которой все подчиняется и которая ни с какими другими считаться не намерена. (Состояние и

потребности армии мирного времени, ход выполнения заказов промышленности.)»²⁵⁴¹ И с язвительной иронией провел нежелательную для М.Н. Тухачевского параллель: «Такая установка мало отличается от той довольно распространенной теории о совершенстве германского оперативного искусства, которая гласит: „Немецкий генеральный штаб обязательно бы победил, если бы... не помешал собственный народ, который взбунтовался“, а эта данная исключалась из всех оперативных предположений *большого германского генерального штаба* (курсив наш. — С. В.)»²⁵⁴².

Н.С. Хрушев, у которого не было причин, сколь-нибудь веских, положительно отозваться о деятельности Ворошилова, писал в своих воспоминаниях: о председателе РВС СССР военные якобы «были очень невысокого мнения, они его формально принимали, но все считали себя выше него»²⁵⁴³, а вот Тухачевский-де «пользовался... большим доверием Сталина. Фактически строительством Красной армии (так в тексте. — С. В.) занимался Тухачевский, а не нарком Ворошилов, потому что первый был лучше подготовлен и более организован. Ворошилов занимался представительством на парадах, на всяких маневрах и главным образом саморекламой. Поэтому Ворошилов тоже был заинтересован в устранении Тухачевского»²⁵⁴⁴. Насколько Ворошилов был «заинтересован в устранении» Тухачевского, нас в данном случае не интересует. Важно то, что роль двух этих деятелей в судьбе РККА отражена в данных воспоминаниях, ставших ценным источником для постсоветских историков, как в кривом зеркале.

Весьма показателен отчет о командировке в СССР В. фон Бломберга (1928), в котором высшим кадрам РККА были даны яркие и нестандартные характеристики. Отчет этот был опубликован Ю.З. Кантор, на него следует обратить особое внимание всем интересующимся историей советской военной верхушки 1917—1920-х гг. О М.Н. Тухачевском: «Командующий Ленинградским ВО. 34—35 лет, по-юношески свеж, ухожен, симпатичен. До начала 1928 г. — начальник Генерального штаба. С этой должности был снят, по одной версии, из-за того, что его выступление за превентивную войну против Польши не нашло поддержки правительства, по другой — потому, что его политическая надежность находилась под сомнением и существовало опасение в нем как в военном руководителе возможного ниспровергающего движения. В разговоре он воздерживался от любых политических требований, был разговорчив и целеустремлен в постановке вопросов в оперативной и тактической области. Очень примечательная личность»²⁵⁴⁵. О К.Е. Ворошилове — «...яркая, симпатичная личность, образован, умен, ясен, свеж, жизнерадостен, находчив, внешне ухожен. Ему 48 лет, но он самый старый командир Красной армии. *Ворошилов является политическим и военным руководителем одновременно*. Его влиятельное положение в правительстве обязано, по-видимому, главным образом его полити-

ческим способностям (которые большинство исследователей склонно недооценивать — совершенно напрасно. — С. В.). С 1920 г. будучи на ответственных постах в армии (в действительности с июля 1918 г., когда Ворошилов стал членом Военного совета Северокавказского военного округа. — С. В.), он приобрел хорошее военное образование. Его появление перед подчиненными командирами и войсками полностью соответствовало поведению лидера западных армий. Он уважаем и любим войсками и, без сомнения, твердо держит армию в руках (! — С. В.). Заметные шаги в образовании и организации армии, а также в ее внутреннем укреплении (обучении), предположительно обязаны в первую очередь его инициативе (тут сильное преувеличение. — С. В.). Он — реалистичный политик. Как таковой, он явно стремится поставить армию максимально дальше от политики и [выдвинуть] на передний план военные принципы. Это стремление проявилось в его горячем выступлении за поддержание тесных военных отношений с рейхсвером, за которые он в правительстве, не всегда без борьбы, ратовал (лишь генсек с его сарказмом мог позднее приписать «военно-фашистский заговор» Тухачевскому. — С. В.)²⁵⁴⁶.

Данное сказание иностранца о СССР — источник, как и все подобные сказания, своеобразный, но в чем-то очень надежный. Тот факт, что Ворошилову Бломберг дал более лестную оценку, чем Тухачевскому, не случаен. Третий председатель Реввоенсовета СССР был личностью более разносторонней: во-первых, он, выходец из крестьян и луганский рабочий, быстро утратил какую-либо связь с пролетариатом и превратился в настоящего интеллигента, обожаемого курируемой им творческой элитой советского общества — а не отдельными ее представителями вроде Д.Д. Шостаковича. Во-вторых, он принял самое непосредственное участие в «верхушечной части» внутрипартийной борьбы и в начале 1920-х гг., будучи «избран» в ЦК и участвуя в Пленумах высшего органа РКП(б), лишился политической невинности, которая серьезно осложнила ему жизнь в годы Гражданской войны. Тухачевский в искусстве политической интриги смог разве что учесть опыт Вацетиса и не поставить на Троцкого — впрочем, в 1920 г., когда Тухачевский сделал свой первый политический ход в качестве ленинско-сталинской пешки, всем в партии уже было известно: «Голосуй с Ильичем — не ошибешься!»²⁵⁴⁷ В-третьих, заседа в Политбюро ЦК РКП(б) (кандидатом) — ВКП(б) («полноправным» членом), и в частности заслушивая доклады руководства Совета труда и обороны СССР, К.Е. Ворошилов к середине 1920-х гг. стал прекрасно ориентироваться в бюджетных вопросах. Неудивительно, что в борьбе группировок внутри верхушки Красной армии К.Е. Ворошилов по всем статьям переиграл М.Н. Тухачевского, после чего последний в официальных встречах и «воздерживался от разговоров на любую политическую тему».

В 1930 г. отношения М.Н. Тухачевского с высшим военно-политическим руководством СССР резко обострились. 5 марта К.Е. Ворошилов переслал генсеку копию письма командующего войсками Ленинградского военного округа с предложением о значительном увеличении армии и ускорении ее технического перевооружения, а также справку Штаба РККА с критикой инициатив М.Н. Тухачевского. Б.М. Шапошников не преминул вернуть нечто из серии «„записка“ требует, по сути дела, доведения численности армии до 11 млн душ» и потому она «нереальна, фантастична, непосильна для нашей страны»²⁵⁴⁸. Причем в действительности речь шла о цифре в 8 млн — более отвечавшей военному потенциалу страны²⁵⁴⁹.

Сталинский ответ от 23 марта с чувством глубокого морального удовлетворения зачитал на расширенном заседании РВС СССР его председателю: «Сов. секретно, т. Ворошилову.

<...> Ты знаешь, что я очень уважаю т. Тух[ачевско]го как необычайно способного товарища (обычно интеллигенты и партаппаратчики начинают с подобных утверждений утопление оппонентов или проштрафившихся подчиненных. — С. В.). Но я не ожидал, что *марксист*, который не должен отрываться от почвы, может отстаивать такой оторванный от почвы *фантастический* „план“. В его „плане“ нет *главного*, т. е. учета *реальных* возможностей *хозяйственного, финансового, культурного* порядка. Этот „план“ разрушает в корне *всякую* мыслимую и допустимую *пропорцию* между армией как частью страны и страной как *целым*, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка. „План“ сбивается на точку зрения „чисто военных“ людей, нередко забывающих о том, что армия является *производным* от хозяйственного и культурного состояния страны.

Как мог возникнуть такой „план“ в голове марксиста, прошедшего школу Гражданской войны?

Я думаю, что „план“ т. Тух[ачевско]го является результатом модного увлечения „левой“ фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ *заменен* в нем „игрой в цифири“, а марксистская перспектива роста Красной армии — фантастикой.

„Осушестьив“ такой „план“ — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции.

Отрадно, что Штаб РККА, при всей опасности искушения, ясно и определенно отмежевался от „плана“ Тух[ачевско]го»²⁵⁵⁰.

Для самолюбивого командующего войсками Ленинградского военного округа это был политический нокдаун, а для руководящего ядра партии, в которое входили и отдельные представители высших кадров Красной армии, — свидетельство крайнего недоверия вождя народов к М.Н. Тухачевскому.

В 1924 г. Контрразведывательный отдел ОГПУ СССР завел агентурно-наблюдательное дело «Военные круги», позднее переимено-

ванное в «Генштабисты». В сентябре в меморандуме по делу была изложена его конкретная цель: создание «условий, при которых была бы возможность непрерывного и полного освещения настроений и деятельности как кругов старого Генштаба в целом, так в особенности образовавшихся в его среде группировок, а также выявления возможных связей представителей ГШ с русскими эмигрантскими кругами и иностранными представителями, дабы иметь возможность своевременно пресечь с их стороны антисоветские выступления»²⁵⁵¹. В конце 1926 г. — активизация работы в связи с обострением конфронтации с Великобританией, однако в конце 1927 г. в одном из обзоров констатировались отсутствие антисоветски активных бывших генштабистов и тот факт, что в шести их «группировках не просматривалось четких организационных форм»²⁵⁵². То есть генштабисты встречались, общались и... расходились.

Из документов органов государственной безопасности следует, что во второй половине 1930 г. в отношении бывших генштабистов к Советской власти произошел перелом, связанный с насильственной коллективизацией сельского хозяйства. Чекисты представляли в своих докладах «реакцию объектов АНД „Генштабисты“ как поддержку Правого уклона в ВКП(б) в лице А. Рыкова, Н. Бухарина и других известных партийных и государственных деятелей», тем более что в Штабе РККА, совершенно независимо от дела «Генштабисты», им удалось выявить начальника управления (С. Богомякова), по-настоящему симпатизировавшего Правым, хотя и в этом случае все сводилось к разговорам²⁵⁵³.

Мартовское письмо И.В. Сталина К.Е. Ворошилову, зачитанное на расширенном заседании РВС СССР, стало для партийно-государственной верхушки сигналом к действию. Чекисты, в частности, стремясь выслужиться перед Хозяином, связали свои дела на командный состав РККА, и прежде всего на бывших генералов и офицеров старой армии, с правой оппозицией. 10 сентября 1930 г. председатель ОГПУ СССР В.Р. Менжинский направил отдохавшему на юге И.В. Сталину доклад с обвинениями командующего войсками Ленинградского военного округа М.Н. Тухачевского, по оценке А.А. Здановича, «ни больше ни меньше как» в бонапартистских «устремлениях, логичным итогом развития которых являлся бы захват власти военными»²⁵⁵⁴. Доклад был составлен по итогам допросов арестованных по «Весне» Н. Какурина и И. Троицкого, что интересно — *преподавателей Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе*. В.Р. Менжинский писал И.В. Сталину: доложил вопрос В.М. Молотову «и просил до получения» высочайших «указаний держаться версии, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два — или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться» сталинского «приказа,

принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутыми врасплох». Председатель ОГПУ СССР считал «нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск»²⁵⁵⁵.

24 сентября И.В. Сталин, сосредоточенный на подготовке снятия с поста председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова, нашел доклад В.Р. Менжинского достойный вариант практического применения. Оценив служебное рвение чекистов, генсек всерьез рассмотрел возможность извлечения из полученного доклада политических дивидендов, а именно использования его для окончательной расправы с правыми. Именно поэтому, на наш взгляд, И.В. Сталин и дал указания не органам государственной безопасности, а председателю Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе: «Прочти-ка поскорее показания Какурина — Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный, о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом (прекрасно знал, что нет. — С. В.). Стало быть, Тухачевский оказался в плену антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже *антисоветскими элементами из рядов Правых*²⁵⁵⁶. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, Правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте ПБ) и показания Какурина и Троицкого (о планах и „концепциях“ Т[ухачевско]го) имеют своим источником одну и ту же питательную среду — лагерь Правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым-Громанам-Сухановым. Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия — таков баланс. Ну и дела... Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе. Поговори об этом с Молотовым (но не с Ворошиловым, которого этот вопрос касался прежде всего. — С. В.), когда будешь в Москве»²⁵⁵⁷. В.Р. Менжинскому генсек порекомендовал пока «ограничиться максимально осторожной разведкой»²⁵⁵⁸.

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, председатель ЦКК ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе и председатель РВС СССР К.Е. Ворошилов лично проверили показания Н. Какурина и И. Троицкого. Состоялась очная ставка, на которой последние подтвердили свои показания. Были опрошены Я.Б. Гамарник, И.Э. Якир и И.Н. Дубовой. Позднее, в июне 1937 г., И.В. Сталин прервал выступление без лести преданного Е.А. Щаденко на заседании Военного совета при наркомате обороны следующей репликой: «Мы обратились к

тт. Дубовому, Якиру, Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага? Все трое сказали: „Нет, это, должно быть, какое-нибудь недоразумение, неправильно“ <...> Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. <...>²⁵⁵⁹ Точнее — отложить: до поры до времени.

И.В. Сталин «верил» чекистам настолько, что, подарив несколько лет жизни М.Н. Тухачевскому, не позволил развернуть «уже имевшиеся показания» на С.С. Каменева и Б.М. Шапошников²⁵⁶⁰. Генсек прекрасно знал, что первый ни в чем не участвовал в связи с собственной бесцветностью, а второй — крайней осторожностью и природным нюхом, позволявшим ему безошибочно угадывать победителя (собственно, угадал, еще будучи в годы Гражданской войны начальником Оперативного управления Полевого штаба РВСР). С правой опасностью в партии разделались и без «дела Тухачевского»: стандартной проработки А.И. Рыкова на Декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1930 г. было сверхдостаточно для окончательной дискредитации самого достойного из вождей правой оппозиции и его замены на в меру бесцветного В.М. Молотова в Совнаркоме.

В историографии принято рассматривать отдельно репрессии против бывших генералов и офицеров в рамках дела «Весна» и преследование оппозиционеров в тот же период, прологом же сталинского террора называют партийную кампанию 1933 г. На наш взгляд, события 1930—1937/38 гг. следует рассматривать как единый процесс. В 1929—1931 гг. и в 1933 г. И.В. Сталину удалось, не пойдя на поводу у собственной «свиты», которая едва не довела своего «короля» до полного маразма, *локализовать* процесс — в первом случае, главным образом, удержать в «узде» чекистские органы²⁵⁶¹, а в во втором — самого себя как главного руководителя партаппарата, поскольку дело касалось прежде всего (бывших) оппозиционеров. В 1937 г. у Хозяина подобного желания не возникло; более того, искореняя в условиях стремительно надвигавшейся Второй мировой войны потенциальную угрозу изнутри, генсек даже пошел на замену хитрого и осторожного, а потому ненадежного Г.Г. Ягоды на недалекого, но исполнительного Н.И. Ежова, понимая, что последний выполнит все указания «партии и правительства». Примечательно, что доклад В.Р. Менжинского 1930 г. генсеку все же пригодился: 4 декабря 1936 г. на очередном Пленуме ЦК ВКП(б) в докладе «О троцкистских и правых антисоветских организациях» Н.И. Ежова, в то время еще занимавшего пост секретаря ЦК, была предпринята попытка показать, будто бы Н.И. Бухарин и А.И. Рыков руководили «подпольной организацией», целью которой якобы ставился захват власти руками некоей «военной организации» во главе с В.М. Примаковым и В.К. Путной, впоследствии расстрелянным по тому же делу, что и М.Н. Тухачевский²⁵⁶². Как заметил биограф Алексея Рыкова А.С. Сенин, «весь этот сценарий разрабатывался опытной режиссерской рукой Сталина»²⁵⁶³.

Казалось, в 1931—1932 гг. отношение И.В. Сталина к М.Н. Тухачевскому изменилось к лучшему. В июне 1931 г. последний был назначен заместителем наркома обороны и начальником вооружений РККА, в 1932 г. произошло значительное увеличение капиталовложений в военную промышленность и расходов на армию, причем 7 мая И.В. Сталин даже прислал нечто отдаленно напоминающее извинения за свой нагоняй двухлетней давности, указав в письме: «...изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая реорганизация армии — создают совершенно новую обстановку, лишаящую споры о *большом количестве* дивизий их решающего значения. Нет нужды доказывать, что не *количество* дивизий, а прежде всего их *качество*, их насыщенность техникой будет [иметь] отныне решающее значение. Я думаю, Вы согласитесь со мною, что 6-миллионной армии, хорошо снабженной техникой и поновому организованной — будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей страны на всех, без исключения, фронтах. А такая армия нам более или менее по силам»²⁵⁶⁴. Не без издевательства генсек просил начальника вооружений РККА: «Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием»²⁵⁶⁵. Заметим, что это сталинское письмо ни на каком заседании РВС СССР, тем более расширенном, зачитано не было. Сталинские «надрания» в ленинском духе были публичными, хозяйские «извинения» — личными, почти интимными. Подобные «извинения» очень точно охарактеризовал в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев: «Не раз после своих грубостей он (Сталин. — С. В.) выражал мне свое расположение. Но Боже упаси, чтобы это было каким-то извинением. Нет, эта форма выражения чувств была чужда его характеру»²⁵⁶⁶. Нападки на М.Н. Тухачевского продолжались и после его назначения заместителем председателя РВС СССР, что было абсолютно в сталинской стилистике²⁵⁶⁷. Да и К.Е. Ворошилов возвращением М.Н. Тухачевского на работу в центральный аппарат управления РККА, мягко говоря, обрадован не был²⁵⁶⁸.

В 1933 г. брат Л.М. Кагановича — заместитель наркома тяжелой промышленности, член ЦКК ВКП(б) М.М. Каганович — жаловался в послании своему начальнику, «многоуважаемому, дорогому т. Орджоникидзе», на «оперативное вмешательство в производство со стороны Тухачевского», в сторону которого делали «книксы... все наши директора»²⁵⁶⁹. Вероятно, речь шла не только о недовольстве вмешательством М.Н. Тухачевского в дела руководимого Г.К. Орджоникидзе Наркомата тяжелой промышленности СССР. Жалоба, очевидно, была связана с получением М.М. Кагановичем от брата сведений о недовольстве начальником вооружений РККА в верхах. В письме досталось и А.А. Андрееву, который, что характерно, никогда не входил в узкие властные сталинские коллегии.

К середине 1930-х гг. от М.Н. Тухачевского, из боязни генсека, отвернулись даже его давние партийные покровители. Как установил известный специалист по истории сталинской диктатуры О.В. Хлевнюк, в сентябре 1934 г. член Политбюро ЦК ВКП(б) В.В. Куйбышев получил задание проконтролировать подготовку к полету стратостата «СССР-2». При запуске стратостат сгорел. Прекрасно понимая, на кого все будет «списано», в случае непринятия мер «перестраховки», В.В. Куйбышев потребовал составления объяснительной записки на имя И.В. Сталина от М.Н. Тухачевского. Последний в записке доложил, что срочно сформированная для расследования аварии комиссия выдвигает версию воспламенения от электрозаряда, возникшего в результате развертывания шелковичной ткани оболочки, что ряд обстоятельств требует времени для выяснения и потому комиссия закончит работу 7 сентября. Казалось бы, этим В.В. Куйбышев вполне мог ограничиться. Однако он предпочел прописать служебное рвение, сопроводив объяснительную записку своим комментарием, в котором указал в т. ч. следующее: «В докладе т. Тухачевского, посылаемом мною Вам почтой, есть попытка (не Тухачевского) объяснить пожар электрической искрой, вызванной развертыванием шелковой ткани оболочки. Я в этом сомневаюсь и предполагаю вредительство. Производится тщательное расследование»²⁵⁷⁰. В.В. Куйбышев не мог не понимать, что его оговорка не спасла бы руководителя комиссии от подозрений, если бы «предположение» о вредительстве подтвердилось. Да и самый факт попытки члена Политбюро прикрыться заместителем наркома обороны свидетельствует о готовности «сдать» человека, к которому В.В. Куйбышев вроде бы благоволил с 1918 г. Как говорится, дружба дружбой, а служба (в данном случае — генсеку) службой.

Наряду с основной служебной деятельностью М.Н. Тухачевский неизменно занимался военно-теоретической, военно-педагогической и военно-исторической (в последнем случае связанной с советско-польской войной и направленной на свою реабилитацию в качестве командующего войсками Западного фронта в 1920 г.). Из свыше 150 известных на текущий момент работ Тухачевского большинство — митинговые рассуждения большевика 1918 г., написанные на злобу дня и потребу партийной публике. Однако меньшинство имело значительную ценность, хотя, к примеру, его труды как военного стратега отнюдь не однозначны. Приведем цитату из работы 1924 г.: «Стремление к уничтожению живой силы врага заставляет начальника, ведущего *операцию*, мало или вовсе *не считаться с приобретением или сохранением территории*»²⁵⁷¹. На первый взгляд, применение на практике данной мысли сэкономило бы немало человеческих жизней в годы Великой Отечественной войны. Однако в действительности за этой фразой 1924 г. скрывалась полемика М.Н. Тухачевского с выдающимся отечественным военным стратегом А.А. Свечинным, кото-

рый, досадуя на митинговые шапкозакидательские высказывания высшего большевистского руководства, ставшие в конечном итоге частью военно-политической доктрины СССР, отстаивал необходимость создания глубокой эшелонированной обороны *своей* территории. Стратегия Свечина была бы полезна на первом этапе войны, Тухачевского — на втором. Вышло все, как известно, наоборот...

Осознав, что власть находится в крепких руках партии, М.Н. Тухачевский сосредоточился на решении проблем, связанных с подготовкой военных кадров высшей квалификации. В начале 1930-х гг. он выступил с предложением развернуть в стране сеть специальных академий, что было встречено с одобрением — по указанию ЦК ВКП(б) Комиссия обороны при СНК СССР приняла 21 мая 1932 г. постановление о создании пяти академий: артиллерийской, механизации и моторизации, военно-инженерной, военно-химической и электротехнической. Было также решено открыть военно-транспортную академию и значительно расширить существовавшие до этого военные академии. В 1935 г. была образована военно-хозяйственная академия, в 1936 г. — академия Генерального штаба²⁵⁷².

Признание диктатуры большевистской партии, а впоследствии и сталинской диктатуры как факта не помешало М.Н. Тухачевскому разделаться со своими давними оппонентами из «старых генштабистов», и прежде всего с А.А. Свечиным, когда для этого представился удобный случай. В 1931 г. ОГПУ СССР «раскрыло» целую «контрреволюционную организацию бывших офицеров Генерального штаба», в которую якобы входили А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, А.И. Верховский. Данная группа, по уверениям чекистов, «разработала планы вооруженного свержения Советской власти путем массовых вооруженных восстаний на селе и в крупных городских центрах»²⁵⁷³. По делу о «заговоре бывших офицеров» тогда осудили свыше 3 тыс. командиров РККА. Естественно, данные организации представляли собой не что иное, как плод воспаленного воображения партийной и чекистской верхушки, основанный на разговорах военных специалистов друг с другом²⁵⁷⁴. М.Н. Тухачевский и его сподвижники всерьез написали о «реакции» на «военно-научном фронте», чем поспособствовали расправе с людьми, в действительности высшему большевистскому руководству ничем не угрожавшими. Тут М.Н. Тухачевский продвинулся значительно дальше Г.И. Теодори и его однокурсников, которые, вступив в борьбу за место под красным солнцем, сохранили все же определенное уважение к старой профессуре.

В 1931 г. наблюдался всплеск антиспецовских настроений в московском партийном и государственном руководстве, а в столице никогда и ничего не происходило до тех пор, пока первый секретарь Московского и Московского городского комитетов ВКП(б) Л.М. Каганович, бывший одновременно членом сталинского Политбюро, и другие представители руководящего большевистского ядра столицы

не понимали, откуда дует цекистский ветер: в утвержденном не ранее 3 мая объединенным заседанием Бюро МК и МГК ВКП(б), коммунистических фракций президиумов Московского областного и городского исполкомов Постановлении, «ввиду того что выселение из гостиниц постоянных жильцов в [19]31 г. потребует дополнительно значительной жилплощади», было решено «просить ЦК ВКП(б) разрешить разгрузку Москвы от накопившихся в ней чуждых, антисоветских, неработающих элементов (жандармов, бывш[их] помещиков, генералов, чинов высшей и средней полиции, фабрикантов и прочих), поручив ОГПУ срочно принять их на учет и подготовить переселение их в города как Московской, так и других областей»²⁵⁷⁵. Документ поступил в Комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), которая данный пункт вычеркнула, однако показателен уже самый факт его наличия в проекте, одобренном столичным руководством. Прекрасно понял, какие политические дивиденды можно получить от окончательной ликвидации царского генералитета и М.Н. Тухачевский, не без злорадства поквитавшийся со всеми, кто издевался над ним в Военной академии РККА и имел свой, отличный, взгляд на стратегию.

Главной карманной спецслужбой Хозяина в конце 1920-х — начале 1930-х гг. была проведена в жизнь сталинская идея о необходимости очищения Армии от старых военных специалистов. Вначале генеральный секретарь ЦК РКП(б) — ВКП(б) (в партаппарате собственными руками, в военном аппарате — чужими) организовал подготовку новых кадров, а уж потом разделался со старыми спецами, которых он научился ненавидеть у Ворошилова со товарищи в Царицыне в далеком 1918 г. И наконец, из Красной армии отправил в лубянские подвалы более молодых, доставшихся от царизма, офицеров — чтобы поставить на ответственные посты только красных, большевистских, давно забывших (в идеале — ничего не знавших) о Л.Д. Троцком как «вожде Красной армии». Оставил для вида Б.М. Шапошникова, который до смерти не забывал вставать, когда Хозяин звонил ему по телефону, и некоторых других — для демонстрации своего «миролюбия» и отеческой заботы обо всех гражданах Советского Союза, тем более что категория «лишенцев» в самой демократической в мировой истории — «сталинской» 1936 г. — Конституции отсутствовала.

Вслед за старыми военными специалистами пришла очередь отправляться на Донское и тех, чья карьера состоялась не в Русской императорской, а в Красной армии. В 1935 г. М.Н. Тухачевский оказался на самой вершине военной иерархии: он стал одним из пяти первых Маршалов Советского Союза. Однако это было всего лишь изощренное издевательство Хозяина над своими марионетками. 11 июня 1937 г. было опубликовано официальное сообщение о раскрытии в РККА «военно-троцкистской фашистской организации» в

составе маршала М.Н. Тухачевского, командарма 1-го ранга И.Э. Якира — командующего войсками Киевского военного округа, командарма 1-го ранга И.П. Уборевича — командующего войсками Белорусского военного округа, командарма 2-го ранга А.И. Корка — начальника *Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе*, комкора Р.П. Эйдемана — председателя Центрального совета Осоавиахима СССР, комкора Б.М. Фельдмана — начальника *Главного управления кадров РККА*, комкора В.М. Примакова — заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа, комкора В.К. Путны — бывшего военного атташе в Великобритании. Следственными материалами якобы было «установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством» начальника *Политического управления РККА* «Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР»²⁵⁷⁶. Членом Специального судебного присутствия Верховного суда СССР был Б.М. Шапошников — впрочем, на его месте за расстрел проголосовал бы любой человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти (о Дмитрие Шостаковиче разговор особый — как известно, у Гениев с окружающей действительностью свои взаимоотношения).

В 1990 г. Ю.А. Щетинов и Б.А. Старков указали в биографии Тухачевского: «Сегодня в нашем распоряжении нет ни одного достоверного факта о подготовке в армейской верхушке антисталинского переворота. Более того, с уверенностью можно сказать, что и практической возможности для осуществления такого переворота в стране не было»²⁵⁷⁷; «Сталин стремился к одной цели — закрепить за собой всю полноту власти. Его не останавливало ни неизбежное и явное снижение интеллектуального потенциала народа, ни общее ослабление страны, резкое снижение ее обороноспособности. Логика политического деятеля и стратега, как не раз уже бывало в истории, уступила место всесокрушающей логике диктатора...»²⁵⁷⁸. За двадцать пять лет, прошедших со времени выхода книги Ю.А. Щетинова и Б.А. Старкова, положение не изменилось: источниковая база стала шире, однако фактов о наличии заговора Тухачевского как не было, так и нет, есть лишь стремление отдельных историков доказать, что «Заговор был!»²⁵⁷⁹, основываясь на выступлениях товарища Сталина, в частности на заседаниях Военного совета при наркомате обороны СССР, и других столь же надежных источниках.

Сплоченная группа сторонников вокруг М.Н. Тухачевского сложилась, однако возможности захватить власть не было, и маршал, как никто иной, это понимал. Читатель, вам это ничего не напоминает? — на наш взгляд, выданную чекистам на допросе в 1919 г. Е.И. Исаевым идею «о создании скелета Генер[ального] штаба с тем, чтобы поставить вып[уск] 1917 года в такое положение, чтобы с ним считалась всякая власть». На запоздалую смену выпускникам стар-

шего класса 2-й очереди военного времени 1918 г. академии пришла группировка Маршала Советского Союза: Г.И. Теодори «передал эстафетную палочку» М.Н. Тухачевскому, серый кардинал генштабистов 1917 г. Е.И. Исаев — начальнику Политуправления РККА Я.М. Гамарнику, заведующий составом слушателей Академии Генерального штаба Ю.И. Григорьев — начальнику Военной академии РККА А.И. Корку.

Напомним раздел «Захват аппарата управления армией» доклада И.П. Павлуновского В.И. Ленину (1919): «Намечена к проведению в жизнь программа восстановления Большого Генерального штаба (в действительности создания, поскольку Большого Генерального штаба в нашей стране не было. — С. В.), путем занятия должностей Генштаба в Республике во всех отраслях управления своими людьми»; «Идея Исаева — сильный Генеральный штаб, который влияет на все отрасли жизни страны, в целях ее военной мощи, независимо от того, кто стоит во главе правления». М.Н. Тухачевский в академии не учился, но он в ней преподавал, вызывая откровенное раздражение старой профессуры своим дилетантизмом. Почти все «старые генштабисты», считавшие Тухачевского, по всей видимости, даже не недоучкой, а неучем, были вычищены из Красной армии по «Весне» в 1930—1931 гг. Были подготовлены новые командные кадры, всюду заработали созданные под руководством Маршала Советского Союза новые вузы. Если отбросить митинговые заявления Тухачевского о марксистско-ленинской теории, в сухом остатке окажется старая идея о необходимости создания Большого Генерального штаба — не зря же Тухачевский в свободное от сна время штудировал классиков. Идея Большого Генерального штаба была неприемлема для сталинской диктатуры, которой могла приглынуться лишь теория осторожного и дальновидного Б.М. Шапошникова, ставшая в 1941 г. по сути теоретическим обоснованием создания Государственного комитета обороны СССР.

Ключом следует признать прекрасно известное историкам предложение начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевского о реорганизации штаба (1928), направленное в Реввоенсовет СССР. М.В. Захаров в своем исследовании указал: «Начальник Штаба РККА Михаил Николаевич Тухачевский вошел в Реввоенсовет СССР с предложением провести такую реорганизацию, чтобы Штаб РККА мог реально влиять на развитие вооруженных сил, являясь единым планирующим и организующим центром»²⁵⁸⁰. В.М. Иванов в своей монографии, как представляется, интерпретировал предложение начальника Штаба РККА более точно: «Развивая идею, возникшую еще при жизни М.В. Фрунзе, Михаил Николаевич предлагал превратить Штаб РККА в истинный Генеральный штаб, который мог бы реально влиять на развитие советских вооруженных сил, являясь бы единым планирующим и организующим центром»²⁵⁸¹. Предложение провалил

К.Е. Ворошилов при поддержке И.В. Сталина, и тогда М.Н. Тухачевский подал наркому рапорт «об освобождении от занимаемой должности», в котором писал: «После нашего последнего разговора вынужден оставить свой пост»²⁵⁸². Начальник Штаба РККА указал, что он стремился сделать штаб инициативным органом с широкими полномочиями в области развития вооруженных сил, но помимо его воли и через его голову штаб превращался в «простой технический аппарат»²⁵⁸³. Таким образом, Тухачевский рассматривал штаб не в качестве простого технического аппарата, а в качестве настоящего, классического — германского — Большого Генерального штаба. Над созданием такого начальника Штаба РККА и работал, однако генсеку «истинный»²⁵⁸⁴, по меткому выражению В.М. Иванова, Генштаб был ни к чему.

М.Н. Тухачевского обвинили в работе на Германию — государство, которое он ненавидел со времен своего плена в годы Первой мировой войны и на которое по определению не стал бы работать. Ключевым событием явилось самоубийство Я.Б. Гамарника — не только и не столько главы структурного подразделения центрального аппарата управления РККА, сколько по партийной табели о рангах руководителя отделом ЦК ВКП(б): И.В. Сталин, как известно, расценивал любое самоубийство как доказательство вины. Для генсека акция по уничтожению М.Н. Тухачевского и других видных военных деятелей была ликвидацией групп давления в армии, и только разгул «ежовщины», когда аппарат едва не зажил своей, обособленной от партийного руководства, жизнью, мог вылиться в масштабную чистку личного состава Красной армии, по итогам которой страна в преддверии Великой Отечественной войны недосчиталась более 1600 своих генералов и штаб-офицеров, а всего офицеров — около 40 тысяч.

Идея Большого Генерального штаба не давала покоя ни генералам старой армии, ни тем паче молодым амбициозным офицерам, решившим делать карьеру в армии Красной. Г.И. Теодори и М.Н. Тухачевский, лично не знакомые вплоть до второй половины 1920-х гг., мыслили в одной плоскости. Их можно было бы назвать братьями-близнецами по духу, если бы один в марте 1918 г. не окончил ускоренные курсы академии Генштаба, а второй не вступил в апреле того же года в ленинскую партию. Не зря Гражданская война (с точки зрения возраста принявших в ней активное участие) стала делом 30-летних. Высокая планка была задана М.А. Муравьевым, однако бесславный конец авантюриста главкома и общее укрепление Советской власти заставили других искателей счастья действовать более тонко и продуманно — и тем максимально оттянули их гибель в застенках сталинского НКВД СССР. Так или иначе, в 1937 г. последний, кого в эпоху «культы личности» прочили в Бонапарты, был отправлен в небытие. Каждое последующее «дело» в отношении во-

еннослужащих РККА превращало Армию во все более лояльный Власти инструмент.

Поскольку данная глава завершает настоящее исследование, позволим себе небольшой постскрипtum.

По свидетельству входившего в СССР во внешнюю партию и написавшего в эмиграции труд о партноменклатуре М.С. Восленского, одной из двух категорий мер предосторожности Власти в отношении Армии стали «социальные, преследующие цель обеспечить полную благонадежность военного руководства. Номенклатура в [советских] вооруженных силах была поставлена в особо привилегированные условия, чтобы военные номенклатурщики не завидовали партийным чинам. И в самом деле: свою страсть к властвованию и сановному чванству маршалы и генералы могут сполна удовлетворить в армии, и материально они обеспечены отлично; пускаться же в смертельно опасную авантюру государственного переворота для того лишь, чтобы в случае успеха стать самим в аппаратные кресла и заниматься нудным делом руководства, скажем, текстильной промышленностью, они не захотят. Военные номенклатурщики твердо усвоили, что путь продвижения в иерархии господствующего класса — выслуживание перед начальством и интриги против конкурентов, а не путчи»²⁵⁸⁵. Что это означает? По мере замены настоящих большевиков-пассионариев коммунистами-бюрократами высшее политическое руководство страны все меньше использовало метод «кнута» и все больше — «пряника». К концу 1930-х гг. И.В. Сталин ценой серьезного ослабления Красной армии выбил не только из маршальских и «генеральских» (комкорских), но и офицерских голов бонапартистскую дурь. Вплоть до падения Советской власти (даже в годы Великой Отечественной войны, когда по легенде И.В. Сталин выразился в том духе, что «все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы про...»²⁵⁸⁶) офицерская корпорация не смела даже помыслить о том, чтобы высоко поднять свою голову.

Осенью 1957 г. пришедший после смерти вождя народов к Власти Н.С. Хрущев избавился на всякий случай и от Г.К. Жукова, который в период очередного «коллективного руководства» набрал слишком большой политический вес, притом что после Великой Отечественной войны, при «позднем Сталине», сидел тише воды ниже травы. Как написал позднее в своих воспоминаниях уже снятый с поста первый секретарь ЦК КПСС: «Для меня это (снятие Жукова. — С. В.) было очень болезненным решением. Я бы даже сказал: надрывным для меня решением. У меня чувства боролись с разумом. Чувства мои были на стороне Жукова, с ним я много, много лет проработал и относился к Жукову с большим уважением. Из военных с Жуковым я был ближе других, как и с Тимошенко, они в свое время командовали войсками Киевского военного округа, мы часто встречались и по делу, и в товарищеской обстановке, вели непринужденные беседы. Я высоко це-

нил его и как военного. После отстранения от руководства Молотова, Маленкова и других, кто хотел возврата к сталинским порядкам, Жуков вошел в состав политического руководства, стал членом президиума ЦК. Он и вообще военные сыграли активную роль в подавлении инициативы молотовско-маленковской взбунтовавшейся группы. Но когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда»²⁵⁸⁷. Естественно, отстранения Н.С. Хрущевым от руководства человека, с которым его связывали «дружеские отношения»²⁵⁸⁸, требовали не иначе, как «интересы страны, интересы партии»²⁵⁸⁹. Однако ситуация была принципиально иная.

Закрытый доклад Н.С. Хрущева с сеансом разоблачения «культы личности» сделал свое дело: не в меру активный военачальник остался жив и даже впоследствии (после снятия первого секретаря ЦК) получил возможность посетовать на причиненную ему обиду.

Замечание М.С. Восленского — в военную номенклатуру во второй половине советского периода стали «отбираться люди, политической не интересующиеся»²⁵⁹⁰, — весьма показательно: вооруженные силы вернулись ко временам «гнилого царизма», когда, как вполне искренне считало русское офицерство, даже обучавшееся в вузах и досконально знавшее «О войне» К. Клаузевица и другие труды по стратегии, армия стояла «вне политики». Не случайно В. фон Бломберг обратил внимание на то, что именно над созданием «армии вне политики» не покладая рук трудился К.Е. Ворошилов. С той лишь разницей, что в Российской империи безопасность армии обеспечивала армия же (что, в частности, привело к призыву в годы Первой мировой войны таких элементов, которые нельзя было подпускать к ней на пушечный выстрел), при Советской же власти — специальные органы, до конца остававшиеся в т. ч. грозным предостережением для всех потенциальных Бонапартов. До конца Советской власти потому, что после предательства вооруженных сил последним лидером КПСС оказалась уместна одна из любимых пословиц вождя мировой революции: «Жила-была старлица под зеленым дубом. Пошла в баню париться — братья, возликуем! И, как баба умная, взяла пук мочала. Сказка эта длинная — начинай сначала» (цитируется по воспоминаниям одного из первых советских невозвращенцев Г. Соломона-Исецкого).

№ 3.2.1

Доклад командующего 5-й советской армией Восточного фронта М.Н. Тухачевского заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Скланскому об использовании военных специалистов и подготовке коммунистического командного состава, составленный по поручению В.И. Ленина

№ 212-К, г. Москва

19 декабря 1919 г.

Заместителю председателя
Революционного военного совета Республики
т. Скланскому

Доклад

Тов. Ленин поручил мне разработать те основания, которыми мы руководствовались в 5-й армии при проведении в ней коммунистического командного состава, и подать их в виде доклада на Ваше имя, в дополнение поданному уже ранее, о котором т. Ленину было мною упомянуто²⁵⁹¹.

Военные специалисты

У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела. Поэтому стремление создавать Красную армию на началах регулярных, а не кустарных выставило необходимость использования старых офицеров на ответственных командных постах. Это положение было бы совершенно правильно, если бы старое русское офицерство стояло на высоте, своего дела и было бы действительно знатоком этого дела.

На самом деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забытых и лишенных всякой инициативы.

Военная школа в старой армии была коренным образом реформирована после Японской войны, т. к. в последней офицерство выказало себя совершенно неподготовленным к современной войне²⁵⁹². Началась усиленная работа по переводу иностранной (особенно немецкой) военной литературы. Все это, конечно, дало хорошие результаты, но они стали обозначаться лишь к 1908—1910 годам. Ввиду этого, хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства.

Участь последнего такова. Значительная его часть, как наиболее активная, погибла в империалистической войне. Большая часть из

оставшихся в живых офицеров (наиболее активная часть) дезертировала после демобилизации и развала царской армии к атаману Каледину²⁵⁹³, единственному в это время очагу контрреволюции. Этим и объясняется обилие у Деникина хороших начальников. Среди старого офицерства способные начальники являются исключениями.

<Таким образом, на имеющихся в Красной армии офицеров нельзя смотреть, в их общей массе, как на знатоков военного дела, а тем более как на хороших командиров.>

Кроме офицерства, прошедшего курс военного обучения до войны, есть еще значительная часть офицеров, прошедших ускоренный курс во время войны²⁵⁹⁴. Подготовка таких офицеров, благодаря краткости курса, далеко не на высоте и для серьезного знакомства с военным делом им необходима серьезная работа по самообразованию. Сейчас мы видим многих из этих офицеров занимающими очень ответственные посты, и это указывает на то, что возможность командования вовсе не сопряжена с такими трудностями, чтобы они не были достижимы для наших партийных товарищей. Из среды этого скороспелого офицерства мы имеем больше хороших командиров, чем из среды старых офицеров.

Итак, мы не можем смотреть на общую массу старого офицерства как на знатоков военного дела, а тем более как на хороших командиров.

Только в службе Генерального штаба, в штабной работе, старое офицерство имеет преимущество перед новичками.

Доктрина Гражданской войны

Для того чтобы понимать характер и формы гражданской войны, необходимо сознавать причины и сущность этой войны. Наше старое офицерство, совершенно незнакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата. Поэтому генералам совершенно не понятны условия комплектования армии родственными классами при наступлении, условия обеспечения тылов в зависимости от классовой группировки населения, не понятна им зависимость между шириной фронта армий и ходом общей классовой борьбы, не знакомы им возможности в организации пролетариата и родственных им масс для обороны укрепленных районов и проч.

Словом, гражданская война — не только у нас, но и в других странах — в силу обстоятельств, сопровождающих вооруженную борьбу классов, неминуемо будет иметь одни и те же характерные особенности, в стратегических формах, как-то: громадная ширина фронта, малочисленность армий, условия комплектования, организация обороны и обеспечения фронтов и тыла путем использования

родственных классов, понижение техники, а также все проистекающие отсюда (известные иногда и генералам) особенности оперативных форм. Все эти особенности предполагаются в сравнении с формами войны национальной или империалистической.

Многие генералы и офицеры честно служат Советской Республике, но руководствуются в данном отношении идеей национальной, а не своей солидарностью с рабочим классом²⁵⁹⁵. Каждый офицер с удовольствием переименовал бы Красную армию в «народную»²⁵⁹⁶ и в полном смысле слова не понимает значения классовой армии. При таком уровне развития офицерства в политическом отношении ему, конечно, трудно понять основы гражданской войны, а как следствие того, и вытекающие из них оперативные формы. В пределах доклада я не могу обстоятельно развить этот вопрос.

В общем, редкость наших боевых порядков, меньшее значение техники в нашей войне (в сравнении с войной массовых армий) значительно облегчили технику командования.

Итак, с одной стороны, Гражданская война позволяет легче овладеть технической стороной командования, а с другой стороны, сознательная часть стратегии Гражданской войны в полной мере доступна лишь марксистам.

Эти же свойства Гражданской войны делают и организационную сторону армии делом марксистов.

Коммунистический командный состав

Приведенные выше соображения и доказательства указывают, что проведение в армии коммунистического командного состава не встречает серьезных препятствий со стороны знания военного дела.

<Институт военкомов, долгое время стоявший у управления войсками, даже принимавший в нем самое существенное участие, безусловно, настолько ознакомился с вождением войск, что часть военкомов сразу же может [командовать войсками].>

Наоборот, мы видим, что на офицерский корпус мы не можем рассчитывать как на отличный командный состав. Мы принуждены создавать свой, коммунистический, командный состав, который будет не только энергичным и самостоятельным, не только позволяющим Коммунистической партии надежно проникнуть в массы Красной армии и обеспечить ее за собой, но это одновременно будет и шагом вперед в отношении осмысленного руководства армией на войне.

Словом, проведение коммунистического командного состава является большим шагом вперед к регулярным формам классовой армии от форм неорганической смеси <старого офице[рства]> красноармейцев со старым офицерством, неизбежной неприятной импровизации при лихорадочно спешном создании армии.

Среди военкомов и младшего комсостава есть много достойных быть командирами на ответственных постах. Надо только дать широкий простор для продвижения и широко назначить военкомов на командные должности, давая некоторым из них краткую теоретическую подготовку. Во всяком случае, все военкомы из бывших офицеров или унтер-офицеров должны быть сразу обращены в командный состав.

Нужно только бросить лозунг о переходе к коммунистическому командному составу (в главной массе) — и этот командный состав появится, т. к. он уже имеется налицо в скрытом виде.

Эта мера создаст легкий путь для перехода к единоначалию, насущнейшей задаче момента.

В 5-й армии уже давно выкинут этот лозунг, и командный состав в ней весь коммунистический, а боевая действительность доказывает и превосходство его над старыми генералами и старыми офицерами.

Неспособные военспецы (а их большое множество) должны отстраняться. Их места занимают молодые и способные революционные начальники.

<Итак, коммунистический командный состав проводится путем отстранения негодных военспецов и путем заполнения этих мест военкомками и из числа младшего командного состава.>

Организация военно-учебного дела для этой цели уже излагалась в первом докладе²⁵⁹⁷.

Порядок продвижения

Очень часто у нас на ответственные должности назначения делаются не из числа младших, отличившихся начальников, а из числа тыловых работников, старых военспецов. Этот порядок очень тяжел для фронта. Начинают проводиться стратегические и тактические приемы, не соответствующие обстановке, младшие революционные начальники не считают этих начальников авторитетами — и в общем дело не клеится.

Необходимо дать широкий простор к продвижению молодому нарождающемуся революционному командному составу, наиболее способному и необходимому для Красной армии.

В низах много способных начальников. Они всюду имеются. Не надо только бояться давать им быстрое и свободное продвижение вперед, и тогда мы быстро обогатимся блестящими военачальниками в нашей доблестной Красной армии.

Командарм

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 189 с об.—200. Черновой автограф простым карандашом. *Подлинник опубли. без контрольно-справочных сведений в сб.: Тухачевский М.Н. Избр. произв. / Сост.: Г.И. Оськин, П.П. Чернушков. Т. 1. М., 1964. С. 27—30²⁵⁹⁸. Печатается по тексту РГВА.*

№ 3.2.2

**Соображения командующего войсками Тамбовской губернии
М.Н. Тухачевского о возможности создания к 1923 г.
«Красного Генерального штаба»²⁵⁹⁹**

*Не позднее 25 июля 1921 г.*²⁶⁰⁰

*Записка*²⁶⁰¹ (о Красном Генеральном штабе)²⁶⁰²

***I. Необходимость немедленного создания
Красного Генерального штаба***

Настоящая записка составляется, во-первых, в ответ на соображения и проекты 1-го помощника начальника Штаба РККА²⁶⁰³, а во-вторых, для изложения моего собственного взгляда на дело создания Красного Генерального штаба.

Отсутствие хорошо подготовленного, высокоавторитетного в революционном отношении Генерального штаба сейчас, в период реорганизации Красной армии²⁶⁰⁴, особенно чувствуется — и чем дальше, тем чувствоваться будет больше.

Необходимо добиться, чтобы Генеральный штаб включил в свой состав наиболее ответственную и активную часть военных коммунистов, которые и до сих пор играли в судьбах Красной армии первостепенную роль. Армия, руководимая РКП, не может иметь Генерального штаба, оторванного от нее, беспартийного, как бы находящегося у нас на службе. В своей массе Красный Генеральный штаб должен быть коммунистическим, и это необходимо провести в жизнь срочно, хотя бы и не доведя его сразу же до желаемого совершенства в военнотехническом отношении.

При этом необходимо заметить, что значительная часть старых генштабистов выродилась, потеряла инициативу, и работоспособность, и сообразительность.

С другой стороны, и в Кронштадтских операциях, и в нынешнем Тамбовском сидении я убедился, что значительная часть слушателей Красной [академии] Генштаба вполне подготовлена к занятию даже ответственных штабных должностей. Под руководством одного опытного старого генштабиста²⁶⁰⁵ Штаб [РККА], состоящий из одних красных генштабистов, работает прекрасно, работа кипит во всю.

Опыт 3-летней гражданской войны, с ее тяжелыми организационными и боевыми сторонами, сделал свое дело, придав необычную для других времен гибкость и навык в работе всем ее участникам. Наша первейшая задача — это выйти из периода доморощенного и анархического разрешения вопросов организации и руководства в Красной армии путем случайных и неисчислимых комиссий и подкомиссий, и надо передать это дело организованному и компетентному органу — Красному Генеральному штабу. Поэтому этот штаб

надо создать сейчас же, не смущаясь тем, что у него будет некоторый недостаток военно-технических навыков.

II. Размеры Генерального штаба Красной армии

I. В мирное время

Мы будем иметь: 32 стр. дивизии, 14 кав. див[изий], 25 отд. стр. бригад.

Следовательно, Ген[еральный] штаб должен (минимально) включать в себя следующее число должностей: наштадивов — 46, помнаштадивов — 92, наштабригов — 145, помнаштабригов — 290; итого — 573.

На эти должности, как видно из доклада 1-го помощника начальника Штаба РККА т. Шапошникова начальнику Штаба РККА²⁶⁰⁶, можно выделить старых генштабистов только 106 человек.

Следовательно, для Красной армии в мирное время необходимо подготовить немедленно же 467 генштабистов.

Здесь я не принимал в расчет ни штабов округов, ни центральных учреждений, а в них во всех большей некомплект активных генштабистов.

II. В военное время

В военное время мы будем иметь до: 60 стр. див[изий], 28 кав. див[изий]. Для чего потребуются генштабистов: наштадивов — 88, помнаштадивов — 176, наштабригов — 264, помнаштабригов — 528; итого — 1056.

Учитывая наше то же [самое] наличие в 106 генштабистов, мы увидим, что к войне мы должны подготовить 950 генштабистов.

Эти цифры ясно показывают, что мы не можем задаться целью прохождения слишком длительных стажей для перечисления²⁶⁰⁷ в Генеральный штаб. Сама жизнь заставляет эту меру производить быстро, имея целью в дальнейшем усовершенствовать генштабистов в процессе самой службы Генерального штаба.

III. Пополнение Генерального штаба

— В мирное время

В АГШ имеется: на 1-м курсе — 182 чел., на 1-м²⁶⁰⁸ курсе — 231, на 1-м курсе²⁶⁰⁹ — 134 чел.; итого — 547.

В 1923 г. можно ожидать окончания академии всеми этими слушателями. Следовательно, через два года мы можем заместить все должности Генштаба лицами, прослушавшими полный курс Академии Генерального штаба.

Это не означает, что все кончающие академию сразу же зачисляются в Генеральный штаб. Зачисление непременно должно служить средством поощрения и переводить в Генштаб надо за заслуги: или [за] блестящее окончание академии, или [за] успешное выполнение службы Генерального штаба в войсках. Но этот перевод, во всяком случае, не должен затягиваться более полугода или года.

Опять повторяю, что этого не следует бояться, т. к. Генеральным штабом в каждой армии приходится считать то, что фактически выполняет всю службу Генерального штаба. Если у нас состав лиц, ведающих эту работу, слабо подготовлен, то это должно означать, что Красный Генеральный штаб слаб. Надо усиленно заняться его воспитанием и подготовкой, но этого легче всего достигнуть, когда общая масса новичков будет зачислена в Генеральный штаб и уже одним этим будет энергично подтягиваться на своих постах.

— *В военное время*

В военное время для полевых дивизий нам понадобится 1056 генштабистов.

Считая 547 слушателей академии и 106 старых генштабистов, мы получим некомплект в 403 генштабиста.

Эту цифру очень трудно покрыть, но т. к. война может разразиться каждую минуту, то следует, во-первых, усиленно продолжать комплектование АГШ и, во-вторых, временно подготовить хотя бы посредственных заместителей лиц Генерального штаба, подучив их на курсах штабной службы²⁶¹⁰.

Между прочим, при производящейся реорганизации Красной армии необходимо проследить, чтобы ни один штабной работник (до нач[альников] отделений включительно) не пропал бы для штабного дела. Их всех надо собрать и заняться обработкой одних в АГШ, а других — на курсах штабной службы.

III. Усовершенствование Генерального штаба

Можно считать, что в 1923 г. мы уже создадим Генеральный штаб Красной армии.

Примерно с этого года мы получим возможность действительной, планомерной подготовки и усовершенствования Генерального штаба.

Но частично, но по мере выпусков из академии, эта работа будет производиться и ранее.

Усовершенствование будет заключаться: а) в отбывании строевого ценза; б) составление письменных докладов и отчетов по службе; в) обязательное составление военно-учебных трудов; г) решение задач, военная игра, полевые поездки и проч.; д) командировки за границу и т. д., и т. д.

Отбывание ценза в течение ближайших лет не должно быть велико, т. к., во-первых, тогда некому будет работать в штабах и, во-вторых, чего нельзя забывать, почти все у нас — не только слушатели академии, но и лица штатские — уже многие годы находятся на войнах и многое в военном деле знают практически.

С этой стороны надо отметить, что многие старые генштабисты нуждаются в отбывании строевого ценза зачастую более, чем красные генштабисты, т. к. вовсе оторвались от жизни и не знают ни Красной армии, ни Гражданской войны.

Отбывание строевого ценза должно носить характер примерно такой, как сейчас: слушатели Академии Генерального штаба отбывают на фронтах строевой и штабной практический стаж, не нарушая текущего ученья в академии²⁶¹¹.

IV. Дальнейшее прохождение службы

В дальнейшем, если будет продолжаться мирное время, то прохождение службы генштабистами примет более регулярные формы и отбывание строевого ценза будет более длительным.

Когда основной кадр Красного Генерального штаба будет создан, то ко всем последующим выпускам из Академии Генерального штаба могут быть вполне применены Правила прохождения службы, предложенные т. ШАПОШНИКОВЫМ²⁶¹², с длительными сроками для отбывания ценза. О кое-каких изменениях поспеем еще натолкнуться в свое время.

V. Заключение

Итак, основная мысль настоящей записки — это необходимость немедленного создания Генерального штаба, и притом обязательно Красного.

Практически этого можно достигнуть: а) исключением из списка Генерального штаба всех белых элементов и б) широким включением в Генеральный штаб красных элементов из Академии Генерального штаба.

Этими мерами Красному Генеральному штабу будет придана политическая устойчивость, качество его понижено не будет, т. к. фактически — в полном значении этого слова — Генерального штаба у нас в Красной армии нет вовсе и, кроме того, слушатели Академии Генерального штаба уже на деле доказали свою способность к работе. Наконец, дальнейшая обработка Красного Генерального штаба окончательно поставит его на должную высоту.

В революционную эпоху как создание армии, так, конечно, и создание Генерального штаба есть дело не эволюционное, а революционное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Серьезный опыт по «закручиванию гаек» был накоплен Властью в ходе Первой русской революции по итогам политического кризиса, разразившегося вследствие проигрыша нашей страны в войне с Японией. Рядовой «зачисткой» столиц дело не ограничилось, фактическое подавление революции, прикрытое фиктивным «ограничением самодержавной власти» Манифестом 17 октября, который «гарантировал» народу «незыблемые основы гражданской свободы», привело в политическом плане к жесточайшей реакции, а в государственном — к усилению аппарата подавления.

Организация в 1905 г. Совета государственной обороны представляла собой попытку великого князя Николая Николаевича создать в России Большой Генеральный штаб на германский манер, которая была предпринята абсолютно логично, поскольку по стопам Пруссии — Германии пошли Японская и Австро-Венгерская империи. Вследствие думской критики и недееспособности Совета государственной обороны, связанной с крайне широким персональным составом, отсутствием осознания великим князем масштабности стоявших перед государственной властью задач и его неумением подбирать и расставлять квалифицированные кадры, российская попытка обернулась полным крахом, однако самая идея выжила и впоследствии принесла свои плоды.

Николай Николаевич получил второй шанс на реализацию своих политических амбиций, поучаствовав во время Первой мировой войны (на вступление в которую он повлиял ничуть не меньше Сазонова и К^о) в дискредитации военного министра Сухомлинова и тем самым в подрыве бюрократического аппарата как основы царской власти, однако был своевременно смещен императором, при этом решившимся на непростительную для «Хозяина земли Русской» авантюру с Верховным главнокомандованием.

Ко второй половине 1916 г. в военных и общественных кругах окрепло убеждение в необходимости установления диктатуры в тылу,

что было абсолютно оправдано условиями Первой мировой войны, участие в которой обернулось для нашей страны настоящей трагедией.

После отречения Николая II и прихода к власти недееспособного Временного правительства, вынужденного действовать с постоянной оглядкой на Петросовет и его Исполком, в общественных кругах, вполне упившихся, если по более позднему роману М.А. Булгакова, полученной свободой, вновь появилось стойкое убеждение в необходимости сильной руки, а в армейских таковое как часть «воспитания личного состава» в любой нормальной армии только окрепло. Это предопределило возникновение идеи скорейшего установления военной диктатуры и создание многочисленных полувоенных контрреволюционных организаций.

В связи с общим развалом вооруженных сил, гибелью многих офицеров-«пассионариев» в ходе июньского наступления русской армии 1917 г., поражением вызревшего «заговора Корнилова», опиравшегося в политическом плане на «Республиканский центр», а в военном — на контрреволюционную офицерскую организацию Крымова, «генеральская альтернатива» окончательно выдохлась, поскольку на смену таким кандидатам в диктаторы, какими были Николай Николаевич с его амбициями и Корнилов с его «свитой», пришли Маниковский, который по самомнению мог дать сто очков вперед Троцкому, но который не был способен утвердиться в качестве признанного лидера даже в центральном военном аппарате, позволивший полностью изолировать себя в Ставке Духонин, авторитетный Щастный, который напрасно не отказался от вызова в столицу, и экзальтированный Муравьев, от которого в ужасе откrestился левозеровский ЦК задолго до политического разрыва с большевиками.

После захвата власти РСДРП(б) ее «вождь» Ленин сделал все во избежание военного переворота, опасаясь как видных деятелей армии и флота, так и своих собственных товарищей по партии, поставленных на руководящие посты в военное ведомство. Первая попытка установления некоей военно-партийной диктатуры была предпринята в феврале 1918 г. председателем ВЦИК Свердловым, который замыслил создание Комитета революционной обороны страны, обернувшееся сформированием громоздкого Комитета революционной обороны Петрограда с крайне узкой компетенцией. В связи с полным крахом вооруженных сил вождь пошел в марте 1918 г. на назначение высшим руководителем РККА опасного товарища по ЦК — Троцкого, накиннув на его шею «узду» из старых большевиков.

Как в пару к Николаю Николаевичу в 1914 г. был подобран Сухомлиновым и назначен Николаем II генерал Янушкевич, заведомо не способный к занятию ответственной должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, так и в 1918 г. Лениным была составлена «свита» назначенному председателем Высшего военного совета Троцкому — из лично преданных людей, которые по опреде-

лению не были готовы к ответственной военной работе, но при этом всегда держали вождя мировой революции в курсе происходящего в ключевом ведомстве. Методы удержания власти в Советской России использовались те же, что ранее в Российской империи — правда, более успешно.

Коррективы в планы Ленина по ограничению влияния Троцкого внесло ранение вождя 30 августа. 2 сентября наиболее авторитетными после Ленина цекистами Свердловым и Троцким на заседании ВЦИК было проведено «в советском порядке» принятое Бюро ЦК РКП(б) решение о создании нового высшего чрезвычайного государственного органа — Реввоенсовета Республики во главе с формальным диктатором Троцким, однако такая рокировка в верхах вызвала протест в Центральном комитете, облегчивший вождю возвращение всей полноты власти после выздоровления. Оправившись от ранения, Ленин пополнил состав РВСР своими креатурами и создал 30 ноября новый высший внеконституционный государственный центр — Совет рабочей и крестьянской обороны.

И свердловский проект создания Комитета революционной обороны страны в марте и создание Свердловым и Троцким Революционного военного совета Республики в сентябре 1918 г. представляли собой попытки бонапартистской корректировки процесса становления советской политической системы. Однако в связи с тем, что реальное противостояние не выходило далеко за рамки узкой группы членов и кандидатов в члены ЦК РКП(б), пусть Свердлову и Троцкому и сочувствовали партийные радикалы из вчерашних левых коммунистов, ситуация межфракционной борьбы в условиях резкого ухудшения военно-политической обстановки РСФСР в сентябре 1918 — марте 1919 г. была в принципе невозможна. Отсюда и изящный аппаратный ленинский финт с созданием Совета Обороны. Во время становления этого Совета как нового центра власти вождь поощрял апелляции большевиков, находившихся на военной работе, к большевистскому ЦК и решение армейских вопросов партийными органами в обход Троцкого.

Ленину, в отличие от Николая II, не требовалось сазоновских объяснений о том, «что функция Верховного Вождя всех вооруженных сил империи гораздо шире, чем обязанности главнокомандующего», и о том, что «что Верховный Вождь военных сил Империи должен был, по означенным соображениям, пребывать в центре государственного управления, не покидая его в такую ответственную минуту». Не взваливая на свои плечи груз ответственности за происходящее на фронте, как это сделал Николай II, предоставивший всем врагам самодержавия повод для постоянной критики, Ленин стал руководить обороной РСФСР по факту — через Совет Обороны — и при этом не дал своим явным и тайным противникам ни малейшего повода для сплетен.

Сталин лишь использовал бесценный опыт своего «учителя», когда в 1941 г. создал прямой аналог ленинского Совета обороны образца 1918 г. — Государственный комитет обороны СССР. С единственной поправкой — в условиях физического устранения в 1930-х — 1940-м гг. своих оппонентов во власти из «ленинской» партии и реальной угрозы потерять всё в случае победы Германии во Второй мировой и, в частности, Великой Отечественной войне, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), списав неудачи первых дней на генерала армии Д.Г. Павлова, принял-таки на себя ответственность за судьбу Красной армии и Советской власти. Как и в 1915 г., речь здесь фактически шла о «теснейшем сосредоточении всей военной и всей гражданской власти, а равно объединении боевого командования с направлением всех частей Государственного управления». С поправкой — еще и партийного.

Подчеркнем идейную преемственность следующих властных институций: Совета государственной обороны под председательством Николая Николаевича (1905²⁶¹³), Реввоенсовета Республики под председательством Троцкого (1918), Совета рабочей и крестьянской обороны под председательством Ленина (1918), Государственного комитета обороны СССР под председательством Сталина (1941). Все эти органы были явлениями одного порядка. Добавим к этому проекты Свердлова об организации Комитета революционной обороны страны и Троцкого о создании Высшего совета народной обороны, самое название которого сразу вызывает стойкую ассоциацию с почившим в 1908 г. в бозе Советом государственной обороны. Обратим внимание и на различия: когда во главе указанных органов вставали фактические лидеры страны (Совет рабочей и крестьянской Обороны, Государственный комитет обороны СССР), они оказывались реальными властными институтами, когда же этого не происходило (Совет государственной обороны, Реввоенсовет Республики), новые органы реальными центрами власти не становились. В условиях нашей страны в полемике Свечина и Шапошникова о примате военного и политического начала явно были более логичны построения второго: вся полнота военной власти должна быть сконцентрирована в руках партийно-политического руководства.

Как в 1880 г. вместо задуманной «Верховной следственной комиссии с диктаторскими на всю Россию распространенными компетенциями» была учреждена Верховная распорядительная комиссия, действовавшая «в Петербурге и его окрестностях», так в и 1918 г. вместо Комитета революционной обороны страны был учрежден Комитет революционной обороны Петрограда: в обоих случаях пределы полномочий были ограничены *реальными* руководителями (Александром II, В.И. Лениным) территориальными рамками.

В 1919 г. все точки над «i» расставил VIII съезд РКП(б). Свердлова аккуратно перед его открытием со всеми почестями похоронили

в Кремлевской стене, а Троцкого застрашали военной «оппозицией», которая могла смести ненавистного старым большевикам председателя РВСР. В появлении этой «оппозиции» был виноват один Троцкий, развязавший в 1918 г. в Свияжске расстрелом военного комиссара Пантелеева то, что не могло не быть воспринято «железной фалангой большевиков-ленинцев» иначе, как массовым красным террором *против своих, партийных работников*. (Смерть Свердлова от «загадочной испанки» вызывает некую параллель с самоубийством генерала Крымова — серого кардинала при несостоявшемся диктаторе Корнилове.)

Зиновьев, обобщив на XIV съезде РКП(б) — ВКП(б) 1925 г. опыт предыдущих партийных дискуссий, сделал вывод о том, что «очень часто мы (большевики. — С. В.) дискутируем по этикеткам, по значкам, по символам, которые фигурируют в печати, в то время как мы дискутируем, по существу дела, по другим вопросам»²⁶¹⁴. Военная дискуссия исключением не явилась: если в 1918 г. действительно обсуждался вопрос о постановке на ответственные посты бывших генералов и офицеров, то в 1919 г. дискутировался прежде всего вопрос о власти председателя РВСР Троцкого в армии и в стране, а к 1920 г. обсуждение было поднято на принципиально новую высоту — о соотношении единоличного (условно «милитаристского») и коллегиального («партийного») начал в советском военном строительстве.

Мехоношин в воспоминаниях о первых шагах коллегии Наркомата по военным делам зафиксировал свои впечатления от гигантской аппаратной машины Военного министерства, доставшейся большевикам в наследство от Временного правительства и опосредованно от Российской империи. Ключевой стала фраза об осознании того факта, что «не мы его, а он нас переделает»²⁶¹⁵. Большевицкие вожди, и прежде всего Троцкий как «пламенный борец» 1920-х гг. со сталинскими партийными аппаратчиками, ставший в годы Гражданской войны де-факто крестным отцом военной бюрократии советского разлива, быстро усвоили традиции кастового военного ведомства. Поезд Троцкого стал калькой с вагона Сухомлинова и поезда Николая II — неким автономным подразделением военного аппарата и символом роскоши. С незначительной разницей: в условиях относительной свободы слова после Манифеста 17 октября (Николай Николаевич на следующий же день после вступления России в Первую мировую войну прикрыл газету «Речь»²⁶¹⁶, заткнув тем самым рты части потенциально оппозиционной прессы, однако цензурные меры оказались явно недостаточны) «прогрессивная общественность» с подачи Гучкова и думцев поливала военного министра грязью за «великолепный» служебный вагон, а после сворачивания независимой от большевицкой власти прессы и с учетом пристрастия к роскоши руководящего ядра РКП(б) (Ленин и Сталин были редчайшими исключениями из общего правила) Троцкому с его «летучим аппаратом

управления» в ходе внутривнутрипартийной борьбы поставили в строку дезорганизацию фронта в годы Гражданской войны, но не его материальные «излишества».

Генштабисты 1917 г., молодые и амбициозные выпускники старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии (1918), составили костяк военных специалистов Оперативного отдела Наркомвоена, а летом 1918 г. идеолог выпуска Теодори занял один из трех (наряду с должностями военного руководителя Высшего военного совета и главнокомандующего войсками Восточного фронта) ключевых технических постов в Красной армии: начальника штаба Оперода Наркомвоена. Кроме того, его сокурсник Майгур стал начальником штаба Восточного — единственного в то время — фронта. Становление системы военно-политических органов Советской России завершилось к сентябрю 1918 г., когда был создан Реввоенсовет Республики как формально внеконституционный государственный центр, проведены последние мероприятия в рамках масштабной реорганизации центрального военного аппарата РСФСР. Постепенное слияние красновардейских отрядов и частей, т. н. Завесы, в единую Красную армию весной—летом 1918 г., создание сверхцентрализованной системы органов высшего военного руководства и центральных органов военного управления предопределили слияние Оперода со Штабом Высшего военного совета — Реввоенсовета Республики в единый Полевой штаб РВСР, в руководящих кадрах которого генштабисты 1917 г. оказались бы попросту «растворены», если бы не корпоративная спайка, ставшая возможной в революционных условиях, когда после Февральской революции народились всевозможные союзы, направленные на сохранение офицерства «как класса» в условиях разгула солдатской стихии и мести вчерашним «золотопогонникам» за былые притеснения со стороны распоясавшихся «серых шинелей».

Созданию единой касты «молодых генштабистов» в рамках «Красной Ставки» способствовал и личный конфликт между достаточно молодым и безмерно амбициозным старостой старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии Теодори и находившимся в полном расцвете сил бывшим генералом Костяевым. Сложилась крайне двусмысленная ситуация, при которой генштабисты 1917 г. находились при военной власти, но не во власти. В условиях «прессинга» со стороны Костяева и других «старых генштабистов» попавшим в подчиненное положение генштабистам 1917 г. как некоей советской военной протогруппировке оставалось лишь еще больше сплотиться и сориентироваться на главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики Вацетиса, не имевшего опоры в офицерских кругах. Все это явилось предпосылкой к образованию группы давления в Полевом штабе РВСР. А группы давления несовместны с большевистскими представлениями о

власти, и прежде всего — о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства. В этом — истоки последующих конфликтов в военной верхушке 1919 г. (да и последующих лет).

Раскручивание дела «Ставка», по крайней мере:

1) пошатнуло «военный престол» Троцкого, который вроде бы даже признавался годом позднее (1920), что он с ВЧК «на ножах»²⁶¹⁷;

2) привело к «обновлению» персонального состава Реввоенсовета Республики, в результате которого в этом Совете оказалось больше ставленников Ленина, чем Троцкого и покойного Свердлова; причем удельный вес в партии «члена РВСР» Гусева с точки зрения любого старого большевика был вполне сопоставим с удельным весом председателя Совета, поскольку Гусев был в числе основателей, наряду с вождем, «партии нового типа»²⁶¹⁸;

3) привело, в частности, к назначению нового главкома — С.С. Каменева, который принялся проводить в жизнь стратегический план, отличный от поддержанного Троцким плана Вацетиса;

4) обезглавило группу давления из «молодых генштабистов», осмелившихся предъявить ультиматум Ленину: в тюрьме оказались лидеры «выпуска 1917 года» — члены его «коллегии»;

5) подняло авторитет ВЧК, весьма ослабленный после охарактеризованного Д.С. Новоселовым почти полугодового кризиса ВЧК в целом, и ее Особого отдела, до определенного момента (август 1919 г.), как это показал А.А. Зданович, сохранявшего автономию от коллегии ВЧК и председателя комиссии.

Троцкий понимал, что нельзя строить армию без репрессий, и считал Особый отдел действительно необходимым для уничтожения разведывательно-подрывной деятельности противника в армии (и не только в ней) органом. Что действительно не устраивало главу военного ведомства, так это фактическая независимость Особого отдела ВЧК от Реввоенсовета Республики и его председателя — из телеграфного послания товарищам по ЦК от 23 июня 1919 г.: «Поскольку Особый отдел считает себя независимым от столь авторитетных органов, как реввоенсоветы, особые отделы впадают в оппозицию, занимаются мелким интриганством».

Дело «Ставка» не могло не вызвать крайне негативной реакции Троцкого: председателя РВСР обвинили в том, что он проглядел «контру» в собственном ведомстве (Троцкий фактически расписался в одной записке в ЦК, что он в Ставку вообще-то и набирал заведомых контрреволюционеров, прекрасно понимая, что своих, красных, штабных специалистов в распоряжении большевиков, мягко говоря, маловато), а в свете недавних обвинений Троцкого в терроре против партийцев это было серьезным политическим ударом. Предпринятая в июле 1919 г. высшим руководителем РККА попытка отстоять своих сотрудников в Политбюро ЦК РКП(б) окончилась неудачей, баланс сил в военно-политическом руководстве страны

сложился не в пользу Троцкого, и председатель РВСР вынужден был затаиться. Обреченное на провал повторное заявление о нецелесообразности арестов, сделанное сразу после первого, автоматически превращало главу военного ведомства в политический труп. Поэтому Троцкий выждал, когда можно будет вторично вступить за своих подчиненных — уже с козырями на руках.

По крайней мере, до сентября 1919 г. Троцкого мог в любой момент заменить его давнишний недруг Гусев, подведенный под председателя РВСР в качестве фактического лидера этого Совета: если бы Гусеву удалось успешно руководить военным ведомством, Ленин без труда собрал бы очередной партийный съезд, на котором уж точно утопил бы своего «товарища» по ЦК РКП(б). Это следует и из намека Политбюро от 5 июля 1919 г. о возможности для Троцкого «ускорить» IX «съезд партии». Что характерно, съезд этот состоялся в марте 1920 г., как и полагается, аккурат через год после VIII съезда, и ни одно предложение Троцкого об экстренном созыве верховного партийного органа в архивах пока не выявлено.

Характеризуя кадровые рокировки Сталина, Троцкий заметил в эмигрантском сочинении, что «политика не знает благодарности»²⁶¹⁹. Сам же Сталин как-то назвал благодарность «собачьей болезнью». При всей беспринципности и жестокости Ленин был подвержен этому «недугу»: когда знакомые просили заступиться за какого-нибудь арестованного губернской ЧК, он искренне пытался помочь. Случай с Вацетисом, спасшим вождя в июле 1918 г., исключением не явился: Ленину нужно было во что бы то ни стало снять его с поста и назначить такого главкома, который будет, имея поддержку в Реввоенсовете Республики, проводить стратегическую линию главы «рабоче-крестьянского правительства». Однако кара, постигшая в 1919 г. недалекого главкома, искренне уверенного, что армия находится «вне политики», была минимальной: он отделался непродолжительным заключением с возможностью написания мемуаров.

Председатель ВЦИК Калинин 20 октября 1919 г. вроде бы дважды повторил супруге генштабиста 1917 г. Доможирова: «Дело пустое, и „они“ (чекисты. — С. В.) теперь сознают, что держат Вашего мужа впустую»²⁶²⁰. Арестованных и вскоре отпущенных по «амнистии» генштабистов 1917 г. во избежание мести просто «раскидали» в разные места. Хуже всего пришлось Теодори, который был опасен в своем стремлении к Большому Генеральному штабу. За эту идею фикс он и занимался военно-исторической и военно-теоретической работой в заключении до января 1921 г. Правда, события 1919 г. не только не сломили его «твердости», но и мало чему его научили, судя по данным о его деятельности в Наркомате по военным делам РСФСР за 1927—1928 гг.

«Старые генштабисты» с раздражением смотрели на генштабистов 1917 г., осмелившихся поставить вопрос о своем уравнении в правах

с выпускниками полных трехгодичных курсов, и чинили им всяческие препятствия, не подозревая, что на смену молодым офицерам Русской императорской армии, относившимся к «старым генштабистам» с неким пиететом (отсюда, в частности, служебные письма Теодори Стогову), придут совсем иные люди.

Вскоре после того, как забылась история с Теодори, сокурсники которого стали побочной ветвью эволюции штабных кадров высшей квалификации — чем-то вроде неандертальцев в процессе становления человека, (вос)созданная в Советской России после бегства к белым Академия Генерального штаба РККА раскололась. Причина: наплыв в нее после завершения Гражданской войны на европейской части России слушателей из военных партийцев, не желавших обучаться «по науке». Начался процесс ломки старой системы обучения, заверченный после реорганизации Академии Генерального штаба РККА в Военную академию РККА под руководством назначенного ее начальником Тухачевского (1921). Последний, не имея высшего военного образования, к «старым генштабистам» пиетета не испытывал.

Если в 1918 г., оформляя во ВЦИК вместе со Свердловым учреждение Реввоенсовета Республики, Троцкий стремился создать сверхмощный орган, истинным предназначением которого являлось не руководство обороной Республики «в кольце фронтов», а выдвижение фронтов далеко за пределы Республики — с перспективой руководить мировой революцией, то в 1920 г. после политического фиаско во внутрипартийной борьбе 1918 — начала 1919 г. и в связи с явной отсрочкой мировой революции Троцкий ранее других лидеров партии сделал ставку на новые кадры. Важных вех было две, причем о первой не известно практически ничего, о второй — известно практически все. Первая — аппаратная, для кадрового насыщения советско-хозяйственного механизма: создание по инициативе Троцкого в составе АГШ РККА опытной психологической лаборатории для подбора и «обкатки» в военном ведомстве будущих руководящих кадров Советского государства. Вторая — политическая: курс на выдвижение в руководство РКП(б) молодежи как «барометра» (этот термин Троцкий взял из сленга первой четверти XX в.: «барометром общественного настроения»²⁶²¹ считались студенты) внутри- и внешнеполитических процессов. И в том и в другом случае речь шла об обновлении руководящего ядра партийного и государственного механизма. Создание ОПЛ Академии Генерального штаба как катализатор длительного процесса подготовки Троцким новых руководящих кадров Советского государства отчасти объясняет упорную и методичную деятельность Сталина и его партийного и карательно-репрессивного аппаратов по выкорчевыванию троцкистов из РККА, масштаб репрессий 1937—1938 гг. в отношении генералов и штаб-офицеров.

Академия Генерального штаба — Военная академия РККА, на момент назначения ее начальником Тухачевского (1921), рассматри-

валась в качестве фундамента для единой военной академии РККА, в состав которой должны были войти все действовавшие в то время военные академии. В данном контексте было вполне логично назначение ее начальником Тухачевского, рассматривавшего академию в качестве вуза, целью которого была подготовка военных кадров для мировой революции и ее штабов. С генштабистов 1917 г. началась целая серия конфликтов «отцов и детей» в Академии Генерального штаба, итогом которой стало формирование к концу 1920-х гг. по-настоящему красного, советского, корпуса офицеров Генерального штаба, с недоверием смотревшего даже на остатки «стариков» из генштабистов 1917 г. (не говоря уже о «реакционерах на военном-научном фронте», если использовать дефиниции Тухачевского и его сподвижников).

Тухачевский (которому для самореализации судьбой был отпущен значительно больший отрезок времени — в сравнении с Теодори) с его предложениями Ленину о необходимости создания «Красного Генерального штаба» и Зиновьеву — «генерального штаба III Коммунистического Интернационала», кипучей энергией по ломке учебного процесса в Военной академии РККА, многолетней враждой с Шапошниковым, Свечиным, Снесаревым и созданием собственной группировки в армии вызвал раздражение Ворошилова и недоверие Сталина. Это — предпосылка последующих чисток РККА 1930-х гг., связанных с искоренением «антисоветского военно-троцкистского заговора». «Заговор Тухачевского» (дело 1937 г.), как и «Заговор в Полевом штабе» (дело 1919 г.), представлял собой прежде всего ликвидацию грезивших идей Большого Генерального штаба групп давления в армии. Разница состояла лишь в том, что генштабисты 1917 г. действительно попытались оказать давление на большевистскую власть. Впрочем, для принятия репрессивных мер в условиях тоталитарного политического режима было вполне достаточно *потенциальной* угрозы давления. Для большевистской диктатуры, выросшей из треугольника 1917 г.: Керенский и Временное правительство, Корнилов и армия, Ленин и РСДРП(б) — группы давления (и уж тем более армейские) были неприемлемы.

Репрессии против бывших генералов и офицеров в рамках дела «Весна» и преследование оппозиционеров в 1929—1931 гг., а также партийную кампанию 1933 года следует рассматривать как две попытки развернуть в стране массовый террор — радикальное средство решения всех внутривнутриполитических проблем по образцу 1918 г. Правда, в новых реалиях изменился объект террора: он был определен более четко. В 1931 и 1933 гг. генеральный секретарь ЦК ВКП(б) террор локализовал, а в условиях стремительно меняющихся внешнеполитических реалий в 1937—1938 гг., которые были связаны с надвигавшейся Второй мировой войной — вдохновил и поощрил.

Генералитет Российской империи, а позднее «бывшие» генералы и постепенно сменившие их красные или почти красные (как гвардейский обер-офицер Тухачевский) командные кадры Красной армии продемонстрировали правоту тезиса Джорджа Бернарда Шоу о том, что «война — это настолько ответственное дело, что его нельзя доверять военным». За политическими амбициями, взаимными подсиживаниями (в порядке исключения, как у генерала Крымова, излишняя щепетильность, лишь подтверждающая общее правило) и неоправданной удачей терялись судьба Армии и будущее Страны. В данном случае, выбив по итогам т. н. Большого террора из «генералитета» бонапартистские замашки, Хозяин, несмотря на резкое ослабление Красной армии, добился в условиях надвигавшейся Второй мировой бойни полного единства военно-политического руководства, что, повторимся, стало одним из факторов нашей победы в Великой Отечественной войне. Только «союзники по антигитлеровской коалиции» могут отрицать, что Победу одержал великий советский, и прежде всего великий русский, народ под руководством Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), без разрешения «аппаратного» вождя которой высшее руководство Красной армии не смело и дышать.

Армия и Власть — важная научная проблема. Как только Власть ослабевает, Армия поднимает голову. Большевистская партия и ленинское правительство смогли накинуть «узду» (выражение Сталина)²⁶²² на руководство созданной ими в 1918 г. Красной армии, что стало одной из главных причин удержания большевиками государственной власти. Методом арестов и чисток, начавшихся в 1919 г. (дело отца-основателя ГРУ Теодори, дело «Ставка») и не прекращавшихся вплоть до начала Великой Отечественной войны, верхушке РККА вбили идею о том, что лучше довольствоваться материальными благами, чем досрочно отправляться на Донское. Однако и тогда недремлющее око органов государственной безопасности продолжало отслеживать степень лояльности военного руководства партийно-политическому. Судя по истории 1957 г., связанной с отстранением от власти Жукова, это было жизненно важно для партийных правителей. Как указал, процитировав известнейшую строку: «Да, „тяжела ты, шапка Мономаха“», в письме товарищу третий председатель Революционного военного совета СССР Ворошилов, «армия — инструмент сугубо тонкий и деликатный»²⁶²³.

Изучение идеи Большого Генерального штаба и военно-диктаторских альтернатив отечественной политической истории от великого князя Николая Николаевича до Маршала Советского Союза Тухачевского наводит на мысль о том, что Власть в России всегда найдет способ вогнать Армию «в колею» (выражение Троцкого).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поскольку в настоящей книге речь идет о событиях, произошедших после смерти Николая Николаевича Старшего (1831—1891), уточнение в принципе не требуется, но в исследовательской литературе оно стало делом привычки, поэтому данное уточнение иногда позволим себе и мы.

² **Каменев Сергей Сергеевич** (1881—1936) — полковник; командарм I-го ранга (1935). Русский. Из служащих (сын военного инженера-механика). Член ВКП(б) с 1930 г. *Образование*: Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище (1900), Николаевская академия Генерального штаба (1907). *Иностранные языки*: французский. *В советском военном ведомстве* с 1 апреля 1918 г. — военный руководитель Смоленского (с апреля 1918), Невельского (с мая 1918) районов Завесы; команд. Восточным фронтом (с сентября 1918); главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики (июль 1919 — март 1924). *В межвоенный период* — инспектор РККА (с апреля 1924); инспектор Штаба РККА; главный руководитель всех военных академий, по совместительству — главный руководитель по тактике Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (с февраля 1925); главный инспектор РККА (с 12 ноября 1925) и член РВС СССР (с 21 ноября 1925); нач. ГУ РККА (с августа 1926) и главный руководитель Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (с ноября 1926); член постоянного военного совещания при РВС СССР (с ноября 1926); 2-й зам. наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР (с мая 1927). *Участие в войнах*: Первая мировая война; Гражданская война, главнокомандующий Восточным фронтом — против войск Колчака. *Награды*: орден Красного Знамени, золотое оружие с орденом Красного Знамени; военный орден и орден Красной Звезды 1-й ст.; Хорезмской народно-социалистической республики (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 и сл.; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1963. С. 251).

³ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923—1938. Т. 2. 1926—1927 / Редколлегия тома: М.С. Астахова, А.Ю. Ватлин, Г.В. Горская. М., 2007. С. 594.

⁴ *Троцкий Л.Д.* Сталин / Ред. Ю.Г. Фельштинский. Т. 2. Chaldize publication, 1985. С. 107.

⁵ **Костяев Федор Васильевич** (1878—1925) — генерал-майор. *Социальное происхождение*: из кадровых военных. *Образование*: Николаевская академия Ге-

нерального штаба (1905). *В советском военном ведомстве* с 1918 (добровольно) — нач. штаба: Дновского (с 1918), Старорусского отрядов; ком. 2-й Петроградской пех. дивизии; пом. военного руководителя Петроградского ВО; нач. штаба Северного фронта (сентябрь—октябрь 1918); нач. Полевого штаба РВСР (с октября 1918); в распоряжении главнокоманд. всеми вооруженными силами Республики (с июня 1919); штатный преподаватель кафедры военной географии и полевой службы Генерального штаба Академии Генерального штаба РККА (с сентября 1919); член Комиссии по заключению мирного договора с Эстонией (с сентября 1919); член Российско-Украинско-Польской пограничной комиссии (1920). *В межвоенный период* — председатель Русско-Финляндской смешанной пограничной комиссии (с весны 1925). Под следствием по делу о «Заговоре в Полевом штабе Реввоенсовета Республики» (июль—сентябрь 1919) (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—1 об.).

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 204.

⁷ См.: *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930—1931 годы. М., 2000. С. 68 и след.

⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1.

⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1002. Л. 13 об.

¹⁰ **Тарасов Владимир Федорович** — капитан, генштабист 1917 г. *В советском военном ведомстве* — нач. 1-го отдела Регистрационного управления Полевого штаба. *Командировки*: в распоряжении командующего Южным фронтом (с 9 ноября 1918) (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 83).

¹¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 365 и сл.

¹² *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Империя ГРУ. М., 2000. С. 88.

¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 418.

¹⁴ **Павлуновский Иван Петрович** (1887—1940) — большевик; офицер военного времени; в ВРК при Ставке Верховного главнокомандующего; в Красной гвардии, Красной армии; первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК (с 18 августа 1919).

¹⁵ *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 84.

¹⁶ В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917—1922 гг.). М., 1987. С. 192—193.

¹⁷ Там же. С. 184 (коммент.).

¹⁸ **Ягода Генрих Григорьевич (Генрих Гершенович)** (1891—1937) — ефрейтор, генеральный комиссар Госбезопасности (1935). Еврей (родился в г. Рыбинск). *Социальное происхождение*: из мещан. *Революционная деятельность* началась в 1904 (наборщик в подпольной типографии). *Членство в партиях*: анархист с 1907 (?), РСДРП(б) с 1911. *Образование*: 8 классов Нижегородской гимназии. В ссылке (1912—1914). *Во время революции*: член военной организации при ПК РСДРП, член Петросвета (до октября 1917); участник издания газеты «Солдатская правда», Октябрьских событий в Москве; отв. редактор газеты «Крестьянская беднота» (ноябрь 1917 — апрель 1918). *В советском военном ведомстве*: управляющий делами ВВИ (апрель 1918 — сентябрь 1919). В органах ВЧК—ОГПУ—НКВД — на руководящей работе (с ноября 1919). *Участие в войнах*: Первая мировая война, ефрейтор 20-го стр. полка 5-го армейского корпуса, ранен. Репрессирован, расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁹ Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 124—134.

²⁰ Там же. С. 128.

²¹ См.: *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // ВИЖ. 2002. № 10. С. 34.

²² Архив ВЧК. С. 127.

²³ Там же. С. 131.

²⁴ Там же. С. 129.

²⁵ *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918—1922 гг. М., 2008. С. 20.

²⁶ См. подр.: *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? // *Родина*. 2009. № 5. С. 92.

²⁷ *Минаков С.Т.* Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2006. С. 213—214.

²⁸ Там же. С. 212.

²⁹ *Дойчер И.* Троцкий: Вооруженный пророк. М., 2006. С. 441—442.

³⁰ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 389.

³¹ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99.

³² *Дойчер И.* Указ. соч. С. 441; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3 (ПБ). Д. 24. Л. 1. Протокол заседания ПБ и ОБ ЦК РКП(б) от 3 сентября 1919 г.

³³ *Дойчер И.* Указ. соч. С. 439. Исследователь полагает, что Сталин настоял на смене 3 июля 1919 г. Вацетиса якобы своим ставленником С.С. Каменевым.

³⁴ См.: *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 68 и след. В июне—июле 1919 г. Красная армия терпела поражения на Южном фронте, а Петроград был под угрозой захвата Юденичем.

³⁵ **Орлинский Александр Робертович** — помощник комиссара, военком Управления 2-го пом. нач. (с января 1923), комиссар Организационного отдела (1924) Штаба РККА; в бессрочном отпуске (с марта 1924) (Реформа в Красной армии: Документы и материалы. 1923—1928 гг. Кн. 2. М.; СПб., 2006. С. 501).

³⁶ Правда. 1922. 5 июля.

³⁷ См. об этом подр.: Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку / Публ. А.А. Здановича // *Военно-исторический журнал*. 1996. № 3. С. 65—73.

³⁸ *Алексеев М.* Как создавалось ГРУ // *Секретное досье*. 1998. № 2. С. 44. М. Алексеев осторожно указал, что причастность к заговору офицеров в ряде случаев была «в ряде случаев действительной, а зачастую мнимой».

³⁹ *Колтакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 86—87.

⁴⁰ *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». М., 2008. С. 32.

⁴¹ См. подр.: *Молодцыгин М.А.* Красная армия. М., 1997. С. 164.

⁴² См. подр.: *Войтиков С.С.* «Железная когорта ленинской гвардии». К вопросу о вождях большевистской фракции и партии в 1903—1930-е гг. // *Военно-исторический архив*. 2015. № 4(184). С. 60—74.

⁴³ См. напр.: *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 179.

⁴⁴ См.: *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч.; *Минаков С.Т.* Указ. соч.

⁴⁵ **Аралов Семен Иванович** (1880—1969). Из купцов. В революционном движении с 1903. *Членство в партиях*: социал-демократ, меньшевик-интернационалист; большевик. *В старой армии* — штабс-капитан — зав. Оперативным отделом МВО — Наркомвоена (январь — сентябрь 1918); член РВСР (сентябрь 1918 — июль 1919) и военком Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918 — июль 1919); член РВС 12-й армии Каспийско-Кавказского фронта (июнь 1919 — ноябрь 1920) (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 596).

⁴⁶ **Кедров Михаил Сергеевич** (1878—1941) — советский партийный, государственный и военный деятель. Русский. *Социальное происхождение*: из

потомственных дворян. *Образование*: учился на юридическом факультете Московского университета (1897—1899) — исключен за революционную деятельность. *Иностранные языки*: по крайней мере, основные европейские. *За границей*: Швейцария, Берн (1912—1915). *Какие знал специальности*: врач, юрист. *Занятия до 1917* — врач. *В революционном движении с 1899* — участвовал в студенческих бунтах; участвовал в 1-м социал-демократическом кружке в Ярославле (1900); один из организаторов студенческого исполкома, проведенного в марте 1901 забастовку в Демидовском юридическом лицее, член Нижегородского комитета РСДРП (1900—1901); один из руководителей студенческого движения в Ярославле и член Ярославской организации РСДРП (1901—1902); в социал-демократической организации Симферополя (весна—август 1902). *Членство в партиях*: Северный рабочий союз — РСДРП — РСДРП(б) с 1901 — принят Нижегородским комитетом. *На партийной работе* — входил в большевистскую группу в Берне (1912—1915). *Репрессии при царском режиме* — в заключении: в Ярославских арстантских ротах (1901), Ярославской губернской тюрьме (февраль 1902), московской Таганской тюрьме (1902), Коломенском доме предварительного заключения (1908?), Крестах (1908), административной ссылке; неоднократно подвергался административной высылке — под особый надзор в Ярославль (1902), Хотин, затем в Вологодскую губернию (1903); пианист-виртуоз, устраивал концерты для пополнения большевистской кассы (с конца 1904); в Перловке под Москвой устроил связную дачу, служившую местом явок членов партии, школой стрельбы и лабораторией по изучению взрывчатых веществ (с марта 1905); один из организаторов по постановлению ЦК РСДРП неоконченного подкопа под Таганскую тюрьму для освобождения членов ЦК Баумана, Носкова и др., арестованных на квартире Л. Андреева (с августа 1905); организатор боевой дружины и член Костромского комитета РСДРП (с октября 1905); после разгрома организации на нелегальном положении (1906) — под фамилией Иванов организатор концертов для нужд РСДРП; организатор редакции «Зерно» в Петербурге; в большевистской организации в Берне (1912—1915). *Во время Февральской революции* — председатель единственного на тот момент в Закавказье Совета Р. и С.Д. в Шерифханском районе, член Краевого совета Кавказской армии (февраль—апрель 1917); секретарь Оргбюро большевистского военного съезда (с мая 1917); зав. «Солдатской правдой», член Всероссийского солдатского бюро большевиков. Член ВЦИК 6-го созыва; уполномоченный ЦК по Южному фронту (июнь—июль 1919); ответственный по ячейке фабрики Жиро (1920); член Бакинского совета (с марта 1921). *После Октябрьского переворота* — председатель Омского совета Р. и С.Д. Член Военной организации при ПК РСДРП(б). *В советском военном ведомстве* — зам. наркома по военным делам и комиссар по демобилизации (с ноября 1917); «командующий Северо-Восточным фронтом против англо-французов»^{1*} (август—октябрь 1918); председатель РВС Гомельского укрепленного района (август—ноябрь 1919). *На советской работе* — организатор разгрузки Архангельского порта (весна 1918); председатель инспекционной комиссии советской ревизии по Архангельской, Ярославской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Вологодской, Череповецкой и Северодвинской губерниям (с мая 1918); чрезвычайный комиссар по разгрузке Московского ж.-д. узла (с конца октября 1918); председатель т. н. «Кедровской врачебной комиссии» по снабжению медперсоналом Красной армии (с [января] 1919); член

коллегии НКВД (с марта 1919); зав. лагерями принудительных работ РСФСР (весна 1919); председатель Чрезвычайной комиссии по улучшению санитарного состояния Республики при СТО РСФСР — занимался борьбой с сыпным тифом в Дальневосточном регионе, в Сибири, на Украине и Юго-Востоке (ноябрь 1919—апрель 1920); член коллегии НКВД (организатор Холмогорского, Соловецкого, Пертаминского и др. лагерей (1920); полпред Главкомтруд (1920); уполномоченный ВСНХ (1920), уполномоченный Главвода (1920); организатор Архангельской РКИ, член Архангельского губкома (1920); ученый консультант Адоздравдет (1920); председатель Комиссии по изучению трудовых процессов при Психоневрологическом институте в Москве (1920); уполномоченный СТО по рыбным промыслам Южного Каспия, председатель Бюро содействия нефтяной промышленности, транспорту и Красной армии (с марта 1921); председатель Бюро содействия транспорту в Астрахани (1922); уполномоченный Наркомпути на Крайнем Севере (1923), председатель Правления Снабтранса (с конца 1923); Управляющий Госпосредником ВСНХ (1924), председатель Оргбюро Акционерного общества по обслуживанию промышленности и транспорта, член Бюро ячейки Акционерного общества [«Апто»] (с мая 1924). *Участие в войнах:* Гражданская война, глава советской военной контрразведки. *В органах ВЧК* — член коллегии ВЧК (с декабря 1918), зав. Военным отделом (с января 1919), председатель Особого отдела ВЧК (с февраля 1919); полпред ВЧК по Архангельской, Вологодской и Северодвинской губерниям (с мая 1920); уполномоченный ВЧК по ликвидации неграмотности в Тверской губернии (с осени 1920); полпред ВЧК по Каспийскому морю (с марта 1921)^{2*}.

^{1*} Так указал в анкете. В действительности — член РВС 6-й армии.

^{2*} Характеристика (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 852. Л. 3 с об.—5. Автобиография, написанная для Всесоюзного общества старых большевиков, далее — ВОСБ).

⁴⁷ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 26.

⁴⁸ См. подр.: *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. М., 2010.

⁴⁹ Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку. № 5. С. 79.

⁵⁰ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. М., 2000. С. 191.

⁵¹ *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? С. 91—95.

⁵² Там же.

⁵³ **Доможиров Николай Николаевич** — капитан, генштабист 1917 г. *В старой армии* — офицер 4-го мортирного арт. дивизиона. *В советском военном ведомстве* с 1918 (добровольно) — консультант оперативного отделения Оперативного отдела Наркомвоена (1918); нач. штаба Западного фронта (19 февраля — 26 мая 1919); нач. военно-учебных заведений Орловского ВО (1921—1922). Под следствием по делу «Ставка» (июнь—ноябрь 1919, освобожден по амнистии ВЦИК с запретом на занятие ответственных должностей). *Участие в войнах:* Первая мировая война, Гражданская война.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12317. Л. 1.

⁵⁵ *Сидоров А.Л.* Отречение Николая II и Ставка // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

⁵⁶ См., напр.: *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987; *Он же.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; *Он же.* Революция и семья Романовых. М., 2012.

⁵⁷ См., напр.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России / Отв. ред. И.И. Минц. М., 1990.

⁵⁸ См., напр.: *Васильев И.И.* Создание советской военной контрразведки (октябрь 1917 — февраль 1919 гг.). М., 1973.

⁵⁹ См., напр.: Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку / Публ. А.А. Здановича // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 66—67; № 5. С. 75—82; *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. М., 2004; *Он же.* Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2008.

⁶⁰ См., напр.: *Капчинский О.И.* ВЧК: Организационная структура и кадровый состав (1917—1922 гг.). М., 2005; расширенный вариант той же книги: *Он же.* Гвардейцы Ленина. М., 2014.

⁶¹ См., напр.: *Леонов С.В.* Государственная безопасность Советской республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны // Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004.

⁶² См., напр.: *Новоселов Д.С.* Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66—77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...» / Публ. Д.С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51—55.

⁶³ См., напр.: *Шамбаров В.Г.* Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006; *Он же.* Свердлов: Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2013; *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской смуты»: Статьи и документы. М., 2013. Так, уровень одного из претендентов на новации в изучении истории советских спецслужб виден из следующего заявления в представленном научному сообществу в качестве монографии (!) сборнике статей: «Особый отдел (другое первоначальное название — военный [Мало того, что без объяснения вполне можно было и обойтись, военный отдел в данном тексте почему-то со строчной буквы. — С. В.] отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. как *орган военной разведки* [нечто новое в истории отечественных спецслужб. — С. В.] и контрразведки» (*Ганин А.В.* Указ. соч. С. 179). В действительности 19 декабря 1918 г. было принято принципиальное решение о слиянии Военного отдела ВЧК, который был создан 9 декабря на базе Военного отделения Контрреволюционного отдела, с Военным контролем — Отделом военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. Фактическое слияние состоялось 6 января 1919 г. Название «Особый отдел» заменило «Военный отдел» только в феврале 1919 г., однако первоначальное название — «Военный отдел ВЧК» (См.: *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 131; *Капчинский О.И.* Гвардейцы Ленина. С. 88—89, 108—109). К военной разведке ни Военный отдел ВЧК, ни Особый отдел ВЧК никакого отношения не имели. Примечательно, что 31-летний автор назвал свой сборник плодом «многолетнего» (Там же. С. 383, 646) изучения истории корпуса офицеров Генштаба, выполненного после того, как он «посвятил [...] многие годы [...] своей жизни и архивной (? — С. В.) работы» (Там же. С. 380) проблемам истории казачества в первой четверти XX в.

⁶⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Белоруссия. 1919—1920 // Сказание о Гражданской. М., 1987. С. 161.

⁶⁵ *Гусев С.И.* Наши разногласия в военном деле // Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия. М.; Л., 1925.

Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Григорьевич) (1874—1933) — советский партийный, государственный и военный деятель. Еврей. *В социал-де-*

мократическом движении с 1896 — один из организаторов первых марксистских кружков (с 1896) и член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1896); примыкает к группе «Искра» (с 1900); работая сотрудником газеты «Донская речь», входит в состав Донского комитета РСДРП, руководит созданием Южнорусского кружка учащихся и главный руководитель «ноябрьской стачки рабочих» (1902); делегат Донского комитета на II съезде РСДРП (1903); после раскола партии на большевиков и меньшевиков один из организаторов Бюро комитетов большинства (с 1903); на большевистской работе в ряде городов Южной России. Участник революции 1905—1907, секретарь МК РСДРП(б) (с начала 1906); делегат IV Стокгольмского съезда партии (1906); арест и ссылка в Тобольскую губернию (1906), бежит в Петербург (1909); на подпольной работе вместе с Я.М. Свердловым (с 1909). *Активный участник Октябрьского переворота* — член и секретарь ВРК (с октября 1917). *В советском военном ведомстве* — член Комитета революционной обороны Петрограда (февраль 1918); член РВСР, по совместительству — команд. Московского сектора на правах команд. отдельной армией с непосредственным подчинением главнокоманд. всеми вооруженными силами Республики (с сентября 1919); комиссар Полевого штаба РВСР; член РВС Юго-Восточного фронта (с декабря 1919); член Реввоенсовета Южного фронта; пом. команд. всеми вооруженными силами на Украине по политической части (с декабря 1920); нач. Политуправления Красной армии и член Реввоенсовета Республики (с 1921). *В межвоенный период* — секретарь ЦКК РКП(б) (с 1923); член и один из руководителей реорганизации ЦКК—НК РКИ; зав. отделом печати ЦК ВКП(б); член Президиума Исполкома Коминтерна (1928—1933) (РГВА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 551 — Личное дело С.И. Гусева в ВОСБ. Л. 1 и сл. Автобиография).

⁶⁶ **Данишевский Карл Христианович** (1884—1939) — партийный, государственный и военный деятель. Латыш (уроженец Курляндии). *Социальное происхождение*: дворянин (из семьи землевладельца). *Образование*: реальное училище (1903), учился в Московском коммерческом институте (1910—1912) — исключен за революционную деятельность без права поступления в др. вузы. *За границей*: в эмиграции после ареста за пораженческую агитацию (с 1914). *В революционном движении* с 1900 — в социал-демократической организации средних и высших учебных заведений. *Членство в партиях*: Социал-демократическая партия Латвии (1900), фракций в партии не было, примыкал к курляндской группе. *На партийной работе*: агитатор-пропагандист в социал-демократической организации рабочих (с 1902); на нелегальной работе в Курляндии (с 1903), кооптирован членом Митавского губкома (осень 1903); арест за открытое выступление на демонстрации против Русско-японской войны (май 1905), 9-месячное одиночное заключение, участие в нескольких тюремных бунтах и голодовках; под надзором полиции в имении отца (с февраля 1905); на нелегальном положении в Риге и Курляндии (с марта 1905); организатор революционного движения «батраков и крестьян» против баронства (1905), член Федерального комитета в Риге — объединенного органа всех местных социалистических организаций; командировка в Либаву для работы в рабочей организации и крепости и руководства вооруженной борьбой (с конца 1905); представитель социал-демократии Латвии в ЦК РСДРП и член социал-демократической фракции II Государственной думы; избирается на Лондонском съезде в ЦК РСДРП и возвращается в Петербург, работает в местной организации (1907); командировка в Баку и на съезд Закавказских

социал-демократических организаций в Тифлис (начало 1908); в Петербурге (май 1908), после ареста ряда членов большевистского ЦК уезжает в Ригу и легализуется; в военной организации Варшавского ВО (1908—1909); редактор центрального органа Социал-демократической партии Латвии «Циня», т. е. «Борьба», в Риге (с 1909); работа в московской и латвийской социал-демократических организациях — литературная работа преимущественно по вопросам профессионального движения, социального законодательства и страхования рабочих (1910—1912) — подвергся 3-месячному аресту (1912); высылка в Витебскую губернию (1912), на педагогической работе в местной гимназии (1912—1913); бегство в Либаву и работа в местной партийной организации (1913); по поручению Социал-демократической партии Латвии редактирует легальную газету в Риге и ведет легальную пропаганду и агитацию (с конца 1913); арестован за пораженческую агитацию (ноябрь 1914); на бессрочной высылке в Нарымский край, Сибирь (приезжает в феврале 1915); 3-месячное заключение в составе «ряда нарымчан» в Томске за агитацию среди местного населения и ссыльных и участие в демонстративных похоронах товарища (до конца 1916); бегство в Самару (январь 1917), в Москву (февраль 1917). На подпольной работе в оккупированной германскими войсками Риге. *Активный участник Февральской революции*: член Моссовета; член Московской организации РСДРП(б) и Моссовета (февраль—май 1917); редактор центрального органа Социал-демократической партии Латвии в Риге, агитатор в 12-й армии и среди латышских стрелковых частей (с мая 1917); нелегально работает в организации «Спартак» во время германской оккупации в Риге (май—июнь 1917). *В старой армии*: на военной службе в г. Остров Ломжинской губернии (1908—1909). *На советской работе*: член СНК, ЦК Советской Латвии (1918); тов. председателя Советского правительства Латвии и председатель Реввоенсовета Армии Советской Латвии (март—июнь 1919); председатель русско-украинской организации в РУПСК (1920); секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) (с начала 1921). В советском военном ведомстве — комиссар Латвийской дивизии, участвовал в организации подавления левозесеровского мятежа; член РВС Восточного фронта (июль—октябрь 1918); член Революционного военного совета (с сентября 1918) и председатель Революционного военного трибунала Республики (с октября 1918); пом. военного комиссара Полевого штаба РВСР, по совместительству — член РВТР; комиссар Полевого штаба РВСР (с октября 1920); демобилизован постановлением ЦК РКП(б) (март 1921). *В межвоенный период*: в руководстве Главного лесного комитета (ЦУЛП) (с марта 1921); председатель Правления «Северолеса» (с августа 1921); председатель правления Банка для внешней торговли СССР (с мая 1926); председатель правления АО «Экспортлес» (с августа 1928). *Участие в войнах*: Гражданская война — в высшем военном руководстве.

⁶⁷ Данишевский К.Х., Каменев С.С. Воспоминания о Ленине: Ленин и Гражданская война. Сб. 1. М., 1934.

⁶⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1, 6.

⁶⁹ См. анализ данной публикации: Полицарнов В.Д. Военная контрреволюция в России. С. 45.

⁷⁰ Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — старый большевик. *В советском военном ведомстве*: заместитель наркома, и. д. наркома по военным делам РСФСР; член Высшего военного совета, член РВСР, нарком по военным делам Украинской ССР, по совместительству — председатель Высшей военной инспекции Наркомвоена РСФСР.

⁷¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 389—390.

⁷² Троцкий Л.Д. Сталин / Ред. Ю.Г. Фельштинский. Т. 2. Chaldize publication, 1985. С. 106—113.

⁷³ Каменев С.С. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Этапы большого пути / Ред.-сост. В.Д. Поликарпов. М., 1963. С. 22.

⁷⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. М., 1997.

⁷⁵ Большеви́стское руково́дство. Переписка. 1912—1927: Сб. док. / Сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая (далее — Большеви́стское руково́дство. Переписка. Т. 1). М., 1996; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. / Сост. Т.Ф. Карьева и др. М., 1997; Ф.Э. Дзержинский: председатель ВЧК — ОГПУ. 1917—1926 / Сост.: А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007; Архив ВЧК: Сб. док. / Сост.: В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61. Л. 5.

⁷⁷ См. подр.: РГВА. Ф. 24830. Оп. 7. Д. 125. Л. 44. Материалы данного дела, уже после выхода первого варианта нашей монографии (*Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 16; С. 318, сноски № 61—64*), явились документальной основой статьи А.В. Ганина (*Ганин А.В. Указ. соч. С. 254—259*), в которой нет ни единой ссылки на нашу работу.

⁷⁸ См. подр.: РГВА. Ф. 24830. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 15 и след.

⁸² Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 173.

⁸³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 136. 6 мая устанавливался порядок получения красноармейского пайка заболевшими сотрудниками: за все время нахождения в 1-м Терапевтическом госпитале Красного Креста все продукты для больных должен был получать через госпиталь (Там же. Л. 180).

⁸⁴ Там же. Л. 219.

⁸⁵ Там же. Л. 572.

⁸⁶ См.: Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетис (Вацетис): Сб. документов. Рига, 1978.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12396. Л. 1 об.

⁸⁸ **Свечин Александр Андреевич** (1878—1956) — генерал-майор, комдив. Русский (уроженец г. Одесса). *Образование*: 2-й кадетский корпус в Петербурге (1895), Михайловское артиллерийское училище — полевой артиллерист (2 курса, 1895), Николаевская академия Генерального штаба (1903). *Иностранные языки*: французский, немецкий. За границей: 2-дневная поездка в Лын и Кенигсберг для ознакомления с Восточной Пруссией (1906); 1-месячная поездка в Берлин и Познань для негласного наблюдения за ходом крепостного маневра у Познани (сентябрь 1907); 2-месячная поездка в Париж, Реймс, Франкфурт-на-Майне, Эллинг-Цеппелина на Швейцарской границе (август—сентябрь 1909). *Какие знал специальности*: военное дело. *Членство в партиях*: беспартийный. *В старой армии* с 1895 (офицер с 1897); нач. штаба 5-й армии. *В советском военном ведомстве* с марта 1918 (добровольно) — пом. нач. Петроградского укрепрайона), нач. штаба Западного участка отрядов Завесы, военрук Смоленского района Завесы (с марта 1918); нач. Всероссийского главного штаба (с 3 августа 1918); преподаватель (с октября 1918), специальный лектор (с апреля 1921), главный руководитель (с января 1922)

Академии Генерального штаба — Военной академии РККА, по совместительству — штатный преподаватель военного цикла Военно-академических политических курсов высшего политсостава РККА и Флота (июль 1924 — сентябрь 1925); зам. главного руководителя (с июня 1925), старший руководитель (с марта 1929), преподаватель (с октября 1929) Военной академии РККА — Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе; уволен из РККА по ст. 44 «в» (пр. НКО СССР № 0217 от 26.2.1938); в распоряжении IV управления Штаба РККА (с марта 1932); пом. нач. кафедры военной истории Академии Генерального штаба РККА (с мая 1936); исключен из списков Советской армии ввиду смерти (пр. МО № 05172 от 9.11.1956). *В общественных организациях:* совещанием делегатов I Всесоюзного съезда ВНО военных делегатов III Всесоюзного съезда Советов и представителей организаций ВНО Московского гарнизона избран членом Временного центрального совета ВНО СССР (3 июня 1925); член (с октября 1927), председатель Редакционной комиссии Военной академии РККА (с октября 1927); член временного бюро научно-исследовательских работ (с марта 1929); в составе научно-исследовательского бюро Военной академии РККА (с января 1931). *Участие в войнах:* Русско-японская война 1904—1905, Первая мировая война, генерал-майор — тяжело ранен в шею сзади с последующим параличом обеих рук и ног, легкая контузия (1916); Гражданская война. *Командировки:* Петроград (13—22 сентября 1919, 3—11 июля 1921, 21—29 января 1922, 25—31 марта 1922); 5 июня — 3 июля 1925; на территориальных сборах и маневрах (15—28 сентября 1927); Ленинград (27 марта — 2 апреля 1928); в полевой поездке в УВО и СКВО (30 мая — 19 июня 1928); Ленинград, на стажировке (31 июня — 1 сентября 1928); Минск и Бобруйск для прочтения докладов командному составу гарнизона (19—24 марта 1930). *Награды:* Анна 4-й, 3-й и 2-й ст.; Станислав 3-й и 2-й ст., Владимир 3-й ст.; Георгиевское оружие, орден Св. Георгия 4-й ст. (в старой армии); золотые часы (в Красной армии, 1928) (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 23. Личное дело А.А. Свечина. Л. 1 и след.).

Приложения:

Аттестация А.А. Свечина, выданная руководством Военной академии РККА: «Выдающаяся эрудиция, всесторонние обширные знания, научное имя создали т. Свечину популярность не только в стенах Академии, но и за ее пределами. Теоретическое образование подкрепляется опытом личного участия в русско-японской и мировой войнах. || Живой, чутко отзывающийся на все новое в военном деле, с умом, пытливо ищущим новых путей развития военной мысли, т. Свечин является тем авторитетным ученым, к мнению которого прислушиваются и слушатели, и преподаватели. || Характер открытый, ровный, настойчивый. || Здоровье хорошее. Энергичный, подвижный. С подчиненными выдержан и корректен. || Политически развит. К советской власти относится лояльно. || Считаю т. Свечина талантливым руководителем своего цикла, ценным для академии научным работником. 8 мая 1923 года. Пом. н[ачальни]ка Военной академии Ф. Афанасьев, комиссар Р. Муклевич» (Там же. Л. 40 об.).

Аттестации А.А. Свечина, выданные М.Н. Тухачевским:

1) «Выдающийся военный ученый и писатель с тонко развитым оперативным мышлением. || Полон желания построить свое мирозерцание на основах марксизма, хотя и не овладел им, но кое-что уже проглядывает. || Для академии очень ценный профессор. 8.XII. 1925 г. М. Тухачевский» (Там же. Л. 44).

2) «Выдающийся военный писатель с большим практическим пониманием военного дела. Блестящее оперативное мышление. В вопросах большой стратегии склонен делать обобщения негативного порядка, составляющиеся, по существу, в возможности разрешить войну вооруженным насилием. || В своих сочинениях все более становится на рельсы материалистического мышления. || В области методики обучения несколько страдает консерватизмом. || Обладает высокой личной честностью и самосознательностью. || С Красной армией сблизился и болеет ее недостатками. || Считаю необходимым привлечь т. СВЕЧИНА к активному строительству РККА, по должности комкора или наштаокра. || Главный руководитель — ТУХАЧЕВСКИЙ. 15/X-1928 года» (Там же. Л. 49. Машинописный экз.; Л. 53. Автограф красными чернилами).

Аттестации А.А. Свечина, выданные пом. нач. IV управления Штаба РККА — зам. нач. Разведывательного управления РККА Никоновым:

1) «Прибыл в IV управление в марте месяце с. г. по освобождении из заключения в состоянии неполной работоспособности. Использовался для разработки отдельных военно-стратегических и оперативных вопросов, главным образом по Дальнему Востоку. По заданиям управления составил труд «Японская армия в прошлом и настоящем». На работе проявил большую военно-научную эрудицию и дал ряд ценных консультаций при разработке актуальных мобилизационных и оперативных вопросов. Фактическая сторона проведенных работ и качество оперативных расчетов на должной высоте. Пытается также применить марксистско-ленинский метод исследования, но все же освободился от существенных недочетов в области методологии. На службе дисциплинирован, исполнительен и аккуратен. Политическая физиономия в настоящий момент еще недостаточно выявилась. В прошлом — генерал Генштаба царской армии, затем профессор Военной академии РККА и автор ряда книг и статей, содержащих реакционные и немарксистские взгляды и теории по вопросам стратегии и военного искусства. За время работы в академии прилагает старания к тому, чтобы реабилитировать себя как честного советского военного специалиста и усвоить правильные взгляды на вопросы военного дела и политическую обстановку. Последний его труд о японской армии, несмотря на отдельные недоработанные и слабые в методологическом отношении места, в целом производит положительное впечатление в смысле стремления занять правильную позицию. Целесообразно и в дальнейшем использовать на работе в управлении на специальных военно-научных трудах и при условии постоянного твердого идеологического руководства. || 12 ноября 1932 г. Пом. нач. IV упр[авления] и нач. III отдела *Никонов*» (Там же. Л. 51. Подлинник).

2) «В период 1933—1934 годов т. СВЕЧИН выполнял ряд работ по специальным заданиям, из которых наиболее актуальное значение имеют следующие: || 1. Очерк истории военного искусства Японии; || 2. Военно-географическое описание Маньчжурии; || 3. Военно-географическое описание Кореи; || 4. Справочник по вооруженным силам Японии; || 5. Ряд справок и докладов по Русско-японской войне 1904—1905 гг. и японской военной доктрине. || Все работы потребовали редакции, но в общем вышли доброкачественными. В повседневной работе проявляет высокую производительность труда, исполнительность, аккуратность и дисциплинированность. Его консультации и разработки приносят большую пользу делу. || Политически лоялен и честен. Добросовестно относится к марксистско-ленинским за-

нениям, но все еще делает серьезные ошибки в области методологии и в понимании целого ряда важных политических вопросов. Требует с этой стороны неослабного внимания и твердого руководства. || Взаимоотношения с работниками управления хорошие, товарищеские. || Целесообразно оставить на работе, сохранив К-12. 19 мая 1935 г. Зам. нач. Разведыв[ательного] управл[ения] РККА *Никонов*» (Там же. Л. 57. Автограф).

⁸⁹ ЦАОПИМ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 102—108.

⁹⁰ *Каминский В.В.* Рецензия на монографию С.С. Войтикова «Троцкий и заговор в Красной Ставке» // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 282—291.

⁹¹ *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship. N. York, 1990. P. 4. До определенного момента «бюрократический аппарат» в качестве самостоятельной силы в западной литературе не рассматривался, см.: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 167.

⁹² Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. М., 1936. С. 429.

⁹³ Об этом см., напр.: *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 238.

⁹⁴ *Ботмер К., фон.* С графом Мирбахом в Москве. М., 1996. С. 71.

⁹⁵ **Брусилов Алексей Алексеевич** (1853—1926) — генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). Из дворян. *Образование:* младший специальный класс Пажеского корпуса (1872), Офицерская кавалерийская школа (1883). *В старой армии* — ком. эскадрона, пом. нач. отдела верховой езды, нач. отдела верховой езды, нач. Офицерской кав. школы (с 1883); ком. 2-й кав. дивизии (с 1906); ком. 14-го армейского корпуса (с 1909); пом. команд. Варшавского военного округа (с 1912); команд. 8-й армии (с 1914). *Во время Февральской революции* — Верховный главнокомандующий (май—июль 1917). *Участник* Первой мировой войны. *В Красной армии* с 1920 — председатель Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (с мая 1920), по совместительству — член Военно-законодательного совещания при РВСР (с октября 1920); для особо важных поручений при РВС СССР (с 1924) (*Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 335).

⁹⁶ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 335.

⁹⁷ **Антонов-Овсеенко Владимир Александрович** (1883—1939) — советский партийный, государственный и военный деятель; социал-демократ, большевик, меньшевик-интернационалист, большевик. Украинец (уроженец г. Чернигов). *Социальное происхождение:* из дворян, кадровый офицер (сын ротного командира). *Образование:* Воронежский кадетский корпус (1900), поступил в Михаловское артиллерийское училище, через месяц в Николаевское военно-инженерное училище (1900) — исключен за отказ от присяги «на верность царю и отечеству», мотивированный «органическим отношением к военщине»^{1*}; Петроградское юнкерское училище (осень 1902 — август 1904) — вел революционную агитацию среди юнкеров, захвачен с нелегальной литературой, подвергнут 10-дневному заключению^{2*}. *Иностранные языки:* польский, французский (чтение). *За границей:* Австрия (весна 1905), Париж (июль 1910 — май 1917), в эмиграции блокировался с меньшевиками, большевиками-«примиренцами» и др. *Какие знал специальности:* военное дело. *Занятия до 1917:* офицер (1904—1905), революционер (с 1905). *На работе по найму:* чернорабочий Александровского порта в Петербурге, затем кучер «Общества покровителей животных» (весна—осень

1902). *В революционном движении с 1901* — член с. д. кружка в Варшаве (с 1901). *Членство в партиях*: социал-демократия Польши, РСДРП с 1903 — принят Петербургской организацией; в меньшевистской группе эмиграции (1910—1914); разрыв с меньшевиками мартовской группы, один из организаторов группы содействия «Нашему слову» и клубу интернационалистов (лето 1914 — май 1915); меньшевик-интернационалист (май 1915 — июль 1917). В РСДРП(б) с мая 1917 г. *На партийной работе*: по поручению Петроградского комитета РСДРП(б) объездил Москву, Екатеринослав, Одессу, Киев, Вильно с местной военной организацией, в Варшаве с с. д., п.п.с.-пролетариатцами и «Бундом»; основал Варшавский военный комитет РСДРП(б), вел агитационную работу среди офицеров и солдат; на нелегальном положении в Кракове, Львове (с весны 1905); в Польше для организации вооруженного восстания 2 пех. полков и арт. бригады в Ново-Александрии, восстание провалилось^{3*}; участник съезда военных организаций РСДРП (апрель 1906), арестован, через 5 дней бежал из Сушевского полицейского дома; по поручению ЦК РСДРП направился в Севастополь для организации вооруженного восстания, арестован (май 1907); бежал (июнь 1907); на нелегальном положении на Дальнем Востоке (с августа 1907), в Москве, в Петрограде; представлял нелегальные организации Нижнего Новгорода, Сормова, Москвы и Белгорода на нелегальной конференции в Нижнем Новгороде (весна 1909), арестован и выпущен после 6-месячного заключения. *Неоднократно арестовывался*, приговорен «к смертной казни», замененной 20-летними каторжными работами военным судом в Севастополе (1907), эмигрировал. *Во время Февральской революции*: агитация среди солдат русского экспедиционного корпуса на Французском фронте; по амнистии вернулся в Петроград; заключение в «Крестах» за участие в июльском восстании большевиков (июль—август 1917); член Областного комитета Финляндии; секретарь комитета Северных советов и ВРК при Петросовете. *Активный участник Октябрьского переворота*: секретарь ВРК, руководил арестом Временного правительства. *В старой армии* — офицер 40-го Кольванского пех. полка (с 1904). *На советской работе*: зам. председателя Главкотруда, член коллегии Наркомтруда и НКВД, зам. председателя Малого СНК; полномочный ВЦИК по Пермской губернии (январь 1921); один из руководителей комиссии ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губ. (февраль—июль 1921); на борьбе с голодом в Самарской губ. (с октября 1921); нач. Политуправления РККА (с осени 1922); полпред РСФСР в Чехословацкой республике (с февраля 1924), Литве, Польше (до апреля 1934). *В советском военном ведомстве*: член Комитета по делам военным и морским коллегий Наркомвоена (с ноября 1917), главнокомандующий войсками против Каледина (с 6 декабря); командующий Украинской советской армией. *В межвоенный период* — поддерживал левую оппозицию по организационному вопросу (1923—1927). *Участие в войнах*: Гражданская война.

^{1*} В анкете указал: «К протесту против военщины „дошел своим умом“, под впечатлением подлой оскорбительной обстановки корпуса и военного училища».

^{2*} В анкете указал: «Выпущен по личному распоряжению в. к. Константин Константиновича».

^{3*} Политруководителем восстания был Ф.Э. Дзержинский (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 665. Личное дело В.А. Антонова-Овсенко в ВОСБ. Л. 1 и сл.).

⁹⁸ **Крыленко Николай Васильевич** (1885—1938) — советский партийный, государственный и военный деятель. *Парт. псевдоним* — Абрам. Русский (уроженец Сычевского уезда Смоленской губернии). *Социальное происхождение*: сын чиновника акцизного ведомства. *Образование*: учился в гимназии в Люблине, историко-филологический факультет Петербургского университета. *Иностранные языки*: европейские. *За границей*: в Бельгии и во Франции (июнь—ноябрь 1906), в Швейцарии (июль 1914 — июнь 1915), в вместе с В.И. Лениным — «в период борьбы с социал-шовинистами». *Занятия до 1917* — педагогическая и литературная деятельность. *В революционном движении* с 1903 — в студенческих организациях, участвовал в проведении забастовок. *Членство в партиях*: РСДРП, большевик (1904—1909, с 1911); анархистов-синдикалистов (1909—1911), сочувствовал анархистам с 1906. *На партийной работе* — выступал на собраниях против либералов от с. д. организации большевиков (с 1904), состоял в группе содействия ЦК РСДРП в качестве агитатора-пропагандиста, участвовал в газете «Вперед»; парторганизация на заводах Выборгской стороны и за Невской заставой, руководство забастовочным движением (с октября 1905); участник проведения бойкота выборов в I Государственную думу, от окружного района проведен в члены ПК (весна 1906), работа в Военной организации при ПК РСДРП; агитатор МК РСДРП (до июня 1906); предвыборная кампания большевиков во II Государственной думе и подготовка Лондонского съезда РСДРП; после «анархистского периода» по заданию В.И. Ленина налаживает каналы связи Галиции и России (с 1911); предвыборная кампания большевиков в III Государственной думе; участник партийной конференции в Берне (март 1915); делегат на съезде фронтовых организаций в Петрограде (май 1917); делегат от ЦК РСДРП на общесфронтовом съезде в Кременце и I Всероссийского съезда Советов; член Центрального бюро Военной организации при ПК РСДРП, работал в «Солдатской правде»; участник июльского выступления большевиков; участник III съезда Советов; член ВОСБ (с 1931). *Репрессии при старом режиме*: в тюрьме (1907—1909, 1913, 1915—1917); на административной высылке (1907, 1914). *В старой армии* — вольноопределяющийся (1912), прапорщик. *На советской работе*: зам. наркома юстиции и ст. пом. Прокурора РСФСР (с декабря 1922); член ЦКК ВКП(б) (с 1927); Прокурор СССР (с 1928); нарком юстиции РСФСР (с 1930). *В советском военном ведомстве*: Верховный главнокомандующий и член Комитета по делам военным и морским — нарком по военным делам РСФСР (октябрь 1917 — март 1918). *Участие в войнах*: Первая мировая война, прапорщик 2-й армии Юго-Западного фронта (апрель 1916 — март 1917). *Награды*: орден Красного Знамени, орден Ленина «за успешную работу в органах юстиции» (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 997. Личное дело Н.В. Крыленко в ВОСБ. Л. 3—5. Биография).

⁹⁹ **Дыбенко Павел Ефимович** (1889—1938) — советский военный деятель; матрос-боцман (1913), командарм 2-го ранга. Украинец (уроженец Людковского села Людковской волости Новозыбковского уезда Гомельской губернии). Из беднейшего крестьянства. *Образование*: Новозыбковское 2-классное городское училище (1907), военное — Военная академия РККА (1922). *Иностранные языки*: не владел. *За границей*: не был. *Занятия до 1917* — на работе по найму с 8 лет — у кулаков на подработке; канцелярская работа в Ново-Александровске (1908); грузчик на Рижской пристани (1908); рабочий на вагоностроительном заводе (1908—1909), исключен за маевку и аресто-

ван; грузчик (с августа 1909). *В революционном движении* с 1905 — расклейка революционных объявлений и воззваний; участник крестьянского восстания в Новозыбковском и Стародубском уездах Гомельской губернии (1907), арест, освобожден как малолетний. *Членство в партиях*: РСДРП(б) (до 1918), исключен по делу о сдаче Нарвы (с 1922). *На партийной работе* — выговор ЦК КП(б)У за нетактичность. *В старой армии и на флоте* с 1911 (этапирован) — как «политически неблагонадежный» направлен во 2-й флотский экипаж, где сразу занялся революционной деятельностью; арестован в числе подготавливавших восстание на Балтийском флоте (июнь 1912); организатор восстания на линейных кораблях (1915); списан в сформированный морской отряд армии генерала Радко Дмитриева, где вместе с другими «неблагонадежными» отказался идти в наступление; направлен в Крюковские казармы Петрограда. *Во время Февральской революции*: председатель Центрального комитета Балтийского флота; захвачен на Невском проспекте отрядом юнкеров, избит прикладами, отправлен в Зимний дворец, затем в «Кресты» (июль 1917); освобожден под залог ЦК РСДРП(б) без права выезда из Петрограда (сентябрь 1917), но отплыл в Гельсингфорс и восстановлен председателем Центробалта. *Во время Октябрьского переворота* — вызван В.И. Лениным в Петроград (28 октября 1917); разбил отряды Керенского и Краснова (30 октября 1917); арестовал генерала Краснова (1 ноября 1917). *На советской работе*: член президиума губернского исполкома (1917), нарком по морским делам РСФСР (с октября 1917); нарком по военным и морским делам Крымской республики (1919). *В советском военном ведомстве*: член Коллегии по делам военным и морским (с октября 1917); арестован за сдачу Нарвы (май 1918), оправдан по суду; ком. роты (с ноября 1918); ком. 7-го Сумского полка; ком. Особой группы Екатеринославского направления (с января 1919); нач. Заднепровской дивизии (с февраля 1919) — 1-й Крымской армии (с мая 1919); в распоряжении Полевого штаба (июль—сентябрь 1919); в распоряжении Юго-Восточного фронта (октябрь 1919); в распоряжении РВС 10-й армии (октябрь 1919); нач. 37-й стр. дивизии (с октября 1919); в распоряжении нач. штаба 10-й армии для направления в штаб Кавказского фронта (февраль 1920); нач. 1-й Кавказской конной Дикой дивизии 10-й армии (с февраля 1920) — 1-й конной армии (с апреля 1920); нач. 2-й кав. дивизии 13-й армии (июнь 1920); ком. группой в составе двух дивизий против войск, наступавших на Кронштадт (с марта 1921); нач. Западно-Черноморского сектора (май 1921 — [октябрь 1922]) и нач. 51-й Перекопской дивизии (с июня 1921); врид военкома 51-й Перекопской дивизии (с апреля 1921); ком. 6-го корпуса (с июня 1922); в командировке для участия в полевой поездке и военной игре (август—сентябрь 1922); главный руководитель корпусной двухсторонней полевой поездки (сентябрь 1922); ком. 5-го армейского корпуса (сентябрь—октябрь 1922); ком. 5-го корпуса (с октября 1922); ком. 10-го стр. корпуса (с мая 1924); нач. Артиллерийского управления РККА (с мая 1925); нач. Артиллерийского управления Управления снабжений РККА (с ноября 1925); нач. снабжений РККА (с ноября 1926); команд. САВО (с октября 1928). *Командировки*: по инспектированию частей 19-й стр. дивизии (13—19 сентября 1924); в г. Москва для доклада командующему войсками (9—13 января 1925); в г. Москва и Воронеж для доклада командующему войсками и инспектированию частей 10-го стр. корпуса (28 января — 19 февраля 1925); в г. Воронеж для инспектирования частей 10-го стр. корпуса (24 февраля — 3 мар-

та 1925); в гг. Орел и Москва (24 марта — 2 апреля 1925). *Участие в войнах*: Первая мировая война — во время прорыва германским флотом Рижского залива и на сухопутном Рижском фронте, в боях с германским флотом Озель-Дего; Гражданская война — на Южном и Восточном фронте (1918); при форсировании Днепра и взятии Екатеринослава (27 января 1919); при взятии Мариуполя (21 апреля 1919); при взятии Севастополя (27 апреля 1919); в боях под Акманассы (14 мая — 2 июня 1919); в боях под Екатеринославом (9—18 июня 1919); при разгроме корпуса ген. Топоркова в районе ст. Каналинская (29 декабря 1919); на Юго-Восточном фронте при взятии Царицына (в ночь на 2 января 1920); при взятии Перекопа (24 апреля 1920); в подавлении Кронштадтского мятежа (6—18 марта 1921). *В межвоенный период* — команд. Приволжского ВО (с декабря 1933); команд. и член ВС Сибирского ВО (с апреля 1937); команд. Ленинградского ВО (с 1937). Арестован 26 февраля 1938, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 29 июля 1938 к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован 16 мая 1956. *Награды*: золотые часы от РВС 10-й армии из подарков ВЦИК (1920), золотые часы от Петросовета (1920), боевая лошадь (1920), 3 ордена Красного Знамени (1921, 1922, 1922).

Из характеристики, данной командующим ХВО А.И. Корком: «Обладает силой воли, энергией и решительностью; готовность к проявлению инициативы может превзойти даже законные рамки и обратиться в игнорирование получаемых распоряжений, поэтому нуждается в твердом авторитетном руководстве свыше; в боевой обстановке хотя и не видел, но, судя по работе в военной игре старших начальников, быстро и правильно разбирается в обстановке; в обращении с подчиненными иногда не сдержан и порой груб, к подчиненным весьма требователен и пользуется в глазах подчиненных, несомненно, авторитетом; дисциплинирован, несдержан в оценке и в критике высшего командования (хотя эта критика в большинстве справедлива); крепкого здоровья и вынослив в походной обстановке; подвижного и живого ума; любит военное дело и работает добросовестно; в частной жизни — беспринципен; коммунист» (РГВА. Ф. 379 76. Оп. 1. Д. 9. Личное дело. П.Е. Дыбенко. Л. 22).

Из характеристики, данной М.Н. Тухачевским 2 марта 1923 г.: «За несколько месяцев работы зарекомендовал себя отличным командиром: требовательным, твердым и справедливым. С лицами, которых не любит, не церемонится и «съедает» их. В общем с комсоставом установил хорошие взаимоотношения. Хороший хозяин. <...> Под Кронштадтом имел большие заслуги в деле успеха» (Там же. Л. 26); 25 марта 1924: «...могу добавить, что т. Дыбенко и с оперативной стороны зарекомендовал себя способным, твердым начальником. К недостатку, самому большому, надо отнести неуживчивость. Благодаря крутости характера и несдержанности в выражениях зачастую становится в плохие отношения с окружающими. || Чрезвычайно вынослив. || В общем, выдающийся комкор, достоин выдвижения» (Л. 28).

¹⁰⁰ См., напр.: Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1977. С. 71, 72.

¹⁰¹ См. подр.: *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. М., 2010.

¹⁰² *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. С. 129.

¹⁰³ *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 115.

¹⁰⁴ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.) // Пролетарская революция. 1924. № 2(25). С. 100—109.

¹⁰⁵ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 51. Оп 1. Д. 21. Л. 20.

¹⁰⁶ См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 386—400.

¹⁰⁷ См.: Там же. С. 390.

¹⁰⁸ **Путна Витовт Казимирович** (1893—1937) — советский военный деятель, комкор. В *революционном движении* с 1913 г. Членство в партиях: РСДРП(б) с февраля 1917 г. В *советском военном ведомстве* с апреля 1918 г.: военком Витебска (с мая 1918); военком 1-й Смоленской пех. дивизии (ноябрь 1918 — апрель 1919); ком. 228-го Карельского полка и 2-й бригады 26-й стр. дивизии (май—декабрь 1919). В *межвоенный период*: нач. и военком 2-й Московской пех. школы (с мая 1923); нач. и военком Управления по войсковой подготовке при Инспекторате РККА (с апреля 1924); пом. инспектора РККА по пехоте (с ноября 1924); военный советник в Китае (1924—1925); зам. нач. ГУ РККА (с октября 1925); нач. УВУЗ ГУ РККА (с ноября 1925), в распоряжении ГУ РККА (с июня 1927); военный атташе в Японии, Финляндии, Германии, Великобритании. *Награды*: орден Красного Знамени за бои с белочехами и белогвардейцами (1920), 2-й орден Красного Знамени за бои под Варшавой (1921), 3-й орден Красного Знамени за участие в подавлении Кронштадтского мятежа (1921). Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 485; Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 502).

¹⁰⁹ *Путна В.К.* Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь // *Этапы большого пути* / Ред.-сост. В.Д. Поликарпов. М., 1963. С. 353—354.

¹¹⁰ Там же. С. 343—344.

¹¹¹ См. о нем под.: *Поезд Троцкого* / Публ. О.В. Головниковой, И.И. Волкодаева // *ВИЖ*. 1990. № 9. С. 60—66; № 12. С. 47—52; 1991. № 11. С. 53—64; *Тархова Н.С.* Поезд Троцкого — летучий аппарат управления наркомвоенно // *Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны*: Матер. всерос. конф. 22 декабря 1997 г. М., 1998. С. 129.

¹¹² *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 35.

¹¹³ См.: Там же. С. 37.

¹¹⁴ Там же. С. 37.

¹¹⁵ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 403, 404.

¹¹⁶ Там же. С. 403.

¹¹⁷ *Кораблев Ю.И.* Троцкий Лев Давидович // *Реввоенсовет Республики* (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 43—44.

¹¹⁸ *Троцкий Л.Д.* Борьба за Казань // *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 232.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 14. Л. 10—11.

¹²⁰ *Гусев С.И.* Свияжские дни (1918 г.). С. 101.

¹²¹ *Путна В.К.* В первые дни // *Этапы большого пути* / Ред.-сост. В.Д. Поликарпов. М., 1963. С. 353—354.

¹²² *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 388.

¹²³ *Путна В.К.* Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь. С. 344.

¹²⁴ **Майгур Парфений Матвеевич** — капитан, генштабист 1917 г. В *советском военном ведомстве* с 1918 — по заданию Генерального штаба занимался разработкой штатов и законоположений для Красной армии (с февраля 1918); нач. штаба (с июля 1918), военный руководитель Казанского участка (с августа 1918), команд. 5-й армией (с августа 1918) Восточного фронта; для особых поручений при главкоме (с сентября 1918); врид нач. Штаба РВСР (с октября 1918); на ответственной работе в Полевом штабе

(с ноября 1919); нач. штаба 15-й армии (с января 1919), нач. штаба Армии Советской Латвии (с января 1919); пом. нач. штаба охраны железных дорог Республики; нач. отдела, пом. нач. штаба ВНУС (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 613; РГАСПИ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 37. Л. 2—2 об.).

¹²⁵ **Петерсон Рудольф Августович** (1897—1940) — политработник Красной армии. Из семьи служащего. *Членство в партиях*: РКП(б) с 1919 г. *Участник Первой мировой войны* — солдат. *В Красной армии* с апреля 1918 — врид нач. связи 5-й армии Восточного фронта (август—сентябрь 1918); в октябре 1918 г. нач. связи Особого отряда, участвовавшего в подавлении контрреволюционных мятежей в Тамбовском и Козловском уездах; член Реввоенсовета 9-й армии (август—сентябрь 1920); член Реввоенсовета 6-й армии Южного фронта (ноябрь 1920 — февраль 1921). Затем — комендант Московского Кремля. Член ЦИК СССР. *Награды*: орден Красного Знамени за бой на подступах к ст. Поворино (1918) (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 451).

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

¹²⁷ Там же. Л. 2 об.

¹²⁸ **Розенгольц Аркадий Павлович** (1889—1937) — советский военный деятель. В Красной армии — член Военно-революционного совета Казанской группы Восточного фронта и политический комиссар при командующем 5-й армией (с августа 1918); член РВСР; член Реввоенсовета Кавказского фронта (с августа 1920); член Реввоенсовета 15-й армии; член коллегии НКПС (с января 1920), нач. Главполитпути; временно откомандирован на Западный фронт в качестве члена Реввоенсовета 15-й армии (с 9 июня 1920). 15 января 1920 г. приказом РВСР № 50 по личному составу армии Розенгольц награжден орденом Красного знамени: «В первых рядах работников военного ведомства в течение последних полутора лет стоял Розенгольц Аркадий Павлович. В ряде армий, состоявших из разрозненных и недисциплинированных отрядов, т. Розенгольц путем настойчивой и систематической организационной работы, рука об руку с передовыми пролетариями-красноармейцами, достигал исключительных по своему значению результатов, в армии устанавливались необходимая организационная связь, твердый порядок, исполнительность и дисциплина. За указанное время т. Розенгольц не раз был переводим из армии в армию с целью повышения боеспособности наиболее отсталых, наименее организованных и боеспособных соединений, и всюду его работа давала чрезвычайно ценные результаты. Твердостью, выдержкой и личной неустрашимостью в самых трудных боевых условиях т. Розенгольц снискал заслуженное уважение всех работников Красной армии. Ныне, когда т. Розенгольц постановлением правительства назначен на ответственную работу в Народном комиссариате путей сообщения и, таким образом, покидает ряды военного ведомства, Революционный военный совет Республики считает долгом перед лицом всей страны отметить исключительные заслуги т. Розенгольца. Председатель Революционного военного совета Республики Л. Троцкий» (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 93. Л. 78. Типографский экз.).

¹²⁹ Преступная по своей сути деятельность большевика С.В. Чикколини была приостановлена после того, как в начале ноября 1918 г. он, как сообщил член РВСР и нарком путей сообщения В.И. Невский Л.Д. Троцкому, «расстрелял без всякого основания двух железнодорожников». Троцкий вступил за Чикколини, бывшего некогда его личным секретарем: «Чикколини не

мог расстреливать, а в качестве председателя трибунала мог, вместе с другими судьями, голосовать за расстрел»; «Чикколини — старый член партии и под Казанью храбро сражался против офицерских батальонов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 4. Л. 96. Телеграмма Л.Д. Троцкого В.И. Невскому от 7 ноября 1918 г., копии направлялись В.И. Ленину и Я.М. Свердлову). В «Известиях ВЦИК» позднее уточнялось, что для расстрела одного из железнодорожников определенные основания все же имелись, но признавался и тот факт, что для расстрела второго нужен был более тяжкий поступок, более того — железнодорожнику Ольховацкому обвинение было вынесено уже после расстрела. 31 января 1919 г. Революционный военный трибунал Республики (РВТР) постановил «отстранить Сергея Чикколини от ответственной работы в советских учреждениях» впредь до особого постановления ЦК РКП(б) и особого разрешения РВСР. Приговор являлся окончательным и не подлежал обсуждению. Подсудимый освобожден из предварительного заключения. Бывший председатель Военно-революционного трибунала обвинялся в «бесполезном и неоправданном» применении красного террора. «Известия ВЦИК» сообщали, что дело Чикколини является «многозначительным в политическом смысле» (Военно-революционный трибунал. Дело Чикколини // Известия ВЦИК. 1919. 4, 5 февр.).

¹³⁰ **Смирнов Владимир Михайлович** (1887—1944) — советский партийный, государственный и военный деятель. *Членство в партиях*: РСДРП, большевик с 1907. *В советском военном ведомстве* — член Реввоенсовета 5-й армии (1918—1919); комиссар Академии Генштаба РККА; в распоряжении ВСНХ (с апреля 1920). В 1930-х гг. — на ответственной работе в Секретариате ЦК ВКП(б).

¹³¹ **Межлаук Валерий Иванович** (1893—1938) — советский государственный и военный деятель. В 1918 — зам. наркомфина Украины, наркомфин Донецко-Криворожской республики, член Донецкого обкома РКП(б) и Чрезвычайного штаба обороны, окрвоенком Приволжского ВО (декабрь 1918 — январь 1919); член Временного рабоче-крестьянского правительства (с января 1919) и наркомвоен Украины (май 1919); член РВС: 5-й армии, 10-й армии (октябрь 1918 — июнь 1919), 14-й армии (июнь—июль 1919); Тульского укрепрайона (сентябрь—ноябрь 1919), 2-й особой армии (декабрь 1919 — март 1920).

¹³² Помощником Межлаука был назначен некий Жмиевский и т. д. (см. подр.: РГАСПИ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 37. Л. 2).

¹³³ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.). С. 101.

¹³⁴ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 391.

¹³⁵ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.). С. 102.

¹³⁶ См. подр.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 405, 406.

¹³⁷ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.) Там же. С. 100, 101.

¹³⁸ Там же. С. 100, 101.

¹³⁹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 398.

¹⁴⁰ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.) С. 100, 101.

¹⁴¹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 392.

¹⁴² *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.). С. 101.

¹⁴³ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 388.

¹⁴⁴ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.). С. 101, 102.

¹⁴⁵ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 390, 391.

¹⁴⁶ Там же. С. 398.

- ¹⁴⁷ Гусев С.И. Свяжские дни (1918 г.). С. 102.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. М., 1999. С. 249.
- ¹⁵⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М., 1975. С. 87.
- ¹⁵¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 165.
- ¹⁵² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 87; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 165.
- ¹⁵³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 94. Подробный список направленного в Царицын см.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2539. Л. 15—15 об.
- ¹⁵⁴ Цит. по: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 392.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 394.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ См.: Там же. С. 395.
- ¹⁵⁹ Гусев С.И. Свяжские дни (1918 г.). С. 105, 106.
- ¹⁶⁰ Путна В.К. В первые дни. С. 354.
- ¹⁶¹ Там же. С. 354—355.
- ¹⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 189. Л. 62.
- ¹⁶³ Путна В.К. В первые дни. С. 355.
- ¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 189. Л. 62.
- ¹⁶⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 3—4.
- ¹⁶⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 189. Л. 62.
- ¹⁶⁷ См. подр.: Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб., 1999.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 1 и след.
- ¹⁶⁹ См., напр.: Кораблев Ю.И. Троцкий Лев Давидович. С. 48.
- ¹⁷⁰ Троцкий Л.Д. Красные офицеры: Речь на курсах Военной Администрации в сентябре 1918 г. // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 325.
- ¹⁷¹ Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 65, 606.
- ¹⁷² Далее следует: «...и в то же время остается пропитанной самым внутренним, „заумным“ антисемитизмом и устраивает погромы» (Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 81).
- ¹⁷³ См.: Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 294 и др.
- ¹⁷⁴ Шкловский В.Б. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁷⁵ Мясников А.Ф. Избранные произведения. М., 1985. С. 54.
- ¹⁷⁶ Цит. по: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 205.
- ¹⁷⁷ Цит. по: Там же.
- ¹⁷⁸ Правда. 1918. 29 нояб. № 259; то же: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 8.
- ¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 3—4; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 615.
- ¹⁸⁰ Правда. 1918. 29 ноября. № 259.
- ¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 189. Л. 63. То же: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 7 об.
- ¹⁸² Смирнов Иван Никитич (1881—1936) — советский партийный и военный деятель. Русский. Из крестьян (уроженец Зарайского уезда Рязанской губернии). Членство в партиях: в социал-демократическом движении

с 1899, затем РСДРП, большевик (до 1927, 1930—1933). Член ЦК РКП(б) (1920—1921), кандидат в члены ЦК РКП(б) (1919—1920, 1921—1922). В советском военном ведомстве — член РВС Восточного фронта (1918), член РВСР (с 1918); зам. членов РВТР (с декабря 1918). Видный деятель левой, затем объединенной оппозиции. Арестован в 1933. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован (см.: *Шишкин В.И.* Сибирский Ленин // Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 10. С. 119—130; *Горячев Ю.В.* Указ. соч. С. 374; РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об.).

¹⁸³ См.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь—декабрь 1918 г.): Сб. док. Т. 5. М., 1970. С. 257 и далее.

¹⁸⁴ Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 62.

¹⁸⁵ **Мехоношин (Механошин) Константин Александрович** (1889—1938) — советский государственный и военный деятель. Членство в партиях: РСДРП, большевик с 1913. В советском военном ведомстве — член коллегии Наркомата по военным делам РСФСР, член Высшего военного совета (с марта 1918) и член РВС Восточного фронта (июнь—август 1918), затем член РВСР, в годы Гражданской войны входил в состав ряда реввоенсоветов фронтов и армий. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован (см.: *Викторов И.* Член Реввоенсовета Республики: О К.А. Мехоношине // ВИЖ. 1964. № 10. С. 124—128; *Обожди В.А.* Константин Мехоношин: Судьба и время. М., 1991; *Селиверстова Л.Н.* Мехоношин Константин Александрович // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918. — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 242—255).

¹⁸⁶ Южный фронт (май 1918 — март 1919). С. 218, 219.

¹⁸⁷ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. М., 1936. С. 26.

¹⁸⁸ Правда. 1918. 29 нояб.

¹⁸⁹ Trotsky's papers. Т. 1. 1917—1919. L.; P., 1964. P. 205 etc.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 94. Л. 13.

¹⁹¹ **Белобородов Александр Георгиевич** (1891—1938), старый большевик, член РСДРП с 1907. Член ЦК (1919—1920), кандидат в члены ЦК (1920—1921) РКП(б). На советской работе — председатель Уральского облисполкома (январь 1918 — январь 1919), Вятского губревкома (февраль—март 1919); уполномоченный СТО на Южном фронте (с апреля 1919). В советском военном ведомстве — зам. нач. Политуправления РВСР (с июля 1919); в распоряжении Реввоенсовета Юго-Восточного фронта (с сентября 1919); член Реввоенсовета 9-й армии (октябрь 1919 — июль 1920); зам. председателя РВС Кавказской трудовой армии и член Кавказского бюро РКП(б) (с августа 1920). В межвоенный период — председатель краевого экономического совета Юго-Востока.

¹⁹² **Смилга Ивар Тенисович** (1892—1938) — советский партийный, государственный и военный деятель. Латыш (уроженец Вольмарского уезда Лифляндской губернии). Сын лесника. Членство в партиях: РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) (1907—1927, 1930—1937). Член ЦК РСДРП(б) — РКП(б) (апрель 1917 — 1920); кандидат в члены ЦК РКП(б) (1920—1921, 1922—1923, 1924—1925). Кандидат в члены Президиума ВЦИК (1921—1922), член ЦИК СССР. На советской работе — уполномоченный СНК РСФСР в Финляндии (1917—1918); на работе в ВСНХ (с 1921) — член Президиума, заместитель председателя и нач. Главного управления по топливу; зам. председателя Госплана СССР (1924—1925). В советском военном ведомстве — член РВС:

3-й армии (июль—октябрь 1918), Восточного (октябрь 1918 — апрель 1919), Юго-Восточного (октябрь 1919 — январь 1920) фронтов; нач. Политуправления РВСР и член РВСР (май 1919 — март 1923), по совместительству — член РВС Западного фронта, член Реввоенсовета Кавказского фронта, член Реввоенсовета Западного фронта (с мая 1920).

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 3. Л. 26.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 2. Д. 19. Л. 1.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ *Волкоганов Д.А.* Троцкий. Кн. 1. М., 1997. С. 230.

¹⁹⁸ См.: Там же.

¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 8. Л. 92.

²⁰⁰ Там же. Л. 112—113.

²⁰¹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 392.

²⁰² Там же. С. 393.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. — С. 130.

²⁰⁵ *Каминский В.В.* Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917—1918 гг.). СПб., 2000; расширенный вариант той же книги: Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011.

²⁰⁶ *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2014. С. 209.

²⁰⁷ *Липицкий С.В.* Сталин Иосиф Виссарионович // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 384.

²⁰⁸ На документе имеется ряд помет, не поддающихся прочтению.

²⁰⁹ Подчеркнуто простым карандашом в Секретариате ЦК РКП(б).

²¹⁰ В деле отсутствуют.

²¹¹ См.: *Гимпельсон Е.Г.* Становление и эволюция советских органов государственного управления... М., 2003. С. 81.

²¹² См.: *Войтков С.С.* «Русская правда» Павла Пестеля в освещении историков // Военно-исторический архив. 2016, в плане на 4-й номер журнала.

²¹³ См.: *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов: К характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 36—37; *Твардовская В.А.* От редакции // Отечественная история. 2001. № 5. С. 52.

²¹⁴ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 30—46.

²¹⁵ *Ворошилов К.Е.* Рассказы о жизни. Кн. 1. М., 1971. С. 218.

²¹⁶ Там же. С. 264.

²¹⁷ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель—май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 565.

²¹⁸ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. М., 1997. С. 86—87.

²¹⁹ Цитируются воспоминания Л.Д. Троцкого о Л.Б. Красине (*Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 223).

²²⁰ Там же. С. 226.

²²¹ *Ворошилов К.Е.* Указ. соч. Кн. 1. С. 363.

²²² См.: История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. С. 139.

²²³ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1951. С. 98.

²²⁴ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 390.

²²⁵ **Шавельский Георгий Иванович** (1871—1951, София) — священник Православной Российской церкви, впоследствии Русской православной церкви за границей, с 1927 г. — Болгарского экзархата. Член Святейшего Правительствующего Синода (октябрь 1915 — апрель 1917). В 1902 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию в степени кандидата богословия. Во время Русско-японской войны полковой священник, дивизионный благочинный и в конце войны — главный священник Маньчжурской армии (1904—1906). Был награжден орденом Св. Анны 2-й и 3-й ст. с мечами, наперсным золотым крестом из Кабинета е.и.в. на георгиевской ленте. В 1905 г. возведен в сан протоиерея. В 1906—1910 гг. был законоучителем в Смольном институте, профессором Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института. С 1911 г. протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи. В годы Первой мировой войны находился в Ставке Верховного главнокомандующего, откуда руководил военными священниками, а также выезжал на фронт, бывал на передовых позициях. Член Всероссийского Поместного собора 1917—1918 гг., член Высшего Церковного совета. Участник Белого движения, до 1919 г. — в Добровольческой армии Деникина, затем эмигрировал в Болгарию, был профессором богословского факультета Софийского университета (Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг.: Документы и материалы / Сост.: Е.Д. Алексеева, Н.В. Антонова, А.С. Балакирев, Е.В. Иванова, Н.А. Филаткина, В.А. Шевченко. Археограф И.С. Месяц. М., 2014. С. 166). «Шавельский довольно часто бывает на фронте, говорит там солдатам проповеди и речи, довольно храбро ходит в полосе огня, за что и получил наперсный крест на георгиевской ленте» (*Лемке М.К.* Указ. соч. С. 477).

²²⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 36.

²²⁷ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 142.

²²⁸ *Захарова Л.Г.* Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 581.

²²⁹ *Гучков А.И.* Речь по смете Военного министерства на 1908 год. (Заседание 27-го мая 1908 года) // Гучков А.И. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва. 1908—1912. С. 29.

²³⁰ Письмо Н. Кудашева С.Д. Сазонову от 24 августа (6 сентября) 1915 г. (Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 54).

²³¹ **Данилов Юрий Никифорович** (1866—1937) — генерал от инфантерии (1916). В годы Первой мировой войны — генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, командир 25-го армейского корпуса. С августа 1916 г. начальник Штаба Северного фронта. После Февральской революции — команд. 5-й армией. После окончания Гражданской войны в эмиграции (*Половцов П.А.* Дни затмения / Предисл. и примеч. А.С. Сенина. М., 1999. Указ. соч. С. 242, 243. Примечание).

²³² *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 73.

²³³ Ср., напр.: расхождения историков во взглядах на роль М.А. Мило-
радовича в 1825 г.: 1) *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006. С. 82, 85, 86, 119;
2) *Гордин Я.А.* Мятеж реформаторов. Драма междоусобия. СПб., 2006.
С. 101, 104; *Мироненко С.В.* 14 декабря 1825 года. Восстания могло не
быть // ОИ. 2002. № 3. С. 63—65.

²³⁴ Военное законодательство Российской империи / Сост.: В.Ю. Кудей-
кин, А.Е. Савинкин. М.: Российский военный сб., 1996. С. 51.

²³⁵ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюцион-
ной России. М., 2008. С. 294.

²³⁶ Военное законодательство Российской империи. С. 51.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. С. 52.

²³⁹ Там же. С. 51—52.

²⁴⁰ Там же. С. 52.

²⁴¹ См.: *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов. С. 38 и след.

²⁴² *Гучков А.И.* Речь по смете Военного министерства... С. 29; *Ерош-
кин Н.П.* Указ. соч. С. 300.

²⁴³ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. С. 211.

²⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 97—98.

²⁴⁵ **Янушкевич Николай Николаевич** (1868—1918) — генерал от инфанте-
рии (1914). В Первую мировую войну — начальник Генерального штаба,
начальник штаба Верховного главнокомандующего великого князя Николая
Николаевича (с 19 июля 1914 г. по 18 сентября 1915 г.), 31 марта 1917 г.
уволен со службы, в начале 1918 г. арестован и по пути в Петроград убит.

²⁴⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 582.

²⁴⁷ В.А. Сухомлинов сменил Ф.Ф. Палицына на посту начальника Глав-
ного управления Генерального штаба.

²⁴⁸ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары / Под ред. А.М. Лукашеви-
ча. М., 2005. С. 192.

²⁴⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 582.

²⁵⁰ *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 5 (предисл.); *Ерошкин Н.П.* Указ. соч.
С. 294.

²⁵¹ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Т. 1. М., 1999. С. 436—437.

²⁵² Там же. С. 437.

²⁵³ Там же Т. 2. М., 1999. С. 291.

²⁵⁴ Там же. С. 291—292.

²⁵⁵ Там же. С. 292.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ **Константин Константинович** (К. Р., 1858—1915) — великий князь, внук
императора Николая I, президент Императорской Санкт-Петербургской
академии наук, генерал-инспектор военно-учебных заведений, высочайший
покровитель Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников,
основанного в 1911 г. в Санкт-Петербурге.

²⁵⁸ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив.
1923. Т. 3. С. 48.

²⁵⁹ *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. С. 105.

²⁶⁰ **Гучков Александр Иванович** (1862—1936) — крупный русский капита-
лист, организатор и лидер партии октябристов. В период столыпинской реак-
ции — председатель Комиссии государственной обороны, председатель
III Государственной думы (1910—1911). В годы Первой мировой войны — пред-

седатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне государства. *После Февральской революции 1917 г.* — военный и морской министр в первом составе Временного правительства; в августе 1917 г. — один из организаторов корниловского мятежа. *Участник Гражданской войны* — один из организаторов военной контрреволюции и интервенции против Советского государства, белоэмигрант (см.: Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель—май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 652; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996).

²⁶¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Сост.: В.И. Старцев, С. Ляндрес, А.В. Смолин. М., 1993. С. 51.

²⁶² *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 79.

²⁶³ *Маништейн К.Г.* Записки о России. М., 1998. С. 385.

²⁶⁴ См.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 574.

²⁶⁵ Цит. по: Там же. С. 575.

²⁶⁶ К истории Манифеста 17-го Октября // АРР. Т. 2. М., 1991. С. 9.

²⁶⁷ Там же. С. 10.

²⁶⁸ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 472—473.

²⁶⁹ К истории Манифеста 17-го Октября // АРР. Т. 2. М., 1991. С. 5.

²⁷⁰ Там же. С. 7—8.

²⁷¹ Там же. С. 11.

²⁷² Там же. С. 13.

²⁷³ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 445.

²⁷⁴ Там же. С. 446.

²⁷⁵ Там же. Т. 2. С. 64.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 111—112.

²⁷⁸ Там же. С. 174.

²⁷⁹ Там же. С. 173.

²⁸⁰ Там же. С. 175.

²⁸¹ Там же. С. 293.

²⁸² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 53.

²⁸³ Там же. С. 52—53.

²⁸⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911—1915 / Сост. В.М. Хрусталева. М., 2013. Вклейка.

²⁸⁵ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 164.

²⁸⁶ *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 578.

²⁸⁷ **Маниковский Алексей Алексеевич** (1865—1920) — крупнейший специалист по боевому снабжению русской армии начала XX в., генерал от артиллерии (1916). Православный. *Образование:* Тифлисский кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886), Михайловская артиллерийская академия (1891), Офицерская артиллерийская школа (1898). *На военной службе* с 1883 (офицер с 1884) — в 38-й арт. бригаде (с августа 1884), на Ижевском заводе (июнь 1893 — август 1895); ком. ротой, бат.; зав. практическими занятиями Усть-Двинской крепостной артиллерии (август 1900 — апрель 1901); зав. практическими занятиями Либавской крепостной артиллерии (апрель 1901 — ноябрь 1904); зав. обучающимися в крепостном отделе офицерской арт. школы (июль—ноябрь 1904); штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления инспектора артиллерии 2-й Маньчжурской армии (ноябрь 1904 — февраль 1906); ком. Усть-Двинской кре-

постной артиллерии (февраль 1906); ком. Кронштадтской крепостной артиллерии (сентябрь 1906 — октябрь 1908); нач. артиллерии Кронштадтской крепости (октябрь 1908 — март 1914); комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонительных работ в Кронштадте (с марта 1914) и совещательный член Арткомитета ГАУ (февраль 1909 — май 1915); нач. ГАУ (с 24 мая 1915). *После Февральской революции* — пом. военного министра А.И. Гучкова (с марта 1917), после отставки Гучкова врио управляющего Военным министерством (с апреля 1917), при А.Ф. Керенском тов. (зам.) военного министра по снабжению (с сентября 1917). *Во время Октябрьского переворота* арестован в числе др. членов правительства. 28 октября 1917 г. согласился работать на Советскую власть и через два дня освобожден; 20 ноября 1917 г. вновь арестован за организацию контрреволюционного саботажа, но через 10 дней освобожден — на этот раз на поруки. *В советском военном ведомстве* — нач. ГАУ; главный начальник снабжений; постоянный член ВЗС (с июля 1918); в распоряжении РВС Туркестанского фронта (с ноября 1919). Погиб «при крушении поезда». *Участие в войнах*: Русско-японская война. *Награды*: ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1906); Золотое оружие (1906); Св. Станислава 1-й ст. (1910); Св. Анны 1-й ст. (1913). Автор фундаментального труда «Боевое снабжение русской армии в войну» (Ч. 1—3, 1920—1923).

²⁸⁸ *Нокс А.* Указ. соч. С. 250.

²⁸⁹ Там же. Указ. соч. С. 248.

²⁹⁰ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 84—85.

²⁹¹ Там же. С. 79.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же. С. 49.

²⁹⁴ Там же. С. 51.

²⁹⁵ См.: Там же. С. 287.

²⁹⁶ Цит. по: Там же. С. 173.

²⁹⁷ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 1. М., 1999. С. 105—106.

²⁹⁸ *Мау В.А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861—1929). М., 2013. С. 113.

²⁹⁹ Цит. по: Там же. С. 114.

³⁰⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 53.

³⁰¹ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 280.

³⁰² См. подр.: Там же. С. 277—280. В высочайшем рескрипте об увольнении А.Ф. Редигера конечно же утверждалось, что причиной было «состояние здоровья» военного министра, требовавшее «продолжительного отдыха и надлежащего о нем попечения» (Там же. С. 282).

³⁰³ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 293.

³⁰⁴ Цит. по: Там же. С. 223—224.

³⁰⁵ *Гучков А.И.* Речь по смете Канцелярии Военного Министерства на 1909 год. (Заседание 19 марта 1909 года) // *Гучков А.И.* К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва. 1908—1912. Петроград, 1915. С. 51.

³⁰⁶ Там же. С. 51—52.

³⁰⁷ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 228.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 90.

³¹⁰ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. 288.

³¹¹ Там же.

³¹² Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911—1915. С. 86.

³¹³ Там же. С. 129.

³¹⁴ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: Сб. док. / Отв. сост. С.А. Харитонов. М., 2014. С. 546; Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 267.

³¹⁵ Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) — генерал от инфантерии (1911). Из дворян. В старой армии — пом. военного министра (1906—1912); управляющий Военным министерством (июнь—сентябрь 1915); военный министр (июнь 1915 — март 1916). По должности руководителя Военного министерства с 17 августа 1915 г. — председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. После Февральской революции — председатель Особой комиссии по демократизации армии. В советском военном ведомстве с 1920 — редактор Главной военно-учебной редакции (с марта 1920); член Военно-законодательного совещания при РВСР (с апреля 1920). Скончался в Риге во время советско-польских мирных переговоров. Участник Первой мировой войны, занимался организацией эвакуации раненых; военный министр (Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) / Публ. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 119—137; № 3. С. 153—165; № 4; № 6; № 8. С. 129—144; № 9. С. 123—140; № 10. С. 135—159; № 11. С. 120—144; Половцов П.А. Указ. соч. С. 233. Примечание).

³¹⁶ Сухомлинов В.А. Воспоминания, мемуары. С. 200—201.

³¹⁷ Гучков А.И. Речь по смете Канцелярии Военного Министерства на 1909 год. С. 52.

³¹⁸ Нокс А. Указ. соч. С. 11.

³¹⁹ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М., 2005. С. 156.

³²⁰ Гордин Я.А. Указ. соч. С. 104.

³²¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 477.

³²² Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 4 (предисл.).

³²³ Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России / Отв. ред. И.И. Минц. М., 1990. С. 30—31.

³²⁴ Половцов П.А. Дни затмения / Науч. коммент. А.С. Сенина. М., 1999. С. 224.

³²⁵ Военный министр В.А. Сухомлинов не желал повторения главной ошибки своего предшественника, а потому не стремился назначить начальником Генерального штаба сильного генерала.

³²⁶ Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 132.

³²⁷ Цит. по: Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. Т. 2. М., 2014. С. 164.

³²⁸ См. о ней, напр.: Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 349.

³²⁹ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 166.

³³⁰ Сухомлинов В.А. Воспоминания, мемуары. С. 237.

³³¹ См. подр.: Там же. С. 238.

³³² Выражение военного министра (Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 48).

³³³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 559.

³³⁴ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 57.

³³⁵ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 175.

³³⁶ Так называла С.Д. Сазонова императрица (см.: Айрапетов О.Р. Указ. соч. Т. 2. С. 198).

³³⁷ См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Переизд. Пер. с англ. С.А. Алексеева, А.И. Рубена; предисл. В. Гурко-Кряжина. М, 1991. С. 173, 176.

³³⁸ Барк Петр Львович (1869—1937) — российский государственный деятель, видный государственный банкир, последний министр финансов Российской империи (1914—1917), действительный тайный советник, член Государственного совета (Мау В.А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861—1929). М., 2013. С. 459).

³³⁹ Глобачев К.И. С. 131.

³⁴⁰ Там же. С. 132.

³⁴¹ См.: Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 4.

³⁴² Цит. по: Чапкевич Е.И. Указ. соч. С. 7.

³⁴³ Сухомлинов В.А. Воспоминания, мемуары. С. 238—239.

³⁴⁴ Г.З. Иоффе прямо назвал распространяемые сплетни об этом «черным пиаром» (Иоффе Г.З. Рец. на кн.: Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с. // ОИ. 2002. № 3. С. 184).

³⁴⁵ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 104.

³⁴⁶ Раунах Р.Р. Правда о русской революции. М., 2009. Facies Hippocratica (Лик умирающего). СПб., 2007. С. 171.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же. С. 172.

³⁴⁹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 199.

³⁵⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С. 647.

³⁵¹ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 136.

³⁵² Первая мировая война и конец Российской империи / Р.Ш. Ганелин, С.В. Куликов, А.Б. Николаев, В.В. Поликарпов. Т. 3. СПб., 2014. С. 163.

³⁵³ См.: Глобачев К.И. Указ. соч. С. 104.

³⁵⁴ Там же. С. 113.

³⁵⁵ Там же. С. 116.

³⁵⁶ Переписка Николая и Александры. 1914—1917. С. 889.

³⁵⁷ Нокс А. Указ. соч. С. 341.

³⁵⁸ Лемке М.К. Указ. соч. С. 548.

³⁵⁹ Там же. С. 275.

³⁶⁰ Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1914). Участник Первой мировой войны — нач. штаба армий Юго-Западного фронта (1914—1915); нач. штаба в Ставке Верховного главнокомандующего (1915—1917); Верховный главнокомандующий (апрель—май 1917). После Октябрьского переворота один из основателей и военный руководитель Добровольческой армии (Половцов П.А. Указ. соч. С. 228. Примечание).

³⁶¹ Нокс А. Указ. соч. С. 341.

³⁶² Шавельский Г. Указ. соч. С. 291.

³⁶³ Лемке М.К. Указ. соч. С. 327.

- ³⁶⁴ Там же. С. 472.
- ³⁶⁵ См.: *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1999. С. 355.
- ³⁶⁶ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 230—231.
- ³⁶⁷ Там же. С. 230.
- ³⁶⁸ Там же. С. 231.
- ³⁶⁹ *Нокс А.* Указ. соч. С. 201.
- ³⁷⁰ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 686.
- ³⁷¹ См., напр.: *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 37, 40.
- ³⁷² *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 436.
- ³⁷³ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары. С. 256.
- ³⁷⁴ *Поливанов А.А.* Указ. соч. № 3. С. 156.
- ³⁷⁵ *Нокс А.* Указ. соч. С. 201.
- ³⁷⁶ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 550—551.
- ³⁷⁷ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары. С. 212—214.
- ³⁷⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 620—622. Подробно сплетни изложены и в кн.: *Нокс А.* Указ. соч. С. 200.
- ³⁷⁹ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 373.
- ³⁸⁰ Русофобия как таковая имеет место, однако карьеристы предпочитают сражения с ветряными мельницами: это безопасно для здоровья и службы.
- ³⁸¹ См. подр.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 800.
- ³⁸² *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // *Тютюкин С.В.* Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005. С. 182.
- ³⁸³ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. С. 58.
- ³⁸⁴ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 45.
- ³⁸⁵ Там же. С. 45—46.
- ³⁸⁶ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары. С. 268.
- ³⁸⁷ Там же.
- ³⁸⁸ См.: Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 47 и далее.
- ³⁸⁹ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. С. 55.
- ³⁹⁰ Там же. С. 58.
- ³⁹¹ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 376.
- ³⁹² *Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары. С. 298.
- ³⁹³ Там же.
- ³⁹⁴ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 103.
- ³⁹⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 47.
- ³⁹⁶ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 361.
- ³⁹⁷ Военное законодательство Российской империи. С. 53—54.
- ³⁹⁸ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 361.
- ³⁹⁹ *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 310.
- ⁴⁰⁰ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 361.
- ⁴⁰¹ *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 70.
- ⁴⁰² См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 144.
- ⁴⁰³ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911—1915. С. 343.
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 353.

⁴⁰⁵ Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Документы и материалы. С. 65.

⁴⁰⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. С. 9.

⁴⁰⁷ Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России... С. 185.

⁴⁰⁸ Цит. по: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 85.

⁴⁰⁹ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 г. — 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 16.

⁴¹⁰ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2014. С. 31.

⁴¹¹ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 367.

⁴¹² Второй съезд РСДРП. Июль—август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 92.

⁴¹³ Там же. С. 64.

⁴¹⁴ Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России... С. 184.

⁴¹⁵ **Мартынов Александр Павлович** (1875—?) — жандармский офицер, полковник (1915). Образование получил в 3-м Московском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище. Служил во 2-м походном Софийском полку, затем в 7-м гренадерском Самогитском полку, откуда в мае 1899 г. перешел в Отдельный корпус жандармов в качестве младшего офицера Московского жандармского дивизиона. С 1912 по март 1917 г. начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве (Московского охранного отделения).

⁴¹⁶ Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Документы и материалы. С. 123.

⁴¹⁷ Лемке М.К. Указ. соч. С. 9. Для удобства построения материала второй и третий у Лемке высочайшие указы мы поменяли местами.

⁴¹⁸ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 552.

⁴¹⁹ Там же. С. 551.

⁴²⁰ Поливанов А.А. Указ. соч. № 2. С. 135.

⁴²¹ См. подр.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 41—43.

⁴²² Там же. С. 43.

⁴²³ Положение, заметим, забегая вперед по хронологии, будет изменено только после создания 2 сентября 1918 г. Революционного военного совета Республики и оформления его рабочего аппарата — к концу 1918 г. (см. подр.: Войтиков С.С. Высшие кадры Красной армии. М., 2010).

⁴²⁴ См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 31.

⁴²⁵ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / Ред. С.В. Волков. М., 2012. С. 271.

⁴²⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 52.

⁴²⁷ См.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 369.

⁴²⁸ Сухомлинов В.А. Воспоминания, мемуары. С. 310.

⁴²⁹ Там же. С. 312.

⁴³⁰ Нокс А. Указ. соч. С. 34.

⁴³¹ Шавельский Г. Указ. соч. С. 103.

⁴³² Айрапетов О.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 77.

⁴³³ См.: Переписка Николая и Александры. 1914—1917. С. 187.

⁴³⁴ См., напр.: Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 159.

- ⁴³⁵ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. 369.
- ⁴³⁶ Там же. Указ. соч. Т. 2. С. 370.
- ⁴³⁷ *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) / Публ. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 127.
- ⁴³⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 32.
- ⁴³⁹ Там же. С. 147.
- ⁴⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 46.
- ⁴⁴¹ Иосиф Сталин в объятиях семьи / Сост. Ю.Г. Мурин. М., 1993.
- ⁴⁴² См.: Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 35.
- ⁴⁴³ Там же. С. 34—35.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 34.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 35.
- ⁴⁴⁶ *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 81.
- ⁴⁴⁷ *Нокс А.* Указ. соч. С. 145.
- ⁴⁴⁸ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 81. См. также: С. 115 и след.
- ⁴⁴⁹ См.: Там же. С. 106.
- ⁴⁵⁰ *Нокс А.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁵¹ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 125.
- ⁴⁵² Там же. С. 126.
- ⁴⁵³ Там же. С. 127.
- ⁴⁵⁴ Там же.
- ⁴⁵⁵ См.: *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 139.
- ⁴⁵⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 147—148.
- ⁴⁵⁷ Там же. Указ. соч. С. 147—148.
- ⁴⁵⁸ Там же. С. 147.
- ⁴⁵⁹ См. также: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 81; Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 54.
- ⁴⁶⁰ *Нокс А.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁶¹ Там же. С. 304.
- ⁴⁶² Там же. С. 265.
- ⁴⁶³ *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴⁶⁴ Использовано выражение из телеграммы Л.Д. Троцкого в РВСР от 5 октября 1918 г. (цит. по: *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 102).
- ⁴⁶⁵ См.: *Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары.
- ⁴⁶⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 86.
- ⁴⁶⁷ *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 121.
- ⁴⁶⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 559.
- ⁴⁶⁹ Там же. С. 619.
- ⁴⁷⁰ *Нокс А.* Указ. соч. С. 200.
- ⁴⁷¹ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: Сб. док. / Отв. сост. С.А. Харитонов. М., 2014. С. 64.
- ⁴⁷² Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 9. Предисл. Правда, в перечислении политических оппонентов В.А. Сухомлинова иногда заносило, и он писал нечто из серии: «14 апреля [1916 г.] С каждым днем яснее становится, какую паутину подлую плели вокруг меня. Главные мастера — Гучков и Поливанов. Сотрудники — великие князья Николай

Николаевич, Сергей Михайлович, Александр Михайлович, генерал-адъютант [Н.И.] Иванов, полковник [Л.И.] Булацель, князь [М.М.] Андроников (действительно отличился, читайте ниже. — С. В.), Н.И. Червинская, супруги Коломнины, негодяйка Анна Андреевна Гошкевич и др. господа. Все это интриговало, клеветало и стряпало политическую похлебку при помощи таких артистов этого сорта кухонного искусства, как следователь [В.А.] Кочубинский, под аккомпанемент думского хора, дирижируемого Родзянкой» (Там же. С. 103).

⁴⁷³ *Нокс А.* Указ. соч. С. 366.

⁴⁷⁴ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 356.

⁴⁷⁵ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 345.

⁴⁷⁶ *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 120. Предисловие В.В. Поликарпова.

⁴⁷⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 32.

⁴⁷⁸ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 353—354.

⁴⁷⁹ Там же. С. 354.

⁴⁸⁰ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 45.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Переписка Николая и Александры. 1914—1917. М., 2013. С. 186.

⁴⁸³ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 52.

⁴⁸⁴ Там же. С. 57.

⁴⁸⁵ Там же. С. 59.

⁴⁸⁶ Там же. С. 60.

⁴⁸⁷ Из письма В.А. Сухомлинова Н.Н. Янушкевичу от 16 июня 1915 г. (Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 72).

⁴⁸⁸ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 72.

⁴⁸⁹ Цит. по: *Пученков А.* Царь на войне // РИ. 2015. № 2. С. 146.

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ «Попав под влияние распутной циничной женщины, он исключительно жил для нее»: Донос на бывшего военного министра В.А. Сухомлинова. 1915 г. / Публ. А.В. Евдокимова, Ф.А. Селезнева // Исторический архив. 2014. № 6. С. 174. Донос представлял собой произведение «Михаила Михайловича Андроникова, прозванного в Петрограде „червонным валетом“. Это аферист высокой марки, придворный Хлестаков-Ноздрев; он сумел быть необходимым самым разнообразным людям и со всех и за все свои услуги получает хороший гонорар. Одному он помогает находить участников акционерного общества для эксплуатации концессии, другому проводит устав промышленного товарищества или компании, третьему коммиссионерствует по сдаче казенных заказов за границу и... удовлетворяя известную страсть Войкова, постепенно приобретает популярность в определенном кругу и благоденствует. Еще воспитываясь в Пажеском корпусе, Андроников подавал надежды на дельца большой марки, не кончил курса и поселился в бедном отеле. Представляю себе положение Алексева — икона ведь не подарок, ее и вернуть нельзя...» (*Лемке М.К.* Указ. соч. С. 214). Об М.М. Андроникове написано немало, см. также: Там же. С. 172; *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 380—381. Н.Н. Янушкевич писал В.А. Сухомлинову: «Глубоко возмущен личностью мерзавца А[ндроникова]. Чем скорее его повесят на одной осине

с Мяс[оедовым], тем будет для всех лучше» (Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 46).

⁴⁹² Историография данного дела весьма обширна. См., напр.: *Зданович А.А.* «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу? // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 234—247.

⁴⁹³ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 44.

⁴⁹⁴ *Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 72.

⁴⁹⁵ Там же. С. 78.

⁴⁹⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 190.

⁴⁹⁷ Там же. С. 160.

⁴⁹⁸ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 250.

⁴⁹⁹ «Попад под влияние распутной циничной женщины, он исключительно жил для нее». С. 174, 175. 11 июня 1915 г. Львов был нами возвращен (Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 60).

⁵⁰⁰ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 60.

⁵⁰¹ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 395.

⁵⁰² См.: Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 135.

⁵⁰³ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 61.

⁵⁰⁴ Там же. С. 544.

⁵⁰⁵ Н.Б. Щербатовым, см.: *Моруков Ю.Н.* История органов правопорядка России в точных датах. Хронологический справочник. М., 2007. С. 33.

⁵⁰⁶ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 61.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 160.

⁵⁰⁹ См.: Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 8—9.

⁵¹⁰ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 774.

⁵¹¹ *Раурах Р.Р.* Указ. соч. С. 130.

⁵¹² См.: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 170.

⁵¹³ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 281.

⁵¹⁴ *Раурах Р.Р.* Указ. соч. С. 99.

⁵¹⁵ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 67.

⁵¹⁶ Цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 198.

⁵¹⁷ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 47—48.

⁵¹⁸ Там же. С. 48.

⁵¹⁹ См.: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 182.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ *Нокс А.* Указ. соч. С. 299.

⁵²² *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 245.

⁵²³ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 49.

⁵²⁴ Там же. С. 51.

⁵²⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 77.

⁵²⁶ *Брусиллов А.А.* Указ. соч. С. 197. Б.И. Колоницкий пишет, что современники констатировали: в целом страна и армия были готовы обвинить в поражениях кого угодно, но только не Николая Николаевича (*Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 470).

⁵²⁷ *Нокс А.* Указ. соч. С. 143.

⁵²⁸ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 134—135.

- ⁵²⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 8.
- ⁵³⁰ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 149.
- ⁵³¹ Там же. С. 140.
- ⁵³² Там же. С. 147.
- ⁵³³ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 51.
- ⁵³⁴ Там же. С. 52.
- ⁵³⁵ Переписка Николая и Александры. 1914—1917. С. 205.
- ⁵³⁶ Там же.
- ⁵³⁷ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 133.
- ⁵³⁸ Переписка Николая и Александры. 1914—1917. С. 224.
- ⁵³⁹ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 139.
- ⁵⁴⁰ См. подр.: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 186.
- ⁵⁴¹ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 139—140.
- ⁵⁴² *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 148.
- ⁵⁴³ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 142.
- ⁵⁴⁴ Там же. С. 410.
- ⁵⁴⁵ Там же. С. 142.
- ⁵⁴⁶ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁴⁷ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 150.
- ⁵⁴⁸ Там же. С. 151.
- ⁵⁴⁹ Закон об особыхъ совещанияхъ. М., 1915. С. 1, 3.
- ⁵⁵⁰ См. подр.: Там же. С. 3. В связи с тем, что историография вопроса весьма обширна, а сюжет прямого отношения к теме книги не имеет, автор считает целесообразным лишь упомянуть самый факт образования особых совещаний.
- ⁵⁵¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 151.
- ⁵⁵² *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 270.
- ⁵⁵³ *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 140.
- ⁵⁵⁴ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 361—362.
- ⁵⁵⁵ Там же. С. 363.
- ⁵⁵⁶ Там же. С. 362.
- ⁵⁵⁷ Там же. С. 364.
- ⁵⁵⁸ Там же. С. 364—365.
- ⁵⁵⁹ Цит. по: *Пученков А.* Указ. соч. С. 148.
- ⁵⁶⁰ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 366.
- ⁵⁶¹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 193 (коммент.).
- ⁵⁶² *Нокс А.* Указ. соч. С. 145.
- ⁵⁶³ **Энгельгардт Борис Александрович** (1877—1962) — депутат Государственной думы 4-го созыва, полковник (1917). Из дворян. С 20 апреля 1916 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. В дни *Февральской революции* избран председателем военной комиссии Временного комитета Государственной думы. После *Октябрьского переворота* сражался в Добровольческой армии, затем эмигрировал. После установления Советской власти в Латвии оказался в СССР. Отбывал административную ссылку в Хорезмской области. С 1946 г. жил в Риге (*Половцов П.А.* Указ. соч. С. 228. Примечание).
- ⁵⁶⁴ *Пученков А.* Указ. соч. С. 147.
- ⁵⁶⁵ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 53.
- ⁵⁶⁶ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 149.

- ⁵⁶⁷ Там же. С. 190.
- ⁵⁶⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 151.
- ⁵⁶⁹ Там же.
- ⁵⁷⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 107.
- ⁵⁷¹ Там же. Д. 110.
- ⁵⁷² *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 548.
- ⁵⁷³ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 68.
- ⁵⁷⁴ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 504.
- ⁵⁷⁵ Там же. С. 151.
- ⁵⁷⁶ Там же. С. 152.
- ⁵⁷⁷ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 149.
- ⁵⁷⁸ *Поливанов А.А.* Указ. соч. № 2. С. 122.
- ⁵⁷⁹ Там же.
- ⁵⁸⁰ Там же. С. 123.
- ⁵⁸¹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 190.
- ⁵⁸² *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 271.
- ⁵⁸³ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928.
- Т. 2(27). С. 54. См. также: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 81.
- ⁵⁸⁴ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928.
- Т. 2(27). С. 54.
- ⁵⁸⁵ Там же. С. 55.
- ⁵⁸⁶ Там же. С. 54.
- ⁵⁸⁷ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 149—150.
- ⁵⁸⁸ *Поливанов А.А.* Указ. соч. № 2. С. 126.
- ⁵⁸⁹ Цит. по: Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 189.
- ⁵⁹⁰ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 70.
- ⁵⁹¹ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 137.
- ⁵⁹² Там же.
- ⁵⁹³ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. С. 211.
- ⁵⁹⁴ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. С. 277.
- ⁵⁹⁵ *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 9.
- ⁵⁹⁶ *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 306.
- ⁵⁹⁷ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 148.
- ⁵⁹⁸ Там же. С. 195.
- ⁵⁹⁹ Там же. С. 773.
- ⁶⁰⁰ *Нокс А.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶⁰¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 775.
- ⁶⁰² *Нокс А.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶⁰³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 191.
- ⁶⁰⁴ *Поливанов А.А.* Указ. соч. № 11. С. 140.
- ⁶⁰⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 183.
- ⁶⁰⁶ *Нокс А.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶⁰⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 79.
- ⁶⁰⁸ *Нокс А.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶⁰⁹ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 312—313.
- ⁶¹⁰ См.: *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. М., 2010.
- ⁶¹¹ См.: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 199.
- ⁶¹² **Шляпников Александр Гаврилович** (1885—1937) — советский партийный, государственный и военный деятель. *Членство в партиях*: РСДРП (по-

сле раскола — большевик) с 1901. На партийной работе в Сороме, Муроме, Петербурге и Москве. Не ранее 1914 — апрель 1917 — член ЦК РСДРП по кооптации, в 1915—1917 — председатель «Всероссийского» бюро ЦК РСДРП, известного в историографии в качестве Русского бюро ЦК РСДРП. В 1917 — член ПК РСДРП(б), член Исполкома Петросовета и председатель Петроградского союза металлистов. После Октябрьского переворота — нарком труда РСФСР. *В советском военном ведомстве* — член РВС Южного фронта (октябрь—декабрь 1918), одновременно председатель РВС Каспийско-Кавказского отдела фронта, член РВС Каспийско-Кавказского фронта (декабрь 1918 — февраль 1919), член РВС 16-й армии (ноябрь 1919 — февраль 1920). *В межвоенный период* — на профсоюзной и хозяйственной работе; организатор и лидер антипартийной группы Рабочей оппозиции (1920—1922). Исключен из рядов ВКП(б) в 1933. Репрессирован. Расстрелян. Реабилитирован.

⁶¹³ Цитируется черновик статьи А.Г. Шляпникова (РГАСПИ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

⁶¹⁴ См. подр.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». С. 455, 456.

⁶¹⁵ Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 200.

⁶¹⁶ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Цит. по: Великая война: Верховные главнокомандующие / Ред. Р.Г. Гагкуев. М., 2015. С. 494.

⁶¹⁷ *Нокс А.* Указ. соч. С. 41.

⁶¹⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 143.

⁶¹⁹ *Нокс А.* Указ. соч. С. 41.

⁶²⁰ См. подр. *Кобылин В.С.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Изд. 2-е. СПб., 2005.

⁶²¹ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 145.

⁶²² *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Цит. по: Великая война: Верховные главнокомандующие / Ред. Р.Г. Гагкуев. М., 2015. С. 494.

⁶²³ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 301.

⁶²⁴ Там же. С. 301.

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 143.

⁶²⁷ Там же. С. 32.

⁶²⁸ *Тихменев Н.* Император Николай II — Верховный главнокомандующий. Цит. по: Великая война. Верховное главнокомандование. С. 507.

⁶²⁹ Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 211.

⁶³⁰ *Нокс А.* Указ. соч. С. 305.

⁶³¹ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 342.

⁶³² Там же. С. 345.

⁶³³ *Нокс А.* Указ. соч. С. 305.

⁶³⁴ *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 342.

⁶³⁵ См.: *Поливанов А.А.* Указ. соч. № 2. С. 120. Предисловие В.В. Поликарпова.

⁶³⁶ Александр Михайлович, Великий князь: Книга воспоминаний. М., 2008.

⁶³⁷ Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 197.

⁶³⁸ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 292.

⁶³⁹ Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 198.

- ⁶⁴⁰ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 167.
- ⁶⁴¹ Шавельский Г. Указ. соч. С. 489.
- ⁶⁴² Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 263.
- ⁶⁴³ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 31, 32.
- ⁶⁴⁴ Тютюкин С.В. На внутреннем «фронте» // РИ. 2015. № 2. С. 165—166.
- ⁶⁴⁵ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 299 (коммент.).
- ⁶⁴⁶ Тютюкин С.В. На внутреннем «фронте». С. 165.
- ⁶⁴⁷ См. подр.: Там же. С. 166.
- ⁶⁴⁸ Миллюков П.Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 206.
- ⁶⁴⁹ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 64—65.
- ⁶⁵⁰ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 134.
- ⁶⁵¹ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 71.
- ⁶⁵² См.: Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 71 и далее; Базанов С.Н. Великий князь Николай Николаевич Младший // Великая война: Верховные главнокомандующие. С. 508.
- ⁶⁵³ См.: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика».
- ⁶⁵⁴ Александр Михайлович, Великий князь. Указ. соч. С. 269.
- ⁶⁵⁵ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 169.
- ⁶⁵⁶ Пример не случаен: с начала Первой мировой войны под началом принца А.П. Ольденбургского служил вплоть до назначения управляющим Военным министерством А.А. Поливанов (Поливанов А.А. Указ. соч. № 2. С. 120. Предисловие В.В. Поликарпова).
- ⁶⁵⁷ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 258—259.
- ⁶⁵⁸ Там же. С. 259.
- ⁶⁵⁹ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 314.
- ⁶⁶⁰ Там же. С. 334.
- ⁶⁶¹ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 62.
- ⁶⁶² Нокс А. Указ. соч. С. 250.
- ⁶⁶³ Там же.
- ⁶⁶⁴ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 66.
- ⁶⁶⁵ Там же. С. 70.
- ⁶⁶⁶ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 61—62.
- ⁶⁶⁷ Там же. С. 135.
- ⁶⁶⁸ Там же. С. 53—54.
- ⁶⁶⁹ Там же. С. 356.
- ⁶⁷⁰ Тютюкин С.В. Меньшевизм. С. 308.
- ⁶⁷¹ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 390.
- ⁶⁷² Там же. С. 390—391.
- ⁶⁷³ Цит. по: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 265.
- ⁶⁷⁴ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 288.
- ⁶⁷⁵ Там же. С. 289.
- ⁶⁷⁶ Там же.
- ⁶⁷⁷ См.: Кук Э. Убить Распутина: Жизнь и смерть Григория Распутина / Пер. с англ. М., 2007. С. 76, 110, 111, 116 и след.
- ⁶⁷⁸ Там же. С. 255.
- ⁶⁷⁹ Там же. С. 356.

- ⁶⁸⁰ Там же. С. 125.
- ⁶⁸¹ См.: Там же. С. 117, 121.
- ⁶⁸² Там же. С. 121—122.
- ⁶⁸³ Там же. С. 129.
- ⁶⁸⁴ Там же. С. 348.
- ⁶⁸⁵ Там же. С. 358.
- ⁶⁸⁶ Там же. С. 351.
- ⁶⁸⁷ Там же. С. 375—376.
- ⁶⁸⁸ *Раунах Р.Р.* Указ. соч. С. 195.
- ⁶⁸⁹ *Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 64—65.
- ⁶⁹⁰ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 271.
- ⁶⁹¹ *Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 359.
- ⁶⁹² Там же. С. 372.
- ⁶⁹³ Там же. С. 373.
- ⁶⁹⁴ Там же. С. 375.
- ⁶⁹⁵ Там же. С. 380.
- ⁶⁹⁶ Там же. С. 399.
- ⁶⁹⁷ Там же. С. 405.
- ⁶⁹⁸ Там же. С. 406.
- ⁶⁹⁹ Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Документы и материалы. С. 243—244.
- ⁷⁰⁰ *Спиридович А.И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. М., 2007. С. 287.
- ⁷⁰¹ Там же. С. 287—288.
- ⁷⁰² Цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 214.
- ⁷⁰³ Цит. по: *Измозик В.С.* Настроения российского общества в годы Первой мировой войны (по матер. перлюстрации) // Исторические чтения на Лубянке. Ч. 1. 2014 год. М., 2015. С. 69.
- ⁷⁰⁴ См. о нем: *Дунаева А.Ю.* Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012.
- ⁷⁰⁵ *Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 95.
- ⁷⁰⁶ *Нокс А.* Указ. соч. С. 506.
- ⁷⁰⁷ *Миллюков П.Н.* Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 337.
- ⁷⁰⁸ См., напр.: *Раунах Р.Р.* Указ. соч. С. 204.
- ⁷⁰⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 25.
- ⁷¹⁰ Цит. по: *Седова Я.* Великий магистр революции. М., 2006. С. 150. Высший генералитет поддержал отречение, исключение составили: В.И. Ромейко-Гурко, хан Гуссейн Нахичеванский, Ф.А. Келлер (*Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 450).
- ⁷¹¹ *Пчелов Е.В.* Романовы. История великой династии. М., 2013. С. 267.
- ⁷¹² *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 407.
- ⁷¹³ См.: *Суряев В.Н.* «Войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно»: Отношение офицерства Русской императорской армии к Февральской революции 1917 года // Военно-исторический журнал. 2015. № 7. С. 50.
- ⁷¹⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 407.
- ⁷¹⁵ Там же. С. 236—237.
- ⁷¹⁶ *Родзянко Е.Ф.* Добавление к книге «Крушение империи» М.В. Родзянко 1962—1963 // *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 337—338.

- ⁷¹⁷ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 299.
- ⁷¹⁸ Там же. С. 297.
- ⁷¹⁹ Там же.
- ⁷²⁰ Там же. С. 303.
- ⁷²¹ Там же. С. 299—300.
- ⁷²² Там же. С. 300.
- ⁷²³ Цит. по: Там же. С. 305.
- ⁷²⁴ Половцов П.А. Указ. соч. С. 228, 234—235. Примечания.
- ⁷²⁵ Там же. С. 235. Ср.: Нокс А. Указ. соч. С. 510.
- ⁷²⁶ Половцов П.А. Указ. соч. С. 235.
- ⁷²⁷ См.: Нокс А. Указ. соч. С. 514.
- ⁷²⁸ Половцов П.А. Указ. соч. С. 235.
- ⁷²⁹ Цит. по: Айрапетов О.Р. Указ. соч. Т. 2. С. 170.
- ⁷³⁰ Измозик В.С. Временное правительство. Люди судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 163.
- ⁷³¹ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 306.
- ⁷³² Там же. С. 350.
- ⁷³³ Половцов П.А. Указ. соч. С. 233. Примечания.
- ⁷³⁴ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 61.
- ⁷³⁵ Там же. С. 80.
- ⁷³⁶ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 130.
- ⁷³⁷ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 350.
- ⁷³⁸ Там же.
- ⁷³⁹ Половцов П.А. Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году) / Предисл. и примеч. А.С. Сенина. М., 1999. С. 39.
- ⁷⁴⁰ Балабин Филипп Иванович (1881—?) — полковник (1915). Из дворян. Образование: Донской кадетский корпус (1899), Николаевское кавалерийское училище (1901), Николаевская академия Генерального штаба (по 1-му разряду; 1908). Во время Февральской революции — пом. нач. штаба Петроградского ВО (с марта 1917); в распоряжении нач. Генерального штаба (с июля 1917). В отставке с февраля 1918. В советском военном ведомстве (добровольно) — нач. оперативного отделения штаба Северного района Завесы (март—июль 1918), уволен со службы (август 1918). В 1927 г. — преподаватель Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Соч.: Балабин Ф.И. Устройство вооруженных сил СССР. Л., 1925. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1909); Св. Анны 3-й ст. (1912); Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1914) (см., напр.: Половцов П.А. Указ. соч. С. 238. Примечание; РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 163. Л. 18). А. Нокс называл полковника в воспоминаниях своим «давним другом еще с 1914 года» (Нокс А. Указ. соч. С. 527).
- ⁷⁴¹ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 350.
- ⁷⁴² Половцов П.А. Указ. соч. С. 37—38.
- ⁷⁴³ Цит. по: Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 350. Военный министр А.И. Гучков надеялся путем некоторого преобразования армейского уклада усилить боеспособность армии и имел в виду, что реформы эти должны спаять армию в крепкое и сильное целое и кос-

нуться военного быта, условий прохождения службы, вопросов о пенсиях и пособиях, положения офицеров, войскового хозяйства и вообще всех сторон жизни армии и флота. Гучков предполагал, что комиссия сможет способствовать устранению всего тормозящего и вредного из жизни вооруженных сил и реформировать армию сообразно с новыми внутривластными реалиями. Военный министр высказался за необходимость разделить все мероприятия по порядку их рассмотрения на три категории: 1) вопросы бесспорные, которые могут быть проведены в жизнь немедленно; 2) вопросы тоже бесспорные, но требующие более продолжительное время для разработки и реализации (их рассмотрение откладывалось); 3) вопросы, решение которых лишь намечалось и которые вызывали неоднозначную реакцию у разных общественных слоев (*Половцов П.А.* Указ. соч. С. 40).

⁷⁴⁴ См.: *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 40. Из протокола заседания — «присутствовавшими был высказан ряд нижеследующих пожеланий: об установлении новых взглядов на взаимоотношения между воинскими чинами и о мерах к избежанию недопустимых волнений в действующей армии; о поддержании достоинства военнотружущих как свободных граждан великой страны (отменить обращение на „ты“ и т. п.); о назначении на командные должности лиц, вполне достойных народного доверия; о нежелательности проведения выборного начала, как общего правила, при назначении на низшие офицерские должности; о необходимости более широкого участия выборных солдат в вопросах продовольствия и ротного хозяйства; об отмене особых привилегий гвардии; по вопросу об отдании чести и взаимном приветствии; о предоставлении права ареста более старшим начальникам, чем это допускалось ранее» (*Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 351—352).

⁷⁴⁵ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 307, 352.

⁷⁴⁶ Там же. С. 353.

⁷⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 355.

⁷⁴⁸ Там же. С. 358.

⁷⁴⁹ Там же. С. 307.

⁷⁵⁰ Там же. С. 357.

⁷⁵¹ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 51.

⁷⁵² *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 357.

⁷⁵³ Там же. С. 357—358.

⁷⁵⁴ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 306. Исключение составили приказы № 133 и 134, которыми предоставлялось право на самоуправление казачеству и отменялись все правовые ограничения, действовавшие в Российской империи для казачества. Этими приказами февралисты надеялись привлечь симпатии казаков к Временному правительству (Там же. С. 307).

⁷⁵⁵ Достаточно полную библиографию вопроса см. в ст.: *Гальперина Б.Д.* Февральская революция и права солдат. Опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 55—71.

⁷⁵⁶ *Демьянов А.* Моя служба при Временном правительстве // АРР. Т. 4. С. 56.

⁷⁵⁷ Там же. С. 57.

⁷⁵⁸ *Нокс А.* Указ. соч. С. 511.

- ⁷⁵⁹ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 304.
- ⁷⁶⁰ Нокс А. Указ. соч. С. 524.
- ⁷⁶¹ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 321.
- ⁷⁶² Брусилов А.А. Указ. соч. С. 218—219. См. также: *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 64—65.
- ⁷⁶³ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 343—344.
- ⁷⁶⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 72.
- ⁷⁶⁵ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 163.
- ⁷⁶⁶ Цит. по: *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 344.
- ⁷⁶⁷ Цит. по: Там же. С. 344—345.
- ⁷⁶⁸ Там же. С. 344.
- ⁷⁶⁹ *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 95.
- ⁷⁷⁰ Вызывает изумление утверждение А.В. Ганина о том, что «концепция управления Красной армией (командир — комиссар)» была заимствована «из практики Великой Французской революции» (*Ганин А.В.* Указ. соч. С. 844). Широко известно (см., напр.: *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995; *Солнцева С.А.* Комиссары в армии революционной России (февраль 1917 г. — март 1918 г.) // ОИ. 2002. № 3. С. 84, 96), что к истории этой революции первым обратилось еще Временное правительство, попытавшееся установить контроль над армией путем направления комиссаров в вооруженные силы и в центральный военный аппарат.
- ⁷⁷¹ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 345.
- ⁷⁷² Там же. С. 180.
- ⁷⁷³ *Нокс А.* Указ. соч. С. 527.
- ⁷⁷⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 314—315.
- ⁷⁷⁵ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 304.
- ⁷⁷⁶ См., напр.: *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 267; Марфо-Мариинская обитель милосердия 1909—2009: К 100-летию создания Обители / М.М. Горинев, Е.В. Иванова, А.М. Шарипов, С.С. Войтиков. М., 2009.
- ⁷⁷⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 636—637.
- ⁷⁷⁸ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 95.
- ⁷⁷⁹ *Нокс А.* Указ. соч. С. 410.
- ⁷⁸⁰ Там же. С. 436.
- ⁷⁸¹ Там же. 410.
- ⁷⁸² *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 642.
- ⁷⁸³ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 304.
- ⁷⁸⁴ Там же. С. 305.
- ⁷⁸⁵ Там же.
- ⁷⁸⁶ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 32.
- ⁷⁸⁷ Великий князь Николай Николаевич Младший / Публ. С.Н. Базанова // Великая война: Верховные главнокомандующие. С. 581.
- ⁷⁸⁸ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 304.

⁷⁸⁹ Великий князь Николай Николаевич Младший. С. 582.

⁷⁹⁰ Родзянко Е.Ф. Указ. соч. С. 337.

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² **Баградуни Яков Герасимович** (1879—1943) — генерал-майор (1917). Из дворян. *Образование*: Тифлисская гимназия с золотой медалью (1898), Киевское военное училище (1900), Николаевская академия Генерального штаба (по 1-му разряду; 1907). *В старой армии* — в Кексгольмском лейб-гвардейском стр. полку (с 1900); пом. ст. адъютанта (с октября 1908), ст. адъютант (с декабря 1913) штаба Туркестанского ВО; в ГУ ГШ (с 1914); нач. штаба Петроградского военного округа (с октября 1917). Один из организаторов защиты Петрограда во время выступления генерала Корнилова. Член Армянской военной комиссии. Главнокомандующий войсками Петроградского ВО (с 25 октября 1917). Арестован после захвата Зимнего дворца большевиками, официально отрешен от должности распоряжением члена коллегии Наркомвоена В.А. Антонова-Овсеенко (декабрь 1917). *В советском военном ведомстве* с декабря 1917. В 1918 в Закавказье. Комиссар по военно-морским делам Диктатуры Центрокаспия (август—сентябрь 1918). Участник защиты Баку от наступающих турецких войск. Член делегации Армении на Парижской мирной конференции (с июля 1919). Руководитель объединенной военной миссии Республики Армения и национальной делегации в США (ноябрь 1919 — ноябрь 1920), по завершении работы которой вернулся в Париж. Посол Армении в Англии (с ноября 1920). Участник Лондонской (февраль—март 1921) и Лозаннской (1922—1923) конференций. Эмигрант. Умер в Лондоне. *Участие в войнах*: Русско-японская война, Первая мировая война. *Награды*: орден Св. Анны 4-й ст. (1905), орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1907), орден Св. Анны 3-й ст. (1912), орден Св. Станислава 2-й ст. (1914), орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1914), Георгиевское оружие (1915), орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1915), орден Св. Анны 2-й ст. с мечами (1916), Св. Георгия 4-й ст. (1917) (*Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. С. 325).

⁷⁹³ Почему-то без кавычек.

⁷⁹⁴ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 168.

⁷⁹⁵ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 312—313.

⁷⁹⁶ Там же. С. 313.

⁷⁹⁷ Там же. С. 444.

⁷⁹⁸ Цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 438.

⁷⁹⁹ Там же. С. 216.

⁸⁰⁰ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 313.

⁸⁰¹ *Раунах Р.Р.* Указ. соч. С. 174.

⁸⁰² *Брусиллов А.А.* Указ. соч. С. 206.

⁸⁰³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 433.

⁸⁰⁴ Там же.

⁸⁰⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 315.

⁸⁰⁶ Утром 27 февраля (12 марта) 1917 г. в Ставке были получены телеграммы от председателя Государственной думы М.В. Родзянко о том, что единственный способ ликвидировать революцию — сформировать кабинет министров, ответственный перед Государственной думой. Николай II, ког-

да ему доложили полученные документы, приказал вызвать генерал-адъютанта Н.И. Иванова и поручить ему отправиться в Петроград и взять на себя руководство подавлением мятежа (см., напр.: *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 318, документы опубликованы на С. 349—352). Из дневника Николая II: «28 февраля... лег спать в 3¹/₄, т. к. долго говорил с Н.И. Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войсками водворить порядок» (Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 295).

⁸⁰⁷ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 257—258.

⁸⁰⁸ *Кобылин В.С.* Указ. соч. С. 113.

⁸⁰⁹ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 65.

⁸¹⁰ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 98.

⁸¹¹ Там же.

⁸¹² Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911—1915. С. 287.

⁸¹³ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 419.

⁸¹⁴ **Верховский Александр Иванович** (1886—1938) — генерал-майор (1917), комбриг (1937). Русский (уроженец г. Петербурга). Из дворян. *Членство в партизах*: ПСР. *Участник Первой мировой войны* — служил в штабах 22-го армейского корпуса, 9-й армии, 7-й армии. *Во время Февральской революции* — нач. штаба Черноморской дивизии; команд. войсками МВО (май—август 1917); осудил корниловский мятеж и с 30 августа 1917 г. военный министр Временного правительства. *В советском военном ведомстве* с февраля 1919 — инспектор военных школ и курсов Западной армии Республики (с октября 1919); в распоряжении нач. ГУВУЗ (с июня 1920), по совместительству — член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (1920). *В межвоенный период* — на преподавательской работе, в т. ч. в Военной академии РККА (1921—1930), профессор (1927); военный эксперт советской делегации на Генуэзской конференции (1922); нач. штаба СКВО (1930—1932). Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован (см. подр.: *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 238; Примечание; *Полторак С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб., 2014; *Сафронов Ю.И.* Дневник Верховского. М., 2014).

⁸¹⁵ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 63.

⁸¹⁶ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 225.

⁸¹⁷ См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 83 и след.

⁸¹⁸ *Нокс А.* Указ. соч. С. 41.

⁸¹⁹ Семидесятитрехлетнего генерала Николай II в последний раз принял 30 января 1917 г. (Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 290). По иронии судьбы Меллер-Закомельский на десять лет пережил императора (Там же. С. 565).

⁸²⁰ См.: *Городецкий Е.Н.* Предисловие // *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 6.

⁸²¹ Первая мировая война и конец Российской империи / Р.Ш. Ганелин, С.В. Куликов, А.Б. Николаев, В.В. Поликарпов. С. 356.

⁸²² Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 206.

⁸²³ *Раупах Р.Р.* Указ. соч. С. 200.

⁸²⁴ *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 323.

⁸²⁵ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 33.

⁸²⁶ *Дневники императора Николая II.* Т. 2. Ч. 2. С. 296.

⁸²⁷ Из «дневника» М.К. Лемке: «Дежурный генерал П.К. Кондзеровский — генерал напускной важности; всем своим поведением подчеркивает, что он снисходит, находясь в нашем штабе, потому что без него, конечно, никто не сумел бы приступить ни к какому вопросу. Хитер, мыловяно со всеми, кто может быть ему лично полезен для дальнейшей карьеры; перед царем танцует менуэт с ловким сохранением чисто внешнего достоинства с тех пор, как узнал, что тот не любит прилипал внешних и очень ценит прилипал внутренних. С равными себе сношен, с младшими покровительственен, с подчиненными мало доступен, надут. Постоянно находит причины для неудостоения кого-нибудь в армии выслуженной наградой, производством и пр. На перо в резолюциях довольно боек, вроде фельетонистов „Петроградского листка“. Никогда, по привычке Главного штаба, не торопится, все делает с развальцем, ужасно мелочен и не умен, если говорить об уме человека, а не военного чиновника»; в Главном штабе Кондзеровский «коренной... человек, и его влияние как дежурного генерала главного штаба чувствовалось всегда очень ясно. Когда подчиненные только слышали, что говорящий с ними называл имя Кондзеровского, их охватывал трепет. Когда им говорили, что это дело надо доложить именно Кондзеровскому, они делали вид, что говорящий не отдал себе отчета в произнесенных страшных словах, и, подходя к кабинету помощника Кондзеровского полковника Архангельского, долго не решались войти, одергивались, поправлялись, как молодой ефрейтор, назначенный ординарцем к командиру полка (*Лемке М.К.* Указ. соч. С. 481, 647).

⁸²⁸ *Кондзеровский П.К.* Великая война: Верховные главнокомандующие. С. 469.

⁸²⁹ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 463.

⁸³⁰ *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 81.

⁸³¹ Цит. по: *Солнцева С.А.* Указ. соч. С. 90.

⁸³² Там же. С. 92.

⁸³³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 376.

⁸³⁴ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 207—208.

⁸³⁵ Там же. С. 208.

⁸³⁶ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 376. Следует заметить, что в первой половине мая в Могилеве состоялся учредительный съезд Союза офицеров армии и флота, который продемонстрировал относительную аполитичность офицерства (из 300 делегатов 76% представляли фронт, 17% — тыловые части, 7% — тыловые организации). Председатель съезда полковник Гущин заявил, что война была необходима «для того, чтобы идеология, которую нам дала великая русская революция, была принята Германией... с целью заставить немцев отказаться от своей захватнической политики и подчиниться воле российского народа, воле российской демократии» (цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 490). Как пишут исследователи Красной смуты, «с этих революционно-патриотических позиций офицеры даже призвали Петроградский совет всецело поддержать Временное правительство» (Там же).

⁸³⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 238.

- ⁸³⁸ *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива // Историки отвечают на вопросы: Сб. Вып. 2. С. 214.
- ⁸³⁹ *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 214; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 238.
- ⁸⁴⁰ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 193.
- ⁸⁴¹ Там же. С. 319.
- ⁸⁴² *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 358.
- ⁸⁴³ Там же.
- ⁸⁴⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 356.
- ⁸⁴⁵ См.: *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 220 и след.
- ⁸⁴⁶ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 1. С. 28.
- ⁸⁴⁷ *Нокс А.* Указ. соч. С. 559.
- ⁸⁴⁸ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 175—176.
- ⁸⁴⁹ *Тютюкин С.В.* Большевизм. С. 362.
- ⁸⁵⁰ Там же.
- ⁸⁵¹ *Гумилев Н.С.* Избранное. М., 1990. С. 250.
- ⁸⁵² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 109.
- ⁸⁵³ Там же.
- ⁸⁵⁴ *Свечин А.А.* Общий обзор сухопутных операций // Россия в Первой мировой: Великая забытая война. М., 2014. С. 139.
- ⁸⁵⁵ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 123.
- ⁸⁵⁶ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 581.
- ⁸⁵⁷ *Свечин А.А.* Общий обзор сухопутных операций. С. 139—140.
- ⁸⁵⁸ См. подр.: *Тютюкин С.В.* Большевизм. С. 370, 371.
- ⁸⁵⁹ Цит. по: *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 186—187.
- ⁸⁶⁰ См.: *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 220 и след.
- ⁸⁶¹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 1. С. 28.
- ⁸⁶² Там же. С. 29.
- ⁸⁶³ *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 219.
- ⁸⁶⁴ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 544.
- ⁸⁶⁵ Там же. С. 546.
- ⁸⁶⁶ *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 219.
- ⁸⁶⁷ *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 343.
- ⁸⁶⁸ Там же. С. 342.
- ⁸⁶⁹ Там же. С. 343.
- ⁸⁷⁰ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 95.
- ⁸⁷¹ *Нокс А.* Указ. соч. С. 564.
- ⁸⁷² *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 95.
- ⁸⁷³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 463.
- ⁸⁷⁴ Ошибочно датирован А.И. Деникиным маем 1917 г. (Там же).
- ⁸⁷⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 463.
- ⁸⁷⁶ См.: Там же. Кн. 2. Т. 2. С. 29—30.
- ⁸⁷⁷ А.А. Брусилов писал в своих воспоминаниях: «...когда наступила война с Польшей... я считал, что военные действия Польши против России недопустимы, и поэтому когда Н.И. Раттэль и В.Н. Клембовский стали меня уговаривать написать письмо Троцкому по поводу войны с Польшей и необходимости собрать особое совещание по этому поводу, то я, отказавшись от этого, предложил Раттэлю, что я ему напишу письмо, а он может

представить его, куда он пожелает. Я хотел что-нибудь предпринять, чтобы оградить Россию от Польши и вместе с тем возбудить в армии национальный дух, вернее — расшевелить патриотизм. Но я не успел толково ничего обдумать, сообразить, когда все сделалось помимо меня и не так, как я хотел. Никаких своих услуг я Троцкому не предлагал...» (см. подр.: *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 289).

⁸⁷⁸ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 297.

⁸⁷⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 463. Проект определял все же основания и порядок снятия начальников, однако такой «порядок» мог установить только человек, который едва ли переступал порог Александровской военно-юридической академии.

⁸⁸⁰ Там же. С. 464.

⁸⁸¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 276—277.

⁸⁸² Цит. по: *Ратьковский И.С.* Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // *Новейшая история России.* 2015. № 1. С. 49.

⁸⁸³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 502.

⁸⁸⁴ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 294.

⁸⁸⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 502.

⁸⁸⁶ Цит. по: *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 294.

⁸⁸⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 502—503.

⁸⁸⁸ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 295.

⁸⁸⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 503.

⁸⁹⁰ *Ратьковский И.С.* Указ. соч. С. 51.

⁸⁹¹ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 214.

⁸⁹² *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 172—173.

⁸⁹³ Цит. по: *Ратьковский И.С.* Указ. соч. С. 55.

⁸⁹⁴ *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 346—347.

⁸⁹⁵ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 215—216.

⁸⁹⁶ Там же. С. 215.

⁸⁹⁷ Там же. С. 216.

⁸⁹⁸ Там же.

⁸⁹⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 523.

⁹⁰⁰ В данном случае имеется в виду институт политических комиссаров в армии.

⁹⁰¹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 523.

⁹⁰² Цит. по: Там же.

⁹⁰³ Там же. С. 523—524.

⁹⁰⁴ Несмотря на то что количество мест во Временном правительстве кадетов на протяжении всего периода его существования оставалось примерно одинаковым, их удельный вес заметно менялся: занимаемые ими первостепенные посты премьер-министра, министров иностранных дел, финансов, земледелия сменились к концу такими, как ведомства просвещения, государственного контроля, исповеданий, призрения. При том что представители «революционной демократии» получали более более ответственные портфели: председателя Совета министров, министров внутренних дел, земледелия (*Измозик В.С.* Временное правительство. С. 164).

⁹⁰⁵ *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 214.

⁹⁰⁶ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Т. 1. С. 146.

⁹⁰⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 530.

⁹⁰⁸ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 101.

⁹⁰⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 530—531.

⁹¹⁰ Половцов П.А. Указ. соч. С. 181.

⁹¹¹ Верховский А.И. Указ. соч. С. 298.

⁹¹² Половцов П.А. Указ. соч. С. 189.

⁹¹³ Половцов П.А. Указ. соч. С. 174.

⁹¹⁴ Тютюкин С.В. Меньшевизм. С. 382.

⁹¹⁵ См. подр.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 597.

⁹¹⁶ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 390.

⁹¹⁷ Там же. С. 399.

⁹¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 184.

⁹¹⁹ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. С. 344.

⁹²⁰ Мартынов Евгений Иванович (1864—1937) — генерал-майор. *Из потомственных дворян* (уроженец Самарской губернии). *Образование*: 1-я Московская военная гимназия (1881), 3-е Александровское военное училище (1883), Николаевская академия Генштаба по 1-му разряду (1889). *На военной службе* — с 1883 г. *В советском военном ведомстве* с 1918 (доброволец) — главный начальник снабжений (июль 1918 — 1920) и преподаватель Академии Генерального штаба РККА (с марта 1919); сотрудник-составитель военно-исторического отдела Организационного управления ВГШ; по совместительству — член Военно-законодательного совещания при РВСР (с октября 1920); сотрудник Военно-исторической комиссии по обобщению опыта мировой и гражданской войн и Военно-исторического отдела Штаба РККА. *В межвоенный период* — штатный преподаватель Военной академии РККА (1924); для особо важных поручений военно-исторического отдела Штаба РККА (с октября 1924); преподаватель по стратегии и военной истории Военной академии РККА (с 1925); для особых поручений Научно-уставного отдела Штаба РККА (с сентября 1926). Работал в редакции Большой Советской Энциклопедии. Преподавал военное дело в 1-м Московском университете. Дважды арестован — осужден на 5 лет с заменой высылкой в Севкрай на тот же срок (1931), репрессирован, расстрелян (1937). *Участие в войнах и военных конфликтах* — Русско-японская война 1904—1905; Первая мировая война (доброволец) — в распоряжении нач. штаба Юго-Западного фронта; в плену (апрель 1914 — февраль 1918). *Награды*: ордена Св. Владимира 4-й ст. (1902), Св. Георгия 4-й ст. (1905), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1905), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 1-й ст. (1910). Автор ряда работ по военной истории, стратегии и тактике (см., напр.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 614; Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 501).

⁹²¹ Мартынов Е.И. Военные деятели эпохи мировой войны // Россия в Первой мировой: Великая забытая война. М., 2014. С. 521.

⁹²² Там же. С. 519.

⁹²³ Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. М., 2003. С. 24—25.

⁹²⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Т. 1. С. 144—145.

⁹²⁵ Керенский А.Ф. Потерянная Россия. М., 2007. С. 86.

⁹²⁶ Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью. № 8. С. 95.

⁹²⁷ Страна гибнет сегодня: Воспоминания. С. 152.

⁹²⁸ Там же. С. 152.

⁹²⁹ Там же.

- ⁹³⁰ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 240. Примечание.
- ⁹³¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 148.
- ⁹³² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 23.
- ⁹³³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 191.
- ⁹³⁴ Там же. С. 215.
- ⁹³⁵ Там же. С. 545.
- ⁹³⁶ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 51.
- ⁹³⁷ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 277.
- ⁹³⁸ Об этом совещании см., напр.: *Крупина Т.Д.* Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. С. 58—75.
- ⁹³⁹ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 208.
- ⁹⁴⁰ Там же.
- ⁹⁴¹ Там же. С. 277.
- ⁹⁴² Там же. С. 208.
- ⁹⁴³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 179—180.
- ⁹⁴⁴ Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Т. 1. С. 150.
- ⁹⁴⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 26.
- ⁹⁴⁶ Там же.
- ⁹⁴⁷ *Иоффе Г.З.* Революция и семья Романовых. С. 142.
- ⁹⁴⁸ Там же. С. 147.
- ⁹⁴⁹ Там же.
- ⁹⁵⁰ Там же.
- ⁹⁵¹ Там же. С. 150—151.
- ⁹⁵² *Сенин А.С.* Корниловская альтернатива. С. 215.
- ⁹⁵³ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 595, 598.
- ⁹⁵⁴ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. С. 192.
- ⁹⁵⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 126.
- ⁹⁵⁶ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 219.
- ⁹⁵⁷ Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 79.
- ⁹⁵⁸ Там же. С. 80.
- ⁹⁵⁹ *Тютюкин С.В.* Меньшевизм. С. 382.
- ⁹⁶⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 79.
- ⁹⁶¹ *Тютюкин С.В.* Меньшевизм. С. 402.
- ⁹⁶² Там же. С. 401—402.
- ⁹⁶³ *Нокс А.* Указ. соч. С. 620.
- ⁹⁶⁴ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 356.
- ⁹⁶⁵ *Нокс А.* Указ. соч. С. 625.
- ⁹⁶⁶ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 355—356.
- ⁹⁶⁷ Там же. С. 356.
- ⁹⁶⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 73.
- ⁹⁶⁹ *Кришевский Н.* В Крыму (1916—1918 г.) // АРР. Т. 13. М., 1992. С. 72—73.
- ⁹⁷⁰ *Демьянов А.* Указ. соч. С. 111.
- ⁹⁷¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 357.
- ⁹⁷² Там же. С. 357.
- ⁹⁷³ Там же. С. 386.
- ⁹⁷⁴ Там же. С. 386.

- ⁹⁷⁵ Там же. С. 388.
- ⁹⁷⁶ *Шкловский В.Б.* Указ. соч. С. 87—89.
- ⁹⁷⁷ *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905—1917 гг.). М., 2012. С. 276, 287.
- ⁹⁷⁸ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 395.
- ⁹⁷⁹ Там же. С. 408.
- ⁹⁸⁰ *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 11.
- ⁹⁸¹ *Демьянов А.* Указ. соч. С. 75.
- ⁹⁸² *Нокс А.* Указ. соч. С. 634.
- ⁹⁸³ Цит. по: *Тютюкин С.В.* Меншевизм. С. 447.
- ⁹⁸⁴ Там же.
- ⁹⁸⁵ *Тютюкин С.В.* Меншевизм. С. 447.
- ⁹⁸⁶ *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 2005. С. 238.
- ⁹⁸⁷ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 467.
- ⁹⁸⁸ Там же.
- ⁹⁸⁹ **Духонин Николай Николаевич** (1876—1917) — генерал-лейтенант (1917). Участник Первой мировой войны, врио Верховного главнокомандующего с 1 ноября 1917 г. Убит по решению большевистской верхушки руками революционных матросов 20 ноября (3 декабря) 1917 г. после отказа сдать должность новому Верховному главнокомандующему — прапорщику Н.В. Крыленко (*Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 418, 698—699).
- ⁹⁹⁰ См.: *Крушельницкий А.В.* Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 162—171.
- ⁹⁹¹ *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. С. 313.
- ⁹⁹² *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. С. 287.
- ⁹⁹³ Там же. С. 288.
- ⁹⁹⁴ Там же. С. 292.
- ⁹⁹⁵ *Нокс А.* Указ. соч. С. 497.
- ⁹⁹⁶ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 53.
- ⁹⁹⁷ Там же.
- ⁹⁹⁸ *Нокс А.* Указ. соч. С. 604.
- ⁹⁹⁹ Там же. С. 643.
- ¹⁰⁰⁰ Там же.
- ¹⁰⁰¹ Там же. С. 643—644.
- ¹⁰⁰² *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // История и историки: Историограф. ежегодник 1978. М., 1981. С. 286—287.
- ¹⁰⁰³ См. подр.: *Крушельницкий А.В.* Указ. дисс. С. 86, 87.
- ¹⁰⁰⁴ Там же. С. 91.
- ¹⁰⁰⁵ Там же. С. 91—92.
- ¹⁰⁰⁶ Там же. С. 93.
- ¹⁰⁰⁷ Там же. С. 95—96.
- ¹⁰⁰⁸ **Марушевский Владимир Владимирович** (1874—?) — генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения на Севере России. *Образование:* Николаевская академия Генерального штаба (1902). *Участник Первой мировой войны*, с сентября 1917 — и. д. нач. Генерального штаба. 20 ноября 1917 г. арестован, 30 ноября отпущен на поруки. С августа 1918 г. в Стокгольме, с осени формировал белогвардейские войска на Севере. В ноябре 1918 г. вошел во «Временное правительство Северной области» в качестве

генерал-губернатора, команд. войсками и зав. отделами военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфов (в январе 1919 г. передал генералу Е.К. Миллеру функции генерал-губернатора, в мае — командующего, но фактически командовал войсками вплоть до своей эмиграции в августе 1919 г. (Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. С. 486; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1963. С. 342).

¹⁰⁰⁹ Там же. С. 97.

¹⁰¹⁰ Цит. по: Там же. С. 108.

¹⁰¹¹ Там же.

¹⁰¹² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 64.

¹⁰¹³ Там же.

¹⁰¹⁴ Там же.

¹⁰¹⁵ *Городецкий Е.Н.* О записках Н.М. Потапова // Воен.-ист. журнал. 1968. № 1. С. 58—59; От февраля к Октябрю. М., 1957. С. 174.

¹⁰¹⁶ *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. С. 240.

¹⁰¹⁷ *Нокс А.* Указ. соч. С. 412.

¹⁰¹⁸ *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии. С. 289.

¹⁰¹⁹ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. М., 1969. С. 81.

¹⁰²⁰ Там же.

¹⁰²¹ Там же. С. 80.

¹⁰²² *Нокс А.* Указ. соч. С. 651.

¹⁰²³ **Чернов Виктор Михайлович** (1876—1952) — один из лидеров партии эсеров. В период реакции блокировался с ликвидаторами. *В годы Первой мировой войны* — центрист, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. *После Февральской революции 1917 г.* — член Исполкома Петроградского совета, министр земледелия в коалиционном Временном правительстве. *После Октябрьской революции* участвовал в организации контрреволюционных выступлений против Советской власти. С 1920 г. — белоэмигрант. См.: Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 401.

¹⁰²⁴ Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (Викжель) потребовал прекращения военных действий и создания «однородного социалистического правительства» под угрозой всеобщей забастовки железнодорожников.

¹⁰²⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

¹⁰²⁶ *Нокс А.* Указ. соч. С. 652.

¹⁰²⁷ См.: *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии. С. 292.

¹⁰²⁸ *Нокс А.* Указ. соч. С. 429.

¹⁰²⁹ *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии. С. 293.

¹⁰³⁰ *Нокс А.* Указ. соч. С. 655.

¹⁰³¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 307.

¹⁰³² *Нокс А.* Указ. соч. С. 654.

¹⁰³³ Там же.

¹⁰³⁴ *Нокс А.* Указ. соч. С. 656.

¹⁰³⁵ Там же. С. 656.

¹⁰³⁶ Корабли, которые не представлялось возможным вывести из Гельсингфорса, приказывалось уничтожить. Между 12 и 17 марта 1918 г., еще

до получения в Москве германского ультиматума, А.М. Щастный организовал передислокацию в Кронштадт группы линкоров и крейсеров, включая наиболее ценные дредноуты. Эти корабли в тех условиях могли двигаться только днем, каждое утро ледоколам приходилось освобождать их из ледового плена — прохождение 180 морских миль, требовавшее в нормальных условиях 8—9 часов хода, заняло почти неделю. Этот беспрецедентный исход — первый этап знаменитого «Ледового похода» Балтийского флота под командованием Щастного — в дальнейшем был еще более затруднен сокращением численности судовых команд. 5 апреля Гельсингфорс покинул второй конвой, 7 апреля — третий, превосходивший по численности предыдущие. До полудня 11 апреля, когда немцы и белофинны входили в гельсингфорскую гавань, отчалил четвертый конвой, в составе которого на борту посыльного судна «Кречет» находился сам капитан 1-го ранга (*Рабинович А. Досье Щастного // Отечественная история. 2001. № 1. С. 63*).

¹⁰³⁷ См. подр.: Там же. С. 61—67. И. Фруктов от имени съезда выразил Щастному благодарность за его речь и за героическую роль в спасении флота.

¹⁰³⁸ См. подр.: Там же. С. 61—82.

¹⁰³⁹ *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 147.

¹⁰⁴⁰ Там же. № 8. С. 90. Заметим тут же, что 4 июня на делегатском собрании военных моряков Черного моря, проходившем на вспомогательном крейсере «Император Траян», командующий флотом выступил со следующей речью: «Я собрал настоящее делегатское собрание для того, чтобы переговорить с Вами о моем отъезде в Москву. Несколько дней тому назад я получил от Совета народных комиссаров предписание выехать в Москву. Этот вызов явился следствием того, что я, вскоре по приходе в Новороссийск, начал писать Совету народных комиссаров, что мне необходимо самому выехать в Москву, чтобы там подробно осветить положение Черноморского флота и постараться лично приложить все усилия для снабжения с севера флота всем тем, без чего не можем существовать. Кроме того, здоровье мое в последнее время до того расшаталось, что я чувствую необходимость хоть немного отдохнуть, и думаю, что поездка и новая обстановка мне помогут. Я еду с тем, чтобы вернуться и продолжать службу с вами, как только мне удастся добиться всего того, что нам необходимо. Я не теряю надежды, что мне удастся это сделать и добиться результата. Прошу передать командам, что я благодарю их за службу. Переходом в Новороссийск флот наш написал светлую страницу истории. Я прошу флот довести начатое дело до конца (т. е. Саблин допускал, что может не вернуться. — С. В.). Для этого надо с величайшей серьезностью отнестись к своему долгу и к своей службе. Я передаю командование всем вам известному и уважаемому Александру Ивановичу Тихменеву. Наши взгляды на службу и флот совершенно одинаковы. Много и много мы плавали с ним на миноносцах в то время...» (Документы по истории Черноморского флота (в марте—июне 1918 г.) // АРР. Т. 14. М., 1992. С. 213).

¹⁰⁴¹ **Раскольников Федор Федорович** — член РВСР, по совместительству — команд. Астраханско-Каспийской военной флотилией (с июня 1919).

¹⁰⁴² **Блохин Евгений** — левый эсер, главный комиссар Балтийского флота.

¹⁰⁴³ **Сакс Сергей Евгеньевич** (1889—1938) — политработник Красной армии. Членство в партиях: РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) с 1917 по 1932 г. Участ-

ник Первой мировой войны — прапорщик. Член ВЦИК. Как указано в энциклопедии Гражданской войны, «с января 1918 — член коллегии Наркомата по морским делам РСФСР, вел работу по формированию и снабжению Волжской и Астраханско-Каспийской флотилий, руководил переброской с Балтики на Волгу миноносцев, канлодок, катеров, вооружения и людей» (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 520—521). Далее: особоуполномоченный РВСР в Астрахани и команд. Астраханско-Каспийской военной флотилией (октябрь 1918 — июнь 1919) и член РВС Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта (с ноября 1918); член РВС Каспийско-Кавказского фронта (декабрь 1918 — март 1919); член РВС 11-й Отдельной армии (март—июнь 1919); комиссар для особых поручений при управлении делами Наркомата по морским делам (сентябрь 1919 — 1921). Затем — в Главном управлении водного транспорта (Там же. С. 521).

¹⁰⁴⁴ **Флеровский Иван Петрович** (1888—1959) — советский партийный и военный деятель. Член РСДРП с 1905. Из рабочих. *Образование*: учительская семинария (1907). *Во время Февральской революции* — член Кронштадтского комитета РСДРП(б), депутат Петроградского совета, делегат VI съезда РСДРП(б), 2-го Всероссийского съезда Советов. *Участник Октябрьского переворота* — член Петроградского ВРК, ВЦИК, один из руководителей Кронштадтского сводного отряда моряков, участвовал в подавлении юнкерского выступления. В советском военно-морском ведомстве — главный комиссар Балтийского флота (июнь—октябрь 1918), занимался формированием экспедиционных отрядов моряков на сухопутные фронты; член РВС Астраханско-Каспийской военной флотилии (февраль—апрель 1919). *На советской и партийной работе* — член Саратовских губкома РКП(б) и губисполкома (с июня 1919). В дальнейшем на журналистской работе. Делегат IX съезда РКП(б) 1920 г. (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 629).

¹⁰⁴⁵ Правда. 1918. 21 (8) июня. № 124.

¹⁰⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп 34. Д. 122. Л. 1—2. Незаверенная машинописная копия.

¹⁰⁴⁷ См.: Рабинович А. Досье Щастного. С. 66—68.

¹⁰⁴⁸ Правда. 1918. 21 (8) июня. № 124.

¹⁰⁴⁹ Там же.

¹⁰⁵⁰ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. М., 2007. С. 574.

¹⁰⁵¹ Правда. 1918. 21 (8) июня. № 124.

¹⁰⁵² Там же. 22 (9) июня. № 125.

¹⁰⁵³ Там же.

¹⁰⁵⁴ Там же.

¹⁰⁵⁵ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 75—76.

¹⁰⁵⁶ Публикуется только ракурс выступления А.И. Гучкова.

¹⁰⁵⁷ Парадоксально, но об этом же писал в своих воспоминаниях и злейший враг А.И. Гучкова В.А. Сухомлинов: «Главного условия для спасения России как военный министр я создать не мог — устранения влияния на управление государством членов царской фамилии... Это влияние мне удалось парализовать лишь отчасти, временно и за свой личный счет» (*Сухомлинов В.А.* Воспоминания, мемуары. С. 280).

¹⁰⁵⁸ 25 ноября 1917 г. из Валка в Петроград был направлен 6-й Тукумский полк латышских стрелков, приступивший к несению гарнизонной службы

в Смольном и Таврическом дворцах (Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. С. 444).

¹⁰⁵⁹ СНК РСФСР утвердил проект постановления, написанный В.И. Лениным (Там же).

¹⁰⁶⁰ Коллегия Наркомата по морским делам РСФСР.

¹⁰⁶¹ На документе имеются пометы: штамп «Московское телегр[афное] отд[еление]. 31/4—[19]18»; «т. Подвойскому [подпись] 21/V»; «Вх. № 794-7/V»; штамп «Канцелярия Народного комиссариата по военным делам. Вход. № 29385697»; «Вх 4479».

¹⁰⁶² **Телефонограмма № 27 В.А. Антонова-Овсененко членам коллегии Наркомвоена Л.Д. Троцкому и К.А. Мехоношину о неподчинении первого батальона Балтийских моряков распоряжениям центральной военной власти от 28 апреля 1918 г.:** «Народным комиссарам Троцкому и Мехоношину.

Передаю полученную мной телеграмму: «По станциям до Москвы; 7 в ЦК; Ревкома и Совдепа Высший военный совет, Москву; Воронеж, Совдеп: первый батальон Балтийских моряков не выполнил боевого предписания, отказываются сдать оружие и выехал в Москву. Предлагаю считать их дезертирами и разоружить.

Главверхв Овсененко-Антонов

Подписал Бонч-Бруевич

Приняла Кузнецова, 28 апреля 1918 года 15 часов 45 минут» (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 225. Копия. На документе имеются пометы: «Вх. № 787 — 7.IV»; «копия послана»).

Доклад А.М. Щастного Высшему военному совету № 939 от 4 мая 1918 г. 23 часа 55 мин.: «Высший военный совет Троцкому, из Вобалта.

Мною послано 2 мая следующее: адмиралу Зеленому: «Прошу срочно сообщить: первое — когда вручено сторонам указываемое в моем радио № 1955 предложение об установлении в Финском заливе временной демаркационной линии. Второе — сообщите текстуально их ответ. своей отобранны (так в тексте; очевидно, имелось в виду — «со своей стороны». — С. В.); считаю: в виду изменения сухопутной государственной границы необходим установлению демаркационной линии на водном пространстве Финского залива для выработки инструкции для плавания к Востоку от означенной линии и для принятия навигационных и других мер обеспечения безопасности плавания». 101/д. Наморси Щастный» (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 255. Подлинник. На документе имеются: штамп «Московское телегр[афное] отд[еление].431.[0]5.18»; пометы — 1) «Вх. № 839/8/IV-18 г.»; 2) «Доложено»).

¹⁰⁶³ **Телеграмма А.В. Шварца и И.Т. Смилга Высшему военному совету и Наморси с сообщением о задержке эвакуации, полученном из форта Ино от 12 мая 1918 г. № 10446, Срочно:** «Москву, Высвоенсовет, 4 адреса; Наморси, Щастному. *Копии:* Кронштадт, военному отделу и форт Ино Федотову; Москву, Высвоенсовет.

Начальник гарнизона форта Ино Федотов доносит: „Не взирая на мои донесения о причинах прекращения эвакуации эти причины до сих пор не устранены, но потеряна целая неделя для вывоза из форта ценного имущества. Этот вопрос в виду назревающих событий приобретает особое значение и должен быть, так или иначе, разрешен. Транспортном Каливан до сих пор не заменен другим транспортом“. Прошу Вашего срочного распоряжения заменить транспорт Каливан и обеспечить всеми средствами быструю непрерывную эвакуацию имущества с фронта. Шварц, Смилга» (РГВА.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 295. Подлинник. На документе имеются пометы: «К делу»; «От 12/V. Л.Д. Троцкому для переговоров с Беренсом и принятия мер»; «Вх. № 906/13/V. 18 г.»; «передано т. Вахрамееву [неразборчиво] 13/V.14 ч. [подпись]»).

¹⁰⁶⁴ Так в тексте.

¹⁰⁶⁵ Так в тексте. Следует: «именовать».

¹⁰⁶⁶ **Ратгэль (Раттель) Николай Иосифович** (1875 — 1938 или 1939) — генерал-майор (1916). *Участие в войнах: Русско-японская, Первая мировая, Гражданская война. В Красной армии с 1918* (см. подр.: Великая война: Верховные главнокомандующие / Ред. Р.Г. Гагкуев. М., 2015. С. 364).

¹⁰⁶⁷ Вписано от руки М.Д. Бонч-Бруевичем.

¹⁰⁶⁸ **Шарманов Василий Герасимович** — большевик. *В советском военном ведомстве* — военный комиссар Управления военных сообщений при Высшем военном совете (с мая 1918); военный комиссар Штаба Высшего военного совета (с августа 1918); военный комиссар Штаба РВСР — Полевого штаба РВСР (с октября 1918), по совместительству — военный комиссар Главной военно-научной редакции при Всероссийском главном штабе (с марта 1920); в распоряжении политотдела (с мая 1920), военком штаба 4-й армии (с мая 1920) Западного фронта.

¹⁰⁶⁹ В.Г. Шарманов и Н.М. Потапов членами Высшего военного совета не являлись.

¹⁰⁷⁰ На документе стоит штамп «Исх. № 2066. Дело № 4к»; имеются пометы: 1) Н.А. Сулеймана — «Опер. НС. 13/7»; 2) о передаче телеграммы.

¹⁰⁷¹ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

¹⁰⁷² Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 665. Л. 6.

¹⁰⁷³ **Кронштадтский мятеж 1921 г.** — антисоветское выступление войск Кронштадтского гарнизона и экипажей отдельных кораблей Балтийского флота, подавленное частями Красной армии под командованием М.Н. Тухачевского.

¹⁰⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 2. Л. 8 об.

¹⁰⁷⁵ Там же. Л. 9.

¹⁰⁷⁶ Там же.

¹⁰⁷⁷ Там же. Л. 22 об.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 23.

¹⁰⁷⁹ Там же. Л. 25 об.

¹⁰⁸⁰ Там же.

¹⁰⁸¹ См.: *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. С. 32—112.

¹⁰⁸² РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 2. Л. 11.

¹⁰⁸³ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 342.

¹⁰⁸⁴ *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. С. 306.

¹⁰⁸⁵ См.: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. М., 2006. С. 31—32, 41—42.

¹⁰⁸⁶ **Лашевич Михаил Михайлович** (1884—1928) — советский партийный, государственный и военный деятель. Еврей. Учился в Одесской гимназии. Член РСДРП, большевик (1901 — 1927, 1928). Член ЦК (1918 — 1919, 1923 — 1925), кандидат в члены ЦК (1925 — 1926). Участник Октябрьской революции — член Петроградского ВРК. В Красной армии — политкомиссар Северного участка отрядов Завесы (апрель—август 1918); команд. 3-й армией (ноябрь 1918 — март 1919; член РВС: Восточного (март—август 1919) и Южного (август—октябрь 1919) фронтов, 7-й армии (октябрь 1919 — август 1920).

Участие в войнах: Первая мировая война, Гражданская война. Видный деятель Новой, затем Объединенной оппозиции (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 612; *Горячев Ю.В.* Указ. соч. С. 271).

¹⁰⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 24.

¹⁰⁸⁸ **Шутко Кирилл Иванович** (1884—1941) — советский партийный, государственный и военный деятель. Русский (уроженец ст. Копанская Кубанской обл.). *Социальное происхождение:* из мещан (из семьи мелкого торговца). *Образование:* Ейское реальное училище. *Иностранные языки:* переводил с немецкого, французского, английского. *За границей:* Париж, Франция (1910) — представитель областного бюро Центральной промышленной области для установления связи с ЦК РСДРП. *Занятия до 1917* — литературная работа. *В революционном движении* с 1902 — член студенческой революционной организации (с 1902), социал-демократического кружка (с 1903) Михайловского технического училища. *Членство в партиях:* РСДРП с 1902 — РСДРП(б) с 1903 (примкнул после II съезда РСДРП). *На партийной работе* — в организациях МК РСДРП, Московского окружного комитета РСДРП и Областного бюро Центральной промышленной области — в основном на пропагандистской работе (до 1910); на партийной работе в Вологодской губернии (?—1912); на партийной работе в Петрограде (1914—1915); член ИК Петербургского комитета РСДРП(б) (осень 1916 — март 1917) и член исполкома Петросовета. Член Военной организации при МК РСДРП(б) (конец 1906 — начало 1907). *Репрессии при старом режиме* — неоднократно арест (дважды в 1908, 1910, 1912, 1916), в заключении (январь—февраль 1905, 1908 (дважды), октябрь 1910 — март 1911); административная ссылка 1911—1914 (в Вологодской губ.), 1916 (в Иркутскую губ. на 3 года, бежал). *Во время Февральской революции* — ИК Петербургского комитета РСДРП(б); агитатор Выборгского райкома РКП(б) (с марта 1918), член Выборгской районной думы. *Во время Октябрьского переворота* — агитатор ВРК, связист штаба Выборгского района со Смольным. *В старой армии* — не служил. *На советской работе* — в Наркомате труда (?—март 1918); инструктор Наркомтруда на Северном Кавказе (лето 1918 — весна 1919); постановлением ЦК РКП(б) направлен в Вильно, член Совета обороны Литовско-Белорусской республики (апрель 1919 — май 1919); председатель Российской делегации РУПСК (с ноября 1920); член Торговой организации РСФСР в Чехословакии (май 1921 — март 1922); член правления Боровичского огнеупорного комбината (лето 1922 — конец 1923); отв. секретарь худсовета Госкино (декабрь 1923—1925); председатель правления Кинопечати (1925 — лето 1926); зам. председателя художественного совета по кино при Главполитпросвете; редактор газеты «Кино»; зав. киноотделом Парижского торгпредства, директор фабрики Культурфильм Совкино; референт по кино культурно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) (1928 — январь 1932); член Всесоюзного комитета по радиовещанию (январь—ноябрь 1932); нач. сектора искусств Госплана СССР (с ноября 1932). *В советском военном ведомстве* — член Высшего военного совета (март 1918); нач. политотдела Белорусской-Литовской армии (с мая 1919); нач. политотдела 16-й армии; нач. политуправления Западного фронта (май 1919 — декабрь 1920); дважды представлял делегации Красной армии для встречи Польской мирной делегации (1920). *Участие в войнах:* Гражданская война, на Северном Кавказе (лето 1918 — весна 1919), в Польше (весна 1919), член РВС — на Западном фронте; советско-польская война — нач. политуправления Запад-

ного фронта (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 1025. Л. 1 и след.; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1965. С. 569, 570). К.И. Шутко впоследствии указал в анкете, что на работе в Высшем военном совете он находился 2 недели и освобожден от нее «по моему завлечению в Сов[ет] нар[одных] комиссаров, по болезненному состоянию» (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 1025. Л. 8 об. Подлинник — машинописный текст с автографом).

¹⁰⁸⁹ См.: *В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922.* С. 229; *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена // Военно-исторический журнал. 1989. № 8, 10; *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. С. 129, 131.

¹⁰⁹⁰ Цит. по: *Данишевский К.Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918—1921 годы) // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 450.

¹⁰⁹¹ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 132.

¹⁰⁹² *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (далее — КВР). Т. 1. М., 1923. С. 26.

¹⁰⁹³ См., напр.: *Ленин В.И.* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии (не позднее 8 марта 1918 г.) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1969. С. 48; *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // Там же. С. 195.

¹⁰⁹⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 100. Документ датирован по содержанию.

¹⁰⁹⁵ Здесь и далее в тексте курсив мой. — С. В.

¹⁰⁹⁶ *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 1. С. 99 и след.

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 36.

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 42.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 52.

¹¹⁰⁰ Там же. С. 62.

¹¹⁰¹ Там же. С. 70.

¹¹⁰² Там же. С. 71—72.

¹¹⁰³ Там же. С. 67.

¹¹⁰⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 148. Троцкий заявил, что среди старых военных специалистов он «нашел гораздо больше ценных элементов, чем это предполагалось... Они говорили о воссоздании армии и таким языком, каким мы, представители Советского режима, слушали как язык подлинных представителей демократической революционной страны».

¹¹⁰⁵ *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 1. С. 100.

¹¹⁰⁶ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 608 (комм.).

¹¹⁰⁷ Там же. С. 325.

¹¹⁰⁸ См.: *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 1. С. 317—318.

¹¹⁰⁹ Там же. С. 307.

¹¹¹⁰ *Троцкий Л.Д.* Создание Рабочей и Крестьянской Красной армии: Доклад на 5 Съезде Советов в заседании 10 июля 1918 г. // *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 307.

¹¹¹¹ Там же.

¹¹¹² *Волгогонов Д.А.* Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 223.

¹¹¹³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 18. Л. 154.

¹¹¹⁴ *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 2. С. 13.

¹¹¹⁵ См.: *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. С. 74.

¹¹¹⁶ *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. Т. 3. М., 1960. С. 262.

¹¹¹⁷ Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина. Казань, 1995. С. 26.

¹¹¹⁸ Там же. С. 27.

¹¹¹⁹ Там же. С. 25. См. также: *Литвин А.Л.* Красный и белый террор (1918—1922). Казань, 1995; Красный и белый террор 1918—1922 гг. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46—62.

¹¹²⁰ Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина. С. 26.

¹¹²¹ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 74.

¹¹²² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 18. Л. 104.

¹¹²³ Там же. Л. 107.

¹¹²⁴ Точный фрагмент речи: «Работу по снабжению нужно централизовать. Во главе этой работы уже сейчас поставлен такой энергичный и знающий товарищ — Л.Б. Красин. Ему должны быть даны самые широкие полномочия и все те материальные средства, которые нужны для того, чтобы наше военное снабжение поставить на должную высоту. Все должно быть предоставлено в распоряжение организаторов снабжения». Стоит отметить, что Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной армии (Чрезкомснаб) Красина подчинялась председателю СНК. Судя по черновикам «Положения о Революционном военном совете Республики», Троцкий желал подчинить Чрезкомснаб себе.

Троцкий симпатизировал Красину еще со времен II съезда РСДРП: последний тогда был большевиком-примиренцем. Л.Д. Троцкий вспоминал: «...это еще больше сблизило нас, в виду тогдашней моей позиции» (Цит. по: *Волгогонов Д.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 67).

¹¹²⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 18. Л. 108. *Опубл. с изменениями:* Перед взятием Казани: Речь на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 г. // *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 1. С. 320—324. *Текст сверен со стенограммой.*

Далее Троцкий затронул три вопроса, стоявшие в повестке дня с марта 1918 г.: партийно-политическая работа; привлечение в Красную армию военных специалистов; политический надзор за ними (комиссары).

¹¹²⁶ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 267.

¹¹²⁷ Там же. С. 268.

¹¹²⁸ *Молодцыгин М.А.* Красная армия. М., 1997. С. 143.

¹¹²⁹ **Революционный военный совет Республики (Реввоенсовет Республики, РВСР)** был создан 6 сентября 1918 г. как коллегиальный орган высшей военной власти. В состав РВСР входили: председатель, зам. председателя, главноком, члены (их число менялось). Председателем РВСР, по утвержденному 30 сентября 1918 г. Положению, был нарком по военным и морским делам, член РКП(б), утверждаемый ВЦИК. Заместитель председателя (должность была учреждена в октябре 1918 г.) руководил центральным и местным военным аппаратом, координировал его деятельность с работой Главного командования, являлся докладчиком по военным вопросам в партийных и правительственных органах. В ведении второго заместителя (должность была учреждена в 1924 г.) находились вопросы боевой подготовки войск. Для технического обслуживания председателя РВСР и его заместителей в штате Полевого штаба, а затем Управления делами РВСР были образованы ряд подразделений, названия и функции которых в последующем изменялись. 28 августа 1923 г. РВСР был преобразован в РВС СССР. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1934 г. РВС СССР был упразднен (см. подр.: Путеводитель по ЦГАСА. Т. 1. Минеаполис, 1991. С. 42).

¹¹³⁰ Должность **главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (главнокома)** была учреждена публикуемым постановлением. В своих

действиях главком был подотчетен председателю РВСР. Для непосредственного обслуживания главкома был образован специальный штат, входивший в организационную структуру Полевого штаба РВСР (в августе 1921 г. он получил название Секретариата главкома). 15 октября 1918 г. была учреждена должность командующего всеми морскими силами (коморси), которому были подчинены также все речные и озерные флотилии. 27 августа 1921 г. должность коморси переименована в должность помощника главкома по морским делам. Для объединения военного управления Сибири 20 апреля 1920 г. учреждалась должность помощника главкома по Сибири, которому подчинялись все полевые войска, военные округа и укрепленные районы, расположенные в Сибири. В непосредственном подчинении главкома находилась Запасная армия Республики (см. подр.: Путеводитель по ЦГАСА. Т. 1. Минеаполис, 1991. С. 54—55).

¹¹³¹ *Ирошников М.П.* В.И. Ленин и строительство Советского государства (с октября 1917 — июль 1918 г.) // В.И. Ленин в Октябре и в первые месяцы Советской власти. Л., 1970. С. 175.

¹¹³² РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—2.

¹¹³³ Текст предложения до сноски вписан простым карандашом, после — фиолетовым.

¹¹³⁴ Первоначально стояло «Объединенного». Исправление Я.М. Свердлова.

¹¹³⁵ Председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий был убит 30 августа 1918 г., позднее в тот же день в Москве ранили В.И. Ленина.

¹¹³⁶ Зачеркнуто фиолетовыми чернилами.

¹¹³⁷ С этого места до конца листа — фиолетовый карандаш.

¹¹³⁸ Двойное зачеркивание. Фамилии выступавших по вопросу о дополнительном договоре с Германией Свердлов зачеркнул фиолетовым карандашом.

Красин Леонид Борисович (1870—1926) — советский партийный и государственный деятель, гениальный российский инженер и управленец. Из семьи чиновника. *Образование:* учился в Петербургском технологическом институте (1887—1891), исключен за революционную деятельность, Харьковский технологический институт (1900). *Членство в партиях:* в социал-демократическом движении с 1890; РСДРП с 1903 (большевик, меньшевик, большевик). Работал техником, инженером (без диплома) на строительстве Сибирской ж. д. С 1900 вместе с Р.Э. Классоном возглавил в Баку строительство электростанции «Электросила» и электрификацию нефтяных промыслов. Собрал в Баилово ядро Бакинской социал-демократической организации. Поддерживал регулярную связь с «Искрой», организовал для нее транспорт через Иран и Батуми. С В.З. Кецховели организовал нелегальную типографию «Нина». После II съезда РСДРП (1903) кооптирован в ЦК партии, некоторое время занимал примиренческие позиции по отношению к меньшевикам. Пользуясь служебным положением, ездил по стране для создания централизованного технического партийного аппарата, установления связи с местными организациями, налаживания партийных финансов, транспортировки и распределения литературы, переправки членов партии за границу и обратно. С 1904 работал в Орехово-Зуеве: руководил строительством электростанции, работами по электрификации города и «Морозовской мануфактуры». Случайно избежав ареста, перешел на нелегальное положение. Делегат III съезда РСДРП (1905), его вице-председатель; избран

членом ЦК. Вернувшись в Россию, легализовался, стал зав. кабельной сетью «Электрического общества 1886» в Петербурге, не прекращая активной партийной деятельности. Один из организаторов первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Участник Первой русской революции, возглавлял боевую техническую группу при ЦК партии, руководил снабжением боевых дружин. *В эмиграции* с 1908, позднее отошел от революционной деятельности, работал инженером. Проявил незаурядные способности инженера и организатора на работе в фирме «Сименс и Шуккерт»: глава Московского филиала (с 1912), директор общероссийского отделения (Петербург, с 1913). *С начала Первой мировой войны* — директор нескольких заводов, принадлежавших ранее фирме «Сименс и Шуккерт». *На советской работе* — председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности (1918—1919); нарком путей сообщения (1919). В дальнейшем на дипломатической работе в Великобритании и одновременно нарком внешней торговли. В 1922 участник международных конференций в Генуе и Гааге. С 1924 полпред во Франции, с 1925 снова полпред в Великобритании. Делегат XII—XIV съездов партии, на XIII—XIV избирался членом ЦК РКП(б) — ВКП(б). Похоронен в Москве на Красной пл. у Кремлевской стены. *Соч.: Дела давно минувших дней (Воспоминания)*. 3 изд., М., 1934.

¹¹³⁹ Фамилии: Енукидзе, Ногин, Веселовский — объединены Свердловым скобой слева.

¹¹⁴⁰ Дважды подчеркнуто красными чернилами.

¹¹⁴¹ Подчеркнуто красными чернилами.

¹¹⁴² Очевидно, в качестве заведующего политотделом 2-й армии для организации партийно-политической работы.

¹¹⁴³ Не Я.М. Свердлова.

¹¹⁴⁴ Пятый созыв ВЦИК Советов Р., К., К. и К. депутатов. С. 88.

¹¹⁴⁵ Первоначально стояло «Объединенного». Исправление Я.М. Свердлова.

¹¹⁴⁶ См.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 14, 15.

¹¹⁴⁷ См.: Там же. С. 20.

¹¹⁴⁸ Двойное зачеркивание.

Фамилии выступавших по вопросу о дополнительном договоре с Германией Свердлов зачеркнул фиолетовым карандашом.

¹¹⁴⁹ Пятый созыв ВЦИК Советов Р., К., К. и К. депутатов. М., 1919. С. 15.

¹¹⁵⁰ Там же. С. 13.

¹¹⁵¹ **Штернберг Павел Карлович** (1865—1920) — астроном, советский партийный деятель. Из семьи мелкого подрядчика. *Членство в партиях*: РСДРП с 1905. *Образование*: физико-математический факультет Московского университета. *Во время Февральской революции* — член МК РСДРП(б). *Участвовал в установлении Советской власти в Москве* — член Центрального штаба Красной гвардии, Московского ВРК, возглавлял боевые действия в Замоскворецком районе. *На советской работе* — член Президиума Московского губернского исполкома и губвоенком (с ноября 1917); руководитель отдела вузов и член коллегии Наркомата по просвещению РСФСР (1918). *Участник Гражданской войны* — член Реввоенсовета 2-й армии (сентябрь 1918 — июнь 1919); член Реввоенсовета Восточного фронта (октябрь 1919 — январь 1920) (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1963. С. 666).

- ¹¹⁵² Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 20.
- ¹¹⁵³ См.: Там же. С. 16, 20.
- ¹¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 35. Л. 4. Автограф удостоверения (оттиск — отпуск).
- ¹¹⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 207. Л. 97.
- ¹¹⁵⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 157.
- ¹¹⁵⁷ См.: Там же. № 6. С. 155 и след.
- ¹¹⁵⁸ Там же. С. 155.
- ¹¹⁵⁹ Там же. № 4. С. 146, 156.
- ¹¹⁶⁰ Центральный комитет: Историко-биографический справочник. М., 2005. С. 439.
- ¹¹⁶¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 146, 156.
- ¹¹⁶² *Свердлова К.Т.* Указ. соч. С. 146.
- ¹¹⁶³ Там же.
- ¹¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 2. Л. 4. Автограф Е.Д. Стасовой.
- ¹¹⁶⁵ Центральный комитет: Историко-биографический справочник. С. 388. Характерно, что 31 октября ЦК РКП(б) делегировал С.И. Сырцова в распоряжение Воронежского комитета РКП(б) для работы на фронте (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 5. Л. 24). Не исключено, что Я.М. Свердлов специально направил на фронт одного из участников событий, связанных с созданием РВС Республики.
- ¹¹⁶⁶ См.: *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 183; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г. М., 2008. С. 129.
- ¹¹⁶⁷ См.: *Соломон Г.А.* Указ. соч. С. 208, 209.
- ¹¹⁶⁸ О сложности деловых и личных контактов в последнем случае см.: *Павлюченков С.А.* Орден меченосцев.
- ¹¹⁶⁹ *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 182, 198.
- ¹¹⁷⁰ Цит. по: *Тополянский В.Д.* Загадочная испанка. С. 315.
- ¹¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 56. Л. 133.
- ¹¹⁷² Девятый съезд РКП(б). Март—апрель 1920 г. М., 1960. С. 379.
- ¹¹⁷³ Пятый созыв ВЦИК Советов Р., К., К. и К. депутатов. С. 104.
- ¹¹⁷⁴ *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 201.
- ¹¹⁷⁵ См.: *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 181—182.
- ¹¹⁷⁶ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 49.
- ¹¹⁷⁷ См.: *Войтиков С.С.* «Председатель ЦК». Я.М. Свердлов в политической борьбе 1918 — начала 1919 года // Российская история. 2014. № 1. С. 24—43.
- ¹¹⁷⁸ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 39—40.
- ¹¹⁷⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 18.
- ¹¹⁸⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 372—373.
- ¹¹⁸¹ Там же. С. 373.
- ¹¹⁸² Пятый созыв ВЦИК Советов Р., К., К. и К. депутатов. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. С. 22; Ср.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 16.
- ¹¹⁸³ Цит. по: Там же. С. 130.
- ¹¹⁸⁴ См.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 6, 7, 10 и след.

- ¹¹⁸⁵ *Моруков Ю.Н.* Указ. соч. С. 104.
- ¹¹⁸⁶ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. С. 300.
- ¹¹⁸⁷ Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 76.
- ¹¹⁸⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 138.
- ¹¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- ¹¹⁹⁰ Там же.
- ¹¹⁹¹ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 283—284.
- ¹¹⁹² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8681. Л. 1.
- ¹¹⁹³ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 164.
- ¹¹⁹⁴ *Молодцыгин М.А.* Указ. соч. С. 162.
- ¹¹⁹⁵ *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 28.
- ¹¹⁹⁶ Ср.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг.; РГВА. Ф. 4. Оп. 8. Д. 608.
- ¹¹⁹⁷ *Войтиков С.С.* «Председатель ЦК». С. 24—43.
- ¹¹⁹⁸ См.: *Тополянский В.* Загадочная испанка // Континент. 2002. № 112.
- ¹¹⁹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки заседаний. Т. 1. М., 2000. С. 32.
- ¹²⁰⁰ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. М., 2007. С. 593.
- ¹²⁰¹ Датируется по времени принятия Положения.
- ¹²⁰² В 1919 г. установилось положение, при котором членов РВСР назначали помимо ВЦИК Советов — ЦК РКП(б) и Совнарком.
- ¹²⁰³ Датируется по окружающим документам.
- ¹²⁰⁴ Очевидно, главному имел в виду лозунг «Вся власть Советам!», который он попросту неверно интерпретировал.
- ¹²⁰⁵ Так в тексте. Правильно: «мировоззрениях».
- ¹²⁰⁶ См. док. № 1.2.1.
- ¹²⁰⁷ Российская империя.
- ¹²⁰⁸ Так в тексте.
- ¹²⁰⁹ 27 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики командировал в Народный комиссариат продовольствия генштабиста В.В. Юршевского для участия в решении вопросов: «своевременного и правильного снабжения продовольствием частей Красной армии, пополнения продовольственных баз и образования запасов продовольствия для Красной армии». На генштабиста возлагалось всестороннее информирование Полевого штаба «по всем вопросам снабжения Красной армии», для чего он также должен был поддерживать постоянный контакт с центральными государственными и военными учреждениями: Наркомпродом, Главным начальником снабжений, Главным военно-хозяйственным управлением, Центральным управлением военных сообщений, Чрезвычайной комиссией под председательством Л.Б. Красина, а также с командующими фронтами и военными округами. Для ознакомления с положением продовольственного вопроса Юршевский имел право на командировки «в города, расположенные как на действующих фронтах, так и в тыловых округах». Постоянным местом нахождения генштабиста должен был стать отдел хлебофуража Наркомпрод. Всем войсковым частям, правительственным и общественным организациям и учреждениям предлагалось оказывать Я.Я. Юршевскому «полное содействие в выполнении возложенной на него задачи» (РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 189—189 об.).

¹²¹⁰ Так в тексте.

¹²¹¹ 30 ноября 1918 г. был создан под председательством В.И. Ленина Совет рабочей и крестьянской обороны (Совет Обороны) — высший военно-политический орган РСФСР, обладавший всей полнотой власти в деле мобилизации сил и средств. В апреле 1920 г. реорганизован в Совет труда и обороны.

¹²¹² **Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюровоенком)** было создано на основе Бюро комиссаров Наркомвоена 8 апреля 1918 г. для руководства деятельностью комиссаров в масштабе всей армии. 28 апреля 1919 г. было реорганизовано в политический отдел РВСР, переименованный 15 мая 1919 г. в Политическое управление РВСР (см. подр.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 51. Примечание).

¹²¹³ Датируется по времени утверждения проекта постановления ЦК РКП(б) по докладу Г.Е. Зиновьева в Политбюро ЦК РКП(б).

¹²¹⁴ Так в тексте. В действительности пленарное заседание ЦК РКП(б) состоялось 25 марта 1919 г.

¹²¹⁵ Здесь и далее в документе выделенные курсивом слова вписаны Л.Д. Троцким черными чернилами.

¹²¹⁶ Слово подчеркнуто Л.Д. Троцким.

¹²¹⁷ Первоначально стояло: «небольших». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²¹⁸ Здесь и далее выделенный текст подчеркнут красным карандашом, предположительно Л.Д. Троцким.

¹²¹⁹ Первоначально стояло: «работников». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²⁰ Первоначально стояло: «военное». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²¹ Первоначально стояло: «нынешнего господствующего». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²² Первоначально стояло: «крайний». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²³ Первоначально стояло: «или». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²⁴ Первоначально стояло: «городского». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²⁵ В предложении сохранена пунктуация документа.

¹²²⁶ Первоначально стояло: «Вместе с тем я смею думать». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²⁷ Здесь и далее в документе выделенные слова подчеркнуты синими чернилами. Авторство правки не установлено.

¹²²⁸ Первоначально стояло: «начальнику дивизии (который действовал...)». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²²⁹ Ни один случай истории не известен. В 1926 г., когда бывшие деятели левой оппозиции, условным вождем которой был Л.Д. Троцкий, вступили в блок с недавно разгромленными деятелями новой оппозиции (идеолог — Г.Е. Зиновьев, лидер — Л.Б. Каменев), постфактум последние признали правоту Л.Д. Троцкого в части вопросов. Впрочем, вопрос о кадровой политике Л.Д. Троцкого в РККА в годы Гражданской войны они обошли молчанием.

¹²³⁰ Наиболее известным членом ЦК Партии левых социалистов-революционеров была М.А. Спиридонова.

¹²³¹ Имеется в виду фракция левых коммунистов.

¹²³² Первоначально стояло: «объясняет». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²³³ Первоначально стояло: «группа». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²³⁴ **Окулов (в ряде документов — Акулов) Алексей Иванович (1880—1939)** — советский военный деятель. Русский. *За границей*: не был. *Занятия*

до 1917 — революционер. Членство в партиях: РСДРП с 1903. На партийной работе — в Киеве, Екатеринбурге, Москве, Петербурге. В старой армии — не служил. Во время Февральской революции — один из организаторов Красноярского совета, член губкома РСДРП(б) и председатель губисполкома Енисейской губернии, председатель нелегального Съезда революционных советов Северной Сибири. Член ВЦИК, член Президиума ВЦИК (1918). В советском военном ведомстве — член РВС Южного фронта (октябрь—декабрь 1918, июнь—август 1919) и член РВС 10-й армии (октябрь—декабрь 1918); член Реввоенсовета Республики (январь—июль 1919) и Реввоентрибунала Республики (январь—май 1919) и одновременно член РВС Западного фронта (май—июнь 1919); нач. 43-й стр. дивизии Южного фронта (сентябрь 1919 — февраль 1920) и комендант Тульского укрепрайона (с декабря 1919); военный комиссар Восточно-Сибирского военного округа (февраль 1920—1923). В межвоенный период — на руководящей партийной и хозяйственной работе. Участие в войнах: Гражданская война — один из организаторов обороны Омска и Тюмени (1918). Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹²³⁵ **Осинский Николай (Оболенский Валериан Валерианович)** (1887—1938) — советский партийный, государственный и военный деятель. Русский. Из семи ветеринарного врача. Образование: 3 курса экономического отделения юридического факультета Московского университета (1908). На советской работе — главный комиссар-управляющий Государственным банком России (1917), председатель Высшего совета народного хозяйства РСФСР (1917—1918); зав. отделом ВСНХ РСФСР (1918); зав. отделом советской пропаганды ВЦИК РСФСР (1918—1919); уполномоченный ВЦИК РСФСР и ЦК РКП(б) в Туле, Пензе, Вятке (1919); председатель исполкома Тульского губернского совета (1919—1920); член коллегии Наркомата продовольствия РСФСР (1920—1921); зам. наркома (1921—1923), и. о. наркома (1921—1922) земледелия РСФСР; зам. председателя ВСНХ (1923); полпред СССР в Швеции (1923—1925); член Президиума Госплана СССР (1925—1926); управляющий ЦСУ СССР (1926—1928); председатель коллегии НИИ Московской с.-х. академии им. К.А. Тимирязева (1928—1929); зам. председателя ВСНХ СССР и председатель правления всесоюзного объединения автотракторной промышленности (1929—1930); член редколлегии газеты «Известия» (1931); нач. Центрального управления народно-хозяйственного учета СССР и зам. председателя Госплана СССР (1932—1935); директор Института истории науки и техники АН СССР. Видный левый коммунист (1918), лидер группы демократического централизма (1919—1921), кандидат в члены Президиума ВЦИК (1920—1922). Член ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован.

¹²³⁶ Первоначально стояло: «гаек». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²³⁷ Первоначально стояло: «вижу». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹²³⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 548.

¹²³⁹ Там же. С. 547.

¹²⁴⁰ Зданович А.А. Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 66—67; № 5. С. 75—82.

¹²⁴¹ Кавтарадзе А.Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32—40; Он же. Нико-

лаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40—43.

¹²⁴² См., напр.: *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5. С. 92—95; *Войтиков С.С.* К следствию над Ставкой // Военно-исторический архив. 2009. № 7. С. 46—59; *Он же.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009 [1-е издание настоящей монографии]; *Он же.* Начальный этап военного строительства РККА (Оперод Наркомвоена во главе отрядов Красной армии, у истоков советских разведки, контрразведки и военной цензуры) // Военно-исторический архив. 2009. № 4. С. 68—85; № 5. С. 5—17; *Он же.* Дискуссия по делу Георгия Теодори в современной историографии // Военно-исторический архив. 2010. № 12. С. 109—122; *Он же.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. М., 2010.

¹²⁴³ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2(27). С. 44.

¹²⁴⁴ Там же. С. 45.

¹²⁴⁵ См.: *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. М., 2000. С. 322.

¹²⁴⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 5997. Личное дело № 156—156. Л. 11 об.

¹²⁴⁷ Здесь и далее биографические сведения приводятся в строгом соответствии с послужным списком.

¹²⁴⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 5997. Л. 6.

¹²⁴⁹ Там же. Л. 6 об.

¹²⁵⁰ Там же. Л. 7.

¹²⁵¹ Там же. Л. 6 об.

¹²⁵² Там же. Л. 6 об.—7.

¹²⁵³ Там же. Л. 14.

¹²⁵⁴ Цит. по: Страна гибнет сегодня: Воспоминания. М., 1991. С. 63.

¹²⁵⁵ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 30.

¹²⁵⁶ *Брусилев А.А.* Указ. соч. С. 148.

¹²⁵⁷ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 54.

¹²⁵⁸ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 5 об. Дело — «Списки офицеров, окончивших подготовительные курсы военной академии за 1917—1919 гг.»

¹²⁵⁹ Цит. по: *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 322.

¹²⁶⁰ **Мей Павел Алексеевич** — капитан, генштабист 1917 г. *Образование:* Новочеркасское казачье училище (1908), ускоренные курсы академии Генерального штаба (1918). *В старой армии* с 1905 (офицер с 1908) — обер-офицер 10-го Донского каз. полка (с июня 1908); на льготе (с августа 1910; в 14-м Донском каз. полку (с апреля 1912); на льготе (с января 1914); в 48-м Донском каз. полку (с июля 1914); ст. адъютант по оперативной части штаба 84-й пех. дивизии (с января 1916); нач. штаба 84-й пех. дивизии (с января 1917). *В Красной гвардии — Красной армии* с 1918 (добровольно) — нач. разведотдела штаба военрука Московского района (март—август 1918); отв. работник Оперативного отдела Наркомвоена, для поручений при нач. Оперативного управления Полевого штаба РВСР, нач. общего отдела штаба Западного фронта; в распоряжении инспектора военно-учебного дела Западного фронта; нач. школы высших курсов комсостава Западного фронта (с мая 1920); ком. 5-й бригады; нач. курсов высш. объедин. Западного фронта (с апреля 1921). *В межвоенный период* — пом. нач. оперативного управления штаба Западного фронта (ноябрь 1921 — февраль 1922); нач. отдела подготовки и службы войск штаба Петроградского ВО (с февраля 1922); пом. нач. 1-й Пе-

троградской пех. школы (с марта 1923); на преподавательской работе в школе связи и, частным образом, преподаватель Академии им. Н.Г. Толмачева (с 1925). Арестован по Ленинградскому делу, но освобожден (1930).

¹²⁶¹ Цит. по: *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 329—330.

¹²⁶² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 163. Л. 18.

¹²⁶³ *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» С. 33.

¹²⁶⁴ Там же. С. 34.

¹²⁶⁵ *Нокс А.* Указ. соч. С. 22.

¹²⁶⁶ Там же. С. 21.

¹²⁶⁷ Цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 67.

¹²⁶⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5 об.

¹²⁶⁹ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 7.

¹²⁷⁰ Там же.

¹²⁷¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 77—82 об. Теодори Г.И. Краткий очерк истории Оперода МВО — Наркомвоен (15 августа 1920 г.) Руководство операциями на Самарском, наиболее опасном направлении, Оперод возложил на большевика А.Ф. Мясникова, назначив его в июле 1918 г. командующим Приволжским фронтом, и полковника Н.В. Соллогуба, ставшего в июне начальником штаба Восточного фронта.

¹²⁷² **Андогский Александр Иванович** (1873—1931) — генерал-майор (1917). Из дворян. *Образование:* Павловское военное училище (1899), Николаевская академия Генерального штаба (1905). *В старой армии* с 1898 — рядовой на правах вольноопределяющегося Московского лейб-гвардейского полка (с 1898), ком. роты Павловского военного училища (1899); в штабе 2-й Маньчжурской армии (1905); в Московском лейб-гвардейском полку (с 1906); пом. ст. адъютанта, ст. адъютант оперативного отделения штаба 2-й армии (с 1914); нач. штаба 3-й гвардейской пех. дивизии (с 1915); ком. 151-го Пятигорского пех. полка (с 1916); правитель дел (с 1916), экстраординарный профессор и нач. (с 1917) Императорской Николаевской военной академии. *На службе в Красной гвардии* — Красной армии (с 1917); отказался, как весь профессорско-преподавательский состав эвакуированной в Казань академии, принимать участие в обороне города от белогвардейцев (5 августа 1918 г.). В дальнейшем служил у Колчака (*Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 322).

¹²⁷³ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 283.

¹²⁷⁴ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988. С. 199.

¹²⁷⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 179.

¹²⁷⁶ **Дзевалтовский (Гинтовт) Игнатий Львович (Львович)** — советский военный деятель. Поляк. Шляхтич. *В старой армии* — гвардии штабс-капитан. *Членство в партиях:* РСДРП(б) с 1917 г., принимал участие в попытке вооруженного захвата власти большевиками в июле 1917 г. *В советском военном ведомстве* с 1917 — член коллегии Наркомвоена и главный комиссар военно-учебных заведений, военный комиссар Всероссийского главного штаба (1918—1919); пом. команд. Восточного фронта (с октября 1919); в распоряжении Сибирского революционного комитета (с февраля 1920). После провала советской военной разведки в Китае — бежал за границу, не возвращен.

¹²⁷⁷ Также Н.Н. Стогов, доложил Дзевялтовский, отказался, вопреки резолюции К.А. Мехоношина подписать приказ о реорганизации фельдъегерского корпуса; препятствовал внесению нового порядка назначения пенсий; и главное — поддерживал «вредных Правительству военных агентов» за границей. По всей вероятности, за месяц у Дзевялтовского скопилось много претензий к начальнику Всероглаштаба, и к тому же у него возникла стойкая (и, как увидим, абсолютное обоснованная) убежденность в пособничестве Стогова контрреволюции. Заключительный пассаж: «Вообще та атмосфера и обстановка, которые создаются начальником Штаба, не создадут доверия к Всерос[сийскому] штабу, а тот налет консерватизма и бюрократизма, которые практикуются СТОГОВЫМ, приведет к тому, что Штаб не пойдет впереди, руководя делом, а будет плестись в хвосте». Дзевялтовский убеждал Наркомвоен, а точнее наркома Троцкого (о том, что адресатом был сам нарком, а не коллегия Наркомвоена, свидетельствует тот факт, что подлинник документа отложился в личном фонде Л.Д. Троцкого) в необходимости немедленной замены Стогова (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94).

¹²⁷⁸ РГВА. 488. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

¹²⁷⁹ См.: Там же. Л. 4.

¹²⁸⁰ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178—179.

¹²⁸¹ Там же. Л. 187.

¹²⁸² Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 40.

¹²⁸³ **Тракман Макс Густавович** — зав. отделением военного контроля Оперативного отдела Наркомвоена (с июля 1918); военком 6-й стр. дивизии 7-й армии (октябрь, декабрь 1918 — январь 1919) и член Совета комиссаров Эстляндской трудовой коммуны; нач. 1-го отдела (Отдела военного контроля) Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918); отпущен для руководства эстонским движением (с декабря 1918); затем на партийной работе (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 127, 628; РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 27. Л. 27 об.).

¹²⁸⁴ **Войтиков С.С.** Отечественные спецслужбы и Красная армия. С. 59—60. Теодори заявил в 1920 г.: «Что генералы бежали — полбеды: они бездарны и с малоповоротливыми мозгами, но с ними уходила и весьма ценная боевая молодежь выпусков 13, 14, 15, 16-го [одов] и гвардейская часть 1917 года. Часть последних выпусков и часть профессуры мы уже успели задержать, и теперь они отлично работают».

¹²⁸⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 27.

¹²⁸⁶ **Чингулов Иван Дмитриевич** (1888—1931) — штабс-капитан, генштабист 1917 г. *Образование*: Михайловское артиллерийское училище (1910; по 1-му разряду), ускоренные курсы академии Генштаба (1918). *На службе в старой армии* с 1907 (офицер с 1910) — офицер 7-й арт. бригады (с 1910), 68-й арт. бригады. *В советском военном ведомстве* с 1918 (добровольно) — пом. нач. оперативного отделения Северного участка и Петроградского района отрядов Завесы; пом. нач. штаба Петроградского ВО; консультант Оперода Наркомвоена и член Комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела (1918); военный консультант Отдела военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР, затем Особого отдела ВЧК (1918—1919); в распоряжении РВСР (1919), на Южном фронте. Арестован по делу «Весна» (декабрь 1930). Расстрелян. *Участие в войнах*: Первая мировая война. *Награды*: орден Св. Георгия 4-й ст. (1915).

¹²⁸⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 17.

¹²⁸⁸ **Кузнецов Борис Иннокентьевич** (1889—1957) — капитан, Генштаба (с 23 марта 1918), комдив (1935), генерал-майор (1940). *Образование:* Михайловское артиллерийское училище (1910), ускоренные курсы академии Генерального штаба (1918). *На службе в старой армии* с июня 1907, последнее место службы — 27-я артиллерийская бригада. *В советском военном ведомстве* с 1918 (добровольно) — пом. главного руководителя обороны Петрограда и подступов к нему; консультант Оперативного отдела Московского окружного комиссариата по военным делам (с февраля 1918); консультант оперативного, затем разведывательного отделения Оперативного отдела Наркомвоена, по воспоминаниям С.И. Аралова, «занился исключительно вопросами военной разведки» (*Аралов С.И. Ленин вел нас к победе.* М., 1962. С. 38); военный эксперт при делегации Наркомата по военным делам РСФСР для переговоров с германской главной квартирой (август—сентябрь 1918); председатель по исследованию дорог Олонецко-Петрозаводского района (сентябрь 1918); и. д. нач. оперативного штаба при председателе РВСР Л.Д. Троцком в его поездке на Южный фронт и Петроград (октябрь—ноябрь 1918); нач. разведотдела Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918 — декабрь 1919); под следствием в Особом отделе ВЧК (июль—ноябрь 1919), освобожден под подписку о возвращении к месту службы; в распоряжении Всероссийского главного штаба; завуч Нижегородских пех. курсов (с декабря 1919); зав. 3-х Казанских пех. курсов (с января 1920); нач. штаба 1-й Восточной стр. бригады курсантов; нач. оперативного отделения штаба, и. д. нач. штаба 11-й армии (июнь 1920 — сентябрь 1921); 2-й зам. наркома по военным и морским делам Грузинской ССР, пом. наркома по военным и морским делам Закавказской РСФСР (сентябрь 1921 — сентябрь 1922); нач. УВУЗ (сентябрь 1922 — август 1923) и и. д. 1-го пом. нач. штаба (март—август 1923) Отд. Кавказской армии; нач. штаба (август 1923 — февраль 1927) и зам. (пом.) команд. (май 1925 — февраль 1927) Краснознаменной Кавказской армии; в распоряжении наркома по военным и морским делам (февраль—июнь 1927); военный атташе при полпредстве СССР в Турции (июнь 1927 — октябрь 1929); на преподавательской работе в Военной академии имени М.В. Фрунзе — нач. кафедры военной истории и мировой войны, нач. кафедры военной истории (с октября 1942), нач. кафедры истории военного искусства (с октября 1946). С мая 1947 в отставке. *Участие в войнах:* Первая мировая война, Гражданская война. *Награды:* орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали.

¹²⁸⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 50.

¹²⁹⁰ **Кутырев Гавриил Яковлевич** (1887—?) — есаул генштабист 1917 г. *Образование:* Новочеркасское казачье училище (1908), 6-месячные курсы Николаевской военной академии (1918). *На службе в старой армии* с сентября 1905 — хорунжий 10-го Донского казачьего полка (с июня 1908); на льготе (август 1910 — декабрь 1912); в 14-м Донском казачьем полку (апрель 1912 — январь 1914); на льготе (январь—июль 1914); в 48-м Донском казачьем полку (июль 1914 — январь 1915); ст. адъютант по оперативной части (январь 1916 — июль 1917), нач. (январь—октябрь 1917?) штаба 84-й пех. дивизии. *В советском военном ведомстве* с 1918 (добровольно) — нач. разведотдела штаба военрука Московского района (март—июль 1918); нач. отделения Оперода Наркомвоена (с августа 1918); нач. отдела Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (октябрь 1918 — май 1919); нач.

штаба 12-й армии (июнь—август, формально до октября 1919); и. д. нач. штаба 5-й армии (декабрь 1919 — февраль 1920); нач. оперативного управления штаба 5-й армии (февраль—март 1920); нач. военной части Приуральского ВО (март—ноябрь 1920); нач. штаба войск Донской области (1920); врид команд. войсками (с декабря 1920), и. о. нач. штаба (с января 1921) Донской области; в распоряжении нач. штаба Отд. Кавказской армии (июнь—август 1921); нач. штаба Батумского укрепрайона (с августа 1921).

¹²⁹¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 49, 56, 57.

¹²⁹² Там же. Л. 75 об.

¹²⁹³ Там же. Л. 82.

¹²⁹⁴ Там же. Л. 90, 92.

¹²⁹⁵ Там же. Л. 25, 34.

¹²⁹⁶ Там же. Л. 31.

¹²⁹⁷ **Гиршфельд Александр Владимирович** — старый большевик, военный комиссар Оперативного управления Полевого штаба (с 15 декабря 1918). (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 136. Пр. по Полевому штабу № 87 от 31 декабря 1918 года).

¹²⁹⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 121.

¹²⁹⁹ Там же. Л. 148.

¹³⁰⁰ **Глезаров Лев Маркович** — старый большевик. *Образование:* высшее общее — прошел курс юридического факультета Университета при Психоневрологическом институте (1917). *В Красной армии* — комиссар Аландской позиции, военком Северного участка и ряда войск Завесы, член Реввоенсовета Северного фронта; военный комиссар Петроградского военного совета Северного участка (с 30 июня 1918); начальник общего отдела Управления делами Реввоенсовета Республики (РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 38. Л. 58).

¹³⁰¹ **Петровский Григорий Иванович** (1878—1958) — советский партийный и государственный деятель. *Социальное происхождение:* из семьи ремесленника. *Членство в партиях:* в социал-демократическом движении — РСДРП — РСДРП(б) с 1897. *В советском военном ведомстве* — нарком внутренних дел РСФСР (ноябрь 1917 — март 1919); председатель ВУ ЦИК (март 1919 — лето 1938), в 1919 — председатель Временного бюро по руководству партийной работой в освобожденных от деникинцев районах Украины, председатель Всеукраинского ревкома (декабрь 1919 — февраль 1920). Сведений о работе Г.И. Петровского в штабе у П.Е. Дыбенко нет, но в сборнике о Н.И. Махно есть указания на совместную работу П.Е. Дыбенко и Г.И. Петровского в этот период (см.: *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1902—1922. Документы и материалы.* М., 2006. С. 108 и след.).

¹³⁰² Военная история Гражданской войны 1918—1920 годов в России. М., 2004. С. 261.

¹³⁰³ Так в тексте. Правильно: «саботажников».

¹³⁰⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254 с об.—255.

¹³⁰⁵ Там же. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 23 (Личное дело А.А. Свечина). Л. 17. Автобиография (автограф синими чернилами).

¹³⁰⁶ **Марьясин Лев Ефимович** (1894—1938) — советский партийный, государственный и военный деятель. Еврей (уроженец г. Могилев). Из семьи юриконсульта. *Образование:* Институт красной профессуры (1928—1930). *Членство в партиях:* РСДРП(б) с 1915. *В советском военном ведомстве* — нач. Центр. отдела всеобщего военного обучения (с декабря 1918); нач. Управления всеобщего и формирования красных резервных частей (с апре-

ля 1919); врид команд. Западным фронтом (с июля 1919); в распоряжении Московского сектора обороны (с сентября 1919); член инспекционно-инструкторской комиссии при РВСР (с октября 1920). *На советской и партийной работе* — председатель Воронежского горкома ВКП(б) (с 1920) и секретарь Орловского губкома РКП(б) (1920—1921); председатель Центрального совета народного хозяйства (ЦСНХ) Туркестанской АССР (1922—1923); заведующий отделом торговой и финансовой политики Главного экономического управления ВСНХ (1923—1924); зав. информационно-статистическим отделом ЦК КП(б) Украины и член ЦК КПУ (1925—1927); зам. зав. орграспредотделом ЦК ВКП(б) (1927—1930); член Правления (с 1930), зам. председателя (с 1931), председатель (с 1934) Госбанка СССР, а также член СТО и зам. наркома финансов (с 1934). В 1936 снят с должности, арестован 20 декабря 1936, приговорен ВКВС СССР 10 сентября 1937 по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации к расстрелу. Расстрелян 22 августа 1938. Реабилитирован.

¹³⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 58. Л. 15 об.

¹³⁰⁸ Датируется по содержанию.

¹³⁰⁹ В тексте ошибочно указано 23 апреля 1918 г.

¹³¹⁰ **Потапов Николай Михайлович** (1871—1946) — генерал-лейтенант; командир бригады Русский (уроженец г. Москва). Из служащих (сын гражданского служащего из вольноотпущенных крепостных крестьян). *Образование*: 1-я Московская военная гимназия; 1-й Московский кадетский корпус (1888), Михайловское артиллерийское училище (1891), Николаевская академия Генерального штаба (1897). Беспартийный. За границей — 2-месячный заграничный отпуск для ликвидации имущественных дел по прежнему месту службы в Черногории — в качестве организатора Красной армии (октябрь—ноябрь 1923); Германия, Франция, Польша — командирован для подбора военной литературы для библиотеки народного комиссара по военным и морским делам СССР (с октября 1924). *Иностранные языки*: французский, немецкий, сербский — свободно; английский, итальянский, польский, чешский — «читает». *В старой армии* с 1888 (офицер с 1891) — пом. военного атташе в Вене (с мая 1901); военный атташе в Черногории (с июня 1903) в служебных командировках — во Франции, Англии и Германии для выбора систем пулеметов для черногорской армии (1906), в Албанию и Сербию (в составе международной комиссии по разграничению Албании — от Черногории, Греции и Сербии) (с 1913 по июль 1914); отозван в Петроград (июнь 1915); пом. нач. генерал-квартирмейстера (с августа 1915), нач. эвакуационного и по заведованию военнопленными отдела (с сентября 1916), генерал-квартирмейстер (с апреля 1917), пом. нач. (с августа 1917) ГУГШ. *Во время Октябрьского переворота* — генерал-квартирмейстер ГУГШ. Агент Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б) (с июля 1917); нач. ГУГШ и при коллегии по управлению Военным министерством на правах пом. Управляющего Военным министерством (ноябрь 1917 — май 1918), пом. управделами Наркомвоен (с декабря 1917). В РККА с 1918. *В советском военном ведомстве* — управляющий делами Наркомвоена (май—ноябрь 1918); член Высшего военного совета (с июня 1918); постоянный член (с лета 1918), председатель Военно-законодательного совета (июнь 1919 — апрель 1920) — Военно-законодательного совещания (апрель 1920 — ноябрь 1921) при РВСР, по совместительству — член Главной военно-научной редакции (1920—1921), преподаватель Высшей школы по физиче-

скому образованию трудящихся (1920—1923); пом. главного инспектора Всевобуча (с сентября 1921). *В межвоенный период* — пом. Главного начальника Всевобуча и главного инспектора милиционных войск (с ноября 1921); пом. Центрального управления по военной подготовке трудящихся (с ноября 1923); в резерве РККА (с мая 1924); ст. редактор (с июня 1924), пом. нач. военного отдела (с июля 1924) Высшего военно-редакционного совета; ст. инструктор Политуправления РККА (с июля 1925); научный редактор Военгиза по иностранной (переводной) литературе с переводом в резерв РККА (с декабря 1930); нач. отделения переводной литературы I отдела Управления военного издательства при НКО СССР (с июня 1936). По совместительству — преподаватель ускоренных курсов: военно-педагогических (1920—1921), всеобщего военного обучения (1920), артиллерийских (1920); пом. зав. кафедрой военного языкознания Военной академии по французскому классу (1921—1924); доцент Московского педагогического института новых языков (1932—1936); преподаватель военно-переводческой дисциплины на Высших курсах повышения квалификации преподавателей иностранных языков в военно-учебных заведениях РККА (1934—1936). Уволен в отставку по болезни (май 1938). *Награды* — золотые часы с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР» (1928). *Приложение:* Из свидетельства о болезни: а) *Субъективные жалобы:* «Сильное переутомление, значительно ослабленная память, ослабление слуха, непрерывные головные боли, к 2 часам уже не работоспособен, боли в области аорты, раздражительность, при волнениях боли в левом подребе»; б) *Объективные признаки болезни:* «Питание удовлетворительное. Границы сердца делятированы, тональность глухая, систолический шум дующего характера на всех отверстиях. КК — 170/85. В легких везикулярное дыхание, пальпируется мягкий край печени. Видимые артерии извилистые и жесткие» (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 18. Л. 2—9, 10—13).

¹³¹¹ Так в тексте. Имеется в виду — **Белой Александр Сергеевич** (1882—1938) — полковник (1916). Православный. Уроженец Полтавы. *Образование:* Петровский Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1903), Николаевская академия Генерального штаба (1909; по 1-му разряду). *В старой армии* с 31 августа 1900 — в 9-й арт. бригаде; во 2-й л-гв. арт. бригаде; ценовое командование ротой в Измайловском л-гв. полку (октябрь 1909 — ноябрь 1911); пом. ст. адъютанта штаба Виленского ВО (с 26 ноября 1911); и. д. пом. начальника отделения ГУГШ; ст. адъютант штаба 2-го кав. корпуса; ст. адъютант штаба 49-й пех. дивизии; и. д. штаб-офицера для поручений генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта; пом. начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта; и. д. начальника штаба 2-й стр. дивизии (с 21 сентября 1916); делопроизводитель, зав. делопроизводством по службе офицеров Генерального штаба ГУГШ (с 3 мая 1917). *В Красной армии* с 1918 (добровольно): нач. штаба 4-й армии (5 ноября 1918 — 31 января 1919); команд. 3-й армией (18 октября — 24 октября 1920); команд. 4-й армией (11 февраля — 25 марта 1921); нач. штаба ГУВУЗ (с 19 октября 1922). *В межвоенный период* — преподаватель и старший руководитель военно-исторического факультета Академии Генерального штаба РККА, доцент, комбриг. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован. *Награды:* орден Св. Станислава 3-й ст. (1912).

¹³¹² 8 мая 1918 г.

¹³¹³ 27 мая 1918 г.

¹³¹⁴ Дабы не вызывать дополнительное раздражение профессуры (см. док. № 3.1.7), выпускники старого курса 2-й очереди Николаевской военной академии, очевидно, выбрали после «Балабинского дела» нового старосту — Г.Я. Кутырева вместо Г.И. Теодори.

¹³¹⁵ Здесь и далее в документе — подчеркивание Г.И. Теодори фиолетовыми чернилами.

¹³¹⁶ Подчеркнуто красным карандашом.

¹³¹⁷ Вписано Г.И. Теодори.

¹³¹⁸ Вписано Г.И. Теодори.

¹³¹⁹ Вписано Г.И. Теодори.

¹³²⁰ Вписано Г.И. Теодори.

¹³²¹ Вписано Г.И. Теодори.

¹³²² Фамилии Теодори и Доможиров вписаны Г.И. Теодори.

¹³²³ Далее — фамилии генштабистов 1917 г.

¹³²⁴ Скорее всего, имеется в виду **Васильев Александр Григорьевич** — старый большевик, член ВЦИК; нач. Военно-политического отделения Оперо Наркомвоена.

¹³²⁵ **Полковник Иван Николаевич** (1885—?) — штабс-капитан, генштабист 1917 г. *В старой армии* — офицер 144-го Каширского пех. полка (до 1913, с 1914); полковой адъютант 292-го Малоархангельского пех. полка (на 1916); ст. адъютант штаба 50-й пех. дивизии (1917); ст. адъютант штаба 1-й пех. дивизии; ст. адъютант штаба 13-го арм. корпуса; ст. адъютант, и. д. нач., ст. адъютант штаба 3-й Особой дивизии; ст. адъютант, и. д. нач. штаба 116-й пех. дивизии. *В Красной армии* 1918 (добровольно) — нач. оперативного отделения штаба Брянской группы отрядов Завесы; военный руководитель Брянского уездного военкомата; нач. штаба Приволжского ВО; для поручений при окружном военкоме Орловского ВО; команд. Курского укрепрайона; нач. штаба Орловского ВО; нач. штаба 2-й Особой армии (с сентября 1920); команд. войсками Южного района Воронежской губернии; команд. войсками Воронежской губернии; нач. 72-х Воронежских пех. курсов; штатный преподаватель 25-х пех. курсов; нач. мобилизационного управления (с июля 1921), вр.д. нач. штаба (с ноября 1921), пом. нач. штаба (с ноября 1921) Орловского ВО; нач. мобилизационного отдела командного управления Штаба РККА (с июня 1922); нач. 2-й части Командного отдела Штаба РККА (с сентября 1922). *Награды*: орден Св. Георгия 4-й ст. (1916).

¹³²⁶ **Егоров Александр Ильич** (1883—1939) — полковник (1917), маршал (1937). Русский (уроженец г. Бузулук). *Социальное происхождение*: из рабочих. *Образование*: Казанское пехотное юнкерское училище (1905). *Иностранные языки*: не владел. *Членство в партиях*: ПСЛР (1917—1918), РСДРП(б) с 1918. *В старой армии* с 1901. *На советской работе* — инспектор формирования и обучения частей военного отдела ВЦИК (с января 1918). *В советском военном ведомстве* с 1918 — председатель Высшей аттестационной комиссии (с мая 1918); команд. 9-й Кубанской армией (сентябрь—ноябрь 1918); команд. 10-й Терской армией (декабрь 1918 — май 1919); команд. 14-й армией и член РВС Южного фронта (июль—октябрь 1919); команд. войсками Южного фронта (октябрь 1919 — январь 1920). *В межвоенный период* — команд. частями особого назначения Закавказской республики (с сентября 1922); команд. вооруженными силами Украины и Крыма

(с мая 1925); одновременно член Высшего совета физической культуры УССР и член РВС СССР (с января 1926); в служебной командировке (14 ноября 1924—16 марта 1926); зам. нач. и председателя коллегии Военно-промышленного управления ВСНХ СССР с оставлением в должности члена РВС СССР (с апреля 1926); команд. войсками БВО (с мая 1927); нач. Штаба РККА (с 1931) — Генерального штаба (с 1935); зам. наркома обороны СССР (с мая 1937); команд. Закавказским ВО (с января 1938). *Участие в войнах*: Первая мировая война — ком. ротой, ком. батальоном, ком. полком. *Награды* — 2 ордена Красного Знамени, ордена Красного Знамени Грузинской и Азербайджанской ССР, Почетное революционное оружие. Репрессирован, расстрелян (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 10 (Личное дело А.И. Егорова). Л. 1 и след.).

¹³²⁷ Так в тексте.

¹³²⁸ Так в тексте. Правильно: «обречены».

¹³²⁹ **Русско-японская война 1904—1905** между Россией и Японией за господство над важными в стратегическом и экономическом отношении регионами, за перераспределение сфер влияния на Дальнем Востоке. По итогам войны Россия признала сферой японского влияния Корею, уступила Японии южную часть Сахалина, арендные права на Порт-Артур и Дальний с прилегающими территориями и южную ветку Китайско-Восточной железной дороги (СВЭ. Т. 7. М., 1979. С. 197—199).

¹³³⁰ «Царицын», а точнее руководство Северокавказского военно-окружного комиссариата и затем Южного фронта обращалось с подобными просьбами в Москву вплоть до конца 1918 г. Патронов, снарядов etc. не хватало катастрофически, с августа 1918 г. в составе Оперода даже действовало Бюро по снабжению Северокавказского военного округа, во главе его стоял А.Я. Пархоменко, специально направленный в центр в качестве «толкача» военных грузов И.В. Сталиным.

¹³³¹ Так в тексте. Следует: проходят.

¹³³² Не публикуется.

¹³³³ Автограф С.И. Аралова сиреневыми чернилами.

¹³³⁴ Красной армии.

¹³³⁵ Не публикуется. См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 392. Л. 2—3 об. Проект программы занятий в современных частях Советской (так в тексте. — С. В.) армии.

¹³³⁶ Альтернативный проект выработал Всероссийский главный штаб. См. то же дело.

В РГАСПИ отложился Рапорт Г.И. Теодори С.И. Аралову о необходимости временного использования в частях Красной армии программы занятий с солдатами от 8 июня 1918 г. На документе имеется резолюция С.И. Аралова от 1 июля 1918 г. — направление Л.Д. Троцкому с ходатайством об утверждении (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 2—2 об. Подлинник — машинописный текст с автографом черными чернилами). К документу имеется Приложение: «Проект программы занятий в современных частях армии», с резолюцией Л.Д. Троцкого: «Утверждаю» (Там же. Л. 3—4 об. Подлинник — машинописный текст с автографом Г.И. Теодори черными чернилами).

¹³³⁷ Сравните с главой «Подготовка духа» статьи М.Н. Тухачевского «Обучение войск. Методика подготовки Красной армии» (*Тухачевский М.Н.* Избр. произв. Т. 1. М., 1964. С. 101).

¹³³⁸ **Жубер Бартеlemi Катрин** (1769—1799) — один из наиболее успешных французских революционных генералов.

¹³³⁹ **Моро Жан Виктор Мари** (1763—1813) — выдающийся французский военачальник.

¹³⁴⁰ В конце июля — начале августа 1916 г. созданная на основе Гвардейского отряда, 1-го и 30-го армейских корпусов и 5-го кавалерийского корпуса Особая армия на прорыв немецкой обороны на р. Стоход. Ставилась задача форсировать реку и овладеть важным ж.-д. узлом Ковелем с юга. Армию по железной дороге спешным порядком перебросили к Луцку, однако прибытие гвардии запоздало: австро-германское командование подтянуло значительные резервы с артиллерией и авиацией и создало глубоко эшелонированную оборону (*Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в мировой войне // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 46). Исходную позицию командующий В.М. Безобразов, который, будучи «обожаем всеми, кто служил под его началом», в то же время не мог наладить отношения со своим собственным командованием (*Нокс А.* Указ. соч. С. 275), выбрал неудачно: ее отделяла от реки болотистая пойма, которая под огнем неприятеля становилась труднопроходимой как для пехоты, так и для кавалерии. Наступление началось 28 июля, однако атаки желаемого результата не дали. После трехдневных боев войска вышли к Стоходу, но форсировать реку смогли только в районе деревень Трыстенъ и Витонез. Дальнейшее наступление на Ковель захлебнулось. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев настаивал на продолжении наступления, однако бои ввиду огромных потерь пришлось прекратить (*Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 46). Гвардия использовала на своем участке до 100 орудий самых крупных калибров (немцам в аналогичных случаях на Восточном фронте удавалось собрать не более 40). Этот «артиллерийский таран» тем не менее не помог гвардии решить поставленную перед ней задачу: потеряв почти половину своего личного состава (30 тыс. человек), она взяла у противника 46 орудий и 500 пленных, но не овладела мостами в направлении на Ковель (*Поливанов А.А.* Указ. соч. № 8. С. 144). Главнокомандующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов винил во всем «высших начальников», которые «не соответствовали своему назначению»: В.М. Безобразова, его начальника штаба Н.Н. Игнатьева, начальника артиллерии Особой армии герцога М.Г. Мекленбург-Стрелицкого, командира 1-го гвардейского корпуса великого князя Павла Александровича и 2-го — Г.О. Гауха (*Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 188—189). Брусилов писал: «По власти главнокомандующего фронтом я имел право смещать командующих армиями, корпусными командиров и все нижестоящее армейское начальство, но гвардия с ее начальством были для меня недосягаемы. Царь лично их выбирал, назначал и сменял, и сразу добиться смены такого количества гвардейского начальства было невозможно. Во время моей секретной переписки по этому поводу частными письмами с Алексеевым на мой фронт приехал председатель Государственной думы Родзянко и спросил разрешения посетить фронт, именно — Особую армию. Уезжая обратно, он послал мне письмо, в котором сообщал, что вся гвардия вне себя от негодования, что ее возглавляют лица, неспособные к ее управлению в такое ответственное время, что они им не верят и страшно огорчаются, что несут напрасные потери без пользы для их боевой славы и для России. Это письмо мне было на руку, я препроводил его при моем письме Алексееву с просьбой доложить царю, что

такое положение дела больше нетерпимо и что я настоятельным образом прошу назначить в это избранное войско, хотя бы только на время войны, наилучшее начальство, уже отличившееся на войне и выказавшее свои способности» (Там же. С. 189). Председатель Государственной думы Родзянко рассказал о своем разговоре «в Луцке с генералом Калединым», который сказал примерно следующее: «Нельзя так безумно жертвовать людьми — и какими людьми!» (*Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 176). Исследователи А.В. Тихомиров и Е.И. Чапкевич назвали берега Стохода «братской могилой для русской гвардии» (*Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 46). Как указал А.А. Брусилов в воспоминаниях, «в конце концов все вышеперечисленные лица были сменены, и командующим этой армией был назначен Гурко, человек безусловно соответствовавший этому назначению, но, к сожалению, было уже поздно, да и не все смененные лица были заменены столь удачно» (*Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 189). Однако, как четко следует из воспоминаний А. Нокса и других источников, велика была вина и самого генерала Брусилова, лично утвердившего позиции, на которых действовала гвардия (*Нокс А.* Указ. соч. С. 419, 424). Гвардейцы возлагали вину на соседей (Там же. С. 421), а каждый ответственный руководитель обвинял кого угодно, но только не самого себя (см. подр.: Там же. С. 418, 424 и др.).

¹³⁴¹ Пункты с 6 по 8 объединены Г.И. Теодори скобкой — напротив: «новое для нас и наших «рутинеров». Теодори» (красный карандаш).

Напротив пункта 10 карандашом Г.И. Теодори пометил: «Наше вековое зло. Т[еодори]» (красный карандаш).

На документе имеется резолюция — сопроводительная: «*Секретно.* В собственных руках наркомвоен т. Троцкому. Для ознакомления. № 01124/25. 24 июля 1918 года. Завоперодом Наркомвоен *Аралов*».

Консультант Генштаба Г.И. Теодори» (автограф Г.И. Теодори синими чернилами; подпись С.И. Аралова подлинная, черные чернила).

¹³⁴² Не совсем понятна цель публикуемой записки. Представляется, что причин ее написания могло быть две. Во-первых, Г.И. Теодори всячески стремился заинтересовать в себе руководство военного ведомства. Он был автором ряда военно-теоретических трудов, в частности по тактике артиллерии, и пытался пробиться на военно-научном поприще. Во-вторых, автора записки могла заинтересовать возможная реакция ее адресата: начальник Всероглавштаба, как выяснилось впоследствии, возглавлял военную организацию Всероссийского национального центра. Тогда вполне логична и отправка копии записки Л.Д. Троцкому. Не исключено также, что это — одна из попыток примириться со «старыми генштабистами».

¹³⁴³ **Сергеев Андрей Васильевич** (1893—?) — советский военный деятель. Русский (уроженец деревни Каменка Язвинской области Гдовского уезда Петроградской губернии). *Какие местности Российской империи хорошо знал:* Крым, Украина, Петроград, «[малая] родина». *Образование:* ЦПШ; городское училище; военно-авиационные курсы, военно-теоретические курсы и курсы авиамотористов при Петроградском политехникуме, Севастопольская авиашкола. Сдал экзамен на военного летчика. *Иностранные языки:* не знал. *За границей:* не был. *Какие знал специальности:* авиационные. *Занятия до 1917 —* хлебопашец, писарь, чернорабочий. *В революционном движении —* организатор ячеек, секретарь районной организации, член правления культурно-просветительных рабочих обществ в Петербурге; 2 обыска, 2 задержания жандармским и охранным управлениями (1912). Член РСДРП с

1911 — принят Петербургской организацией; член РКП(б) — принят Серпуховской организацией. На партийной работе — член фракции социал-демократов (большевиков) съезда Западного флота (март 1917); член и член бюро Партячейки РВСР (с февраля 1919); член ячейки РКП(б) Штавоздух при Штабе РВСР (с февраля 1919), организатор ячейки 8-й милиции по укреплению парторботы. *В старой армии, в советском военном ведомстве* — военный летчик 7-го Сибирского и 1-го корпусного авиаотрядов (январь—апрель 1917), а также председатель солдатского комитета и делегат на фронтовом съезде Западного фронта (февраль—март 1918); делегат и секретарь организационной комиссии Всероссийского солдатского авиасъезда в Петрограде, делегат Всероссийского авиасъезда всех деятелей авиации в г. Москве (апрель—сентябрь 1917); член Всероссийского авиасъезда (сентябрь—октябрь 1917); председатель авиасъезда и член комиссии Главвоздухфлота (октябрь 1917 — май 1918); председатель 2-го Авиасъезда (июнь 1918); военком Главвоздухфлота и Чрезвычайный комиссар авиации Восточного и «Северо-Уральско-Сибирского» фронтов (май—октябрь 1918); нач. воздушного флота действующей Красной армии и Флота Республики и пом. нач. Главвоздухфлота (с сентября 1918); нач. Красного воздушного флота действующей Красной армии и Флота (с марта 1920) и пом. нач. Главного управления рабоче-крестьянского Красного воздушного флота по воздухоплаванию (с апреля 1920). *Участие в войнах*: Первая мировая война — летчик-солдат; Гражданская война — начальник воздушного флота Республики. *Подвергался ли ответственности перед судебными учреждениями РСФСР и партсудами*: предан суду РВСР в Серпухове по обвинению в контрреволюции, но без последствий (1918) — получил выговор за нарушение декрета; партсуду не подвергался.

В графе «Дополнительные сведения» указал: «Работой по специальности в двух должностях занят целые сутки, имея огромную нагрузку, где веду и политрабату в вверенных мне частях, но ввиду значительной оторванности от чисто партийной работы (несу только рядовую), желал бы более ответственной парторботы за счет специальной и с совмещением, считая себя опытным в работе организационной. «31» октября 1920 г.» (Л. 247).

Характеристика из циркуляра РКП(б): «Пригоден. С большой инициативой. Использован. Помощник н[ачальника] Главвоздухфлота по политической части Дубенский. 3 ноября 1920 г.» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 246 об.—247, 248. Анкета уч.-распред. отдела ЦК РКП(б)).

¹³⁴⁴ **Воротников Александр Степанович** — красный военный летчик; нач. Главного управления рабоче-крестьянского Красного военного воздушного флота (с июля 1918); в распоряжении ГНС (с июня 1919); технический инспектор, пом. нач. (с февраля 1920) Главного управления рабоче-крестьянского Красного военного воздушного флота.

¹³⁴⁵ **Дубенский Петр Сергеевич** (1887—?). Русский (уроженец Владимирского уезда Владимирской губернии, где не жил). *Какие местности Российской империи хорошо знал*: центральные и Каменец-Подольская губернии. *Образование*: ремесленное училище, среднее строительное техническое училище, классическая гимназия, физико-математический факультет Московского ун-та (без государственных экзаменов); военное — ст. моторист. *Иностранные языки*: немецкий и французский (начальные знания). *За границей*: Финляндия (ноябрь 1918 — апрель 1919) — заложник, находился в тюремном заключении. *Какие знал специальности* — механика и строитель-

ное дело. *Занятия до 1917* — техник-механик по строительству, студент (основное); чертежник и строительный мастер (побочное). Член Партии народников-коммунистов (август—ноябрь 1918). Член РКП(б) с ноября 1918. На партийной работе — член Краснопресненского совета, Моссовета, райкома РКП(б) Краснопресненского района, член Московского комитета РКП(б). *На советской работе* — секретарь Всероссийского совета авиации (июнь—декабрь 1917). *В старой армии* — мл. механик «эскадры воздушных кораблей» (до июня 1917). *В советском военном ведомстве* — тов. председателя комиссии по управлению воздушными силами ГУ ВВФ (декабрь 1917 — июнь 1918); председатель Всероссийского совета воздушного флота и комиссар ГУ ВВФ (июнь—октябрь 1918), пом. нач. по научно-технической части ГУ ВВФ (август 1919 — май 1920); нач. научно-технического отдела и пом. по политчасти отв. редактора «Вестника воздушного флота» (с мая 1920). *Участие в войнах*: Первая мировая война (1914—1917) — ст. моторист (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 221 с об.—222. Анкета уч.-распред. отдела ЦК РКП(б)).

¹³⁴⁶ Датируется по времени утверждения Положения о РВСР.

¹³⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99.

¹³⁴⁸ *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 147.

¹³⁴⁹ Там же.

¹³⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99. В случае невозможности ликвидации конфликта в Серпухове Л.Д. Троцкому предписывали не принимать «никаких решений» и выехать в Москву.

¹³⁵¹ **Петерсон Карл Андреевич** (1877—1926) — советский партийный и государственный работник. *В социал-демократическом движении* с 1898. Из крестьян. Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов. *Участник Октябрьского переворота* — член Петроградского ВРК. С декабря 1917 — член коллегии ВЧК. *В советском военном ведомстве* с 1918 — военком Латышской стр. дивизии (апрель 1918 — январь 1919), один из руководителей подавления левозэсеровского выступления; нарком по военным и морским делам правительства Советской Латвии (с конца 1918) и член Реввоенсовета Армии Советской Латвии (март—июнь 1919); военный комиссар Енисейской губернии (с января 1920); член Реввоенсовета 5-й армии (декабрь 1920 — февраль 1921). Член ВЦИК и член Президиума ВЦИК. С 1923 г. — персональный пенсионер (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 451).

¹³⁵² Скорее всего, имеется в виду А.В. Гиршфельд, но не исключено, что речь идет о его брате: **Гиршфельд Евгений Владимирович** (1899—?) — член РКП(б) с 1918. Еврей (родился в г. Юрьеве Лифляндской губернии, где проживал 3—4 года)^{1*}. *Какие местности Российской империи хорошо знал*: Прибалтика и центральные губернии. *Образование*: 7-я Московская гимназия, учился в вузе^{2*}. *Иностранные языки*: немецкий, французский, английский (свободно), итальянский («немного»). Принят в РКП(б) Московской организацией (март 1918). *На партийной работе* — член бюро фракции РКП(б) Полевого штаба РВСР (август—октябрь 1919); член бюро фракции РВСР и член культпросвета РВСР (март—октябрь 1920); пом. ответственного организатора (сентябрь—ноябрь 1920) и член культпросвета (сентябрь—октябрь 1920) 7-го участка Горрайкома; тов. председателя ячейки РВСР и председатель Культпросвета РВСР (с октября 1920)^{3*}. *В советском военном ведомстве* с 1918 — красноармеец в отряде Союза коммунистиче-

ской молодежи III Интернационала на Западном фронте (февраль 1918 — март 1919); секретарь (с марта 1918), пом. нач. (с мая 1918) Оперативного отделения Оперода МВО; пом. нач. оперативного отделения (июнь—август 1918), секретарь (август—ноябрь 1918) Оперода Наркомвоена; военком I отделения и I отдела (ноябрь 1918 — июль 1919), военком Консультанства (июль 1919 — сентябрь 1919), пом. нач., нач. оперативного отдела (сентябрь—декабрь 1919) Регистрационного управления ПШ РВСР; военком радиоотдела (декабрь 1919 — август 1920), военком I-го отдела и I-го оперативной части (с августа 1920) Управления связи Красной армии. *Участие в войнах:* Первая мировая и Гражданская (непосредственно в боевых действиях участия не принимал).

^{1*} Все члены семьи (отец, мать, жена, сестра, брат) проживали в Москве (по сост. на 5 ноября 1920).

^{2*} В анкете наименование вуза и срок обучения не названы.

^{3*} Характеристика из циркуляра РКП(б): «Гов. Гиршфельд является одним из лучших работников из состава военкомов УС КА. Возложенную работу военкома оперативной части УС КА и военкома организационного отдела выполняет отлично, но, как бывший студент высшего учеб[ного] заведения, владеющий тремя иностранными языками, более пригоден для работы в Наркоминдел» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 74—75 об.).

¹³⁵³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 892—893. См.: *Войтиков С.С.* «Ворошилов командовать армией совершенно не может» // Новый исторический вестник. 2014. № 1.

¹³⁵⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 42.

¹³⁵⁵ Там же. Л. 90.

¹³⁵⁶ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 47.

¹³⁵⁷ Там же. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 239.

¹³⁵⁸ Этим в советской историографии занимались весьма активно — хотя бы уже по итогам выхода в 1960-х гг. Директив Главного и фронтового командования Красной армии — под руководством основателя археографической школы ЦГАСА Т.Ф. Каряевой.

¹³⁵⁹ Из сборника протоколов РВСР следует, что на *все* заседания Совета являлись лишь дисциплинированные латыши — И.И. Вацетис и его вечный комиссар К.Х. Данишевский.

¹³⁶⁰ Так, И.И. Вацетис вступился за осужденного генерала С.И. Одинцова и даже предложил освободить его и назначить в ничего не значащую комиссию по выработке нового военного законодательства (РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 69). 12 февраля 1919 г. Совет Всероссийского главного штаба ходатайствовал перед руководством Полевого штаба «о досрочном освобождении от наказания бывшего эксперта Мирной делегации на Украине [генерала] С.И. Одинцова, осужденного 15 января с. г. приговором Московского революционного трибунала». Ф.В. Костяев доложил 19 февраля 1919 г. Л.Д. Троцкому о согласии с ходатайством главкома И.И. Вацетиса, высказавшего в своей резолюции пожелание о назначении С.И. Одинцова в Комиссию по разработке уставов и по пересмотру Свода военных постановлений и присоединении (как это ни парадоксально) к этой резолюции А.И. Окулова. Отметим, что приказом РВСР по личному составу № 508 от 13 ноября 1920 г. С.И. Одинцов был награжден орденом Красного знамени «за доблестное взятие Гатчины» (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 90. Л. 476. Типогр. экз.).

¹³⁶¹ *Зимин Я.Г.* Создание и развитие органов военного руководства Советского государства в годы Гражданской войны (1917—1920 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. С. 43—44.

¹³⁶² *Дайнес В.О.* Вацетис Иоаким Иоакимович // Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 81.

¹³⁶³ *Берзин Р.И.* Этапы в строительстве Красной Армии // Этапы большого пути / Сост. В.Д. Поликарпов. М., 1963. С. 124.

¹³⁶⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 48.

¹³⁶⁵ В РКП(б) П.М. Майгур не состоял.

¹³⁶⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 583.

¹³⁶⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 152.

¹³⁶⁸ Так в тексте. Имеется в виду Полевой штаб РВСР.

¹³⁶⁹ *Павулан Валентин Павлович* — старый большевик, советский партийный и военный деятель. Латыш. В *советском военном ведомстве* — зам. управделами Реввоенсовета Республики (с окт. 1918); зам. нач. Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918 — сентябрь 1919); уполномоченный РВС 1-й армии при Особом представительстве армии в Туркестане (с октября 1919 — 1920) (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 г. С. 618—619). По некоторым данным, заболел и скончался в Туркестане.

¹³⁷⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 19—20. 24 октября по поручению Реввоенсовета начальник связи Реввоенсовета Республики (в последующем — Полевого штаба) генштабист А.П. Медведев запросил секретаря Троцкого М.С. Глазмана повторить ответную телеграмму председателя РВСР (в телеграмму «вкралась ошибка») (Там же. Л. 21).

¹³⁷¹ *Гражданская война и военная интервенция в СССР.* М., 1983. С. 289.

¹³⁷² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 22 об.

¹³⁷³ Там же.

¹³⁷⁴ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 169 и др.

¹³⁷⁵ Там же. Л. 195.

¹³⁷⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 64. Пр. по Полевому штабу № 42 от 1 ноября 1918 г.

¹³⁷⁷ Там же. Л. 80.

¹³⁷⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 255.

¹³⁷⁹ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 22 об.

¹³⁸⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Телеграмма начальника Канцелярии Полевого штаба С.С. Харитонов в ДИСТЛМ от 13 мая 1919 г.

¹³⁸¹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 214 об.

¹³⁸² Там же. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 25. Л. 98, 102.

¹³⁸³ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 214—214 об.

¹³⁸⁴ Там же.

¹³⁸⁵ Там же. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 25. Л. 100 об.

¹³⁸⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 28. Л. 24 с об.

¹³⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 106 с об.

¹³⁸⁸ Там же. Л. 107 с об.—108.

¹³⁸⁹ Там же. Л. 105 с об.

¹³⁹⁰ См.: РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 25. Л. 3 и след.

¹³⁹¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 28. Л. 27.

¹³⁹² См. подр.: Там же. Л. 27 с об.

¹³⁹³ Там же. Ф. 680. Оп. 4. Д. 401. Л. 22.

- 1394 Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.
 1395 Там же. Ф. 680. Оп. 4. Д. 262. Л. 18.
 1396 Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 28. Л. 24 об.
 1397 Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 28. Л. 27.
 1398 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 28. Л. 22; РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 73.
 1399 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 190.
 1400 ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 4. Д. 262. Л. 18.
 1401 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 180.
 1402 Там же. Л. 181—182.
 1403 Было установлено, что максимальная выдача на семью — четыре пайка.

- 1404 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 181.
 1405 Лемке М.К. Указ. соч. С. 823.
 1406 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 189—190 об.
 1407 В.И. Ленин и ВЧК. С. 100.
 1408 Там же. С. 110.
 1409 Там же. С. 114.
 1410 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 157—158, 164; Д. 14. Л. 59, 61.
 1411 Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1562. Л. 6 с об.—7.
 1412 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.
 1413 Там же. Л. 17.

1414 **Коростылев Николай Александрович** (1893—?) — обер-офицер, большевик. Русский (уроженец г. Бахчисарай Таврической губернии, где жил до 3 лет). *Какие местности Российской империи хорошо знал*: Севастополь, Симферополь, Балаклава, Мелитополь, Харьков, Киев, Нежин, Конотоп, Бахмач, Елисаветградский уезд, Одесса, Москва, Могилев, Житомир, Бердичев. *Образование*: 2 класса реального училища и городское училище по положению 1872 г. в г. Севастополь, 5 классов гимназии экстерном во время военной службы в г. Симферополь; *военное* — учебная команда. *Иностранные языки*: греческий разговорный (понимаю, но не говорю), изучал немецкий, французский, латынь, эсперанто. *За границей*: Румыния, в составе 45-го корпуса — города Яссы, Бакэу (4 месяца в 1916), Черновицы, Радзивиллов, Броды (6 месяцев в 1915). *Какие знал специальности*: механик военного телеграфа, телефонное дело. *Занятия до 1917* — военная служба (основное). *На работе по найму* — с 18 лет. *Членство в партиях*: РКП(б) с ноября 1918 — принят Хамовническим райкомом. *На партийной работе* — «пассивный член» комячейки (ноябрь 1919 — январь 1920), организационная работа в комячейке (январь—февраль 1920) Полевого штаба; секретарь ячейки Полевого штаба и агитационная работа в Серпуховской организации газеты «Коммунист» (февраль—май 1920). *В старой армии* с 1911. *В советском военном ведомстве* — член (февраль—апрель 1917), председатель (апрель—июнь 1917) Кременчугского солдатского совдепа и одновременно член Кременчугского городского комитета и ряда секций (апрель—июнь 1917); призван на фронт (июнь 1917); председатель ротного технического комитета (июль—август 1917); член корпусного технического комитета (сентябрь 1917); член армейского технического комитета (сентябрь—ноябрь 1917); член (ноябрь 1917 — февраль 1918), член ликвидационной комиссии (февраль—апрель 1918) Технофронта и Циктефронта при Ставке (Цекодарфе) в Могилеве; консультант связи Оперода Наркомвоена (апрель—июнь 1918); зав. телеграфно-телефонной связью Оперода Наркомвоена и одно-

временно и. д. начальника связи Корпуса войск ВЧК (июнь—сентябрь 1918); военком связи Полевого штаба (сентябрь 1918 — май 1919); уполномоченный Верховной комиссии телеграфной связи Республики в 12-й армии (май—июнь 1919); нач. и военком связи 12-й армии (июнь—июль 1920); в санатории на лечении (июль—сентябрь 1920); для поручений при УС КА (с сентября 1920); инспектор связи южных армий (октябрь—ноябрь 1920). *Участие в войнах*: Первая мировая война (1914—1917), вольноопределяющийся — рядовой (с 1914); ком. отделения (с 1915); старший унтер-офицер телефонной роты (с 1915), нач. отделения (с 1915); старший унтер-офицер — зав. телеграфа штаба корпусов на Юго-Западном и Румынском фронтах (1916 — январь 1917).

Так указал в анкете.

Состояние здоровья: Неврастения, малокровие, потеря зрения 3/5.

Характеристика из циркуляра РКП(б): «Мало пригоден. Без инициативы. Пригоден на должностях неспециальных и только исполнительных. П[омощник] начальника Главвоздухфлота по политической части Дубенский. 3 ноября 1920 года» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 226 об.—227, 228. Анкета Уч.-распред. отдела ЦК РКП(б)).

¹⁴¹⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 163.

¹⁴¹⁶ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 540. Л. 3.

¹⁴¹⁷ Там же. Л. 3 об.

¹⁴¹⁸ Там же.

¹⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1120. Л. 232.

¹⁴²⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 3, 5; Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 181, 183.

¹⁴²¹ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 180.

¹⁴²² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 с об. Пр. по Полевому штабу № 9 от 30 сентября 1918 г.

¹⁴²³ Там же. Л. 11.

¹⁴²⁴ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 78.

¹⁴²⁵ Там же. Д. 11. Л. 93.

¹⁴²⁶ Там же. Л. 130.

¹⁴²⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 3.

¹⁴²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 179.

¹⁴²⁹ Там же. Л. 178—179.

¹⁴³⁰ Там же. Л. 178.

¹⁴³¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 4.

¹⁴³² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 23 (правка Ф.В. Костяева).

¹⁴³³ Там же. Л. 96.

¹⁴³⁴ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 1.

¹⁴³⁵ **Афанасьев Анатолий Васильевич** (1877—?) — полковник. Русский (уроженец Таруса Калужской губернии). Из мешан (отец — фармацевт*, мать — домашняя хозяйка). *Образование*: Московская гимназия (1897), юридический факультет Московского университета (1901); *военное* — Алексеевское военное училище (1902), Николаевская академия Генерального штаба (1909). *Иностранные языки*: французский. *Какие знал специальности*: военное дело. *Членство в партиях*: беспартийный. *В советском военном ведомстве* — нач. оперативного управления штаба сухопутных войск, подчиненных флоту Балтийского моря (с ноября 1917); нач. военно-сухопутного отделения штаба командующего флотом Балтийского моря (с мая 1918); пом. нач. опера-

тивного отделения (с ноября 1918), пом. нач. (с февраля 1919) Оперативного управления Полевого штаба РВСР; пом. нач. оперативного управления штаба армий Западного фронта (март—октябрь 1920); и. д. нач. (с ноября 1920), нач. (с декабря 1920), врид команд. (с декабря 1920) штаба 15-й армии; член Польско-Русско-Украинской военно-согласительной комиссии (официально с декабря 1920, фактически с марта 1921); пом. нач. оперативного управления штаба Западного фронта (с марта 1921); в распоряжении нач. штаба МВО (с октября 1921); нач. штаба Московской стр. бригады — Московской отдельной стр. бригады — 14-й Московской стр. дивизии (с октября 1921), по совместительству — нач. штаба лагерного сбора под Москвой (май 1921), преподаватель и зав. повторными курсами мл. и ср. комсостава при той же бригаде (декабрь 1921 — май 1922); нач. штаба 14-й стр. дивизии (с июля 1922); нач. штаба лагерного сбора войск Московского гарнизона (май—сентябрь 1922); пом. нач. штаба (с января 1923), врид нач. штаба (с сентября 1923), нач. штаба (с мая 1924) 11-го армейского корпуса; для особых поручений 1-го разряда при нач. общего отдела Инспектората РККА (с марта 1925); на службе по приказу ГУ РККА (с апреля 1925); врид нач. общего отдела Инспектората РККА (с июня 1925); сверх штата при Командном управлении (с сентября 1926), пом. нач. отдела Учебно-строеного управления (с октября 1926) ГУ РККА; пом. нач. 1-го отдела Управления (с июля 1929), пом. нач. 1-го сектора 5-го Управления (с июня 1930) Штаба РККА; уволен в долгосрочный отпуск в порядке пункта «в» ст. 674 пр. РВС СССР 1928 г. № 225 с зачислением на учет по г. Москве; уволен из рядов РККА по возрасту 15 февраля 1925 г. *Участие в войнах:* Первая мировая война, полковник — со штабом команд. флотом Балтийского моря в составе Северного участка Завесы, Петроградского и Финляндского районов Завесы; советско-польская война — во время наступления на Вислу и Варшаву и позднее (июнь—декабрь 1920). *Командировки:* Луга (11—27 мая 1927), Вологда и Череповец (20 сентября — 1 октября 1929); ККА (26 августа — 15 сентября 1929). *Награды:* золотые часы с надписью «от ВЦИК» (1920), серебряные часы (1921), благодарность за напряженную работу по формированию отдельной стр. бригады для усиления Туркестанского фронта (1922), благодарность за «весьма умелое, вполне опытное, ровное, твердое и авторитетное руководство работой» при проведении лагерных сборов под Москвой (1922), благодарность за организацию маневров МВО (1922), благодарность за усиленную работу на курсах Осовиахима по подготовке начсостава за курс военной школы (1930).

Арестован постановлением коллегии ОГПУ (23 февраля 1931), осужден на 3 года, досрочно освобожден постановлением той же коллегии (11 октября 1932). Реабилитирован после письма К.Е. Ворошилову (1934).

РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 3 (Личное дело А.В. Афанасьева). Л. 1—6, 9, 10.

^{1*} Отец — из крестьян села Обухово Московской губернии.

¹⁴³⁶ **Земцов Михаил Никанорович** (1879—?) — полковник Генерального штаба. *Образование:* Николаевская академия Генерального штаба. *В советском военном ведомстве* — нач. Регистрационного отделения Полевого штаба (с октября 1918); пом. нач., нач. (с сентября 1919) оперативного отделения Оперативного управления ВГШ (с сентября 1919); нач. штаба Киевского военного округа (с марта 1920).

¹⁴³⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 39 с об.

¹⁴³⁸ *Каминский В.В.* Указ. соч. С. 285.

- 1439 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 10.
- 1440 Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 43.
- 1441 Там же. Л. 50 и след.
- 1442 Там же. Л. 67.
- 1443 Там же. Л. 68.
- 1444 Раунах Р.Р., Указ. соч. С. 150.
- 1445 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 2. Над необходимостью посылки таких офицеров на фронт в январе 1919 г. размышлял В.И. Ленин (об этом свидетельствуют его пометы на докладе А.А. Антонова).
- 1446 Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 184.
- 1447 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 2, 4.
- 1448 Там же. Л. 1.
- 1449 Там же. Л. 3.
- 1450 РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 1 и след.
- 1451 Цитируется А.А. Зданович. См. подр.: *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? С. 93.
- 1452 Головин Н.Н. Служба Генерального штаба. Вып. 1. СПб., 1912. С. 37.
- 1453 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9325. Л. 1.
- 1454 Большевицкое руководство. Переписка. Т. 1. С. 86, 88.
- 1455 Там же. С. 85—86.
- 1456 РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 234—236.
- 1457 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 99.
- 1458 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9499. Л. 2.
- 1459 Там же.
- 1460 Большевицское руководство. Переписка. Т. 1. С. 97—98.
- 1461 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9691. Л. 5 об.
- 1462 Там же. Л. 6.
- 1463 **Фомин Василий Васильевич** (1884—1938) — чрезвычайный военный комиссар железных дорог Северного фронта; военный комиссар Центрального управления военных сообщений при Полевом штабе РВСР (с мая 1919); откомандирован в распоряжение Главполитпути с сохранением обязательного военного комиссара ЦУПВОСО. 11 августа 1930 г. направлен в распоряжение ВСНХ РСФСР для работы старшим инспектором главной инспекции (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 180. Л. 11).
- 1464 Так в тексте. Правильно: «операционным».
- 1465 РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 13 и след.
- 1466 **Аржанов Михаил Михайлович** (1873—1941) — нач. эксплуатационного управления НКПС (1918); и. д. нач. (с января 1919), нач. (с февраля, по др. данным — с мая 1919) Центрального управления военных сообщений при Полевом штабе РВСР, по совместительству — главный инспектор путей сообщения Республики (с апреля 1920). В 1921 — член Высшего совета по перевозкам. *В межвоенный период* — главный начальник военных снабжений (февраль 1921 — август 1922), одновременно — главный начальник военных сообщений РККА (декабрь 1921 — апрель 1924); инспектор железнодорожных войск (с 1924). В дальнейшем — на военно-административной работе в НКПС, член научно-технического совета НКПС.
- 1467 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 99.
- 1468 Здесь и далее речь идет о военных комендантах ж.-д. станций: армий (ЗА), фронтов (ЗФ) и т. д.
- 1469 РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 70. Л. 147 с об.

¹⁴⁷⁰ 5 июля 1919 г. В.А. Афанасьев стал начальником военных сообщений Восточного фронта.

¹⁴⁷¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 70. Л. 145—146 об.

¹⁴⁷² Там же. Л. 148.

¹⁴⁷³ Обещать—де обещался...

¹⁴⁷⁴ Важное пояснение для анализа взаимоотношений военных специалистов в годы Гражданской войны.

¹⁴⁷⁵ «Апостольскими стопами» — пешком (*лат.*).

¹⁴⁷⁶ Первоначально стояло: «лица Генштаба». Имеются в виду «старые» генштабисты.

¹⁴⁷⁷ Из генштабистов 1917 г.

¹⁴⁷⁸ Белые вошли в Екатеринбург 25 июля 1918 г.

¹⁴⁷⁹ Академия в конце концов перешла на сторону белых.

¹⁴⁸⁰ Вскоре положение изменилось.

¹⁴⁸¹ В деле отсутствует.

¹⁴⁸² **Арнольдов Андрей Маркович (Аркадий Михайлович?)** — зав. отделом военных сообщений Всероссийского бюро военных комиссаров (с сентября 1918), военком ЦУПВОСО (февраль—март 1919), военком управления военных сообщений Туркестанского фронта (с мая 1919).

¹⁴⁸³ К документу имеется сопроводительное письмо со штампом входящей регистрации: «17/ХП. Входящий номер 21075»: «14 декабря 1918. № 3047. Москва. || Члену Революционного военного совета Республики т. Аралову. *В Серпухов.* || При сем препровождается Вам для распоряжения сжатый доклад т. Фоминова. || Заведующий отделом военных сообщений *Арнольдов* || Делопроизводитель *[подпись]*» (РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 19. Л. 4. Подлинник — машинописный текст с автографами).

¹⁴⁸⁴ Датируется по сопроводительным документам и по содержанию.

¹⁴⁸⁵ При создании в марте 1918 г. Высшего военного совета и в мае — Всероссийского главного штаба в их составе были образованы управления военных сообщений. 30 июля 1918 г. они были объединены в единое Управление военных сообщений при Высшем военном совете (УПВОСО при ВВСР), а с сентября 1918 г. при РВСР. 17 декабря 1918 г. УПВОСО преобразовано в Центральное управление военных сообщений при РВСР (ЦУПВОСО, ЦУВС). На него возлагались: использование для нужд военного ведомства, внешняя охрана всех видов путей сообщения, бронепоездов, устройство и эксплуатация полевых железных дорог, подготовка тыла для военных действий, организация и устройство службы железных дорог и автомобильных частей, организация почтовой, телеграфной и телефонной служб. ЦУПВОСО непосредственно подчинялось начальнику Полевого штаба РВСР. 15 апреля 1920 г. в состав ЦУПВОСО включен Штаб железнодорожных войск на правах отдела. С образованием 10 февраля 1921 г. Штаба РККА указанное управление вошло в его состав (см. подр.: Путеводитель по ЦГАСА. Т. 1. Минеapolis, 1991. С. 87—88).

¹⁴⁸⁶ **Заго Михаил Михайлович** (1875—1951) — генерал-майор (1917); преподаватель вузов по военной администрации (1927). Русский. *Социальное происхождение*: из дворян. *Образование*: Тифлисский кадетский корпус (1892), Константиновское военное училище (1894), Николаевская академия Генерального штаба (1902). *Членство в партиях*: Беспартийный. *В старой армии* с 1892 (офицер с 1894). *Во время Октябрьского переворота* — пом. нач. военных сообщений ТВД и пом. нач. Демобилизационного управления при

Ставке Верховного главнокомандующего. *В советском военном ведомстве* с 1918 — пом. нач. военных сообщений (с марта 1918), нач. военных сообщений (с 24 июня 1918) ВВСП; нач. ЦУПВОСО (с июля 1918); нач. УВОСО ВГШ (с октября 1918); в распоряжении нач. Полевого штаба РВСР (с декабря 1918); пом. нач. ВГШ (с августа 1919); штатный руководитель практических занятий (с 15 августа 1920 приказ по л/с № 412 д. 98. л. 802). *В межвоенный период* — гл. руководитель групповых лекций (с января 1922); ст. руководитель по военной администрации (с октября 1922) Военной академии (с августа 1923). *Участие в войнах* — Первая мировая война. *Награды*: золотые часы зам. председателя РВСР (1920).

¹⁴⁸⁷ Здесь и далее в документе — военных сообщений.

¹⁴⁸⁸ Так в тексте. В действительности — уездного совета.

¹⁴⁸⁹ Так в тексте.

¹⁴⁹⁰ **Харитонов Савва Степанович** — нач. Канцелярии Штаба РВСР — Полевого штаба РВСР (с сентября 1918).

¹⁴⁹¹ Так в тексте. Очевидно, имеется в виду: «самодовлеющими».

¹⁴⁹² Судя по документам революционных трибуналов, для подобного «допуска» были все основания. Чрезвычайный революционный налог, инициатором введения которого был Я.М. Свердлов, лег непосильным бременем на мелкобуржуазные слои, и прежде всего на среднее крестьянство. Революционные трибуналы были буквально завалены делами о неуплате налога. В связи с тем, что подвергнуть репрессиям большую часть населения Советского государства было невозможно, уже 23 декабря 1918 г. постановлением ВЦИК было сделано серьезное послабление: при условии уплаты чрезвычайного революционного налога крестьянство освобождалось от взносов натурального налога деньгами.

¹⁴⁹³ Подтверждается документами Особого отделения МЧК (см.: ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117).

¹⁴⁹⁴ Очевидно, здесь и далее в документе партийный псевдоним агитатора Московского окружного комитета РКП(б) Антонова.

¹⁴⁹⁵ На документе имеется помета делопроизводителя простым карандашом: «Вх[одящий] № 17 в[оенные]/с[пециалисты]».

¹⁴⁹⁶ Курсивом в документе выделены слова, вписанные от руки А.А. Антоновым; отмеченное пунктиром написано рукой В.И. Ленина простым карандашом.

¹⁴⁹⁷ См. предыдущий документ.

¹⁴⁹⁸ Слева от текста к данному фрагменту относится помета С.И. Гусева химическим карандашом: «Их (военспецов. — С. В.) нужно заменить коммунистами и проверенными беспартийными из других комиссариатов. С. Гусев».

¹⁴⁹⁹ Подчеркивание С.И. Гусева. Слева от текста его помета химическим карандашом: «После регистрации будет создан стол личного состава исключительно из коммунистов, без утверждения которого ни один служащий не будет приниматься. С. Гусев».

¹⁵⁰⁰ Здесь и далее слово «Дневник» в тексте А.А. Антонова напечатано строчными буквами, отредактировал, вероятно, В.И. Ленин.

¹⁵⁰¹ Фамилию жирно выделил А.А. Антонов и подчеркнул В.И. Ленин.

И.Д. Моденов был в старой армии капитаном.

¹⁵⁰² Вписано А.А. Антоновым над строкой.

¹⁵⁰³ Заголовок документа.

¹⁵⁰⁴ Заголовок документа.

¹⁵⁰⁵ Заголовок документа.

¹⁵⁰⁶ Так в тексте. Правильно «комендант Полевого штаба РВСР».

¹⁵⁰⁷ Так в тексте.

¹⁵⁰⁸ Так в тексте.

¹⁵⁰⁹ Предложение обрывается.

¹⁵¹⁰ **Хвоцинский Георгий Николаевич** (1878—1928) — Генштаба генерал-майор. *Образование*: кадетский корпус, Константиновское военное училище (1899), Николаевская академия Генерального штаба (1905). Беспартийный. *В Красной армии* — нач. Тульской стр. дивизии (с апреля 1918); нач. управления штаба МВО (с мая 1918); 1-й пом. нач. Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918 — февраль 1921) (*Минаков С.Т.* Указ. соч. С. 37; РГВА. Ф. 4. Оп. 8. Д. 75. Л. 25. Сведения о служащих Мобилизационного управления ВГШ по сост. на 15 октября 1919 г.). А.А. Брусилов писал о Хвоцинском: «...исключительно энергичный и добрый человек, много помогавший» в 1920 г. лишенцам (*Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 320).

¹⁵¹¹ Так назван главный начальник снабжений.

¹⁵¹² **Межлаук Иван Иванович** (1891—1938) — окрвоенком Приволжского ВО (с августа 1918); главный начальник снабжений Красной армии (декабрь 1918 — май 1919, июнь—декабрь 1919); член РВС 7-й армии (май—июнь 1919).

¹⁵¹³ Фактически А.К. Андерсон занимался тем, что пристраивал родственников и знакомых в тыловые органы. Что характерно, военный специалист считал такое поведение нормой.

¹⁵¹⁴ На момент составления документа — Особый отдел ВЧК.

¹⁵¹⁵ Большевиком А.К. Андерсон не был тем более.

¹⁵¹⁶ А.И. Андогскому.

¹⁵¹⁷ Со слов «Излагая факт...» до данного фрагмента текста напротив текста подчеркивание красным карандашом.

¹⁵¹⁸ Примечательно, что в посланной 26 января 1919 г. Особому отделу ВЧК выписке касались лишь ситуации с арестом вследствие «суетливости» и положения в общей камере МЧК (РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 106).

¹⁵¹⁹ На документе имеется помета: «К сведению. 20/II—[1919]».

¹⁵²⁰ 12 февраля 1919 г. А.М. Арнольдов направил С.И. Аралову телефонограмму, в которой сообщал: «рабочий день» в Центральном управлении военных сообщений продолжается с 10 до 17 часов, причем «...с 15 часов начинается обед. Такое распределение рабочего дня ненормально, т. к. в период от 15 до 17 часов обедающие в столовой практически не работают, проводя это время в обеде, в сборах к нему, хождении на Никитскую и в ожидании его. Получающие же продукты на руки работают все время от 10 до 17 часов. В целях большей продуктивности работы и равномерности ее для всех служащих ЦУВС желательно было бы такое распределение рабочего дня: с 10 до 16 часов работа и с 16 до 17 обед. Жду указаний или подтверждения» (РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 19. Л. 56).

¹⁵²¹ С точки зрения субординации направление Ф.В. Костяеву «копии» — по меньшей мере издевательство над начальником Полевого штаба РВСР.

¹⁵²² **Мальшев Александр Кузьмич (Козьмич)** — капитан, генштабист 1917 г. *В советском военном ведомстве* — нач. разведывательного отделения штаба Северного фронта; для поручений при начальнике Штаба РВСР (с 22 октября 1918) (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 57. Пр. по Полевому штабу № 36 от 25 октября 1918).

¹⁵²³ Датируется по окружающим документам.

¹⁵²⁴ Л.Д. Троцкого и Х.Г. Раковского помимо революционных и «рабочих» связывали очень теплые личные отношения. См.: *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. С. 314 и след.

Раковский Христиан Георгиевич (Станчев Крыстю) (1873—1941) — советский партийный, государственный и военный деятель. Болгарин. Один из основателей болгарской и румынской социал-демократии. *На ответственных постах в советских и партийных органах* — председатель Высшей автономной коллегии по русско-румынским делам, особоуполномоченный СНК РСФСР, руководитель советской мирной делегации для переговоров с Украиной (январь—сентябрь 1918); с весны 1919 — председатель Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Украины; председатель СНК Советской Украины и нарком по иностранным делам (весна 1919—1923); член ЦК КП(б)У и его политбюро (с 1919). *В советском военном ведомстве* — зам. нач. ПУ РВСР (с сентября 1919).

¹⁵²⁵ На документе имеются пометы: 1) карандашом: «*На бюро*» (Л. 62 сверху справа); 2) ручкой: «в архив. 27/V—[19]19».

¹⁵²⁶ Заключительный фрагмент отсутствует.

¹⁵²⁷ Л. 368 — простой карандаш.

¹⁵²⁸ Рядом — автограф-виза военного комиссара: «Семенов».

¹⁵²⁹ Заголовок документа.

¹⁵³⁰ Место дислокации аппарата Высшего военного совета.

¹⁵³¹ Так в тексте. Очевидно, следует: «попусту».

¹⁵³² Вероятно, имеется в виду все же не Наркомат государственного контроля, но Военно-хозяйственный надзор.

¹⁵³³ Так в тексте.

¹⁵³⁴ В Серпухов, очевидно, в ноябре 1918 г.

¹⁵³⁵ Скорее всего, речь идет о требовательных ведомостях на выдачу жалованья сотрудникам.

¹⁵³⁶ Заголовок документа.

¹⁵³⁷ А.Ф. Лимонникову.

¹⁵³⁸ Подчеркнуто карандашом, напротив карандашная же помета: «не было».

¹⁵³⁹ Л. 380 об. — автограф черными чернилами.

¹⁵⁴⁰ Чернила. Л. 380 об.

¹⁵⁴¹ Карандаш. Л. 380, поверх текста.

¹⁵⁴² Чернила, автограф-виза.

¹⁵⁴³ Черный карандаш. Л. 380, в правом верхнем углу.

¹⁵⁴⁴ Здесь и далее в документе выделенные курсивом слова подчеркнуты черной ручкой Максимовым.

¹⁵⁴⁵ Здесь и далее в документе выделенные подчеркиванием слова подчеркнуты от руки простым карандашом.

¹⁵⁴⁶ Напротив помета В. Максимова: «Не в тыловое ополчение?!»

¹⁵⁴⁷ Напротив помета В. Максимова: «Случалось это не один раз, по словам члена бюро М[осковского] губкома т. Кокушкина».

¹⁵⁴⁸ Л. 189, поверх текста, черная ручка.

¹⁵⁴⁹ Л. 214, поверх текста — автограф сиреневым карандашом.

¹⁵⁵⁰ Л. 214, поверх текста — автограф синей ручкой.

¹⁵⁵¹ Заголовок документа.

¹⁵⁵² В ЦК РКП(б) экземпляр записки был направлен 7 июля 1919 г.

¹⁵⁵³ В документе опущен фрагмент, в котором военный комиссар ЦУПВОСО отводил предъявленные начальнику Управления М.М. Аржанову начальником УВОСО Восточного фронта В.А. Жигмунт обвинения. Там же В.В. Фоминов докладывал о том, что Жигмунт:

«В своей деятельности начвос не считался с неизбежностью подчинения низших инстанций высшим, с руководством из центра и, опираясь только на свою партийность, путал все инстанции, обращался без нужды непосредственно к т. Троцкому, отчего страдало дело. Меж тем, членом РКП он состоит всего в течение 8—9 месяцев. В.А. Жигмунт без всякого разрешения и даже уведомления нач[альника] ЦУВС оставил фронт и приехал в Москву, как он определил, „по партийным делам“.

Встретившись с М.М. Аржановым в НКПС, на приглашение Аржанова зайти в ЦУПВОСО для доклада о положении дел В.А. Жигмунт ответил [в] присутствии нескольких свидетелей: „Я с проходимцами дела иметь не желаю, ЦУПВОСО не признаю, да и нет никакого ЦУПВОСО“» (Там же. Л. 12 об.).

Резюме В.В. Фоминова: «Сам В.А. Жигмунт оказался совершенно несостоятельным администратором. Аппарат военных сообщений на Восточном фронте в совершенно хаотическом состоянии (Там же. Л. 12).

Кроме того, В.В. Фоминов докладывал о параллелизме работы ЦУПВОСО и НКПС (виноват был, по мнению Фоминова, Наркомпуть), об отсутствии должной охраны мостов и частых диверсиях (Там же. Л. 11).

¹⁵⁵⁴ Так в тексте. Следует читать: «применимы».

¹⁵⁵⁵ Приложения к докладу в деле отсутствуют.

¹⁵⁵⁶ Военных специалистов.

¹⁵⁵⁷ Пропуск в тексте — оставлено место для слова.

¹⁵⁵⁸ Ошибка памяти. Вероятно, имеется в виду другой приказ.

¹⁵⁵⁹ Так в тексте.

¹⁵⁶⁰ Так в тексте. Правильно: «соприкасающихся».

¹⁵⁶¹ Так в тексте. Правильно: «Лучшая [сила], небогатая численно».

¹⁵⁶² Так в тексте.

¹⁵⁶³ Правильнее: «операционным».

¹⁵⁶⁴ Так в тексте.

¹⁵⁶⁵ Пропуск в тексте — оставлено место для слова.

¹⁵⁶⁶ Пропуск в тексте — оставлено место для слова.

¹⁵⁶⁷ Так в тексте. Правильно: «показного».

¹⁵⁶⁸ Так в тексте.

¹⁵⁶⁹ Так в тексте.

¹⁵⁷⁰ Первоначально стояло: «Особенные».

¹⁵⁷¹ Так в тексте.

¹⁵⁷² Так в тексте. Правильно: «удовлетворительной».

¹⁵⁷³ Пропуск в тексте — оставлено место для слова.

¹⁵⁷⁴ Подтверждается документами ЦАОПИМ.

¹⁵⁷⁵ Так в тексте. Правильно: «изуродованного».

¹⁵⁷⁶ Пропуск в тексте — оставлено место для слова.

¹⁵⁷⁷ Пропуск в тексте — оставлено место для предложения (?).

¹⁵⁷⁸ Так в тексте.

¹⁵⁷⁹ **Арگیر И.Х.** (1894—1965) — нач. Восточного сектора войск ВОХР (июнь—ноябрь 1919), нач. автомобильного управления 1-й Конной армии (ноябрь 1918 — июль 1921). (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—

1919 г. С. 596.) 22 сентября 1919 г. РВСР, заслушав доклад С.И. Гусева «О командовании Восточным сектором», постановил: «Проверить, верно ли, что Восточным сектором внутренней обороны командует Аргир. Если да, то послать Наркомвнудел следующее: „РВСР считает своим долгом обратить внимание Наркомвнудел на крайнее неудобство, происходящее от того, что командование Восточным сектором внутренней обороны поручено Аргире — лицу, которое себя скомпрометировало полной недисциплинированностью, повальным пьянством в штабе бригады и мятежом против командования в Вятке“» (Там же. С. 402—403).

¹⁵⁸⁰ Пропуск в тексте — оставлено место для предложения.

¹⁵⁸¹ Пропуск в тексте — оставлено место для слова.

¹⁵⁸² Предложение целиком написано от руки.

¹⁵⁸³ **Бармин Александр Александрович** (1880—?) — Генерального штаба генерал-майор. *Образование*: Николаевская академия Генерального штаба. *В старой армии* — зав. передвижением войск на различных направлениях; нач. эксплуатационного отдела при Ставке. *В советском военном ведомстве* — нач. Управления военных сообщений Генштаба; нач. отделения отдела военных сообщений штаба Петроградского ВО.

¹⁵⁸⁴ Заведующий передвижением войск отвечал за работу мобилизационного характера, перевозку воинских частей и грузов, вел учет подвижного состава, рабочих и служащих дорог, разрабатывал вопросы охраны железных дорог. Заведующими, как правило, назначались штаб-офицеры Генерального штаба. Каждый заведующий передвижением войск ведал двумя-тремя ж.-д. магистралями и несколькими второстепенными линиями общей протяженностью от 1,5 до 3 тыс. км (*Половцов П.А.* Указ. соч. С. 250. Примечание).

¹⁵⁸⁵ **Томилин (Томлин) Сергей Валерианович** (1875—?) — Генерального штаба генерал-майор. *В старой армии* — нач. эксплуатационного отдела при Ставке (в годы Первой мировой войны). *В советском военном ведомстве* — нач. военных сообщений Северного фронта; пом. нач. Центрального управления военных сообщений при РВСР (с февраля 1919).

¹⁵⁸⁶ Так в тексте. Правильно: «Основные нити».

¹⁵⁸⁷ Пропуск в тексте.

¹⁵⁸⁸ Подлинник, очевидно, был подписан. Заверено секретарем помощника комиссара Полевого штаба РВСР.

¹⁵⁸⁹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 439—440.

¹⁵⁹⁰ **Курский Дмитрий Иванович** (1874—1932) — советский партийный, государственный и военный деятель. *Образование*: юридический факультет Московского университета (1900). *В революционном движении* — с конца XIX в., редактировал нелегальные социал-демократические газеты. *Членство в партиях*: РСДРП с 1904. *На партийной работе* — член Бутырского райкома, участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве (1905); член областного бюро Московской организации большевиков (1906); член Московского областного бюро ЦК РСДРП (с 1907). *В старой армии* с 1914, вел революционную агитацию среди солдат. *Во время Февральской революции* — председатель Совета солдатских депутатов 4-й армии на Румынском фронте; делегат I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917). *Во время Октябрьского переворота* — член ВРК в Одессе (октябрь 1917). *На советской работе* — нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор (1917—1928); член Президиума ВЦИК (с 1921); член Президиума

ЦИК СССР (с 1923); председатель Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) (1924—1927); посол СССР в Италии (1928—1932). *В советском военном ведомстве* — комиссар при командующем всеми морскими силами Республики и управляющий делами Наркомата по морским делам (с августа 1919); член Революционного военного совета Республики (декабрь 1919 — январь 1921); военный комиссар Полевого штаба РВСР (декабрь 1919—1920). Член ЦКК ВКП(б), избран XV Съездом (1927) (СВЭ. Т. 4. М., 1977. С. 539—540; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 610).

¹⁵⁹¹ См. подр.: *Новоселов Д.С.* Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов. С. 66—77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...» С. 51—55.

¹⁵⁹² Архив ВЧК. С. 97. И это при том, что Н.А. Скрыпник возглавил впоследствии секретно-политический отдел, посредством которого проводился Красный террор во время Гражданской войны.

¹⁵⁹³ См. подр.: *Новоселов Д.С.* Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов. С. 66—77.

¹⁵⁹⁴ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 284.

¹⁵⁹⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117. Л. 24.

¹⁵⁹⁶ Там же. Д. 100. Л. 100.

¹⁵⁹⁷ Ср.: Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 124—124; Архив ВЧК. С. 324—326.

¹⁵⁹⁸ Ср.: Архив ВЧК. С. 326; Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 124.

¹⁵⁹⁹ Архив ВЧК. С. 325.

¹⁶⁰⁰ Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 123.

¹⁶⁰¹ Архив ВЧК. С. 324—326; Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 123—124.

¹⁶⁰² См.: *Тополянский В.* Загадочная испанка.

¹⁶⁰³ Архив ВЧК. С. 325.

¹⁶⁰⁴ См.: *Войтиков С.С.* «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 19—25.

¹⁶⁰⁵ Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 117.

¹⁶⁰⁶ *Леонов С.В.* Указ. соч. С. 355.

¹⁶⁰⁷ Архив ВЧК. С. 133.

¹⁶⁰⁸ Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 127—128.

¹⁶⁰⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. 247.

¹⁶¹⁰ Там же. Л. 198 об.

¹⁶¹¹ Там же. Л. 66.

¹⁶¹² Там же. Л. 234, 246 с об.—247.

¹⁶¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 349 об.

¹⁶¹⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 241.

¹⁶¹⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 62 с об.

¹⁶¹⁶ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 316—317.

¹⁶¹⁷ Там же. С. 486 (коммент.).

¹⁶¹⁸ **Самойло Александр Александрович** (1869—1963) — генерал-майор старой армии; генерал-лейтенант авиации (1940). Русский (уроженец г. Москва). *Социальное происхождение* — из служащих (сын военного врача — личного дворянина). *Образование*: 2-я Московская классическая гимназия (1890), вольнослушатель филологического факультета Московского университета (1892—1895); военное — Московское Алексеевское военное училище (1892); Николаевская академия Генерального штаба (1898). Беспартийный, кандидат в члены ВКП(б) с 1942. *За границей* — с 1904 по 1913 «ежегодно, во всех европейских главных странах, для ознакомления с иностранными армиями». *В старой армии* с 1890 (офицер с 1892) — подпоручик 1-го Екатеринбургского

ского гренадерского полка (август 1892 — август 1895); на лагерном сборе в качестве генштабиста в гарнизоне г. Орла (с мая 1898); строевой ценз генштабиста по командованию ротой (с декабря 1898); ценз генштабиста в штабе Казанского ВО (с ноября 1900); ст. адъютант штаба 31-й Харьковской пех. дивизии (с марта 1901); пом. ст. адъютанта (с октября 1902), ст. адъютант — строевой ценз на командовании батальоном (1907), по кавалерии (1908), по артиллерии (1909); ст. делопроизводитель ГУГШ (с августа 1909); штаб-офицер для поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (с июля 1914); пом. генерал-квартирмейстера штаба армий Западного фронта (с сентября 1915); генерал-квартирмейстер и нач. штаба 10-й армии (с сентября 1917); председатель Российско-Германской комиссии по перемирию делегации РСФСР на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске (ноябрь 1917 — февраль 1918). *В советском военном ведомстве* — нач. штаба Беломорского ВО (с февраля 1918); нач. штаба Северо-Восточного района Завесы и нач. штаба 6-й армии (с апреля 1918); команд. 6-й отдельной армией (Северным фронтом) (с февраля 1919); команд. Восточным фронтом (с мая 1919); пом. нач. Полевого штаба РВСР (с марта 1920); по совместительству — член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (с мая 1920); член Российской делегации на мирных переговорах с Финляндией (март—апрель 1920); 2-й пом. нач. (с апреля 1920) и врид (с июня 1920) нач. Полевого штаба РВСР; нач. Всероссийского главного штаба (июнь 1920 — февраль 1921). *В межвоенный период* — 3-й пом. нач. Штаба РККА (с февраля 1921); нач. Московского окружного управления военно-учебных заведений (с июля 1922); инспектор военно-учебных заведений ГУ ВУЗ (с марта 1920); военный руководитель 1-го Московского государственного университета (с августа 1926); военный руководитель и нач. военной кафедры Московского гидрометеорологического института (с августа 1930); зам. нач. Оперативного отдела Главного управления военно-воздушных сил Красной армии (с июля 1940); преподаватель кафедры тактики Военно-воздушных сил (с мая 1941), ст. преподаватель кафедры общей тактики (с июня 1941), нач. кафедры военной администрации (с июня 1946) Военной академии командного и штабного состава Военно-воздушных сил Красной армии. Уволен из вооруженных сил в отставку по возрасту с правом ношения военной формы одежды с особыми отличительными знаками и погонами (28 сентября 1948 приказом министра ВС СССР № 01891). *Участие в войнах*: Первая мировая война, Гражданская война. *Ранения* — 2 контузии головы. *Награды*: орден Красного Знамени «За успешную ликвидацию Северного фронта» (1919); золотые часы с надписью: «За выдающиеся заслуги на Северном фронте» (1919); орден Ленина (1942).

Приложение:

Из аттестации А.А. Самойло, выданной руководством Краснознаменной военно-воздушной академии — зам. начальника академии по тактике и учебной работе генерал-лейтенанта авиации Синякова и поддержавшего его начальника академии Фалалеева от 15 ноября 1947 г.: «Генерал-лейтенант авиации САМОЙЛО имеет широкое общее и военное развитие. В Гражданскую войну занимал высокие командные должности и штабные должности: командующий армией, командующий фронтом, помощник начальника Полевого штаба РВСР. На педагогической работе с 1926 г. и по сей день, с июня 1946 г. начальник кафедры военной администрации. В 1942 г. за

50-летнюю служебную деятельность правительство наградило его орденом Ленина, в 1943 г. генерал-лейтенанту авиации САМОЙЛО присвоено ученое звание «профессор». Имеет много печатных работ, за последние годы помимо составления им небольших учебных пособий представил на соискание ученой степени доктора военных наук объемистый труд «Ночные действия» и, кроме того, написал большую работу военно-экономического характера. Вопрос о присвоении ученой степени доктора военных наук находится в стадии разрешения. Владея многими европейскими языками, [Самойло] до сих пор стремится следить за всей поступающей в академию отечественной и иностранной литературой. За долгие годы службы в старой и нашей Советской армии воспитал в себе высокую личную дисциплинированность, требовательность и исключительно добросовестное отношение к работе.

Активный член партии, всегда выступает при обсуждении различных вопросов на партийных собраниях и партийных активах. Также активен и на заседаниях ученого совета академии.

Генерал-лейтенант авиации САМОЙЛО в настоящее время продолжает вести лекционный курс по военной администрации. Однако преклонный возраст (пошел 79-й год), резко пониженный слух, а иногда и провалы в памяти затрудняют дальнейшее ведение учебных занятий со слушателями академии и вынуждают ставить вопрос о заслуженном отдыхе и покое.

Учитывая исключительно плодотворную долголетнюю служебную деятельность целесообразно генерал-лейтенанта авиации САМОЙЛО уволить в отставку с присвоением следующего военного звания и с предоставлением соответствующих привилегий» (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 22. Личное дело А.А. Самойло. Л. 1 и след.).

¹⁶¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки заседаний. Т. 1. С. 34.

¹⁶²⁰ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 248—249.

¹⁶²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 103. В качестве комментария к отношениям Аралова и Костяева, наверное, можно привести ходатайство члена коллегии НКВД Аралова в СНК СССР от 30 декабря 1925 г. о назначении пенсии двум малолетним сыновьям умершего 27 сентября генерала. В нем Аралов охарактеризовал Костяева как «безусловно преданного и честного военного работника» (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 12. Л. 2).

¹⁶²² См., напр.: Большевицкое руководство. Т. 1. С. 59—60.

¹⁶²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 103.

¹⁶²⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 486 (коммент.).

¹⁶²⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 7. Л. 111.

¹⁶²⁶ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 291.

¹⁶²⁷ Там же.

¹⁶²⁸ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 187.

¹⁶²⁹ Ефремов М.П. Памятные встречи с В.И. Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 38—39.

¹⁶³⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 2.

¹⁶³¹ Дойчер И. Указ. соч. М., 2006. С. 412.

¹⁶³² Молодцыгин М.А. Красная армия. С. 140.

¹⁶³³ Там же.

¹⁶³⁴ М.Д. Бонч-Бруевич о первой встрече с Н.И. Подвойским (23 февраля 1918 г.): «...высокий и очень худой партиец в суконной гимнастерке и таких же неуклюжих шароварах, чем-то смахивавший на Дон-Кихота» (Бонч-

Бруевич М.Д. Знакомство с Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 188).

¹⁶³⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 249 с об.

¹⁶³⁶ См., напр.: Там же. Д. 88. Л. 149 с об., 152 с об.

¹⁶³⁷ Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что когда 10 августа 1918 г. понадобилось незамедлительно перебраться с Западного фронта на Восточный «наибольшую часть войск», Э.М. Склянский, написав соответствующее приказание, подписал его у В.И. Ленина. Этим документом, между прочим, генерал Бонч-Бруевич обязывался докладывать «о промедлениях» напрямую Ленину (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 140).

¹⁶³⁸ **Сулейман Николай Александрович** (1878—1942) — генерал-майор; преподаватель ВВУЗ РККА по военной администрации (1927). Украинец. Из мещан. *Образование*: кадетское юнкерское училище (1899), Николаевская академия Генерального штаба по 1-му разряду (1910). *Членство в партиях*: Беспартийный. *В старой армии* с 1896 (офицер с 1900). *Во время Октябрьского переворота* — инспектор снабжений при нач. Штаба Верховного главнокомандующего. В Революционном комитете обороны Петрограда. В РККА с 1918. *В советском военном ведомстве* — пом. военного руководителя (нач. Штаба) Высшего военного совета (с марта 1918); нач. Оперативного управления Полевого штаба РВСР; преподаватель тактики и стратегии, по совместительству — внештатный ст. руководитель Генерального штаба РККА (с августа 1918); вел специальный лекционный курс военно-инженерной маскировки в Высшей школе военной маскировки (с января 1919), по совместительству — ст. руководитель практических занятий по топографии Академии Генерального штаба РККА (с апреля 1920); штатный преподаватель (с ноября 1920), заведующий обучающимися слушателями (с апреля 1921), гл. руководитель групповыми лекциями (с января 1922) Академии Генерального штаба РККА. *В межвоенный период* — ст. руководитель Академии Генерального штаба, по совместительству — ст. руководитель Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского (с октября 1922 до января 1927). *Участие в войнах*: Русско-японская война 1904—1905; Первая мировая война — против германцев на Западном фронте (1914—1918), в Минской губернии ранен и контужен осколками разорвавшегося снаряда в левую руку, грудь, нижнюю челюсть (1916).

¹⁶³⁹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 56. Стенограмма общего собрания комиссии по обследованию деятельности центральных учреждений военного ведомства.

¹⁶⁴⁰ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 345—346.

¹⁶⁴¹ Доклад В.И. Ленину о положении на Южном фронте и чистке Полевого штаба от 24 июня 1919 г. // Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 128.

¹⁶⁴² *Бонч-Бруевич М.Д.* Белоруссия. С. 160.

¹⁶⁴³ См. подр.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 7 и след.

¹⁶⁴⁴ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 290.

¹⁶⁴⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 101. Л. 3 об.

¹⁶⁴⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 248.

¹⁶⁴⁷ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 170, 174.

¹⁶⁴⁸ См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 245, 303.

¹⁶⁴⁹ Там же. Л. 304. Постановление об установлении единого Московского времени во всей действующей армии, военных управлениях, учреждениях и заведениях.

¹⁶⁵⁰ *Бонч-Бруевич М.Д.* Белоруссия. С. 159.

¹⁶⁵¹ Там же. С. 159—160.

¹⁶⁵² Там же. С. 160—161.

¹⁶⁵³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 264.

¹⁶⁵⁴ Там же. Л. 298.

¹⁶⁵⁵ *Бонч-Бруевич М.Д.* Белоруссия. С. 161.

¹⁶⁵⁶ То обстоятельство, что постановление оформлено приказом РВСР, не должно смущать: под ним стоит три подписи, а под предыдущим четыре — заседание Реввоенсовета, на котором был принят напечатанный 22 июня текст, должно было состояться между 17 и 23 июня 1919 г. (ср.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 248, 252).

¹⁶⁵⁷ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 263.

¹⁶⁵⁸ Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941. С. 54.

¹⁶⁵⁹ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 101. Л. 1, 3 об.

¹⁶⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 116.

¹⁶⁶¹ Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 126.

¹⁶⁶² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки заседаний. Т. 1. С. 36.

¹⁶⁶³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10317. Л. 1 и след.

¹⁶⁶⁴ *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? С. 94.

¹⁶⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 1.

¹⁶⁶⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 36. Сопроводительная записка К.Х. Данишевского И.П. Павлуновскому от 5 августа 1919 г.

¹⁶⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12317. Л. 7.

¹⁶⁶⁸ Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61. Л. 3—6 об. Показания Н.Н. Доможирова.

¹⁶⁶⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 48. Л. 179.

¹⁶⁷⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 234.

¹⁶⁷¹ Там же. Л. 251 об.

¹⁶⁷² Там же. Л. 282.

¹⁶⁷³ Там же. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 76. Л. 3, 13 об. 6 февраля 1919 г. председатель Петроградской трудовой коммуны Г.Е. Зиновьев сообщил Э.М. Складскому, что 28 января он получил незашифрованную телеграмму совершенно секретного характера о приказании главкома И.И. Вацетиса минировать все мосты в районе Петрограда «для взрыва их в случае надобности». Доможиров обвинялся в том, что, «будучи начальником штаба Северного фронта, обязанным распределять порядок отправки и секретный характер телеграмм... допустил, что телеграмма... была направлена по назначению без его прямого участия на ее секретный характер, т. е. [в] нерадении по службе».

¹⁶⁷⁴ **Петин Николай Николаевич** (1876—1937) — советский военачальник, комкор. Членство в партиях: ВКП(б) с 1933 г. Из дворян. *Образование:* Николаевская академия Генерального штаба (1907). *Участник Первой мировой войны* — полковник. *В Красной армии* с 1918 — нач. Мобилизационного управления Беломорского ВО (июнь—июль 1918); нач. штаба 6-й армии Северного фронта (с конца ноября 1918); нач. штаба Западного фронта (май—октябрь 1919); нач. штаба Южного фронта (октябрь 1919 — январь 1920); нач. штаба Юго-Западного фронта (январь—декабрь 1920). *В межвоенный период* — на командных должностях, в т. ч.: команд. войсками Западно-Сибирского ВО (с января 1923); нач. Управления РККА (с июня 1924); одновременно член Высшей аттестационной комиссии (с апреля 1924), председатель комиссии народной милиции труда в НКВМ (с мая

1924), инспектор военно-учебных заведений и член Совета по подготовке РККА (с сентября 1924); зам. нач. Управления РККА (с декабря 1924); и. о. нач. (с января 1925), зам. нач. ГУ РККА (с февраля 1925); команд. СибВО (с ноября 1925); одновременно член постоянного военного совещания при РВС СССР (с октября 1927); для особо важных поручений при РВС СССР (с ноября 1928); инспектор инженерных войск РККА (1929—1930). Член ЦИК СССР. *Награды*: Орден Красного знамени за подготовку и проведение операций по разгрому войск Деникина в 1919—1920 гг. (1921) (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 451; Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 502).

¹⁶⁷⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 191.

¹⁶⁷⁶ См. подр.: Там же. Ф. 24830. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.

¹⁶⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 1; Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 12.

¹⁶⁷⁸ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 192.

¹⁶⁷⁹ ЦК поручил «Оргбюро подыскать работников для Особого отдела» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 22. Л. 2).

¹⁶⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 22. Л. 2.

¹⁶⁸¹ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117. Л. 26 об.

¹⁶⁸² В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 292—293.

¹⁶⁸³ *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 456.

¹⁶⁸⁴ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 294—295. Точный текст: «Зная строгий характер распоряжения товарища Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 118. Л. 179).

¹⁶⁸⁵ Цит. по: В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 295.

¹⁶⁸⁶ *Данишевский К.Х., Каменев С.С.* Указ. соч. С. 25.

¹⁶⁸⁷ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 256.

¹⁶⁸⁸ *Данишевский К.Х., Каменев С.С.* Указ. соч. С. 31.

¹⁶⁸⁹ Там же.

Лебедев Павел Павлович (1872—1933) — генерал-майор старой армии (1915), советский военачальник. Русский (уроженец г. Чебоксары). *Социальное происхождение*: из дворян. *Образование*: Александровское военное училище (1892), Николаевская академия Генерального штаба (1900). *В старой армии* с 1897. *В советском военном ведомстве* с 1918 (добровольно) — нач. Мобилизационного управления ВГШ (с апреля 1918), по совместительству — председатель Комиссии для рассмотрения заявлений ведомств об оставлении на своих местах службы более 10% работников из числа подлежащих призыву офицеров (с 24 декабря 1918); нач. штаба (с апреля 1919), команд. войсками (июль 1919) Восточного фронта; нач. Полевого штаба РВСР (с ноября 1919), находился в ряде служебных командировок (сентябрь 1919); нач. Штаба РККА (февраль 1921 — апрель 1924) и нач. Военной академии РККА (с августа 1922 — апрель 1924); член РВСР (март 1923 — апрель 1924); для особо важных поручений при РВСР (с февраля 1925); главный руководитель всех военных академий по военной администрации (с февраля 1925); нач. и пом. нач. Штаба УВО (с ноября 1925); пом. команд. УВО с оставлением в должности по Академии РККА им. М.В. Фрунзе; пом. команд. (с ноября 1928) и команд. (с декабря 1928) УВО. *Участие в войнах* — Первая мировая война — нач. отделения, генерал-квартирмей-

стер штаба Западного фронта; нач. штаба 3-й армии. *Награды*: орден Красного Знамени (1921), орден Трудового Красного Знамени (1928) (см., напр.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1963. С. 319; Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 500).

¹⁶⁹⁰ Цит. по: *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? С. 94—95.

¹⁶⁹¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61. Л. 1.

¹⁶⁹² Там же. Л. 2.

¹⁶⁹³ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 52. Л. 53.

¹⁶⁹⁴ За это Э.М. Склянский получил нагоняй 3 июля 1919 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 22. Л. 5 об.)

¹⁶⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1.

¹⁶⁹⁶ Там же. Л. 6. Не исключено, сказалось то обстоятельство, что И.И. Вацетис иногда позволял открыто признавать некомпетентность Ленина в отдельных военных вопросах (см.: Там же. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 77 об.).

¹⁶⁹⁷ *Колпакиди А.И., Прохоров Д.* Указ. соч. С. 88.

¹⁶⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1. В «слезницах» Теодори и обращении Вацетиса к Ленину могли приводиться исключительно правдивые факты, т. к. при желании адресаты без труда могли проверить полученные сведения.

¹⁶⁹⁹ *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 44.

¹⁷⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1.

¹⁷⁰¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 306.

¹⁷⁰² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. М., 1976. С. 362.

¹⁷⁰³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10076. Л. 2 с об.

¹⁷⁰⁴ Это подтверждается приказами по Полевому штабу (см.: РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 312 и след.). К тому же не следует забывать, что ряд подразделений был вообще отчищен от военспецов — например, Регистрационное управление Полевого штаба.

¹⁷⁰⁵ В.И. Ленин и ВЧК. С. 184 и след.

¹⁷⁰⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 98.

¹⁷⁰⁷ Там же. Л. 100.

¹⁷⁰⁸ Там же. Л. 113.

¹⁷⁰⁹ Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 49.

¹⁷¹⁰ В тексте документа ошибочно — «Мальшов».

¹⁷¹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 331; Д. 6. Л. 283.

¹⁷¹² Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 68. Л. 22.

¹⁷¹³ Правда. 1919. 10 июля.

¹⁷¹⁴ Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 130—131.

¹⁷¹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 37—44.

¹⁷¹⁶ В тексте ошибочно «Хитрово».

¹⁷¹⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12317. Л. 8—9.

¹⁷¹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 336. В перечне указаны: Я.Е. Шебранов (инспектор пехоты, телеграммой И.И. Вацетиса), И.И. Лерхе (в распоряжение командующего, резолюцией И.И. Вацетиса), Авен (помощник командующего, предписанием И.И. Вацетиса); Бухман, Мяхконький, Билькин, Матузель, Чистяков (в распоряжение 14-й армии).

¹⁷¹⁹ Там же. Д. 14. Л. 214.

¹⁷²⁰ Там же. Л. 220.

¹⁷²¹ Сопроводительная записка К.Х. Данишевского И.П. Павлуновскому к докладу В.А. Антонова-Овсеевко и списку лиц, назначенных на командные должности И.И. Вацетисом от 5 августа 1919 г. (Исходящие 3 и 5, Москва): «В Особый отдел т. ПАВЛУНОВСКОМУ. При сем препровождается копия доклада т. АНТОНОВА с резолюцией ЛЕНИНА: «Отправит[ь] ВЧК к следствию над Ставкой»; и список лиц, назначенных на командные должности по приказанию главкома ВАЦЕТИСА. ПРИЛОЖЕНИ[Я]: Копия доклада и список» (РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 36. Отпуск — машинописный текст с пометами черными чернилами).

¹⁷²² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 302.

¹⁷²³ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 468.

¹⁷²⁴ Получено С.И. Араловым 22 декабря 1918 г.

¹⁷²⁵ Вписано М.Г. Тракманом зелеными чернилами.

¹⁷²⁶ Так в тексте. Следует: «Полевому штабу».

¹⁷²⁷ Внутренняя нумерация сделана неустановленным лицом простым карандашом. Первоначально явно планировалось предложить назначение одного комиссара.

¹⁷²⁸ Напротив пункта № 1 помета фиолетовым карандашом: «Составить доклад и штаты».

¹⁷²⁹ Напротив пунктов № 2 и 3 помета фиолетовым карандашом: «Предложить ЧК Серпухова». К пометам напротив предложения ОВК в целом — резолюция С.И. Аралова (синий карандаш): «К исполнению».

¹⁷³⁰ Предположительно адресатом доклада был М.С. Кедров.

¹⁷³¹ Так в тексте.

¹⁷³² Сверху, слева от текста — автограф синим карандашом.

¹⁷³³ Судя по резолюции С.И. Аралова, военного комиссара Полевого штаба идея о размещении в его квартире агента Серпуховского Особого отделения ВЧК не впечатлила.

¹⁷³⁴ Подчеркнуто С.И. Араловым простым карандашом.

¹⁷³⁵ Слева от текста — автограф простым карандашом.

¹⁷³⁶ Поверх текста — синий карандаш.

¹⁷³⁷ В.И. Ленину.

¹⁷³⁸ Л.Д. Троцкому.

¹⁷³⁹ Л. 349 — простой карандаш.

¹⁷⁴⁰ На документе имеется карандашная помета: «По прочтении возвратить для архива».

¹⁷⁴¹ Так, Л.Д. Троцкий, видимо, окрестил волостную мобилизацию.

¹⁷⁴² Первоначально стояло: «ближайшей». Исправление Л.Д. Троцкого.

¹⁷⁴³ В современном варианте — коней на переправе не меняют.

¹⁷⁴⁴ Тезисы датируются по: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 328.

¹⁷⁴⁵ Так в тексте. Следует: «воинское».

¹⁷⁴⁶ Так в тексте. Следует: «пополнения».

¹⁷⁴⁷ Так в тексте. Следует: «стратегической».

¹⁷⁴⁸ Так в тексте. Следует: «фикция».

¹⁷⁴⁹ Так в тексте. Следует: «При этом он паникер».

¹⁷⁵⁰ Так в тексте.

¹⁷⁵¹ Так в тексте. Следует: «распределить».

¹⁷⁵² Белогвардейских шпионов.

¹⁷⁵³ Так в тексте. Очевидно, имелось в виду: «позволит в будущем создать».

¹⁷⁵⁴ Так в тексте. Очевидно, имелось в виду: «кружение».

¹⁷⁵⁵ Л. 1 — сверху.

¹⁷⁵⁶ Показательный момент: прямо заявляется, Особый отдел ВЧК действует автономно от руководства ВЧК.

¹⁷⁵⁷ Заголовок документа.

¹⁷⁵⁸ Никаких предпосылок для опоры на полк в случае попытки военного переворота не было в помине. Из агентурной сводки Особого отдела МЧК о 5-м Латышском стрелковом полку № 17 от 5 июля: «В полку 149 коммунистов. Контрреволюционной агитации не замечалось. Трений с командным составом нет, только красноармейцы недовольны повышением окладов командному составу. Дезертировал только один, т. к. был замечен в краже денег» (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 117. Л. 21 с об. Машинописный экз.). И позднее сомневаться в верности латышских частей не приходилось. Так, 13 августа 1919 г. настроение солдат характеризовалось Особым отделом МЧК как «хорошее», работа «удовлетворительная»; количество коммунистов уменьшилось до 154 человек и 8 кандидатов в члены РКП(б) (Там же. Л. 63 об.), хотя не исключено, что в сводке от 5 июля членов партийной и кандидатов в члены партии посчитали вместе.

¹⁷⁵⁹ Один из вождей военной контрреволюции, генерал от инфантерии (1914) Д.Г. Шербачёв (1857—1932) создал в апреле 1918 г. в Париже представительство Добровольческой армии, с начала 1919 г. подведомственное «Русскому политическому совещанию», которое оказывало посильную помощь в снабжении белогвардейцев Антантой (см.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1963. С. 668).

¹⁷⁶⁰ Имеются в виду генштабисты 1917 г.

¹⁷⁶¹ Так в тексте. Следует: «дезорганизована».

¹⁷⁶² Так в тексте. Имеется в виду Я.Д. Ленцман.

¹⁷⁶³ Слева от выделенного фрагмента помета Н.Н. Доможирова: «?»

¹⁷⁶⁴ В деле отсутствует.

¹⁷⁶⁵ Заголовок документа.

¹⁷⁶⁶ Здесь и далее в документе курсивом слова для удобства чтения выделены нами. — С. В.

¹⁷⁶⁷ Здесь и далее — подчеркивание в тексте РГВА сделано Л.Д. Троцким синим карандашом, на л. 36 Троцким тем же карандашом проставлено: «Секретно» и сделана помета о прочтении: «Т». Все пометы в тексте РГВА сделаны председателем РВСР.

¹⁷⁶⁸ Напротив в тексте РГВА — литера «Ш» (штаб).

¹⁷⁶⁹ Первоначально стояло: «излиться».

¹⁷⁷⁰ Слово вписано от руки.

¹⁷⁷¹ Первоначально стояло: «излияние».

¹⁷⁷² Напротив в тексте РГВА помета: «+».

¹⁷⁷³ См. Большевицкое руководство. Переписка. Т. 1. С. 87.

¹⁷⁷⁴ Напротив в тексте РГВА — литера «Ш» (штаб).

¹⁷⁷⁵ Напротив в тексте РГВА помета: «+».

¹⁷⁷⁶ Напротив в тексте РГВА — литера «Ш» (штаб).

¹⁷⁷⁷ Так в тексте. Следует: «перевезти».

¹⁷⁷⁸ Большого Генерального штаба.

¹⁷⁷⁹ Напротив в тексте РГВА — литера «Ш» (штаб).

¹⁷⁸⁰ Л. 1, над текстом.

¹⁷⁸¹ Слово подчеркнуто трижды.

- 1782 Заголовок документа.
- 1783 В варианте газеты «Правда» уточнено: «Щепкин».
- 1784 Опубликованы частично П. Маркицианом.
- 1785 В Волоколамске.
- 1786 В варианте газеты «Правда» указана цифра в 800 человек.
- 1787 Комитет обороны г. Москвы, председатель — Л.Б. Каменев.
- 1788 В варианте газеты «Правда» имеются разночтения с текстом ЦАОПИМ. К тому же печатный вариант сильно урезан.
- 1789 См., напр.: *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 212 и след.
- 1790 Так в тексте.
- 1791 Зачеркнута К.Х. Данишевским.
- 1792 Датируется по предыдущему документу.
- 1793 Вписано С.И. Гусевым красными чернилами.
- 1794 См. док. № 2.3.11.
- 1795 С.С. Каменев в РКП(б) не состоял.
- 1796 Сотрудница ленинского Секретариата М.А. Володичева.
- 1797 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 14.
- 1798 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: Т. 45. М., 1978. С. 405.
- 1799 XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. М., 1926. С. 650.
- 1800 Двенадцатый съезд РКП(б). М., 1968. С. 434.
- 1801 *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. С. 257.
- 1802 См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 13.
- 1803 *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 351.
- 1804 См.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10076. Л. 1 и след.
- 1805 См.: Большевицское руководство. Переписка. Т. 1. С. 68 и след.
- 1806 Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 281.
- 1807 *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 343.
- 1808 *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная армия. С. 210.
- 1809 *Данишевский К.Х., Каменев С.С.* Указ. соч. С. 52.
- 1810 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 221.
- 1811 Ближайшее постановление РВСР датируется 25 мая 1919 г., подписано Склянским, Вацетисом и Араловым (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 240).
- 1812 *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. М., 2000. С. 188.
- 1813 *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. С. 106.
- 1814 См. подр.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 248—249.
- 1815 *Данишевский К.Х., Каменев С.С.* Указ. соч. С. 53.
- 1816 *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная армия. С. 210—211.
- 1817 См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 3 и след.
- 1818 Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки заседаний. Т. 1. М., 2000. С. 35.
- 1819 РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 7. Л. 126.
- 1820 Там же. Л. 124.
- 1821 Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 247.
- 1822 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 402.
- 1823 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 277.
- 1824 Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 247—248.

¹⁸²⁵ *Константинов А.П.* Подвиг народа // Героическая оборона Петрограда в 1919 году: Воспоминания участников. Л., 1959. С. 17.

¹⁸²⁶ Цит. по: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 220.

¹⁸²⁷ Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. С. 28.

¹⁸²⁸ Там же.

¹⁸²⁹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 247.

¹⁸³⁰ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 189.

¹⁸³¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 14; *Данишевский К.Х., Каменев С.С.*

Указ. соч. С. 32.

¹⁸³² Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 248; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 14.

¹⁸³³ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 190.

¹⁸³⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 248.

¹⁸³⁵ Состав участников заседания не известен.

¹⁸³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 5. Л. 53.

¹⁸³⁷ Так в тексте, имеется в виду **Биткер Герман Самойлович** (1894[?]—?) — член РСДРП(б). Русский^{1*} (уроженец г. Варшавы, постоянный житель Нижнего Новгорода). *Какие местности России хорошо знал*: Север России, Среднее Поволжье, Астраханский край, Одессу и прилегающие места. *Образование* — реальное училище, учился на естественном факультете Лозаннского ун-та; военное — учебная команда. *Иностранные языки*: «французский хорошо, немецкий удовлетворительно, польский понимаю». *За границей* — Германия, Вестфальский район, Швейцария. Член РСДРП(б) с 1913. *На партийной работе* — член Нижегородского губкома (1917 — февраль 1918); выступал на митингах и читал лекции в партшколе (с февраля 1917). *В старой армии* — ефрейтор-инструктор противогазовой обороны. *На советской работе* — тов. председателя Нижегородского Совета (март 1917 — май 1918); член президиума Нижегородского СНХ (февраль—март 1918); зав. подотдела металла отдела ВСНХ (май—октябрь 1918); сотрудник и зав. отделом продовольствия и экономическим отделом газеты «Правда» (май—ноябрь 1918). *В советском военном ведомстве* — комиссар по снабжению фронта 11-й армии Кавказского фронта (март—июнь 1919); член РВС Волжской военной флотилии (июнь—август 1919); член РВС 6-й армии (1 августа — 15 декабря 1919); окружной военный комиссар Петроградского ВО (с декабря 1919); нач. и комиссар Управления ВС Главного штаба (с 25 января 1920). *Подвергался ли ответственности перед судебными учреждениями РСФСР и партсудами*: небольшое дисциплинарное взыскание (5-дневный арест) за превышение власти (арест четырех сотрудников Чусоснабарма на фронте). Участие в войнах: Первая мировая война, ефрейтор-инструктор; Гражданская война.

Характеристика из циркуляра РКП(б): «В работе проявляет большую инициативу и глубокое понимание военно-политической обстановки. Безусловно пригоден для занимаемой должности, а равно будет на месте в любом ответственном назначении, как крупный организатор и администратор и руководитель. Зам. комиссара Всероглавштаба А. Цимблер» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 184—185 об. Анкета уч.-распред. отдела ЦК РКП(б)).

^{1*} Так указал в анкете.

¹⁸³⁸ **Уншлихт Иосиф Станиславович** (1879—1938) — член РСДРП с 1900 г. Партийную работу вел в Варшаве, Лодзи и других городах. Активный участник революции 1905—1907 гг. Подвергался многочисленным репрессиям

царского правительства. *После Февральской революции 1917 г.* — на партийной работе в Петрограде, член Петроградского Совета. Активный участник Октябрьской революции, член Петроградского ВРК. Далее — на ответственной военной, партийной и советской работе: член коллегии НКВД РСФСР, нарком по военным делам Литвы и Белоруссии, член РВС Западного фронта, зам. председателя ОГПУ ССРСР, зам. председателя РВС ССРСР, зам. председателя Госплана ССРСР, секретарь ЦИК ССРСР. Репрессирован, расстрелян (см.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики). С. 399—400).

¹⁸³⁹ **Бруно Генрих Иванович (Бруно — парт. псевдоним, наст. имя — Пфаф-роде Генрих Иоганн Янисович)** (1889—?) — старый деятель социал-демократии, старый большевик. Уроженец Дрездена. *Социальное происхождение:* из рабочих (сын деревообделочника). *Образование:* среднее специальное: обучался на слесаря по машиностроению с 13 лет, учился в вечернем ремесленном училище на заводе «Фельзен». *За границей:* Германия (1908—1909). *Какие знал специальности:* слесарь по машиностроению. Занятия до 1917 — слесарное дело на заводах «Фельзен», «Руссобалт» и «Бр. Клейн». *На работе по найму* — с 13 лет. *Членство в партиях:* РСДРП с 1906, большевик — принят Рижской организацией. На партийной работе — различная техническая и агитационная работа. Арестован по подозрению в участии в нелегальной организации (1906), подвергнут 3-месячному заключению; по выходе из тюрьмы «попал в черные списки и поэтому был без работы»; один из руководителей забастовки на заводе «Руссобалт»; работа на заводах и участие в профдвижении рабочих металлистов в Германии (1908—1909); на активной партработе в Выборгской организации Петербурга (1909); руководитель партийной работы заводских кружков «Ст. Леснер», «Парвийainen» (1910—1911); арестован и после недолгого заключения выпущен под надзор полиции (1911); сидел в тюрьме, на нелегальной работе по организации заводских кружков, налаживанию партийной техники и руководству забастовками в Петербурге (1912—1913); арестован (начало 1914), осужден на бессрочную ссылку на поселение в Восточной Сибири (с августа 1914); бежал и занимался изданием нелегальной большевистской газеты «Сибирский рабочий» в Иркутске (с 1915); после провала редакции и ареста большинства ее сотрудников бежал в Урянхайский край — в тайгу (1916 — февраль 1917). Член ВЦИК восьми созывов (с 1917). Подписался под «заявлением 22-х» (1922). Член Всесоюзного общества старых большевиков (1931—1935), исключен за причастность к зиновьевской оппозиции. *Во время Февральской революции* — приехал в Минусийск и участвовал в разоружении жандармерии и полиции; член Минусинского комитета РСДРП(б) и вскоре председатель Минусинского окружного Совета; член ЦК Союза металлистов (с июля 1917), секретарь Васильевского района. Участник Октябрьского переворота. *В старой армии* — не служил. *На советской работе и в советском военном ведомстве* — чрезвычайный комиссар Пензенского района (июль—сентябрь 1918); член Верховного революционного трибунала при ВЦИК (1918—1919); председатель ЧК Южного фронта (с конца 1919); член Совета военной промышленности (1920); проводил партийную чистку в качестве председателя комиссии в Крыму (1921). *В межвоенный период* — член коллегии Главметалла (1921—1922); председатель правления Украинского треста сельскохозяйственного машиностроения (1922—1923); председатель правления Синдиката «Сельмаш» (1923—1926); председатель

правления треста «Руж» (1926—1929). *Участие в войнах*: Гражданская война, доброволец на Восточном фронте — против Чехословацкого корпуса (с мая 1918). Тяжело ранен в результате покушения правых эсеров (сентябрь 1918) (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 13 — Личное дело Г.И. Бруно в ВОСБ. Л. 9—10. Автобиография — машинописный экз.; Л. 40. Заявление Е. Штейнман в Президиум ВОСБ о подписях ряда членов ВОСБ под заявлением группы 22-х от 7 января 1935 г.).

¹⁸⁴⁰ **Гайлис Карл Андреевич** (1888—?) — член РСДРП, большевик, с 1906. Латыш (родился в Лифляндской губернии, где жил до 16 лет). *Какие местности Российской империи хорошо знал*: Прибалтийский край и Петербург. *Образование*: домашнее (приблизительно в объеме среднего). *Занятия до 1917* — на различных «случайных» работах. *На работе по найму* — с 16 лет. Член РСДРП с 1906 — принят Петербургской организацией; член ЦК СД(б) Латвии (октябрь 1916 — март 1917, июнь 1917 — март 1919); член Вольмарского комитета (июнь—октябрь 1917). Находился в основном на организационной работе, автор ряда революционных статей; привлекался к уголовной ответственности за революционную деятельность — по 102-й статье (1912), в административной ссылке (1914—1916). *В советских учреждениях* — член Исполкома Военно-морского совета (апрель—август 1917); член ВЦИК I созыва (июнь—октябрь 1917); член Видземского земского совета (июль—декабрь 1917); член ВРК района 12-й армии (октябрь—ноябрь 1917); член Исполкома (декабрь 1917 — январь 1918), тов. председателя (декабрь 1917 — февраль 1918) Совета Р, С и батрацких депутатов Латвии; член ВЦИК IV, V, VI созывов (март 1918 — декабрь 1919); член коллегии Наркомнаца и комиссар по латышским делам (январь—июнь 1919). *В советском военном ведомстве* с 1919 — пом. команд. всеми морскими силами (с июля 1919). *Участник Первой мировой войны*, рядовой (1916 — 1917) (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 7—8. Анкета уч.-распред. отдела ЦК РКП(б) от 20 ноября 1920 г.).

¹⁸⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 5. Л. 53.

¹⁸⁴² Там же. Л. 55.

¹⁸⁴³ Там же.

¹⁸⁴⁴ Так, Н.Е. Пауфлер действительно стал комиссаром снабжения Южного фронта, однако в сборнике протоколов заседаний РВСР он упомянут только в связи с переводом на Восточный фронт 26 августа 1919 г. (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 346).

¹⁸⁴⁵ **Гиттис Владимир Михайлович** (1881—1938) — советский военачальник, комкор. Из мещан. *Членство в партиях*: РКП(б) с 1925 г. *Образование*: юнкерское пехотное училище (1902). *Участник Первой мировой войны* — полковник. *В Красной армии* с февраля 1918 — военный руководитель Северного участка отрядов Завесы (с августа 1918); команд. 6-й армией Северного фронта (сентябрь—ноябрь 1918); команд. 8-й армией Южного фронта (с декабря 1918); команд. войсками Южного (январь—июль 1919), Западного (июль 1919 — апрель 1920), Кавказского (май 1920 — май 1921) фронтов. *В межвоенный период* — на командных должностях. *Награды*: Орден Красного Знамени за бои против войск Юденича (1919) и войск Польши (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1963. С. 149).

¹⁸⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11173. Л. 4.

¹⁸⁴⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

¹⁸⁴⁸ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 291.

¹⁸⁴⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1974. С. 34—37.

- 1850 Данишевский К.Х., Каменев С.С. Указ. соч. С. 31—32.
- 1851 Дойчер И. Указ. соч. С. 439.
- 1852 Trotsky's papers. Т. 1. 1917—1919. L.; P., 1964. P. 578.
- 1853 Дойчер И. Указ. соч. С. 439.
- 1854 В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 291.
- 1855 В.И. Ленин еще на Апрельской конференции РСДРП (1917) высказывался против демонстрационных отказов от должностей. Тогда речь шла о партии, однако и партия еще не была близка к захвату власти.
- 1856 В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 291.
- 1857 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 34.
- 1858 Там же.
- 1859 Там же. С. 37.
- 1860 Там же. С. 38.
- 1861 Дойчер И. Указ. соч. С. 439.
- 1862 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10076. Л. 1.
- 1863 Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 192.
- 1864 Данишевский К.Х., Каменев С.С. Указ. соч. С. 31—32.
- 1865 Там же. С. 32.
- 1866 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1.
- 1867 Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 53.
- 1868 Революционный Совет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 618, 638.
- 1869 Данишевский К.Х., Каменев С.С. Указ. соч. С. 33.
- 1870 Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. С. 81.
- 1871 Там же. С. 84.
- 1872 Правда. 1919. 10 июля.
- 1873 Там же.
- 1874 См.: ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 75—77.
- 1875 Революционный Совет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 256.
- 1876 Там же. С. 258—259.
- 1877 Лемке М.К. Указ. соч. С. 175.
- 1878 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 319.
- 1879 Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 319.
- 1880 РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 351 об.
- 1881 Там же. Л. 360.
- 1882 Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 194.
- 1883 См., напр.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 48—49.
- 1884 Данишевский К.Х., Каменев С.С. Указ. соч. С. 58.
- 1885 **Егорьев Владимир Николаевич** (1869—1948) — генерал-лейтенант (1917). *Социальное происхождение*: кадровый офицер. *Образование*: 1-й Московский кадетский корпус (1887), 3-е Александровское военное училище (1888), Николаевская академия Генерального штаба (1901). *В старой армии* с 1901 — ст. адъютант штаба 17-го стр. корпуса (с 1901); пом. столоначальника (с 1903), столоначальник Главного штаба; пом. делопроизводителя (с 1906), делопроизводитель ГУГШ; нач. штаба 3-й гренадерской дивизии (с 1914); нач. штаба 1-й гренадерской дивизии (с 1915). *В советском военном ведомстве* — команд. Особой армией (с декабря 1917), команд. войсками Юго-Западного фронта (с января 1918); военный руководитель Западного участка отрядов Завесы (с апреля 1918); для поручений в ВВИ (с сентября 1918); инспектор пехоты Полевого штаба РВСР (с апреля 1919); команд. войсками Южного фронта (с июля 1919); в распоряжении главнокоманд.

всеми вооруженными силами Республики (с октября 1919); военный эксперт советской делегации на мирных переговорах с Финляндией и Польшей (1920). *В межвоенный период* — на военно-административной работе. *Участие в войнах: 1912—1913*, Первая мировая война (*Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. С. 359, РГВА).

¹⁸⁸⁶ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 204.

¹⁸⁸⁷ Цит. по: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 51. М., 1970. С. 381 (коммент.).

¹⁸⁸⁸ Там же.

¹⁸⁸⁹ Там же.

¹⁸⁹⁰ *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 204—205.

¹⁸⁹¹ Там же. С. 208.

¹⁸⁹² См.: *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Указ. соч. С. 216 и след.

¹⁸⁹³ Цит. по: *Серебрякова З.Л.* Мой отец — Л.П. Серебряков // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 129.

¹⁸⁹⁴ Там же. С. 130.

¹⁸⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 18. Л. 1.

¹⁸⁹⁶ Там же. Д. 20. Л. 1. На заседании ПБ присутствовали В.И. Ленин, Л.Б. Каменев, М.И. Калинин, А.Г. Белобородов, Е.Д. Стасова и Ф.Э. Дзержинский.

¹⁸⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 48.

¹⁸⁹⁸ Там же. Л. 49.

¹⁸⁹⁹ Там же. Л. 47.

¹⁹⁰⁰ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 51. М., 1982. С. 382 (примеч.).

¹⁹⁰¹ Там же. С. 35.

¹⁹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 23. Л. 1.

¹⁹⁰³ Там же. Оп. 163. Д. 6. Л. 1.

¹⁹⁰⁴ *Гусев С.И.* Свяжские дни (1918 г.). С. 102.

¹⁹⁰⁵ См.: *Войтиков С.С.* «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова. С. 19—25.

¹⁹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 7. Л. 6.

¹⁹⁰⁷ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 45, 384 (коммент.).

¹⁹⁰⁸ *Серебрякова З.Л.* Указ. соч. С. 130.

¹⁹⁰⁹ Героическая оборона Петрограда в 1919 году: Воспоминания участников. С. 387.

¹⁹¹⁰ *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 260.

¹⁹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 11. Л. 1.

¹⁹¹² Там же. Д. 12. Л. 1.

¹⁹¹³ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 20—21. Заметим, что на данном этапе Л.Д. Троцкому была как воздух необходима поддержка в его совместном с Я.М. Свердловом детище — Реввоенсовете Республики, поэтому председатель РВСР был вынужден просить о введении в состав этого Совета Г.Я. Сокольников. Как бы там ни было, все вопросы решались в большевистском олимпе, и с этим приходилось считаться.

¹⁹¹⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 49—50.

¹⁹¹⁵ Там же. Л. 52.

¹⁹¹⁶ Имеется в виду СНК РСФСР.

¹⁹¹⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 43—44.

¹⁹¹⁸ Там же. Л. 45—46.

¹⁹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12222. Л. 1—3.

¹⁹²⁰ Там же. Л. 3.

¹⁹²¹ Там же.

¹⁹²² Там же.

¹⁹²³ Публикуемый документ представляет собой ответ на телеграмму В.И. Ленина от 20 мая 1919 г.

Члены РВС Восточного фронта С.И. Гусев, М.М. Лашевич и И.И. Юрнев в телеграмме ЦК РКП(б) возражали против замены С.С. Каменева на посту командующего Восточным фронтом А.А. Самойло. В телеграмме говорилось, что начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев проводит необоснованные замены командиров в армии, а член РВСР и комиссар штаба С.И. Аралов скрепляет их своей подписью (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1982. С. 486. Примечание). Ознакомившись с телеграммой РВС Восточного фронта, Ленин предложил назначить С.С. Каменева командующим Восточным фронтом, сменить начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева, С.И. Аралова заменить М.М. Лашевичем на посту комиссара Полевого штаба (Там же. С. 316).

¹⁹²⁴ То есть С.И. Аралов в качестве военного комиссара Полевого штаба РВСР Л.Д. Троцкий вполне устраивал.

¹⁹²⁵ Л.Д. Троцкий изъявил желание, чтобы М.Д. Бонч-Бруевич стал начальником Полевого штаба РВСР.

¹⁹²⁶ **Кузьмин Николай Николаевич** (1883—1938) — советский партийный, государственный и военный деятель; РСДРП, большевик с 1903. Русский. Из мещан. *Образование*: математический факультет Петербургского университета. *Какие знал специальности*: преподавание математики. *Занятия до 1917* — преподаватель математики. *Членство в партиях*: РСДРП с 1903. Участник революции 1905 г. Во время Октябрьского переворота член Военной организации при ЦК; редактор большевистских газет «Солдатская правда» и «Деревенская беднота». *В советском военном ведомстве* — комиссар штаба Юго-Западного фронта (ноябрь 1917 — март 1918); член Реввоенсовета 6-й армии (формально сентябрь 1918 — апрель 1919, декабрь 1919 — апрель 1920); член РВС Балтийского флота (с апреля 1920), 12-й армии, и. о. команд. 12-й армией; пом. команд. по политической части Балтийского флота (декабрь 1920 — май 1921). *Участие в войнах*: Гражданская война, подавление Kronstadtского восстания (1921). *Награды*: орден Красного знамени. *В межвоенный период*: ст. пом. прокурора Верховного Суда СССР по военной прокуратуре (с 1924), противник бесконтрольной деятельности ГПУ; нач. Политуправления и член Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) Среднеазиатского военного округа (с ноября 1925), позднее нач. Управления военных учебных заведений РККА; член Военного совета Сибирского военного округа (1931—1932); на партийной работе (с 1932); в 1937 — нач. транспортной конторы Омского управления Главсевморпути. Арестован 28 мая 1937. На суде отказался признать себя виновным и подтвердить выбитые из него на следствии показания. 8 февраля 1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян. 26 мая 1956 реабилитирован.

Характеристика из циркуляра РКП(б): «Мало пригоден. Без инициативы. Пригоден на должностях неспециальных и только исполнительных. П[омощни]к начальника Главвоздухфлота по политической части Дубенский. 3 ноября 1920 г.» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 226 об.—227, 228. Анкета уч.-распред. отдела ЦК РКП(б)).

¹⁹²⁷ Заголовок документа.

¹⁹²⁸ Так в тексте.

¹⁹²⁹ На протяжении Гражданской войны профсоюзы осуществляли какие угодно функции, но только не те, которые они должны были осуществлять по определению: принимали участие в создании советских вооруженных сил (прежде всего занимались вербовкой добровольцев в Красную армию, а затем и мобилизацией рабочих) и сформировании местных органов военного управления; осуществляли большой объем агитационно-организаторской работы на районах и фабриках, боролись с голодом, в частности для оказания помощи Наркомату продовольствия создали в августе 1918 г. Военно-продовольственное бюро, организовывали комиссариады и оказывали помощь в сформировании Чрезвычайной комиссии по снабжению и Президиума Высшего совета народного хозяйства, боролись с эпидемиями, ликвидировали неграмотность и создавали систему производственно-технического и профессионального обучения, организовывали работу рабочих клубов, библиотек, читален и т. д. и т. п. (*Носач В.И.* Профсоюзы России: Драматические уроки. 1917—1921 гг. СПб., 2001. С. 119; *Горелов О.И.* Цугцванг Михаила Томского: Штрихи к портрету. М., 2000. С. 67, 69). По убеждению В.И. Носача, «это в какой-то степени было необходимо, но в то же время и бедой профсоюзам» (*Носач В.И.* Указ. соч. С. 119).

¹⁹³⁰ **Нацаренус Сергей Петрович** (1883—1938) — советский партийный и военный деятель. *Членство в партиях*: РСДРП, большевик, с 1904. *На советской работе* — чрезвычайный военный комиссар Мурманско-Беломорского края. *В советском военном ведомстве* — член РВС: 7-й армии (с ноября 1918), Балтийского флота (с декабря 1918); военный комиссар Московского ВО (с марта 1919); военный комиссар Петроградского ВО; член РВС 14-й армии (июнь—ноябрь 1919) и военный комиссар Харьковского ВО (с июля 1919); главный комиссар ВУЗ — главный начальник всех военно-учебных заведений РККА (ноябрь 1919 — март 1920). *В межвоенный период* — на руководящей советской и хозяйственной работе.

¹⁹³¹ Заголовок документа.

¹⁹³² См. док. № 2.4.19.

¹⁹³³ Обладавший даром интриги царский генерал А.А. Самойло направил свое «личное» письмо, представляющее собой по сути доклад, И.И. Вацетису явно в расчете на его использование последним. Место написания публикуемого документа указывает на то, что в противном случае А.А. Самойло было не обязательно вообще что-либо писать: было бы вполне достаточно официального доклада с личным пояснением. Главком, судя по резолюции, сразу же распорядился снять копию с документа и направить ее В.И. Ленину.

¹⁹³⁴ 20 мая 1919 г. Ленин предложил Троцкому вновь назначить Каменева командующим Восточным фронтом, а 29 мая уже телеграфировал членам РВС Восточного фронта С.И. Гусеву, М.М. Лашевичу и И.И. Юреневу в Симбирск о назначении командующим фронтом С.С. Каменева (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 210, 241).

¹⁹³⁵ Военный специалист, в РКП(б) не состоял.

¹⁹³⁶ Ключевая фраза, ставящая под сомнение содержание всего абзаца.

¹⁹³⁷ Так в тексте. Следует: «не стеснялся».

¹⁹³⁸ Командующим 2-й армией был В.И. Шорин.

¹⁹³⁹ Военный специалист, в РКП(б) не состоял.

¹⁹⁴⁰ Не публикуется.

¹⁹⁴¹ Вписано от руки.

¹⁹⁴² Заголовок документа.

¹⁹⁴³ Так в тексте. Следует: «передислоцировать».

¹⁹⁴⁴ Активные деятели Совета рабочей и крестьянской обороны.

¹⁹⁴⁵ Фактически, судя по содержанию, другому члену РВСР — в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 3 июля 1919 г., Э.М. Склянский курировал центральный аппарат управления РККА, и в т. ч. «Всерославштаб (формирование) и ЦУС (снабжение)» (см. док. № 2.3.8).

¹⁹⁴⁶ Цифра вписана С.И. Гусевым.

¹⁹⁴⁷ Датируется по времени введения С.И. Гусева в РВСР.

¹⁹⁴⁸ Телеграмма получена 6 июля 1919 г. в 7 час 20 мин.

¹⁹⁴⁹ Заголовок документа.

¹⁹⁵⁰ То есть решения VII и VIII съездов РКП(б) и V Всероссийского съезда Советов никто не отменял.

¹⁹⁵¹ В.И. Ленин обвел слово кругом.

¹⁹⁵² Л. 1 — сверху, справа.

¹⁹⁵³ Время получения.

¹⁹⁵⁴ **Пневский Николай Вячеславович** (1874—?) — Генерального штаба; нач. штаба Приволжского ВО (апрель—июнь 1918); нач. канцелярии главного начальника снабжений и председатель Технического комитета ЦУС (август 1918 — февраль 1919), по совместительству — пом. управляющего делами РВСР (с февраля 1919); нач. штаба Южного фронта (с июня 1919); пом. управляющего делами РВСР (с ноября 1919); на преподавательской работе (с марта 1924).

¹⁹⁵⁵ Здесь и далее в документе подчеркнутые слова вписаны от руки Л.Д. Троцким.

¹⁹⁵⁶ Я оставляю в стороне третий, наиболее для нас благоприятный в экономическом и политическом отношении вариант: на Екатеринослав, Донецкий бассейн, Таганрог, т. к. соображения о том, что на неустойчивой украинской почве трудно сформировать необходимый кулак, имеют под собой большие или меньшие основания. (Примеч. док.)

¹⁹⁵⁷ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 292—298 (примечание В.Г. Краснова и В.О. Дайнеса).

¹⁹⁵⁸ Вписано от руки поверх заштрихованного «может».

¹⁹⁵⁹ Вписано от руки поверх заштрихованного «серьезные».

¹⁹⁶⁰ А. Нокс называл В.Н. Селивачева «очень уравновешенным по характеру человеком» (*Нокс А.* Указ. соч. С. 569).

¹⁹⁶¹ Получено в 5 час 45 мин.

¹⁹⁶² Копия была направлена Секретарю и члену ЦК РКП(б) Е.Д. Стасовой — таким образом, настоящим адресатом публикуемого документа были ЦК и лично В.И. Ленин.

¹⁹⁶³ Здесь и далее в документе выделенные курсивом слова вписаны М.Н. Бураковой.

¹⁹⁶⁴ Время расшифровки телеграммы.

¹⁹⁶⁵ Так в тексте. М.Н. Буракова — секретарь СНК РСФСР, документ отложен в фонде Секретариата В.И. Ленина.

¹⁹⁶⁶ Дата составления выписки Особым отделом ВЧК.

¹⁹⁶⁷ До 1946 г. — Красная армия.

¹⁹⁶⁸ **Клюев Леонид Лаврович** (1880—1943) — подполковник старой армии, генерал-лейтенант Красной армии. *Членство в партиях:* РКП(б) с 1919 г. Из крестьян. *Образование:* Императорская Николаевская военная академия (1914). *После Октябрьского переворота* — выборный ком. 5-го арм. корпуса. В Красной армии с марта 1918 — пом. Военного руководителя Нижегородского губернского военкомата (с мая 1918); нач. оперативно-разведывательного отдела штаба Южного фронта (с ноября 1918); нач. штаба (с конца декабря 1918), команд. (май—декабрь 1919) 10-й армией; зав. 2-ми Московскими пехотными курсами комсостава РККА (с января 1920); нач. штаба 1-й Конной армии (июнь 1920 — февраль 1921). *В межвоенный период* — на военно-преподавательской и военно-административной работе. *Участие в войнах:* Русско-японская война, Первая мировая война, Гражданская война на стороне красных. *Награды:* орден Красного Знамени за бои в 1919—1920 гг. (1923) (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 260).

¹⁹⁶⁹ Так в тексте.

¹⁹⁷⁰ **Геккер Анатолий Ильич** (1888—1938) — командир Красной армии, комкор. *Членство в партиях:* РСДРП(б) с 1917 г. Из семьи военного врача. *Образование:* военное училище (1909), ускоренный курс Николаевской военной академии (1917). *Участник Первой мировой войны* — штабс-ротмистр. В январе 1918 г. избран команд. 8-й армией на Румынском фронте, с марта 1918 — команд. Донецкой армией, в мае—июле — комиссар Беломорского ВО, с августа — команд. Вологодским тыловым районом, затем войсками Котласского района и Северной Двины, с декабря 1918 — нач. Астраханского УР. В феврале—апреле 1919 — нач. 13-й стр. дивизии, в апреле 1919 — феврале 1920 — команд. 13-й армией. В марте—августе 1920 — нач. штаба войск ВОХР, в сентябре 1920 — мае 1921 — команд. 11-й армией. *В межвоенный период* — на командных должностях. Награды: орден Красного Знамени (1921), ордена Красного Знамени Азербайджанской и Армянской ССР (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1963. С. 141).

¹⁹⁷¹ Так в тексте.

¹⁹⁷² Так в тексте.

¹⁹⁷³ См. док. № 2.4.19.

¹⁹⁷⁴ Заголовок документа.

¹⁹⁷⁵ Так в тексте именуется полковник В.В. Котомин.

¹⁹⁷⁶ Заголовок документа.

¹⁹⁷⁷ Заголовок документа.

¹⁹⁷⁸ Так в тексте.

¹⁹⁷⁹ Так в тексте. Правильно: «разложение».

¹⁹⁸⁰ 24 января 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило текст печально известного документа — циркулярного письма об отношении к казакам, в котором в частности говорилось: «Провести массовый красный террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью» (цит. по: *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». М., 2008. С. 31). Но уже 10 февраля член Реввоенсовета Южного фронта Г.Я. Сокольников телеграфировал В.И. Ленину и Я.М. Свердлову: необычайное обострение отношений между казачьими «стариками» и повернувшимися к Советской власти молодыми фронтовиками требуют серьезной коррективы январской директивы

Оргбюро. Ее пункт о массовом красном терроре «не может быть целиком принят ввиду массовой сдачи казаков полками, сотнями, отдельными группами». Для усиления расслоения казачества Сокольников предложил временно удалить старшие возрасты за пределы Донской области, проведя их «трудовую мобилизацию для общественных работ», и в связи с этим «приступить к постройке и оборудованию концентрационных лагерей» (цит. по: *Генис В.Л.* Рассказывание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 44). Для правоверного партийца это было проявлением либерализма. Массовый красный террор тем не менее был достаточно быстро свернут — причем исполнителями на местах. И.Т. Смилга, судя по публикуемому документу, был склонен к необходимости возобновления массового красного террора в отношении казачества. Отсюда и предложение об усилении Казачьего отдела ВЦИК.

¹⁹⁸¹ См. док. № 2.4.3.

¹⁹⁸² Датируется по содержанию.

¹⁹⁸³ Полевого штаба РВСР.

¹⁹⁸⁴ Наоборот, большевистский ЦК принял сторону С.И. Гусева и М.М. Лашевича.

¹⁹⁸⁵ До конца 1925 г. — РКП(б).

¹⁹⁸⁶ Датируется по времени убийства Л.Д. Троцкого.

¹⁹⁸⁷ Жаль только, Л.Д. Троцкий не пояснил, в чем заключалось «содействие» И.В. Сталина.

¹⁹⁸⁸ Ключевое слово для данного документа. Обратите на него особое внимание.

¹⁹⁸⁹ Это вполне логично.

¹⁹⁹⁰ Это точно.

¹⁹⁹¹ Так в тексте.

¹⁹⁹² Это точно: Л.Д. Троцкий временно предоставил все возможности для самовыражения С.И. Гусеву, ставшему фактическим лидером РВСР в его новом, утвержденном 3 июля Центральным комитетом РКП(б) (см. док. № 2.4.4), составе.

¹⁹⁹³ 4 июля 1919 г. Л.Д. Троцкого поставили в известность о смене главнокомандующего. В отставку он подал 5 июля (В.И. Ленин: Известные документы, 1891—1922. С. 292—293).

¹⁹⁹⁴ Тут Л.Д. Троцкий в очередной раз подчеркнул, что он перемещался с одного опасного участка на другой, предоставляя другим пожинать плоды своих военно-организаторских усилий.

¹⁹⁹⁵ Ключевое слово во всей фразе. В склонности к питию обвиняли только М.М. Лашевича, да и то неизвестно, насколько обвинения эти были обоснованны. Представить себе И.Т. Смилгу за выпивкой с С.С. Каменевым мог только человек с исключительной богатой фантазией — такой, каким и был Л.Д. Троцкий. Здесь и далее в публикуемом фрагменте курсив мой.

¹⁹⁹⁶ Разве что отстаивали его, когда в начале 1919 г. находившиеся в пермской командировке цекисты И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский нашли крамолу не только там, где она была, но и там, где ее не было и в помине.

¹⁹⁹⁷ И.И. Вацетис был переведен в Генштаб только 30 августа 1918 г.

¹⁹⁹⁸ Тут Л.Д. Троцкий имеет в виду и себя — народного комиссара по военным делам.

¹⁹⁹⁹ К ним уж И.В. Сталина не смог приплести даже вооруженный «копиями с копий» документов ЦК Л.Д. Троцкий.

²⁰⁰⁰ На этот вопрос Л.Д. Троцкий действительно ответить не мог, поскольку И.И. Вацетиса он в стратегах не числил, а С.С. Каменева на важнейший технический пост в РККА поставили в пику ему.

²⁰⁰¹ В случае И.И. Вацетиса — отнюдь не штабной.

²⁰⁰² Повышенный и не всегда оправданный оптимизм был характерен для И.И. Вацетиса.

²⁰⁰³ Речь идет о генштабистах 1917 г.

²⁰⁰⁴ Характеристика двух главкомов — пожалуй, наиболее объективный фрагмент публикуемого извлечения из труда Л.Д. Троцкого.

²⁰⁰⁵ Можно даже сказать, что на Восточном фронте Красная армия, собственно, и сформировалась как единый организм. См. исследование А.П. Ненарокова о Восточном фронте.

²⁰⁰⁶ Чем Л.Д. Троцкий точно не страдал, так это, выражаясь по-сталински, немарксистским выпячиванием личности — за исключением тех случаев, когда речь не шла о нем самом.

²⁰⁰⁷ Восточный фронт был создан задолго до свержения Омской директории, приведшего к власти при поддержке английского оккупационного отряда в ноябре 1918 г. «Верховного правителя» А.В. Колчака.

²⁰⁰⁸ Тут было бы весьма кстати упомянуть какие-либо стратегические разногласия осени 1918 г.

²⁰⁰⁹ Здесь Л.Д. Троцкий вернулся к непосредственным событиям весны—лета 1919 г., от которых непонятно зачем вернулся ко времени «Пермской катастрофы» и подготовки вождей к VIII съезду РКП(б).

²⁰¹⁰ Здесь и далее имеется в виду, скорее всего, не правительство, т. е. СНК РСФСР, а ЦК РКП(б).

²⁰¹¹ Так в тексте. Следует: «разгорелся».

²⁰¹² Жаль, что, находясь в своем мавзолее, В.И. Ленин не мог подтвердить это заявление Л.Д. Троцкого.

²⁰¹³ Беспартийный «осудил» члена высшего большевистского руководства.

²⁰¹⁴ Так в тексте.

²⁰¹⁵ Н.Н. Доможиров.

²⁰¹⁶ В 1921 г. Академия Генерального штаба РККА была реорганизована в Военную академию РККА (см. главу 2 части третьей наст. книги).

²⁰¹⁷ Явная ошибка в выстраивании причинно-следственных связей.

²⁰¹⁸ Прекрасно зная, вопреки заверениям, его подоплеку.

²⁰¹⁹ Тут вдруг без «видимо».

²⁰²⁰ Здесь и далее в документе разрядка Л.Д. Троцкого.

²⁰²¹ Если бы это была инициатива И.В. Сталина, вряд ли бы утвердили единогласно.

²⁰²² Проект данного решения был предложен В.И. Лениным, однако протокол совместного заседания Полит- и Оргбюро отсутствует. Очевидно, действительно в протокол решение не вошло, поэтому у Л.Д. Троцкого были все основания считать документ постановлением Политбюро. В РГАСПИ отложился проект с автографами цекистов (см.: В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 292—293).

²⁰²³ Так в тексте. Следует: «начавшееся».

²⁰²⁴ В действительности 5 сентября 1919 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 7. Л. 6).

²⁰²⁵ См. об этом, напр.: *Войтиков С.С.* «Как нам реорганизовать Рабкрин...» // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 59—71.

²⁰²⁶ Л.Д. Троцкому следовало бы хоть чем-то обосновать данный сомнительный тезис.

²⁰²⁷ И.В. Сталин ничего не перелагал на В.И. Ленина, поскольку именно вождь стоял за сменой главкома и принятием каменевско-гусевского плана.

²⁰²⁸ «Верхи партии» в 1923 г. менее всего стремились хвалить Л.Д. Троцкого и признавать его правоту перед В.И. Лениным в каком-либо вопросе.

²⁰²⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 459—460.

²⁰³⁰ Данишевский К.Х., Каменев С.С. Указ. соч. С. 58.

²⁰³¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11070. Л. 1.

²⁰³² Там же. Л. 1—2.

²⁰³³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 49—50.

²⁰³⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 393.

²⁰³⁵ Там же. С. 248—390.

²⁰³⁶ Альтернатива бюро была создана в ноябре 1918 г.: на правах отдела ЦК РКП(б) учреждалось Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б), распространявшее «коммунистические идеи среди трудящихся мусульман». В марте 1919 г. статус этого органа вырос, о чем свидетельствует его переименование в ЦБ коммунистических организаций народов Востока (Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 163).

²⁰³⁷ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 331—332.

²⁰³⁸ Там же. С. 338.

²⁰³⁹ Там же. С. 343.

²⁰⁴⁰ Красная армия в 1920-е годы. С. 73.

²⁰⁴¹ Там же. С. 78—79.

²⁰⁴² См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 156—157; № 8. С. 197.

²⁰⁴³ Протокол заседания ПБ от 15 октября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 165.

²⁰⁴⁴ И добавил: «Настолько чисто стратегические вопросы, что мы смотрели друг на друга с улыбкой, как же так мы превратились в стратегов» (В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 381—382).

²⁰⁴⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 156—157.

²⁰⁴⁶ Там же. С. 163. 13 ноября 1919 г. ПБ постановило сообщить И.В. Сталину, что «Политбюро считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках».

²⁰⁴⁷ Там же. № 8. С. 190.

²⁰⁴⁸ Там же. № 5. С. 157, 161; 1990. № 4. С. 166.

²⁰⁴⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 426—427.

²⁰⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 15. Л. 3 об. На это указывает то обстоятельство, что просьбу Г.Е. Зиновьева о введении в РВС 7-й армии М.М. Лашевича и Н.Н. Кузьмина, 30 октября Политбюро решило обсудить по приезду Л.Д. Троцкого.

²⁰⁵¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. М., 1977. С. 49.

²⁰⁵² Большевицское руководство. Т. 1. С. 110.

²⁰⁵³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 519.

²⁰⁵⁴ Там же. Л. 520.

²⁰⁵⁵ Там же. Л. 521.

²⁰⁵⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 537.

²⁰⁵⁷ Там же. Л. 544.

²⁰⁵⁸ Там же. Л. 546 об.

²⁰⁵⁹ Датируется по содержанию. Судя по расположению черновиков документа в деле из фонда секретариата председателя РВСР (РГВА. Ф. 33987), документ был составлен не ранее 18 — не позднее 20 октября 1919 г.

²⁰⁶⁰ На весь абзац в черновике Л.Д. Троцкий синим карандашом поставил свою визу: «Т».

11 мая 1919 г. Ф.Э. Дзержинский поручил председателю Особого отдела ВЧК М.С. Кедрову «обратить особое внимание на состояние армии на Литовско-Белорусском фронте». Кедров должен был организовать особый отдел в армиях Западного фронта, где, по словам Дзержинского, наблюдались «полная расхлябанность и признаки измены» (Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 118—119).

²⁰⁶¹ **Шорин Василий Иванович** — команд. 2-й армией; команд. Кавказским фронтом; пом. главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (с февраля 1920).

²⁰⁶² Помета в черновике № 2 Л.Д. Троцкого синим карандашом на полях в прямоугольнике: «Главком? Селивачев».

²⁰⁶³ В черновике № 2 Л.Д. Троцкий вписал 3-й пункт синим карандашом.

²⁰⁶⁴ Правда. 1918. 21 (8) июня. № 124.

²⁰⁶⁵ Только с 1 августа 1919 г. было уволено из штаба 49 сотрудников в результате расформирования типографии ПШ и сокращения обслуживающего дома штаба в Серпухове персонала (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 333—333 об.).

²⁰⁶⁶ Если в начале 1919 г. насчитывалось чуть более 20 коммунистов на весь Полевой штаб, теперь их было все же 12 в одном лишь управлении.

²⁰⁶⁷ Около 12 младших служащих — коммунистов Административно-учетного управления Полевого штаба РВСР — по-прежнему находились «в загоне» и чувствовали себя «не в своей тарелке» (РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 20 об.). К тому же на службу и после арестов успешно продолжали пристраивать родственников (см.: Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 472 и др.), хотя иногда с nepoтизмом начинали «бороться» — не очень-то успешно (Там же. Л. 537 об. и др.)

²⁰⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

²⁰⁶⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 380 об.

²⁰⁷⁰ Там же. Д. 27. Л. 466—466 об. К тому же, докладывал С.С. Харитонов начальнику Административно-учетного управления, «в советских учреждениях г. Москвы полное отсутствие письменных принадлежностей, и Полевому штабу грозит опасность через месяц остаться без бумаги, карандашей, лент и других предметов» (Там же. Л. 520).

²⁰⁷¹ **Шапошников Борис Михайлович** (1882—1945) — полковник (1917), Маршал Советского Союза (1940), профессор (1935). Православный. Уроженец г. Златоуста. Из мешан. *Образование*: Красноуфимское промышленное училище (6 классов, 1899), Пермское Александровское реальное училище (7-й класс, 1900); *военное* — Московское юнкерское пехотное училище (1903), Императорская Николаевская военная академия (1910). *В старой армии с 1901. Членство в партиях*: ВКП(б). *В Красной армии с 1918; в период Гражданской и советско-польской войн* — пом. нач. Оперативного управления Штаба Высшего военного совета (с мая 1918); нач. Разведывательного отдела Полевого штаба РВСР (с сентября 1918); ст. пом. заведующего особым делопроизводством Военного отдела Высшей военной инспекции (с ноября 1918); 1-й пом. нач. штаба наркома по военным и морским делам Украины (с мар-

та 1919); нач. разведывательного отдела (с августа 1919), нач. Оперативного управления (с октября 1919) Полевого штаба РВСР. В дальнейшем — 1-й пом. нач. Штаба РККА (с февраля 1921), одновременно военный эксперт советской делегации на Лозаннской конференции в Швейцарии (ноябрь 1922); пом. нач. (с апреля 1924), врид нач. (с сентября 1924) Штаба РККА; зам. команд. (с мая 1925), команд. (с октября 1925) войсками ЛВО; команд. войсками МВО (с мая 1927); нач. Штаба РККА (с мая 1928); команд. войсками ПриВО (с апреля 1931); нач. (с марта 1932) и военком (с мая 1932) Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе; команд. войсками ЛВО (с сентября 1935); нач. Генерального штаба РККА и зам. наркома обороны СССР (с мая 1937), одновременно член Главного военного совета Красной армии (март 1938 — июнь 1940); зам. наркома обороны СССР (с августа 1940). *В годы Великой Отечественной войны* — постоянный советник при Ставке ГК (с июня 1941); нач. штаба Западного направления (июль 1941); нач. Генерального штаба Красной армии и член Ставки ВГК (с июля 1941); зам. наркома обороны СССР (с мая 1942); нач. Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (с июня 1943). *Участие в войнах*: Первая мировая война (контужен в голову разрывом снаряда в октябре 1914), Гражданская война, советско-польская война, Великая Отечественная война.

²⁰⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 199—199 об.

²⁰⁷³ Там же. Л. 403.

²⁰⁷⁴ Там же. Л. 404.

²⁰⁷⁵ См.: Там же. Л. 405 и след.

²⁰⁷⁶ Там же. Л. 463. Записка от 7 декабря 1919 г.: «Уведомляю, что согласно резолюции помнаштареввоенсовет т. [Н.Г.] Хвошинского на переписке о письмоводительнице морского отделения Н.И. Гришинской, командированной для несения службы к моему кабинету, последняя должна быстро научиться писать на машинке, а т. к. она еще в недостаточной степени хорошо работает, то временно освобождена от дежурств по журнальной части впредь до изучения работать (так в тексте, правильно «работы». — С. В.) на пишущей машинке. Начальник Оперативного управления Шапошников, военкомоперупр [подпись].

²⁰⁷⁷ Там же. Л. 423—423 об.

²⁰⁷⁸ **Самсонов (Бабий) Тимофей П.** — советский военный деятель. Украинец. Анархист. *В советском военном ведомстве* — врид зам. нач. (с сентября 1919); врид нач., нач. (с января 1920) Регистрационного управления Полевого штаба при РВСР.

²⁰⁷⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 39.

²⁰⁸⁰ К.Х. Данишевский был назначен помощником начальника Полевого штаба 13 июня 1919 г. постановлением РВСР (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 312).

²⁰⁸¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 38.

²⁰⁸² Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 474 об.—475.

²⁰⁸³ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 209.

²⁰⁸⁴ **Плюсс (Плюс) Михаил Ильич** (1862—?) — генерал-майор (1917). Лютеранин. *Образование*: Ревельское училище им. имп. Екатерины II; *военное* — Виленское пех. юнкерское училище. *В старой армии* с февраля 1880 (офицер с 1883) — обер-офицер 96-го Омского пех. полка; ст. адъютант штаба 24-й пех. дивизии (с ноября 1896); и. д. корпусного коменданта 5-го Сибирского арм. корпуса (с мая 1904); прикомандирован к штабу

войск гвардии и Петербургского ВО (с февраля 1907); смотритель СПб. Николаевского военного госпиталя (с июля 1907); уездный воинский начальник г. Старая Русса (с декабря 1913); пом. дежурного генерала штаба армий Северного фронта (с сентября 1915); в резерве чинов при штабе Петроградского ВО, занимал должность нач. 11-й рабочей бригады. *В советском военном ведомстве* — нач. инспекторского отделения Административно-учетного управления Полевого штаба РВСР (1919). *Участие в войнах*: Русско-японская война, Первая мировая война. *Награды*: орден Св. Анны 3-й ст. (1901); мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. (1905); орден Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905); орден Св. Владимира 3-й ст. (1913).

²⁰⁸⁵ Так в тексте. Правильно: «офицеры».

²⁰⁸⁶ См., напр.: Владимир Ильич Ленин. Т. 7. С. 76 и др.

²⁰⁸⁷ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на Юге России. М., 2003. С. 174.

²⁰⁸⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 68 с об.

²⁰⁸⁹ Там же Д. 70. Л. 563 с об. Особое раздражение вызывали у М.М. Аржанова (и не только у него!) действия ВВИ: «Необходимо раньше создать более или менее сильный аппарат, а потом уже инспектировать его работу».

²⁰⁹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 215 с об.

²⁰⁹¹ Так в тексте. Очевидно, имелось в виду: «предательством».

²⁰⁹² РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 47.

²⁰⁹³ Там же. Л. 47 об.

²⁰⁹⁴ Там же. Д. 21. Л. 20 об. К.Х. Данишевский, судя по его помете, отнеся к данному тезису скептически.

²⁰⁹⁵ См.: Правда. 1919. 10 июля.

²⁰⁹⁶ Заголовок документа.

²⁰⁹⁷ В иных протоколах, отложившихся в ЦАОПИМ, участие Б.В. Леграна не зафиксировано (см., напр.: ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 540. Л. 4—6).

²⁰⁹⁸ Так в тексте.

²⁰⁹⁹ Так в тексте.

²¹⁰⁰ Так в тексте.

²¹⁰¹ Датируется по помете делопроизводителя.

²¹⁰² Заголовок документа.

²¹⁰³ Здесь и далее в документе — подчеркивания К.Х. Данишевского.

²¹⁰⁴ **Семенов Николай Григорьевич** (1874—1938) — команд. 12-й армией Западного фронта (июнь—сентябрь 1919); пом. нач., нач. Административного управления Полевого штаба РВСР (с декабря 1919); позднее — на преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе.

²¹⁰⁵ **Суворов Александр Васильевич** (1730—1800), граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799). Участник Семилетней войны. Во время русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1791) одержал победы при Козлудже (1774), Кинбурне (1787), Фокшанах (1789), Рымнике (1789) и штурмом овладел крепостью Измаил (1790). Во время Итальянского и Швейцарского походов 1799 разбил французские войска на р. Адда и Треббия и при Нови, вышел из окружения, перейдя швейцарские Альпы.

²¹⁰⁶ **Петр Великий** (1672—1725) — царь (с 1682), первый российский император (с 1721). Руководил армией в Азовском походе (1695), Северной войне (1700—1721), Персидском походе (1722—1723).

²¹⁰⁷ К характеристике А.Н. Виноградова относится помета К.Х. Данишевского «доведено Особому отделу и [комиссару] Полевого штаба».

²¹⁰⁸ К последнему предложению относится помета напротив абзаца К.Х. Данишевского: «Решено».

²¹⁰⁹ Далее в документе следуют предложения комиссара по реорганизации управления, доклад комиссара об общих принципах работы.

²¹¹⁰ Напротив предложения помета К.Х. Данишевского: «?!».

²¹¹¹ Заголовков документа.

²¹¹² Имеется в виду Полевой штаб РВСР.

²¹¹³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 57.

²¹¹⁴ *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 68 и след.

²¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 130.

²¹¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 2.

²¹¹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 318.

²¹¹⁸ Там же. Л. 330.

²¹¹⁹ Там же. Л. 153.

²¹²⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 5. Д. 70. Л. 310.

²¹²¹ Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 391.

²¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 21. Л. 1. Сохранена пунктуация подлинника.

²¹²³ Там же. Л. 2. На заседании присутствовали Ленин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Белобородов, Стасова, Петерс, Склянский, Чичерин.

²¹²⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 245.

²¹²⁵ **Анскин (Анский) Адольф Яковлевич** (около 1894—?) — партийный и государственный деятель. Уроженец Лифляндской губернии. В *Красной армии* — военный следователь (с [ноября] 1918), зам. члена (с февраля 1919) РВТР; член, зам. председателя (с мая 1920) РВТР. После Гражданской войны — для особо важных поручений при РВСР, член РВСР; член РВС Каспийского флота (с января 1922); зам. нач. Политуправления Черноморского флота (с января 1923); пом. нач. Военно-морских сил РККА по политчасти (с ноября 1925); пом. нач. РККА по политработе в Военно-морских силах (октябрь 1926 — октябрь 1927).

²¹²⁶ *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? С. 94.

²¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 47.

²¹²⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 432 (Приказ по Полевому штабу от 3 октября 1919 г. № 286); Л. 460 об. (Приказ по Полевому штабу от 23 октября 1919 г. № 294).

²¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 50.

²¹³⁰ Там же. Оп. 3 (ПБ). Д. 24. Л. 1.

²¹³¹ Там же. Оп. 112. Д. 9. Л. 4.

²¹³² См. комментарий В.Н. Хаустова к его авторскому сборнику: Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937—1938. Документы и комментарии. М., 2011. С. 402.

²¹³³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 479 об.

²¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3 (ПБ). Д. 36. Л. 5. В комментариях к сборнику «В.И. Ленин и ВЧК» указано, что Н.Н. Доможирова и Е.И. Исаева 7 ноября 1919 г. амнистировали и направили в распоряжение Полевого штаба (В.И. Ленин и ВЧК. С. 184); Б.И. Кузнецова и А.К. Малышева — освободили под подписку о возвращении к месту службы; Ю.И. Григорьева — амнистировали (Там же. С. 193).

²¹³⁵ *Колтакиди А.И., Прохоров Д.* Указ. соч. С. 86.

²¹³⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 501, 503.

- ²¹³⁷ Там же. Л. 530 об. (Приказ № 309 от 1 декабря 1919 г.).
- ²¹³⁸ Там же. Л. 528.
- ²¹³⁹ Там же. Л. 576 об. (Приказ № 326 от 30 декабря 1919 г.).
- ²¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 4. Вацетис писал Ленину, что «подобная характеристика является для меня такой же неожиданностью, как для всякого, кто меня хорошо знает».
- ²¹⁴¹ Там же. Л. 1—2.
- ²¹⁴² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 384.
- ²¹⁴³ Там же. Л. 385.
- ²¹⁴⁴ См.: Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 191 и след.
- ²¹⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 537 об.
- ²¹⁴⁶ Там же. Л. 459 об.
- ²¹⁴⁷ Там же. Л. 480 (Приказ № 299 от 6 ноября 1919 г.).
- ²¹⁴⁸ Там же. Л. 463 об. (Приказ по Полевому штабу № 295 от 24 октября 1919 г.).
- ²¹⁴⁹ Там же. Л. 576 об. Тем же приказом уволили сотрудника РУ П.Б. Озолина.
- ²¹⁵⁰ Там же. Л. 548.
- ²¹⁵¹ Там же. Л. 556.
- ²¹⁵² Там же. Д. 6.
- ²¹⁵³ Там же. Д. 3. Л. 110. Пр. по Полевому штабу № 70 от 10 декабря 1918 г.
- ²¹⁵⁴ Там же. Д. 36. Л. 564.
- ²¹⁵⁵ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 8а.
- ²¹⁵⁶ Там же. Л. 7.
- ²¹⁵⁷ Там же. Л. 7 об.
- ²¹⁵⁸ Там же. Л. 9.
- ²¹⁵⁹ Там же. Л. 7 об.—8.
- ²¹⁶⁰ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 504.
- ²¹⁶¹ Цит. по: *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 329—330.
- ²¹⁶² РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 203. Л. 188.
- ²¹⁶³ Там же. Л. 188 об.
- ²¹⁶⁴ **Буров Александр Андреевич** — окончил Академию Генерального штаба; руководитель практических занятий по статистике Военной академии РККА; и. д. старшего инспектора (с августа 1924), ст. инспектор (с сентября 1924) Артиллерийского управления Управления снабжений РККА; в резерве при Управлении РККА (с ноября 1924), член 3-й секции Артиллерийского комитета Артиллерийского управления УС РККА (с января 1925); нач. научно-уставного отдела Штаба РККА (с сентября 1926); в распоряжении ГУ РККА (с июня 1927); зачислен на учет по г. Москве (с января 1928). *Участник Гражданской войны*, воевал в рядах армии А.В. Колчака (капитан) (Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 495).
- ²¹⁶⁵ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 20.
- ²¹⁶⁶ *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 121.
- ²¹⁶⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 203. Л. 41 с об.
- ²¹⁶⁸ **Фавицкий Владимир Викторович** — окончил Военную академию РККА (1925); нач. штаба 5-й Кавказской отдельной стр. бригады (с апреля 1922); нач. штаба 12-й арт. дивизии (с августа 1925); пом. нач. Научно-уставного отдела Штаба РККА (с сентября 1926); нач. 3-го отдела 5-го управления Штаба РККА (с октября 1929) (Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 505).

²¹⁶⁹ Например, вместо селения Гогенлинден назван полководец Гогенлинден; Школа Вае-Пу фигурирует как одно из важнейших мировых сражений; в Тильзите в 1807 г. будто бы произошло сражение (вместо мира) и т. п. (*Примеч. док.*)

²¹⁷⁰ Сам Е.И. Мартынов имел большие неприятности вследствие невыполнения плана: вместо 7 п. л. он составил 12 (см.: РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 203. Л. 90 с об.—91 и др.).

²¹⁷¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 203. Л. 734—734 об.

²¹⁷² Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 504.

²¹⁷³ В Литву и Латвию (*см. док. № 3. I. 7*).

²¹⁷⁴ Входящий номер секретариата председателя РВСР — 1549 от 5 февраля 1920 г.

²¹⁷⁵ Правом на объявление амнистии обладал ВЦИК и (по факту) его Президиум, хотя в основном речь шла об оформлении в советском парламенте решений ЦК и его узких коллегий.

²¹⁷⁶ Входящий номер секретариата председателя РВСР — 1550 от 5 февраля 1920 г.

²¹⁷⁷ Здесь и далее в документе слова подчеркнуты синим карандашом — предположительно Л.Д. Троцким.

²¹⁷⁸ Так в тексте.

²¹⁷⁹ **Парский Дмитрий Павлович** (1866—1921) — генерал-лейтенант (1915). Православный. Уроженец Тульской губернии. Из дворян. *Образование*: Орловский Бахтина кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище (1886), Николаевская академия Генерального штаба (1893; по 1-му разряду). *На службе в старой армии* с 1884 (офицер с 1886) — при Киевском ВО; ст. адъютант штаба 34-й пех. дивизии (с апреля 1894); обер-офицер для поручений при штабе 7-го арм. корпуса (с августа 1895), цензовое командование ротой отбывал в 133-м Симферопольском пех. полку (октябрь 1895 — октябрь 1896); ст. адъютант штаба (с ноября 1896), обер-офицер для особых поручений при штабе (с августа 1899) 7-го арм. корпуса; штаб-офицер для поручений при штабе (март—октябрь 1900), ст. адъютант штаба (октябрь 1900 — декабрь 1903) Одесского ВО, цензовое командование батальоном отбывал в 11-м Псковском пех. полку (май—октябрь 1903); прикомандирован к штабу Одесского ВО (декабрь 1903 — ноябрь 1904); ст. адъютант управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии (с ноября 1904); в прикомандировании к Главному штабу (с октября 1905); в прикомандировании к ГУГШ (с июня 1906); делопроизводитель ГУГШ (с августа 1906); ком. 140-го Зарайского пех. полка (с марта 1908); ком. 2-й бригады 46-й пех. дивизии (с июня 1910); нач. 80-й пех. дивизии (с января 1915); в резерве чинов при штабе Киевского ВО (с августа 1915); нач. 55-й пех. дивизии (с октября 1915); ком. Гренадерского корпуса (с февраля 1916); команд. 12-й армией (с июля 1917); команд. 3-й армией (с сентября 1917). *После Октябрьской революции* ВРК категорически потребовал от Д.П. Парского начать мирные переговоры, но встретил решительный отказ — ВРК отстранил генерала от должности 8 ноября 1917 и заменил большевиком С.А. Анучиным. *В Красной гвардии* — *Красной армии* с 1918 (добровольно) — ком. красногвардейскими отрядами под Ямбургом и Нарвой (февраль—март 1918); военный руководитель Северного участка отрядов Завесы (с мая 1918); команд. Северным фронтом (с сентября 1918); отв. редактор Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914—1918

(1919); член Особого совещания при главкоме (1920). Умер от тифа в Москве. Участие в войнах: Русско-японская, Первая мировая. *Награды*: орден на Св. Станислава 3-й ст. (1896), Св. Анны 3-й ст. (1900), Св. Станислава 2-й ст. (1903); Св. Анны 2-й ст. с мечами (1906), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1906), Св. Владимира 3-й ст. (1909, 1910), Св. Станислава 1-й ст. (1913), Св. Анны 1-й ст. с мечами (1914), Св. Георгия 4-й ст. (1915); Георгиевское оружие (1916).

²¹⁸⁰ Чекисты.

²¹⁸¹ Входящий номер секретариата председателя РВСР — 1550 от 5 февраля 1920 г.

²¹⁸² Так в тексте.

²¹⁸³ Старшего класса 2-й очереди военного времени Николаевской военной академии.

²¹⁸⁴ Датируется по времени снятия Г.И. Теодори с поста технического руководителя советской военной разведки.

²¹⁸⁵ Время получения.

²¹⁸⁶ Ф.Э. Держинский, регулярно присутствовавший на заседаниях Совета Оборона, формально членом этого органа в данный период не являлся. Видимо, ошибка Г.И. Теодори связана с тем, что Ф.Э. Держинский вместе с И.В. Сталиным в начале 1919 г. были в командировке на Восточном фронте в качестве членов комиссии ЦК РКП(б) и уполномоченных Совета рабочей и крестьянской Оборона.

²¹⁸⁷ **Фельдман Владимир Дмитриевич** (1894—1937) — старый большевик; врид нач. следственного отделения (на апрель 1919), особоуполномоченный (с сентября 1919) Особого отдела ВЧК; нач. Следственной части (с января 1921) ВЧК (Лубянка. С. 19, 21; *Капчинский О.И.* Госбезопасность изнутри. С. 147).

²¹⁸⁸ Позже нашлись лишь [Д.П.] Парский, [В.А.] Ольдерроге и [Ф.А.] Подгурский (*примеч. док.*).

Подгурский Федор Александрович (1860—?) — генерал-лейтенант. *Образование*: Николаевская академия Генерального штаба (1887). *В советском военном ведомстве* — нач. 2-й Новгородской пех. дивизии (май—июль 1919); пом. главного начальника снабжений (июль 1918 — февраль 1919); в распоряжении председателя ВВИ (с февраля 1919); пом. нач. штаба наркомата по военным и морским делам Украины (1919).

²¹⁸⁹ Полностью подтверждается документами РГВИА (см.: *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство...». С. 32).

²¹⁹⁰ Полностью подтверждается документами РГВИА (см.: Там же. С. 33 и след.).

²¹⁹¹ **Шварц Алексей Владимирович фон** (1874—1953) — генерал-лейтенант, выдающийся военный инженер. *В старой армии* — нач. Главного военно-технического управления (ГВТУ). *В советском военном ведомстве* — нач. ГВТУ; военный руководитель Северного участка и Петроградского района Завесы (1918); по свидетельству начальника оперативного отделения штаба Ф.И. Балабина, антантовец и сторонник демократической республики. В марте 1918 г. бежал на юг России, проживал в Одессе; назначен французским командованием военным губернатором Одессы и команд. русскими войсками в союзной зоне Одессы; с апреля 1919 — в эмиграции. *Участие в войнах*: Русско-японская война, Первая мировая война, Гражданская война (см.: Великая война: Верховные главнокомандующие. С. 391; *Тинченко Я.Ю.* Указ. соч. С. 328).

²¹⁹² **Геруа Борис Владимирович** (1876—?) — генерал-майор (1915) Генерального штаба. Из дворян. *Образование*: Пажеский корпус (1895), Николаевская академия Генерального штаба (1904). *В старой армии* — ком. ротой, зав. офицерской библиотекой, врид батальонного адъютанта Егерского лейб-гвардейского полка; ст. адъютант штаба 2-го армейского корпуса (с 1904); обер-офицер для поручений Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке (с августа 1905); ст. адъютант штаба 42-й пех. дивизии (с 1906); прикомандирован к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук (с 1908); пом. делопроизводителя ГУГШ (с 1909); экстраординарный, ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 1912); ком. Измайловского лейб-гвардейского полка (с 1915); генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии (с 1916). *Участие в войнах*: Русско-японская война, Первая мировая война (Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 345).

²¹⁹³ Впоследствии Шварц, Геруа, убежденные противники «позорного» Брестского мира и гонений на кадровых военных, бежали из Советской России в Добровольческую армию.

²¹⁹⁴ **Энглер Николай Владимирович** (1892—1934) — капитан (по др. данным — ротмистр). Уроженец Гродно. Из семьи офицера. *Образование*: Кадетский корпус, академия Генштаба (1918). *На службе в старой армии* — и. д. штаб-офицера для поручений при штабе, ст. адъютант штаба (февраль—октябрь 1917) 2-го Сибирского арм. корпуса. *В Красной армии* — в штабе Петроградского корпуса (март—[июнь] 1918); и. д. нач. штаба 1-й кав. дивизии, под арестом в ЧК (1921); в резерве Петроградского ВО; пом. нач. учебной части 6-х Петроградских пех. курсов; штатный преподаватель 8-й Петроградской пех. школы (с февраля 1922), преподаватель Военно-политической академии им. Толмачева (на 1930). Арестован как участник «контрреволюционной офицерской организации», приговорен к 10 годам ИТЛ, срок отбывал на Соловках. Умер в заключении. Причиной смерти в свидетельстве указана «открытая форма туберкулеза». В армии Украинской Державы (с [июня] 1918). *Участие в войнах*: Первая мировая война, Гражданская война на стороне белых.

²¹⁹⁵ **Боровский Федор Николаевич** — штабс-ротмистр, генштабист 1917 г. *В старой армии* — обер-офицер 10-го Новгородского драг. полка (на 1910). *В Красной армии* с 1918 (добровольно) — в штабе военрука Ямбургского отряда. *В армии Украинской Державы* (с июня 1918) — ст. адъютант отд. конной бригады (Екатеринослав) (с июля 1918). *В Добровольческой армии и ВСЮР* — ст. адъютант штаба 2-й Терской казачьей дивизии; обер-офицер для поручений при штабе 5-го кав. корпуса (с августа 1919). *В Русской армии* до эвакуации Крыма, после эвакуации — при штабе Кавалерийской дивизии в Галлиполи. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе. Пропал без вести до 1945. *Участие в войнах*: Первая мировая война, Гражданская война на стороне белых.

²¹⁹⁶ **Скоропадский Павел Петрович** (1873—1945) — генерал царской армии, гетман Украины (апрель—декабрь 1918), эмигрировал в Германию.

²¹⁹⁷ Семейство Теодори было родом из Евпатории.

²¹⁹⁸ Очевидно, С.И. Аралова.

²¹⁹⁹ **Муралов Николай Иванович** (1877—1937) — советский партийный и военный деятель. *Членство в партиях*: РСДРП—РСДРП(б) с 1903. *На партийной работе* в Подольске, Москве, Туле. *Во время Октябрьского перево-*

рота — член Московского ВПК и член Революционного штаба, устанавливал Советскую власть в Москве. *В советском военном ведомстве* — военком Московского ВО (с апреля 1918); член РВС: 3-й армии (февраль—август 1919), отд. группы Восточного фронта (август—сентябрь 1919), по совместительству — член РВС 12-й армии (сентябрь 1919 — июль 1920); член коллегии Наркомзема (с июля 1920). *В межвоенный период* — команд. войсками МВО; команд. войсками СКВО; на др. ответственных постах. Исключен как активный деятель троцкистской оппозиции (1927). Репрессирован. Расстрелян.

²²⁰⁰ Вопрос о переводе «соколов» попытался решить Оперод Наркомвоена, однако в итоге вопрос был непосредственно согласован Л.Д. Троцким с И.В. Сталиным — обменом телеграммами.

²²⁰¹ **Боярский Александр Федорович** — комиссар Управления начальника штаба Верховного главнокомандующего при Полевом Революционном штабе (с дек. 1917); зав. отделением снабжения Оперода Наркомвоена; военный комиссар управления инспектора радиотелеграфа действующих армий (с 10 ноября 1918) (РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 85. Пр. по Полевому штабу № 54 от 20 ноября 1918).

²²⁰² Имеются в виду события 6—7 июля 1918 г., т. н. «мятеж левых социалистов-революционеров».

²²⁰³ В.П. Павулан вернулся из командировки в Курск и Львов 6 июля 1918 г. (Левые эсеры и ВЧК. С. 94).

²²⁰⁴ Данные об этом в настоящее время исследователями не выявлены.

²²⁰⁵ Об этом Г.И. Теодори было выгоднее умолчать.

²²⁰⁶ Здесь Г.И. Теодори лукавит: С.И. Аралов все время старался переложить на него ответственность за работу Оперода Наркомвоена (см.: Рапорт консультанта Регистрационного управления ПШ РВСР Г.И. Теодори члену РВСР С.И. Аралову с просьбой завизировать требование служащих А.Ф. Боярского и Полуторного от 24 декабря 1918 г. — РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 42).

²²⁰⁷ См.: *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство...». С. 33—34.

²²⁰⁸ Смысл не вполне ясен.

²²⁰⁹ **Батурин Николай Николаевич** — старый большевик, соратник Я.М. Свердлова; зав. военно-цензурным отделением Оперода Наркомвоена; зав. отделом военной цензуры Полевого штаба РВСР — РВСР, после реорганизации отдела в управление Полевого штаба РВСР — нач. Управления военной цензуры Полевого штаба РВСР (с сентября 1920).

²²¹⁰ Из мемуаров С.И. Аралова: «Ежедневно шли сотни телеграмм, приезжали увешанные гранатами, маузерами, пулеметными лентами матросы, солдаты, начальники существующих и несуществующих отрядов, главковерхи, командированные от различных районов. Всех надо было выслушать, просьбы одних удовлетворить, просьбы других отвергнуть, доказать, что у них и отряда-то нет или есть всего 50 человек, а командир его требует 1000 винтовок. Приходили анархисты, эсеры, ругались и доказывали, что только они умеют воевать, что они в два счета разбили бы врага, если бы им не мешали это делать. Голова пухла от всех этих разговоров, требований, угроз» (*Аралов С.И.* Указ. соч. С. 52).

²²¹¹ **Пархоменко Александр Яковлевич** (1886—1921) — член РСДРП с 1904, большевик. Из крестьян. С 1900 рабочий Луганского паровозостроительно-

го завода, активный участник революционного движения, организатор боевой дружины (1905—1907), руководитель восстания в с. Макаров Яр. Неподобно арестовывался. В 1916 — один из руководителей политической стачки на Луганском патронном заводе, за что был направлен в армию. Во время Февральской революции 1917 с отрядом революционных солдат разрушил Марьинский полицейский участок в Москве. По возвращении в Луганск организовал отряды Красной гвардии, участвовал в установлении Советской власти в Донбассе, в борьбе против калединщины и Центральной рады. Летом 1918 командир отряда, бронепоезда и особоуполномоченный штаба 5-й Украинской армии в боях с германскими оккупантами и при обороне Царицына. Летом — в начале осени 1918 г. — в Москве, организатор снабжения Северокавказского военно-окружного комиссариата, направлен к В.И. Ленину И.В. Сталиным. Именно в этом качестве Пархоменко знал Теодори. С октября 1918 Пархоменко — особоуполномоченный РВС 10-й армии. С января 1919 Харьковский губвоенком, с марта — уполномоченный по снабжению Харьковского ВО; ком. группой войск при разгроме григорьевщины, затем Харьковской крепостной зоной. С декабря 1919 г. особоуполномоченный РВС 1-й Конной армии, с апреля 1920 г. начальник 14-й кав. дивизии. Погиб в бою с махновцами. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

²²¹² 7 августа 1918 г. И.В. Сталин как член Военного совета Северокавказского военного округа выдал А.Я. Пархоменко мандат на командировку в Москву в Наркомат по военным делам и другие военные учреждения РСФСР «по делам розыска и направления военных грузов на имя Военного совета Севкавокра», а также для получения «вооружения, снаряжения и прочего имущества для нужд армии Северокавказского округа» (Документы о героической обороне Царицына в 1918 году / Сост. Э. Генкина, Н. Трусова. М., 1942. С. 107). В биографической хронике В.И. Ленина сведения о посещении председателя Совета народных комиссаров Георгием Теодори отсутствуют.

²²¹³ **Кавтарадзе Г.К.** — обер-офицер.

²²¹⁴ См. материалы: РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6.

²²¹⁵ Поскольку Г.И. Теодори был арестован в марте 1919 г., видимо, он имел в виду годовщины Октябрьской революции и Красной армии.

²²¹⁶ Очевидно, не честолюбив, но амбициозен.

²²¹⁷ Это утверждение несомненно.

²²¹⁸ Второе издание труда Г.И. Теодори состоялось только в 1927 г. (см.: Военно-топографические разведки. 2-е изд. М., 1927).

²²¹⁹ **«Военное дело»** — популярный русскоязычный военный (военно-научный) журнал о военном деле, печатный орган Наркомвоена по части Генерального штаба. Первый номер вышел в свет 1 июня 1918 г. Издавался раз в неделю. До 1920 г. был единственным периодическим изданием в Советской России, рассчитанным на широкий круг читателей, и предназначался для командного и политического состава РККА. Основные задачи журнала состояли в разъяснении политики и деятельности РКП(б) и советского правительства по вопросам военного строительства РККА, методики обучения и воспитания личного состава, освещения теории и практики применения войск РККА, применение военного дела за рубежом. Позднее — «Военно-научный журнал РККА» (март 1920 — 1921 г.); «Военная наука и революция» (1921—1922 гг.); «Военная мысль и революция»

(1922—1925 гг.); «Война и революция» (1925—1936 гг.); «Военная мысль» (с 1936 г.).

²²²⁰ Так в тексте. Очевидно, имелось в виду: «конспективном».

²²²¹ Снаружи — красных, а внутри — белых офицеров.

²²²² Регистрационное управление было единственным управлением Полевого штаба, которое с момента своей организации дислоцировалось в Москве. Остальные управления Полевого штаба вплоть до июля 1919 г. дислоцировались в подмосковном г. Серпухове. Аристократка по происхождению В.П. Троицкая находилась в январе 1919 г. на подозрении политических работников Полевого штаба, и в т. ч. заведующего Отделом военного контроля Регистрационного управления В.Х. Штейнгардта. Доказательства в шпионаже Троицкой были налицо: ее, служившую в одном из инспекторских отделов, «не раз заставали в оперативном отделении, где она рассматривала секретные карты и телеграммы» (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 4).

²²²³ Так в тексте.

²²²⁴ Достаточно полный анализ вышедших в постсоветские годы книг о М.Н. Тухачевском см.: *Назаренко К.Б.* Михаил Николаевич Тухачевский. Между мифом и исторической наукой // Новейшая история России. 2015. № 3(14). С. 55—68.

²²²⁵ *Арватова-Тухачевская Е.Н., Тухачевская О.Н.* Он любил жизнь // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 10, 14.

²²²⁶ Там же. Указ. соч. С. 17.

²²²⁷ Там же. С. 18.

²²²⁸ Цитируются воспоминания однокашника Тухачевского по 1-й Пензенской гимназии С. Островского (цит. по: *Горелик Я.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. Саратов, 1986. С. 8).

²²²⁹ Там же. С. 10.

²²³⁰ *Арватова-Тухачевская Е.Н., Тухачевская О.Н.* Указ. соч. С. 13.

²²³¹ [*Посторонкин В.Н.*] Неизвестное о М.Н. Тухачевском (документы юнкерской службы) / Публ. В.А. Алексеева // ВИЖ. 1990. № 12. С. 89.

²²³² Там же.

²²³³ *Иоффе Г.З.* Революция и семья Романовых. С. 323.

²²³⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 39.

²²³⁵ *Бокова В.М.* Указ. соч. С. 108.

²²³⁶ *Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 35.

²²³⁷ *Гучков А.И.* Речь по законопроекту об увеличении содержания офицерскому составу армии. (Заседание 17 декабря 1908 года) // Гучков А.И. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва. 1908—1912. Пг., 1915. С. 41.

²²³⁸ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 417.

²²³⁹ См.: *Каминский В.В.* Указ. соч.

²²⁴⁰ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 417; *Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 35.

²²⁴¹ Незабываемое. Ч. 1 / Авт.-сост. Н.Д. Курносов: CD-диск. М.: Главархив Москвы.

²²⁴² *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 111.

²²⁴³ 7 ноября 1918 г. большевик А.И. Тодорский, в то время находившийся на работе в Весьегонском уезде Тверской губернии, издал к годовщине Октября книжку «Год с винтовкой и плугом». В ней рассказывалось о при-

влечении к воссозданию местного завода буржуазии и был сделан вывод: «Это еще полдела — мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. С. 32—33). На прогрессивный опыт всеъегонцев весной 1922 г. обратил внимание товарищей по партии сам В.И. Ленин, указавший: «Даже в 1918 г., когда это было сказано всеъегонским товарищем, это было полдела, а теперь — это даже меньше, чем четверть дела. Мы должны заставить [буржуазию] сделать так, чтобы [ее] руками работать на нас, а не так, чтобы ответственные коммунары стояли во главе, имели чины, а плыли по течению с буржуазией. Вот в этом — вся суть. Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море» (Там же. С. 33).

²²⁴⁴ См. подр.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923 гг. М., 2000. С. 427.

²²⁴⁵ *Тодорский А.И.* Маршал Тухачевский. М., 1963. С. 14.

²²⁴⁶ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 38, 39.

²²⁴⁷ Там же. С. 41.

²²⁴⁸ См., напр.: *Нокс А.* Указ. соч. С. 143, 161 и след.

²²⁴⁹ Там же. С. 161.

²²⁵⁰ Там же. С. 170.

²²⁵¹ Там же. С. 162.

²²⁵² Там же.

²²⁵³ Там же. С. 216.

²²⁵⁴ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 44.

²²⁵⁵ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 43—44.

²²⁵⁶ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 44—45.

²²⁵⁷ Прасныш — уездный город Плоцкой губернии Царства Польского (в настоящее время — г. Прасныш в Мазовецком воеводстве Польши). Здесь 7(20) февраля — 17(30) марта 1915 г. русской армией была осуществлена наступательная Праснышская операция.

²²⁵⁸ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 45.

²²⁵⁹ *Нокс А.* Указ. соч. С. 283.

²²⁶⁰ При взятии Прасныша 15 июля 1915 г. (см.: *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 142).

²²⁶¹ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 43—44.

²²⁶² *Нокс А.* Указ. соч. С. 137.

²²⁶³ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 44.

²²⁶⁴ Цит. по: *Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 43.

²²⁶⁵ Цит. по: *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 44.

²²⁶⁶ Генерал Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 46 и след.

²²⁶⁷ *Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 43.

²²⁶⁸ *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 18.

²²⁶⁹ Там же.

²²⁷⁰ *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. СПб., 2008. С. 83.

²²⁷¹ Цит. по: Там же. С. 86.

²²⁷² Там же.

²²⁷³ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2014. С. 376.

²²⁷⁴ *Кантор Ю.З.* Указ. соч. С. 87.

²²⁷⁵ *Норд Л.А.* Указ. соч. С. 53.

²²⁷⁶ *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. С. 241.

- 2277 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 23.
- 2278 *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. 1-е изд. М., 1985. С. 13.
- 2279 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 24.
- 2280 Там же.
- 2281 *Чапкевич Е.Н.* Указ. соч. С. 15.
- 2282 *Типольт А.А.* Такое не забывается // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 20—21.
- 2283 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 24.
- 2284 *Иванов В.М.* Указ. соч. 1-е изд. С. 16.
- 2285 *Кулябко Н.Н.* Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 28.
- 2286 Там же.
- 2287 РГВА. Сб. приказов РВСР за 1919 г. Приказ РВСР № 62.
- 2288 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 25.
- 2289 См.: ЦАОПИМ. Ф. 88. Оп. 1.
- 2290 *Иванов В.М.* Указ. соч. 1-е изд. С. 19.
- 2291 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 30.
- 2292 См.: *Кантор Ю.З.* Указ. соч. С. 109.
- 2293 См.: *Войтиков С.С.* «Это Вам, слава Богу, не заседание Президиума ВЦИК» // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 37—48.
- 2294 *Городецкий Е.Н., Шаранов Ю.Я.* Яков Михайлович Свердлов. Свердловск, 1981. С. 70.
- 2295 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 324.
- 2296 *Троцкий Л.Д.* Памяти Свердлова.
- 2297 Позднее М.Н. Тухачевский служил под началом М.В. Фрунзе, отношения с которым, как и с В.В. Куйбышевым, у него вполне сложились.
- 2298 Цит. по: *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 25.
- 2299 Там же. С. 27.
- 2300 Там же.
- 2301 *Иванов В.М.* Указ. соч. 1-е изд. С. 33.
- 2302 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 33.
- 2303 Там же.
- 2304 *Кулябко Н.Н.* Указ. соч. С. 29.
- 2305 *Иванов В.М.* Указ. соч. 1-е изд. С. 36.
- 2306 *Чистов Б.Н.* Командарм-коммунист // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 33.
- 2307 *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 34.
- 2308 *Чистов Б.Н.* Указ. соч. С. 35.
- 2309 *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 94—95.
- 2310 *Чистов Б.Н.* Указ. соч. С. 36.
- 2311 Цит. по: *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 40.
- 2312 Там же. С. 36.
- 2313 Копия доклада была направлена В.И. Ленину 15 ноября 1919 г. (*Тухачевский М.Н.* Избр. произв. Т. 1. М., 1964. С. 7).
- 2314 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11735. Л. 3.
- 2315 Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 491.
- 2316 См. состав участников заседания РВСР от 3 августа 1919 г., когда было принято решение о награждении в день годовщины 5-й армии М.Н. Тухачевского Орденом Красного Знамени (Там же. С. 293).

- ²³¹⁷ Норд Л.А. Указ. соч. С. 70.
- ²³¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 13.
- ²³¹⁹ Л.Д. Троцкий внял ходатайству Н.П. Теодори и попытался, по крайней мере, узнать о действиях чекистов в отношении Г.И. Теодори только в 1920 г. (см. док. № 3.1.6 и приложения к нему).
- ²³²⁰ См., напр.: Минаков С.Т. Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2006; Он же. За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999.
- ²³²¹ См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 68 и след.
- ²³²² См., напр.: док. № 3.2.1; Кавтарадзе А.Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 33—34.
- ²³²³ Иванов В.М. Указ. соч. 1-е изд. С. 49.
- ²³²⁴ См., напр.: Тодорский А.И. Указ. соч. С. 17, 51—52.
- ²³²⁵ Там же. С. 51—52.
- ²³²⁶ Точная цитата: «Очень часто мы (большевики. — С. В.) дискутируем по этикеткам, по значкам, по символам, которые фигурируют в печати, в то время как мы дискутируем, по существу дела, по другим вопросам» (XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 133).
- ²³²⁷ Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Указ. соч. С. 132.
- ²³²⁸ Кантор Ю.З. Указ. соч. С. 160.
- ²³²⁹ См.: М.В. Фрунзе и И.В. Сталин. Последние письма (октябрь 1925 г.) / Публ. С.С. Войтикова // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 98—112.
- ²³³⁰ Тодорский А.И. Указ. соч. С. 74.
- ²³³¹ Цит. по: Там же. С. 74—75.
- ²³³² Там же. С. 75.
- ²³³³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 5997. Л. 6 об.
- ²³³⁴ Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 62.
- ²³³⁵ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. См. подр.: Войтиков С.С. Отечественные спецслужбы и Красная армия. М., 2010.
- ²³³⁶ См.: Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку. 1996. № 3. С. 65—73.
- ²³³⁷ Тухачевский М.Н. Война классов: Ст. 1919—1920 г. М., 1921. С. 36.
- ²³³⁸ См.: Войтиков С.С. «Разногласие есть и вынесено в печать» // Новейшая история России. 2014. № 2(10). С. 8—24.
- ²³³⁹ Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 205.
- ²³⁴⁰ См.: Мельтохов М.И. 17 сентября 1939 г.: Советско-польские конфликты 1918—1939. М., 2009. С. 101.
- ²³⁴¹ См.: Тухачевский М.Н. Война классов. С. 134, 136.
- ²³⁴² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 329.
- ²³⁴³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. М., 1977. С. 245.
- ²³⁴⁴ Большевицкое руководство. Переписка... С. 116.
- ²³⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 341.
- ²³⁴⁶ Левандовский Михаил Карлович (1890—1937) — советский военачальник, командарм 2-го ранга. Членство в партиях: эсеров-максималистов (1918—1920), РКП(б) с 1920 г. Окончил военное училище (1912). Участник Первой мировой войны — штабс-капитан. В Красной армии с февраля 1918 — формировал отряды Красной армии в Грозненском районе, военком Гроз-

ного и Владикавказа; нарком по военным делам Терской советской республики (с августа 1918), командовал Владикавказско-Грозненской группой войск (август—декабрь 1918); команд. 11-й армией (январь—февраль 1919); команд. 1-й Особой кав. (февраль—март 1919), 7-й кав. (апрель 1919), 33-й стр. (май 1919 — март 1920) дивизиями; команд. 11-й армией (март—июль 1920); команд. 9-й армией (с перерывами), Терской группой войск, Терско-Дагестанской группой войск (январь—март 1921); команд. 10-й армией (март—апрель 1921). *В межвоенный период* — на командных должностях, член Военного совета при наркомате обороны СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован. *Награды*: Орден Красного Знамени (1920), Орден Красного Знамени Азербайджанской ССР (1921) (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1963. С. 319).

²³⁴⁷ **Уборевич Иероним Петрович** (1896—1937) — советский военачальник, командарм 1-го ранга (1935). Литовец. Из крестьян (уроженец деревни Антандрия Зарасайского уезда Ковенской губернии). *Членство в партиях*: РСДРП(б) с марта 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. Окончил артиллерийское училище (1916). *Участник Первой мировой войны* — подпоручик. В январе—феврале 1918 участвовал в боях с белогвардейцами и румынскими оккупантами. С августа 1918 — инструктор артиллерии на Северном фронте и ком. тяжелой батареи, в сентябре—декабре 1918 — ком. Нижне-Двинской бригады; в декабре 1918 — сентябре 1919 — нач. 18-й стр. дивизии; в октябре 1919 — феврале 1920 — команд. 14-й армией, в марте—апреле 1920 — команд. 9-й армией; в апреле—июле 1920 г. — команд. 14-й армией, в июле—ноябре — 13-й армией, в ноябре—декабре — 14-й армией; в январе — апреле 1921 пом. команд. войсками Украины и Крыма; с конца апреля 1921 — зам. команд. войсками Тамбовской губернии; летом 1921 — команд. войсками Минской губернии; в августе 1921 — августе 1922 — команд. 5-й армией и войсками Восточно-Сибирского ВО; в августе—ноябре 1922 — военный министр и главнокоманд. Народно-революционной армией Дальневосточной Республики, член Дальбюро ЦК РКП(б). *В межвоенный период* — команд. войсками Северокавказского ВО (1925—1928); команд. войсками Московского ВО (1928—1930); зам. председателя РВС СССР и нач. вооружений РККА (1930—1931); команд. войсками Белорусского ВО (1931—1937); команд. войсками Среднеазиатского ВО (1937). *Награды*: три ордена Красного Знамени (1919, 1920, 1922), почетное революционное оружие (1920). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 607; *Горячев Ю.В.* Указ. соч. С. 398, 399).

²³⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 343.

²³⁴⁹ *Никулин Л.В.* Тухачевский. С. 156—157.

²³⁵⁰ *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 64.

²³⁵¹ См.: *Назаров О.Г.* Литературная одиссея // Военно-исторический архив. 2015. № 12. С. 91.

²³⁵² *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных переговорах. Т. 1. С. 278.

²³⁵³ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 721. Л. 67.

²³⁵⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 51. М., 1970. С. 205.

²³⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 359. 6 июня Врангель высадил десант южнее Мелитополя, 7-го сделал попытку прорвать перекопский фронт и потеснил советские части. 8 июня И.В. Сталин телеграфировал В.И. Ленину:

«Чудак главком, испугавшись крымского инцидента и торговавшийся со мной из-за одной дивизии, дает теперь сразу две дивизии. Хорошо иметь дело с чудачком. Думаю, что наши дела должны улучшиться» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 362). 10 июня, впрочем, текст уже был иной: «Дней десять назад я потребовал для Югозапа две или одну дивизию, но безуспешно, теперь, через 10 дней, главком готов дать даже 3 дивизии, но т. к. за 10 дней противник развил успех, заняв Мелитополь, боюсь, что теперь не хватит даже трех дивизий, ибо потеря времени никогда не проходит даром. Хотелось бы, чтобы этот урок для нас также не прошел даром» (Там же. Л. 364).

²³⁵⁶ *Тухачевский М.Н.* Война классов. С. 139.

²³⁵⁷ Там же. С. 140.

²³⁵⁸ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 2. М., 1999. С. 82.

²³⁵⁹ *Тухачевский М.Н.* Война классов. С. 139.

²³⁶⁰ Там же.

²³⁶¹ Там же.

²³⁶² *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 66.

²³⁶³ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 87.

²³⁶⁴ Там же. С. 88—89.

²³⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 378.

²³⁶⁶ Там же. Д. 278А. Л. 211.

²³⁶⁷ *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 66.

²³⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 284. Л. 385.

²³⁶⁹ *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 291.

²³⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 278А. Л. 254.

²³⁷¹ *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 291.

²³⁷² Десятый съезд РКП(б): Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 24.

У А.И. Тодорского данная цитата приводится с купюрами.

²³⁷³ *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 67.

²³⁷⁴ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 153—154.

²³⁷⁵ Там же. С. 162.

²³⁷⁶ Там же. С. 167—168.

²³⁷⁷ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 160.

²³⁷⁸ Цит. по: Там же. С. 160—161.

²³⁷⁹ См., напр.: *Пилсудский Ю.* 1920 год // Пилсудский против Тухачевского (Два взгляда на советско-польскую войну 1920 года) / Ред. В.О. Дайнес. М., 1991. С. 232.

²³⁸⁰ Там же. С. 81.

²³⁸¹ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 167.

²³⁸² *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. 165.

²³⁸³ Цит. по: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 2. С. 15.

²³⁸⁴ *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918—1921. СПб., 2002. С. 482.

²³⁸⁵ Там же. С. 484.

²³⁸⁶ Там же. С. 536.

²³⁸⁷ Там же. С. 651—562.

²³⁸⁸ Ю.А. Щетинов и Б.А. Старков, проанализировавшие взгляды цекистов на перспективы советско-польской войны на основании IX конференции РКП(б), справедливо заметили в 1990 г.: «Весна и лето 1920 г. в известном смысле вообще были временем переломным. К сожалению, все еще не опубликованы многие материалы, которые могли бы пролить свет

на важные стороны формирования политики партии в тот период» (*Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 143).

²³⁸⁹ Е.А. Преображенский. Архивные документы и материалы. 1886—1920 гг. М., 2006. С. 347—353. Дневниковые записи Преображенского проанализированы в книге: *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. С. 224—237.

²³⁹⁰ См.: Красноармейцы в польском плену в 1919—1921 гг. Сборник документов и материалов / Отв. сост. Г.Ф. Матвеев, Н.С. Тархова. М.; СПб., 2004.

²³⁹¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. С. 256. РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 3. Л. 35.

²³⁹³ См.: *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. С. 224—237.

²³⁹⁴ *Тодорский А.И.* Указ. соч. С. 5.

²³⁹⁵ Там же. С. 67—68.

²³⁹⁶ Там же. С. 68.

²³⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 278А. Л. 255.

²³⁹⁸ Там же.

²³⁹⁹ *Пилсудский Ю.* Указ. соч. С. 80.

²⁴⁰⁰ *Дайнес В.О.* Противостояние // Пилсудский против Тухачевского (Два взгляда на советско-польскую войну 1920 года). М., 1991. С. 12.

²⁴⁰¹ Там же. С. 13.

²⁴⁰² *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 104.

²⁴⁰³ Там же. С. 284.

²⁴⁰⁴ *Кантор Ю.З.* Указ. соч. С. 210.

²⁴⁰⁵ Правда. 1921. 5 апреля.

²⁴⁰⁶ *Кантор Ю.З.* Указ. соч. С. 211.

²⁴⁰⁷ См.: Там же. С. 237.

²⁴⁰⁸ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 191—192. Датируется по следующему документу, который цитируется в главе.

²⁴⁰⁹ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. М., 1999. С. 429.

²⁴¹⁰ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 10. Предисловие С. Бирюзова.

²⁴¹¹ Цит. по: *Кантор Ю.З.* Указ. соч. С. 255.

²⁴¹² См., напр.: *Никулин Л.В.* Тухачевский. М., 1964. С. 122, 123.

²⁴¹³ Цит. по: Там же. С. 123.

²⁴¹⁴ *Норд Л.А.* Указ. соч. С. 64.

²⁴¹⁵ Там же. С. 64.

²⁴¹⁶ «Красная армия четко знает свою цель и упорно стремится к ее достижению» / Публ. Ю.З. Кантор // Исторический архив. 2006. № 3. С. 87. Заметим все же, что неизменно холеный и сдержанный «айсберг», начавший свой славный путь в армии с кавалерии, до конца своих дней не мог обходиться без изображений лошадиных голов и обнаженных женщин, поэтому канонический образ расчесанного на прямой пробор старца с поджатыми губами не вполне соответствует реальной личности единственного военспеца, к которому И.В. Сталин неизменно обращался по имени-отчеству в конце 1930-х гг. и позднее (до этого еще как минимум к Н.Н. Петину). Для воссоздания реального облика Б.М. Шапошникова следует взглянуть и на фотографии бравого усатого кавалериста, сделанные до начала Первой мировой войны.

- ²⁴¹⁷ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923 гг. С. 215.
- ²⁴¹⁸ Датируется по времени переименования академии и назначения М.Н. Тухачевского ее начальником (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923 гг. С. 215).
- ²⁴¹⁹ «Сделано даже больше того, что можно было ожидать»: Отчет о деятельности Академии Генерального штаба РККА за 1918—1920 гг. / Публ. В.А. Арцыбашева, И.С. Даниленко // Исторический архив. 2012. № 4. С. 116.
- ²⁴²⁰ Там же. С. 114.
- ²⁴²¹ Там же. С. 116.
- ²⁴²² Там же. С. 111 (введение).
- ²⁴²³ Там же. С. 120.
- ²⁴²⁴ Там же. С. 132.
- ²⁴²⁵ Там же. С. 122.
- ²⁴²⁶ Там же. С. 111 (введение).
- ²⁴²⁷ Там же. С. 139.
- ²⁴²⁸ См. подр.: Там же. С. 123, 124.
- ²⁴²⁹ Там же. С. 129.
- ²⁴³⁰ Там же. С. 141.
- ²⁴³¹ Там же. С. 143.
- ²⁴³² Там же. С. 143—144.
- ²⁴³³ Цит. по: Документы о героической обороне Царицына в 1918 году. С. 162.
- ²⁴³⁴ *Восленский М.С.* Указ. соч. С. 227.
- ²⁴³⁵ См. о ЦИТ, напр.: «Партийный губернатор Москвы» Георгий Попов / Авт.-сост. Е.В. Таранов. М., 2004. С. 128, 129.
- ²⁴³⁶ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.
- ²⁴³⁷ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. С. 412.
- ²⁴³⁸ ЦАОПИМ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 227. Л. 3.
- ²⁴³⁹ «Сделано даже больше того, что можно было ожидать». С. 147.
- ²⁴⁴⁰ Там же. С. 147.
- ²⁴⁴¹ *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд. М., 1990. С. 201.
- ²⁴⁴² «Сделано даже больше того, что можно было ожидать». С. 111—112.
- ²⁴⁴³ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923 гг. С. 214.
- ²⁴⁴⁴ Там же. С. 214, 215.
- ²⁴⁴⁵ См. подр.: Там же. С. 211—212.
- ²⁴⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 217.
- ²⁴⁴⁷ Там же. С. 216.
- ²⁴⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 217.
- ²⁴⁴⁹ Там же.
- ²⁴⁵⁰ См. подр.: Там же. С. 216.
- ²⁴⁵¹ Цит. по: Там же. С. 217.
- ²⁴⁵² Там же. С. 215—216.
- ²⁴⁵³ Там же. С. 217.
- ²⁴⁵⁴ *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд. М., 1990. С. 201.
- ²⁴⁵⁵ Цит. по: Там же. С. 202.
- ²⁴⁵⁶ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 201.
- ²⁴⁵⁷ Там же.
- ²⁴⁵⁸ Там же. С. 202.
- ²⁴⁵⁹ Там же. С. 202—203.
- ²⁴⁶⁰ *Тухачевский М.Н.* Война классов. С. 137.

- ²⁴⁶¹ *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд. С. 202.
- ²⁴⁶² Там же.
- ²⁴⁶³ Там же. С. 203.
- ²⁴⁶⁴ Там же.
- ²⁴⁶⁵ Там же. С. 207.
- ²⁴⁶⁶ Там же.
- ²⁴⁶⁷ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 205. Тот же Н.И. Корицкий вспоминал, что в годы Гражданской «находил Михаил Николаевич время и для систематического изучения военной теории. Это как бы органически включалось в текущую практическую работу. На письменном столе Тухачевского всегда была та или иная книга, относившаяся к разрабатываемому им в данный момент вопрос (*Корицкий Н.И.* В дни войны и мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. С. 65).
- ²⁴⁶⁸ «Сделано даже больше того, что можно было ожидать». С. 111—112.
- ²⁴⁶⁹ В.И. Ленин: Неизвестные документы, 1891—1922. С. 417.
- ²⁴⁷⁰ Там же. С. 418.
- ²⁴⁷¹ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 7. Л. 66—68.
- ²⁴⁷² ЦАОПИМ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 102. Л. 29.
- ²⁴⁷³ ЦАОПИМ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 104. Л. 62.
- ²⁴⁷⁴ Там же.
- ²⁴⁷⁵ *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд. С. 222.
- ²⁴⁷⁶ Автограф Румянцева.
- ²⁴⁷⁷ ЦАОПИМ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 105. Л. 12 с об.
- ²⁴⁷⁸ Там же. Л. 13.
- ²⁴⁷⁹ Там же. Д. 107. Л. 46.
- ²⁴⁸⁰ Там же. Л. 51 с об.
- ²⁴⁸¹ *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 282.
- ²⁴⁸² Там же. С. 283.
- ²⁴⁸³ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923 гг. С. 321.
- ²⁴⁸⁴ Там же. С. 329.
- ²⁴⁸⁵ См., напр.: Там же. С. 323.
- ²⁴⁸⁶ Там же. С. 325.
- ²⁴⁸⁷ Там же. С. 327.
- ²⁴⁸⁸ Там же. С. 324.
- ²⁴⁸⁹ См. в т. ч.: Там же. С. 324.
- ²⁴⁹⁰ См.: Там же. С. 322.
- ²⁴⁹¹ Там же. С. 332.
- ²⁴⁹² Там же. С. 323. Второй вариант — «четыремиллионная армия в пять лет».
- ²⁴⁹³ Там же. С. 325.
- ²⁴⁹⁴ Там же. С. 328.
- ²⁴⁹⁵ Там же. С. 330.
- ²⁴⁹⁶ Там же. С. 331.
- ²⁴⁹⁷ Там же. С. 326.
- ²⁴⁹⁸ Там же. С. 331.
- ²⁴⁹⁹ Там же.
- ²⁵⁰⁰ Там же. С. 334.
- ²⁵⁰¹ Там же. С. 325. Начальник Военной академии РККА заметил, что следует принять меры по замене на 80% вышедших из срока лошадей и что,

если в СССР будет четырехмиллионная армия, «с обывательским обозом справиться будет невозможно» (Там же. С. 326).

²⁵⁰² *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 284.

²⁵⁰³ Там же. С. 287.

²⁵⁰⁴ Там же. С. 285.

²⁵⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 7. Л. 167.

²⁵⁰⁶ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Кн. 1. М., 2003. С. 18.

²⁵⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 2. Л. 22 об.

²⁵⁰⁸ *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация. М., 2010. С. 48—49.

²⁵⁰⁹ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 217.

²⁵¹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

²⁵¹¹ Там же. Л. 84 об.

²⁵¹² Там же. Л. 86.

²⁵¹³ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. С. 130.

²⁵¹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 4. Л. 90 об. Черновик.

²⁵¹⁵ Там же. Л. 90 об. Черновик.

²⁵¹⁶ О разнице во времени свидетельствует то обстоятельство, что правка внесена другой ручкой.

²⁵¹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 4. Л. 88 об.

²⁵¹⁸ Там же. Л. 85.

²⁵¹⁹ *Минаков С.Т.* За отворотом маршальской шинели. С. 194.

²⁵²⁰ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 1. С. 103.

²⁵²¹ Там же. С. 99.

²⁵²² *Кантор Ю.З.* Указ. соч. С. 302.

²⁵²³ На заседании РВС СССР 23 марта 1928 г. (*протокол 18, пункт 2*) был утвержден «Перечень организационных мероприятий на 1929—1933 годы». Комиссии в составе М.Н. Тухачевского (на него возлагался созыв комиссии), В.Н. Левичева, А.М. Постникова и П.Е. Дыбенко предлагалось «пересмотреть, на основе обмена мнениями, финансовое выражение пятилетнего плана и в 7-дневный срок внести окончательные цифры на утверждение РВС СССР». 3-я дивизия переводилась на тер[риториальное] положение. Штабу РККА, совместно с ГУ РККА, предписывалось внести на очередном заседании РВС СССР конкретные предложения об организационных мероприятиях для покрытия излишка пайков по новым формированиям пятилетнего плана, допуская увеличение численности армии мирного времени против численности 1928 г. не более чем на 8 тыс. человек, стремясь к наименьшей ломке существующей организации (РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 129—130. См. подробнее утвержденный на заседании РВС СССР «Перечень организационных мероприятий на 1929—1931 гг.» // Там же. Л. 133—135; «Перечень организационных мероприятий на 1931—1933 гг.» // Там же. Л. 136—138). Окончательное решение о 5-летнем плане строительства РККА было принято РВС СССР 27 апреля 1928 г. (*протокол 20, пункт 1*).

²⁵²⁴ Решение о постройке укрепрайонов было принято на заседании РВС СССР 11 января 1928 г. (*протокол 2а*). Начальник 1-го Управления РККА В.К. Триандафилов выступил с докладом «О необходимости построить укрепрайоны: 1) Карельский, как обеспечивающий Ленинград со стороны Финляндии; 2) Полоцкий и Мозырьский, как обеспечивающие сосредото-

чение и развертывание наших сил; 3) Киевский, как обеспечивающий совместно с Мозырским удержание Киевского района и переправ через Днепр в период развития главных операций». РВС СССР постановил: «1). Признать необходимым в 1927/1928 г. на предусмотренные сметой средства приступить к постройке Карельского укрепленного района, с расчетом закончить все работы по этому району в двухгодичный срок. 2). Предложить начальнику Штаба РККА план и программу постройки Полоцкого, Мозырского и Киевского укрепрайонов представить на рассмотрение и утверждение наркома. 3). Для проведения работ по Карельскому укрепленному району немедленно создать строительный орган. Состав его определить т. Уншлихту [от руки дописано: с докладом наркому]. 4). Начальнику Штаба совместно с Начальником снабжений еще раз пересмотреть все финансовые расчеты в целях их снижения. 5). Подробный исполнительный план работ по Карельскому укрепрайону представить на утверждение к 25 марта 1928 года» (РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 12—13). 20 февраля 1929 г. состоялось расширенное заседание РВС СССР с повесткой дня: итоги строительства РККА, состояние армии и флота, и пятилетний план их развития (1929—1934 гг.).

²⁵²⁵ Слово вписано от руки.

²⁵²⁶ Последняя фраза написана рукой М.Н. Тухачевского.

²⁵²⁷ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 173—174.

²⁵²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 103.

²⁵²⁹ РГВА. Сб. приказов РВС СССР за 1928 г. Приказ РВС СССР № 287 от 15 мая 1928 г.

²⁵³⁰ Там же. Приказ РВС СССР № 690 от 9 ноября 1928 г.

²⁵³¹ *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 105.

²⁵³² Там же. С. 106.

²⁵³³ Там же. С. 105.

²⁵³⁴ См., напр.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 131, 207, 216.

²⁵³⁵ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 203.

²⁵³⁶ Там же. С. 204.

²⁵³⁷ Там же. С. 203.

²⁵³⁸ *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 221.

²⁵³⁹ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 214.

²⁵⁴⁰ Там же. С. 213.

²⁵⁴¹ Там же.

²⁵⁴² Там же.

²⁵⁴³ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 1. С. 112.

²⁵⁴⁴ Там же. С. 99.

²⁵⁴⁵ «Красная армия четко знает свою цель и упорно стремится к ее достижению» / Публ. Ю.З. Кантор. С. 88.

²⁵⁴⁶ Там же. С. 86.

²⁵⁴⁷ *Преображенский Е.А.* Пара штрихов // Недорисованный портрет: 1920 год. М., 1990. С. 72.

²⁵⁴⁸ Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 171. Документ впервые опубликован О.Н. Кеном.

²⁵⁴⁹ Там же. С. 172.

²⁵⁵⁰ Там же. С. 113.

- 2551 *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 381.
- 2552 Там же. С. 383.
- 2553 Там же. С. 384.
- 2554 Там же. С. 394.
- 2555 Там же. С. 395.
- 2556 Курсив мой. — С. В.
- 2557 Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. М., 1995. С. 232—233.
- 2558 Цит. по: *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 396.
- 2559 Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. С. 232.
- 2560 *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 397.
- 2561 Об этом см.: Там же. С. 390.
- 2562 *Сенин А.С.* А.И. Рыков: Страницы жизни. М., 1993. С. 216.
- 2563 Там же.
- 2564 Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. С. 172.
- 2565 Там же.
- 2566 *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 2. С. 62.
- 2567 См.: Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. С. 172 (коммент.).
- 2568 См.: Там же. С. 154.
- 2569 Там же. С. 261.
- 2570 *Хлевнюк О.В.* Хозяин. М., 2010. С. 201.
- 2571 *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 185.
- 2572 *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. 228.
- 2573 Цит. по: Там же. С. 262.
- 2574 Там же.
- 2575 ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 5. Л. 32.
- 2576 *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 269.
- 2577 Там же. С. 270.
- 2578 Там же. С. 302.
- 2579 См.: *Минаков С.Т.* 1937. Заговор был! М., 2012.
- 2580 Цит. по: *Горелик Я.М.* Указ. соч. С. 93—94.
- 2581 *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд. С. 235.
- 2582 Цит. по: Там же. С. 236.
- 2583 Там же. Просьба об освобождении от должности была удовлетворена.
- 2584 Там же. С. 235.
- 2585 *Восленский М.С.* Указ. соч. С. 168.
- 2586 *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 2. С. 139.
- 2587 Там же. С. 208—209.
- 2588 Там же. С. 265.
- 2589 Там же. С. 211.
- 2590 *Восленский М.С.* Указ. соч. С. 168.
- 2591 19 декабря 1919 г. в Москве Тухачевский получил аудиенцию у Ленина, на которой шла речь о нехватке комсостава на Южном фронте, переброске 5-й армии, и в частности ее комсостава, на Южный фронт. Ленин предложил Тухачевскому подготовить доклад на имя зам. председателя РВСР Э.М. Склянского об опыте подготовки красных командиров (*Минаков С.Т.* Военная элита 20—30-х годов XX века. С. 107).

²⁵⁹² См., напр.: *Изонов В.В.* Подготовка военных кадров в России (XIX — начало XX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; *Он же.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // ВИЖ. 2004. № 10. С. 34—38.

²⁵⁹³ **Каледин Алексей Максимович** (1861—1918) — один из организаторов Белого движения — атаман Донского казачьего войска и глава войскового правительства (с 1917), возглавлявший вооруженное выступление против Советской власти (октябрь 1917 — январь 1918) и покончивший с собой после провала выступления.

²⁵⁹⁴ См.: *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 32 и след.

²⁵⁹⁵ См.: *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства. С. 328 и др.

²⁵⁹⁶ Весной—летом 1918 г. генералы старой армии буквально забрасывали подобного рода предложениями Высший военный совет.

²⁵⁹⁷ См.: **Декабрь 1919 г.** Доклад М.Н. Тухачевского Э.М. Склянскому о постановке военно-учебного дела в 5-й армии и о необходимости реформы военно-учебного дела во всех армиях Республики (см.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 181 с об.—184. Машинописный экз.).

²⁵⁹⁸ Документ неоднократно введен в научный оборот, см., напр.: *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Указ. соч. С. 43.

²⁵⁹⁹ Как установили авторы содержательной, снабженной солидным документальным приложением, монографии о М.Н. Тухачевском Н.И. Шило и А.В. Глушко, основу данных «Соображений...» составил рапорт М.Н. Тухачевского в Реввоенсовет Республики с наблюдениями о ходе штурма Кронштадта, в т. ч. о службе в 7-й армии «красных генштабистов», от 22 марта 1921 г. Уже в этом рапорте, как следует из его заключительного фрагмента, предполагалось создание в будущем «Международного Красного Генерального штаба» (см.: *Шило Н.И., Глушко А.В.* Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого стекла. М.: Центрпрограф, 2014. С. 682). Заметим все же, что док. № 3.2.2 настоящей книги, частично опубликованный Н.И. Шило и А.В. Глушко (*Шило Н.И., Глушко А.В.* Указ. соч. С. 683—685) в 2014 г., был уже напечатан нами в 2009 г. (Военно-исторический архив. 2009. № 11).

²⁶⁰⁰ Датируется по времени назначения М.Н. Тухачевского начальником Военной академии РККА.

²⁶⁰¹ Здесь и далее в документе выделенные полужирным курсивом слова набраны верхним регистром.

²⁶⁰² Заголовок документа.

²⁶⁰³ Первым помощником начальника Штаба РККА в этот период был Б.М. Шапошников, с которым М.Н. Тухачевский был, что называется, «на ножах». По более позднему признанию М.Н. Тухачевского, «в Штабе РККА были противопоставлены: т. Шапошников, верная опора прежнего состава центрального аппарата, — мне, представителю нашего (партийных работников. — С. В.) общего недовольства старым центральным аппаратом (см.: Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 43).

²⁶⁰⁴ Реорганизация в собственном смысле слова началась приблизительно в 1923 г., в ряде случаев в историографии ее начало датируется 1924 г. — см., напр.: *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924—1925). М., 1958. М.Н. Тухачевский имеет в виду демобилизацию армии (1921).

В 1921 г. проводилась реорганизация центрального военного аппарата. Согласно справке Управления делами НКВМ по истории организации центрального аппарата военного управления в 1917—1928 гг. от 28 июня 1928 г., система высших и центральных органов военного управления, «принятая в

1918 г., существовала в своей основе в течение всей гражданской войны (до 1921 г.); «в связи с прекращением борьбы на внешних фронтах (после советской польской войны. — С. В.) и переходом к мирному строительству вооруженных сил, было приступлено (так в тексте, правильно: «приступили») к реорганизации центрального [военного] аппарата. Основным мероприятием, проведенным в 1921 г., стало слияние Полевого штаба и Всероссийского главного штаба в единый Штаб РККА 14 февраля 1921 г. (Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 319, 321).

²⁶⁰⁵ Начальником Полевого штаба Реввоенсовета Республики, а после его слияния с Всероссийским главным штабом — Штаба РККА (в 1919—1924 гг.) и одновременно (в 1922—1924 гг.) начальником Военной академии РККА был П.П. Лебедев (Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 500).

²⁶⁰⁶ Самому М.Н. Тухачевскому.

²⁶⁰⁷ Так в тексте.

²⁶⁰⁸ Так в тексте. Правильно: «на 2-м».

²⁶⁰⁹ Так в тексте. Правильно: «на 3-м».

²⁶¹⁰ В 1921 г. были учреждены Военно-академические курсы высшего комсостава РККА «с целью усовершенствования и пополнения военных знаний высшего командного и политического состава РККА, выдвинутого в процессе Гражданской войны из лиц, не получивших систематической военной подготовки» (М.Н. Тухачевский — Там же. С. 46).

²⁶¹¹ А.Е. Снесарев, в отличие от М.Н. Тухачевского, рассматривал откомандование слушателей на фронт не иначе, как ломку учебного процесса.

²⁶¹² В РКП(б) Б.М. Шапошников не состоял.

²⁶¹³ Здесь и далее в предложении в скобках указаны даты создания.

²⁶¹⁴ Точная цитата: «Очень часто мы (большевики. — С. В.) дискутируем по этикеткам, по значкам, по символам, которые фигурируют в печати, в то время как мы дискутируем, по существу дела, по другим вопросам» (XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 133).

²⁶¹⁵ См. подр.: *Мехоношин К.А.* От захвата власти к овладению аппаратом. Воспоминания о первом периоде Наркомвоена // Война и революция. 1928. № 2. С. 32—36.

²⁶¹⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 10.

²⁶¹⁷ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 301.

²⁶¹⁸ Он был в числе 21 делегата, обеспечившего ленинско-плехановской фракции большинство на II съезде РСДРП 1903 г.

²⁶¹⁹ *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. С. 272.

²⁶²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 23 об.

²⁶²¹ См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 142.

²⁶²² Использовано послание И.В. Сталина В.И. Ленину от 3 октября 1918 г.: «если сейчас же не создадим узду для Троцкого (курсив мой. — С. В.), он испортит нам всю армию в угоду „левой“ и „красной“ дисциплине, от которой тошно становится самым дисциплинированным товарищам» (см. подр.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 17. С. 68—69).

²⁶²³ Письмо Г.К. Орджоникидзе от 19 сентября 1928 года (Советское руководство. Переписка. 1928—1941. М., 1999. С. 49).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Пролог. «Указать вождям армии... на... глубоко отрицательные
последствия безрассудной военно-полевой вакханалии».
Троцкий, Свияжск и «дело» Михаила Пантелеева 22

Часть первая

«ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ»

Глава 1. «И избави нас...» Великий князь Николай Николаевич
и идея военной диктатуры в России в начале XX в. 52

Глава 2. «Все силы и средства Социалистической республики...»
Бонапартистские идеи Троцкого и их практическое воплощение.
1918 г. 208

Глава 3. «Перераспред[еление] сил», или «Война — это дело...
всей партии» 220

Часть вторая

«ЗАГОВОР В ПОЛЕВОМ ШТАБЕ»

Глава 1. «Из лучшего бывшего офицерства старой армии...»
Генштабисты 1917 года на защите революции 248

Глава 2. «Наш Полевой штаб — учреждение чисто бумажное...».
Красная Ставка глазами большевиков. 274

Глава 3. Эксперимент ЦК «с оттенком озорства». Чекистское дело
«Ставка» 365

Глава 4. «За ошибочный „план“ борьбы с Деникиным... больше
ответственен почтенный т. Гусев». Чья стратегическая линия
будет проводиться в жизнь? 430

Глава 5. «„Командует“, не интересуясь или не умея следить
за исполнением»: Троцкий и борьба за лидерство в Реввоенсовете
Республики 491

Глава 6. «Непосвященные... зовут наш... штаб „Красной Ставкой“».
Полевой штаб после чистки от «шкурников и проходимцев» 499

Часть третья**«ДВУНОГИХ ТВАРЕЙ МИЛЛИОНЫ»**

<i>Глава 1.</i> «Первой... жертвой буду я, как военспец, а остальные все ступают, став за спину партии». Судьбы арестованных генштабистов	516
<i>Глава 2.</i> «Красный Генеральный штаб» от отца-основателя ГРУ Георгия Теодори до Маршала Советского Союза Михаила Тухачевского	544
Заключение	637
Примечания	648

Войтиков Сергей Сергеевич
АРМИЯ И ВЛАСТЬ
Корнилов, Вацетис, Тухачевский
1905—1937

Ответственный за выпуск *Д.О. Хвостова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 20.04.2016.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 49,0.
Уч.-изд. л. 49,74 + вклейка = 50,8.
Тираж 2 000 экз. Заказ №

ООО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полиграфическо-издательском комплексе «Идел-Пресс»
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, 2

Григорий Яковлевич Соколов
Федор Иванович...
Михаил Иванович...
Совет и правительство.
Знаки умирив.

СЕРГЕЙ ВОЙТИКОВ

АРМИЯ И ВЛАСТЬ

**КОРНИЛОВ, ВАЦЕТИС
ТУХАЧЕВСКИЙ**

АРМИЯ — ВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА ЛЮБОЙ ВЛАСТИ.

**КАК СОХРАНИТЬ БОЕСПОСОБНОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И НЕ БЫТЬ
СВЕРГНУТЫМ? ЭТОТ НЕЛЕГКИЙ ВОПРОС ДОЛЖЕН ПОСТОЯННО ЗАДАВАТЬ
СЕБЕ ЛЮБОЙ ПРАВИТЕЛЬ, ХОРОШО УСВОИВШИЙ ИСТИНУ, ЧТО КОРОНА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ГОЛОВНОЙ УБОР, КОТОРЫЙ
СНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВМЕСТЕ С ГОЛОВОЙ.**

**В НАСТОЯЩЕЙ КНИГЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ ИДЕИ ВОЕННОЙ
ДИКТАТУРЫ И БОЛЬШОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР СО ВРЕМЕН
СОЗДАНИЯ СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ
И ДО ЛИКВИДАЦИИ «АНТИСОВЕТСКОГО ВОЕННО-ТРОЦКИСТСКОГО
ЗАГОВОРА» В ГОДЫ СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА.**

**КЛЮЧЕВЫМ СЮЖЕТОМ КНИГИ ЯВИЛОСЬ ЛЕГЕНДАРНОЕ ДЕЛО «СТАВКА»
1919 г. ОСОБОГО ОТДЕЛА ВЧК, НАХОДЯЩЕЕСЯ НА ХРАНЕНИИ В
ЦЕНТРАЛЬНОМ АРХИВЕ ФСБ РОССИИ. В ИЮЛЕ 1919 г. БЫЛ АРЕСТОВАН
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РЕСПУБЛИКИ
ВАЦЕТИС, А С НИМ — С ДЕСЯТОК ЕГО БЛИЖАЙШИХ СОТРУДНИКОВ.
ПОЧЕМУ СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ НЕНАВИДЕЛИ ТРОЦКОГО? ЧЕГО
ОПАСАЛОСЬ ВЫСШЕЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЕ РУКОВОДСТВО ГОСУДАРСТВА
СОВЕТОВ? КАК ОТРЕАГИРОВАЛ «ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ» ТРОЦКИЙ?
ЧТО ВЫГАДАЛ ДЗЕРЖИНСКИЙ? НА ЭТИ И ДРУГИЕ ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ
ОТВЕЧАЕТ КНИГА МОСКОВСКОГО ИСТОРИКА СЕРГЕЯ ВОЙТИКОВА.**

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ®

ISBN 978-5-227-06574-2

9 785227 065742